ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

I

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ I

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Издание второе,
переработанное и дополненное

Под редакцией
В. А. ЗОРИНА, В. С. СЕМЕНОВА,
С. Д. СКАЗКИНА, В. М. ХВОСТОВА

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1959

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ I

В составлении первого тома
принимали участие:

В. П. ПОТЕМКИН, С. В. БАХРУШИН, А. В. ЕФИМОВ,
Е. А. КОСМИНСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
В. С. СЕРГЕЕВ, С. Д. СКАЗКИН,
Е. В ТАРЛЕ, В. М. ХВОСТОВ

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1959

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание «Истории дипломатии» вышло в свет в 1941—1945 гг. Книга была тепло встречена советской общественностью и переведена на несколько иностранных языков.

В настоящее время ее нельзя найти на книжном рынке, а между тем интерес читателей к истории дипломатии возрос. Великая Отечественная война против гитлеровских захватчиков и последующая борьба Советского государства за сохранение мира, против угрозы истребительной ядерной войны повысили интерес к международным вопросам. В связи с этим назрела необходимость во втором издании.

Первое издание «Истории дипломатии», предпринятое в трех томах, было доведено до начала второй мировой войны. Во втором издании предусматривается продолжить третий том до начала Великой Отечественной войны Советского Союза и, кроме того, добавить новые тома, посвященные истории дипломатии в годы Отечественной войны и в послевоенное время.

Первое издание вышло под редакцией академика *В. П. Потемкина,* скончавшегося в 1946 г. Второе издание подготовляется редакцией в составе: *В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина* и *В. М. Хвостова.*

При подготовке второго издания «Истории дипломатии» учтены новые исследования и публикации источников, исправлены отдельные неточности, некоторые разделы дополнены. Вместе с тем ставилась задача по возможности преодолеть известную односторонность первого издания, уделявшего внимание по преимуществу странам Европы. С этой целью включены дополнительные материалы по истории дипломатии в Азии, особенно в Китае и Индии. Существенно расширено изложение истории дипломатии США.

Редакция была скупа в отношении дополнений фактического порядка: она стремилась сохранить за книгой характер сжатого общего очерка дипломатической истории, доступного широким читательским кругам, и не намеревалась превратить книгу в справочник.

При подготовке второго издания первого тома редакции оказали большую помощь *Н. А. Машкин* и *А. Г. Бокщанин.* Главы по истории дипломатии в древнем мире, написанные покойным В. С. Сергеевым, были переработаны ими с учетом развития науки и новых источников, появившихся за время, истекшее после первого издания книги. *Л. А. Никифоров* провел аналогичную работу над главами, принадлежащими перу покойного С. В. Бахрушина. *А. Л. Нарочницким* внесены некоторые исправления и дополнения в главы Е. В. Тарле. А. Г. Бокщаниным заново написаны параграфы по истории дипломатии древнего Китая и македонско-эллинистической эпохи. Параграфы, посвященные дипломатии Китая и Индии в средние века, которых не было в первом издании, написаны *Л. В. Симановской* и *К. А. Антоновой.* В главе III второго раздела книги параграфы 5 и 6 принадлежат *Ф. А. Коган-Бернштейн.* Глава IV четвертого раздела написана для второго издания заново *С. Б. Каном,* глава VI *А. В. Ефимовым,* а главы IX, X, XVII, XVIII *А. Л. Нарочницким.* Большую помощь оказали редакторам своими советами тт. *В. И. Авдиев, Н. Н. Болховитинов, С. И. Дивильковский, И. В. Евстигнеев, Т. Т. Пашуто, Б. Ф. Поршнев, А. В. Фадеев, Л. В. Черепнин, С. Л. Утченко.*

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия появилась в седой древности. Зачатки ее имелись уже в родовом обществе. Однако о дипломатии в подлинном смысле этого слова можно говорить лишь с развитием государства. Характеризуя развитие общественных отношений, Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»[1]. Дипломатия является частью политической надстройки. Ее характер определяется общественными отношениями, свойственными различным экономическим формациям и прежде всего классовой природой того государства, которому она служит. Дипломатия является одним из средств внешней политики государства. В древнем мире дипломатия выполняла внешнеполитические задачи государств, экономическую основу которых составляло рабовладение.

Рабовладельческий строй не оставался неподвижным. В процессе своего исторического развития он прошел несколько последовательных стадий. Раннее рабовладение, еще не вполне отделившееся от общиннородового строя, лежало в основе государственных образований древнего Востока — египетской деспотии, месопотамских государств, царства хеттов, Ассирии, Персии, древних государств Китая и Индии. В военно-теократических державах древнего Востока, опиравшихся на силу внеэкономического принуждения, внешняя политика диктовалась главным образом завоевательными интересами: захват

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 13, стр. 6—7.

земель, рабов, скота, грабеж соседних стран составляли главную цель войн. Международные споры разрешались обычно вооруженной силой. Но в то же время государства древнего Востока развивали также и оживленную дипломатическую деятельность. Дипломатические сношения велись от лица царей. Властелины древнего Востока почитались как боги, воплощая в своем лице все государство. Они имели в своем распоряжении особых «царских слуг» — чиновников, писцов, гонцов.

В соответствии с основными задачами завоевательной внешней политики военно-теократических царств Востока их централизованная дипломатия разрешала сравнительно ограниченный круг вопросов. Однако уже тогда появились различные типы договоров, сложился обычай направлять посольства для урегулирования различных проблем международной жизни, возникла военно-политическая разведка.

Более развитое рабовладение, связанное с товарно-денежным хозяйством и ростом приморских городов, лежало в основе общественно-политического строя античных государств — Греции и Рима.

Внешняя политика греческих государств-городов («полисов») определялась интересами борьбы за расширение территории, за приобретение рабов, за рынки. Отсюда вытекали: стремление к гегемонии, к обеспечению внешней безопасности государства, поиски союзников и образование военных группировок, колониальная экспансия. Дипломатия греческих полисов поднималась до идеи защиты национальной независимости. Так было, например, в годы Персидских войн, когда иноземное нашествие грозило самостоятельности Эллады.

Дипломатическая деятельность античных полисов выражалась в оживленных переговорах, обмене посольствами, созыве межгосударственных совещаний, заключении оборонительных и наступательных союзных договоров. Так постепенно вырабатывались организация, методы и средства дипломатии.

Во всей полноте деятельность дипломатии государств классической Греции развертывается в период, последовавший за греко-персидскими войнами, когда два крупнейших военно-политических союза — Афинский и Пелопоннесский — боролись за преобладание в эллинском мире. В дальнейшем не менее напряженная деятельность дипломатии разгорается с выступлением на общегреческую арену новой силы — Македонского царства, которое воплощало в себе объединительные тенденции определенных кругов Греции в сочетании с колониальной экспансией на Восток.

На Западе, в Римской республике, наибольшая активность дипломатии наблюдается в период Пунических войн и борьбы Рима с восточными эллинистическими державами.

На дипломатию античных республик наложили отпечаток особенности политического строя рабовладельческой демократии. Послы республик выбирались на открытых собраниях полноправных граждан и по окончании своей миссии отдавали им отчет. Каждый полноправный гражданин, если он находил неправильными действия посла, мог требовать привлечения его к судебной ответственности. Наиболее последовательно эти принципы были проведены в греческих республиках, в меньшей степени — в Риме; здесь народное собрание решало лишь общие вопросы о войне и мире, постоянным же руководителем внешней политики являлся орган римской знати — Сенат.

В последние два века Римской республики и в первые два столетия империи рабовладение достигло наивысшего развития в античном мире. В этот период Римское государство постепенно складывается в централизованную империю. Внешняя политика императорского Рима преследовала две основные цели: укрепление и расширение мировой державы, созданной в эпоху республики и вобравшей в себя почти все страны известного тогда римлянам «круга земель», и оборону ее границ от нападения соседних народов. В первые века империи захватнические цели еще доминировали в ее дипломатической деятельности. В дальнейшем империи пришлось перейти к обороне.

На Востоке, в своей борьбе и сношениях с Парфянским царством, дипломатия Римской империи уже при первых императорах постепенно отказывалась от попыток дальнейшей экспансии и переходила к искусному маневрированию.

На Западе римская дипломатия стремилась ослабить напор «варваров», как называли римляне племена Центральной и Восточной Европы, и использовать их в своих интересах в качестве военной и рабочей силы.

Одновременно римской дипломатии приходилось разрешать задачу поддержания целостности империи путем соглашений между отдельными частями Римской державы. В связи с централизацией государственной власти руководство внешней политикой императорского Рима осуществлялось главой государства — императором, при посредстве его личной канцелярии.

Техника дипломатии императорского Рима стояла на довольно высоком уровне; она отличалась сложной и тонкой разработкой приемов и форм.

Уже с конца II в. нашей эры появляются признаки распада Римской империи, связанного с кризисом рабовладельческого способа производства: его вытесняют новые, полуфеодальные, способы эксплуатации труда (колонат и вольноотпущенничество). Все это обостряло внутренние противоречия империи, подрывало ее хозяйственную и военную мощь и ослабляло активность внешней политики Рима. В соответствии с упадком

военной и политической силы Римской державы понижался и уровень ее дипломатии.

На содержании и формах дипломатической деятельности Поздней империи заметно сильное влияние восточных государств, в особенности Персии, и «варварского» мира.

В древнем Китае и в Индии зарождение дипломатических отношений относится ко времени возникновения там древнейших государственных образований. По мере развития древнеиндийской и китайской цивилизации участился обмен посольствами, появились письменные договоры, обращения одних правителей к другим, письменные или вещественные доказательства посольских полномочий, отчеты послов о выполнении порученных им миссий. Установился и своеобразный этикет при ведении дипломатических переговоров.

Послы правителей Китая и Индии со временем стали появляться в далеких от их родины странах. Ведя активную внешнюю политику, цари индийской империи Маурья и государства Кушанов поддерживали обмен посольствами со среднеазиатскими государствами, Египтом, Сирией, Македонией. Известно о приездах индийских послов в Римскую империю.

Китайские императоры из династии Хань обменивались посольствами с царями Ирана, государями среднеазиатских монархий, вождями кочевых племенных объединений Центральной Азии, правителями Кореи, государств юго-восточной окраины азиатского материка, японских островов.

Заключая соглашения и союзы с одними соседями против других, китайские дипломаты в своих интересах умело использовали противоречия и вражду между ними. Руководители китайской державы делали попытки установить дипломатические связи с Римской империей, но не добились успеха в результате противодействия парфян, опасавшихся неблагоприятных для себя последствий развития римско-китайских отношений.

В странах Дальнего Востока и Южной Азии так же сложился круг цивилизованных государств, как и в Средиземноморье. Но вследствие дальности расстояний культурные и политические взаимоотношения между этими двумя великими очагами цивилизации в древности были еще очень слабы. Примитивность средств транспорта и связи создавала препятствия для установления регулярных взаимоотношений между ними. В течение трех веков (с I в. до нашей эры по конец II в. нашей эры) более или менее регулярно функционировал «великий шелковый путь» — караванная тропа, по которой из района Мерва через долину Ферганы и далее через Синь-Цзянь проходили караваны с Запада на Восток и обратно. Однако с начала III в. в связи с обострением социальной борьбы и передвижениями кочевых племен эти связи были надолго прерваны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. Документы древневосточной дипломатии

Эль-амарнская переписка (XV—XIV вв. до нашей эры)

История древнего Востока сохранила для нас некоторое количество документов — дипломатических писем, договоров и других международных актов, свидетельствующих об оживленных сношениях между древневосточными царствами.

Одним из крупнейших государств Древнего Востока был Египет. Уже в III тысячелетии до нашей эры египетские цари делали попытки завязать отношения с соседними странами. В эпоху правления царей VI династии (XXV в. до нашей эры) египтяне снаряжали посольские экспедиции в страну Пунт, находившуюся на южном побережье Красного моря. Египетские посланцы приплывали на кораблях и вели переговоры с вождями местных племен.

К началу II тысячелетия до нашей эры сношения Египта с соседними государствами, сложившимися в Азии, сделались более частыми. В Египте при царском дворе появилась особая категория служителей, которых посылали гонцами к азиатским народам. В литературном произведении «Поучение Ахтоя», написанном в ту эпоху, писец, рассказывая сыну о выгодах своей профессии и об отрицательных сторонах других специальностей, упоминает и о работе гонца. Он говорит: «Когда гонец выходит в чужую страну, он завещает свое имущество... из-за страха перед львами и азиатами. И если он вернулся в Египет, едва достиг он сада, едва достиг он дома своего вечером, и вновь ему надо идти ...Когда он уходит, кирпич у него за поясом». В другом литературном памятнике этого же периода — «Рассказе египтянина Синухета» — также встречается упоминание об египетских послах, ездивших в азиатские страны. В этом произведении некий египтянин, поселившийся во владениях одного из сирийских царьков, рассказывал о гостеприимстве, которое он оказывал посланцам фараона: «Посол, отправлявшийся на север или юг ко двору, останавливался у меня...»

Древний Восток знал практику дипломатических переговоров перед открытием военных действий. В XVI в. до нашей эры в момент крайнего обострения отношений между захватившими северную часть Египта кочевниками-гиксосами и фиванскими царями вождь гиксосов предъявил правителю Фив невыполнимое требование, угрожая в случае отказа начать войну. Это древнейший из известных в истории международных отношений случай предъявления ультиматума.

После напряженных войн, закончившихся изгнанием гиксосов из Египта, и ряда походов царей XVIII династии в соседние азиатские страны между правителями Египта и другими древневосточными государствами установился систематический обмен посольствами.

Границы Египта при XVIII династии (середина II тысячелетия до нашей эры) доходили до отрогов Тавра и до реки Евфрат. В это время Египет играл первенствующую роль в международной жизни древнего Востока. Египтяне поддерживали оживленные торговые, культурные и политические связи со всем известным им миром — с государством хеттов в Передней Азии, с государствами северной и южной Месопотамии (Митанни, Вавилон, Ассирия), Критским царством и островами Эгейского моря, с сирийскими и палестинскими князьями, которые при XVIII династии, особенно в результате походов фараона Тутмоса III, были подчинены египетскому владычеству. Дипломатической перепиской в Египте заведовала особая государственная канцелярия по иностранным делам.

Из многочисленных памятников древневосточной дипломатии наибольший интерес по объему и богатству содержания представляют эль-амарнская переписка и договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III, заключенный в 1296 г. до нашей эры. Амарна — местность на правом берегу Нила в Среднем Египте, где некогда находилась резиденция египетского фараона Аменхотепа IV. В 1887—1888 гг. там был открыт архив, содержащий дипломатическую переписку фараонов XVIII династии — Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV (середина II тысячелетия, XV—XIV вв. до нашей эры). Сохранилось около 360 глиняных табличек, представляющих письма к названным фараонам от царей других государств и подвластных сирийских князей. Существенным дополнением к эль-амарнскому архиву служит архив хеттского царя Суппилулиумы из Богаз-Кёй, столицы хеттского государства (недалеко от современной Анкары).

Большую часть эль-амарнского архива составляют письма сирийских и палестинских князей к фараону, от которого они зависели. Сирийские и палестинские княжества играли роль буферных государств между двумя крупнейшими державами

древневосточного мира — государством хеттов, с одной стороны, и Египтом — с другой. Фараону было выгодно поддерживать постоянную вражду между князьями и таким образом укреплять свое влияние в Сирии. Главное содержание писем сиро-палестинских князей составляют: обмен взаимными приветствиями и любезностями, переговоры о заключении браков, просьбы к фараону о присылке военной помощи, золота и подарков. «Золота же в Египте, — постоянно повторяется в письмах, — так много, как песка». К приветствиям и просьбам присоединяются жалобы, доносы и клевета князей друг на друга. В переписке имеются также сообщения об отправке караванов.

Владычество над Сирией и Палестиной привело фараонов к более оживленным сношениям с царями Митанни и Вавилона. В эль-амарнском архиве сохранились дипломатические письма вавилонских и митаннийских царей к Аменхотепу III и Аменхотепу IV. Содержание этих писем довольно разнообразно, но речь всегда идет о самих царях, личность которых отождествляется со всем государством. Аменхотеп III желает иметь в своем гареме вавилонскую царевну и уведомляет об этом своего «брата», вавилонского царя Кадашман-Харбе. Вавилонский царь медлит с удовлетворением этой просьбы, ссылаясь на печальную участь своей сестры, одной из жен фараона. В ответном письме фараон жалуется на недобросовестность вавилонских послов, доставивших царю ложные сведения о положении его сестры. Кадашман-Харбе со своей стороны упрекает фараона в недостаточно вежливом обращении с его уполномоченными. Их даже не пригласили на юбилейный праздник...

В конце концов Кадашман-Харбе соглашается отправить свою дочь в гарем фараона, но в благодарность за это желает получить себе в жены египетскую царевну, золото и подарки. Ответное письмо вавилонского царя начинается с обычных приветствий и изъявлений «братской» преданности: «Царю египетскому, моему брату, Кадашман-Харбе, царь Кардуниаша[1], твой брат. Привет твоему дому, твоим женам, всей твоей стране, твоим колесницам, твоим коням, твоим вельможам, всем большой привет». Заканчивается послание настойчивым требованием присылки золота и подарков. «Что касается золота, — пишет царь, — шли мне золото, много золота, шли его до прибытия посольства. Пришли его теперь же, как можно скорей, в эту жатву».

Столь же настойчив в требовании золота и царь Митанни Тушратта. Свое послание Аменхотепу IV он заканчивает такими словами: «Итак, пусть брат мой пришлет мне золото в таком

[1] Вавилона.

большом количестве, которого нельзя было бы и исчислить... Ведь в стране моего брата много золота, столько же, сколько и земли. Боги да устроят так, чтобы его было еще больше в десять раз». Со своей стороны Тушратта готов оказать фараону какие-либо услуги и прислать всякие дары. «Если брат мой чего-либо пожелает для своего дома, я отдам в десять раз больше, чем он требует. Моя земля — его земля, мой дом — его дом».

Все эти документы составлены клинописью, на вавилонском языке — дипломатическом языке того времени.

Уже в XIV в. до нашей эры большого могущества достигло государство хеттов. В дни Аменхотепа IV, особенно же во время смут, наступивших в Египте после его смерти, хетты с успехом выступали в качестве соперников египтян в Сирии и Палестине. Сближение Египта с Вавилоном и Митанни стимулировалось общей угрозой со стороны царства хеттов.

Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III (1296 г. до нашей эры)

XIV—XIII века до нашей эры были заполнены ожесточенными войнами между хеттами и Египтом. Войны в одинаковой степени истощили обоих противников. Общее ослабление, отсутствие надежды на полную победу и опасения хеттов в связи с возможностью нападения ассирийцев заставили борющиеся стороны пойти на обоюдные уступки и заключить дружественное соглашение. В 1296 г. до нашей эры был заключен мир и подписан договор между фараоном XIX династии Рамсесом II и хеттским царем Хаттушилем III. Инициатива мира и дружественного соглашения исходила от хеттского царя. После долгих предварительных переговоров Хаттушиль послал Рамсесу проект договора, начертанный на серебряной доске. В удостоверение подлинности документа на передней стороне доски имелось изображение царя, стоящего рядом с богом ветра и молнии Тешубом, а на оборотной стороне — царицы в сообществе солнечной богини Аринны.

Рамсес принял условия мира, предложенные ему хеттским царем, и в знак согласия отправил Хаттушилю другую серебряную доску с начертанным на ней текстом мирного договора. Оба экземпляра были скреплены государственными печатями и подписями.

Договор сохранился в трех редакциях (надписях) — двух египетских, в Карнаке и Рамессее, и одной хеттской, открытой в Богаз-Кёе. Сохранился не только текст договора, но и упоминание о ранее существовавших договорах и о переговорах, предшествовавших его заключению. Договор состоит из трех частей: 1) введения или преамбулы, 2) текста договорных статей и 3) заключения — обращения к богам, клятв в соблюдении принятых обязательств и проклятий нарушителю договора.

Во введении говорится, что испокон веков хетты и египтяне не были врагами, между их царями и ранее заключались договоры. Отношения между ними испортились лишь в дни печального царствования брата Хаттушиля, сражавшегося с Рамсесом, великим царем Египта. Со дня подписания настоящего «прекрасного договора» между царями устанавливаются на вечные времена мир, дружба и братство. «После того, как я стал царем хеттов, я с великим царем Египта Рамсесом и он со мной пребываем в мире и братстве. Это будет лучший мир и братство из существовавших когда-либо на земле». «Да будет прекрасный мир и братство между детьми детей великого царя хеттов и Рамсеса, великого царя Египта. Египет и страна хеттов да пребывают, подобно нам, в мире и братстве на все времена».

Между хеттами и Египтом заключался военный союз. «Если пойдет какой-либо враг против владений Рамсеса, то пусть Рамсес скажет великому царю хеттов: иди со мной против него со всеми твоими силами». Договор предусматривал поддержку против врага не только внешнего, но, по-видимому, также и внутреннего. Союзники гарантировали друг другу помощь на случай восстаний и мятежей в подвластных им областях. Имелись в виду главным образом азиатские (сиро-палестинские) области, в которых не прекращались войны, восстания, разбойничьи налеты и грабежи. «Если Рамсес разгневается на своих рабов[1], когда они учинят восстание, и пойдет усмирять их, то заодно с ним должен действовать и царь хеттов».

Особой статьей предусматривалась обоюдная выдача политических перебежчиков знатного и незнатного происхождения. «Если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну хеттов, то царь хеттов не будет его задерживать в своей стране, но вернет в страну Рамсеса». Вместе с перебежчиками возвращаются в целости также и все их имущество и люди. «Если убежит из египетской земли один, два, три и т. д. человека в землю хеттов, то они должны быть возвращены в землю Рамсеса». Как они сами, так и их имущество, жены, дети и рабы возвращаются в полной невредимости. «Да не казнят их, да не повредят их глаз, уст и ног».

В свидетели верности и точности выполнения договора призываются боги и богини обеих стран. «Все, начертанное на серебряной доске, тысяча богов и богинь страны хеттов обязуются исполнять по отношению к тысяче богов и богинь Египта. Они свидетели моих слов». Затем следует длинный перечень

[1] В договоре Рамсес II рассматривается, как повелитель и господин населения сирийских и палестинских владений Египта.

египетских и хеттских богов и богинь: «боги и богини гор и рек страны Египта, неба и земли, моря, ветра и бури...» За нарушение договора угрожают страшные кары. За честное его выполнение боги даруют здоровье и благоденствие: «Да сгинут дом, земля и рабы того, кто нарушит сии слова. Да будет здравие и жизнь тому, земле и рабам того, кто их сохранит».

Обмен дипломатическими письмами и посольствами продолжался и после заключения «прекрасного договора». Обменивались письмами не только цари, но и царицы. Египетская и хеттская царицы выражали друг другу радость по поводу «прекрасного мира» и «прекрасного братства», установившегося между двумя могущественными деспотиями.

После смерти египетской царицы политический союз между хеттами и Египтом был скреплен династическим браком — женитьбой Рамсеса на дочери Хаттушиля, который лично приехал в Египет и присутствовал на бракосочетании. Это было первое исторически засвидетельствованное дипломатическое свидание правителей двух крупных государств.

Для истории дипломатии договор Рамсеса с Хаттушилем имеет большое значение. Это древнейший из известных нам памятников международного права подобного рода. В договоре Рамсеса — Хаттушиля нашла свое отражение характерная черта государственного строя стран древнего Востока — полное отождествление государства с личностью носителя верховной власти. Все переговоры велись исключительно от имени царя.

Отдельные статьи договора содержат обязательства о ненападении и взаимной помощи. Эти понятия уже начинали складываться. Достойно внимания, что помощь предусматривается также в виде обусловленного сторонами обоюдного содействия для подавления внутренних восстаний.

Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII—VII вв. до нашей эры)

В последующие столетия Египет и царство хеттов слабеют и постепенно утрачивают руководящую роль в международных отношениях Востока. Первенствующее значение приобретает государство Передней Азии — Ассирия, с главным городом Ашур на среднем течении реки Тигра в Месопотамии. Первоначально Ассирия представляла небольшое княжество (патесиат), состоявшее из нескольких земледельческих и скотоводческих общин. Но постепенно, приблизительно с XIV в. до нашей эры, ее территория начинает расширяться, и Ассирия превращается в одно из самых сильных государств древнего Востока. Уже в эпоху эль-амарнской переписки ассирийские цари называют себя в надписях «повелителями вселенной», которых боги призвали господствовать над «страной, лежащей между Тигром и Евфратом».

В ранний период своей истории Ассирия входила в состав Вавилонского царства, и царь Ашура подчинялся царю Вавилона. Но эта зависимость постепенно ослабевала, и ассирийские цари становились самостоятельными. Вавилоняне против этого протестовали, но их протесты не имели успеха. Первое упоминание об Ассирии как самостоятельной державе мы находим в эль-амарнской переписке, где говорится о прибытии ассирийских послов в Египет. Против принятия их египетским фараоном Аменхотепом IV решительно протестовал вавилонский царь Бурнабуриаш, который считал себя главой Ашура. «Зачем, — спрашивает он своего союзника Аменхотепа, — они пришли в твою страну? Если ты расположен ко мне, не вступай с ними в сношения. Пусть они уезжают, ничего не добившись. Со своей стороны шлю тебе в подарок пять мин голубого камня, пять конных упряжек и пять колесниц». Однако фараон не счел возможным удовлетворить просьбу своего друга и не отказал в приеме послам ассирийского царя.

Усиление Ассирии внушало тревогу правителям наиболее крупных соседних держав — хеттского царства и Египта. Под влиянием этого опасения и был заключен договор 1296 г. между Рамсесом II и Хаттушилем III, косвенно направленный против Ассирии.

Таковы были первые шаги ассирийских царей на международном поприще.

Своего наибольшего могущества Ассирийское царство достигает, однако, лишь позже, при Саргонидах (VIII—VII вв. до нашей эры) — Саргоне, Синахерибе и Ашурбанипале. Главным городом при Саргонидах становится Ниневия, на север от Ашура. Саргониды — выходцы из среды военачальников — провели крупные реформы в политическом и военном строе Ассирии, увеличили численность ассирийского войска и повели широкую завоевательную политику.

Движущей силой ассирийской политики являлось стремление завладеть плодородными оазисами, захватить месторождения металлов, добычу и людей и, кроме того, установить свое господство над важнейшими торговыми путями. В то время в данном географическом районе большое значение имели две торговые артерии. Одна из них шла от Великого (Средиземного) моря к Месопотамии и далее в восточном направлении. Другая торговая дорога вела из Месопотамии на юго-запад, в сторону Сиро-Палестинского побережья и далее в Египет.

До возвышения Персии Ассирия была самой обширной древневосточной державой. Географическое положение ее вызывало постоянные столкновения с соседями, вело к непрерывным войнам и заставляло ассирийских правителей проявлять

изобретательность как по части военной техники, так и в области дипломатического искусства.

Наступательная политика ассирийских царей вызывала сильное беспокойство среди государств Переднего Востока и заставляла их забывать взаимные распри перед лицом общей опасности. Против Ассирии образовались три внушительные коалиции: первую, на юго-западе, возглавлял Египет, вторую, на юго-востоке, — Элам и третью, на севере, — Урарту. Все эти коалиции были очень пестры по своему составу, что облегчало победу ассирийцев. В конце VIII в. до нашей эры Саргон при Рафии в Палестине разбил союзников египетского фараона и затем обратился против второй, эламско-халдейской, коалиции на востоке. При этом он весьма искусно использовал недовольство халдейских городов вавилонским царем Мардук-Белиддином. Ассирийский царь выступал якобы защитником вольностей халдейских городов, нарушенных его противником. Халдейские города получили прежние права, а победитель Саргон провозгласил себя вавилонским царем. Таким образом, Ашур и Вавилон были связаны на некоторое время личной унией, причем политическая гегемония переходила к Ассирии.

Во главе третьей коалиции, с которой приходилось бороться Саргону II, стояло царство Урарту, или Ванское царство, находившееся на территории современной советской и турецкой Армении. Центр Урарту был расположен близ озера Ван, а столицей являлся город Тушпа[1]. Возвышение Урарту относится ко второй половине VIII в., т. е. к правлению царя Сардура (760—730 гг. до нашей эры) и его преемников. Урарту приобрело широкую известность своими замечательными металлическими изделиями, оросительными сооружениями, обилием скота и богатством плодов. Урартские народы образовали среди гор и в речных долинах множество мелких княжеств, управляемых местными князьями. Позднее эти мелкие политические тела объединились в крупные союзы, опасные для Ассирии. Так как в Закавказье издавна добывались высококачественные сорта железа, получившего широкое распространение в период политического преобладания Ассирии, то возвышение последней находилось в прямой связи с переходом от бронзы к железу. Ассирийцев называли «железными людьми». Весьма вероятно, что большая часть железа и меди, открытых в развалинах дворца Саргона в Хорсабаде, была получена из Урарту.

Политическое значение государства Урарту, знакомством с которым наука обязана главным образом трудам русских ученых (М. В. Никольский, И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский

[1] Современный г. Ван.

и др.), очень велико. Через Урарту история народов древнего Востока органически связывается с прошлым народов СССР.

Сыну Саргона II Синахерибу (705—681 гг. до нашей эры) вновь пришлось бороться с враждебным блоком, в состав которого входили сиро-палестинские города во главе с Тиром, иудейский царь Езекия, египетские фараоны Эфиопской династии и др.

После долгого периода упадка Египет снова окреп и представлял собой серьезного противника. Одновременно против Ассирии создалась другая коалиция на Востоке. Центром ее являлись Элам и Вавилон, ибо ассиро-вавилонская уния оказалась недолговечной. Синахериб использовал исконную вражду Тира и Сидона и тем самым значительно ослабил силы врагов. В 701 г. до нашей эры он осадил Иерусалим и заставил царя Езекию уплатить тяжелый выкуп в 30 талантов золота и 300 талантов серебра. В то же самое время с египетским фараоном Синахериб заключил мирный договор. Печати, скреплявшие договор, с именами подписавших его царей найдены в развалинах дворца в Ниневии. Из документов явствует, что международный престиж Египта в глазах ассирийцев стоял невысоко. При переговорах в городе Иерусалиме ассирийский посол сравнивал Египет с надломленной тростью, которая сломается и вонзится в руку тому, кто попытается на нее опереться. И действительно ассирийцам удалось нанести поражение своим западным противникам. Разгром западной коалиции позволил ассирийскому царству сосредоточить все силы против своих противников на Востоке, следствием чего было повторное завоевание и разрушение ассирийцами Вавилона (689 г. до нашей эры) — одного из наиболее важных культурных центров Востока.

Вавилонская хроника сообщает, что эламский царь, пытавшийся вторгнуться в Вавилонию с целью оказать помощь вавилонскому царю, «умер, не будучи болен, в своем дворце». Другими словами, царь был умерщвлен сторонниками ассирийского монарха. К такого рода методам древняя дипломатия прибегала нередко, как и дипломатия более позднего времени.

Дипломатия царя Ашурбанипала (668—626 гг. до нашей эры)

Последним могущественным царем Ассирии был Ашурбанипал (668—626 гг. до нашей эры). Личность и политика этого царя достаточно полно освещены благодаря открытию в XIX в. государственного архива и библиотеки Саргонидов, которые найдены были в развалинах царских дворцов в Ниневии и Куюнджике, недалеко от Ниневии. Клинописная библиотека Саргонидов содержит богатый материал по всем отраслям общественной и государственной жизни Ассирии, в том числе и по дипломатии. По

количеству и ценности исторических данных ассирийские архивы, имеющие около двух тысяч документов, значительно превосходят эль-амарнскую переписку.

Большая часть материала названных архивов относится ко времени Ашурбанипала. Его царствование проходило в напряженной борьбе с антиассирийскими коалициями, которые возникали то на одной, то на другой границе. Сложнее всего обстояло дело в Египте. Здесь политика Ассирии наталкивалась на отчаянное сопротивление со стороны фараонов Эфиопской династии, которые в эту эпоху правили Египтом. Самым крупным из них был Тахарка. С целью ослабления эфиопского влияния в Египте Ашурбанипал поддерживал египетского царевича Нехо, который проживал в Ассирии в качестве военнопленного. При ассирийском дворе Нехо пользовался особым почетом. Ему были подарены царем дорогие одежды, меч в золотых ножнах, колесница, лошади и мулы. С помощью своих египетских друзей и ассирийских отрядов Нехо победил Тахарку и завладел египетским престолом. Однако сын Нехо Псаметих изменил ассирийскому владыке. Опираясь на поддержку ливийских и греческих наемников, он отделился от Ассирии и восстановил независимость Египта (645 г. до нашей эры).

Основанная Псаметихом новая, по счету XXVI, династия с главным центром в городе Саисе просуществовала до завоевания Египта персами (525 г. до нашей эры).

Примириться с утратой Египта Ашурбанипала вынудили события в Эламе и Вавилоне. В течение всего правления Саргонидов Вавилон являлся центром международных союзов и политических интриг, направленных против Ассирии. Кроме того, независимость Вавилона препятствовала государственной централизации, которую проводили ассирийские цари. Наконец, полное подчинение старинного торгового и культурного города развязывало руки ассирийским царям в отношении двух враждебных им стран — Египта и Элама. Всем этим объясняется долгая и упорная борьба Ассирии с Вавилоном.

При Ашурбанипале «наместником Бела» (Вавилона) стал младший брат царя Шамаш-Шумукин. Однако он изменил Ашурбанипалу, провозгласил независимость Вавилонского царства, а себя объявил вавилонским царем. Из Вавилона в различные страны, ко всем царям и народам были отправлены посольства с целью вовлечения их в общий союз против Ассирии.

На призыв Шамаш-Шумукина откликнулись многие цари и народы, от Египта до Персидского залива включительно.

Кроме Египта, в союз вошли мидяне, эламиты, финикийские города, Лидийское царство и арабские шейхи — словом, все, боявшиеся усиления политической гегемонии Асси-

рии. Узнав о военных приготовлениях Шамаш-Шумукина, Ашурбанипал объявил его узурпатором и стал готовиться к войне.

Враги Ассирии оказались достаточно сильными, и вследствие этого Ашурбанипалу пришлось вести борьбу с большой осторожностью. Было очевидно, что исход всей кампании зависит от поведения таких богатых и влиятельных городов Междуречья, как Вавилон и Ниппур, и соседнего царства Элама. Это понимал и ассирийский царь. Поэтому он использовал дипломатические каналы, немедленно обратившись к названным городам с посланием, текст которого сохранился в царском архиве. Содержание этого одного из важнейших документов дипломатии древневосточных народов заслуживает внимания. Он гласил: «Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья. Я обращаюсь к вам по поводу пустых слов, сказанных вам лживым человеком, именующим себя моим братом. Я знаю все, что он говорил вам. Все его слова пусты, как ветер. Не верьте ему ни в чем. Я клянусь Ашуром и Мардуком, моими богами, что все слова, произнесенные им против меня, достойны презрения. Обдумав в своем сердце, я собственными моими устами заявляю, что он поступил лукаво и низко, говоря вам, будто я «намереваюсь опозорить славу любящих меня вавилонян, так же как и мое собственное имя». Я таких слов не слыхал. Ваша дружба с ассирийцами и ваши вольности, которые мною установлены, больше, чем я полагал. Не слушайте ни минуты его лжи, не грязните вашего имени, которое не запятнано ни передо мною, ни перед всем миром. Не совершайте тяжкого греха перед богом...

Имеется еще нечто такое, что, как мне известно, вас сильно тревожит. «Так как, — говорите вы, — мы уже восстали против него, то он, покорив нас, увеличит взимаемую с нас дань». Но это ведь дань только по названию. Так как вы приняли сторону моего врага, то это уже можно считать как бы наложенной на вас данью и грехом за нарушение клятвы, принесенной богам. Смотрите теперь и, как я уже писал вам, не порочьте вашего доброго имени, доверяясь пустым словам этого злодея.

Прошу вас в заключение как можно скорее ответить на мое письмо. Месяц Аир, 23 числа. Грамоту вручит царский посол Шамаш-Балат-Суикби».

Обращение Ашурбанипала к населению Вавилона и обещание сохранять впредь вольности города имели решающее значение для всей последующей истории отношений с вавилонским царем. Города отпали от Шамаш-Шумукина и перешли на сторону Ашурбанипала.

Сохранение союза Вавилона с Ашурбанипалом нанесло удар всему движению, поднятому Шамаш-Шумукином.

Сохранилось еще другое обращение того же ассирийского царя к жителям города Ниппура, в котором тогда находился ассирийский представитель Белибни. К сожалению, этот документ сильно испорчен, что затрудняет точную передачу его смысла.

По обычаю того времени царское послание начинается торжественным приветствием:

«Слово царя вселенной к Белибни и гражданам города Ниппура, всему народу, старому и молодому.

Я пребываю в добром здравии. Да будут ваши сердца по сему случаю преисполнены радости и веселья».

Далее следует изложение самой сущности дела. Речь, повидимому, идет о поимке главы антиассирийской партии, покинувшего Ниппур после взятия города ассирийскими войсками. «Вы знаете, — пишет царь, — что вся страна разрушена железными мечами Ашура и моими богами, выжжена огнем, вытоптана копытами животных и повержена ниц перед моим лицом. Вы должны захватить всех мятежников, которые ищут ныне спасения в бегстве. Подобно человеку, который у дверей просеивает зерна, вы должны отделить его (главу мятежников — *Ред.*) от всего народа. Вам надлежит занять указанные вам места. Конечно, он изменит теперь свой план побега... Вы не должны никому позволять выходить из ворот города без тщательного обыска. Он не должен уйти отсюда. Если же он каким-либо путем ускользнет через лазейку, то, кто позволит ему это сделать, будет строго мною наказан со всем своим потомством. Тот же, кто захватит его и доставит ко мне живым или мертвым, получит большую награду. Я повелю бросить его на весы, определю его вес и доставившему его мне уплачу количество золота, равное этому весу...

Прочь всякую медлительность и колебания. Прочь! Я уже писал вам об этом. Вам дано строгое повеление. Следите, чтобы связали его, прежде чем он уйдет из города» [1].

Другим источником для знакомства с ассирийской дипломатией служат тайные донесения царских уполномоченных. Во всех городах «царь вселенной» имел своих людей, которые обычно именовали себя в переписке царскими рабами или слугами. Из этих донесений видно, с каким вниманием ассирийские уполномоченные следили за всем, что происходило в пограничных областях и соседних государствах. О всем замеченном: приготовлениях к войне, передвижении войск, заключе-

[1] «Royal Correspondence of the Assyrian Empire», ed. by L. Waterman, Michigan, 1930, № 292.

нии союзов, приеме и отправлении послов, заговорах, восстаниях, постройке крепостей, перебежчиках, угоне скота, урожае, о всех важных событиях — они немедленно ставили в известность царя и его чиновников.

После разгрома Шамаш-Шумукина многие вавилоняне бежали из опустевшего города в соседний Элам. В числе бежавших находился и внук престарелого вавилонского царя Мардук-Белиддина. Элам становился центром антиассирийских группировок и очагом новой войны. Это сильно беспокоило ассирийского царя, который не решался немедленно открыть военные действия против Элама. С целью выиграть время Ашурбанипал отправил в Элам посольство, старался разжечь раздоры в правящей фамилии, неугодных ему правителей устранял, а на их место ставил своих приверженцев.

Прибыв в Элам, ассирийское посольство потребовало немедленной выдачи беглецов. Требование было выражено в весьма решительной форме. «Если ты не выдашь мне этих людей, — заявлялось в переданном послами царском письме, — то я пойду на тебя войной, разорю твои города и уведу их жителей в плен, а тебя свергну с престола и посажу на твое место другого. Я раздавлю тебя так же, как раздавил прежнего царя Теуемана, твоего предшественника». Эламский царь (Индабигас) вступил в переговоры с ассирийским царем, но отказался выдать беглецов. Вскоре после этого Индабигас был убит одним из своих военачальников — Уммалхалдашем, который провозгласил себя царем Элама. Однако Уммалхалдаш не оправдал доверия Ашурбанипала и вследствие этого был свергнут с престола, а Элам подвергся жестокому опустошению (около 642 г. до нашей эры).

После изгнания Уммалхалдаша на престол Элама ассирийцами был возведен новый царь — Таммарит. Некоторое время Таммарит послушно выполнял приказы ассирийского царя, но потом неожиданно изменил ему, организовав заговор против Ашурбанипала и перебив ассирийские гарнизоны, стоявшие в Эламе. Это послужило поводом к открытию военных действий между Эламом и Ассирией. Во время этой войны эламский царь был убит, и на политической арене вновь появился Уммалхалдаш. Он захватил город Мадакту и крепость Бет-Имби, но на этом его успехи закончились. Ашурбанипал, подтянувший свежие силы, взял столицу Элама Сузы, «вступил во дворец эламитских царей и предался в нем отдохновению».

Занятие ассирийскими войсками столицы Элама еще не означало полного покорения страны. Война продолжалась. Враждебные Ассирии элементы сгруппировались около Набу-Бел-Шумата, вавилонского царевича, находившегося в Эламе. Ашурбанипал поручил Уммалхалдашу, который вновь всячески

искал сближения с ассирийским царем, поймать опасного вавилонянина. В конце концов мятежное движение было подавлено, а Набу-Бел-Шумат лишил себя жизни. После этого Элам утратил политическую самостоятельность и вошел в состав Ассирийского царства.

Все вышеописанные события, связанные с покорением Элама, с мельчайшими подробностями отражены в донесениях Белибни и других проводников ассирийского влияния в Эламе. В своем письме [1] Белибни следующим образом описывает положение в Эламе после вступления ассирийских войск:

«Царю царей, моему повелителю, твой раб Белибни.

Новости из Элама: Уммалхалдаш, прежний царь, который бежал, затем вернулся, захватил престол, но, почуяв опасность, покинул город Мадакту. Захватив мать, жену, детей и всю свою челядь, он перешел реку Улаи в южном направлении. Он подступил к городу Талах, его военачальники Умманшибар, Ундаду и все его союзники идут к городу Шухарисунгур. Они говорят, что намерены поселиться между Хуханом и Хайдалу.

Вся страна вследствие прибытия войск царя царей, моего повелителя, объята великим страхом. Элам как бы поражен чумой. Когда они (мятежники) увидали столь великие бедствия, они впали в ужас. Когда они пришли сюда, вся страна отвернулась от них. Все племена Таххашаруа и Шаллукеа находятся в состоянии мятежа».

«И вот, — пишет далее Белибни, — теперь, если будет угодно царю царей, моему господину, пусть он пришлет скрепленную царскими печатями грамоту на имя Уммалхалдаша о поимке Набу-Бел-Шумата и прикажет мне собственноручно передать ее Уммалхалдашу. Разумеется, мой повелитель думает: «Я отправляю тайное послание с приказом схватить его». Но когда прибудет царский посланный в сопровождении вооруженной свиты, проклятый Белом Набу-Бел-Шумат услышит об этом, подкупит царских вельмож, и они его освободят. Поэтому пусть боги царя царей устроят дело так, чтобы мятежник был схвачен без всякого кровопролития и доставлен царю царей».

Послание заканчивается заверениями в полной преданности Белибни своему повелителю.

«Я точно выполнил приказ царя царей и делаю все согласно его желанию. Я не иду к нему, так как мой господин не зовет меня. Я поступаю подобно собаке, которая любит своего господина. Господин говорит: «Не ходи близко к дворцу»,

[1] «Royal Correspondence of the Assyrian Empire», ed. by L. Waterman, № 281.

и она не подходит. Чего царь не приказывает, того и не делаю».

Те же самые средства ассирийцы применяли и в отношении северных государств — Урарту и других. В эти страны ассирийцев привлекали железные и медные рудники, обилие скота и торговые пути, которые связывали север с югом и запад с востоком. Ванское царство было наводнено ассирийскими разведчиками и дипломатами, следившими за каждым движением царя Урарту и его союзников. Так, в одном письме Упаххир-Бел, ассирийский соглядатай, ставит в известность царя о действиях правителей армянских городов.

«Царю царей, моему повелителю, твой раб Упаххир-Бел. Да будет здрав царь. Да пребывают в добром состоянии его страна и его крепости. Пусть сердце царя преисполнится радостью.

Я отправил особого уполномоченного собрать все новости, которые касаются Армении. Он уже возвратился и сообщает то, что следует ниже. Враждебно к нам настроенные люди в настоящее время собрались в городе Харда. Они внимательно следят за всем происходящим. Во всех городах до самой Турушпии стоят вооруженные отряды... Пусть мой господин дозволит прислать вооруженный отряд и разрешит мне занять город Шурубу во время жатвы».

Сходного типа донесение о положении дел в Урарту находим в письме Габбу-аны-Ашура. «Царю, моему владыке, твой слуга Габбу-ана-Ашур. Выполняя приказ, который мне дал царь, мой владыка, относительно наблюдения за народом страны Урарту, посланные мною вошли в один дом в городе Курбан. А те, которые должны пойти в Набули, Ашурбелдан и Ашуррисуа, готовы отправиться. Имена их известны. Каждый из них выполняет одну определенную задачу. Ничего не упущено, все сделано. У меня имеются такие данные: народ страны Урарту еще не продвинулся за город Турушпию. Нам надлежит быть особенно внимательным к тому, что мне приказал царь. Мы не должны допускать какой-либо небрежности. В шестнадцатый день месяца Таммуза я вступил в город Курбан. В двенадцатый день месяца Аб я отправил письмо царю, моему владыке...» [1]

Другой ассирийский уполномоченный доносил из Урарту о прибытии послов от народа страны Андия и Закария в город Уази. Они прибыли по очень важному делу — поставить в известность жителей этих мест, что ассирийский царь замышляет против Урарту войну. По этой причине они предлагают им вступить в военный союз. Далее указывается, что на военном совещании один из военачальников предлагал даже убить царя Ашура.

---

[1] «Royal Correspondence of the Assyrian Empire», № 123.

Борьба между Ассирией и Урарту продолжалась несколько столетий, но не привела к определенным результатам. Несмотря на ряд поражений, которые нанесли ему ассирийцы, и на всю изворотливость ассирийской дипломатии, государство Урарту все же сохранило свою независимость и даже несколько пережило своего сильнейшего противника — Ассирию.

При Ашурбанипале Ассирия достигла наивысшего могущества и захватила большую часть стран Ближнего и Среднего Востока. Границы Ассирийского царства простирались от снеговых вершин Урарту до порогов Нубии, от Кипра и Киликии — до восточных границ Элама. Обширность ассирийских городов, блеск двора и великолепие построек превосходили все когда-либо виденное в странах древнего Востока. Ассирийский царь разъезжал по городу в колеснице, в которую были впряжены четыре пленных царя; по улицам были расставлены клетки с посаженными в них побежденными правителями. И тем не менее могущество Ассирии клонилось к упадку. Признаки ослабления ассирийской мощи сказывались уже при Ашурбанипале. Беспрерывные войны истощили Ассирию. Число враждебных коалиций, с которыми приходилось бороться ассирийским царям, все возрастало. Положение Ассирии сделалось критическим, вследствие нашествия новых народностей, надвинувшихся с севера и востока. Ассирия не выдержала этого напора, утратила свое руководящее положение в международных отношениях Востока и скоро стала добычей новых завоевателей.

В VI в. до нашей эры самым сильным государством древнего мира становится Персия, объединившая под своей властью все страны Передней Азии и даже Египет. Персидская держава Ахеменидов представляла собой одно из самых могучих древневосточных политических образований. Влияние ее распространялось далеко за пределы классического Востока как в восточном, так и в западном направлениях.

В момент захвата Месопотамии персидскими войсками царь Кир обратился с широковещательным манифестом к вавилонскому народу и жречеству. В этом манифесте персидский завоеватель именует себя освободителем вавилонян от ненавистного им царя (Набонида), тирана и утеснителя старой религии. «Я — Кир, царь мира, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света... отпрыск вечного царства, династия и владычество которого любезны сердцу Бела и Набу. Когда я мирно вошел в Вавилон и при ликованиях и веселии во дворце царей занял царское жилище, Мардук, великий владыка, склонил ко мне благородное сердце жителей Вавилона за то, что я ежедневно помышлял о его почитании...»

2. Дипломатия древней Индии (I тысячелетие до нашей эры)

Интереснейшим памятником древневосточной дипломатии и международного права являются древнеиндийские законы Ману. Подлинный текст законов Ману до нас не дошел. Сохранилась лишь его позднейшая (стихотворная) передача, по всей вероятности, относящаяся уже к I в. нашей эры. Законы Ману были в этой редакции открыты в XVIII в. Написаны они на классическом санскрите. В XIX—XX вв. они были переведены на ряд европейских языков, в том числе и на русский.

Согласно индийскому преданию, законы Ману — божественного происхождения: относятся они к эпохе легендарного Ману, почитавшегося родоначальником арийцев. По своему характеру законы Ману представляют собой свод различных древнеиндийских постановлений, касающихся политики, международного права, торговли и военного дела. Эти правила складывались на протяжении всего I тысячелетия до нашей эры.

С формальной стороны законы Ману являются сводом законов древней Индии. Но содержание памятника значительно шире и разнообразнее. Он богат философскими рассуждениями; много внимания уделено в нем религиозным и нравственным правилам.

В основу древнеиндийской философии положено учение о совершенном человеке-мудреце. Под этим углом зрения рассматривается и дипломатия. Центр внимания переносится на личные качества дипломата, от которых зависит успех дипломатической миссии.

Дипломатическое искусство, согласно учению Ману, заключается в умении предотвращать войну и укреплять мир. Мир и его противоположность (война) зависят от послов, ибо только они создают и ссорят союзников. В их власти находятся те дела, из-за которых происходят между царями мир или война [1].

Дипломат осведомляет своего государя о намерениях и планах иностранных правителей. Тем самым он предохраняет государство от грозящих ему опасностей. Поэтому дипломат должен быть человеком проницательным, всесторонне образованным и способным расположить к себе людей. Он должен уметь распознавать планы иностранных государей не только по их словам или действиям, но даже по жестам и выражению лица [2].

---

[1] См. Законы Ману. Пер. Эльмановича, СПБ, 1913, гл. VII (Царь), §§ 64, 66.

[2] См. там же, § 67.

Главе государства рекомендуется назначать дипломатов с большим выбором и осторожностью. Дипломат должен быть человеком почтенного возраста, представительным, смелым, красноречивым, преданным долгу, честным, искусным, обладающим хорошей памятью, «знающим место и время действия». Самые сложные вопросы международной жизни должны разрешаться прежде всего дипломатическим путем. Сила стоит на втором месте.

Таковы основы учения Ману, касающиеся дипломатии и роли дипломата.

Законы Ману свидетельствуют о том, что среди представителей индийских господствующих классов в древности были выработаны определенные взгляды на искусство ведения дипломатических переговоров.

Индийские правители вели активную внешнюю политику, заключавшуюся в сношениях и переговорах не только между царями различных древнеиндийских государств, но также и с соседними странами, расположенными за пределами Индийского полуострова. Основатель мощной древнеиндийской державы Маурья — Чандрагупта добился выгодного для себя мира с одним из преемников Александра Македонского — Селевком. Последний не только признал Чандрагупту правителем индийской державы и уступил ему завоеванные Александром части страны, но в обмен на 500 боевых слонов согласился даже передать ряд районов на юго-востоке Иранского Нагорья. Впоследствии Чандрагупта и Селевк несколько раз обменивались посольствами и для закрепления союзных отношений заключили династический брак: Чандрагупта женился на дочери Селевка. Одним из послов, отправленных Селевком в Индию, был грек Мегасфен, посетивший столицу древнеиндийской державы город Паталипутру и оставивший подробное описание этой поездки. Некоторые данные из рассказов Мегасфена дошли до нас в изложении греческого географа Страбона.

Дипломатические отношения между правителями индийской державы Маурья и царями эллинистических государств продолжались и в III в. до нашей эры. При внуке Чандрагупты — царе Ашоке — индийские послы посещали не только государство Селевкидов, но доезжали даже до Македонии.

В I—II вв. посольства от индийских правителей Кушанского царства прибывали в Римскую империю. Император Август в своем политическом завещании отмечает: «Ко мне часто являлись послы индийских царей, чего раньше не видал никто из римлян...» О приездах индийских послов к Августу упоминает и географ Страбон. Известно также посещение индийским посольством Римской империи при императоре Траяне около 100 г. нашей эры.

3. Международные отношения и дипломатия в древнем Китае

Первые рабовладельческие государственные образования в Восточной Азии, возникшие на среднем течении реки Хуанхэ еще в начале II тысячелетия до нашей эры, с течением времени (XII в. до нашей эры) слились в единое большое царство. В I тысячелетии единое рабовладельческое древнекитайское государство распалось на ряд крупных и мелких царств, которые с VIII в. до нашей эры стали совершенно самостоятельными. Эти государства, то враждуя между собою, то вступая в дружественные переговоры и заключая союзы, находились в тесных взаимоотношениях. Они образовали комплекс культурных областей, окруженных на севере, северо-западе и юге племенами, находившимися на стадии родового строя.

Древнекитайские государства неоднократно подвергались опустошительным набегам кочевых племен центральноазиатских степей, которых в Китае называли «сюн-ну» или «хун-ну» (гунны). Для защиты от набегов гуннов правители древнекитайских государств вынуждены были объединяться в союзы, а в середине VI в. до нашей эры заключили соглашение, предусматривавшее отказ от разрешения спорных вопросов с помощью военной силы и обязательное обращение обеих конфликтовавших сторон к третейскому суду. Этот первый из известных в истории дипломатии «договор о ненападении» оказался скоро нарушенным. Правители отдельных китайских государств вновь вступили между собою в напряженную борьбу, которая завершилась в середине III в. до нашей эры победой Чжэня, повелителя царства Цинь. Он разгромил военные силы всех своих соперников и воссоздал единую древнекитайскую рабовладельческую деспотию.

Объединив под своей властью всю центральную часть современной территории Китая по течению рек Хуанхэ и Янцзы, Чжэн, принявший титул Цинь-ши хуан ди (Циньский великий желтый царь), организовал ряд экспедиций для покорения соседних племен и народностей. Однако и после его смерти (209 г. до нашей эры) на юге в бассейне реки Жемчужной и на побережье Южно-Китайского моря еще сохранялись независимые от правителей китайской империи небольшие рабовладельческие государства. При царях династии Хань (206 г. до нашей эры — 220 нашей эры) китайская рабовладельческая деспотия превратилась в мощное централизованное государство, правители которого располагали крупными военными силами и хорошо организованной системой бюрократического управления.

В эту эпоху в китайских царских канцеляриях тщательно записывались все важнейшие события внутренней и внешне-

политической жизни. Руководители китайских посольств обязаны были давать подробные письменные отчеты о выполнении поручавшихся им миссий, сведения о которых сохранились до нашего времени в передаче историков.

Энергичную внешнюю политику проводил император У-ди (140—87 гг. до нашей эры). Узнав, что далеко на западе, по другую сторону степей, занятых гуннами, имеются какие-то культурные государства, У-ди решил установить с ними связи и в 138 г. до нашей эры отправил посольство в далекие «Западные» страны. Возглавлял это посольство военачальник Чжань Цань, которому было поручено договориться с правителями царств Запада о союзе против кочевников. В степях Чжань Цань был захвачен в плен гуннами и вынужден прожить у них около 10 лет. Внешне он принял обычаи гуннов и даже обзавелся семьей, но как только заметил, что кочевники перестали следить за ним, бежал и продолжил свое путешествие на Запад.

Добравшись до Ферганской долины, Чжань Цань узнал, что Греко-Бактрийское царство, к правителям которого он направлялся, уже не существует. За несколько лет до этого оно было завоевано кочевыми племенами саков. Чжань Цань попытался договориться с их вождями о союзе против гуннов. Потерпев неудачу, китайский посол все же собрал подробные сведения об общественном и государственном строе народов Средней Азии и Ирана, об их военных силах, городах и торговых путях. Лишь после этого он отправился обратно на родину, куда добрался, преодолев новые опасности и злоключения, в 126 г. до нашей эры.

Через несколько лет, использовав сведения, собранные Чжань Цанем, китайские войска разбили гуннов и к концу II в. появились на границах Средней Азии. Тогда же благодаря постройке ряда укреплений был создан торговый караванный путь из Китая в Западные страны, который функционировал около 300 лет.

Китайские послы ездили и в южные государства и способствовали их подчинению правителям Китая. Главным объектом внешней политики Китая на юге было государство Нан-Нюэ, столица которого находилась на месте современного Кантона. Подготавливая присоединение этого государства, правители Китая дали задание своему послу разведать наиболее удобные речные пути, по которым можно было бы быстро перебросить войска. По прибытии в Нан-Нюэ посол на одном из празднеств завязал разговор о местностях, где росли редкостные плоды, поданные к столу. Постепенно он выяснил, что верхнее течение реки Жемчужной очень близко от верхнего течения Янцзы, о чем и сообщил в свою столицу. Другой китайский посол сумел

вызвать в Нан-Нюэ внутренние междоусобия, в результате которых царица, правившая страной за малолетнего сына, была вынуждена обратиться к Китаю за помощью, благодаря чему китайские войска заняли Нан-Нюэ почти без сопротивления (111 г. до нашей эры).

В I в. до нашей эры Китай неоднократно посещали посольства парфянских царей и происходил обмен с Парфией караванами, передвигавшимися по «великому шелковому пути».

Энергичную деятельность в области международных отношений развил китайский военачальник и дипломат Бан Чао. В конце I в. нашей эры Бан Чао, назначенный наместником Западных областей, сумел столкнуть различные племена гуннов между собой и нанести им жесточайшее поражение, раз и навсегда отбросив их от границ Китая. В 90-х годах нашей эры Бан Чао подчинил власти китайского императора значительную часть областей Средней Азии и дошел до города Мерва. Услышав о том, что дальше на запад находится мощная держава, которую китайцы называли Та-Цинь (Западная Цинь — Римская империя), Бан Чао попытался установить с нею дипломатические отношения. Он отправил в «Та-Цинь» посольство, которое поехало туда через государство Ан-Си (Парфия). Китайские послы, явившись в столицу Парфии Ктесифон, просили парфян показать им дорогу к границам Римской империи. Однако парфяне не желали заключения союза между римлянами и китайцами. Поэтому, согласившись выполнить просьбу послов, они посадили их на корабли и отправили по реке Тигру в Персидский залив, а оттуда собирались везти вокруг Аравии через Красное море. Китайские послы, напуганные перспективой длительной морской поездки, отказались от дальнейшего плавания и вернулись назад. Таким образом, попытки Бан Чао установить дипломатические связи между Китаем и Римской империей не увенчались успехом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. Формы международных связей в древней Греции

В своем историческом развитии древняя Греция, или Эллада, прошла ряд сменявших друг друга общественных укладов. В ранний период эллинской истории (XII—VIII вв. до нашей эры), в условиях складывавшегося рабовладельческого государства еще сохранялся родовой строй. Для последующего времени греческой истории (VIII—IV вв. до нашей эры) характерным типом политического образования являлись города-государства, по-гречески «полисы». Между этими самостоятельными мирками возникали самые разнообразные формы международных связей.

Проксения

Древнейшей формой мирных международных связей и международного права в Греции была «проксения», т. е. гостеприимство. Проксения существовала между отдельными лицами, родами, племенами и целыми государствами. Житель какого-нибудь города (проксен) оказывал услуги и принимал как частных граждан, так и послов из другого города и брал на себя защиту интересов данного города и нравственное обязательство быть посредником между ним и властями своего родного полиса. В свою очередь, в том полисе, с каким он был связан, он пользовался известными преимуществами по сравнению с другими иностранцами в отношении торговли, налогов, суда и всякого рода почетных привилегий. Через проксенов велись дипломатические переговоры; приходившие в город посольства обращались прежде всего к своему проксену.

Институт проксении, получивший в Греции очень широкое распространение, лег в основу всех последующих международных связей древнегреческого мира.

Все чужестранцы, проживавшие в данном городе, даже изгнанники, состояли под покровительством божества — Зевса-Ксения (гостеприимца).

Амфиктионии

Столь же древним международным институтом были и «амфиктионии». Так назывались религиозные союзы, возникавшие возле святилища какого-либо особо чтимого божества. Как показывает само на-

именование, в эти союзы входили племена, которые жили вокруг святилища (амфиктионы — вокруг живущие), вне зависимости от их родственных отношений. Первоначальной целью амфиктионий были общие жертвоприношения и празднества в честь почитаемого божества, защита храма и его сокровищ, накоплявшихся от частных и общественных приношений, а также наказание святотатцев — нарушителей священных обычаев.

Собиравшиеся на празднества, в случае надобности совещались по общественным делам, представлявшим интерес для всех членов данной амфиктионии. Во время празднеств запрещалось вести войны и провозглашался «божий мир» (иерομения). Таким образом, амфиктионии превращались в религиозно-политический институт международного характера.

Амфиктионий в древней Греции существовало несколько. Самой древней и наиболее влиятельной из них была Дельфийско-Фермопильская амфиктиония. Она образовалась из двух амфиктионий: Дельфийской при храме Аполлона в Дельфах и Фермопильской при храме Деметры. В Дельфийско-Фермопильскую амфиктионию входило 12 племен. Каждое из них имело по два голоса.

Верховным органом амфиктионии было общее собрание. Оно созывалось два раза в год, весной и осенью, и происходило сначала в Фермопилах, а потом в Дельфах. Решения общего собрания были обязательны для всех амфиктионов. Уполномоченными лицами собрания, фактически руководившими всеми делами, были иеромнемоны, назначаемые государствами по числу голосов амфиктионии, т. е. в количестве 24. Одной из главнейших обязанностей иеромнемонов было соблюдение «божьего мира» и устройство религиозных празднеств.

В конце IV в. до нашей эры появляется еще новая группа уполномоченных — «пилагоров», которые являлись, по-видимому, политическими представителями союзных государств. Через посредство пилагоров и иеромнемонов входившие в состав амфиктионии города давали друг другу клятвы и принимали на себя известные обязательства по отношению к амфиктионам. Дельфийско-Фермопильская амфиктиония представляла значительную политическую силу, которая оказывала большое влияние на международную политику Греции. Основной целью Дельфийско-Фермопильской амфиктионии была охрана Дельфийского храма Аполлона, его сокровищ и земельных владений. Амфиктиония проводила и общегреческие мероприятия, заботилась, например, о памятнике, воздвигнутом на могиле павших во время греко-персидской войны при Фермопилах в борьбе за общегреческое дело. Вместе с тем амфиктиония пыталась установить известные междугреческие, т. е. своего рода международные, правила, которые должны были соблюдаться

всеми участниками амфиктионии. Так, одна принимаемая амфиктионами присяга гласила: «Не разрушать никакого города, принадлежащего амфиктионии; не отводить воды ни во время мира, ни во время войны; общими силами выступать против всякого нарушителя присяги, разорять его город; наказывать всеми средствами, имеющимися в распоряжении, всякого, дерзнувшего нарушить достояние бога рукой или ногой» [1].

В тех случаях, когда какой-нибудь город нарушал обязательства, он подлежал суду амфиктионов, которые могли объявлять «священную войну». Согласно традициям амфиктиония не должна была вмешиваться во внутренние дела союзных государств. Однако фактически она находилась под влиянием того или иного из более сильных греческих государств, стремившихся привлечь на свою сторону Дельфийского оракула, который имел большое значение в международной жизни греческого мира и своими «предсказаниями» воздействовал на общественное мнение и внутреннюю жизнь греческих городов.

Все политические договоры, заключавшиеся между греческими племенами и полисами, прямо или косвенно утверждались дельфийскими жрецами. По спорным вопросам международного права тяжущиеся стороны обращались в Дельфы. Сила жречества заключалась не только в его духовном, но и в материальном влиянии. Дельфы располагали огромными капиталами, образовавшимися из взносов городов, от доходов от массы паломников, храмовых ярмарок и ростовщических операций.

Особой остроты борьба между различными греческими городами за влияние в амфиктионии достигает в середине IV в., когда на протяжении короткого времени велись две «священные войны», спровоцированные городом Фивы против общин Фокиды.

Договоры и союзы

Иным видом международных связей в Греции служили договоры о военно-политическом союзе — «симмахии». Из них самыми значительными были Лакедемонская и Афинская (Делосская) симмахии.

Лакедемонская симмахия возникла в VI столетии до нашей эры как союз городов и общин Пелопоннеса. Во главе ее стояла Спарта. Высшим союзным органом было общее собрание (сйллогос), созываемое городом-гегемоном (Спартой) один раз в год. Города, вне зависимости от величины и значения, имели в нем по одному голосу. Дела решались по большинству голосов, после долгих прений и всяческих дипломатических комбинаций.

Другим крупным союзом эллинских городов была Афинская, или Делосская, симмахия, возглавлявшаяся Афинами. Она

---

[1] *Aeschines*, De male gesta legatione, 115, In Ctesiphontem, 10.

была образована во время греко-персидских войн для борьбы с персами и отличалась от Лакедемонской двумя чертами: во-первых, союзники платили особый взнос (форос) в общественную казну на Делосе; во-вторых, они больше зависели от своего гегемона — Афин. С течением времени Делосская симмахия превратилась в Афинскую державу (архэ).

Отношения между обеими симмахиями были враждебными. В конце концов во второй половине V в. это привело к Пелопоннесской войне, в которую оказалась втянутой почти вся Греция.

Афинская симмахия была уничтожена после поражения Афин в Пелопоннесской войне 404 г. до нашей эры. Однако несколько позднее, в 378 г., афиняне вновь объединили вокруг себя островные полисы, создав Второй Афинский морской союз. Согласно договору, текст которого сохранился, на этот раз афиняне обязались не вмешиваться во внутренние дела союзных общин и решать все важнейшие вопросы совместно с советом. Впрочем, вскоре они вновь стали нарушать договор, и это привело к распаду союза (355 г. до нашей эры).

В IV в. сложились союз беотийских городов, возглавляемый городом Фивы, и союз сельских общин Этолии, а в начале III в. до нашей эры возник союз ахейских городов. В отличие от предшествующих симмахий Этолийский и Ахейский союзы возглавлялись не какой-либо одной общиной: входившие в них селения и полисы выбирали общесоюзные правительства. Члены союзных советов выбирали стратегов, т. е. главнокомандующих, их помощниками — гиппархов (начальников конницы) и союзных писцов (по-гречески — граматеос). Стратег был главою союза в мирное и военное время, объявлял войну и заключал мир; граматеос (писец) руководил перепиской с соседними государствами.

Важнейшие дела стратеги и их помощники согласовывали в Ахейском союзе с советом представителей городов, а в Этолийском — с собранием граждан союзных общин.

Послы и посольства Возникавшие между общинами и полисами конфликты разрешались при посредстве специальных уполномоченных, или послов. В гомеровской Греции они назывались вестниками (керюкс, ангелос), в классической — старейшинами (пресбейс).

В греческих государствах, например в Афинах, Спарте, Коринфе и др., послы избирались Народным собранием из лиц почтенного возраста, не моложе 50 лет. Отсюда и происходит термин «старейшины». Обыкновенно послы выбирались из состоятельных граждан, пользовавшихся авторитетом, имевших проксенов в других городах, степенных, рассудительных и красноречивых. Чаще всего посольские поручения давались

высшим должностным лицам городов (царям или эфорам в Спарте, пританам или навархам в Родосе, стратегам от Ахейского и Этолийского союзов и т. д.). Иногда же дипломатические обязанности исполняли частные лица или те, кто прежде занимал выборные должности и сохранил влиятельное положение.

Известны случаи, когда послами назначали ораторов и актеров. Актером был, например, знаменитый оратор Эсхин, принимавший участие в афинском посольстве к македонскому царю Филиппу II. Избрание ораторов и актеров для выполнения высокой и почетной миссии посла находит свое объяснение в большом значении, какое придавалось в античных обществах красноречию и декламации. Искусство оратора и даже актера придавало большой вес и убедительность словам делегата, выступавшего на многолюдном собрании, на площади или в театре.

Число членов посольства бывало различным: оно определялось в зависимости от условий данного момента. Все послы считались равноправными. Лишь позже вошло в обычай выбирать главного посла — «архистарейшину», председателя посольской коллегии. На содержание послов за время их полномочий отпускались некоторые денежные суммы, «дорожные деньги». Послам назначался определенный штат прислуги. При отправлении им давались рекомендательные письма (симбола) к проксенам города, куда выезжало посольство. Цель посольства определялась инструкциями, которые вручались послам. Инструкции оформлялись установленным образом: они представляли собой грамоту, состоявшую из двух сложенных вместе навощенных дощечек (δίπλωματα). Отсюда и происходит самый термин «дипломатия».

Инструкции служили основным руководством для послов. В них указывалась цель посольства; однако в пределах данных инструкций послы пользовались известной свободой и могли проявлять собственную инициативу.

Послы, прибывшие на место своего назначения, одни или вместе с проксеном направлялись к должностному лицу города, ведавшему дипломатическими делами. Они предъявляли ему свои грамоты и получали от него соответствующие указания и советы.

В ближайшие после регистрации дни (в Афинах обычно через пять дней) послы выступали в совете или Народном собрании с объяснением цели своего прибытия. После этого открывались публичные дебаты или же дело передавалось на рассмотрение специальной комиссии.

Как правило, к иностранным послам относились с почтением, обеспечивали им хороший прием, делали подарки, при-

глашали на театральные представления, игры и празднества. По возвращении в родной город члены посольства отдавали отчет в Народном собрании о результатах своей миссии. В случае одобрения результатов их деятельности им выдавались почетные награды. В Афинах самой высокой из них был лавровый венок с приглашением на обед в пританий, особом здании близ Акрополя, в котором обедали почетные гости государства. Каждому гражданину предоставлялось право при отчете посла высказывать свое мнение и даже выступать против посла с обвинениями.

Одной из главных обязанностей послов в Греции, как и вообще в античных государствах, было заключение союзов с другими государствами и подписание договоров. На договор в древнем мире смотрели, как на нечто магическое. Нарушение договора, по убеждению людей древности, влекло за собой божественную кару. Поэтому заключение договоров и ведение дипломатических переговоров в Греции были обставлены строгими формальностями. Договорные обязательства скреплялись клятвами, призывавшими в свидетели сверхъестественную силу, якобы освящавшую подписанный договор. Клятвы давались обеими сторонами в присутствии магистратов того города, где подписывался договор. К клятве присоединялось еще проклятие, падавшее на голову возможного нарушителя договора.

Возникавшие на почве нарушения договора споры и столкновения передавались на рассмотрение третейской комиссии. Она налагала на виновников нарушения денежные пени, которые вносились в казну какого-либо божества — Аполлона Дельфийского, Зевса Олимпийского и др. Из сохранившихся надписей известны взыскания, равнявшиеся десяти и более талантам, что в то время составляло очень крупную сумму. В случае упорного нежелания подчиняться требованиям третейского суда против непокорных городов принимались принудительные меры, вплоть до объявления «священной войны».

После принятия соглашения каждой стороне вменялось в обязанность вырезать текст договора и клятвы на каменном столбе — стеле и хранить в одном из главных храмов (в Афинах — в храме Афины Паллады на Акрополе). Копии наиболее важных договоров хранились в национальных святилищах — Дельфах, Олимпии и Делосе. Один текст обязательно поступал в государственный архив. В случае разрыва дипломатических отношений и объявления войны стела, на которой был вырезан договорный текст, разбивалась, и тем самым договор расторгался.

2. Греческая дипломатия в классический период (VIII—IV вв. до нашей эры)

Зарождение дипломатии в гомеровской Греции (XII—VIII вв. до нашей эры)

Своими корнями международное право и дипломатия Греции уходят далеко в глубь веков. Зачатки международных связей выступают уже в «Илиаде» в виде межплеменных соглашений: глава Аргоса и «златом обильных» Микен Агамемнон склоняет военачальников — князей других ахейских городов — к походу на Трою. Вожди совещаются, принимают общее решение и отправляются в дальний поход. Агамемнон от имени всех ахейцев [1] заключает договор с Приамом, царем Трои. Договор скрепляется клятвами, обращением к богам, принесением жертвы и распределением жертвенного мяса между предводителями ахейских и троянских дружин [2]. Нарушение договора рассматривалось как клятвопреступление.

Так, в «Илиаде» сообщалось, что перед началом войны ахейские послы отправились в Трою с требованием возвращения похищенной Парисом Елены [3]. Троянский глашатай вручает предложение о мире собранию ахейских племенных вождей (базплевсов) и их дружин. В собрании эти предложения подвергаются всестороннему обсуждению всего народа. Приведенные примеры показывают, что в гомеровской Греции уже существовали в зародыше те дипломатические связи, которые впоследствии развились в обширную систему международных отношений.

В Греции классического периода центры международной жизни в VII—VI вв. до нашей эры сосредоточились в богатых приморских городах. Таковы Афины, Коринф, Милет, Эфес и Галикарнас. Из городов, расположенных в глубине страны, но игравших большую роль в международной жизни, следует отметить Спарту и Фивы.

В Афинах оживленные дипломатические отношения начинаются со времени тирании Писистрата (VI в. до нашей эры) и в особенности с греко-персидских войн (V в. до нашей эры). Все крупные государственные деятели Греции являлись в то же время и дипломатами. Писистрат, Фемистокл, Аристид, основатель Делосской симмахии, Кимон и в особенности Перикл были дипломатами.

---

[1] Под именем ахейцев в Илиаде понимаются греки, жившие в собственно Греции и на ближайших к ней островах. Впоследствии это название (VII—II вв. до нашей эры) сохранялось только для жителей северной части Пелопоннеса.

[2] *Гомер*, Илиада. Пер. Н. И. Гнедича, М., 1935, II, 340; III, 94, 280 и др.

[3] Там же, XI, 125.

Дипломатия во время греко-персидских войн

Во время греко-персидских войн Эллада находилась в страшной опасности. Наряду с вооруженными силами персидского царя действовала и персидская дипломатия. Последняя пыталась использовать как противоречия между отдельными греческими полисами, так и классовую борьбу внутри них. Прежде чем направить войска в Грецию, персидский царь Дарий отправил послов почти во все греческие города с требованием «земли и воды», т. е. признания верховной власти Персии. Многие города выполнили требование царя, но в Афинах и в Спарте посольство окончилось плачевно: в Афинах послов сбросили со скал в пропасть, а в Спарте — в колодезь, насмешливо предложив самим взять воду и землю для царя.

Через несколько лет Ксеркс вновь отправил послов в Грецию, с помощью которых ему удалось привлечь на свою сторону Фессалийские города и некоторые государства Средней Греции. Последовательными противниками Персии были Афины и Спарта, но персидские правители пытались использовать как внутренние противоречия в этих государствах, так и их соперничество. Они делали ставку на аристократические элементы в Греции, на политических изгнанников, и не без успеха. Известно, например, что изгнанный из Афин тиран Гиппий находился в персидском лагере и рассчитывал с помощью персидского царя восстановить свою власть. Персы заметили стремление спартанцев переложить все тяготы ведения войны на своих союзников, афинян и других греков.

Персам известны были противоречия, возникавшие между Спартой и другими греческими государствами, и они стремились использовать их во время военных действий; примером тому может служить маневр, предпринятый персидской дипломатией после поражения персидского флота при Саламине. Персидскому царю было важно попытаться разъединить союзников, и они, очистив занятые ими области Средней Греции, предложили афинянам заключить мир на самых льготных условиях. Но афинские руководители разгадали маневр врага. Афиняне отказались от переговоров с персами и заверили спартанцев в союзнической верности, заявляя о своем намерении вести борьбу до полного изгнания врага с территории Греции.

Но едва миновала опасность иноземного нашествия, как между Афинами и Спартой развернулась борьба за преобладающее влияние в эллинском мире, за гегемонию.

Конфликт между Спартой и Афинами

Борьба началась с конфликта из-за возведения крепостных стен в Афинах. Когда после побед над персидской монархией в 478 г. до нашей эры возник союз островных и приморских полисов, возглавляемый Афинами, спартанские руководители,

опасаясь чрезмерного усиления афинской общины, попытались дипломатическим путем поставить Афины в зависимость от себя.

Спартанский совет старейшин послал во все греческие города, расположенные на известном расстоянии от берега моря, в том числе и в разоренные персами Афины, послов, которые предложили при восстановлении городов не строить крепостных стен.

Свое предложение спартанцы мотивировали тем, что они будут рассматривать строительство городских крепостных стен как враждебный акт против всех остальных общин.

Внешне это предложение было весьма миролюбивым, но так как спартанцы обладали сильнейшим сухопутным войском в Греции, то города, не защищенные стенами, оказались бы в полной зависимости от них.

Афиняне, вынесшие тяжелую войну с персами, опасались обострять отношения со Спартой. С другой стороны, принятие спартанских предложений ставило в зависимость от Спарты не только дальнейшее существование Афинского морского союза, но даже и демократического строя в Афинах.

Миссию ведения переговоров со Спартой взял на себя известный афинский политический деятель Фемистокл.

Отправляясь в Спарту, Фемистокл предложил Афинскому совету начать строительство крепостных стен в самом спешном порядке. В Спарте Фемистокл уклонился от встречи со спартанскими эфорами под предлогом болезни. После же начала переговоров они были вновь отложены вследствие отсутствия у Фемистокла и его товарищей по посольству полномочий, оформленных должным образом.

Однако к этому времени спартанцы, услышавшие о постройке стен в Афинах, запросили Фемистокла. Он ответил, что ему ничего не известно, и посоветовал направить посольство в Афины. Одновременно Фемистокл тайно посоветовал задержать спартанских послов до его возвращения.

Когда же афинские стены были отстроены настолько, что за ними можно было обороняться, Фемистокл сообщил об этом спартанцам и попросил отпустить его в Афины ввиду бессмысленности продолжения переговоров [1]. Афиняне благодаря дипломатической ловкости Фемистокла одержали верх, но с этого времени между Афинами и Спартой возникли крайне напряженные отношения.

В последующие десятилетия V в. до нашей эры все более усиливалось соперничество между Спартой и Афинами в связи со стремлением каждого из этих городов главенствовать в Греции. Следствием этого была война между Афинами и

[1] *Plutarchus,* Themistocles, 19.

Спартой, окончившаяся Тридцатилетним миром (445 г. до нашей эры). Этот мир закрепил в Греции систему политического дуализма. В стремлении к гегемонии обе стороны, воздерживаясь до поры до времени от военных действий, старались усилить свое влияние дипломатическими средствами.

Перикл и проект панэллинского мирного конгресса (448 г. до нашей эры)

В 448 г. до нашей эры крупный политический деятель Афинского государства Перикл выступил с предложением созвать в Афинах панэллинский (общегреческий) съезд представителей полисов. На этом конгрессе предполагалось разрешить три вопроса, волновавших всех греков: о восстановлении разрушенных персами храмов, обеспечении свободы мореплавания и об упрочении мира в Элладе. Созывом такого общегреческого собрания представителей Перикл рассчитывал содействовать превращению Афин в политический и культурный центр всей Эллады.

Для осуществления этого проекта из Афин было отправлено посольство в составе 20 человек во все греческие города с приглашением прислать своих представителей на предстоящий конгресс. Депутация разделилась на четыре части. Одни поехали в малоазиатские города и острова; другие — на берега Геллеспонта и Фракии; третьи — в Беотию и Фокиду; четвертые — на Пелопоннес. Афинские послы убеждали граждан каждого города послать своих представителей на съезд в Афины. Предложение Перикла не нашло отклика. Особенно сильное сопротивление оказали пелопоннесцы из боязни усиления Афин [1].

Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры)

Усиление Афин, нарушавшее систему политического дуализма в пользу Афин, послужило причиной Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры). Пелопоннесская война обострила все внутренние и внешние противоречия эллинского мира. Для всевозможных дипломатических комбинаций открывалось самое широкое поле.

Военным действиям предшествовала ожесточенная дипломатическая борьба, продолжавшаяся целых пять лет (436—431 гг. до нашей эры). В ней приняли участие все греческие государства, которые входили в Лакедемонскую и Афинскую симмахии.

Ближайшим поводом к войне послужил эпидамнский инцидент [2]. То было столкновение чисто местного значения,

---

[1] *Plutarchus*, Pericles, 17.

[2] Древний Эпидамн — современный албанский порт Дуррес.

возникшее на почве обострения социальной борьбы в одном из незначительных пунктов на окраине эллинского мира. Вскоре, однако, местный спор перерос в конфликт общегреческого значения. Канва событий такова.

В городе Эпидамне, который представлял собой колонию, основанную выходцами с острова Керкиры, в 436 г. до нашей эры произошло столкновение демократов с олигархами. Последние призвали себе на помощь соседей-варваров. Теснимые противниками, эпидамнские демократы, не получая помощи от Керкиры, своей метрополии, отправили посольство в Дельфы за советом, не передать ли им свой город Коринфу, оспаривавшему у Керкиры права на Эпидамн. Дельфийское жречество высказалось в пользу такого решения.

Тогда керкиряне направили посольство в Коринф с требованием передать вопрос об Эпидамне на решение третейского суда. Не получив определенного ответа от Коринфа, поглощенного подготовкой к войне, керкиряне отправили посольство в Афины, прося принять их в Афинскую симмахию и признать их право на Эпидамн. Керкирские послы доказывали афинянам, что, если Керкире не будет оказана помощь, керкиряне вынуждены будут подчиниться коринфянам. Тогда Афинам придется иметь дело с двумя сильными морскими державами Греции — Коринфом и Керкирой [1].

Вслед за посольством Керкиры в Афины прибыло и коринфское посольство. Оно обвиняло керкирян в наглости и корыстолюбии и протестовало против принятия их в Афинскую симмахию [2]. Так как согласно условиям мирного договора между Афинами и Спартой обе стороны обязались не расширять своих союзов, то афиняне решили не принимать керкирян в свою симмахию, а заключить с ними лишь оборонительный союз. Формально они не нарушали условий Тридцатилетнего мира. Вступая с керкирянами в дружественный союз, Афины рассчитывали достигнуть сразу двух целей: 1) посеять вражду между двумя сильнейшими после Афин в то время морскими державами Греции — Керкирой и Коринфом и тем самым ослабить этих главных своих противников и 2) закрепиться в важнейших гаванях на западном торговом пути в Италию и Сицилию [3].

Расчеты Афин на поединок Керкиры и Коринфа оправдались. В разразившейся войне между Керкирой и Коринфом обе воюющие стороны были обессилены. Афиняне послали десять кораблей, наказав стратегам, чтобы они наблюдали за

---

[1] *Thucydides*, Historiae, I, 36.
[2] Ibid., 40.
[3] Ibid., 44.

тем, что происходит у Керкиры, и препятствовали коринфянам высаживаться в местности, принадлежащей Керкире. Но в морской битве, происшедшей у Сиботских островов, афинские корабли приняли участие в бою на стороне керкирян, и это вызвало протест Пелопоннесского союза по поводу нарушения Афинами договора 445 г.

Положение обострилось в результате второго конфликта между пелопоннесцами и афинянами, возникшего из-за колонии Потидеи на Халкидском полуострове. На Потидею имели виды и Афины и Коринф. На сторону последних стал македонский царь Пердикка. Он был обижен на афинян за их союз с его братом и врагом Филиппом и поднял против них пограничные племена. Воспользовавшись этим, большая часть городов Халкидского полуострова восстала против Афин. Прибывшим в Халкиду на 30 кораблях афинским войскам удалось одержать победу, но взять Потидею они не смогли и обложили ее со всех сторон.

Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры)

После этого коринфяне направили в Спарту посольство с требованием немедленного созыва общесоюзного совещания по поводу нарушения Афинами договора 445 г. Этот протест поддержали и другие греческие города, недовольные Афинами. В результате в 432 г. в Спарте было созвано совещание Пелопоннесского союза, на которое приехало также и афинское посольство.

Это совещание было настоящей дипломатической конференцией. На ней резко столкнулись интересы ряда греческих государств. Прения носили бурный характер. Коринфские делегаты обрушились на своего гегемона Спарту. Заинтересованные в немедленном открытии военных действий против Афин, они обвиняли спартанцев в бездеятельности, медлительности и неосведомленности в общегреческих делах. «Вы, — говорили коринфские представители спартанцам, — отличаетесь рассудительностью, но вы плохо знаете, что творится за пределами вашей страны» [1]. Другое дело — афиняне. Осведомленностью, быстротой и сообразительностью они далеко опередили всех остальных греков. Благодаря этому они одну часть греков уже поработили, а другую намерены покорить в скором времени. Афиняне всегда на словах выступают против войны; на самом же деле они усиленно к ней готовятся [2].

Коринфяне делали вывод о необходимости создания антиафинской коалиции и немедленного открытия военных действий

---

[1] *Thucydides*, Historiae, I, 68.
[2] Ibidem.

против Афин, похитивших греческую свободу. С ответом коринфянам выступили афинские делегаты.

В высшей степени искусно построенная аргументация афинских послов развертывалась по двум линиям. С одной стороны, они доказывали, что гегемонию в эллинском мире и среди варваров афиняне приобрели не насилием и интригами. Они достигли ее вполне законным путем во время национальной войны с персами, проявив в защите общегреческих интересов «величайшее рвение и отвагу».

Приходится удивляться не тому, говорили послы, что Афины занимают руководящее положение в эллинском мире. Удивительно то, что при такой мощи они столь умеренно пользуются своими преимуществами и проявляют больше справедливости, чем это вообще свойственно человеческой природе. «Мы полагаем, что всякий другой... на нашем месте доказал бы, насколько мы умеренны» [1].

Афинские делегаты предлагали Союзному собранию учесть, с каким могущественным государством предстоит борьба членам Пелопоннесского союза, коль скоро они склонятся к решению предпочесть миру войну. «Подумайте, сколь велики неожиданности войны. Не принимайте на себя ее тяжелого бремени в угоду чужим замыслам и притязаниям... Не нарушайте договора и не преступайте данной вами клятвы» [2].

После этого афинские послы покинули собрание. Оставшись со своими союзниками, спартанцы стали обсуждать вопрос в закрытом совещании, взвешивая доводы за и против немедленного объявления войны Афинам. Мнения самих спартанских представителей по этому вопросу разделились.

Первым выступил царь Архидам. «Человек рассудительный и благоразумный», он высказался за осторожную политику. Исходя из чисто военных соображений, Архидам советовал не доводить дела до вооруженного конфликта с первоклассной морской державой — Афинами, при недостаточности союзнического флота. Не следовало, по его мнению, ни проявлять слишком много военного задора, ни обнаруживать излишней уступчивости. Нужно умело устраивать собственные дела, заключая союзы не только с греками, но и с варварами. Главное, всеми способами необходимо увеличивать свою денежную и военную мощь [3].

Против Архидама выступил эфор Сфепелаид. Он предлагал голосовать за немедленное объявление войны. Только быстрым налетом, полагал он, можно захватить Афины врасплох и выполнить свой долг перед союзниками. По окончании речи

---

[1] *Thucydides*, Historiae, I, 76.
[2] Ibid., 78.
[3] Ibid., I, 79.

Сфенелаид поставил вопрос на голосование уполномоченных государств, которые присутствовали на конференции. Большинство высказалось за предложение эфора, признав, что мирный договор 445 г. нарушен Афинами и что неизбежным следствием этого является война.

Никиев мир (421 г. до нашей эры)

Обмен посольствами продолжался и после объявления войны. Разница состояла лишь в том, что переговоры велись воюющими странами «без глашатаев», т. е. полуофициальным путем. В 421 г. между обессиленными войной противниками начались переговоры, завершившиеся так называемым Никиевым миром, заключенным в том же году. Текст Никиева мира интересен как образец дипломатических документов античной Греции. В передаче Фукидида основная часть текста договора гласит: «Настоящий договор заключили афиняне и лакедемоняне [1] с союзниками на следующих условиях, утвержденных клятвами каждого города... Да не позволено будет лакедемонянам с их союзниками браться за оружие с целью нанесения вреда афинянам и их союзникам, ни афинянам с их союзниками — для нанесения вреда лакедемонянам и их союзникам, какими бы то ни было способами» [2].

Далее определялись права городов, возвращаемых лакедемонянами афинянам. Эти города объявлялись независимыми. «Городам, — гласил подписанный текст договора, — быть независимыми, пока они уплачивают дань, установленную Аристидом. Да не позволено будет по заключении договора ни афинянам, ни их союзникам браться за оружие во вред городам» [3].

Другим центральным пунктом Никиева мира был вопрос о возвращении захваченных территорий. Афиняне обязались возвратить спартанцам районы, захваченные на Пелопоннесе, а спартанцы — во Фракии. Мирный договор предусматривал также обмен военнопленными. В последнем были больше всего заинтересованы спартанцы, которые потеряли в сражении при Сфактерии свой отборный отряд.

«Лакедемоняне и союзники обязуются возвратить афинянам Панакт, афиняне лакедемонянам — Корифасий и всех лакедемонских граждан, содержащихся в заключении в Афинах или в какой-нибудь другой части Афинского государства, а равно и всех союзников... Также и лакедемоняне с их союзниками обязуются возвратить всех афинян и их союзников» [4]. Особой статьей были оговорены права Дельфийского храма.

---

[1] Лакедемоняне — официальное наименование спартанцев. Пелопоннесский союз античные авторы иногда называли Лакедемонским.

[2] *Thucydides,* Historiae, V, 18.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem.

Договор заключался на 50 лет. Он должен был соблюдаться сторонами «без коварства и ущерба на суше и на море» и скреплялся присягой: «Буду соблюдать условия и договор без обмана и по справедливости». Присягу условлено было возобновлять ежегодно и в каждом городе отдельно. В договоре имелась оговорка, которая разрешала в случае нужды вносить в текст необходимые изменения. Договор вступал в силу за шесть дней до конца месяца Елафеболиона. В конце следовали подписи лиц, заключивших договор.

В том же году между Афинами и Спартой было заключено дружественное соглашение, которое предусматривало взаимопомощь обеих сторон в случае нападения какой-либо третьей державы, а кроме того, Афины обязывались оказать поддержку Спарте в случае восстания рабов (илотов). Несмотря на свою политическую борьбу, Афины и Спарта были солидарными перед лицом рабов, выступления которых угрожали основам античного рабовладельческого строя. Однако соглашение было крайне невыгодно для афинян, так как они лишились сочувствия и поддержки угнетаемого спартанцами населения Мессении в соседних местностях с занятым афинянами портом Пилосом.

Это хорошо поняли спартанцы. Чувствуя, как укрепились их позиции, спартанцы отказались выполнить условие договора о передаче афинянам Амфиполя во Фракии.

Через несколько лет вооруженный конфликт между Афинами и Спартой возобновился и принял еще более широкие размеры. Исходным моментом второго периода Пелопоннесской войны послужила военная экспедиция Афин в Сицилию (415 г. до нашей эры). Посылка этой экспедиции была серьезной ошибкой афинской дипломатии, предварительно не изучившей политического состояния Сицилии и слепо доверившейся сообщениям сицилийских посольств, которые прибыли в Афины просить помощи против Сиракуз. Результатом этой ошибки была гибель в сицилийской экспедиции лучших частей афинского флота и армии (413 г. до нашей эры).

Сицилийская катастрофа имела своим последствием государственный переворот в Афинах (411 г. до нашей эры), где временно захватили власть сторонники олигархии, и глубокие изменения в международных отношениях греческого мира. «Вся Эллада пришла в сильное возбуждение ввиду тяжелого поражения Афин» [1]. Каждое государство спешило объявить себя врагом Афин и примкнуть к антиафинской коалиции. Все враги Афин, замечает Фукидид, были убеждены, что «дальнейшая война будет кратковременной, а участие в ней почетным и выгодным» [2].

[1] *Thucydides*, Historiae, VIII, 2.
[2] Ibid., 3.

Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры)

Однако враги Афин скоро убедились, что могущественная Афинская республика даже и после сицилийской катастрофы продолжает сохранять свою морскую мощь. Победить Афины можно было лишь при наличии большого флота, которого ни Спарта, ни ее союзники не имели. Постройка же флота предполагала наличие богатой казны, которой также не обладали ни Спарта, ни ее друзья. Единственный выход из создавшегося положения антиафинская коалиция видела в том, чтобы обратиться за денежной помощью к персидскому царю Дарию II.

Царь охотно принял на себя роль международного банкира. Дарий считал создавшееся положение как нельзя более благоприятным для восстановления своего могущества в бассейне Эгейского моря и в Малой Азии. В качестве советника персидского царя по вопросам внешней политики выступал в то время человек незаурядных способностей — Тиссаферн, царский наместник (сатрап) в Приморской области, в которую входили греческие города, расположенные на западном побережье Малой Азии (Смирна, Эфес, Милет и т. д.).

По предложению Тиссаферна в Спарту было отправлено сразу два посольства: от островных греков, которые отпали от Афинского союза, и от самого Тиссаферна. Тиссаферн надеялся достичь двух целей: ослабить Афины и при поддержке Спарты обеспечить более регулярное поступление дани царю от подвластных ему греческих городов Малой Азии. Имея за своей спиной Афины, малоазиатские греки уплачивали дань крайне неаккуратно и притом постоянно грозили отделением. Кроме того, при поддержке Спарты Тиссаферн рассчитывал наказать своих врагов, проживавших в Греции. Оба посольства предложили лакедемонянам мир и союз.

В результате недолгих переговоров между персидскими послами и спартанскими эфорами в 412 г. в Спарте был заключен союз между пелопоннесцами и Персией на выгодных для царя условиях. Согласно этому договору, персидскому царю передавались «вся страна и все города, какими ныне владеет царь и какими владели его предки» [1]. Тем самым спартанцы признавали права персидского царя на греческие малоазиатские города, освобожденные в результате греко-персидских войн. По другой статье все подати и доходы указанных стран и городов, которые до тех пор получали Афины, отныне передавались персидскому царю. «Царь, лакедемоняне и их союзники обязуются общими силами препятствовать афинянам взимать эти деньги и все остальное». Следующая статья гласила о том,

[1] *Thucydides*, Historiae, VIII, 18.

что войну против Афин должны вести сообща царь, лакедемоняне и их союзники. Прекращена война может быть только с общего согласия всех участников договора, т. е. царя и Пелопоннесской симмахии. Всякий, кто восстанет или отложится от царя, Спарты или союзников, должен считаться их общим врагом.

Договор 412 г. вскоре вызвал недовольство спартанцев, потребовавших его пересмотра. С другой стороны, и Тиссаферн не вполне точно соблюдал принятое им на себя обязательство выплачивать содержание лакедемонским морякам.

Начались новые переговоры. В результате между спартанцами и персами был заключен договор в городе Милете. По сравнению с прежним соглашением Милетский договор был более выгоден для Спарты. Царь подтвердил свое обязательство поддерживать и оплачивать войско Лакедемонского союза, находящееся на персидской территории.

Впрочем, и этот вариант договора не мог вполне удовлетворить лакедемонян, ибо они претендовали на общегреческую гегемонию, а в новой редакции соглашения все же оставалась в силе весьма растяжимая статья, передававшая царю все города и все острова, какими владел не только он сам, но и его предки. «По смыслу этой статьи, — говорит Фукидид, — лакедемоняне вместо обещанной всем эллинам свободы вновь наложили на них персидское иго» [1].

Требование Спарты устранить эту статью вызвало гнев Тиссаферна. Персидского сатрапа уже начинал беспокоить твердый тон спартанских дипломатов. С этого времени персидская дипломатия делает поворот от Спарты в сторону Афин, своего недавнего врага.

Система политического дуализма Алкивиада

Советником Тиссаферна был афинянин Алкивиад. В это время он состоял на спартанской службе, но тяготился тамошними порядками и подготовлял почву для своего возвращения в Афины. Алкивиад советовал Тиссаферну вернуться к исконной дипломатии восточных царей: поддерживать в греческом мире систему политического дуализма и, таким образом, не допускать чрезмерного усиления ни одного из греческих государств. Если, говорил Алкивиад, господство на суше и на море в Греции будет сосредоточено в одних руках, царь не будет иметь себе союзника в греческом мире. Вследствие этого в случае обострения отношений с греками он будет вынужден вести войну один с большими расходами и риском. Гораздо легче, дешевле и безопаснее для царя предоставить эллинским государствам истощать друг друга. С точки зрения интересов персидской политики в тот момент целесообразнее

[1] *Thucydides*, Historiae, 43.

было поддерживать не спартанцев, а афинян. Диктовалось это тем соображением, что афиняне стремились подчинить себе лишь часть Эгейского архипелага и западного побережья Малой Азии, предоставляя в распоряжение царя и Тиссаферна всех прочих эллинов, живших на царской территории. Между тем в случае перехода гегемонии к Лакедемонскому союзу спартанцы не только освободили бы эллинов от афинского гнета, но, весьма вероятно, пожелали бы также освободить их и от персидского ига. Из всего этого Алкивиад делал практический вывод: не торопиться с окончанием войны, истощить афинян до последней степени, а потом, соединившись с ними, разделаться также и с пелопоннесцами. Первым шагом к этому должно было явиться уменьшение жалованья пелопоннесским морякам по крайней мере наполовину.

Алкивиад своей политикой преследовал прежде всего личные цели. Он мечтал вернуться в Афины и снова добиться руководящего положения в государстве. Достигнуть этого он и его друзья надеялись с помощью Тиссаферна и царской казны. Предательская деятельность Алкивиада, казалось, достигла своей цели. Персия стала оказывать поддержку Афинам против Спарты.

Однако временный переход военного счастья на сторону афинян после возвращения Алкивиада на родину заставил персидских правителей вновь сблизиться со спартанцами, которых персы снова стали поддерживать до полного разгрома Афинской морской державы.

В момент капитуляции Афин в 404 г. до нашей эры фиванцы, коринфяне, мегаряне и некоторые другие союзники Спарты настаивали на полном уничтожении побежденного города и раздела между ними его территории. Однако спартанцы, опасаясь излишнего усиления своих союзников, настояли на сохранении Афинского государства. Афины обязались распустить свой морской союз, уничтожить боевые корабли, кроме 12, оставленных им для охраны берега Аттики от морских разбойников, срыть крепостные стены, соединявшие Афины с Пиреем, выплатить контрибуцию Спарте и ее союзникам.

После окончания Пелопоннесской войны требование персидского царя выполнить условия договора 412 г. о передаче под власть персов греческих городов Архипелага и Малой Азии было одним из поводов к войне между Персией и Спартой. Затруднения Спарты во время этой войны содействовали образованию антиспартанской коалиции в составе Афин, Коринфа, Фив и других городов. Началась так называемая Коринфская война (395—387 гг. до нашей эры), в результате которой Спарта была вконец разорена и истощена, а гегемония Афин стала возрождаться.

Антиалкидов мир (387 г. до нашей эры)

Между Афинами и Пиреем были сооружены новые укрепления («Длинные стены»). Афинская рабовладельческая демократия с ее стремлением к панэллинской гегемонии опять подняла голову. Возрождение демократических Афин пугало не только спартанцев. Оно тревожило персидских сатрапов и самого персидского царя, склонного скорее поддерживать спартанских олигархов, чем Афинскую республику с ее демократическими порядками. С этого времени между спартанцами и афинянами возобновляется яростная борьба за влияние на персидского царя. Спартанцы отправили к персидскому сатрапу Тирибазу посольство во главе с Антиалкидом. Этому хитрому и ловкому дипломату было поручено любой ценой добиться заключения мира между персидским царем и лакедемонянами. Афиняне и союзники со своей стороны снарядили посольство к тому же Тирибазу. Антиалкид предлагал мирные условия, приемлемые как для царя, так и для лакедемонян. «Лакедемоняне, — говорил он, — не оспаривают у царя греческих городов, которые находятся в Малой Азии. С них достаточно того, чтобы прочие города получили автономию. Раз мы согласны на эти условия, чего ради царь станет воевать с нами и расходовать деньги?»[1] Тирибаз пришел в восторг от речей Антиалкида. Но против предложения спартанского дипломата решительно восстали афиняне и фиванцы. Они рассматривали требование автономии городов как коварный маневр, направленный к уничтожению всех военно-политических союзов в Греции.

Тем не менее дипломатический маневр Антиалкида увенчался успехом. Обе стороны, истощенные борьбой, вынуждены были согласиться на условия, продиктованные царем Артаксерксом. Тирибаз объявил, чтобы все желающие немедленно явились к нему и выслушали присланные персидским царем условия мира. По прибытии послов Тирибаз, указывая на царскую печать, удостоверявшую подлинность документа, прочел следующее: «Царь Артаксеркс полагает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Малой Азии, а из островов — Клазомены и Кипр. Всем прочим городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти Афин». Таковы были условия знаменитого царского, или Антиалкидова, мира (387 г. до нашей эры), который, запрещая организацию каких-либо союзов в Греции, кроме Пелопоннесского, узаконял политическую раздробленность, а следовательно, и слабость Греции. В конце текста имелась многозначительная приписка:

[1] *Xenophon.* Historiae graeca, IV, 8, 14.

«Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ней государствам окажу поддержку кораблями и деньгами».

3. Греческая дипломатия в конце IV в. до нашей эры

Филократов мир (346 г. до нашей эры)

Антиалкидов мир означал дипломатическое поражение Афин. Малоазиатские города снова подпали под власть Персии. Автономия, предоставленная царем отдельным городам, означала запрещение союзов. Афины должны были отказаться от попытки восстановления Афинского союза, Фивы — от верховенства над беотийскими городами. Оставался лишь Пелопоннесский союз, и утверждалась de facto гегемония Спарты во всей Греции.

Антиалкидов мир узаконял вековую политическую раздробленность Греции, но ни персидским политикам, ни Спарте не удалось преодолеть объединительных тенденций. В 70-х годах IV в. приобретает значение Беотийский союз, а затем создается второй Афинский морской союз, но они были недолговечны.

К середине IV в. у северных рубежей Греции усиливается Македонское царство. Пользуясь раздробленностью страны, Македонии удалось утвердить свое влияние в Греции, а потом и подчинить себе греческие города. При царе Филиппе II (359—336 гг. до нашей эры) Македония превратилась в одно из сильнейших государств Эгейского бассейна, которое подчиняло своему влиянию одну греческую область за другой. Этой судьбы не избежали и Афины.

Установление македонской гегемонии в Греции совершалось военным и дипломатическим путем. Филипп пускал в ход все имевшиеся в его распоряжении средства: подкуп, дипломатические послания («письма Филиппа»), материальную и моральную поддержку греческих «друзей Македонии», союзы с соседними варварскими князьями, дружбу с персидским царем, организацию восстаний во враждебных ему государствах. Особенно большое значение Филипп придавал подкупу, утверждая, что нагруженный золотом осел возьмет любую крепость. Оплачивалось не только политическое красноречие, но и политическое молчание. На заявление одного греческого трагика, что он получил талант за одно лишь выступление, оратор Демад ответил, что ему царь за одно красноречивое молчание дал десять талантов [1].

---

[1] *Aulus Gellius*, Noctes Atticae, XI, 10.

Успехи Македонии объяснялись исторически назревшей потребностью в создании крупных государственных объединений, что вызывалось ростом производительных сил в Средиземноморском бассейне, развитием торговли и промышленности. В самой Греции при ее политической раздробленности не было государства, которое было бы способно объединить страну.

Замыслы смелого и властолюбивого македонского царя соответствовали и стремлениям некоторых греческих идеологов, например популярного оратора Исократа. В своем сочинении «Панегирик» Исократ развивал идею объединения всех греческих государств под гегемонией одной страны и одного вождя. «Объединенная Греция, — писал он, — предпримет поход против исконного врага эллинского народа — Персии. Счастливая война с Персией откроет простор предпринимательскому духу и освободит Грецию от массы бедного люда, дав работу бродячим элементам, угрожающим самому существованию Эллинского государства и культуре...» «Пусть воодушевленное патриотической идеей воинство сделает Грецию обладательницей неисчерпаемых сокровищ Востока, центра мирового обмена».

Против централистических тенденций Филиппа и македонской партии в Афинах выступала антимакедонская группа. Во главе ее стоял знаменитый греческий оратор Демосфен. В речах он со всей страстью своего бурного красноречия обрушивался на «македонского варвара». Но и сам Демосфен не отрицал необходимости объединения Греции. Он полагал лишь, что это должно совершиться путем создания союза свободных эллинских городов, без участия Македонии.

Демосфена поддерживали афинские демократические массы. Для них победа Македонии означала бы конец демократических учреждений. Между тем ядро македонской партии, которое составляло богатое гражданство, главным образом купечество, рассчитывало на наживу в случае «счастливой войны» с Персией и на поддержку со стороны твердой власти царя.

Основной политической целью Филиппа II было подчинение Греции, чего он стремился достигнуть, воспользовавшись недоверием и конфликтами между греческими городами-государствами. Он всеми средствами препятствовал образованию антимакедонских союзов. Начав с натравливания друг на друга греческих городов, расположенных на берегах Халкидского полуострова и Фракии, Филипп затем поочередно овладел Пидной, Олинфом, Амфиполем. Вмешавшись под предлогом защиты Дельфийского храма в «священную войну», которую спровоцировали фиванцы с целью нападения на жителей Фокиды, македонский царь подчинил Фессалию. Только вмешательство афинян, занявших своими войсками Фермопильский проход, помешало Филиппу проникнуть в Среднюю Грецию.

Считая выгодным для себя получить некоторую передышку, Филипп II начал с Афинами переговоры о мире, требуя признания всех его захватов. Афиняне дали предварительное согласие и отправили в Македонию посольство, во главе которого стоял брат руководителя сторонников Македонии Эсхина — Филократ. Однако когда афинское посольство прибыло в столицу Македонии Пеллу, Филипп отправился на фракийский берег и, захватив ряд новых греческих городов и побережье Херсонеса Фракийского, потребовал, чтобы афиняне признали и эти захваты, с чем Филократ и его спутники согласились.

В 346 г. до нашей эры между Македонией и Афинами и их союзниками был подписан Филократов мир, утверждавший за македонским царем все завоевания. Заключение мира горячо приветствовал Исократ, видя в этом первый шаг к осуществлению своей давнишней идеи объединения Греции для «счастливой войны» с Персией. «Ты освободишь эллинов», — писал он Филиппу II, — от варварского деспотизма и после этого осчастливишь всех людей эллинской культурой».

Дебаты в Афинском собрании по вопросу о Филократовом мире

В афинском Народном собрании кипела ожесточенная борьба между сторонниками и противниками македонской гегемонии. Дело шло о направлении всей внешней и внутренней политики Афин. В центре спора был Филократов мир. Демосфен и другие демократические вожди считали этот мир губительным для Афин. Они требовали предания суду Эсхина и Филократа, которые подписали этот договор. По вопросу о Филократовом мире Демосфен произнес целый ряд речей («О мире», «Об острове Галоннесе», «Филиппики»). Для истории дипломатии особенно интересна «Третья Филиппика» Демосфена. В этой замечательной речи оратор предостерегал афинских граждан против лживых заверений Филиппа. Напрасно твердит македонский царь о своих мирных намерениях, всем известны факты насильственного захвата Филиппом греческих городов. «Я не говорю об Олинфе, Метоне, Аполлонии и о 30 городах Фракийского побережья, — сказал Демосфен, — которые все до единого беспощадно разорены Филиппом... Умалчиваю я и о жестоком истреблении им фокидян. А каково положение Фессалии? И разве эвбейские государства уже не подчинены тирану? И это — на острове, находящемся в ближайшем соседстве с Фивами и Афинами!»[1] Все помыслы и действия Филиппа, продолжал Демосфен, направлены к одной цели — уничтожению греческой свободы и эллинской образованности. Правда, Филипп называет себя филэллином, т. е. другом Эллады. Это не более как обман.

[1] *Demosthenes*, Orationes, IX, 26.

Филэллином царь не может быть уже в силу своего варварского происхождения. «Он не эллин и ни в каком родстве с эллинами не состоит, он даже не инородец добропорядочного происхождения» [1].

Столь же резко обрушивался Демосфен в речах и на афинских граждан, которые стояли за мир с Филиппом. Эсхина и его брата Филократа, скрепивших этот мир своими подписями, Демосфен обвинял в измене родине.

Наряду с политическими обвинениями противники Эсхина утверждали, что он запятнан насилием над свободной женщиной. По их мнению, это обстоятельство порочило звание посла Афин, от которого требовалась безупречная нравственная чистота.

Приверженцы Македонии, как и сам Филипп, также не оставались в долгу. В дошедших до нас речах Эсхина и письмах Филиппа II содержатся целые обвинительные акты против Демосфена и его друзей. Их обвиняли в клевете, демагогии и продажности. В речи «О недобросовестно выполненном посольстве» Эсхин называет Демосфена заносчивым человеком, который только себя самого считает «единственным охранителем государственных интересов», а всех остальных клеймит как предателей. «Он все время оскорбляет нас. Он осыпает возмутительной бранью не только меня, но и других». Клеветнические обвинения Демосфена, жалуется Эсхин, столь многочисленны, запутанны и противоречивы, что трудно их даже и запомнить. Только афинский народ может избавить его, Эсхина, от возводимой на него гнусной клеветы. К народу, как к единственному прибежищу и носителю справедливости, и взывает Эсхин. «Вам я воздаю хвалу, — восклицает Эсхин, обращаясь к согражданам. — Вас я люблю за то, что вы больше верите жизни обвиняемого, чем возводимым на него небылицам» [2].

Дипломатические письма македонского царя Филиппа II к афинскому народу

У Филиппа II, который принимал в развернувшейся борьбе личное участие, имелись искусные секретари, да и сам македонский царь в совершенстве владел письменной и устной греческой речью. Об этом можно судить по нескольким сохранившимся открытым письмам царя, с которыми он обращался к афинскому народу.

Поводом для составления одного из таких писем послужил инцидент с островом Галоннесом в Эгейском море. В 342 г. до нашей эры этот остров был захвачен пиратами. Филипп изгнал их, но остров удержал за собой. На требование афинян вернуть остров царь ответил отказом: остров принадлежит ему, при же-

[1] *Demosthenes,* Orationes, XI, 31.
[2] *Aeschines,* De male gesta legatione, 2.

лании он может его подарить афинянам, но не возвратить как их собственность. Демократические вожди подняли в экклесии[1] кампанию против Филиппа. Они упрекали его в самоуправстве и нарушении условий Филократова мира. Указывали и на другие правонарушения, допущенные Филиппом: изгнание эпирского царя Арриббы, нападение на фракийского князя Керсоблепта и т. д. Филипп был весьма обеспокоен этими нападками. Чтобы оправдаться от возводимых на него обвинений, он обратился к Афинской экклесии с пространным письмом. Вначале он приветствовал афинский народ и объяснял цели послания, а затем следовали укоры по адресу афинских граждан, руководимых «продажными ораторами».

«Филипп желает всего хорошего Афинскому собранию и народу! После того как вы не обратили никакого внимания на мои частые посольства к вам, имевшие целью обеспечить соблюдение клятвенных обязательств и предлагавшие добрососедские отношения, я решил письменно обратиться к вам по поводу некоторых обвинений, которые, как мне кажется, возводятся на меня несправедливо». Эти обвинения Филипп объявлял выдумкой «продажных ораторов», которые сознательно разжигают войну. «Ведь сами ваши граждане говорят, что мир для них — война, а война — мир. Поддерживая вояк, они за это получают от них, что нужно, а пороча лучших граждан и нападая на людей, пользующихся доброй славой и за пределами Афинского государства, они делают вид, будто служат интересам народа».

Филиппу II удалось достигнуть поразительных результатов. Еще в 346 г. до нашей эры он был избран членом Дельфийско-Фермопильской амфиктионии и стал арбитром в спорах между греческими городами. Это дало царю возможность представить борьбу со своими противниками в Греции как «священную войну», которую он ведет по поручению амфиктионов. В 338 г. до нашей эры при Херонее в Беотии произошла решительная битва между войсками Филиппа и Греческой союзной лигой, созданной Демосфеном. В этом бою союзная лига была разбита наголову. Такое поражение зависело столько же от силы противника, сколько от внутреннего бессилия самой лиги.

Коринфский конгресс (338—337 гг. до нашей эры)

После Херонеи Филипп II отправился походом в Южную Грецию. Все города Пелопоннесского союза, за исключением Спарты, признали власть македонского царя. Филипп старался показать, что он поддерживает и охраняет принципы автономии отдельных городов. С каждым городом в отдельности им был заключен оборони-

[1] Экклесия — народное собрание в Афинах, на котором решались все важнейшие вопросы внешней и внутренней политики.

тельный и наступательный союз. Основой этого союза было сохранение внутренней автономии и свободы данного города. Для разрешения вопросов, касавшихся всей Греции, Филипп созвал в 338 г. до нашей эры в Коринфе общегреческое совещание (синедрион), на котором были представлены все греческие государства, кроме Спарты.

Собрание под председательством самого Филиппа провозгласило прекращение войны в Греции и установление всеобщего мира. После этого были обсуждены и вопросы, связанные с подготовкой похода против Персидской державы. Греческая раздробленность была преодолена созданием общегреческой федерации, с включением в нее Македонии и под председательством македонского царя.

Между греческими государствами и македонским царем был заключен вечный оборонительный и наступательный союз. Под страхом тяжелого наказания ни одно государство, ни один грек не должны были выступать против царя или помогать его врагам. Все возникавшие между греческими государствами спорные вопросы передавались на рассмотрение суда амфиктионов. Главой же коллегии амфиктионов был Филипп. Преступными актами объявлялись какие бы то ни было изменения в конституции городов, конфискация имущества, отмена долгов, призыв рабов к восстанию и пр. В заключение конгресс принял решение начать войну с Персией. Филипп надеялся отвлечь внимание от греческих дел «быстрой и счастливой» войной в Азии[1]. Предводителем (гегемоном) союзного греческого ополчения был назначен тот же Филипп II. Слово «царь» в актах Коринфского конгресса не встречается. В сношениях с греками Филипп никогда не именовал себя царем (басилевсом). Для свободных эллинов он был не басилевс, а гегемон.

В 336 г. до нашей эры Филипп II был убит, и выполнение его планов принял на себя его сын Александр Великий (336—323 гг. до нашей эры). В течение каких-нибудь 10 лет Александр покорил Персидскую державу, которая включала все страны Азии от берегов Эгейского моря на западе до Индии на востоке. Подобно своему отцу, Александр действовал не только силой оружия, но и дипломатическими средствами. Путем дипломатии он склонил на свою сторону малоазиатские греческие города, заключил союз с египетскими жрецами и использовал взаимную вражду индийских раджей.

К Александру прибывала масса посольств от самых различных стран и народов — греков, персов, скифов, сарматов, индусов и многих других. С одними он был чрезвычайно любезен и щедр, к другим — открыто жесток.

---

[1] *Diodorus Siculus*, Bibliotheca historica, XVI, 89.

Александр часто проявлял деспотическую жестокость, но только с расчетом, в тех случаях, когда считал, что это необходимо. Поддерживая в городах европейской части Греции аристократов и олигархов, Александр установил в малоазиатских греческих городах «демократическое управление», для того чтобы привлечь их население на свою сторону.

Характерна расправа Александра с лицами, убившими Дария III, продиктованная его стремлением подчеркнуть законность своих претензий на власть в персидской монархии. Дипломатическим шагом являлось и нарочито мягкое отношение Александра к побежденному и взятому в плен индийскому правителю Пору (326 г. до нашей эры). Александр не только вернул пленнику его владения, сделав его своим наместником, но даже расширил границы управляемой им области.

4. Дипломатия и международные отношения в эллинистическом мире

После смерти Александра наступает новый период греческой истории — период эллинизма.

Александр оставил огромное наследство в виде массы покоренных земель. Совершеннолетних наследников у него не было. Претендентами на престол выступили его сподвижники. После долгих споров и вооруженных столкновений верховным правителем был признан Пердикка, старший из полководцев Александра. Однако назначение Пердикки регентом при малолетнем сыне Александра вызвало недовольство других полководцев, которые считали себя обойденными. Следствием этого были ожесточенные войны, заполняющие весь период борьбы между преемниками Александра (диадохами) вплоть до битвы при Ипсе (301 г. до нашей эры), в которой союзники Селевк и Лизимах разгромили войска Антигона Одноглазого.

После битвы при Ипсе империя Александра окончательно распалась на несколько частей. Они составили так называемые «эллинистические» государства. По своему характеру они представляли своеобразное сочетание греческого (эллинского) полиса и древневосточных деспотий. Монархический элемент в этих царствах с каждым столетием усиливался. В период эллинизма греческая культура широко распространялась по всему Средиземноморскому бассейну и землям древнего Востока.

История эллинистических государств охватывает около двух столетий (III—II вв. до нашей эры). В конце II и в I в. до нашей эры эллинистические царства были завоеваны новыми

великими державами, сложившимися на западе и востоке средиземноморского мира, — Римом и Парфией.

В эпоху эллинизма образовалась система государств, находившихся в постоянных дипломатических, культурных и экономических взаимоотношениях.

В эту систему входили большие державы, на которые распалась монархия Александра: царство Птолемеев в Египте и Кирене, огромное государство Селевкидов в юго-западной Азии, царство Антигонидов в Македонии и Греции, Пергамское царство, Вифиния и Понт в Малой Азии, остров Родос (его правители развивали активнейшую дипломатическую деятельность), ряд прибрежных городов в Греции, Ахейский и Этолийский союзы, Сицилия, Карфаген и несколько позднее Рим.

Для истории дипломатии эллинистическая эпоха представляет большой интерес. Никогда до этого в древнем средиземноморском мире не заключалось такого множества союзных договоров, симмахий и эпимахий (оборонительных и наступательных союзов), как в это время.

Памятниками дипломатической истории эллинистической эпохи являются сохранившиеся тексты договоров, письма правителей, речи государственных деятелей, передаваемые в сочинениях древних историков.

В большинстве вышеперечисленных государств появились специальные лица, которые ведали и руководили отношениями с соседями. Такие руководители внешней политики были в государстве Селевкидов и в царстве Птолемеев. В их подчинении находились канцелярии. Писцы этих канцелярий вырабатывали инструкции послам, подготавливали для правителей ответные письма, посылаемые в соседние страны, беседовали с иностранными послами перед приемом их царями.

Обмен посольствами в это время производился очень часто. Послы посещали соседние государства не только для объявления войны и заключения мира, но и по различным другим поводам, зачастую жили там по нескольку месяцев, наблюдая и изучая политическую жизнь. Послы стремились узнать о намерениях правителей, собрать сведения о военной и политической ситуации в стране, особенно о целях и предложениях прибывавших из третьих стран посольств[1]. Перед отъездом в соседнюю страну послы получали точные инструкции, а затем в ответ на их сообщения им посылались дополнительные указания. Иногда послы отправлялись в соседнюю страну в секретном порядке, под видом путешественников или торговцев.

В эпоху эллинизма выработались и известные нормы поведения во время международных переговоров. Греческий исто-

[1] *Polybius*, Historiae, V, 34.

рик Полибий сообщает, что первые римские послы, прибывшие в эллинистические государства, поражали греков грубостью и неумением держать себя в обществе привыкших к вежливости эллинистических политических деятелей.

Считалось неприличным для посла или правителя во время переговоров проявлять свои чувства: радость, гнев, насмешку. Обычно государственные деятели, враждовавшие друг с другом, совершенно спокойно, с улыбкой на устах вели дипломатическую беседу. Когда македонский царь Филипп V при встрече с послами Этолийского союза заявил, что он боится коварства, то, как сообщает Полибий, присутствовавшие при этом руководящие деятели были возмущены грубой бестактностью речи этого царя[1]. Посол не должен был прерывать речь того лица, с которым вел переговоры. Полибий рассказывает, что когда один из римских послов осмелился прервать речь македонского царя Филиппа V, то последний сказал ему, что прощает его и продолжает свой разговор с ним потому, что, во-первых, тот молод, во-вторых, красив, и, в-третьих, римлянин.

В эпоху эллинизма появились международные обычаи, рассматривавшиеся как нечто вроде норм международного права, нарушение которого считалось дикостью, вызывавшей отвращение во всех эллинистических странах. Такими правилами были следующие: не применять на войне отравленного оружия, возвращать военнопленных, если за них предлагался выкуп, не нападать на соседей без официального объявления войны. Очень важным считалось показать соседним странам, что государство, прибегавшее к нарушению мира и начинавшее войну, вынуждено было это сделать. Полагалось, что война — крайнее средство, к которому правители могли прибегать только в том случае, если были исчерпаны все возможности разрешить конфликт путем дипломатических переговоров. Поэтому каждая из спорящих сторон старалась свои претензии подкреплять документами или ссылками на «исторические» права. Зачастую во время конфликтов стороны обращались к третейскому суду другой державы. При намерении окончить войну и начать мирные переговоры с противником побежденное государство часто обращалось с просьбой к третьей нейтральной державе выступить в роли посредника и передать противнику предложения о заключении мирного договора.

Особенно часто в роли посредника при ведении переговоров между большими эллинистическими государствами выступали правители острова Родос, старавшиеся при этом получать для себя те или иные выгоды. Считалось совершенно недопустимым и крайне некорректным опубликование тайной дипло-

[1] *Polybius*, Historiae, XVIII, 1.

матической переписки. Во время войны с Римом македонский царь Филипп V имел секретную переписку с правителями Родоса. Когда он был разбит римлянами, то поспешил отдать распоряжение уничтожить все дипломатические документы: «Он поступил согласно долгу царя...» — пишет Полибий, сообщая об этом факте [1].

Установился и своеобразный международный этикет, согласно которому считалось необходимым отправлять поздравительные посольства в соседние государства даже в тех случаях, когда тот или иной правитель находился с соседями далеко не в дружественных отношениях. Так, когда римляне разбили войска царя Антиоха III, в Рим съехались посольства с поздравлениями и драгоценными подарками даже из тех государств, которые сочувствовали побежденному правителю. Послы эллинистических государств составляли подробные отчеты о своих переговорах и зачастую давали описание тех стран, которые они посещали.

С конца III — начала II в. до нашей эры в отношения между эллинистическими государствами начала вмешиваться Римская республика, которая победила в 197 г. до нашей эры Македонию и в 190 г. до нашей эры государство Селевкидов.

С этого времени Рим делается важнейшим центром международных отношений рабовладельческих государств Средиземноморья, а римская дипломатия начинает диктовать условия своим соседям.

---

[1] *Polybius*, Historiae, XVIII, 33.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

1. Основные черты римской дипломатии

Формы международных связей в Риме

С древнейших времен в Риме существовали право гостеприимства (jus hospitii), напоминавшее греческую проксению. Имелась жреческая коллегия фециалов, которая регулировала возникавшие между племенами и племенными союзами споры и недоразумения. Ни одно важное внешнеполитическое предприятие не могло быть ни начато, ни кончено без санкции фециалов. В круг их полномочий входили: охрана международных соглашений, обряд формального объявления войны и заключения мира.

Коллегия фециалов состояла из 20 человек, которые принадлежали к древним родам и пожизненно пребывали в своем звании. Деятельность фециалов протекала под покровом глубокой тайны. Совершались различные обряды, произносились магические слова, смысл которых был понятен одним лишь посвященным. Внешним отличием фециалов служили особый вид шерстяной одежды, а также головная повязка.

В таком одеянии со скипетром и кремнем, символом Юпитера — охранителя клятв, выборный представитель коллегии, «святой отец» (pater patratus), в сопровождении другого фециала, который нес траву, вырванную с корнем на Капитолийском холме, отправлялся к границе соседнего народа для урегулирования спорных вопросов или объявления войны.

В случае невозможности разрешить спорные вопросы мирным путем прибегали к оружию. Объявление войны в древнем Риме было в высшей степени сложной процедурой. Фециалы несколько раз отправлялись в город, нарушивший международные установления. При этом всякий раз они совершали обряды и громким голосом произносили магические слова и проклятия по адресу нарушителя международного права. Затем комиссия фециалов возвращалась в Рим и в течение 33 дней ждала ответа. В случае неполучения такового фециалы докладывали Сенату и народу, которым принадлежало право объявления войны. После этого «святой отец» в последний раз отправлялся

к границе враждебного города и бросал на вражескую землю дротик с обожженным и окровавленным концом [1].

Процедура объявления войны детально описана в истории Тита Ливия в рассказе о войне римлян с альбанцами, решенной поединком трех братьев Горациев и Куриациев [2].

Заключение мира тоже сопровождалось многими церемониями и было весьма сложным делом. По выполнении всех положенных церемоний «святой отец» читал текст договора и произносил особое заклятие фециалов, которое призывало всякие беды и несчастия на голову нарушителя мира. «Римляне никогда не нарушат первыми условий, начертанных на этих таблицах, которые я вам сейчас прочел... если же они их нарушат, то тогда пусть поразит их Юпитер так, как я сейчас поражаю это жертвенное животное, но во столько раз сильнее, во сколько бог сильнее человека» [3].

С течением времени вышеописанные формы объявления войны и заключения мира видоизменялись, но никогда не исчезали совершенно. Коллегия фециалов упоминается в источниках позднереспубликанского и даже императорского периода [4].

К должностным лицам, представлявшим римскую общину и отдельных ее граждан в сношениях с иноплеменниками, относились и так называемые рекуператоры (recuperatores). Это были особые выборные судьи числом от 3 до 5, разбиравшие споры о взаимных материальных претензиях, возникавшие между римлянами и представителями соседних городов и племен. Можно предполагать, что в древнейший период римской истории рекуператоры выбирались не только из числа римлян, но и из представителей других италийских племен и являлись чем-то вроде третейского суда. Однако по мере роста могущества Рима рекуператоры стали выбираться только из римлян. Впоследствии, во II—I вв. до нашей эры, суд рекуператоров рассматривал также заявления и жалобы населения римских провинций на действия наместников.

В связи с развитием международных связей появляются в Риме и зачатки международного права. Они содержатся уже в фециальном праве (jus fetiale). По мере усложнения экономической жизни и развития мирных взаимоотношений с соседями наряду со старинным «гражданским правом» (jus civile), которое распространялось только на римских граждан, появляется «право народов» (jus gentium), регулировавшее отношения между римлянином и иностранцем. Оно не отличалось таким формализмом, как гражданское право, и облегчало заключение

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, I, 32.
[2] Ibid., 24.
[3] Ibidem.
[4] *Aulus Gellius*, Noctes Atticae, VI, 4.

всевозможных торговых договоров и сделок; «право народов» содержало вместе с тем некоторые положения, касавшиеся международных отношений.

Дипломатические органы

Организация и структура дипломатических органов античного Рима отражает особенности его политического строя. Если в Греции классического периода с ее развитой дипломатией значительную роль во внешней политике играли народные собрания, т. е. собрания всех свободных граждан, уроженцев данного города, то в Риме классического периода народное собрание решало лишь вопросы об объявлении войны и заключении мира, политическим же руководителем внешней политики являлся орган римской рабовладельческой знати — Сенат.

В древнейший (царский) период римской истории право посылать посольства принадлежало царю, а послами были фециалы. При республике это право перешло к Сенату. Посольские функции считались очень важными и предполагали высокие качества людей, на которых они возлагались. Вследствие этого назначение личного состава посольской миссии в Риме было очень сложным делом. Вопрос обсуждался в Сенате, и всякий раз по этому поводу издавалось специальное сенатское постановление (senatus consultum). «Слышал ли кто-либо, чтобы когда-нибудь в Риме послы избирались без сенатского постановления?»[1] — спрашивает Цицерон в одной из своих речей.

Сенатус-консультум устанавливал только нормы или принципы, на основании которых создавалось посольство. Послы назывались легатами (legati) и ораторами (oratores). Самый же выбор послов предоставлялся председательствующему в Сенате — консулу или претору. Иногда послов выбирали по жребию. Никто не имел права отказываться от участия в посольстве. Послы обычно избирались из сенаторского сословия (нобилей).

Римские посольства никогда не состояли из одного человека. Это противоречило бы духу римского права республиканской эпохи. Делегации состояли из двух, трех, четырех, пяти и даже десяти человек. Но их обычный состав — три человека. Все посольства имели председателя, или главу посольства (princeps legationis). Эта роль принадлежала сенатору высшего ранга. Личность посла была защищена обычаем и законом.

Внешним отличием послов служил золотой перстень, дававший право на бесплатный проезд и получение в пути всего необходимого. Для усиления престижа послов их корабль иногда сопровождали военные суда (квинкверемы). На содержание посольских делегаций отпускались дорожные деньги (viaticum).

---

[1] *Cicero*, Pro Sestio, 14, 33.

и все необходимые принадлежности — серебряная посуда, одежда, белье, походная постель. Кроме того, к послу прикреплялся целый штат прислуги (свободные и рабы): секретари, переводчики, булочники, кондитеры, мясники и другие слуги.

Цели посольства могли быть самыми различными: объявление войны и заключение мира, подписание договоров, организация покоренных провинций, третейское улаживание международных конфликтов и разрешение религиозных споров. Посол при всех условиях должен был поступать в соответствии с «достоинством и пользой римского народа» [1].

По окончании своей миссии легаты отчитывались перед Сенатом в своей деятельности. На дипломатическом языке Рима это называлось «сделать доклад о посольстве» (legationem referre или renuntiare).

Сенату принадлежало право не только отправлять, но и принимать посольства. Прибывшие в Рим посольства иностранных держав делились на две категории: 1) посольства держав, находившихся с Римом во враждебных отношениях, и 2) посольства дружеских государств. Послы враждебного государства в город не допускались. Им отводили помещение за городской чертой, на Марсовом поле, в особой «общественной вилле» (villa publica). Здесь они ожидали приглашения Сената для получения аудиенции. Аудиенция происходила в храме Беллоны (богини войны), который находился рядом с «общественной виллой». Бывали случаи, когда послам враждебных держав отказывали в приеме. Тогда они должны были в назначенный срок покинуть территорию Италии и не являться вновь без формального разрешения.

Совсем иным было отношение к послам дружественных государств и народов, хотя и здесь не было полного равенства. Делегации держав первого ранга обычно встречал квестор (государственный казначей). Он сопровождал их, следуя на почтительном расстоянии, во время проезда по Италии и при отъезде домой. В период пребывания послов в стране им оказывалось полное внимание. Они останавливались недалеко от курии (места заседаний Сената) в особом здании. Их приглашали на празднества, театральные и цирковые представления и отводили им почетные места. В Риме существовал обычай дарить послам подарки. В честь особо важных персон даже ставили статуи у подножия Капитолия. Со своей стороны приезжавшие в Рим послы имели обыкновение делать очень крупные приношения в римскую казну в виде золотых и серебряных вещей. Известен, например, «скромный подарок» Карфа-

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XXXIV, 57.

гена — золотой венок, весивший 25 фунтов. Дар же сирийского царя Антиоха составляли золотые вазы весом в 500 фунтов.

О цели своего прибытия иностранные миссии сообщали римскому магистрату по-латыни или через переводчика. Магистрат, обычно квестор, делал доклад Сенату. Решение Сената или объявлялось делегатам (непосредственно в самом зале заседания или в вестибюле), или же доводилось до их сведения через магистрат. В случае сложных и запутанных вопросов назначалась особая комиссия и каждый вопрос решался самостоятельно.

2. Римская дипломатия в период республики

Расширение международных связей Рима в III—II вв. до нашей эры

История римской дипломатии начинается с первых столетий Римского государства. Об этом свидетельствуют договоры Рима с другими городами, входившими в Римско-Италийскую федерацию, и торговые договоры с Карфагеном. Тексты договоров дошли до нас в передаче римских историков и юристов. Подлинных документов официального характера в Риме сохранилось сравнительно немного. Объясняется это следующим обстоятельством. Материалом, на котором в Риме изготовлялись государственные документы, служили полотно, деревянные, бронзовые и медные доски. Полотно и дерево легко подвергались действию времени. Металлические же доски в большом числе погибли — они расхищались во время захватов Рима «варварами» и переплавлялись на оружие или какие-либо иные предметы. Между тем в Греции официальные записи вырезывались на мраморных плитах, почти не поддающихся разрушительному действию времени.

Переломным моментом в истории международных отношений и дипломатии Рима является борьба с Карфагеном — так называемые Пунические войны (начало Первой Пунической войны относится к 264 г. до нашей эры). В это время Рим выходит на широкую международную арену и вступает в более тесные сношения с эллинистическими странами средиземноморского мира. В 272 г. до нашей эры он завязывает дружественные отношения с Египтом Птолемеев и с сицилийской державой сиракузских тиранов.

Появление римлян на восточных берегах Адриатического моря во время так называемых Иллирийских войн (229—219 гг. до нашей эры) привело их в соприкосновение с Македонией, которая отнеслась далеко не дружелюбно к вмешательству римлян в балканские дела.

В конце III в. Рим снова вступил в ожесточенную борьбу с Карфагеном. В 218 г. началась Вторая Пуническая война, которая окончилась в 201 г. Период Второй Пунической войны характеризуется не только кровопролитными сражениями, но и напряженной дипломатической борьбой. Война Рима с Карфагеном превратилась в конфликт, в исходе которого были так или иначе заинтересованы различные государства средиземноморского мира благодаря переплетению их интересов. Отмечая это, Полибий пишет: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец, начиная же с этого времени, история становится как бы одним целым: события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводится к одному концу» [1].

Руководителем противников Рима был карфагенянин Ганнибал — столь же талантливый дипломат, как и стратег. Выступлению Ганнибала против Рима предшествовали тайные переговоры его с североиталийскими галлами, недовольными подчинением их Риму, и когда Ганнибал с войсками перешел Альпы, он встретил дружественное население, которое снабжало его армию провиантом. Во время военных действий в Италии Ганнибал всеми средствами стремился привлечь на свою сторону италийских союзников. После разгрома римской армии под Каннами (216 г. до нашей эры) он пытался предложить римлянам мир, но Сенат отверг всякую мысль о мирных переговорах [2]. Свое военное превосходство Ганнибал использовал для создания антиримской коалиции.

Поддержка, оказываемая Ганнибалу его союзниками — князьями нумидийских, испанских и галльских племен, была недостаточна для победоносного завершения борьбы. При таком положении Ганнибалу приходилось искать выхода где-либо на стороне, и он устремил свои взоры на Восток, на греко-эллинистический мир.

Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры)

Из эллинистических государств в непосредственной близости к Италии находилась Македония. К македонскому царю прежде всего и направил свои дипломатические миссии Ганнибал. В Македонии в это время правил Филипп V, человек энергичный и властолюбивый, по своему характеру напоминавший Филиппа II. Подобно последнему, он стремился к созданию великой Македонии, которая включала бы весь Балканский полуостров от Эгейского до Адриатического моря.

---

[1] *Polybius,* Historiae, I, 3.
[2] *Titus Livius,* Ab urbe condita libri, XXII, 58.

В 215 г. до нашей эры между Филиппом V и Ганнибалом был подписан дружественный договор. Согласно общему правилу, договор начинался с клятв и обещаний пребывать во взаимной дружбе, братстве и верности на вечные времена: Главнокомандующий карфагенской армией Ганнибал, сын Гамилькара, и все члены верховного совета Карфагена, с одной стороны, и македонский царь Филипп, сын Деметрия,— с другой, клянутся перед лицом соратствующих богов — солнца, луны и земли, перед лицом рек, гаваней и вод, перед лицом всех божеств пребывать на вечные времена в клятвенном союзе дружбы и нелицемерного благоволения, как друзья, родственники и братья [1].

За вступлением следовал самый текст договора. Македонцы и карфагеняне заключили оборонительный и наступательный союз: «Мы, македоняне, должны быть врагами для врагов карфагенян». Те же самые слова повторили и карфагеняне в отношении македонян. В договоре прежде всего обеспечивалась взаимная помощь сторон в войне с Римом. «Если римляне пойдут войной на нас или на вас, то мы обязуемся помогать друг другу, если, конечно, в том будет нужда...» «Вы, македоняне, будете нашими союзниками в войне до тех пор, пока боги не даруют нам и вам полную победу».

Далее объявлялось, что македоно-карфагенский союз является прочной гарантией мира и устойчивости международных отношений. «При наличии нашей дружбы римляне никогда не подняли бы против нас войны и не властвовали бы над керкирянами, аполлинатами и многими другими народами».

Договор Ганнибала и Филиппа V вызвал большую тревогу в Риме. С целью предупреждения опасных последствий македоно-карфагенского союза римляне немедленно объявили войну Филиппу. В этой так называемой Первой Македонской войне (215—205 гг. до нашей эры) и последующих за ней других войнах дипломатия играла не меньшую роль, чем оружие. Римляне с редким искусством сумели использовать вековую вражду Македонии и Греции, с одной стороны, и внутренние противоречия Греции и всего эллинистического мира — с другой.

Дипломатическая победа римлян в Греции

Для борьбы с Филиппом V римляне организовали внушительную антимакедонскую коалицию греческих держав. В нее вошли Этолийский и Ахейский союзы, наиболее сильные в военном и политическом отношениях. В 212 г. до нашей эры между римлянами и этолийцами был заключен дружественный союз, к которому присоединились некоторые другие греческие государства и северные племена: дарданцы и

[1] *Polybius*, Historiae, VII, 9.

иллирийцы, а также пергамский царь Аттал I. Македония оказалась, таким образом, отрезанной с запада и востока от моря. Недаром римский проконсул Марк Валерий Левин с гордостью доносил Сенату, что своим договором с этолийцами он связал Филиппа по рукам и ногам [1].

В борьбе с Этолийским союзом Филипп потерял время, а за этот период обстановка в Италии резко изменилась. Римские войска отбили у Ганнибала ряд важнейших пунктов на юге Италии, разгромили Сиракузы, вступившие в союз с карфагенянами, и завоевали Испанию. Филипп V не мог уже рассчитывать на легкую победу. Тогда он нарушил союзный договор с карфагенянами и начал с римлянами сепаратные переговоры о мире. В 205 г. до нашей эры в эпирском городе Фенике был подписан мирный договор между Римом и Македонией.

Риму пришлось пойти на некоторые территориальные уступки, но римским политикам удалось достигнуть главного: Филипп не смог оказать помощь Ганнибалу в Италии, союз между македонским царем и карфагенским полководцем оказался иллюзорным.

Римская дипломатия в Африке (III в. до нашей эры)

В Африке римской дипломатии удалось заключить дружественный союз с одним из нумидийских царей — Сифаксом. Другой нумидийский царь — Масинисса сражался на стороне Карфагена. В конце войны, правда, положение изменилось: под влиянием обстоятельств Сифакс перешел на сторону Карфагена, а Масинисса стал союзником римлян. Благодаря римским отрядам Масинисса победил своего соперника, взял его в плен и вступил в управление Нумидийским царством. В результате этого военно-дипломатического вмешательства в нумидийские дела Рим имел на своей стороне превосходную нумидийскую конницу, которая помогла армии римского полководца Публия Корнелия Сципиона (старшего) выиграть решающую битву при Заме (202 г. до нашей эры). Ганнибал был разбит и в 201 г. до нашей эры вынужден заключить мир на тяжелых для Карфагена условиях. После победы над Карфагеном, римляне в союзе с этолийцами и другими греками нанесли поражение Македонии (197 г. до нашей эры) и продиктовали Филиппу V тяжелые условия мира. Македонский царь должен был вывести свои войска из Греции, выплатить большую контрибуцию и сократить военные силы — сухопутную армию до 5 тысяч воинов, флот до 5 кораблей.

---

[1] *Polybius,* Historiae, IX, 30; *Titus Livius,* Ab urbe condita libri. XXVI, 24.

Замысел Ганнибала об окружении Италии

Поражение во время Второй Пунической войны не принудило смириться правящие круги Карфагена. Ганнибал не оставил мысли о борьбе с Римом. Он проводил ряд реформ, направленных на возрождение былой мощи Карфагена, а когда римляне стали требовать его выдачи, бежал на Восток, задумав создание широкой коалиции против Рима. Бежав из Карфагена ко двору сирийского царя Антиоха III (195 г. до нашей эры), Ганнибал занял положение одного из ближайших советников правителя державы Селевкидов. Намереваясь возобновить борьбу с Римом, Ганнибал замышлял создание мощной и страшной для ненавистного ему «западного варвара» тройственной коалиции — Сирии, Карфагена и Македонии. Этот тройственный союз составлял лишь часть грандиозного плана карфагенского вождя. Кроме того, Ганнибал думал подготовить восстания в Этрурии, Лигурии и Цизальпинской Галлии, а сам он должен был бы неожиданно явиться под стенами Рима во главе союзной армии. «Вы, — говорил Ганнибал, обращаясь к сирийскому царю Антиоху и его советникам, — будете иметь против римлян соединенные силы Азии и Европы. Могущество Рима состоит не в его военной мощи, а в его способности разъединять противников».

Однако замечательный по широте и смелости план Ганнибала не был принят Антиохом III. Не располагая достаточными морскими силами, сирийский царь боялся нападения со стороны флота враждебной ему Родосской республики. Кроме того, честолюбивый Антиох III в душе завидовал Ганнибалу и потому медлил с принятием и осуществлением его плана. В противоположность стремительной тактике карфагенского вождя, в борьбе с Италией он предпочитал затяжную войну в Греции в расчете на свободолюбие греческих городов, которые стали тяготиться римской опекой.

Медлительностью Антиоха воспользовались римляне и направили все силы своей дипломатии на то, чтобы расстроить намечавшийся тройственный союз. Важно было прежде всего оторвать от коалиции Филиппа V. В Пеллу, столицу македонского царя, было отправлено посольство. Главную роль в нем играл молодой талантливый римлянин Тиберий Семпроний Гракх, отец народных трибунов братьев Гракхов. Он блестяще выполнил возложенное на него поручение. Ему удалось получить доступ к царю. Во время пира во дворце, когда Филипп находился в благодушном настроении, римский посол сумел расположить его в свою пользу. Он убедил Филиппа в том, что тому более выгодно оставаться нейтральным, так как в этом случае он может рассчитывать на благодарность римского Сената и смягчение условий римско-македонского

договора 196 г. до нашей эры. В противном же случае царь безусловно проиграет, кто бы ни победил — Антиох III или Рим. Филипп обещал помочь римлянам против Антиоха, который недостаточно поддержал его во время войны с Римом. И действительно, Филипп выполнил свои обещания и оказал помощь римлянам.

Преданный своим союзником Филиппом, Антиох потерпел от римлян два крупных поражения: при Фермопилах в Греции (191 г. до нашей эры) и затем при Магнезии в Азии (190 г. до нашей эры). После этого он вынужден был заключить мир.

Заключению мира предшествовали длительные дипломатические переговоры между римским полководцем Сципионом Старшим и Антиохом, в которых применялась весьма разнообразная аргументация. Сирийские послы пространно говорили о превратностях человеческой судьбы, «предписывающей людям быть умеренными в счастье и не угнетать слабых». В заключение послы Антиоха заявили, что при настоящем положении вещей им не остается ничего другого, «как только спросить вас, римляне, какой жертвой мы можем искупить ошибки царя и снискать у вас мир и прощение?» [1] Сципион на это ответил, что «римляне никогда в счастье не возносились, а в несчастье не падали духом». Царь, полагал Сципион, несмотря на сознание всей горечи своего настоящего положения, не должен упорствовать в подписании мира, памятуя, что «царям с высоты труднее скатиться до середины, нежели от середины до низу».

Подписание мирного договора, проект которого был составлен Сципионом, а затем утвержден римским Сенатом, состоялось в сирийском городе Апамее (188 г. до нашей эры). Сирийское царство теряло все владения в Малой Азии, которые передавались римским союзникам. Кроме того, Антиох III обязался уплатить Риму громадную контрибуцию. Одним из главных условий мира была выдача Ганнибала, но он бежал сначала в горы Армении, а оттуда в Вифинию, где и был обнаружен римскими послами, потребовавшими, чтобы вифинский царь выдал его. Понимая невозможность спасения, заклятый враг Рима покончил с собой, приняв яд (183 г. до нашей эры). Ганнибал сошел с исторической арены, но его план политического окружения Италии сохранял свою силу в течение длительного времени. Зажженный им пожар войны вскоре вспыхнул новым ярким пламенем.

---

[1] *Titus Livius*, Ab urbe condita libri, XXXVII, 45.

Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II в. до нашей эры)

Через несколько лет после Сирийской войны последовала новая, Македонская война (171—167 гг. до нашей эры) — с младшим сыном Филиппа V — Персеем, пытавшимся восстановить первенствующее положение в Греции македонцев, вытеснив оттуда римлян. Для римлян, занятых военными действиями в Испании, эта война была полной неожиданностью. Все преимущества находились на стороне Македонии. И тем не менее Персей проиграл кампанию вследствие своих дипломатических промахов.

Первую неудачу Персей потерпел в ахейском вопросе. Наиболее сильным объединением греческих городов во II в. до нашей эры был Ахейский союз. Желая привлечь его на свою сторону, Персей обратился с письмом к Союзному собранию, предлагая вступить с ним в дружественный союз. При этом он обещал вернуть ахейским городам бежавших рабов, которые находили себе до того времени приют в Македонии. Однако попытке Персея оказала противодействие дипломатия Рима.

Обращение Персея вызвало горячие дебаты в многолюдном собрании ахейцев. Большинство собрания склонялось к принятию предложения Персея о заключении союза с Македонией. Но в самый последний момент это предложение ловким маневром сорвали ахейские архонты (старейшины), сторонники Рима. Они использовали недоверие своих сограждан к Македонии и указали, что Персей, письмо которого содержало всего несколько строк, пренебрежительно относится к ахейскому народу. Для столь важного дела, говорили они, недостаточно даже одного посольства, а не только короткого письма.

Решение собрания было отложено. Когда же через несколько дней прибыло новое посольство, то оно совсем не было допущено на собрание представителей ахейских городов из опасения вызвать неудовольствие римлян. Таким образом, дипломатический ход Персея успеха не имел.

Не менее искусно римляне использовали и углубили конфликт Македонии и Пергама из-за Геллеспонта и Малоазиатского побережья. Из опасения захвата названных мест Македонией пергамский царь Эвмен обратился к третейскому посредничеству Рима. Приехав лично в Рим, Эвмен встретил восторженный прием. Было назначено экстраординарное заседание Сената, на котором пергамский царь выступил с докладом о военных приготовлениях Персея. В благодарность за это сообщение Сенат провозгласил Эвмена «лучшим другом» римского народа и заключил с ним союз.

Возмущенный предательством Эвмена, Персей попытался расправиться с ним с помощью наемных убийц. Он подговорил нескольких человек напасть на Эвмена во время его паломни-

чества в Дельфы на обратном пути из Рима и убить его. Засада была устроена в ущелье, около узкой тропы, которая вела к оракулу. Заговорщики сбросили с высокого утеса два огромных камня на проходившего Эвмена, сильно его ранили, но не убили. Покушение не удалось, Эвмен вскоре вернулся в Пергам. Само собой разумеется, этот заговор отнюдь не содействовал укреплению политических позиций Персея и установлению его дружественных связей с Пергамом. Персей имел теперь перед собой двух врагов: Рим и Пергам. В последовавшей вскоре войне Рима с Македонией Эвмен сражался на стороне римлян.

Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием

Несмотря на разрыв дипломатических сношений с Пергамом, Персей продолжал оставаться для римлян очень серьезным противником, с которым они не рисковали вступать в открытое сражение. Поэтому они всячески старались оттянуть начало войны и тем временем лучше подготовиться к предстоящей военной кампании. Персей не учел этого обстоятельства, не воспользовался преимуществом своего положения и не начал вовремя военных действий. Не теряя надежды разрешить конфликт мирным путем, он вступил в переговоры с римским легатом Квинтом Марцием Филиппом, своим проксеном. Марций, конечно, принял предложение македонского царя об открытии мирных переговоров и назначил место встречи на реке Пенее, в Фессалии.

Описание этой встречи дает наглядное представление о той сложной процедуре и массе формальностей, которыми сопровождалось ведение переговоров в Риме. В назначенный день и час к указанному месту прибыли македонский царь и римский легат, оба в сопровождении свиты. Встреча привлекла массу зрителей. Со всех сторон стекались толпы окрестных жителей — мужчин, женщин и детей. Переговоры открылись спором о формальностях: кто первым должен перейти реку и с каким числом людей. Одни полагали, что надо отдать преимущество царскому достоинству, а другие — имени римского народа, тем более, что о переговорах просил Персей. Марций разрешил спор шуткой, сказав, что сын должен подойти к отцу, а его звали Филиппом — так же как отца Персея. По второму вопросу спор заключался в следующем: Персей хотел перейти реку со всей свитой, между тем как римляне соглашались только на трех человек. В конце концов дело решили компромиссом. Царь переходит со всей свитой, но во избежание какого-либо коварства с его стороны во время переговоров дает заложников. Эти формальности имели серьезное значение. Они показывали всему народу и всем союзникам, что свидание македонского царя состоялось с послами Рима «не как равного с равными». Когда

царь перешел реку, Марций и Персей приветствовали друг друга не как враги, а как друзья, сели рядом на приготовленные кресла и приступили, наконец, к переговорам, которые велись в форме вопросов и ответов. При этом инициатива все время оставалась в руках римского представителя, выступавшего как бы в роли государственного обвинителя. «Ты изгнал Абрупола, римского союзника, ты дал убежище убийцам Арфеатавра, ты вопреки договору прошел с войной через Фессалию». На все обвинения Персей обстоятельно отвечал. «Я не совершил ничего непоправимого, за что мне следовало бы мстить войной», — таков был смысл всех ответов Персея.

Марций одобрительно выслушал Персея и как бы в знак сочувствия предложил ему отправить послов в Рим, а до получения ответа заключить перемирие. Персей согласился. Собственно этого-то и желал Марций. «Перемирие было необходимо для римлян, — повествует римский историк, — так как они в то время еще ничего как следует не приготовили для войны — ни войск, ни вождя» [1].

Так путем обмана, пользуясь опрометчивостью македонского царя, римский легат достиг важных результатов. По возвращении в Рим Марций и его коллега Атилий хвастались, говоря, что они, «подав ложную надежду на мир, провели Персея».

Потеряв время, Персей дал возможность римлянам собраться с силами. В 168 г. до нашей эры при Пидне Персей потерпел полное поражение от римлян, которое явилось в значительной мере результатом его дипломатических ошибок. Македония утратила свою политическую самостоятельность: территория ее была разделена на 4 округа, которые считались самостоятельными, однако не имели права сноситься друг с другом. В экономическом отношении страна была ослаблена: запрещалось разрабатывать золотые рудники, вывозить лес. Позднее, в 148 г. до нашей эры, после подавления восстания некоего Андриска, объявившего себя сыном Персея, македонские округа были превращены в римскую провинцию Македонию.

Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II в. до нашей эры)

В 168 г. до нашей эры римская дипломатия одержала еще одну крупную победу — над сирийским царем Антиохом IV. Воспользовавшись благоприятным международным положением, Антиох вмешался в дела Египта и захватил бóльшую его часть. Между Антиохом и египетским царем Птолемеем уже велись переговоры о подписании мира и об уступке Антиоху части египетской территории. Однако предложенные Антиохом условия были слишком унизительны, и египетские уполномо-

[1] *Titus Livius,* Ab urbe condita libri, XLII, 43.

ченные их не приняли. Тогда Антиох с войском направился к столице Египта Александрии, но в четырех милях от города его неожиданно встретило римское посольство. Смущенный сирийский царь приветствовал римское посольство и протянул главе посольства Попилию Ленату правую руку.

Попилий, не отвечая на приветствие, вручил царю дощечку с написанным на ней постановлением Сената и просил прежде всего прочесть ее. Сенат требовал, чтобы Антиох немедленно ушел из Египта. Прочитав это постановление, Антиох просил предоставить ему возможность предварительно обсудить со своими приближенными, как поступить. Попилий, человек сурового нрава, в ответ на это очертил палкой, которую он держал в руке, круг на земле и сказал царю: «Прежде чем выйти из этого круга, дай точный ответ, который я мог бы передать Сенату». Пораженный столь неожиданной постановкой вопроса, Антиох уступил. «Я исполню все, что требует Сенат», — таков был ответ сирийского царя. Лишь после этого Попилий протянул руку Антиоху как союзнику и другу римского народа. С помощью Рима Египет вновь был возвращен Птолемею, но с этого времени попал в сферу римского влияния и постепенно утратил свою политическую самостоятельность. Античные историки приводят этот факт как пример величайшей дипломатической победы Рима, которая приобрела мировую известность [1].

После превращения Македонии в римскую провинцию очередь дошла и до Ахейского союза, который еще сохранял независимость. Борьба за независимость Ахейского союза была длительной и в высшей степени напряженной. Внешние и внутренние противоречия сплетались в запутанный клубок. Римляне использовали социальные противоречия внутри самого союза. Опираясь на поддержку ахейских олигархов, крупных рабовладельцев, они действовали против демократических элементов, главную массу которых составляли ремесленники — свободные и вольноотпущенники. В конце концов римлянам удалось совершенно обессилить Ахейский союз и подготовить его военный разгром.

Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до нашей эры)

Поводом к открытому столкновению Рима с Ахейским союзом послужил очередной конфликт ахеян со Спартой. Из-за отказа Спарты войти в Ахейскую федерацию между ними разгорелась война. Спартанцы обратились к посредничеству Рима. В 147 г. до нашей эры в Коринф, центр Ахейской федерации, прибыл римский посол Л. Аврелий Орест. Он имел поручение

[1] *Titus Livius,* Ab urbe condita libri, XLV, 12.

Сената: поддержать Спарту и ослабить неприязнь ахеян к Риму. Однако миссия Ореста привела к прямо противоположным результатам.

Римское посольство прибыло в Коринф во время общесоюзного собрания, на котором преобладали демократы. Не осведомившись о настроении собрания, римский посол через глашатая объявил декрет Сената об исключении из Ахейской федерации городов, «неродственных по крови» ахеянам: Спарты, Аргоса, Орхомена и даже Коринфа. Практически это означало низведение Ахейского союза на уровень второстепенного государства.

Декрет Сената об «освобождении» городов вызвал бурное негодование. Большинство присутствующих демонстративно покинуло собрание; в городе начались волнения; демократы избивали спартанцев и громили дома друзей Рима. Римское посольство поспешило оставить город. По возвращении в Рим Орест доложил Сенату об оскорблении римских послов.

После обсуждения доклада Ореста решено было отправить в Грецию новое посольство. Во главе второго посольства был поставлен Секст Юлий Цезарь, пользовавшийся славой разумного и осторожного человека. Ему дано было указание — не разжигать страстей и все разногласия уладить дипломатическим путем. Секст добросовестно выполнил возложенное на него поручение. На общесоюзном собрании он произнес «пространную и любезную» речь, лишь косвенно упомянув об оскорблении римских послов. В своей речи римский представитель увещевал ахеян не следовать «дурным советникам» и в будущем не враждовать ни с Римом, ни с его союзниками — спартанцами. Небольшая часть собрания — римские друзья — приняла речь римского легата с полным сочувствием. Большинство же собрания пребывало «в пагубном молчании», не зная, что возразить оратору. Тогда выступили вожди демократической партии Диэй, Критолай и другие. Они предлагали собранию не выносить никакого решения, созвать новое общесоюзное собрание через 4 месяца, а тем временем отправить посольство в Рим с докладом о положении дел в Ахейском союзе. Предложение было принято. Миссия Секста Юлия Цезаря, недовольная решением вопроса, покинула Грецию. Вслед за ней направилась в Рим и ахейская делегация.

После отъезда римской миссии в Греции начались массовые волнения. Демократические вожди повели энергичную агитацию против Рима. В своих выступлениях на собраниях в различных городах они вскрывали истинные цели римской дипломатии. Любезные речи римских послов, говорили они, насквозь лицемерны. Римляне в настоящее время ведут войну с Карфагеном и в Галлии, несут тяжелые потери. Поэтому они нуждаются в мире на Востоке. По окончании войны они

расправятся с ахеянами и спартанцами так же, как они свели счеты с македонцами.

Агитацию против Рима ахейские вожди связывали с выступлениями против собственной плутократии: они предлагали отмену долгов, провозглашали передел земель, свободу рабов и т. д.

Поражение ахеян (146 г. до нашей эры)

Таково было положение в Греции, когда весной 146 г. до нашей эры в Коринф прибыла новая римская миссия с Гнеем Папирием во главе. Папирий должен был выступить на многолюдном собрании, большинство которого состояло из ремесленников. Таким образом, исход дипломатической миссии Папирия был уже предрешен социальным составом собрания. Несмотря на все дипломатическое искусство римского посла, собрание не дослушало его речи до конца. Поднялся крик, шум, посыпались насмешки и оскорбления. Римские легаты вынуждены были покинуть собрание. «Коринфский народ, — отмечает историк Полибий, — находился тогда в состоянии умоисступления» [1].

Обе стороны стали спешно готовиться к войне. Верховным стратегом Ахейского союза с 147 г. до нашей эры был Диэй, человек кипучей энергии. Он мобилизовал все силы на оборону страны, объявил всеобщий набор в войско, обложил богатых высоким налогом, объявил свободу рабам и т. д. Таким путем была создана довольно внушительная демократическая армия. Однако общее состояние Ахейского союза было весьма непрочным. Силы греческого населения были истощены; производство вследствие массового ухода рабов в ополчение расстроено; общее настроение было подавленным, повсюду царили печаль и уныние.

Этим воспользовались ахейские олигархи, симпатии которых были на стороне Рима. На римлян они смотрели, как на избавителей от всех бед. Всюду, где появлялись римляне, олигархи встречали их радостными криками, с оливковыми ветвями в руках.

Генеральное сражение между римскими и ахейскими войсками произошло при Левкопетре, на Истме, в 146 г. до нашей эры. Победили римляне. Ахейская армия частью была взята в плен, частью погибла или рассеялась. Сам Диэй бежал в свой родной город Мегалополь и там лишил себя жизни [2].

В то же время Римская республика одержала еще один крупный успех: взятием Карфагена в 146 г. до нашей эры закончились Пунические войны.

---

[1] *Polybius*, Historiae, XXXIX, 8; *Pausanius*, Graeciae descriptio, VII, IX.

[2] *Polybius*, Historiae, XXXIX, 8; *Pausanius*, Graeciae descriptio, VII, 16.

Покорением Греции и Карфагена завершается первый, самый трудный период римских завоеваний. С середины II в. до нашей эры римский полис превращается в мировую средиземноморскую державу, а сам город Рим — в центр средиземноморской торговли, денежно-ростовщических операций и рабовладения. Соответственно с этим изменяется и политический строй Римского государства.

Дипломатия Юлия Цезаря в Галлии (58—51 гг. до нашей эры)

Период завоевания Средиземноморья был наиболее блестящим периодом римской дипломатии. Завершив свои победы в бассейне Средиземного моря, где противниками были государства высокой культуры, Рим переходит к распространению своей власти на менее культурные страны и народы, находившиеся по соседству с римскими владениями. Во второй половине II и в I столетии до нашей эры Рим ведет энергичную агрессивную политику на востоке — в Малой Азии и Сирии, и на севере — в Галлии, Германии и Британии. Масштаб внешней политики Рима в эти века был очень широк. Велика была и роль дипломатии. Но деятельность дипломатов протекала в сравнительно более благоприятных и легких условиях. За спиной римского посла и «оратора» стоял великодержавный Рим, во много раз превосходивший теперь силами своих противников. Соответственно упрощались задачи и методы дипломатии.

Наиболее блестящим представителем римской дипломатии этого периода является Гай Юлий Цезарь. Свои дипломатические дарования он показал с особым блеском во время галльской кампании (58—51 гг. до нашей эры).

Галлия в то время переживала глубокий внутренний кризис. Старинный первобытнообщинный строй сменялся классовыми рабовладельческими отношениями. К древней вражде племен присоединились еще социальные противоречия между различными группами галльского населения. Цезарь в высшей степени искусно использовал все эти противоречия в интересах Римского государства. С помощью «римских друзей» ему удалось организовать общегалльскую конференцию. То был своего рода дипломатический конгресс представителей всех галльских племен. Цезарь добился того, что конференция провозгласила его вождем и защитником общегалльских интересов. Этот чисто дипломатический ход облегчил Цезарю задачу покорения Галлии. К нему, как к третейскому судье и защитнику галлов, начали обращаться галльские племенные князья со своими нуждами, жалобами и взаимными доносами. Это давало Цезарю полную осведомленность во внутренних делах Галлии, возможность вмешиваться в междуплеменные распри и весьма

удачно осуществлять свои дипломатические и военные мероприятия.

Успехи Цезаря объяснялись экономической и военно-политической мощью Рима. Сам же он обладал всеми качествами дипломата, необходимыми для того, чтобы не упустить благоприятной обстановки. Он отличался сильным характером и легко ориентировался в сложной обстановке. Вместе с тем он был общителен, щедр, прост в обращении, благодаря чему легко располагал к себе людей, с которыми приходилось встречаться, независимо от их положения, возраста и национальности.

Разделяя своих противников, сплачивая и объединяя своих сторонников, Цезарь к концу 52 г. до нашей эры разгромил ополчения галльских племен и полностью подчинил их Риму. Таким образом, благодаря Цезарю одна из богатейших областей тогдашней Западной Европы — Галлия, которая включала в себя территории нынешней Франции, Бельгии и части Германии, — была присоединена к римским владениям. Во время завоевания Галлии Цезарь не только приобрел огромное состояние, но и сформировал сильную армию, с помощью которой, преодолев сопротивление сторонников республиканского строя, установил свою диктатуру (49—44 гг. до нашей эры). В 44 г. до нашей эры Цезарь был убит сторонниками восстановления республики.

Господство римлян в Галлии было укреплено приемным сыном Цезаря Октавианом Августом, к которому после длительных гражданских войн перешла власть над Римским государством. С Августа начинается история Римской империи, продолжавшаяся около 500 лет (I—V вв. нашей эры).

3. Организация дипломатического аппарата в эпоху империи

Создание Римской империи подготовлялось в процессе борьбы Рима с Карфагеном и эллинистическими царствами. Эта борьба содействовала централизации государственной власти. Республиканские учреждения в эпоху империи заменялись постепенно бюрократическими императорскими канцеляриями. Все управление государством перешло в руки императора, который управлял страной через многочисленных зависимых от него чиновников (прокураторов и легатов). Сенат продолжал существовать, но из руководящего органа государства, каковым он был при республике, превратился в совет при императоре.

Соответствующим образом изменилось и управление делами внешней политики и дипломатии. В императорский период (I—V вв. нашей эры) все внешнеполитические вопросы — объявление войны, заключение мира, прием и отправление по-

сольств и пр. — подлежали ведению императора (принцепса). Дипломатия превращалась, таким образом, в функцию императорских чиновников. Послы в императорскую эпоху не выбирались, а назначались, как и все другие чиновники, самим принцепсом. Перед ним одним они были обязаны отчитываться в своей деятельности. Характерной для республики гласности и публичной отчетности уже не существовало. Со времени Клавдия (середина I в.) посольскими делами ведала личная канцелярия императора, возглавляемая императорским секретарем. Вместе с тем эта канцелярия являлась высшим административным органом всей империи.

Законодательство в отношении послов иностранных государств при империи оставалось тем же, каким оно было и при республике. Личность посла даже враждебных государств считалась священной и неприкосновенной. Нарушение посольских прав квалифицировалось как нарушение международного права. «Если кто-либо нанесет ущерб послу враждебной страны, — замечает по этому поводу юрист Помпоний, — это должно рассматриваться как нарушение права народов, ибо послы признаются священными особами (sancti habentur legati)»[1].

В памятниках императорского периода очень много внимания уделяется отношениям Рима с иностранными государствами, союзными царствами, городами и общинами, а также вопросам организации и деятельности посольств. Все это свидетельствует о важности этой части государственного аппарата в Римской империи.

Римская политика и дипломатия на Востоке в I в. нашей эры

Из всех государств Востока, находившихся в соседстве с Римом, самым могущественным в I—III в. н. э. было Парфянское царство, которое образовалось из части древнеперсидского царства Ахеменидов. С ним главным образом и поддерживались дипломатические отношения в течение всего императорского периода. Интересы Рима и Парфии сталкивались в разных пунктах. Ни та, ни другая сторона не имела абсолютного перевеса сил, и потому все спорные вопросы приходилось разрешать дипломатическим путем. Необходимость поддержания мира подсказывалась прежде всего экономическими интересами. Через римско-парфянскую границу проходили караванные пути, связывавшие Восток с Западом. Обладание этими путями могло быть источником крупных доходов как для Рима, так и для Парфии. Кроме того, от этого зависело благосостояние Сирии и Месопотамии, двух важнейших пограничных областей. Границей между Римом и Парфией был признан Евфрат. Военные экспедиции римских

[1] *Digesta*, L, 7, 17.

полководцев Красса и Антония, мечтавших о покорении Парфии, окончились крахом. Август же предпочел опасным походам дипломатическое воздействие на великое восточное государство. Он был крайне осторожным и расчетливым политиком. Характеризуя его метод ведения внешней политики, римский писатель Светоний писал, что Август всегда стремился заранее продумывать то, что может дать ему война, какие издержки и потери она может повлечь за собой, ибо, говорил он, человек, неразумно начинающий войну, уподобляется рыболову, удящему рыбу золотым крючком [1].

В Парфии происходила династическая борьба между братьями Фраатом IV и Тиридатом II. После кратковременного успеха последнему пришлось уступить престол Фраату, а самому бежать в Рим к Августу и отдаться под его покровительство. Вместе с собой Тиридат привел сына Фраата, который был отдан Августу в качестве заложника. Специальное парфянское посольство просило Августа выдать Тиридата и сына правящего царя. Август, учитывая ослабление Парфии внутренними смутами, отказался выдать Тиридата, но согласился вернуть парфянского наследника, потребовав за это возвращения знамен и воинов разгромленных римских армий. Так как парфянский царь медлил с выполнением этого условия, против него было направлено войско во главе с Тиберием, пасынком Августа.

Дело не дошло до решительных военных действий. 12 мая 20 г. до нашей эры послы Фраата IV передали Тиберию римские знамена и известили об освобождении римских пленных. Это было крупным успехом римской дипломатии. Возвращение знамен трех римских армий произвело на общественное мнение Рима очень сильное впечатление. Август в своем «политическом завещании» (Анкирской надписи) с гордостью повествует об этом как о факте величайшей важности.

Этим не ограничились достижения римской дипломатии на Востоке. Парфянский царь не чувствовал себя прочно на престоле и искал союза с римским императором. Из опасения дворцового переворота он отправил своих детей в Рим, под опеку императора. Это было новой дипломатической победой Рима. К концу правления Августа римское влияние в Парфии слабеет, но основы мирных отношений были заложены дальновидной дипломатией Августа, политику которого продолжал преемник его Тиберий.

Однако уже в первые годы царствования Августа обозначились симптомы будущих конфликтов на евфратской границе. Яблоком раздора служило буферное государство Армения. Армянский вопрос — одна из самых сложных проблем внешней

[1] *Suetonius*, Divi Augusti, 25.

политики Рима в течение всего периода империи. Значение Армении заключалось в ее стратегическом положении. Преобладание в Армении римского влияния создавало постоянную угрозу Месопотамии, а через нее Вавилону и всем западным сатрапиям Парфии. Наоборот, усиление в Армении парфянского влияния открывало парфянам доступ к Черному морю и обеспечивало им преобладание на Кавказе (в Иберии [1]) и в Албании [2]. Кроме того, вместе с Арменией все торговые пути, соединявшие Парфянское царство с западными частями Малой Азии, переходили в руки парфян. Наконец, возникала серьезная угроза — союз Парфии с сарматами и скифами, старыми врагами Рима.

В Армении боролись две партии — римская и парфянская. Большая часть аристократических родов держалась парфянской ориентации, меньшая — римской. При Августе и Тиберии римская партия возобладала, и Армения превратилась в фактически зависимое от Рима государство.

Эпоха Августа и Тиберия была временем наивысших достижений римской дипломатии в восточном вопросе. Слава римского императора распространилась по всему Востоку. В Анкирской надписи говорится о парфянских, индийских и скифских посольствах, приходивших в Рим.

Соглашение по армянскому вопросу между Римом и Парфией (66 г. нашей эры)

При преемниках Тиберия, императорах династии Клавдиев, римское влияние на Востоке начало ослабевать, а парфянское, наоборот, усиливаться. При Нероне по армянскому вопросу было достигнуто приемлемое для обоих государств соглашение. Помирились на таком компромиссе: армянский престол передавался Тиридату, брату парфянского царя Вологеза, а утверждение этой передачи, т. е. возложение диадемы на голову будущего армянского царя, предоставлялось римскому императору.

Компромисс был следствием многочисленных столкновений, побед и поражений, закончившихся личными переговорами командующего римской армией в Армении и Тиридатом. Соглашение состоялось в 66 г. после обмена письмами между Вологезом и Домицием Корбулоном, наместником и легатом Нерона в восточных провинциях. В своем письме Вологез писал, что армянский вопрос для него в настоящее время представляется уже решенным. «Боги, распорядители судеб людей и народов, передали Армению парфянам, не причинив этим, однако, ущерба и римлянам». Далее Вологез указывал, что военная мощь Парфии достаточно проявила себя в последних событиях.

---

[1] Иберия — современная Грузия.
[2] Албания — современный Азербайджан.

Столь же хорошо известна и кротость парфянского правителя. Тигран (римский ставленник) заперт в крепости, побежденные римские легионы с их вождем Петом отпущены невредимыми. Тиридат выражает готовность отправиться в Рим и принять корону из рук римского императора, но не как побежденный, а как победитель.

Не с меньшим чувством собственного достоинства составлено было и ответное письмо Корбулона. Он полагал, что вражда между Римом и Парфией еще не зашла так далеко, чтобы обязательно перейти в войну. Обе стороны достаточно сильны. Много успехов выпало на долю римского оружия, но кое-что досталось и на долю парфян. Пусть это послужит уроком против самонадеянности. Для Тиридата выгодно и почетно получить в дар царство, не затронутое опустошениями, а Вологез принес бы больше пользы своему народу союзом с Римом, чем разорительной войной. Римляне прекрасно знают, в каком тяжелом состоянии находится в настоящее время Парфия, как велики в ней внутренние раздоры, сколь непрочно положение царя, какими дикими и воинственными народами он управляет. Между тем в империи римского цезаря все обстоит как нельзя более благополучно. «Повсюду царит безмятежный мир, и нарушает его одна лишь эта война» [1].

Назначен был день переговоров. Наиболее видные члены штаба Корбулона, лица сенаторского и всаднического звания, отправились в лагерь Тиридата, чтобы оказать ему честь и вместе с тем послужить залогом того, что римляне не обманывают и не устроили ему засады. Затем Тиридат и Корбулон прибыли в назначенное место со свитой из 20 всадников каждый. Увидев Корбулона, царь первый сошел с коня. Спешившись, они подали друг другу правую руку.

После этого начались торжественные речи. Корбулон превозносил Тиридата за его благоразумие. Оставив путь войны, говорил он, царь избрал более правильный и безопасный путь.

Не поскупился на пышные слова и армянский царь. После обстоятельного повествования о величии своего рода он заявил, что пойдет в Рим и воздаст новую честь римскому цезарю, не потерпев поражения в войне. Решено было, что Тиридат отправляется в Рим, слагает знаки царской власти у статуи императора и получает их снова из рук самого Нерона. Беседа закончилась поцелуем.

Через несколько дней состоялся военный парад. Оба войска появились в полном блеске. По одну сторону стояла парфянская кавалерия в своем национальном убранстве, а по другую — ряды римских легионов с блестевшими на солнце орлами

[1] *Tacitus*, Annales, XV, 27.

и статуями богов. Посередине был воздвигнут помост, на котором стояло золотое кресло. На нем высилась статуя Нерона. К креслу подошел Тиридат. Заклавши жертву, он снял с головы диадему и положил ее у подножия статуи императора. На присутствующих вся эта церемония произвела большое впечатление. «Великий царь армянский пойдет в Рим на удивление всем народам почти как пленный!» — повторяли свидетели этой церемонии.

Церемония закончилась роскошным пиром.

Перед отправлением в длительное путешествие в Рим Тиридату было разрешено нанести визит своему старшему брату парфянскому царю Вологезу, проститься со своей матерью, братьями и другими членами семьи. В залог была оставлена дочь Тиридата.

Парфянский царь поставил условием, чтобы будущему армянскому верховному правителю во время его путешествия в Рим воздавались должные почести. Желание царя было выполнено. Путешествие Тиридата продолжалось целых девять месяцев и было совершено по суше, через Геллеспонт и Северную Италию. Длительное плавание по морю запрещалось религией Мазды (Заратустры), которую тогда исповедовали парфяне.

Тиридат следовал с огромной свитой, женой и детьми, сопровождаемый парфянскими и римскими войсками.

Армянскому гостю были оказаны все знаки внешнего почета. Начальники провинций устраивали ему торжественные встречи, обменивались с ним лобзаниями, разрешали иметь при себе меч. Соблюдение всех этих церемоний считалось необходимым с точки зрения международного этикета. Царю, привыкшему к пышности Востока, — говорили старые римляне, — неизвестно, что у нас имеет значение лишь сила власти, а не пустая мишура.

По прибытии в Северную Италию Тиридат был встречен императорскими легатами, в сопровождении которых он в императорской колеснице отправился в Неаполь, где в то время находился Нерон. После нескольких дней пребывания в этом городе Нерон и Тиридат вместе отбыли в Рим для совершения коронования. Столица была декорирована гирляндами и вечером иллюминирована.

На следующее утро началась, наконец, самая церемония. В окружении сенаторов и преторианской гвардии Нерон в яркой триумфальной одежде явился на Форум и сел на специально приготовленное для этого случая кресло около Ростры [1],

[1] Ростра — специальная трибуна на римском Форуме (Forum Romanum) — центральной площади древнего Рима, откуда император и магистры обращались к народу.

К нему через ряды войск подошел Тиридат, оказал знаки повиновения, провозглашая его владыкой вселенной и потомком бога Митры. После этого Нерон провозгласил его царем Армении и возложил на его голову диадему. Официально это рассматривалось как победа Рима. В торжественном триумфе, приветствуемый как император, Нерон отправился на Капитолий и возложил на алтарь Юпитера лавровый венок. Церемония коронования закончилась парадным спектаклем в театре Помпея, который заново отделали золотом и дорогими материями. В честь главы армянского государства была организована художественная выставка, произведены раздачи и устроены угощения народу и выпущена особая монета. При отъезде Тиридату и его свите были даны богатые подарки и, кроме того, отправлено в Армению большое число искусных мастеров для реконструкции армянской столицы Артаксаты, переименованной в «город Нерона» (Neronea) [1].

Связи Рима с Китаем (I—II вв. нашей эры)

Установление протектората над Арменией и добрососедских отношений с Парфянским царством связывало Рим с государствами Центральной Азии, а через них и с Китаем. Торговые отношения Рима с Китаем начинаются с I в. нашей эры. Главной связующей артерией служила так называемая «шелковая дорога». Она начиналась в Сирии, шла через города Эдессу и Нисибис, Раги, Фергану и доходила до Великой китайской стены. Однако, как указывалось выше, регулярных дипломатических связей между Римом и Китаем установить не удалось. Лишь однажды в китайских летописях под 166 г. упоминается о прибытии в Южный Китай морем посольства из государства Та-Цинь от правителя Ан-Туна, по-видимому, от римского императора Марка Аврелия. Каковы были результаты деятельности этого посольства — неизвестно. Вспыхнувшее в Китае восстание «желтых повязок» и кризис, охвативший Римскую империю в III в. нашей эры, прервали всякие попытки установления дипломатических связей между двумя великими державами древности.

Договоры Рима с Сасанидами (III—VI вв. нашей эры)

При всей внешней пышности коронования армянского царя в Риме соглашение 66 г. было более выгодно Парфии, чем Риму. Армения фактически становилась вассальным государством Парфии. С каждым столетием эта зависимость увеличивалась, и Армения уходила из-под влияния Рима. В III в. в Парфии произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришла новая воинственная династия Сасанидов. Сасаниды стремились

[1] *Dio Cassius*, Historia Romana, LXIII, 2.

восстановить былую мощь великой Персии Ахеменидов и переименовали Парфию в Новоперсидское царство.

Сохранившиеся от III—IV вв. нашей эры договоры и описания порядка ведения переговоров указывают на преобладание Персии и сильное влияние восточных обычаев. Очень усложнилась внешняя, показная сторона дела, всякого рода формальности и придворные церемонии. Все это вполне соответствовало обычаям поздней Римской империи, по своей социально-политической сущности родственной деспотии Сасанидов. С другой стороны, получила дальнейшую разработку форма договорных актов. В мемуарах римского посла Петра Магистра, или Петра Патриция[1], сохранилось подробное описание порядка заключения договора с царем Персии Хосровом I (VI в.).

При переговорах с Хосровом присутствовало 12 переводчиков, шесть человек от каждой стороны; велся протокол, один экземпляр которого поступал в персидский, а другой — в римский (Константинопольский) архив. Текст договора был составлен на двух языках — греческом и персидском. Главе персидского посольства, кроме персидского текста, был вручен греческий, написанный арамейскими буквами. Персидский же текст, написанный греческими буквами, был вручен вместе с греческим текстом уполномоченному восточноримского императора. После этого последовал обмен ратификационными грамотами. Общее число статей договора — 13. Некоторые вопросы были оставлены нерешенными, в их числе вопрос, касавшийся пограничной полосы Кавказа. Хосров на каждом шагу давал почувствовать силу своей и слабость римской державы. Поэтому от римских послов требовалось много дипломатического искусства, чтобы «смягчить заносчивый нрав восточных варваров»[2].

Изменения коснулись также и литературного стиля греческого языка. Дипломатическим языком становится «азиатский» стиль императорских канцелярий и двора — напыщенный, однообразный и маловыразительный. В заключение необходимо отметить еще одну особенность дипломатии поздней империи — влияние церкви и христианства. С Константина Великого (IV в.) в составе посольств первостепенную роль начали играть лица духовного звания — епископы, а иногда даже и римские папы[3].

---

[1] Мемуары Петра Патриция сохранились в изложении историка Менандра.

[2] *Menander Protector,* Fragmenta historicorum Graecorum, IV, 218.

[3] *P. Orosius,* Historiarum libri VII adversus paganos, V, 2.

4. Внутренняя дипломатия

Своеобразную черту поздней античной системы международных отношений представляет внутренняя дипломатия. Своего высшего развития внутренняя дипломатия достигает в период Римской империи. При неопределенности отношений между отдельными частями и центром в Римской империи невозможно установить точную грань ни между ее внутренней и внешней политикой, ни между внутренней и внешней дипломатией.

Переход от республики — города-государства — к мировой средиземноморской державе был длительным процессом. Римская абсолютная монархия, или Доминат, сложилась лишь в III в. нашей эры. Предшествующие два столетия могут быть рассматриваемы как переходный период от республики к Доминату. В отличие от Домината первые века империи носят название времен Принципата. При Принципате Римская империя представляла сложный мир самых разнообразных политических единиц — провинций, муниципиев, всевозможных союзов и корпораций. Правильнее всего Принципат рассматривать как федерацию номинально политически независимых городов, наделенных различными правами и привилегиями. Отдельные города и в эпоху империи продолжали считаться свободными, связанными с Римом лишь договорными отношениями. Такими городами были Афины, Спарта, Митилена и другие.

С точки зрения государственного права Рима каждый город (муниципий) и даже более мелкие единицы рассматривались как самостоятельные политические тела, как бы государства в государстве. Одним из выражений этой самостоятельности являлось право посольства (jus legationis). Каждая из названных организаций могла посылать посольства в центр, заключать договоры с соседями и пр., одним словом, действовать как юридически самостоятельная единица или сторона. На этой почве, собственно, и развилось единственное в своем роде право народов, о котором упоминалось выше.

Посольства при империи играли бóльшую роль, чем при республике. Они связывали центр с провинциями, а провинции — друг с другом и со всем миром. Дипломатические нити протягивались по всему «кругу земель» и выходили далеко за его пределы. Посольства отправлялись по самым разнообразным поводам: по случаю какого-либо важного события в императорской фамилии, со всякого рода просьбами, жалобами и судебными спорами. При Калигуле, например, в Рим прибыло греческое посольство, чтобы поздравить нового императора со вступлением на престол. В одной надписи сохра-

нился ответ Марка Аврелия на врученное ему посольством одного малоазиатского города поздравление с днем рождения. Известен также ответ императора Диоклетиана жителям города Афродизии, которые поздравляли его через послов с приходом к власти.

Наряду с выражениями верноподданнических чувств и преданности легации часто преследовали и более практические цели. Через послов города и корпорации добивались снижения налогов, денежной помощи фиска — на постройку общественных зданий, храмов в честь императора, бань и дорог, гимназий и т. д. Всякого рода конфликты, судебные процессы и жалобы на неправильные действия центральных и местных властей также доводились до сведения высшей власти с помощью посольств.

В сочинении Филона сохранилось подробное описание посольства александрийских евреев к Калигуле с жалобой на римского наместника Авиллия Флакка. Получив разрешение у александрийских властей на право выезда, депутация отправилась в путь и благополучно достигла Рима. На Марсовом поле депутаты впервые встретили императора, который любезно ответил на их поклон, что считалось хорошим признаком. Далее описывается самый разговор депутатов с принцепсом, происходивший в садах Мецената. Настроенный вначале благосклонно, император начал раздражаться и, наконец пришел в сильное возбуждение, недовольный отрицанием божественности его власти. «Вы — единственные, — говорил Калигула, — которые не почитают меня богом... Почему вы не едите свиного мяса?» и т. д. Диалог продолжался долгое время, но в общем миссия александрийских евреев успеха не имела. Другие миссии оказывались более удачными. Так, Дион, возглавлявший посольство города Смирны, сообщает, что император Траян был чрезвычайно милостив и любезен. «Император по его высшей доброте и прозорливости даровал мне все, что я просил, как и всем другим послам... В город полилась целая волна золота» [1].

Обмен посольствами происходил не только между провинциями и центром, но и между отдельными муниципиями и корпорациями. Связь между христианскими общинами тоже поддерживалась при посредстве посольств.

Внутренняя дипломатия Рима прошла в своем развитии несколько этапов. В республиканский и ранний императорский период посольства были сравнительно редким явлением. Никаких специальных знаний от посла не требовалось. Участвовать же в посольской делегации, посетить Рим и быть на

[1] *Dio Chrysostomus,* Oratio, XL.

приеме у самого императора считалось величайшей честью для всякого провинциала. Лица, успешно выполнившие возложенные на них миссии, становились патронами данного города, пользовались почетом и уважением. В честь их устраивались празднества, воздвигались памятники и статуи. Избрание в посольскую делегацию рассматривалось как начало большой карьеры данного лица. Главами провинциальных посольств обычно являлись члены муниципальных курий (городских сенатов), которые впоследствии становились имперскими сенаторами, членами римского Сената. Все расходы, связанные с посольством, возлагались на самих делегатов; поэтому естественно, что послами могли быть лишь самые богатые люди, принадлежавшие к первому классу муниципальных курий.

Первые императоры, которые еще не особенно прочно чувствовали себя на троне, охотно принимали провинциальные делегации, поощряя их, и расходы на содержание делегатов в Риме брали на свой собственный счет или на счет государства. С течением времени, однако, щедрость императоров к притекавшим в Рим со всех сторон легатам стала ослабевать. Это объяснялось двумя главными причинами: увеличением расходов императорского фиска (государственной казны) и чрезвычайным возрастанием числа посольств. При реконструкции сгоревших во время гражданской войны 68—69 гг. зданий на Капитолии при Веспасиане извлекли три тысячи древних бронзовых досок, на которых были записаны старинные государственные документы. Большую часть их, несомненно, составляли договоры (foedera) и всякого рода другие дипломатические акты. Три тысячи бронзовых таблиц являлись лишь незначительной частью колоссального государственного архива Рима, помещавшегося на Капитолии.

Ввиду огромного наплыва посольств императоры вынуждены были изыскивать меры сокращения расходов фиска на приемы и содержание послов. Начало этому положил эдикт Флавия Веспасиана, ограничивавший число членов посольства тремя лицами [1].

Последующие императоры продолжили и расширили ограничительные меры Веспасиана. Постепенно стали не только регулировать число членов посольства, но и ограничивать самое «право посольства» муниципиев и других общественных корпораций. Отчасти это делалось в интересах самих вышеупомянутых организаций, главным же образом по соображениям экономии императорского фиска. Так, Траян освободил все муниципии провинции Мезии от необходимости снаряжать поздравительные посольства к наместнику названной провинции.

[1] *Digesta*, L, 7, 5 (4).

«Пусть, — пишет он в одном из своих писем Плинию, — начальник Мезии (Moesiae praeses) извинит, если его будут почитать с меньшими расходами» [1].

Важнейшую веху в истории римской дипломатии и провинциального управления составляет эдикт Феодосия I. Феодосий ответственность за отправление посольств возложил на префекта претория. В столицы империи, Рим и Константинополь, допускались лишь те делегации, которые были достойны внимания императора. Ограничение права посольств наносило удар автономии местных общественных мирков, превращало легации в агентуру государственного аппарата, а легатов — в государственных чиновников.

В соответствии с этим изменялся и личный состав посольств. По мере роста числа посольств и охлаждения к ним императоров участие в посольской делегации из права превращалось в обязанность. Богатые люди, сенаторы первого ранга местных курий (priores) под различными предлогами уклонялись от высокой чести быть членами посольства. При Доминате в связи с повышением государственных налогов и поборов легации превратились в одну из наиболее тяжелых повинностей римских граждан.

Личный состав посольств менялся также и потому, что при массе и разнообразии вопросов от послов требовались профессиональные качества, знание законов, посольской техники, красноречие. Всем этим требованиям лучше всего могли удовлетворить лица с юридическим образованием (адвокаты), окончившие юридические школы и школы красноречия. Муниципии и корпорации ставили адвокатов и риторов (профессоров красноречия) во главе посольств и поручали им ведение дел. Все расходы по снаряжению посольств и оплате адвоката падали на муниципальные курии и корпорации. Многие из адвокатов на посольских делах наживали большое состояние и удостаивались высокого почета.

Риторско-дипломатические школы

Профессия адвоката, ритора и дипломата в императорском Риме считалась одной из самых выгодных, ибо приносила большие доходы и доставляла высокое общественное положение. Этим объясняется стремление римской молодежи получить высшее юридическое образование и пройти обязательную для юриста риторскую школу. Дипломатическому искусству в этих школах уделялось очень большое внимание. Риторские школы в то же самое время были и дипломатическими школами. Ученики упражнялись в произнесении речей

---

[1] *Plinius,* Epistulae, X, 44.

на самые разнообразные темы дипломатического характера, частью исторические, частью отвлеченные. Давались такие темы, как «Мир между Афинами и лакедемонянами» (445 г. до нашей эры), «Пилосский конфликт», «Проект оборонительного союза греков против Филиппа Македонского». Инсценировали диспут Демосфена с Эсхином на тему о посольстве в коллегии амфиктионов и т. д.

Постепенно сложились определенные правила (praecepta) составления дипломатических орации (речей) и манеры их произнесения. Отступления от этих правил рассматривались как нарушения этикета и отсутствие хорошей школы дипломатического искусства. В сочинении Менандра приведены правила составления различных дипломатических речей. Так, например, речь, произносимую от имени города, пострадавшего от землетрясения или какого-либо иного стихийного бедствия, рекомендовалось строить по следующим правилам. Орация начиналась со вступления, рассчитанного на возбуждение чувства гуманности принцепса. Постарайтесь, говорится в названном руководстве, прежде всего подействовать на высокие качества принцепса, на его гуманность и доброту. Императору надо внушить идею о его богоизбранности. Потом следует напомнить ему о его доблестях на войне и во время мира и восстановить в его памяти облик города, от имени которого произносится речь. Полезно при этом пустить в ход риторические контрасты, указать, например, на трагическую судьбу Трои: некогда знаменитый город, который мог вести войну против всей Европы, пал до полного ничтожества. Это сравнение укажет властелину на хрупкость и изменчивость судьбы всего существующего и всех людей. За риторическим введением следовало, наконец, самое изложение цели посольства. Для большего впечатления легатам рекомендовалось упасть перед принцепсом на колени с молитвенными ветвями в руках [1].

Образец речи об установлении дружбы между городами представляет сороковая речь Диона Хризостома. Ее темой служит предполагаемый союз города Прузы с Апамеей. Оратор начинает с противопоставления великих благ дружбы и великих несчастий вражды. «Подумайте только, граждане, сколь приятно, путешествуя по землям своих соседей, встречать друзей вместо врагов, насколько лучше пользоваться гостеприимством, участвовать совместно в религиозных празднествах, зрелищах и молитвах, нежели осыпать друг друга поношениями и оскорблениями... Оскорбительные слова приличествуют лишь бесстыдным людям, но они несвойственны благородным людям и мудрым гражданам».

---

[1] *Rhetores Graeci,* Menandros, II.

В руководствах по ораторскому и дипломатическому искусству подробно разрабатывались не только планы речей, но и содержались также образцы стиля и определялись размеры. Речь дипломата в среднем не должна превышать, говорится в одном из подобных руководств, ста пятидесяти или максимум двухсот строк.

5. Союзные договоры с «варварами» (IV—V вв. нашей эры)

В течение IV в. огромная Римская империя не раз делилась на Западную и Восточную, управлявшиеся каждая своими императорами. Окончательно это деление было оформлено в 395 г., когда император Феодосий I (379—395 гг.) перед смертью официально разделил единую империю на Восточную и Западную, отдав их своим сыновьям Аркадию и Гонорию.

В последний период существования империи римская дипломатия вступает в сношения и заключает договоры с варварскими народностями. Поселения варваров на римской территории на правах союзников, или федератов, начинаются еще с конца республики и первых лет существования империи, с Цезаря и Августа. В последующие столетия они расширялись и получили наибольшее распространение в III—V вв. нашей эры, в период «великого переселения народов». Поселение варваров на римской территории являлось следствием кризиса рабовладельческого способа производства и ослабления империи. Варвары, по выражению Энгельса, вливали свежую кровь в дряхлевшее тело Римской империи.

По своему юридическому положению федераты находились на правах «иностранных союзников» (peregrini socii). Этим они отличались от других категорий варваров, живших в пределах Римской империи, но не связанных с Римом договорными отношениями. Федераты пользовались покровительством римского закона и многими привилегиями по сравнению с остальной массой варварских поселенцев.

Среди многочисленных договоров с федератами наибольшее историческое значение имел договор Константина Великого с готами (332 г.) [1]. Римляне предоставляли готам землю для поселений на Дунае и обещали дары за их военную помощь и договаривались об условиях торговли по обеим сторонам Дуная. Для облегчения торговых связей Константин построил мост через Дунай. Соглашение Константина с готами было расторгнуто после того, как им стало известно, что Константин одновременно заключил тайное соглашение с сарматами, старыми

[1] *Iordanes*, De origine actibusque Getarum, 7; *Ammianus Marcellinus*, Rerum gestarum, XXVII, 5; *Eusebius*, Vita Constantini, IV, 51.

врагами готов. Возмущенный этим поступком, готский князь обязал клятвой своего сына, будущего короля Атанариха, никогда не вступать на римскую территорию для оказания помощи римлянам.

Из соглашений последующего времени наибольшее значение по своим историческим последствиям имел договор 369 г. между Валентом, императором восточной половины Римской империи, и Атанарихом, королем готов. Договор был составлен в письменной форме и скреплен подписями обеих сторон. Готы получали право поселения во Фракии. Ввиду взаимного недоверия переговоры происходили на плотах посредине Дуная.

Через несколько лет последовало новое соглашение между готами и Валентом. Теснимые гуннами, готы отправили в 376 г. к Валенту посольство с предложением заключить союз. Император принял предложенные готскими легатами условия договора. Римляне брали на себя обязательства: 1) оказывать готам временную поддержку продовольствием и 2) предоставить земли для поселений и обработки. Для Валента эти условия были чрезвычайно выгодны. В лице готских федератов он получал необходимую ему военную силу. Готская кавалерия считалась лучшей. Вместе с тем договор избавлял римских землевладельцев от поставки рекрутов. Однако Валент не сумел воспользоваться вытекавшими из договора возможностями. Недоверчивый и склонный к подозрительности император слишком затянул переговоры. Наконец готам разрешили переправиться через Дунай, но римские чиновники не доставили готам продовольствия и своими вымогательствами вызвали восстание. К готам присоединились рабы и колоны соседних областей. Двинувшийся на усмирение восстания Валент погиб в сражении с готами при Адрианополе в 378 г.[1]

Последующие императоры, научепные горьким опытом, во избежание повторений событий 376—378 гг. старались более точно соблюдать принятые на себя обязательства в отношении своих федератов. Кроме того, для побуждения варварских князей к заключению договоров они старались предварительно задабривать их подарками — золотом и всевозможными дорогими вещами: ожерельями, бусами, кольцами и пр.

В 382 г. преемник Валента император Феодосий I заключил договор с вождем готов на условиях, более выгодных для них, чем для империи. Готам предоставлялись земли в империи с правом заниматься земледелием без уплаты земельного налога и несения каких-либо иных повинностей, кроме военных.

---

[1] *Ammianus Marcellinus,* Rerum gestarum, XXX, 7.

Дружественные договоры с вождями варваров заключались также и при преемниках Феодосия, императорах западной и восточной половины империи. В последние годы своего существования Римская империя держалась почти исключительно силою союзных варварских дружин, находившихся на римской службе. Между варварами и римлянами установились более тесные отношения. Влияние «варварских» обычаев нашло отражение и в дипломатии. Одновременно с ростом этого влияния происходил и другой процесс — освоение «варварами» римской культуры, процесс романизации. В результате всего этого создались условия для отмирания рабовладельческих социальных отношений и образовались в первой половине средних веков новые феодально-крепостнические общественные порядки и государства, выработавшие и свою собственную дипломатию.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

В средние века дипломатия была орудием осуществления внешнеполитических целей феодального государства. На различных этапах его развития изменялись содержание, характер деятельности и методы средневековой дипломатии.

История средневековой Европы открывается падением Западной Римской империи в результате общего кризиса рабовладельческого способа производства и нашествий «варварских» племен. В Европе образовался ряд «варварских» государств, в которых в течение последующих столетий складывается феодальный строй.

Для большей части Европы этот период характеризуется низким уровнем производительных сил, господством натурального хозяйства, слабым развитием общественного разделения труда.

Цели внешней политики «варварских» государств определялись интересами военно-землевладельческой знати, приобретавшей все большую силу в феодализировавшемся обществе.

Основой могущества знати являлась собственность на землю и «неполная собственность» на обрабатывавших эту землю людей. Средствами для приобретения земли, богатства и власти были прежде всего войны, захваты, грабеж, обложение побежденных народов данью.

Завоевание Римской империи, образование варварских государств и постоянная борьба между ними, а также вмешательство в эту борьбу Восточной Римской (Византийской) империи создавали крайне неустойчивую международную обстановку, еще более осложнявшуюся борьбой с кочевниками (гунны, авары, печенеги, половцы), вторгавшимися в Европу со стороны причерноморских степей. Могучая арабская держава захватила в VII в. большую часть византийских владений, а в начале VIII в. — Испанию (королевство вестготов) и стремилась покорить Галлию (королевство франков).

Эти сложные международные столкновения разрешались не только силой, но и путем переговоров и соглашений. Так складывалась дипломатия «варварских» государств, соединявшая черты примитивности, характерные для этих новых политических образований, с некоторыми элементами римской традиции.

Значительное влияние на дипломатию молодых варварских государств оказала Византия, где сохранились дипломатические традиции Поздней Римской империи. Высокоразвитая организация этой восточной дипломатии, ее торжественный церемониал, изворотливость, коварство, умение изобретать всякого рода комбинации, разъединять своих врагов, использовать в своих целях торговые, культурные и религиозные связи — все это оказало сильное воздействие на дипломатию средневековья. Другим мощным проводником влияния римских традиций на дипломатию средних веков была католическая церковь в лице папства с его широкими международными связями.

В условиях раннего средневековья не могли установиться более или менее прочные политические образования, границы непрерывно менялись, государства быстро создавались и распадались. Даже наиболее крупные и сильные объединения раннего средневековья, как империя Карла Великого в Западной и древнерусское государство в Восточной Европе, не имели прочной экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения.

Дипломатия периода политической раздробленности средневековой Европы соответствует характеру сложившегося феодально-крепостнического строя. Сеньория отождествляется с государством. Крупный землевладелец является государем. Различие между государством и частным владением стирается; исчезает также различие между публичным и частным правом, отношениями частными и международными.

Несмотря на существование «феодальной лестницы», своеобразной системы подчинения, которая определяла отношения сюзерена и вассалов, каждая крупная сеньория ведет более или менее самостоятельную внешнюю политику. Провозглашается право «частной войны».

Деятельность дипломатии этого периода была направлена главным образом на урегулирование споров и столкновений, которые возникали между государями-вотчинниками из-за грабежа соседних владений или захвата чужих подданных ради увеличения числа плательщиков феодальной ренты. Порой, однако, эта дипломатия разрешала и более крупные вопросы, возникавшие между государями-вотчинниками перед лицом какого-либо общего врага — мусульман для Западной

Европы, половцев и татар для феодальной Руси. Характерный образец такой дипломатии представляют отношения между русскими князьями в период феодальной раздробленности.

Первые попытки политического сплочения раздробленной феодальной Европы относятся ко времени, когда условия для этого еще далеко не созрели: этим объясняются нереальность тех целей, которые преследовались, и их конечная неудача.

Одной из таких попыток является создание «Священной Римской империи германской нации», основанное на захвате германскими феодалами экономически передовой страны тогдашней Европы — Италии — с целью использования ее как материальной и стратегической базы для установления господства над Западной Европой, а в дальнейшем над Византией и мусульманским миром.

Почти одновременно с этим делается попытка установления не только церковного, но и политического господства пап над всеми странами католического Запада с целью распространения папской теократии на «весь мир». На этой почве разгорелась долгая борьба между императорами и папами, в которую был втянут ряд стран Европы. Борьба велась как силой оружия, так и дипломатическим путем. В отличие от империи, вечно страдавшей от внутренних несогласий, возглавлявшаяся папами католическая церковь представляла наиболее организованную силу в раздробленной Европе. Папство являлось не только религиозной, но и государственной силой. Опираясь на собственную территорию, располагая огромными материальными средствами и широкой сетью агентов, папство противопоставляло единство церкви и свой международный авторитет розни и борьбе, которые кипели в феодальной Европе. Разжигая существовавшие противоречия, чтобы использовать их в интересах своего владычества, папство развивало активнейшую дипломатическую деятельность. В ней применялись все доступные папскому престолу средства, начиная от испытанных методов политики великодержавного Рима, вплоть до отлучений от церкви, интердиктов, подкупа, шпионажа и тайных убийств.

Папская дипломатия активно участвовала в организации таких международных предприятий средневековья, как крестовые походы. Она проявила чрезвычайную энергию и изворотливость в борьбе с императорами Священной Римской империи. Но ни папству, ни империи не удалось преодолеть центробежные стремления, которые были характерны для феодального общества.

Носительницей политического сплочения в странах Европы явилась постепенно укреплявшаяся феодальная монархия. Рост производительных сил двигал вперед разделение труда; развивались товарно-денежные отношения; расширялось хо-

зяйственное общение; создавались города, в которых зарождался новый класс — буржуазия; начинали складываться предпосылки для образования наций. Города были жизненно заинтересованы в создании национального рынка и централизованной государственной власти, способной охранять внутренний порядок, обеспечивать безопасность торговли, проводить в жизнь правовые нормы, способствующие развитию товарных отношений. Установлению сильной государственной власти содействовали и мелкие феодалы, стремившиеся найти защиту против произвола крупных сеньоров, упрочить свое классовое господство, усилить эксплуатацию крестьян. Союзником усиливавшейся феодальной монархии являлась отчасти и церковь, ибо она также зачастую страдала от самовластия сеньоров и притом являлась крупным землевладельцем и постепенно втягивалась в торговые связи.

Внешняя политика и дипломатия крупных феодальных монархий — Франции, Англии, Испании, Московской Руси — направлены были на преодоление политической раздробленности, объединение и расширение государственной территории, борьбу с соперниками за военное и торговое преобладание, на поиски союзников, необходимых для разрешения этих задач. В такой обстановке дипломатическая работа все более приобретает значение особой отрасли государственной деятельности. В ее организации и приемах проявляются черты, сближающие ее с дипломатией нового времени.

Особую роль в истории дипломатии средневековой Европы играли итальянские города. В Италии раньше других стран начали развиваться капиталистические отношения. Здесь торговые и промышленные независимые города находились в состоянии непрерывного соперничества и постоянной борьбы за внешние рынки. Ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы подчинить остальных и создать единое итальянское государство. Объединению Италии препятствовала также политика пап, государство которых занимало серединное положение на Апеннинском полуострове. Необходимость регулировать сложные внешние отношения итальянских городов, которые вели интенсивную международную торговлю, вызвала к жизни их искусную и тонкую дипломатию, многое позаимствовавшую от Востока и особенно от Византии. В свою очередь дипломатия итальянских городов оказала сильнейшее влияние на дипломатическую практику складывавшихся в Европе абсолютных монархий.

Феодальная дипломатия Китая развивалась в иных условиях, весьма отличных от тех, какие существовали в Европе. Она сохранила сложившуюся в древности, хорошо разработанную систему дипломатической службы, которую и продолжала

совершенствовать. Особая черта дипломатии феодального Китая заключалась в том, что она выражала не интересы местных властителей, а была дипломатией государственной, ею руководила централизованная власть. Представляя интересы феодального класса, она вместе с тем боролась против сепаратистских тенденций феодалов, за укрепление государственной власти династии и сохранение единства страны. В отличие от Европы религиозные влияния и особые интересы церкви в Китае не имели сколько-нибудь существенного значения. Помимо главной цели — охраны интересов господствующего класса и его государственной организации, китайская дипломатия боролась за защиту великой и высококультурной земледельческой страны от вторжений кочевников.

В то же время она имела и другую задачу — способствовать осуществлению завоевательной политики феодальной империи, по преимуществу направленной на страны, расположенные за южными рубежами Китая. В своих обширных внешних сношениях китайская дипломатия стремилась добиться для своей страны выгодных торговых соглашений.

Обычно внешние сношения Китая осуществлялись императорским двором. В строго установленные сроки в Китай прибывали иноземные посольства, привозили грамоты, дары и товары. Переговоры велись в условиях строжайшего соблюдения подробно разработанного церемониала. Многочисленные формальности соблюдались и при отправлении китайских посольств. Дипломатическая деятельность играла видную роль в политике Китайской империи. Ее политика и дипломатия оказывали большое влияние на соседние с Китаем страны.

В Индии в средние века имелись крупные государства (Делийский султанат и империя Великих Моголов — на севере, Виджаянагар — в Южной Индии), возникшие в результате поглощения и присоединения многих мелких княжеств. Внутри этих государств не существовало развитой иерархии феодальных взаимоотношений. Все феодалы, крупные и мелкие, держали свои владения непосредственно от государя. Одной из основных задач дипломатии крупных индийских государств было подчинение мелких княжеств и включение их в империю на правах вассальных держателей. Религиозная оболочка социальных явлений в Индии играла еще бóльшую роль, чем в средневековой Европе. Большое влияние оказывала и принадлежность правящей династии к одной из двух основных господствующих религий: к индуизму или мусульманству. Государи-единоверцы часто (хотя и не всегда) выступали совместно против князей и правителей, исповедовавших другую религию, и тогда войны принимали характер борьбы с «неверными».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ВАРВАРСКИЕ» ГОСУДАРСТВА И ВИЗАНТИЯ

1. Дипломатия времен великого переселения народов

Римская империя и варвары

С конца IV в. нашей эры волны нашествий германских племен, давно прорывавшиеся через границы рабовладельческой Римской империи, затопляют одну провинцию за другой. Империя к этому времени находилась в состоянии внутреннего разложения и кризиса. Малопроизводительный труд рабов тормозил развитие техники. Сельское хозяйство, ремесло и торговля пришли в упадок. Непрестанные восстания рабов и колонов расшатывали рабовладельческий строй. Восставшие видели в варварах своих союзников в борьбе против рабовладельцев. Ослабевшая империя не в силах была отражать все новые полчища варваров, привлекаемых плодородием ее земель и молвой о неисчислимых богатствах ее вилл и городов. Западная империя, в которой процесс разложения рабовладельческого строя зашел особенно далеко, а классовая борьба приобрела особо резкую форму, теряла область за областью. Но и оказавшаяся более прочной Восточная империя, где разложение рабовладельческого строя происходило медленнее, сдерживала натиск варваров лишь с крайним напряжением сил. Вестготы Алариха опустошили в начале V в. балканские провинции Восточной Римской империи, разгромили Италию, взяли и разграбили древнюю столицу империи — «вечный город» Рим. В Испании и Юго-Западной Галлии вестготы основали свое королевство — первое варварское государство на территории Римской империи. Вандалы, свевы, бургунды, франки отнимали у империи провинцию за провинцией. Кочевники-гунны, прошедшие длинный путь от северных границ Китая, в IV—V вв. захватили огромные пространства от Волги до Рейна, создали свою могучую державу. Гунны вплотную подошли к границам империи, опустошали ее земли, требовали дани, угрожали самому ее существованию.

Как Восточной, так и Западной империи приходилось не только воевать с варварами, но и вступать с ними в сложные политические сношения. Обычно варвары поселялись близ границ империи или на ее территории сначала не как завоеватели,

а как вассалы и союзники. С ними, с их вождями и знатью устанавливались договорные отношения, быстро менявшие свой характер, поскольку вчерашние вассалы сегодня превращались в бунтовщиков, а завтра становились завоевателями. С ними надо было договариваться, их надо было подкупать, от них надо было избавляться. Они в свою очередь предъявляли все новые притязания, требуя золота, серебра, земель для поселения. На этой почве возникали дипломатические отношения между варварами и Римской империей, или, вернее, двумя римскими империями.

Варвары, размещаясь в областях Западной империи, быстро переходили к новым общественным порядкам. Ускоренным темпом шел у них процесс разложения родового строя, образования классов, возвышалась королевская власть, создавалось государство. Между возникавшими варварскими королевствами границы были неясны и не установлены. Споры разрешались не только оружием, но и путем переговоров. По мере образования варварских королевств неизбежно возникает у них и своя дипломатия.

Константинопольский двор и Аттила

Столкновения римского и варварского миров породили своеобразные формы международного общения. Сохранилось подробное и богатое живыми деталями описание дипломатических сношений восточно-римского (константинопольского) двора с вождем гуннов Аттилой. Это описание составлено Приском — лицом, близко стоявшим к дипломатическим кругам Константинополя и лично принимавшим участие в посольстве к Аттиле. Из его рассказов можно видеть, как варвары постепенно усваивали приемы римской дипломатии. Но и империи приходилось приспособляться к обычаям варваров. Приск описывает одно из посольств восточного императора Феодосия II к гуннам в 433 г. Встреча послов императора с гуннами произошла близ границы. Гунны заявили, что желают вести переговоры, не сходя с лошадей. «Римские[1] послы, заботясь о своем достоинстве, имели с ними свидание также верхом», — говорит Приск. В действительности переговоры являлись вынужденной уступкой, на которую византийцы пошли ввиду слабости империи. Был заключен договор, унизительный для империи, по которому она обязалась выдать гуннам всех перебежчиков и платить ежегодно по 700 фунтов золота. После этого обе стороны принесли клятву соблюдать договор, каждая по обычаю своих предков.

---

[1] Жители Восточной Римской империи называли себя не византийцами, как их обычно называем мы, а ромеями — римлянами.

Варвары, усваивая обычаи римской дипломатии, старались извлечь из них для себя пользу, иногда в довольно грубой форме. В империи существовал обычай делать послам подарки. Аттила отправил в Константинополь послов с требованием выдать перебежчиков. Послы были осыпаны подарками и отправлены назад с ответом, что в империи перебежчиков нет. Тогда Аттила отправил других послов. Когда и они получили подарки и были отпущены, он отправил третье посольство, а за ним и четвертое. «Аттила, зная щедрость римлян, зная, что они оказывали ее из опасения, чтобы не был нарушен мир, — кому из своих хотел сделать добро, того и отправлял к римлянам, придумывая к тому разные пустые причины и предлоги». Но Аттила из переговоров с империей научился не только этому. Приск сообщает, что у Аттилы был присланный ему римским наместником в Галлии Аэцием писец Констанций, который составлял для него грамоты, по-видимому, на латинском языке. Для ведения переговоров Аттила использовал опытных в этих делах римлян из захваченных им областей империи. Приск подробно описывает посольство Аттилы к Феодосию II в 448 г. Послом был гунн Эдикон, «отличавшийся великими военными подвигами». С ним вместе был направлен римлянин Орест, который жил в одной из пограничных областей, отошедших под власть Аттилы. Эдикон был представлен императору и вручил ему грамоту Аттилы, в которой вождь гуннов жаловался на невыдачу перебежчиков и требовал установления новых пунктов для торговли. Император прочел грамоту, написанную полатыни. Затем Эдикон сделал устные добавления к грамоте, переведенные придворным Вигилой, знавшим гуннский язык.

Судьба этого посольства интересна для характеристики приемов византийской дипломатии. Некоторые из константинопольских сановников с ведома императора подбивали Эдикона убить Аттилу, обещая ему «великое богатство». Эдикон притворно согласился на сделанное ему предложение и отправился в страну гуннов вместе с посольством императора, в которое вошел и Вигила, главный исполнитель всего замысла. Эдикон выдал Аттиле заговор. Интересно, что Аттила не решился убить Вигилу, хотя и обратился к нему с гневной речью, заявив, что его следовало бы предать лютой казни и бросить на расклевание птицам, если бы этим не нарушались права посольства. Отсюда видно, что у варваров уже укоренялось представление о неприкосновенности послов — в чем они сами были заинтересованы, поскольку со своей стороны тоже направляли послов ко двору императора.

Аттила требовал, чтобы к нему присылали для переговоров не простых людей, а самых знатных, носивших консульское звание. Послы в переговорах с ним ссылались на то, что

в посольства к варварам обычно отправляют незнатных людей, преимущественно военных, но Аттила настоял на своем. В 449 г. послами к нему были отправлены патриции Анатолий и Ном. Из уважения к сану послов Аттила выехал навстречу им к самой границе, «чтобы не подвергать их трудам дальнейшего странствования». Сначала он говорил с патрициями надменно, но потом смягчился и заключил выгодный для Константинополя договор. На прощание он дал им богатые подарки — лошадей и меха. Так, сносясь с империей, варвары постепенно усваивали римские понятия и обычаи в посольском деле.

Одоакр и Теодорих

В 476 г. Западная Римская империя прекратила свое существование. Вождь наемной варварской дружины Одоакр низложил последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула. Первым же актом завладевшего Италией Одоакра было установление дипломатических отношений с Восточной Римской империей. Он отправил в Константинополь знаки императорского достоинства — диадему и пурпурное одеяние, в знак того, что на Западе больше не будет особого императора. Себе Одоакр через посредство римского Сената испрашивал разрешение носить титул патриция и править Италией. Император Востока Зенон повел против Одоакра сложную интригу. Отвечая ему туманными и ни к чему не обязывающими дипломатическими любезностями, он одновременно давал столь же мало обязывающие обещания другому претенденту на власть над Италией — низложенному ранее западному императору Юлию Непоту. В конце 80-х годов Зенону удалось направить на завоевание Италии вождя остготов Теодориха, который угрожал перед тем Константинополю. Этим отводилась опасность от империи, и натравливались друг на друга два беспокойных соседа-варвара. Теодорих, воспитанный, как и многие сыновья знатных варваров, при Константинопольском дворе, неплохо усвоил принципы византийской дипломатии. После ряда успешных военных действий он начал переговоры с Одоакром, предложив поделить власть над Италией, а затем во время пира убил его. В Италии установилось господство остготов (493 г.).

Хорошо известна приверженность Теодориха к римским политическим формам. Этот варвар окружил себя римскими учеными и государственными людьми, поручил всю администрацию и посольское дело римлянам.

Международное положение Остготского королевства было сложным. Византийские императоры с опасением смотрели на нового сильного соседа. Значительная часть римской аристократии, недовольная тем, что остготы отобрали у римских землевладельцев часть их земель, видела в византийском императоре свою защиту и нетерпеливо призывала его к интервен-

ции. Хотя Теодорих-арианин[1] относился терпимо к католичеству, духовенство готово было поддержать византийскую интервенцию, которая должна была восстановить господство католической церкви. Это осложняло отношения остготов с Востоком.

Остготскому государству пришлось вести сложную дипломатическую игру и на Западе, среди варварских государств. Здесь одним из средств умиротворения опасных соседей была политика брачных союзов. Одна из дочерей Теодориха была выдана замуж за короля бургундов, другая — за короля вестготов, сестра — за короля вандалов, сам Теодорих женился на сестре короля франков. Руководителем политики Теодориха был знаменитый римлянин Кассиодор, продолжавший традиции римской дипломатии. Он оставил сочинения, в которых устанавливал ряд принципов международной политики. Так, он отдавал предпочтение миролюбивому разрешению международных споров, причем считал полезным обращаться к посредничеству третьих держав; он считал, что договор, нарушенный одной стороной, перестает быть обязательным для другой. Кассиодор отмечал важное значение брачных связей для установления дружеских отношений между государствами. Он считал необходимым оповещать всех государей о вступлении на престол нового правителя, определил условия, при наличии которых политическим беглецам из другой страны может быть предоставлено убежище и т. д. Кассиодор придавал дипломатии огромное значение. «Дело посла, — пишет он, — великое искусство». Послов надо выбирать осторожно. «Поскольку каждое посольство требует мудрого человека, которому можно было бы доверить дела провинции и государства, надо выбирать для этого самого умного, способного спорить с наиболее хитрыми и говорить в собрании мудрых так, чтобы множество искусных людей не могло взять над ним верх в поручаемом ему деле». Послами отправляли самых знатных людей, чтобы оказать честь чужим государям и в то же время повысить авторитет посольства. Через остготские посольства римские обычаи прививались и у западных варваров. При франкском и вестготском дворах устанавливается константинопольский этикет. Варварские короли начинают требовать от послов земных поклонов, какие отдавались императорам.

У варваров все более укореняется представление о неприкосновенности послов. Дополнение к сборнику законов салических франков «Салической Правде» (так называемое «Septem causas») устанавливает за убийство посла огромный вергельд (выкуп) в 1800 солидов (убийство простого франка выкупа-

[1] Арианство — течение в христианстве, признанное господствующей церковью еретическим, широко распространилось среди варваров.

лось вергельдом в 200 солидов, убийство королевского дружинника — вергельдом в 600 солидов). Подобные же постановления встречаются и в других варварских «Правдах». В своих государствах варварские короли устанавливают для иноземных послов право получать даровое помещение и питание в пути и налагают штрафы на тех, кто откажет им в этом.

2. Византийская дипломатия

Дипломатия Юстиниана I (527—565 гг.)

Образцом для варварских королевств была дипломатическая служба в Восточной Римской (Византийской) империи. Сохранив старые римские традиции, все более изощряясь в новой, сложной и опасной обстановке, когда чаще приходилось полагаться на хитрость и интригу, чем на силу, византийская дипломатия оказала огромное влияние на всю дипломатию средневековья. Ее обычаи и приемы были усвоены ближайшей западной соседкой — Венецией — и через нее перешли в практику других итальянских государств и западноевропейских монархий нового времени. Как принципы, так и внешние приемы византийской дипломатии заслуживают поэтому более внимательного рассмотрения. Ярче всего они выразились в деятельности одного из замечательнейших дипломатов того времени — императора Юстиниана I. В дальнейшем византийская дипломатия верно следовала его примеру, лишь становясь все изощренней и изворотливей по мере ослабления политической мощи государства и роста окружавших его опасностей. На дипломатию Юстиниана, правившего империей из своего рабочего кабинета, оказывала большое влияние Феодора, в юности — актриса, потом всесильная супруга могущественнейшего из византийских императоров. Она писала царю Персии Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Феодоре, а иногда раньше к ней, чем к императору. Это влияние «гинекея», женской половины дворца, характерно для истории византийской дипломатии.

Восточная Римская империя достигла в царствование Юстиниана наивысшего могущества. Ее дипломатические связи охватывали огромное пространство от Китая и Индии до Атлантического океана, от Внутренней Африки до причерноморских степей. Юстиниан умело комбинировал искусную дипломатическую игру с меткими военными ударами, которые расширили пределы его империи далеко на запад.

Византия со всех сторон была окружена беспокойными, находившимися в постоянных передвижениях племенами, к которым она применяла общее название «варваров». Византийцы тщательно собирали и записывали сведения об этих племенах. Они хотели иметь точную информацию об их нравах, военных силах, торговых сношениях, об отношениях между ними, о междоусобиях, о влиятельных людях и возможности их подкупа. На основании полученных сведений строилась византийская дипломатия, или «наука об управлении варварами».

Главной задачей византийской дипломатии было заставить варваров служить империи, вместо того чтобы угрожать ей. Наиболее простым способом был наем их в качестве военной силы. Вождей варварских племен и правителей государств подкупали, заставляя вести войны в интересах Византии. Ежегодно Византия выплачивала пограничным племенам большие суммы. За это они должны были защищать границы империи. Их вождям раздавали пышные византийские титулы, знаки отличия, золотые или серебряные диадемы, мантии, жезлы. Варварам отводили земли, где они селились на положении вассальных союзников (федератов). Лангобарды получили земли в Норике и Паннонии, герулы — в Дакии, гунны — во Фракии, авары — на Саве. Так одни варвары служили оплотом империи против других. Варварских вождей старались покрепче привязать к византийскому двору. За них выдавали девушек из знатных фамилий. Их сыновей воспитывали при Константинопольском дворе в духе преданности интересам империи; одновременно они служили заложниками на случай измены отцов. В то же время в Константинополе зорко следили за раздорами, обычными в княжеских родах варваров. Неудачным претендентам, изгнанным князьям давали приют и держали их про запас, на всякий случай, чтобы выставить своего кандидата на освободившийся престол или выдвинуть опасного соперника против зазнавшегося варварского князя.

Эти «мирные средства» были, однако, ненадежны. Варвары, получавшие от Византии деньги, требовали все большие суммы и угрожали перейти в лагерь врагов империи. Важно было не давать им усиливаться, умело натравливать их друг на друга, ослаблять их взаимными усобицами. Старое римское правило «divide et impera» («разделяй и властвуй») нашло самое широкое применение в византийской политике. Умение обращаться с соседями, как с шахматными фигурами, отличало дипломатию Юстиниана. Он возвел взаимное натравливание в целую систему. Против болгар он подымал гуннов, против гуннов — аваров. Чтобы одолеть вандалов, он привлек на свою сторону остготов, а остготов сокрушил при содействии франков. Военное вмешательство во внутренние дела других

государств было одним из средств политики Юстиниана. Всего ярче эта политика выразилась в войнах Юстиниана с вандалами и остготами. В Африке и Италии Юстиниан использовал социальную борьбу в этих странах, в частности недовольство римских землевладельцев, вызванное захватом их земель варварами, и возмущение духовенства господством варваров-арпан. Римские землевладельцы и духовенство поддерживали Юстиниана. Папа Вигилий умолял его довести до конца неудачно начатую интервенцию в Италии. Остготы отчаянно защищались, поддерживаемые рабами и колонами, положение которых было облегчено варварами. Одержанная с большим трудом победа Юстиниана (555 г.) означала реставрацию рабовладельческой империи. Юстиниан вернул римским крупным землевладельцам и церкви отобранные у них земли, отнял у рабов и колонов все облегчения, полученные ими при готских королях.

Если сильного врага нельзя было ни купить, ни одолеть своим или чужим оружием, Юстиниан прибегал к политическому и экономическому окружению. Самым опасным соперником Византии было персидское государство Сасанидов, особенно усилившееся при Хосрове I. Военные действия против Персии были неудачны. Тогда Юстиниан поднял против Хосрова всех его соседей. Против Ирана были брошены сабирские гунны, северные его соседи, кочевники Сирийской пустыни, угрожавшие ему с юга, бедуины Неджда, арабы Йемена, Эфиопское царство Аксума. Юстиниан поддерживал царей Лазики, преграждавших Персии путь к Черному морю. Чтобы избежать посредничества Персии в торговле с Индией и Китаем, Юстиниан стремился направить эту торговлю по морским путям, через Красное море.

Дипломатия служила развитию торговли, а расширение торговых связей в свою очередь использовалось Византией как одно из сильнейших орудий дипломатии. Торговые города, расположенные на окраинах империи, были форпостами ее политического влияния. Купцы, торговавшие с отдаленными народами, приносили в Византию сведения о них. С византийскими товарами к варварам проникало и политическое влияние Византии.

За купцом следовал миссионер. Распространение христианства также было одним из важнейших дипломатических орудий византийских императоров на протяжении многих столетий. Византийские миссионеры проникали в горы Кавказа, на равнины Причерноморья, в Эфиопию, в оазисы Сахары. Впоследствии христианство усиленно распространялось среди славянских племен. Хорошо известны те столкновения, которые имели место в Моравии между византийскими и немецкими

миссионерами из-за влияния на западных славян. Распространение христианства на Руси было большой дипломатической победой Византии. Константинополь — Царьград становился священным городом для новообращенных народов. Миссионеры были в то же время и дипломатами, трудившимися над укреплением византийского влияния. Они подлаживались к князьям, к влиятельным лицам, особенно же к влиятельным женщинам. Нередко у варварских князей жены были христианки, которые под влиянием «духовных отцов» становились сознательными или бессознательными проводниками интересов Византии. В противоположность папскому Риму, который не допускал церковной службы на национальных языках, Византия облегчала своим миссионерам дело распространения христианства, разрешая службу на местных языках и переводя священное писание на языки новообращаемых народов. Евангелие было переведено на готский, гуннский, абиссинский, болгарский и другие языки. Эта гибкая политика дала свои плоды. В обращенных странах утверждалось византийское влияние. Духовенство, зависимое от Византии, играло огромную роль в варварских государствах как единственный носитель грамотности. Епископы — греки или ставленники греков заседали в княжеских советах. Школа у новообращенных народов всецело зависела от духовенства.

Посольское дело в Византии (VI—X вв.)

При византийском дворе всегда можно было видеть пеструю толпу послов со всех концов Европы, Азии, Африки в разнообразных национальных костюмах, слышать все языки мира. Ведомство иностранных дел, которое находилось под управлением первого министра (Magister officiorum, впоследствии «логофет дрома»), располагало огромным штатом, держало переводчиков со всех языков, выработало сложный порядок приема послов, рассчитанный на то, чтобы поразить их воображение, выставить перед ними в самом выгодном свете мощь Византии. В то же время прием обставлялся так, чтобы не дать возможности послам видеть или слышать слишком много, узнавать слабые стороны империи.

Послов встречали на границе. Под видом почетной стражи к ним приставляли зорких соглядатаев. Послам не позволяли брать с собой слишком большую вооруженную свиту, так как были случаи, когда послы захватывали врасплох какую-нибудь византийскую крепость. Иногда послов везли в Константинополь самой длинной и неудобной дорогой, уверяя, что это единственный путь. Это делалось с той целью, чтобы внушить варварам, как трудно добраться до столицы, и отбить у них охоту к попыткам ее завоевать. В дороге послы должны были получать пищу и помещение от специально назначенных для

этого лиц, которым нередко должно было оказывать содействие окрестное население. Строились и специальные дома для приема послов в пути. По прибытии в Константинополь им отводился особый дворец, который в сущности превращался в тюрьму, так как к послам не пускали никого и сами они не выходили без конвоя. Послам всячески мешали вступать в общение с местным населением. Прием у императора должен был поразить и ослепить послов. Лиутпранд, ездивший в Константинополь в X в. послом от короля Италии Беренгария, с восхищением варвара описывает необычайную роскошь первой аудиенции у императора. Перед троном царя стояло золотое дерево, на котором щебетали и порхали золотые птицы. По сторонам трона стояли золотые или, сомневается Лиутпранд, может быть, золоченые львы, которые били хвостами и рычали. Когда, простершись по этикету ниц перед царем, Лиутпранд снова поднял голову, он к своему изумлению увидел, что трон с сидящим на нем царем поднялся до потолка и что на царе уже другая богатая одежда. Лиутпранд был приглашен на роскошный пир, во время которого давали представление жонглеры и акробаты. Его наивное восхищение перед всем, что ему довелось увидеть, вызвало смех у царя и придворных.

Лиутпранду пришлось побывать в Константинополе еще раз в качестве посла императора Оттона I. Теперь у него было совсем другое настроение... Отчет Лиутпранда о посольстве 968 г. — один из любопытнейших документов по истории дипломатии раннего средневековья. Целью посольства было установление дружественных отношений с Византией и закрепление их браком сына Оттона с византийской принцессой Феофано. Досаду на свою полную неудачу Лиутпранд выместил в подробных описаниях византийской столицы и ее государя, составленных в ироническом и даже карикатурном стиле. Насколько все его раньше восхищало в Константинополе, настолько теперь все в нем возбуждает насмешку. Надо сказать, что прием Лиутпранду на этот раз был оказан самый неприязненный. Его поместили в особом дворце, где держали как пленника, оставляя часто даже без воды; не позволили ему ехать ко дворцу на лошади, предложив отправиться туда пешком. Оттона I не называли императором (басилевсом), а упорно титуловали королем (рекс); германцев все время называли «варварами».

Из описаний Лиутпранда видно, что византийцы, если это им было нужно, могли ошеломить иноземных послов роскошью приема, но умели также и унизить их и отравить им пребывание в Константинополе.

Часто послов старались очаровать и обласкать, чтобы тем легче обмануть. Послов водили по Константинополю, показы-

вали им великолепные церкви, дворцы, общественные здания. Их приглашали на праздники или даже специально устраивали праздники в их честь. Послов приглашали не только к императору, но и к императрице, а также к важнейшим вельможам. Им показывали военное могущество Константинополя, обращали внимание на толщину городских стен, на неприступность его укреплений. Перед послами проводили войска, причем для большего эффекта их пропускали по нескольку раз, меняя одежду и вооружение. Ослепленные и подавленные, послы уезжали, наконец, из Константинополя. Их провожали с трубными звуками, с распущенными знаменами. Иногда мелким князьям оказывался необыкновенный почет, если нужно было их покрепче привязать к Византии. Все удивлялись необычайным почестям, которые воздавались Юстинианом царям Лазики и кавказским князьям. Но император знал, что делал: они должны были не допускать персов к Черному морю.

При константинопольском дворе вырабатывались определенные правила посольского дела, которые воспринимались всеми державами, имевшими дела с Византией. Посол являлся представителем государя и мог вести переговоры лишь в пределах предоставленных ему полномочий. В тех случаях, когда возникали новые обстоятельства, не предусмотренные в полученных послом полномочиях, он должен был запросить дополнительные инструкции. За превышение полномочий послу грозило тяжелое наказание. Лишь в очень редких случаях представителям императора давалось разрешение вести переговоры на свой страх и риск. Такие широкие полномочия получали обычно победоносные полководцы Византии — Велизарий, а позже Нарсес.

Как уже было сказано, послами бывали обычно люди высокого ранга. В Византии нередко послам специально давались высокие титулы, если они их не имели раньше. Дипломатические поручения открывали путь к самым высоким почестям.

Посол должен был представить верительную грамоту. Сохранились тексты таких грамот. Обычно они были переполнены многоречивыми, цветистыми и льстивыми формулами, сообщали имя посла и очень кратко говорили о целях посольства, ссылаясь на то, что у посла имеется соответствующая инструкция. Верительная грамота передавалась во время первого торжественного приема; о делах шла речь уже потом, в частной аудиенции. Для ведения переговоров послы получали инструкцию, иногда письменную, иногда устную. Во всяком случае к письменной инструкции обычно прибавлялись в секретном порядке устные поручения. При этом в верительной грамоте и в инструкциях цели посольства могли излагаться совсем по-разному. Иногда посольству под видом неважных или

формальных поручений — вроде поздравления нового государя со вступлением на престол — давалось задание разузнать об отношениях и настроениях при иностранном дворе. Так дипломатия сочеталась с политической и военной разведкой.

Византийские послы при затянувшихся переговорах отправляли ко двору донесения и получали новые инструкции.

При византийском дворе выработался особый церемониал приема послов, отчасти уже описанный выше. Во время первого, торжественного приема послы лишь передавали верительную грамоту и подарки. Подарками нередко служили произведения той страны, откуда прибыли послы, — драгоценные камни, оружие, редкие животные. Папы посылали византийскому двору мощи святых. Это был высокоценимый подарок. Но и послов надо было одаривать: этого требовало достоинство государя. Окончательный ответ послы получали во время последней аудиенции, не менее торжественной, чем первая. В промежутке между этими двумя аудиенциями при дворе обсуждались связанные с посольством вопросы, а послы делали визиты императрице и важнейшим сановникам в известном иерархическом порядке. Во время этих приемов, за пирами, происходило иногда и обсуждение дел.

Нередко император надолго задерживал послов в Константинополе, не давая им заключительной аудиенции. Это превращалось иногда в настоящий плен. Так, однажды император задержал у себя аварских послов, полагая, что до их возвращения авары не предпримут военных действий. Но он ошибся — авары возобновили войну. Вообще пребывание послов в Константинополе, как правило, бывало довольно длительным. В одной из грамот к византийскому двору Карл Великий просит не задерживать его послов, а поскорее отослать их обратно.

Византийским послам предписывались определенные правила поведения в чужих странах. Посол должен был проявлять приветливость, щедрость, хвалить все, что увидит при чужом дворе, но так, чтобы это не было в укор византийским порядкам; он должен был сообразоваться с обстоятельствами, не навязывать силой того, чего можно добиться иными средствами. Формально ему предписывалось не вмешиваться во внутренние дела государств. На деле это не всегда соблюдалось. Византийские послы вели тайные интриги при чужих дворах, обычно с ведома своего правительства. Заключенный послами договор считался действительным лишь после его ратификации императором.

Принцип неприкосновенности послов рано был усвоен всеми варварами. На этой почве возникло даже нечто вроде права убежища. Люди, находившиеся в опасности, прибегали к за-

щите послов. Франкская принцесса, оскорбленная при лангобардском дворе, искала защиты у франкского посла. Но если посла нельзя было убить, то не считалось зазорным посадить его в тюрьму. В таких случаях возможны были и ответные репрессии. Так, остготский король Теодат посадил в тюрьму византийских послов. В ответ на это Юстиниан арестовал находившихся в это время при его дворе остготских послов и отказывался освободить их, пока Теодат не вернет императорских послов. Неприкосновенность посла давала известную защиту его свите. К свите послов нередко присоединялись купцы, становясь под их покровительство.

Следует отметить, что в посольствах варварских королей выступают кое-какие черты, чуждые византийским обычаям. Среди варварской знати было мало образованных людей, способных вести самостоятельно письменную часть переговоров. Поэтому в королевских посольствах обычно участвовали духовные лица, что у византийцев бывало редко. При Каролингах установилось правило, согласно которому отправляли двух послов — графа или герцога и с ним епископа или аббата. К посольствам присоединялись нотарии, чиновники королевской канцелярии.

Короли варваров отправляли со своими послами грамоты, составленные по римским формулярам, иногда не менее искусно, чем у самих византийцев. Короли варваров старались тянуться за византийским двором также и в роскоши приема послов.

3. Папство и Франкское государство

Дипломатия римских пап

Приемы римской дипломатии распространялись среди варварских королевств не только Византией, но и другой носительницей римских традиций — папской курией, которая сохранила многое из обычаев и приемов старой императорской канцелярии.

Влияние папской дипломатии сильнейшим образом сказывалось на всем ходе политической истории средневековья. По самому своему существу папство представляло международную силу. Искусная дипломатия была политическим оружием пап не в меньшей, а часто в большей степени, чем их духовный авторитет. И в дипломатии папство пользовалось арсеналом насилия, обмана, предательства, подлога, пресмыкательства и жестокости, как, пожалуй, никакое из светских государств. В этом отношении папство было, несомненно, учителем весьма многих государей Европы.

Уже папа Лев I («Великий» — 440—461 гг.) приобрел необычайный авторитет в Европе своей успешной дипломатией,

Его прославила удача в переговорах со страшным Аттилой, вторгшимся в Италию в 452 г. Военные приготовления Византии в тылу у гуннов и начавшиеся в их войсках болезни заставили Аттилу отказаться от похода на Рим и удовлетвориться выкупом. Услужливая церковная легенда представила это событие как чудо и украсила образ папы ореолом святости. Лев I выдвинул притязание на первенство римского епископа среди других христианских иерархов и с этой целью прибег к приему, который и впоследствии применялся папами не раз — к подлогу. В латинский перевод постановлений первого вселенского собора была вписана фраза: «Римская церковь всегда имела первенство».

Международное положение папства крайне осложнилось с падением Западной Римской империи и установлением в Италии власти варваров. Во времена варварских завоеваний на Западе организационное единство католической церкви было нарушено. Каждая местная церковь управлялась самостоятельно, хотя на Западе и было признано в теории первенство римского епископа. Господство в Италии остготских королей-ариан при всей их веротерпимости не могло не подрывать авторитета пап. Как уже указывалось, папы возлагали надежды на византийского императора и призывали его вмешаться в дела Италии. Уже с середины V в. ввиду упадка императорской власти на Западе папы тесно связываются с Константинополем. Они держали при константинопольском дворе постоянных резидентов, так называемых апокрисиариев. Помимо чисто церковных дел, апокрисиариям поручалось наблюдение за политическими настроениями при дворе византийских императоров. Апокрисиарии пользовались некоторыми личными привилегиями, имели право вести переговоры непосредственно с императорами, жили в особом помещении в императорском дворце. В апокрисиариях не без основания видят наиболее ранний прецедент постоянного дипломатического представительства при иностранных дворах. От апокрисиариев, постоянных резидентов папы при константинопольском дворе, надо отличать легатов, папских послов, которым давались отдельные специальные поручения как церковного, так и политического характера.

После захвата Италии Юстинианом и последовавшего вскоре завоевания большей части Апеннинского полуострова лангобардами папы превратились в государей Рима, номинально подчиненных византийскому императору, но фактически почти независимых. Им приходилось вести сложную дипломатическую игру с лангобардами и Византией. Влияние последней постепенно слабело. Зато на Западе начинало играть все более крупную роль Франкское государство, в котором

папы видели опору как против Византии, так и против более близкого и опасного противника — лангобардов.

Папы искусно использовали свой авторитет епископов древней столицы Римской империи, чтобы усиливать свою материальную базу, приобретая земли и доходы в разных странах христианского мира, распространять свое влияние и отстаивать свое «первенство» среди христианских церквей. Одной из важнейших задач их дипломатии было обращение в католичество варваров-язычников и ариан и подчинение «обращенных» церковной власти. Обращение обычно начиналось с королей, которые видели в установлении связей с римской церковью средство укрепления своей власти. Из пап этого времени наиболее крупную роль в международных отношениях играл Григорий I (590—604 гг.). Он начал карьеру в качестве апокрисиария при константинопольском дворе, где прошел хорошую дипломатическую выучку и завязал полезные связи. Он принимал живейшее участие в присоединении к католичеству ариан — вестготов и лангобардов. Папские миссионеры начали обращение в христианство языческой Англии. Григорий рекомендовал своим миссионерам осторожные дипломатические приемы, которые нередко успешно применялись католическими миссионерами и впоследствии. Так, он советовал не прибегать к слишком резким приемам борьбы с язычеством, не разрушать языческих храмов, а посвящать эти храмы христианскому богу, чтобы население продолжало отправлять культ в привычных местах. Он разрешал сохранить старые языческие обычаи, как принесение в жертву животных, «но не для жертвы дьяволу, а для христианского пира во имя и в честь бога истинного». Как выученик византийской дипломатии, Григорий умело использовал влияние женщин-католичек на своих мужей-язычников или еретиков. Королева Теоделинда была его посредницей при лангобардском короле-арианине, королева Берта — при короле Этельберте в Южной Англии, через королеву действовал Григорий в вестготской Испании, писал льстивые письма франкской королеве Брунгильде. Униженно пресмыкался он перед византийскими императорами и императрицами; в сношениях с восточными патриархами искусно обходил трудные вопросы, осторожно поддерживая в то же время идею первенства Рима. Поместья папы были разбросаны в Италии, Сицилии, Галлии, Далмации, Африке и Малой Азии. Управляющие этими поместьями одновременно являлись осведомителями папы в политических делах. Григорий высоко поднял авторитет папской власти. Но он лицемерно называл себя «servus servorum dei» (раб рабов божьих), и это смиренное наименование стало титулом, которым папы пользуются в своих официальных документах до настоящего времени.

Преемники Григория I постепенно добились независимости от византийских императоров и превратились в самостоятельных государей. Ослабленная после арабских завоеваний VII в. Византия не могла оказать им противодействия. Папы использовали начавшееся в Византии в VIII в. иконоборческое движение для того, чтобы окончательно порвать с Восточной империей. Папа предал проклятию императора-иконоборца Льва III. Однако у пап оставался в Италии опасный враг — лангобарды; усиливавшаяся у них королевская власть создавала постоянную угрозу Риму. Для защиты от лангобардов папы обратились к другим варварам — франкам.

Сношения пап с Франкским государством

Учитывая складывавшуюся во Франкском королевстве политическую обстановку, папы поддерживали связь не столько с «ленивыми королями» франков из рода Меровингов, сколько с представителями могущественного рода Арнульфингов, которые занимали должность майордомов (начальников дворцового управления) и фактически ведали всеми делами государства. В 739 г. папа отправил к майордому Карлу Мартеллу послов с просьбой «спасти римлян от гнета лангобардов». С ними он передал Карлу ключи от гроба св. Петра. Эти ключи, освященные на гробнице апостола и будто бы обладавшие свойством исцелять больных, играли немалую роль в папской дипломатии. Папы посылали их сильным людям в знак дружбы. Карл Мартелл с почетом принял папское посольство, одарил богатыми подарками, но вмешаться в итальянские дела не решился.

Если папы нуждались в майордомах, то и майордомы нуждались в папах. Сын Карла Мартелла Пипин Короткий хотел присвоить себе и своей династии королевский титул и для этого рассчитывал опереться на папский авторитет. В 751 г. в Рим было отправлено посольство. Послы обратились к папе с вопросом «о королях, которые были в то время у франков и носили титул королей, не имея королевской власти». Папа Захарий будто бы ответил: «Лучше пусть называется королем тот, кто имеет власть, чем тот, который ее лишился». Летописец, отражавший церковную точку зрения, прибавил: «...и тогда силой своей апостольской власти он повелел, чтобы Пипин был возведен на царство». Последнее — явная выдумка. Но во всяком случае папа постарался извлечь все выгоды из благоприятно сложившейся обстановки. Он оказал важную услугу Пипину, который при его поддержке стал королем франков. К тому же папе понадобилась — и очень скоро — помощь Пипина.

Лангобарды возобновили нападения на Рим. Новый папа Стефан II лично отправился просить помощи у франкского короля. Ему был устроен необычайно торжественный прием.

Пипин послал своего сына Карла (будущего императора) за 100 миль навстречу папе. Сам король со своей семьей выехал встретить его, сошел перед ним с коня и на снегу преклонил колени, потом пешком пошел рядом с папой, ведя его лошадь под уздцы. С пением гимнов папский кортеж вошел в королевскую виллу Понтион. Здесь Стефан II бросился перед Пипином на колени и умолял его «защитить дело святого Петра и Римской республики». Король обещал сделать все, что в его силах. В награду папа в торжественной обстановке помазал Пипина на царство и дал ему и его сыновьям титул «римских патрициев». Так был упрочен союз «алтаря и трона». С сильным франкским эскортом папа вернулся в Рим. Вскоре после этого франкские войска вторглись в Италию и разбили лангобардов. В договоре, подписанном в 754 г., лангобардский король обязался не только оставить в покое Рим, но и отдать папе города, бывшие ранее византийскими владениями и захваченные лангобардами, — Равенну, Римини, Урбино и др. Понадобилась, однако, еще одна военная экспедиция, чтобы заставить лангобардского короля выполнять свои обязательства. Так была создана Папская область — светское государство пап. Византийскому императору пришлось примириться с тем, что его владения в Средней Италии (которые, впрочем, зависели от него лишь номинально) перешли под власть папства.

Зато папа теперь оказался в фактической зависимости от короля франков, который подарил ему эти владения. Но папа не хотел этого признать формально. И вот появился документ, который должен доказать, будто бы папа получил лишь то, на что он имел давнее и неотъемлемое право. В ход была пущена знаменитая фальшивка — «Константинов дар», — сыгравшая важную роль в папской дипломатии последующих столетий.

В этом грубо и аляповато составленном документе рассказывается выдуманная история о том, как чудесно исцеленный от проказы император Константин отдал папе императорскую власть над всем Западом, а сам удалился из Рима на Восток, в Константинополь.

Дипломатия Карла Великого

Между франкским королем и папой установилась тесная связь, выражавшаяся в постоянных посольствах, которыми они обменивались, а также в их совместных посольствах к византийскому и другим дворам. Во всех этих посольствах папские послы играли подчиненную роль. Папы были не совсем свободны в своих внешних сношениях и принуждены были спрашивать «советов» у франкских государей. Особенно усилилась зависимость папы при Карле Великом (768—814), когда после завоевания королевства лангобардов владения франков вплотную

подошли к папским. Но папы, фактически подчиняясь франкским королям, все же стремились сохранить видимость духовного верховенства, дающего им право раздавать государям короны. В этом отношении большой интерес представляет история принятия Карлом Великим императорского титула в 800 г.

Это — запутанная история, толкование которой вызвало немало разногласий в исторической литературе. Мысль о том, что принятие императорского титула может помочь ему поднять свой международный авторитет и власть над подданными, по-видимому, уже давно зрела у Карла. Папы его поощряли в этом направлении, стремясь возвысить своего нового покровителя за счет старого — византийского императора. Карла называли «новым Константином». Папа постарался сделать так, чтобы инициатива коронации исходила от него. Воспользовавшись пребыванием Карла в Риме, папа выбрал день, когда король был на богослужении в храме св. Петра, и внезапно надел на него корону, причем был пропет гимн, в котором Карл восхвалялся как император. Карл был недоволен тем, как все это было сделано, но титул принял. Во всяком случае папа сделал весьма ловкий дипломатический шаг. «Разве императорская корона не была пожалована папой, и разве тот, кто жалует, не выше того, кто получает?» Этот аргумент выдвигался потом много раз в борьбе папства со светской властью.

Империя Карла Великого стала крупнейшей силой в Европе, где с ней могла померяться только Византийская империя. Отношения с Византией занимали важнейшее место в дипломатии Карла. Сначала у него были грандиозные планы объединения Западной и Восточной империй путем женитьбы на византийской императрице Ирине. Но низложение Ирины разрушило этот план. Новый император Никифор не признал за Карлом императорского титула, и между Франкской империей и Византией на ряд лет прекратились дипломатические отношения. В то время как Византии приходилось с трудом отбиваться от арабов, болгар, аваров и влияние ее слабело, авторитет Западной империи сильно возрос. Карл получил ряд важных привилегий на Востоке. «Святые места» в Палестине, бывшие раньше под покровительством византийского императора, перешли под опеку Карла. В год его коронации иерусалимский патриарх со специальным посольством послал ему ключи от «гроба господня» вместе с ключами и знаменами Иерусалима.

К Карлу в его столицу Ахен стекались послы из Дании, Англии и других стран. К нему направляли почетные посольства Альфонс II, король Астурии, шотландские короли. Все они искали дружбы и союза с императором Запада.

Франкские историки рассказывают о посольствах, которыми обменивались Карл Великий и багдадский халиф Харун-ар-Рашид, и о подарках, которые они посылали друг другу. Особенно сильное впечатление на франков произвел присланный Харун-ар-Рашидом слон. Летописи сообщают даже имя этого слона — «Абуль Абаз» — и отмечают год его смерти. Дипломатические сношения Востока с Западом поддерживались преимущественно через евреев, являвшихся главными торговыми посредниками.

4. Дипломатия арабов

В течение столетия, начиная с 30-х годов VII в., создавалась огромная держава арабов. Она превосходила размерами Римскую империю времен ее расцвета, охватывая области от Пиренейского полуострова до Западной Индии и границ Китая и от Кавказа и Средней Азии до Йемена и пустынь Африки. Арабская торговля и арабская монета проникали в самые отдаленные уголки Старого Света. Дипломатические связи Арабского халифата простирались от Китая до крайнего запада. Дамаск, великолепная резиденция Омейядов, был одной из величайших столиц мира. Культура, методы управления, а также приемы внешних сношений государства Омейядов складывались под сильным влиянием традиций Византии и отчасти сасанидской Персии.

Огромный халифат Омейядов начиная с середины VIII в. стал распадаться. Первое место среди арабских держав занял Багдадский халифат Аббасидов. При дворе Аббасидов преобладали иранские традиции. В сложной системе деспотического и бюрократического управления аббасидского халифата руководство внешними делами занимало одно из важнейших мест. Среди отраслей управления, или «диванов», находившихся в ведении великого визиря, виднейшую роль играл «диван ар-расаиль» — министерство государственной корреспонденции, главной функцией которого были внешние сношения. В нем выработались определенные формы делопроизводства и церемониала. Несколько более поздние источники — политические трактаты и мемуары XI в. — могут быть использованы для характеристики приемов аббасидской дипломатии, поскольку ее традиции были чрезвычайно живучи на Востоке. Особенно интересные сведения дают мемуары Абу-л-Фазла Бейхаки (995—1086 гг.), в течение 19 лет служившего в «диван ар-расаиль» у султанов-газневидов, государей сильного мусульманского государства, образовавшегося в X в. на территории нынешнего Афганистана и Северо-Западной Индии.

В мемуарах Абу-л-Фазла Бейхаки содержится следующее описание посольства. В качестве послов отправляются два лица — одно принадлежит к числу придворной знати, другое выбирается из ученых мулл. Им обычно даются четыре грамоты. Одна из них адресована государю, к которому отправляется посольство. Она начинается цитатой из Корана, перечисляет титулы обоих государей, содержит приветствия и пожелания здоровья адресату, рекомендует послов, указывает пределы их полномочий и перечисляет документы, которые посол обязан предъявить адресату. Характерна заключительная просьба не задерживать послов и поскорее отправить их обратно. Другая грамота адресована первому послу и начинается словами: «О, наш брат и наш доверенный!». В ней содержатся подробные инструкции. Третий документ также содержал изложение дела, по которому направлялось посольство, но он предназначался для передачи адресату во время переговоров. Наконец, последним документом был список подарков с указанием, кому какие подарки вручить. Посол должен передать приветствие и подарки и вести деловые переговоры. Если речь шла о заключении договора, то послу, по-видимому, давался уже готовый текст этого документа, в котором ничего нельзя было изменить. В случае несогласия иностранного государя подписать договор посол уполномочен был вести дальнейшие переговоры, причем он должен был информировать своего государя о их ходе и в случае надобности испрашивать новые инструкции. Если договор будет заключен, посол должен потребовать клятвенного его скрепления иностранным государем, его сыновьями и приближенными. Важное место среди поручений, которые давались послу, занимала раздача подарков. Часть подарков вручалась по прибытии посла к иностранному двору, остальные лишь в том случае, если его миссия заканчивалась успехом. Чаще всего дарили драгоценные ткани и сосуды. Перевозкой и выдачей подарков ведал особый штат чиновников.

В другом источнике XI в. — в трактате Сиасет-намэ знаменитого визиря Сельджукского государства Низам ал-Мулька — есть главы, специально посвященные посольскому делу. Трактат требует, чтобы по прибытии чужеземных послов на границу немедленно отправлялись гонцы с извещением, сколько их и сколько с ними людей. Их должны проводить и в дороге предоставлять им кров и продовольствие. Послов не следует оскорблять даже в том случае, если они представители враждебной державы, ибо в Коране сказано: «На посланнике только одна обязанность — верная передача». Сиасет-намэ обращает особое внимание на выбор посла. «Надо, чтобы он был смел в беседе, но не многоречив, совершал бы много путешествий,

знал бы что-нибудь во всякой науке, был бы памятлив, предусмотрителен, обладал бы степенностью и хорошим внешним видом. Если к тому же он учен и почтенного возраста — тем лучше».

Низам ал-Мульк отмечает, что государи, отправляя послов друг к другу, преследуют не только явные, но и тайные цели. «Они хотят знать, каково положение дорог, проходов, рек, рвов, питьевых вод, может ли пройти войско или нет, где имеется фураж, где его нет, кто из чинов в том или другом месте, каково войско того царя и каково его снаряжение и численность, каковы его [царя] угощения и собрания, каковы распорядки чина, сидения и вставания, игры в мяч, охоты, каков нрав, жизнь его, благотворительность, око и ухо, повадка и поступок, пожалования, неправосудие и правосудие. Стар ли он или молод, учен или невежествен? Разрушаются или процветают его владения? Его войско — довольно или нет? Народ его — богат или беден? Бдителен ли он в делах или беспечен? Визирь его — достоин ли или нет, религиозен ли, добродетельного ли жития? Являются ли его главнокомандующие опытными и искушенными в делах людьми или нет? Его приближенные — учены, даровиты или нет? Что они ненавидят и что любят? Во время питья вина царь общителен и весел или нет? Участлив ли он или безучастен? Склоняется более к серьезному или веселому? Предпочитает более находиться среди воинов или женщин?»

Из всего этого можно видеть, что традиции византийской дипломатии и очень близкой к ней по приемам дипломатии сасанидской Персии расцвели на Востоке пышным цветом. Через многочисленные связи, которые установились между западными странами и Кордовским халифатом, через столкновения и переговоры во время крестовых походов восточные влияния проникали и на отсталый, менее культурный Запад.

5. Дипломатия древней Руси

Международные отношения древней Руси IX—X вв.

В IX в. в Приднепровье и примыкающих к нему областях сложилось могущественное древнерусское государство, получившее название Русь; оно объединило все восточное славянство. Подобно феодальным властителям других стран, киевские князья стремились все шире и шире распространять свои владения во всех направлениях. Славянские и другие племена Восточной Европы облагались данью. В более далекие страны — на Волгу, на побережье Каспия, в Черноморье, в пределы Византии — производились походы, которые

сопровождались захватом добычи и пленников. В результате войн и завоеваний уже к концу IX в. древнерусское государство достигло такой силы и могущества, что соседние народы не могли не считаться с ним.

Древнерусское государство очень рано вступило в сложные международные отношения. Самое географическое положение его на великих речных путях, соединявших Балтийское море по Волхову и Днепру с Черным морем и по Волге с Каспийским морем, определило связи древней Руси: на юге с Византией и Болгарским государством придунайских славян, на востоке с Хазарским каганатом и Волжской Болгарией, на севере со Скандинавией. С последней киевских князей связывали давнишние династические отношения. Оттуда черпали князья наемные военные силы, оттуда шел непрерывный приток варяжских искателей приключений. Через Хазарию проходила торговая дорога в страны Средней Азии, куда руссы сплавляли пушнину и рабов. Одно время хазарские каганы пытались оспаривать у князей древней Руси сбор дани с населения Приднепровья.

Большое влияние на историю восточного славянства оказало соседство с Византией.

Русь и Византия

Для древней Руси Византия служила рынком, куда князья и их дружинники сбывали меха, рабов и откуда они получали тканные золотом материи, а также другие предметы роскоши. В Царьграде «языческая Русь» знакомилась с великолепием культуры Восточной Римской империи. Богатства и роскошь Царьграда служили постоянной приманкой для завоевателей. Ряд опустошительных походов Руси на черноморские владения византийских императоров и на самый Константинополь тянется от IX до середины XI века.

Византия очень рано стала стремиться втянуть могущественную Русь в свою политическую систему и тем самым, во-первых, ослабить опасность, грозившую империи с ее стороны, а во-вторых, — использовать «великий народ руссов» в собственных интересах. В основе восточноевропейской политики Константинополя лежало стремление путем натравливания одних народов на другие отвлекать их от нападений на империю. Император Константин Багрянородный, современник киевского князя Игоря, в сочинении «Об управлении государством» рекомендовал своему сыну для удержания Руси от походов на Константинополь натравливать на нее соседей — кочевников печенегов. «Печенеги, — писал он, — связанные дружбою с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на земли руссов». «Руссы не могут даже выступать в заграничные походы, если не живут в мире с пе-

печенегами, так как последние во время их отсутствия могут сами делать набеги и уничтожать и портить их имущество». С другой стороны, Игорь по договору с Византией в 945 г. обязался не пускать в подвластный императору Крым «черных болгар», которые «пакостят стране его». Сына Игоря, знаменитого Святослава, византийские дипломаты пытались использовать для ослабления Болгарского государства на Дунае, которое представляло в то время значительную опасность для Византии. Но когда Святослав повел в Болгарии самостоятельную политику, отнюдь не соответствовавшую видам константинопольского двора, греки натравили на Киев печенегов и заставили беспокойного русского князя временно уйти обратно к себе. При возвращении на родину из вторичного похода в Болгарию Святослав был убит печенегами по подстрекательству греческих агентов. Это не помешало византийцам, когда против них в конце 987 г. восстал в Малой Азии честолюбивый и талантливый полководец Варда Фока, опять вступить в переписку «с царем руссов» и просить помощи у сына Святослава — Владимира. Для прочности союза Владимиру была обещана рука одной из царевен императорского дома. Со своей стороны Владимир обязался креститься сам и крестить свой народ. Крещение рассматривалось византийскими политиками как косвенное признание вассальной зависимости от империи. Эта хитроумная политика Византии в отношении Руси не увенчалась, однако, успехом. Киевские князья всякий раз сохраняли свободу действий. Святослав, призванный императором Никифором Фокой для усмирения болгар, одержав блестящие победы над ними, проявил намерение сохранить завоеванную страну под своей непосредственной властью и даже перенес свою постоянную резиденцию в столицу Болгарии — Переяславец. Больших усилий стоило преемнику Никифора Фоки Иоанну Цимисхию заставить Святослава покинуть берега Дуная. Позднее отряд руссов, посланный Владимиром, помог константинопольскому правительству подавить восстание Варды Фоки. Но когда императоры Василий и Константин не выполнили условий договора, в частности в отношении брака с царевной, Владимир осадил принадлежавший Византии город Херсонес в Крыму и заставил императоров выполнить свои обязательства. При таких условиях ни с какими вассальными отношениями к Византии крещение Руси фактически не было связано. Так же независимо держался в отношении Византии и сын Владимира Ярослав Мудрый. В 1043 г. он расторг дружеские отношения с Византией из-за обид, причиненных русским в Константинополе, и предпринял морской поход на столицу империи, а в 1051 г. временно порвал и церковную

связь с константинопольским патриархом, избрав на соборе русских епископов нового митрополита — «русина» Иллариона. До этого митрополитами на Руси были греки.

Русь и Европа

После крещения международные связи Руси значительно расширились и окрепли. Древнерусское государство вступило в сношения не только с Византией, но и с католическими странами Европы как их равный и полноправный партнер. Владимир Святославович, по словам летописи, «жил с князьями окольными в мире — с Болеславом польским и со Стефаном венгерским и с Андрихом (Удальрихом) чешским, и были между ними мир и любовь». Этими словами довольно точно определяется ближайшее политическое окружение Руси. К перечисленным окольным странам следует прибавить Скандинавию, связь с которой не порывалась и в XI в.

Политические отношения скреплялись брачными союзами. Болеслав Храбрый, князь польский, сватался за дочь Владимира Предславу; его преемник Казимир был женат на другой дочери Владимира — Марии Доброгневе. Младшая дочь Ярослава Анастасия была за венгерским королем Андреем, старшая, Елизавета, — за знаменитым норвежским королем Гаральдом Гардрада. Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа — Ингигерде.

Но соседними странами не ограничивались внешнеполитические связи Руси. Ярослав пытался вовлечь Германскую империю в борьбу с общим врагом, каковым к этому времени оказалась Польша. С этой целью он в 1043 г. направил посольство в Гослар с предложением руки русской княжны германскому императору. Шаг этот не увенчался успехом. Вскоре Ярослав выдал свою дочь Анну за французского короля Генриха I.

Договоры киевских князей с греками

Международные отношения древнерусского государства находили свое выражение в договорах, которые заключались киевскими князьями с соседними государствами. Сохранились три договора с греками князей Олега (911 г.), Игоря (944 г.) и Святослава (971 г.), но в источниках имеются сведения и о других договорах с Византией и с волжской Болгарией.

Договоры с греками ярко отражают характер древнерусского государства, представлявшего в то время еще далеко не прочно спаянное в своих частях целое. Заключались они от имени не только «князя великого русского», но и «всех светлых и великих князей», которые были «под рукой его», т. е. вассалов, сидевших в отдельных городах, подвластных киевскому князю. В договоре 944 г. рядом с послами князя

Игоря перечисляются «общие послы» от его жены Ольги, сына Святослава, двух племянников и «ото всего княжья», т. е. от 20 подручных князей (в том числе двух женщин).

Договоры имели целью прекращение неприятельских действий и установление «взаимной любви», т. е. союза между обоими государствами, «пока сияет солнце и весь мир стоит». По договору 911 г. империя оговаривала право принимать на службу русских дружинников. Договор 944 г. устанавливал более широкие военные обязательства. «Если будет просить у нас воинов князь русский, — заявлялось от имени императоров, — дадим ему, сколько ему потребно... Если же царство наше начнет просить у вас воинов на врагов наших, тогда напишем к великому князю вашему, и пошлет он нам, сколько хотим, и оттоле уведают иные страны, какую любовь имеют греки с Русью».

Договор 944 г. с особой тщательностью ограждал крымские владения империи от нападений и притеснений со стороны Руси. Кроме того, в нем, как, впрочем, и в договоре 911 г., на Русь возлагались известные обязательства в отношении помощи греческим ладьям во время кораблекрушений.

В связи с прекращением военных действий вводились статьи о пленниках, устанавливавшие размеры и условия их выкупа. Это был очень важный пункт договоров 911 и 944 гг., так как одной из целей походов Руси на Византию был захват рабов для продажи.

Договоры отражают такую стадию международных отношений, когда подданные различных государств смотрели друг на друга как на естественных врагов, когда человек, попадавший в чужую страну, чувствовал себя, как во вражеском стане. Пребывание, даже временное, в этой враждебной среде требовало поэтому регламентации всех деталей, чтобы, с одной стороны, оградить чужеземца от обид, с другой — обезвредить его. Самый приезд иноземцев был обставлен всевозможными стеснительными условиями. Послы и гости (купцы) должны были предъявлять в Византии доказательства своего официального положения в виде золотых печатей для послов и серебряных для гостей. Только при этом условии византийское правительство брало на себя ответственность за их жизнь. Но, как уже говорилось выше, несмотря на эту предосторожность, и на послов и на гостей одинаково смотрели в Константинополе как на врагов, способных нанести вред Византийской империи. По договору 944 г. устанавливалось, что князь русский, посылая своих людей в Константинополь, должен снабдить их особыми грамотами, в которых указывается, «что послал кораблей столько», чтобы греки знали, что они приходят «с миром». Людей, приезжавших с Руси без грамоты, визан-

тийское правительство должно задерживать и писать о них великому князю; в случае сопротивления с их стороны оно не несет ответственности и за их убийство. Послам и всем вообще «приходящим» из Руси воспрещается творить бесчинства на пути в Константинополь. По приезде в столицу они должны зарегистрироваться и жить в определенном месте, на подворье монастыря св. Мамонта, в предместье Константинополя. В город люди из Руси впускаются с военными предосторожностями: они должны входить через одни определенные ворота партиями в 50 человек, без оружия, в сопровождении приставленного к ним «царева мужа» (императорского чиновника). Этот «царев муж» являлся как бы посредником между Русью и подданными византийских императоров и следил за торговыми сделками приезжих.

Покупки чужеземцев подлежали контролю: каждый из них имел право вывезти ценных парчовых материй, производством которых гордились императорские мастерские, не более как на 50 золотых. Наконец, руссам запрещалось задерживаться в Константинополе на зиму.

Положение приезжих руссов в Константинополе требовало определения порядка разрешения взаимных обид и исков между ними и греками. Этому вопросу посвящена большая часть статей в договорах 911 и 944 гг. Следует отметить, что руссы судились в Константинополе не по греческим законам, а по «закону русскому», т. е. по народно-правовым нормам, господствовавшим в Русской земле.

Указанная особенность взаимных отношений между договаривавшимися сторонами, которые не доверяли друг другу, требовала точного определения прав русских послов, а также приравниваемых к ним гостей (купцов). И те и другие пользовались во время своего пребывания в Константинополе (но не более шести месяцев) полным содержанием от византийского правительства. Послы получали «слебное», а гости «месячину» (хлеб, вино, рыбу, мясо, фрукты). Есть указание, что они имели право пользоваться бесплатно банями. На обратный путь они могли требовать продовольствие и судовые снасти — якори, канаты, паруса и т. п. Послы и купцы приходили не только от великого князя, но и от подручных князей. Возникала необходимость установить известную иерархию между ними. Первое место предоставлялось Киеву, за ним — Чернигову и Переяславлю и т. д.

Договоры скреплялись клятвой. Руссы-язычники клялись соблюдать договор, говоря при этом, что в случае нарушения клятвы их должна постичь тяжкая кара: «Да не имут помощи от бога, ни от Перуна, да не ущитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия,

и да будут рабами в этой жизни и в той». Эта клятва сопровождалась всевозможными магическими обрядами: «некрещеная Русь» клала на землю щиты свои и обнаженные мечи, обручи и прочее оружие и произносила магическую формулу: «Если мы не сохраним сказанного... да будем прокляты богом, в которого верим, — Перуном и Велесом, скотьим богом, и своим оружием да будем посечены». Представители Византии по христианскому обычаю «целовали крест». Это был также своего рода магический обряд, так как предполагалось, что нарушение крестного целования должно повлечь самые ужасные кары, по крайней мере, на том свете. Среди послов Игоря было несколько христиан; они тоже присягали на кресте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. Политическая раздробленность на Западе

Варварские государства, возникшие на основе завоеваний, оказались непрочными. Господство натурального хозяйства, слабость экономических связей между отдельными хозяйственными районами, отсутствие экономической базы для больших политических организаций — все это приводило к распаду крупных государственных объединений и на Западе и на Востоке. Не избежали этой судьбы и самые крупные среди них — империя Карла Великого и древнерусское государство. Завершение процесса феодализации варварских обществ, превращение крупных землевладельцев-феодалов в самостоятельных государей в своих вотчинах сопровождалось политическим раздроблением Европы.

Распад империи Карла Великого

Держава Карла Великого не надолго пережила своего первого императора. Приближение распада чувствовалось уже в последние годы жизни Карла. Разложение империи быстро прогрессировало в царствование его сына Людовика Благочестивого. Людовик разделил империю между сыновьями, сохраняя за собой верховную власть. Сыновья начали войну против отца. После его смерти (840 г.) они воевали между собой. Карл Лысый и Людовик Немецкий заключили в Страсбурге договор против старшего брата Лотаря, к которому перешла императорская корона и который хотел на деле осуществить свои императорские права. Страсбургская присяга — это первый дипломатический документ, составленный не по-латыни и не по-гречески, а на немецком и французском языках. Потерпевший поражение Лотарь пошел на уступки, и в 843 г. в Вердене был заключен знаменитый договор о разделе империи между тремя братьями. Формально признавалось существование империи, или, вернее, сохранялся императорский титул, который достался старшему — Лотарю. Но земли империи были разделены на три части. Западные земли империи — «королевство западных франков», которое потом стало называться Францией, — получил Карл; восточную часть — «королевство восточных франков», которое позже стало

называться Германией, — получил Людовик; Лотарю досталась территория между владениями Карла и Людовика — обширная полоса земель от устья Рейна до устья Роны и Италия. Раздел был совершен крайне произвольно. Особенно это относится к части Лотаря, заключавшей в себе страны богатые, плодородные и населенные, но разноязычные, с разными экономическими и политическими связями. Эта часть была приманкой для соседей, и ее слишком трудно было защищать. За Верденским договором последовали новые столкновения и новые договоры.

Феодальная раздробленность Европы

Империя Карла Великого окончательно распалась на ряд самостоятельных государств — Францию, Германию, Италию и Бургундию, или Арелат. Но это были государства лишь по названию. В IX—XI вв. на всей территории Западной Европы господствовала политическая раздробленность. Феодальная иерархия, которая установилась в это время, узаконяла и закрепляла существующее положение. Сила является в конце концов решающим моментом в установлении отношений между отдельными феодальными владениями, и нередко сюзерен трепетал перед сильным вассалом.

При таком положении в сущности терялась всякая граница между государством и частным владением, между публичным и частным правом, между внутренними отношениями и международными. Характер средневековой дипломатии определялся природой экономических и социальных отношений феодального общества. Обладая правом суда и управления, сбора налогов и чеканки монеты, располагая военной силой, каждый достаточно сильный сеньор мог чувствовать себя самостоятельным государем, мог воевать с кем хотел (даже со своим сюзереном), мог заключать с кем хотел мирные договоры и союзы. Понятие о международных отношениях запутывалось еще тем, что при крайней феодальной раздробленности, при множестве мелких границ, разделявших Европу, стирались рубежи между крупными государствами. Многие феодалы владели землями в разных государствах — во Франции и в Германии, в Германии и Италии — и были вассалами нескольких государей. Понятие сеньории вытесняет понятие государства. Крупный землевладелец является государем, государство является вотчиной. Его делят, завещают, отдают в виде приданого. Путем браков создаются новые государства, иногда очень странного и пестрого состава, часто случайные и недолговечные.

Право частной войны

Право частной войны устанавливается повсеместно. В связи с этим можно говорить и о частной дипломатии. Два феодальных сеньора ведут переговоры как главы самостоятельных госу-

дарств. Крупные сеньоры чувствуют себя независимыми государями и в качестве таковых сносятся как с иностранными, так и со своими королями. Это одинаково относится и к светским и к духовным сеньорам. Выработались формальные приемы объявления войны и заключения мира через особых вестников, передававших поручение устно или при помощи известных символических действий. Эти вестники потом стали называться герольдами. Они носили гербы своих сеньоров, и их личность считалась неприкосновенной, как личность послов.

Тщетно стремилась церковь, интересы которой часто страдали от феодальной анархии, установить известный порядок в этом хаосе. Делались попытки ввести некоторые правила, ограничивающие или хотя бы смягчающие право частной войны. С XI в. по инициативе церкви издавались постановления, которые воспрещали «вторгаться в храмы, притеснять и оскорблять монахов и их спутников, хватать крестьян и крестьянок, похищать или убивать жеребят, волов, ослов, баранов, овец, свиней; пусть никто не задерживает купцов и не грабит их товаров». Нарушителям этого «божьего мира» угрожали отлучением от церкви. Церковные соборы пытались установить так называемое «божье перемирие», запрещая частные войны по определенным дням (с вечера среды до утра понедельника), в праздники, в течение постов. Но никакие церковные кары не могли обеспечить проведение в жизнь этих мероприятий.

Несмотря на все стремления королевской власти в разных странах покончить с частными войнами, они упорно продолжались на протяжении всего средневековья, а с ними действовала и частная дипломатия. Раньше всего частные войны были запрещены в Англии, где рано установилась сильная королевская власть. Но это не помешало им в новой форме вспыхнуть там в XV в. — в войне Алой и Белой розы. В Испании, во Франции и особенно в Германии королевская власть, бессильная бороться с феодальными войнами, долгое время принуждена была лишь вводить их в определенные рамки и тем самым в принципе их узаконивать. Золотая булла императора Карла IV (1356) в сущности легализировала частную войну, установив лишь правила ее объявления.

Выступление на историческую арену городов, которое привело в конце концов к усилению централизующих тенденций в феодальной Европе, в ряде случаев лишь осложняло характерную для феодализма раздробленность власти. Города ведут самостоятельную политику, объявляют войны своим сеньорам и друг другу, вступают в переговоры, заключают союзы. Добившиеся политической самостоятельности города делаются

своего рода коллективными сеньорами со всеми их атрибутами вплоть до права частной войны.

Процессу феодального распада подверглась и церковь. Папская власть, укрепившаяся под покровительством империи Карла Великого, сохраняла свой авторитет несколько дольше, чем империя. Церковь делала бесплодные попытки задержать стремительное распадение франкской монархии. Епископы протестовали против разделения империи. Папа Григорий IV (827—844 гг.) настойчиво вмешивался в дела распадавшегося государства и требовал от подданных императора, чтобы они подчинялись ему, а не своему бессильному и неспособному государю. Папа думал, что только этим он сможет укрепить монархию. Папская власть пыталась поддержать свой авторитет на Западе новыми фальшивками. Среди них наибольшей известностью пользуются так называемые «Лжеисидоровы декреталии», достойные занять место наряду с «Константиновым даром». Этот составленный в середине IX в. сборник подложных документов устанавливал, что поместный собор может быть созван лишь с разрешения папы, что духовное лицо, осужденное поместным собором, может апеллировать к папе, что епископ не может быть смещен без согласия папы. Это была попытка укрепить папскую власть наперекор растущим сепаратистским стремлениям местных церквей. Папа Николай I (858—867 гг.) выступает как властный глава Западной церкви, в то время как Франкская монархия уже фактически распалась. Николай энергично восставал против стремления местных церквей к самостоятельности. Он заставил подчиниться своим решениям сильнейших сторонников автономии местных церквей — архиепископа Равеннского, которого поддерживал император Людовик II, знаменитого архиепископа Реймсского Гинкмара и епископа Кельнского Гюнтера, который говорил о папе, что он «изображает из себя императора всего мира». Николай отменял решения поместных соборов и властно вмешивался в дела королей. Чтобы облегчить себе такое вмешательство, он заявлял, что короли достойны короны лишь в том случае, если они хорошо управляют, «потому что иначе на них следует смотреть как на тиранов, и мы должны не подчиняться, а сопротивляться им». Николай пытался вмешиваться в дела Восточной церкви и предал церковному проклятию константинопольского патриарха Фотия. С этого времени начался решительный разрыв между Западной и Восточной церковью, между католичеством и православием, закончившийся «разделением церквей» в 1054 г. Николай стремился вытеснить византийских миссионеров из славянских стран и в церковном отношении подчинить эти страны папскому престолу.

Но процесс феодализации и политического раздробления все более захватывал и католическую церковь. К концу IX в. папская власть приходит в полный упадок, каждая страна, каждый церковный округ начинает жить обособленной жизнью, епископы и аббаты становятся крупными феодалами, мало чем отличающимися от своих светских собратий. Конец IX и X век — время глубочайшего политического и морального падения папской власти, попадающей в руки враждующих между собой феодальных фамилий Папской области. Феодальная раздробленность торжествует во всей Европе.

Особенности дипломатии периода феодальной раздробленности весьма отчетливо выступают и на примере русских княжеств XI—XV вв.

2. Дипломатия на Руси XI—XV вв.

Международные отношения древней Руси в XI—XIII вв.

Со второй половины XI в. древнерусское государство распадается на уделы. Наступает время бесконечных княжеских междоусобий и разорительных набегов кочевников.

С распадом древнерусского государства на ряд обособленных княжеств, который начался после смерти Ярослава и завершился в XII в., не прекратились, однако, сношения древней Руси с Византией и Западной Европой. «Слава великая» русских князей, как говорится в летописи, доходила «ко странам дальним: к грекам и к венграм и к ляхам (полякам) и к чехам и даже до Рима».

С Византией постоянная связь поддерживалась вследствие подчинения русской церкви константинопольскому патриарху. Но связи были не только церковные. У Руси и Византии был общий враг — половцы, одинаково угрожавшие благосостоянию обеих стран. Если в X в. империя натравливала печенегов против Руси, то теперь она нуждалась в союзе с русскими князьями, чтобы ослабить опасность со стороны половцев. Между византийскими императорами и русскими князьями заключались наступательно-оборонительные союзы. В 1073—1074 гг. по просьбе императора Михаила VII Дуки русские князья во главе с Владимиром Мономахом ходили на усмирение восставшего против Византии Херсонеса. В 1160 г. император Мануил Комнин просил у киевского князя Ростислава Мстиславича помощи против венгров, «в силу заключенного между русскими и греками мира». В союзе с Мануилом Комнином были и галицкие князья Владимир Володаревич и его сын Ярослав Осмомысл. Проводником византийской политики на Руси был

митрополит киевский, назначаемый патриархом из греческого духовенства и фактически являвшийся агентом константинопольского правительства на Руси.

О тесных связях с Византией в эту эпоху свидетельствуют и брачные союзы между русскими княжескими домами и византийским императорским домом. Владимир Мономах был по матери внуком императора Константина Мономаха, от которого и принял свое греческое прозвище «единоборца». Дочь самого Владимира была замужем за Леоном, сыном императора Диогена, одна из его внучек — за царевичем из дома Комнинов.

Сохранялись стародавние связи и со странами Северо-Западной Европы. Владимир Мономах был женат на Гиде, дочери англо-саксонского короля Гаральда.

Особенно прочные и оживленные отношения существовали между Южной Русью и непосредственно к ней примыкавшими Польшей и Венгрией. На общих «снемах» (съездах) с венгерским королем и польскими князьями обсуждались вопросы международной политики. В 1254 г. Даниил Романович Галицкий имел снем с Болеславом польским по вопросу о помощи Венгрии. В 1260 г. на снеме с тем же Болеславом русские князья «положили ряд (уговор) между собой о земле Русской и Ляшской» и утвердили его крестным целованием. На одном из таких снемов Даниил Романович договорился с польскими князьями, чтобы во время войн «Руси не воевать челяди ляшской, ни ляхам русской челяди». Этим договаривавшиеся стороны отказались от обычая угонять в плен сельское население с неприятельской территории. Снемы сопровождались увеселениями — пирами и турнирами. Так, венгры, прибывшие на помощь к Изяславу Мстиславичу киевскому в 1150 г., устроили наездничьи потехи: «играли на фарях (конях) и на скакунах», и киевляне «дивились венграм, множеству их слуг и коням их».

Немалое политическое значение имели в эту эпоху и брачные союзы русских князей с правящими домами соседних государей. Напрасно греческое духовенство внушало русским князьям, что «недостойно зело благоверным князьям отдавать дочерей своих в страны, где служат на опресноках». Соображения политические брали верх над религиозными предписаниями. По наблюдению одного из исследователей русско-польских отношений, В. А. Линниченко, польский двор зорко следил за политическим положением на Руси и искал браков с той княжеской линией, которая в данную минуту была могущественнее. За время с 1043 г. до конца XIII в. исследователь насчитывает 15 брачных союзов между русскими и польскими правящими домами. Вступали русские князья в брачные союзы также с венгерским и чешским княжескими домами.

Такие политические силы средневековой Европы как империя и папство также не остались вне дипломатического кругозора древней Руси. В 1073 г. сын Ярослава Мудрого Изяслав в борьбе с братьями искал содействия у германского императора. Его соперник и брат Святослав избежал вмешательства империи только путем непосредственных переговоров с императором. Успех, достигнутый им, объясняется тем, что сам он был женат на сестре одного из крупнейших германских феодалов, Бурхарда, епископа трирского, который и служил посредником в переговорах. Искал сближения с империей и третий сын Ярослава Всеволод. Его дочь Евпраксия была замужем за маркграфом Бранденбургским, а, овдовев, обвенчалась с императором Генрихом IV.

В поисках союзников для своего восстановления на киевском престоле Изяслав Ярославич послал сына в Рим к папе и даже признал себя данником римского престола, принес должную присягу и «принял царство опять, как дар св. Петра», из рук папы Григория VII. Демарши папского престола в Польше в пользу Изяслава привели к возвращению его в Киев при содействии Болеслава Смелого.

В другом случае инициатива сближения шла от самого папского престола. В 1245 г. под влиянием паники, охватившей всю Европу перед лицом монголо-татарской опасности, папа Иннокентий IV держал собор в Лионе о положении «святой земли» (Палестины) и об отражении монголо-татар. На соборе было решено обратиться за помощью к «русскому королю», т. е. Даниилу Романовичу Галицкому. Завязавшиеся сношения завершились около 1253—1254 гг. торжественным «примирением» католической церкви с русской; но папская курия, прикрываясь союзом для борьбы с монголо-татарами преследовала чисто политические цели, — подчинение русской земли своему влиянию. Очевидно, ту же задачу имело и папское посольство к новгородскому князю Александру Ярославичу (Невскому). Союз между папским престолом и Юго-Западной Русью был закреплен коронованием Даниила Романовича королевской короной из рук папских легатов. Международное значение этого акта само собой очевидно. Принять предложение папы убедили Даниила польские князья и вельможи, заявив ему: «Возьми венец, и мы тебе на помощь против татар». Однако реальной помощи папский престол Даниилу не оказал, и союз, потерявший для русского князя всякий смысл, распался.

Из русских княжеств в конце XII и в XIII в. крупное международное значение имело, несомненно, княжество Галицко-Волынское, охватывавшее обширную территорию с такими большими городами, как Холм, Львов, Перемышль, Берестье. Про одного из предшественников Даниила Романовича гово-

рили, что он, сидя на своем «златокованом престоле», «подпер горы Угорские своими полками железными, заступил путь королю (венгерскому), затворил Дунаю ворота». Сам Даниил активно вмешивался во внутренние дела империи. Он пытался при содействии Венгрии обеспечить австрийский престол за своим сыном Романом, женив его на дочери австрийского герцога Фридриха.

Договоры русских городов с немецкими городами и Норвегией

С возникновением немецких городов в Прибалтике между ними и русскими городами завязались оживленные торговые сношения, заключались договоры, носившие торговый характер. Эти договоры имели задачей урегулировать условия торговых сношений русских городов с немецким купечеством.

Договоры, заключенные Новгородом около 1195 г., в 1242, 1262, 1269 гг. и Смоленском в 1229 г. с немецкими городами Прибалтики, еще сохраняют черты, характерные для X в. Купец, находясь в чужой стране, должен был дипломатическим путем устанавливать свои взаимоотношения с местным населением как в области гражданской, так и политической. Поэтому и здесь уделяется много места порядку разрешения возможных столкновений, исков. И тут в основу полагается русское право, к этому времени уже давно кодифицированное в «Русской Правде». По Смоленскому договору 1229 г. дела должны были решаться согласно «Смоленской Правде», которая являлась сколком с общерусской «Правды». Впрочем, ввиду трудности полного подчинения иностранцев действию русского права, новгородские договоры допускали применение жребия — своеобразного «суда божия», — порядок, который сохранялся в Северо-Восточной Руси в отношении иностранцев еще в XVI и XVII вв. Особо оговаривалось обоюдное обязательство: купцов «в дыбу не сажать и в погреб» (тюрьму); оно гарантировало личную безопасность торговцев в чужом государстве. В условиях постоянных феодальных войн очень важно было соглашение о признании купцов, ездящих с товарами, нейтральными лицами, которым предоставляется «путь чист» через воюющие между собой земли. В связи с этим в случае рати воспрещалось привлекать иностранцев к военной службе (договор 1229 г.).

По договору, заключенному около 1195 г., Новгород снимал с себя ответственность за действия в чужой стране русских не новгородского происхождения. Этот пункт договора, вызванный раздробленным состоянием Русской земли, объясняется обычаем репрессий по отношению к первым попавшимся представителям чужого народа за преступление, учиненное кем-нибудь из этого народа. Точно так же и немецкая сторона оговаривала

неответственность «зимних гостей» (т. е. немецких купцов, приезжавших с зимним караваном) за действия «гостей летних» (участников летнего каравана).

Большое место в договорах с немцами занимали чисто торговые вопросы: о путях, которыми должны проезжать иноземные купцы, порядке уплаты долгов, единства мер и весов, размеров торговых пошлин и т. д. Смоленский договор устанавливает свободу плавания по Западной Двине. Этот вопрос представлял особенно большую важность для Полоцкого княжества, расположенного на территории славян-кривичей в верховьях Днепра и Западной Двины. Князья полоцкие распространили свое влияние на соседних латышей и ливов и даже владели на нижнем течении Двины укрепленными городами Кокнеи и Ерсике. Естественно, что между русским Полоцком и немецкими городами Прибалтики тоже шли оживленные дипломатические сношения.

Очень рано завязались дипломатические сношения между Новгородом и Норвегией, вызванные пограничными недоразумениями. Ко времени Александра Невского (1251 г.) надо, по-видимому, отнести «разграничительную грамоту», устанавливавшую «границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов по тому, что говорили старые люди и говорят теперь старые поселенцы и финны». Из этой грамоты видно, что новгородцы издавна пользовались правом собирать дань с саамов, до западной границы их страны, почти до пределов норвежской территории.

Междукняжеская дипломатия на Руси XII—XIII вв.

При политической раздробленности Русской земли дипломатические сношения не могли ограничиться только теми или иными отношениями с соседними государствами. Особое значение приобретали дипломатические отношения между отдельными княжествами, на которые распалась Русь. Урегулирование мелочных споров и взаимных претензий между мелкими государями-вотчинниками составляет главное содержание этой дипломатии. Лишь временами князья объединяются перед лицом общей опасности. Уже вскоре после смерти Ярослава установилась практика разрешения междукняжеских споров на таких же снемах, на каких разрешались международные конфликты. На снемы съезжались заинтересованные князья и в общем шатре, «сидя с братьями своими на одном ковре», совместно с наиболее доверенными дружинниками, обсуждали все очередные вопросы. Этим путем разрешались поземельные споры. Так, на съезде в Любече в 1097 г. внуки Ярослава постановили, как правило, распределять княжества по признаку наследственного владения. На съездах решались общие военные предприятия.

В 1103 г. на Долобском съезде Владимир Мономах и его двоюродный брат Святополк Изяславич после длительных споров, в которых принимали активное участие их дружинники, сговорились об общем походе на Половецкую землю. На снемах же принимались и общеобязательные для всех князей правовые нормы: так, на общем съезде сыновья Ярослава утвердили дополнения к «Правде» их отца.

Таким образом, на съездах устанавливались принципы общей политики, обязательной для всех князей. На Любечском съезде, на котором попытались разрешить споры из-за волостей, было провозглашено прекращение феодальных усобиц: «Почто губим Русскую землю, сами на себя котору делая?» — заявляли князья. «А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами рати. Отныне имемся по едино сердце!» Тогда же, по-видимому, было принято решение, что князь, нарушивший это постановление, лишается волости (княженья), а боярин — головы.

Решения съездов, подобно международным постановлениям, скреплялись крестным целованием. Участники соглашения брали на себя обязанность силой проводить его в жизнь: «Если отселе кто на кого будет, и на того будем все и крест честный». Действительно, когда после Любечского съезда один из его участников, князь волынский Давид Игоревич, вероломно захватил и ослепил галицкого князя Василька, то прочие князья, участвовавшие на съезде, во главе с Владимиром Мономахом выступили против него и его соумышленника — князя киевского Святополка Изяславича. Со Святополком они вскоре помирились, потребовав, чтобы он принял участие в карательной экспедиции против Давида, а самого Давида заставили явиться на новый снем. Здесь было решено отнять у него Владимир-Волынский, «затем, что ты вверг нож в нас, чего не бывало в Русской земле!»

Наряду со снемами практиковались и соглашения между отдельными князьями. Характерно, что и в таких случаях к дипломатическим переговорам привлекались третьи лица — союзные князья и их дружинники. Иногда посредниками выступали женщины из княжеской семьи. Так, в 1097 г. мачеха Владимира Мономаха, вдова его отца Всеволода, по просьбе киевлян примирила своего пасынка с киевским князем Святополком. Владимир «преклонился на мольбу княгини, потому что чтил ее, как мать, отца ради своего».

Очень крупную роль играли при переговорах церковные феодалы — епископы и настоятели монастырей. В переговорах между Владимиром Мономахом и киевлянами, кроме его мачехи, принимал участие и митрополит, и это тоже оказало влияние на его решение, потому что он «и митрополита также

чтил сан святительский, и не преслушал мольбы его». Епископы постоянно выступали в качестве послов. В роли дипломата выступал, например, черниговский епископ Порфирий, который в 1187 г. был посредником между рязанскими князьями и владимирским великим князем Всеволодом Большое Гнездо, «милость прося у него, дабы умирить его с рязанцами». При содействии обманутого им владимирского епископа Луки это ему удалось, и он сам, по просьбе Всеволода, поехал с его дружинниками в Рязань «с миром». Но в Рязани Порфирий повел свою линию, «утаився от Всеволодовых дружинников», так как его симпатии лежали всецело на стороне Рязани, которая входила в состав его епархии. Он действовал, по словам владимиро-суздальского летописца, «не по-святительски, но как переветник и лжец» и «инако изворотил речь».

Договоры между князьями нередко заключались непосредственно в присутствии епископов или в стенах крупных монастырей. Все это открывало широкую возможность духовенству вмешиваться в международную политику. Характерен случай, имевший место в 1127 г., когда игумен одного из киевских монастырей, Григорий, при поддержке созванного им церковного собора, понудил киевского князя Мстислава Владимировича нарушить договор с черниговским князем, заявив: «На мне пусть будет грех, если преступишь крестное целование». Мстислав «сотворил волю» духовенства и, по словам летописца, раскаивался в этом всю жизнь.

Посольская служба

В тех случаях, когда князья не принимали личного участия в ходе переговоров, дипломатические сношения осуществлялись посредством послов. В 1229 г. в качестве послов со стороны Смоленска ходил в немецкие города священник, сан которого должен был в какой-то мере оградить его личность в чужой стране, и «умный (т. е. знающий) муж из города Смоленска».

При отсутствии налаженных сношений и элементарной безопасности в пути вопрос о неприкосновенности послов был одним из наиболее важных. В Смоленском договоре 1229 г. устанавливалась двойная вира (штраф) за убийство посла: «Послу что учинят... задвое за того взять, два платежа». Точно так же и Новгородский договор 1269 г. за убийство новгородского посла требовал 20 марок серебра и столько же за немецкого посла вместо обычных 10 марок. Указанные оговорки не всегда были лишними. Как известно, когда в 1223 г. к русским князьям, выступившим в поход против монголо-татар, пришли татарские послы, то они были перебиты. Впрочем, в данном случае между русскими и монголо-татарами было состояние войны, что могло оправдать в глазах русских князей поступок,

нарушавший основной закон международного права. Еще чаще послы подвергались насильственному задержанию. В 1142 г., например, послы новгородские были задержаны в Южной Руси, потому что не сговорились с киевским князем относительно того, кто будет княжить в Новгороде. Так же поступали и владимирские великие князья. Андрей Боголюбский в 1167 г. «изымал», т. е. арестовал, послов новгородских и т. д.

При сношениях между русскими князьями послы пользовались содержанием и средствами передвижения (корм и провоз) за счет того князя, к которому были посланы, — обычай, который, может быть, следует возводить к византийской традиции давать послам «слебное». Помимо исполнения своих прямых дипломатических обязанностей, послы содействовали распространению различных сведений международного значения. При отсутствии каких-либо других способов внешнеполитической информации эта роль дипломатических представителей являлась довольно существенной. Поэтому Владимир Мономах и рекомендовал своим сыновьям оказывать честь и послу и купцу, «ибо они, ходя мимо, по всем землям прославляют человека либо добрым, либо злым».

Порядок заключения договоров

Тексты междукняжеских договоров XI—XIII вв. не сохранились, но содержание их может быть в известной мере восстановлено. Это, во-первых, договоры о союзе. В договоре 1152 г. киевского князя Изяслава Мстиславича с галицким князем Владимиром Володаревичем союзнические отношения определялись в следующих выражениях: Владимир обязывался «с Изяславом быть и от него не отлучаться, ни в добре, ни в лихе, но всегда с ним быть». В других случаях дело шло о вассальных отношениях. Формула вассальной зависимости так выражена в обращении того же Владимира Галицкого к Изяславу: «Кланяюсь тебе! Прими меня, как сына своего Мстислава, так и меня. Пусть ездит Мстислав подле твоего стремени с одной стороны, а с другой стороны подле твоего стремени еду я со всеми своими полками». Из отдельных пунктов договоров следует отметить обязательство выдачи смердов (крестьян) и холопов, захваченных во время войны. При методах тогдашних феодальных войн, сопровождавшихся угоном населения и скота, в неприятельской стране иногда не оставалось «ни челядина, ни скотины». Другим распространенным условием договоров было обязательство возврата награбленного имущества.

Договоры, как международные, так и междукняжеские, утверждались, как сказано, целованием креста и обычно заключались в форме «крестных грамот». Расторжение договора

выражалось в том, что посол бросал крестные грамоты и уезжал. Естественно, что гарантия крестного целования была лишь условной, поскольку вся она держалась только на уважении к предмету культа и носила исключительно моральный характер. В 1152 г. галицкий князь Владимир Володаревич не выполнил договора, скрепленного целованием «креста св. Стефана». Когда Изяслав послал к нему одного из своих приближенных с «крестными грамотами» напомнить о его клятве, то он отвечал пренебрежительно: «Сей ли крестец мал!» «Княже, — сказал ему на это посол, — если крест мал, то сила его велика», и напомнил вольнодумцу, что он целовал не простой, а чудотворный крест, и если отступит от клятвы, принесенной на этом кресте, то «не будет жив». На это Владимир хладнокровно ответил: «Вы о том досыта молвили, а теперь полезь вон!»

Таким образом, одного крестного целования было недостаточно. Для большего впечатления клятву приносили на «раке», т. е. у гробницы того или иного почитаемого святого, например, у раки патронов княжеской династии «святых» Бориса и Глеба. Наконец, прибегали к требованию заложников, или «талей». Обычно выдачей заложников с обеих сторон обеспечивалось соблюдение договора половцами, которых русские всегда подозревали в коварстве. Заложниками же обеспечивался правильный ход предварительных переговоров с половцами. Так, в 1095 г. пришли половецкие ханы Итларь и Кытан для переговоров в Переяславль к Владимиру Мономаху и стали вне города. Владимир дал «в тали» своего сына Святослава, а Итларь с лучшей дружиной вошел в город. Судя по договору, заключенному около 1195 г., к заложничеству прибегали и при переговорах с немцами. Но бывали случаи, когда и соглашения между русскими землями скреплялись выдачей заложников. Так, в 1139 г. новгородцы, просившие у Всеволода Ольговича в князья сына, «пустили к Всеволоду детей своих в тали».

О неприкосновенности заложников говорится в указанном договоре 1195 г., где за убийство «таля» устанавливался двойной штраф. На практике с заложниками не всегда церемонились. Когда Итларь в качестве заложника находился в Переяславле, дружина Владимира Мономаха советовала князю воспользоваться случаем и перебить Итлареву дружину. Владимир колебался. «Как могу это сотворить, после того, как им поклялся?» — говорил он. «Князь, нет в том греха,'— возражала дружина. — Они всегда ведь преступают клятву, а губят землю Русскую и кровь христианскую проливают беспрестанно». Ночью был подослан отряд в стан Кытана. Сперва выкрали Святослава Владимировича, а потом убили Кытана и перебили

его дружину. На следующее утро ничего не подозревавшего Итларя со свитой зазвали в избу к одному из княжеских дружинников, заперли и через разобранную крышу перестреляли всех из луков.

Международные отношения Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв.

После завоевания и опустошения Русской земли монголо-татарами международное значение русских княжеств очень пошатнулось. Юго-западные и частично западные русские земли подпали постепенно под власть Литвы и Польши и на долгое время утратили свою самостоятельность. Только в нашу эпоху с воссоединением Западной Украины и Западной Белоруссии возродилась национальная независимость этих областей. Северо-Восточная Русь, отрезанная немецкими рыцарями и Литвою от общения с Западной Европой, угнетенная татарским игом, которое «не только подавляло, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» [1], была почти совершенно оторвана от общения с другими народами. В течение XIV и даже первой половины XV в. международные отношения Северо-Восточной Руси ограничивались почти исключительно Золотой Ордой, Византией, Литвой и торговыми сношениями Новгорода с немецкой, датской и шведской Прибалтикой.

Связь Северо-Восточной Руси с Византией поддерживалась через посредство русской церкви, зависимой от константинопольского патриарха. Отношения с Литовским великим княжеством определялись необходимостью обезопасить русские земли от наступления литовских феодалов.

Сношения Новгорода с прибалтийскими городами, вступившими в XIII в. в сильный Ганзейский союз, велись в тех же направлениях, какие намечались в договорах XII и XIII вв. С Шведско-Норвежским королевством шла у Новгорода и военная и дипломатическая борьба за Карелию, издавна входившую в состав новгородских владений. Пограничные споры были урегулированы русско-шведским договором «о вечном мире», заключенным в Ореховце в 1323 г. Через три года русско-норвежским договором 1326 г. были подтверждены и права Новгорода на дань с саамов. Характерная особенность новгородских договоров XIV—XV вв. заключалась в том, что хотя они и писались от имени великого князя, но фактически заключались выборными властями боярской республики, каковой был в то время Новгород, — епископом, посадником и тысяцким, иногда при участии представителей «концов» (на которые делился город) и отдельных разрядов новгородского населения.

---

[1] *K. Marx,* Secret diplomatic history of the XVIII century, p. 78.

Русско-татарские отношения в XIII—XV вв.

Решающим моментом во внешней политике северо-восточных русских княжеств были в эту эпоху их отношения к Золотой Орде. Вассалы золотоордынских ханов, русские князья должны были не только платить им дань и нести другие повинности, но и подчинять свою внешнюю политику их воле, являясь по ханскому приказу со своими войсками к ним на помощь. Хан своим вмешательством регулировал важнейшие внешнеполитические вопросы. Так, хан Менгу-Темир (конец XIII в.) обратился с указом («Менгу-Темирово слово») к великому князю владимирскому Ярославу Ярославичу о предоставлении свободного проезда немецким купцам через территорию его княжества: «Дай путь немецкому гостю на свою волость!»

Впрочем, вмешательство хана в международные отношения «русского улуса» ограничивалось теми случаями, когда эти отношения непосредственно затрагивали интересы Золотой Орды. В остальном русским князьям предоставлялась возможность действовать довольно самостоятельно, заключать договоры и вести войны, с кем они хотели. Зато, эксплуатируя всячески Русь, ханы были крайне заинтересованы в том, чтобы не ослабевала вассальная зависимость от них русских князей, и настойчиво требовали всех внешних выражений этой зависимости. Князья утверждались в своем звании ханскими «ярлыками» (грамотами) и сажались на престол лицами, уполномоченными ханом. По первому зову они должны были беспрекословно являться в Орду, и уклонение от немедленного прихода рассматривалось как государственная измена. В Орде не только княжеские послы, но и сами князья должны были исполнять самые унизительные обряды — кланяться в землю хану, стоять перед ним на коленях. «О, злее зла честь татарская!» — восклицает летописец по поводу приезда в Орду Даниила Романовича галицкого.

Татарские послы, приезжавшие на Русь с ханской «пайцзе» (басма русских летописей), т. е. золотой или серебряной дощечкой с ханской тамгой (условным знаком) или соответствующей надписью, принимались с раболепным почетом. «Не разбирая, имеет ли ханский посол высший или низший чин, — пишет один китайский писатель XIII в., — все наперерыв ему кланяются... сажают его на высшее место; правители сами чинят коленопреклонение и оказывают всевозможное усердие». Этому общему порядку приема ханских послов подчинялись первое время и русские князья. Постоянные унижения, непрерывная опасность татарских набегов, наконец, отсутствие личной безопасности князей, жизнь и смерть которых зависела от произвола хана, способствовали выработке особых дипломатиче-

ских приемов в отношении Золотой Орды. Начиная с великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича и его знаменитого сына Александра Невского, князья в основу своей золотоордынской политики полагали старание внешне угождать хану, не давать повода для его гнева, задабривать его и его приближенных подарками и покорно исполнять все требуемые обряды. Даже Дмитрий Донской вынужден был согласиться оставить в Орде в качестве заложника собственного сына. Малокультурные татарские феодалы, уверенные в своей силе, в общем легко поддавались этой довольно элементарной дипломатии и не всегда замечали, как под прикрытием подобострастия и покорности их русские вассалы в самой Орде плели политические козни и сводили собственные счеты, вовлекая самих ханов в эту игру. С укреплением Московского княжества русские князья все более успешно пользовались той феодальной раздробленностью, которая господствовала в Орде. У каждого из них были свои благожелатели среди татарских беков — вассалов хана. Щедрыми подарками хану, его советникам и женам можно было достигнуть очень многого. Политика Золотой Орды, заключавшаяся в том, чтобы не давать одному князю усиливаться за счет другого, открывала простор для широких интриг. Постепенно ханы сами стали попадать в сети искусных в деле дипломатии московских князей. Особенно умело вел такую политику Иван Калита; его примеру следовали и другие московские князья вплоть до Ивана III.

Междукняжеские договоры XIV—XV вв.

Если международные отношения Северо-Восточной Руси с XIII в. главным образом сосредоточивались на Золотой Орде, то отношения между мелкими удельными княжествами, на которые эта Русь разбивалась, были гораздо сложнее.

В отличие от предшествующего периода, когда междукняжеские отношения определялись часто словесными «обетами», скрепленными клятвой, в XIV—XV вв. договоры между князьями заключались в письменной форме.

Междукняжеские договоры обеспечивали в первую очередь политическую независимость каждого отдельного, даже небольшого владения. Этот принцип выражался в формуле: «Тобе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». В договорах оговаривалась неприкосновенность суверенных прав каждого князя над территорией своего княжества. Князья обязывались в чужой удел не давать жалованных грамот, не всылать своих данщиков и приставов. Запрещено было покупать в чужом уделе села и держать «закладчиков», т. е. зависимых людей. Особое значение имели статьи, касавшиеся княжеских вассалов, которые имели право выбирать себе любого сеньора: «А боярам

и слугам меж нами вольным воля». К числу особо сложных вопросов, которые приходилось разрешать дипломатическим путем, относилась выдача беглых. Феодалы, естественно, были заинтересованы в том, чтобы не выпускать из своих рук зависимых людей и карать нарушителей феодальных порядков.

Утверждая независимость отдельных княжеств, договоры предусматривали и необходимость в известных случаях общих действий договаривавшихся князей. Это особенно касалось внешней политики. Обычно дело шло о военном оборонительном и наступательном союзе. Вассально-союзническая формула гласила так: «А кто будет мне, брату твоему старейшему, друг, то и тобе друг, а кто будет мне недруг, и тобе недруг. А тобе, брату моему молодшему, без мене не доканчивати, не ссылатися ни с кем; тако же — и мне без тобе».

При феодальной раздробленности приходилось регулировать дипломатическим путем и торговые сношения между отдельными княжествами. В первую очередь необходимо было добиться единства таможенного обложения в союзных княжествах, и договоры тщательно оговаривали размеры таможенных пошлин и запрещение заводить новые «мыты» (таможенные заставы).

Процесс начавшегося государственного объединения Северо-Восточной Руси выражался на первой стадии в установлении вассальной иерархии между отдельными независимыми князьями. В договорах отношения между сеньором и вассалом выражались в стереотипной фразе: «Держати ти подо мною княжение мое великое честно и грозно, а добра ти мне хотети во всем, а мне, князю великому, тобе, брата своего, держати в братстве, без обиды во всем... А тобе, брату моему молодшему, мне служити без ослушания по згадце (договору)... а мне тобе кормити по твоей службе».

По принятому в то время обычаю место каждого князя на феодальной лестнице определялось терминами семейного права и устанавливалось тоже договорами. Так, Дмитрий Донской обязал своего двоюродного брата Владимира Андреевича серпуховского иметь его, великого князя, отцом; своего старшего сына, его фактического двоюродного племянника, Василия — «братом старейшим», второго, Юрия, — просто «братом», а «детей меньших» — «братьею молодшей».

Положение русских княжеств под властью золотоордынских ханов ставило перед княжеской дипломатией ряд новых задач и вопросов, которых не знала дипломатия XI—XIII вв.

Великие князья владимирские и «всея Руси» стремились сосредоточить в своих руках все сношения с Ордой и не допус-

кать самостоятельных выступлений других князей или по крайней мере контролировать их сношения с татарами: «Орду знати тобе, великому князю, а мне Орды не знати», — обязывался князь боровский Василий Ярославич в договоре с великим князем Василием Темным. Наоборот, тот же Василий Темный должен был предоставить великому князю тверскому Борису Александровичу «к царю (т. е. хану) путь чист».

Наличие большого числа слабо между собой связанных или даже совершенно независимых княжеств по-прежнему вызывало между ними частые конфликты. Это привело к созданию особой формы третейских судов для мирного разрешения таких конфликтов. «А что учинится между нами, князьями, каково дело, — сказано в договоре Дмитрия Донского с великим князем тверским Михаилом Александровичем в 1368 г., — ино съедутся на рубеж, да меж нас поговорят, а не уговорятся, ино едут на третьего на великого князя Олега (рязанского): на кого помолвит — виноватый перед правым поклонится, а взятое отдаст. А чьи судьи на третьего не поедут... — то правый может отнять, а то ему не в измену». В некоторых случаях «третьим» был митрополит, в других — спорящим сторонам предоставлялось право «ехать им на третий, кого себе изберут, там, ехав, перемолвятся». Порядок избрания «третьего» устанавливается в договоре великого князя Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем рязанским. «А рати не замышлять, а третий меж нас — кто хочет, тот называет трех князей христианских, а на кого идут, тот себе изберет из трех одного». В том же договоре великий князь берет на себя функции исполнителя постановления третейского судьи по спорам между рязанскими князьями.

На таких условиях строились взаимные отношения как между князьями, принадлежавшими к одной семье, так и между великим князем владимирским и местными великими князьями. Так же слагались отношения великого князя владимирского с другими наиболее крупными вассалами — с Великим Новгородом и митрополитом. Многочисленные крестоцеловальные грамоты, которые великие князья давали Новгороду, по существу лишь в деталях отличались от междукняжеских. В них оговаривались обязательства Новгорода к великому князю, как к сеньору, а с другой стороны, гарантировалась неприкосновенность новгородской территории и новгородских порядков. Сохранившийся формуляр договора между великим князем и митрополитом является точным сколком с аналогичных междукняжеских договоров.

В междукняжеских отношениях по-прежнему большую роль играли церковные феодалы, особенно митрополиты, которые

служили посредниками между отдельными княжествами. Под договорными грамотами обычно ставили свои подписи митрополиты, которые были как бы гарантами исполнения договоров. Митрополиты выступили за объединение Руси и поддерживали политику московских великих князей. Когда в 1329 г. князь Александр Михайлович тверской, выгнанный из Твери Иваном Калитой, укрылся во Пскове, то митрополит пригрозил наложить проклятие на этот город. Это вынудило Александра покинуть Псков. «Братья мои, не буди на вас проклятья из-за меня! Еду вон из вашего города!» — заявил он псковичам.

Выдающимся дипломатом был митрополит Алексей, русский по происхождению, которого константинопольский патриарх обвинял в том, что он слишком много внимания уделял политике в ущерб церковным делам. Он сумел приобрести значительное влияние в Золотой Орде; свидетельством его дипломатических успехов при ханском дворе являются полученные им от хана Тайдуллы ярлык и перстень. Митрополит Алексей был горячим сторонником осуществлявшейся московскими князьями политики объединения («собирания») русских земель. После смерти великого князя Ивана Ивановича Красного благодаря настояниям Алексея в Орде великокняжеское достоинство осталось за малолетним сыном умершего — Дмитрием Донским. Широко пользовался Алексей своими прерогативами митрополита и в борьбе Москвы против сепаратистских стремлений других князей. Правой рукой его в этом деле был игумен Троицкого монастыря Сергий. Когда, например, суздальско-нижегородский князь Борис Константинович не подчинился требованиям Дмитрия Донского, в Нижний прибыл Сергий звать Бориса в Москву. Когда же тот отказался ехать, Сергий затворил церкви, т. е. наложил интердикт на весь Нижний Новгород. Другой раз Сергий ездил в Рязань для заключения мира с Олегом рязанским, и князь Олег «переменил свирепость свою на кротость».

В Новгороде вся внешняя политика фактически возглавлялась новгородским «владыкой» (архиепископом). Переговоры как с немцами и шведами, так и с великим князем владимирским велись при его непосредственном участии. Договоры заключались по его «благословению», и в договорных грамотах его имя со стороны Новгорода ставилось на первое место. В отношении немецких купцов во время их пребывания в Новгороде он выступал в качестве патрона и посредника при их столкновениях с новгородцами. Новгородский владыка также являлся посредником между Новгородом и великим князем. В 1397 г., когда между великим князем Василием Дмитриевичем и новгородцами произошел разрыв, архиепископ Иоанн об-

ратился к нему с ходатайством: «Чтобы ты, господин и сын, князь великий, благословение мое и слово принял и новгородское челобитие, а с Новгорода — с мужей вольных — нелюбье сложил, а принял бы их в старину». Но «князь великий» отказался принять условия, предложенные митрополитом, и мира «не дал». Таким образом, новгородский архиепископ выступал защитником новгородского боярства и брал на себя охрану «старины», т. е. порядков феодальной раздробленности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА УКРЕПЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

1. Священная Римская империя и папство в конце XI—начале XII в.

Централизующие силы в феодальной Европе. Универсалистские тенденции в политике империи и папства

Наряду с силами анархии в феодальной Европе действовали и централизующие силы. Класс феодалов, главным образом недостаточно сильные из них, нуждались в мощных централизованных органах классового принуждения, для того чтобы довершить порабощение крестьянства и безнаказанно усиливать его эксплуатацию. Стремление к централизации поддерживали и некоторые другие элементы феодального общества, прежде всего возникающие с X—XI вв. города. В феодальном хаосе по мере роста производительных сил и экономических связей, по мере развития классовой борьбы начинают все отчетливей выступать очертания более или менее крупных политических объединений, на основе которых впоследствии возникают национальные государства.

Образование Священной Римской империи и походы императоров в Италию; усиление папства и его борьба с империей; крестовые походы; рост торговли и городов; освободительное движение городских общин; усиление королевской власти и формирование централизованных феодальных государств — таковы важнейшие направления социально-политической жизни на Западе, которые в разнообразных столкновениях и сочетаниях постепенно изменяют лицо европейского феодального мира.

Священная Римская империя, «восстановленная» Оттоном I в 962 г., была с самого возникновения уродливым политическим образованием. Не имея силы установить хотя бы какой-нибудь порядок во все более распылявшейся Германии, короли Саксонской (919—1024 гг.), Франконской (1024—1125 гг.), Швабской (1137—1254 гг.) династий, опираясь на определенные круги немецких феодалов, бросались на раздробленную, бессильную и в то же время манившую их богатством городов Италию. Почти каждый новый король начинал с того, что сперва смирял непокорных германских герцогов, а по-

том обрушивался на Италию со своими варварскими бандами, которые грабили несчастную страну, убивали и насиловали, пока король добирался до Рима, где папа короновал его императорской короной. Нередко в это самое время чужеземные насильники производили на улицах «вечного города» резню населения. Вслед за тем увенчанный короной «римский император» возвращался в Германию, чтобы на захваченные в Италии сокровища продолжать борьбу со своими герцогами за право обирать германский народ.

Церковь в Германии была сообщницей императора, епископы и аббаты — его верными приспешниками. За поддержку, которую они оказывали императору, им давались земли и власть над населением; в свою очередь, высшие сановники католической церкви предоставляли в распоряжение императора свои обширные материальные средства и свое религиозное влияние. Папство, которое переживало в X в. пору глубокого упадка и стало игрушкой в руках феодалов Папской области, подчинилось германскому «покровителю».

Между тем феодальная анархия чрезвычайно губительно сказывалась на многочисленных и богатых владениях церкви. Ни постановления соборов, провозглашавших «божий мир», ни отлучения не могли служить для нее достаточной защитой от хищных соседей. А католическая церковь, являясь крупным землевладельцем, была наиболее «передовым» хозяином того времени. Церковные учреждения, особенно монастыри, нередко занимались торговыми делами; они сбывали на рынок зерно, вино и другие продукты своего хозяйства.

Все это делало необходимым для церкви установление сильного органа классового принуждения, который бы охранял ее интересы. Не находя соответствующей поддержки у светских государей, церковь с X в. укрепляла свою собственную организацию, а затем пыталась сплотить феодальную Европу под своим управлением, и даже более того — навязать ей свое политическое верховенство. Для этого у церкви имелись готовые организационные формы, которые необходимо было лишь усилить и централизовать. У нее в руках были мощные средства религиозного воздействия; она располагала многочисленным штатом служителей, которые в невежественной и безграмотной Европе могли считаться сравнительно образованными людьми. Надо было только их дисциплинировать и подчинить единой воле. Эти цели поставило перед собою так называемое клюнийское движение, развернувшееся в X—XI вв. Оно получило свое название от монастыря Клюни в Восточной Франции.

Клюнийцы повели решительную борьбу против всех проявлений господства светской власти над церковной. Под воздействием клюнийского движения был проведен ряд церковных

реформ: создана централизованная конгрегация (объединение) монастырей, а в них введен новый суровый устав, установлен строгий контроль за соблюдением безбрачия духовенства (целибат) и запрещена продажа и покупка церковных должностей.

Одним из важных результатов клюнийского движения было укрепление позиций папства. Во второй половине XI в. папство выступило с притязаниями на объединение под своей властью всей феодальной Европы.

И империя и папство выступали со своими притязаниями в обществе, где еще не было ясных национальных и государственных границ, потому что не было еще ни наций, ни сложившихся государств. В таких условиях объединительная политика империи и папства приняла «универсалистский» («вселенский») характер. Императоры, как и папы, стремились утвердить свою власть над всем христианским миром и даже за его пределами. В этом стремлении обе эти силы — за каждой из них стояли определенные группировки господствующего класса — неизбежно должны были столкнуться между собой. В конфликте одержало верх папство. Однако поставленные как империей, так и папством политические цели были несбыточными. Они отражали неразвитость центростремительных сил в феодальном обществе на известной стадии его развития. Универсалистские идеалы, к достижению которых стремились императоры и папы, остались пустой фантазией. Сплочение феодального мира и на Западе и на Востоке пошло иными путями, совсем не теми, которые рисовались папам и императорам в эпоху их борьбы за гегемонию.

Григорий VII и Генрих IV

С середины XI в. влияние папства на Западе быстро возрастало. Усиление папской власти, вызванное общими экономическими и политическими условиями тогдашней феодальной Европы, было идеологически и организационно подготовлено клюнийским движением: в процессе его развития в католической церкви были проведены различные преобразования, которые укрепили и моральные и материальные позиции церковных учреждений снизу доверху. Если германские императоры раньше назначали пап по своему произволу и самовластно управляли папским престолом, то со второй половины XI в. положение изменилось. Императору Генриху IV пришлось уже столкнуться в лице папства с грозной и организованной в международном масштабе силой католической церкви, выступавшей в качестве крупного интернационального центра феодальной системы. Важнейший вопрос, вокруг которого вначале разыгралась борьба императоров с папами, — вопрос об инвеституре — был тесно связан с международной политикой папства. Папа

хотел иметь в лице епископов покорных слуг «апостольского престола»; он стремился овладеть теми органами церковной организации, которые до этого времени представляли важнейшую опору императоров; папа добивался того, чтобы через них внедрить свою власть в глубь Священной Римской империи.

Своим укреплением папская власть во второй половине XI в. многим обязана талантливой дипломатии клюнийского монаха Гильдебранда, ставшего затем папой Григорием VII (1073—1085 гг.). Еще до вступления на папский престол Гильдебранд, достигший кардинальского сана, фактически руководил всеми делами церкви. Он использовал малолетство Генриха IV и феодальные смуты в Германии, чтобы, не боясь вмешательства императора, укрепить положение папства. С 1059 г. при активном участии Гильдебранда устанавливается новый порядок избрания пап — коллегией кардиналов: император отстраняется от влияния на выборы. Именно при нем клюнийцы вводят безбрачие духовенства: это должно было не только обеспечить надлежащий престиж церкви, но и полностью превратить духовенство в орудие главы церкви, поскольку никакие семейные заботы уже не могли отвлекать церковнослужителей от выполнения прямых религиозных обязанностей. В Италии Гильдебранд заключил союз с маркизатом Тосканой. Он лично отправился в Южную Италию, где в это время утвердились потомки скандинавов — норманны, и в Капуе от лица римского папы Николая II заключил союз с норманским графом Ричардом. В 1059 г. граф Ричард и Роберт Гюискар, герцог Апулии, главный предводитель норманских завоевателей, признали себя папскими вассалами: они обязались платить папе ежегодную дань, оказывать военную помощь, защищать новый порядок папских выборов. На севере Италии Гильдебранду удалось подчинить папе сильного и независимого архиепископа Миланского: для этого Гильдебранд поддержал городское движение патаренов, направленное против крупных феодалов и ставленника императора — миланского архиепископа.

Таким образом, Гильдебранду удалось объединить значительную часть Италии под папским верховенством.

В 1073 г. Гильдебранд стал папой. Он отличался непреклонной волей и яростным фанатизмом. Но этот фанатик обладал также и гибким дипломатическим умом. Он не знал удержа в своем исступленном красноречии. В то же время он умел искусно разбираться в самой сложной политической обстановке, ловко маневрировать в опасной и враждебной среде.

Более того, Григорий VII готов был порой ради достижения своих политических целей пренебречь религиозными принципами, под флагом защиты которых, казалось бы, проводилась вся политика папства. Когда этого требовала политическая

обстановка, папа, с одной стороны, благословлял кровавые подвиги участников испанской реконкисты, с другой, лицемерно отказывался видеть сколько-нибудь существенную разницу между христианством и исламом. «Мы и вы веруем в одного бога, хотя и по-разному», — писал Григорий VII мусульманскому князьку одного североафриканского города Ал-Насиру, добиваясь от последнего содействия римским купцам, которые отправились в 1076 г. в его владения. В подобных случаях от непреклонного фанатизма главы церкви не оставалось и следа: реальные интересы папы-политика брали верх над ненавистью к иноверцам.

Среди принципов, изложенных в его знаменитом «Dictatus papae» — этой своеобразной программе установления «всемирного» владычества римских первосвященников, — наряду с провозглашением безусловной власти папы в делах церкви встречаются и такие положения: «Римский первосвященник имеет право низлагать императоров», «Он может освобождать подданных от присяги верности по отношению к неправедным государям». Папство в лице неукротимого Григория VII заявляло открытые притязания на полное верховенство не только над христианской церковью, но и над всеми светскими государями, которые, с точки зрения автора «Папского диктата», суть не более, как вассалы римского престола.

Конечно, Григорий не первый выдвинул эти принципы, но он первый сделал попытку провести их в жизнь, первый пытался организовать некое «мировое государство» под властью папы. Григорий VII требовал изъявления покорности от короля Англии — Вильгельма Завоевателя. Французский король Филипп I должен, по мнению папы, согласиться с тем, чтобы епископов в его королевстве назначал апостольский престол. Венгерскому королю Гейзе I папа без обиняков заявлял, что его королевство принадлежит святому престолу. Вотчиной святого Петра представлялась ему и Испания, где папа, едва вступив на престол, благословил рыцарей на отобрание земель у мавров, — при условии, если только будет признана его верховная власть над отвоеванными территориями.

В то же время Григорий VII стремился улучить момент, чтобы подчинить власти Рима и империю византийских василевсов, только что потерпевшую тяжкое поражение от сельджуков при Манцикерте (1071 г.). Григорий VII стремится навязать Византии унизительную церковную унию. Дипломатические переговоры с византийским императором Михаилом VII в 1073 г. провалились; тогда Григорий VII решает прибегнуть к силе оружия: в 1074 г. он замышляет направить в Византию рыцарскую армию с Запада, лицемерно поставив ей задачу — «выручить» из беды греческую церковь, которой угро-

жают неверные. Одно за другим из Рима летят папские послания с призывами к государям и князьям принять участие в войне на Востоке во имя спасения христиан-греков.

Даже далекая Русь и та не ускользает от взоров «наместника святого Петра»: воспользовавшись раздорами между русскими князьями и столкновениями между Русью и Польшей, Григорий VII спешит выступить в поддержку неудачливого претендента на власть над Киевской Русью князя Изяслава, рассчитывая сделать Русь леном «апостольского престола».

Таков был размах международной политики Григория VII. Что касается средств ее проведения, то, кроме силы оружия и методов дипломатии, в руках Григория так же, как и его преемников, был еще и духовный меч. Папа мог отлучать от церкви, налагать интердикт, «разрешать» подданных того или иного государя от присяги. Этим оружием как Григорий VII, так и другие папы пользовались с большим искусством.

Не следует, однако, приписывать слишком важного значения всем этим приемам церковного воздействия. Не столько небесные громы отлучения, сколько умелое использование бесчисленных политических противоречий раздробленного феодального мира — противоречий между императорами и герцогами, между императорами (как германскими, так и византийскими) и норманнами, впоследствии — между императорами и итальянскими городами, Вельфами и Гогенштауфенами, Капетингами и Плантагенетами — служило наиболее успешным способом осуществления папской политики. Папа умел и выступить во главе коалиции итальянских политических сил против иноземного государя, и призвать иностранных властителей в Италию, когда это ему выгодно.

У пап-политиков имелось громадное преимущество — организованность и дисциплина католической церкви. В любой стране папы располагали готовыми кадрами пропагандистов, шпионов, осведомителей и агентов, одетых в монашескую рясу. Кроме того, папы располагали огромными денежными ресурсами, стекавшимися в их казну из всех католических стран.

При Григории VII получает широкое применение практика посылки особых уполномоченных апостольского престола — легатов, которые становятся одним из главных орудий папского управления и дипломатии. Они являются повсюду, во все вмешиваются, смещают епископов, провозглашают церковные кары против государей. Папа предписывает повиноваться легатам так, как повиновались бы ему самому. В то же время Григорий требовал отчета от легатов и проверял все их распоряжения.

Здесь нет надобности подробно останавливаться на дипломатии Григория VII в его борьбе с Генрихом IV. Папа упорно

добивался права назначать епископов и таким путем вмешиваться во внутренние и притом важнейшие дела империи; он преследовал «симонию» (фактическую продажу церковных должностей императорами) и так называемую светскую инвеституру (возведение в епископский сан императором). Генрих IV всеми силами отстаивал эти права императора не только в Германии, но и во всей Священной Римской империи. Если Григорий присвоил папе право низводить императоров с трона, то Генрих считал себя вправе низлагать пап. И действительно: император низложил папу на Вормсском сейме 1076 г. Он написал Григорию VII послание, заканчивающееся энергичным «ступай вон!». Месяц спустя Григорий низложил Генриха на Латеранском соборе, разрешил «всех христиан» от клятвы верности императору и запретил «служить ему как королю».

Папе удалось использовать недовольство, которое Генрих возбудил среди князей Германии. Они присоединились к папе, и положение Генриха стало безвыходным: в 1077 г. император был вынужден отправиться в Италию, чтобы просить прощения у всесильного Григория VII.

История свидания в Каноссе обросла легендой, и историку нелегко отделить факты от вымысла. Стоял ли Генрих босой на снегу перед воротами замка, дожидаясь, пока папа соизволит его принять, или он ожидал этого приема в более комфортабельной обстановке — это не меняет дела. Каносса могла казаться современникам решительной победой папы, и его сторонники всячески старались раздуть историю унижения германского императора, придумывая все новые подробности этого свидания. Для Генриха же каносское покаяние было лишь дипломатическим шагом, давшим ему передышку и спутавшим карты папы в той борьбе, которую Генрих повел в Германии против князей и избранного ими нового короля. В 1080 г. Генрих при поддержке недовольных германских епископов снова низложил Григория VII и выдвинул антипапу. Выдвижение антипап начинает играть такую же роль в императорской политике, как выдвижение антикоролей и антиимператоров в политике пап.

Со своим антипапой Генрих отправился на завоевание Рима. Определенную роль в том, что немецкие войска вновь появились в Италии, сыграла в этот момент и хитроумная византийская дипломатия. Византийской империи угрожали тогда норманны: отряды Роберта Гюискара, опустошив многие земли Балканского полуострова, наводили страх на самый Константинополь. Чтобы отвлечь их внимание от Византии, молодой василевс Алексей I Комнин (1081—1118 гг.) заручился поддержкой Генриха IV, который и двинулся на Италию, создав южноитальянским владениям норманнов угрозу с тыла.

Поневоле Роберту Гюискару пришлось идти на выручку Григорию VII. В числе войск, помогавших главе католической церкви, находились и отряды сицилийских мусульман. Генрих вынужден был уйти из Италии, но норманны и арабы так разгромили Рим, увели так много народу в рабство, что Григорию нельзя было оставаться в опустошенном его союзниками городе. Он последовал за норманнами в Южную Италию, где и умер (1085 г.).

Борьбу с императорами продолжили его преемники. Первый этап ее завершил компромиссный Вормсский конкордат 1122 г. В Германии император сохранил право вмешиваться в выборы епископов, в Италии он права этого был лишен. Однако Вормсский конкордат не прекратил столкновений между императорами и папами. Это был неудачный компромисс, лишь открывавший путь для новых конфликтов.

2. Крестовые походы и международные отношения в XII в.

В конце XI в. папская дипломатия сумела использовать в своих целях начавшееся на Западе широкое военно-колонизационное движение на Восток — крестовые походы. Они направлялись интересами весьма разнообразных групп западноевропейского феодального общества. На Восток стремилось рыцарство, которое искало новых земель для захвата, новых крепостных для эксплуатации, жаждало грабежа и добычи. На Восток были обращены взоры торговых городов, поднимавшихся в это время в Европе, особенно в Италии и стремившихся захватить в свои руки торговые пути в восточной части Средиземного моря. О переселении на Восток мечтало крестьянство, угнетаемое феодальными господами, разоряемое беспрестанными войнами, страдавшее от непрерывных голодовок. Деклассированные элементы феодального общества рассчитывали поживиться во время больших грабительских походов. Папство увидело во всех этих стремлениях удобный случай для того, чтобы, воспользовавшись ими, поднять католический Запад на «священную» войну против мусульманского Востока и таким путем повысить свой авторитет, подчинить своему влиянию Восток, обогатиться за счет доходов с завоеванных земель и обильных сборов, которые должны были пойти со всех концов Европы. Поэтому папство с конца XI в. ревностно принялось за проповедь крестовых походов. Организация крестовых походов стала одним из средств воздействия пап на государей Европы. Она давала новый предлог для вмешательства римской курии во внутреннюю жизнь европейских государств. Крестовые походы служили,

особенно с конца XII в., источником новых доходов папства и орудием усиления папского престижа.

Но значение крестовых походов шире. Они составили один из важнейших этапов в истории международных отношений и дипломатии. В ходе их западные народы приходили в столкновения со странами мусульманского Востока и с Византийской империей. Вместе с тем крестовые походы оказывали сильнейшее влияние на взаимоотношения между западноевропейскими державами. Разыгрывается длительная борьба за преобладание на Средиземном море между Византией, Венецией, южноитальянским государством норманнов (Сицилийское королевство), Францией, Англией, Священной Римской империей. Государства Запада и Востока втягиваются в самые различные союзы и коалиции. При этом феодальный Запад усваивал приемы и восточной и византийской дипломатии. Кроме того, образование государств крестоносцев на Востоке, основанных выходцами из разных стран, вызвало к жизни новые формы дипломатических отношений, например, консульскую службу, поскольку появилась необходимость защищать в новых государствах торговые интересы представителей отдельных стран.

Крестовым походам предшествовала большая дипломатическая подготовка. Византия, которую в последние десятилетия XI в. теснили южноитальянские норманны, сельджуки и печенеги, не раз обращалась за помощью к государям и князьям Запада. Папы старались использовать затруднения Византийской империи в своих целях и подчинить восточную церковь. С планами похода на Восток носился Григорий VII, но его попытки организовать военный поход якобы во спасение Византии остались неосуществленными. Папу отвлекли дела на Западе — борьба с Генрихом IV. Планы Григория VII подхватил и развил дальше второй из его преемников — француз Урбан II (1088—1099 гг.). На знаменитом Клермонском соборе (1095 г.) [1] он выступил с проповедью крестового похода против сельджуков, сочетав при этом призыв к «помощи» Византии и к освобождению «гроба господня» от неверных — мусульман с обещанием богатой добычи на Востоке. Выступление папы нашло широкий отклик: в 1096 г. на Восток двинулись десятки тысяч рыцарей.

Начало крестовых походов было удачным. Используя раздробленность мусульманского Востока, первые крестоносцы захватили ряд территорий на восточном побережье Средиземного моря и в конце XI — начале XII в. основали здесь свои госу-

[1] Соборами назывались съезды высшего духовенства, собиравшиеся для решения важных церковных дел.

дарства: королевство Иерусалимское, графство Триполи, графство Эдессу и княжество Антиохию. Но с конца 20-х годов XII в. началось объединение мусульманских княжеств, а затем и обратное отвоевание ими захваченных крестоносцами земель. Это вызвало новые и новые походы западноевропейского рыцарства на Восток. В ответ на захват сельджуками Эдессы (1144 г.) последовал второй крестовый поход (1147—1149 гг.); он закончился полным провалом. Спустя 40 лет после этого был организован третий крестовый поход (1189—1192 гг.), вызванный взятием Иерусалима египетским султаном Саладином. Результаты этого похода были ничтожны для крестоносцев.

Оба крестовых похода XII в., однако, примечательны по тому сложному переплетению международных интересов, которое завязалось вокруг каждого из них.

И во время второго, и особенно во время третьего крестовых походов обнаружились серьезные противоречия между начавшими формироваться и укрепляться феодальными монархиями Западной Европы, откуда хлынули на Восток армии крестоносцев.

Стремление овладеть ключевыми позициями на Средиземном море, которое стало в XII в. важным районом международной торговли, сталкивало друг с другом молодые феодальные монархии Запада. На этой почве в связи с крестовыми походами возникали различные дипломатические комбинации, враждебные и дружественные коалиции государств, причем в развитии этих межгосударственных отношений религиозные соображения фактически никакой роли не играли.

Во время второго крестового похода государь Сицилийского королевства Рожер II — его держава была крупным претендентом на господство в Средиземноморье, а сам он именовался «защитником христианства» — вступил в союз с мусульманским султаном Египта. Рожер II напал на христианскую Византию, хотя один из двух предводителей крестового похода — германский король Конрад III — находился в это же время в официальном союзе с Византийской империей.

Не менее своеобразная ситуация возникла в период третьего крестового похода (1189—1192). Его возглавляли «римский» император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II, прозванный позднее Августом, и английский король-авантюрист Ричард Львиное Сердце. Два последних предводителя в течение похода беспрестанно враждовали друг с другом. Во время остановки крестоносного флота в Сицилии вражда эта приняла характер открытого конфликта: поскольку Ричард стал явно стремиться к завоеванию острова, Филипп II Август, противившийся усилению державы Плантагенетов, оказал Ричарду решительное сопротивление, когда тот со

своим флотом штурмовал Мессину. В дальнейшем изворотливый французский король воспользовался неудачами своего «союзника» по крестовому походу на Востоке, чтобы обрушиться на его французские владения. С этой целью Филипп II поспешил вернуться в Европу еще до окончания похода. Мало того: зная о существовании политических противоречий между Англией и Священной Римской империей (противоречия эти коренились опять-таки в стремлении и Плантагенетов и Гогенштауфенов к господству на Средиземном море), Филипп II договорился с преемником Фридриха Барбароссы — Генрихом VI о совместной борьбе против Ричарда Львиное Сердце. Договоренность эта была достигнута во время личной встречи обоих государей в Милане в конце 1191 г. Ее результатом было двухлетнее пребывание Ричарда «в плену» в Германии — английский король попал в руки своего противника, возвращаясь из Палестины на родину.

Вместе с тем в крестовых походах XII в. с нараставшей силой выявлялся другой антагонизм международного характера — обострявшиеся противоречия между Западом и Византией. Крестоносцы все больше начинают интересоваться Византией, которая кажется им — и не без основания — сравнительно легкой добычей. Крестовые походы становились все более опасными для Византии. Орды крестоносцев и первого, и второго, и третьего походов грабили население империи и с жадностью смотрели на богатства ее столицы. Византийской дипломатии пришлось пускать в ход все свое испытанное искусство, чтобы оградить империю от захвата опасными союзниками и заставить их служить ее целям. Использовав первых крестоносцев для отвоевания у сельджуков некоторых из своих малоазиатских владений, Византия в XII в. нередко поддерживала турок против крестоносцев. Во время второго крестового похода византийский император Мануил Комнин, не доверявший вождям крестоносцев, невзирая на свой формальный союз с германским королем Конрадом III, заключил соглашение с сельджукским Иконийским султанатом, — и как раз в тот момент, когда немецкие рыцари-крестоносцы уже вели войну на территории султаната в Малой Азии (1147 г.).

Во время третьего крестового похода, когда отряды Фридриха Барбароссы, накануне похода договорившегося было с византийскими послами в Нюрнберге о свободном переходе немецкого воинства через владения Византии, открыли по сути дела военные действия против нее и сам германский император помышлял об осаде Константинополя, византийский василевс Исаак II Ангел подписал союзный договор с султаном Саладином. Впрочем, еще до этого и крестоносный «римский» император не постеснялся завязать отношения с Иконийским

султаном: Барбаросса обменивался посольствами с этим противником Византии, враждовавшим тогда с Саладином.

Таким образом, в 1189 г. оба христианских императора — и германский и византийский — оказались в союзе с мусульманскими султанами.

Тем временем не прекращалась и борьба пап с императорами. Со второй половины XII в. она вступила в новую фазу.

3. Империя и папство в XII—XIII вв.

Фридрих Барбаросса

В это время поднимаются торговые города Северной Италии. Их богатство, быстро возросшее со времени первых крестовых походов, было лакомой приманкой для германских императоров, в казне которых всегда не хватало денег. На отнятые у итальянских городов сокровища они надеялись укрепить свою ненадежную власть в Германии. Развернулась борьба между императорами и папами за Италию. В противовес притязаниям пап на мировое владычество императоры и ученые юристы на императорской службе выдвигают теорию мировой монархии под властью императоров.

Император Фридрих I Барбаросса (1152—1190 гг.) считал себя наследником римских цезарей, законным государем не только Запада, но и Востока, а Византийскую империю трактовал, как «regnum Graeciae» (греческое королевство), как своего непокорного вассала. Со своей стороны и византийский император в послании к Барбароссе называл его «королем Аллемании», а себя — римским императором.

В борьбе с империей Барбароссы папская дипломатия создавала различные коалиции против императора. Папа Александр III, которому Фридрих I тщетно противопоставлял своих антипап, организовал сопротивление большей части Италии германскому императору. Насилия, жестокости и вымогательства Барбароссы вызвали возникновение знаменитой Ломбардской лиги городов. Папа энергично поддерживал эту лигу. В коалиции были привлечены Венеция и Сицилийское королевство. Византия помогала коалиции деньгами. На ее средства был отстроен Милан, разрушенный свирепым Гогенштауфеном. В 1176 г. Барбаросса был наголову разбит Ломбардской лигой в битве при Леньяно. После этого в Венеции собрался конгресс, куда явились папа, император, уполномоченные сицилийского короля и представители итальянских городов — как членов Лиги, так и сторонников императора. Император пал к ногам папы и поцеловал его туфлю. Переговоры велись семью уполномоченными императора, семью кардиналами, назначенными

папой, и семью представителями ломбардских городов. Император пошел на все уступки, которых требовал папа, а с ломбардскими городами велись еще длительные переговоры, закончившиеся заключением Констанцского договора (1183 г.), по которому император отказался почти от всех своих притязаний в Италии.

Примирение с папой и итальянскими городами развязало Барбароссе руки для авантюр на Востоке. Как уже указывалось, его участие в третьем крестовом походе было прямой угрозой Византии. Несмотря на договор, заключенный между обоими императорами, каждый из них старался обеспечить себя, привлекая на свою сторону врагов своего союзника. Фридрих стремился натравить против Византии ее соседей Сербию и Болгарию. Он вступил в союз с Иконийским султанатом. Поход Фридриха через владения Византии начал явно принимать характер завоевания. Лишь искусная дипломатия Исаака II позволила избежать прямого нападения германских рыцарей на столицу Византии: их удалось переправить в Малую Азию. Во время похода Барбаросса погиб, и его предприятие, по выражению Маркса, «полетело к черту».

В последние годы своего царствования Барбароссе удалось одержать большую дипломатическую победу, создавшую новую угрозу для Византии. Он женил своего сына, будущего императора Генриха VI, на наследнице Сицилийского королевства Констанции и таким образом приобрел для своей династии Южную Италию и Сицилию. С варварской свирепостью, необычной даже для тех жестоких времен, Генрих VI подавил восстание своих новых подданных, не желавших его признать, и беспощадно разграбил страну.

Сицилийское королевство было своего рода мостом между Западом и Востоком. В нем жило много арабов, евреев и греков; оно тесно было связано с восточной торговлей. Жадные глаза свирепого грабителя, сына Барбароссы, устремляются на Восток, эту обетованную землю западных авантюристов. Уже шли приготовления к завоеванию Восточной империи, когда смерть избавила от Генриха и Запад и Восток (1197 г.).

Иннокентий III

Через несколько месяцев на папский престол был избран Иннокентий III (1198—1216 гг.). Его правление является временем наивысшего расцвета папской власти. Иннокентий III был даровитым дипломатом, исключительным мастером политической интриги. Он сумел с редким искусством, настойчивостью и последовательностью использовать политическую обстановку своего времени для усиления папской власти. Обычно в папы выбирали глубоких стариков, которые долго не заживались на свете. Иннокентию было всего лишь 37 лет. Он принадлежал к имени-

тому роду графов Сеньи, получил блестящее образование: юридическое — в Болонье, богословское — в Париже. Он столь же фанатически верил в призвание папы господствовать над миром, как и Григорий VII. Но Иннокентий отличался от последнего холодным, выдержанным характером, расчетливостью и осторожностью. Неуклонно и последовательно вел он свою политику, стремясь к установлению власти «наместника божьего» — папы — над «всем миром». Сначала он укрепил свою власть в Средней Италии, потом постепенно вытеснял из Италии немецких феодалов, используя ненависть населения к иноземным завоевателям. В то же время искусными маневрами папа разъединил итальянские города. Он взял на себя опеку над несовершеннолетним сицилийским королем Фридрихом II, сыном Генриха VI. Папа стал сюзереном ряда королей, признавших себя его вассалами. Сицилийское королевство, Швеция, Дания превратились в вассальные владения папы. Португалия еще раньше (1144 г.) признала вассальную зависимость от папского престола и возобновила феодальную присягу при Иннокентии III. В 1204 г. вассалом папы стал арагонский король Педро, в 1207 г. — польский король. Короли Болгарии и Сербии добивались покровительства Иннокентия, обещая ему взамен унию с католической церковью. Вассальную зависимость от папы признала даже далекая Армения.

Иннокентий вел искусную дипломатическую игру, используя борьбу за императорский престол между Гогенштауфенами и Вельфами, развернувшуюся в 1198—1209 гг., для укрепления своего влияния на дела Священной Римской империи. Свидетельством дипломатической гибкости и неутомимости Иннокентия III, а вместе с тем его беспринципности, поставленной на службу теократическим притязанием «апостольского престола», может служить огромная переписка папы по вопросам, связанным с феодальной распрей в Германии и политикой римской курии. Эта переписка характеризует Иннокентия III как изворотливейшего политика, который не брезговал никакими средствами в дипломатической деятельности, лишь бы добиться своего. Запугивая небесными и земными карами одних, внушая обманчивые надежды другим, вступая в тайные соглашения с третьими, противоречившие подчас официальной политике римской курии, Иннокентий III прокладывал дорогу к установлению верховенства папства не только в Германской империи.

Папа воспользовался борьбой между Капетингами и Плантагенетами для подчинения Англии. Он вступил в конфликт с английским королем Иоанном Безземельным, в результате чего Англия была надолго превращена в вассальное государство римского престола. Папа сыграл при этом на крайней непопулярности Иоанна в Англии и на его неудачной борьбе с Филип-

ном II Августом за владения во Франции. С гордым и независимым Филиппом II, к тому же хитрым интриганом и дипломатом, который мог померяться с самим Иннокентием, последний разговаривал иногда весьма повелительным тоном. Стараясь в нужных случаях оказать давление на Филиппа II, побудить его к уступкам, папа нередко шантажировал короля, затрудняя его бракоразводный процесс с датской принцессой Ингеборг. Заключение и расторжение брачных союзов между коронованными особами в те времена было широко использовавшимся средством в отношениях между государствами, и Иннокентий III трезво учитывал возможности, которые Филипп II сам предоставил ему своим скандальным процессом. Впрочем, папа получал порой весьма резкие ответы на свои то вкрадчивые увещевания, то угрозы. В общем Иннокентий предпочитал дружить с Филиппом и использовать его как союзника.

Могучим орудием папской дипломатии было твердо проводившееся Иннокентием III право римской курии решать в последней инстанции все судебные дела церкви. Поскольку круг церковных дел был необычайно широк и расплывчат, это давало папе возможность постоянного вмешательства во внутренние дела любого государства. Это обстоятельство сыграло известную роль в развитии посольского дела в Европе. Для защиты своих интересов в папской курии правительства посылали в Рим представителей — «прокураторов». По мере увеличения числа дел в папской курии прокураторам приходилось задерживаться в Риме на длительные сроки, а иногда их должность принимала характер постоянного представительства при папском дворе. Такой характер, например, имело положение прокураторов арагонских королей в XIV в. Донесения арагонских прокураторов своему правительству являются весьма важным источником по истории этого времени.

Одним из важнейших средств международной политики Иннокентия III была организация новых крестовых походов, которые теперь направлялись не только против «неверных» мусульман, но и против «язычников» — прибалтийских народов и славян Восточной Европы, а также против еретиков, не признававших папской власти. Денежные сборы, проводившиеся под благочестивыми предлогами (для финансирования крестовых походов), фактически обогащали папскую казну; проповедь этих походов служила для усиления папского авторитета; действительной целью крестовых походов в глазах папы было сокрушение его врагов и подчинение власти римской курии новых народов и областей.

По инициативе Иннокентия III был организован четвертый крестовый поход на Восток (1202—1204 гг.). Вокруг этого похода завязался сложный переплет дипломатических интриг,

в котором первая роль принадлежала главной торговой державе Европы Венеции. Венеция, предоставившая флот крестоносным воинам, хотела с их помощью сокрушить своего торгового соперника — Константинополь. Германский король Филипп Швабский — преемник Генриха VI — рассчитывал, действуя через вождя крестоносцев, своего родича маркиза Монферратского, укрепить позиции Германии в Византийской империи: к нему обратился за помощью низвергнутый византийский император Исаак II Ангел, на дочери которого — Ирине — Филипп был женат. Иннокентий III, со своей стороны, увидел в походе удобный случай реализовать старые антивизантийские замыслы папской курии; он рассчитывал, создав угрозу Константинополю, добиться подчинения греческой церкви католическому Риму. Хитроумные интриги Венеции, не без участия тайной дипломатии Иннокентия III, привели этот поход к совершенно «неожиданным» результатам: вместо Египта, являвшегося официальной целью похода, рыцари креста, «уклонившиеся с пути», разгромили сперва далматинский город Задар, а затем направились к византийской столице. Иннокентий III если не формально, то по существу одобрил перемену направления крестоносной экспедиции. Приличия ради, однако, папа грозил крестоносцам церковными карами в случае, если они поднимут меч на христианский Константинополь. В 1204 г. банды рыцарей креста захватили и жестоко разграбили столицу Византийской империи. Здесь было образовано новое государство крестоносцев — Латинская империя. Взятие Константинополя папа тотчас объявил «чудом божьим».

От разгрома Византийской империи больше всего выиграли венецианские купцы, нанесшие непоправимый удар своей торговой сопернице. Надежды же Иннокентия III на подчинение греческой церкви не оправдались. Ни проповедью, ни силой папство не сумело навязать унию греческому населению ненавистной Латинской империи.

Иннокентий III был и инициатором крестового похода против южнофранцузских еретиков — альбигойцев, закончившегося страшным разгромом юга Франции «разбойничьим сбродом негодяев», как называет Маркс двинувшихся в этот поход северофранцузских рыцарей. Тот же папа призвал немецкое рыцарство к походу против язычников-ливов и утвердил в Восточной Прибалтике разбойничий духовно-рыцарский орден Меченосцев для обращения прибалтийских язычников в христианство огнем и мечом. В публичных посланиях он призывал немецкое рыцарство двинуться на язычников-пруссов. Он благословил поход против фризских крестьян-штединтов, виновных

в том, что они хотели отстоять свою исконную свободу от покушений церковных и светских феодалов. Он проповедовал крестовый поход против мавров-мусульман в Испании, ознаменованный еврейскими погромами и победой над маврами при Лас Навас де-Толоса (1212 г.).

Проповедуя крестовые походы, папа апеллировал не только к религиозному фанатизму верующих католиков: он искусно использовал материальную заинтересованность рыцарей и городов в новых захватах. Но этот последний мотив часто брал верх над интересами церкви, и разбуженные папой инстинкты не всегда приводили к тем целям, которые он сам ставил: разгром Задара участниками четвертого крестового похода, несомненно, набрасывал тень на это папское предприятие (Задар находился под властью венгерского короля, который сам считался крестоносцем). Результатами похода против альбигойцев больше всего воспользовались французские короли.

Говоря об орудиях дипломатии Иннокентия III, нельзя забывать о влиятельнейших организациях международного характера, поставленных на службу папству, о созданных для борьбы с «ересью» нищенствующих орденах — доминиканцах и францисканцах. Они быстро просочились во все страны Европы, свили себе прочное гнездо в университетах. Розыск ереси и страшные суды инквизиции были в руках папы важнейшим средством давления в вопросах европейской политики.

Успехи международной политики Иннокентия III, сделавшие его фактически политическим арбитром Европы, подкреплялись финансовой мощью папства: римская курия становится в это время могущественнейшей финансовой силой в Европе. Выкачивая денежные средства со всех концов католического мира, папство тесно связывается с банкирскими конторами различных европейских стран.

Фридрих II Гогенштауфен

Иннокентий оставил папский престол вознесенным на небывалую высоту. Но он оставил ему также и опаснейшего врага в лице выдвинутого им самим императора Фридриха II Гогенштауфена (1212—1250 гг.), одного из умнейших и циничнейших дипломатов средневековья. Сын немецкого императора и сицилийской принцессы из дома норманских разбойников, Фридрих II вырос в Сицилии, где причудливым образом скрещивались итальянская, византийская, арабская и еврейская культуры. В сущности он был человеком без отечества, национальности и религии. Став в детстве игрушкой в руках бессовестных политиков, он рано созрел и ожесточился сердцем. Безгранично честолюбивый, он верил только в силу и ум. Беспокойная и неутомимая натура толкала его на новые и новые политические затеи. Фридрих был одним из наиболее образо-

ванных людей своего времени: он живо интересовался научными вопросами, поддерживал переписку с рядом выдающихся ученых, как христиан, так и евреев и мусульман. Особенно интересовался он греческими и арабскими писателями, которых читал в подлиннике. В области религии Фридрих проявлял насмешливый скептицизм, равнодушие и терпимость, хотя из политических видов и преследовал еретиков. В дипломатии его силу составляли гибкость и неразборчивость в выборе средств, знание человеческих слабостей, кипучая и стремительная энергия. Но ему часто не хватало выдержки. Излишняя порывистость иногда слишком рано открывала недругам его хитрости. Врагом Фридриха был также его острый язык, который он не всегда умел держать на привязи. Но его выручало остроумие комбинаций, спасала быстрая, находчивая смена путей политики, сбивавшая с толку его противников. Фридрих умел быть милостивым, проявлял иногда великодушие, но в то же время способен был и к беспредельному деспотизму, к беспощадной жестокости, к вероломству и необузданной мстительности. Недаром он вызывал чувство недоверия в людях, имевших с ним дело.

Фридрих II стал императором Священной Римской империи и королем Сицилии. Это было как раз то, чего больше всего боялся Иннокентий III, поставивший Фридриху условие, чтобы императорский и сицилийский скипетры не соединялись в одних руках. Фридрих без долгих размышлений согласился на это условие, а потом, также не задумавшись, его нарушил. Папские владения оказались зажатыми в клещи. Благоприятным для папы обстоятельством было то, что города Северной Италии зависели от императора только номинально: большинство их ненавидело императорскую власть и готово было сопротивляться всякой попытке ее усиления.

Политика Фридриха II состояла в том, чтобы укреплять свою власть и увеличивать свои доходы в богатом Сицилийском королевстве, которое он считал главным из своих владений; путем уступок духовным и светским феодалам жить в мире с Германией, используя ее военные ресурсы; принудить к повиновению североитальянские города; окружить папу со всех сторон и подчинить его себе, до поры до времени держась с ним осторожно.

Но в лице престарелого папы Григория IX (1227—1241 гг.) Фридрих встретил достойного противника. Папа ясно видел его планы и боролся с ними настойчиво и последовательно. Григорий выступил против Фридриха под предлогом, что тот вопреки данному обещанию все еще не отправился в крестовый поход, и поспешил отлучить его от церкви. Затем папа воспретил крестовый поход под предводительством отлученного императора.

Но Фридрих, по выражению Маркса, «наплевал» на это. Не обращая внимания на отлучение, он отправился в крестовый поход (1228—1229 гг.), ставший его личным и династическим делом ввиду его притязаний на Иерусалимское королевство. На Востоке у него были дружеские связи с египетским султаном Эль-Камилем. Фридрих заключил с ним в 1229 г. договор о мире на 10 лет. Дипломатическим путем Фридриху удалось получить то, чего тщетно добивались крестоносцы силой оружия: ему был возвращен Иерусалим со «святыми местами». Правда, это было достигнуто ценой важных уступок — Фридрих обязался не помогать палестинским христианам в их борьбе с египетским султаном, в руках которого остались укрепленные пункты Палестины. В храме «гроба господня» Фридрих сам возложил на себя корону Иерусалимского королевства без всякого церковного обряда. В это время папа всеми средствами возбуждал против Фридриха палестинских феодалов, особенно духовно-рыцарский орден тамплиеров; венецианцы по наущению папы напали на владения Фридриха в Сирии. В Италии папа двинул в его земли наемные войска, в Германии он вел через доминиканцев агитацию за избрание другого императора. Но Фридрих внезапно вернулся в Италию и расстроил планы папы, который был вынужден пойти на соглашение. В 1230 г. между обоими противниками произошло свидание. Они помирились (мир в Сан-Джермано). Жертвой их сговора стала Германия, где в угоду папе «свободомыслящий» Фридрих предоставил свирепствовать инквизиторам-доминиканцам, которых взял под свое особое покровительство. Церковь и государство делили между собою имущество сожженных еретиков.

Мир, однако, оказался непрочным. Новые попытки Фридриха подчинить себе ломбардские города вызвали вмешательство папы. Снова началась борьба, продолжавшаяся при преемнике Григория IX — Иннокентии IV. На соборе в Лионе папа торжественно отлучил Фридриха от церкви и объявил его низложенным. Папа объявил крестовый поход против императора и тратил на этот поход деньги, собранные с верующих на поход против мусульманского Востока. В борьбе против папы Фридрих широко использовал орудие политической публицистики. Он обратился ко всем государям Европы с предложением помочь ему против общего врага — папы. «Если папа одолеет римского императора, против которого направлены первые его удары, — писал он, — то ему нетрудно будет унизить остальных королей и князей. Поэтому мы просим вас помочь нам, чтобы мир знал, что при каждом нападении на светского государя страдает наша общая честь».

В разгар ожесточенной войны, охватившей Германию и Италию, Фридрих умер (1250 г.). Против его преемников папы при-

звали французов, используя соперничество между империей и французским королевством. Брат французского короля Людовика IX — Карл Анжуйский при поддержке папы захватил Южную Италию и Сицилию. В этой борьбе погибла династия Гогенштауфенов. Гибель Гогенштауфенов была в сущности концом могущества Священной Римской империи. Она продолжает существовать по имени до 1806 г. Остаются и ее претензии, но теперь они явно становятся смешными и жалкими.

Папа одержал победу. Он завоевал ее чужими руками — силами итальянских городов и призванных в Италию чужестранцев. Но притязания пап на мировое господство оказались столь же призрачными, как и властолюбивые мечтания императоров. В момент торжества пап над империей уже приближалась пора, когда самому папе придется уйти из Рима под покровительство французского короля.

Борьба между императорами и папами продолжается еще в XIV в. Но это борьба между бессильными императорами и папами, находящимися в «Авиньонском пленении». Походы германских императоров в Италию в XIV в. заканчиваются позорным провалом. Борьба императора Людовика Баварского с папой Иоанном XXII и его преемниками представляет интерес главным образом по той литературной полемике, которая была ею вызвана, где права светской власти отстаивались против папских притязаний крупными политическими мыслителями, как Марсилий Падуанский и Вильгельм Оккам.

Планы мировой монархии как императоров, так и пап рассыпались прахом. В итоге осталось лишь политическое распыление Германии и Италии. Не императору и не папе принадлежала решающая роль в собирании разрозненного феодального мира. Такую роль взяла на себя королевская власть, эта, по выражению Энгельса, представительница порядка в беспорядке, представительница образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства [1].

4. Агрессия немецких феодалов на Восток (IX—XV вв.)

Одну из самых черных страниц в истории международных отношений феодального периода представляет история германской агрессии на Восток. В своем наступлении на земли западных славян, пруссов, литовцев, латышей, эстов германские феодалы пользовались не только силой оружия, но еще больше предательской дипломатией. Не только кровью и железом, но и ложью, вероломством, коварством, различными методами вмешательства во внутренние дела соседей, натравливанием их друг на друга, подкупом осуществляли немецкие духовные и

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, изд. 1, стр. 445.

светские князья свои захваты, которыми впоследствии так гордились немецкие шовинисты.

Немецкие реакционные историки тенденциозно представляли «наступление» немцев на Восток (Drang nach Osten) как победоносное шествие более высокой культуры в отсталые страны. Новейшие исследования показали, что славянские страны к востоку от Эльбы и Заалы были довольно густо населены и отличались высоким уровнем экономического развития. Германское завоевание часто приводило к разорению этих стран. Не менее нелепо представлять немецкое наступление на Восток как осуществление «национальных задач» германской расы. О германской нации для того времени говорить вообще нельзя — она еще не сложилась. «Наступление» велось хищными князьями, епископами, купцами, искавшими своекорыстных выгод. Раздробленность западнославянских племен, отсутствие между ними единства, процесс феодализации, заставлявший нередко господствующие группы искать поддержки у немецких феодалов, — все это облегчало последним вмешательство в дела славянских племен и их подчинение. Немецкие феодалы всячески старались противодействовать созданию у славян сильных племенных объединений. Но там, где все-таки возникали значительные политические объединения, как в Чехии и Польше, немцам приходилось менять свою тактику и внедряться в эти страны другими методами.

Карл Великий и славяне

С VI в. западная граница славянского расселения проходила приблизительно по Эльбе и Заале. Начало наступления на эти земли иногда относят ко времени Карла Великого. Это не совсем верно. Главными врагами Карла на Востоке были германские племена саксов. В борьбе с ними Карл заключал соглашения с соседними славянскими племенами (ободритами); со своей стороны саксов поддерживали другие славянские племена — лютичи. В союзе со славянами Карлу удалось разгромить кочевников-аваров. Карлу приходилось оборонять свои границы от славянских соседей. Некоторые из ближайших к границе племен были в какой-то мере подчинены политическому влиянию франкского государя. Но утверждение биографа и горячего поклонника Карла — Эйнгарда, будто бы власть Карла распространялась до Вислы, совершенно фантастично. Во всяком случае при Карле западнославянские племена вовлекаются в орбиту внешней политики Франкского государства.

Великоморавская держава

В то время как Франкское государство после смерти Карла распадалось, на востоке от него сложилась сильная славянская Великоморавская держава. Ей пришлось иметь дело уже не с могучей империей Карла, а с «государством восточных

франков», которое потом стало называться Германией. Установившиеся между обоими государствами отношения характерны для дальнейшей дипломатической истории немецкого «наступления на Восток». Немецкий король стремится поддерживать непокорных вассальных князей в Великоморавии и разжигать распри среди членов правящего княжеского дома. В 846 г. первому королю Германского государства Людовику удалось свергнуть великоморавского князя Моймира и посадить на его место своего ставленника, племянника Моймира — Ростислава. Но расчеты Людовика не оправдались. Большинство великоморавских феодалов с Ростиславом во главе повели решительную политику, направленную на объединение западнославянских племен и на укрепление их оборноспособности. Тогда немцы выдвинули против Ростислава его племянника Святополка, с помощью которого Ростислав был захвачен и ослеплен. Место его занял Святополк. Вскоре и он был схвачен немцами, и Моравия подверглась оккупации немецкими войсками. Когда же страна восстала против немецкого владычества, Людовик хотел использовать Святополка для подавления этого восстания. Но он опять ошибся. Святополк соединился с восставшими, истребил немецкое войско и успешно продолжал войну с немцами, которым в 876 г. пришлось признать его самостоятельным государем. Святополку удалось на некоторое время создать большой союз западнославянских племен, в который вошли чехи, славянские племена по Эльбе, Одеру, Карпатам.

Одним из методов внедрения немцев в славянские земли и вместе с тем идеологическим «оправданием» этого внедрения была христианизация. В противовес христианизации, шедшей от немцев и подчинявшей славян немецкой католической церковной иерархии, великоморавские князья старались установить церковные связи с Византией. В 862 г. князь Ростислав обратился с этой целью к византийскому императору Михаилу III, который прислал ему миссионеров Константина (в монашестве Кирилла) и его брата Мефодия, пытавшихся организовать моравскую церковь с богослужением на славянском языке. Той травлей, которую подняло против их проповеди немецкое духовенство, использовавшее и доносы, и клевету, и фальшивки, и прямое насилие, руководил страх не только за церковные доходы, но и за политическое влияние. Усиленными интригами немецкому духовенству удалось добиться победы, но богослужение на славянском языке кое-где сохранилось в Чехо-Моравии; некоторое распространение имело оно и в Польше. В X—XI вв. чехо-моравская церковь поддерживала связь с русской.

Борьба на церковном фронте была лишь одним из эпизодов в усилиях немцев подчинить себе Великоморавию. Они поддерживали усобицы между сыновьями Святополка и использовали

эти усобицы для вторжений, страшно разорявших славянские земли. Окончательный удар Великоморавской державе нанесли призванные немцами венгерские племена (906 г.). Венгры завоевали словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. Другая часть Великоморавии отстояла свою самостоятельность и образовала Чешское княжество. Между Чехией и Киевской Русью установились дружеские отношения. «Был мир между ними и любовь», — говорит древнерусская летопись.

Наступление немцев на земли полабских и прибалтийских славян

В X в. немецкие маркграфы (правители пограничных областей) вели ожесточенную борьбу с полабскими славянами. Примером их дипломатии является «подвиг» маркграфа Герона, который заманил 30 славянских князей для переговоров и на пиру перебил их. В конце X в. произошло общее восстание полабских славян против германского ига. XI век — время восстановления славянской свободы и одновременно реставрации языческой религии. В религии отцов славяне видели символ свободы и независимости. Христианство несло им поборы и порабощение.

С XII в. начинается новая волна наступления немецких феодалов на земли полабских и прибалтийских славян. «Знаменитые» деятели этого наступления, немецкие князья с звериными кличками — Альбрехт Медведь из рода Асканиев и Генрих Лев из рода Вельфов действовали гораздо больше путем интриг и предательства, чем путем силы. Альбрехту Медведю, положившему основание Бранденбургской марке, ядру будущего Прусского королевства, путем интриг удалось добиться того, что последний славянский князь Бранденбургского (точнее, Бранибборского) княжества назначил его своим наследником. По имени этого княжества вся область от Средней Эльбы до Среднего Одера получила название Бранденбургского маркграфства. Здесь, на земле славянского племени шпревян, возник город Берлин.

Княжеский дом Асканиев, используя феодальные распри в Польше, постепенно отодвигал ее западные границы с Одера и его западных притоков на восток. Аскании выхлопотали права на славянское Поморье у императора Фридриха II, которому было все равно, кому ни раздавать чужие земли, лишь бы обеспечить себе в Германии спокойный тыл для захватнической политики в Италии. В борьбе за Поморье Аскании столкнулись с Данией, Тевтонским орденом и усилившейся к концу XIII в. Польшей, где они всячески поддерживали непокорных феодалов против укреплявшейся королевской власти.

Герцог Саксонский Генрих Лев вел наступление на земли ободритов. Здесь впервые был применен новый метод немецкой экспансии на Восток. Вдохновитель второго крестового похода Бернард Клервосский разрешил саксонским феодалам, вместо того чтобы идти в «Святую землю», отправиться в крестовый поход против язычников-славян, якобы для обращения их в христианство. Этот поход огромного крестоносного ополчения, к которому присоединились датчане с сильным флотом, окончился полной неудачей (1147 г.). После ряда попыток захватить землю ободритов Генриху Льву пришлось согласиться на закрепление ее за славянской княжеской династией — так возникло княжество Мекленбургское.

Для захвата и онемечения западнославянских земель германские феодалы применяли одинаковые методы — использовали раздробленность славян, натравливали отдельные племена друг на друга, разжигали княжеские усобицы; немцы просачивались в виде миссионеров, духовенства, монахов, грабительские и захватнические походы, сопровождавшиеся бесчеловечными жестокостями под предлогом христианизации язычников. Одним из методов экспансии и германизации было проникновение германских феодалов на службу к славянским князьям, захват ими влияния при дворах, организуемая при их посредстве немецкая городская и крестьянская колонизация.

Немцы и Чехия

Там, где немецкие феодалы встречались с сильными и сплоченными славянскими государствами, им приходилось изменять свою тактику. Так было дело с Чехией. Чехия вошла в состав Священной Римской империи, но она вошла в нее в качестве полноправного и даже привилегированного ее члена. Из всех князей империи один лишь чешский государь носил королевский титул и носил его наследственно. За ним было закреплено первое место среди курфюрстов. И все же связь со Священной Римской (по существу немецкой) империей создавала почву для постепенного нарастания немецкого влияния в Чехии. Немецкие феодалы постепенно внедрялись в Чехию, получали там земли, приобретали влияние при дворе. Немецкий язык, костюмы, обычаи прививались среди чешской аристократии. В Чехию устремилось немецкое духовенство, особенно монашество, за ним духовно-рыцарские ордены — тамплиеры, тевтоны, потом нищенствующие монашеские ордены, францисканцы и доминиканцы, по большей части состоявшие из немцев. Ведя близорукую политику, чешские короли, искавшие в немецких феодалах и духовенстве опору для своей власти, наделяли их землями и привилегиями. Духовенство, в большинстве немецкое, получило независимое от центральной власти положение. Его влияние было еще более усилено папами, учредившими в Чехии инквизицию (1257 г.).

Немецкая колонизация устремляется в чешские деревни и города, немцы овладевают богатейшей чешской горной промышленностью.

Немецкие феодалы ревниво следили за ростом экономической и политической мощи Чехии. Когда при Пржемысле II создалась обширная чешская держава, объединившая славянские земли от Богемских гор до Адриатики, немецкие князья устранили кандидатуру Пржемысла на императорский престол и даже не допустили его послов к выборам; они обязали выбранного ими императора (Рудольфа Габсбурга) отнять у Пржемысла его владения. Под ударами имперского оружия, поддержанного феодалами и немецким населением городов, держава Пржемысла понесла большие потери. Новый подъем политического влияния Чехии приходится на XIV в., когда при королях-императорах из дома Люксембургов Чехия становится «самым благородным членом Священной Римской империи» (Sancti Imperii membrum nobilius), не только как ее политический центр, но и как ее наиболее экономически передовая и самая культурная часть. Прага стала столицей империи. В Праге был основан первый в империи университет. Уже в это время чехи видят в немцах главных внешних и внутренних врагов. Стихотворная хроника Далимила говорит: «Немцы сначала притворяются кроткими, а когда расплодятся, то не заботятся о приютившей их стране, а ждут себе господина из своей земли». Немецкие колонисты в Чехии — феодалы, монахи, священники, городские богачи, владельцы рудников — стали постоянной угрозой для национальной независимости Чехии.

В начале XV в. в Чехии поднялось героическое национальное движение, получившее название гуситского по имени великого чешского патриота профессора Пражского университета и проповедника Яна Гуса. В своих проповедях Гус выступал не только против злоупотреблений богатой католической церкви и немецкого засилья, но и против феодальной эксплуатации крестьянства и угнетения городской бедноты. Его проповедь нашла широкий отклик среди чешского населения. Немецкие феодалы с императором Сигизмундом во главе и католическое духовенство были напуганы разгоравшимся движением и решили покончить с ним, устранив прежде всего самого Гуса.

В 1414 г. в Констанце открылся собор — собрание высшего католического духовенства. На соборе присутствовали представители университетов, богословы, юристы, послы королей католических стран и сам император Сигизмунд со своими советниками и придворными. Собор потребовал Гуса к ответу.

Германский император Сигизмунд, «этот жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр»[1], гарантировал Гусу неприкосновенность личности, чтобы заманить его на Констанцский собор, игравший роль не только верховного органа католической церкви, но и своего рода международного конгресса. На соборе Гусу не дали высказаться. Его бросили в тюрьму и под угрозой казни потребовали полного отречения от его взглядов. Император нарушил все прежние обещания и ничего не сделал, чтобы вырвать великого чешского патриота из рук разъяренных католиков. 6 июля 1415 г. Гус был сожжен. Но это гнусное преступление вызвало общее возмущение в Чехии и усилило начавшееся движение широких масс чешского народа.

Начались волнения среди крестьянства, угнетаемого феодальными повинностями, и в речах проповедников рядом с протестами против католической церкви зазвучали призывы к борьбе против светских феодалов и к истреблению господ. В 1419 г. началась «национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и власти германского императора» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. VII, стр. 275).

К крестьянам стала присоединяться городская беднота. К движению примкнули и зажиточные чешские горожане («бюргеры») и мелкие дворяне, даже часть крупных чешских феодалов. С самого начала в гуситском лагере оказалось два крыла. Чешские феодалы и состоятельные горожане видели в движении средство освободиться от засилья немцев и католической церкви и завладеть их землями и богатствами; крестьяне и городская беднота ставили своей целью освобождение от всякой эксплуатации и установление общего равенства и даже общности имущества. Первые получили название «чашников» (одним из их требований было причащение из чаши, которое у католиков являлось привилегией духовенства), вторых называли таборитами (по имени их укрепленного города Табора).

Гуситское движение было не только национально-чешским движением; его воспринимали как движение угнетаемых классов против их угнетателей, и потому оно получило отклик по всей Европе. Тем сильнее была ярость всех реакционных сил, во главе которых стояли немецкие феодалы и католическое духовенство. В 1420 г. папа Мартин V объявил крестовый поход против гуситов. К нему примкнуло главным образом немецкое рыцарство, но в ряды его устремились также рыцари из других стран, начиная с Испании и кончая Польшей. Такого многолюдного воинства давно не было видно в Европе. И все

[1] «Архив Маркса и Энгельса», Госполитиздат, 1939, т. VI, стр. 218.

же этот поход закончился полным провалом, как и четыре следующих крестовых похода, организованных папой и императором. Чешские революционные армии, состоявшие главным образом из крестьян, городской бедноты, воодушевленные патриотизмом и верой в торжество справедливости, наголову разбили закованных в железо рыцарей. Чехи перешли в наступление, совершали походы на немецкие земли, доходили до Балтийского моря. Всюду разносили они проповедь социального равенства, этот «чешский яд», как его называли враги.

Гуситы рассылали по всей Европе свои воззвания, которые доходили до Франции, Испании, Англии. Воззвания и особенно появление гуситских армий вызвали восстания крестьян и городской бедноты во многих деревнях и городах Германии и других соседних с Чехией стран — в Словакии, Венгрии, Польше. Из Польши отряды городской и сельской бедноты устремлялись на помощь чехам. Под знаменем гуситства началось движение в отдаленной Фландрии. Страх охватил феодалов и духовенство во всех европейских странах. С церковных кафедр неслись яростные проклятия гуситам. Но ни проклятия, ни оружие не могли сломить силу чешских революционных армий. Все неохотней солдаты «крестоносных» войск сражались против гуситов, нередко перебегали на их сторону.

Врагам гуситов пришлось обратиться к другому способу борьбы. Они воспользовались той рознью, которая существовала между правым и левым крылом гуситского движения. «Умеренные», вытеснив немцев и завладев церковными имуществами, боялись дальнейшего углубления революционного движения и были готовы искать соглашения с недавними врагами.

Путем дипломатических интриг европейской реакции, предводимой католической церковью, удалось внести раскол в ряды гуситов, отколов от него умеренных («чашников»). Собравшийся в 1431 г. Базельский собор вступил в переговоры с чашниками и в результате некоторых уступок заключил с ними соглашение. Это повело к окончательному расколу в среде гуситства, а вскоре и к разгрому его левого крыла («таборитов») при Липанах (1434).

Пятнадцатилетняя героическая борьба чешского крестьянства и городской бедноты закончилась поражением, как и другие антифеодальные восстания средневековья. Отобрание церковных имуществ и вытеснение немцев из городского управления было выигрышем лишь для чешских феодалов и зажиточных горожан. Но гуситское движение вызвало могучий подъем национального чувства и содействовало развитию национальной культуры Чехии. Оно вызвало рост революционных настроений в среде крестьянства и городской бедноты далеко за пределами страны. Переход Чехии во владение ос-

новной опоры социальной и религиозной реакции в Европе — австрийских Габсбургов (1526 г.) готовил новые тяжелые испытания для чешской нации.

Немецкие феодалы и Польша

Непрерывной борьбой с немецкими феодалами отмечена вся история средневековой Польши. Уже первым польским князьям пришлось отстаивать независимость своей страны от немцев. Используя наступившую в XII в. удельную раздробленность Польши, они постепенно оттесняют ее исконные границы с Одера и его западных притоков на восток, в бассейн Варты и Вислы. Немецкие и датские феодалы стремились оттеснить поляков от Балтийского моря.

Немецкие феодалы в Восточной Прибалтике

Немцы проникают и на восточные берега Балтики и укрепляются близ устья Западной Двины. Уже в XII в. немецкие купцы стали вести грабительскую торговлю с эстами и ливами и основывать фактории в их землях. За ними последовали немецкие проповедники, стремившиеся насаждать христианство и собирать налоги в пользу церкви всевозможными способами, не исключая насилия и обмана. С начала XIII в. немецкая колонизация Восточной Прибалтики приняла широкие размеры при деятельной помощи пап, рассчитывавших на новые источники влияния и дохода. Иннокентий III призвал христианское рыцарство к крестовому походу против ливонских язычников. Епископ Альберт основал в 1201 г. город Ригу и с благословения папы учредил новый духовно-рыцарский орден Меченосцев. Германский император Оттон IV дал епископу Рижскому в лен Ригу с ее областью (на которую у него не было никаких прав). В Прибалтику стало стекаться множество всякого рыцарского сброда, жаждавшего земельных захватов и легкого обогащения. Началось насильственное, сопровождавшееся кровавыми событиями, обращение местного населения (племен куров, ливов, эстов) в христианство. По обыкновению использовались распри между отдельными племенами, которые не сумели объединиться против общего врага. Немецкие феодалы старались натравливать одни племена на другие. «Если бы эти племена были единодушны, — отмечает Маркс, — то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон» [1].

В Восточной Прибалтике ввиду отдаленности от Германии немецкое завоевание не сопровождалось привлечением немецких крестьян-колонистов. Здесь вообще долгое время не было никакой хозяйственной эксплуатации захваченных земель, а был один лишь голый грабеж цветущей страны. Только с XIV в. завоеватели стали заводить крепостные поместья.

[1] «Архив Маркса и Энгельса», Госполитиздат, 1938, т. V, стр. 341.

Немцы в Пруссии

Почти одновременно с этим немецкие феодалы, опять-таки при деятельной поддержке пап, стали утверждаться на Нижней Висле, в земле литовского племени пруссов. Тот же Иннокентий III призвал христианское рыцарство к походу против язычников-пруссов. Мазовецкий князь Конрад пригласил на помощь против пруссов Тевтонский орден. Это было роковым шагом для Польши. «Тот день, — пишет французский историк Лависс, — когда Конрад Мазовецкий, признав свое бессилие, призвал тевтонских рыцарей против Пруссии, подготовил падение Польши». Дело было искусно оформлено гроссмейстером ордена Германом фон Зальца, одним из хитрейших дипломатов того времени. Во время ожесточенной борьбы между императором и папой он ухитрился быть в самых лучших отношениях и с Фридрихом II и с Григорием IX. Конрад Мазовецкий предлагал ордену Кульмскую землю. Герман согласился, но планы его были гораздо шире. Он исхлопотал у Фридриха грамоту на всю Прусскую землю, на которую у императора не было никаких прав и которую еще надо было завоевать. Не довольствуясь этим, Герман исхлопотал такую же грамоту у папы, который, кроме того, объявил крестовый поход против пруссов. На этих-то грамотах, мошеннически полученных политическим интриганом у двух врагов, германские империалисты пытаются основывать «исторические права» немцев на Пруссию. После первых успехов крестоносцев папа снова закрепил Пруссию за орденом, угрожая всем, кто осмелится посягнуть на права ордена, «гневом всемогущего и его апостолов Петра и Павла».

Пруссы оказали немцам отчаянное сопротивление, сломленное в конце концов превосходящими силами Тевтонского ордена. Папы проповедовали все новые крестовые походы, призывавшие в Пруссию, по выражению Маркса, *«новые потоки немецких грабителей и колонистов»* [1]. На страшное угнетение пруссы отвечали восстаниями. «...Тогда, — говорит Маркс, — начался вой попов и слащаво-шарлатанская болтовня по поводу «дикого варварства»; вследствие чего толпы немецких варваров-болванов двинулись в Пруссию» [2]. Цветущие области были превращены в пустыню.

Неудача немецкой агрессии против России

При поддержке папы Герману фон Зальца удалось осуществить слияние обоих духовно-рыцарских орденов — Меченосцев и Тевтонского. Хитрый дипломат использовал критическое положение, в котором находился орден Меченосцев, не ладивший с рижским епископом и терпевший неудачи в борьбе с русскими и литовцами. Слияние произошло

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 343.
[2] Там же, стр. 344.

на условиях подчинения ордена Меченосцев Тевтонскому (1237 г.). Владения объединенного ордена охватывали теперь большую часть южного и восточного побережья Балтийского моря. Используя тот страшный удар, который был нанесен России монгольским нашествием, объединенный орден замышлял агрессию на русские земли. С этой целью он вступил в соглашение с шведскими феодалами, которые должны были поддержать его с севера. Но Александр Невский расстроил эти планы, разбив сначала шведов на Неве (1240 г.), потом орденских рыцарей на льду Чудского озера (1242 г.). Дальнейшая агрессия на восток была остановлена. «Прохвосты были окончательно отброшены от русской границы» [1]. Но ордену удалось надолго отрезать Россию от Балтийского моря.

Тевтонский орден в Восточном Поморье

Орден стремился расширить свои владения на запад и захватить славянское восточное Поморье; здесь он встретил сильное сопротивление со стороны князя Святополка, который вступил в союз с восставшими пруссами. Десять лет шла борьба, во время которой, по словам немецкого хрониста, орденские рыцари начали думать о том, не лучше ли им уйти обратно в Германию. От окончательного поражения их спасли мазовецкие и кульмские князья, еще раз показавшие свою крайнюю политическую ограниченность.

Тевтонскому ордену все же удалось в конце концов завладеть Восточным Поморьем и его главным городом, важнейшим торговым портом Гданском (Данцигом). После смерти сына Святополка Мстивоя Восточное Поморье перешло к Польше. Но на него давно точили зубы маркграфы Бранденбургские. Они напали на Поморье и осадили Гданск. На помощь против них поляки призвали Тевтонский орден. Ордену удалось прогнать бранденбургские войска, но он поспешил занять поморские города своими силами; при этом было совершено предательское нападение на польские войска и вырезано население Гданска. За очищение занятых городов орден потребовал от поляков такую сумму, которую они не в силах были выплатить. Чтобы окончательно закрепить за собой Восточное Поморье, орден вступил в соглашение с Бранденбургом. Два разбойника, гроссмейстер и маркграф, решили между собой судьбу славянской земли, на которую ни один из них не имел никаких прав. Поморье осталось за орденом, маркграф получил 10 тысяч марок отступного. Польша потеряла вместе с Гданском выход к морю. Не решаясь на войну с орденом, польский король Владислав Локоток перенес спор на решение папского престола. Дело затянулось на много лет, так как орден не жалел денег на

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 344.

подкуп папских комиссий и судей. Наконец, в 1321 г. благодаря настойчивости польского уполномоченного епископа Герварда папа вынес решение, благоприятное для Польши и издал буллу, осуждавшую орден. Ему было предложено возвратить Поморье Польше и уплатить большую сумму в виде вознаграждения за убытки. Но орден, столько раз получавший поддержку от пап, не обратил внимания на папское решение, несмотря даже на отлучение, которому его подверг папа.

Борьба Тевтонского ордена с Польшей и Литвой

Угнездившись на берегах Балтики, Тевтонский орден создал постоянную военную угрозу для Польши и Литвы. Он вел с Польшей непрерывные войны, во время которых выжигались польские города и деревни, вырезывалось население. Если орден постоянно допускал вероломные нарушения мира с католической Польшей, то он совершенно не стеснялся с языческой Литвой, полагая, что по отношению к язычникам все позволено. На Литву предпринимались набеги, не вызванные ничем, кроме желания пограбить и поохотиться на людей, которых потом продавали в рабство. Эти набеги служили своего рода развлечением для авантюристов и искателей приключений, которые съезжались ко двору гроссмейстеров ордена. В их числе мы встречаем знатных и даже коронованных особ из разных стран Европы, в том числе будущего короля Англии Генриха IV, графа Уорвика, венгерского короля, герцогов австрийских, не говоря уже о множестве немецких князей и князьков.

Разгром Тевтонского ордена

Одной из важнейших внутренних причин, которые привели к ослаблению ордена, было его соперничество с торговыми городами, расположенными на его территории, и особенно с Гданском. Города искали поддержки у соседней Польши. Внешней причиной, приведшей к падению ордена, было сближение его соседей, больше всего страдавших от его грабительских набегов — Польши и Литовско-Русского государства, закрепленное в 1385 г. личной унией (в результате брака между польской королевой Ядвигой и литовским великим князем Ягайло). В 1410 г. орден потерпел от соединенных сил поляков, литовцев и русских страшное поражение при Грюнвальде. В Грюнвальдском сражении принимал участие и чешский отряд под предводительством Яна Жижки, прославившегося впоследствии в гуситских войнах. Патриоты Польши и Чехии, одновременно боровшиеся с немцами, понимали общность своих интересов и не раз делали попытки наладить тесный союз. Вожди гуситов предлагали чешскую корону польскому королю Ягайле, а после его отказа великому князю литовскому Витовту, главному герою грюнвальдской победы. Император Сигизмунд, поддер-

живавший Тевтонский орден против Польши и Литвы, поспешил расстроить планы чехов, обязавшись не помогать ордену, если Польша и Литва не будут помогать Чехии.

Орден не мог больше оправиться от нанесенного ему поражения. Не помогла и его изворотливая дипломатия. Тщетно искал он помощи у папы, у императора, у «вселенских соборов», которые в это время старались укрепить расшатанный авторитет католической церкви и выступали в роли международных конгрессов. Под объединенными ударами Польши и восставших городов Тевтонский орден принужден был признать себя побежденным и отказаться от политической самостоятельности. По Торунскому миру 1466 г. Польша получила обратно поморские земли с Гданском, Кульмскую землю и часть Пруссии. Остальные земли, оставшиеся за орденом, стали вассальным владением Польши. Гроссмейстер ордена обязался приносить присягу польскому королю и лишался права самостоятельно заключать союзы и объявлять войну. Наступление немцев на Восток было остановлено.

5. Дипломатия Франции XII—XV вв.

Укрепление феодальной монархии

В Англии, во Франции, в Испании, в Северо-Восточной Руси постепенно укреплялась феодальная монархия, по мере роста экономических связей и отчасти под ударами внешних военных сил объединявшая разрозненные феодальные области. Перед монархической властью в складывавшихся национальных государствах Европы стояли сложные задачи как внутренней, так и международной политики. Для разрешения этих задач феодальным монархам приходилось вырабатывать свои приемы войны и дипломатии. В противоположность мечтам о всемирном господстве папы или императора их цели были реальны и осуществимы. Усвоив многие из приемов, переданных византийской, императорской и папской традицией, они выработали свою гибкую и трезвую дипломатию, сыгравшую немалую роль в создании национальных государств нового времени.

Классической страной роста королевской власти, постепенно торжествующей над феодальной раздробленностью, была Франция. Короли из дома Капетингов медленно и упорно укрепляли свою власть сначала в своем небольшом домене, потом и в других областях Франции, постепенно ослабляя власть Плантагенетов на континенте. Настоящим основателем сильной монархии во Франции был Филипп II Август, отнявший у Иоанна Безземельного большую часть его французских владений и присоединивший их к французской короне.

При его внуке Людовике IX (прозванном «святым») Франция стала одним из самых сильных и влиятельных государств в Европе.

Упрямо воинственный, крайне неосмотрительный и неумелый в заморских предприятиях во время крестовых походов, Людовик IX в европейских делах действовал, однако, довольно успешно. Споры и недоразумения с соседними государствами он предпочитал улаживать не силой оружия, а дипломатическими средствами. Так, желая положить конец притязаниям арагонских королей на некоторые французские провинции, а главное, чтобы помешать Англии найти себе союзников в их лице, Людовик путем взаимных уступок ликвидировал спорные вопросы между Францией и Арагоном. Тем же способом урегулировал он и свои взаимоотношения с Кастилией. Уступками закончил он и победоносную войну против Генриха III Английского, пытавшегося вернуть английской короне ее владения во Франции, утраченные при Иоанне Безземельном. Но при этом в Парижский договор 1259 г., согласно которому Генрих III принес Людовику IX вассальную клятву за герцогства Гиэнь и Гасконь, «Святой», однако не лишенный дипломатического коварства, французский король внес ряд пунктов, дававших ему широкую возможность ущемлять интересы своего английского вассала. И когда французские бароны упрекали Людовика IX за его чрезмерную уступчивость по отношению к английскому королю, Людовик, как об этом свидетельствует старинная хроника, им ответил: «Мне кажется, я делаю хорошее употребление из того, что даю ему, ибо он не был моим вассалом, а теперь он им стал». И действительно, Людовик IX добился дипломатическим путем того, чего он, может быть, не смог бы добиться оружием. Его преемники широко использовали возможности Парижского договора: в оговорках и ограничениях уже заложены были взрывчатые элементы Столетней войны.

При Людовике IX Франция благодаря ослаблению Германской империи в борьбе с папством и внутренним раздором в Англии заняла преобладающее положение в Европе. Это обстоятельство немало содействовало приобретению Людовиком IX в феодальной Европе репутации «беспристрастного судьи». Людовик IX постоянно выступал в качестве посредника при улажении разных феодальных распрей. Особенно известно его выступление в роли арбитра, когда к нему обратились за посредничеством как Генрих III, так и коалиция восставших против английского короля баронов с Симоном де Монфором во главе. В произнесенном в Амьене приговоре Людовик IX, в памяти которого еще так свежи были воспоминания о восстаниях собственной знати, имевших место в его малолетство, решил

дело в пользу короля. Впрочем, в данном случае вмешательство Людовика оказалось безуспешным.

К посредничеству Людовика IX обращался и германский император Фридрих II Гогенштауфен в своей борьбе с папой Иннокентием IV, но папа решительно отклонил арбитраж французского короля. Положение французского короля между папой и императором было весьма щекотливым, однако при всем своем пресловутом благочестии Людовик IX не обращал ни малейшего внимания на отлучение и низложение Фридриха II Иннокентием IV и поддерживал дружеские отношения с императором, с которым был связан рядом интересов. Собираясь в свою египетскую экспедицию, Людовик IX просил Фридриха II помочь крестоносцам получить продовольствие в Сицилии и в ответ на любезное согласие императора отправил ему письмо, в котором называл его «своим превосходным и дорогим другом, августейшим императором, королем Сицилийским и Иерусалимским».

Дипломатические сношения с монгольскими ханами

Ко времени царствования Людовика IX относятся первые попытки завязать дипломатические отношения Франции с могущественными монгольскими ханами. Наслышавшись, будто бы монголы готовы принять христианство, Людовик отправил в 1253 г. с миссионерскими целями монаха Рубруквиса к хану Мунке. Во избежание возможной неудачи миссии не был придан характер королевского посольства. Рубруквис должен был говорить, что отправился по приказанию главы своего ордена. Еще за несколько лет до того папа Иннокентий IV посылал к монголам с такой же миссией монаха Плано Карпини. Оба монаха оставили весьма ценные описания своих путешествий. Плано Карпини, ехавший через Южную Русь к Батыю, а оттуда переправленный к главному хану в Монголию, шел еще по свежим следам недавнего нашествия монголов и собственными глазами мог видеть чудовищные разрушения, произведенные ими на Руси. Когда Карпини и его спутники добрались до кочевья Батыя на левом берегу Волги, то, прежде чем допустить ко двору хана, их заставили пройти между двумя очистительными огнями. Раньше чем войти в ставку Батыя, они должны были, стоя на коленях, выслушать наставление о том, чтобы, вступая в шатер, ни в коем случае не задеть порога. Войдя в шатер, они, также на коленях, произнесли речь и передали хану послание папы, прося толмачей для его перевода. Толмачи были им даны. Когда перевод был сделан, он был представлен Батыю, который, по словам Карпини, «читал и внимательно отметил его». Не принимая сам никакого решения, Батый отпустил посланцев дальше к главному хану, которому, собственно, и была

направлена грамота Иннокентия. Через несколько недель быстрой езды Карпини добрался до ставки Гуюка, избрание которого в верховные ханы — в императоры, как выражается Карпини, — происходило как раз в это время. Карпини описывает пышный церемониал выборов, на которых присутствовало множество подвластных монголам государей, в том числе великий князь владимирский Ярослав, вскоре умерший в ханской ставке, по-видимому, от яда. Там были сыновья грузинского царя, посол багдадского халифа, в общем, по словам Карпини, более 4 тысяч послов с разнообразными богатыми дарами. Папских послов не скоро допустили к хану. Наконец, Карпини был проведен к Гуюку, с которым ему пришлось говорить через посредника, ибо «у татарских императоров в обычае, что они никогда не говорят с иностранцем собственными устами, как бы он ни был знатен». После нескольких аудиенций Карпини было вручено ответное письмо Гуюка к папе. С ним он и вернулся в Европу.

Любопытно отметить, что Плано Карпини собрал обширную информацию об организации военного дела у монголов и способах ведения ими войны, весьма важную для европейских государств с точки зрения подготовки к ожидавшемуся новому нашествию монголов.

Рубруквис ехал по другому маршруту, чем Карпини. Но и он добрался сперва до Батыя, отправившего его вместе со спутниками опять-таки к верховному хану, которым был в это время Мунке. После многих мытарств Рубруквис добрался до ставки хана, где провел некоторое время, изучая нравы монголов, споря с идолопоклонниками об «истинной религии», рассуждая с ханом о вере. Но остаться в Монголии для проповеди христианства Мунке не разрешил ему и отослал обратно с грамотой, адресованной Людовику IX. Хитрый хан, отлично раскусивший, что Рубруквис и спутники являются не просто монахами-миссионерами, предлагал Людовику прислать к нему настоящих послов: «Таким образом, мы удостоверимся, желаете ли вы иметь с нами мир или войну». Заканчивал хан свое письмо недвусмысленными угрозами, что в случае войны европейцам придется плохо.

Миссия Рубруквиса закончилась безрезультатно, однако попытки установить дипломатические отношения между Францией и монголами на этом не прекратились. В 1288 г. к внуку Людовика IX Филиппу Красивому явилось посольство от монгольского хана Аргуна, одного из потомков Чингис-хана, владевшего Ираном и рядом соседних областей. Терпя от вторжений египетских мамелюков, Аргун предлагал французскому королю военный союз для сокрушения Египетско-Сирийского

султаната и отвоевания Иерусалима в пользу христиан. Посол Аргуна Раббан-Саума отмечает в своих мемуарах, что по поводу предложения хана Филипп IV ему ответил: «Если монголы, которые ведь не христиане, готовы бороться, чтобы захватить Иерусалим, то тем более оснований вступить в борьбу нам. Коли богу будет угодно, мы двинемся с армией». Но богу, очевидно, это было неугодно, ибо, несмотря на все увещания наши и заверения Филиппа, дело дальше проектов крестового похода не пошло. У Филиппа, как замечает один исследователь, было только одно желание — под предлогом крестового похода конфисковать земли, принадлежавшие духовно-рыцарским орденам.

Филипп IV и Бонифаций VIII

Переписка с монгольскими ханами была только эпизодом в сложной дипломатической деятельности Филиппа IV, в правление которого были заложены основы всей дальнейшей французской дипломатии. Царствование Филиппа IV отмечено большим количеством переговоров, которые имели целью либо территориальные приобретения, либо, наоборот, предотвращение войн. Все это содействовало развитию и усовершенствованию французской дипломатии. Она стала играть весьма важную роль, подготовляя выгодные союзы, вызывая к жизни мощные коалиции. Раньше дипломатические сношения Франции с иностранными государствами сводились к редким и кратковременным миссиям. Переговоры велись большей частью устно. Лишь при Филиппе заведены были письменные дипломатические сношения, и посольства стали частым явлением. И во внешней политике, как и во внутренней, Филипп IV следовал советам своих легистов, по большей части дотоле безвестных адвокатов, извлеченных им из небытия и всецело обязанных ему своим продвижением по служебной лестнице. Это были главным образом мелкие рыцари или выходцы из буржуазии, свежеиспеченные дворяне. С помощью этих юристов, в большинстве случаев получивших свое образование в юридических школах Италии и Франции и ставших искусными защитниками королевских интересов, Филипп IV старался осуществить свои широкие международные замыслы. Он проводил их в жизнь прежде всего с помощью дипломатического искусства, а не оружия. Король любил придавать своим захватам внешне законную форму. Именно поэтому такое широкое распространение при Филиппе IV получили судебные процессы. Почти каждое крупное предприятие в царствование Филиппа IV принимало форму процесса. Его сутяги-юристы, действуя под разными наименованиями — «королевских нотариусов», «рыцарей короля», «людей короля» — и допуская беззакония при отстаивании интересов короля, неизменно прикрывались видимостью закона. Со времени Филиппа IV ведут свое происхождение традиции коро-

левской канцелярии. При составлении договоров обычно присутствовали нотариусы, формулировавшие их содержание в ясной письменной форме, свидетельствовавшие подписи и пр. Договоры составлялись обычно на латинском языке, переговоры же обыкновенно происходили по-французски. Начали уточняться и принимать более устойчивый характер и внешние формы переговоров. И если нередко представители знати и видные прелаты продолжали возглавлять посольства, то подлинными дипломатами, практическими вершителями дипломатических дел являлись эти незнатные королевские юристы и нотариусы, рука которых видна во всех международных переговорах.

Дипломатическим путем были разрешены сицилийский и арагонский вопросы, которые достались в наследие Филиппу IV от его отца, Филиппа III Смелого. Любопытно, что для улажения их был даже созван в 1291 г. в Тарасконе настоящий международный съезд — нечто вроде конгрессов нового времени, — на котором присутствовали представители папы, французского, английского, неаполитанского и арагонского королей и где обсуждались общеевропейские дела.

Далеко не так мирно протекали другие начинания Филиппа IV, царствование которого было одним из наиболее бурных в истории французской монархии.

В царствование Филиппа IV (1285—1314) значительно продвинулся процесс объединения Франции и укрепления в ней центральной власти. Этот процесс происходил на почве развития производительных сил, роста сельского хозяйства, городов, промышленности и торговых связей между отдельными частями страны. В объединении и усилении королевской власти были заинтересованы обширные круги мелкого и среднего дворянства, складывавшаяся буржуазия. Королевская власть создала централизованный аппарат управления, располагала большими денежными средствами, поступавшими в казну от сбора налогов, и многочисленным войском. Франция стала сильной феодальной монархией.

Рост централизованного государства приводил Францию к столкновению с папством, которое, одержав победу над Священной Римской империей, продолжало властно вмешиваться в дела европейских государей, претендовать на господство в Европе и «во всем мире». Но теперь перед папством стояли крепнувшие феодальные монархии, и в первую очередь Франция, политические задачи которых были не только осуществимы, но настоятельно выдвигались и всем ходом исторического развития Европы. Эти монархии стремились не только освободиться от вмешательства папства в их дела, но и подчинить себе церковь и сделать ее орудием своей политики.

Крупнейшими событиями правления Филиппа IV, раскрывшими его дипломатические таланты и упорство в достижении поставленных целей, были столкновения с папой Бонифацием VIII. Последний был избран папой в декабре 1294 г., когда ему минуло 76 лет, и через несколько дней после того, как он «оформил» совершившееся под его нажимом, далеко не добровольное отречение своего предшественника, Целестина V. Последовало необычайно пышное возведение в сан нового папы, в то время как 80-летний Целестин для вящего спокойствия своего преемника был заточен им в крепость, где и закончил свои дни. Уже это знаменательное начало деятельности нового папы показало, каким способным выучеником римской курии, посвященным во все интриги папского двора, был Бонифаций VIII. Начав скромным каноником, Бонифаций сумел стать под конец одним из влиятельнейших кардиналов и основательно разбогатеть. Этот надменный старик известен был своей неиссякаемой энергией и непреоборимым упрямством, которых не укротили годы. Петрарка писал о нем, что он не знал «владыки более неумолимого, которого трудно сокрушить оружием, а склонить смирением или лестью невозможно». В отстаивании идей папского верховенства Бонифаций превзошел даже таких самовластных пап, как Григорий VII и Иннокентий III. Но его попытки расширить круг государств, находившихся в вассальной зависимости от пап, его властное вмешательство с этой целью во все международные дела того времени — сицилийские, шотландские, тосканские, венгерские, польские — неизменно заканчивались крахом. В лице Бонифация VIII папство померялось силами с окрепшей королевской властью и потерпело в этой борьбе решительное поражение.

Конфликт Филиппа IV с Бонифацием прошел несколько этапов. Первое столкновение началось из-за жалоб французского клира на налоги, возложенные на него Филиппом для военных нужд. Таких прецедентов было немало в прошлом, и проходили они для королевской власти безболезненно, но Бонифаций разразился по этому поводу грозной буллой Clericis Laicos, запрещавшей под страхом отлучения светским государям облагать духовенство какими бы то ни было налогами, а духовенству уплачивать что-либо без папского разрешения. Это запрещение означало удар по одному из основных прав монарха. В ответ на это запрещение Филипп IV прибег к решительному средству: в 1296 г. специальным указом был запрещен вывоз золота и серебра из королевства, и тем самым римская курия лишилась всех поступлений из Франции. Последовала резкая полемика: возмущенные послания папы и анонимные памфлеты поборников королевских интересов, положившие начало антипапской публицистике времен Филиппа IV.

Однако Бонифацию VIII пришлось проявить на этот раз сговорчивость. Новая булла (Etsi de statu) знаменовала полную победу королевской власти: содержала формальный отказ папы от прежних требований, королю предоставлялось право в случае необходимости требовать от духовенства субсидий и давался ряд других льгот. Эта уступчивость непомерно властного папы вызвана была крайне затруднительным положением, в котором он оказался в Италии, где над ним тяготела двойная опасность: это, с одной стороны, требовавшая огромных средств война с притязаниями Арагонского дома на Сицилию, с другой, борьба с представителями могущественного рода Колонна, поднявшими в ответ на репрессии против них Бонифация вопрос о его незаконном избрании папой. Для Бонифация опаснее всего было объединение Колонна, бежавших от его преследований ко двору Филиппа IV, с французским королем.

В течение нескольких лет Филипп IV держал папу под постоянной угрозой союза с его злейшими врагами в Италии — Колонна и другими приверженцами Целестина V и вместе с тем изредка оказывал папе денежную помощь, которая так необходима была тому в войне с Арагонским домом в Сицилии. И самовластный папа вынужден был затаить свои притязания.

Но ко времени празднования церковью юбилейного 1300 г., которое должно было поразить мир папским могуществом, отношения Бонифация с Францией опять разладились. В то время как Филипп IV держал подле себя наготове отъявленных врагов папы и в том же направлении действовали ближайшие советники короля — легисты, в частности посланный в 1300 г. во главе французского посольства в Рим Гильом Ногарэ, Бонифаций, опьяненный успехами юбилея, в самой вызывающей форме выдвинул притязания на верховную власть и в мирских делах. «Наместник Христа — римский епископ, — высокомерно заявлял он флорентийцам, — поставлен над царями и царствами, ему принадлежит главенство над всеми людьми. Перед этим верховным владыкой воинствующей церкви все верующие, каково бы ни было их положение, должны склонить выю». Французская королевская власть в лице Филиппа IV не могла примириться с папскими притязаниями на верховенство. В 1301 г. прежний спор об обложении духовенства вырос в общий спор о правах папского престола и французского короля. В поводах к конфликтам недостатка не было: на этот раз таким поводом оказалось дело папского легата, посланного к Филиппу за сбором денег для крестового похода и задержанного во Франции. Бонифаций со всей необузданностью своего темперамента вмешался в это дело. Грозно предъявив требование об освобождении своего легата, Бонифаций VIII лишал француз-

ского короля права собирать какие бы то ни было налоги с духовенства и запрещал французскому клиру платить что-либо королю без разрешения папы. Но, не ограничиваясь этим, Бонифаций не преминул воспользоваться случаем, чтобы в другой булле провозгласить свои излюбленные идеи. «Господь, налагая на нас обязанности апостольского служения, — широковещательно начиналась она, — поставил нас выше королей и императоров, чтобы мы от его имени вырывали с корнем и уничтожали зло, созидали и насаждали добро». И в соответствии с этим папа далее обвинял Филиппа IV в захвате церковного имущества, в тиранических действиях и других проступках и объявлял о своем решении созвать французское духовенство на церковный собор, который должен был открыться в Риме 1 ноября 1302 г. и куда Бонифаций предлагал явиться королю самому или в лице своих уполномоченных. «Впрочем, — заканчивалась булла, — мы не преминем провести его и в случае вашего отсутствия. И вы услышите божий приговор, произнесенный нашими устами».

Против этих-то столь энергично и вызывающе сформулированных папских угроз и домогательств и восстала королевская власть в лице Филиппа IV. Дело шло о столкновении «вселенской» власти пап с национальной монархией. Предстояло решить, кто возьмет в этой борьбе верх. Последовала искусная кампания против папы, организованная знаменитыми легистами, ближайшими советниками короля. Были пущены в ход фальшивки: вымышленные папские буллы и вымышленные же ответы на них короля. Эти фальшивки принимались многими за чистую монету и достигали своей цели. Играя на национальных чувствах, руководители кампании — легисты представляли дело как стремление Бонифация превратить Францию в вассальное государство. Не остановившись вовремя, а борясь с этой волной национального чувства, Бонифаций совершил роковой просчет.

По повелению короля в апреле 1302 г. были созваны впервые в истории Франции Генеральные штаты. Легист Пьер Флот произнес на них от имени короля ловкую демагогическую речь, целый обвинительный акт против Бонифация, особенно напирая на необходимость отстоять независимость короля. Королевская власть, отстаивая принципы национальной монархии, сумела объединить вокруг себя дворянство, третье сословие и даже большинство духовенства, как ни щекотливо было его положение между папой и королем. Штаты поддержали линию короля. Тогда Бонифаций, ободренный поражением, понесенным Филиппом IV в июле во Фландрии при Куртрэ (см. ниже), ответил на это, своего рода теократическим манифестом, знаменитой буллой Unam Sanctam, в которой сформулирована была папская программа-максимум. Католическая церковь, заявлялось

в ней, имеет-де только одно тело и одну голову, она не есть чудовище о двух головах, ее главой является Христос и наместник Христа... Есть два меча — духовный и светский. Духовный меч находится в руках папы, светский — в руках государей, но государи могут пользоваться им лишь для церкви, сообразно с волей папы. «Духовная власть должна ставить земную власть, и судить ее, если она уклонилась от пути истинного...» И булла заканчивалась словами: «Мы заявляем и провозглашаем... что во имя спасения всякая тварь должна быть подчинена папе».

Таким образом, подчинение папе объявлялось догматом веры, и не только непокорный Филипп, но и весь французский народ объявлялся лишенным спасения, если он не подчинится воле Бонифация VIII. Папа явно зашел слишком далеко: ни королей, ни народы нельзя было уже запугать анафемами. Зарвавшийся папа только облегчил своим злейшим врагам их задачу. Составлен был план захватить Бонифация в его резиденции и представить на вселенский собор, который его низложит. Была проведена соответствующая обработка общественного мнения: по всей Франции были разосланы эмиссары короля, которые должны были убедить подданных в правильности действий Филиппа, популяризировать возведенные на папу обвинения и требование о созыве собора. «С большими денежными суммами и векселями», — как отмечает Маркс в «Хронологических выписках», Ногарэ в сопровождении других эмиссаров направился в Италию, где буквально под боком у папы был соткан заговор. В него были втянуты все обиженные папой: феодалы Папской области, города; не побрезговали и просто наемниками. То обстоятельство, что эта пестрая рать с большой легкостью проникла в папскую резиденцию в Ананьи и завладела папой, наглядно показало отсутствие у Бонифация всякой базы, всякой поддержки в Италии. Последовало неслыханное унижение папства. Бонифаций подвергся тягчайшим оскорблениям. Легист Ногарэ позаботился придать насилию над папой «законную» форму: он объявил Бонифацию об его аресте и остался сторожить его, окруженный своей шайкой. Эта сцена увековечена глубоковерующим Данте в следующих строках его «Божественной комедии» [1]:

«Я вижу, как в Ананьи входят лилии, и Христа, захваченного в лице его наместника. Я его вижу снова обреченным на позор. Я вижу, как ему подают уксус и желчь и как он умирает между двумя разбойниками».

В действительности Бонифаций умер примерно через месяц. Притязания пап на верховенство потерпели решительное поражение в борьбе с королевской властью. Важным последствием

[1] Даем в прозаическом переводе.

борьбы Филиппа IV с Бонифацием VIII было еще и то, что Филипп впервые установил прецедент обращения с апелляцией на папские решения ко вселенскому собору, который ставился таким образом выше папы. Этой идее — по-видимому, тоже поданной легистами — суждено было впоследствии сыграть крупную роль как во время раскола в Западной церкви, так и несколько веков спустя.

Кратковременный понтификат преемника Бонифация VIII, Бенедикта XI, показал всю глубину унижения, в которое было ввергнуто папство. Никому не внушавший страха, но сам всех боявшийся, Бенедикт XI погиб, отведав отравленных свежих фиг, услужливо поданных ему переодетым монахиней посланцем Ногарэ; именно в этот день папский суд должен был заочно судить Ногарэ. Но чтобы полностью завершить торжество королевской власти, надо было посадить на папский престол француза, креатуру Филиппа IV. Эта роль и была уготована бордоскому архиепископу, ставшему папой под именем Климента V на вполне определенных условиях, заранее продиктованных Филиппом IV. Сделка эта знаменовала не только политическое торжество королевской власти. Моральное торжество Филиппа было увековечено в булле Климента V, признавшей «рвение» Филиппа в споре с Бонифацием «хорошим и справедливым» (zelum bonum et justum). Этими словами папство само подписало себе приговор: отныне папы стали, по выражению Маркса, «подручными» французских королей. Перенесение через несколько лет папской резиденции в Авиньон было лишь символическим выражением подлинного пленения папства. Папство явно находилось на ущербе: на него надвигалась грозная тень великого раскола.

В своей продолжительной войне с Фландрией Филипп старался играть на той внутренней борьбе, которая происходила во фландрских городах: там стремившаяся к власти цеховая верхушка объединилась с фландрским графом, между тем как стоявший у власти патрициат вступил в союз с французским королем. Наиболее драматическим моментом в войне Филиппа с Фландрией было восстание фландрских цехов, вспыхнувшее в таких промышленных городах, как Брюгге, Гент и Ипр, против французского владычества. В знаменитой «битве шпор» при Куртрэ цеховые ополчения фландрских городов нанесли жестокое поражение французским рыцарям. Вся Фландрия была очищена от французов. Но вскоре Филипп предпринял новый поход во Фландрию. В конце концов ему удалось в результате не столько военных действий, сколько ловких дипломатических маневров навязать Фландрии в 1305 г. тяжелый мир: под видом залога на свои военные издержки Филипп присоединил к Франции ряд фландрских городов (Лилль, Дуэ, Бетюн и др.).

Этот мир, в течение долгого времени не признававшийся фландрскими городами, явился в дальнейшем источником нескончаемых споров между Фландрией и Францией. После поражения при Касселе в 1328 г. Фландрия должна была заплатить французскому королю огромную контрибуцию, взамен которой указанные города были присоединены к Франции.

К концу правления Филиппа IV обнаружились его притязания на господство над всем известным тогда в Европе миром. Франция стала к этому времени самой могущественной державой в Европе: папская власть была повержена, Германская империя утратила всякое влияние, ее князья находились одни на жалованье у Филиппа, другие — у английского короля. С Англией Филиппа IV связывал союз, заключенный, наконец, в 1303 г. с Эдуардом I после длительной борьбы и закрепленный браком дочери Филиппа IV Изабеллы с наследником английского престола, будущим Эдуардом II. Члены Капетингской династии правили в Неаполитанском королевстве и в Наварре.

Французская дипломатия проявляла необычайную активность и лелеяла широкие захватнические планы. В отличие от своих предшественников Филипп IV устремляет взоры на границы своего восточного соседа, политика захватов разных входивших в состав империи пограничных владений делается при нем традиционной. Надо сказать, что пограничная полоса между Францией и Германией кишела множеством лишь формально зависевших от империи больших и малых феодальных княжеств, между которыми шли нескончаемые пограничные споры. Стоило в этих распрях кому-нибудь из них опереться на империю, как немедленно другая тяжущаяся сторона обращалась за помощью к Франции. Правители этих княжеств, например Арльского королевства или лотарингских владений, наперебой торговали союзными узами. Для игравшей выдающуюся роль во всех международных столкновениях того времени французской дипломатии здесь было широкое поле деятельности. Тактикой королевской дипломатии в этих областях было всегда иметь в них свою франкофильскую партию, «доверенных» людей, и при подходящем случае, который она зорко подстерегала, присоединять то или иное владение. Французское влияние просачивалось во все спорные области франко-германской границы, в лотарингские владения, в Лион, признавший окончательно в 1312 г. суверенитет французского короля, в Валансьен, горожане которого восстали против своего графа и заявили требование «принадлежать французскому королевству».

В правление Альбрехта Австрийского во время свидания его с Филиппом IV в Вокулере имели место, как утверждают, секретные переговоры: Филипп втайне обязался якобы доставить Альбрехту императорскую корону и помочь сохранить ее в

наследственном владении Габсбургского дома, взамен чего Альбрехт должен был уступить Филиппу IV обширные территории — левый берег Рейна и долину Роны. Каково бы ни было действительное содержание секретных переговоров в Вокулере, они не оставляют сомнений в том, что левый берег Рейна и программа широких территориальных захватов стояли уже в поле внимания французской дипломатии.

Со смертью же Альбрехта Австрийского, убитого в 1308 г., замыслы французской дипломатии приняли еще более грандиозные очертания. Филипп IV не стал домогаться императорского титула для самого себя, сознавая неосуществимость такой затеи, но он не преминул выставить претендентом на императорскую корону своего брата, Карла Валуа. Сколь ни эфемерен стал в течение последнего полустолетия императорский титул, но в сочетании с французской королевской короной он, даже в руках Карла Валуа, закрепил бы за Францией неоспоримую гегемонию в Европе.

Очень показательны в этом отношении дошедшие до нас французские великодержавные планы, нарисованные современниками Филиппа IV, являвшимися рупором определенных общественных кругов. Неутомимый сочинитель проектов, известный легист Пьер Дюбуа, рассматривая в своем трактате «De recuperatione Terrae Sanctae» основные проблемы тогдашней международной политики и отводя роль всемирного монарха французскому королю, намечает следующую программу. Описав сначала, как папство стало послушным орудием в руках короля, и оценив это порабощение как величайшее благо для пап, Дюбуа горит желанием обеспечить за Францией левый берег Рейна или на худой конец Прованс, Савойю и получить те права, которыми располагала империя в Ломбардии и Венеции. Через династические связи французский король будет держать в руках Италию и Испанию. «Тогда, — заключает свои заветные мысли Дюбуа, — Филипп стал бы из Франции руководить европейской политикой... Он восстановил бы внутреннее спокойствие в Германии и Италии и после того мог бы повести под своим знаменем все западные народы на завоевание Палестины».

Но этим мечтам о французской гегемонии в Европе не суждено было сбыться. Перспектива всемирной монархии Капетингов была слишком большой опасностью для всех ее соседей. Против этого ополчились все, и в первую очередь германские князья и даже прирученный, укрощенный папа Климент V. Их совместными усилиями планы французской дипломатии были провалены, и на германский престол был возведен не Валуа, а никому не страшный Генрих Люксембургский.

Первые попытки французской гегемонии кончились крахом, но идеи французской экспансии за счет империи вошли в арсенал французской внешней политики, и еще 400 лет спустя Людовик XIV продолжал оспаривать куски имперской территории, отхваченные Филиппом IV.

Столетняя война

Переломным моментом в политическом развитии Франции явились события Столетней войны. В 1328 г. прекратилась династия Капетингов, и на престол взошла боковая ветвь в лице Филиппа VI Валуа. Права на французский престол заявил также Эдуард III Английский, внук Филиппа IV по женской линии. Однако его притязания были отвергнуты, благо имелись уже прецеденты, когда дочери не были допущены к занятию престола (как это произошло после смерти старшего сына Филиппа IV, Людовика X, в 1316 г. и его брата, следующего короля, Филиппа V, в 1322 г.), и можно было сослаться на установившийся обычай, исключавший женщин из наследования королевского престола. Внешне покорившись и принеся даже ленную присягу за Гиэнь, Эдуард III, тонкий политик и дипломат, стал копить силы для предстоящей борьбы с французским королем, с которым его разделяли не столько династические, сколько весьма сложные политические и экономические интересы, и в частности фландрские дела. Он реорганизовал и улучшил военное дело и, кроме того, стал искать себе союзников, не жалея на это денег.

Началась необычайно сложная дипломатическая игра, в которую постепенно оказались втянутыми почти все главные силы тогдашней Европы — папа, германский император, короли шотландский, сицилийский, кастильский, многочисленные владетельные князья. На стороне Филиппа VI были папа, граф Фландрский, которому он помог расправиться с восставшими против него городами, и король шотландский; согласно установившейся со времен Филиппа IV традиции, французские короли помогали шотландским в их борьбе с Англией. Это был один из неизменных козырей французской дипломатии при ее столкновениях с Англией. Союз с Шотландией, искусно созданный Филиппом Красивым и оказавшийся столь полезным для Франции во время Столетней войны, продержался вплоть до XVII в. Эдуард III со своей стороны также развернул целую систему союзов. Так, за 300 тысяч флоринов он привлек на свою сторону германского императора Людовика Баварского, находившегося под отлучением. Подобным же образом он купил помощь графов Голландии, Геннегау и Зеландии, герцога Брабантского, графа Гельдернского, маркграфа Бранденбургского, архиепископа Майнцского и ряда других второстепенных князей. Богатые и могущественные фландрские города, озлобленные против своего графа и против французов и заинтересован-

ные в получении английской шерсти, высказались в пользу благожелательного по отношению к Эдуарду III нейтралитета. Впоследствии этот нейтралитет превратился в открытую помощь. Тогда Филипп VI заявил о конфискации Гиэни. В ответ на это Эдуард III объявил Филиппа VI узурпатором и возобновил свои притязания на французскую корону. Попытки посредничества со стороны папы не привели ни к чему: в 1338 г. начались военные действия. Эдуард III объявил себя королем Франции.

Столетняя война закончилась в 1453 г. изгнанием из Франции англичан, у которых из всех их владений и завоеваний остался только важный порт Кале. Из испытаний этой войны и сопровождавшей ее разрухи и разорения Франция вышла более единой и крепкой, первая явив образец тех национальных монархий, которые возникли на рубеже средних веков и нового времени.

Но к этому моменту на восточной окраине Франции выросло могущественное Бургундское государство, герцог которого играл предательскую роль по отношению к Франции в самые критические моменты Столетней войны. Карл VII, при котором Франция освободилась от английских оккупантов, не чувствовал себя еще достаточно сильным, чтобы вступить в борьбу с этим восточным соседом. Однако король подготовлял уже ту систему союзов, которая была необходима для борьбы с бургундским герцогом и независимыми князьями внутри самой Франции. Осуществление этой задачи выпало уже на долю его сына Людовика XI.

Людовик XI и его дипломатия

При Людовике XI (1461—1483) в основном завершилось объединение Франции. На почве экономического объединения, образования единого рынка, связавшего разрозненные области в одно целое, произошло и политическое объединение, создавшее почву для национального государства. Если монархию Людовика XI еще нельзя вполне назвать абсолютной монархией, то во всяком случае в ней уже сложились все предпосылки абсолютизма. Но на этом пути королевской власти предстояло преодолеть немало препятствий, и дипломатия играла тут не меньшую роль, чем военная сила. Людовика XI нередко называют родоначальником современного дипломатического искусства. И действительно, этот король был непревзойденным дипломатом не только для своего времени.

Ни один государь до Людовика XI не относился столь презрительно к рыцарской военной славе. Людовик XI не любил войны: он не доверял военному счастью, страшась потерять в случае неудачного сражения в один день плоды долголетних усилий. Дипломатия была излюбленным орудием Людовика XI.

В борьбе со своими многочисленными врагами он по возможности старался избегать лобовой атаки, будучи глубоко убежден в том, что хитрость лучше, чем сила. Одной из основных черт Людовика XI была склонность к интриге. Как отмечает его историограф Коммин, Людовик XI «день и ночь оттачивал все новые замыслы». Ссорить своих врагов, создавать им тысячи препятствий, неожиданно выступить в роли арбитра между ними и добиться таким образом в нужный момент перемирия или мира — такова была тактика Людовика XI.

Какой-то особой вкрадчивостью и тонко разыгранной сердечностью этот черствый, искусный притворщик умел обольщать и очаровывать людей. «Это была сирена», — пишет о нем бургундский хронист Молинэ, а миланский посол Малета, зорко наблюдавший за дипломатической игрой Людовика, сказал о нем: «Похоже на то, как будто король всегда жил и воспитывался в Италии». Малета был прав. Еще будучи дофином и непрерывно интригуя против своего родного отца, смерти которого он так нетерпеливо дожидался, Людовик в течение ряда лет вел тайные переговоры с Венецией, Флоренцией и Миланом. Благодаря этому постоянному общению с итальянцами и особенно с Франческо Сфорца, которого Людовик считал образцом искусного дипломата, этот способный ученик в совершенстве усвоил манеры и методы итальянских дипломатов и в первую очередь их гибкость, умение приспособляться к обстоятельствам, их склонность к сложной интриге, коварству, обману — свойства, которые объяснялись сложностью дипломатических задач, стоявших перед итальянскими городами-государствами с их торговыми и банкирскими связями в странах Европы и Востока и сложным переплетом политических интересов внутри Италии. Людовик XI был ловкий соблазнитель. Он не брезговал ничем, чтобы добиться расположения людей, в которых нуждался. Как пишет Коммин, великолепно изучивший характер своего государя, никто так не старался «склонить на свою сторону человека, который мог быть ему полезен или способен был ему повредить. Он отнюдь не смущался первым отказом человека, которого пытался расположить, но упорно продолжал начатое дело, осыпая его щедрыми обещаниями и действительно давая ему деньги и должности, которые должны были его соблазнить». Скупой по природе, Людовик бывал щедр под давлением политической необходимости. Он был глубоко убежден в том, что всякого человека можно купить и что в этом отношении нет никакой разницы между английским королем Эдуардом IV и его, Людовика, брадобреем, а когда нужно, то и палачом, шпионом и вором, пресловутым Оливье де Дэне.

Людовик XI был в курсе всех государственных дел, вникал во все и понимал, что в политике нет ничего неважного. Он тратил большую часть своего времени на то, чтобы разузнать о нужных ему людях и обстоятельствах, чтобы самому знакомиться с положением дел и с людьми, отдавал приказания, измышлял политические комбинации и находил время для оживленной переписки со своими «добрыми и верноподданными городами» и целой массой как высокопоставленных, так и совсем незнатных людей. «Ни один человек, — пишет о нем Коммин, — так не прислушивался к людям, не расспрашивал о стольких вещах, не хотел знать стольких людей, как он. И, действительно, он знал всех значительных, пользовавшихся влиянием людей в Англии, Испании, Португалии, Италии, Бургундии и Бретани так же, как своих подданных». Людовик держал у себя на службе разветвленную шпионскую сеть, вел многочисленные досье, в которых хранил тайны, раскрытые им, купленные или украденные. Будучи самым разносторонним образом осведомлен о делах и людях, Людовик XI мог благодаря этому использовать обстоятельства и предвидеть события.

Любопытно, как вел себя Людовик со своими дипломатами. Он делал вид, что дает им полную свободу при ведении переговоров, просил их не спрашивать у него слишком часто советов и лишь держать его в курсе всего, что они предпринимают. Но особенно настаивал король на исчерпывающей информации, когда дела шли негладко. Так, он пишет одному своему советнику: «Когда дела идут хорошо, меня надлежит лишь извещать, но когда они идут плохо, то я полностью должен быть в курсе дела, чтобы вовремя помочь». В этом смысле интересны дипломатические переговоры, которые велись в конце 1480 г. между Людовиком XI и Максимилианом Габсбургом. Людовик дает своим послам директиву: «Действуйте, как вам покажется нужным». В действительности же он руководит каждым их шагом. Он решительно высказывается против ведения переговоров в больших собраниях. «Господа, вы дураки, — пишет он своим послам, — если думаете, что подобные дела надо решать на большом собрании... Там, где много народу, всегда держатся очень заносчиво и много запрашивают, да к тому же перед таким стечением народа было бы стыдно признаться, что нуждаются в чем-нибудь».

Особенно советует Людовик своим послам подкупать слуг своих врагов. Он считает даром неба искусство преуспевать в этом деле. Эта система Людовика в совершенстве усвоена была главным дипломатом Людовика Коммином, который сформулировал ее следующим образом: «Послы не выходят из рамок своих обязанностей и не злоупотребляют своим долгом, предаваясь шпионажу и торговле совестью». По мнению Людовика,

больше всего дипломатические усилия его послов должны быть направлены к тому, чтобы обмануть врагов.

Особенно предостерегает король своих дипломатов, чтобы они не давали себя провести. Когда во время вышеупомянутых переговоров его послы были обмануты человеком, к которому отнеслись слишком доверчиво, Людовик в совершенном исступлении писал им: «Вы же видите, кровавые собаки, что ему нельзя доверять, верьте только тому, что вы сами увидите». И король заключает свое послание следующим выразительным наставлением: «Они вам лгут. Ладно! Лгите им больше». В этой проповеди заключена важнейшая суть дипломатии, как ее понимал Людовик XI.

Людовику было 38 лет, когда он вступил на французский престол. Серьезнейшим испытанием дипломатических талантов Людовика в первые годы его правления была борьба с образовавшейся против него обширной коалицией феодальной знати, так называемой Лигой общественного блага. Душой Лиги был герцог Бургундский Карл Смелый, который использовал недовольство крупных феодальных владетелей Франции абсолютистскими тенденциями Людовика. «Я так люблю Францию, — заявлял Карл Смелый, — что предпочел бы иметь в ней шесть государей вместо одного». И действительно, подлинной целью Лиги было всеми средствами закрепить раздробление страны на уделы. Чтобы справиться с этой опасностью, Людовик уступил Геную Франческо Сфорца и приобрел в нем хитрого и ценного союзника. Этот искушенный кондотьер дал Людовику совет, которым и направлялась вся борьба короля с Лигой. «Разделите своих врагов, — сказал ему Франческо Сфорца, — временно удовлетворите требования каждого из них, а затем разбейте их поодиночке, не давая им возможности объединиться». Совет пришелся Людовику по вкусу. Вступив в переговоры со своими врагами, Людовик, как пишет Маркс, «старался перехитрить этих субъектов, пуская в ход дипломатию, вызывая раздоры и т. д.; сумасшедший осел Карл... оказывал ему в этом большую помощь... Чтобы избавиться от этих субъектов, рассорить их и обмануть каждого в отдельности, Людовик XI согласился на все деспотические требования союзников, стремившихся поделить между собой всю Францию». В октябре 1465 г. Людовик заключил мир в Конфлане с герцогом Бургундским и особый договор с остальными союзниками в Сен-Море. Этими договорами фикция общественного блага была разоблачена до конца: во время мирных переговоров каждый из восставших вассалов, забыв об общественном благе, хлопотал лишь о том, чтобы урвать себе большую часть добычи. «Общественное благо, — ядовито замечает Коммин, — превратилось в частное благо».

Теми же методами — золотом, подкупами, шпионажем и нескончаемой сетью интриг, которую так искусно умел плести этот, по выражению хрониста, «всемирный паук» («araignée universelle»), — Людовик пользовался в борьбе с другими своими противниками. Так, он сумел отвлечь от чрезвычайно опасного для него союза с Карлом Смелым английского короля Эдуарда IV, купив его щедрой ежегодной рентой. Людовик зло посмеивался над тем, что англичане надменно называли эту ренту данью, и платил, кроме того, тайные пенсии министрам и фаворитам Эдуарда, заявляя, что война с Англией стоила бы Франции дороже. Коммин рассказывает, что в Парижской счетной палате хранились квитанции всех английских пенсионеров Людовика, за исключением главного камергера Гастингса: его пришлось долго упрашивать, прежде чем он перешел на содержание французского короля, так как находился уже на жалованье у герцога Бургундского. Но Людовик легко вышел из положения: узнав, что Гастингс получает от герцога пенсию в 1 тысячу экю, Людовик согласился платить ему 2 тысячи экю. Сделка состоялась. При этом Гастингс выговорил себе условие, что деньги будут вручаться ему без расписок. «Я не желаю, — заявил он, — чтобы говорили, что главный камергер был пенсионером французского короля, или чтобы мои квитанции были найдены в его счетной палате».

Такими же путями Людовик купил себе союз швейцарцев, заключив так называемый «вечный союз» с восемью кантонами, из которых тогда состояла Швейцарская федерация. Как пишет Маркс, «этот договор был основой всех соглашений, заключавшихся между Францией и Швейцарией до самой французской революции; он обеспечил за Францией... право вербовать швейцарскую пехоту, а за швейцарцами ежегодную дань от Франции».

Обеспечив себе нейтралитет Англии и натравив на Карла Смелого швейцарцев, Людовик добился гибели своего главного соперника и крушения бургундского могущества. Путем интриг, вероломства, а иногда и открытой войной Людовик завладел значительной частью бургундского наследства. Таков был финал франко-бургундской тяжбы, в которую втянута была почти вся Европа.

Правление Людовика XI, имевшее столь важные последствия для объединения Франции, оказало огромное влияние на развитие европейской дипломатии. Методы Людовика XI совершенно изменили весь характер и формы европейской дипломатии. Людовик еще в первые годы своего правления сумел оценить, какое большое значение для правительства имеют хорошие дипломатические кадры. Известны имена свыше 70 лиц, являвшихся дипломатами Людовика XI. Число же его тайных

эмиссаров, которые сыпали пригоршнями золото повсюду, где можно было получить информацию или всякую иную помощь, было огромно.

Людовик не только сильно расширил число дипломатических миссий, которые направлялись им в различные страны, но и сделал их пребывание там более длительным. Особенно стремился Людовик превратить временные дипломатические сношения в постоянные представительства при дворах, в которых был наиболее заинтересован, как, например, в Бургундии и Англии. Со своей стороны и те страны, в которые Людовик посылал свои представительства, вынуждены были оформить у себя посольское дело и выработать систему своей внешней политики. Вскоре ни одно государство, ни один двор не могли уже обходиться без разработанной дипломатической службы. Это, разумеется, было сделано не сразу. Во всяком случае дипломатический механизм, заведенный Людовиком XI, побудил связанные с ним европейские государства приступить к организации дипломатического дела на тех основаниях, на каких оно уже давно существовало в Италии и в частности в Венеции, перенявшей его у Византии. Следует отметить, что тенденция Людовика XI сделать ведение дипломатических сношений монополией государства и лишить своих могущественных вассалов права дипломатического представительства была заимствована у него и другими европейскими государями.

В то же время Людовик очень боялся чужих дипломатических представителей у себя в стране, видя в них шпионов и соглядатаев. Однако он считал их неизбежным злом и разработал сложные правила, чтобы по возможности обезопасить себя от их любопытства.

Дипломатические правила Людовика XI были возведены в стройную систему Филиппом Коммином.

«Отнюдь небезопасное дело, — пишет Коммин, — отправлять и принимать большое количество посольств. Очень часто дело идет при этом о многих дурных вещах. Тем не менее необходимо и отправлять их и принимать. Те, кто прочтет эти строки, могут спросить, какие же я знаю средства против этого?.. Так вот, что бы я сделал. Я был бы за то, чтобы оказывать наилучший прием посольствам, исходящим от подлинных друзей, в отношении которых нет оснований для подозрений...» Но все же они не должны оставаться подолгу, «ибо дружба между государями недолговечна. Если же тайные или явные послы исходят от государей, ненависть которых такова, как я наблюдал постоянно между всеми сеньорами... то, по моему мнению, это весьма небезопасная вещь. С ними, разумеется, нужно хорошо обходиться и принимать их с почетом; их следует встречать, удобно размещать, приставлять к ним для сопровождения ум-

ных и надежных людей. Это является делом честным и верным, ибо таким образом можно узнать, кто к ним приходит, и помешать легкомысленным и недовольным людям сообщать им сведения. Я бы стоял за то, чтобы по возможности скорее их выслушивать и отсылать назад, так как мне кажется очень опасным держать у себя врагов... И за одного посла, которого враги нам дают, я бы им послал взамен двух. Я позаботился бы и о том, чтобы такому послу было скучно и чтобы он просил не посылать его больше, ибо нет лучшего и более верного шпиона, лучшего соглядатая и собирателя слухов. К тому же при наличии нескольких наших послов при чужих дворах они могут следить друг за другом, чтобы кто-нибудь из них не вел разговоров с посторонними лицами. Мудрый государь всегда старается иметь какого-нибудь друга у своего врага... Скажут, пожалуй, что ваш враг может этим возгордиться. Ну и пусть! Зато таким путем можно получить больше сведений, что весьма важно, ибо преуспевающие всегда в чести».

6. Дипломатия Италии XII—XV вв.

Международные связи Италии

Настоящей родиной современной дипломатии, по мнению большинства исследователей, является Италия. Несмотря на то, что в Италии раньше, чем в остальной Европе, стали развиваться города и начали складываться капиталистические отношения, эта страна продолжала оставаться раздробленной. Города Северной и отчасти Средней Италии подчинили себе окружающие территории и стали городами-государствами. Они играли крупнейшую роль в экономической жизни Европы, были посредниками в торговле с Востоком. В них развивалась промышленность, рассчитанная на вывоз как в Среднюю и Северную Европу, так и на Восток. Они стали важнейшими центрами банкового дела. Внутри каждого из этих городов кипела напряженная политическая жизнь; обостренная классовая борьба приводила к непрестанным столкновениям и частой смене правительств и политического режима. Среди итальянских городов выдвигаются мощные политические центры, как Венеция, Генуя, Милан, Флоренция. Но ни один из этих центров не был достаточно силен, чтобы подчинить себе остальные. В то же время ни один из них не был достаточно заинтересован в объединении Италии. Внутренний рынок Италии был незначителен. Главные интересы торговых и промышленных городов Италии и ее банкиров лежали за пределами страны. Захват новых рынков, торговое соперничество на суше и на море не сближали, а разъединяли итальянские города.

Середину полуострова занимало папское государство. Бессильные объединить Италию, папы были достаточно сильны, чтобы помешать ее объединению кем-нибудь другим. Южная Италия и Сицилия были политически отделены от остальной страны. Здесь сначала утверждается государство норманнов; оно сменяется владычеством Гогенштауфенов, потом господством Анжуйской династии и, наконец, Арагона. Неаполь и Сицилия политически связываются не с Италией, а с Испанией.

В течение всего средневековья и еще долго потом Италия распадалась на ряд соперничавших между собой государств. Они то воевали друг с другом, то заключали союзы и создавали всякого рода политические комбинации против какого-нибудь общего врага из итальянских же государств или против иноземцев, зарившихся на богатый полуостров. Посольства, переговоры, соглашения были необходимым дополнением к военной силе. В конце концов они привели к той системе «равновесия», которая стала впоследствии образцом для крупных европейских монархий. В Италии находилась резиденция папского двора, этого церковного центра католической Европы, с его бесчисленными международными связями и сношениями.

Организация консульской службы

Итальянские города вели оживленную торговлю с разными странами, в частности с Ближним Востоком. Поэтому, естественно, должны были возникать органы, которые защищали бы на чужбине интересы итальянских купцов. Итальянские торговые города — Венеция, Генуя, Пиза и др. обеспечили защиту интересов своих граждан за границей путем организации консульской службы. В этом отношении важнейшую роль сыграли крестовые походы и основание крестоносцами своих государств в Сирии и Палестине. Крестоносцы получали немалую помощь от Венеции, Генуи, Пизы. Силами этих городов было завоевано побережье Леванта с его гаванями, которые играли огромную роль в восточной торговле. За это итальянским городам была предоставлена крупная доля в добыче. Пизанцам достались главные выгоды в княжестве Антиохийском и в графстве Триполи, венецианцам и генуэзцам — в Иерусалимском королевстве. Они получили по кварталу почти в каждом городе и образовали целый ряд итальянских колоний, которые пользовались особым управлением и были изъяты из общей системы администрации и суда. Во главе итальянских колоний стояли особые должностные лица из итальянцев же, носившие сначала титул «виконтов» (vicecomites), со своими трибуналами или куриями. С конца XII в. появляется общий глава для всех венецианских колоний в Иерусалимском королевстве — байюло (baiulus); во главе генуэзских колоний ставятся два консула. Пизанцы назначают сначала трех консулов, потом

одного. Все они живут в столице Иерусалимского королевства — в Акре. Эти представители, как правило, посылаются из метрополии и выбираются там так же, как и прочие должностные лица итальянских республик. Но иногда они выбирались и населением самой колонии. Между местными властями и итальянскими консулами нередко происходили столкновения. Попытки иерусалимских королей, а также графов Триполи и князей антиохийских нарушить привилегии итальянцев вызвали с их стороны жалобы папе, который пригрозил нарушителям отлучением. Разграничение прав между местными властями и консулами в конце концов определялось договорами. Обычно уголовная юрисдикция, особенно по важнейшим делам, оставалась в руках местной власти. В руках итальянских консулов сосредоточивались гражданская и особенно торговая юрисдикция по делам их соотечественников. Примеру итальянцев последовали торговые колонии, основанные на Востоке купцами Прованса и Каталонии. Положение дела не изменилось, когда крестоносцы были вытеснены из Сирии и Палестины, и власть там перешла в руки мусульман. Подобные же колонии были и в других городах Востока — у итальянцев, особенно у венецианцев. У венецианцев были две фактории в Александрии. Во главе их колоний стоял консул, который имел право на десять ежегодных аудиенций у султана. На Кипре имели свои консульства Генуя, Пиза, Монпелье, каталонские города. В Константинополе издавна были итальянские колонии. Глава венецианской колонии, константинопольский байюло, выполнял важные дипломатические поручения республики и, таким образом, представлял собой одновременно и консула и посла Венеции в Константинополе.

После взятия Константинополя турками венецианская колония сохранила свое самоуправление и своего байюло с его административными и судебными функциями. Он стал одновременно постоянным дипломатическим представителем Венеции при дворе султана.

Флорентийские дипломаты

Италия, и особенно Флоренция, поставляла дипломатов даже для иностранных государств. Когда папа Бонифаций VIII устроил в 1300 г. первый юбилейный год, то среди многочисленных послов, прибывших в Рим от разных народов, оказалось 12 флорентийцев, которые представляли не только свой родной город, но являлись дипломатическими представителями также Франции, Англии, Венгрии, Сицилии и т. д. В связи с этой универсальностью флорентийцев папа назвал их шутя «пятой стихией». В длинном списке блестящих дипломатов — флорентийцев мы встречаем такие всемирно известные имена, как

Данте, Петрарка, Боккаччо в XIV в., Макиавелли и Гвиччардини в начале XVI в.

Венецианская дипломатия

Если среди дипломатов других итальянских государств и не было таких выдающихся людей, как Данте и Макиавелли, то все же среди них было немало известных фигур. Так, в Милане в середине XV в. во главе герцогства стоял Франческо Сфорца, может быть лучший дипломат своего времени, наставник Людовика XI в тайнах итальянского дипломатического искусства. Среди пап было немало блестящих дипломатов — достаточно назвать Григория VII и Иннокентия III. Среди венецианских дипломатов стоит вспомнить дожа Энрико Дандоло, этого изумительно энергичного 90-летнего старика, который сумел превратить четвертый крестовый поход в блестящую «торговую операцию» *(Маркс)*, заложившую основы всего дальнейшего могущества Венеции. Но для республики св. Марка характерны не отдельные дипломаты, как бы талантливы они ни были, а вся система, вся организация дипломатического дела, создавшая из Венеции, как выражались, «школу, мастерскую дипломатии» для всего мира. Купеческая олигархия, крепко захватившая власть в Венеции, внесла и в дипломатическое дело тот дух тайны и ревнивого недоверия и в то же время ту систематичность и целеустремленность, которыми было проникнуто все ее государственное управление.

Венеция переняла у Византии методы и приемы ее дипломатии, но подняла их на новую ступень, в соответствии с условиями торгового города, отличными от византийской монархии. Все способы обольщения, подкуп, лицемерие, предательство, вероломство, шпионаж были доведены до виртуозности. Какую комедию разыграл, например, во время четвертого крестового похода лукавый слепец, дож (пожизненный правитель Венеции) Дандоло, чтобы отклонить крестоносцев от похода на Египет! Крестоносное ополчение собралось на островках венецианской лагуны. Надо было заплатить венецианцам огромную сумму за перевозку войска и за его снабжение. Но наличных денег и собранной в дополнение к ним золотой и серебряной утвари баронов оказалось далеко не достаточно. Тогда Дандоло выступил на народном собрании с речью, в которой указал, что крестоносцы не в состоянии заплатить всей суммы и что венецианцы, собственно, вправе были бы удержать полученную часть денег. «Но, — патетически воскликнул он, — как посмотрит на нас весь мир? Каким позором покроемся мы и вся наша страна! Предложим им лучше следующую сделку. Венгерский король отнял у нас город Зару (Задар) в Далмации — пусть эти люди отвоюют ее нам, а мы дадим им отсрочку для уплаты».

Предложение Дандоло было принято. В одно из ближайших воскресений, во время богослужения, собравшего в церкви св. Марка множество венецианцев и крестоносцев, Дандоло опять обратился к народу с речью. В ней, прославляя возвышенную цель крестоносного ополчения, он заявлял, что хотя он и стар и слаб и нуждается в отдыхе, но сам возьмет крест и отправится с крестоносцами. Тут, пишет участник и летописец четвертого крестового похода, наивный Виллардуэн, «великая жалость охватила народ и крестоносцев, и немало пролилось слез, ибо этот славный человек имел полную возможность остаться: ведь он был очень стар, и хотя имел красивые глаза, но ровно ничего ими не видел». Плакал не только народ, но рыдал и опустившийся на колени перед алтарем старый хитрец, которому нашивали в это время крест. Отлично известно, к чему привело в дальнейшем крестоносное рвение Дандоло. Ему удалось направить силы крестоносцев против главной торговой соперницы Венеции — Византии. Константинополь и большая часть остальной Византийской империи были захвачены крестоносцами. Венецианцы получили огромную часть добычи, и их дожи прибавили к своему титулу звание «господина одной четверти и одной восьмой Римской империи».

А через три века жертвой лукавства венецианцев оказался уже не простодушный деревенщина, вроде «крестоносных неотесанных князей» *(Маркс)*, а опытный французский дипломат, ученик Людовика XI. Международная обстановка в это время была очень напряженной. Молодой честолюбивый Карл VIII предпринял свой знаменитый итальянский поход, открывший новую главу в политической истории Западной Европы (1494 г.). В связи с этим Карл VIII отправил в Венецию — лучший наблюдательный пункт за политической жизнью Италии, да и не одной только Италии — умного и наблюдательного Филиппа Коммина. Коммин рассказывает, как уже задолго до прибытия в Венецию, в подвластных ей итальянских городах, его принимали с большим почетом. У первых лагун его встретили 25 знатных венецианцев, облаченных в дорогую пурпурную одежду. По прибытии в Венецию он был встречен новой группой вельмож в сопровождении послов герцога Миланского и Феррарского, которые приветствовали его речами. На следующий день его принял дож, после чего его опять возили по разным достопримечательным местам в Венеции, показывая ему дворцы, церкви, коллекции драгоценностей. Так в течение восьми месяцев его непрерывно занимали празднествами, концертами и всякого рода развлечениями, а в это время плелась сложная интрига: подготовлялся союз против Карла VIII, куда вошли Венеция, Милан, папа, германский император и испанский король. Послы всех этих держав собрались в Венеции.

Слухи о намечающемся союзе стали распространяться по всему городу. У Коммина появились подозрения, что ему «говорят одно, а делают другое». В сеньории, куда Коммин обратился за разъяснениями, отделались ничего не значащими фразами, а дож посоветовал ему не верить тому, что говорится в городе, ибо в Венеции, по его словам, всякий свободен и может говорить все, что хочет. Дож добавил к этому, что сеньория вовсе и не помышляет о создании союза против французского короля: о таком союзе здесь никогда не слыхивали, наоборот, имеют в виду составить лигу против турок, привлекши в нее французского короля, испанского короля и германского императора. Так эта комедия тянулась до получения известий о крупнейшем успехе французов — взятии Неаполя Карлом VIII. Коммин еще не имел сведений об этом, когда его пригласили в сеньорию, где он застал несколько десятков вельмож и дожа, страдавшего припадком колик. Тем не менее, дож сообщил ему о полученном известии с веселым лицом, но, замечает Коммин, «никто другой из всей этой компании не умел притворяться так искусно, как он». Другие сидели озабоченные, с понурыми лицами, с опущенными головами. Коммин сравнивает действие полученной новости с эффектом, который произвело на римских сенаторов сообщение о победе Ганнибала при Каннах. Этот громкий успех Карла VIII ускорил переговоры о создании лиги против французского короля. Разногласия, все еще существовавшие между ее участниками, были спешно устранены, и через короткий срок после своего визита в сеньорию Коммин был опять приглашен туда ранним утром. Дож сообщил ему о союзе, заключенном пятью державами якобы против турецкого султана. Усиленно подчеркивая чисто оборонительный характер союза и слова «сохранение мира», которые фигурировали в договоре, он предложил Коммину сообщить об этом французскому королю. «Члены сеньории высоко держали головы и ели с большим аппетитом. У них, — замечает с горечью Коммин, — совершенно не было того вида, который они имели в тот день, когда сообщили мне о взятии неаполитанской крепости». Коммин простодушно рассказывает затем, как в этот день послы союзников проехали под звуки музыки в 40 гондолах под окнами занимаемого им помещения, причем миланский посол даже сделал вид, что незнаком с Коммином. Он описывает разукрашенный и иллюминованный город и то, как он вечером одиноко катался в гондоле мимо дворцов, где происходило пиршество, но куда он не был приглашен.

Венеция имела представителей в многочисленных государствах, с которыми была связана торговыми и политическими отношениями. Наряду с этими официальными лицами на службе республики был огромный штат секретных агентов и шпионов.

Как и Византия, Венеция особенно охотно пользовалась услугами монахов и женщин, имевших возможность проникать туда, куда не было доступа другим. В ряде случаев венецианцы использовали и врачей для секретных целей. Так, они доставили медиков молдавскому и валашскому воеводам, а также в ряд других стран. Врачи эти отправляли в Венецию настоящие дипломатические, политические и экономические отчеты о странах, где протекала их деятельность. Венецианские посольства располагали, кроме того, в большинстве стран так называемыми «верными друзьями», что означало на дипломатическом языке того времени специальный вид секретных агентов. Посольства могли требовать от них отчетов, их использовали для доставки секретной корреспонденции и других поручений. Агенты эти действовали различными способами: то это были переодетые монахи, то странствующие пилигримы. Некоторые из них были прикреплены к посольствам, и их посылали в разные страны для получения информации. Нередко таким «верным другом» бывал какой-нибудь щедро оплачиваемый местный житель высокого или, напротив, совершенно незнатного социального происхождения. В пограничных областях Венеция использовала специальных «разведчиков» — exploratores.

Если сеньория считала нужным выслушать самого агента, то его переодетым пропускали во дворец дожа и вводили в особые апартаменты.

Интересно отметить, что итальянские банки, столь многочисленные во Франции, являлись для своей родины в такой же мере политическими, как и финансовыми агентствами. Например, представители дома Медичи в Лионе содержали своего рода осведомительное бюро о политических делах во Франции. Венецианцы отличались особым умением использовать в дипломатических целях своих купцов. Нередко бывало, впрочем, что венецианские посольства получали информацию и от приезжих иностранных купцов и от других иностранцев, включая иностранных студентов.

Венецианское правительство широко практиковало систему тайных убийств, щедро платя за них. Достаточно привести такой характерный пример. В июне 1495 г. некий делла Скала, изгнанный из Венеции, предложил сеньории поджечь пороховой склад Карла VIII, а также с помощью «некоторых надежных и верных средств» добиться смерти короля. Венецианский совет единодушно и горячо приветствовал это «лояльнейшее» предложение делла Скалы, обещав ему помилование и большое вознаграждение. Но, поразмыслив, кандидат в цареубийцы нашел свое предприятие делом весьма нелегким, поэтому он предложил ограничиться одним диверсионным актом — поджогом порохового склада. Собравшаяся сеньория опять единодушно

приняла и это предложение, повторив свое обещание амнистии и вознаграждения, которое позволит изгнаннику вести в Венеции почетную и привольную жизнь.

Посольское дело в Венеции

Но особенно характерной для Венеции — в чем она не имела соперниц — была организация посольской службы. Уже с XIII в., насколько позволяют судить сохранившиеся источники, а в действительности, вероятно, с более ранних времен началось издание ряда постановлений, в которых до мелочей регулировались поведение и деятельность заграничных представителей республики. Послы должны были по возвращении передавать государству полученные ими подарки. Им запрещалось добиваться при иностранных дворах каких-нибудь званий или титулов. Послов нельзя было назначать в страны, где у них были свои собственные владения. Им запрещалось беседовать с иностранцами о государственных делах республики. Послам не разрешалось брать с собой жен из боязни, чтобы те не разгласили государственных тайн; но любопытно, что им позволялось брать своего повара, чтобы не быть отравленными. Когда установились постоянные представительства, посол не мог покинуть свой пост до прибытия своего преемника. В день возвращения в Венецию посол должен был заявиться в государственную канцелярию и занести в особый реестр, которым заведовал великий канцлер, сообщение о своем прибытии. По возвращении посол обязан был представить отчет о произведенных им расходах. Между прочим, вознаграждение послов было довольно скромным и далеко не соответствовало расходам, которые им приходилось нести по должности. Послы в своих донесениях горько жаловались на это: поэтому, как указывается в донесении одного из них, «неудивительно, если многие граждане предпочитают оставаться в Венеции и жить там частными лицами, нежели отправляться послами в чужие края». Против уклонявшихся от этой почетной, но обременительной миссии уже с ранних пор — с XIII в. — стали приниматься меры в виде штрафов или запрещения занимать какие-нибудь государственные должности. Послы нередко разорялись на своем посту и впадали в долги, которые потом приходилось выплачивать республике. Впрочем, венецианское правительство обыкновенно вознаграждало бывших дипломатов разными назначениями и в частности выгодными постами в левантийских владениях республики.

Исключение в материальном отношении представлял пост байюло в Константинополе при турецком владычестве, один из ответственнейших, если не самый ответственный, дипломатический пост республики. При важности для республики ее владений в восточной части Средиземного моря и ее левантийской

торговли, а также при сложности и деликатности ее взаимоотношений с завоевателями Константинополя, должность тамошнего байюло требовала особенно опытных лиц; поэтому на эту должность назначались обыкновенно старые, искушенные дипломаты, для которых она являлась венцом политической карьеры.

Первоначально продолжительность посольств, пока они не являлись еще постоянным институтом, а вызывались теми или иными особыми обстоятельствами, зависела от большей или меньшей важности вызвавшего их дела. В XIII в. она обыкновенно не превышала 3—4 месяцев. Но с упрочением дипломатических связей срок этот удлинялся. В XV в. было постановлено, что время пребывания посла за границей не должно превышать двух лет. В следующем столетии срок этот был продлен до трех лет.

Послы должны были держать правительство республики в курсе дел государства, в котором были аккредитованы. С этой целью они регулярно — первоначально раз в неделю, а с улучшением средств связи значительно чаще — отправляли на родину депеши. Эти стекавшиеся изо всех стран донесения давали как бы мгновенный снимок политического положения мира. Недаром говорили, что ни один европейский двор не был осведомлен так хорошо, как венецианская сеньория. На депешах ее умных и наблюдательных послов основывалась в значительной мере вся дальновидная политика Венеции.

Части депеш или даже целые депеши были нередко зашифрованы. Дипломатические шифры всегда были объектом усиленного внимания венецианских правителей, столь ревнивых к тайнам своей собственной дипломатической корреспонденции. Уже с ранних времен венецианское правительство имело особых шифровальщиков, а в дальнейшем Совету десяти было поручено следить за государственными шифрами и заботиться об изобретении новых. Дело в том, что искусство шифрования находилось тогда еще в зачаточном состоянии и, попав в чужие руки, шифры сравнительно легко разгадывались. Шифр обычно заключался в замене букв латинского алфавита либо другими буквами, либо арабскими цифрами, черточками, точками, произвольными фигурами, причем для одной буквы нередко бывало два или три знака. Вводились также знаки, не имевшие никакого значения, для того чтобы запутать шифр и затруднить его разгадку для посторонних.

Шифры появляются и в других государствах Италии. В папской канцелярии они применялись уже в первой половине XIV в. и сначала заключались в замене некоторых слов другими, условными. Так, вместо «гвельфы» писалось «сыны

Израиля», вместо «гибеллины» — «египтяне», вместо «Рим» — «Иерусалим» и т. д. Хорошо разработанные системы шифров применялись уже в XV в. в Милане и во Флоренции.

Шифрованная дипломатическая переписка вызывала неудовольствие, а иногда протесты и репрессии со стороны заинтересованных дворов. Так, султан Баязид II, узнав, что венецианский байюло Джероламо Марчелло посылает своему правительству шифрованные письма, приказал ему в три дня покинуть страну. Султан заявил, что он вообще не намерен терпеть у себя при таких условиях венецианского байюло. Несмотря на длительные переговоры, венецианская колония в Константинополе долго после этого случая оставалась без главы.

Депеши венецианских послов дополнялись другими весьма важными документами — итоговыми отчетами закончивших свою миссию дипломатов, так называемыми relazioni.

Согласно установившемуся с давних пор обычаю посол в течение 15 дней по возвращении обязан был сделать в торжественном заседании сеньории доклад — relazione, который представлял подробное донесение о состоянии государства, при котором посол был аккредитован. По окончании заседания посол передавал текст своего донесения великому канцлеру, который немедленно помещал его в секретный архив дипломатических актов. Этот своеобразный обычай сохранился до последних дней республики (1797 г.) и был закреплен особым постановлением, из которого видно, какое значение придавало венецианское правительство этим relazioni. Согласно ему послы должны были собственноручно записывать свои relazioni после их произнесения и передавать их затем для хранения в архивы секретной канцелярии. «Таким образом, — говорится в постановлении об этих документах, — о них сохранится вечная память, и чтение их сможет быть полезным для просвещения тех, кто в настоящее время управляет нами и кто в будущее время будет к этому призван».

Известно, как ценились донесения венецианских послов иностранными государствами, которые всячески стремились раздобыть их. Несмотря на окружавшую эти документы тайну, многочисленные копии с них все же проникали во внешний мир.

В своих донесениях послы давали подробные характеристики правителей и вообще руководящих лиц страны, в которой они пребывали, описывали придворные группировки, материальные, финансовые и военные ресурсы государства, положение разных классов населения и т. д.

Послу при отправлении его с миссией давалась подробная инструкция, в которой указывалось, что он должен был делать, что и как говорить, за чем наблюдать. Венецианскому послу Контарини, посланному в 1492 г. к французскому двору,

было вручено обстоятельнейшее наставление, тщательно перечислявшее все пункты его поздравительной речи по случаю бракосочетания Карла VIII, в которой он должен был выразить удовлетворение республики по поводу столь радостного события.

«И эти вещи, — говорится в инструкции, — вы постараетесь высказать со всевозможным красноречием и изысканностью стиля». Чем красноречивее будет посол, тем лучше он выполнит желание республики. Однако, предостерегает инструкция, посол должен все это высказать в ни к чему не обязывающих, общих выражениях («verbis tamen generalibus»), как это и подобает посланникам. Затем инструкция переходит к поздравительной речи королеве, напоминает о необходимости посетить виднейших вельмож Франции и заканчивается наставлением о преподнесении королеве подарка из драгоценных венецианских тканей.

Так руководила своими послами Венеция. Венецианское правительство издавна строго следило за тщательным хранением актов международного характера. Уже в конце XIII в. было постановлено завести особые книги для записи всех договоров. В исполнение этого постановления были заведены две книги — «Книга договоров» (Patti), куда вписывались важнейшие государственные акты, и «Памятная книга событий» (libri Commemoriali), куда вписывались текущие государственные дела, которые могли служить дипломатическими прецедентами. Недостаток системы в этих книгах, куда документы заносились подряд по мере их поступления, заставил дожа Андреа Дандоло в середине XIV в. завести три новых сборника — Liber Albus, куда заносились договоры с Востоком (Византией, Сирией, Арменией и Кипром), Liber Blancus, куда заносились договоры с итальянскими государствами, и Liber Pactorum, куда заносились все прочие договоры.

По сравнению с тем хаосом и беспорядком, в котором находилась в XV в. административная деятельность большинства европейских государств, столь точная регламентация дипломатического дела в Венеции представляла строгое и стройное целое. Талантливые и блестящие дипломаты были тогда вообще нередким явлением, но дипломатия как таковая впервые доведена была до степени искусства и системы именно в Венеции, где, по словам Коммина, «в настоящее время дела ведутся более мудро, чем в какой бы то ни было монархии или республике мира».

Приемы итальянской и особенно венецианской дипломатии оказали сильнейшее влияние на дипломатию складывавшихся в это время в Европе абсолютных монархий.

7. Первые международные конгрессы. Зарождение науки международного права

Вселенские соборы XII—XIV вв.

На созывавшиеся папой «вселенские соборы» Западной церкви съезжались представители высшего духовенства, а часто и послы светских государей из всех стран Европы. Поскольку дела церкви постоянно носили политический и международный характер, вселенские соборы можно рассматривать как своего рода предшественников международных конгрессов. Огромное международное значение имели и некоторые соборы, которые считались не «вселенскими», а «поместными»; таков, например, знаменитый Клермонский собор 1095 г., положивший начало крестовым походам на Восток.

В XII в. на вселенские соборы приглашалось только высшее духовенство. По-видимому, никаких прений там не происходило. Соборы должны были лишь давать торжественную санкцию решениям пап. В XIII в., в эпоху наивысшего усиления папской власти, на соборы вызывались не только прелаты, но и светские государи — лично или через представителей. На соборах обсуждались не только церковные дела, но и светские. Соборы XII—XIII вв. подтвердили ряд прежних постановлений международного характера и декретировали много новых. Среди них особо важное значение имели решения, устанавливавшие «божий мир» и «божье перемирие», льготы крестоносцам и их семьям, ограничения в правах евреев и мусульман, запрещение пользоваться метательными снарядами в войнах с христианами, запрещение военной помощи врагам христианства, в частности запрещение доставки им военной контрабанды, меры по борьбе с пиратством. На соборах обсуждались такие важные вопросы, как кандидатуры на императорский престол, низложение императора Фридриха II, угроза Западу со стороны монголов; обсуждались и столкновения между германскими князьями, разорение Польши литовцами. В XIV в. имел место только один вселенский собор, в начале «Авиньонского пленения» пап (1311—1312 гг.), протекавший под сильным воздействием светской власти. Затем в связи с изменившимся политическим положением папства вселенские соборы не созывались в течение почти столетия.

Вопрос о церковной унии в XI—XIV вв.

Среди чисто церковных дел, разбиравшихся на соборах, было много таких, которые по существу были делами международной политики. Некоторые из них захватывали отношения не только между государствами католического Запада, но и отношения между Западом и Востоком. К числу таких дел относится вопрос объединения Западной и Во-

сточной церквей. Уже вскоре после «разделения церквей», официально происшедшего в 1054 г., хотя фактически начавшегося гораздо раньше, Византии пришлось искать помощи у пап, которых константинопольская церковь незадолго перед этим предала проклятию. При этом в качестве дипломатической почвы для сближения неизменно служила идея «объединения церквей». Эта идея выдвигалась уже перед первым крестовым походом, когда Византия искала помощи против норманнов, турок и печенегов. В XII в. Византии, сохранявшей еще некоторые владения в Южной Италии, приходилось вести сложную дипломатическую игру между норманским Сицилийским государством, папством, Священной Римской империей, Венецией, сближаясь то с императором против папы, то с папой против императора. Тут опять выступает план церковной унии. И папство и Византия связывали в это время с идеей унии далеко идущие политические расчеты. Византийские императоры надеялись с помощью пап утвердить свою власть над Западом, а тем самым и над папством; папы мечтали с помощью византийских императоров стать господами византийской церкви, а затем и Византийской империи. Папы, казалось, были ближе к своей цели. В XII в. Византия потеряла последние свои владения на Западе. После страшного погрома, каким были четвертый крестовый поход и «Латинская империя» (1204—1261 гг.), восстановленное Византийское государство сохранило только тень былого могущества. Самым опасным врагом Византии было Сицилийское государство, в котором тем временем господство норманнов сменилось сначала властью Гогенштауфенов, а затем властью призванного папой французского принца Карла Анжуйского (1266 г.). Карл Анжуйский делал приготовления к походу на Восток, мечтая о захвате ослабленной Византии и о восстановлении там «латинского» владычества; но о том же мечтал и папа, и их взаимное недоверие позволило византийскому императору Михаилу VIII выполнить успешный дипломатический маневр. Он обратился к папе и снова выдвинул идею церковной унии. Этот вопрос решался на втором Лионском соборе 1274 г. По этому случаю на собор был вызван знаменитый представитель католической церковной учености — Фома Аквинский, но он умер по пути в Лион. Его заменил другой крупный католический богослов — Бонавентура. Византийский император отправил на собор торжественное посольство с бывшим патриархом Германом во главе. Византийская делегация пошла на большие уступки: ею было признано главенство папы над Восточной церковью и принят ряд догматов, из-за которых давно шел спор с Западной церковью. Папа со своей стороны обещал удержать Карла от враждебных действий против Византии. Но решения собора

встретили резкий отпор в Византии. Уния была отвергнута огромным большинством византийского духовенства; скоро от нее отказались и папы. Но Михаилу VIII удалось выиграть время, и изменившаяся политическая обстановка избавила его от грозившей опасности.

План церковной унии опять всплыл в связи с той угрозой, которая нависла над Византией со стороны государства турок-османов, начавших в XIV в. свои завоевания на Балканском полуострове. В 1369 г. византийский император Иоанн V лично явился в Рим и в храме Петра в присутствии папы торжественно признал католические догматы и верховенство папы над всеми христианами. Но, как и Лионская уния, это новое «соединение церквей» не дало никаких результатов. Уния не была признана византийским духовенством, да и папа не мог дать императору ничего, кроме обещаний. Новые попытки объединения Восточной и Западной церквей относятся уже к эпохе «соборного движения».

Начало соборного движения. Пизанский собор

Период «Авиньонского пленения» пап (1308—1378) сменился периодом «великого раскола» католической церкви. В 1378 г., после смерти папы Григория XI, во главе церкви оказались двое пап: часть кардиналов выбрала «грубого калабрийца» Урбана VI, а другая — «чудовищную скотину» Климента VII, как их характеризует Маркс. Они «начали друг друга отлучать и предавать анафеме», к соблазну всего католического мира. «Антипапы» не представляли новости в видавшей всякие виды истории католической церкви; но раскол церкви затягивался и углублялся, и спасение ее авторитета зависело от прекращения этого неслыханного скандала. Единственным выходом из создавшегося положения казался созыв вселенского собора. Важнейшим центром «соборного движения» стал Парижский университет. Один за другим следуют «великие соборы» XV в. — Пизанский, Констанцский, Базельский и заседавший параллельно с ним Ферраро-Флорентийский. Соборам не удалось выполнить свою главную задачу — обновить церковь, но единовластие в ней в конце концов было восстановлено. Соборы XV в. сыграли видную роль в истории международных отношений. Вселенские соборы XV в. значительно отличались от своих предшественников XII—XIV вв. Они претендовали теперь на руководящую роль в церкви. Их состав расширился. В них входили наряду с высшим духовенством представители университетов, богословы и юристы. В них нашли доступ и представители низшего духовенства. Государи и их послы стали играть важнейшую роль в деятельности соборов. Кроме того, представительство на соборах приобретает «национальный» характер. Участ-

ники соборов делятся по «нациям». Правда, самое понятие «нации» выступает сначала не совсем ясно, но оно все более определяется в ходе работы соборов.

На созванный в Пизе собор (1409 г.) кроме духовенства прибыли представители тринадцати университетов, более 300 магистров богословия и докторов права и послы почти всех католических государей. Именно на этом соборе впервые все члены были распределены по «нациям». «Наций» считалось четыре: итальянская, французская, германская и испанская. Но это деление, закрепленное канонической традицией, к этому времени в значительной степени утратило смысл и представлялось искусственным, объединяя в одной «нации» несколько самостоятельных государств, нередко с противоположными интересами. Так, в «германскую нацию» были включены, кроме Германии, Англия, Дания, Швеция, Норвегия, Чехия, Польша и Венгрия. Впрочем, на Пизанском соборе это деление не играло существенной роли, так как голосование производилось не по «нациям», а по «головам». Пизанскому собору не удалось устранить «великого раскола»; дело даже ухудшилось, так как к двум прежним папам, не пожелавшим сложить полномочий, прибавился еще третий, выбранный собором.

Констанцский собор

Новому, Констанцскому, собору (1414—1418) удалось поставить во главе церкви одного папу (Мартина V). Вопрос о распределении по «нациям» принял на соборе очень острую форму, поскольку на этот раз голосование производилось по «нациям», а не по «головам». Англичане потребовали выделения их в особую «нацию». В прениях по этому вопросу выдвигается уже новое понимание «нации», обусловленное началом формирования национальных государств. Англичане образовали пятую «нацию» наряду с четырьмя остальными. Для обсуждения дел каждая «нация» сначала собиралась отдельно. Немало столкновений вызвали вопросы местничества — размещения «наций» на соборе и порядка голосования. Споры, происходившие внутри отдельных «наций», в значительной степени объясняются тем, что принцип деления по «нациям» все же в основном остался прежним, и в состав большинства «наций» входили представители разных государств, интересы которых нередко расходились.

Помимо дел церковных, сыгравших, однако, крупнейшую политическую и международную роль (как, например, дело о «ересях» Виклефа и Гуса), собор рассмотрел ряд международных конфликтов, что придало ему характер международного конгресса. Так, собор сделал попытку примирить Англию и Францию, возобновивших Столетнюю войну, но эта попытка ни к чему не привела. Собор также безрезуль-

татно вмешался в спор между Польско-Литовским государством и Тевтонским орденом.

Базельский собор

Помимо церковных дел, Базельский собор (1431—1449) как и Констанцский, тоже рассматривал ряд чисто политических проблем. Не считая ряда второстепенных дел такого рода, собор старался уладить спор между Литвой и Польшей, причем выдвигал в качестве посредника ни больше ни меньше, как Тевтонский орден! Предметом обсуждения была также непрекращавшаяся Столетняя война. Практические результаты предпринятых собором попыток примирения были ничтожны.

Одной из причин, побудивших созвать Базельский собор, была победоносная борьба чешских гуситов с немецко-католическими крестовыми походами и широкое распространение среди трудящихся масс Европы идей левого крыла гуситов — таборитов, стремившихся к перестройке общества на основах социальной справедливости «гражданского равенства и даже отчасти уже равенства имуществ» *(Энгельс)*. Базельский собор, видя безуспешность прямой борьбы с гуситством, заключил соглашение с «чашниками», правым крылом гуситов, сделав ему некоторые уступки. Этим Собор оторвал чашников от общенационального движения чехов, подготовил разгром крестьянской революции в Чехии и обезоружил гуситское движение в целом.

Вопрос о церковной унии на Базельском и Флорентийском соборах

И Базельский и Ферраро-Флорентийский соборы занимались вопросом о нависшей над Европой с Востока турецкой угрозе и в связи с этим вопросом об отношении к Византии. Потерявшая почти все свои владения, находившаяся накануне своей гибели Византия все еще надеялась получить помощь от Запада. Переговоры с византийским императором Иоанном VIII велись одновременно и Базельским собором и папой Евгением IV. Базельский собор и император обменялись посольствами. В числе византийских послов был игумен Исидор, впоследствии митрополит Московский, горячий сторонник унии. Но высокомерное поведение руководителей Базельского собора заставило греков искать сближения с папой, который враждебно относился к собору, стремившемуся ограничить папскую власть. Папа созвал свой особый собор в Ферраре (1438 г.), перенесенный затем во Флоренцию (1439 г.). Заседания Ферраро-Флорентийского собора были обставлены необычайно торжественно. На него прибыли император Иоанн VIII с братом, константинопольский патриарх Иосиф, много представителей высшего греческого духовенства, в том числе знаменитый гуманист Виссарион Никейский, впоследствии кардинал католической церкви. Великий князь московский Василий II послал на собор недавно

назначенного митрополита Исидора с большой свитой из русских церковных и светских лиц. Среди православного духовенства были и решительные сторонники унии (как Виссарион и Исидор) и непримиримые ее противники, и прения затянулись. Папа старался оказать давление на греков, вплоть до сокращения им продовольственных выдач. Наконец, соглашение, явившееся полной победой папы, было достигнуто и торжественно оглашено (1439 г.). Некоторые из греков отказались дать свои подписи. Флорентийская уния встретила решительное сопротивление у большей части греческого духовенства и народа. Многие из подписавших унию греческих духовных лиц взяли свои подписи обратно. Резкий протест против унии поднялся на Руси. Известно, как был принят в Москве ревностный сторонник унии Исидор, которому пришлось потом бегством спасаться в Рим. Унию отказались признать восточные патриархи — иерусалимский, александрийский и антиохийский.

Новая попытка возродить унию была сделана почти накануне падения Константинополя, в 1452 г., когда последний византийский император Константин XI обратился с последним призывом о помощи к Западу. Но помощи он не получил, и Константинополь пал 29 мая 1453 г. Падение древней столицы Восточной Римской империи произвело потрясающее впечатление на всем Западе.

«Соборное движение» не осуществило своей прямой цели — обновления католической церкви, «reformatio generalis ecclesiae in capite et in membris», главным органом которого должны были стать соборы. Но это движение обнаружило с полной ясностью, что «универсальная» церковь средневековья изжила себя и что будущее принадлежит растущему национальному государству, стремящемуся превратить церковь в свое политическое орудие.

Светские конгрессы в XV в.

Одновременно с церковными соборами и по их образцу стали собираться и чисто светские конгрессы для урегулирования международных споров и столкновений. Одним из самых ранних конгрессов такого рода был съезд государей Восточной Европы в Луцке (на Волыни) в 1429 г. На нем присутствовали король римский Сигизмунд, король польский Владислав (Ягайло), великий князь литовский Витовт, папский легат, послы византийского императора, короля датского, Тевтонского ордена. Конгресс был созван по инициативе Витовта и Сигизмунда и ставил перед собой важнейшие задачи — борьбу с надвигавшейся турецкой опасностью и урегулирование отношений между Польшей, Литвой и Тевтонским орденом. Но ни одна из этих задач не получила удовлетворительного разрешения.

В 1435 г. был созван конгресс в Аррасе для выработки условий мира между Англией и Францией. Кроме представителей обеих стран, там присутствовали посол Базельского собора, легат папы, послы императора, Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии, Неаполя и Сицилии, Польши, Дании, Кипра, Бретани, Голландии, герцога Бургундского, герцога Миланского. Конгресс не достиг своей цели, но он оказал содействие заключению сепаратного мира между Францией и Бургундией.

После опыта с церковными соборами, угрожавшими ограничить власть пап, последние перестают их созывать и предпочитают организовывать съезды светских государей. Папа Пий II созвал в 1459 г. в Мантуе съезд католических государей с целью добиться всеобщего замирения Европы и организации похода против турок. Конгресс привлек мало участников, и его цели остались неосуществленными.

Укрепление феодальных монархий и рост национальных государств создавали новую форму международного общения в виде международных конгрессов, прецедентом которых являлись церковные соборы, особенно соборы XV в. Те крупные сдвиги, которые происходили в это время в международных отношениях и в формах международного общения, нашли свое идеологическое выражение в зарождении новой отрасли юридической науки — международного права.

Зарождение науки международного права

Наука о праве стала развиваться в средневековой Европе со второй половины XI в. в учениях так называемых «глоссаторов», которые комментировали положения римского права, сохранившиеся в Юстиниановом своде — Corpus juris civilis. Юстиниановы сборники были посвящены частному, гражданскому праву и лишь мимоходом касались международных отношений. Глоссаторы стремились применить нормы гражданского права и к международным отношениям, и поэтому у них международное право еще не могло выделиться в особую, самостоятельную область науки о праве. Применение норм гражданского права к области международных отношений было возможно для глоссаторов потому, что они, как идеологи империи, рассматривали всю католическую Европу как одно государство, подвластное императору Священной Римской империи, наследнику римских цезарей, и споры между отдельными государствами рассматривали как споры между частными лицами, подданными императора. Такого рода подход к международным спорам облегчался и тем, что в феодальном обществе средневековья не существовало грани между частным и публичным правом, вотчина была маленьким государством и государство — большой вотчиной. Поэтому споры между государствами разрешались, как споры между вотчин-

никами, международные договоры рассматривались так же, как частные обязательства. Но все же провести эту точку зрения до конца было трудно, так как далеко не все государства Запада признавали свою зависимость от императора, и нельзя было вполне игнорировать государства, находившиеся за пределами Западной Европы. Не находя соответствующих указаний в римском праве, глоссаторы руководствовались в таких случаях «естественным правом» или «правом народов», под которыми понимались нормы, данные людям «природой» и общие всем народам. У глоссаторов можно найти зачатки учений, касающихся отдельных институтов международного права, например морского, посольского и права войны. Вопросов международного права не могло не касаться и церковное, «каноническое» право, важнейшим памятником которого является сборник, составленный около середины XII в., так называемый «Декрет Грациана». При этом юристы, разрабатывавшие учение канонического права, так называемые «декретисты», гораздо шире, чем глоссаторы, пользовались «естественным правом» и «правом народов», которые у них отождествлялись с божественным правом, заключенным в «Священном писании». Развитие учений глоссаторов и декретистов отражает тот период в истории объединения феодальной Европы, который соответствовал возвышению империи и папства и борьбе между ними. Но «универсальный» характер обеих этих сил, стремившихся стать над отдельными государствами, препятствовал выделению в их учениях международного права в особую область. Международное право могло выделиться лишь на почве развития и укрепления самостоятельных феодальных монархий и зарождения национальных государств. Рост государственного начала в противоположность феодальной раздробленности приводил к разграничению публичноправовых и частноправовых понятий, к противопоставлению государства частным лицам, отношений между государствами отношениям между частными лицами.

Развитию науки международного права содействовало и то, что юристы-теоретики были в то же время и практическими деятелями. Роль легистов в политической жизни Европы все расширялась с конца XIII в. Из их числа назначались дипломаты, они редактировали договоры и другие акты международного значения. Государи всех стран заботились о том, чтобы иметь в своем распоряжении юристов, сведущих в международных отношениях, способных подвести правовое обоснование под их притязания в области международной политики, ловко составить договор. Международные споры нередко передавались на заключение авторитетных юристов. Так, вопрос о правах английского короля Эдуарда III на французский

престол, послуживший юридическим оправданием Столетней войны, обсуждался особой конференцией французских и английских юристов под председательством папы Климента VI, которого стороны избрали третейским судьей (в качестве частного лица, а не папы). Сохранилась подробная записка, составленная английскими юристами для Климента, в которой подробно развивается английская точка зрения и опровергаются возражения французских юристов. Французы отводили притязания Эдуарда, внука Филиппа IV Красивого, на том основании, что он был его внуком по женской линии. Англичане возражали, что римское, равно как и каноническое, право допускает сына дочери к наследованию на правах собственности и, следовательно, допускает Эдуарда к наследованию французского королевства. Возражение французов, что Эдуард сам признал права Филиппа VI Валуа, формально принеся ему ленную присягу, английские юристы отводили тем, что Эдуард был тогда несовершеннолетним, и «общее» право (т. е. и римское и каноническое) дает ему возможность отказа от всех совершенных во время несовершеннолетия актов, если они нарушают его интересы. Кроме того, присяга была дана под влиянием страха потерять свои ленные владения, а страх и насилие, по римскому праву, делают сделку недействительной.

Практическая работа юристов в области международных отношений создавала почву и для теоретических обобщений. Международное право как особая отрасль юриспруденции впервые отчетливо выступает в учениях так называемых «постглоссаторов», или «комментаторов», которые, стоя в основном на почве римского права, развивали его теории гораздо свободнее, чем глоссаторы. Они охотно пользовались понятиями «естественное право» и «право народов» и применяли к изучению и толкованию римского права заимствованный у богословов схоластический метод, допускавший сложные и ухищренные логические дедукции, часто уводившие далеко от источника. Но они пользовались этими приемами с чисто практической целью — приспособить теорию права к новым потребностям жизни. Так, в противоположность учению глоссаторов об империи как едином государстве они выдвинули учение о суверенитете отдельных государств. Учение постглоссаторов зародилось во Франции, которая была вполне суверенным государством, независимым ни от папы, ни от императора. Французские юристы-постглоссаторы, как Жан Фор, провозглашали полную суверенность отдельных государств, считая Священную Римскую империю лишь одним из них. Другие, как знаменитый Бартол, старались найти компромиссную линию, признавая

юридически «единство» империи, но указывая, что фактически она утратила власть над отдельными государствами. Все те атрибуты, которые глоссаторы приписывали только императорам, переносятся теперь на все государства — право верховного законодательства и управления в пределах их территорий, право вступать в союзы, заключать договоры, право самозащиты в виде войны и репрессалий. В частности Бартол в специальном трактате, написанном в 1354 г., подробно развил учение о репрессалиях, о праве государства нарушать права других государств в виде ответа на подобное же правонарушение, с целью получить удовлетворение и принудить к восстановлению нарушенных прав. Это была важнейшая проблема, выдвинутая ростом торговых и политических связей между государствами. Римское право, исходя из учения об единой империи, решительно отвергало право репрессалий. Бартол указывает, что вопрос о репрессалиях возник в связи с тем, что империя, пришедшая в упадок, не может больше улаживать спорные дела между государствами. Он отмечает ряд условий, необходимых для того, чтобы репрессалии были законными. Применению репрессалий должны предшествовать попытки уладить вопрос дипломатическими средствами и лишь в случае отказа могут быть применены репрессалии. Бартол подробно разбирает, кто должен решать вопрос о применении репрессалий, кем и как они должны применяться и т. д.

Так уже с конца XIII в. в учениях постглоссаторов стали складываться зачатки науки о международном праве, получившей систематическое развитие значительно позже, в XVII в.

8. Дипломатия в Китае в средние века

Китайская дипломатия эпохи южных и северных царств

В средние века Китай, огромный по своей территории, имел многочисленное население и славился высокой культурой земледелия, искусством ремесленников, трудами своих ученых и писателей. В течение столетий он располагал обширными внешними связями, поддерживал торговый обмен с различными странами. Китайская дипломатия играла видную роль в жизни страны. Она обладала особыми приемами, методами и ритуалом, выработанными еще в древности и значительно развитыми в условиях феодализма.

В IV—VI вв. Китай подвергался многократным нашествиям полчищ кочевников и являл собой арену напряженных столкновений и войн, которые вели между собой эти кочевники-завоеватели, а также те феодальные государства, кото-

рые возникли на его территории. Китайские дипломаты направляли свои усилия против жестокого ограбления страны, на спасение населения от гибели и угона в плен, а высокую китайскую культуру — от разорения. Но при этом они боролись за укрепление владычества феодалов и феодальных государств.

Дипломатия империй Суй и Тан

К 589 г. в Китае сложилась единая феодальная держава с династией Суй во главе. Государственная власть в ней базировалась на принципе собственности государства на земли страны. Класс феодалов осуществлял эксплуатацию крестьян — держателей государственных земельных наделов при помощи централизованного бюрократического аппарата.

Империя Суй была мощной и богатой. Возникли многолюдные города, был сооружен внутренний водный путь. Но спокойствию страны постоянно угрожал Тюркский каганат — объединение, где господствовали кочевники-скотоводы центральной Азии. Задачей китайской дипломатии было, не развязывая большой войны, ослабить каганат, предотвратить нашествия кочевников и вмешательство каганата в политическую жизнь Китая.

Прикрываясь политикой «мира и родства», дипломаты добивались подчинения императорскому двору отдельных каганов и представителей влиятельных родов. Феодальной дипломатией широко применялась политика брачных союзов. Согласно особым договорам китайских царевен и дочерей придворных отдавали в жены тюркским вождям. Другим приемом дипломатов было побратимство. Случалось, что сам император или влиятельные феодалы совершали обряд братания с тюркскими вождями, признавали их своими вассалами, а иногда и друзьями. Китайский двор посылал к кочевникам большие или малые посольства с грамотами и дарами, а в трудное время — просто с данью. Китайские послы чаще всего везли с собою шелковые ткани (случалось, до 100 и 200 тысяч кусков), богатые одежды, продовольствие, вино, колесницы, музыкальные инструменты и пр. С ответными дарами тюркские вожди слали в Китай тысячи голов лошадей, овец, верблюдов.

Китайские дипломаты неустанно следили за положением в каганате, регулярно посещали стойбища каганов, часто завязывали переговоры, привозили дары, устраивали брачные союзы. Этим они добивались возвышения то одного, то другого кагана или члена знатного рода, сеяли вражду среди тюрок, зачастую подрывали влияние более могущественных, ловко использовали притязания более слабых и тем достигали уменьшения активности кочевников. Когда же империя испытывала трудности, то некоторые каганы оказывали Китаю военную

помощь. Ян Цзянь, основатель династии Суй (581—605 гг.), в войне за объединение страны имел в своем войске сильный отряд тюркской конницы. В корейских походах его сына, императора Ян Гуана (605—616 гг.), участвовал вассальный тюркский каган. Враждуя между собой или испытывая затруднения, каганы обращались к Суйскому двору. Свои просьбы они мотивировали близостью к «сыну неба» и выражали словами, подсказанными им китайскими дипломатами: «Император, отец моей жены, следовательно, отец и мне... Все овцы и лошади суть скот императора, так же как его шелковые ткани суть мои». Если каганы не хотели соглашаться с требованиями императоров, то отказывались принимать послов или не желали выполнять положенный ритуал, слушали чтение грамот сидя, что считалось оскорблением. Китайские послы в зависимости от обстоятельств или принимались их уговаривать, или отправлялись за новыми, еще бо́льшими подношениями.

Особые трудности китайская дипломатия испытывала в связи с чрезвычайной легкостью, с которой вожди кочевников нарушали любые договоры. В 615 г., когда пошатнулась власть Суйской династии, тюрки усилили грабительские набеги на Китай и даже окружили императора Ян Гуана с его отрядом. Шаньсийский феодальный властитель Ли Юань, будущий основатель династии Тан (618—626 гг.), начиная борьбу за власть в империи, признал себя вассалом тюркского кагана, с которым состоял в родстве, и получил от него военную помощь. Это не помешало многочисленной коннице тюрок подступить в 626 г. к столице — г. Чанъань. Ли Ши-минь, сын Ли Юаня, поскакал навстречу тюркам и упрекал их вождей в нарушении договора. Закрепляя новое соглашение, они принесли клятву дружбы и совершили обряд побратимства, заколов при этом белую лошадь.

В 628 г. закончились междоусобные войны и вскоре Китайская империя снова сделалась сильным и богатым государством. Дипломатия Ли Ши-миня успешно сочетала широкое использование методов «мирного» подчинения своих соседей с завоевательными походами. Войнам предшествовали всегда длительные переговоры. Многие доклады, поданные императору, содержат обвинения каганов в нарушении ими договоров и клятв в разбойных набегах, во время которых людей резали, «как коноплю». Китайские правители обычно начинали с того, что через свою дипломатию домогались у каганов различных уступок, но в случае неуспеха прибегали к военным походам. Войны Ли Ши-миня привели к распаду каганата и к присоединению к Китаю огромной территории. В VII в. подчиненные Китаю и вассальные земли простира-

лись от Корейского полуострова и Северной Монголии до Тяньшаня, Тибета и Индо-Китая.

Китайская дипломатия служила также целям установления сношений и торгового обмена с различными странами. Дипломатические связи возникли с Японией, куда была занесена китайская письменность, аграрный опыт, буддийские верования. Но эти связи не были регулярными, а японское посольство вызвало в Чанъани недовольство, не исполнив положенного ритуала вежливости. В 30—40-х годах VII в. в Китай прибывали послы из Хотана, Кашгара, от киргизов, из Самарканда, Ферганы и др. В 643 г. Китай посетило посольство из Византии. В 651 г. сасанидский шахиншах, потерявший престол и бежавший из Ирана, обратился за помощью в Чанъань. В 713 г. в Китай пришло первое посольство от арабского халифа. Дипломатические связи установились и с Североиндийским государством. Большую роль здесь играли буддийские монахи, отправляемые на поклонение к святым местам. После посещения Индии монахом Сюань Чжуном (Цзаном), царь Харши послал в 641 г. своего посла в Китай, на что Ли Шимминь ответил дружественным посольством. Гвардейский китайский военачальник буддист Ван Сюань-цэ 4 раза ездил в Северную Индию с различными поручениями.

Дипломатическими отношениями руководил сам император. В развитом бюрократическом аппарате отсутствовало ведомство внешних сношений, ими занималось одно из дворцовых управлений, непосредственно подчиненное императору и его канцелярии. Это управление принимало чужеземных послов, их дары и дань, проверяло документы и печати, снаряжало китайские посольства. Крупнейшие государственные деятели подавали императору доклады с предложениями по вопросам международной политики и о дипломатических мероприятиях. Средневековая китайская история содержит об этом богатые сведения: доклады сановников, ответы на них императоров, указы, записи совещаний у императоров и мотивировки направления дипломатической деятельности. Подготовляя походы, императоры в своих указах стремились выдвинуть достаточно веские причины войны. Уже упомянутый Ли Ши-минь, готовя выступление своих войск против Северокорейского государства, мотивировал это необходимостью покарать узурпатора, завладевшего престолом в Пхеньяне, хотя, разумеется, не это было причиной многолетних войн против государств Когурэ и Пэкчэ.

В VIII и IX вв. китайской дипломатии приходилось применять самые изощренные приемы, когда во время мятежей феодалов и народных восстаний императоры призывали себе на помощь вождей кочевых племен и иноземных

государей, а затем старались откупиться от них или избежать подчинения им.

Дипломатия Сунской династии

После нескольких десятилетий раздробленности страны и войн, во второй половине X в. в Китае вновь образовалось единое государство с императорской династией Сун (960—1279 гг.). Большие достижения в сельском хозяйстве, развитие городов, городского ремесла и торговли, широкое применение таких крупных изобретений, как компас, порох, книгопечатание, значительное расширение оросительной сети и введение новых земледельческих культур, — все это обеспечило господствующему классу огромные доходы и привело к дальнейшему обострению противоречий в феодальном обществе. В то время часть северных земель империи была отнята киданями, создавшими государство Великое Ляо. На северо-западе тангуты образовали государство Западное Ся, а на юго-западе сложилось государство Наньчжао. Но Суны избегали войн. Феодалы боялись призывать крестьян в войско и вооружать жестоко угнетаемый ими народ. Сами они не желали подвергать себя трудностям войны. Вместо организации защиты границ сунские императоры вели бесконечные переговоры с военными противниками, заключали с ними соглашения, ценою большой дани покупали мир. Дипломатия того времени стремилась всеми силами сохранить не только власть и богатство, но и спокойное существование господствующему классу.

А между тем Великое Ляо стало серьезнейшей угрозой для Китая на севере. Сунские императоры, направляя к киданям послов, приказывали любой ценой добиваться заключения мира, заранее санкционируя большие уступки. Своим посланцам они грозили свирепой карой в случае неудачи. Дипломаты прибегали при переговорах к подкупам влиятельных лиц и представителей государства Ляо. Но кидане не хотели мира и постоянно нарушали ими же заключенные договоры, все увеличивая свои требования. По миру 1004 г. сунский двор обязался выплачивать ежегодно большую дань и уступил часть северных земель. По договору 1042 г. дань еще увеличилась и достигла 300 тысяч кусков шелковых тканей и 200 тысяч лян серебра в год. Стремясь остановить наступление тангутов, сунские дипломаты заключили в 1043 г. соглашение с царством Западное Ся, сделав территориальные уступки и приняв обязательство выплачивать большую ежегодную дань шелками, серебром и чаем.

Эта политика легла тяжелым бременем на крестьян и ремесленный люд страны; выплата дани жестоко расстраивала хозяйство.

Китайские дипломаты, желая ослабить Великое Ляо, старались возбудить и поддержать недовольство, возникавшее среди племен, подчиненных киданями. В XII в. они применили метод ослабления противников, оказав поддержку чжурчженям, обитавшим в Дунбэе (Маньчжурии) на севере государства Ляо. Сунский двор заключил военный союз с царем молодого чжурчженьского царства Цзинь. Великое Ляо пало под ударами войск союзников в 1125 г., но чжурчжени, разгромив киданей, сами устремились на Китай. Среди государственных деятелей Китайской империи возникли резкие разногласия. Одни, как Ли Ган, хотели удовлетворить требования горожан и части помещиков и защищать отечество. Другие с сунским императором во главе соглашались на любые уступки. В 1127 г. при новом нападении чжурчженьской конницы сунский двор бежал на юг. Чжурчженьские войска преследовали его и переправились через Янцзы. Китайские крестьяне, горожане, части войск, некоторые мелкие феодалы оказали им героическое сопротивление. Ополчение, возглавленное знаменитым полководцем Юэ Фэем, победоносно двинулось на север. Но феодалы чрезвычайно боялись вооруженного народа, поэтому сунский император казнил Юэ Фэя и заключил в 1142 г. мирный договор. По этому договору Суны уступили чжурчженьскому государству Цзинь часть Северного Китая до р. Хуай и Дасаньгуаня в Шэньси и обязались платить ежегодно 250 тысяч лян серебра и 250 тысяч кусков шелка. Под властью Сунской империи остался южный Китай.

Иное направление имела дипломатическая деятельность феодального Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии, где китайские правители вели активную политику и защищали интересы китайских купцов, мореплавателей и колонистов и сами добивались получения дани.

Когда в 1211 г. войска Чингис-хана вторглись в Северный Китай, дипломаты южного Китайского государства сочли возможным использовать это в своих интересах. Сунский двор, находившийся в Ханчжоу, заключил с Чингисом союз против чжурчженей и оказывал ему военную помощь. Но затем, выяснив завоевательные устремления монголов, Суны поспешили разорвать союз и отклоняли настоятельные требования бывших союзников. Монголы уничтожили государства Западное Ся и Цзинь и в 1235 г. начали войну против Южного Китайского государства. Несмотря на многолетнюю и героическую оборону, Южный Китай подвергся завоеванию и в 1279 г. вошел в состав Монгольской империи, сильно китаизированной и имевшей своей столицей г. Пекин. Несколько десятилетий спустя монгольское иго в Китае было свергнуто силами мощного народного восстания.

Дипломатия минского времени

Серьезной задачей дипломатии первого императора Минской династии Чжу Юань-чжана (1368—1398 гг.), крестьянского сына и вождя повстанцев в антимонгольской войне стало восстановление международного престижа Китая как суверенного государства и прекращения вторжений извне. Дипломатические меры, сочетаясь с военными действиями, имели целью прекратить нашествия монголов и вторжения японцев с моря, а также установить вассалитет индокитайских государств. И дипломатия Минской династии преуспела в этом, хотя и вынуждена была заключить впоследствии невыгодные для Китая торговые договоры с Монголией и не смогла предотвратить в XVI в. вторжения японцев на юго-восточном побережье и в Корее.

С племенами и народностями, обитавшими в Западном Китае (Синьцзяне), китайские дипломаты поддерживали постоянные связи и заключали выгодные торговые соглашения.

Некоторые уступки, вырванные народным восстанием в XIV в. у феодалов, обеспечили стране значительный экономический и культурный подъем. Развитие городов, ремесла и торговли, усовершенствование ирригационных сооружений, распространение хлопководства и хлопкоткачества, возникновение мануфактур, расширение знаний и новые открытия, активизация горожан и перемены, происходившие в деревне, — все это диктовало минскому двору проведение более активной внешней политики.

Однако использование исконных путей связи через Монголию и по Великому шелковому пути было кочевниками крайне затруднено. Поэтому главным объектом активности китайской политики оставалось южное направление. Минский двор отправлял на юг посольства, шедшие морскими и караванными путями с целью установления регулярных торговых и дипломатических связей, основания китайских колоний-поселений, утверждения сюзеренитета Китая, особенно в государствах Малайского архипелага и Индо-Китая. Послы везли с собой императорские грамоты и ценные подарки, требуя от местных властителей признания «сына неба» своим покровителем, выполнения положенных обрядов и посылки официальных представителей и дани китайскому двору. Кроме того, они добивались согласия на предоставление льгот и гарантий китайским послам, купцам, поселенцам и мореплавателям.

Дипломатический церемониал в Китае был подробно разработан применительно к различным обстоятельствам. Он соблюдался строжайшим образом. Значимостью страны и степенью зависимости ее от Китая определялись требования этого церемониала.

Большой известностью в Китае пользуется деятельность выдающегося дипломата и флотоводца Чжэн Хэ, который совершил в 1403—1433 гг. семь плаваний, неоднократно посещал Индо-Китай, Малакку, Малайские острова, Цейлон, побережье Индии, Аравии, Африки. Чжэн Хэ обменивался грамотами и подарками, заключал соглашения с царями и правителями. Если же они противились мирным переговорам, Чжэн Хэ прибегал к помощи флота и армии. Так он пленил и привез в Китай царей Палембанга (Суматра) и Цейлона с их приближенными. Чаще всего китайские дипломаты добивались удовлетворения своих требований путем переговоров, иногда многократно возобновляемых, преподношением богатых даров, обещаниями выгодной торговли и пр. В Китай в установленное время прибывали посольства, которые привозили с собой дань и товары частных лиц. Неофициальные торговые функции выполняли все китайские посольства. Обычно в Китай ввозили драгоценности, сырье, пряности, а вывозили готовые изделия, предметы роскоши. Особой заботой дипломатии была защита интересов китайских поселенцев, образовавших колонии в странах Юго-Восточной Азии. Первые сношения завязались у Китая и с Россией в XVI—XVII вв.

Дипломатические и торговые связи Китая были нарушены проникновением первых западноевропейских колонизаторов в бассейны Индийского и Тихого океанов, которые сделали попытку в начале XVI в. вторгнуться также и в Китай. Минские власти не сочли возможным отстаивать военными средствами свое господство на морских путях и защищать поселенцев в китайских колониях на Яве, Суматре и Малакке. Китайское правительство и его дипломатия предпочли воздержаться от установления каких-либо отношений с европейцами. Императоры стали запрещать людям с Запада въезд в страну.

Обороняясь таким способом от колониального порабощения, феодальный Китай начал все более замыкаться и обособляться от внешнего мира.

9. Дипломатия Индии в средние века

Отличительные черты индийской дипломатии на протяжении XI—XVII вв. отражали своеобразие исторического развития Индии в этот период. При наличии крупных государственных образований (Делийский султанат и империя Великих Моголов) на территории Индии продолжали существовать многочисленные независимые мелкие феодальные княжества с разным уровнем развития, а также с различным этниче-

ским, языковым и религиозным составом населения. В средние века эти отличия играли особо важную роль и прямо или косвенно отражались на методах дипломатии и на дипломатической практике индийских государств.

Процесс объединения Индии растянулся на многие столетия. Как и в Европе, в индийской средневековой дипломатии большую роль играли династические связи, взаимоотношения вассалитета, формы феодальных пожалований и т. п.

Вместе с тем в Индии наметились две основные формы дипломатической практики: дипломатия мусульманских правителей, тесно связанная с нормами шариата и дипломатия индусских государей, отражавшая обычаи и традиции индуизма. Наиболее мощными были государства Северной Индии, в которых с начала XIII в. правили мусульманские династии, в основном пришельцы из Ирана и Средней Азии. Связи Индии со Средней Азией не прерывались окончательно в течение всего средневековья.

В XI—XIII вв. Северная Индия подвергалась многократным вторжениям из Хорасана и афганских земель. В начале XIII в. в Дели образовалось сильное государство во главе с династией мусульман-завоевателей. Эти султаны Дели стремились расширить свои владения в Индии под флагом «священной войны» мусульман против индусов. Поэтому в нормах государственного права Делийский султанат в основном следовал предписаниям шариата. Султаны Дели стремились получить признание халифов Багдада (которые считались преемниками пророка) и неоднократно посылали в Багдад миссии с ценными подарками. В 1229 г. впервые было получено официальное признание из Багдада, и в Дели оно ценилось так высоко, что имя последнего Багдадского халифа ал-Мустасима чеканилось на делийских монетах в течение нескольких десятилетий после его смерти и в мечетях читались пятничные молитвы в его честь. Надо сказать, что по мусульманскому обычаю чеканка имени на монетах и чтение хутбы (пятничной молитвы) с упоминанием имени кого-нибудь означает признание его верховным правителем данной страны. Конечно, на самом деле делийские султаны правили вне зависимости от какой-либо инвеституры из Багдада, но признание халифа придавало больший вес претензиям делийских султанов, выступавших в Индии в качестве «борцов за веру». Последний посланец от халифа прибыл в Дели из Египта в 1343 г., когда бунты феодалов и восстания крестьян грозили подорвать власть делийского султана Мухаммеда Туглака. Поэтому посланник халифа был встречен очень торжественно, с великими почестями. Преемник Мухаммеда Фируз Туглак писал в своей автобиогра-

фии: «Величайшая и высшая честь, полученная мною божьей милостью, — это то, что благодаря моей покорности и благочестию, послушанию и уважению к халифу укрепилась моя власть».

Делийские султаны были озабочены обеспечением безопасности своей территории от набегов монголов и завоевательными походами в Южную Индию. Эти задачи решались военными действиями, а не дипломатическими переговорами. Дипломатическое искусство делийских придворных проявлялось лишь при переговорах о сдаче вражеских крепостей или о размерах следуемой дани при заключении мира. При этом победившему правителю всегда посылали богатые дары и в первую очередь слонов — это считалось наиболее приемлемым подарком государю. Иногда побежденный князь становился вассалом, и его бывшие владения передавались ему в качестве лена. В таких случаях делийский султан даровал своему новому вассалу почетные титулы и знаки власти — обычно большой барабан, зонт и право езды на слоне. Однако такие взаимоотношения между Делийским султанатом и вассальными индусскими князьями обычно были непрочными, и при первой возможности или вассал стремился объявить себя независимым, или делийский султан захватывал вассальные земли и посылал туда своего наместника.

К середине XIV в. в Южной Индии образовалось два новых крупных государства: отделившееся от Дели государство Бахмани, во главе которого стояла мусульманская династия, и индусская империя Виджаянагар. Между ними происходила постоянная борьба за равнину Райчур, где находились алмазные копи, и за господство над всем югом Индии. В начале XVI в. государство Бахмани распалось на пять султанатов с мусульманскими династиями. Эти пять султанатов продолжали борьбу с Виджаянагаром и в то же время воевали между собой. В течение полувека Виджаянагару удавалось заключать союзы с одними султанатами против других, хотя среди мусульман Южной Индии продолжали действовать антивиджаянагарские призывы к войне с «неверными». В 1565 г. обстановка в Южной Индии изменилась: мусульманские султанаты объединились, и их войска нанесли решающее поражение Виджаянагару.

Тем временем в результате крестьянских восстаний и сепаратистских действий феодалов Делийский султанат распался. В 1525 г. Бабур, выходец из Ферганы, основал в Северной Индии новую династию, получившую у европейцев название Великих Моголов. После смерти Бабура раздоры его сыновей, между которыми он поделил свои владения, дали возможность

афганцам из области Бихар изгнать династию из Индии. Старший сын Бабура, Хумаюн, бежал в Иран и, несколько лет прожив при дворе иранского шаха Тахмаспа, уговорил его предоставить Хумаюну армию для отвоевания Индии и афганских земель, обещав за это уступить Ирану город Кандагар, запиравший проходы в Индию с запада. Имеются данные, что Хумаюн также обещал сделать государственной религией в своих владениях исповедываемый в Иране шиизм. Однако, утвердившись с помощью иранских войск в афганских горах, а потом и в Дели, Хумаюн поспешил отобрать обратно Кандагар, а суннизм остался господствующим толком ислама при его дворе.

Хумаюн правил Дели немногим более года, когда несчастный случай оборвал его жизнь. Опекуну его малолетнего сына Акбара удалось победить всех соперников и значительно расширить владения Великих Моголов в Индии. При этом борьба велась не только против индусских, но и мусульманских княжеств. При осаде одного города муллы вышли из него с Кораном в руках, моля о милосердии, но, хотя войсками Акбара командовал тоже бывший мулла, он приказал перебить врага, невзирая на «священную книгу» мусульман.

Хотя нормы мусульманского права оставались в силе первое время при Акбаре, но, стремясь завоевать Раджпутану и привлечь к себе индусов-раджпутов, лучших воинов в Индии, Акбар стал действовать не только военным, но и дипломатическим путем. Беспощадно уничтожая сопротивлявшиеся ему раджпутские крепости, разрушая там индусские храмы и строя башни из черепов своих врагов, Акбар одновременно предлагал раджпутским князьям союз на основах вассалитета. Взяв себе в жены раджпутских княжон, Акбар породнился с рядом династий. По договорам, дружественным раджпутским князьям предоставлялось право по-прежнему управлять своими владениями, но при условии уплаты дани. Тем знатным раджпутам, которые со своими отрядами поступали к Великому Моголу на службу, Акбар предоставлял земельные пожалования (джагиры), как и своим мусульманским военачальникам. Специально оговаривалась в договорах свобода вероисповедания как для раджпутских военачальников, так и для княжон, взятых в гарем Акбара. Кроме того, указывалось, что раджпутские князья освобождаются от посылки девушек-родственниц в Дели на новогодний базар, являвшийся по существу смотринами красавиц для гарема Великого Могола.

Так раджпутские отряды влились в армию Акбара и помогли ему завоевать весь Индостан и часть Декана. Вместе с тем дружба с раджпутами-индусами впервые толкнула Акбара

па изменение его религиозной политики в сторону веротерпимости.

В связи с отходом Акбара от ряда принципов ислама у него завязалась оживленная переписка с другими мусульманскими государями — Ирана, Османской империи, Бухары. Послания этим правителям, написанные везиром Акбара Абу-л Фазлом, считались образцом стиля дипломатической переписки и во многих рукописных списках хранятся в Индии, Средней Азии, Афганистане, Иране, Турции и в других мусульманских странах. Они написаны пышным слогом, содержат восхваления пророка Мухаммеда и государя, отправлявшего послание, некоторые места написаны рифмованной прозой или стихами, часто рассыпаны колкие намеки по адресу противников.

Попытки Моголов изгнать португальцев (владевших тремя фортами) с индийской земли не увенчались успехом. Португальцы властвовали на море, а у Великих Моголов не было своего флота. Даже для паломничества к «святым местам» ислама — в Мекку и Медину — Моголам приходилось испрашивать разрешение у португальцев. Акбар отправлял посланцев в Гоа к португальцам с просьбой прислать ему миссионеров для ознакомления его с христианской религией, и несколько миссий иезуитов ездило ко двору Акбара и его преемника. Конечно, и Великий Могол и португальцы при этом преследовали не одни религиозные цели: они стремились разведать силы своего соперника и оказать на него политическое влияние. Однако эта дипломатия с обеих сторон не привела к существенным успехам.

Преемники Акбара — Джахантир и Шах Джахан — пытались противопоставить португальцам английских и голландских купцов, открывших к тому времени свои фактории в Индии. В этой связи был хорошо принят капитан Хоукинс, прибывший в Дели в 1601 г. с письмом от английского короля Якова I и проживший при дворе Великого Могола до 1611 г., несмотря на интриги португальцев. Торговых привилегий для англичан в области Гуджарат добился Томас Роу, официальный посол Якова I, проживший в Дели с 1615 по 1618 г. Очень важным для англичан оказался фирман на право беспошлинной торговли в Бенгалии, полученный от Великого Могола в 1717 г.

Преемники Акбара стремились расширить пределы империи в Декане. Наряду с войнами они прибегали и к дипломатии, заключая династические браки членов своей фамилии с девушками из семей некоторых южноиндийских правителей. Продолжали поддерживаться и дипломатические связи с

мусульманскими правителями Ирана, Балха, Бадахшана и Бухары.

В 1658 г. в Монгольской империи к власти пришел Аурангзеб, хитростью победивший трех своих братьев, боровшихся за престол, и заточивший пожизненно своего отца Шах Джахана. Во второй половине XVII в. эта феодальная держава переживала период упадка. Аурангзеб, продолжавший завоевательные походы в Южную Индию, а на севере борьбу за Кандагар, Балх и Бадахшан, не мог полагаться уже исключительно на свою военную силу. Никогда еще коварство и интриги так широко не применялись во взаимоотношениях Великих Моголов с другими индийскими правителями. Так, например, Аурангзеб заманил Шиваджи, вождя маратхов, в свою столицу обещаниями почестей, но когда тот прибыл, Аурангзеб держал его под домашним арестом и собирался убить. Шиваджи удалось бежать, спрятавшись в корзине с бельем. Стремясь завоевать мятежное раджпутское княжество Мевар, Аурангзеб выдал сына одного пастуха за малолетнего правителя Мевара. При осаде вражеских крепостей Аурангзеб широко применял подкуп их начальников. Он переманил к себе даже главного министра государства Голконда и, воспользовавшись этим предательством, завоевал Голконду.

До XVII в. связи Индии с Россией были случайными и отрывочными. В летописях сохранилось сообщение купца Афанасия Никитина о его знаменитом путешествии в Индию в 1466—1472 гг. Имеются сведения о прибытии в Москву в 1532 г. посланца от Бабура, основателя Могольской империи в Индии. Однако привезенной им грамоты Бабура не сохранилось, и неизвестно, был ли то самозванец или подлинный посол, долго пробиравшийся на Русь и прибывший тогда, когда его повелитель уже два года, как находился в могиле.

С середины XVII в. русское правительство настойчиво стремилось установить дипломатические отношения с Индией, но только третья из посланных туда миссий под руководством М. Ю. Касимова в 1676 г. достигла Кабула, находившегося тогда в пределах империи Великих Моголов. Аурангзеб приказал не пропускать Касимова дальше. Возможно, что причиной этого была просьба царя Алексея Михайловича присылать ежегодно 200—300 пудов серебра в обмен за пушнину, в то время как казна Великих Моголов была опустошена непрерывными войнами, а доходы понизились в результате разорения крестьянства. Лишь в 1696 г. купец Семен Маленький добрался до Дели и прожил там два года, вручив Аурангзебу грамоту царей Ивана и Петра и получив фирман (указ) на право беспошлинной торговли в Индии. Однако на обратном

пути Маленький умер в Иране и лишь товарищи его привезли в Москву этот великолепно оформленный фирман, поныне хранящийся в Московском архиве. Интересно, что фирман был написан на тюркском языке, тогда как государственным языком при Великих Моголах был фарси. Очевидно, такое отступление от обычных правил было вызвано тем, что грамота царей Ивана и Петра была написана на русском и татарском языках.

В XVIII в. империя Великих Моголов распалась. С середины XVIII в. началось английское завоевание Индии. С появлением новых колонизаторов-завоевателей дипломатия Индии вступила в новую стадию.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ДИПЛОМАТИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI—XVIII вв.)

ВВЕДЕНИЕ

Начало капиталистической эры датируется XVI столетием [1]. Тогда в Нидерландах произошла первая буржуазная революция, знаменовавшая собой уже известную степень зрелости капиталистических отношений в передовых районах Европы. В XVII в. совершилась буржуазная революция в Англии. Английскую буржуазную революцию в марксистской историографии принято считать началом нового времени. В большей части Европы в этот период существовали, однако, абсолютные монархии и господствующим классом продолжал оставаться класс феодалов — дворянство. Вот почему в это время мы имеем дело главным образом с дипломатией абсолютных монархий, с их организованным бюрократическим аппаратом и системой центральных учреждений, действовавших как в области внутренней, так и внешней политики. Характеризуя этот период, Маркс писал: «Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом» [2]. Именно на исходе средних веков и на заре нового времени складывается вместе с развитием торговли, расширением международных связей и созданием централизованных государств свойственная им форма организации дипломатии, которая в основном была унаследована от абсолютизма и буржуазными государствами позднейшего времени. Эта форма, которая в средние века встречалась только в виде исключения, характеризуется

---

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 720.

[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 474.

наличием в иностранных государствах постоянных представительств, руководимых правительством посредством центрального дипломатического ведомства. Дипломатия рассматриваемого периода ставила перед собой решение внешнеполитических задач класса феодалов с учетом, однако, интересов нарождавшегося класса буржуазии. Создание новых форм дипломатии, присущих централизованному государству, и преобладание дипломатии абсолютных монархий делают XVI—XVIII вв. с точки зрения развития дипломатии как общественного института довольно цельным, единым периодом.

Постепенное образование капиталистических отношений происходило уже в период позднего средневековья. Резкий толчок этому процессу дали географические открытия и первые колониальные захваты XV—XVI вв. Мировые торговые связи расширились. Товарно-денежные отношения окрепли. Пути и центры торговли переместились от Средиземного и Балтийского морей к берегам Атлантического океана. С той поры в международных отношениях Европы главную роль начали играть государства, расположенные в непосредственной близости к этим центрам. Такими державами оказались Португалия, Испания, Нидерланды, Франция и Англия.

Во внешней политике этих государств решающую роль играли интересы династического порядка и хищнические стремления феодального дворянства. Однако все усиливающееся влияние на ту же политику оказывала и растущая буржуазия, заинтересованная в захвате новых рынков, приобретении колоний, обеспечении торгового преобладания своей страны. Эти интересы можно вскрыть и в основе большинства войн, происходивших в Европе XVI—XVIII столетий, и в содержании почти всех международных договоров этого времени. Тем же целям служила тогда и европейская дипломатия.

К концу XVI в. явственно обозначается усиление торговой и внешнеполитической мощи Англии. Именно ускоренное развитие капиталистических отношений в этой стране приводит в середине XVII в. к победоносной буржуазной революции.

Победа буржуазной революции в Англии укрепила международное положение этой островной державы. Внешняя политика Англии приобретает все более захватнический характер. Морское законодательство английского парламента открыто направляется против сильнейших торговых конкурентов — Испании и Голландии. Борьба против них привела к войнам Англии с ее соперниками и закончилась победой, которая создала для Англии положение первенствующей морской державы.

Если XVII век был ознаменован владычеством Англии на морях, то на континенте Европы в том же столетии укрепи-

лось господство абсолютистско-феодальной Франции, которая в дальнейшем становится главным соперником Англии.

Политика Ришелье и Мазарини способствовала укреплению централизованной государственной власти и окончательному подавлению своеволия крупных феодалов. Вместе с тем, покровительствуя промышленности и торговле, поощряя судоходство и организацию крупных купеческих компаний, расширяя колониальные владения, правительство французской абсолютной монархии того периода содействовало быстрейшему развитию капиталистических отношений и упрочению международного влияния страны. Франция XVII в. усиливается за счет слабейших соседей — Испании и Германии. В противоположность ей Священная Римская империя германской нации, оставшаяся в стороне от новых хозяйственных центров Западной Европы, теряет свое международное значение и окончательно распадается на множество независимых мелких государств. Среди них постепенно усиливаются два новых политических образования — Австрия и Пруссия. В XVI—XVII вв. на востоке Европы в международную жизнь все активнее включается Русское государство. При его участии решаются отныне внешнеполитические проблемы Балтики и Ближнего Востока.

Вооруженная борьба между Англией и Францией за господствующую роль в мировой политике продолжается и в XVIII в. В итоге ряда победоносных войн Англия расширяет свои заморские владения за счет Франции и Испании и становится колониальной державой первостепенного значения. Это первенство Англия, опережающая другие страны в своем капиталистическом развитии, сохраняет и на последующее время. Не поколебал могущества Англии и тот удар, который был ей нанесен в Новом Свете успешной борьбой американской буржуазной демократии за независимость. В том же XVIII столетии значение серьезного международного фактора приобретает наследница Московского государства — молодая Российская империя Петра I.

Основное содержание дипломатической деятельности европейских государств XVI—XVIII вв. сводится к борьбе за торговое и политическое преобладание. Успех в этой борьбе в большей или меньшей мере выпадает на долю тех стран, которые следуют по пути прогрессивного хозяйственного развития. Напротив, неудачи постигают чаще дипломатию тех государств, в которых феодальный строй еще сопротивляется прогрессу крепнущих капиталистических отношений.

По восходящей линии идет в конце XVI в. дипломатия Нидерландов, где буржуазия всего ранее одержала победу над феодально-клерикальной реакцией. Наиболее блестящих дипломатических успехов достигает Англия XVII—XVIII вв. после

исторической победы буржуазной революции, которая укрепила экономическую, морскую и колониальную мощь этой островной державы. Временные дипломатические победы выпадают и на долю французской абсолютной монархии XVI и первой половины XVII столетия, пока она выполняет «цивилизаторскую» [1] роль, уничтожая феодальную раздробленность и способствуя развитию капиталистических отношений путем поощрения промышленности и торговли. Теми же причинами объясняется рост международного влияния России эпохи Петра. Для всех этих государств система меркантилизма служила боевой программой не только внутренней, но и внешней политики.

Дипломатические поражения империи и Испании времен Карла V и Филиппа II были расплатой за политику, которая противоречила требованиям хозяйственного и политического прогресса. То же историческое возмездие постигло и Францию конца XVII и XVIII в. В эту эпоху французская абсолютная монархия продолжает служить интересам дряхлеющего феодализма. Внешняя политика и дипломатия Франции этого времени не сходят со старых путей — защиты династических интересов, добычи «славы» королю, наживы — дворянской военщине. Это одна из причин, приведших к столкновению абсолютной монархии с третьим сословием: революция 1789 г. открывает перед внешней политикой и дипломатией Франции новые пути на службе победившему классу.

Особое место занимает внешняя политика и дипломатия Российской империи XVIII в. Проводя прогрессивную экономическую политику, которая способствовала развитию хозяйства страны и организации ее военной мощи, военно-феодальная империя Петра и его ближайших преемников успешно разрешает исторические задачи русской внешней политики на берегах Балтийского и Черного морей. Во второй половине XVIII в. Западная Европа оказывается лицом к лицу с мощной Российской империей, вооруженные силы и дипломатия которой властно вторгаются в международные отношения Западной Европы.

В государстве, которое служит интересам развивающегося капитализма, буржуазия, передовой для того времени общественный класс, видит положительную силу. Политические идеологи XVI—XVII вв. — Макиавелли в Италии, Боден во Франции, Гроций в Голландии, Гоббс в Англии — развивают идею государства как высшего начала. Служение государственному интересу они провозглашают принципом внутренней и внешней политики.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 308.

В практике международных отношений этого времени группировки и коалиции государств получают еще большее значение по сравнению со средневековьем. Одни создаются для укрепления политической и торговой гегемонии сильнейших держав, другие — для самообороны против подавляющей силы соперника. В новой обстановке, характеризующейся возникновением на смену феодальной раздробленности централизованных государств, появляются новые политико-дипломатические и правовые понятия: о политическом «равновесии», о «естественных границах» государства, о праве войны и мира, о свободе морей, о незыблемости международного договора. Так закладываются основы науки международного права.

С утверждением в Европе XVI—XVIII вв. мощных абсолютных монархий все бо́льшую устойчивость приобретает и организация дипломатической службы. Постоянные дипломатические представительства, зародившиеся в средние века в дипломатической практике папского престола и Венецианской республики, получают теперь всеобщее распространение. Устанавливается строгая дипломатическая иерархия. Вырабатываются общепринятые формы дипломатической переписки. Французский язык становится (на место латыни) общепризнанным языком дипломатических сношений. Более точно регламентируется дипломатический церемониал.

В основном дипломатия остается пока прерогативой абсолютных монархий и зависимой от них бюрократии. Лишь в Англии, в особенности после буржуазной революции, парламент приобретает определенное влияние на внешнюю политику. Однако настоящий переворот в этой области произошел лишь во Франции конца XVIII в. Буржуазной революцией 1789 г. провозглашен был новый принцип верховенства нации во всех вопросах внутренней и внешней политики. Разумеется, с нацией отождествляла себя победившая буржуазия.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В XVI—XVIII вв.

Политическая карта Европы в XVI в.

С конца XV в. Европа вступает в новый период международных отношений. К этому времени окончательно складываются большие государства: Испания, Португалия, Франция, Польша и наметившаяся в пределах Священной Римской империи германской нации Австрия, т. е. наследственные земли дома Габсбургов. Турция, менее крупные Скандинавские государства — Дания, Швеция и Норвегия — и совсем уже мелкие западногерманские княжества, итальянские городские республики, тирании, герцогства и пр. — дополняют политическую карту Европы. Ко второй половине XVI в. на европейскую политическую арену вступает огромное Русское государство. С этого периода, закончив свое политическое объединение, оно мало-помалу становится централизованным, а затем и абсолютистским государством. Таким образом, в то время как Россия, Англия, Франция, Испания, Скандинавские страны превращались в централизованные государства, Германия и Италия оставались политически раздробленными. Эту особенность политическая география Европы сохраняет до второй половины XIX в.

«Государственный интерес» как принцип политики

Уже в XV в. необходимость государственного единства стала настолько очевидной, что «государственный интерес» начинал рассматриваться как высшее мерило в политике. Этот «государственный интерес» в конечном счете есть интерес господствующего класса в целом. Но он изображался в качестве «общего блага», которое должно осуществляться государством в случае надобности даже путем насилия.

Ради обеспечения «общего блага» хороши все средства. Религия перестает играть заметную роль в политике. Политика не связывается с моралью. «...Начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей нового времени, — писал Маркс, — не говоря уже о более ранних, сила изобража-

лась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали...»[1]

Раньше других и, пожалуй, наиболее последовательно эти новые взгляды на государство и политику были выражены у Макиавелли.

Макиавелли (1469—1527 гг.), один из замечательных политических мыслителей XVI в., вскрыл подлинные основы «реалистической» политики всех и всяких монархов — государей, укрепляющих и расширяющих свою власть всеми средствами, «дозволенными» и «недозволенными». С циничесской откровенностью, не стесняемой никакими соображениями морального порядка, он нарисовал в своем сочинении «Государь» тип монарха, которому все дозволено ради одной цели — безграничного расширения своей власти. Но, освобождая своего государя от всяких моральных стеснений, Макиавелли мечтал использовать честолюбие и жадность итальянских властителей в интересах объединения Италии. С этой точки зрения теория дипломатического искусства подчинялась у Макиавелли принципу «государственного интереса».

«Следует иметь в виду, — говорит Макиавелли в своем «Государе», — что есть два рода борьбы: один — посредством законов, другой — силы. Первый свойственен людям, второй — зверям, но так как первый часто оказывается недостаточным, то приходится прибегать ко второму. Поэтому государю необходимо пользоваться приемами и зверя и человека. Если же государь принужден научиться приемам зверя, то он должен выбрать из числа зверей лису и льва, ибо лев не может защититься от змеи, лиса — от волков. Следовательно, надо быть лисой, чтобы распознать змей, и львом, чтобы расправляться с волками».

«Государю, — заключает Макиавелли, — необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо».

О политическом реализме Макиавелли, выросшем из потребностей эпохи, свидетельствует то, что его идеи разделялись крупнейшими политическими деятелями и дипломатами позднего средневековья и нового времени.

Английскому дипломату XVI в. сэру Генри Уоттону принадлежит острота по поводу функций посла: «Посол — это муж добрый, отправленный на чужбину, дабы там лгать на пользу своей стране».

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Немецкая идеология, Госполитиздат, 1956, стр. 301.

Крупнейшему из дипломатов и политиков XVII в., кардиналу Ришелье, который правил Францией с 1624 по 1642 г., принципы Макиавелли не казались циничными. В глазах Ришелье они не лишены подлинного величия. «Государственный интерес» (raison d'etat) господствует у Ришелье в его взглядах и в его практике. «Государство» превыше всего. «Государство» есть ценность, во имя которой все средства хороши, — таков смысл рассуждений Ришелье в его замечательном «Политическом завещании». «Быть суровым, — советует он королю, — по отношению к людям, которые хвалятся тем, что они пренебрегают законами и распоряжениями государства, это значит действовать во имя «общего блага». Христиане должны забывать об оскорблениях, наносимых им лично, но правители должны помнить проступки, которые наносят ущерб общему интересу. В самом деле, оставлять их безнаказанными значит совершать их дважды... Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения».

Если «общее благо» и «государственный интерес» играют такую роль во внутренней политике, то еще большее значение имеют они для политики внешней. Ришелье это доказывал на каждом шагу. Будучи католиком и кардиналом римской церкви, он действовал против католической Испании и Австрии в союзе с протестантскими князьями Германии; являясь убежденным сторонником и красноречивым защитником абсолютизма, он в интересах Франции поддерживал мятежных немецких князей против их императора. Все это оправдывалось для него «общим благом» и «государственными интересами» Франции.

Органы внешней политики и дипломатии в XVI—XVIII вв. Дипломатическая служба в этот период

«...*Абсолютная монархия* возникает, — отмечает Маркс, — в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [1]. Маневрируя между дворянством и буржуазией, королевская власть достигала известной самостоятельности. Это сказывалось и на ее внешней политике и дипломатии. Будучи в то время тайною тайн, дипломатия замыкалась в узкий круг особо посвященных. Центром, где создавалась политика, являлся королевский двор. В абсолютной монархии велико было значение не только династических интересов и личности самого короля; значительна была роль и его любимцев, любов-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 306.

ниц и просто ловких интриганов, которым удавалось приобрести влияние на короля. Такое положение определялось самим существом абсолютизма, как формы государственной власти.

XVI век был временем оформления дипломатической службы, центральных и местных учреждений, которые обслуживали внешнюю политику нового государства. В XVII в. даже более крупные княжества Германии стали посылать за границу своих постоянных представителей.

Под влиянием гуманистов появляется тот стиль дипломатических депеш и донесений, который становится мало-помалу обязательным для каждого дипломата. Итальянские государи в XV и XVI вв. пользовались гуманистами в качестве своих секретарей по внешним делам: это способствовало введению в дипломатию изящного стиля речи и письма. Первым из представителей нового дипломатического красноречия был флорентийский канцлер, известный гуманист Колюччо Салютати. Письма его стали своего рода образцами для дипломатов XVI в. Не меньшее значение имели и донесения венецианских послов. Отчеты венецианских агентов за границей, которые предназначались для узкого круга лиц, просачивались и в широкую публику: сборники этих отчетов известны были уже в XVI в.

Фамильные отношения Габсбургов, одновременно владевших империей и Испанией, вызывали потребность в постоянном общении и обмене мнениями между соседними государствами. В особенности оживились эти отношения после отречения от престола Карла V (1555 г.), когда владения Габсбургов были поделены между старшей (испанской) и младшей (австрийской) линиями этого дома.

Большое значение для развития дипломатической деятельности имело правление папы Льва X (1513—1521 гг.). Этот папа, Медичи по происхождению, был хорошо знаком с постоянным дипломатическим представительством у себя на родине во Флоренции, а также в Венеции. На собрании кардиналов в августе 1513 г. он назначил постоянных представителей (нунциев) в Германию, Францию и Англию. Таким образом постоянная папская нунцитура стала правилом в системе ватиканской дипломатии.

Обстоятельствами, которые задерживали повсеместное распространение института постоянных дипломатических представителей, были большие расходы на содержание послов и посольств, отсутствие хороших путей сообщения и средств связи, недостаток опытных и вышколенных дипломатов. Тем не менее к концу XVI в. институт постоянного дипломатического представительства складывается более или менее прочно, причем

устанавливается определенная дипломатическая иерархия. Основой для нее было значение государства, пославшего агента. Короли Франции, Испании и Англии требовали для своих послов большего уважения, чем какой-нибудь герцог миланский или тем более захудалый немецкий князь.

Постепенно в посольском ритуале складывались определенные традиции. Уже в XVI в. соблюдалось различие между послом и обычным агентом или резидентом. Право назначать послов признавалось не за всеми государями. Карл V, император Священной Римской империи, имел, например, при своем дворе только папского посла, посла короля французского, посла своего брата Фердинанда (короля римского, который представлял Карла в Германии) и посла Венеции. Государи, которые находились в зависимости от императора или другого крупного монарха, могли иметь при них только простых агентов.

Обычные дипломатические сношения между государствами не всегда были достаточными. Поэтому наряду с постоянным дипломатическим представительством продолжали сохранять силу и чрезвычайные посольства, снаряжаемые в особо важных случаях, как, например, при необходимости непосредственных переговоров между правительствами, восшествии на престол нового государя и т. д. В связи с этим возникали и некоторые трудности. Чрезвычайные послы требовали для себя первого места не только по отношению к послу своего же государства, но и в ряду послов других держав. Тогда некоторые, особенно крупные, государства, не желая терпеть ущерба для своей чести, стали возводить своих обыкновенных послов в «чрезвычайные». Уже в XVII в. этот обычай получил широкое распространение.

XVI—XVIII века были временем, когда сложился новый дипломатический церемониал. Уже при императоре Карле V почести, оказываемые послам при въезде и приеме, получили строго установленный характер. При церемониале учитывалось значение каждой державы, послы которой прибывали в Испанию. В XVI в. постепенно сложился чин посольских приемов и во Франции. Несколько проще к церемониалу относились долгое время англичане. Еще в XVII в. навстречу обыкновенному послу выезжали в Англии принцы крови, за что не раз англичане удостаивались насмешек со стороны французов, которые лучше знали толк в так называемых civilités, тонкостях дипломатического обхождения. Но и в Англии со времени поклонника французских порядков Карла I Стюарта также установился определенный дипломатический ритуал.

Этот церемониал — система обычаев — играл немаловажную роль с точки зрения международных отношений. Пове-

дение посла при въезде и особенно во время первой аудиенции, а также ответные действия принимающего его государя или министра символизировали взаимоотношения держав и их сравнительный удельный вес в международной жизни. Всякое отступление от принятого порядка в ритуале торжественного приема рассматривалось участниками этой церемонии либо как показатель изменившихся отношений, либо как знак умаления достоинства, либо, наоборот, как дань особого уважения к стране, представляемой послом или лицом, его заменяющим. Вот почему имели место постоянные споры о мелочах этикета, вечные домогательства послов получить такие же почести, какие были оказаны послу другой державы, их боязнь обесчестить своего государя недостаточным вниманием, проявленным к его послу.

В XVI и XVII вв. при папском дворе существовал, например, такой порядок. Торжественная аудиенция давалась папой, окруженным коллегией кардиналов, которые составляли в данном случае консисторию. Посол обязан был выслушивать папу, стоя, с непокрытой головой. Послы императора, крупных государей и Венецианской республики принимались в большом, так называемом Королевском зале, послы прочих государей — в малом, Герцогском зале. Были и такие послы, которых папа принимал в своих покоях, куда он на этот случай призывал лишь немногих кардиналов, чтобы посол не подумал, что для него составлена консистория. Герцог Савойский, получив титул кипрского короля, потребовал, чтобы его послов папа принимал в большом зале. Когда ему было в этом отказано, он обиделся и на некоторое время перестал вообще посылать своего представителя к папе. Генуэзская республика предлагала папе несколько миллионов золотом только за то, чтобы ее послов папа принимал в большом зале. Папа отказал ей в этом под давлением Венеции, которая никак не желала, чтобы Генуя была на одном уровне с нею. 13 сентября 1672 г. в Риме побывала и делегация царя московского. Ей была дана аудиенция в большом зале, папа принимал ее в окружении пятнадцати кардиналов. Московского посла заставили проделать такую же церемонию, как и всякого правоверного католика, — он должен был сделать три глубоких поклона и поцеловать папскую туфлю. Во время обыкновенных аудиенций папа сидел в кресле, обитом красным шелком. Послу дозволялось сидеть на табурете; при этом посол не мог покрывать головы в течение всей аудиенции.

Нечто подобное имело место и во Франции. Здесь послов коронованных особ и папских нунциев вводили в залу приема принцы крови. В отличие от папского двора венецианские послы ставились при этом ниже послов императора и коро-

лей — таких почестей им не полагалось. Когда в 1635 г. во Францию прибыл английский посол и явился ко двору, находившемуся в это время вне Парижа, там не оказалось ни одного принца крови. Посол заявил, что не сдвинется с места до тех пор, пока ему не будет дан в качестве вводящей персоны принц крови. Пришлось посылать за принцем в Париж. Строгий церемониал приема послов, введенный в Англии Карлом I, не помешал его преемнику Карлу II в первые годы Реставрации устроить торжественный прием посольству маленькой Голландии, в которой он не раз во время английской революции находил приют. В 1660 г. республика Соединенных провинций (Голландия) отправила в Англию чрезвычайное посольство, чтобы приветствовать короля по случаю его «восстановления» на престоле. В Англию посольство прибыло в начале ноября. Прожив несколько дней инкогнито в Лондоне, послы отправились в Гринвич. Здесь их приветствовал от имени короля лорд Ричард со свитой, предоставив в их распоряжение барки, на которых они снова, но уже торжественно, прибыли в Лондон. У набережной послов ожидал лорд Грэвен с двадцатью каретами; каждую из них везла шестерка лошадей. Послов привезли в апартаменты главного церемониймейстера Абраама Вильямса, где они отдохнули. Затем они отправились на аудиенцию, причем им повсюду воздавались почести наравне с послами коронованных особ. Голландский историк этого посольства отмечает, что послы Соединенных провинций первый раз в истории удостоились чести быть встреченными лордом еще за пределами Лондона.

Зарождение науки международного права

Появление крупных государств и развитие дипломатических отношений между ними вызвали к жизни и соответствующую теорию. Развивается дипломатическое право и право международное. Нидерландец Бальтазар Айала опубликовал в 1582 г. сочинение «О праве войны и военных учреждениях» («De jure belli et officiis bellicis»). В нем он развил учение о посольской неприкосновенности, обосновав его данными опыта и соображениями целесообразности. Большое распространение получила работа итальянца Альберико Джентили «О посольствах» («De legationibus», 1585). Этот автор был одним из наиболее известных предшественников основателя международного права голландца Гуго Гроция. Родом из Анконы, Альберико Джентили перешел в протестантизм и вынужден был уехать из Италии. Он стал профессором Оксфордского университета. Ему как юристу пришлось высказаться по поводу деятельности испанского посла Мендозы, который принял участие в заговоре против королевы Елизаветы в пользу Марии Стюарт. По этому поводу он напи-

сал целый трактат о правах и обязанностях посла. Джентили оказал глубокое влияние на развитие науки о международном праве в Англии.

Пальма первенства в отношении разработки науки международного права принадлежит, несомненно, Гуго Гроцию (1583—1645 гг.). Историческое значение знаменитого голландского юриста заключалось в том, что в век бесконечных войн между абсолютистскими, т. е. дворянскими, государствами, сопровождавшихся грабежами и разорением, он попытался теоретически обосновать защиту буржуазной собственности и вместе с этим ввести войну в рамки правовых норм. Сочинение, которое создало Гроцию славу — «О праве войны и мира» («De jure belli ac pacis», 1625) [1], исходило из права собственности как «естественного права» человека, права, «диктуемого здравым смыслом, т. е. природой». На основе естественного права строится право положительное, т. е. законы, издаваемые государством. Источником международного права является договор. Государства, рассматриваемые Гроцием как отдельные собственники, договариваются между собой о нормах, регулирующих отношения между ними не только в мирное время, но и во время войны. Война, по Гроцию, является фактом естественным: она вытекает из человеческого стремления к самосохранению. Однако война должна быть предпринимаема только в интересах восстановления справедливости. Когда она уже разгорелась, вести ее надо в пределах права и добросовестно. Чтобы война была справедливой, от воюющих сторон требуется уважение свободы торговли, свободы эмиграции, свободы морей, неприкосновенности вражеской собственности постольку, поскольку не требуется «возмещение убытков и удовлетворение претензий за счет врага».

В своем труде Гроций посвятил правам посла целую главу (XVIII). Она интересна в том отношении, что описывает обычаи, которые сложились к началу XVII в. в области посольского права. Всеми признаны, говорит Гроций, два основных права посла: 1) право быть принятым тем сувереном, к которому он послан, 2) неприкосновенность личности самого посла, его свиты и его имущества. Гроций подчеркивает, что права посла не столько вытекают из неизменных принципов естественного права, сколько зависят от воли отдельных народов, другими словами, от обычаев страны. Поэтому и первое и второе из основных прав посла в разных странах имеют различный объем. Право посла быть принятым вовсе не означает, что суверен, к которому он направлен, обязан его принять.

[1] *Гуго Гроций*, О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Перевод А. Л. Саккети, М., 1956.

Необходимо лишь, чтобы отказ в приеме посла был строго обоснован. Если посол отправлен врагом, вторгшимся в страну, или явился с целью подстрекать чужих подданных к мятежу, он с полным основанием лишается права быть принятым. Точно так же обстоит дело и с неприкосновенностью посла (§ IV). Бóльшая или меньшая неприкосновенность посла зависит от обычаев страны, в которой он аккредитован. Во всяком случае, считает Гроций, личность посла должна быть изъята из-под действия правила, согласно которому каждый иностранец подчиняется законам той страны, где он находится. С личной неприкосновенностью посла связана и его экстерриториальность. «Так как,—говорит Гроций (кн. II, гл. XVIII) [1], — согласно международному праву посол представляет особу своего монарха, он находится как бы вне территории того государства, в котором выполняет свои функции. Отсюда следует, что он не обязан соблюдать законы страны, в которую послан. Если он совершил преступление, то следует либо закрыть на это глаза, либо выслать его за пределы государства; в случае если преступление его наносит стране, где он является послом, существенный ущерб, нужно требовать от его государя либо наказания, либо выдачи посла. Такой же неприкосновенностью пользуются свита посла и его имущество. Что касается права убежища в посольстве, то это право имеется налицо лишь в том случае, если допускается сувереном, при котором посол аккредитован».

В XVII в. стали издаваться сочинения, которые, не претендуя на теоретические обобщения, ставили себе более скромные цели — именно дать послу практическое руководство для наилучшего выполнения возложенных на него поручений. Такими были: пособие по дипломатии англичанина Ричарда Зауча (R. Zouch, 1650) и особенно книга голландца Авраама Викфора «Посол и его функции» («L'ambassadeur et ses fonctions», 1676). Последняя выдержала несколько изданий и в течение долгого времени была настольным руководством дипломатов.

Следует отметить, что созданные в XVI в. в Европе первые газеты стали помещать статьи, при помощи которых руководители внешней политики старались оказывать влияние на общественное мнение в интересах проводимой ими политики. Появляются публицисты, главное занятие которых — освещение внешнеполитических вопросов. Среди них в качестве примера можно назвать французского публициста Теофраста Ренодо (1586—1653 гг.), основателя «Французской газеты» («Gasette de France», 1631), сделавшейся органом политики Ришелье, и особенно гугенота Юбера Ланге (1518—1581 гг.), политического

[1] *Гуго Гроций*, О праве войны и мира, стр. 430—431.

обозревателя, первым отметившего появление на международной арене Русского государства. Удивляясь быстрому расширению, военной силе и мощи Московского государства, он писал в 1558 г.: «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой».

Установление постоянного представительства и появление юридических норм, регулирующих положение и деятельность дипломатов, свидетельствовали о возрастании роли дипломатии как орудия внешней политики.

Быт и нравы дипломатов XVI—XVIII вв.

Послы и прочие крупные дипломаты происходили из среды высшего феодального дворянства. В этом классе живы были старые представления, отождествлявшие государство с вотчиной. В новом централизованном государстве дворянство продолжало смотреть на доходы казны как на источник своего обогащения. Это порождало явление, знакомое и буржуазному государству: взяточничество и продажность, от первого министра до последней чиновной сошки. Этот порок был свойственен и дипломатам абсолютных монархий. В еще большей степени самим дипломатам приходилось подкупать влиятельных людей и важных государственных чинов в странах, в которых они были аккредитованы. Наставник послов Викфор поместил в своей книге целую главу, озаглавленную: «Послу позволяется подкупать министров двора, при котором он выполняет свои функции». Однажды, рассказывает Викфор, к английскому королю Якову I явился джентльмен, который заявил, что хочет выдать королю некую важную тайну; однако король при этом должен дать ему полную гарантию неприкосновенности. Когда такая гарантия была дана, джентльмен заявил королю, что многие придворные и члены королевского совета получают пенсии от испанского короля. Яков I поднял на смех простодушного джентльмена. Все это ему, королю, хорошо известно, сказал он. При этом король прибавил, что не возражал бы, если бы король испанский давал в десять раз больше, чем теперь: тем меньше у него было бы денег на войну против Англии. Коррупция при Стюартах была очень сильна: ею, как известно, были затронуты и члены королевской семьи. Сам Карл II был просто на жалованьи у Людовика XIV. Продав официально Дюнкерк Франции (1662 г.) за 5 миллионов ливров, он дал тайную расписку в получении 8 миллионов, из чего следует, что он положил 3 миллиона в собственный карман. Королева Елизавета была в этом отношении строже: она приказала посадить в тюрьму двух своих послов Николая Клиффорда и Антония Шерли за то, что они осмелились без ее согласия принять от французского короля Генриха IV ордена св. Михаила. Королева подозревала, что они оказали услугу

Франции, быть может, в ущерб интересам Англии; а простого подозрения, полагает Викфор, вполне достаточно для того, чтобы по крайней мере отозвать посла и положить конец его карьере.

В XVI и XVII вв. получил хождение даже особый термин для посла — «почетный шпион» («espion honorable»). Еще Филипп де Коммин, знаменитый историограф королей Людовика XI и Карла VIII писал в своих мемуарах, что для посла «великое дело» проникнуть в дела чужого государя через подкуп его министра. Это — самая большая услуга, какую он может оказать своему государю. Поэтому, замечает Викфор, посол, подкупающий министра чужой страны, нисколько не нарушает международного права и все согласны с тем, что он в данном случае только выполняет свои обязанности. Лишь бы посол не переходил границ и не занимался подкупом таких лиц, которые угрожают жизни государя или порядкам страны, в которой он аккредитован. У Викфора есть забавное соображение, что обязанность посла проникать в чужие секреты путем подкупа настолько важна, что о странах, которые не пользуются этим обычаем, можно сказать, что они теряют миллионы экю, боясь потерять 50 тысяч. Такова, например, республика Соединенных провинций. У нее нет специальных фондов, предназначенных для подкупа, а когда таковые отпускаются Штатами, то это совершается гласно и становится всем известным, тогда как такое дело требует абсолютной тайны. Поэтому дипломатия в Голландии находится в руках принцев Оранских, а они не гнушаются получать пенсии от французского короля. И действительно, в инструкции Жаннена, министра Генриха IV, от 11 августа 1609 г. имеются любопытные строки. В них французскому послу Прео указывается, что он должен платить определенную сумму денег на поддержку Морица Оранского и других высоких лиц, дабы укрепить их французские симпатии и их вражду к Испании, исконному врагу Франции. Король Генрих IV в своей резолюции назначил для этой цели 100 тысяч ливров.

В дипломатических кругах XVI—XVII и XVIII вв. вращалось достаточное количество подозрительных людей и творилось много темных дел. При медленности передвижения в те времена и при опасности путешествий ограбление «неизвестными лицами» посольских курьеров, перлюстрация почты и просто исчезновение в пути дипломатических агентов были делом обыкновенным. Французский министр Лувуа советовал однажды тайно арестовать австрийского посла графа Лизола, неприятного французскому правительству, добавив, что «даже убийство этого посла не причинило бы никаких затруднений» (1674 г.). Среди агентов, бравших на себя такого рода поручения, были

люди, которые достигали иногда больших постов и играли крупную роль в политике. То были дипломаты по профессии и авантюристы по призванию, люди без родины и совести; они служили тому, кто больше даст, и ухитрялись получать сразу со многих стран. Их было особенно много в XVIII в., в пору упадка абсолютных монархий. Они кишели, как черви, в теле дряхлеющего организма старой дворянской монархии и своей деятельностью ускоряли ее разложение. Некоторые из них получили европейскую известность благодаря своим способностям дипломатов и политиков.

Таким был, например, первый министр испанского короля Филиппа V или скорее его второй жены Елизаветы Пармской (Фарнезе) Джулио Альберони (1664—1752 гг.). Итальянец по происхождению, сын бедного винодела, Альберони, благодаря своим способностям, образованию и исключительной пронырливости, стал аббатом и наставником недорослей из знатных дворянских фамилий. Его карьера до некоторой степени типична для обстановки, царившей в правящих кругах того времени. Его сан и влияние покровителей позволяли ему быстро двигаться по ступеням карьеры. В 1702 г. он сделался сводником, шутом и политическим советником герцога Вандома, который представил его самому королю Людовику XIV. Ловкий проходимец сумел чрезвычайно быстро втереться в милость короля и получил от него пенсию в 3 тысячи ливров. От Людовика XIV он перешел к его внуку, ставшему Филиппом V, королем Испании. Здесь он скоро добился должности первого министра как своей ловкостью, так и умением приготовлять итальянские кушанья для короля и королевы. После смерти королевы он женил короля на племяннице своего прежнего государя, герцога Пармского, Елизавете, женщине властной и умной. Вместе с нею он правил Испанией до 1719 г. Это был довольно способный дипломат. Он поставил себе целью возвратить Испании итальянские провинции, утерянные ею по Утрехтскому миру, и вернуть Испании ее былую мощь и влияние. Для этого надо было прежде всего расстроить старую антииспанскую коалицию держав (Англии, Австрии и Голландии), которая создалась во время войны за испанское наследство. Одновременно Альберони принужден был, удовлетворяя честолюбие своего короля, который желал получить французскую корону, плести искусную интригу и в этом направлении. Он действовал против французского правительства, вечно трепеща от страха, что может потерять расположение выдвинувшего его французского двора, а вместе с ним потерять все, ибо испанские гранды ненавидели его как выскочку и проходимца. «Я предпочел бы быть гребцом на турецких галерах», — сказал

однажды Альберони. Альберони был неутомим в дипломатических комбинациях. Он купил союз с Англией, разрешив ей торговлю с американскими колониями; он подстрекал во Франции противников регента, герцога Орлеанского, поощрял турок против Габсбургов, всячески старался примирить Карла XII Шведского с Петром I, для того чтобы насолить этим непримиримому врагу Испании Георгу I Английскому; он тайно поддерживал в Англии якобитов, сторонников свергнутой династии Стюартов. Своими интригами Альберони немало способствовал тому, что Испания была втянута в бесславную войну с Англией и Францией. Уже в 1719 г. Филипп V принужден был заключить мир. Это повлекло за собой и падение Альберони, изгнанного из Испании по требованию французского и английского правительств.

Не менее колоритной фигурой был небезызвестный и в русской истории французский ренегат граф Бонневаль, авантюрист и прожектер XVIII в. (1675—1747 гг.). Это был истинный феодал по своим взглядам и поведению, человек безрассудной храбрости, но и редкой политической дальнозоркости, неукротимой энергии и непоседливости, готовый менять своих суверенов так же, как в средние века вассалы меняли сеньоров. Поссорившись с французским министром Шамильяром, он перешел на австрийскую службу и сражался в 1709 г. против своих соотечественников, затем воевал против турок под начальством знаменитого австрийского полководца принца Евгения Савойского, но не ужился и с ним. Будучи отправлен послом австрийского правительства в Бельгию, принадлежавшую тогда Австрии, он завел здесь тайные сношения с Испанией и Францией. За это был посажен в крепость, а затем, едва не попав на виселицу, изгнан из австрийских владений. Бонневаль отправился в Турцию, где на него «снизошла турецкая благодать, внушившая ему неудержимое желание задать трепку принцу Евгению при помощи турецких батальонов». Приняв веру пророка и надев на голову тюрбан, он превратился в Ахмет-пашу Бонневаля, но не перестал по-феодальному мечтать о новом крестовом походе. Он сделался политическим советником турецкого султана и всю свою кипучую энергию направил на то, чтобы поставить преграду продвижению Российской империи на юг, к Черному морю, и на Ближний Восток. Он лелеял план оборонительного союза против России трех держав (Швеции, Турции и Польши), которые одинаково боялись усиления России. В этом отношении планы его полностью совпадали с планами французской дипломатии, и он всячески старался толкнуть французское правительство на путь активной поддержки этих трех держав и создания крепкого союза Франции с Турцией.

Периодизация дипломатической истории XVI—XVIII вв. и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств

В Европе XVI—XVIII вв. существовали три основных узла международных противоречий, три очага конфликтов, грозивших каждую минуту разгореться в войну.

1) На западе Европы сталкивались торговые и колониальные интересы четырех держав, обладавших наибольшими торговыми и заморскими интересами: Испании, Франции, Англии и с XVII в. Голландии; 2) в XVI в. возник и к XVIII в. окончательно сложился на юго-востоке так называемый восточный вопрос — проблема взаимоотношений между европейскими державами и Турецкой империей; наконец 3) на северо-востоке Европы великие державы севера в течение трех столетий вели ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море, решая вопрос о том, кому будет принадлежать господство над Балтикой.

Эти три узла переплетались между собой, влияли друг на друга, создавая самые неожиданные и сложные комбинации в международных отношениях.

В XVI в., в связи с развитием капитализма и после открытия Нового Света и морского пути в Индию, перед западными державами впервые возник во всей остроте вопрос о захвате колоний и о расширении заморских владений. Борьба в Европе осложнилась борьбой в колониях. Каждый европейский конфликт вызывал изменения в колониальных владениях западных держав.

В XVI в. самыми сильными европейскими державами были Франция и Испания. Со второй половины XVI в. начала расти колониальная мощь Англии. Во второй же половине XVI в. произошла и нидерландская революция — восстание Нидерландов против испанского владычества; к концу XVI в. возникло новое независимое государство, первая в Европе буржуазная республика Соединенных провинций, известная в истории больше под именем Голландской республики. Борьба между Францией и Испанией на континенте Европы, соперничество между Англией и Испанией за господство на морях — таково основное содержание международных отношений на западе Европы в XVI в. Результатом этой борьбы было ослабление Испании, отставшей в своем экономическом развитии, влияние которой было подорвано в соперничестве с Англией, а особенно в борьбе с ее нидерландскими подданными. Зато усилились Англия, Франция и Голландия. В XVII в. Франция уже притязала на гегемонию в Европе. В XVII же веке создалась великая колониальная французская держава и произошла буржуазная революция в Англии. Началась борьба между двумя морскими державами — Англией и Голландией — за господство на

море; этот спор был решен в пользу Англии. В XVIII в. у Англии в Европе остался один соперник — Франция. В борьбе, которая шла между ними в течение XVIII в., Франция осталась самой сильной державой континента, но потеряла бóльшую часть своих заморских колоний. Англия к концу XVIII в. стала не только первой морской и колониальной державой, но и превратилась мало-помалу в «мастерскую мира», поставлявшую промышленные товары во все части света.

Таковы основные контуры международных отношений на западе Европы в XVI—XVIII вв.

Сообразно с этим историю международных отношений и дипломатии этих трех столетий можно разбить на три периода:

1. Период испанского преобладания, который охватывает почти весь XVI в. Это период ожесточенных религиозных войн, в которых Испания принимала деятельное участие как оплот феодально-католической реакции; вместе с тем это время испано-французского, испано-английского соперничества.

2. Период французского преобладания в Европе. Его кульминационный момент — Вестфальский мир (1648 г.). Это также время напряженной борьбы между Францией и Голландией, время блестящей дипломатической деятельности молодой Голландской республики, время значительного усиления Англии, в особенности после буржуазной революции XVII в.

3. Третий период приблизительно совпадает с XVIII в. Это прежде всего время борьбы между Англией и Францией за колонии и за первое место в мировой политике. Это время крупнейших успехов молодой Российской империи в борьбе за выход к Балтийскому и Черному морям.

Наиболее яркое выражение важнейшие международные противоречия того времени нашли в четырех крупнейших общеевропейских конфликтах XVII и XVIII вв.: в Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.), в войне за испанское наследство (1701—1714 гг.) и в совпавшей с нею по времени своей развязки Северной войне (1700—1721), в Семилетней войне (1756—1763 гг).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В XVI в.

1. Дипломатия Испании, Франции и Англии в XVI в.

Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II

В XVI в. Англия еще была небольшим государством с 3,5—4 миллионами населения. В Восточной Европе Россия уже стала могущественной державой; но на Западе ее влияние чувствовалось еще слабо. В Западной Европе первое место занимали Франция и Испания — две державы, которые закончили к началу XVI в. свое территориальное объединение и насчитывали первая до 15 миллионов, вторая до 10 миллионов населения. Обстоятельства международной жизни выдвинули в XVI в. на первое место Испанию.

Результатом предприимчивости португальцев и испанцев были открытия в конце XV в. Нового Света, Америки (1492 г.) и морского пути в Индию (1498 г.). Ограбление заморских стран привело к чрезвычайно быстрому обогащению обеих стран Пиренейского полуострова. С 1516 г. королем Испании стал юноша Карл I (родился в 1500 г.), внук объединителей Испании — Фердинанда и Изабеллы Католических. По своему отцу эрцгерцогу австрийскому Карл I приходился также внуком императору Максимилиану I Габсбургу. После смерти Максимилиана немецкие князья избрали Карла императором Священной Римской империи (1519 г.). В состав испанских владений в это время входили вновь открытые колонии в Америке, Нидерланды, Неаполитанское королевство и Сардиния. О Карле I (как император он стал именоваться Карлом V), который владел одновременно Испанией, Германией, Италией и землями за океаном, говорили, что в его владениях никогда не заходит солнце. Это была действительно огромная, невиданная до тех пор в Европе по своим размерам мировая империя. Но чисто феодальный характер Испании — основы этой империи — предопределил структуру всей монархии Карла V, а также направление его внешней политики.

Хлынувший из вновь открытой Америки поток драгоценного металла обогатил правящие верхи испанского дворянства и тем самым укрепил класс феодалов и феодальные отношения в

стране. Но развитие промышленности в Испании почти замерло. Испания в экономическом отношении стала даже скатываться назад, к условиям XIV в. Золото и серебро лились рекой в руки феодальной знати, которая праздно жила в великолепных дворцах; остальная дворянская масса — испанские идальго, по-прежнему презиравшие труд, — влачила довольно жалкое существование. Что касается народа, ремесленников и крестьян Испании, то нищета их вошла в поговорку. На этой нищете пышно расцвела католическая церковь: сотни тысяч тунеядцев-монахов наполняли монастыри; свирепствовала испанская инквизиция — страшное орудие королевского абсолютизма. И в это время король Испании и император Священной Римской империи Карл V мечтал о единой монархии, единой католической семье народов, во главе которой стоял бы он один, светский государь и духовный отец всех правоверных католиков. «Это было время, — писал Маркс, — когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции» [1].

Во внешней политике Карла V поражает причудливое сочетание реальности с фантастикой. То была политика возрождения средневековой фантазии о единой универсальной католической монархии. «Идеальные» цели этой политики служили прикрытием самой грубой реальности — системы захватов и грабежа.

Дворянство жаждало «рыцарских подвигов» потому, что хотело войны и добычи. На этом пути Карл V встретился с соперником — королем французским, главой еще более многочисленного и не менее воинственного французского дворянства. Оно тоже жаждало грабежа и «подвигов» и воспевало доблесть крестоносцев, которым всячески стремилось подражать. Таков смысл итальянских войн первой половины XVI в. Два соперника, испанское и французское дворянство, спорили из-за добычи: все еще богатой, но политически распыленной и немощной Италии.

Политическая идея всемирной монархии, лелеемая Карлом V, была чистейшей утопией. Сама «Священная Римская империя германской нации», состоявшая из столь разнородных частей, как Германия, Италия, Нидерланды, была скорее призраком, чем реальностью. Немецкие курфюрсты, которые избрали

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 10, изд. 2, стр. 431.

Карла императором, заявили ему во время коронации в Аахене 23 октября 1520 г.: «Помни, что этот трон дан тебе не по праву рождения и не по наследству, а волей князей и курфюрстов Германии». Правильнее было бы сказать, что этот трон был куплен Карлом V. Для того чтобы получить его, Карл истратил на подкуп курфюрстов колоссальные суммы, которые после его избрания были выплачены финансовым агентом императора, знаменитым южногерманским банкирским домом Фуггеров. Глава этого дома Яков Фуггер имел полное основание написать Карлу V в 1523 г.: «Ясно, как день, что без моей помощи вы, ваше величество, не могли бы получить императорскую римскую корону».

Но времена таких политических затей, которые напоминали притязания пап на вселенско-католическое господство, прошли безвозвратно. Да и раньше то были миражи, неспособные стать реальностью. Тем большим абсурдом была эта идея в век рождения национальных государств, сплоченных единством хозяйства и деятельностью буржуазии, которая выставила уже лозунги крепкого централизованного государства, защищающего интересы нации.

Сам Карл V едва ли понимал эти требования своего времени. Подавив в Испании восстание городских коммун и утвердив там абсолютизм, он принужден был вести совсем иную политику в Германии. Реформация и проведенная князьями в свою пользу секуляризация церковных имуществ, а затем поражение великой крестьянской войны усилили в Германии власть князей; фактически они превратили Германию в кучу мелких и мельчайших государств-княжеств, достаточно сильных, чтобы противодействовать всяким попыткам централизации, идущим со стороны императора, но немощных по отношению к крупным национальным государствам Запада. После подавления крестьянской войны борьба в Германии «выродилась в грызню между отдельными князьями и центральной имперской властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы»[1].

В этой «грызне» Карл V проявил большое дипломатическое искусство. Когда враждебные императору протестантские князья, заключившие так называемый Шмалькальденский союз (1531 г.), выступили открыто против императора, Карл V сумел ловким дипломатическим маневром привлечь на свою сторону самого сильного, но и самого беспринципного из немецких князей, поклонника Макиавелли, Морица Саксонского. За этот союз Карл V обещал Морицу титул курфюрста. Протестантские князья были разбиты. На сейме 1547/48 г. Карл V

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 296.

смог провести ряд постановлений в интересах своей власти и династии Габсбургов. Его намерения шли, однако, дальше. Ему казалось, что он недалек от полного подчинения своей власти всех немецких князей.

Но такое усиление власти императора испугало не только католических князей Германии, но и папу. Сам «Иуда-предатель» Мориц Саксонский начал интриговать против императора. Он вошел в тайное соглашение с протестантскими князьями, заручился французскими субсидиями и внезапно перешел на сторону врагов Карла V. В 1552 г. князья обнародовали манифест, в котором заявляли, что взялись за оружие для того, чтобы освободить Германию от «скотского» рабства и засилья испанцев. Мориц быстро двинулся в Тироль, где в это время находился император. Последний принужден был бежать. Ведение переговоров с восставшими князьями взял на себя брат Карла V, «римский король» Фердинанд I. Аугсбургский религиозный мир 1555 г. был дальнейшим шагом к ослаблению власти императора и усилению князей. Они получили право исповедовать ту религию, которая им была больше по нраву; подданные обязаны были следовать религии своих государей (принцип — cujus regio, ejus religio). Одолев императора, князья освободились также от папской опеки, подчинили себе духовенство, утвердив свою независимость. Политика Карла V потерпела неудачу.

Взгляд на государство, характерный для раннего средневековья, когда государи-сеньоры еще не делали различия между государствами и поместьем, между публичноправовыми и частноправовыми функциями, был свойственен и Карлу V. По старой габсбургской привычке Карл V думал расширить власть и влияние своего дома при помощи браков. Последние занимали видное место в дипломатии многих государей XVI в. Известно, что королева Елизавета Английская была помолвлена не один раз, но так и не вышла замуж. Екатерина Медичи также без конца суетилась со своими матримониальными планами, устраивая политические браки для своего многочисленного семейства. Однако новые времена, когда старые феодальные вотчины превратились в национальные государства, мало благоприятствовали устроению политических предприятий при помощи браков. Карл V мечтал ни больше ни меньше, как о том, чтобы, женив своего сына Филиппа на английской королеве Марии, подчинить Англию своей политике. Он сам был помолвлен с ней, когда Марии было еще шесть лет от роду. Она приходилась ему родственницей, так как была дочерью Генриха VIII и Екатерины Арагонской, тетки Карла V. Потом этот предполагаемый брак расстроился. Однако Карл V считал себя «покровителем» своей родствен-

ницы и в начале 50-х годов XVI в. решил осуществить свой план в исправленном виде, женив на Марии своего сына Филиппа, который был моложе ее лет на 10. Испанскому послу в Лондоне Ренару были даны соответствующие указания. Несмотря на все происки и интриги французского посла, который, узнав о проекте, всячески старался помешать, предложение Карла было благосклонно принято Марией. Можно себе представить страх и негодование государственных деятелей Англии, когда от французского посла они узнали о происках Карла. Испания в это время была самым опасным соперником английских купцов и дворян, которые торговали шерстью и сукном и уже рыскали по всем морям. Но противодействовать желаниям королевы они не смогли. Не помогла и просьба палаты общин, которая почтительнейше умоляла королеву не забывать выгод своего народа и не искать себе супруга за пределами отечества. Мария твердо решила отдать свою руку и сердце Филиппу. Однако брачный договор, составленный министрами королевы, был по существу настоящим поражением для Карла. Филипп обязывался уважать законы Англии, не должен был вовлекать Англию в войну Испании с Францией и в случае смерти королевы Марии лишался права на управление государством. Одним словом, несмотря на гордый титул короля Англии, Филипп так и остался только «мужем королевы». Когда в 1558 г. Мария умерла, англичане попросту забыли о своем «короле».

Все планы Карла V рухнули. Еще в 1555 г. он принужден был отказаться от престола и ушел в монастырь.

После отречения Карла от престола его «империя» распалась. Священная Римская империя досталась его брату Фердинанду; Испания, Нидерланды, итальянские владения и испанские колонии перешли к его сыну Филиппу II.

Карлу V были свойственны великие, хотя и неосуществимые дерзания; Филипп II понимал, что мечтать о всемирной монархии у него нет никаких оснований. Но и его политика была не менее фантастичной, чем политика его отца. Глубоко убежденный в непоколебимости своей власти и ее основ — абсолютизма и католицизма, — Филипп II стремился установить дорогие его сердцу испанские порядки во всех частях своего великого государства; он противодействовал протестантизму всюду, где это казалось ему возможным, не останавливаясь ни перед какими средствами для достижения свой цели.

Прямолинейная, фанатически изуверская политика Филиппа в Нидерландах способствовала началу первой в Европе успешной буржуазной революции. Интриги короля во Франции во время религиозных войн второй половины XVI в. в пользу католиков привели к тому, что против Филиппа ополчились даже французские католики-патриоты. Его происки в Англии, где он

сеял смуту вокруг Марии Стюарт в надежде вызвать замешательство в стране и ослабить своего главного соперника на морс, обрекли Марию Стюарт на плаху. Его попытки прямого нападения на Англию с моря закончились гибелью «Непобедимой Армады», самой большой эскадры XVI в. (1588 г.). Везде и всюду планы Филиппа рушились, ибо они были выражением политики феодальных притязаний, направленных против буржуазного развития Европы.

Еще в первой половине XIX в. для историков были открыты испанские архивы, и это позволило заглянуть в глубину поистине чудовищной дипломатии испанского абсолютизма времени упадка. У Филиппа II, кроме официальных дипломатических представителей во Франции, Англии и Нидерландах, была туча платных и добровольных шпионов. Они не только доносили королю обо всем, что делалось при враждебных и дружественных дворах, но и следили за самими испанскими дипломатическими представителями. В Нидерландах они вели наблюдение и за наместниками короля. Эта двойная дипломатическая бухгалтерия часто запутывала самого короля, который, не выезжая из Мадрида, хотел все знать и всем управлять при помощи бесконечной канцелярской переписки. Итоги его царствования были плачевны для Испании. «Я предпочитаю вовсе не иметь подданных, чем иметь в их лице еретиков», — сказал однажды Филипп. Но еретики остались жить, а феодально-дворянская Испания бесславно скатилась на уровень второстепенной европейской державы.

Франция XVI в. Если Испания уже со второй половины XVI в. начала переживать экономический упадок, за которым через полвека последовал упадок политический, то французская абсолютная монархия, сложившаяся при Людовике XI, шла по линии подъема в течение XVI и почти всего XVII в. Централизованное государство, хотя и феодальное, было настоящим благодеянием для французской буржуазии, которая не забыла еще ужасов и разорения времен Столетней войны (1338—1453 гг.). Горожане всегда поддерживали во Франции сильную королевскую власть. Когда во второй половине XVI в. она снова было зашаталась под ударами феодально-протестантской оппозиции (гугенотские войны), горожане остались верными и королю и королевской, т. е. католической, вере: то и другое означало для них единую Францию. Значительная часть мелкого и среднего дворянства шла заодно с буржуазией: единая и сильная монархия была для дворянства гарантией военной службы и военной славы.

Уже первые четыре преемника Людовика XI — Карл VIII (1483—1498 гг.), Людовик XII (1498—1515 гг.), Франциск I (1515—1547 гг.) и Генрих II (1547—1559 гг.) — были абсолют-

ными монархами и действовали в духе той реалистической политики, которую рекомендовал государям Макиавелли. В это время складываются основные линии внешней политики Франции. Окруженная с начала XVI в. со всех сторон владениями Габсбургов, укрепившихся в лице Карла V в Испании, Италии, Германии и Нидерландах, французская абсолютная монархия стремится вырваться из этих тисков и заполучить для своего дворянства лакомую добычу в виде Италии. Таково происхождение итальянских войн и знаменитого франко-австрийского (т. е. франко-габсбургского) соперничества, проходящего красной нитью через XVI, XVII и часть XVIII в. В XVI в. это соперничество было по преимуществу франко-испанским: центр, откуда Габсбурги наносили удар Франции, находился в Испании.

Теснимая Габсбургами, католическая Франция, с одной стороны, сближается с их исконными врагами — турками, с другой — с немецкими протестантскими князьями. К «великому стыду» всего христианского мира, король Франциск I начинает переговоры о помощи с турецким султаном Сулейманом Великолепным. Это было во время первой из четырех войн Франциска I с Карлом V (1521—1526 гг.). Разбитый под Павией и взятый в плен, Франциск I отправил в Константинополь специального посла. Первое посольство оказалось неудачным. Посол был схвачен и убит в Боснии вместе со своими двенадцатью спутниками; его бумаги и кольцо короля, знак полномочий посланца, были отправлены, кажется, в Константинополь. Великий визирь Ибрагим показывал впоследствии это кольцо, красовавшееся у него на пальце, хвалясь тем, что оно некогда находилось на правой руке французского короля. Лишь второму послу, Иоанну Франджипани, удалось добраться до Константинополя и вручить султану письмо французского короля. Оно не сохранилось. Известен лишь ответ Сулеймана: «Ты, француз и король Франции, прислал верного слугу Франджипани ко мне в Порту, которая служит убежищем для монархов. Ты уведомил меня, что неприятель завладел твоим государством, что ты находишься в настоящее время в темнице, и ты просил моего содействия и помощи для возвращения тебе свободы. После того как все это было изложено у подножия моего трона, который служит защитой для всего мира, моя императорская ученость вникла во все подробности этого дела. Нельзя сказать, чтобы поражения императоров и взятие их в плен были неслыханными событиями; поэтому не теряй мужества и не падай духом. Наши славные предки (да освятит господь бог их могилу) никогда не переставали вести войны, чтобы отразить неприятеля и приобрести новые владения. И мы шли по их следам.. И днем и ночью наш конь оседлан, и мы опоясаны мечом».

До султана дошло и первое письмо, взятое у убитого посла. Оно, как говорил визирь Ибрагим, побудило султана предпринять нашествие на Венгрию. Султан, будто бы из сострадания к Франциску, решил начать войну с Карлом, «обнаружившим дурные намерения». Дело было, конечно, не в сострадании: турецкая феодальная держава сама нуждалась в постоянных войнах для содержания своего господствующего класса. После захвата турками Балканского полуострова Сулейман Великолепный намерен был двинуться дальше в Европу. Письмо Франциска I пришлось весьма кстати. Уже в следующем году войска султана разгромили соединенные чешско-венгерские войска при Могаче в Южной Венгрии, а в 1529 г. подступили к стенам самой Вены. Таким образом, союз Франции с Турцией с необходимостью вытекал из международной обстановки; у Франции и Турции был один и тот же враг — Габсбурги. Поэтому союз оказался прочным. В 1535 г. был заключен первый договор, который послужил образцом для последующих договоров, заключенных Турцией с европейскими державами. В секретной части договора французский король давал обещание поддерживать Турцию в ее борьбе с Австрией и Венецией. Франции этот договор предоставлял торговые льготы, которые позволили ей монополизировать всю торговлю Турции с европейскими странами. Значение этого договора заключалось, между прочим, в том, что он впервые устанавливал «капитуляции». Сущность капитуляций того времени К. Маркс определяет так:

«Капитуляции — это имперские дипломы, грамоты о привилегиях, выданные Портой различным европейским государствам и разрешающие подданным этих государств беспрепятственно въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и совершать богослужение по своему обряду. От договоров они отличаются той существенной чертой, что не являются актами, основанными на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, капитуляции являются льготами, односторонне дарованными правительством, которое, следовательно, может по своему усмотрению отменить их. И, в самом деле, Порта неоднократно сводила на нет привилегии, данные ею какому-либо государству, распространяя их на другие, или совершенно отменяла, отказываясь дальше соблюдать их. Этот неустойчивый характер капитуляций превращал их в вечный источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования» [1].

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 10, изд. 2, стр. 168—169.

Той же борьбой Франции с Габсбургами определялись и отношения Франции к Германии или, лучше сказать, к германским князьям. Франция была заинтересована в ослаблении императора — Габсбурга; она, как говорил король Генрих II, всегда стояла на стороне «исконной немецкой свободы», т. е. поддерживала протестантских князей против католика императора. Тем самым Франция содействовала политическому ослаблению империи, чтобы время от времени урывать куски имперской территории. Основные линии французской политики, которые сделались своего рода аксиомами ее дипломатии, сохранялись и в XVII в., проявляясь в деятельности таких выдающихся политиков и дипломатов, как Генрих IV и его министр Сюлли, кардиналы Ришелье и Мазарини.

Английская дипломатия в XVI в.

История английской дипломатии в XVI в. значительно отличается от французской. Во Франции абсолютная монархия была сильна, как нигде. Наоборот, в Англии, даже в пору наибольшей мощи королевской власти, парламент, где господствовали лорды и торговая буржуазия, не переставал существовать, оказывая давление на королевскую власть и ограничивая ее. Обуржуазившееся дворянство и буржуазия, которые захватили уже в XVI в. командные высоты в экономике страны, в XVII в. осуществили буржуазную революцию; ею были установлены порядки, которые давали простор дальнейшему развитию капитализма. В Англии господствующий класс, ясно сознававший свои цели и средства их достижения, влиял на политику государства через парламент и создавал общественное мнение, с которым принуждено было считаться правительство.

В XVI в., особенно во второй его половине, Англия вела ожесточенную борьбу с Испанией. Эту политику определяли не столько короли Англии и английское правительство, сколько английские корсары, арматоры и купцы. Правительство английской королевы Елизаветы (1559—1603 гг.) часто лишь санкционировало то, что предпринимал в частном порядке тот или иной из его подданных. Знаменитые корсары, ставшие затем адмиралами флота ее величества, Дрейк, Гаукинс и Рэли грабили испанские флотилии, которые возвращались из Америки с грузом драгоценного металла, врывались в испанские гавани и топили испанские корабли на глазах у жителей. В то же время английские дипломаты вели весьма последовательную политику при дворах европейских государей. Эта последовательность свидетельствовала о ясном сознании целей, свойственном сильному, идущему в гору господствующему классу.

Одним из самых способных английских дипломатов XVI в. был посол во Франции Уолсингем. Этому дипломату пришлось сыграть решающую роль в знаменитом деле шотландской коро-

левы Марии Стюарт. Эта королева была дочерью лотарингской герцогини Гиз и внучкой Маргариты, дочери английского короля Генриха VII, вышедшей замуж за шотландского короля Якова V Стюарта. Гизы были ярыми католиками. Впоследствии они стояли во главе католической партии, которая учинила во Франции резню протестантов в Варфоломеевскую ночь (1572 г.). Когда в Шотландии началась Реформация, Мария как непримиримая католичка была изгнана своими подданными из Шотландии. Она бежала в Англию, отдавшись под покровительство королевы Елизаветы. Здесь Мария вскоре сделалась центром заговоров и испанских интриг, направленных против Елизаветы и английского протестантизма. Так как Елизавета, дочь Генриха VIII от одной из его многочисленных жен (Анны Болейн), не признавалась католиками законной королевой, Мария Стюарт сама выступила с притязаниями на английский престол. Но большинство англичан того времени и слышать об этом не хотело. Для них Мария Стюарт была знаменем католической реакции, представительницей самого страшного врага Англии — Филиппа II Испанского, который тайно руководил заговорами против Елизаветы и всюду, на континенте и в самой Англии, поддерживал католицизм. Напуганный этими католическими интригами, английский парламент не раз выносил постановления, воспользовавшись которыми Елизавета могла бы уничтожить свою соперницу. Но королева ограничивалась тем, что держала Марию долгие годы в заключении. На предание ее суду Елизавета решилась только после того, как в 1587 г. было доказано, что Мария — неутомимая заговорщица, убежденная, что выйдет из своего заключения не иначе, как английской королевой. Задачу доказать причастность Марии Стюарт к последнему заговору, имевшему целью умертвить Елизавету, взял на себя Уолсингем. Все это он делал по собственному почину и во имя «спасения Англии от католицизма и испанцев». Почему именно он взялся за это дело, объясняется просто. Нити заговоров, которые сплетались вокруг Марии Стюарт, вели во Францию, к родственникам Марии — Гизам; а Гизы в это время находились на жалованье у врага Англии Филиппа II Испанского. Войдя в соглашение с начальником охраны замка Чартли, в котором в это время содержалась Мария Стюарт, Уолсингем подослал к ней своего человека, некоего Джиффорда, доставлявшего в замок вино и пиво. Прикинувшись горячим католиком и другом Марии, тот взялся передавать ее корреспонденцию доверенным людям. Корреспонденция была зашифрована и передавалась в бочках, в которых Джиффорд доставлял в замок эль. Само собой разумеется, что, прежде чем попасть по назначению, письма вскрывались секретарем Уолсингема Филиппсом: он узнал секрет их

шифра и содержание писем сообщал Уолсингему. Скоро в руках посла оказался материал, вполне достаточный для обвинительного акта против Марии. Уолсингем дошел до того, что, владея шифром, делал приписки к письмам Марии Стюарт. Так, в одном из писем он от имени Марии спрашивал у заговорщиков имена тех, кто должен был в Англии напасть на замок Чартли, освободить Марию и совершить покушение на королеву Елизавету. Эти лица были, по-видимому, известны Уолсингему и раньше, но ему хотелось иметь документальное подтверждение. Данные Уолсингема явились основанием для ареста Марии и для ее осуждения. Обе палаты парламента просили Елизавету, чтобы «за справедливым приговором последовало справедливое наказание». Мария была обезглавлена.

2. Дипломатия Русского государства в конце XV и в XVI в.

Дипломатия Московского великого княжества при Иване III

Во второй половине XV в. на международную арену выступает и Русское государство. Первоначально оно носило скромное название «Великого княжества Московского» и представляло собой по форме феодальную монархию. Новое государство, объединившее под своей властью обширные пространства Восточной Европы, заняло видное международное положение. Уже в конце 80-х годов XV в. великое княжество Московское представляло собой весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. В связи с этим возникала необходимость определить его место в той системе государственных взаимоотношений, которая сложилась к этому времени в Европе.

В 1486 г. силезец Николай Поппель случайно попал через Литву в Москву. По возвращении он стал распространять молву о Русском государстве и о богатстве и могуществе правящего в нем государя. Для многих все это было новостью. О Руси в Западной Европе ходили до тех пор только случайные слухи, как о стране, якобы подвластной польским королям. «Изумленная Европа, — говорит Маркс, — в начале княжения Ивана III едва ли знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных рубежах» [1].

В 1489 г. Поппель вернулся в Москву уже как официальный агент императора Священной Римской империи. На тайной

[1] *K. Marx*, Secret Diplomatic History of the XVIII Century, p. 81.

аудиенции он предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. С точки зрения западноевропейской политической мысли, это был единственный способ легализировать новое государство и ввести его в общую систему западноевропейских государств — заодно и поставить его в некоторую зависимость от империи. Но в Москве держались иной точки зрения. Иван III с достоинством ответил Поппелю: «Мы божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставленне имеем от бога, как наши прародители, так и мы... а поставления, как наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». В ответной грамоте императору Иван III и титуловал себя «божиею милостью великим государем всея Руси». Изредка в сношениях с второстепенными государствами он даже именовал себя царем. Сын его Василий III в 1518 г. впервые назвал себя официально царем в грамоте, отправленной императору, а внук, Иван IV, в 1547 г. был торжественно венчан на царство и тем самым было определено то место, которое его государство должно было занимать среди прочих государств культурного мира.

Новая политическая сила, о юридическом оформлении которой так заботились дипломаты империи, привлекала внимание Западной Европы и в другом отношении. В 1453 г. Константинополь был взят турками, и вопрос о турецкой опасности встал во весь рост перед всеми европейскими странами. Привлечь так или иначе Русское государство к общеевропейскому союзу для борьбы с Турцией стало мечтой западной дипломатии. Внедрение Турции на побережье Средиземного моря в первую очередь угрожало Италии. Поэтому уже с 70-х годов XV в. как Венецианская республика, так и папский престол с надеждой взирали на далекий Северо-Восток. Этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен и в Риме, и в Венеции проект брака могущественного русского государя с находившейся под покровительством папы наследницей византийского престола Зоей (Софией) Палеолог. Через посредство греческих и итальянских дельцов проект этот был осуществлен в 1472 г. Посылка в Москву одновременно с невестой и полномочного «легата» (посла) папы Сикста IV — Бонумбре, снабженного самыми широкими полномочиями, свидетельствовала о далеко идущих планах, какие связывались папской дипломатией с этим брачным союзом. Венецианский совет со своей стороны внушал Ивану III мысль о его правах на наследие византийских императоров, захваченное «общим врагом всех христиан», т. е. султаном, потому что «наследственные права» на Восточную империю, естественно, переходили к московскому князю в силу его брака. Еще в 1519 г. папский престол призывал Ва-

силия III «за свою отчину Константинопольскую стояти» и выступить «для общего христианского добра против христианского врага турка, кой держит наследие царя всея Руси».

Однако все эти дипломатические шаги не дали никакого результата. У Русского государства были свои неотложные международные задачи. Их Иван III неуклонно проводил в жизнь, не давая себя прельстить никакими ухищрениями Рима или Венеции.

На первой очереди стоял вопрос о воссоединении русских земель, захваченных Польско-Литовским государством. Объединив всю Северо-Восточную Русь, Москва объявила все русские земли, входившие некогда в систему Киевского государства, наследственной «отчиной» московского великого князя. Великокняжеское правительство поэтому упорно отказывалось юридически признать захват русских земель Литвой. До разрешения этого спора оно соглашалось лишь на перемирия, уклоняясь от заключения «вечного мира». «Коли государь ваш похочет, — говорили в 1503 г. московские бояре литовским послам, — с нашим государем любви и братства, он бы государю нашему отчины их Русской земли всей поступился». Со своей стороны польско-литовское правительство протестовало против того, что московские великие князья титуловались государями «всея Руси».

Свою международную политику и Иван III и Василий III всецело подчиняли этой основной задаче, стоявшей перед их государством. Антитурецкая лига не представляла для них поэтому ничего заманчивого. В ответ на посул «константинопольской отчины» в Москве отвечали, что «князь великий хочет вотчины своей земли Русской».

Более того, Русское государство было заинтересовано в мирных отношениях с Оттоманской Портой в целях развития своей черноморской торговли. Завязавшиеся в 90-х годах XV в. сношения между Русским государством и Турцией велись в неизменно благожелательных формах.

Что касается отношений с «Римской империей», то Иван III стремился не только поддержать дружеские отношения, но и использовать соперничество императора Максимилиана с польскими Ягеллонами из-за Венгрии. Он предлагал союз и намечал план будущего раздела добычи: Венгрию — Максимилиану, Литву с порабощенными ею русскими землями — себе. Однако Максимилиан думал достичь своих целей мирным путем. В зависимости от колебаний в германо-польских отношениях происходили изменения и в отношениях германо-русских, пока Максимилиан не нашел для себя более выгодным примириться с Польшей и даже предложил свое посредничество для примирения с ней и Русского государства.

Борьба с Литвой была важным побудительным мотивом тесного союза Москвы с крымским ханом Менгли-Гиреем, укрепившимся «на Крымском юрте» в качестве вассала турецкого султана. Иван III домогался этого союза ценой больших уступок. Он соглашался даже, если потребует хан, титуловать его «государем» и не щадил расходов на «поминки», т. е. ежегодные подарки для своего татарского союзника. Русской дипломатии удалось в конечном итоге добиться заключения желанного союза. Крымские татары стали производить периодические набеги на литовские владения, проникая далеко в глубь страны, до Киева и дальше. Этим они не только наносили материальный ущерб великому княжеству Литовскому, но и ослабляли его обороноспособность. Союз с Менгли-Гиреем был связан и с другой проблемой русской внешней политики конца XV — начале XVI в. — проблемой окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. При ее разрешении Иван III более чем когда-либо действовал не столько оружием, сколько дипломатическим путем.

Союз с Крымом и был решающим моментом в борьбе с Золотой Ордой. К союзу были привлечены ногайские и сибирские татары. Хан Ахмат при отступлении от Угры был убит в начале 1481 г. татарами сибирского хана Ибаха, а в 1502 г. Золотая Орда была окончательно разгромлена Менгли-Гиреем.

Действуя против Золотой Орды в союзе с Крымом, Иван III военным и дипломатическим путем добился вместе с тем вассального подчинения другого татарского ханства — Казанского, возникшего в Среднем Поволжье в первой половине XV в.

При Иване III наметилась линия внешней политики Русского государства и в сторону Балтийского моря. Без выхода в море внешняя торговля страны была обречена на прозябание. С другой стороны, остро ощущавшаяся потребность в западноевропейской технике и специалистах не могла быть удовлетворена, пока враждебные Русскому государству Литва и Ливонский орден преграждали русским доступ к балтийским гаваням. Итальянские художники и мастера, украсившие столицу великого князя московского блестящими созданиями искусства и техники, должны были годами пробираться на Русь через Молдавию и Крым. Разгром ганзейского двора в Новгороде и установление дружеских отношений с Данией имели, несомненно, целью освободить новгородскую торговлю от тех преград, которые ставила ей всемогущая Ганза. С другой стороны, требование дани с Юрьевской епископии (Дерптской области), согласно договору с Ливонским орденом в 1503 г., являлось первым шагом к распространению русского политического влияния на Ливонию.

В результате тонкой и осторожной политики Ивана III Русское государство к началу XVI в., не претендуя на решающую роль в Европе, заняло в ней почетное международное положение.

«К концу княжения Ивана III мы видим его сидящим на независимом троне. Рядом с ним — дочь последнего византийского императора. У ног его — Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору. Новгород и другие русские республики порабощены. Литва урезана, а государь литовский — орудие в руках Ивана. Ливонские рыцари побеждены» [1].

Дипломатия Ивана IV

Еще более широкий размах принимает международная политика Русского государства при внуке Ивана III, царе Иване IV. В первые годы правления Грозного упор его внешней политики направляется на восток. Создание в 1551 г. стратегической базы в Свияжске, казалось, подготовило почву для полного присоединения Казанского ханства. Переговоры об унии Казани с Россией под главенством русского царя завершились сначала успехом. Но в решительную минуту в Казани возобладала военная партия, и соглашение было нарушено. Присоединение Казани в 1552 г. совершено было уже военными, а не дипломатическими средствами. После падения Казани в 1555 г. сибирский хан признал себя вассалом русского царя. В 1556 г. без сопротивления сдалась Астрахань, а ее присоединение позволило завязать отношения с кабардинскими князьями Северного Кавказа и с тарковским «шевкалом». Позже, при сыне Ивана IV, Грузия, теснимая турками и персами, установила тесные отношения с Русским государством. В связи со «взятием» Казани и переходом под власть Москвы торговых путей по Волге и Каме открылись в 60-х годах XVI в. дипломатические сношения со среднеазиатскими и прикаспийскими государствами: с юргенским (хивинским) ханом, с «царями» «ташканским», «самарканским» и «шамахейским».

Основным направлением внешней политики Ивана IV является, однако, не восток. Главные ее усилия устремлены на Запад. Сильное централизованное государство, каким становилась Россия в середине XVI в., не могло расти и развиваться без непосредственного общения с более культурными странами Запада. Экономические и военные интересы государства требовали усиления связей с Западом и привлечения оттуда специалистов. Блокада, в которой фактически держали Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден, должна была быть прорвана любой ценой. Этим объясняется то удовлетворение, с которым было встречено в России установление прямых сношений с

[1] *K. Marx*, Secret Diplomatic History of the XVIII century, p. 81.

Англией через Белое море после 1553 г. Но условия плавания по Ледовитому океану не могли обеспечить непрерывность сношений беломорским путем. Русскому государству нужен был выход к Балтийскому морю. Иван IV упорно шел в этом вопросе по стопам своего деда. Сначала, как и в вопросе о Казани, была сделана попытка разрешить балтийскую проблему дипломатическим путем. Срок перемирия, заключенного Иваном III с Ливонским орденом, заканчивался в 1553 г. Новые условия, выдвинутые правительством Ивана IV, должны были поставить Юрьев (немецкий Дерпт, эстонский Тарту) и его область в зависимость от России.

Начавшаяся в 1558 г. война очень быстро развернулась в конфликт общеевропейского масштаба. Кампания первого года показала неспособность слабой феодально-раздробленной Ливонии оказать сопротивление Русскому государству. Она поставила на очередь во всей полноте балтийский вопрос, который, как уже отмечалось, становится одной из самых главных международных проблем того времени. Из-за прибалтийских районов разгоралась борьба между всеми заинтересованными государствами Европы. Активно вмешались Литва, Польша, Швеция, Дания. «Русская опасность» встревожила восточногерманских князей, не знавших, где остановится победоносное шествие русских армий.

На собраниях представителей государств, входивших в Священную Римскую империю, ливонский вопрос не сходил с очереди. Среди имперских князей была группа, которая требовала вмешательства в войну против России. Наоборот, торговые интересы заставляли ганзейские города настаивать на сохранении мира с Россией. Император Максимилиан II пошел на компромисс, ограничившись объявлением блокады. Даже в таких отдаленных от театра военных действий государствах, как Франция и Испания, создавались проекты захвата Балтийского побережья. Подстрекаемые польско-литовской дипломатией, крымские татары и султан спешили использовать создавшуюся политическую обстановку, чтобы попытаться отвоевать Казань и Астрахань. В 1569 г. литовские феодалы согласились на унию с Польшей в форме федеративной «Речи Посполитой». Тем самым ранее захваченные литовскими князьями западнорусские и украинские земли оказывались под владычеством Польши. В условиях Ливонской войны русская дипломатия должна была развернуть очень широкую деятельность. В первые годы она искусно избегала войны на два фронта. Иван Грозный старался поддерживать дружеские отношения с Данией, пытался заключить союз с Турцией, отказываясь ради этой цели от наступления на Кавказ. Он властно ставил на очередь вопрос о воссоединении русских земель, отторгнутых Литвою, в первую очередь Полоцка с

уездом, выдвигал свою кандидатуру на польский престол, вел переговоры с императором, предлагая раздел Речи Посполитой, с тем чтобы «корона польская» отошла к сыну императора, а самому Ивану достались Литва с ее русскими владениями и Ливония. По соглашению с Данией Иван IV образовал в Ливонии вассальное государство, во главе которого поставил брата датского короля, герцога Магнуса. Во всех этих дипломатических комбинациях Иван принимал личное участие, внося в дело бурную страстность, весь пыл своей необузданной, хотя и одаренной натуры.

Все же после 24-летней изнурительной борьбы ввиду полного истощения ресурсов ему пришлось отказаться от своих широких планов в Прибалтике. В 1582 г. в Запольском Яме при участии представителя папы был заключен мир с Речью Посполитой на условиях, «как до войны», с обоюдным отказом от достигнутых завоеваний. Таким образом, несмотря на длительную борьбу, в которой проявились и высокая доблесть русских войск и искусство русской дипломатии, в условиях крайне неблагоприятной для России международной обстановки, Иван IV оказался не в силах осуществить поставленные им на Западе задачи.

Но и противная сторона, Речь Посполитая, была вынуждена отказаться от широких планов агрессии и от претензий на Псков, Новгород и Смоленск. Для достижения своих целей польско-литовские дипломаты выдвинули в 1600 г. проект унии между Русским государством и Речью Посполитой. Правительство Бориса Годунова отклонило этот проект. В дальнейшем дипломатия Речи Посполитой прибегла к другому методу осуществления своих планов — к использованию так называемых самозванцев.

Крупная роль, которую Русское государство играло в международных отношениях Европы в XVI в., и связанная с ней широкая деятельность русской дипломатии поставили вопрос о юридическом признании новой политической силы, сложившейся на Востоке. Сам Иван IV своим венчанием на царство в 1547 г. и присвоением себе царского (т. е. по существу императорского) титула определил то место, на которое его государство претендовало среди христианских держав. Безоговорочно титул «императора» уже с 1555 г. предоставлялся Ивану протестантской Англией. Сложнее стоял вопрос о титуле в католических странах, в которых крепко держалась теория единой «священной империи». В 1576 г. император Максимилиан II, желая привлечь Грозного к союзу против Турции, предлагал ему в будущем престол и титул «всходного (восточного) цесаря». Иван IV отнесся совершенно равнодушно к «цесарству греческому», но потребовал немедленного признания себя царем «всея Руси»,

и император уступил в этом важном вопросе. Гораздо упорнее оказался папский престол, который отстаивал исключительное право пап предоставлять королевский и иные титулы государям, а с другой стороны, не допускал нарушения принципа «единой империи». В этой непримиримой позиции папский престол находил поддержку у польского короля, отлично понимавшего значение притязаний русского государя. Сигизмунд II Август представил папскому престолу записку, в которой предупреждал, что признание папой нового титула за Иваном IV будет способствовать отторжению от Польши и Литвы русских земель и привлечет на сторону Ивана молдаван и валахов. Со своей стороны Иван IV, придавая особенное значение признанию его царского титула именно Польско-Литовским государством, начал добиваться этого тотчас же после коронации. Однако Польша в течение всего XVI в. так и не согласилась на такое требование. Из преемников Ивана IV Лжедимитрий I заявил притязание на титул «императора», но король Сигизмунд, посадивший его на престол, официально именовал его просто князем, даже не «великим».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVII в.

1. Время французской гегемонии в Европе в XVII в.

Если в XVI в. первую роль в международных отношениях Западной Европы играла Испания, то в XVII в. можно говорить о настоящей гегемонии Франции — по крайней мере на континенте. Из полосы великих гражданских смут второй половины XVI в. Франция вышла сильной и сложившейся абсолютной монархией. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство Франции и богатая буржуазия давали казне в виде налогов огромные средства. Эти средства позволяли французскому королю и его дворянству вести энергичную внешнюю политику и поставили Францию на первое место в Европе.

Дипломатия Генриха IV

Опыт долгих и разорительных войн XVI в., которые закончились гражданской войной во Франции, не прошел даром. Всякое стремление нового государства к расширению встречало сопротивление со стороны других государств; всякое притязание на захваты, а тем более на мировое (в масштабах XVI в.) господство вызывало враждебные коалиции. Политики и дипломаты XVII в., обобщая этот опыт, формулировали ряд положений, которым придавалось значение международных принципов. Правда, эти принципы весьма часто нарушались. Тем не менее именно эти систематические нарушения, при крайней неустойчивости тогдашних международных отношений, вызывали потребность в некоей норме. Такой «нормативный» характер имели, в частности, идеи «естественных границ» и «политического равновесия».

Политики — современники Генриха IV и в первую очередь его главный помощник Сюлли — постоянно подчеркивали, что захватывать стоит лишь то, что можно сохранить. Могущество государства имеет свои границы: перейдя их, оно вызывает против себя объединенные силы врагов и завистников. Сюлли в своих знаменитых мемуарах «Принципы государственного хозяйства» («Les economies royales») писал: «Каждый король Франции скорее должен думать о том, чтобы приобрести друзей и союзников, крепко связанных с ним общностью интересов, — а это самая надежная связь, — чем навлекать на себя неутоли-

мую ненависть и вражду проектами, превосходящими его собственные силы». «Ты стремишься, — говорит замечательный французский дипломат Этьен Паскье в своем диалоге между философом и государем, — дать хорошие границы твоему государству; надо, чтобы ты сначала установил должные границы своим надеждам и вожделениям».

Где же искать эти границы? Сюлли хорошо знает, что Карл Великий восстановил империю и что при Капетингах Франция была заключена в «узкие государственные границы, в каких она и по сей час находится». Он констатирует, что у Франции на юге есть естественная граница — это Пиренеи. Он считает, что возвратить Франции ее былую славу — значит вернуть «соседние территории, некогда ей принадлежавшие», т. е. Савойю, Франш-Контэ, Лотарингию, Геннегау, Артуа, Нидерланды. «Но можно ли притязать на все это, не вызвав ненависти врагов и разорительных войн? А у самих французских королей такое честолюбие, которое для Франции страшнее всей ненависти иностранцев». Франция сыта: она достаточно сильна, чтобы никого не бояться и быть страшной для всех.

Однако и сам Сюлли мечтал о гегемонии Франции над цивилизованным миром, над всеми христианскими народами. Отсюда ведет свое происхождение один странный проект международного соглашения, который Сюлли приписывал своему королю, но сочинил, вероятно, сам. «Великий замысел» («Le grand Dessein») короля Генриха IV состоял, по словам Сюлли, в том, чтобы низвести Габсбургов до уровня государей одного Пиренейского полуострова, прогнать турок и татар в Азию, восстановить Византийскую империю и произвести затем перекройку всей политической карты Европы. Европа будет разделена на шесть наследственных монархий, пять избирательных монархий и пять республик. Во главе всех этих государств будет поставлен особый совет, который будет охранять общий мир и разбирать споры между государствами, между государями и их подданными. Президентом этой своеобразной республики христианских государств будет папа, первым министром его — представитель Франции. Тайная мысль Сюлли, скрывавшаяся за этим проектом, ясна: ослабить врагов Франции, усилить ее вассалов, окружить ее поясом нейтральных государств, которые юридически были бы под ее покровительством, а фактически под ее командой, — вот в чем заключался этот фантастический «великий замысел» первого слуги короля Генриха IV.

План Сюлли известен только из его мемуаров. Действительность была далека от подобного рода проектов. Это показал и сам король Генрих IV своей практической политикой и еще больше — его преемник, крупнейший из дворянских политиков абсолютистской Франции — кардинал Ришелье.

Не упуская из виду идеи естественных границ для своей страны, Генрих IV действовал во внешней политике согласно другому принципу, который получил в это время широкую практику. То был принцип «политического равновесия». Если государство в XVI в. становилось национальным, т. е. строилось на основе хозяйственного единства территории и связанного с ним единства языка и культуры, то в своих отношениях к другим государствам оно стремилось обеспечить это целое от их посягательств. Практически во внешней политике это приводило к стремлению сохранить исторически сложившееся соотношение сил между европейскими государствами, создать противовес всякой быстро увеличивающейся державе; при захватах же, осуществленных сильнейшей державой, компенсировать слабейшие в целях восстановления все того же «равновесия».

Конечно, все такие «принципы» были действительны лишь до тех пор, пока было невозможно или опасно нарушать их силой.

Генрих IV и руководствовался «принципами», пока было опасно иным способом округлять и расширять границы Франции. «Я соглашаюсь с тем, — говорил он, — что страна, население которой говорит по-испански, должна оставаться во владении Испании, а страна, где население говорит по-немецки, должна принадлежать Германии. Но те земли, в которых население говорит по-французски, должны принадлежать мне».

Практически Генрих стремился к двум целям: ослабить могущество династии Габсбургов и поддержать выгодно для Франции складывавшееся равновесие между европейскими державами. В этих видах он продолжал сохранять дружественные отношения с Англией, которая помогла ему, как протестанту и врагу Испании, завладеть французским престолом. Однако в то же время Генрих тайно противодействовал планам английских моряков и торговцев и происках английских дипломатов в Италии и на Востоке, где, как известно, Франция прочно укрепилась со времени Франциска I. Вследствие этого послы Генриха IV в Лондоне — Тюмери, Гарле де Бомон и Ла Бордери — стояли всегда перед трудной задачей сочетать дружбу с Англией с противодействием стремлению этой державы занять первенствующее положение. Все в тех же целях ослабления Габсбургов Генрих IV способствовал заключению мира между Испанией и Голландией. Таким образом, французский король содействовал признанию Испанией независимости отпавших от нее 7 северных провинций Нидерландов. На Востоке, в Турции, Генрих восстанавливал пошатнувшееся за время религиозных войн французское влияние при помощи успешной дипломатической деятельности своих послов Савари де Брева и Жана де Гонто-Бирона. Льготы, полученные Франциском I в 1535 г., были полностью восстановлены в 1604 г.: все государства, желавшие

торговать с Турцией, должны были посылать туда свои суда, под французским флагом. Исключение составляли англичане, которые сумели добиться от султана в конце XVI в. (1599 г.) права входить в его порты под собственным флагом. Дружба Генриха с султаном была средством для того, чтобы пугать императора (Габсбурга) нашествием турецких армий, а испанского короля (тоже Габсбурга) — нападением турецкого флота. И то и другое было залогом безопасности Франции. Одновременно, однако, Генрих не мешал своим друзьям и благочестивым, но наивным поклонникам распространять слухи о своих наихристианнейших намерениях завоевать Восток, изгнать султана из Европы и объявить против него крестовый поход. В отношении германских князей Генрих также держался реальной политики, завещанной ему XVI веком. Его уполномоченный Бонгар уверял немецких протестантских князей, что переход Генриха из протестантизма в католицизм не должен их смущать; дружественное отношение короля к немецким князьям остается неизменным, как и его желание быть по-прежнему защитником «исконной немецкой свободы». Раз были сильны князья, был слаб император, вечный враг Франции Габсбург. Генриху IV удалось в конце концов создать коалицию против Габсбургов и приступить к борьбе с ними. Однако кинжал Равальяка прервал его жизнь (1610 г.).

Дипломатия Ришелье

После нескольких лет смут, связанных с малолетством Людовика XIII, власть в свои крепкие руки взял кардинал Ришелье, первый министр и фактический правитель Франции. Ришелье был типичным представителем интересов среднего и мелкого дворянства того времени, когда дворянская монархия шла еще по восходящей линии. В области внешней политики и дипломатии он был продолжателем «реалистической» политики Генриха IV. Поиски «естественных границ» Франции, отражавшие все возраставшую мощь французской монархии, и сохранение «политического равновесия», а проще говоря, стремление ослабить Габсбургов — таковы были основы его дипломатии. Думал или не думал Генрих IV о Рейне как восточной границе Франции, сказать трудно. Некоторые из его современников приписывали королю подобные намерения. Но у Ришелье мысль о Рейне выражена была совершенно ясно. В 1633 г., следовательно уже после разгрома отечественных протестантов гугенотов (взятие Ларошели состоялось в 1628 г.), кардинал писал королю Людовику XIII, что если король станет против австрийского дома на сторону протестантских князей Германии, то они отдадут ему всю территорию до Рейна. Путь к Рейну лежит через Лотарингию. Если она будет присоединена, можно постепенно распространить владения Франции до Рейна и даже принять участие в

дележе Фландрии, в случае, если она восстанет против испанского владычества.

Ришелье понимал, что надо действовать не только оружием и дипломатией, но и пропагандой. Время Ришелье во Франции ознаменовалось появлением первой газеты, которую кардинал сразу же поставил на службу своей политике. Кардинал старался и юридически обосновать свои притязания. Вскоре появился памфлет под заглавием «Каково наиболее верное средство для того, чтобы присоединить к Франции герцогство Лотарингское и Бар». «Император не имеет никаких прав на территорию, лежащую по левую сторону Рейна, — заявлялось в памфлете, — так как эта река в течение 500 лет служила границей Франции. Права императора покоятся на узурпации». Одним из казенных перьев, которое служило, впрочем, кардиналу Ришелье не только за страх, но и за совесть, был публицист Шантеро-Лефевр. Он доказывал, что древние франки завоевали Галлию, т. е. огромное пространство, расположенное между океаном и Средиземным морем и ограниченное рекой Рейн, Пиренейскими горами и Альпами. Это пространство издавна известно под названием Галлии белгов, кельтов и аквитан. Шантеро-Лефевр включал, таким образом, в состав Франции Эльзас и Лотарингию, Савойю, Ниццу, — словом, все то, чем Франция завладела впоследствии, в пору своего могущества и военных успехов. Шантеро-Лефевр уверял, что мир Европы будет обеспечен, если Франция получит все эти земли. В противном случае «Европа будет по-прежнему под ударами того, кто, захватив территории и государства франко-галльской короны, пытается похитить остальные, стремится поработить христианских государей и создать пятую монархию с намерением поглотить весь Запад». Шантеро намекал, следовательно, на политику Габсбургов. О том, как претворились на практике эти теоретические размышления французских публицистов, говорят статьи Вестфальского договора 1648 г., на долгий срок закрепившие расчленение Германии. Сам Ришелье был не очень далек от проектов своих публицистов. В его «политическом завещании» содержится такая фраза:

«Цель моего пребывания у власти заключалась в том, чтобы возвратить Галлии границы, предназначенные ей природой, вернуть галлам короля-галла, поставить на место Галлии Францию и повсюду, где была древняя Галлия, установить новую».

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир

В то время, когда Ришелье был первым министром (1624—1642 гг.), угроза нового усиления Габсбургов снова нависла над Францией. К концу XVI в. напор турок на владения габсбургского дома ослабел, и Габсбурги снова обратили взоры на Германию, рассчитывая восстановить там свое

влияние и императорскую власть, ослабленную Реформацией. Борьба императора за подчинение ему немецких князей проходила в значительной мере под религиозными лозунгами. То была борьба «католической реакции» с протестантизмом, который, как сказано, усилил позиции князей и стал знаменем их сопротивления империи. Фердинанду II грезилась единая Германия под его безусловной и неограниченной властью. Так называемая Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) и была последней попыткой империи подчинить себе Германию. Если бы подобного рода планы осуществились, рядом с Францией выросла бы огромная держава. Ришелье напрягал все свои силы, чтобы не допустить этого. Ему пришлось продолжать традиционную политику Франции, поддерживая протестантских князей против католика императора. Это не мешало Ришелье одновременно громить собственных французских протестантов у Ларошели. Он начал переговоры с датским королем, который, боясь усиления Габсбургов в Северной Германии и на побережье Северного и Балтийского морей, охотно принял субсидии от Англии и Голландии и начал войну против империи. После того как король был разбит, Ришелье, покончивший к этому времени с гугенотами, применил все свое дипломатическое искусство, чтобы бросить против Габсбургов силы Швеции под предводительством ее смелого полководца — короля Густава-Адольфа.

Правой рукой во всех мероприятиях Ришелье был замечательный дипломат монах-капуцин отец Жозеф (Père Joseph) (1577—1638 гг.). Истинную роль его вскрыл французский историк Фанье, воспользовавшись попавшей в его руки обильной архивной документацией. Этот «вонючий монах», или «Серое преосвященство», как его часто называли, скрыто, но последовательно работал в тиши дипломатических кабинетов на пользу Франции и во славу ее короля. Средневековые грезы о новом крестовом походе причудливо переплетались в его голове с реалистической политикой его шефа — кардинала. Грезы оставались в области фантазии; мечтателю приходилось осуществлять лишь то, что оказывалось реальным. Отец Жозеф засылал в страны Леванта, Марокко и Абиссинию многочисленных миссионеров, которые одновременно были и дипломатическими агентами; он считал, что его мечта о крестовом походе может быть осуществлена только после того, как будет окончательно унижен император и немецкие князья станут вассалами короля французского. Отец Жозеф деятельно работал над тем, чтобы привлечь немецких курфюрстов на сторону Франции. Его успехом было приобретение Францией баварской дружбы. С 1633 г. он руководил немецкой политикой Франции, был горячим сторонником прямого вмешательства

Франции в Тридцатилетнюю войну и таким образом вместе со своим министром подготовил торжество французской политики в 40-х годах XVII столетия.

В 30-х годах в Германию были отправлены самые способные из французских дипломатов — Фанкан, Шарнасе и другие. Их задачей было заручиться поддержкой со стороны протестантских князей. В 1631 г. Ришелье заключил союз с шведским королем Густавом-Адольфом. Швеция и Франция обязались «восстановить свободу Германии», т. е. поднять князей против германского императора и ввести порядки, существовавшие там до 1618 г. Франция обязалась предоставить шведскому королю субсидию в 1 миллион ливров ежегодно; за это король обещал направить в Германию 30 тысяч пехоты и 6 тысяч кавалерии для действий против императора. Швеция выступила, таким образом, как прямая наемница Франции; ее задачей было поддерживать политическое распыление Германии и воспрепятствовать усилению императорской власти. Если, однако, Швеция так легко дала себя подкупить, то это объясняется тем, что у нее были свои интересы на Балтике; они оказались бы под ударом, если бы император после победы над датским королем завладел побережьем Балтийского моря. Таким образом, вновь возникал вопрос о том, кому будет принадлежать господство над Балтийским морем. Швеция была в XVII в. самым сильным из Скандинавских государств. Во время смуты Московское государство потеряло свои владения на побережье Финского залива, расширить которые стремился когда-то еще Иван Грозный. Шведы заняли и восточное побережье Финского залива и Рижский залив: теперь они мечтали о том, чтобы захватить все побережье Балтийского моря и, поставив крепости в устьях больших рек, по которым польские и прусские помещики вывозили хлеб в Западную Европу, брать с них пошлины в свою пользу. Когда Густав-Адольф был убит (1632 г.), Франция непосредственно вмешалась в немецкие дела; во имя пресловутой немецкой «свободы» она систематически разоряла Западную Германию. Длительная война, которая опустошила Германию и похоронила всякие надежды на ее политическое объединение, закончилась только в 1648 г.

Вестфальским миром история дипломатии начинает обычно историю европейских конгрессов. Мир был заключен после долгих переговоров, которые начались еще в 1644 г. в городах Оснабрюке и Мюнстере в Вестфалии. В Оснабрюке заседали представители императора, немецких протестантских князей и Швеции, в Мюнстере — послы императора, Франции и других католических держав. Все усилия императорского посла искусного дипломата Траутмансдорфа были направлены на то, чтобы, удовлетворив аппетиты Швеции, отколоть ее от Франции

и создать более благоприятные для империи условия переговоров. Однако Швеция осталась крепко привязанной к французской колеснице, которой теперь управлял уже не Ришелье (он умер в 1642 г.), а новый руководитель французской политики — кардинал Мазарини. Последний, подстрекая курфюрста Бранденбургского против непомерных притязаний Швеции на территории по южному побережью Балтики, парировал шведские притязания; тем самым он заставил Швецию идти вместе с Францией. Единственное, что удалось Траутмансдорфу, — это защитить австрийские владения Габсбургов от дальнейшего расчленения и, таким образом, сохранить государственную целостность будущей Австрии. Окончательные условия мира были подписаны в Мюнстере 24 октября 1648 г., куда незадолго до этого приехали уполномоченные из Оснабрюка.

Значение Вестфальского мира заключается в том, что он надолго установил внутренний строй Германии и закрепил ее политическое расчленение, фактически покончив с империей.

С другой стороны, определив границы государств европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех последующих договоров, вплоть до французской буржуазной революции конца XVIII в.

Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными державами, объявлять войну и заключать мир, правда, с оговоркой, что их внешняя политика не будет направлена против империи. Но фактически эта оговорка значения не имела. Швеция добилась того, что устья восточноевропейских рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, по которым шли хлебные грузы из Восточной Европы в Голландию и Англию, оказались в ее руках. Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга) и закрепила за собой три ранее приобретенных ею епископства — Мец, Туль и Верден. Французское требование «естественных границ» стало, таким образом, воплощаться в жизнь. Мирный трактат подтвердил также самостоятельность Голландии и признал независимость Швейцарии от империи. Гарантами условий мирного договора были признаны Франция и Швеция.

Вестфальский мир был торжеством политики Ришелье, хотя самого кардинала уже не было в это время в живых. Продолжателем политики Ришелье был кардинал Мазарини. Он стоял у власти в период оформления мирных условий в Оснабрюке и Мюнстере. Позже (в 1659 г.) он заключил Пиренейский договор с Испанией, против которой он воевал в союзе с Англией, в ту пору возглавлявшейся Кромвелем. Этот мир, по которому Франция приобрела часть Люксембурга, Руссильон, Артуа и Геннегау, наряду с Вестфальским подготовил гегемонию Франции в Европе. Самый опасный из противников Франции — им-

перия — фактически перестал существовать. Торжествовала «исконная немецкая свобода» в Германии, «политическая свобода» в Италии. Под прикрытием пышных слов о «свободе» закреплено было политическое раздробление и беспомощность этих двух европейских стран, с которыми Франция могла отныне делать все, что ей угодно. Вполне понятно, что Мазарини мог теперь спокойно навязывать своим незадачливым соседям «естественные границы», ссылаясь на времена древних галлов, монархии Пипина и Карла Великого в доказательство действительных и мнимых прав Франции на спорные территории.

Эти права попытался расширить «король-солнце» — Людовик XIV. В его царствование (1643—1715 гг.) французский абсолютизм вступил в полосу своей наивысшей славы и наибольшего международного значения; но при нем же, во второй половине его царствования, французский абсолютизм стал клониться к упадку.

Дипломатия Людовика XIV

Международная политическая обстановка в первую половину правления Людовика XIV была чрезвычайно благоприятной для Франции. Вестфальский и Пиренейский договоры свидетельствовали о полном унижении исконных врагов Франции — немецких и испанских Габсбургов. Реставрация Стюартов в Англии (с 1660 г.) и их реакционная политика ослабили международное значение этой страны. Английский король Карл II, будучи в непрерывной ссоре с парламентом, искал опоры против своих подданных вовне, и, можно сказать, состоял на жалованье у французского короля. У Франции в Европе уже не было соперников, с которыми нужно было бы считаться; французский двор был самым блестящим в Европе; французского короля боялись все европейские государи; французский язык сделался официальным языком дипломатии и международных трактатов. В первую половину царствования Людовика XIV его первым министром, или, как он назывался, генеральным контролером финансов, был крупный государственный деятель Франции XVII в. Кольбер. Хотя Людовик XIV и любил говорить о себе, что он сам свой первый министр, фактически дела государства находились в руках у Кольбера. Кольбер много сделал для насаждения во Франции мануфактур, всемерно оберегая интересы промышленности, торговли, и был одним из наиболее последовательных представителей политики меркантилизма. Огромные территории в Северной Америке в бассейне реки Миссисипи (Луизиана) были объявлены владениями французского короля, хотя начало французских владений в Америке было заложено еще в середине XVII в. (приобретение Акадии и других колоний). От Кольбера сохранилась огромная деловая переписка: в ней имеются, между прочим, инструкции

министра французским послам и представителям за границей. Эти документы свидетельствуют о том, насколько Кольбера занимали интересы французской торговли и французской буржуазии. Уже в 1661 г. в докладной записке, поданной королю, Кольбер писал: «Если к естественному могуществу Франции король сможет присоединить силу, которую дают промышленность и торговля... то величие и могущество короля возрастут до небывалых размеров». Кольбер тут же с завистью сообщал королю, что соседи-голландцы имеют до 16 тысяч кораблей, тогда как у французов их не больше тысячи, и они принуждены пользоваться голландскими судами для сношений со своими американскими владениями. Собственные замыслы Кольбера были направлены на ослабление экономической мощи буржуазной Голландской республики. Он не препятствовал завоевательным планам Людовика XIV, лишь бы планы этого «преемника Карла Великого» приносили пользу французской буржуазии, а вместе с тем и королевской казне. Поэтому «король-солнце» на первых порах и занялся доказательством того, что древние галлы владели Бельгией. Однако и Кольбер и тем более Людовик XIV недооценили способность Голландии к сопротивлению. Боясь непосредственной близости такой сильной соседки, как Франция, Голландия сделалась в XVII в. душой всех коалиций в Европе, обеспокоенной французской агрессией. Борьба, начатая попыткой Франции захватить Бельгию, вылилась в серию «торговых войн» с участием Франции, Голландии и Англии. Эти войны между тремя экономически наиболее сильными державами велись за морское и колониальное преобладание.

Войны Людовика XIV

Четыре войны, которые вел Людовик XIV в свое царствование, весьма поучительны с точки зрения истории дипломатии. Первая война была вызвана стремлением Франции захватить Бельгию, т. е. ту часть Нидерландов, которая после нидерландской революции осталась в руках Испании. Предлог для войны соответствовал духу времени: он был чисто династическим. Основываясь на том, что новый король Испании, сын Филиппа IV, Карл II (1665—1700 гг.) происходил от второго брака, а по законам Фландрии дети от второго брака не наследовали своему отцу, Людовик XIV, женатый на дочери Филиппа IV от первого брака, заявил от имени своей жены притязания на Бельгию. Против этого восстала Голландия, боявшаяся, что за Бельгией наступит и ее черед. Войне открытой предшествовала таможенная война. В 1667 г. Кольбер ввел запретительные тарифы, направленные против Голландии, на что последняя ответила исключением со своих рынков французских товаров. Голландия заключила союз с Англией и Швецией. Война была не-

продолжительной (1667—1668 гг.), но она показала, что всякое наступательное действие Франции вызывает коалицию против нее. Людовик поэтому ограничился лишь присоединением (по Аахенскому миру) нескольких пограничных крепостей (Лилль и др.) и занялся дипломатической подготовкой новой войны. Он отвлек Швецию от союза с Голландией, дал субсидию Карлу II Английскому и начал новую войну (1672—1679 гг.). Французам чуть было не удалось захватить Амстердам, но голландцы прорвали плотины и затопили местность, а их флот нанес поражение соединенному англо-французскому флоту. На помощь Голландии пришел бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм («великий курфюрст»). Он предпочитал иметь в качестве соседа своих рейнских владений сравнительно слабую Голландию, но не могущественную Францию. Против Франции выступили немецкие и испанские Габсбурги и, наконец, империя в целом. Династическая политика английского короля Карла II вызвала недовольство самих англичан: в XVII в. господствующие классы Англии уже начинали видеть во Франции своего наиболее сильного соперника. Англичане заставили своего короля расторгнуть союз с Францией и прекратить войну. Дипломатическим успехом Франции было вовлечение Швеции в войну с Бранденбургом. Но при Фербеллине (1675 г.) Фридрих-Вильгельм Бранденбургский нанес шведам решительное поражение. Франция согласилась на мир (в Нимвегене в 1679 г.), по которому она все же получила еще несколько пунктов в Бельгии (Камбрэ, Валансьен) и целую область у своей восточной границы — Франш-Контэ.

Нимвегенский мир

Нимвегенский мир знаменовал период наибольшего могущества Франции в Европе. Пользуясь политической слабостью Священной Римской империи, Людовик XIV принялся присоединять пограничные с Францией имперские территории. Были созданы особые «воссоединительные палаты», в которых французские юристы занимались установлением «прав» короля на ту или иную территорию империи. В 1681 г. Людовик XIV внезапно захватил Страсбург. Так как в это время зашевелились турки, и угроза их нашествия нависла над самой Веной, империя и Испания по соглашению в Регенсбурге (1684 г.) признали за Людовиком XIV все эти присоединения.

Франко-голландское соперничество. Вильгельм III Оранский. Оксеншерна

Продолжавшееся усиление Франции всполошило всю Европу: Голландия создала новую коалицию против Франции. Во главе Голландской республики стоял крупный политический деятель и дипломат штаттальтер Вильгельм III Оранский (1672—1702 гг.). Уже во время второй войны Людовика XIV он настоял на прорыве

плотин и, таким образом, спас Амстердам от захвата его французами. Немедленно же после Нимвегенского мира он развил энергичную дипломатическую кампанию, направленную к изоляции Франции, как самого опасного врага. В переписке Вильгельма с императором и курфюрстом Бранденбургским развивались широкие планы совместной борьбы против Франции. Его дипломатическому искусству обязан был существованием тайный оборонительный союз («Аугсбургская лига»), заключенный против Франции. В эту «лигу» вошли император, Испания, Голландия, Савойя, некоторые мелкие немецкие князья, итальянские государи и, что особенно важно, Швеция, давнишний «друг» Франции. В шведской политике наступил перелом. В течение первой половины XVII в. Швеция, заинтересованная в ослаблении империи, была в союзе с Францией и действовала зачастую по ее указке и на субсидии, полученные из Парижа. Усиление Франции во второй половине XVII в. и ее попытки захватить Бельгию и Голландию, державшую в своих руках шведский вывоз, вызвали в Швеции опасения. Выдающийся шведский дипломат Оксеншерна считал, что при создавшейся обстановке Швеции следует идти в союзе с морскими державами — Англией и Голландией, ибо они обе заинтересованы в ослаблении Франции. Вместе с тем он ставил перед шведской дипломатией задачу использовать англо-голландское соперничество на море для того, чтобы достигнуть наивыгоднейших условий для шведской торговли. С 1680 г. Оксеншерна получил в свое ведение министерство иностранных дел и уже в 1681 г. заключил с Вильгельмом Оранским союз, направленный против Франции. Этот союз был блестящим ходом в политической игре Вильгельма Оранского и Оксеншерны: после так называемой «славной революции» (1688 г.) и изгнания Якова II Стюарта Вильгельм Оранский стал английским королем. Вокруг Франции замкнулось кольцо ее врагов. С этого периода Франция вступает в полосу длительной борьбы с Англией, и эта борьба заполняет историю международных отношений всего XVIII в.

Положение Людовика XIV осложнялось, но он все-таки продолжал свои захваты по Рейну.

Кольбера, который сдерживал короля указаниями на недостаток средств, уже не было в живых. Военный министр Лувуа был истинным представителем французского дворянства, которое жаждало воинской славы и готово было воевать во имя «славы короля», не считаясь с ресурсами страны. Началась третья война (1688—1697 гг.), крайне истощившая обе стороны. Это, однако, не остановило Людовика XIV. Его четвертая и последняя война оказалась для Франции подлинным разорением. Эта четвертая война носит название войны за испанское наследство.

2. Дипломатия английской буржуазной революции (1640—1660 гг.)

Дипломатия английской буржуазной революции занимает особое место в дипломатической истории Европы. Революция поставила у власти людей, которые воплощали в себе интересы буржуазного развития Англии.

Дипломаты английской буржуазной революции делали то, что в XVI в. совершали корсары, арматоры и купцы Англии, даже не прибегая к помощи своего правительства. Теперь они сами стояли у власти: их правительством был сначала выражавший их интересы парламент, затем — их диктатор Оливер Кромвель, этот, по выражению Маркса, Робеспьер английской революции, ставший затем ее Наполеоном.

Дипломатия «Долгого парламента»

Политика английской революции на первых порах, пока решалась борьба между королем и парламентом, между феодализмом и капитализмом, носила печать полного безучастия к тому, что делалось в Европе. Флот, связанный с интересами буржуазии и торговли, с самого начала стал на сторону парламента и революции. Это обеспечило революцию от интервенции с континента в пользу короля и феодального порядка. Впрочем, континентальные монархии плохо разбирались в значении английских событий и были мало обеспокоены тем, что происходило в Англии: они не боялись революции, потому что чувствовали себя в полном расцвете сил и еще не понимали, что означала революция. Поэтому гражданская война в Англии могла протекать без помехи. Все попытки Карла I заручиться французской помощью остались тщетными: они способствовали лишь его окончательной дискредитации, после того как дипломатическая переписка короля во время битвы при Незби (1645 г.), решившей исход борьбы, попала в руки парламентской армии.

Победившие классы — новое дворянство и буржуазия, — захватив власть в свои руки и произведя в свою пользу перераспределение богатств, жаждали установления прочного порядка и восстановления нормальных торговых и дипломатических отношений с державами континента. Люди «денежного мешка», нажившиеся от распродажи имущества и земель врагов революции, на откупах, акцизах и на государственных займах, готовы были броситься на завоевание европейского рынка с тем же пылом, с каким они отстаивали «дело божье», т. е. свою буржуазную революцию от врагов справа и слева. Определялась программа борьбы с главными морскими противниками и торговыми соперниками Англии — Голландией, Испанией и Францией. Пуританские фанатики призывали республику к

беспощадной борьбе с Голландией. «Бог, — говорил один из них, — предал Голландию англичанам: туда должны направиться праведники, туда идти и низвергнуть с трона вавилонскую блудницу, чтобы основать на континенте царство Христово».

Впрочем, ставшие у власти «люди божьи», при всем своем религиозном увлечении, никогда не забывали о своих земных интересах. Их трезвость и реализм дали повод шведской королеве Христине сказать английскому послу в Швеции Уайтлоку: «Вы, англичане, притворщики и лицемеры. Я не говорю о вашем генерале (т. е. Кромвеле), ни о вас самих, но, мне кажется, в Англии много таких людей, которые, надеясь извлечь из того выгоду, выказывают больше святости, чем имеют ее в душе».

В конце 40-х и начале 50-х годов XVII в. внешняя политика и дипломатия английской революции находились в ведении парламента. После разгона его «охвостья» в 1653 г. она целиком сосредоточилась в руках самого Кромвеля. Основной задачей английской дипломатии на первых порах было восстановление нормальных дипломатических и торговых сношений с державами континента. Дипломатические агенты этих держав в большинстве случаев продолжали жить в Лондоне, но воздерживались от сношений с новым правительством, не имея новых верительных грамот от своих государей, которые не спешили признать республику.

Известно, что французское правительство опоздало сделать представление в пользу приговоренного к смерти короля Карла I, а французский посол в Лондоне Бельевр даже не попросил с ним свидания. Его поведение тем не менее было впоследствии оправдано в королевском совете.

Наиболее снисходительным к республике оказалось самое нетерпимое из всех правительств — испанское. Испанский посол в Лондоне дон Алонсо Карденья, хотя и не получил новых верительных грамот, был тем не менее уполномочен войти в тайные сношения с республиканским правительством. Он и сделал это с большим искусством. Причиной было желание Испании предупредить свою исконную соперницу Францию и насолить с помощью англичан недавно (в 1640 г.) отложившимся от Испании португальцам. Последние находились в самых обостренных отношениях с Англией из-за помощи, оказанной Португалией английским королевским корсарам, которые грабили английские республиканские торговые суда.

Англо-французские отношения около этого времени стали портиться. Еще до казни короля Карла I французское правительство, считая, что Англия, занятая внутренней борьбой, окончательно обессилена, запретило ввоз во Францию английских шерстяных и шелковых изделий (1648 г.). В ответ на это английский парламент запретил ввоз французских вин. Карди-

пал Мазарини, стоявший в то время у власти во Франции, старался добиться у Англии уступок в этом вопросе. Но французского поверенного в делах в Англии, Крулле, постигла полная неудача. Англичане ответили ему, что, «несмотря на прежнюю веру в короля, они легко обходятся без него; так же легко обойдутся они и без французского вина». Началась таможенная война. Дело дошло до обоюдного захвата торговых кораблей и даже до военных действий без формального объявления войны. Карденья ловко использовал натянутые отношения между Францией и Англией и добился от мадридского двора новых верительных грамот (в декабре 1650 г.), уверяя своего короля, что он, как первый, признавший республику, сможет извлечь из этого признания великие выгоды. Выгоды были, пожалуй, и невелики, но унижения своего врага и соперника — Франции — посол действительно добился. В декабре 1650 г. Карденья был принят парламентом в торжественном заседании и вручил ему свои грамоты, а Крулле в тот же день был арестован и вскоре выслан из Англии. Сохранилось собственноручное письмо Крулле к Мазарини, повествующее о его невзгодах, и описание торжественного приема парламентом испанского посла.

Три комиссара парламента, в числе которых был граф Солсбери, отправились за Карденьей в правительственных каретах. Тридцать или сорок экипажей сопровождали Карденью, когда он ехал в парламент; в них сидели английские и испанские дворяне. По пути его следования были выстроены два полка кавалерии, полк пехоты его конвоировал. В парламенте послу было приготовлено особое кресло. Сев в него, Карденья предъявил спикеру свои верительные грамоты, написанные по-латыни, и произнес на испанском языке большую речь, в которой выразил удовольствие, что он первый от имени величайшего христианского государя признает эту палату верховной властью нации.

Как ни неприятны для французов были эти события, Мазарини и являвшийся тогда помощником всемогущего кардинала Кольбер, оберегавший интересы французской буржуазии, принуждены были добиваться восстановления нормальных дипломатических отношений с Англией. Французские коммерсанты, которых грабили английские корсары, толкали свое правительство на такое соглашение. В записке, составленной в 1650 г., Кольбер писал королю, жалуясь на затруднения, испытываемые французской торговлей:

«С тех пор как по стечению неблагоприятных обстоятельств англичане ведут с нами войну... торговле нашей трудно поправиться, пока она будет страдать от мести англичан... Чтобы поправить торговлю, необходимы два условия: безопасность и сво-

бода, а их можно достигнуть, лишь восстановив добрососедские отношения с Англией. Пункт, на котором англичане особенно настаивают, — заключал Кольбер, — есть признание их республики, в чем испанцы нас опередили. Можно опасаться еще более тесного союза вследствие действий испанского посла в Англии. Францию простят и бог и люди в том, что она вынуждена признать эту республику для предупреждения враждебных замыслов испанцев, творящих всевозможные несправедливости и готовых на всякие низости для того, чтобы нам вредить».

Сам кардинал готов был «решиться на низость», т. е. признать республику за приличное вознаграждение, иными словами, за союз с Англией против Испании. Мазарини с тем бо́льшим рвением решил наладить отношения с Англией, что его враги, сторонники Фронды, не прочь были договориться с республикой, хотя и опасались, будет ли это достойно чести истинных католиков и добрых французов. У самого Мазарини, поклонника силы и почитателя Макиавелли, таких сомнений не было. Понимая, что в 1652 г. фактически внешними делами ведал уже не парламент, а Кромвель, Мазарини вступил с ним в переговоры через посредников. Вскоре ему сообщили от имени Кромвеля, что республика требует только, чтобы король французский признал ее и немедленно назначил своего посла в Англию. При этом подданным республики должно быть уплачено вознаграждение за потери, понесенные за время морского каперства. В случае, если бы борьба Мазарини с Фрондой сложилась не в пользу кардинала, Кромвель любезно предлагал Мазарини убежище в Англии.

Эти условия были очень далеки от желаний кардинала. Но положение Мазарини и королевского двора час от часу становилось все более затруднительным. Фрондирующие принцы соединили свои усилия с революционным движением в городе Бордо, который мечтал в союзе с Английской республикой восстановить свои былые вольности. Испанцы также прилагали все усилия, чтобы склонить англичан к союзу с ними. При таких условиях Мазарини не оставалось ничего другого, как согласиться на английские предложения. В декабре 1652 г. в Англию был отправлен интендант Пикардии де Бордо с письмом короля английскому парламенту. В инструкции посланному предписывалось «не говорить ничего, могущего произвести разрыв или оскорбить англичан, дабы не дать им предлога объявить себя врагами французской короны. Его величество находит, что в настоящее время пусть лучше англичане плавают по морям и разбойничают, нежели предпримут что-либо еще худшее, — соединят свои силы с испанцами или возьмут под свое покровительство мятежников [т. е. бордосцев]».

Письмо французского короля было адресовано «нашим любезнейшим и великим друзьям членам парламента Английской республики». Однако парламенту это обращение представилось неудовлетворительным, и французам пришлось заменить прежнее обращение другим: «Парламенту Английской республики». После этого де Бордо было объявлено, что парламент готов его принять и выслушать, но так как он, г-н Бордо, не является в собственном смысле послом, то ему аудиенция будет дана не в парламенте и не в Государственном совете, а лишь в комитете, ведающем внешней политикой. 21 декабря 1652 г. злополучный посланец французского короля произнес в комитете речь, в которой заявлял, что «союз, могущий существовать между двумя соседними государствами, не зависит от формы их правления. Поэтому, если богу угодно было промыслом своим изменить бывшую прежде в этой стране форму правления, то это еще не вызывает необходимости перемен в торговых отношениях и взаимном согласии Франции и Англии. Последняя могла изменить свой вид и из монархии сделаться республикой, но положение остается неизменным: народы остаются соседями и по-прежнему заинтересованы друг в друге посредством торговли, а трактаты, существующие между нациями, обязательны не столько для государей, сколько для народов, потому что их главная цель — взаимная выгода». В конце своей речи де Бордо упомянул, что «его величество готов удовлетворить справедливые претензии английских судовладельцев, потерпевших от французского каперства».

Легко представить негодование бывшей королевы английской Генриетты-Марии, когда она узнала о действиях Мазарини. В письме к своему второму сыну, будущему королю английскому Якову II, она писала: «Сын мой, пишу тебе это письмо, чтобы известить тебя... что отсюда отправили в Англию посла с признанием этих гнусных изменников, несмотря на все протесты, какие мы могли заявить. Признаюсь тебе, со времени моего великого несчастья [т. е. казни мужа, короля Карла I] я еще ничего подобного не испытывала!»

Окончательно договор с Францией был оформлен несколько позже, в 1655 г., после долгих проволочек, во время которых Кромвелю удалось, играя на франко-испанских противоречиях, добиться от Франции ряда уступок.

Иначе обстояло дело с Голландией — могущественной морской и торговой державой Европы XVII в. Голландцы были наиболее опасными соперниками англичан повсюду, где встречались их корабли. Происки голландцев в Русском государстве привели к отмене торговых привилегий английских купцов. Правительство царя Алексея Михайловича мотивировало

эту отмену тем, что «англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти».

Английское общественное мнение было за самую решительную политику по отношению к Голландской республике: либо крепкий союз двух морских держав, почти слияние их в единое государство, либо борьба не на живот, а на смерть с целью принудить Голландию признать английскую гегемонию на море и в морской торговле. Отсюда резкие колебания английской дипломатии в отношениях с торговой республикой. Начав с самых дружеских заявлений, Англия кончила открытым разрывом.

В феврале 1651 г. два чрезвычайных посла английского парламента, Сен-Джон и Стрикленд, были отправлены в Голландию. Их сопровождали 40 джентльменов и около 200 слуг в качестве свиты. В Гааге они были приняты с необыкновенной торжественностью депутацией Генеральных штатов, которую сопровождали 27 карет. Но массы зрителей выражали скорее неудовольствие при виде англичан. Во время дальнейшего пребывания английское посольство могло убедиться, что англичане не пользуются популярностью в этой стране.

Тем не менее во время торжественной аудиенции в Генеральных штатах семь комиссаров республики заявили английским послам, что Соединенные провинции предлагают свою дружбу Английской республике и что они готовы не только возобновить и сохранять нерушимо добрые отношения, всегда существовавшие между английской нацией и ими, но и заключить с республикой трактат в видах общей пользы. В ответ на это английские послы, поймав на слове представителей республики, заявили, что их предложения идут еще дальше. «Мы предлагаем,— заявили они,— чтобы существовавшие в прежнее время дружба и добрые отношения между английской нацией и Соединенными провинциями не только были восстановлены и нерушимо сохраняемы, но чтобы эта нация и Провинции вступили в союз, более тесный и более искренний, так, чтобы для блага той и другой стороны был между ними взаимный интерес, более существенный и более сильный». Последняя фраза привела голландцев в смущение, и они допытывались, чего же хотят от них англичане. Последние от прямого ответа уклонились и заявили, что Провинции сами должны сделать английской республике определенные предложения. Истинный замысел англичан, впрочем, был довольно ясен: предложить Голландии слияние с Англией, т. е. предложить ей добровольно подчиниться Англии, и, в случае отказа, порвать с ней — таков был скрытый смысл дружеских объятий, в которые англичане готовы были заключить голландцев. Общественное мнение Голландии с негодованием отвергло самую мысль о подобного

рода дружбе. Голландский политик Ян де Витт впоследствии говорил по поводу последовавшего вскоре разрыва, что наряду с негодованием голландцев виной этому были «нестерпимый нрав англичан и их бесконечная ненависть к нашему благосостоянию».

Пока одна сторона старалась перещеголять другую в изъявлениях дружбы, действительные отношения между двумя республиками становились все более натянутыми. Англичане захватывали голландские корабли, а военный флот Голландии под командой знаменитого адмирала Тромпа крейсировал около английских берегов. Английские послы запросили свой парламент, что им делать дальше, и не следует ли им возвратиться домой. Парламент, не получая ответа от Генеральных штатов, предложил своим послам представить, наконец, его предложения о дружбе, походившие более на ультиматум. Они содержали семь пунктов. Английская республика и республика Соединенных провинций должны были выступать как единое государство в вопросах войны и мира, в международных договорах и союзах. В некоторых случаях Генеральные штаты должны были подчиняться постановлениям английского парламента даже во внутренних делах. Как будто бы боясь, что он будет неправильно понят, английский парламент прибавлял устами своих послов, что если эти предложения будут приняты, то «будут предложены статьи еще более важные и обещающие еще более значительные последствия для блага обеих республик».

После того как английские предложения были отклонены Генеральными штатами, послам Английской республики не оставалось ничего другого, как уехать восвояси. Это произошло в начале июля 1651 г., а 5 августа парламенту был предложен и в том же году с необычайной поспешностью опубликован знаменитый Навигационный акт Кромвеля. То был типичный продукт меркантилизма XVII в. Он показал голландцам истинное значение недавно предлагавшейся английской дружбы. Согласно этому акту, в Англию позволялось ввозить иностранные товары только на английских кораблях, находившихся под начальством англичан и чьи команды состояли бы не менее чем на три четверти из английских матросов. Но и при этих условиях в Англию можно было ввозить товары только из мест их происхождения. Голландия, занимавшаяся по преимуществу посреднической торговлей, исключалась таким образом из торговли с Англией. Вскоре между Англией и Голландией начались военные действия, открытые без объявления войны. В этой войне (1652—1654 гг.) Голландия была разбита и принуждена примириться с Навигационным актом.

Дипломатия Кромвеля

Роспуск «охвостья» Долгого парламента в 1653 г. и переход власти к Кромвелю в 1654 г. сделали последнего диктатором. Отныне вся власть и руководство внешней политикой сосредоточены были в его руках. Фактически же Кромвель стал диктатором значительно раньше. По происхождению он был дворянином среднего достатка. Кромвель понял с первых дней революции, что настало время действовать во имя будущего, не считаясь с обычаями прошлого и не занимаясь парламентскими дебатами на тему о правах парламента и прерогативах короны. Один из скульпторов изобразил спокойную и решительную фигуру Кромвеля со шпагой в одной руке и молитвенником в другой — оружием, при помощи которого он намеревался разрешать или, лучше сказать, разрубать самые сложные вопросы своего бурного времени. Насмешники из числа парламентариев говорили о нем после разгона «охвостья», что Кромвель — претендент на непосредственные сношения со святым духом и что он выдает свои распоряжения за повеления самого бога. В этой насмешке была известная доля истины. Убежденный в своей миссии, Кромвель облекал требования своего класса в проповедь, подкрепленную ссылками на Библию и бога. Действовал он с быстротой и решительностью, свойственной восходящему классу, который прочно захватил власть и не желает ни с кем ею делиться. Лондонский купец Морель, состоявший в переписке с кардиналом Мазарини, писал ему: «Мы возлагаем бо́льшую надежду на десять, чем на двести (т. е. на Кромвеля и его непосредственных помощников, а не на парламент). Больше тайны — больше быстроты, меньше слов — больше дела, и четыре года не пройдут по-прежнему в ораторских упражнениях».

При вступлении в свои обязанности Кромвель отправил своего церемониймейстера ко всем иностранным послам «с поручением уверить их, что эта перемена не изменит ни отношений, ни дружбы, существующих между их государями и Англией». Государственный совет поручил пяти своим членам продолжать дипломатические дела, начатые раньше парламентом. Обстоятельства способствовали упрочению власти диктатора. В июне 1653 г. английский флот одержал решительную победу над голландцами. С Голландией, как соперником, было покончено. Корнелий де Витт на собрании Генеральных штатов Соединенных провинций заявил: «Моя обязанность сказать вам, что теперь и мы, и море во власти Англии». Война еще продолжалась некоторое время, пока велись переговоры. Сначала англичане по-прежнему настаивали на слиянии двух республик, но Кромвель, убежденный в необходимости скорейшего окончания войны, отказался от этого требования и добился заключения мира в июне 1654 г. Участниками договора были не только

голландцы, но и их союзники: король датский, протестантские кантоны Швейцарии, ганзейские города и некоторые протестантские князья Северной Германии.

Одновременно Кромвель заключил торговые договоры с другими, менее опасными для Англии державами: Швецией, Данией и Португалией.

Еще в 1653 г. Кромвель отправил в Стокгольм английского дипломата Уайтлока, который должен был заключить договор со Швецией. «Это, — говорил Кромвель Уайтлоку, — чрезвычайно важно для республики; кроме королевы Христины, во всем христианском мире нет такого государя и такой державы, с которыми мы могли бы рассчитывать связать себя узами дружбы... Ваше нынешнее назначение послужит лучшим средством к устройству наших дел с голландцами и датчанами, а также и дел нашей торговли». Уайтлоку пришлось употребить много усилий, чтобы победить предубеждение шведского дворянства, которое с возмущением смотрело на события в Англии и считало, что парламент — это «компания портных и сапожников». Тем не менее 28 апреля 1654 г. Уайтлок подписал мирный и союзный трактат с Швецией. В трактате с Данией в сентябре 1654 г. Англия выговорила себе право прохода через Зунд на тех же условиях, которыми до тех пор пользовались голландцы. Договор с Португалией, представитель которой долгие месяцы ждал ответа на свои предложения, был началом экономического подчинения Португалии Англии. «Мы заключили, — говорил Кромвель, — мир с двором португальским; купцы наши, там торгующие, будут иметь право свободного вероисповедания и полную свободу славословить всевышнего в собственных своих церквах».

Это нисколько не помешало Кромвелю предать суду брата португальского посланника Панталеона де Са за то, что тот позволил себе со своими друзьями устроить драку у новой биржи в лондонском Сити, причем имелись убитые и раненые. Суд приговорил португальского дона к смерти, и он был обезглавлен перед многочисленной толпой. За несколько часов до этого посланник, его брат, выехал из Англии с только что подписанным договором, чтобы не видеть страшного зрелища.

Труднее обстояло дело с Испанией. Несмотря на то что Испания была первой страной, которая признала Английскую республику, несмотря на все старания Карденьи, дело с подписанием договора подвигалось вперед чрезвычайно медленно. Ненависть английской буржуазии к этой в то время великой колониальной державе была давнишней и понятной. Как только Кромвель был провозглашен протектором, Карденья, боясь, что его предупредит Франция, в частном разговоре предложил Кром-

велю помощь со стороны Испании для утверждения его власти. Он обещал от лица своего короля, что Испания откажется поддерживать какие бы то ни было домогательства Карла Стюарта, сына казненного короля английского. За это Карденья требовал, чтобы Кромвель выступил совместно с Испанией против Франции. Но Мазарини оказался более ловким, чем испанское правительство. Он готов был титуловать Кромвеля от имени короля «братом», «кузеном» и т. д., но Кромвель просил сказать кардиналу, что никакого иного титула, кроме протектора, он не потерпит. Мазарини намекал, что, если понадобится, он «вежливым образом» готов выпроводить из Франции семью казненного короля, и предлагал Кромвелю деньги и союз. Кромвель неторопливо выслушивал предложения соперников и ставил им все новые условия и требования. По существу он давно уже решил вопрос о том, кого предпочесть. Франция была сильна, и борьба с ней была чревата неожиданностями. Испания находилась в состоянии упадка и представляла богатую и легкую добычу. Испания не разрешала Англии торговать со своими колониями. Она подвергала английских купцов, еретиков с испанской точки зрения, суду инквизиции. Кромвель потребовал от Испании свободы плавания в Вест-Индию и прекращения инквизиционных преследований. Это было чересчур для Карденьи. Он с негодованием заявил: «Требовать освобождения от инквизиции и свободного плавания в Вест-Индию — все равно, что требовать обоих глаз моего государя». Всегда необходимая, по мнению Кромвеля, война с Испанией стала теперь неизбежной. Она могла занять матросов, офицеров и солдат, дать им возможность нажиться; она могла успокоить умы фанатиков, метавших громы против «папистов»; она, наконец, сулила дать Англии господство в Новом Свете, который попал в руки католиков-испанцев, а должен был принадлежать суровому протестантскому богу кальвинистов, богу торговли, капиталистической эксплуатации и нарождающейся биржи. К берегам Нового Света была отправлена эскадра Пенна, в Средиземное море — эскадра страшного Блэка, который крейсировал около испанских берегов. Пенну даны были инструкции начать захват испанских колоний. Однако попытка овладеть островом Сан-Доминго была отбита испанцами. Когда это происшествие стало известно в Испании, на английские корабли и имущество англичан в Испании было наложено эмбарго, многие из купцов были арестованы, и король приказал Карденье покинуть Англию. Когда Карденья садился на предоставленный ему фрегат в Дувре 24 октября 1655 г., Кромвель подписывал мирный и торговый договор с Францией. «Если этот договор, — писал французский посол в Англии де Бордо, — и утратил свою прелесть от долгого ожидания, зато разрыв с Ис-

панией, кажется, должен придать ему новую цену». 28 ноября сообщения о договоре с Францией и войне с Испанией были обнародованы на улицах Лондона.

В сентябре 1656 г. Кромвель следующими словами характеризовал создавшееся положение: «Мы в войне с Испанией. Мы начали эту войну по необходимости. Испания наш величайший враг, враг естественный и как бы указанный самим богом, ибо она — воплощенный папизм. Нет средств ни добиться от Испании удовлетворения, ни обезопасить себя от нее. Мы требовали от нее для наших купцов только позволения иметь в кармане Библию и молиться богу по-своему, но нечего ждать от испанца свободы совести». Война окончилась уже после смерти Кромвеля и была неудачной для Испании. Англия захватила остров Ямайку, центр работорговли в Америке.

3. Международное положение Русского государства в XVII в.

Международное положение и дипломатия Русского государства в начале XVII в.

Интервенция со стороны Речи Посполитой и Швеции в начале XVII в. не могла не отразиться на международном положении России, которое сильно пошатнулось. Чтобы обеспечить поддержку своей авантюры со стороны польского короля, панов и папы, Лжедмитрий I заключил ряд тайных договоров. Он обязался передать Речи Посполитой Северскую землю, гарантировал подчинение Русского государства власти римского папы, обещал, что Россия примет энергичное участие в крестовом походе против турок и предоставит королю необходимые средства для борьбы против Швеции. По брачному контракту, заключенному Лжедмитрием с Мариной Мнишек, последняя, наряду с богатыми подарками из царской казны, должна была получить в удел Псков и Новгород, а ее отец, польский воевода Юрий Мнишек, — ряд русских территорий и в том числе половину Смоленской земли, а также миллион польских злотых из русской казны. Если бы эти договоры были претворены в жизнь, они привели бы к расчленению и разорению Русского государства. Опубликованные после смерти самозванца, эти договоры вызвали сильное негодование против Речи Посполитой.

Столь же кабальными были для России и договоры, заключенные с поляками «тушинским вором» — Лжедмитрием II.

Однако и боярское правительство царя Василия Шуйского, боявшееся собственного народа, оказалось вынужденным заключить в феврале 1609 г. позорный договор с Швецией, которым оно ценою уступки значительной территории в Карелии (город Корела с уездом) купило иноземную помощь.

По мере того как слабела власть Шуйского, отдельные группы русских бояр заключали договоры с интервентами. 4 февраля 1610 г. представители феодальной знати, служившей тушинскому «царьку», договорились с польским королем Сигизмундом о приглашении его сына Владислава на русский престол. После поражения правительственных войск и свержения Шуйского временное боярское правительство заключило в августе 1610 г. аналогичный договор с гетманом Жолкевским. В это же время, пользуясь ослаблением Русского государства, шведское правительство также перешло к прямым актам агрессии, поставив себе целью не только захват Карелии, но и всего русского побережья Финского залива, а также Колы, Архангельска, Новгорода и Пскова. Это был план полного оттеснения России от выходов к морям, с тем чтобы поставить ее в зависимость от Швеции. Полностью осуществить свои намерения шведы не смогли. Однако они добились значительного успеха, овладев Новгородом. Новгородская феодальная верхушка подписала с шведским полководцем Яковом Делагарди договор, согласно которому Новгород признавал царем одного из сыновей шведского короля. В основе всех этих договоров, отдававших страну в руки иностранцев, лежало одно и то же стремление правящих групп — сохранить власть в своих руках и устранить опасность народного восстания. Только патриотический подъем, охвативший широкие народные массы, позволил ополчению князя Пожарского и Минина освободить Москву от засевших в ней поляков.

Из «великого разорения» Русское государство вышло ослабленным и расшатанным. Сигизмунд, который успел захватить Смоленск и Чернигово-Северскую землю, продолжал угрожать Москве. Владислав, его сын, не отказывался от своих мнимых прав на русский престол. Новгород был оккупирован шведами, и шведский кандидат продолжал заявлять свои притязания на русский престол. Правительству нового царя Михаила пришлось, таким образом, начинать свою деятельность в очень напряженной международной обстановке. Михаил Федорович по вступлении на престол (в 1613 г.) немедленно обратился ко всем европейским державам с «обвещением» о своем избрании и с просьбами о займе и о союзе против Польши и Швеции. Отсутствие уверенности в прочности нового правительства отразилось на результатах этих переговоров. Империя признала нового царя только в 1616 г.

Речь Посполитая дольше всех отказывалась признать царем «нынешнего государя их [Михаила Федоровича], которого они, русские, ныне великим государем у себя именуют». Владислав в сентябре 1618 г. вновь подошел к Москве во главе польского войска, и хотя взять город ему не удалось, однако по Деулин-

скому перемирию 1618 г., заключенному на 14 ½ лет, он не отрекся от своих притязаний на русский престол. За Польшей по этому перемирию оставались Смоленск, Дорогобуж, Новгород-Северский, Чернигов и ряд других русских городов.

Только в 1634 г. по Поляновскому договору Владислав отказался от своих притязаний и признал за Михаилом Романовым царский титул. Вместе с тем русскому правительству вновь пришлось согласиться на сохранение за Польшей захваченных ею русских земель.

Мир со Швецией был заключен в деревне Столбове в феврале 1617 г. при посредничестве Голландии и Англии, заинтересованных в восстановлении правильной торговли с Россией, и при участии официального представителя английского короля Якова I — Дж. Мерика. Условия этого мира были крайне тяжелыми для России. Добиваясь возвращения шведами Новгорода, правительство Михаила Романова оказалось вынужденным пойти на отказ в пользу Швеции от земель на побережье Финского залива. Таким образом, Русское государство вновь было отрезано от Балтийского моря, что делало неизбежным возобновление борьбы с Швецией в будущем.

Что касается признания Михаила, то Англия, Голландия и даже Франция требовали за это признание предоставления им транзита через Русское государство в Персию, но в Москве проявили в этом вопросе большую твердость.

Добившись изгнания интервентов и заключив Деулинское перемирие с Польшей и Столбовский мир с Швецией, русское правительство, исходя из неизбежности возобновления борьбы с Речью Посполитой за захваченные ею русские земли, прилагало усилия, чтобы создать благоприятные внешнеполитические условия для этой борьбы. С этой целью русская дипломатия в 20—30-х годах стремилась упрочить отношения с Швецией и пошла на предоставление ей хлебных субсидий, желая противопоставить Швецию Польше.

Основные направления внешней политики Русского государства в XVII в.

Оправившись от последствий польской и шведской военной интервенции, Русское государство постепенно становится все более мощной абсолютной монархией. Начиная с середины XVII в. Россия играет уже настолько крупную роль в политической жизни Восточной Европы, что ни одна международная проблема больше не может быть разрешена здесь без ее участия.

Таким образом, ко второй половине столетия уже стало определяться значение Русского государства как одной из европейских великих держав.

Три основные международные проблемы стояли перед Россией в XVII в. Оставался нерешенным вопрос о воссоединении

украинских и белорусских земель, которые находились под властью Речи Посполитой (Польши). Не менее насущным был вопрос о выходе к Балтийскому морю. К концу столетия четко обрисовалась и третья задача — необходимость борьбы с Турцией и ее вассалом — Крымом. Все три проблемы переплетались между собой, чем осложнялось разрешение каждой из них в отдельности. В борьбе с Польшей естественными союзниками были Швеция, Турция и Крым. Но эти же государства являлись и соперниками России в отношении литовско-польского наследства: Швеция претендовала на польскую Прибалтику и на Литву, Турция и Крым — на Украину. С другой стороны, борьба с Швецией за Балтику толкала Россию к союзу с Речью Посполитой и требовала установления мирных отношений с мусульманским Югом. Точно так же и против Турции можно было действовать лишь в союзе с Польшей, т. е. отказавшись от Украины. Такова была сложная международная обстановка, в которой приходилось действовать русской дипломатии во второй половине XVII в.

Кризис, который переживала Речь Посполитая в середине XVII в., открыл для русской политики широкие перспективы. Восстание украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против гнета польских панов, перекинувшееся и в белорусские земли, создало благоприятные условия для решения вопроса о воссоединении украинских и белорусских земель. В Москве понимали, что ее согласие на воссоединение Украины означает войну с Речью Посполитой. Вопрос об этой войне был решен весной 1653 г., а 1 октября того же года Земский собор утвердил решение о принятии Украины под власть русского царя.

8 января 1654 г. Переяславская рада единодушно высказалась за воссоединение Украины с Россией, «чтоб есми вовеки вси едино были». Решение Переяславской Рады явилось завершением общенародной борьбы за воссоединение с Россией, выражением вековых стремлений и надежд украинского народа и знаменовало поворотный этап в его жизни.

Начавшиеся военные действия против Речи Посполитой проходили весьма успешно. Уже в 1654 г. были заняты Дорогобуж, Рославль, Орша, Гомель, Могилев, Смоленск, Полоцк, Витебск и другие города. После того как русские войска заняли Белоруссию и Литву с ее столицей Вильно, Алексей Михайлович принял титул царя «всея великия и малыя и белыя Руси», символизировавший объединение украинского и белорусского народов с народом русским. Но в самый разгар русских успехов в войну неожиданно вмешалась Швеция, желавшая воспользоваться ослаблением Речи Посполитой. Выступление Швеции на польском театре военных действий было

отнюдь не в интересах России, так как «царского величества у ратных людей свейские ратные люди дорогу переняли». Шведы заняли значительную территорию Речи Посполитой, включая Варшаву и Краков. Литва перешла под протекторат Швеции. Учитывая опасность прочного утверждения Швеции в польско-литовских землях, что затрудняло для России борьбу за возвращение выхода к Балтийскому морю, русское правительство решило примкнуть к образовавшейся в то время антишведской коалиции, в которую входили империя, Дания и Бранденбург. Коалиция эта имела целью остановить чрезмерное усиление Швеции и без того уже очень укрепившейся в результате Тридцатилетней войны. В 1656 г. Алексей Михайлович заключил с Польшей перемирие. Был даже поднят вопрос об избрании его королем Польским. Военные действия против Швеции сначала развивались успешно. Русские войска продвигались в Ливонии, Курляндия официально перешла под патронат России. Однако затем шведским войскам удалось одержать несколько побед, и Швеция сумела выйти из создавшегося положения. Добившись в 1658 г. Валиесарского перемирия с Россией на три года, Швеция в том же году заключила выгодный мир с Данией, а в следующем — мир с Речью Посполитой (в Оливе). Речь Посполитая, развязав себе руки Оливским миром, возобновила войну с Русским государством. Вести войну на два фронта Россия была не в силах. Ради Украины в Москве решили поступиться Ливонией. По Кардисскому договору 1661 г. все завоевания в Прибалтике были возвращены Швеции. Решение вопроса о возвращении России выхода к Балтийскому морю было отодвинуто на длительный срок.

Война с Речью Посполитой между тем затягивалась и шла с переменным успехом. Неоднократно делались попытки прекратить ее дипломатическим путем. Еще в 1654 г. Россия, сообщая Франции о начавшейся войне, просила о ее посредничестве. В 1655 г. по ходатайству польского короля Яна-Казимира посредничество взял на себя император Фердинанд III. При участии его представителей было заключено перемирие в Вильно. В 1661 г. преемник Фердинанда III Леопольд I вновь послал в Москву посольство во главе с бароном Мейербергом. Посредничество Леопольда не привело к осязательным результатам. Однако самый факт этих попыток со стороны империи показывает, что русско-польский конфликт потерял в это время свой местный характер и приобрел общеевропейское значение. Несколько раз оба воевавших между собой государства пытались достигнуть мира путем избрания на польский престол либо самого царя Алексея, либо его сына. Однако в Москве понимали, что уния с Речью Посполитой могла быть куплена лишь ценою больших уступок в украинском вопросе.

С другой стороны, Польша, нуждаясь в русской помощи против Турции, боялась вместе с тем усиления России. Таким образом, и из этих переговоров ничего не вышло.

Нараставшая угроза со стороны Турции привела, наконец, к сближению воевавших между собой государств. В 1667 г., после трехлетних переговоров, в Андрусове было заключено перемирие, по которому с Россией воссоединялись Смоленск, Северская земля, вся Левобережная Украина и на два года Киев. Русское правительство добилось серьезного дипломатического успеха, поскольку это был первый успешный шаг к воссоединению с Россией насильственно оторванных от родственного русского народа, лишенных национальной независимости и порабощенных иноземцами украинских и белорусских земель. Договору был придан характер акта общеевропейского значения. В случае безуспешности дальнейших переговоров о «вечном мире» предполагалось «призвати государей христианских за посредники». Еще важнее было обязательство Речи Посполитой не заключать договоров с Турцией без участия Русского государства.

Прекращение войны с Речью Посполитой давало России возможность перейти к разрешению двух других неотложных внешнеполитических задач. В связи с этим ей приходилось выбирать между двумя политическими комбинациями, которые разделяли Западную Европу на два лагеря. Это было время второй войны Людовика XIV против Голландии, причем Швеция выступила в качестве союзника Франции. Возраставшее могущество Швеции вызывало беспокойство среди ее ближайших соседей. Дания, Бранденбург и империя всячески стремились привлечь Русское государство к союзу, направленному против Швеции. За спиной Швеции стояла самая сильная европейская держава XVII в. — Франция. К антишведскому блоку примыкали Голландские штаты, которые опасались Франции и тоже хлопотали о союзе с Россией против Швеции. Но разрыв с Швецией означал отказ от продолжения активной политики на юго-западе и Украине; на это не могли решиться ни царь Алексей Михайлович, ни его сын Федор Алексеевич, выросший под сильным белорусским и украинским влиянием. Тем не менее русское правительство оказало значительную поддержку антишведскому блоку, двинув в 1676 г. на границу Швеции значительные военные силы. «Это обстоятельство, — по признанию голландцев,— пожалуй, более всего... способствовало успеху» союзников. В то время как датские дипломаты всячески внушали в Москве мысль о необходимости более решительных действий против Швеции, шведское правительство со своей стороны хлопотало об «аллиансе» (союзе), обещая России помощь против Турции. В ответ русские дипло-

маты требовали уступки Ингерманландии и Карелии в виде «сатисфакции» за ущерб, нанесенный русским действиями шведов в войне с Речью Посполитой.

Таким образом, уже в XVII в. назревала мысль о «северном союзе» против Швеции, осуществившаяся в XVIII в.

С момента заключения мира с Речью Посполитой внимание русской дипломатии все более сосредоточивается на турецко-татарской проблеме. После Андрусовского перемирия Андрей Виниус был отправлен из России послом к английскому королю Карлу II с просьбой о помощи Польше против Турции.

Вторжение турецких полчищ на Правобережную Украину и полное поражение Речи Посполитой в войне с Турцией в 1672 г. вызвали со стороны русского правительства ряд энергичных дипломатических шагов. Генерал Менезий отправлен был к курфюрсту Бранденбургскому, к германскому императору, венецианскому дожу и к папе, Андрей Виниус — во Францию и Испанию, Емельян Украинцев — в Швецию и Голландию, чтобы побудить их к выступлению на помощь Польше. На призыв России откликнулся только курфюрст Бранденбургский.

Само русское правительство уклонилось от того, чтобы взять на себя какие-либо обязательства. И тем не менее война с Турцией все-таки вспыхнула из-за Правобережной Украины. Она тянулась с 1676 по 1681 г. Война заставила русское правительство сделать новую попытку заручиться поддержкой западноевропейских держав. С этой целью в 1679—1680 гг., т. е. уже в годы правления царевны Софьи, были посланы Чаадаев во Францию и Англию и Кривой Бутурлин в Вену и Берлин. Война закончилась Бахчисарайским мирным договором 1681 г., по которому Турция признала переход к России Левобережной Украины и Киева.

К этому времени турки стали угрожать и Габсбургам. Воспользовавшись восстанием венгров, под руководством Текели, против австрийского гнета (1678 г.), султан начал войну против Австрии. Турецкая опасность, как уже отмечалось, заставила императора признать новые приобретения Людовика XIV на Рейне. Она же явилась причиной антитурецкого союза между императором, немецкими князьями и Польшей. В 1683 г. союзное войско под начальством польского короля Яна Собеского спасло Вену. Но турки продолжали войну, и Собескому и императору приходилось искать союзников. В результате к 1686 г. состоялось то объединение всех европейских сил для борьбы с Портой, о котором так упорно хлопотало русское правительство. Империя, Венеция, Бранденбург, Речь Посполитая и Россия заключили общий союз. На долю России выпадала война с Крымом. Заключению антитурецкой коалиции предшествовал договор России с Речью Посполитой в 1686 г. о «вечном мире» на

основах Андрусовского перемирия. При этом, однако, не только Левобережная Украина, но и Киев, первоначально уступленный только на два года, остались за Россией. Во исполнение обязательств России, как члена антитурецкой коалиции, русские войска в 1687 и 1689 гг. предприняли два похода на Крым. Однако эти походы успеха не имели. Проникнуть в Крым не удалось.

Естественно, что с устремлением внешней политики Русского государства на юг вопрос о Прибалтике был надолго снят с очереди. В 1683 г. Кардисский мир был подтвержден «без всякаго прошения отобранных провинций».

Дипломатическая деятельность русского правительства не менее широко развернулась и в восточном направлении. Враждебные отношения к Турции способствовали установлению дружбы с ее давним врагом — Персией; к этому побуждали и торговые интересы, поскольку через Русское государство шел персидский шелк в Западную Европу. С 1654 г. делались попытки завязать дипломатические и торговые сношения с Китаем. Долгое время эти попытки оставались безуспешными.

Выход русских землепроходцев — промышленных и служилых людей, осваивавших новые земли, на берега Амура, к югу от которого были расположены китайские владения, постройка в Приамурье русских острогов — все это ставило ряд вопросов, требовавших решения путем переговоров и, в частности, вызывало необходимость разграничения между Россией и Китаем. В 1689 г. в Нерчинске съехались послы России и Китая. Переговоры велись перед лицом армии богдыхана, готовой в любой момент поддержать оружием требования пекинского правительства. В результате русскому посольству Ф. А. Головина пришлось пойти на значительные территориальные уступки и по Нерчинскому договору 1689 г. отказаться от земель, расположенных по левому берегу Амура. Русский город на Амуре Албазин был срыт. Вместе с тем Нерчинский договор, на базе которого строились русско-китайские отношения до середины XIX в., открыл широкие возможности для развития торговли между Россией и Китаем.

Таким образом, к концу XVII в. и на Западе, и на Востоке международное положение России укрепилось. Наметились те основные направления, по которым пошла внешняя политика Российской империи в XVIII в.

Дипломатические учреждения Русского государства

Сложные задачи, стоявшие перед Русским государством со времени Ивана III в области внешней политики, требовали создания особого учреждения для руководства дипломатическими сношениями.

При Иване III такого учреждения еще не существовало. Вопросы внешней политики обсуждались и решались самим вели-

ким князем совместно с боярской думой. Техническая сторона приема послов возлагалась на великокняжеских казначеев, которые играли в то время роль министров финансов. В качестве послов первое время выступали находившиеся на службе у великого князя греки и итальянцы. Таковы греки Юрий Траханиот, Дмитрий Ралов, итальянцы Вольпе, Джисларди. Эти люди, лучше чем природные москвичи знающие европейские порядки и политическую обстановку на Западе, казались незаменимыми для сношений со странами Западной Европы. Но среди них были нередко типичные авантюристы, для которых дипломатическая служба московскому государю была только средством обогащения. Таков, например, Антонио Вольпе, денежный мастер, служивший одновременно и Ивану III, и Венецианской республике, и римскому престолу, и Золотой Орде и всех их обманывавший. Однако очень скоро рядом с иностранными специалистами на дипломатической службе появляются и русские, например, при Иване III — дьяк Федор Курицын. В княжение Василия III иностранные источники с уважением говорят о великокняжеском дьяке Дмитрии Герасимове, который неоднократно ездил с дипломатическими поручениями в Рим, к цесарю, в Данию, в Пруссию. Широко образованный для своего времени, он владел латинским и немецким языками, участвовал в работах известного греческого ученого монаха Максима Грека по переводу священных книг на русский язык, интересовался богословскими вопросами, ценил итальянскую музыку, знакомился за границей с памятниками старины.

Организация особого учреждения, которое ведало международными сношениями, падает на XVI в. Постепенно из числа влиятельных великокняжеских дьяков выделяются те, которые специализируются на переговорах с иностранными послами. В 1549 г. «посольское дело» было «приказано» дьяку Ивану Михайловичу Висковатому (в то время он был еще в подьячих). Этим назначением и положено было начало Посольскому приказу как особому учреждению. В 1561 г. Висковатый получил звание «печатника», т. е. канцлера. Назначение лица неродовитого на столь ответственную должность, помимо личных качеств Висковатого, объясняется, по-видимому, тем, что руководство внешней политикой царь оставлял за собой и по-прежнему решал связанные с нею вопросы сообща с боярской думой, а «печатник» заведовал только канцелярией. «Знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков!» — говорил Висковатому митрополит Макарий. Очень скоро, однако, скромный начальник посольской канцелярии стянул в свои руки всю текущую дипломатическую работу и сделался очень важным звеном во всей внешнеполитической деятельности пра-

вительства. «Отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве», Висковатый не был лишен талантов: «Его уму и искусству, как москвича, ничему не учившегося, — по словам иностранца-современника, — очень удивлялись иностранные послы». Висковатый пал жертвой крупного дипломатического поражения, которое потерпело Московское государство в 1569—1570 гг., когда Турция и Крым вступили в Ливонскую войну. Обвиненный в турецкой ориентации и в самостоятельных сношениях с султанским правительством и с Крымом, а также в переговорах с польским королем о передаче ему Новгорода, он был казнен в декабре 1570 г. Однако Висковатый перед казнью отрицал свою вину.

Висковатого в Посольском приказе сменили братья Щелкаловы, Андрей и Василий. Думный дьяк Андрей Щелкалов в течение четверти века управлял Посольским приказом и приобрел громадное влияние на все стороны правительственной жизни. Типичный представитель нарождавшейся бюрократии, «не имея покоя ни днем, ни ночью, работая, как безгласный мул, он был недоволен тем, что у него мало работы, и желал еще больше работать». Сменивший его брат, думный дьяк и печатник Василий Щелкалов — по словам современника голландского купца Исаака Массы — «далеко уступал Андрею своими дарованиями».

Как учреждение Посольский приказ еще в начале XVII в. был не велик; в нем в 1594—1601 гг. числилось, кроме «посольского думного дьяка» и его товарища, также дьяка, всего 15—17 подьячих, не считая переводчиков и низшего персонала. В XVII в. Посольский приказ значительно разросся. Кроме руководства внешней политикой, он занимался делами иностранных купцов и всех приезжих иноземцев (кроме военных), управлял вновь присоединенными территориями в первое время после их завоевания (например, Сибирью, Смоленской областью, Украиной и т. д.) и ведал сбором «полоняничных денег» на выкуп пленных. Наконец, Посольскому приказу были подчинены некоторые второстепенные приказы (четверти Новгородская, Галицкая, Устюжская и Владимирская и Печатный приказ). Смешение функций крайне затрудняло правильное течение дел в Посольском приказе. Это дало повод одному из умнейших его начальников (Ордин-Нащокину) сказать с досадой, что нельзя смешивать «великие государственные дела» с «кружечными», т. е. со сбором доходов с кружечных дворов (кабаков).

Разнообразие и обширность функций Посольского приказа в XVII в. потребовали значительного расширения его штатов.

В 1689 г. в Посольском приказе было 53 подьячих, 22 переводчика и 17 толмачей [1].

Крупное значение, которое приобрели международные отношения в жизни Русского государства, выразилось и в том, что, начиная с 1667 г., во главе приказа стояли уже не дьяки, а бояре, иногда с титулом «царственныя большия печати и государственных и великих дел оберегателя», т. е. канцлера. Одно время самому приказу присваивалось наименование «Государственный приказ посольской печати». Все это свидетельствовало о возросшем значении внешнеполитической деятельности правительства. Таким образом, в течение XVII в. Посольский приказ вполне оформился как учреждение. Но царь сохранил за собой бдительный контроль за деятельностью своих дипломатов. При царе Алексее был организован особый Приказ тайных дел, состоявший под непосредственным его ведением, куда «бояре и думные люди не входят и дел не делают, кроме самого царя». Из этого приказа, в частности, прикомандировывались к послам «в государства» и на посольские съезды подьячие «для того, что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в разговорных речах, и те подьячие над послами надсматривают и царю, приехав, сказывают». Контроль этот был, впрочем, малодействителен, ибо послы, «ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу», подкупали этих подьячих, «чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили» *(Котошихин)*.

Русские дипломаты XVII в.

В XVII веке во главе Посольского приказа было несколько крупных политических деятелей. На первом месте среди них стоит Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Это был крупный государственный человек, «мудрый министр, который не уступит ни одному из европейских»,— по словам одного иностранца. Сын скромного псковского помещика, он выдвинулся благодаря своим исключительным дипломатическим талантам, которые имел возможность впервые проявить в качестве уполномоченного по разграничению Псковского уезда со Швецией. Особенно отличился Ордин-Нащокин при заключении Валиесарского перемирия (1658 г.), согласно которому Швеция уступила русским завоеванные ими в Ливонии города, и Андрусовского перемирия с Польшей (1667 г.), по которому Россия приобрела Левобережную Украину и Киев. Ордин-Нащокин имел хорошую подготовку для дипломатической службы: он умел писать

[1] С языков «еллинского» (греческого), латинского, польского, немецкого («цесарского»), «аглинского», «свейского», «галанского», итальянского, французского, венгерского, белорусского, армянского, татарского, турецкого, калмыцкого, ногайского, хивинского, персидского, «мунгальского».

«слагательно», знал математику, латинский и немецкий языки, был осведомлен в иностранных порядках; о нем говорили, что он «знает немецкое дело и немецкий обычай знает же». Не будучи безоговорочным сторонником заимствований всего иноземного, он считал, что «доброму не стыдно навыкать и со стороны, даже у своих врагов». Ордин-Нащокин был дипломатом первой величины — «наихитрейшей лисицей», по выражению страдавших от его искусства иностранцев. «Это был мастер своеобразных и неожиданных политических построений,— говорит о нем проф. Ключевский. — С ним было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из себя иноземных дипломатов, с которыми вел переговоры, и они ему же пеняли за трудность иметь с ним дело: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас подденет и поставит в тупик неосторожного или близорукого противника». При всей своей ловкости Ордин-Нащокин обладал одним дипломатическим качеством, которого не имели многие его соперники, — честностью. Он долго хитрил, пока не заключал договора, но, заключив, считал грехом его нарушать и категорически отказывался от исполнения противоречивших этому указаний царя. В 1667 г., уже в чине боярина, Ордин-Нащокин был назначен начальником Посольского приказа. Он очень высоко ставил дипломатическую службу — «промысел». В его глазах Посольский приказ был высшим из всех государственных учреждений. Это — «око всей великой России». Задача Посольского приказа — «расширение государства от всех краев... тем и честь и низость во всех землях; и других приказов к Посольскому приказу не применяют». Посольский приказ надо поэтому, «яко зеницу ока, хранить». Ордин-Нащокин ратовал за высокое качество личного дипломатического состава, потому что «надобно мысленные очеса на государственные дела устремить беспорочным и избранным людям». У Ордин-Нащокина была своя совершенно определенная программа, которую он проводил с большим упорством и последовательностью, входя нередко в конфликты с самим царем Алексеем. С большой политической прозорливостью он считал необходимым направить все усилия Московского государства на приобретение «морских пристаней» на Балтике. Чтобы достигнуть этой цели, он стремился создать коалицию против Швеции и отнять у нее Ливонию. Он хлопотал поэтому о мире с Турцией и Крымом, настаивал на том, чтобы с Польшей «мириться в меру» (на умеренных условиях), Ордин-Нащокин мечтал даже о союзе с Речью Посполитой, о «славе, которой покрылись бы славянские народы, если бы все они объединились под главенством России и Польши». У Ордин-Нащокина были свои взгляды и по вопросам экономической поли-

тики. «Русский Ришелье», как его называли шведы, он последовательно проводил в жизнь принципы меркантилизма. Внешнеполитическая программа Ордин-Нащокина (союз с Польшей и борьба со Швецией за Ливонию) не встречала сочувствия у царя, несмотря на большое доверие и расположение, которое он постоянно оказывал своему министру. Назначенный в 1671 г. полномочным послом в Польшу для заключения мира на условиях, не согласных с его убеждениями, Ордин-Нащокин подал в отставку и ушел в монастырь. Уже после этого незадолго до своей смерти, он участвовал еще с успехом в переговорах о продлении Андрусовского перемирия в 1679 г.

Назначение на место Ордин-Нащокина А. С. Матвеева, сторонника сближения со Швецией и большого покровителя украинцев, придает уходу Ордин-Нащокина характер министерского кризиса, вызванного разногласиями с верховной властью по коренным вопросам внешней политики.

Из других начальников Посольского приказа дипломатические способности проявил фаворит царевны Софьи, князь Василий Васильевич Голицын. Его искусству Россия в немалой степени была обязана заключением вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой на условиях Андрусовского перемирия.

«Посольский обряд»

В XVI—XVII вв. оформился и русский «посольский обряд», т. е. внешние приемы дипломатических сношений, дипломатический этикет. Выработался он не сразу. В конце XV в. определенного церемониала еще не существовало. Принимая Поппеля на тайной аудиенции, Иван III о секретном деле говорил с послом, отойдя в сторону от присутствовавших бояр. Во время приема в Москве венецианского посла Контарини Иван III так увлекся в разговоре, что стал наступать на своего собеседника, который из уважения к великому князю пятился назад.

Русские дипломаты, попадая на Запад, внимательно присматривались к тамошнему дипломатическому церемониалу. Результаты этих наблюдений оказывали свое влияние на складывание русского «посольского обряда».

В 1489 г. Иван III посылал к германскому императору послом Юрия Траханиота. Из доклада Траханиота после его возвращения великому князю стало известно, что ему была оказана «великая честь», что на аудиенциях император и сын его, король, «сами встречали его, сступив с своего места ступени три четыре, да руку подавали стоя», что император посадил Траханиота «против себя на скамейке близко». Когда с ответным посольством прибыл в Москву от императора Георг фон Турн, то Иван III принял его таким же образом, «сступив с своего

места, да подал ему руку, да велел ему сести на скамейке против себя».

В XVI в. постепенно был выработан характерный для русской дипломатии того времени весьма сложный и своеобразный этикет, отличавшийся как от восточного и византийского, так и от западноевропейского. Русские дипломаты считали, что созданному ими посольскому чину должны подчиняться все государства, и они упорно отстаивали право придерживаться собственного этикета. В 1654 г. послы царя Алексея заявили цесарским «думным людям», что они будут править посольством не так, как от них требуют, а «как в посольских обычаях ведетца», а «иных государств послы и посланники нам не в образец».

Русская дипломатия делила все государства на ранги в зависимости от их политического значения. Далеко не каждого монарха русский царь соглашался признать себе «братом». Прежде чем вступить в дипломатические сношения с тем или иным государем, в Москве старались узнать, действительно ли он независимый правитель или «урядник» (вассал). Шведских королей из дома Ваза в Москве долгое время считали простыми «обдержателями» (регентами), недостойными сноситься непосредственно с самим царем, и требовали, чтобы сношения велись через новгородских наместников, против чего шведское правительство всячески протестовало. Иван IV и Сигизмунда-Августа попрекал, что он называет шведского короля братом: ведь он должен был бы знать, что дом Ваза происходит от простого водовоза. По договору 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался при приеме русских послов проявлять особую почтительность, так как русское правительство курфюрста ставило ниже короля. Еще в конце XVII в. бранденбургские послы тщетно хлопотали о том, чтобы им в Москве оказывалась та же почесть, какую оказывают император и все короли.

Вне зависимости от ранга того или иного государства все сношения с иностранными державами строились на принципе охранения государевой «чести».

«Честь» эта выражалась в первую очередь в «именовании», т. е. в титуле. «Самое большое дело государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть. Прежде всего нужно оберегать государское именование. Начальное и главное дело государей чести остерегать». «Не только нам есть, но и на свет зреть не можем», — говорил во Франции в 1668 г. стольник П. И. Потемкин по поводу «прописки» в царском титуле, увидев в этом «великого государя нашего, его царского величества, в самом великом его государском деле страшное нарушение». Вопрос о титуле стоял всегда на важном месте. Настойчивость русских дипломатов в этом вопросе

раздражала иностранцев. Однако западноевропейские дипломаты проявляли не меньшее упорство в вопросах титула. Они отлично понимали, что за отвлеченными спорами скрывались совершенно реальные соображения, поскольку титул выражал определенные права, и всякое умаление в титуле косвенно означало отказ от этих прав.

«Государева честь» выражалась и в ряде мелочей, которые должны были обозначать более или менее высокое положение государей, представляемых послами. Русское правительство настаивало, чтобы грамоты к царю скреплялись обязательно большой печатью; представители царя должны были всегда требовать первого места, чтобы русских послов принимали по тому же обряду, как принимали иностранных послов в Москве и т. д. Все это практиковалось в сущности и при западноевропейских дворах, но европейская дипломатия не могла никак отделаться от устаревшего представления о «московитах» как о варварах и потому крайне нетерпимо относилась к их щепетильности в вопросах этикета.

Сношения с иностранными государями велись через посредство «послов великих», «легких послов» или посланников и «гонцов». Различие зависело отчасти от важности и цели посольства, отчасти от отдаленности от Москвы государства, куда отправлялись посольства. Чем выше был ранг посылаемого лица, тем больше была и сопровождавшая его свита, и тем труднее был ее проезд до места назначения. «К цесарскому величеству,— говорит Котошихин, — великие послы не посылаваны давно, потому что дальний проезд, через многие разные государства, и послам великим в дороге будет много шкод и убытков, а посылаются к цесарю посланники». В зависимости от важности посольства во главе его ехал боярин, окольничий, стольник или человек меньшего чина.

Послы, какое бы звание они ни носили, получали от Посольского приказа наказ, в котором детально излагались инструкции, как поступать при посольстве и даже что и как говорить. В последнем случае делалась, впрочем, оговорка: «А будет учнут спрашивати о иных каких делах, чего в сем великого государя наказе не написано, и им [послам] ответ держать, смотря по делу... а лишних речей не говорить». Неограниченных полномочий послы не получали и значительных вопросов не могли решить без сношений с Москвой; поэтому они обычно на всякое непредвиденное предложение отвечали: «и мы о том скажем его царскому величеству, как, бог даст, увидим его светлые очи». Послов посылали только для предварительных переговоров, «а закрепить нам договорные статьи без указа великого государя не можно»,— говорили они.

Наказы подробно излагали и весь церемониал посольства. Послам запрещалось до аудиенции у монарха вести какие-либо переговоры с министрами и даже бывать у них, «да и ни в которых христианских государствах того не бывает, что, не быв у того государя, к которому кто послан, наперед ходить и дела объявлять думным людям». Это условие вызывало обычно много споров, так как, несмотря на категорическое заявление русских дипломатов, предварительные встречи с руководителями внешней политики были в обычае, хотя бы в виде взаимной любезности. При первом же посольстве в Константинополе в 1496—1497 гг. произошло на этой почве недоразумение: паши (турецкие вельможи), желая сделать любезность русскому послу М. Б. Плещееву, пригласили его до аудиенции у султана на пир и хотели сделать ему подарки. Но Плещеев «от доброй чести и подчивания» отказался наотрез: «Мне с пашами речи нет; я пашино платье не вздеваю и данных денег их не хочу, с салтаном мне говорити». Такие эпизоды происходили постоянно и в позднейшее время. Когда в 1668 г. П. И. Потемкин проезжал через Бордо, то представитель короля маркиз де Сен-Люк осведомился, сделает ли ему посол ответный визит, если он его посетит. Потемкин ответил, что «по царскому указу, он под страхом смерти не может посещать кого-либо, прежде чем представится королю», и, чтобы смягчить впечатление от отказа, послал маркизу собольи меха, но тот их не принял.

Другим требованием было, чтобы русский посол не представлялся государю одновременно с послами других государств и даже в один и тот же день с ними.

Далее следовали указания, как приветствовать иностранного государя. Русское правительство следило, чтобы послы не допускали никаких унизительных проявлений почтения. Послам, отправлявшимся к султану, давался наказ «поклон правити стоя, а на колени не садиться». В 1588 г. посол в Персии Васильчиков наотрез отказался от целования «шаховой ноги»: «Я того и слухом не слыхал, что государя нашего послам и посланникам государей в ногу целовать». Не согласился он также чтобы шах взял царскую грамоту, сидя верхом на лошади. В том и другом персы уступили. В Крыму русская дипломатия боролась против обычая ханских есаулов (чиновников) бросать перед послом свои посохи и требовать «пошлины» за переход через эти посохи.

Подобные столкновения происходили не только при восточных дворах. В 1614 г. гонцу Ивану Фомину при «цесарском» дворе говорили, что его предшественники учились кланяться императору и на аудиенции преклонялись до земли. Фомин ответил, что «во всей вселенной у великих государей того не

ведется, которые посланники и гонцы от великих государей к великим государям посыланы бывают, что им до земли кланяться; подобает то делать подданным». Еще в 1654 г. посланника Баклановского «думные люди» императора германского спрашивали: «Как вы будете у цесарского величества, какую ему честь вздадите и как учнете кланяться?» Баклановский ответил, что «учиться мы у думных людей не будем... А буде предков великого государя нашего... посланники учились, и то они учинили простотою», т. е. по недомыслию.

Следующим камнем преткновения был вопрос о том, как будет спрашивать иностранный государь о царском здоровье и снимет ли он шляпу при произнесении царского титула. В 1613 г. император, которому представлялся посланник царя Михайла Ушаков, «государеву имени маленько преклонялся и шляпу сымал», а при отпуске «приказывал челобитье сидя». И в следующем году, когда гонец Фомин передавал императору поклон царя, то император, «сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного, а против... царского именованья не встал». Фомин сделал ему замечание, что он нарушает обычай. Император приказал гонцу продолжать говорить, но Фомин ответил, что ждет, когда император встанет и спросит о здоровье царя. Император велел сказать Фомину, что не помнит, вставали ли его предшественники, когда им передавались царские поклоны, и приказал Фомину идти к себе на квартиру и ждать указа. В данном случае, впрочем, поведение императора объяснялось тем, что Михаил Федорович еще не был признан им официально. В 1667 г. при приеме Потемкина испанский король снял шляпу в ответ на его поклон, но стоял в шляпе, пока посланник произносил «царское именованье». Потемкину разъяснили, что «как-де вы, посланники царского величества, вошли в палату, и королевское величество снял шляпу в то время для брата своего, великого государя вашего, а не для вас посланников». По договору в 1687 г. курфюрст Бранденбургский обязался слушать именование и титул царя стоя, сняв шляпу, «с непокровенною головою» и принимать царскую грамоту своими руками и отдавать ее точно так же.

Порядок принятия царской грамоты и вручения ответной был одним из щекотливых дипломатических вопросов. Русское правительство требовало, чтобы иностранные государи делали это своеручно. Когда в 1614 г. император велел канцлеру взять грамоту у Фомина, то гонец отказался передать ее канцлеру и вручил ее самому императору. Длительный конфликт произошел в 1674 г., когда посланнику П. И. Потемкину император на аудиенции передал ответную грамоту не лично, а через одного из приближенных. На протест русского правительства последовал ответ, что при императорском дворе принято

ответные грамоты отсылать прямо на квартиры к послам и что в данном случае сделана была любезность в отношении русского посла.

При представлении иностранным государям послы говорили речи согласно полученному ими наказу, зорко следя, чтобы при произнесении царского титула государь встал. Речь произносилась, если можно так выразиться, коллективно: один член посольства начинал, другие продолжали. Первый посол, «вшед в палату», говорил, от кого и к кому прислано посольство, причем добросовестно перечислял все титулы обоих государей, держа в руках грамоту. На вопрос о здоровье русского государя отвечал второй член посольства: «Как они поехали от великого государя царя... и великий государь наш... дал бог [был] в добром здоровье». Затем третий член посольства говорил, что с ними прислана «любительная грамота». После вручения грамоты преподносились «любительные поминки» (подарки) от царя, преимущественно меха, иногда ловчие птицы.

По возвращении послы представляли в Посольский приказ подробнейший отчет о своей поездке в виде дневника, в котором изо дня в день, по «статьям», излагалось все, что они делали, видели, говорили и слышали за границей. Эти так называемые «статейные списки» представляют громадный интерес не только для истории русской дипломатии, но и для пополнения наших знаний по истории тех государств, куда ездили русские послы. Впрочем, в той части, в которой излагался ход переговоров, в статейных списках кое-что, по-видимому, приукрашивалось; иностранных государей нередко заставляли говорить языком «холопов» русского государя, а собственные слова послов излагались в самом выгодном для них свете, «и те все речи, которые говорены, и которые не говорены, пишут они в статейных списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выставляючи свой разум на обманство, чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое» *(Котошихин)*.

Не менее сложен был ритуал приема иностранных послов в самой России. На границе послов встречал пристав, высланный навстречу воеводой пограничного города. Уже тут начинались местнические счеты. Обе стороны зорко следили за тем, кто раньше снимет шапку, и наблюдали за тем, чтобы не сделать лишнего шага навстречу друг другу и ехать «о высокую руку», т. е. с правой стороны, пускаясь на всевозможные хитрости, причем иностранцы бывали изобретательны не менее русских.

С момента вступления на русскую почву послы получали «корм» в значительном количестве. Достаточно сказать, что цесарскому послу Мейербергу, приезжавшему к Алексею Михайловичу, полагалось на день по 7 чарок вина двойного, по 2 кружки «ренского», по 2 кружки романеи, по $1^1/_2$ ведра и

4 кружки различных сортов меду и по ведру пива и т. д. Содержание послов, тем более такое, по их собственному выражению, «изобильное», за счет государства, куда их посылали, было не в обычае в Европе и вызывало изумление, но иногда качество продовольствия было невысокое, и на этой почве происходили недоразумения. В пути за снабжением посольства всем необходимым наблюдал приставленный к нему пристав. Со своей стороны и русские послы за границей пользовались всюду казенным содержанием и даже получали денежные субсидии на дорожные расходы, так как сумм, отпускаемых из приказа, обычно не хватало.

По дороге в Москву послов всюду встречали с почетом, но воеводы не должны были обмениваться с ними визитами, так как твердо держалось правило, что до царской аудиенции никакое должностное лицо не должно с ними видеться. Голландское посольство въезжало в Вологду в 1675 г. «при звуках труб и литавр», в сопровождении выехавших им навстречу дворян и иностранных купцов. В течение всего пребывания оно пользовалось всевозможными знаками внимания со стороны воеводы, который, однако, по указанной причине был лишен возможности «беседовать» с самим послом, а виделся только с лицами из его свиты. Случалось, что по пути представители местного населения обращались к послам с просьбами о заступничестве перед местными властями, и такие ходатайства имели иногда успех.

За несколько верст не доезжая Москвы, посольство должно было остановиться в ожидании разрешения на въезд в столицу. В день, назначенный для въезда, из царской конюшни высылались возки или кареты и верховые лошади. Перед самой Москвой навстречу выезжали новые «московские» приставы. Начинались неизбежные споры и проволочки относительно того, посол или пристав первый выйдет из своей кареты или слезет с коня, и Герберштейн очень хвалится тем, что обманул москвича, сделав вид, что первый готов сойти с лошади. Затем читались от имени царя приветствия, и пристав садился в карету к послу, тоже предварительно поспорив, какое место в ней займет. В 1678 г. спор между польско-литовскими послами и приставами тянулся два часа: «Шествие остановилось, доложили великому князю, и он... решил, чтобы два русских имели в средине поляка, во втором ряду два поляка — москвича» и т. д. С этого момента приставы, или «попечители», как их называли иностранцы, почти не отходили от своих опекаемых, заботились об их устройстве и снабжении, служили посредниками между ними и Посольским приказом и одновременно разведчиками, через которых русское правительство старалось узнать намерения послов и получить сведения об европейской ситуации. При-

ставы получали соответствующие инструкции из приказа, о чем говорить и как отвечать на те или иные вопросы.

Въезд послов в Москву происходил с большой пышностью, при большом стечении народа. Вдоль всего пути стояли конные служилые люди и боярские холопы в богатом вооружении, на роскошно убранных конях, и выстроена была пехота со знаменами и пушками. Вся эта обстановка должна была внушать послам представление о богатстве и могуществе Русского государства.

Уже в XVI в. для помещения особенно часто приезжавших в Москву послов — крымских, ногайских и польско-литовских — существовали особые дворы; остальные располагались в частных домах. С начала XVII в. в Китай-городе, на Ильинке, был устроен особый Посольский двор. Послов стремились изолировать, под предлогом их охраны приставлялась стража, которая никого не пропускала к ним; не разрешалось им и выходить со двора. «Заперли передний двор, — рассказывает участвовавший в голштинском посольстве к царю Михаилу Олеарий, — и приставили 12 стрельцов с тем, чтобы до первого представления [царю] никто из нас не выходил из дому, и чтоб никто из посторонних не входил к нам; но приставы ежедневно посещали послов и справлялись, не нуждаются ли они в чем. Кроме того, в нашем дворе постоянно находился при нас русский переводчик, который распоряжался стрельцами для наших услуг и рассылал их за покупками разных вещей, потребных для нас». Но после аудиенции голштинским послам было объявлено, что им разрешено выходить из своего помещения, что город открыт для них и что если они пожелают выехать куда-нибудь, то им пришлют лошадей.

В течение XVII в. режим пребывания иностранных послов в Москве постепенно был смягчен. Им разрешалось приглашать к себе и самим посещать знакомых. Конечно, в отношении послов враждебных Москве держав продолжали принимать всяческие предосторожности.

В день аудиенции к послам являлись назначенные для того придворные со свитой. Опять возникал спор о том, где встретить этих посланцев. Приставы настаивали на том, чтобы послы встречали их у подножия лестницы. Послы видели в в этом умаление чести их государей и, делая вид, что их задерживает то одно, то другое, старались ухитриться встретить гостей посредине лестницы. Приставы поспешно переодевались в нарядное казенное платье, чтобы сопровождать послов во дворец. Для послов подавали опять лошадей с царской конюшни или (в XVII в.) царскую карету. Шествие двигалось с большой торжественностью. Впереди шли стрельцы, затем следовали подарки царю — причудливые серебряные сосуды, кони,

всякие «заморские диковинки». Перед послами секретарь посольства или кто-нибудь другой из их свиты вез, высоко подняв в руке, верительную грамоту, завернутую в камку (шелковая материя), затем уже ехали послы в сопровождении приставов. Вдоль пути опять выстраивались войска. Все улицы бывали усеяны народом, сбежавшимся поглазеть на пышную церемонию. Русские видели в этом многолюдстве, с одной стороны, проявление могущества их царя, а с другой — выражение уважения к послам. Потемкин в Париже, когда ехал на королевскую аудиенцию, обиделся, что на улице по этому случаю было мало народу.

О выезде с Посольского двора царь уведомлялся гонцами; и далее, по мере приближения процессии, все время давали знать во дворец, а из дворца делались распоряжения либо ускорить, либо задержать шествие. В одном случае литовские послы сильно запоздали и заставили царя Ивана IV дожидаться, пока они дослушивали обедню «у своих попов». Царь обиделся и тут же приговорил с боярами другой раз царю идти к обедне и заставить послов «дожидаться того, как государю обедню отпоют». Послы сходили с лошадей или выходили из кареты в некотором расстоянии от Красного крыльца. В 1566 г. литовский гонец захотел сойти с коня у самой лестницы и пытался подъехать к ней «сильно», но стрельцы его не пустили, и царь не оказал ему никаких знаков внимания, потому что он «приехал на двор невежливо». На лестнице и в покоях, через которые проходили послы, стояли дворяне, приказные люди и гости (купцы) «в золотном платье» и в меховых шапках и низшие чины в «чистом платье». Парадное «золотное» платье выдавалось по этому случаю из царских кладовых и по миновании надобности возвращалось обратно, причем в случае какого-либо изъяна неаккуратный придворный подвергался жестокому наказанию.

Во дворце послов встречали назначенные к тому бояре. В зависимости от политического значения государства, от которого приезжали послы, таких встреч бывало несколько (до трех). Прием происходил в различных палатах дворца — в Столовой, в одной из Золотых подписных, иногда в Грановитой. Царь принимал, сидя на престоле «в большом наряде», т. е. в кафтане из золотой парчи, в «шапке Мономаха», со скипетром в руке, иногда с «царским яблоком» в другой. Перед престолом стояли «рынды», молодые люди в белых кафтанах с серебряными топориками в руках. Вдоль стен сидели на лавках бояре в роскошных кафтанах и меховых «горлатных» шапках.

Послы представлялись в шляпах. Только во второй половине XVII в. в Москве стали требовать, чтобы послы являлись с непокрытой головой. Из-за этого произошел конфликт со

Швецией, окончившийся тем, что обе стороны обязались соблюдать один и тот же порядок представления послов с непокрытой головой. Точно так же и с Польшей договорились в 1671 г., чтобы послы являлись на аудиенцию без шапок. Другим требованием, которое сильно возмущало иностранцев, было, чтобы послы приходили во дворец без шпаг. По-видимому, это был порядок, заимствованный от татарских ханов. Послов «являл», т. е. представлял, один из окольничих (второй думный чин после бояр). Посол «правил поклон», т. е. осведомлялся о здоровье царя, и произносил приветственную речь. В ответ царь вставал и спрашивал о здоровье государя, от имени которого прибыл посол; корону он при этом не снимал. Когда в 1658 г. царь Алексей спросил о здоровье венгерского короля, не сняв короны, то послы заявили протест. Им ответили, что царь принимал послов не в шляпе, а в венце, которого не снимают даже в церкви во время богослужения. После обмена взаимных приветствий посол вручал «верющую» (верительную) грамоту, которую принимал посольский дьяк. Затем царь допускал послов к руке. «Пока мы подходили, — описывает эту церемонию один из членов цесарского посольства к Алексею Михайловичу в 1661 г., — царь перенес скипетр из правой в левую руку и протянул нам правую для целованья; князь Черкасский (двоюродный брат царя) поддерживал ее, а царский тесть Илья Милославский так и сторожил и кивал нам, чтобы кто-нибудь из нас не дотронулся до нее нечистыми руками». По окончании этой церемонии царь обмывал руку из стоявшего тут же серебряного рукомойника, что очень обижало иностранцев. «Точно обмывается для очищения», — говорил Поссевин. К целованию руки допускались только христиане. Мусульманским послам вместо этого царь клал руку на голову. После целования руки послам ставили скамейку против престола. Посидев немного, послы излагали в краткой речи цель своего приезда и «являли» подарки, привезенные царю. В 1692 г. среди подарков, привезенных персидскими послами, были живые лев и львица, которых доставили во дворец «порознь» в санях и во дворец, конечно, не вводили, а только подержали немного у Красного крыльца.

В день аудиенции полагалось угощение послов царским обедом. В XVI в. царь обычно приглашал их к собственному столу. Ульфельд описал подробно парадный обед у Ивана IV в Александровской слободе. Во время обеда кушанья подавались на царский стол в разрезанном виде, и царь рассылал куски гостям, в том числе и членам посольства. Почтенный таким образом гость вставал и кланялся царю и на все четыре стороны, «и как перемен кушаний весьма было много, так и вставать весьма часто должно было, ибо сколько раз подавано

было оное, столько вставать надобно было, и то делалось 65 раз». Таким же образом следовало угощение медом, и, наконец, царь велел налить в кубок мальвазии (вина), отпил немного и в знак особой милости послал кубок Ульфельду, который со своей стороны, отведав, передал по очереди всем членам посольства, «дабы все чувствовали щедрость его и милость сердца». В XVII в. вместо парадного обеда угощение обычно непосредственно доставлялось на двор к послам. На Посольский двор приезжал один из придворных, и с ним приходило множество людей, несших кушанья. Накрыв стол скатертью, ставили серебряную посуду. Царский уполномоченный садился за главным концом стола и сажал послов рядом с собой. Угощение расставлялось на серебряных блюдах, но прибор ставился только послам, так что Кленку, послу Голландских штатов, пришлось для всех остальных членов посольства велеть подать собственные тарелки. Во время обеда по определенному церемониалу произносились здравицы в честь царя и того государя, от имени которого правилось посольство.

Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая, в более скромной обстановке, во время которой царь сообщал послам, что, ознакомившись с содержанием «верющей» (верительной) грамоты, он назначил несколько бояр «в ответ», т. е. для переговоров с ними по всем поднятым ими вопросам. Затем их вели в так называемую «ответную палату» или в какую-нибудь другую, где начинались переговоры, нередко прерывавшиеся резкими спорами. Заседания происходили несколько раз, и по окончании их назначалась последняя прощальная аудиенция. Если переговоры приводили к хорошему результату, царь угощал послов медом. Обычно послы, выпив мед, клали за пазуху и сосуд, из которого пили; «для таких бессовестных послов деланы нарочно в Аглинской земле сосуды медные, посеребренные и позолоченные».

Наряду с приездом послов в Москву и посылкой послов из Москвы в «государства» очень часто дипломатические переговоры были предметом особых посольских съездов, обычно в пограничных городах. И здесь также очень много времени и внимания уделялось вопросам местничества и этикета. Послы размещались в шатрах, и много споров возникало о том, в чьем шатре должны были происходить конференции. Иногда для равенства чести послы переговаривались из своих шатров, поставленных на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было слышать голоса. Бывали случаи, когда шатры ставились совсем рядом, и послы сидели за общим столом, один конец которого находился в одном шатре, а другой — в другом, и тут

вопрос уже шел о том, на чьей стороне была бо́льшая часть стола.

Договоры в это время утверждались по-прежнему присягой — «крестным целованием». Царь присягал в присутствии иностранных послов. Придворный протопоп после молебна читал «заклинательное письмо о содержании вечного покоя», за ним повторял слова царь, а «грамота докончальная в то время лежит под евангелием». По окончании чтения текста клятвы царь прикладывался к кресту, потом, взяв докончальную грамоту, отдавал ее послам. Исполняя со всей пунктуальностью требуемые обряды, цари так же внимательно наблюдали за исполнением их и противной стороной. Иван IV требовал, чтобы польский король при присяге прикладывался «в самый крест», а не «мимо креста, да и не носом», отчего магическая сила обряда терялась бы.

Утвержденный крестным целованием договор считался ненарушимым «во всех статьях, запятках и точках, безо всякого умаления... в целости». Форма договоров была аналогична западноевропейским образцам.

До конца XVII в. русские государи договоров не подписывали, а подписывали вместо них царское имя дьяки, потому что «цари и бояре ни к каким делам руки не прикладывают, для того устроены думные дьяки».

Существовавший ранее обычай скреплять договорные отношения брачными связями с иностранными дворами в XVI в. в России вышел из употребления. Последний случай относится к концу XV в., когда Иван III выдал свою дочь Елену за литовского великого князя Александра в расчете, что этот брак будет способствовать укреплению мира. Но к этому времени религиозная исключительность и нетерпимость настолько обострились, что брачные союзы становились фактически невозможными. Католическая церковь как условие такого брака требовала перехода православного в унию, а церковь православная не допускала и мысли об этом.

В XVI в. в Москве возникла мысль о создании в Ливонии вассального государства, государь которого был бы связан с московским царским домом брачным союзом. В этих целях Иван Грозный выдал за брата датского короля Магнуса свою племянницу Екатерину Владимировну, но муж ее изменил царю и перешел на сторону его врагов. Для тех же целей готовил Борис Годунов сперва шведского королевича Густава, который, однако, в конечном итоге отказался от брака с дочерью царя Ксенией под предлогом нежелания принять православие. Затем Годунов прочил в женихи Ксении брата датского короля принца Иоанна, который в качестве будущего зятя уже находился в Москве, но умер. При Михаиле Федоровиче началось

затяжное и скандальное дело о бракосочетании царевны Ирины Михайловны с датским принцем Вальдемаром. Принц приехал в Россию, но отказ его перейти в православие, а с другой стороны, признание русскими церковными авторитетами недопустимости того, чтобы королевич вошел в церковь для венчания «некрещеным», привели после долгих переговоров к разрыву. Вальдемар уже после смерти царя Михаила был выслан из России. Это была в XVII в. последняя неудачная попытка прибегнуть к брачному союзу как средству укрепления международных связей.

Новые явления в дипломатии Русского государства XVII в.

Вопросы, разрешавшиеся в XVI—XVII вв. дипломатическим путем, были гораздо сложнее и разнообразнее, чем раньше. В их числе было много таких, которые до тех пор не входили в круг дипломатических сношений, как выдача политических преступников (например, самозванца Анкудинова), покупка боевых припасов, наем военных сил, заключение займов, разрешение закупки в России хлеба, ограждение интересов своих торговых людей и т. д. В XVII в. русская дипломатия начинает активно интересоваться и внутренними делами иностранных держав, причем уже тогда пытается взять на себя роль блюстителя монархических начал в Европе. Так, правительство Алексея Михайловича в 1649 г. под предлогом репрессии за казнь Карла I лишило английских купцов привилегий, которыми они пользовались в России. Английским купцам был запрещен въезд во внутренние города Русского государства. Отныне они могли торговать лишь в Архангельске «за многие несправедливые и вредные их для торговли российской поступки, особенно же за учиненное в Англии убийство короля Карла I» [1]. Русское правительство отказывалось признавать Английскую республику; царь Алексей продолжал осведомляться о здоровье вдовы Карла I и оказывал денежную помощь ее сыну, претенденту на английский престол, будущему Карлу II. Так же недоброжелательно относилась русская дипломатия и к поддержке, которую оказывали короли французский и датский «мужикам» голландцам против английского короля. Ордин-Нащокин считал, что лучше соединиться всем государям Западной Европы, чтобы уничтожить все республики, которые суть «ничто иное, как места заблуждения».

И в другом отношении царская дипломатия XVII в. уже намечала пути русской дипломатии XVIII и XIX вв. В борьбе с Турцией она использовала естественную вражду покоренного турками населения Балкан против своих поработи-

[1] «Полное собрание законов Российской империи», т. 1, стр. 167.

телей. В лице греков и славян Россия имела преданных союзников. Духовенство этих народов давало русскому правительству особенно ценную информацию о положении в Турции. Устанавливались даже методы секретной переписки. В 1682 г. патриарх иерусалимский просил через русских посланников, приезжавших в Константинополь, чтобы государь приказал «писать к нему, патриарху, без имени и грамоты складывать малые и печатать какою малой печатью, чтобы того никто не знал, и он-де таким же образом станет писать о великих делах, о которых потребно и государю надлежит ведать».

К XVII в. относится и начало борьбы с заграничной прессой в целях прекращения печатной пропаганды против царской России. Так, русское правительство протестовало перед Швецией против печатавшихся в Риге во время восстания Разина «авиз» (сообщений), в которых унижалось царское достоинство, «и такие полные лжи куранты [листки] распространялись подданными короля во всей Европе». Протестовало оно и против напечатанного в 1655 г. в Ревеле памфлета против московских царей, в котором царь Иван Васильевич назван тираном, а сам Алексей Михайлович уподоблялся Герострату за то, что «своевольно тиранствовал в Ливонии». В договор с Речью Посполитой 1650 г. была внесена специальная статья об истреблении книг, отзывавшихся неблагожелательно о Русском государстве; одним из поводов для расторжения мира с Польшей русская дипломатия выставляла напечатание «по королевскому и панов-рады велению» книг, в которых имеется «про... великих государей наших и московского государя про бояр и про всяких чинов людей злые бесчестия и укоризны и хулы».

Усложнение и расширение дипломатических и торговых отношений Русского государства с государствами Западной Европы вызвало появление в Москве иностранных резидентов и агентов, представлявших интересы различных государств. Уже в 1585 г. упоминается английский резидент, функции которого приближались к консульским; с 1623 г. английские резиденты действовали непрерывно, за исключением времени разрыва дипломатических сношений с Англией в связи с образованием в ней республики. В конце 20-х годов появляются «датские прикащики». В 1631 г. Голландским штатам было разрешено иметь своего резидента, но этим правом они воспользовались только в 1678 г. С 1631 г. в Москве жили постоянно шведские агенты; польские были допущены в 1673 г., но действовали с перерывами. Попытки Франции в 1629 г. и Бранденбурга в 1676 г. завести своих резидентов в Москве не увенчались успехом. Официально резиденты назначались «для удобнейшего по делам изустно, нежели через почту донесения».

В действительности, помимо консульских обязанностей по защите торговых интересов своих соотечественников, они выполняли функции шпионов и осведомителей. Шведскому резиденту поручалось следить за резидентами и посланниками других европейских государств, «со всем прилежанием наблюдать за происходящим при царском дворе» и обо всем доносить своему двору. Действительно, в донесениях шведских резидентов в XVII в. содержатся очень ценные для их правительства сведения о военных силах Московского государства, о торговле, о народных движениях, и, наконец, о борьбе придворных партий. Резидент Поммеринг не ограничивался этим: он занимался и прямым подрывом зарождавшейся русской оружейной промышленности. В этих целях Поммеринг добивался выезда за границу иностранных специалистов, работавших на русских заводах. «Как эти уедут отсюда, — писал он в 1648 г., — тульский или другие русские горные заводы не в состоянии будут вредить горным заводам вашего королевского величества в Швеции, ибо я достал Петру Марселису [содержателю тульских заводов] плохого кузнечного мастера...» Неудивительно поэтому, что русское правительство стремилось всячески избавиться от иностранных резидентов, неоднократно заявляя, что в мирное время им «быть не для чего». Само оно в течение XVII в. только приступило к организации постоянных миссий за границей. Дело шло в первую очередь о тех двух государствах, с которыми Россия была наиболее связана, — о Швеции и Польше. В 1634 г. в качестве резидента был послан в Швецию принявший православие немец Д. А. Францбеков, но он пробыл в своей должности всего полтора года; после него только в 1700 г. был отправлен «на резиденцию» в Стокгольм князь Хилков. Вопрос о миссии в Речи Посполитой возник в 60-х годах XVII в. и был решен в 1673 г. Первый русский резидент в Речи Посполитой Василий Тяпкин нес свои обязанности с 1673 до 1677 г. В 1660 г. англичанин Джон Гебдон был назначен «комиссариусом» в Голландию и в Англию.

Отсутствие постоянных миссий за границей неблагоприятно отражалось на деятельности русской дипломатии, которая нередко оказывалась недостаточно осведомленной о положении в Европе. Отправленный в 1656 г. к венецианскому дожу Франциску Чемоданов по прибытии узнал, что этого «Францискуса волею божиею не стало, а после-де его нынешний князь уже третий». Для пополнения информации выписывались газеты, или «куранты», которые переводились в Посольском приказе. Этим курантам русские, по ироническому замечанию шведских дипломатов, верили, «как евангелию». Газетная информация, конечно, не заменяла информации дипломатической; отсюда ряд ошибок, допускавшихся русской дипломатией. Так, в

1687 г. поехал во Францию князь Яков Федорович Долгоруков с деликатной миссией предложить французскому королю Людовику XIV союз против Турции, с которой Франция в это время сама заключала союз.

Разнообразная дипломатическая деятельность должна была постепенно выработать у русских государственных деятелей необходимые навыки в сношениях с иностранцами. Сами иностранцы с раздражением отмечали выдающиеся способности русских дипломатов. «Они собирают вместе все тонкости закоснелого лукавства, чтобы провести иностранцев, — говорит автор описания посольства Мейерберга, — либо выдавая ложь за правду, либо умалчивая, о чем надобно сказать, и ослабляют обязательную силу всяких решений на совещаниях тысячью хитрых изворотов, дающих превратный толк, так что они совсем рушатся». Однако нередко в выступлениях русских дипломатов сказывались недостаток образования и точных знаний, а временами их приемы были весьма наивны. Лихачев, ездивший послом в 1658—1659 гг. во Флоренцию, с поразительным простодушием расспрашивал на аудиенции «грандуку» Фердинанда о том, не знает ли он, какое имел поручение от польского короля к Испании проезжавший через Флоренцию польский посол и «был ли с ним к тебе лист, и... в этом листу о чем к тебе писал?» Отдельным русским дипломатам этого времени ничего не стоило сослаться на несуществующие грамоты или заявить, что императоры Гонорий и Аркадий прислали корону первому московскому князю Владимиру. Когда же им указывали, что эти императоры жили за 600 лет до Владимира, они, не моргнув, утверждали, что были другие Гонорий и Аркадий, современники Владимира. Упрямство и резкость, к которым иногда прибегали русские послы, производили неблагоприятное впечатление на иностранных дипломатов, которые по существу пользовались теми же приемами, но в более утонченной форме. Приближенные флорентинского «грандуки» внушали Лихачеву: «А про то б ведали посланники, что прочих держав послы, бывши во Флоренсии, не бранились и не бесчестили, как они». Навстречу князю Долгорукову в 1687 г. в Дюнкирхен (Дюнкерк) из Парижа был послан запрос: «Не для упрямства ли какого приехали они, и не будут ли в чем воле королевского величества противны?»

В целом же уровень русской дипломатии в XVII в. значительно повысился. В этот период в России имелось немало действительно способных дипломатов, отчетливо сознававших и умело защищавших интересы своего государства. О росте русской дипломатии в XVII в. свидетельствуют и те новые явления в ее деятельности, о которых говорилось выше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В XVIII в.

1. Война за испанское наследство и начало упадка международного значения Франции

Со второй половины царствования Людовика XIV начинается новый период дипломатической истории Европы, который был ознаменован постепенным усилением международной роли Англии и ее борьбою с Францией за первенство в грабеже колоний. Важнейшим этапом этой борьбы была война за испанское наследство (1701—1714 гг). Она была начата как династическая война, но фактически превратилась в первое огромное столкновение между Францией и Англией за господство на море и в колониях.

Поводом к войне за испанское наследство послужила смерть бездетного Карла II Испанского. Людовик XIV считал себя наследником испанских владений. Это было самое богатое из наследств, когда-либо существовавших. Дело шло не только о нарушении «политического равновесия» в Европе в пользу Франции, но фактически о ее мировой гегемонии. Кроме самой Испании, «наследнику» — Людовику XIV — должны были достаться итальянские, нидерландские, а также многочисленные африканские и американские владения Испании.

Еще в 90-х годах XVII в. Людовик вел переговоры с другими державами о дележе этого наследства. Англия и Голландия охотно выслушивали его предложения в расчете поживиться богатой добычей. Но у испанского короля оказался еще один наследник — австрийский эрцгерцог Карл, который приходился внуком испанскому королю Филиппу III. Людовик рассчитывал, заинтересовав Англию и Голландию, выступить с ними единым фронтом против притязаний Габсбургов и, таким образом, предотвратить возможную антифранцузскую коалицию. Послы Франции в Лондоне и Гааге убеждали англичан и голландцев в том, что вступление на престол Испании одних только Бурбонов или только Габсбургов нарушит европейское равновесие. Французский посол в Вене настойчиво убеждал императора разделить Испанию между претендентами во имя сохранения европейского мира. Французские дипломаты добились

весьма существенных результатов. В 1698 и 1700 гг. были заключены два соглашения о разделе Испании — оба, само собой разумеется, втайне от самого испанского короля Карла II. Можно легко себе представить его негодование, когда он узнал, что делалось за его спиной. Вначале Карл, в пику Франции и империи, решил облагодетельствовать своим наследством дальнего «бедного родственника» — курфюрста Баварского. Но тот, семилетний мальчик, внезапно и по неизвестной причине умер. Тогда Карл II решил передать все наследство, но обязательно целиком, французскому принцу: он правильно рассчитывал, что французский принц во главе нерасчлененной Испании лучше, чем раздел страны. К этому решению короля толкали французская дипломатия и сами испанцы, ибо, говорит историк Минье, «национальная партия ненавидела австрийцев, потому что они уже давно находились в Испании, и любила французов, потому что они еще не вступали в Испанию». 2 октября 1700 г. Карл II, посоветовавшись со своим духовником, богословами, юристами и самим папой, подписал завещание, которое передавало после его смерти Испанию со всеми ее владениями в Старом и Новом Свете внуку Людовика XIV герцогу Филиппу Анжуйскому. 1 ноября того же года король умер. Людовик XIV оказался перед двумя возможностями, созданными его собственной дипломатией и прямо противоположными друг другу. Принятие наследства означало войну почти со всей Европой. Непринятие его и верность договорам о разделе, заключенным с Англией, Голландией и императором, могли вызвать войну с Испанией, не желавшей, естественно, подвергнуться разделу. В конце концов взяло верх честолюбие короля и его ближайших советников, среди которых уже не было крупных людей первой половины царствования. Слова испанского посла при французском дворе, будто «Пиренеи уже почти развалились», были подхвачены и приписаны самому Людовику XIV; король будто бы сказал: «Нет больше Пиренеев!»

Ни Англия, ни Голландия не были намерены воевать с королем французским, предпочитая мир опасностям войны и нарушению торговли. Они удовольствовались торжественным обещанием Людовика XIV, что Испания никогда не будет соединена с Францией. Но последующее поведение французского правительства как будто подтверждало самые худшие предположения. В начале 1701 г. Людовик XIV особой грамотой признал права Филиппа V на французский престол, ввел французские гарнизоны в крепости нидерландских провинций Испании и приказал испанским губернаторам и вице-королям повиноваться ему, как своему государю. Сторонники войны в Нидерландах и в Англии подняли вопль, упрекая Людовика XIV в том, что он добился у них согласия на предоставление ему ча-

сти наследства, а на самом деле захватил его полностью. Вильгельм стал распускать слухи, что Людовик XIV намеревается вмешаться в английские дела в пользу только что изгнанных из Англии Стюартов. Людовик XIV со своей стороны, казалось, прилагал все усилия к тому, чтобы сделать эти слухи правдоподобными. Он навестил умиравшего во Франции бывшего английского короля Якова II и дал ему торжественное обещание, что признает за его сыном королевский титул, вопреки собственному за несколько лет до этого официальному признанию королем Вильгельма III. Узнав об этом, палата общин вотировала субсидии на войну. Еще более воинственно был в это время настроен император. Международная обстановка казалась ему чрезвычайно благоприятной для нанесения решительного удара Бурбонам, вековым врагам дома Габсбургов. Турецкая опасность для императора миновала: незадолго до этого он заключил мир с турками (в Карловицах в 1699 г.). Его дипломатическая агитация среди германских князей, раздраженных хозяйничаньем французов в Германии, тоже увенчалась успехом: они изъявили готовность помочь императору. Положительный ответ дали также Дания и Швеция; они боялись гегемонии Франции еще со времен Вестфальского мира. Впрочем, начавшаяся почти одновременно с войной за испанское наследство Великая Северная война отвлекла их силы на северо-восток, и никакой помощи от них император не получал.

Дела в Европе принимали неблагоприятный для Франции оборот. Снова была восстановлена коалиция 80-х годов XVII в., когда против Франции была почти вся Европа. Начавшаяся весной 1701 г. война была неудачна для Франции. Она кипела на четырех театрах сразу: в Италии, Испании, Нидерландах и в прирейнской Германии. За сомнительными успехами Франции в первый ее период (1702—1704 гг.) последовали годы поражений и тяжелых неудач. Истощенная прежними войнами, страна голодала в эти годы (1704—1710) и восстаниями камизаров-протестантов Севеннских гор выражала свое крайнее негодование. В последний период (1710—1714 гг.) французам удалось несколько поправить военные дела. Это позволило Людовику XIV заключить не слишком унизительный для Франции мир.

Вторая половина царствования «короля-солнца» была бедна выдающимися людьми и военными талантами. Живые силы страны стояли вне официальных кругов начавшей дряхлеть блестящей монархии. Между тем на стороне ее противников были выдающиеся дипломаты и генералы: Вильгельм III Оранский, Мальборо — в Англии и даровитый австрийский полководец принц Евгений Савойский. Людовик XIV

мечтал теперь только об одном — как бы выйти из войны с не совсем ощипанными перьями.

Помогли разногласия и противоречия в среде его врагов. Дипломаты Людовика XIV почти после каждой кампании пытались завязать сношения с голландцами, убеждая их в том, что англичане собираются захватить Ост- и Вест-Индию, а Габсбурги, завладев Испанией, хотят восстановить империю Карла V и ее былую гегемонию в Европе. Голландцам нужно было лишь обезопасить себя со стороны Франции и продолжать свои торговые дела; поэтому они добивались только выгодных торговых договоров и установления так называемого «барьера», т. е. права держать гарнизоны в нынешней Бельгии, принадлежавшей тогда Испании. В общем они не склонны были вести дальше дорого стоившую войну.

Англичане каперствовали в это время на море, успели захватить ключ к Средиземному морю — Гибралтар (1704 г.) — и навязали Португалии торговый договор (Метуэнский, 1703 г.), который подчинил Португалию Англии в экономическом отношении. На основании договора англичане получили право беспошлинного ввоза в Португалию своих мануфактурных изделий, которые оттуда потоком контрабанды полились и в Испанию. В Америке бостонские и нью-йоркские колонисты захватывали одну за другой области новой Франции. Но главные расходы войны падали на Англию; в Англии тоже крепли мирные настроения. Выборы 1710 г. дали торийское большинство, враждебное войне. Героя многих кампаний Мальборо обвинили в казнокрадстве, что было правдой. В 1711 г. (в апреле) умер император Иосиф I, и на престол был избран младший его брат Карл, претендент на испанский трон.

При этих условиях угроза восстановления империи Карла V и нового расцвета Средней Европы (Германии и Италии), за счет которой выросли и Англия и Голландия, стала казаться вполне реальной. Империя, казалось, снова готова была восстать из гроба, заколоченного Вестфальским миром. К 1710 г. ставленнику французов Филиппу V Испанскому удалось, наконец, утвердиться в своем новом отечестве. Кампании 1711 и 1712 гг. не привели к победе союзников. Все эти обстоятельства, вместе взятые, побудили англичан первыми протянуть французам руку мира за спиной у своих союзников. Еще с января 1711 г. во Францию явился тайный агент английского правительства, предложивший заключить сепаратный мир без голландцев, «которые потеряли благорасположение короля». Предложение было принято. Дальнейшие переговоры велись настолько тайно, что в них не хотели посвящать даже английских официальных дипломатов. Английские требования привез во Францию поэт Прайар с запиской, которая была помечена

самой королевой Анной. В октябре изумленные союзники Англии, голландцы и немцы, прочли об условиях мира между Англией и Францией, смутно догадываясь о касавшихся их самих пунктах, которые, конечно, не были опубликованы.

Утрехтский мир

В феврале 1712 г. был созван конгресс в Утрехте. В результате долгих переговоров были подписаны мирные договоры: Утрехтский между Францией и Испанией, с одной стороны, Англией, Голландией, Бранденбургом и Савойей — с другой, 11 апреля 1713 г. и Раштадтский между Францией, Испанией и империей — 7 марта 1714 г. Оба договора имели огромное значение в истории Европы XVIII в.

Бурбонам было дозволено остаться в Испании, но с условием, что король испанский никогда не будет одновременно королем французским. За это Испания должна была уступить: 1) Габсбургам — Неаполитанское королевство, Сардинию, часть Тосканы, Миланское герцогство и испанские Нидерланды; 2) курфюрсту Бранденбургскому — испанский Гельдерн (в Нидерландах); 3) герцогу Савойскому — Сицилию; 4) Англии — Гибралтар и укрепленный пункт на острове Минорка; Англия же приобрела гнусное «асиенто», т. е. исключительное право торговли неграми, предоставленное английской компании. Франция поплатилась небольшими отрезками территории в пользу Габсбургов в Нидерландах, вывела свои войска из Лотарингии и уступила незначительные земли на юге герцогу Савойскому. Наибольшие потери Франция понесла в Америке. Здесь ей пришлось отдать англичанам земли вокруг Гудзонова залива, Нью-Фаундленд и Акадию (земли к северу от реки Св. Лаврентия), заселявшиеся французскими колонистами еще с начала XVII в. Это было прологом к ликвидации французских владений в Северной Америке. Для Англии наступал период полного ее преобладания на море.

Французская дипломатия при Людовике XV

Царствование преемника Людовика XIV является временем разложения французского абсолютизма и неудач его внешней политики. Три войны, в которых Людовик XV принимал участие, — война за польское наследство (1733—1735 гг.), война за австрийское наследство (1740—1748 гг.), Семилетняя война (1756—1763 гг.) — не были в такой мере необходимы для Франции, чтобы нельзя было их избежать; они получили поэтому название «войн роскоши». С точки зрения интересов усиливающейся буржуазии эти войны были явно вредны. Результатом неудач Людовика XV были потери американских колоний (Канады и Луизианы), которые перешли к англичанам и испанцам, и полный провал французской политики в Индии, которая ранее в итоге

деятельности знаменитого французского предпринимателя и колонизатора Жана Дюпле чуть было не стала французской.

У Франции этого времени не было недостатка в способных министрах и дипломатах (Вержен, Шуазель, д'Аржансон), но и самый талантливый дипломат не мог сделать хорошей дурную политику обреченного класса.

Война за польское наследство

В начале первой половины XVIII в. Россия, усилившаяся за счет Турции, Польши и Швеции, искала союза с Францией. Но французское правительство боялось потерять своих старых друзей, какими были эти три государства, и в результате Россия пошла на сближение с давней соперницей Франции — Австрией и Габсбургским домом. К этому времени внутреннее разложение Польши зашло настолько далеко, что между Россией, Францией и другими державами начинается борьба за подчинение Польши своему влиянию. Когда умер курфюрст саксонский, он же польский король Август II, Россия и Австрия поддержали кандидатуру его сына Августа III на польский престол, тогда как Франция выставила в качестве кандидата Станислава Лещинского, который и раньше был королем, но был свергнут с престола. Выбор этого кандидата объяснялся тем, что Людовик XV был женат на дочери Станислава Марии. «Его величество, — писал д'Аржансон, — женился на простой девице, и было необходимо, чтобы королева стала дочерью короля». В лице Лещинского французы думали посадить на польский престол своего человека.

Французский посол в Варшаве Монти истратил 3 миллиона ливров на то, чтобы расположить поляков в пользу Лещинского. Чтобы отвлечь внимание русских и австрийцев, некий кавалер Тианд, выдаваемый за Лещинского, с большой помпой сел на корабль в Бресте и направился в Балтику; в это же время настоящий Лещинский тайком пробирался в Варшаву, переодетый коммивояжером. Однако польские шляхтичи, получив французские деньги, быстро разошлись по домам и не выказали большой охоты сражаться с Россией и Австрией за честь королевы французской, тем более что против Лещинского довольно сильная партия имелась и в самой Польше. Россия была недосягаема для Франции, и французское правительство впервые получило предметный урок, как опасно для него пренебрегать русской дружбой. Франция попыталась натравить на Россию Швецию и Турцию, но встретилась с их отказом. Пришлось защищать Лещинского собственными силами. Но флот, направленный к Данцигу, был обращен в бегство русскими кораблями, а французский десант взят в плен. Тогда Людовик XV, до которого дошли слухи, что русская царица по-прежнему благоволит к Франции, отправил в Россию тай-

ного посла, некоего аббата Ланглуа, под именем Бернардони, чтобы предложить Анне Ивановне признать королем польским Станислава Лещинского. Аббат с величайшими затруднениями, постоянно меняя платье и скрываясь, добрался, наконец, до Петербурга, но его скоро оттуда выпроводили. Предоставленная собственным силам, Польша должна была согласиться на требование Австрии и России (1734 г.).

«Секрет короля»

Личное влияние короля Людовика XV стало сказываться после 1743 г., когда он сам взялся за дела. Результатом этого была прежде всего резкая перемена курса политики по отношению к Германии. Сначала, продолжая традиционную борьбу против Габсбургов и поддержку протестантских князей, Людовик XV принял участие в войне за австрийское наследство на стороне Пруссии. Но, к середине 50-х годов XVIII в., т. е. к началу Семилетней войны, Людовик XV круто повернул к союзу с Австрией, против Пруссии и ее короля Фридриха II. Сам по себе этот поворот не был вреден для Франции. Наоборот, он, учитывая усиление Пруссии и ослабление австрийского дома, освобождал Францию от традиционной вражды со стороны ее исконного, ныне ослабевшего врага Габсбурга и мог бы развязать ей руки для борьбы с Англией за господство на море и в колониях. Людовик XV был возмущен коварной политикой Фридриха II. В январе 1756 г. прусский король внезапно заключил договор с Англией о защите ганноверских владений. Точнее сказать, Фридрих был нанят английским королем Георгом II для защиты фамильных владений английской династии (английские короли по происхождению были ганноверскими курфюрстами). Людовик XV, думая ослабить Пруссию, ввязался в Семилетнюю войну с той целью, чтобы помочь императрице Марии-Терезии отвоевать у Фридриха II Силезию, захваченную им во время войны за австрийское наследство. Результаты для Франции были самые плачевные: Силезия осталась за Фридрихом II, а Франция была разбита на море и в колониях, французская Америка и Индия попали в руки англичан (1763 г.).

Все это было результатом личной политики Людовика XV. Король в такой мере не доверял окружающим, боясь их воздействия на свою волю, и до такой степени презирал своих министров, что создал особый тайный кабинет, во главе которого с 1743 г. стоял принц Конти. Это был своего рода заговор короля против своих собственных министров. Король, помимо официальных послов, имел в других государствах собственных тайных агентов, с которыми переписывался через голову своих министров. В числе этих тайных агентов были такие выдающиеся дипломаты, как граф де Бройль, Бретейль и Вержен. Часто по приказу короля они вели политику, прямо

противоположную той, которую проводил официальный представитель французского правительства, и, несмотря на все свое искусство, в конце концов принуждены бывали делать глупости. Королю нравилось водить за нос своих министров, не посвящая их в «секрет короля», а то, что от такой дважды тайной политики страдает Франция, Людовика XV мало тревожило.

2. Внешняя политика Англии в XVIII в.

В XVIII в. Англия, после двух революций стабилизировавшая свой политический строй, ведет планомерную политику расширения торговли и колоний. Островное положение Англии оберегает ее от нападений со стороны Европы. Поэтому все свои усилия она направляет на заморские предприятия, ограничиваясь в Европе политическими комбинациями, о которых Бисмарк впоследствии сказал: «Политика Англии всегда заключалась в том, чтобы найти такого дурака в Европе, который своими боками защищал бы английские интересы». Это была политика найма «друзей» и натравливания их на своего главного врага, каким в XVIII в. для Англии стала Франция.

XVIII век — время, которое создало грандиозную Британскую империю, — был эпохой ожесточенного поединка за эту империю между Францией и Англией. В течение XVI в. Англия нанесла смертельный удар Испании; в XVII в. она победила Голландию, которая в XVIII в. стала уступать Англии и в торговом отношении. Но существовала еще Франция — величайшая держава континента, которая приобрела в XVII в. огромные территории в Америке и протягивала руки к Индии. Французы утвердились также и на Антильских островах. В середине века Франция явно начинала наступать на Англию и грозила вырвать у нее гегемонию на море. Французский министр Машо (1745—1757 гг.), желая поддержать отечественное мореходство, повысил пошлины с иностранных кораблей до 5 ливров с тонны. В начале 50-х годов XVIII в. Франция усиленно строила военный флот и пополняла арсеналы вооружением: в 1756 г. французский флот почти равнялся английскому. В первую половину XVIII в. в английском парламенте господствовала партия вигов; эта партия не желала осложнять капиталистическое преуспевание страны внешними конфликтами. «Если придут французы, платить им я буду, но драться — покорно благодарю!» — таков был лозунг этого времени. Однако французские успехи скоро вызвали возбуждение в господствующем классе Англии. Пора мирных отношений с беспокойным соседом миновала. Вдохновителем непримиримой борьбы против Франции стал Уильям Питт старший.

Питт старший

Властный, суровый и решительный политик, который ставил превыше всего могущество Англии и ее власть над морями, Питт воспользовался тем, что Франция была втянута в Семилетнюю войну на стороне Австрии, России, Швеции и Саксонии против Фридриха II Прусского. Как истый представитель английских торговцев, судовладельцев и колонизаторов, Питт решил сокрушить колониальную и морскую мощь Франции. Он энергично поддержал Фридриха II, предоставив ему очень большую субсидию. Одновременно английский флот блокировал французские берега, бомбардировал порты и разрушал доки. Главное же внимание Питт обратил на колонии. Он вооружил английских колонистов в Северной Америке, и скоро при их помощи была завоевана вся страна, занятая до тех пор французами, т. е. Канада. При заключении мира в Париже в 1763 г. Англия закрепила за собой Канаду, а также все земли к востоку от Миссисипи (Луизиану). Испания уступила ей Флориду. Незадолго до этого было покончено и с ост-индскими владениями Франции.

Политика Англии в Индии

Огромная страна Индия в XVII в. была объединена мусульманскими султанами, так называемыми Великими Моголами. К началу XVIII в. это единство распалось, и страна сделалась добычей европейских завоевателей. Сперва здесь имели перевес французы (в 40-х годах), но французское правительство не поддерживало своих колонизаторов. Одного из них, Лабурдонне, посадили в Бастилию, другого, Жана Дюпле, в самый разгар его колонизаторской деятельности в Индии, отозвали и отдали под суд. Его преемник Лалли остался без поддержки в борьбе против англичан. Когда же он был разбит, его отправили на эшафот. В результате ряда неудач Людовик XV потерял шансы на преобладание в Индии. Напротив, английская Ост-Индская компания успешно действовала в Индии как представитель государства, встречая полную поддержку со стороны своего правительства. Особенно прославился своими победами, а еще больше — грабежом страны Клайв, приказчик Ост-Индской компании, ставший впоследствии лордом. Англичане захватили крупнейшие пункты торговли на обоих побережьях Индостана (Бомбей, Мадрас, Калькутта в устье Ганга). Местные князьки (раджи и султаны) сохраняли свою власть, но компания брала у них на откуп сбор податей, которые затем нещадно выколачивались у населения. Доходы раджей зависели, таким образом, от деятельности Ост-Индской компании. Раджи сделались пайщиками и соучастниками эксплуатации страны компанией, которая крепко держала их в руках благодаря неслыханным барышам от откупов и торговли.

3. Германия XVIII в. Австро-прусское соперничество

Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат

В XVIII в. господствующий класс в Англии имел уже в своем распоряжении колоссальные средства. Он мог покупать себе повсюду союзников, готовых отстаивать английские интересы. Это было тем легче, что в Европе не было недостатка в желающих продаться за почтенную сумму. Страной, которая кишела государями, согласными служить за деньги чужим интересам, по преимуществу стала Германия. Политически окончательно распавшаяся после Тридцатилетней войны, Германия представляла жалкое зрелище. В ней было, по выражению самих немцев, столько государств, сколько дней в году (в действительности их было даже больше). Например, владения так называемых имперских рыцарей, т. е. мелких сеньоров, подчинявшихся непосредственно императору — а их насчитывалось больше тысячи, — были тоже фактически независимыми государствами: власть императора вне наследственных земель Габсбургов давно свелась к нулю. Вся эта коронованная мелочь влачила довольно жалкое существование и, постоянно нуждаясь в деньгах, придумала особый способ обогащения. Мелкие князья Германии, получившие по Вестфальскому миру (1648 г.) право вести самостоятельную политику, занимались тем, что за субсидии уступали свои армии любому, кто готов был дать за это деньги. Происходила самая бесстыдная продажа солдат, а вместе с ними и родины. За одну только половину столетия немецкие князья заработали таким путем не менее 137 миллионов ливров от Франции и 46,5 миллиона фунтов стерлингов от Англии. Дело это оказалось настолько прибыльным, что немецкие князья учиняли настоящие облавы на своих подданных, забирая их в солдаты, а затем продавая их целыми армиями богатым союзникам. Так, ландграф Гессенский для усмирения восставших против Англии американцев продал Англии 17-тысячную армию; за это он получил, кроме вознаграждения за убитых и раненых, 2800 тысяч фунтов стерлингов. Четыре других, менее крупных немецких княжества в 70-х годах XVIII в. за 5 лет таким же путем заработали до 33 миллионов талеров.

Среди этого политического хаоса в Германии постепенно выделяются два крупных государства: Австрия и Пруссия. В XVII и XVIII вв. быстрое расширение Пруссии и превращение ее в великую державу составляет один из важнейших фактов истории Восточной Европы. Ядром этого государства было курфюршество Бранденбургское, которое попало в начале XV в. в руки дома Гогенцоллернов. В начале XVII в. к Бран-

денбургу была присоединена Пруссия, т. е. бывшие земли Тевтонского ордена, принадлежавшие другой ветви тех же Гогенцоллернов. Со времени Фридриха-Вильгельма I, так называемого «великого курфюрста» (1640—1688 гг.), Бранденбург — Пруссия — начинает играть уже значительную роль в международных событиях. С этого же времени Пруссия становится соперником Австрии в пределах Германии. Пруссия была типичной военно-крепостнической державой. Ее господствующий класс — дворянство — жил эксплуатацией барщинного труда крестьян, прикрепленных к поместью, продукты которого сбывались на рынках капиталистически развивающейся Западной Европы. Курфюрсты бранденбургские, впоследствии прусские короли, сами были крупными помещиками. Необходимость охраны речных торговых путей и постоянная борьба с соседями, в первую очередь со Швецией, за овладение побережьем Балтики, через которую хлеб и другое сельскохозяйственное сырье сбывалось за границу, превратила Пруссию в военную державу. Прусские короли были под стать своим юнкерам, как называли здесь дворян. Жадные скопидомы, беззастенчивые во внешней политике, они, как шакалы, выслеживали добычу и, пользуясь благоприятным моментом, за счет владений соседних князей увеличивали территорию Пруссии. Большие деньги и большая армия — такова была незамысловатая политика этих коронованных хищников, солдафонов и фельдфебелей на троне. Наибольших успехов в деле расширения своего государства достиг Фридрих II (1740—1786 гг.), и ему нельзя отказать ни в военных талантах, ни в дипломатическом искусстве. Солдафоном и скопидомом, впрочем, он был не меньшим, чем его предшественники, но он жил в век «просвещения», был «другом» Вольтера и хорошо умел прикрывать свое истинное нутро поклонника палки и деспота безукоризненными французскими фразами и философскими рассуждениями, заимствованными у французских просветителей XVIII в. Свою карьеру писателя этот «философ из Сансуси», как его называли впоследствии, начал с опровержения «Государя» Макиавелли. ««Государь» Макиавелли, — писал он в предисловии к своему «Антимакиавелли», — в области морали то же самое, что сочинения Спинозы в области веры: Спиноза вел тихую сапу под устои веры и старался ниспровергнуть храм религии; Макиавелли внес порчу в политику и поставил себе целью разрушить правила здоровой морали...» Однако, едва вступив на престол, Фридрих II позабыл, о чем он только что писал. Можно сказать без преувеличения, что не было государя, который был бы таким же верным последователем Макиавелли, как Фридрих II Прусский. Внешнюю политику он вел сам лично и ответственность за нее нес

полностью. Правила, которыми он руководствовался при этом, были им самим формулированы следующим образом: «Раз должно произойти надувательство, то лучше уж надувать будем мы».

Фридрих начал свое царствование с того, что, вопреки данному его предшественником обещанию признать наследницей австрийского престола дочь Карла VI Марию-Терезию, потребовал от нее за такое признание богатую промышленную Силезию. Когда Мария-Терезия отказалась от этого, он организовал антиавстрийскую коалицию и захватил Силезию (война за австрийское наследство 1740—1748 гг.). «Не говорите мне о величии души! — сказал Фридрих по этому поводу одному английскому дипломату. — Государь должен иметь в виду только свои выгоды». Когда Франция, ведя свою традиционную политику против Габсбургов, решила использовать затруднительное положение Марии-Терезии, Фридрих II дал заверение французскому послу в том, что «поделится с Францией, если останется в выигрыше». Результатом этого было соглашение Франции, Испании, Баварии и Пруссии о разделе австрийского наследства. В то время как французы вели свои войны в Германии и «работали на прусского короля» («pour le roi de Prusse»), сам прусский король уже заключил тайное соглашение с Марией-Терезией. Он обещал ей никогда не требовать ничего другого, кроме Нижней Силезии с городами Бреславлем и Нейсе; для того же, чтобы продемонстрировать свою верность союзникам, он договорился с Марией-Терезией, что будет для видимости две недели осаждать Нейсе, а затем город сдастся. Впоследствии Фридрих утверждал, что поступил так потому, что Франция-де стремится к разложению Германии, а он, Фридрих, по этой причине решил «спасти» Марию-Терезию. Когда австрийцы, освободившись от самого опасного врага, прижали франко-баварские войска, Фридрих II прислал своим союзникам на помощь... один гусарский полк. Одновременно он добился от курфюрста Карла-Альберта Баварского, избранного под давлением французов императором, согласия на присоединение к Пруссии Верхней Силезии, фактически принадлежавшей той же Австрии. Понимая, что австрийцы добровольно не уступят ему этой области, Фридрих круто повернул фронт против австрийцев, разбил их при Чаславе и затем при поддержке англичан получил всю Силезию. Когда все эти махинации Фридриха II стали известны в Париже, негодованию не было предела. «Друг» короля Вольтер, который не совсем понимал, что произошло, и поздравлял Фридриха с успехом, принужден был публично отречься от поздравительного письма, чтобы не попасть в Бастилию.

Нет необходимости следить за дальнейшими перипетиями войны. Аахенский мир 1748 г. окончательно отдал Силезию в руки Фридриха II. Мария-Терезия была вне себя от ярости. Она заявила английскому послу, который имел неосторожность поздравить ее с миром, что скоро надеется вернуть свое, «хотя бы ей пришлось отдать на это последнюю юбку». Для нее было ясно, что отныне самым опасным соперником Австрии в германских делах оказалась Пруссия, которая стала великой державой Европы. Через несколько лет австрийской дипломатии удалось создать против Фридриха II коалицию, в которую вошли Франция и Россия. После этого против Пруссии и была начата та война, которая получила наименование Семилетней.

Семилетняя война и дипломатия Фридриха II

Семилетняя война была последним общеевропейским конфликтом, который имел место перед Великой буржуазной революцией во Франции. В этом конфликте наметились те противоречия и та расстановка международных сил, которые определились вполне во время революции; после этого они существовали в течение значительной части XIX в.

Во-первых, в новую фазу вступила англо-французская борьба за колонии и за мировое господство. Во-вторых, соперничество Австрии и Пруссии из-за гегемонии в Германии приобрело особую остроту. Эти два главных противоречия и лежали в основе всего конфликта. Одновременно исчез вековой антагонизм между Францией и Австрией — между Бурбонами и Габсбургами. Он превратился в свою противоположность — франко-австрийский союз. Наконец, в европейский конфликт энергично вмешалась Российская империя. Это явилось характернейшим новым моментом, который свидетельствовал о неуклонно возраставшем удельном весе России и о росте ее международного влияния.

Французы недаром называют период со второй половины XVII в. до наполеоновских войн включительно «второй Столетней войной». Как и в первой Столетней войне (1338—1453 гг.), Англия и Франция боролись за первенство в мире. Но в XVII—XVIII вв. «мир» был гораздо обширнее, чем в XIV, когда фактически он для западноевропейских государств еще ограничивался одной Европой. Быстро развивающаяся капиталистическая Англия ревниво наблюдала за успехами французского агента Дюпле в Индии и за захватами Франции в Америке. Торговый флаг Англии в это время стал развеваться во всем мире; ее колонисты в Северной Америке исчислялись сотнями тысяч, тогда как французов там было не более 80 тысяч. Со времени войны за испанское наследство Англия не прекращала борьбы против

Франции. В 50-х годах ее корабли стали открыто охотиться за французскими торговыми судами: в 1755 г. в течение одного месяца они захватили 300 судов с 8 тысячами человек экипажа. Когда Людовик XV заявил протест и довольно нерешительно потребовал наказания виновных, англичане вместо ответа захватили два французских фрегата. Людовику XV пришлось начать против Англии войну.

Напряженные отношения между Австрией и Пруссией не прекращались со времени войны за австрийское наследство. Австрийское правительство деятельно готовилось к новой войне. Австрия, Пруссия, Франция, Англия — все вели энергичную дипломатическую работу, запасаясь союзниками. В результате в конфликт была вовлечена почти вся Европа.

Неожиданный для всей Европы союз двух старых соперников — Франции и Австрии — и выступление Франции против своего прежнего союзника — Пруссии — осуществились следующим образом.

Англия со времени начала «второй Столетней войны» поддерживала монархию Габсбургов как соперницу Франции. С XVIII в. эта политика стала вдвойне необходимой, так как Англии приходилось защищать от французов на континенте Ганновер — фамильное владение новой английской династии. Но со времени войны за австрийское наследство англичанам стало ясно, что на континенте появилась новая военная держава: это была Пруссия, которая наряду с Россией и Австрией не прочь была получать английские субсидии. Так как Мария-Терезия требовала слишком большую сумму за защиту Ганновера и было мало надежды, что, занятая войной за Силезию, она сможет эту защиту осуществить, англичане отказались ей платить (1755 г.) и попробовали «нанять» Фридриха II. Тот согласился с тем большей охотой, что это спасало его, как ему казалось, от возможной диверсии со стороны России. Кроме этого, Фридрих надеялся, что его дипломатического искусства хватит на то, чтобы договор, фактически направленный против Франции, не поссорил его с французами.

В России были не на шутку встревожены успехами Фридриха II. Канцлер Бестужев занял решительную позицию против Пруссии, находя ее опасной для России «по причине ее соседства и увеличения ее могущества». Так как протестантская часть Германии, а в частности Пруссия, находилась в дружественных отношениях с Францией, врагом Англии и Австрии, то Бестужев в 1755 г. заключил с английским послом Вильямсом договор. По нему Россия обязывалась за 500 тысяч фунтов единовременно и 100 тысяч ежегодной субсидии выставить против врагов Англии на континенте 80-тысячную армию. В качестве врага Бестужевым, естественно, подразумевался Фридрих II

Прусский и никто другой. Однако планы англичан на самом деле были совершенно иными.

Нанимая Фридриха II, англичане считали, что Австрия и так, без расходов со стороны Англии, будет воевать против Франции: таким образом, Англии удастся по дешевой цене составить коалицию из России, Австрии и Пруссии, которая сокрушит Людовика XV на континенте. В то же время она сама будет захватывать французские колонии. Фридрих, заключая договор с английским правительством, думал, что, войдя в компанию с англичанами и русскими, он обезопасит себя от нападения со стороны России. Что же касается своего «друга» Франции, то он рассчитывал выступить посредником в англо-французском споре и заработать таким путем благоволение Франции, не порывая с Англией. К тому же он тяготился презрительно высокомерным покровительством Людовика XV и считал, что ему пора проявить «самостоятельность».

Можно представить себе негодование русского, французского и австрийского правительств, когда они узнали, что между Фридрихом и Англией подписан в Уайтхолле договор (16 января 1756 г.), согласно которому та и другая сторона обязывались поддерживать мир в Германии и выступить с оружием в руках «против всякой державы, которая посягнет на целость германской территории». И Австрия и Россия увидели в этом договоре предательство со стороны Англии. Английское правительство, убедившись, что результаты его дипломатической стряпни прямо противоположны ожиданиям, спокойно выжидало, рассчитывая на малую уязвимость Англии, защищенной морем, на котором господствовал ее флот. Все шишки достались на долю Фридриха II. Франция в пылу негодования на неблагодарность прусского короля бросилась в объятия Австрии.

Мария-Терезия после войны за австрийское наследство считала возможным привлечь Францию на свою сторону. Во Францию был отправлен едва ли не самый крупный дипломат XVIII в. Кауниц. Подготовка сближения со старым соперником велась уже давно. Кауниц еще в 1748 г. заверял любовницу Людовика XV мадам де Помпадур, что Австрия готова отказаться от части бельгийских провинций (Фландрии и Брабанта), если только Франция поможет Австрии возвратить Силезию. В 1751 г. Кауниц был назначен австрийским послом в Париж. Здесь он внушал французам, что только благодаря попустительству таких великих держав, как Франция и Австрия, выросли Пруссия и Сардиния, которые видят свою задачу в том, чтобы сеять раздор между великими державами и пользоваться этим, чтобы округлять свои владения.

Таким образом, почва для сближения Австрии и Франции была подготовлена. Последним толчком к союзу между ними была в данном случае излишняя «тонкость» дипломатии Фридриха. Тотчас же после разбойного нападения англичан на французские суда в 1755 г. Фридрих II предложил Людовику XV смелый план. Пусть Людовик XV захватывает немедленно Бельгию; он, Фридрих, вторгнется в Богемию и, разгромив австрийцев, завладеет всей Германией. Таким образом, прусский соблазнитель еще в XVIII в. замышлял план, напоминавший идеи Бисмарка в 1866 г. В Вене в это время уже стало известно, что Фридрих одновременно ведет переговоры с Англией. Мария-Терезия немедленно довела об этом до сведения Людовика XV. Известие о заключении Уайтхоллского договора между Фридрихом и Англией было подтверждением венских предупреждений. Людовик XV решился. 1 мая 1756 г. был заключен первый Версальский договор между Австрией и Францией о взаимной гарантии: каждая из сторон обещала в помощь другой армию в 24 тысячи человек против всякого агрессора. Незадолго до этого императрица Елизавета отказалась фактически от англо-русского договора и заключила оборонительно-наступательный союз с Австрией (25 марта 1756 г.). Для нападения на Фридриха II Россия обязывалась дать в помощь Австрии армию в 80 тысяч. В случае победы над Фридрихом Австрия должна была получить Силезию, Россия — Восточную Пруссию. Французские дипломаты добились вовлечения в эту коалицию Августа III, курфюрста саксонского и короля польского. В 1757 г. к коалиции примкнула и Швеция, соблазненная субсидиями и надеждой захватить Померанию.

Окончательно коалиция была оформлена двумя союзными договорами: русско-австрийским (2 февраля 1757 г.), который повторял условия предыдущего договора, но давал России субсидию в 1 миллион рублей ежегодно, и вторым, Версальским (1 мая 1757 г.), по которому вместо 24 тысяч Франция обязывалась выставить 105 тысяч человек и давать Марии-Терезии ежегодно субсидию в 12 миллионов флоринов. Еще в 1756 г. началась война. Положение Фридриха скоро стало катастрофическим, хотя он и обнаружил в этой войне дарования полководца. Фридрих действовал быстро и решительно, поспевая ко всем границам, бил врагов поодиночке и из десяти битв проиграл только три. Фридриху помогали исключительная бездарность генералов французского абсолютизма, военные достоинства которых определяла мадам де Помпадур, непростительная медлительность австрийских полководцев и обилие притекавших к нему английских субсидий. Но от русских он понес тяжелые поражения — при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г.

и при Кунерсдорфе в 1759 г. В 1760 г. русские войска на некоторое время заняли даже Берлин. К началу 1762 г. положение Фридриха стало настолько тяжелым, что в письме к своему брату, принцу Генриху, он писал: «Если, вопреки нашим надеждам, никто не придет нам на помощь — прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель». Фридриха спас поворот в русской политике, ускоренный смертью императрицы Елизаветы Петровны (5 января 1762 г. н. ст.). Новый император Петр III не только отказался от всех завоеваний в Пруссии, но и изъявил желание оказать Фридриху помощь. Корпусу генерала Чернышева было предписано соединиться с Фридрихом для совместных наступательных действий против Австрии.

Таковы были события на восточном театре европейской войны.

Чем больше затягивалась война Франции против Пруссии, тем большее удовольствие испытывали правящие круги Англии: для них европейские державы усердно таскали каштаны из огня. Занятая в Европе, Франция оказалась бессильной за океаном. Англичане захватили к 1759 г. Канаду и в 1761 г. завладели Пондишери в Индии. Французский флот был почти полностью уничтожен. Война была закончена двумя мирными трактатами: Парижским — на западе (10 февраля 1763 г.) и Губертсбургским — на востоке (15 февраля 1763 г.). Франция потеряла Канаду и другие владения в Северной Америке, т. е. долину реки Огайо и весь левый берег реки Миссисипи, за исключением Нового Орлеана. Вдобавок она должна была отдать Испании правый берег той же реки и уплатить ей вознаграждение за уступленную Англии испанцами Флориду. Франция принуждена была отказаться и от Индостана, сохранив там за собой лишь пять городов. Австрия навсегда потеряла Силезию.

Таким образом, Семилетняя война на западе покончила с колониальным могуществом Франции, обеспечила полную гегемонию Англии на морях, а на востоке явилась первым шагом к будущей гегемонии Пруссии в Германии.

4. Дипломатия Российской империи в XVIII в.

Внешняя политика Петра I

Петр I унаследовал от XVII в. две сложнейшие проблемы: турецкую и шведскую. Обе они означали борьбу за выход к морю, в первом случае — к Черному, во втором — к Балтийскому. Первые годы царствования Петра были посвящены всецело черноморской проблеме. Черное море было в то время внутренним морем Турции. Оттоманская Порта, по образному выражению одного совре-

менного дипломата, берегла его, «как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикоснуться не смеет. Скорее султан допустит кого во внутренние свои покои, чем согласится на плавание чужих кораблей по водам черноморским; это может случиться разве тогда, когда Турецкая империя обратится вверх ногами».

К Петру от времени правления Софьи перешел антитурецкий «аллианс» (союз), и Петр в союзе с Австрией, Венецией и Речью Посполитой продолжал войну, которая при Софье была начата двумя неудачными походами на Крым. Петр оставил мысль брать Крым с суши, фронтальным ударом через Перекоп. Он поставил себе целью сначала укрепиться на Азовском море. Первый поход на Азов не принес успеха, но в результате второго Азов был взят (1696 г.). Взятие Азова и постройка Таганрога обеспечили России господство на Азовском море. Однако пока Керченский пролив был в руках турок, это еще не давало ей доступа в Черное море. Между тем союзники России уже склонялись к заключению мира. Желая довести до конца разрешение черноморской проблемы и укрепить антитурецкую коалицию, Петр направил в Вену посланника К. Нефимонова, которому удалось в феврале 1697 г. заключить наступательный союзный договор с Австрией и Венецией против татар и турок сроком на три года. Участники договора обязались не заключать сепаратного мира и согласовывать свои военные действия.

Вслед за тем в 1697 г. в Западную Европу отправилось, при участии самого Петра, «Великое посольство» с целью дальнейшего расширения и укрепления союза против Турции «для подтверждения прежней дружбы и любви, для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста господня — салтана турского, хана крымского и всех бусурманских орд, к вящему приращению государей христианских».

Однако эти задачи «Великого посольства» не могли быть выполнены в существовавшей в то время международной обстановке. Внимание западноевропейских стран было приковано к надвигавшейся войне за испанское наследство, разделившей Европу на два лагеря. Теперь не только оказывалось невозможным привлечь новых участников в антитурецкий союз, но и прежние члены этого союза и в первую очередь Австрия спешили освободить себе руки заключением мира с Турцией. Хотя цели России в войне еще не были достигнуты — выход к Черному морю не был завоеван, — однако русскому правительству, чтобы не остаться в войне с Турцией один на один, пришлось согласиться принять участие в мирных переговорах на Карловицком конгрессе (1698—1699 гг.). Усилия русского представителя на конгрессе Прокофия Возницына добиться согласия

союзников России на продолжение войны натолкнулись на ожесточенное сопротивление представителей Австрии, а также выступавших в роли посредников послов морских держав — Англии и Голландии, заинтересованных в скорейшем освобождении сил Австрии для участия на их стороне в войне за испанское наследство. В нарушение принятых на себя обязательств союзники стремились заключить сепаратный мир и отказались поддержать русское требование о присоединении Керчи. В результате, в то время как Австрия, Венеция и Речь Посполитая заключили на конгрессе отдельные мирные договоры с Турцией, Возницын 14 января 1699 г. подписал лишь перемирие сроком на два года.

Неудача «Великого посольства» и обнаружившаяся нелояльность союзников по войне с Турцией делали невозможным приобретение в то время выхода к Черному морю. Убедившись в этом, Петр избирает новое направление внешней политики, цель которого состояла в отвоевании у шведов русских земель на Балтийском побережье. Международная обстановка в Европе оказывалась благоприятной для осуществления этих планов. Сильнейшие державы Западной Европы — Франция, Англия, Австрия и Голландия — были поглощены подготовкой к войне за испанское наследство и не могли вмешаться в борьбу на Балтике. В то же время у России оказывались естественные союзники — Польша, не желавшая примириться с потерей Лифляндии, перешедшей к Швеции по Оливскому миру, Дания, у которой Швеция отняла южную часть Скандинавского полуострова, Пруссия и Саксония, правители которых надеялись урвать кое-что из шведских владений на континенте Европы.

Переговоры о создании коалиции этих государств, направленной против Швеции, велись при живейшем участии известного лифляндского авантюриста Паткуля, мечтавшего оторвать Ливонию от Швеции. К коалиции хотели привлечь Россию, получив от нее деньги и пехоту, которая, по словам Паткуля, «очень способна работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества» (Августа II). Вместе с тем предполагалось принять меры к тому, «чтобы этот могущественный союзник не выхватил из-под носа жаркое и не шел дальше Нарвы и Чудского озера».

3 августа 1698 г. в Раве Петр заключил словесное соглашение с королем польским Августом II об общих действиях против Швеции. Вслед за этим в 1699 г. Петр подписал в Преображенском, под Москвой, формальные письменные договоры с Данией и с тем же Августом II как курфюрстом саксонским о союзе против Швеции. При этом Август II обязался содействовать уже официальному привлечению Речи Посполитой к этому союзу. Договоры с Данией и Августом II были

первыми русскими дипломатическими актами, имевшими личную подпись царя. До этого договоры скреплялись подписями русских послов и государственной печатью. Одновременно с заключением этих договоров, чтобы устранить подозрения шведов, Петр подтвердил Кардисский договор, отказавшись, впрочем, принести клятву на кресте.

После того как была сформирована антишведская коалиция в составе России, Саксонии и Дании, Петр принял все меры, чтобы ускорить заключение мира с Турцией и развязать себе руки для действий против Швеции. Миссия дьяка Украинцева в Константинополе, поддержанная внушительной демонстрацией русского флота, увенчалась полным успехом: по Константинопольскому договору с Турцией (1700 г.) Россия получила Азов с прилегающими землями, а несовместимая с достоинством суверенного государства ежегодная «дача» крымскому хану отменялась.

19 августа 1700 г. на другой день после получения Петром известия о заключении мира с Портой, Россия объявила войну Швеции. Между тем по случайному стечению обстоятельств в тот самый день, когда в Москве узнали о мире с Портой, один из участников антишведской коалиции — Дания под нажимом шведов, энергично поддержанных англо-голландским флотом, оказалась вынужденной выйти из войны и заключить сепаратный мир в Травендале. В союзе с Россией теперь оставался лишь Август II как курфюрст саксонский. Вскоре положение России еще более осложнилось вследствие поражения под Нарвой. Однако после этого Карл XII надолго «увяз» в Польше, преследуя войска Августа II. Это позволило русской армии оправиться от поражения и развернуть активные действия против шведов на побережье Финского залива. Скоро значительный участок побережья был отвоеван, и в мае 1703 г. здесь был заложен Петербург. Одновременно русская дипломатия стремилась удержать от заключения мира Августа II и привлечь в союз Речь Посполитую. Несмотря на военную и финансовую поддержку со стороны России, Август II терпел поражения от шведов, потерял Варшаву и в июле 1704 г. был объявлен низложенным с польского престола. На его место сейм под угрозой шведских штыков провозгласил королем Станислава Лещинского. Такое прямое вмешательство шведов в польские дела, а также успехи русских войск, овладевших Нарвой, содействовали заключению в августе 1704 г. союзного договора между Россией и Речью Посполитой. Это, однако, не приостановило военных успехов Карла XII. Вскоре вся Польша была занята шведскими войсками. Август II капитулировал, отказавшись по Альтранштадтскому мирному договору 1706 г. от польской

короны и от союза с Россией, которая отныне оставалась в войне один на один с Швецией.

Сложившаяся грозная для России обстановка, когда приходилось ожидать вторжения многочисленной, окруженной ореолом непобедимости армии Карла XII, заставляла русское правительство попытаться заручиться благожелательным посредничеством сильных европейских держав для заключения мира с Швецией на условиях сохранения за Россией отвоеванного у шведов выхода к Балтийскому морю. Для переговоров о таком посредничестве «морских держав» — Англии и Голландии — в конце 1706 г. в Лондон был отправлен А. А. Матвеев. Петр готов был в свою очередь оказать существенные услуги «морским державам», предоставив им помощь людьми или даже выступив на их стороне в войне за испанское наследство, которую они вели против Франции. Однако в силы России в Западной Европе в то время не верили и не желали принять на себя посредничество из опасения вызвать этим неудовольствие Карла XII. Английские министры умышленно затягивали переговоры, оказавшись, по выражению Матвеева, «в тонкости и пронырствах субтильнее самих французов». Матвееву пришлось уехать из Лондона, не добившись успеха. Усилия русского правительства добиться посредничества не дали результата. Приходилось смотреть в глаза суровой необходимости принять удар шведов, находясь в одиночестве.

Наряду с военными мерами по подготовке к решительному столкновению Петр предпринимал дипломатические шаги, имевшие целью осложнить положение Швеции. Он оказывал всяческую поддержку противникам Лещинского в Польше, провел внушительную военно-морскую демонстрацию на Азовском море, добившись от турецкого правительства заверения о невмешательстве. Крымский хан получил из Константинополя приказ, запрещавший ему оказывать помощь шведам и Мазепе. В результате в решающем сражении под Полтавой 8 июля 1709 г. Карл XII не получил поддержки ни от Станислава Лещинского, ни от татар, ни от турок.

Блестящая Полтавская «виктория» перевернула всю политическую обстановку, изменила положение России среди европейских держав. В огромной мере выросло значение России, изменилось отношение к русским дипломатам. Август II был восстановлен на польском престоле, Дания вновь вступила в антишведскую коалицию. В 1714 г. к этой коалиции присоединилась Пруссия, а в 1715 г. — Ганновер. Союз с Ганновером имел особое значение, поскольку ганноверский курфюрст являлся одновременно королем Англии.

Таким образом, Северная война приобретала общеевропейское значение. Теперь многие хотели получить свою долю в

наследии разгромленной Шведской империи. Вместе с тем отдельные государства ставили вопрос о сохранении европейского равновесия. Усиление России наталкивалось на враждебное отношение со стороны ряда держав. Англия и Голландия не желали допускать «чрезмерного» усиления России в Прибалтике, видя в этом усилении угрозу своим интересам. Обе державы стремились путем дипломатических интриг помешать расширению антишведской коалиции. Франция, занятая войной за испанское наследство, не могла активно вмешаться в дела Северной Европы; тем не менее, стремясь не допустить разгрома Швеции и усиления влияния России, она побуждала к выступлению против России Турцию, которая и без того была встревожена победами русского оружия.

В октябре 1710 г. турецкое правительство объявило России войну, требуя возвращения Азова. После неудачных попыток найти в Европе союзников против турок, Петр прибег к тому средству, которое намечалось уже в XVII в. Он повел агитацию среди угнетенного христианского населения Турецкой империи и заключил договоры с христианскими вассалами султана — с молдавским и валашским господарями. Прутский поход закончился неудачей, но благодаря стойкости русских войск и дипломатическому искусству вице-канцлера П. П. Шафирова удалось добиться от турок сравнительно легких условий мира. Ценой возврата Азова и других приобретений 1700 г. Петр обеспечил себе тыл в дальнейшей борьбе с Швецией.

Северная война, перекинувшись на территорию Германии, приобретала все более широкие размеры. Ввод русских войск в Померанию и проект десанта в Швеции через Данию встревожили Англию. В выходивших в Англии политических памфлетах резко критиковалась политика правительства, которое не выполнило своих обязательств в отношении Карла XII. Английская дипломатия пустила в ход все средства. До сведения Петра было доведено, что Англия не допустит разгрома Швеции. Интригами Англии в значительной мере объясняется отсутствие единства в действиях союзников, среди которых из английских источников распространялись слухи о широких завоевательных планах Петра в Европе. «Болтаемся туне», — жаловался Петр. Он сравнивал участников антишведской коалиции с запряженными в карету молодыми лошадьми, которые не умеют идти в ногу.

При натянутых отношениях с Англией Петру естественно было искать союза с Францией, тем более, что после смерти Людовика XIV наметилось временное сближение Франции с Англией на основе отказа французского регента от поддержки притязаний Стюартов на английский трон. Это сближение могло оказаться опасным для России. Чтобы добиться союза с Фран-

цией, Петр в 1717 г. лично отправился в Париж. Результатом этой поездки был Амстердамский договор между Россией, Францией и Пруссией. По этому соглашению участвовавшие в нем державы заключили оборонительный союз, предусматривавший взаимную гарантию владений. Французское правительство обязалось прекратить финансовую помощь, которую оно до этого оказывало Швеции. Помимо пунктов об обоюдной гарантии, договор предусматривал возможность посредничества Франции в целях примирения России и Швеции. Амстердамский договор подготовил почву для дальнейших переговоров. В 1718 г. на Аландских островах открылись мирные переговоры между русскими и шведскими уполномоченными — так называемый Аландский конгресс. На конгрессе намечалось установление не только мира, но и союза между Россией и Швецией. Однако вследствие смерти Карла XII эти переговоры были прерваны и война продолжалась. В эти последние годы Северной войны Англия заняла крайне враждебную позицию по отношению к России, стремясь сколотить против нее широкую коалицию и лишить плодов победы над Швецией. При участии английской дипломатии Северный союз держав, боровшихся против Швеции, был расколот. Дания, Пруссия и Ганновер заключили сепаратные договоры с Швецией, Август II, дважды получавший польскую корону из рук Петра, перешел в лагерь ожесточенных противников России. Одновременно английская дипломатия развернула бешеную деятельность в Константинополе, чтобы вновь толкнуть Турцию на выступление против России. Наконец, в Вене 5 января 1719 г. между Австрией, Саксонией и Ганновером, за спиной которого стояла Англия, был заключен союз, острием своим направленный против России. Английское правительство не остановилось и перед тем, чтобы вступить в открытый союз с Швецией, и английский флот трижды — в 1719, 1720 и 1721 гг. приходил в Балтийское море, имея задание неожиданным нападением уничтожить русский Балтийский флот. Только большая выдержка и осторожность, проявленные с русской стороны, помогли избежать военного столкновения с Англией в эти годы, и в результате английский флот не смог выполнить свою задачу и оказать эффективную помощь Швеции.

Желая удержать Англию от развязывания войны, русское правительство в свою очередь использовало различные средства, начиная от заинтересованности английского купечества в торговле с Россией и кончая переговорами с Испанией о наступательном союзе против Англии с целью свержения ганноверской династии и восстановления Стюартов. Одновременно в качестве дополнительного средства давления на Англию русская

дипломатия использовала переговоры с представителями Стюартов, которые неоднократно обращались к Петру I за помощью.

На последнем этапе Северной войны дело установления мира между Россией и Швецией пытались взять в свои руки, под видом посредничества, и Англия, и Франция, и Австрия. Однако русское правительство теперь твердо держало курс на прямые переговоры с Швецией без посредников.

Чтобы заставить Швецию согласиться на мир, русское правительство, наряду с военным давлением, прибегло к мерам политического воздействия, демонстрируя свою готовность поддержать претендента на шведский престол — племянника Карла XII герцога Голштинского. В 1721 г. герцог по приглашению Петра приехал в Петербург, где с ним велись переговоры о браке с дочерью царя.

Настойчивость и твердость дипломатии Петра, ее умелые действия, усилия русской армии и флота, исключительно тяжелое военное и экономическое положение Швеции, терпевшей непрерывные поражения, — все это заставило шведское правительство принять условия мира, которые с русской стороны на протяжении ряда лет оставались в основном неизменными. По Ништадтскому мирному договору 1721 г. Ингрия, часть Карелии с Выборгом, Лифляндия и Эстляндия были закреплены за Россией. Имея в виду превращение Швеции из противника в союзника России, Петр проявил известную умеренность, возвратив Швеции завоеванную русскими войсками Финляндию, а также Аландские острова. Ништадтский мир зафиксировал изменение соотношения сил в Европе и прежде всего на Балтийском море. Могущество Швеции, тяготевшее над Европой со времени Тридцатилетней войны, пало. Россия стала морской державой. Она вошла в семью великих держав Европы «как спущенный корабль — при стуке топора и громе пушек». «Мы, — говорил Петр, — от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают».

Вместе с тем Ништадтский мир открыл для России возможность добрососедских отношений со Швецией. Более того, в 1724 г. между Россией и Швецией был заключен союзный договор. Таким образом, борьба за прочный выход к Балтийскому морю, которую Россия вела с конца XV в., завершилась успехом. «Войну шведскую, — писал Маркс, — с точки зрения как ее целей, так и результатов и продолжительности, мы можем справедливо назвать основной войной Петра Великого» [1]. «Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское море не могли открыть Петру этот прямой выход в Европу» [2]. Благодаря завоеванию

[1] *K. Marx*, Secret Diplomatic History of the XVIII century, p. 90.
[2] Ibidem.

Прибалтики России «было обеспечено преобладание над соседними северными государствами, так как она вступила в непосредственный и постоянный контакт со всеми пунктами Европы, таким образом была заложена основа для материальных связей с морскими державами. Благодаря этому завоеванию морские державы стали зависеть от России в области снабжения материалами для кораблестроения».

Стержнем всей внешнеполитической деятельности Петра была Северная война, борьба за выход к Балтийскому морю, однако он уделял внимание и другим направлениям внешней политики. В частности, Петр проявлял большой интерес к Средней Азии, через которую шел транзитный путь в Индию. К 1716—1717 гг. относится экспедиция А. Бековича-Черкасского, задачей которого было «хивинского хана склонить к верности и подданству», а также разузнать, нельзя ли и бухарского хана «хотя не в подданство... но в дружбу привести». Экспедиция закончилась неудачей, большинство ее участников погибло.

Едва освободившись от Северной войны, Петр почти немедленно перешел к выполнению новой внешнеполитической задачи — к походу на Персию. Тут, как и в Турции, он опирался на поддержку и сочувствие христианских подданных шаха. Карталинский (грузинский) царь Вахтанг перешел на сторону России; одновременно и армянский католикос обратился к Петру от имени армянского народа за помощью. В переходе под покровительство России народы Закавказья, и прежде всего грузины и армяне, видели единственную возможность освободиться от гнета Персии и найти защиту от истребительных нашествий турок.

Начатые летом 1722 г. действия русских вооруженных сил на Каспийском побережье привели к занятию Дербента, Баку, Энзели и Решта. Правительство шаха Тахмаспа, учитывая нависшую в то время смертельную опасность национальной независимости Персии со стороны афганцев и турок, заключило с Россией 12 сентября 1723 г. Петербургский союзный договор, по которому к России отходило все западное и южное побережье Каспийского моря — провинции Дагестан, Ширван, Гилян, Мазандеран и Астрабад. Однако такое расширение владений России в прикаспийских землях вызвало резкое обострение отношений между Россией и Турцией, которую подстрекали против России Англия, Франция и Венеция. Турецкие войска были двинуты в Закавказье, и Карталинское царство вынуждено было признать верховенство султана. Тем не менее разграничение, произведенное в 1724 г. между Россией, Персией и Турцией, закрепило за Россией большую часть ее завоеваний.

Таковы были в основном итоги внешней политики Петра I.

«Этот действительно великий человек, — пишет Энгельс, — ...первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии» [1].

Провозглашение Петра I императором 22 октября 1721 г. было внешним выражением достигнутых в его царствование международных успехов России. Акт этот не сразу был признан европейской дипломатией. При жизни Петра только Голландия и Швеция официально признали этот титул.

Дипломатические учреждения и методы дипломатической работы при Петре I

Усложнение и расширение внешнеполитической деятельности при Петре I потребовало реорганизации учреждения, ведавшего международными сношениями, и создания новых дипломатических кадров. Русские дипломаты, полученные Петром I в наследство от его предшественников, уже не были пригодны для новых задач внешней политики, выдвинутых сложной международной обстановкой начала XVIII в. При Петре вся дипломатическая служба была реорганизована с учетом западноевропейских образцов. В иностранных государствах создаются постоянные дипломатические миссии, отсутствие которых давало себя так сильно чувствовать еще в XVII в. Уже в 1699 г. в Голландию был послан А. А. Матвеев в звании «чрезвычайного и полномочного посла», в 1701 г. был назначен «министр» в Вену и т. д. Одновременно в важнейших европейских и некоторых внеевропейских странах появляются русские консулы для охраны торговых интересов России. С другой стороны, и при царском дворе с конца XVII в. возникают постоянные иноземные представительства. Петр с большой настойчивостью проводил принцип неприкосновенности личности послов, когда дело шло о представителях его страны. Большой шум наделал в 1708 г. случай с русским послом в Англии А. А. Матвеевым, который был арестован за долги, причем подвергся оскорблениям и даже побоям. Этот инцидент вызвал сильное волнение среди всего дипломатического корпуса в Лондоне, увидевшего в оскорблении русского посла нарушение международного посольского права. Матвеев был освобожден. Пострадавшего посетили все «до единого иностранные министры, содрогаясь о таком афронте, от века не слыханном и нигде в историях... бесприкладном». Английское правительство надеялось загладить инцидент, предложив Матвееву крупный денежный подарок, однако русский посол решительно отказался от подарка, за-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 12.

явив, что в его лице нанесено оскорбление самому царю. Чтобы подчеркнуть значение инцидента и свое недовольство, Матвеев вопреки просьбам английских министров потребовал паспорта и уехал в Голландию без отпускной королевской грамоты, отказавшись принять обычный подарок от королевы и не желая вступить на предоставленную ему для отъезда яхту.

Опасаясь ответных репрессий со стороны русского правительства по отношению к английским подданным в России, английское правительство предложило своему посланнику Витворту не жалеть ни усилий, ни расходов на урегулирование этого инцидента. Королева Анна выразила сожаление по поводу случившегося. Петр потребовал смертной казни для лиц, нанесших оскорбления его послу. Виновные, действительно, были привлечены к ответственности. На очередной сессии парламента поступок против Матвеева был признан преступлением «как перед английскими законами, так и перед международным правом, на коем основывается привилегия посланников». Внесен был специальный законопроект «о сохранении привилегий послов и публичных министров»; он уточнил ряд вопросов, связанных с посольской неприкосновенностью. В выработке текста закона принял участие и дипломатический корпус. Хотя смертная казнь к виновникам оскорбления русского посла не была применена, но английское правительство снарядило специально чрезвычайное посольство к Петру I с извинениями. При этом в грамоте королевы Анны Петр I именовался «цесарем», т. е. императором, и поэтому было решено, что и впредь английское правительство будет употреблять этот титул при обращении к царю. Посольство было принято с исключительной торжественностью, и Петр, «принимая на вид внимание нации, выраженное в парламентском акте, а также честь, оказанную ему королевой настоящим посольством», не настаивал на своем требовании. Таким образом, данный инцидент благодаря энергичному вмешательству Петра послужил поводом для законодательного оформления посольского права.

Сам Петр, однако, иногда прибегал к крайним мерам в отношении иностранных представителей, допускавших вмешательство во внутренние дела России. В 1718 г. он арестовал голландского резидента в Петербурге Деби, который обвинялся в посылке лживых, неблагоприятных для России донесений своему правительству и в подозрительных сношениях с подданными царя; к послу был приставлен караул, у него были отобраны все бумаги, сам царь подверг его допросу. Петр потребовал от Голландских штатов его отзыва.

Старый Посольский приказ уже не удовлетворял новым потребностям государства в работоспособном органе внешнеполитических сношений. Уже в начале XVIII в. рядом с ним возни-

кает при Петре «походная Посольская канцелярия», к которой постепенно переходят все функции Приказа. В 1716 г. в Посольской канцелярии был введен коллегиальный порядок решения дел, и она сама была переименована в «Посольскую коллегию». Наконец, в 1720 г. была образована особая Коллегия иностранных дел, которая сменила старый Посольский приказ. Во главе коллегии были поставлены канцлер граф Г. И. Головкин и подканцлер П. П. Шафиров. При них были «канцелярии советники» А. И. Остерман, который впоследствии выдвинулся на первый план на дипломатическом поприще, и В. Степанов. На их обязанности лежало «сочинять грамоты к чужестранным государям, рескрипты к министрам, резолюции, декларации и прочие бумаги великой важности и тайны». Работа коллегии шла под непосредственным контролем и нередко при участии самого царя. При обсуждении особо важных «государственных тайных дел» он «высокой особой присутствовать в коллегии изволит».

При перестройке органа внешних сношений происходило своеобразное сочетание европейских порядков с порядками и обычаями, сложившимися в русской дипломатии в предшествующий период. В частности, большое внимание по-прежнему уделялось охранению чести государя. Из иностранной практики черпались в первую очередь соответствующие стороны этикета. «Русские, — писал в 1710 г. датский посланник Юль, — не отрешаются ни от одного из старых русских обычаев, которые могут служить им к возвеличению, и в настоящее время изучают чужие обычаи, пригодные для такого поддержания и умножения их достоинства и чести». Иностранные послы обижались на то, что русские официальные лица никогда не делали первыми визитов. В отношении церемониала дипломаты Петра I нередко были так же придирчивы, как и дипломаты его отца. При подписании русско-датского договора в 1710 г. возник спор, в какой очереди должны быть размещены подписи уполномоченных. Датский уполномоченный соглашался, чтобы в русском экземпляре на первом месте стояли подписи русских уполномоченных, но требовал, чтобы в датском на первом были подписи датских. Русские министры уступили, но прибегли к следующей уловке: канцлер подписался и приложил свою печать на последнем месте, выше его подписался подканцлер, а на первом месте — датский посланник; «этим русские хотели намекнуть, что последнее место они считают первым и обратно». Любопытный случай местничества произошел при пожаловании Меншикову датского ордена Слона. Датский посланник предварительно взял с Меншикова обязательство отдавать предпочтение этому ордену перед всеми остальными, не исключая ордена Андрея Первозванного. Меншиков схитрил и

стал носить оба ордена попеременно. Даже сам Петр не отрешился еще от старинных понятий чести. При приеме иностранных послов он не имел при себе «ни шляпы, ни другого чего, чем покрыть голову», очевидно, чтобы не снимать шляпы при произнесении чужого титула. Стоял царь под балдахином у самого края, не оставляя для посла места около себя. Все эти ухищрения, к которым прибегали еще в первое десятилетие XVIII в., были лишь пережитками прошлого, чуждыми деятельной натуре Петра, который тяготился ими и скоро совсем от них отказался. Что касается иностранных послов, то с ними обращались порой не с тем уважением, какого требовал царь в отношении собственных послов. До приезда в столицу их окружали по-прежнему самым бдительным и придирчивым надзором, их служителей не выпускали со двора, а сами послы могли выходить лишь с разрешения местного коменданта.

Не сразу выработалось и необходимое для ведения широкой политики дипломатическое умение. Очень неодобрительно отзывались в 1708 г. министры Людовика XIV о русских послах, приезжавших во Францию, которые, по их словам, «ничего не искали к пользе государя своего у короля и только делали гордые запросы». Характерна, однако, большая осторожность русских дипломатов: они редко соглашались давать ответы в письменной форме, не желая связать себя этим. Дипломатические приемы в некоторых отношениях напоминали приемы, существовавшие в XVII в. В 1710 г. царские министры требовали, чтобы Юль представил им зашифрованное полномочие с переводом на обороте; когда он отказался на том основании, что это значило бы выдать ключ к шифру, ему с деланным простодушием отвечали, «что особенной беды в этом не было бы, так как между царем и королем датским не должно существовать никаких тайн».

Таковы были кадры, с которыми Петр начинал свою дипломатическую работу в совершенно новых по обширности и смелости масштабах. Тем более поражают те быстрые успехи, которые делает молодая петровская дипломатия. Ко второй половине царствования Петра уже вырастает новое поколение умелых и тонких дипломатов, которые отлично ориентировались в международных отношениях и действовали и с большой ловкостью, и с незаурядным тактом.

Выдающимся дипломатом этого времени, умело и с достоинством защищавшим интересы России, был Б. И. Куракин, долгое время занимавший пост посла в Голландии, неоднократно выполнявший важнейшие поручения Петра I в Англии, Ганновере, Франции, на Утрехтском конгрессе. Куракин по существу являлся как бы заместителем канцлера за границей.

К нему писали и по его «совету» действовали русские представители в других странах Европы.

Талантливым сотрудником Петра на дипломатическом поприще был умный и твердый П. А. Толстой, ряд лет отстаивавший интересы России на трудном и даже опасном посту посла в Турции, добившийся возвращения в Россию из австрийских владений царевича Алексея и ездивший в 1719 г. в Берлин со специальной миссией — удержать прусского короля от заключения сепаратного мира со Швецией и союза с Англией.

Из других русских дипломатов времен Петра следует отметить Г. И. Головкина, А. А. Матвеева, В. Л. Долгорукого, уже упоминавшегося А. И. Остермана и П. П. Шафирова.

Русская дипломатия в этот период сделала поразительные успехи. Инструкция, данная Петром в 1718 г. уполномоченным на Аландском конгрессе, является, несомненно, образцом дипломатического такта и искусства. Петр предлагает «шведских уполномоченных глубже в негоциацию ввести... и весьма ласково с ними обращаться». В основу переговоров должно быть положено стремление «не только со Швециею мир заключить, но и обязаться дружбой». «Когда, — писал Петр в особой инструкции Остерману, — между обеими державами прежняя вражда и зависть исчезнет, а вечная дружба установится, то не только можем себя от других обезопасить, но и баланс в Европе содержать». Поэтому царь считал нужным предложить приемлемые для Швеции условия. «Мы знаем, — писал он Остерману, — что хотя бы мы через оружие свое и привели короля шведского к уступке всего нами завоеванного, то Швеция всегда будет искать возможности возвратить себе потерянное, и таким образом война не пресечется. Поэтому мы предлагаем следующий способ к искоренению всех ссор: если король уступит нам провинции, которые теперь за нами (кроме Финляндии), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери в другом месте, где ему нужно». Наконец, Петр проводит мысль о единстве интересов всех союзников, воюющих против Швеции. Поэтому он отказывается от сепаратного заключения мира: «Если нам о прусском и польском королях не поставить условий, то этот мир будет на слабом основании, ибо нам нельзя их оставить в войне».

По стопам Петра шли и его помощники на поприще дипломатии. Записка, поданная М. П. Бестужевым-Рюминым в 1720 г. по поводу английского проекта «медиации» (посредничества), является образцом отчетливости мысли и здравого смысла. Шаг за шагом Бестужев распутывает нити английских интриг. Будучи посланником в Швеции, тот же Бестужев не только глубоко вникал в современное состояние страны, в ко-

торой он был аккредитован, но и изучал ее историю. Прежняя «грубость» отошла в область преданий. Когда английский государственный секретарь Стенгоп в резкой форме сообщил в 1720 г. русскому представителю Ф. П. Веселовскому о заключенном Англией союзе со Швецией, Веселовский промолчал, «ибо, — писал он, — если бы я хотя бы несколько слов сказал не по нем, то без противности не разошлись бы, потому что зело запальчивый человек».

С расширением сферы дипломатической деятельности функции русских дипломатов при Петре чрезвычайно усложнились. На них лежала, между прочим, литературная борьба с вредными для России политическими настроениями за границей. Когда в Гаагу пришло известие о Нарвском поражении, русский посол Матвеев составил и подал Штатам мемориал, долженствовавший рассеять дурное впечатление, произведенное этим известием; шведский посол был вынужден заказать опровержение. Позже князь Куракин должен был в Гааге наблюдать, чтобы в газетах не печаталось ничего предосудительного для России, и опровергать печатаемое; он даже жаловался на «газетеров» голландскому правительству. В 1711 г. Волков, будучи во Франции, рекомендовал «курантельщика (редактора газеты) чем-нибудь приласкать, чтобы принимал и печатал добрые о нас ведомости». Петр широко практиковал различные виды информации иностранных государств о своей внешней политике. Эту цель преследовало составленное П. П. Шафировым «Рассуждение» о «законных причинах» войны со Швецией, опубликованное в 1717 г. и являвшееся первым русским сочинением по международному праву. Принимались и другие меры для воздействия на европейское общественное мнение. Матвеев в Гааге «на каждую неделю уставил быть в своем доме собрания всем здешним первым господам и госпожам, для собрания и забавы картами и иных утех», чтобы «лучший способ к пользе и воле монаршей учинить». В целях лучшей ориентации русских представителей за границей по указанию правительства с 1707 г. была введена взаимная информация ими друг друга о важнейших военных и политических событиях, переговорах и т. д.

С большим мастерством использовала петровская дипломатия те внутренние противоречия, которые имелись в неприятельских странах с целью воздействия на их политику.

Русские дипломаты обращали на пользу интересам своей страны имевшуюся у них информацию и те дружественные связи, которые им удавалось налаживать с видными представителями правящих кругов отдельных государств. Так, в 1703 г. П. А. Толстой, будучи послом в Турции, сообщил султану через его мать об изменнических действиях визиря, сумевшего раз-

жечь восстание крымских татар против султана. В результате визирь, враждебно настроенный по отношению к России, не только был лишен своего поста, но и казнен. При Петре, как и при его предшественнике, ценную информацию о положении в Турции, о планах и намерениях турецкого правительства по отношению к России доставляли изнывавшие под турецким игом христиане, которые издавна тянулись к России, связывая с ней надежды на свое освобождение. В частности, важную информацию получало русское правительство через племянника константинопольского патриарха. Наряду с этим русские представители в Константинополе получали секретную информацию и через тайных агентов при турецком дворе и в посольствах других стран. В 1719—1720 гг. русский посланник Дашков получал подробные сведения о секретнейших беседах визиря с послами Англии и Австрии, что позволяло ему противодействовать усилиям этих послов вызвать возобновление войны между Россией и Турцией. В последние годы Северной войны русское правительство из донесений своих тайных агентов было хорошо осведомлено о внутреннем положении Швеции, состоянии ее экономики, численности, вооружении и снаряжении ее армии и флота, о разногласиях в шведских правящих кругах. После окончания войны русская дипломатия поддерживала в Швеции партию «патриотов». Особенно сложную и тяжелую борьбу на последнем этапе Северной войны вела русская дипломатия с наиболее опасной для России державой — Англией. Русский резидент в Лондоне Ф. П. Веселовский доказывал англичанам, что их правительство, проводя резко враждебную России политику, руководствуется интересами не Англии, а личными интересами короля Георга I и его фамильного владения — Ганновера. Чтобы удержать Георга I и английское правительство от выступления против России, в Петербурге некоторое время поддерживали сношения с претендентом на британский престол Яковом Стюартом и его сторонниками — якобитами. Однако при этом русское правительство избегало каких бы то ни было конкретных обещаний и обязательств по отношению к якобитам.

Одним из основных «каналов», через которые производилось воздействие на политику иностранных государств, были подкупы, посредством которых нередко получали ценную политическую информацию. При заключении мирного договора с Турцией в 1711 г. оказалось нужным дать большие взятки не только визирю, но и муфтию (главе мусульманского духовенства), а позднее, при подтверждении этого договора, также английскому и голландскому послам; в 1720 г. для достижения «вечного мира» с Турцией, кроме турецких сановников, пришлось делать подарки французскому послу и его жене.

Взятки считались необходимыми не только в Константинополе. В 1701 г. посланник при венском дворе князь П. А. Голицын жаловался на недостаток средств для подкупов, ибо «не так мужья, как жены министров бесстыдно берут». «Сами знаете, каков здешний двор и как министры здешние избалованы подарками других потентатов (государей)», — писал он в 1703 г. В 1706 г. Матвееву, который отправлялся в Англию в качестве посла, было поручено склонить на русскую сторону всемогущего в то время герцога Мальборо, хотя Петр и сомневался в успехе, «понеже через меру богат, однако ж обещать тысяч около 200 или больше». Мальборо запросил княжество в России. Петр был в то время настолько заинтересован в союзе с Англией или в ее благожелательном посредничестве между Россией и Швецией, что согласился было дать герцогу на выбор Киевское, Владимирское или Сибирское княжество с ежегодным доходом в 50 тысяч ефимков, самый большой в мире камень рубин и орден Андрея Первозванного. Из этой сделки впрочем ничего не вышло.

К тем же приемам прибегали и иностранные правительства в России. Особенно обвинялся во взяточничестве подканцлер Петра I, умный, но жадный до денег Шафиров.

Петр I как дипломат

Петр крепко держал в своих руках все нити русской дипломатии. Он лично участвовал во всех переговорах, выполняя зачастую функции и посла и министра иностранных дел. Он дважды ездил за границу с дипломатическими целями и лично заключал такие важные договоры, как соглашение в Раве (1698 г.) и договор в Амстердаме (1717 г.). У себя на родине царь непосредственно сносился с иностранными послами и беседовал с ними запросто, в домашней обстановке, — это был самый верный, а иногда и единственный способ довести то или иное дело до конца. Царя часто надо было «отыскивать на пирах и там исполнять свои поручения». «Я воспользовался нынешним обедом, — рассказывает Юль, — за которым сидел с ним рядом, чтобы согласно приказанию моего государя и короля переговорить с ним о разных вещах; во время этой беседы царь весьма благосклонно и охотно слушал меня и отвечал на все, что я ему говорил». При содействии царских денщиков можно было видеть царя и дома, где тот же Юль раз застал его «неодетым, в кожаном, как у ремесленников, фартуке, сидящим за токарным станком». Петр терпеть не мог никаких официальностей. Не без юмора повествует Юль о тайной аудиенции, которую он испросил у царя через канцлера. Аудиенция была назначена на адмиралтейской верфи. Посланник поспешил в назначенное место в расчете, что царь примет его в каком-нибудь доме и выслушает. Когда Петр подъезжал в шлюпке к берегу, Юль спустил-

ся к нему навстречу. Царь тут же начал очень громко говорить с ним о государственных делах, так что все окружающие могли слышать. Юль стал просить выслушать его наедине, но Петр приказал сказать прямо, в чем его поручение, а когда посланник заговорил шепотом, то он отвечал нарочито громко. «Тем и окончилась эта испрошенная мною частная аудиенция, от которой царь таким образом отделался, чтобы не слышать того, чего слушать не хотел».

У Петра были свои принципы международной политики. Обычным его правилом была политическая добросовестность и верность обязательствам. «Лучше можно видеть, — писал он, — что мы от союзников оставлены будем, нежели мы их оставим, ибо гонор пароля (честь данного слова) дражае всего есть».

Сила внешней политики Петра заключалась также в том, что он не разбрасывался на несколько проблем, а сосредоточивался на одной; этой одной проблеме он и подчинял все усилия своей дипломатии, отказываясь от выполнения других, раз они не стояли на первой очереди. Так, польский вопрос для Петра существовал только в рамках Северной войны. Единственный раз Петру пришлось против воли уклониться от этого основного принципа его внешней политики, — это было в 1711 г., во время навязанной ему войны с Турцией. Этим отличается внешняя политика Петра I от колеблющейся и противоречивой политики его предшественников. Такой твердости в проведении определенной линии не было и в политике его ближайших преемников.

Внешняя политика России в период 1726—1755 гг.

Из трех основных задач, которые стояли перед Россией в XVII в., одна, шведская, была в основном разрешена при Петре I. Оставались две другие — польская и турецкая. Они и являлись стержневыми вопросами русской внешней политики в течение всего XVIII в. Наряду с этим вопрос «европейского баланса» (равновесия) и стремление играть крупную роль в общеевропейских делах и поддерживать международный престиж, приобретенный Россией при Петре I, определяли ряд других дипломатических мероприятий.

После смерти Петра перед русским правительством встал вопрос, придерживаться ли той линии на сближение с Францией, к которой в 1717 г. склонился Петр. Франция была постоянным покровителем и Польши, и Швеции, и Турции — ясно, что согласие с нею могло бы дать России очень много для решения самых основных задач ее внешней политики, которые были связаны именно с этими тремя странами. Но франко-русский союз оказался неосуществимым из-за отказа французского регента,

Женитьба молодого короля Людовика XV на польской принцессе грозила вызвать осложнения из-за Польши. Франция не желала прекратить и свое покровительство Турции. Раз не удавалось договориться с Францией по польскому и турецкому вопросам — значит с нею предстояла борьба и против нее надо было искать союзника. Англия не мирилась с господством России на Балтике и в мае 1726 г. даже послала туда свою эскадру. К тому же она как раз в эти годы искала сближения со своей соперницей — Францией. Другой державой, которая искони была враждебна Франции, являлась Австрия. Искони же, впрочем, она была союзницей Англии, но как раз в это время между лондонским и венским дворами произошли острые осложнения. В 1725 г. Западная Европа оказалась на некоторое время разделенной на две группировки, никогда ранее не имевшие места: два заклятых врага — испанские Бурбоны и Габсбурги на одной стороне, два других врага: Франция и Англия (и с ними вместе Пруссия) — на другой. Наряду с совпадением позиций России и Австрии по отношению к Франции, обе державы имели единство интересов в Польше, где они хотели удержать за собой решающее влияние и не допустить сколько-нибудь существенного изменения польского государственного строя. Кроме того, у России и Австрии был постоянный общий враг — Турция. Все это, вместе взятое, и прежде всего турецкий вопрос, и привело к тому, что в августе 1726 г. был подписан союзный договор между Россией и Австрией. Австро-русский союз оказался довольно прочной комбинацией: он просуществовал долго и оказывал большое влияние на общеевропейскую обстановку.

После заключения этого союза Франция не упускает случая, чтобы попытаться создать против России коалицию из враждебных ей государств — Швеции, Польши и Турции. Как уже известно, обе группировки столкнулись между собой в 1733 г. в Польше по вопросу о преемнике Августа II. Здесь Австрии и России, которые поддерживали кандидатуру сына Августа II, противостояли выдвигавшие Станислава Лещинского Франция и союзная с ней Швеция. Последняя, правда, уже в конце 1733 г., уступая дипломатическому давлению со стороны России, отказалась открыто поддерживать Лещинского. Хотя Лещинскому и удалось в результате щедрых подкупов получить большинство на сейме в сентябре 1733 г., однако удержаться на престоле он не смог, не имея за собой реальной силы в стране. При поддержке русских войск на польском престоле утвердился Август III — сын умершего короля. Во время конфликта из-за избрания польского короля французская дипломатия производила энергичный нажим на Турцию, чтобы вызвать ее выступление против России. Со своей

стороны правительство Анны Иоанновны ценой возвращения Персии областей, завоеванных Петром I, добилось заключения с могущественным шахом Надиром «вечного мира», который обеспечивал помощь Надира против Порты. В 1735 г. началась тяжелая война в союзе с Австрией против Турции и Крыма. Она закончилась заключенным в 1739 г. при посредничестве Франции Белградским миром, по которому Россия вновь приобрела Азов, без права его укрепления.

Театром другого столкновения с англо-французской союзной системой была Прибалтика, где под влиянием французской дипломатии в 1741 г. против России выступила Швеция. Война закончилась Абоским миром 1743 г., который закрепил и частично расширил условия Ништадтского мира, продвинув границы России до р. Кюмене.

В середине 40-х годов XVIII в. Россия была втянута в войну за австрийское наследство. Как уже говорилось выше, война эта происходила между Австрией и Англией, с одной стороны, и Францией и Пруссией — с другой. В этой войне цели русской дипломатии не были достаточно четкими и определенными. Решительному выступлению предшествовал длительный период колебаний, вызванных столкновением иностранных и местных влияний при петербургском дворе. Последовательную антипрусскую политику вел умный и тонкий дипломат канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Он опасался усиления Пруссии и стоял за союз с Австрией. В 1746 г. оборонительный союз с Австрией был возобновлен. В эти годы наступает и сближение России с Англией. Причиной было обострение англо-французских отношений. В 1747 г. Англия связала Россию «субсидной конвенцией», в силу которой русское правительство обязалось за соответствующую денежную субсидию выставить армейский корпус для защиты ганноверских владений английского королевского дома. Появление русских войск на Рейне в помощь Англии и Австрии ускорило заключение закончившего войну за «австрийское наследство» Аахенского мира 1748 г. В 1750 г. Англия даже присоединилась к австро-русскому союзу, а в 1755 г. ею заключена была на более широких началах новая «субсидная конвенция» с Россией, по которой русское правительство в обмен на значительные субсидии со стороны Англии обязалось держать на лифляндской границе 55 тысяч войск и 40—50 галер для использования в случае нападения на Англию или ее союзников. Однако, заключая эту конвенцию, русское правительство исходило из предположения, что она может быть направлена только против Пруссии. Между тем, Англия в это время уже склонялась к союзу с Пруссией. Все это выяснилось несколько позднее.

Семилетняя война

В 1756 г. политическая обстановка в Западной Европе неожиданно и резко изменилась. Начавшаяся война между Англией и Францией побудила английское правительство заключить соглашение с Пруссией, чтобы гарантировать себе в этой войне помощь со стороны Пруссии (Уайтхоллский договор). Ввиду того что Россия была связана «субсидной конвенцией», английское правительство рассчитывало, что и она будет вынуждена примкнуть к этому соглашению. Выше было сказано о том, что Уайтхоллский договор 1756 г. выявил новую перегруппировку политических сил в Европе. Франция пошла на сближение и союз с Австрией. В Петербурге проявлялись колебания и боролись английское и французское влияния. Наконец, русское правительство заняло совершенно определенную позицию и ввиду опасности, которую представляло для России чрезмерное усиление Пруссии, примкнуло к австро-французскому союзу, «чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным». Намечался раздел Пруссии, одновременно с которым должны были получить разрешение насущные вопросы внешней политики России — турецкий и польский. В конце концов Россия официально присоединилась к австро-французскому оборонительному союзу и субсидная конвенция 1755 г. с Англией не была осуществлена. Однако с Англией дипломатические отношения не были порваны, так как обе стороны дорожили выгодами, которые давала им взаимная торговля. Это открывало широкий простор для британских интриг в Петербурге. Успехи русского оружия в Пруссии приближали Фридриха II к «краю гибели». Он готов был уже отречься от престола, когда смерть Елизаветы в 1762 г. освободила его от самого опасного из врагов.

Не считаясь с государственными интересами, которые привели к вступлению России в антипрусскую коалицию, Петр III и его окружение резко изменили направление внешней политики, заключив с Пруссией не только мир, но и союз. Это, однако, вызвало большое недовольство в русском дворянстве и особенно в гвардии и явилось одной из причин дворцового переворота 28 июня 1762 г., устранившего Петра III и сделавшего Екатерину II императрицей.

Русская дипломатия при преемниках Петра I в борьбе с западноевропейской дипломатией

Недостаток устойчивости во внешней политике России открывал перед иностранными державами возможность вести чрезвычайно бесцеремонные интриги в Петербурге и открыто вмешиваться во внутренние дела Российской империи. Как известно, Елизавета Петровна в 1741 г. была посажена на престол гвардией, при активном содействии французского

посла Шетарди, который надеялся добиться этим путем сближения России с Францией. Шетарди финансировал переворот и первое время пользовался большим влиянием при дворе. Однако он встретил серьезного и умного противника в лице канцлера А. П. Бестужева. Во время отсутствия Шетарди в Петербурге австрийский посол маркиз Ботта-Адорни, воодушевленный успехом своего французского коллеги, повел разговоры среди оппозиционно настроенной части русской знати о возможности восстановления на престоле свергнутого Ивана Антоновича. Чтобы устранить Бестужева, его враги попытались замешать его в этот заговор. Это не удалось. В 1744 г. Шетарди вернулся в Петербург с миссией вовлечь Россию в войну за австрийское наследство на стороне Франции и Пруссии; он открыто заявлял, что намерен свалить канцлера. В союзе с Шетарди была преданная Фридриху II принцесса Ангальт-Цербстская, мать невесты великого князя Петра Федоровича, будущей Екатерины II. Бестужев поступил со свойственной ему решительностью. По его приказанию вся шифрованная переписка Шетарди расшифровывалась профессором математики Академии наук Гольдбахом и немедленно доставлялась канцлеру. Благодаря этому Бестужеву удалось скомпрометировать французского посла и добиться высылки его из России. Позже, в 1756 г., английский посол Чарльз Вильямс разрабатывал с великой княгиней Екатериной Алексеевной план захвата ею власти после смерти Елизаветы Петровны. Расчеты иностранных дипломатов основывались, по-видимому, на той легкости, с какой кучки гвардейцев совершали в России в XVIII в. государственные перевороты.

Русское правительство в этом отношении было менее предприимчиво. Оно позволяло себе вести крупную интригу только в Швеции, где постоянная борьба аристократии с королевской властью открывала такую возможность. Тратились значительные средства для создания среди шведской знати русской партии в противовес другой группировке, которую такими же средствами поддерживало правительство французское. На этом поприще английская дипломатия, в отличие от более раннего времени, в 40-х годах действовала рука об руку с дипломатией русской, принимая значительную часть расходов на счет своего казначейства. В 1740 г., например, русский и английский посланники договорились дать на соответствующие цели по 50 тысяч ефимков. В 1746 г. для подкупа депутатов сейма было ассигновано в Петербурге 20 тысяч рублей; «патриоты», для которых они предназначались, требовали 100 тысяч рублей на содержание стола для «благонамеренных депутатов», но рекомендовали, «чтобы с деньгами поступали осторожно, выдавали не всякому, кто выставит свою благонамеренность на про-

дажу, — давали бы только тем, кто будет рекомендован главами патриотической партии». Шведское правительство официально жаловалось в Петербурге на вмешательство русского посла барона Корфа во внутренние дела Швеции и требовало его отозвания. Из Петербурга отвечали жалобами на действия антирусской партии. В следующем году новый русский посланник Н. И. Панин развернул в письме к русскому канцлеру целую программу действий на случай смерти больного шведского короля. По его словам, перед Россией стоят три задачи: не допускать установления в Швеции самодержавия, низвергнуть настоящее министерство и поставить на места министров добрых «патриотов». Панин предлагал «склонить» на сторону России какого-нибудь влиятельного члена французской партии, но настаивал вместе с тем и на применении вооруженного вмешательства: «раздача же денег никакой пользы не принесет».

Та же система подкупов в сочетании с вооруженным вмешательством практиковалась и в Речи Посполитой и в Курляндии. В этой непрерывавшейся борьбе за влияние в чужих государствах во всей Европе середины XVIII в. широко применялся подкуп не только частных лиц, но и министров. Так, в 1737 г. из Петербурга были посланы богатые подарки гофмейстеру шведского короля Горну; он долго отговаривался, но все-таки принял подарки с большой предосторожностью: чек получил на банк, якобы в уплату за товары, и выдал расписку, а на следующий день русский посланник отвез ему эту расписку обратно.

Очень много денег тратили иностранные правительства на подкупы русских министров и сановников. В 1725 г. французскому послу Кампредону было разрешено его правительством истратить до 60 тысяч червонцев на «гратификации публичные и секретные» всем лицам, которые были полезны для Франции, начиная с всесильного Меншикова, канцлера Головкина, Остермана и др. и кончая приближенными к Екатерине I дамами. Принято было выплачивать регулярно ежегодные пенсии руководителям внешней политики России, и самые выдающиеся государственные деятели той эпохи не гнушались принимать такое вознаграждение сразу от нескольких иностранных дворов. Не без юмора описывает подобный эпизод английский посол Вильямс. «Уже с некоторого времени, — писал он в августе 1756 г., — канцлер (Бестужев) просил меня доставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему здесь дают ежегодно лишь 7000 руб., а на такое жалованье он не может жить по своему положению; что ему известны интересы его отечества, связанные с интересами Англии, и что потому тот, кто служит хорошо России, служит и Англии; таким образом, он может служить королю, не действуя против своей со-

вести и не нанося вреда своему отечеству... Но он страшно удивился, когда я в понедельник сказал ему: «Король жалует вам пожизненную пенсию в 12 000 руб. в год». Он был этим озадачен, он в самом деле не поверил мне. Он меня не благодарил и, при моем уходе, не обратил никакого внимания на свою пенсию». Только после того, как банкир Вольф заверил его в правильности сообщения, канцлер поспешил выразить Вильямсу свою благодарность. «Скажите ему, — велел он передать, — что мы заживем вместе наилучшим образом, что я сделаю все возможное для него».

Все правительства стремились иметь в чужих государствах своих агентов, через которых получались необходимые им сведения. Прибегала к этому средству и русская разведка. Так, при Анне Иоанновне русский посланник в Турции Неплюев имел агента в окружении французского посла и через него получал известия о всех шагах своего соперника. В Швеции в 1747 г. пришлось даже изменить систему канцелярской переписки, потому что русский посланник барон Корф имел возможность узнавать все государственные тайны. В 1726 г. выяснилось, что прусский советник Фербер сообщал в Петербурге об интимных разговорах своего государя; Фербер был казнен.

Более дерзко, чем Россия, использовали тайную агентуру тогдашние ее враги — Англия и Пруссия. В этом смысле они сумели использовать даже будущую императрицу, великую княгиню Екатерину Алексеевну, урожденную немецкую принцессу. Еще мать ее была агентом Фридриха II, пока не была выслана из России по распоряжению императрицы Елизаветы. Английский посол Вильямс сумел найти доступ и к Екатерине как через своего секретаря Станислава Понятовского (будущего польского короля), так и путем крупных займов, предоставляемых ей из средств английского короля. Наконец, одной из характерных черт этого периода является усиление секретной дипломатии, действовавшей помимо официальных представителей и органов, призванных руководить внешней политикой. Так, императрица Елизавета Петровна и французский король Людовик XV находились между собой в тайной переписке без ведома своих министров.

Хитросплетенная паутина дипломатических интриг и путей воздействия на политику соседних стран ярко отражает сложность международной обстановки в Европе накануне французской буржуазной революции 1789 г. Русская дипломатия той эпохи сумела не только закрепить успехи, достигнутые при Петре I, но и играла важную роль в делах Западной Европы. Отсталая по сравнению с Западной Европой Россия XVIII в. менее своих соседей испытывала противоречия между феодализмом и развивающимся капитализмом, которые разди-

рали страны, стоявшие на более высокой ступени экономического развития. Поэтому ее правительство и могло проводить, несмотря на смену лиц на престоле, более решительную политику.

Международным успехам России способствовало и наличие в составе правительства выдающихся дипломатов. Таков был знаменитый Андрей Иванович Остерман, начавший свою карьеру при Петре I в качестве одного из участников мирных переговоров с Швецией; при его ближайшем участии был заключен блестящий Ништадтский мир. Опыт и природные дарования выработали в нем совершенно исключительные дипломатические качества. «Часто, — пишет о нем Манштейн, — иностранные министры в течение двух часов проговорят с ним и по выходе из его кабинета знают не больше того, сколько знали, входя туда. Что он ни писал, что ни говорил, могло пониматься двояко. Тонкий, искусный в притворстве, он умел владеть своими страстями и в случае нужды даже разнежиться до слез. Он никогда не смотрел никому в глаза. Из страха, чтобы глаза не изменили ему, он умел держать их неподвижно». Про Остермана говорили, что у него проявлялась подагра в руке всякий раз, когда надо было подписать опасную бумагу.

Человеком другого типа был А. П. Бестужев-Рюмин, честолюбивый, хитрый, владевший всеми тайнами дипломатических успехов, но далеко не умевший так скрывать свои чувства, как Остерман. Бестужев был создателем определенной политической системы, которую он и проводил последовательно в жизнь; в основу ее он полагал союз России с Австрией для противодействия возраставшему могуществу Пруссии и для наступления на Турцию.

Дипломатия Екатерины II

Если Петр I достиг многого в разрешении балтийской проблемы, то в царствование Екатерины II России удалось добиться крупных успехов в вопросе о продвижении к Черному морю и в деле воссоединения украинских и белорусских земель. Обстановка сложилась к этому времени для России очень благоприятная. «На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России... На юге — турки и их данники, крымские татары, представлявшие собою лишь обломки прежнего величия... бывшая в состоянии полного развала Польша... неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей... За Польшей лежала другая страна, которая, казалось, пришла тогда в состояние безнадежного развала, — Германия. Со времени Тридцатилетней войны Римско-германская империя являлась государством лишь по имени... И в качестве со-

перницы австрийской династии уже начинала наряду с нею постепенно выдвигаться прусская»[1]. «Никогда мировое положение не было более благоприятно для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г... Семилетняя война расколола всю Европу на два лагеря. Англия сломила мощь французов на море, в Америке, в Индии, а затем покинула на произвол судьбы своего континентального союзника, прусского короля Фридриха II. Этот последний стоял на краю гибели в 1762 г...»[2] Такова была международная обстановка, в которой пришлось действовать правительству Екатерины II. Во главе ведомства иностранных дел фактически стоял один из наиболее образованных и умных государственных деятелей того времени — Н. И. Панин. «Самый искусный, самый смышленый, самый ревностный человек при моем дворе», — как писала о нем Екатерина II тотчас по вступлении на престол. Неподкупно честный, Панин, по словам одного английского дипломата, не преследовал «других целей, кроме тех, какие соответствуют пользе и чести его государыни и укреплению в России правительства». «Один из самых любезных людей», на языке которого, если верить его недоброжелателям, не было слова «нет», он в серьезных вопросах твердо и последовательно проводил свою линию.

С первых же шагов большое и активное участие в руководстве внешней политикой принимала сама Екатерина. Ни один большой вопрос не проходил мимо нее, ни одно ответственное решение не принималось без непосредственного ее вмешательства. «Я хочу управлять сама, и пусть знает это Европа!» — говорила она Потемкину. С молодых лет вовлеченная придворными интригами в политику, Екатерина имела уже значительный опыт в деле дипломатии, и свои недюжинные дипломатические способности развила в дальнейшем до совершенства. Обладая большим искусством притворства, она говорила о себе: «Весьма ошибутся те, кто по персональным приемам будет судить о делах». Широко использовала Екатерина фразеологию «просветительной» философии, которой прикрывала свои замыслы. В то же время в дипломатических выступлениях она выставляла себя поборницей национальной политики.

В течение почти 20 лет Екатерина работала рука об руку с Паниным, хотя лично ему не доверяла и не любила его, считая его сторонником ограниченной формы правления. В ноябре 1780 г. Панина сменил «полномочный для всех негоциаций» князь А. А. Безбородко. Даровитый и работоспособный, исполнительный чиновник, владевший отлично даром составлять докладные записки, он был прекрасным исполнителем воли

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 9—11.
[2] Там же, стр. 14.

императрицы. Официально Безбородко занимал должность ее секретаря, но фактически был министром иностранных дел. Занявший место Панина вице-канцлер граф Иван Андреевич Остерман, сын знаменитого отца, сам же полная бездарность, «автомат» и «соломенное чучело, ничего не делающее и не имеющее веса», был «первоприсутствующим» в иностранной коллегии только по имени. Зато непосредственное участие во всех «политических тайнах» принимал в это время Потемкин. Екатерина любила называть Потемкина своим «учеником» в политике, но нередко сама поддавалась его влиянию.

В момент вступления на престол Екатерины II русской дипломатии предстояло в первую очередь принять меры к восстановлению международного престижа России, расшатанного за время правления Петра III выходом из Семилетней войны и резким переходом от союза с Францией и Австрией к союзу с Пруссией. Правительство Екатерины II порвало военный союз с Фридрихом II. Однако оно не нарушило мирного договора с ним. Эта осторожная политика не удовлетворила ни одной из воюющих сторон; тогда Екатерина предложила свое посредничество; оно было отклонено, и Губертсбургский мир 1763 г. между Пруссией, с одной стороны, и Австрией и Саксонией — с другой, был заключен без всякого участия России. В позиции, которую заняла Екатерина в отношении участников Семилетней войны, сказалось новое направление русской внешней политики по сравнению с временем Петра III, а отчасти и императриц Елизаветы Петровны и Анны Иоанновны. Новый внешнеполитический курс заключался в том, чтобы Россия могла «следовать своей собственной системе, согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора». Правительство Екатерины было убеждено, что его престижу и интересам наносился ущерб «от сопряжения дел политической системы нашей империи с другими посторонними державами», которые только искали «пользоваться нами». «Мы систему зависимости нашей от них [дворов версальского и венского] переменим, — заявлял Панин, — и вместо того установим другую беспрепятственного нашего собою в делах действования». «Время всем покажет, — писала Екатерина в начале своего царствования, — что мы ни за кем хвостом не тащимся».

Екатерина все свои усилия направляла к тому, чтобы добиться, наконец, тех целей, которые стояли еще со времен захвата западнорусских и украинских земель Литвою и Польшей, а с эпохи царя Алексея и Петра Великого, можно сказать, не сходили с очереди: воссоединить украинские и белорусские земли, все еще находившиеся под властью Речи Посполитой. Екатерине предстояло также укрепить положение России в

Прибалтике, завоеванное Петром, и добиться того, чего Петру, поглощенному разрешением балтийского вопроса, не удалось сделать: продвинуться к Черному морю. На пути осуществления этой программы кроме Турции и Польши стояла в первую очередь Франция, которую теперь поддерживала Австрия. Вся политическая система Франции в Восточной Европе строилась издавна на Польше, Швеции и Турции. Раньше они использовались против Габсбургов, теперь должны были служить оплотом против возраставшего влияния России. С другой стороны, Франция была заинтересована в том, чтобы не допускать проникновения русского торгового капитала на Ближний Восток в ущерб французской торговле.

Первым по времени в связи со смертью короля Августа III стал на очереди польский вопрос. Екатерина в инструкции своим агентам выдвинула задачу избрания короля, «интересам империи полезного, который бы, кроме нас, ниоткуда никакой надежды в достижении сего достоинства иметь не мог».

На Польшу в это время точил зубы злейший ее враг — Пруссия. Фридрих II замышлял захват польских земель и в особенности Польского Поморья, отделявшего Бранденбург от Восточной Пруссии. Екатерина не одобряла его притязаний, но вынуждена была искать с ним соглашения в польском вопросе, тем более, что иначе Фридрих мог договориться с Францией против России. Пруссия являлась естественным противником Габсбургов. Однако, по словам Энгельса, «этот противник был еще слишком слаб, чтобы обходиться без помощи Франции или России, — особенно России, — так что чем больше он освобождался от вассального отношения к Германской империи, тем вернее он попадал в вассальное отношение к России»[1]. Сближение между Россией и Пруссией вылилось в оборонительный союз, заключенный в апреле 1764 г. в Петербурге. Секретными статьями договора были предусмотрены: денежная субсидия России от Пруссии в случае войны с Турцией, единство действий в Швеции и, наконец, недопущение каких-либо изменений в конституции Польши, так как обе договаривавшиеся державы были заинтересованы в поддержании политической слабости Речи Посполитой. Союз с Пруссией позволял, таким образом, России влиять на польские дела, сдерживать Турцию, «первенствовать на севере» и «играть первую роль в Европе... без больших затрат со стороны России». Этот крупный успех русской дипломатии был первым результатом внешнеполитической программы Панина; назначение его в конце 1764 г. «первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел» знаменовало официальное признание этой программы.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 12.

В 1766 г. был заключен торговый договор с Англией. И в данном случае согласие русского правительства было куплено ценой полного единодушия с ним в польском вопросе, проявленного со стороны Англии. Англию связывали теперь с Россией и более широкие политические соображения, поскольку у них оказался общий противник — Франция. Отсюда единство действий русской и английской дипломатии также и в Швеции, находившейся в союзе с Францией.

В отношении Швеции русская дипломатия совместно с английской держалась приблизительно тех же методов, что и в Польше. Она и тут стремилась искусственно сохранить архаическую форму шведского государственного устройства и поддерживала на сейме англо-русофильскую партию: на создание такой партии оба правительства, русское и английское, тратили по-прежнему очень значительные средства. Большие субсидии выплачивались и шведскому правительству. Этим путем надеялись не допустить возобновления франко-шведского союза. В 1765 г. к этим расходам была привлечена и Дания, ценой уступки ей голштинских владений великого князя Павла Петровича; в договор Панин включил также пункт о помощи в случае войны России с Турцией.

Сепаратные соглашения с отдельными государствами по вопросам североевропейской политики Панин пытался объединить в общую «северную систему». Мысль о такой системе подал еще в 1764 г. русский посол в Дании барон Корф. Проект его заключался в том, чтобы «на севере составить знатный и сильный союз держав» против Франции и ее союзницы Австрии с участием Англии. В состав «северного аккорда» должны были войти Россия, Пруссия и Дания, «в качестве держав активных», и Польша и Швеция — «в качестве держав пассивных»; от последних требовалось только сохранение мира. «Северный аккорд» должен был «вывести Россию из постоянной зависимости» от других держав и предоставить ей «в общих делах знатную часть руководства», особенно на севере. Идея «аккорда» не встретила, однако, сочувствия в Берлине. Фридрих II был уже вполне удовлетворен результатами, достигнутыми благодаря союзу с Россией, и вовсе не хотел брать на себя какие-либо новые обязательства, клонившиеся к усилению международного могущества своей союзницы.

Несмотря на неудачу проекта Корфа — Панина, Россия в достаточной степени развязала себе руки в отношении Польши. Как повод для вмешательства в дела Речи Посполитой был использован дипломатией прием защиты интересов некатолического населения Польши (диссидентов). При этом Россия покровительствовала православным, а Пруссия — протестантам. Уже в 1764 г. Россия и Пруссия, поддержанные Англией

и Данией, выдвинули перед польским сеймом требование равноправия диссидентов. С другой стороны, последовательно опротестовывались все мероприятия, имевшие целью укрепить государственный строй республики. В 1766 г. царское и прусское правительства потребовали сохранения во что бы то ни стало права «либерум вето», являвшегося наиболее вредным архаизмом в сеймовой конституции. Широко использованы были подкупы, но прибегали и к более решительным мерам: отряды царских войск не покидали польской территории. Русскому послу Репнину удалось в 1767 г. объединить диссидентов и часть католиков, недовольных правительством, и образовать конфедерацию (союз шляхты). Под предлогом помощи этой конфедерации в Варшаву были введены царские войска; это заставило сейм принять закон об уравнении диссидентов в правах с католиками. Одновременно Россия взяла на себя гарантию сохранения старой польской конституции, без отмены которой невозможно было и думать о выходе Речи Посполитой из состояния непрерывной анархии, выгодного для ее соседей.

Чтобы остановить дальнейшие успехи царской политики, Австрия и Франция прибегли к содействию Турции. Под непосредственным воздействием австрийского и французского послов Турция в конце 1768 г. объявила войну России. В связи с турецкой войной и был выдвинут вопрос о разделе Польши. Эта идея обсуждалась в русских и прусских дипломатических кругах едва ли не с 1763 г. Однако заинтересован в разделе был прежде всего Фридрих, в то время как Екатерина заботилась преимущественно о том, чтобы устранить в Польше всякое враждебное России влияние. Едва началась турецкая война, как Фридрих II уже выступил открыто с проектом раздела. Он даже намекал, что Россия могла бы за счет польских земель не только вознаградить себя за военные издержки, но и получить помощь со стороны Пруссии и Австрии против турок. С величайшим мастерством Екатерина и Панин оттягивали прямой ответ, несмотря на чрезвычайную настойчивость прусского короля. Только заключение летом 1771 г. Австрией оборонительного союза с Турцией заставило правительство Екатерины II согласиться на раздел, с тем чтобы отвлечь Австрию от этого союза. В начале 1772 г. уже было достигнуто предварительное соглашение между заинтересованными державами. Окончательно оно было скреплено в августе тремя двусторонними актами между Россией, Австрией и Пруссией. Россия получила польскую часть Ливонии и часть Восточной Белоруссии, в свое время отторгнутой от русских земель великими князьями литовскими.

В войне с Турцией русские войска и флот одержали ряд блестящих побед, заставивших турок после упорного сопротив-

ления и срыва ими переговоров на Фокшанском и Бухарестском конгрессах все же согласиться на мир, заключенный в 1774 г. в Кючук-Кайнарджи. По этому договору Россия получила земли между Днепром и Бугом, а также крепости Керчь, Еникале, Кинбурн. Крымское ханство было признано независимым. Договор ослаблял турецкое владычество над Молдавией и Валахией, расшатывал власть турок над христианскими народами, населявшими Османскую империю. Важнейшим результатом русско-турецкой войны 1768—1774 гг., закрепленным в Кючук-Кайнарджийском договоре, было приобретение Россией выхода к Черному морю и право прохода русских торговых кораблей через проливы. Что касается «независимости» Крымского ханства, то фактически она являлась лишь переходным состоянием, полностью никогда не была осуществлена и вела лишь к бесконечным конфликтам между Россией и Турцией. В результате упорной борьбы русскому правительству удалось в 1783 г. добиться присоединения Крымского ханства к России. Это обеспечивало безопасность южнорусских земель и окончательно закрепляло за Россией прочные позиции на Черноморском побережье.

С конца 70-х годов Екатерина, получив от союза с Фридрихом II все, что могла, начинает отклоняться от панинской ориентации на Пруссию и искать новых путей в своей европейской политике. Чувствуя силу государства, во главе которого она стояла, русская императрица хочет играть решающую роль в судьбах Центральной Европы и осуществить мечту, не покидавшую ее с первых лет ее царствования, — играть ведущую роль в европейских делах. Разразившаяся в Европе война за баварское наследство между Пруссией и Австрией дала Екатерине удобный повод для этого. Фридрих в качестве союзника ожидал военной помощи от России; но Екатерина предпочла выступить властным посредником и обратилась в Вену с грозной декларацией, предлагая Марии-Терезии «вполне удовлетворить справедливые требования немецких князей». С другой стороны, представитель Екатерины в прусском лагере «вел себя как полномочный министр, прибывший предписывать законы Германии именем своего двора». Таким образом, сразу стало очевидно, что «знаки дружбы России к Пруссии служили лишь желанию Екатерины вмешаться под этим предлогом в дела Германии для распространения своего влияния на всю Европу». Тешенский мир 1779 г., закончивший войну, был триумфом русской императрицы. Она выступала в качестве не только посредника, но и гаранта закрепленного договором порядка. С этого момента Россия становилась, говоря словами современников, как бы «сочленом империи» и «по своему усмотрению» могла участвовать в делах Германии. Немецкие князья осаж-

дали своими просьбами императрицу, обращаясь к ней за разрешением своих споров и недоразумений, славословя ее «за дарованный Германии мир, прославляя ее, яко спасительницу ее, и прося, чтобы, продолжая таковые излиянные благодеяния в качестве ручательницы германской конституции, ни на час ее от милостивейшего воззрения не отлучала». В Петербурге при Коллегии иностранных дел даже возникло особое немецкое отделение, служившее проводником русской «инфлюэнции» (т. е. русского влияния в Германии). Сам престарелый Фридрих II заискивал перед «северной Семирамидой», в надежде при ее содействии создать под своим главенством союз немецких князей и образовать прозную антиавстрийскую коалицию.

Германией не ограничивались перспективы екатерининской внешней политики. Англия стремилась использовать русские силы для войны с Америкой и даже предлагала за это уступить России остров Минорку. Однако правительство Екатерины и тут предпочло проводить самостоятельную политику, а не сражаться за других. В связи с англо-американской войной Россия выступила 28 февраля 1780 г. со знаменитой декларацией о морском вооруженном нейтралитете. Этот акт провозглашал право нейтральных держав защищать оружием свое судоходство, уточнял понятие военной контрабанды, блокады и т. д. Всякое нейтральное судно должно было находиться под охраной всех государств, примкнувших к декларации. Принципы вооруженного нейтралитета были признаны Францией, Америкой, Испанией и Нидерландами, но они вызвали ожесточенную оппозицию со стороны Англии, против которой они и были направлены.

Тешенский мир и декларация о «вооруженном нейтралитете» наглядно показали, насколько выросло влияние русской дипломатии и какого значения достигла Россия в области международных отношений. Но они же свидетельствовали и об отходе от «северной системы» Панина.

С 1780 г. начинается вновь сближение России с Австрией; встреча Екатерины II с императором Иосифом в Могилеве в этом году нанесла «ужасный удар влиянию прусского короля». На этом свидании установлено было «одинаковое положение» России и Австрии в отношении Турции и Польши и путем обмена собственноручными письмами заключен оборонительный союз. В следующем году Панин был уволен в заграничный отпуск.

В это время возник разработанный совместно с Австрией так называемый «Греческий проект», который предполагал восстановление Греческой империи с государем из русского царствующего дома. Проект предусматривал создание из Бес-

сарабии, Молдавии и Валахии буферного государства Дакии и территориальные приобретения для России, Австрии и Франции за счет турецких владений. Были приняты меры к тому, чтобы ослабить сопротивление Франции. Торговый договор, заключенный Россией и Францией в конце 1786 г., способствовал значительному улучшению отношений между обеими странами и, в частности, отказу французского правительства от антирусской агитации в Константинополе. Еще большую роль сыграло ослабление французской монархии; поднимавшаяся буржуазная революция сковывала руки дипломатии французского абсолютизма и вынуждала его к уступчивости.

Предпринятое Екатериной II путешествие в «Тавриду» имело целью показать подготовленность России к войне за Черное море, а участие в нем австрийского императора скрепляло антитурецкий союз России и Австрии.

Порта, не желавшая примириться с утверждением России на Черном море, проводила в это время резко враждебную России политику. Подталкиваемая Англией и Пруссией и надеявшаяся на помощь с их стороны, она выступила первой.

В августе 1787 г. турецкое правительство ультимативно потребовало возвращения Крыма и вслед за тем объявило войну России. В соответствии с Могилевским соглашением 1780 г. в союзе с Россией выступила Австрия. Неожиданно в войну против России вступила и Швеция, которая попыталась использовать удобный случай для возврата части прибалтийских земель, потерянных по Ништадтскому договору. Англия и Пруссия, теперь стоявшие на враждебной к России позиции, не допустили, чтобы Дания, союзница России, вмешалась в шведско-русскую войну. Был момент, когда, казалось, Петербургу грозила опасность. Однако в конечном итоге по миру в Вереле (1790 г.) Швеция должна была отказаться от какого-либо изменения границ. Шведская война и заключение сепаратного мира Австрией заставили русское правительство отказаться от широких планов в отношении Турции. В результате Ясский мир 1791 г. (1792 г. по н. ст.) был довольно умеренным. Границы России по этому договору были продвинуты до Днестра. Договор подтверждал присоединение к России Крыма и Кубани, еще более ослаблял власть Турции над Молдавией и Валахией, предоставлял известные льготы русской торговле. Турция отказалась от притязаний на Грузию и обязалась не предпринимать каких-либо враждебных действий против грузинских земель.

В это время английский кабинет во главе с Питтом (младшим) резко выступил против этих условий, не желая допустить осуществления Ясского договора. Англия была накануне объявления войны России, и английский флот готовился к

отплытию в Балтийское море. Однако русская дипломатия, опираясь на заинтересованность торгово-промышленных кругов Англии в сохранении мира с Россией, используя в своих интересах английскую прессу и завязав сношения с лидером оппозиции знаменитым Фоксом, сумела предотвратить разрыв с Англией. Ясский договор был осуществлен, и английское правительство потерпело дипломатическое поражение.

В 1793 и 1795 гг. произошли второй и третий разделы Польши, в результате которых к России отошла Правобережная Украина, за освобождение которой от ига польских панов украинский и русский народы боролись еще во времена Богдана Хмельницкого. Впрочем, по третьему разделу Западная Украина, тоже связанная неразрывными национальными, историческими и культурными связями с остальной Украиной и с Россией, была насильственно присоединена к Австрии. Россия, кроме того, приобрела Литву и Курляндию.

Полный раздел Речи Посполитой обрекал польский народ на длительное пребывание под иноземным владычеством. Захватывая коренные польские земли, царизм, Гогенцоллерны и Габсбурги проводили агрессивную, реакционную политику.

Русская дипломатия эпохи Екатерины в основном разрешила унаследованные ею задачи: закреплены были достижения Петра Великого в Прибалтике, воссоединена большая часть земель, населенных родственными русскому народу белорусами и украинцами. Россия стала твердой ногой на Черном море. В то же время во внешней политике Екатерины, по выражению Энгельса, были «уже отчетливо намечены все существенные черты»[1] политики царизма в XIX в. Многие реакционные черты этой политики сказались в дипломатии Екатерины II. Особенно резко проявились они, в частности, в польской ее политике, в годы буржуазной революции во Франции. Подробнее это будет изложено в последующих главах.

Возросшее в течение XVIII в. международное значение России сказалось и в том, что постепенно за ее правителями был признан императорский титул (Германской империей — в 1744 г., Францией — в 1762 г. и Речью Посполитой — в 1764 г.). В то время как Западная Европа раздиралась внутренними противоречиями, более отсталая, но «единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию»[2], сумела занять выдающееся положение среди прочих европейских держав.

Нанеся сильнейшие поражения Турции в двух русско-турецких войнах этого периода, Россия, независимо от захватны-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 16.
[2] Там же, стр. 13.

ческих устремлений ее правящих классов, объективно содействовала расшатыванию могущества Османской империи и создавала предпосылки для последующего освобождения угнетенных турками народов Балкан. Христианское население Турецкой империи связывало свои надежды на освобождение от турецкого ига с успехами русских вооруженных сил и нередко оказывало им посильную помощь.

Деятельность русской дипломатии второй половины XVIII в. не ограничивалась внешнеполитическими успехами. Ей принадлежит видное место в разработке принципов международного права. Акт о вооруженном нейтралитете лег в основу международного морского права. Конвенция с Турцией 1783 г. устанавливала принципы консульского права, также получившие международное признание.

Дипломатические методы Екатерины II

При Екатерине II стали применяться и некоторые новые методы дипломатической работы. Екатерина очень широко поставила дело политической пропаганды за границей. Эту цель преследовала, в частности, ее собственная переписка с Вольтером, Гриммом, Дидро и другими представителями «просветительной эпохи». Вместе с тем Екатерина деятельно следила за заграничными изданиями, которые могли принести вред России или ей лично как императрице. Ей удалось остановить печатание книги Рюльера о перевороте 1762 г. По ее поручению в Амстердаме был напечатан «Антидот» — опровержение на вышедшую в Париже книгу аббата Шапп д'Отероша о России и т. д. К числу новых дипломатических приемов следует отнести и приглашение иностранных дипломатов к участию в поездках императрицы по России — например, в 1785 г. для осмотра водного пути из Балтийского моря на Волгу и в 1787 г. — в Крым. Здесь, в непринужденной беседе с самой императрицей или с Потемкиным, затрагивались, а нередко и разрешались сложные дипломатические вопросы. Французский посол Сегюр в своих записках многословно рассказывает, как им использовались эти совместные поездки для пропаганды идеи франко-русской дружбы. Так, во время поездки 1785 г. была подготовлена почва для заключения франко-русского торгового договора. Большое значение имели и непосредственные переговоры с иностранными государями. Екатерина вела оживленную «партикулярную» переписку с Фридрихом II, стремясь этим путем воздействовать на политику союзного государства и получать необходимые сведения. Не довольствуясь перепиской, Екатерина устраивала и личные свидания. Так, она предложила, чтобы принц Генрих, брат Фридриха II, поехавший в 1770 г. с визитом в Швецию, оттуда заехал и в Петербург. В 1780 г. состоялось свида-

ние Иосифа II и Екатерины в Могилеве. Она добилась в 1787 г. участия его в поездке в «Тавриду», несмотря на явное желание императора уклониться от встречи, которая к очень многому обязывала. Во время этих встреч «коронованных особ» между развлечениями и обедами разрешались вопросы международной политики.

Из прежних приемов дипломатического воздействия при Екатерине II особенно широко применялась агитация среди православного населения в чужих странах. Известно, как использовала царская дипломатия диссидентский вопрос для вмешательства в дела Речи Посполитой. Во время первой турецкой войны на островах Архипелага вспыхнуло восстание христианских подданных против турецкого ига, облегчавшее действия русских вооруженных сил. По окончании войны в Кючук-Кайнарджийский договор с Турцией впервые внесены были статьи, касавшиеся религиозных прав христианского населения Турции. Той же политики держалась Екатерина и в отношении Крыма, где она приняла на себя роль защитницы местных христиан — греков и армян — от насилий со стороны татар.

В области дипломатического этикета Россия во второй половине XVIII в. уже ничем не отличалась от Западной Европы. Впрочем, русская практика вносит некоторые уточнения в деталях. Так, в 1750 г. Елизавета Петровна решила допускать к аудиенциям только послов, посланников и «полномочных министров», а все остальные представители должны были вручать свои грамоты в Коллегии иностранных дел. При Екатерине II введено было одно новшество, которое должно было подчеркнуть высокое положение России среди прочих государств Европы. При официальном представлении императрице иностранные послы должны были употреблять международный в то время французский язык, на каковом отвечала и императрица; если же посол произносил приветствие на своем родном языке, то она отвечала по-русски, хотя, как известно, сама говорила на русском языке не вполне правильно. Так, когда лорд Букингем приветствовал Екатерину на английском языке, она отвечала по-русски; его преемник Макартни, чтобы выслужиться перед императрицей, произнес речь на французском языке. Ту же цель — подчеркнуть высокое положение главы русского государства — имело требование, чтобы послы при представлении целовали руку императрицы; из-за этого произошел конфликт в 1762 г. с австрийским послом графом Мерси, который сперва отказался выполнить эту церемонию под предлогом, что она не принята при венском дворе, а затем потребовал было обязательства, что и русский посол в Вене будет целовать руку австрийской императрице, но должен был усту-

пить и в этом. Очень большую щепетильность проявляло правительство Екатерины II и в вопросе о ее титуле. В 1766 г. французский двор отказался к титулу «Majesté» («величество») прибавить «Impériale» («императорское»), утверждая, будто такое добавление противно правилам французского языка. Резолюция, написанная по этому поводу Екатериной, гласила: «противу же правилам языка и протокола российского принимать грамоты без надлежащей титулатуры». Что касается дипломатического местничества, столь характерного для XVII в., то оно продолжало существовать лишь в той мере, в какой было признано в западноевропейском обиходе. Более того, в Петербурге дипломатический этикет соблюдался в XVIII веке менее строго, чем в других европейских государствах. Однако, когда французское правительство рекомендовало своим представителям «повсюду настаивать на первенстве перед русскими добровольно или насильственно», то и Панин предложил русским послам «защищать свое место добровольно или насильственно». Свой взгляд на значение дипломатического этикета в отношении между государствами Панин определял так: «Этикет, регулирующий форму их корреспонденции, тем более строг, что он служит мерилом их взаимного уважения и взаимного почтения к своим силам».

Дипломатические учреждения России 1726—1796 гг.

Сложность дипломатической деятельности во второй половине XVIII в. поставила на очередь реорганизацию учреждения, ведавшего внешнеполитическими сношениями. При Петре I иностранная коллегия была еще сравнительно небольшим учреждением (в 1718 г. в ней числилось всего 120 служащих); в 1762 г. их было уже 261. Бюджет ее достигал более полумиллиона рублей. Коллегия имела президента, носившего обычно звание канцлера, и вице-президента и делилась на: 1) Секретную экспедицию, или политический департамент, в котором между двумя чинами распределялись дела европейские и азиатские, и 2) Публичную экспедицию, в которой отдельные лица заведовали «управлением казной», «текущими делами», «почтовыми делами» и в которую входил, кроме того, «церемониальный департамент». Предполагалось, что дела вершились коллегиально. Фактически хозяевами были президент и его заместитель, хотя Екатерина II еще в 1781 г. указом напоминала о необходимости делать все дела сообща. Во время длительных отъездов двора в Москву (при Петре II и Елизавете Петровне) коллегия переезжала с ним, и в Петербурге оставлялась для текущих дел «Петербургская контора».

Когда в 1726 г. был основан Верховный тайный совет, то ему стали наряду с другими делами докладываться и «министерские реляции и доношения». Тесная связь существовала

у иностранной коллегии и с «кабинетом», учрежденным Анной Иоанновной в 1731 г. В 1756 г. в связи с началом военных действий против Пруссии Елизавета Петровна по предложению Бестужева-Рюмина учредила особую «конференцию при императорском дворе» из доверенных сановников, дабы «с потребной скоростью и силой» управлять движением войск. В конференции, кроме чисто военных вопросов, обсуждались и дела внешней политики. При Екатерине II в 1768 г. в связи с войной против Турции был образован особый совет для обсуждения дел военных и политических. Совет должен был решать только общие вопросы, не входя в детали. Однако при императрице, которая лично решала все основные вопросы внешней политики, совет не мог играть большой роли.

Коллегиальная организация управления внешней политикой, установленная в XVIII в., была, несмотря на выяснившиеся ее недостатки, отменена только в XIX в. Учреждение министерств при Александре I по манифесту 8 сентября 1802 г. коснулось сравнительно мало коллегии иностранных дел. Она продолжала существовать под руководством министра и его «товарища»; но постепенно ее значение умалялось, и, наоборот, усиливалась единоличная власть министра. Окончательно коллегия была уничтожена указом 10 апреля 1832 г., и место ее полностью заняло министерство иностранных дел.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Дворянско-династической дипломатии абсолютных монархий XVIII в. был нанесен сокрушительный удар Великой французской буржуазной революцией 1789—1794 гг.

В противовес дворянско-династической внешней политике и самовластию абсолютных монархов боровшаяся за власть буржуазия выдвинула принцип верховенства нации. Нацию буржуазия отождествляла с собой. Поэтому в ее понимании верховенство нации фактически имело классово ограниченный смысл буржуазного господства.

Впервые принцип верховенства нации был провозглашен в области дипломатии в Соединенных Штатах Америки в период борьбы за независимость (1775—1782 гг.). Французская буржуазная революция конца XVIII в. привела к дальнейшему развитию этого принципа.

Буржуазия, победившая во Франции в годы революции, стремилась подчинить своим классовым интересам руководство внешней политикой. В борьбе против феодально-монархических сил она провозгласила лозунги равенства народов, их свободы и братства. Она демонстративно отвергла политику завоеваний и тайных договоров. Но провозглашенная таким образом новая внешняя политика не получила осуществления и осталась в рамках словесных деклараций, если не считать отдельных попыток практического ее применения во Франции в период до термидорианского переворота 27 июля 1794 г.

После событий 9 термидора начинается восстановление многих институтов и методов дипломатии абсолютизма. Переходя к завоевательной внешней политике, победившая буржуазия использовала приемы старой дипломатии абсолютных монархий, видоизменив и приспособив их к собственным классовым целям. В этот период во Франции восстанавливается министерство иностранных дел, воскресают ранги французских дипломатических представителей, возрождаются прежние формы дипломатических сношений и переписки. Восстанавливается влиятельная каста профессиональных дипломатов, вербуемых преимущественно из рядов дворянства.

Однако в дальнейшем на руководстве внешней политикой сказалось упрочение парламентского строя и буржуазно-демократических свобод в передовых странах. Пресса и политические партии приобретают значительное влияние на дипломатию. В дипломатические сношения вносится несколько больше гласности. По мере развития парламентских учреждений деятельность министров иностранных дел и послов подвергается некоторому контролю представительных учреждений. Влияние прогресса техники, в частности усовершенствование средств связи, также оказывает воздействие на организацию управления внешней политикой: большая быстрота сношения способствует большей централизации и оперативности дипломатического руководства.

Сохранив немало методов дипломатии абсолютных монархий, победившая буржуазия внесла в нее, однако, свои классовые интересы, свою идеологию. В XIX в. редки обмены территорий между династиями. Вопросы династических браков и наследств уже не играют прежней роли в международных отношениях. Перед дипломатией возникают вопросы борьбы за национальное освобождение — в Европе и в Латинской Америке. Возрастает значение вопросов таможенной политики и торговых договоров, борьбы промышленной буржуазии за рынки сбыта своих товаров. Большую роль играют проблемы национального объединения тех стран, где оно осталось незавершенным — в Италии и Германии.

Продолжалась и борьба буржуазии против феодально-абсолютистской реакции. В дипломатии эта борьба нередко облекалась в форму столкновения принципов, выдвигаемых различными правительствами. В начале XIX в. феодально-монархическая дипломатия открыто провозглашала вмешательство во внутренние дела других держав в целях подавления революций и принципы легитимизма — для восстановления низвергнутых династий. Пытаясь возвести вмешательство в дела других народов в постоянную норму международной жизни, отживающие классы усматривали в этом средство повернуть вспять колесо истории, реставрировать изжившие себя порядки, безвозвратно отходившие в прошлое.

В противовес этому буржуазия в ряде государств выдвинула принцип «невмешательства». Этот принцип вытекал из идеи верховенства нации и служил средством дипломатической защиты интересов нового класса, который приходил к власти — то мирным путем, то посредством революционного насилия — в результате внутреннего развития данной страны. Борьба принципов дворянско-династической дипломатии и дипломатии восходящей буржуазии представляет характерную особенность международных отношений первой половины XIX в.

На протяжении периода 1789—1871 гг. история дипломатии проходит несколько этапов. В 1789—1794 гг. в центре международной политики стоит борьба французской революции с контрреволюционной коалицией, руководимой Англией.

В дальнейшем и вплоть до 1815 г. основным явлением международной жизни была борьба буржуазной Франции с Англией — в Европе, на морях и в колониях. На европейском континенте Россия стала главным и самым могущественным противником Франции, стремившейся подчинить своему владычеству всю Европу, простиравшую свои захватнические стремления и на некоторые части Азии и Африки. Победа в этой борьбе оказалась на стороне России и Англии. Промышленное преобладание, господство на море и огромные богатства, награбленные английской буржуазией еще в период первоначального накопления, содействовали ее торжеству над Францией. Но победить Францию оказалось возможным только благодаря России. Силы Наполеона I были надломлены в 1812 г. на полях России героической Отечественной войной русского народа, а в 1813 г. судьба его империи была решена вступлением русской армии в пределы Западной Европы. Англия в XIX столетии обычно, как она нередко делала это и ранее, ведет войны на континенте чужими руками, приобретая союзников за денежные субсидии или используя противоречия держав континента. Этот метод остается одной из основ британской дипломатии.

Поражение буржуазной Франции обусловлено было тем, что она столкнулась с силами, превосходящими мощь Французской империи. Стремясь подчинить французской буржуазии всю Европу и сломить английскую гегемонию континентальной блокадой, Наполеон вызвал против себя мощную коалицию с Россией и Англией во главе, а также и противодействие национально-освободительных движений европейских народов.

Теперь уже не одни только правительства старой Европы боролись против Франции, как то было в годы французской революции: угроза иноземного владычества вызвала подъем национального самосознания народов и прежде всего русского народа, независимость которого оказалась в опасности.

Разгром Наполеона завершается в 1814—1815 гг. попыткой Англии, России, Австрии и Пруссии на Венском конгрессе поделить территорию Европы в соответствии со своими интересами и установить режим дворянско-абсолютистской реакции.

Начиная с Венского конгресса в Европе установилось господство великих держав — главных участников конгресса. После принятия Франции в число этих держав их стало пять — Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Франция. До середины XIX в. руководящую роль играли первые три государства. Дипломатические отношения держав от Венского

конгресса до 60-х годов XIX в. развиваются в условиях преобладания и взаимного соперничества промышленной олигархической Англии и военно-феодальных империй Российской и Австрийской.

Основными факторами, определявшими направление внешней политики великих держав в период деятельности Священного союза, являлись столкновения их захватнических интересов, национально-освободительные движения, буржуазные революции, порождаемые успехами капиталистического развития.

Попытка великих держав восстановить феодально-абсолютистские порядки после разгрома Наполеона I была обречена на неудачу. Во-первых, она противоречила процессу капиталистического развития Европы и росту молодых национальных государств. Буржуазные революции 20-х, 30-х и 40-х годов XIX в. подрывали феодализм и неограниченную власть монархов. Во-вторых, в Священном союзе пытались сотрудничать государства с явно противоречивыми стремлениями и интересами.

Основные международные противоречия, которые разложили Священный союз, заключались в противоположности интересов промышленно-капиталистической Англии и феодально-монархических государств — России, Австрии и других. Эта противоположность сказалась на отношении трех держав к национально-освободительным движениям в Европе и Америке. Австрия и Россия, как правило, стремились к подавлению национально-освободительных движений. Английская дипломатия стремилась подчинить освобожденные молодые государства своему влиянию, но действовала при этом в ряде случаев под флагом поддержки национально-освободительной борьбы — особенно в испанских колониях. Не следует думать, что правящие классы Англии в самом деле руководствовались интересами народов и их освобождения. Они рассчитывали, что новые национальные государства будут нуждаться в английских деньгах, торговом флоте и товарах. Однако, как бы то ни было, проводя такую политику, Англия отходила от Священного союза.

Отличительной особенностью английской дипломатии являлась маскировка захватнических интересов английской буржуазии принципами либерализма. На деле английская буржуазия боялась демократических и революционных движений. Она не желала предоставить политические права английскому рабочему классу и подвластным колониальным народам. В результате к середине XIX в. Англия наряду с Россией стала одним из важнейших оплотов европейской реакции. Во время событий 1848—1849 гг., по словам Маркса и Энгельса, она была «контрреволюционной скалой», о которую разбивались волны революции.

В XIX в. Англия укрепляет свою колониальную монополию: завершение завоевания Индии и первая «опиумная война», предпринятая с целью закабаления Китая посредством неравноправных договоров, явились важными шагами английского капитализма в этом направлении.

К середине XIX в. Англия выдвигает лозунг свободы торговли — фритредерства. Не боясь ничьей конкуренции благодаря подавляющему превосходству своей промышленности и флота, английская буржуазия видит в свободе торговли путь упрочения своего монопольного положения «мастерской мира», величайшей индустриальной державы.

В Америке Англия подчинила своему экономическому и политическому влиянию молодые латиноамериканские государства. Возникнув в результате свержения колониального ига Испании и Португалии, эти государства на долгое время попали в зависимость от Англии.

Соперником Англии и других старых колониальных держав в Новом Свете стали США. Их быстрый экономический рост и территориальная экспансия сопровождались развитием притязаний на преобладающее влияние на всем американском континенте. Желая избавиться от конкурентов, правительство США выступило под флагом борьбы против новых территориальных захватов европейских держав в Америке и против их вмешательства в американские дела. Это не мешало тому, что со своей стороны США отказались сделать заявление о том, что сами они не стремятся к захватам. «Доктрина Монро» (1823 г.), выражавшая этот курс политики, по существу имела целью упрочить независимое международное положение США, поднять их влияние во всей Америке и устранить возможные препятствия со стороны европейских держав для дальнейшей территориальной экспансии США.

США были заняты расширением своих владений. Они обогащались путем нейтральной торговли во время войн между европейскими государствами. Однако они еще не располагали силами для значительного вмешательства в европейские конфликты. Следствием этого было длительное воздержание США от участия в войнах и союзах европейских государств. Влияние США в Европе было незначительно.

Взаимоотношения европейских держав стояли в XIX в. в центре международной политики. На континенте Европы в 1815—1853 гг. преобладающей державой была Россия. Усиление международного влияния России после 1815 г. было результатом ее военной мощи и ее решающей роли в разгроме наполеоновской империи.

Русское самодержавие сохраняло относительную прочность приблизительно до середины XIX в., в то время как устои дру-

гих дворянских монархий Европы были уже в гораздо большей степени расшатаны в результате капиталистического развития и назревания буржуазных революций.

В отличие от стран Запада в России в начале XIX в. не было развитой и политически зрелой буржуазии. Рабочий класс как революционная сила в первой половине XIX в. еще не существовал. Многомиллионное русское крестьянство, являвшееся неисчерпаемым источником живой силы для государства и его армии, находилось в положении угнетенной и закрепощенной массы. Разрозненные вспышки бесчисленных крестьянских восстаний в первой половине века не могли серьезно ослабить силу царской полиции, армии и чиновничества. Царская Россия с ее огромной послушной армией, с ее дипломатией стала жандармом Европы, одним из главных душителей революционных и национально-освободительных движений. Реакционные элементы Австрии и Германии искали в Петербурге помощи против возмущения своих народов.

При Николае I международное влияние царской России достигает высшего предела. В 1849 г. вооруженные силы царизма помогли австрийской монархии подавить революцию в Венгрии. В Германии царизм также выступает против революции. Вместе с западными державами — Англией и Францией он в 1849—1850 гг. помешал Пруссии, ставшей во главе объединительных стремлений германской буржуазии, вытеснить из Германии влияние более отсталой Австрийской империи.

Борьба с национально-освободительными и революционными движениями долгое время была основой сотрудничества Австрии и России. Однако обе державы разделялись противоречиями их интересов в восточном вопросе. На Востоке Россия сталкивалась как с Англией, так и с Австрией. Здесь даже в период апогея политики Священного союза Россия, преследуя свои интересы, не отказывалась от поддержки национально-освободительной борьбы славян и греков против турецкого владычества.

Все эти противоречия привели к окончательному разложению Священного союза. К тому же, выяснилась утопичность цели, ради которой он создан, — безнадежность попыток восстановить феодальный строй в странах Западной Европы.

В противоположность непримиримости и розни, царившим между государствами, среди рабочего класса Западной Европы к середине XIX в. зреет сознание великой международной солидарности пролетариата. Эта идея находит свое боевое выражение в лозунге «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Уже в 30-х и 40-х годах XIX в. европейский пролетариат поднимает свой голос в защиту национально-освободительных

и революционных движений против феодально-абсолютистской контрреволюции, а также и против буржуазии, все более переходившей на позиции реакции. Постепенно рабочий класс становится силой, способной до известной степени влиять на буржуазную дипломатию: так, во время гражданской войны в Соединенных Штатах английские рабочие помешали Англии более активно поддержать рабовладельческий Юг против Северных штатов. В этом заключалась одна из важнейших причин провала попыток правящих кругов Англии и Франции предпринять «крестовый поход» в защиту рабства в США. Правда, такого рода успешное воздействие было тогда еще редким явлением.

В течение ряда десятилетий вожди революционного рабочего класса Маркс и Энгельс разоблачали в печати реакционную дипломатию господствующих классов. Они бичевали дипломатию правящих кругов Англии, России, Франции, Пруссии и других государств. В 1864 г. в «Учредительном манифесте международного товарищества рабочих» (I Интернационал) Маркс писал о необходимости для пролетариата «овладеть тайнами международной политики», следить за дипломатией буржуазных правительств, противодействовать ей и разоблачать ее.

После подавления революции 1848—1849 гг. на целое десятилетие наступает период европейской реакции. Одним из главных внешнеполитических событий этого периода было поражение царизма в Крымской войне 1853—1856 гг. Быстрый рост капитализма в Западной Европе привел к увеличению технико-экономической и социально-политической отсталости крепостнической России и обусловил проигрыш войны. После крымского поражения Россия перестала быть сильнейшей державой европейского континента. Влияние царской России на дела Западной Европы с этого времени стало постепенно уменьшаться. Во внешней политике России после Крымской войны наметился перелом в сторону отказа от безусловного следования традициям Священного союза в делах Запада. Реформы 60-х годов и начавшееся превращение дворянско-крепостнической Российской империи в помещичье-буржуазную монархию сказались не только на внутренней политике, но и на дипломатии царизма.

Одновременно с ослаблением влияния царской России на дела Западной Европы возрастала роль дипломатии Англии, Франции, Австрии и Пруссии в борьбе против революционно-демократических движений.

На внешнюю политику и дипломатию капиталистических стран имела большое влияние их колониальная политика. Главным средством колониальной экспансии было открытое насилие — завоевание, а дипломатия, особенно заключение неравноправных договоров, служила дополнительным орудием

закабаления государств Востока и отчасти Латинской Америки. Британские колонизаторы широко использовали дипломатию при установлении своего господства в Индии. На Ближнем Востоке дипломатическая борьба отражала столкновения колониальных интересов Англии, Франции и царской России.

Внешняя политика и дипломатия феодальных монархий Востока отвечала интересам их господствующих классов и династий. В ее задачи входило в известных пределах сопротивление иностранным колонизаторам и использование противоречий между колонизаторами, а также и заключение соглашений с ними за счет своего народа и против его интересов. Характерными чертами дипломатии ряда государств Востока были: тенденция к проведению политики замкнутости, неразвитость форм и обычаев дипломатических отношений между суверенными государствами и постоянного дипломатического представительства.

Феодальная отсталость государств Востока и предательская политика их правящей верхушки обусловила поражения этих государств в колониальных войнах. Первая «опиумная война» 1839—1841 гг. положила начало закабалению Китая неравноправными договорами, а в 1854—1855 гг. в дипломатические и торговые отношения с капиталистическими странами была принудительно вовлечена Япония.

В результате крымской победы английская и французская буржуазия добилась осуществления своей агрессивной цели — установления своего преобладания в Турции. Нанеся поражение царизму, Англия и Франция освободили себе руки для усиления своей колониальной агрессии. Кровавая расправа английских колонизаторов над народным восстанием в Индии в 1857—1859 гг. и новые захватнические войны Англии и Франции в Китае привели к усилению колониального порабощения народов Востока капиталистическими державами.

В 50—60-х годах США, Англия, Франция и другие капиталистические государства навязали неравноправные договоры Японии. Франция совершила ряд колониальных захватов в Индо-Китае. Она овладела там южными областями Вьетнама и установила свой протекторат над княжеством Кхмер (Камбоджа). Французский капитал стремился подчинить своему влиянию Египет. Суэцкий канал строился руками египтян, но под управлением французских капиталистов и инженеров. Однако, более всего влияние Франции возросло в Европе.

После Парижского мира 1856 г. империя Наполеона III на целое десятилетие становится преобладающей силой на европейском континенте. Бонапартистская монархия во Франции держалась на антагонизме пролетариата и буржуазии. Она слу-

жила интересам верхушки буржуазии — банкиров, крупнейших промышленников и спекулянтов. Вторая империя искала своего укрепления во внешнеполитических авантюрах, маскируя свои захватнические цели принципом освобождения национальностей.

С середины 60-х годов международное влияние дипломатии Французской империи ослабело. Провал нескольких авантюр во внешней политике и рост недовольства народных масс бонапартистским режимом подрывали ее силу. Падение обманчивого могущества империи Наполеона III было связано и с внешними причинами — усилением Пруссии и Италии.

В 1859—1870 гг. отношения европейских держав развиваются под воздействием дальнейшего укрепления и распространения вширь капиталистических отношений и вызванного этим процесса национального объединения Германии, с одной стороны, и Италии — с другой. В войнах 50—60-х годов буржуазно-национальные движения были «основным объективным содержанием исторических явлений» *(Ленин)*.

Новым фактором международной жизни 60-х годов XIX в. был быстрый экономический рост Пруссии и подъем ее международного влияния. Правительство Бисмарка осуществило «железом и кровью» посредством нескольких войн объединение Германии вокруг реакционной прусской монархии, ставшей в борьбе со своими соседями и соперниками первоклассной военной державой. В войне 1870—1871 гг. Пруссия разгромила Французскую империю, устранив в ее лице последнее крупное препятствие к объединению Германии. Возникшая после победы над Францией Германская империя приобрела чрезвычайно большое влияние и стала грозным оплотом реакции и агрессии на континенте Европы.

Бурное промышленное развитие в ряде стран Европы грозило подорвать монопольное положение английской промышленности на мировом рынке. Национальное объединение дало мощный толчок дальнейшему промышленному подъему Германии. Стремительный рост индустрии в Соединенных Штатах после победы Севера над рабовладельческим Югом, развитие промышленности в России после реформ 60-х годов содействовали обострению борьбы за внешние рынки и за раздел мира между капиталистическими государствами.

Взаимное соперничество держав не мешало им в известных случаях проявлять классовую солидарность перед лицом развивающегося революционного движения пролетариата. Ради подавления пролетарской революции буржуазия не останавливается и перед национальной изменой. Дипломатическое сотрудничество Тьера с Бисмарком для кровавой расправы над парижскими коммунарами является прологом к истории дипломатии последующего периода развития капитализма.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1775—1794 гг.)

Отделение 13-ти американских колоний от Англии. Декларация независимости

В 70-х годах XVIII века тринадцать английских колоний, которые занимали узкую полосу на Атлантическом побережье североамериканского континента, восстали против угнетавшей их метрополии — Англии — и образовали первое в Америке самостоятельное государство — республику Соединенных Штатов Америки.

В ходе войны против Англии, продолжавшейся семь лет, эти колонии освободились от гнета своей бывшей метрополии, которая стесняла развитие их промышленности и торговли и захватила в колониях лучшие земли для английской аристократии.

В начале 1776 г. Томас Пейн в своем памфлете «Здравый смысл», который разошелся за короткое время в сотнях тысяч экземпляров, писал: «Период дебатов закончен. Оружие — как последний ресурс — должно решить спор». Пейн отражал настроение народных масс колоний, американских ополченцев и солдат, требовавших отказа от компромисса с английским правительством и окончательного разрыва с ним.

4 июля 1776 г. Континентальный конгресс, приняв под давлением народных масс декларацию независимости, разорвал цепи колониальной зависимости от Англии.

Когда стало известно, что Континентальный конгресс принял эту декларацию, энтузиазм народных масс был велик. Текст декларации читали на улицах и площадях, в течение всей ночи жгли костры, стреляли и звонили в колокола.

Американская дипломатия — дипломатия буржуазной республики — провозгласила некоторые новые принципы.

В «Единогласной декларации тринадцати Соединенных Штатов Америки», составленной Томасом Джефферсоном, представителем левого крыла просветительства XVIII в., говорилось:

«Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Правительство

получает свою власть от управляемых. Право народа — изменить или уничтожить его».

Основное содержание этого документа — заявление «перед лицом всего человечества» о причинах, вызывавших разрыв между колониями и метрополией. Необходимость этого разрыва обосновывалась положением о том, что колониальная зависимость находится в противоречии с «неотчуждаемыми правами людей» на жизнь, свободу, стремление к счастью и с правом народа учреждать правление по своей воле. Прогрессивная идея народного суверенитета, служившая в этом документе для обоснования права колоний на отделение от Англии, явилась в то же время декларативным общим положением о том, как должно быть организовано правление в государстве.

Заключительная часть декларации гласила: «...Мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на общий конгресс, взывая к высшему судье мира с заверением о чистоте наших намерений, во имя и властью доброго народа этих колоний, торжественно и публично заявляем, что эти объединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми государствами». Таким образом, идея народного суверенитета в декларации тесно связана с борьбой против колониального угнетения, за независимость колоний.

Была еще третья важная идея в декларации — осуждение рабства, из чего логически вытекало требование об освобождении невольников. Однако из-за сопротивления представителей южных штатов соответствующий пункт из декларации был вычеркнут.

Использовав прогрессивный принцип народного верховенства для обоснования освобождения колонии от своей метрополии, американская буржуазия была далека от его последовательного применения. Провозглашение этого принципа не помешало тому, что в Соединенных Штатах Америки осталось узаконенным рабство негров и производилось массовое зверское ограбление и истребление индейцев. Провозглашение принципа народного суверенитета в условиях буржуазного строя не помешало и тому, что Соединенные Штаты Америки в дальнейшем стали классическим примером общественного неравенства.

Комитет для секретной корреспонденции (1775—1777 гг.)

Самая форма ведения внешних дел в боровшейся за независимость республике Соединенных Штатов имела некоторые новые черты. Первоначально внешними сношениями ведал пленум Континентального конгресса. Затем международные дела перешли к выделенным им комитетам и лицам, ответственным перед конгрессом.

С момента открытия в Филадельфии первого Континентального конгресса, заседавшего с 5 сентября 1774 г. и до 4 июля

1776 г., дня провозглашения независимости, этот съезд представителей восставших колоний не решался просить помощи у иностранных государств. Такое обращение Континентального конгресса могло бы создать для английского правительства формальный повод к обвинению членов конгресса в государственной измене. Конгресс открыто обращался за содействием только к другим британским колониям и к народу Ирландии. Формальное учреждение органа, соответствующего министерству иностранных дел, имело место 29 ноября 1775 г. Тогда был назначен комитет для секретной корреспонденции с друзьями колоний в Великобритании, Ирландии и в других частях мира [1].

Миссия Сайласа Дина

В январе 1776 г. конгресс уполномочил комитет секретной корреспонденции заключить договоры с иностранными фирмами на вывоз колониальных товаров на 40 тысяч фунтов стерлингов с ввозом товаров на ту же сумму, «чтобы сохранить дружбу и доверие индейцев и избавить их от лишений в связи с недостатком необходимого для жизни».

На самом же деле речь шла вовсе не о ввозе в Америку товаров, нужных для индейцев, а о тайной закупке в Европе оружия и амуниции для американской армии.

Еще с 1763 г., со времени начала конфликта колоний с Англией, ее соперница Франция содержала в Америке секретных агентов, донесения которых прочитывались самим королем, а в конце 1775 г. в Филадельфию прибыли два французских торговых представителя. С ними американцы заключили контракты на получение пороха и оружия, секретным образом перевозившихся в Америку. Вскоре после этого (3 марта 1776 г.) секретный комитет послал члена Континентального конгресса Сайласа Дина во Францию в качестве сво-

[1] Комитет для секретной корреспонденции существовал до апреля 1777 г., когда был заменен комитетом по иностранным делам. С 1781 г. было учреждено ведомство (департамент) иностранных дел Континентального конгресса. С ноября этого года во главе его стоял в звании государственного секретаря Роберт Ливингстон. С 1789 г. по новой конституции орган, ведающий внешней политикой США, именуется государственным департаментом. Помимо руководства дипломатией США, государственный департамент Соединенных Штатов хранит «большую печать», опубликовывает законодательные акты и резолюции конгресса, а также государственные договоры. Его глава — государственный секретарь — ведает также перепиской президента с губернаторами штатов.

Конституцией США предусмотрено, что в случае смерти президента и вице-президента государственный секретарь выполняет обязанности президента.

Поскольку президент возглавляет правительство, а вице-президент председательствует в сенате и активного участия в действиях исполнительной власти не принимает, государственный секретарь фактически является заместителем президента как главы правительства.

его тайного представителя. Ему было поручено добиться дальнейшей помощи от Франции, враждебность которой к Англии была общеизвестна.

Дину предлагалось вручить письмо от Франклина Жюльену Давиду Ле Руа, ученому и архитектору, и д-ру Барбе Дюбуру (издавшему в 1773 г. полное собрание сочинений Франклина) — оба они были друзьями американцев. Предполагалось, что через Дюбура можно будет связаться с де Верженном, министром иностранных дел. Получив аудиенцию у Верженна, Сайлас Дин мог уже не объявлять себя больше американским купцом, интересующимся достопримечательностями Парижа, а показать свои верительные грамоты и официально просить французское правительство помочь конгрессу получить оружие и амуницию непосредственно от Франции или хотя бы через какую-либо другую европейскую державу. Выполнив свою миссию во Франции, Дин должен был направиться с аналогичным поручением в Голландию. Как видно из сказанного, при посылке Дина в Европу была предусмотрена целая система камуфляжа истинных целей его дипломатической миссии.

Дипломаты американской республики встретили во Франции поддержку передовых кругов буржуазии и либерального дворянства, например маркиза Лафайета и знаменитого драматурга Бомарше. Сочувственно относился к американцам и граф Верженн — министр иностранных дел королевского правительства. Шарль де Верженн был дипломатом старой школы, придерживавшимся известного правила Макиавелли — все средства хороши, лишь бы только они вели к цели. Верженн любил говорить, что, имея с кем-либо дело, всегда надо внушать партнеру, что заботишься только о его интересах, не думая о своих собственных: чем больше удастся внушить эту мысль, тем легче достичь своих целей. Позиция аристократа Верженна в отношении США была в общем благожелательна — Верженн видел в новом государстве естественного противника Англии — давнего врага французского короля. При этом он руководствовался целым рядом соображений. Прежде всего он искал реванша за унижение, понесенное Францией после неудачной семилетней войны, когда она лишилась Канады и Ост-Индии. Вступая в войну на стороне США, французские дипломаты рассчитывали, ослабив Англию, вернуть Франции Канаду и захватить старые английские колонии в Вест-Индии, расширить французскую торговлю на морях и укрепить влияние Франции в Европе. Начав с 1775 г. оказывать тайную помощь восставшим английским колониям в Америке, Верженн, однако, не спешил с прямым вмешательством Франции в войну против Англии: он выжидал, когда воюющие стороны основательно обессилят друг друга.

Французское правительство деликатную миссию сношения с американцами предполагало возложить на неофициального представителя. Таковым был назначен Бомарше, автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». В целях организации помощи восставшим колониям Бомарше еще в 1775 г. учредил фиктивный торговый дом «Родриго Горталес и К°». При содействии Бомарше Сайлас Дин переправил из Франции в Америку волонтеров-офицеров и оружие из французских арсеналов. Молодой французский офицер Лафайет на собственные средства снарядил корабль и сам на этом корабле отплыл в 1777 г. в Америку, вопреки запрету короля.

Искренний друг восставших колоний, Бомарше с необычайным искусством и энтузиазмом выполнял свою секретную миссию. Он писал конгрессу: «Ваши депутаты, джентльмены, найдут во мне верного друга, в моем доме — надежное убежище, в моих сундуках — деньги, а также полное содействие для реализации своих заданий, будут ли они официального или секретного свойства».

Когда Дин явился в Париж и связался с Бомарше, тот посвятил американца во все дела, не сказав, однако, самого главного: что он, Бомарше, является тайным агентом французского правительства. Как потом оказалось, предосторожность была нелишней. Дин обо всем рассказывал Эдуарду Банкрофту, тоже американцу, секретному агенту конгресса во Франции, который, однако, одновременно являлся тайным осведомителем английского правительства.

Помощь, полученная американскими колониями при содействии Бомарше и Сайласа Дина, была значительной. Действуя от имени фирмы «Родриго Горталес и К°», Сайлас Дин добыл одежду для 20 тысяч человек, 30 тысяч мушкетов, 100 тонн пороха, свыше 300 пушек. Фирма «Горталес и К°» с 1776 по 1783 г. израсходовала свыше 21 миллиона ливров. Кроме того, Дин получил значительную сумму и от испанского правительства, тоже находившегося во враждебных отношениях с Англией.

Английское министерство иностранных дел, хорошо осведомленное через своих шпионов в Париже о подлинном характере деятельности Дина, заявило протест французскому правительству. Английский военный флот стал захватывать корабли, зафрахтованные фирмой «Горталес и К°».

Вениамин Франклин — американский посол во Франции

После провозглашения «Декларации независимости», формального отделения колоний от Англии и их объединения в самостоятельное государство, явилась возможность послать во Францию официального представителя Соединенных Штатов. Удачный выбор посла имел огромное

значение. Американцев мало знали в Европе, там коверкали даже имя Вашингтона. Послом в Париж был назначен единственный американец, который стяжал к тому времени европейскую известность. Это был человек разносторонних дарований, много лет проживший в Англии в качестве представителя колоний, располагавший большими личными связями также и во Франции. То был Вениамин Франклин, один из передовых людей своего времени.

В противоположность многим своим согражданам, в жизни которых умственные интересы играли незначительную роль, Франклин был выдающимся мыслителем, ученым и общественным деятелем. Он сделал важнейшие открытия в области электричества и был автором теории кораблестроения. Велики были его познания и в области политической экономии, впоследствии высоко оцененные Марксом. Франклин был избран членом английского Ученого королевского общества и получил за свои научные труды золотую медаль Коплея.

С точки зрения истории приемов и методов работы и поведения посла, заслуживают внимания некоторые детали того, как Франклин, представитель буржуазно-демократических кругов Америки, повел себя в столице Франции старого порядка.

Приехав во Францию в качестве посла Американской республики, Франклин продолжал ходить, как и в Америке, в скромном коричневом кафтане; волосы его были гладко причесаны. Он не надевал напудренного парика, как того требовала европейская мода. Чтобы отсутствие парика меньше бросалось в глаза, Франклин даже в комнате не снимал шапку из куньего меха. Но симпатии передовых кругов французского общества к восставшим американцам были так сильны, популярность Франклина так велика, что в Париже не только простили ему такую эксцентричность, которая лицу менее популярному могла бы только повредить, но даже сделали его костюм образцом моды.

Франклин установил хорошие отношения не только с французским правительством, но и с большей частью дипломатического корпуса, исключая, разумеется, английского посла лорда Стормонта. Объективная политическая обстановка создавала для американской дипломатии во Франции благоприятные условия. Американский посол мог использовать старинное соперничество Франции и Англии, с одной стороны, симпатии передовых элементов французского общества к Американской республике — с другой. И Франклин умел использовать оба эти фактора, дабы оказать давление на Людовика XVI и на его двор в целях вовлечения Франции в войну с Англией.

Английский посол пригрозил французскому правительству, что покинет Париж, если «главе американских мятежников»

будет разрешено там появиться. Из этого трудного положения французский министр иностранных дел Верженн нашел своеобразный выход: он ответил, что Франклину было сообщено в Нант о запрещении въезда в Париж, но что письмо не дошло по адресу. Теперь, когда Франклин уже находится в Париже, изгнать его было бы «скандальным негостеприимством» и нарушением обычаев цивилизованных народов. Таким образом, Франклин, восторженно встреченный, появился в Париже.

Свое появление Франклин изобразил как приезд частного лица по семейным делам. О приезде Франклина в Париж сообщил в Петербург русский посол в Париже князь Барятинский. «Франклин приехал вчера в Париж, — писал Барятинский 15 декабря. — Публика столько им занята, что ни о чем ином более теперь не говорят, как о причинах его сюда приезда, и столько разных известий, что и знать не можно, на чем подлинно основаться». По мнению одних, Франклин приехал «только для того, чтобы отдать двух своих внучат в здешнее училище». Сам же он поедет в Швейцарию и «везет с собой золото в слитках на 600 тысяч ливров... с намерением купить там себе замок и спокойно кончить свою жизнь». Другие говорят, что он приехал, чтобы «трактовать с Францией» — вести переговоры о союзе, третьи — чтобы начать переговоры с Англией о мире. Об американских же делах Франклин говорил, что успехи англичан «ни малого не стоят» [1]. Еще до отъезда во Францию, 2 марта 1776 г., Франклин послал из Филадельфии в Париж письмо, в котором высказывал мнение о том, что если колонии сделаются независимыми от Англии, то, как он уповает, «главная часть их коммерции откроется с Францией» [2]. Это письмо Франклина, вероятно, получило довольно широкую огласку во Франции, так как русский посол имел возможность сообщить о его содержании в Петербург.

Посылая Франклина в Париж, конгресс присоединил к нему на равных правах еще двух сотоварищей: Сайласа Дина — энергичного, но излишне доверчивого и экзальтированного, и Джона Джея, верховного судью штата Нью-Йорк. Кроме этих трех членов миссии, в состав ее входили еще член конгресса, делегат от Виргинии, видный публицист Артур Ли и Эдуард Банкрофт, который, как это выяснилось впоследствии, являлся шпионом английского правительства. В дальнейшем, в 1778 г. Франклин был назначен единоличным послом.

Говоря о своем пребывании во Франции, Франклин отмечал, что он представлял «в своем собственном лице американское правительство в Европе и был вынужден действовать не

[1] Архив внешней политики России, фонд «Сношения России с Францией», дело 312, л. 245. (Далее цитируется сокращенно: АВПР.)

[2] Там же, л. 168.

только как посол, но и в качестве военного и морского ведомств, казначея, призового суда, бюро по оказанию помощи пленным и по обмену их, консула, а также торговца товарами, прибывшими из Америки».

Помощь французского правительства американским колониям

23 декабря 1776 г. американская миссия в Париже во главе с Франклином обратилась к министру иностранных дел Верженну, направив ему документ, который считается первой дипломатической нотой США. В этой ноте и в последующих переговорах американцы предлагали Франции заключить торговый договор и договор о союзе. Они просили о посылке восьми военных кораблей, чтобы выручить суда фирмы «Горталес», блокированные английскими крейсерами.

В ответ на это обращение Верженн обещал Соединенным Штатам оказать негласную помощь. Действительно, в течение года французское правительство выдало американцам 2 миллиона ливров в качестве дара и, кроме того, дало взаймы еще 1 миллион. Однако основной вопрос — о союзе — Верженн пока отказался рассматривать.

Стремясь ослабить своего векового соперника — Англию — французское правительство оказывало американцам денежную помощь. Тем не менее оно расценивало американцев как «мятежников против законного монарха». Желая помочь американским колониям, их друг Бомарше обратился к Людовику XVI с письмом. Он заверял короля, что помощь американцам будет оказываться только для того, чтобы уравнять их силы с английскими и затянуть войну до бесконечности. Мысль эта показалась Людовику XVI дельной. Однако даже и такая помощь «мятежникам» смущала французского короля и, соглашаясь помочь американцам, он считал, что поступает дурно.

Заключение союзного и торгового договора между Францией и Соединенными Штатами (6 февраля 1778 г.)

Между тем положение колоний было близко к катастрофе. В августе 1777 г. послы Американской республики представили французскому правительству меморандум. В нем говорилось, что, в случае если Франция не сумеет оказать более эффективную помощь, американские колонии заключат с Англией мир. При французском дворе понимали, что эта угроза вполне реальна, тем более что и в Америке и в Англии имелись сторонники прекращения войны. Однако, несмотря на критическое положение, Верженн не спешил с ответом. Тогда конгресс начал переговоры с Англией, но вследствие успехов английских войск эти переговоры были прерваны английской стороной.

Положение в Америке становилось все более опасным для восставших. Англичане заняли Филадельфию, и конгрессу пришлось переехать в Йорктаун. Англичане решили окончательно подавить восстание и направили в средние колонии крупную армию под командой генерала Бергойна. К этой военной операции было привлечено внимание всей Европы.

Английский посол лорд Стормонт объехал все посольства в Париже и сообщил о том, что англичане одержали значительную победу в первом столкновении с американцами. Когда же было получено известие о том, что корпус Бергойна окружен под Саратогой и в полном составе капитулировал, Франклин широко распространил это известие, разослав по большому количеству адресов справку об этом историческом событии.

Итак, в декабре 1777 г. в ходе военных действий наметился перелом в пользу американцев. Между США и Англией возобновились переговоры о мире. Верженн внимательно наблюдал за их течением. Для того чтобы узнать о результате этих переговоров, он завербовал владельца того дома, в котором проживали Франклин и Дин. Этот шпион подслушивал разговоры и собирал сведения о своих квартирантах разными способами. Он сообщил Верженну, что переговоры идут полным ходом и что скоро мир будет подписан. Победа под Саратогой и сведения о предстоящем мире убедили Верженна и Людовика XVI в том, что надо действовать немедленно: дальнейшее промедление могло обеспечить мир между Англией и США, развязать Англии руки и в результате этого грозило Франции потерей ее вест-индских колоний. Тесно связанный с Франклином Бомарше усиленно убеждал Людовика XVI в необходимости союза с Соединенными Штатами.

6 декабря 1777 г. Верженн сообщил Франклину, что французское правительство решило начать с США переговоры о союзе. Предпринимая этот шаг, Верженн хотел продлить войну между американскими колониями и Англией, надеясь на дальнейшее истощение обеих сторон.

Получив от Верженна обещание о заключении франко-американского союза, Соединенные Штаты прервали мирные переговоры с Англией. Однако, добившись этого результата, Верженн снова перестал спешить. Он сообщил Франклину, что договор о союзе будет заключен только после того, как к нему присоединится Испания. Между тем ответ от испанского правительства не мог быть получен по той простой причине, что Верженн вовсе и не запрашивал мнения Мадрида по этому поводу. Только 6 февраля 1778 г., получив известие, что США опять возобновили переговоры о мире с Англией, Франклин заключил два важных договора с Францией — о союзе и о тор-

говле. Договор о союзе означал для Франции вступление в войну с Англией. По этому договору Франция — первая из держав — не только признала суверенитет Соединенных Штатов, но и гарантировала их независимость. Со своей стороны Соединенные Штаты дали гарантию неприкосновенности французских владений в Америке. Соединенные Штаты получали право заявить притязания на британские владения на американском континенте, включая Канаду, и на Бермудские острова, а Франция — на вест-индские владения Англии. «Мы заключили наш договор о союзе с Францией и договор о торговле, — писал Франклин своему сыну. — Они весьма выгодны для Соединенных Штатов. Пересылаю эти договоры с этой почтой. Вся Европа за нас, а Англия в оцепенении» [1].

Английский посол покинул столицу Франции. 20 марта Франклин и другие американские уполномоченные вместе с двадцатью членами и сотрудниками американской миссии были приняты Людовиком XVI. Однако представитель США так и не был представлен дипломатическому корпусу.

Таким образом, победа американцев под Саратогой была не только большим военным событием, но и повлекла за собой далеко идущие международные последствия. Королевское правительство Франции, преодолев свою антипатию к американским мятежникам-республиканцам, признало новое американское государство, заключило с Соединенными Штатами союз и начало войну против Англии. Конгресс получил от французского правительства через Франклина крупную сумму денег и много оружия. Сильная французская эскадра из 26 линейных кораблей направилась с войсками в Америку.

Военные действия между Англией и Францией начались также в Индии. Французский флот атаковал английские корабли не только на океанских торговых путях, но и в территориальных английских водах.

Попытки конгресса завязать дипломатические отношения с рядом европейских государств

В 1778 г. вместо Сайласа Дина, которого обвинили в разглашении условий тайного договора о союзе с Францией, в Париж был прислан из Америки Джон Адамс. По общепринятым дипломатическим обычаям посол в какую-либо страну может быть назначен только с согласия ее правительства. Адамс предложил использовать в дипломатии новые методы, подобные тем, которые были применены американцами в военном деле, где они отказались от линейного строя и перешли к действиям цепями и небольшими колоннами. Американская милиция

[1] Ленинградская гос. библ. им. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел. Фонд Сухтелена. Автографы.

(отряды ополченцев), действуя иррегулярными методами, оказывала большую поддержку регулярной армии.

В связи с этим Джон Адамс, один из виднейших лидеров конгресса, подал мысль перенести тактику иррегулярных действий и в дипломатию. В дальнейшем появилось даже ходячее выражение: «милиционная дипломатия». Адамс предложил конгрессу пренебречь традицией назначать послов только в те страны, с которыми уже установлены дипломатические отношения, и притом только тех послов, на аккредитование которых имеется агреман, т. е. предварительное согласие правительства страны, куда посол назначается. Адамс настойчиво советовал направить послов во все страны, с которыми Соединенные Штаты желают иметь отношения, не испрашивая согласия правительств этих стран. Франклин протестовал. Но он был лишь одним из трех членов посольской миссии, и его заставили подчиниться большинству.

Хотя Испания, связанная «фамильным пактом» с Францией, и вступила в 1779 г. в войну против Англии, однако правящие круги Испании весьма неодобрительно относились к восстанию в американских колониях и к их отделению от Англии. Эта недоброжелательность особенно усилилась в связи с тем, что под влиянием восстания в английских колониях началось освободительное движение также и в испанской Америке. Когда член Континентального конгресса Артур Ли был направлен в Мадрид в качестве посла, испанское правительство остановило его в пути. После этого Артур Ли получил назначение в Берлин. Он явился туда, но не был принят Фридрихом II. Брата Артура — Уильяма Ли конгресс послал в Берлин и в Вену, но Уильям Ли не попал ни в одну из этих столиц и остался в Париже. Адамса направили в Гаагу, но сначала он не добился признания Соединенных Штатов Нидерландской республикой. Только позже, в 1782 г., Нидерланды признали Джона Адамса в качестве посла США. Безуспешно пытался получить признание своей страны при дворе Екатерины II Френсис Дейна.

Миссия Дейна

27 августа 1781 г. Дейна вместе со своим секретарем Джоном Куинси Адамсом прибыл в Петербург. Северная столица, по выражению американского историка Крессона, теперь сделалась «дипломатической осью дел, жизненно важных для борьбы американцев».

Еще в январе 1778 г. английский посол в Петербурге Гаррис сделал русскому правительству предложение о наступательном и оборонительном союзе Англии и России, с тем чтобы Россия объявила войну Франции и вступила также в войну с США и Турцией. Однако Екатерина II отказалась от союза с Англией. В июне 1779 г. Гаррис еще раз, и опять

безуспешно, просил русский двор о помощи. 26 ноября он через Панина снова обратился к российскому правительству, сообщая, что Англия жаждет мира, и просил его заключить союз с Англией на любых условиях. Три месяца он ждал ответа и вновь получил отказ.

После этого Гаррис стал добиваться посредничества России в заключении мира между Англией и ее противниками. На это петербургское правительство изъявило согласие. Во время пребывания Дейна в Петербурге русская императрица (вместе с австрийским императором) считалась посредницей в мирных переговорах между Англией и воевавшими против нее государствами. Принятие посла США — страны, отделявшейся от Англии путем восстания и находившейся в войне против своей бывшей метрополии, могло бы быть истолковано в Англии как нарушение беспристрастного посредничества.

Прибыв в Петербург, Дейна увидел, что обстановка неблагоприятна для предъявления им своих верительных грамот. Только после фактического окончания войны Дейна решился сделать формальное обращение к русскому правительству с предложением признать Соединенные Штаты Америки. Он доказывал, что Соединенные Штаты возникли по воле американского народа и уже признаны не только английским королем, поскольку он согласился на переговоры с ними, но и английским парламентом, представляющим английскую нацию. Таким образом, Дейна выдвинул в качестве аргумента в дипломатических переговорах новый принцип народного суверенитета.

Екатерининские дипломаты ответили Дейна, что они не отрицают существования Соединенных Штатов, но что они не признают их формально до тех пор, пока этого не сделает «законный король» Георг III в окончательном мирном договоре. Иначе говоря, принципу народного суверенитета екатерининские дипломаты противопоставили принцип легитимизма, считая, что признание американского государства может последовать только с согласия «законного» монарха. Английское правительство протестовало в Петербурге против возможного признания Дейна. Ссориться с Англией из-за Америки Екатерина II считала нецелесообразным, опасаясь противодействия Англии русской политике на Ближнем Востоке.

В то время передовые люди России — Радищев, Новиков и их единомышленники приветствовали борьбу американцев за независимость и на первых порах даже идеализировали эту борьбу. Но в дальнейшем Радищев, бичуя русское крепостничество, столь же гневно осуждал истребление индейцев, бесчеловечную эксплуатацию рабов и нищету народных низов в США.

Вступление Франции и Испании в войну против Англии (1778—1779 гг.)

После заключения договора 1778 г. между Францией и США английское господство на море оказалось под угрозой. Против Англии выступили две сильные морские державы — Франция и Испания. Осенью 1779 г. Георг III обратился к Екатерине II с тревожным письмом, в котором снова просил о помощи.

«Сестра моя! — писал английский король. — Я восхищен был величием ваших талантов, благородством ваших чувств и широтой ваших взглядов. Нынешнее положение в Южной Европе представляет этим качествам новую возможность выгодно развернуться и довершить славу вашего царствования. Намерения врагов моих, будь они даже тщательно маскируемы, не могли бы ускользнуть от проницательного взора вашего величества. Но враги мои и не пытаются вовсе скрыть их: они с аффектацией открывают их всем, хвастают своими проектами и чаяниями, рассчитанными единственно на то, чтобы перевернуть всю Европу вверх дном. Их проекты могут осуществиться, если в такой критический момент ваше величество останется равнодушным зрителем. Применение, даже частичная демонстрация морских сил могли бы восстановить и укрепить спокойствие Европы, рассеять организовавшуюся против меня лигу и утвердить систему равновесия, которую эта лига стремится уничтожить. Я желал бы и всегда буду желать мира, но на условиях, гарантирующих сохранение моих прав, интересы моих друзей и союзников, нераздельно связанные с нашими, на условиях, соответствующих достоинству моей короны. Пребываю, сестра моя, вашего императорского величества искренне любящий брат Георг» [1].

Вооруженный нейтралитет 1780 г.

Екатерина видела, что положение Георга III на самом деле является затруднительным. По-видимому не без влияния донесений русского посла в Гааге Голицына, сообщавшего о росте антианглийских настроений в Голландии, Екатерина II решила произвести морскую демонстрацию, но только не в пользу Георга III, а против него. Тут-то Россия и взяла на себя инициативу объединения северных нейтральных стран в целях отражения нападений английского флота на их купеческие суда.

28 февраля (11 марта) 1779 г. первоприсутствующий в коллегии иностранных дел Н. И. Панин сообщил русскому посланнику в Париже И. С. Барятинскому о том, что императрица приказала направить одну из своих военных эскадр в Северное море для защиты торговли и предложила шведскому и дат-

[1] АВПР, Сношения России с Англией, IV, 1774—1779, № 10. Из письма Георга III от 5 ноября 1779 г.

скому дворам присоединиться к этим мерам[1]. К депеше была приложена декларация[2] об охране морской торговли в Северном море.

Этот важный шаг петербургского двора был направлен прежде всего против претензий Англии на безраздельное и произвольное господство на морях.

28 февраля (11 марта) 1780 г. английскому, французскому и испанскому дворам была направлена декларация Екатерины II о принципах морской торговли. Основные ее положения: нейтральные корабли (т. е. корабли под флагом нейтральных государств) могут свободно плавать из порта в порт и у берегов стран, находящихся в войне. На нейтральных судах можно перевозить и товары, принадлежащие подданным стран, находящихся в войне, за исключением военной контрабанды, к которой были отнесены оружие, боеприпасы, корабельные материалы и т. д. Блокированным считается такой порт, вход в который явно опасен. Для обеспечения соблюдения этих правил выделены значительные силы русского флота. Все эти мероприятия не нарушают строгого нейтралитета России[3].

Принцип свободы морей и свободной торговли нейтралов в период войны не был нов — его, например, выдвигали американские дипломаты еще в 1776 г., но только твердая политика, обеспечившая защиту этого принципа военно-морскими силами России, а затем и других государств, сделала его жизненным.

Объявление «вооруженного нейтралитета» нанесло сильнейший удар попытке Англии блокировать противников. Англия уже находилась в войне с американскими колониями, Францией и Испанией. Теперь еще целый ряд государств был готов к военным действиям против нее, в случае если бы Англия продолжала нарушать их торговлю. К северным странам — России, Голландии, Дании и Швеции — присоединились Пруссия, Австрия (1781 г.), Португалия (1782 г.) и королевство Обеих Сицилий (1783 г.). В 1780 г. один из крупнейших участников вооруженного нейтралитета, сильная морская держава и мировой банкир того времени — Голландия вступила в войну против Англии.

Провозглашение вооруженного нейтралитета окончательно дипломатически изолировало Англию и подорвало ее господство на море. Таким образом, Россия в этом вопросе оказала поддержку Соединенным Штатам. Это понимали в Америке. Конгресс Соединенных Штатов, еще не имея дипломатических отношений с Россией, направил российскому правительству послание через французского поверенного в Петербурге маркиза

[1] АВПР, ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 345, 1779 г., л. 47.
[2] Там же, л. 49.
[3] АВПР, ф. Сношения России с Англией, оп. 35/6, д. 67, 1780 г., л. 1.

Верака. Соединенные Штаты заявили, что они присоединяются к принципу вооруженного нейтралитета, хотя американская республика являлась не нейтральной, а воюющей стороной. Президент Континентального конгресса Сэмюэль Хантингтон в послании, направленном в Петербург в октябре 1780 г., сообщал, что конгресс приказал подготовить инструкции для командиров военных судов Соединенных Штатов в соответствии с принципами декларации о вооруженном нейтралитете, а послам Соединенных Штатов предложил согласовать свои действия с этими принципами. В заключение Хантингтон писал: «Конгресс желает, чтобы чувства и мероприятия, изложенные в приложенном документе и затрагивающие этот важный сюжет, были бы доведены до сведения нашей великой и доброй союзницы возможно скорее, как только это окажется возможным».

Таким образом, правительство России, исходя из общей международной обстановки и руководствуясь своими интересами в вопросе о вооруженном нейтралитете, как и в ряде других случаев, оказало поддержку США.

Тем временем в Америке продолжалась война. Англичане одерживали победы. В трудный момент, когда английские войска сожгли ряд городов на Юге и когда английский генерал Корнваллис занял Южную Каролину и двигался на Виргинию, конгресс послал в Париж своего уполномоченного Лоренса с просьбой о дополнительной помощи. Лоренсу через посредство Франклина удалось добиться от Франции новой субсидии. Он получил для Америки крупный заем. Из Франции были посланы на помощь Соединенным Штатам большая эскадра и новые войска, а также отправлены амуниция и оружие на 20 тысяч человек. В один из труднейших моментов войны за независимость американцы еще раз получили помощь от Франции.

Больной 74-летний Франклин просил конгресс освободить его от непосильной службы и позволить вернуться на родину. Но конгресс не согласился отстранить Франклина «от службы обществу». Он просил престарелого посла оказать «последнюю услугу» Соединенным Штатам — вести с Англией переговоры о мире. Франклин остался на своем посту.

Мирные переговоры

В 1781 г. Россия и Австрия предложили воюющим державам посредничество с целью заключения мира. Это посредничество было принято обеими странами. Английский король, добиваясь союза с Россией, предложил Екатерине II отдать России остров Минорка, если Екатерина, приняв посредничество, будет действовать в интересах Англии. Екатерина отказалась от такого подарка, но не от самого посредничества. Оно, правда, не было доведено до конца ввиду того, что Англия и Франция, приняв предложение России, в то же время начали ме-

жду собою прямые переговоры. Англия начала также и непосредственные переговоры с Соединенными Штатами.

В том же 1781 г. при Йорктауне английские войска потерпели решительное поражение. Корнваллис со своей армией сдался Вашингтону. Тогда же в Англии пришла к власти партия вигов, которая стояла за мир с американскими колониями. Начались мирные переговоры.

Первоначально конгресс поручил переговоры о мире единолично Джону Адамсу, но по инструкции конгресса от 15 июня 1781 г. для мирных переговоров была составлена комиссия из пяти человек с участием Франклина и Джея.

Джон Джей сыграл в переговорах видную роль. Он происходил из французской гугенотской фамилии, обосновавшейся в Нью-Йорке. С 1777 по 1779 г. он был главным судьей этого штата и был одним из богатейших людей в Америке.

Джею стало известно, что при содействии Франции Англия и Испания собираются поделить между собою американский Запад, что Франция ничего не имеет против того, чтобы мир был заключен в ущерб Соединенным Штатам. Тогда, не говоря ни слова Франклину, которого Джей обвинял в излишней доверчивости и пристрастии к Франции, он вступил (в сентябре 1782 г.) через одного из английских агентов в Париже в непосредственные переговоры с британским правительством. В это время в Англии руководящей фигурой кабинета стал Шелберн, который решил разъединить противников своей страны и для этого стремился вести переговоры с каждым в отдельности. Шелберн принял предложение Джея. Дальнейшие англо-американские переговоры происходили втайне от Франции.

Американские уполномоченные получили инструкцию от конгресса вести все переговоры с ведома Франции. Однако Джей отступил от инструкции и, завербовав себе в союзники Джона Адамса, стал действовать втайне не только от Верженна, но в ряде случаев даже и от Франклина. В результате переговоров Англия признала независимость своих бывших колоний и заключила с ними договор на началах равноправия.

Условия этого договора были выработаны в Париже в 1782 г., а в силу он фактически вступил после подписания 3 сентября 1783 г., когда независимость Соединенных Штатов была формально признана также и в мирном договоре, заключенном между Англией, с одной стороны, Францией и Испанией — с другой, и после того, как англо-американский договор был ратифицирован как в Англии, так и в США. Первая статья англо-американского договора заявляла о признании Англией независимости США.

В связи с тем, что договор между США и Англией был заключен без ведома «союзного», французского правительства,

оно проявляло большое неудовольствие. Неблагодарная миссия — наладить испорченные отношения с Францией — выпала на долю Франклина; благодаря своему большому такту он успешно справился с этой нелегкой задачей.

В 1785 г. Франклин, которому тогда уже минуло 79 лет, получил разрешение вернуться в Америку. Он отдал свои последние силы служению родине на трудном посту ее представителя в другой стране и вернулся домой, восторженно встреченный своими соотечественниками.

Весьма высоко оценил американскую дипломатию периода войны за независимость, периода революционной активности народных масс В. И. Ленин. В 1918 г. в письме к американским рабочим, переправленном с большими трудностями за океан, Ленин писал: «В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев»[1]. При всей ограниченности американской буржуазной революции XVIII в. «война американского народа против разбойников англичан»[2] была прогрессивной, освободительной войной. В наше время реакционные монополистические круги США отбрасывают былые прогрессивные традиции Америки, родившиеся в войне за независимость, как доктрину народного суверенитета, борьбу против колониализма и др.

В годы образования Соединенных Штатов Америки основным содержанием внешней политики американской буржуазии была борьба за независимость, за государственный суверенитет Соединенных Штатов Америки. Но уже тогда для американской буржуазии были характерны экспансионистские устремления. Американские колонии Англии, освободившись от своей метрополии, вскоре же стали на путь агрессии и захватов. Расширение территории стало одной из основных задач дипломатии Соединенных Штатов Америки, и притом начиная с весьма ранней фазы их истории. Американские промышленники, земельные спекулянты, плантаторы и крупные фермеры уже в период войны за независимость требовали возможно большего расширения территории США на континенте Северной Америки. Джон Адамс, руководивший в Континен-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 50.
[2] Там же, стр. 44.

тальном конгрессе одновременно и внешней политикой и военными делами, а в 1778 г. назначенный членом дипломатической миссии во Франции, в этом же году с предельной четкостью сформулировал объем ближайших экспансионистских требований Соединенных Штатов. «До тех пор, — писал он, — пока Великобритания будет владеть Канадой, Новой Шотландией и Флоридами или одной из этих колоний, до тех пор Великобритания будет врагом Соединенных Штатов...» [1] В том же 1778 г. другой видный деятель войны за независимость, Сэмюэль Адамс, также требуя захвата Канады, Новой Шотландии и Флориды, заявил: «Мы никогда не будем иметь прочного положения до тех пор, пока Британия не уступит нам того, что указующий перст Природы предназначил нам для обладания, или до тех пор, пока мы не вырвем у нее этих владений» [2]. Член Континентального конгресса Джемс Лауэл распространял свои аппетиты и на Ньюфаундленд, уверяя, что обладание рыбными ловлями у Ньюфаундленда соответствует «намерениям бога в отношении американцев». Американский историк Альберт Баснел Харт пришел к выводу, что в памфлетной литературе и в политических выступлениях периода войны за независимость была выражена «концепция способности американцев не только захватить территорию вооруженной рукой, но и удержать ее за собой в качестве колонии» [3].

Экспедиция подполковника виргинского ополчения Джорджа Кларка за Аллеганы в 1778 и следующих годах не имела существенного военного значения для борьбы против Англии. Действия Кларка в первую очередь были направлены против индейцев, и главная его цель заключалась в том, чтобы заявить претензии США на населенную индейцами область между Аллеганами и Миссисипи, с тем чтобы в дальнейшем добиться присоединения этой обширной территории к США. Кларк, организовавший экспедицию для захвата земель индейцев, заслужил в США чрезвычайную популярность. Некоторые начали его ставить на второе место после Вашингтона.

Таким образом, экспансионистская политика Соединенных Штатов Америки появилась одновременно с их возникновением. Эта политика была реально направлена в ту пору в первую очередь на земли североамериканского континента, населенные индейскими племенами, подвергавшимися безжалостному уничтожению или насильственно переселявшимися на запад.

Договор 1778 г. о союзе между США и Францией имел свой эпилог в 1793 г.

---

[1] *A. K. Weinberg*, Manifest Destiny, Baltimore, 1935, p. 21.
[2] Ibid., p. 22.
[3] *A. K. Weinberg*, op. cit., p. 19.

Деятельность французского посла Женэ в Америке (1793—1794 гг.)

В связи с прибытием в Соединенные Штаты нового французского посла «гражданина Женэ» произошел ряд инцидентов, далеко выходящих за рамки обычной дипломатической практики. Эдмон Женэ был назначен послом Французской республики в Соединенные Штаты в 1792 г., когда в Конвенте господствовали жирондисты. В Америку Женэ явился 8 апреля 1793 г., в период ожесточенной борьбы жирондистов и якобинцев. Обычно посол прежде всего предъявляет свои верительные грамоты тому правительству, при котором аккредитован. Но Женэ, высадившись, в связи с бурей, свирепствовавшей на море, а может быть и умышленно, не в Филадельфии — тогдашней столице Американской республики, — а в Чарлстоне — главном городе Южной Каролины, — сразу принялся действовать, исходя из предпосылки, что союзный договор 1778 г. между Соединенными Штатами и Францией сохраняет силу и что Соединенные Штаты являются союзником Франции в ее войне против Англии и Испании, т. е. воюющей стороной.

Весьма широко трактуя договор 1778 г., Женэ в короткое время снарядил, не испрашивая согласия американских властей, на коммерческих началах множество каперов из американских кораблей для борьбы против английского флота. Захваченные этими каперами английские суда приводились в американские гавани; там с ними поступали, как с военным призом, т. е. конфисковали и судно и его груз. Против Испании, по инициативе Женэ, была сформирована из американских колонистов сухопутно-морская военная экспедиция в бассейн реки Миссисипи; был начат поход на запад, чтобы завоевать огромную область в центральной части североамериканского континента — Луизиану (уступленную Францией Испании в 1763 г. по Парижскому договору) и вернуть ее Франции. При содействии Женэ в Америке образовался ряд демократических клубов. Когда Женэ ехал в Филадельфию, народ повсюду приветствовал посла революционной Франции. К Женэ был весьма расположен и государственный секретарь Джефферсон.

Правительству Соединенных Штатов, осведомленному о действиях Женэ, резко нарушавших общепринятые международные нормы, приходилось решать вопрос о своем отношении к войне между Францией и Англией и к послу, действующему столь необычными методами. Джефферсон и один из наиболее влиятельных членов конгресса, Мэдисон, настаивали на выполнении союзного договора с Францией, но оба они заняли непоследовательную позицию, так как были против вступления в войну с Англией. Победила точка зрения консервативных федералистов, представлявших интересы торгово-промышленной

буржуазии северо-восточных штатов, Гамильтона и Джея. 22 апреля 1793 г. Г. Вашингтоном была подписана прокламация, вошедшая в историю американской дипломатии как прокламация о нейтралитете. Хотя слова «нейтралитет» в ней и не содержалось, но в ней говорилось о «дружественном и беспристрастном» отношении к воюющим державам. Все граждане Соединенных Штатов предупреждались против проявления враждебности в отношении воюющих сторон; контрабандная торговля с ними запрещалась. Вопрос о признании Женэ в качестве французского посла был решен в положительном смысле, но Вашингтон принял посла Французской республики в комнате, украшенной портретами Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

В июле французский фрегат «Амбюскад» захватил в американских водах британский корабль «Маленькая Сара». Женэ переименовал корабль в «Маленького демократа» и, несмотря на предупреждение государственного секретаря Джефферсона, приказал капитану тайно выйти в море для участия в военных действиях против англичан. Если бы Соединенные Штаты никак не реагировали на действия Женэ, это означало бы их отказ от нейтралитета и вступление в войну против Англии. 23 августа правительство Соединенных Штатов потребовало отозвания Женэ. Тогда Женэ адресовал негодующее и оскорбительное письмо президенту. Одновременно он через голову правительства обратился с апелляцией к народу, опубликовав содержание своего письма в газетах.

В феврале 1794 г. Женэ был отозван якобинцами. Он предпочел остаться в Соединенных Штатах в качестве частного лица. Со своей стороны, французское правительство потребовало отозвания американского посла в Париже Морриса, который симпатизировал королю и знати. Это требование было удовлетворено.

В 1794 г. Соединенные Штаты опубликовали формальную декларацию о нейтралитете. Союзный договор 1778 г. с Францией, таким образом, оказался фактически лишенным силы.

Значительно развив свою торговлю с европейскими странами, США использовали к своей выгоде войну в Европе.

Взаимоотношения Англии и Соединенных Штатов после войны за независимость. Англо-американский договор 1794 г.

Важнейшей проблемой внешней политики молодой заокеанской республики были ее взаимоотношения с недавней метрополией — Англией. Соединенные Штаты и после завоевания политической самостоятельности оставались в экономической зависимости от Англии. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1790 г. оплачиваемый пошлинами ввоз в Соединенные Штаты оценивался в 15 миллионов долларов; из них 13 миллионов долларов при-

ходилось на товары, ввозимые из Англии. Из экспорта стоимостью в 20 миллионов в Англию посылалось товаров на 9 миллионов. В Америке многие были заинтересованы в торговле с Англией и в установлении с ней хороших отношений. Так, например, стоявшие у власти федералисты Гамильтон, Джей и др. придерживались английской ориентации.

Между тем отношения Соединенных Штатов с Англией налаживались с трудом. Английское правительство не оставляло мысли о возвращении себе бывших американских колоний. Пользуясь их слабостью и недостаточной централизацией, Англия не выполняла условий мирного договора 1783 г. Она не выводила своих войск из укрепленных пунктов, построенных в колониальный период для борьбы против индейцев и против французов, она подстрекала индейцев к нападениям на западные поселения колонистов и стесняла торговлю американцев с вест-индскими колониями.

После того как в 1793 г. Англия вступила в войну с Францией, британские военные корабли стали обыскивать американские суда; при этом захватывались товары как французского происхождения, так и направляемые во французские порты. Английские капитаны снимали с американских судов матросов, бывших раньше английскими подданными, и не допускали судов Соединенных Штатов во французскую Вест-Индию. В ответ на эти репрессии Соединенные Штаты временно запретили ввоз английских товаров. Для урегулирования конфликта в Англию был послан со специальной миссией Джон Джей. В 1794 г. ему удалось заключить договор, который улаживал спорные вопросы.

Договор был, однако, не вполне равноправным: английские суда получили право посещать все порты Соединенных Штатов, но американские были лишены права заходить в английские владения в Северной Америке. Была подтверждена установленная мирным договором 1783 г. свобода плавания по реке Миссисипи как для американцев, так и для англичан, но в Вест-Индии американцам было разрешено вести торговлю только на судах водоизмещением не более 70 тонн, в то время как тоннаж английских судов не был ограничен. При этом американцам был запрещен вывоз из Вест-Индии таких товаров, как патока, сахар, кофе, какао и хлопок. Ряд других вопросов также был урегулирован не в пользу Соединенных Штатов.

Договор был подписан в Лондоне 19 ноября 1794 г. Доставке этого документа в Америку мешали противные ветры в Атлантическом океане. Только через три с половиной месяца Вашингтон узнал о заключении договора и мог ознакомиться с его текстом.

Когда договор был опубликован, положение Джея оказалось незавидным. Его обвиняли в продажности, публично жгли на

костре текст договора, портреты Джея, английский флаг и т. п. Так выразил американский народ свое отношение к этому акту официальной дипломатии американской буржуазно-рабовладельческой республики.

Положение Джея как лица, подписавшего договор, осложнилось еще тем, что в сенате этот документ встретил сильную оппозицию и был ратифицирован без пункта о торговле с Вест-Индией. Правительству Соединенных Штатов пришлось вступить в дополнительные переговоры с британским правительством, которое в конце концов уступило и отказалось от ограничительного условия. Но договор должен был пройти еще через палату представителей. В Америке палата представителей не обладала правом ратификации договоров, однако, утверждая бюджет, она принимала и отвергала расходы, которые связаны с проведением в жизнь тех или иных международных актов. На этот раз палата пожелала использовать свое право отпуска средств, для того чтобы отвергнуть документ, подписанный Джеем, и затребовала переписку, связанную с этим актом. Но тут вмешался Вашингтон: он квалифицировал действия палаты как неправомерные. К тому же Джей был верховным судьей Соединенных Штатов и сам мог бы иметь суждение по данному вопросу. В результате воздействия Вашингтона договор был утвержден.

Первый президент США Вашингтон выдвигал в вопросах внешней политики положения, представляющие большой интерес. В своем прощальном обращении от 19 сентября 1796 г. он заявил: «Великое правило нашего поведения — в отношении иностранных государств, — расширяя наши торговые отношения, иметь с ними как можно меньше политических связей. Поскольку мы уже взяли на себя обязательства, да будут они выполняться вполне добросовестно. На этом да будет позволено нам остановиться. Европа имеет систему весьма важных интересов, которые не имеют к нам никакого отношения или весьма отдаленное отношение»[1]. И Вашингтон призвал своих соотечественников не впутываться в европейские конфликты.

[1] *R. G. Bartlett*, op. cit., p. 87.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1794 гг.)

1. Буржуазия и дипломатия французской монархии накануне революции

Буржуазия и дипломатия абсолютных монархий XVI—XVIII вв.

Вслед за Америкой дипломатия восходящего буржуазного класса утверждалась во Франции. Французская революция 1789—1794 гг. нанесла решительный удар дворянско-династической дипломатии французской монархии.

Дипломатия французского абсолютизма и вся его внешняя политика вызывали глубокое недовольство французской буржуазии еще задолго до 1789 г. Окрепшая буржуазия не нуждалась уже в опеке абсолютизма: она не желала более сносить преобладание дворянских и династических интересов во внешней и внутренней политике. Как это было и в Америке, в противовес представлению о божественном происхождении королевской власти и самовластию абсолютных монархов радикальная философия буржуазного «просвещения» XVIII в. выдвинула идею суверенитета нации. Конечно, под «нацией» подразумевалось тогда во Франции третье сословие. «Нацию» и «отечество» идеологи буржуазии противопоставляли сословному обществу и дворянской монархии. При этом они отождествляли интересы нации со своими собственными классовыми интересами. Исходя из идеи нации, понимаемой в этом смысле, буржуазия требовала национальной внешней политики вместо политики дворянской и династической. Необходимой частью буржуазной революции стало поэтому подчинение буржуазии всех средств управления внешней политикой государства.

В других странах континента Европы накануне революции 1789 г. дипломатия абсолютных монархий была также подчинена в основном интересам дворянства и правящих династий. Но в Австрии, Пруссии и особенно в России в отличие от Франции еще не было сильной буржуазии, способной бороться за политическую власть. Лишь в конституционной аристократическо-буржуазной Англии, которая пережила половинчатую буржуазную революцию еще в XVII в., благодаря перевесу парламента над королевской властью интересы буржуазии во внешней политике находили более полное осуществление, чем в государствах континента Европы.

Кризис дипломатии французского абсолютизма к 1789 г.

Главной основой французской дипломатии второй половины XVIII в. был франц-австрийский союз 1756 г., скрепленный браком наследника престола (будущего Людовика XVI) с австрийской принцессой. Первоначально этот союз должен был прикрыть тыл Франции со стороны австрийских владений[1] и от нападения Пруссии и дать возможность бросить все французские силы на борьбу с Англией за колонии. В период Семилетней войны 1756—1763 гг. французский двор из-за семейных связей с Австрией поставлял для нее слишком много войск и денег и тем ослабил собственную страну. Австрия сделала Францию орудием своей политики. Выше отмечалось, что ошибки династической дипломатии Людовика XV способствовали победе Англии в Семилетней войне и потере Францией Канады и других колоний. «Австрийская система», которую приписывали ненавистной «австриячке» — королеве, — вызывала жесточайшие нападки со стороны буржуазии. Последняя видела в Австрии своего врага и надеялась в будущем покорить австрийские Нидерланды. Союз с Австрией стал резко противоречить интересам французской буржуазии и принес Франции одни неудачи.

Второй основой французской внешней политики был союз с Испанией: он был направлен против колониального преобладания Англии. Этот союз был более популярен, чем австрийский. Но буржуазия смотрела и на него, как на дань династическим интересам. По самой форме то был «фамильный договор» между испанской и французской ветвями Бурбонской династии. К тому же французские короли не старались использовать этот союз, чтобы добиться облегчения ввоза французских товаров в испанские колонии, что сделало бы «фамильный договор» более выгодным для буржуазии. Писатели, критиковавшие дипломатию французской монархии с точки зрения интересов буржуазии (Мабли, Фавье, Мирабо и др.), негодовали на то, что общее бессилие французской монархии, стесненной финансовым и политическим кризисом, делало ее неспособной к решительной внешней политике и поддержанию престижа Франции.

Несмотря на ослабление монархической Франции, борьба между ней и Англией за торговое и колониальное преобладание была тогда главным вопросом международной политики в Западной Европе.

Приняв участие в войне за независимость Соединенных Штатов, французская монархия достигла частичного успеха, но это не спасло Францию от необходимости в последующие

[1] На северо-востоке Франция граничила непосредственно с австрийскими Нидерландами (Бельгией).

годы делать Англии новые уступки. Наиболее значительной из этих уступок был торговый договор 1786 г. Он облегчил широкий доступ во Францию британским мануфактурным изделиям, подрывал французскую промышленность, но был выгоден дворянам-землевладельцам. В те же годы, слишком слабая для самостоятельной борьбы с Англией, Франция сблизилась с Россией. Она перестала поддерживать Турцию против России и торговым договором 1787 г. закрепила за собой все выгоды от торговли с новыми русскими черноморскими портами. Торговый договор 1787 г. с Россией был, с точки зрения интересов буржуазии, единственным крупным успехом французской дипломатии накануне революции. Наконец, французское купечество добилось от Турции доступа в Красное море и развернуло свои операции в Египте и на путях к Индии. Таким образом, на Ближнем Востоке Франции удалось еще сохранить свою торговую гегемонию, но Англия и здесь упорно старалась ее подорвать.

В 1787—1788 гг. международному престижу Франции был нанесен новый удар: французская монархия вследствие своего финансового и политического бессилия отказалась выполнить союзные обязательства по отношению к Голландии. Еще в 1785 г. Франция заключила союз с Голландией против Англии и Пруссии. В то время в Голландии захватила власть враждебная Англии буржуазная партия «патриотов». Но в 1787 г. прусские войска вторглись в Голландию и восстановили реакционное правление дворян и придворной партии, которые были сторонниками союза с Англией и Пруссией и находили поддержку среди части голландской буржуазии, связанной торговыми отношениями с германскими государствами. Отказ Франции оказать помощь Голландии против прусской интервенции был бесспорным банкротством французской дипломатии и обнаружил перед всей Европой ее бессилие. Успех прусской интервенции подчинил Голландию влиянию Англии и Пруссии. Уже в 1788 г. Англия, Пруссия и Голландия заключили военный союз — тройственную лигу — против России, Франции и Австрии. Накануне революции 1789 г. эта англо-прусско-голландская лига, поддерживавшая Турцию и Швецию, была самой сильной группировкой держав на Западе Европы. Ей противостояли разрозненные союзы Австрии с Россией и Франции с Австрией и Испанией.

Критика дипломатии абсолютных монархий XVIII в. идеологами буржуазии

Критика всех учреждений феодализма и абсолютизма идеологами буржуазного «просвещения» XVIII в. еще до революции 1789 г. распространилась и на дипломатию феодально-монархической Европы. Передовой буржуазии казалось недопустимым, что международные отношения абсолютных монархий рассматрива-

лись как отношения между монархами, а не между нациями. Идеологи буржуазии в борьбе против абсолютизма требовали, чтобы внешняя политика была подчинена интересам нации. Идея нации противопоставлялась сословному обществу и абсолютизму. Третье сословие и прежде всего его руководящая часть — буржуазия отождествлялись при этом с нацией. Известный идеолог и политический деятель буржуазии Сийес прямо отождествлял национальные интересы с интересами состоятельной и просвещенной части третьего сословия, т. е. с интересами буржуазии.

Буржуазия негодовала, видя, как дипломатия, подчиненная дворянско-династическим интересам, приводила к бесчисленным войнам из-за «наследств», часто приносившим буржуазии одни только убытки, но зато укреплявшим абсолютизм. Умеренная часть буржуазии хотела изменить направление французской дипломатии, уничтожить «австрийскую систему», устранить преобладание дворянских и династических интересов во внешней политике и упрочить престиж Франции. Монтескье писал о том, что «огромность завоеваний порождает деспотизм» и что Францию «погубили люди войны». Высказываясь за мирные отношения между народами, Монтескье признавал вместе с тем обоснованность и справедливость войны для самозащиты народа или государства от агрессии. Вольтер едко высмеивал интриги дипломатов абсолютных монархий и нескончаемые династические войны из-за престолов, как «несправедливые» и «нелепые». Как рационалист, он доказывал чисто логически, что если два государя, не решив дипломатического спора, начинают войну, то по крайней мере один из них, с точки зрения разума, ошибается. «Было бы нелепостью и варварством, — заключает Вольтер, — чтобы нации гибли из-за того, что один из государей, рассуждая, ошибся».

Идеологи буржуазии желали, чтобы средства, расточаемые на войны ради выгод дворянства и славы династий, шли бы на внутреннее капиталистическое развитие страны. Они доказывали, что Франции нужен мир для того, чтобы она смогла заняться внутренними преобразованиями.

Особенно резкой была критика дипломатии абсолютных монархий представителями мелкобуржуазного радикализма во Франции — Мабли и Руссо. Мабли был ярым врагом «австрийской системы». Он нападал на династические союзы и писал, что дипломатическое искусство абсолютных монархий руководствуется не «великими принципами», а «частными мотивами, мелкими интересами и капризами государей». «Устройство наших правительств мешает прогрессу науки о переговорах», — писал Мабли, так как случай или интриги ставят людей у власти.

Руссо давал не менее отрицательную оценку дипломатии абсолютных монархий. Советуя полякам произвести реформы в Польше, он писал им: «Не утомляйте себя тщетными переговорами, не разоряйтесь на посланников и представителей при других дворах, не считайте, что трактаты и союзы что-нибудь стоят». Дипломатическая тайна представлялась радикальным идеологам буржуазии только как средство государей обманывать свой народ и скрыто вести антинациональную политику. Протестуя против тайной дипломатии абсолютизма, прикрывавшей захваты территорий для возвеличения династий, эти идеологи приходили к отрицанию дипломатической тайны вообще, в любых условиях. По мысли радикальных представителей буржуазного «просвещения», территориальные присоединения не должны основываться ни на завоеваниях, ни на произволе государей, ни на династических притязаниях. Они допустимы лишь по волеизъявлению населения присоединяемых областей. Завоевания же, совершаемые монархами, только усиливают деспотизм. Государи ставят себе лишь две цели, говорит Руссо: «Расширять свои владения вовне и становиться более самодержавными внутри». Все прочие мотивы, выдвигаемые ими в договорах и нотах, как, например, «общественное благо», «счастье подданных», «слава нации», по мнению Руссо, не более как лицемерные предлоги. Они нужны только для того, чтобы дипломатия абсолютных монархий могла прикрывать свои истинные цели. Руссо развил, далее, утопический проект установления вечного мира и полного прекращения войн, намекая, что осуществить его можно, лишь уничтожив абсолютизм и господство династических интересов в дипломатии. Утопизм этого плана Руссо заключался в предположении, что войны могут быть полностью прекращены при буржуазном, частнособственническом строе. Средство для уничтожения войн Руссо видит в федерации государств с общеевропейским сеймом. Всеобщая гарантия нерушимости государственных владений сделала бы невозможными завоевания и войны. Для решения конфликтов можно было бы учредить нечто вроде международного трибунала.

В Англии в 1789 г. Бентам развивал сходные воззрения, а в Германии в 1795 г. их высказывал Кант. Осуждая династическую дипломатию и войны, Бентам выступал также против колониальных войн и связанных с ними договоров, выгодных, по его мнению, только для крупной торговой и финансовой буржуазии. Уничтожения войн Бентам мечтал достичь свободной торговлей, отказом от колоний [1], договорами о сокращении армий, упразднением тайной дипломатии, отменой монархиче-

[1] Отрицательное отношение Бентама к колониям объясняется тем, что средней и мелкой буржуазии Англии войны из-за колоний приносили только увеличение налогов.

ских титулов, порождающих споры о «наследствах». В этих проектах предвосхищен почти весь арсенал идей буржуазного пацифизма XIX и начала XX в.: уничтожение войн путем объединения государств для охраны мира в условиях буржуазного общества, договоры о сокращении вооружений, международный трибунал. У писателей второй половины XVIII в. эти пацифистские идеи были оружием критики дипломатии абсолютных монархий и английской колониальной политики. Для своего времени идеи эти сыграли прогрессивную роль.

Для идеологов французской буржуазии XVIII в. характерен космополитизм. «Просветители» XVIII в., особенно Руссо и Мабли, полагали, что разумная философия не позволяет замыкаться в рамках узких дворянско-династических интересов какой-либо одной монархии. Они считали, что политика должна подчиняться принципам, общим для всего человечества. Многие философы XVIII в. считали себя гражданами как бы всего мира. Подобно пацифизму, и космополитизм XVIII в. был одной из форм протеста буржуазии против дворянско-династической политики, с мелкими и ничтожными дрязгами государей, особенно в раздробленной Германии, где сложная сеть политических границ мешала развитию страны. Рост мирового обмена порождал представление о том, что все эти феодальные перегородки между мелкими княжествами будут снесены победным шествием капиталистической цивилизации. Отсюда у идеологов буржуазного «просвещения» и возникла космополитическая идея мирового гражданства и политики, основанной на интересах всего человечества.

Космополитизм идеологов французской буржуазии был неразрывно связан с развитием буржуазного национального самосознания и отражал их веру во всемирное значение «естественных» принципов французской буржуазной просветительной философии и в то, что французская нация станет во главе всего человечества. Подобно идее нации и пацифизму, идеи космополитизма XVIII в. были направлены против дворянско-династической политики и войн и поэтому служили в то время в известной мере борьбе с феодализмом. Как и пацифизм, космополитизм XVII в. был неглубоким направлением политической мысли, распространенным главным образом среди литераторов и интеллигенции. Идеология промышленной и торговой буржуазии была прежде всего связана с идеей нации и верховенства нации в классовом, буржуазном смысле этого слова. Там, где буржуазия захватывала власть, вскоре же обнаруживались ее собственные националистические завоевательные стремления: вопреки всем пацифистским теориям развивалась пропаганда завоевания и дипломатия приобретала агрессивный характер. Пацифизм отступал на задний план, а буржуазный

национализм и космополитизм использовались для оправдания захватнических стремлений и притязаний буржуазии отдельных стран на европейское и мировое господство.

Тем не менее критика внешней политики и войн абсолютных монархий послужила теоретическим исходным пунктом для дипломатии французской буржуазии в годы революции.

2. Французская революция и европейская дипломатия в период Учредительного и Законодательного собраний

Французская дипломатия в период Национального учредительного собрания

Во времена абсолютной монархии министерство иностранных дел и посольства были организованы так, чтобы служить для абсолютной монархической власти послушным орудием ее политики. Министр иностранных дел назначался монархом и был ответствен только перед ним.

Послы и министры назначались обычно из аристократических фамилий, тесно связанных с двором. Немногочисленные чиновники министерства подбирались также и из буржуазных фамилий, члены которых уже числились в министерстве или при дворе. Попав в министерство, они служили там до конца своих дней. То были большей частью люди надежные, покорные, верные и хорошо обеспеченные жалованьем.

Министерство состояло из двух «политических управлений», разделенных по территориальному признаку. Первое ведало отношениями с государствами Западной и Центральной Европы и Америки; второе — с Восточной и Южной Европой и Скандинавскими государствами. Кроме этих двух управлений, существовали еще вспомогательные отделы.

После взятия Бастилии Национальное собрание, опираясь на принцип народовластия, стало вмешиваться в дипломатию королевского министерства, стремясь подчинить ее своим целям. От случая к случаю Национальное собрание издавало декреты по поводу сообщений министра иностранных дел о внешних делах. В мае 1790 г. Национальное собрание резко столкнулось с королевской властью по вопросам внешней политики. В это время возникла угроза войны между Испанией и Англией из-за притязаний на часть Тихоокеанского побережья Северной Америки. Весной 1790 г. обе стороны готовились к войне. В силу союзного «фамильного договора» 1761 г. испанский двор потребовал помощи от Людовика XVI. Министр иностранных дел сообщил Национальному собранию о намерении короля вооружить флот против Англии. Его заявление вызвало в Национальном собрании целую бурю. Буржуазия негодовала на политику Испании, не допускавшей фран-

цузских товаров в испанские колонии, и не сочувствовала «фамильному договору». Многие не без основания думали, что король под предлогом войны с Англией хотел попросту увеличить вооруженные силы для борьбы с революцией и с их помощью разогнать Национальное собрание. Поэтому левая часть Национального собрания решила отнять у короля право объявлять войну и заключать мир. Национальное собрание постановило, что само будет контролировать дипломатические переговоры и утверждать договоры. После горячих прений бо́льшую часть депутатов увлек за собой граф Мирабо, который около этого времени начал уже получать тайную субсидию от короля. 24 мая Мирабо добился в Национальном собрании компромиссного решения по вопросу о праве войны и мира. Согласно этому решению только Национальное собрание могло объявить войну и заключить мир, но лишь в том случае, если король внесет такое предложение. Таким образом, право войны и мира было распределено между королем и Национальным собранием. Во время прений депутаты резко осуждали династическую тайную дипломатию и союзы и заявляли, что Франции нужны только «национальные договоры» со «справедливыми народами». В связи с рассмотрением требований Испании об исполнении «фамильного договора» Национальное собрание создало постоянный комитет для наблюдения за дипломатическими делами. Главой «Дипломатического комитета» стал Мирабо. Дипломатический комитет и Национальное собрание окончательно подчинили себе официальную дипломатию короля и министерства, и крупная умеренная буржуазия стала, наконец, у руководства внешней политикой Франции. По предложению Дипломатического комитета Национальное собрание оставило в силе союз с Испанией, так как он мог понадобиться против Англии. Однако оно устранило из договора все статьи, которые имели наступательный характер. Были оставлены только оборонительные и торговые обязательства. Основами внешней политики Франции были провозглашены «всеобщий мир и принципы справедливости».

Особым декретом, принятым в декабре 1791 г., было установлено, что «французская нация навсегда отказывается от всякой войны с целью завоевания и никогда не употребит своей силы против свободы какого-либо народа». Завоевательные стремления самой французской буржуазии обнаружились позднее, когда в результате революции власть ее окрепла. В период Национального учредительного собрания власть буржуазии была еще неустойчива: воинственные предприятия могли ее поколебать, и Национальное собрание до своего

роспуска осенью 1791 г. сохраняло миролюбивое направление внешней политики и дипломатии.

Когда в 1789 г. в австрийских Нидерландах (Бельгии) произошла революция, большинство национального собрания было против вмешательства в защиту Бельгии от Австрии, боясь конфликта с феодально-монархической Европой. Несмотря на энтузиазм газет и клубов по поводу бельгийской революции, бельгийская нотификация о провозглашении независимости Бельгии по решению короля и министра иностранных дел была возвращена обратно в нераспечатанном виде. Национальное собрание не протестовало. Такая позиция Собрания вызвала разочарование не только бельгийцев, но и других иностранных революционеров — швейцарских, савойских и голландских патриотов, имевших в Париже свои клубы и мечтавших о том, что Франция поможет освободить их отечества от феодальных порядков. Надежды эти разделяли и эмигранты из немецких земель на левом берегу Рейна. Самым видным деятелем из этих иностранцев был немецкий философ Клоотц, преклонявшийся перед французским буржуазным «просвещением» XVIII в. и называвший себя «галлофилом». Клоотц провозглашал принципы французской революции имеющими всемирное, космополитическое значение. В июне 1790 г. иностранные революционеры в национальных костюмах во главе с Клоотцем торжественно явились в Национальное собрание, ратуя за братство народов и распространение революции на соседние страны, однако Собрание холодно отнеслось к их выступлению. Французская крупная буржуазия считала, что для ее национальных интересов невыгодно обострять отношения с правительствами феодально-монархической Европы.

Несмотря на миролюбие Национального собрания, отмена части феодальных повинностей вовлекала Францию в столкновения с монархической Европой. Во Франции, в Эльзасе, находился ряд мелких владений германских имперских князей. Революция уничтожила там старые феодальные права сеньоров. Князья жаловались германскому имперскому сейму и добивались вмешательства Австрии и Пруссии, а также России и Швеции[1] для восстановления своих привилегий. Желая избежать конфликта, Национальное собрание решило вознаградить князей за убытки, как частных лиц. Министерство иностранных дел начало с ними переговоры, которые затянулись до начала войны с коалицией. Сделка в конце концов так и не состоялась. Австрия, Россия и Пруссия побуждали князей к сопротивлению в надежде иметь в руках лишний предлог для

[1] Швеция еще по Вестфальскому миру 1648 г. стала гарантом политического устройства и границ Священной Римской империи. Россия гарантировала их по Тешенскому миру 1779 г. (см. выше).

войны с Францией. Екатерина подстрекала князей требовать австрийского и прусского вмешательства, рассчитывая скорее втянуть эти государства в войну с Францией. Конвент отменил решение о вознаграждении эльзасских князей только тогда, когда война с коалицией уже началась.

Конфискация церковных земель, произведенная Национальным собранием, и проект гражданского устройства духовенства вызвали конфликт Франции с римским папой. Пытаясь уладить дело, министерство завязало с Римом тайные переговоры, только что в принципе осужденные Национальным собранием. Однако соглашение не было достигнуто. Революция распространилась на принадлежавшую папе территорию Авиньона [1], со всех сторон окруженную французскими владениями. В апреле 1791 г. население Авиньона потребовало воссоединения его с Францией. Дипломатический комитет предложил Национальному собранию применить на практике новый принцип территориальных присоединений на основании изъявления воли самим населением. Декретом Национального собрания от 14 сентября 1791 г. Авиньон был присоединен к Франции, «согласно желанию, свободно и торжественно изъявленному большинством коммун и граждан». Присоединение Авиньона еще более обострило отношения не только с Римом, но и с соседними монархическими державами, которые опасались, как бы и их население не пожелало присоединиться к революционной Франции. С того времени на принцип суверенитета нации, введенный в европейскую международную политику французской революцией, французские правительства ссылались [2] при издании всех декретов о территориальных присоединениях в ходе революционных войн Франции с коалицией.

В то время как официальная дипломатия находилась под надзором Дипломатического комитета Национального собрания, двор вел свои тайные интриги с целью вызвать вмешательство иностранных держав для восстановления абсолютной монархии. Слухи об этом распространялись, и в Национальном собрании и клубах росло недоверие к прежнему дипломатическому персоналу, который тайно помогал королю сноситься с иностранными дворами. В Национальном собрании стали раздаваться требования очистки дипломатического персонала от сторонников абсолютизма. Под давлением этих требований даже Мирабо, втайне продавшийся двору, вынужден был в январе 1790 г. признать необходимость почти полной смены послов Франции при иностранных дворах. В марте 1791 г. было сменено семь послов. Собрание установило для послов

[1] Город в долине Роны между Лионом и Марселем.

[2] До французской революции этот принцип был применен только в дипломатии Соединенных Штатов в период борьбы за независимость.

специальную присягу. Некоторые из старых дипломатов отказались ее принести и были отозваны.

Сильно скомпрометировала старый дипломатический персонал неудачная попытка бегства короля из Франции летом 1791 г. Министра иностранных дел обвиняли в соучастии в этом деле. После бегства в Варенн король был временно отстранен от власти. В результате этого почти все иностранные дворы прервали сношения с послами Франции. Боясь дальнейшего развертывания революции, Национальное собрание вновь восстановило власть короля; по конституции 1791 г. оно предоставило ему ведение всех внешних сношений с правом заключать договоры при условии последующей ратификации их законодательным корпусом.

Европейская дипломатия в 1789—1792 гг. Уильям Питт младший

Когда во Франции началась революция, внимание европейских дипломатов было приковано к событиям в Восточной Европе. Война России с Турцией, начавшаяся в 1787 г., была в разгаре. Австрия присоединилась к России в 1788 г., но австрийская армия вскоре была разбита. Лишь русские войска одержали крупную победу, взяв после длительной осады Очаков. Однако исход борьбы этим еще не был решен. Россия вела в то же время вторую войну со Швецией. Англия и Пруссия оказывали всемерную дипломатическую поддержку и Турции и Швеции. Тем не менее французская революция весьма скоро оказала решительное влияние на всю международную политику. Она заставила державы надолго перенести свое внимание с востока на запад Европы. Старое европейское равновесие было нарушено. Французская революция открыла новый период в развитии международных отношений. Вскоре борьба с буржуазно-революционной Францией стала в центре всех международных событий и дипломатических переговоров.

Наиболее значительную роль в европейской политике в то время играли две самые мощные державы — Англия и Россия. В Англии руководителем внешней политики с декабря 1783 г. был Уильям Питт младший, сын лорда Чатама, знаменитого министра из партии вигов во времена Семилетней войны. Уильям Питт оставался главой министерства непрерывно с конца 1783 по 1801 г. и затем снова занимал этот пост с 1804 г. до своей смерти в 1806 г. Благодаря своим выдающимся способностям, а также обширным связям и влиянию своей семьи Питт, едва достигнув совершеннолетия, был избран членом парламента и вскоре, в возрасте около 24 лет от роду, стал во главе правительства. В последующие годы Питт показал себя крупным политическим деятелем. Он много сделал для того, чтобы укре-

пить положение Англии и усилить ее могущество, пошатнувшееся после потери ею важнейших американских колоний.

Принадлежа кториям, Питт младший воспользовался развалом партии вигов для того, чтобы сплотить вокруг себя, помимоториев, также и значительную часть вигов.

Питт поставил себе задачу вывести Англию из того критического положения, в которое она попала после поражения в войне с американцами.

Питт твердо и решительно определил основную линию внешней политики. Он прежде всего постарался вырваться из того состояния политической изоляции, в котором находилась Англия. Он принялся за подыскание союзников. Главным противником Питт считал Францию и, чтобы упрочить ей, хотел сблизиться с какой-нибудь из сильных держав на европейском материке. Прежде всего он обратился с предложением о союзе к Екатерине II. При этом у него была тайная цель, которую царица прекрасно разгадала: чтобы предотвратить сближение Франции с Россией, Питт хотел опередить Францию и заранее вступить в соглашение с Екатериной II. Вдобавок он рассчитывал, что, связав Россию союзом, ему легче будет мешать ей в ее борьбе против Турции. Попытка эта не удалась. Предлагая союз Екатерине II, Питт не думал распространять свои союзные обязательства на случай русско-турецкой войны. Это и обесценивало его предложения в глазах Екатерины II, желавшей найти союзника именно против турок.

Питт был первым видным английским политическим деятелем, который стал противодействовать политике России в восточном вопросе и ее дальнейшему продвижению на побережье Черного моря. Екатерина поняла намерения Питта и отказала ему в союзе. С этого времени антагонизм Англии с Россией стал открыто обостряться.

Потерпев неудачу в Петербурге, Питт решил вернуться к союзу с Пруссией. Здесь он имел успех. В 1786 г. он заключил с нею союзный договор, направленный против Франции и России. В том же году Питт добился заключения с Францией очень выгодного для Англии торгового договора, не обращая никакого внимания на протесты парламентской оппозиции против всяких компромиссов с таким заклятым и «наследственным» врагом Англии, как Франция. Питт считал, что никогда нельзя поддаваться страстям, чувству мести или гнева при определении своих врагов и друзей. Отвечая ораторам оппозиции, Питт заявил однажды, что, по его мнению, «было бы глупо и по-детски считать, что одна нация всегда может быть извечным врагом другой». Разумная политика, по его мнению, должна взвешивать изменение обстоятельств. Дипломат должен защищать выгоды своего государства, не поддаваясь

влиянию чувств и следуя велениям холодного расчета. Утилитаризм в смысле признания интересов британской аристократии и подымающейся агрессивной английской буржуазии высшим принципом политики был свойствен всей деятельности Питта.

Заключение торгового договора не мешало Питту везде, где возможно, подрывать французское влияние. Он подготовил низвержение в Голландии правительства «патриотов», которое заключило с Францией союз. Именно Питт побудил Пруссию произвести контрреволюционную интервенцию в Голландии и восстановить реакционное правление штатгальтера. Более всего он боялся, как бы Франция не завладела важными голландскими колониями — островом Цейлон и Капскою землей — и сам рассчитывал в будущем захватить эти важные пункты на морском пути в Индию. Создание англо-прусской лиги было крупным успехом его дипломатии накануне французской революции 1789 г. Политика Питта в отношении союзников была грубо своекорыстной. Она заключалась в том, чтобы брать от них все, что возможно, давая в обмен возможно меньше или ничего и бросая их на произвол судьбы в случае неудачи. В отношении внешних врагов Питт тем более не стеснялся в средствах и широко применял провокации, шантаж, подкупы и вмешательство во внутренние дела других стран для осуществления своих целей. Против России Питт старался использовать Турцию и Швецию. Не без влияния его советов, султан в 1787 г. начал войну с Россией, а в 1788 г. шведский король Густав III напал на нее с севера с целью захвата Петербурга.

Питт вел свою политику, опираясь на восходящую торгово-промышленную, финансовую и морскую мощь Англии, вступившей на путь промышленной революции. Британская дипломатия повсюду в Европе старалась усилить свое влияние.

С самого начала французской революции Питт возненавидел ее в качестве истого тори, представителя интересов английской аристократии и крупной буржуазии. Вначале, до 1792 г., Питт надеялся, что революция лишь ослабит Францию и даже поможет Англии вытеснить отовсюду остатки французского влияния. К тому же в эти годы он был занят борьбой против России. В силу всего этого в первые годы революции он воздерживался от вмешательства в собственно французские дела. Но уже тогда Питт как огня боялся распространения революции по всей Европе и в особенности подчинения австрийских Нидерландов французскому влиянию. Когда в 1789 г. революция вспыхнула в Бельгии, Питт немедленно предпринял дипломатическое вмешательство в интересах контрреволюции. Питт решил заставить Австрию и Пруссию отвлечься от восточноевропейских дел и забыть взаимную вражду, чтобы общими силами потушить разгоревшийся пожар.

В меморандуме, направленном Пруссии, он предлагал ей договориться о совместном подавлении бельгийской революции. Уже тогда он заботился о том, чтобы подготовить сближение Пруссии и Австрии для борьбы с влиянием революционной Франции в Европе. В дальнейшем, начиная с 1792—1793 гг., Питт стал главным вдохновителем и организатором контрреволюционной коалиции против Франции.

Дипломатия царского правительства в 1789 г.

Русская дипломатия по-прежнему находилась в руках самой Екатерины II и — в последние годы ее царствования — нескольких близких к ней лиц. Первоприсутствующим в коллегии иностранных дел оставался бездарный вице-канцлер граф Остерман. В эти годы ближайшими помощниками императрицы были князь Безбородко и Потемкин.

Потемкин проявлял большой интерес к завоеванию Черноморского побережья. У него не было ясной системы взглядов на внешнюю политику, но его природный ум и способности к переговорам признавали такие люди, как французский посол Сегюр и А. В. Суворов, хотя Суворов считал Потемкина совершенно бездарным и ленивым полководцем. Лень, сибаритство и всевозможные чудачества мешали Потемкину вести дела, но он знал людей, умел собирать нужные сведения, был сметлив и слыл мастером переговоров: он умел повести их так, чтобы утомить собеседника и заставить его уступить. Другим ближайшим доверенным лицом царицы был сын глуховского помещика князь А. А. Безбородко, выдвинувшийся на службе в канцелярии фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского. Екатерина сделала его своим секретарем, а затем, с 1780 г., он стал «полномочным для всех негоциаций». Безбородко отличался выдающимися способностями в разработке новых дипломатических комбинаций и служил связующим звеном между царицей и коллегией иностранных дел. Изворотливость и ловкость искусного царедворца и искусство в подготовке дипломатических документов позволяли ему долгое время пользоваться репутацией лучшего редактора образцов инструкций, нот и договоров, которые составляла в то время коллегия иностранных дел.

Но Екатерина II не всегда подчинялась влиянию своих советников. Она искусно направляла их деятельность, пользуясь их услугами, и совместно с ними намечала основные задачи своей внешней политики.

Общая обстановка в годы революции во Франции благоприятствовала успехам русской дипломатии. Царизм был еще крепок. В России не было сильной буржуазии, которая ослабляла бы военно-феодальный строй своей борьбой. Крестьян-

скую войну Екатерине II удалось потопить в крови. Огромная территория, многочисленное население и сильная армия делали Россию могучей военно-феодальной державой. Соседями России были слабые, отсталые государства: Польша, находившаяся в состоянии полного развала, Швеция и Турция. Русская дипломатия искусно пользовалась борьбой между Англией и Францией и между Австрией и Пруссией для увеличения удельного веса своего государства в европейской политике.

Этому содействовали дипломатические способности Екатерины II и ее советников, трезвое понимание ими интересов и стремлений других держав. Подобно Питту, они проявляли достаточно хладнокровия, терпения и твердости, чтобы выбрать наиболее благоприятный момент для достижения своих дипломатических целей. Эти цели определялись интересами Российской дворянско-крепостнической империи. В 1789 г. в восточном вопросе они сводились к приобретению Черноморского побережья между Бугом и Днестром и к разделу Турции в союзе с Австрией. Далее, царское правительство хотело сохранить влияние России в Польше и обеспечить свою империю от шведского нападения с севера. Для решения этих трех основных задач своей внешней политики императрица и ее советники взяли курс на сближение с Австрией и с Францией и задумали грандиозную комбинацию, направленную против англо-прусско-голландской лиги: они хотели подготовить заключение союза четырех держав — России, Австрии, Франции и Испании. Переговоры об этом союзе начались в Петербурге и Париже еще в конце 1787 г. Русские дипломаты прельщали Францию завоеваниями в Египте и Греции за счет Турции. Но слабость французской монархии, переживавшей финансовый и политический кризис, и нежелание Испании втягиваться в дела Восточной Европы тормозили переговоры. Екатерина и ее сановники понимали, что французская революция означала их полный провал, так как Учредительное собрание никогда не допустило бы этого союза.

Екатерина II и придворная аристократия Петербурга приняли близко к сердцу удар, нанесенный революцией во Франции дворянству и монархии. Императрица глубоко ненавидела революцию. Она называла Учредительное собрание «гидрой о 1200 головах», «шайкой безумцев и злодеев» и все более проникалась желанием начать войну с революцией, чтобы ее раздавить. Посол царицы во Франции Симолин должен был тщательно следить за политическим поведением русских в Париже и сообщать сведения о положении в стране. Внутри империи царица усилила цензуру, политический надзор и повелела сослать Радищева, высказав по его адресу, что он «бунтовщик хуже Пугачева» и «заражен французским заблуждением».

Зато французские эмигранты принимались в царской России с особым радушием.

Но известия о революции в Париже застали Екатерину за решением весьма сложных ближайших задач внешней политики России. То были: война с Турцией, затем оборона против нападения Швеции и дальнейшее укрепление позиций России в Прибалтике, борьба за сохранение русского влияния в Польше. Эти задачи поглощали силы царской России. Было бы неверно думать, что Екатерина II отложила в сторону эти задачи, когда она занялась борьбой с революцией во Франции. Поскольку в России еще не было развитой буржуазии, способной последовать примеру французской революции, а крестьянские движения после кровавого их подавления во время Пугачевского восстания были разрозненными и не сливались более в единую мощную и грозную волну, Екатерина II чувствовала себя увереннее и менее ощущала непосредственную угрозу революции, чем соседние с Францией германские монархи. В отличие от Священной Римской империи Россия не была соседкой Франции. Между нею и Францией лежали немецкие дворянские государства, которые были одним из оплотов феодально-абсолютистской реакции в Европе, и в них, за исключением прилегавших к Франции областей, не замечалось серьезных признаков революции. Эти обстоятельства определили особенности контрреволюционной политики правительства Екатерины II. Царица активно противодействовала развитию ненавистных ей революционных событий, но она направила все свои старания не на контрреволюционную интервенцию во Францию своими вооруженными силами, а на вовлечение в войну с Францией других государств Европы, чтобы возложить на них издержки этого похода, в котором они были ближе заинтересованы, и отвлечь их силы от вмешательства в польские и турецкие дела.

Екатерина рассчитывала, что рано или поздно эти государства втянутся в войну с Францией, и, несмотря на страстное желание послать свои войска во Францию, всякий раз откладывала это намерение. Во французских делах русская дипломатия старалась играть роль подстрекателя к интервенции и одного из организаторов контрреволюционной коалиции. Разумеется, австрийский, прусский и английский кабинеты отлично понимали тайные желания царицы и знали, как выгодно ей оттянуть их силы от Восточной Европы, направив их против Франции, чтобы без помехи укрепить свое влияние на Черном море, в Польше и Швеции. Поэтому они с подозрительностью относились к советам Екатерины II и не торопились ввязываться в войну с Францией. Они пошли на войну не сразу и вовсе не в результате подстрекательств царицы, а совершенно

самостоятельно и лишь тогда, когда этого потребовали непосредственные интересы их реакционных правящих классов. Если не считать событий в Бельгии, то до лета 1791 г. главное внимание этих государств все еще было приковано к событиям на востоке и в центре Европы.

Леопольд II и Бельгия. План Герцберга и союз Пруссии с Польшей в 1790 г.

Когда под влиянием революционных событий во Франции осенью 1789 г. в австрийских Нидерландах (Бельгии) вспыхнула революция против австрийского владычества и восставшие провинции отложились от Австрии, положение Габсбургов стало крайне тяжелым. Силы Австрии были заняты на юге войной с турками, которую австрийцы вели неудачно. Император Леопольд II искал выход из создавшихся затруднений. Это был один из умнейших и осторожнейших политиков своего времени — тончайший мастер на всякого рода компромиссы и соглашения.

Предоставив русским войскам добиваться победы над турками, Леопольд решил перенести все свое внимание на бельгийские дела. Возвращение Бельгии под власть Австрии стало его главною задачей. В этом вопросе Леопольд II мог надеяться на поддержку Англии и Голландии: успех революции в Бельгии подчинил бы эту страну французскому влиянию, что представляло большую опасность для Англии и Голландии ввиду важности стратегического положения Бельгии.

Зато в Пруссии решили использовать затруднения Австрии, чтобы ее ослабить. Прусская дипломатия находилась в руках Герцберга, который занимал пост министра с 1763 г. Это был типичный представитель прусской дипломатии, построенной на беззастенчивом вероломстве и на использовании затруднительного положения соседей. В этом смысле он был учеником Фридриха II. Но если этот король был трезвым, холодным политиком, то Герцберг являлся честолюбивым прожектером. Любимое занятие его заключалось в составлении сложных и запутанных проектов территориальных присоединений и обменов за счет других государств. Он при этом пытался высчитывать наперед вплоть до мелочей все непредвидимые варианты политических событий. Фридрих II крепко держал его в руках. Но после смерти Фридриха (1786 г.) при короле Фридрихе-Вильгельме II, бездарном и суеверном сластолюбце и обжоре, почти всегда пьяном и занятом своими любовницами, старый министр дал волю своим фантазиям.

Главная цель Герцберга заключалась в новых захватах польских земель. Он мечтал воспользоваться русско-турецкой войной, чтобы подорвать в Польше влияние России и заменить его прусским. Он рассчитывал захватить у Польши важные пункты на Нижней Висле — Гданьск (Данциг) и Торунь

(Торн) — и заставить Австрию заплатить полякам за эту потерю Галицией, отнятой у Польши в 1772 г. По расчету Герцберга, занятая войной Россия не смогла бы помешать новым захватам Пруссии в Польше. Далее, по мысли Герцберга, Пруссия должна была стать посредником при заключении мира России со Швецией и Турцией и продиктовать его условия. Он хотел, чтобы русская царица отказалась от Крыма в пользу Турции и от Карельского перешейка в пользу Швеции.

Когда Екатерина узнала об этом бредовом плане суетливого прусского министра, она презрительно заметила, что «угорелые кошки всегда мечутся». Усмотрев в плане Герцберга попытку сделать Пруссию вершительницею судеб Европы, царица с раздражением написала: «Вот вседержатель нашелся! Зазнались совершенно!» Царица вполне основательно считала Герцберга полнейшим ничтожеством. Один из умнейших русских дипломатов, граф Румянцев, язвительно доносил, что Герцберг «пребывает в единых канцелярских упражнениях» и в «равновесии своих естественных мыслей». Этим Румянцев хотел сказать, что у Герцберга концы с концами сходились только в уме, да на бумаге. После смерти Фридриха II Румянцев писал из Берлина, что «здесь не токмо умерла щука, но и зубов ее не осталось». Зная Герцберга и его приемы, царица и ее советники видели в его плане дерзкую попытку политического шантажа и не обратили никакого внимания на его претензию стать посредником при заключении мира с Турцией и Швецией.

Но Герцберг все-таки нашел «политиков», которые позволили себя одурачить. Это была та партия польской шляхты и магнатов, которая хотела порвать с Россией и заключить союз с Пруссией, воображая, что Пруссия поможет провести в Польше реформы и будет содействовать ее прогрессу.

В Варшаве в то время находился прусский посол Люккезини — итальянский авантюрист на прусской службе, вероломный и беззастенчивый, способный на любой обман и коварство, но внешне любезный и обходительный. Люккезини убедил поляков заключить с Пруссией союз и распустить так называемый Постоянный совет, который был орудием сторонников прорусской политики. Польша обязалась заключить выгодный для Пруссии торговый договор. Кроме того, Пруссия имела в виду передать полякам за счет Австрии Галицию и получить от них за это Гданьск и Торунь. Впрочем, последнее держалось в строгом секрете, статьи договора говорили только о дружбе, союзе и взаимной помощи против России.

Польские магнаты не догадывались, до какой степени одурачили их прусские дипломаты, которые мечтали лишь об ограблении и расчленении Польши. Через несколько дней

после заключения союза Люккезини цинично писал прусскому королю о польских политиках: «Теперь, наконец, эти люди у нас в руках, и будущность Польши зависит от наших соображений; край этот послужит для вашего величества театром войны и будет заслонять собой Силезию с востока, или, находясь в руках вашего величества, сделается предметом торга при переговорах. Вся ловкость с нашей стороны должна состоять в том, чтобы эти люди ни до чего не додумались и не могли предвидеть, до каких уступок доведены они будут в то время, когда ваше величество пожелаете от них благодарности». Чтобы еще более затруднить положение Австрии и России, Пруссия в 1790 г. заключила союз с Турцией.

Рейхенбахские соглашения 27 июля 1790 г.

Летом 1790 г. Герцберг решил запугать Австрию, заставить ее выйти из войны с Турцией с пустыми руками и уступить полякам Галицию. Он надеялся добиться этого при помощи Англии. В крайнем случае Герцберг готов был пойти и на войну против Австрии.

Леопольд II, связанный, правда, бельгийскими событиями и войной с Турцией, тем не менее не имел никакого желания уступать Галицию и отказываться от завоеваний в Турции, где победы Суворова позволили русским и австрийцам занять в 1789 г. Молдавию и Валахию. Император со своей стороны тоже готовился к войне с Пруссией и надеялся, что Англия окажется на его стороне, как держава, заинтересованная в подавлении бельгийской революции. Обе стороны стянули армии к своим границам.

Герцберг надеялся, что Россия, занятая войнами и на севере и на юге, не будет помогать Австрии в ее борьбе с Пруссией. Он вообразил, что наступил момент, когда Пруссия станет главенствовать в Европе, а Англия будет помогать ей как верный союзник.

Английские дипломаты действительно делали вид, что одобряют планы Пруссии. Герцберг не понимал, что это была лишь игра, нужная Питту, пока не исчезла угроза войны Англии с Испанией из-за земель на Тихоокеанском побережье Америки. Он не подозревал и того, что одновременно Англия признала за Леопольдом II право на присоединение части турецкой Сербии, полагая, что «турки должны заплатить за разбитые горшки», как выразился в Вене английский посол об убытках Австрии от войны. В Вене Питт через своих агентов утверждал то, что он отрицал в Берлине, и наоборот. Ничего не подозревавший Герцберг пригласил дипломатов на конференцию в силезской деревне Рейхенбах, в военном лагере, вблизи главных сил прусской армии, сосредоточенных для нападения на Австрию. Но Питт в это время уже готовил тяжелый удар для

своего союзника — Пруссии. Он вовсе не хотел тратить английские субсидии на поддержку Пруссии в войне с Австрией за прусские интересы и не намеревался отдавать Австрию на съедение пруссакам, хотя ему и хотелось оторвать ее от союза с Россией и помешать завоевательным стремлениям на Востоке. Питт ясно видел, что в 1790 г., при приблизительном равенстве сил Пруссии и Австрии, не Пруссия, а Англия стала вершительницей судеб европейского равновесия.

Во Франции все внимание было поглощено внутренней борьбой. Россия вела войну с двумя противниками — на севере и юге. Питт это хорошо учитывал: он знал, что место этих двух держав, решавших ранее споры Австрии и Пруссии, принадлежит в настоящий момент Англии. В его планы не входило, чтобы Пруссия усиливалась на Балтийском море за счет Польши.

Прусский король, в последний момент почуяв недоброе, попытался под разными предлогами не пропустить английского и голландского послов в Рейхенбах, задержав их у Бреславля. Но после решительных протестов послы все же появились на конференции. Здесь карты Питта были открыты, и ослеплению Герцберга наступил конец. Отчасти обманутым оказался и император Леопольд II: если ранее британские дипломаты оставляли ему надежду на передачу Австрии некоторых пограничных турецких крепостей, то в Рейхенбахе от него потребовали заключения мира с Турцией на основе восстановления строгого status quo, т. е. прежних границ.

К началу конференции в Рейхенбахе угроза войны с Испанией уже не стояла перед Питтом. Поэтому стесняться с пруссаками ему было нечего; Англия и Голландия наотрез отказали Пруссии в военной поддержке против Австрии; они потребовали примирения обеих сторон на основе строгого status quo и соглашения их о подавлении бельгийской революции. Австрия должна была отказаться от завоеваний за счет Турции [1] и выйти из войны с нею с пустыми руками; только при этом условии Англия, Голландия и Пруссия согласились помочь ей восстановить свою власть над Бельгией. Император Леопольд II был более равнодушен к восточной политике, чем его предшественник Иосиф II, и быстро согласился. Он считал, что отделался дешево, и был доволен возможностью вернуть себе хотя бы Бельгию. Зато австрийские дипломаты старой школы, вроде старого канцлера Кауница, прожившие всю жизнь в традициях непримиримой вражды с Пруссией, были вне себя от гнева, негодования и унижения.

Пруссии оставались две возможности: война с Австрией без союзников или отказ от плана Герцберга. Король видел,

[1] Дело шло о сербских землях, присоединенных Австрией в 1718 г. по Пассаровицкому миру, но возвращенных обратно Турции в 1739 г.

что сама Пруссия не обладала военным превосходством над Австрией. Он решил не рисковать в войне и уступить, пожертвовав планами своего незадачливого министра.

По Рейхенбахским соглашениям, подписанным 27 июля 1790 г., Пруссия отказалась от плана Герцберга, а Австрия — от завоеваний за счет Турции. Австрия обязалась выйти из Восточной войны на основе status quo и не помогать больше России. Следствием этого соглашения были австро-турецкое перемирие (сентябрь 1790 г.) и окончательный мир в Систове (август 1791 г.) между Австрией и Турцией. Зато Англия и Пруссия обязались содействовать восстановлению австрийской власти над Бельгией. Это был полный триумф дипломатии Питта: предотвратив войну между закоренелыми врагами — Австрией и Пруссией, Питт содействовал их сближению для борьбы с влиянием французской революции в Европе; он сохранил и австрийскую Бельгию как буфер против революционной Франции.

После Рейхенбахских соглашений, уже в декабре 1790 г., австрийские войска заняли Брюссель и подавили революцию в Бельгии. В конце 1790 г. конгресс представителей Англии, Австрии, Пруссии и Голландии, собравшийся в Гааге, окончательно признал и оформил восстановление власти Австрии над Бельгией. Это был первый в истории опыт дипломатического конгресса, созванного в связи с планами подавления революции. Историческое значение Рейхенбахских соглашений заключается в том, что, заставив Австрию и Пруссию сотрудничать в борьбе с революцией в Бельгии, они проложили дорогу к созданию контрреволюционной коалиции против Франции. Зато отношения между Англией и Пруссией несколько охладели. Поляки, заключившие с Пруссией союз в надежде получить Галицию от Австрии, видели в Рейхенбахских соглашениях провал всех своих надежд и акт вероломства со стороны Пруссии. Но они еще не предполагали, что менее чем через два года Пруссия разорвет союз с Польшей и станет инициатором ее второго раздела.

Восточный кризис 1791 г. Неудача Питта и успех Екатерины II

Запугав Австрию возможностью утраты Бельгии и заставив ее с пустыми руками выйти из войны с Турцией, Питт решил, что ему удастся проделать то же самое и с Россией. Он учитывал, что война с Турцией оказалась для России много труднее, чем вначале думала Екатерина. Австрия вышла из войны: без ее поддержки Екатерина не могла осуществить свои замыслы о захвате части турецких владений. Она требовала теперь только присоединения к России Очакова и части степного пространства между Бугом и Днестром. Новая блистательная победа Суворова — ге-

роический штурм и взятие Измаила, сильнейшей турецкой твердыни у устьев Дуная, — вынуждала турок согласиться на эти условия. Но Питт видел в этом угрозу установления русского господства над всем Черноморским бассейном и над Польшей. Польша с юга оказалась бы охваченной русскими землями, запирающими ей выход к морю по Бугу и Днестру. Между тем Питт сам мечтал о захватах в турецких владениях и в Пояьше. Он не хотел, чтобы Россия завладела устьями всех крупных рек, впадающих в Черное море. Прусское и английское правительства принялись запугивать Екатерину войной: они настойчиво предлагали свое посредничество (медиацию) в переговорах с Турцией, чтобы добиться от России согласия заключить мир на условиях status quo. Екатерина делала вид, что согласна принять «добрые услуги» (bons offices) Англии и Пруссии, однако наотрез отвергла предложения о посредничестве. В XVIII в. уже хорошо различали эти две формы участия в переговорах. Посредничество означало, что царское правительство должно отказаться от прямых переговоров с Турцией и все сношения с ней вести только через представителей Англии и Пруссии. Принятие же «добрых услуг» заставило бы царицу только выслушивать советы и предложения Пруссии и Англии: вести мирные переговоры с турками Россия могла самостоятельно. Предложение «добрых услуг» Екатерина также надеялась в конце концов отклонить, как только представится удобная минута.

Видя упорство России, в Англии принялись снаряжать флот из 36 линейных кораблей. Пруссия начала бряцать оружием, объявила мобилизацию, готовясь улучить удобный момент, чтобы занять Гданьск и Торунь. У английского посла в Петербурге лежал наготове грозный ультиматум России. Но Екатерина II спокойно взирала на события. Ей было известно, что политика Питта на этот раз встретила жестокое сопротивление в парламенте.

Русский посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов поддерживал тесные связи с оппозицией. Это был один из искуснейших русских дипломатов, превосходно изучивший политическую и хозяйственную жизнь Англии. Он рассчитывал, что английское купечество и фабриканты помешают Питту начать войну с Россией. «Надо знать, — писал Воронцов, — что здешняя нация ни на что так не уповает, как на торговлю, для которой все прочие интересы жертвует, и что даже и те сами, кои не участвуют в какой ни есть отрасли оной, кричат, когда она пресечется, как будто у них самих всю собственность отымают». Зная это, Воронцов напрямик сказал министру иностранных дел герцогу Лидскому, что он

будет апеллировать к общественному мнению с целью помешать «несправедливой и вредной для обеих сторон войне». «Я заявляю вам, господин герцог, — сказал Воронцов, — что приложу все возможные старания, чтобы нация была осведомлена о ваших проектах, столь противоречащих интересам страны, и я слишком хорошего мнения об английском здравом смысле, чтобы не надеяться на то, что общенародный голос не заставит вас отказаться от этого несправедливого предприятия». Воронцову действительно удалось еще сильнее разжечь и без того резкое недовольство политикой Питта со стороны английского купечества и промышленников. Оппозиционные английские деятели и газеты нещадно поносили правительство Питта. Объяснялось это тем, что Англия получала от растущей балтийской торговли с Россией огромные выгоды: разрыв с Россией грозил их потерей. Английское купечество и слышать не хотело о таких убытках и о войне с Россией из-за Очакова и какого-то отдаленного куска причерноморской степи.

Внесенный правительством билль о кредитах на войну получил настолько ничтожное большинство голосов в парламенте, что Питт испугался за свою власть. Он немедленно послал в Петербург курьера, чтобы предотвратить вручение России ультиматума. Вскоре он вынужден был потихоньку отменить военные приготовления на флоте.

Тем временем Екатерина затягивала принятие «добрых услуг» Англии. Английского представителя в Петербурге развлекали разными празднествами и откладывали под этим предлогом все переговоры о делах до тех пор, пока турки не подписали перемирие без всяких посредников. Ясский мир (29 декабря 1791 г.) окончательно закрепил за Россией Очаков и Черноморское побережье между Бугом и Днестром.

Несмотря на всю свою ненависть к революции, Екатерина II весной 1791 г. считала возможным сближение с Францией против Англии. Русский посол в Париже Симолин получил предписание предложить крупную взятку графу Мирабо и побудить его склонить Учредительное собрание к вооружению французского флота и к морской демонстрации против Англии в случае ее нападения на Россию. Хотя Учредительное собрание невозможно было склонить к этому плану и сам Мирабо вскоре умер, но попытка эта свидетельствует о большой гибкости дипломатии русского правительства при Екатерине II.

Восточный кризис весной 1791 г. разрешился дипломатическим поражением Питта и победой Екатерины II. Чтобы окончательно взбесить Питта, Екатерина приказала Воронцову демонстративно купить для нее в Лондоне бюст знаменитого оратора парламентской оппозиции Фокса и распорядилась

установить его в галерее своего Царскосельского дворца между статуями Цицерона и Демосфена.

Неудачная попытка бегства Людовика XVI и образование контрреволюционной коалиции

В 1790 г. Рейхенбахскими соглашениями Питт заложил первый камень коалиции против Франции. Но державы были заняты восточными делами и в дальнейшем, вплоть до неудачного бегства Людовика XVI из Парижа в июне 1791 г., дело создания коалиции почти не продвинулось. Эмигранты, собравшиеся в Кобленце, добивались помощи от европейских дворов. Королева вела тайную переписку с австрийским и другими дворами, умоляя их о помощи. В то же время король лицемерно заверял Европу в своей солидарности с Национальным собранием. О плане бегства знало лишь несколько человек, хотя слухи о его подготовке давно носились всюду. Император Леопольд обещал королеве помощь, если только королевская семья покинет Францию. Король и королева тайно бежали с паспортами, выданными министерством вдове русского полковника, по просьбе русского посла Симолина взамен якобы утерянных ею документов. Симолин всячески содействовал контрреволюционным силам во Франции и находился в постоянных сношениях с двором, но так как побег короля готовился в большой тайне, то даже Симолин не знал, зачем вдове русского полковника понадобились дубликаты этих паспортов; когда же в своих донесениях в Петербург он вздумал было оправдываться, то получил от Екатерины строгое внушение. Симолину было указано на «неуместность» и «неприличие» его оправданий и добавлено, что если бы паспорта и были им умышленно выданы, чтобы помочь побегу королевской семьи, то именно такой его поступок и «был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству».

Бегство Людовика XVI не удалось. Король был задержан в Варенне, и авторитет монархии был окончательно подорван. Неудача бегства короля и рост движения за установление республики во Франции всполошили феодально-монархическую Европу. Это послужило толчком, ускорившим образование в 1791—1792 гг. контрреволюционной коалиции; главная роль в создании этой коалиции принадлежала австрийской и прусской дипломатии.

Идея европейского конгресса для интервенции во французские дела (1791 г.)

Император Леопольд II не доверял ни Пруссии, ни России и боялся войны с Францией. Вначале он надеялся на успех вмешательства дипломатическим путем и хотел добиться полной согласованности действий с другими державами. В связи с этим в 1791 г. воз-

никла идея созвать европейский конгресс в Аахене или в Спа для организации общеевропейского союза против Франции и для подавления французской революции. Королева в своей тайной переписке с императором Леопольдом II и другими монархами страстно настаивала на созыве этого конгресса. Тогда же началось более тесное сближение Австрии и Пруссии против Франции. В июле 1791 г. Австрия и Пруссия договорились о возможности совместных действий против Франции, и Леопольд II разослал обращение к европейским дворам с проектом созыва дипломатического конгресса и создания союза против Франции. Прусскому королю Леопольд отправил особую записку с подробным планом действий: державы должны сообща предложить Франции остановиться на своем революционном пути; в случае ее отказа имелось в виду собраться на конгресс, предварительно условиться о будущей форме правления во Франции и приступить к вооруженной интервенции. В этой переписке Леопольд и австрийский канцлер Кауниц пытались доказать законность вмешательства монархических держав во внутренние дела Франции для подавления «заразительного» революционного духа, заверяя, что это надо сделать «в видах ограждения общественного спокойствия и безопасности государств, неприкосновенности владений и соблюдения трактатов». Под такими пышными словами реакционная монархическая дипломатия скрывала страх за привилегии и господство дворянства, низвергаемые революцией.

Дипломатическая переписка 1791 г. и другие документы того времени, относящиеся к подготовке контрреволюционной коалиции, содержат в первоначальной форме один из основных принципов контрреволюционной дворянско-монархической дипломатии конца XVIII и начала XIX в. — оправдание вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран для подавления революций. В законченную форму это пресловутое «право вмешательства» отлилось позднее, на конгрессе в Троппау в 1820 г., в период деятельности Священного союза.

В 1791 г. Леопольду не удалось осуществить план общеевропейского союза и конгресса. Англия и Россия не отозвались на приглашение императора. Питт решил выжидать событий. Он отказал эмигрантам в вооруженной интервенции и явно не желал участвовать в общих мероприятиях держав. Россию же внезапно отвлек переворот в Польше, происшедший 3 мая 1791 г. и приведший к принятию в Польше конституции, укреплявшей королевскую власть и провозгласившей ряд умеренных буржуазных преобразований.

Русско-шведские планы и французские эмигранты

Вместо войны с Францией Екатерина намеревалась заняться Польшей. При таких условиях Екатерина не хотела и не могла посылать свои войска во Францию. Зато она снова приложила все усилия, чтобы поскорее создать антифранцузскую коалицию из других государств. Со времени мира со своим недавним врагом Швецией она убеждала шведского короля Густава III возглавить крестовый поход против Франции. Самонадеянный и хвастливый Густав хотел этим походом поднять престиж Швеции, подорванный неудачной войной с Россией, и рассчитывал, что в случае восстановления во Франции абсолютной монархии Швеция снова начнет получать французские субсидии, которые пополняли ее казну в течение XVII и XVIII вв. вплоть до революции 1789 г. во Франции. Густав III всю свою жизнь провел в борьбе с непокорной аристократией, желавшей ограничить его власть, и был фанатичным защитником абсолютизма. Он легко поддался советам царицы. В октябре 1791 г. Екатерина заключила военный союз со Швецией и обещала ей помощь флотом и солдатами. Густав III завязал тесные сношения с эмигрантами; королева Мария-Антуанетта тайно с ним переписывалась. Густав III самолично поехал в Аахен, чтобы под предлогом лечения подготовить поход против Франции. Пруссию и Австрию Екатерина также убеждала поскорее выступить против Франции. Она задалась мыслью подавить французскую революцию, хотя бы чужими руками, и отвлечь Австрию и Пруссию от Польши. В конце 1791 г. императрица сказала своему секретарю Храповицкому: «Я ломаю голову, чтобы подвинуть венский и берлинский двор в дела французские... есть много причин, о которых нельзя сказать. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы они были заняты, и мне не мешали». Шведская интервенция все же не состоялась. Переворот в Польше и польские дела отвлекли силы Екатерины II; вдобавок Густав III по возвращении в Швецию из Аахена был убит одним шведским дворянином на балу-маскараде. После смерти короля в Швеции восторжествовала враждебная России партия, которая желала сохранить с Францией мир.

Австро-прусский союз против Франции (7 февраля 1792 г.)

Еще с февраля 1791 г. между Берлином и Веной начались тайные переговоры о сближении против Франции. В августе в замке Пильниц в Саксонии произошло свидание императора Леопольда с прусским королем, а 27 августа была подписана так называемая «Пильницкая декларация», которая возвещала, правда, в довольно туманных выражениях, что Пруссия и Австрия готовы к совместным действиям для восстановления власти Людо-

вика XVI. Тем не менее после Пильница обе стороны еще долго медлили с вооруженным выступлением. Главная причина промедления заключалась в недоверии австрийского двора к Пруссии и России и в разногласиях по поводу будущих приобретений за счет Франции. Хитрый и осторожный Леопольд понимал расчеты Екатерины. Он догадывался, что прусский король хочет произвести вместе с Россией второй раздел Польши. Леопольд боялся быть обойденным при этой сделке, впутавшись в войну с Францией. Однако 7 февраля 1792 г., движимый страхом перед революцией и по настояниям министра Кобенцля, сторонника сближения с Пруссией, Леопольд, наконец, заключил с Пруссией союзный договор. Австрия и Пруссия обязывались выставить против Франции по 20 тысяч солдат каждая. Войска обоих государств должны были составить основную боевую силу европейской контрреволюции в ее борьбе против Франции, сбросившей с себя ярмо абсолютизма и феодализма. Австрия и Пруссия надеялись вознаградить себя приобретениями за счет Франции. Прусский король хотел занять Эльзас, а австрийцы — расширить свои владения в Бельгии или обменять Бельгию на Баварию.

Французская дипломатия при Законодательном собрании (с осени 1791 г. до 10 августа 1792 г.)

В сентябре 1791 г. Людовик XVI принял конституцию и вновь официально уведомил европейские дворы о своей солидарности с Национальным учредительным собранием. В то же время королева в тайных письмах заверяла монархов в том, что Людовик XVI не свободен в своих действиях. При таких условиях в октябре 1791 г. открылось Законодательное собрание.

Угроза войны возрастала. Законодательное собрание, боясь, что король использует дипломатические сношения в целях подготовки контрреволюции, заставило короля сменить министра иностранных дел, скомпрометированного во время неудачного бегства Людовика XVI.

Опасения Законодательного собрания имели основания. Несколько приближенных к королю аристократов образовали тайный комитет, который помогал ему подготовлять контрреволюцию и состоял из сторонников «австрийской системы».

Король тайно расходовал на дело контрреволюции секретные фонды министерства иностранных дел.

Осенью 1791 г. Законодательное собрание, подобно Учредительному, избрало Дипломатический комитет из 12 членов для наблюдения за деятельностью министров и ознакомления с важнейшей перепиской с иностранными державами. Дипломатический комитет должен был обновляться каждый месяц

на одну треть. В него наряду с более умеренными депутатами избрали и главарей жирондистов.

Основным вопросом внешней политики в то время была растущая угроза войны. Двор и аристократическая военщина хотели войны, надеясь на победу союзников и на контрреволюцию в результате иностранного вторжения во Францию. Правая партия Законодательного собрания — фельяны и их сторонники, наоборот, боялись войны, чувствуя, что связанные с ней потрясения выбили бы непрочную власть из их рук. Часть фельянов, возглавляемая Лафайетом, считала, что войну следует начать, но ее надо ограничить небольшой военной экспедицией против эмигрантов на Рейне и против Австрии. Жирондисты были ярыми сторонниками активной внешней политики и войны с Австрией. Они надеялись, что война возбудит всеобщий патриотизм и отвлечет массы от требований дальнейших внутренних реформ, а победы укрепят власть буржуазии. Они рассчитывали также, что война приведет к установлению революционных порядков в Бельгии, подчинит ее французскому влиянию, даст возможность осуществить ряд территориальных присоединений и усилит Францию, создав по соседству с ней зависимые от нее государства.

Робеспьер и Марат понимали, что война неизбежна; но они резко выступали против намерения жирондистов начать ее первыми и притом ранее уничтожения внутренних врагов — аристократии и реакционной военщины. Ближайшей задачей они считали доведение до конца революции внутри страны и находили для Франции ненужным ускорять войну, и брать на себя инициативу ее объявления. На случай интервенции Марат разрабатывал планы народной войны, в которой все население вело бы партизанские действия против неприятеля.

И фельяны, и жирондисты главную задачу французской дипломатии видели в том, чтобы не допустить образования коалиции и разъединить Австрию и Пруссию, используя их закоренелую взаимную вражду. Но если большинство фельянов с помощью своей дипломатии надеялось предотвратить войну и достичь компромисса, то жирондисты, наоборот, хотели облегчить себе военную победу, изолировав Австрию от Пруссии.

Главным врагом Франции и те и другие считали Австрию. Фельяны и жирондисты старались сблизиться с Пруссией и добиться от нее если не союза, то хотя бы нейтралитета. Стремились они и к тому, чтобы на случай австро-французской войны заручиться нейтралитетом Англии.

Все эти дипломатические попытки оказались безуспешными. Удаче их отчасти мешала тайная дипломатия Людовика XVI и королевы. Их секретные агенты тайно противодействовали французским миссиям, посланным к прусскому королю.

Но главная причина неуспеха дипломатии фельянов и жирондистов заключалась в том, что европейские правительства еще не верили в силу революционной Франции и не считались с ее предложениями. Они хотели восстановления абсолютизма и мечтали отнять у Франции ряд владений в качестве «вознаграждения» за свои контрреволюционные услуги.

В Пруссию безуспешно были направлены две дипломатические миссии. Бывший отенский епископ Талейран, посланный в Англию, также не добился никакого ясного ответа от английского министерства.

15 марта 1792 г. король был вынужден назначить министром иностранных дел близкого к жирондистам генерала Дюмурье, который занимал этот пост до лета 1792 г. Это был человек образованный и способный, усвоивший некоторые идеи «просвещения» XVIII в. и обладавший внешним блеском. Он еще при монархии был тайным агентом французской дипломатии, но не достиг высших должностей. Дюмурье сблизился с жирондистами и разделял их взгляды на внешнюю политику. У него не было твердой веры в правоту революционных принципов, и в душе он оставался авантюристом и карьеристом. Главного врага Дюмурье видел в Австрии и мечтал после разгрома ее окружить Францию поясом из зависимых государств. В Дипломатическом комитете в это время главную роль играл жирондист Бриссо. Многие старые чиновники министерства иностранных дел были сторонниками короля и «австрийской системы». Дюмурье заменил их новыми людьми, близкими к жирондистам. Ранг ординарных послов (ambassadeurs ordinaires) был упразднен. При европейских дворах он назначил только посланников (ministres) первого и второго класса. При этом многие прежние дипломатические представители были заменены новыми.

В брошюрах о дипломатии, которые распространялись в то время жирондистами, развивалась мысль, что дипломатия революции должна опираться на принципы декларации прав и отказа от завоеваний. Дипломатия должна быть простой и ясной и обходиться без ухищрений и уловок. Самые манеры дипломата революционной Франции должны быть открытыми, прямыми и простыми. Ранги послов подлежат упразднению; все они должны одинаково называться «нунциями Франции».

В марте 1792 г. умер император Леопольд II. Его преемник, Франц I, тупой и невежественный реакционер, явно горел желанием начать войну с Францией: он отверг требование жирондистского министерства расторгнуть союз с Пруссией и прекратить покровительство вооруженным скопищам эмигрантов, готовившим поход на Францию. В это время жирондисты господствовали в Национальном законодательном собрании и

под их влиянием 20 апреля 1792 г. Собрание восторженно приняло предложение короля об объявлении войны. Начался период революционных войн.

Французская армия, унаследованная от абсолютной монархии и управляемая дворянским офицерством, не смогла дать решительный отпор интервентам. Королева в тайных письмах настаивала на опубликовании коалицией грозного манифеста, надеясь, что он запугает революционеров. Но манифест герцога Брауншвейгского, грозившего Франции разрушением Парижа и истреблением революционеров, только ухудшил положение двора. Ход войны с контрреволюционной коалицией оказал огромное влияние на развитие революции. Первые же военные неудачи и явная измена короля послужили толчком к падению монархии.

Восстание 10 августа 1792 г. низвергло монархию во Франции и привело к созыву Национального конвента.

3. Французская дипломатия и европейские державы от свержения монархии во Франции до установления якобинской диктатуры

Дипломатия жирондистов в период Конвента с сентября 1792 г. до апреля 1793 г.

Национальный конвент был созван на основе всеобщего избирательного права и установил во Франции республику. Вместо прежних министров, назначаемых королем, был избран Исполнительный совет, ответственный перед Конвентом. Министром иностранных дел в этом совете был жирондист Лебрен. Фактически он целиком зависел от преобладавших в Конвенте главарей этой партии. Значительным влиянием в вопросах внешней политики пользовался Дантон, хотя по должности в Исполнительном совете он был министром юстиции.

После нескольких критических недель, когда прусская армия герцога Брауншвейгского вторглась во Францию, с 20 сентября (со дня битвы при Вальми) в ходе военных действий произошел перелом. К 1793 г. республиканские войска очистили территорию Франции от интервентов, заняли Савойю, Ниццу, левый берег Рейна, Бельгию и открыли для французской и бельгийской торговли устье реки Шельды, принадлежавшей Голландии. Население занимаемых французами областей с восторгом встречало триумфальное продвижение революционных войск и немедленно принималось уничтожать феодальные привилегии.

«Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энту-

зиазмом; войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой»[1].

Французская буржуазия стремилась обеспечить себе поддержку передовых деятелей других народов. Еще в августе 1792 г. выдающимся мыслителям и прогрессивным деятелям других стран — Пристли, Томасу Пэну, Вашингтону, Песталоцци, Клоотцу и другим иностранцам было даровано французское гражданство. Деятельность иностранных эмигрантов, сочувствовавших политике жирондистов, получала всяческую поддержку. Клоотц и Томас Пэн были членами Конвента. Иностранных революционеров всюду встречали с восторгом, и они нередко играли видную роль.

Жирондисты в этот период развивали широкую пропаганду революционной войны за пределами Франции под лозунгом революционного освобождения народов Европы. Эта пропаганда нашла горячий отклик среди французской буржуазии, которая давно мечтала о распространении французского влияния на Бельгию. 19 ноября Конвент издал декрет о помощи всем народам, желающим низвергнуть своих тиранов. 15 декабря были декретированы установление новых революционных властей в занятых французскими войсками областях и конфискация имущества врагов революции для покрытия издержек войны. Докладывая об этом декрете, Камбон выдвинул знаменитый лозунг революционных войск: «Мир хижинам — война дворцам!» В 1792—1793 гг. занятые области — Савойя, Ницца, левый берег Рейна и часть Бельгии — торжественно были присоединены к Франции в силу народного голосования по коммунам, в согласии с принципом освободительной войны и отказа от завоеваний. Пропаганду революционной войны вели не только жирондисты, но и многочисленные космополиты — иностранцы, изгнанные из Голландии, Бельгии, из немецких областей по левому берегу Рейна, Савойи за свои революционные убеждения и образовавшие свои клубы и легионы. В этой пропаганде они заходили гораздо дальше жирондистов. Они заботились не столько об интересах французской буржуазии, сколько о том, чтобы использовать революционную Францию для скорейшего освобождения своих отечеств от гнета феодализма и абсолютизма и распространить войну возможно дальше за пределы французских границ. Клоотц, пропагандируя идею всемирной революции и всемирной республики, развивал план, основы которого были набросаны еще в проекте «вечного мира» Руссо. Жирондисты и Дантон ограничивались пропагандой идей расширения революционной Франции до Рейна и Альп. Рейн, Пиренеи, Альпы фран-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 336.

пузская буржуазия считала «естественными границами» Франции.

Несмотря на достигнутые успехи, завоевания революционной Франции были еще непрочны. Жирондисты возлагали надежды не столько на собственные силы революционной Франции, сколько на немедленное наступление революции в соседних странах, возможность которого они переоценивали. Внутри страны они не хотели стать на путь решительных революционных мероприятий для реорганизации армии, обеспечения городов и войск продовольствием и полного уничтожения феодальных повинностей в деревне. Наоборот, широкая пропаганда войны служила им одним из средств отвлечения народных масс от этих вопросов, хотя лишь эти меры могли закрепить завоевания революционной Франции и тем самым создать для нее решающий военный перевес над врагом. Зато жирондисты придавали исключительное значение дипломатическим попыткам расчленения коалиции. Для этого предполагалось внушить одним участникам коалиции надежду получить компенсацию за счет других.

Лебрен и Дантон продолжали развивать в основном те же политические и дипломатические планы, что и Дюмурье [1]. Они надеялись нанести главный удар австрийцам в Бельгии, которая должна была присоединиться к Франции или стать зависимой от нее республикой. Голландию предполагалось подчинить французскому влиянию. Как и Дюмурье, многие жирондисты надеялись создать вдоль границы Франции от Северного моря до Италии включительно ряд зависимых от Франции республик. Они по-прежнему мечтали о сближении с Пруссией и об обеспечении ее нейтралитета, предполагая обещать ей компенсацию за счет австрийских владений и стараясь отклонить другие державы от присоединения к коалиции.

Лебрен надеялся заключить союз со Швецией и Турцией и побудить эти державы к новой войне с Россией, чтобы связать руки Екатерине II. Кроме того, жирондисты рассчитывали на победу парламентской оппозиции в Англии и на возможность соглашения с Лондоном. Лебрен и Дюмурье хотели предложить Питту возобновление торгового договора 1786 г. и уступку Англии острова Тобаго, под условием согласия его населения, в обмен за предоставление Франции английского займа. Чтобы вовлечь Англию в войну с Испанией и связать руки этим обеим державам, они решили предложить Питту план освобождения испанской Америки и открытия ее для английских и французских товаров. Жирондисты и Дантон не хотели понять, что между Англией и Францией существовали

[1] Дюмурье оставил министерство в июне 1792 г. и командовал затем армией, действовавшей в Бельгии.

непримиримые противоречия. Англии больше всего угрожали успехи революционной Франции и победа революции в Бельгии и Голландии, так как они содействовали бы торгово-промышленному расцвету и преобладанию Франции в Европе в ущерб английской промышленности.

После свержения монархии почти все державы прервали дипломатические сношения с Францией. Лишь Швейцария, Соединенные Штаты Америки, Дания и Швеция не занимали по отношению к Франции враждебной позиции. В таких условиях жирондисты могли применять главным образом иррегулярные приемы дипломатии — посылку неофициальных агентов, закулисные переговоры, зондирование почвы второстепенными посредниками и т. д. Попыток такого рода было бесчисленное множество. Пренебрежение к дипломатической тайне, считавшейся обязательной только для дипломатии абсолютных монархий, иногда заранее обрекало эти попытки на неудачу.

В сентябре 1792 г. Талейран вторично отправился в Лондон с неофициальными поручениями. Министры с ним даже не захотели говорить. Дюмурье завел переговоры с Пруссией через королевского адъютанта, присланного для урегулирования обмена пленных. Обычно прусский король и Австрия при малейшем несогласии друг с другом зондировали возможность переговоров с Францией. Но в 1792 г. о соглашении с Пруссией не могло быть и речи: прусский король требовал восстановления французской монархии и мечтал об отторжении от Франции Эльзаса.

В начале 1793 г., после казни короля, все попытки жирондистов расчленить коалицию дипломатическим путем потерпели крушение. Феодально-монархическая Европа сплачивалась против революции. Соглашение с ней было явно невозможным.

Уильям Питт и расширение контрреволюционной коалиции

Победоносное шествие революционных армий, энтузиазм встречавшего их населения, быстрый подъем революционного настроения в Англии и постоянный обмен приветственными адресами между французскими клубами и английскими демократами показали Питту, что нельзя надеяться на ослабление Франции и на разгром ее одними силами Австрии и Пруссии. Питт решил сам возглавить коалицию. После того как революционные армии заняли Бельгию и стали угрожать Голландии, перед Англией возникла угроза необычайного усиления мощи главного ее соперника — французской буржуазии — и распространения революции в Европе.

После казни Людовика XVI французский поверенный в делах был немедленно выслан из Лондона. Жирондисты и Дан-

тон, упоенные победами в Бельгии, смело решились на разрыв с Англией. Они считали себя достаточно сильными, чтобы попытаться взять реванш за недавние поражения монархической Франции в борьбе с английской гегемонией. Они еще верили в скорую победу английской парламентской оппозиции над Питтом. Французским войскам был отдан приказ вступить в пределы Голландии. 1 февраля Конвент по докладу Бриссо объявил Англии войну.

Не имея значительной армии, Питт следовал старой английской традиции — покупать союзников на континенте Европы. Он заключил договоры о совместных действиях с Россией, Пруссией, Сардинией и Неаполем, обязавшись выплачивать всем им крупные субсидии. Методом вовлечения в коалицию таких государств, как Сардиния, Неаполь, Тоскана, для Питта служили деньги, угрозы, шантаж и провокации. Золото и флот Англии стали сильнейшим врагом французской революции. Опыт истории свидетельствует, что английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала вести войну чужими руками.

Так было дело и во время великой французской революции, когда английской буржуазии удалось создать союз европейских государств против революционной Франции.

В марте в коалицию входили уже Англия, Австрия, Пруссия, Россия, Испания, Голландия, некоторые германские княжества, Сардиния с Пьемонтом и Неаполь.

Планы расчленения и ограбления Франции

С самого начала контрреволюционная коалиция связывала восстановление французской монархии с планами расчленения и ограбления Франции. Пруссия намеревалась захватить Эльзас и Лотарингию и под предлогом «вознаграждения» за войну с Францией требовала от России согласия на новый раздел Польши. Австрия хотела завладеть французской Фландрией, Артуа, Пикардией до Соммы и Баварией или же обменять Бельгию на Баварию с небольшими прибавлениями. Подобные же планы имелись у Испании и Сардинии. Для Англии Питт требовал Дюнкерк, важный по своему стратегическому положению.

Захватнические проекты расчленения Франции порождали бесконечные раздоры и споры среди дипломатов коалиции. Австрии так и не удалось прийти к окончательному соглашению с Пруссией, которая не желала, чтобы австрийцы завладели Баварией. В июле 1792 г. император Франц и король Фридрих-Вильгельм II обсуждали на свидании в Майнце австрийский проект обмена Баварии и «вознаграждения» Пруссии за счет Польши. В апреле 1793 г. состоялась конференция в Антверпене. Русские дипломаты принимали участие

в этих переговорах, разжигая аппетиты собравшихся. Соглашаясь на любой раздел Франции и подстрекая к нему другие кабинеты, они старались отвлечь их внимание от Польши.

Второй раздел Польши (1793 г.)

Пруссия потребовала второго раздела Польши в виде «вознаграждения» за войну с Францией. Против конституции 1791 г. в Польше под покровительством Екатерины II была образована шляхетская конфедерация; летом 1792 г. русские войска заняли Польшу. Но царица убедилась, что ей не удастся удержать всю Польшу под господствующим влиянием одной только России. Екатерина II вынуждена была согласиться на второй раздел Польши, так как после битвы при Вальми прусский король отказался продолжать войну с Францией, пока не получит намеченного куска польских земель; он даже двинул свои войска в Великую Польшу. При этом Фридрих-Вильгельм II разорвал союз с Польшей, к которому сам склонил поляков в 1790 г., и нарушил данное ранее Австрии обещание поддерживать в Польше конституцию 1791 г. «...Если мы сделаем ему какую-либо помеху, — говорил русский дипломат Морков о прусском короле, — то он немедля заключит мир с этими французскими негодяями, нисколько не отказываясь от своего приобретения в Польше, откуда его можно будет прогнать только оружием».

Зато Австрия после занятия Бельгии французами была крайне заинтересована в войне с Францией: не отняв у французов Бельгии, нельзя было обменять ее на Баварию. Затруднительное положение Австрии дало России и Пруссии возможность устранить ее от участия во втором разделе Польши. Для этого они в январе 1793 г. заключили договор о разделе и поставили австрийцев перед совершившимся фактом. Прусский король лишь посулил Австрии помочь вернуть Нидерланды и обменять их на Баварию. Императору пришлось помириться на этом.

По второму разделу Польши к России отошла часть украинских и литовских земель: воеводства Киевское, Волынское и часть Виленского, а к Пруссии — Данциг, Торн и Познань. Россия и Пруссия сочли нужным получить от польского сейма хотя бы фиктивную санкцию на раздел Польши. Сейм, собравшийся в Гродно, был оцеплен солдатами: они не выпускали сеймовых послов из помещения, пока те не проголосуют признание раздела. Дело не двигалось, и послы молчали. Наконец, председатель (маршал) сейма предложил принять молчание за знак согласия. Так «немое заседание» сейма «узаконило» акт о втором разделе Польши.

Поражение Франции и дипломатия Дантона

К весне 1793 г. коалиция намного усилилась, и непрочность побед жирондистов сказалась уже в марте 1793 г. Австрийцы разбили французские войска и вновь заняли Бельгию. Генерал Дюмурье, враждебный росту народного революционного движения, изменил республике и перешел на сторону Австрии. Пруссаки заняли левый берег Рейна. Иностранные армии снова вступили во Францию. Австрийское командование намеревалось двинуть свои войска на Париж с целью восстановления монархии. Внутри страны подымались контрреволюционные восстания. К лету 1793 г. положение республики оказалось критическим.

6 апреля 1793 г. Конвент образовал Комитет общественного спасения и передал ему исполнительную власть. Дантон и Барер ведали в нем иностранными делами. Поражения поставили жирондистов перед угрозой нового народного восстания. Чтобы предотвратить революционную диктатуру, жирондисты быстро отказались от своей пропаганды революционной войны за пределами Франции и хотели было вступить в капитулянтские переговоры с коалицией. Даже после военных поражений они все надежды возлагали на дипломатию, а не на революционные методы ведения войны. Наоборот, якобинцы и Клоотц не хотели и слышать о мире. Они требовали новых революционных мер и полной реорганизации армии для окончательной победы революции. Но умеренный якобинец Дантон не хотел установления революционной диктатуры. Он надеялся примирить обе партии и, подобно жирондистам, стремился к мирным переговорам на основе уступок. К весне 1793 г. в вопросах внешней политики часть «болота» в Конвенте примкнула к Дантону, покинув жирондистов.

В апреле Конвент издал декрет, который провозглашал полное невмешательство Франции в дела других держав, что означало отказ от вооруженной революционной пропаганды вне Франции. Космополитические проекты Клоотца относительно ведения войны вплоть до создания всемирной республики были подвергнуты в Конвенте публичному осмеянию. В то же время Робеспьер, имея в виду жирондистов и Дантона, потребовал смертной казни для всякого, кто предложит мирные переговоры с неприятелем. Это предложение было принято с поправкой Дантона: «...с неприятелем, который откажется признать суверенитет народа». Дантон, пользуясь этой поправкой, мог начать переговоры о мире, но только в случае признания республики со стороны коалиции, что было невероятным. Тем не менее комитет ассигновал Дантону 6 миллионов ливров на секретные дипломатические расходы. Дантон разослал множество агентов с целью расстроить коалицию. Среди этих агентов,

подобранных Дантоном, было немало подозрительных интриганов. Инструкции, даваемые агентам, воспроизводили известные уже планы Лебрена относительно Пруссии и других держав. Дантон и Лебрен пытались привлечь нейтральные державы на сторону Франции, но настоящие переговоры велись с одной Швецией. Проект союзного договора со Швецией был уже готов, но поражения республики на фронте заставили шведского регента воздержаться от его подписания.

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. низвергло господство жирондистов в Конвенте и положило начало якобинской диктатуре. Дантон оставался в Комитете общественного спасения и до 10 июля 1793 г. продолжал свои дипломатические попытки расчленить коалицию. Это было безнадежным делом в условиях военных поражений, когда европейские державы еще не убедились в способности революционной Франции отстоять свое существование.

4. Дипломатия якобинской диктатуры

Дантонисты и дипломатия во время якобинской диктатуры

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. привело к установлению якобинской диктатуры, опиравшейся на блок наиболее революционных групп средней и мелкой буржуазии и на плебейские массы города и деревни. Дипломатия якобинцев была подчинена задаче защиты революции от интервентов и обеспечению полной победы над коалицией. Министром иностранных дел вместо жирондиста Лебрена был назначен ставленник Дантона Дефорг. Лебрен был арестован.

В период якобинской диктатуры дантонистам так и не удалось завязать настоящие переговоры с державами коалиции. В августе 1793 г. некий Матьюс, выдававший себя за агента английского правительства, неофициально передал французскому министерству иностранных дел мирные условия Англии. Франция должна была отказаться от всех территориальных присоединений, сделанных за время революции [1], уступить остров Тобаго и эвакуировать из Франции королевскую семью. В Комитете общественного спасения Дефорг сделал доклад об этих предложениях, хотя личность Матьюса и не заслуживала никакого доверия. Комитет, который стал уже на путь решительной политики, приказал арестовать Матьюса.

В декабре 1793 г. Дантон окольным путем получил сведения от другого английского агента — Майлза — о желании английского правительства завязать переговоры о мире. Как

[1] Авиньон, Савойя и Ницца.

видно, в Англии рассчитывали на приход к власти Дантона, чтобы навязать Франции унизительные условия мира. Подобные же косвенные предложения были сделаны агентам комитета от Голландии, Испании и Австрии.

Зимой 1793/94 г. дантонисты окончательно сблизились с богатой новой буржуазией. На них возлагали надежды спекулянты, банкиры и авантюристы, которые боялись дальнейшего развития революции и желали скорого мира любой ценой. Среди этих людей некоторые занимались шпионажем в пользу коалиции. Можно предполагать, что некоторые дантонисты получали деньги из Англии за свою борьбу против режима революционной диктатуры.

Нерешительность Дантона во внутренней политике и его попытки завязать переговоры о мире с агентами коалиции на основе уступок со стороны Франции окончательно лишили Дантона популярности и доверия. В июле 1793 г. он уже не был избран в Комитет общественного спасения и перестал руководить внешней политикой. К декабрю 1793 г. дантонисты, получившие название «умеренных» или «снисходительных», бесповоротно перешли в лагерь противников дальнейшего продолжения режима якобинской диктатуры. Дантонисты до конца сохраняли утопические надежды на победу оппозиции в Англии во главе с Фоксом. Однако весной 1794 г. «английские выборы прошли благоприятно для Питта... — это подорвало положение Дантона; Робеспьер победил и обезглавил его» [1]. Дантон был арестован на другой день по получении в Париже известий о парламентской победе Питта. Лебрен еще зимой был предан суду революционного трибунала и казнен. Многие иностранные революционеры, находившиеся во Франции, оказались в это время на стороне жирондистов и не сочувствовали решительной и беспощадной борьбе якобинской диктатуры с контрреволюцией. Сторонником жирондистов был и Томас Пэн, подвергшийся поэтому аресту.

Шпионско-диверсионная агентура коалиции во Франции

Создатели коалиции — Англия, Австрия и Пруссия засылали во Францию множество агентов для подрывной шпионско-диверсионной работы против революционной диктатуры. Шпионы Питта снабжали деньгами контрреволюционные восстания в отдельных городах. Тайные агенты Англии устраивали пожары и взрывы в Луэ, в Валансьене, на оружейных заводах Байонны, в артиллерийских парках, арсеналах и складах фуража. Инструкция, найденная в Лилле в портфеле одного английского шпиона, рекомендовала для этого специальные фитили. Агенты Питта и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 413.

австрийцев наводняли Францию фальшивыми ассигнациями и вербовали убийц среди священников и фанатически настроенных под влиянием агитации духовенства женщин. Конвент в ответ на эти меры постановил арестовать всех подозрительных иностранцев. Некий Бойд — банкир Питта и английского министерства иностранных дел — имел отделение своего банка и агентов в Париже. Ему удалось бежать от ареста только благодаря паспорту, которым его снабдили дантонисты. Австрийский агент, бельгийский банкир Проли, выведывал секретные решения Комитета общественного спасения через Эро де Сешеля, бывшего жирондиста, который до декабря заседал в комитете. Шпионов было так много, что Робеспьер считал нужным иметь два плана действий — один совершенно секретный, другой — для канцелярских служащих: этот план должен был навести иностранных агентов на ложный след. Шпионы встречались также среди иностранной эмиграции. Во Францию стекались борцы за свободу из всех стран. Шпионы старались воспользоваться этим и иногда скрывались под маской иностранных патриотов, преследуемых за свои идеи. В августе и сентябре были приняты меры против подозрительных иностранцев, и некоторые из них были арестованы.

Эбертисты, Клоотц и дипломатия

Крайние якобинцы — эбертисты, а также крайние космополиты-эмигранты и прежде всего Клоотц в противоположность дантонистам в принципе отвергали всякую дипломатию. Они вели пропаганду террора и беспощадной войны с коалицией. Для коммуны и плебейских масс, с которыми они были связаны, важнее всего была защита революции и война до полной победы, связанная с продолжением и расширением революционных мероприятий.

Эбертистов и космополитов-эмигрантов увлекала идея распространения революции во всей Европе. Главным пропагандистом этой идеи оставался Клоотц. Крайние якобинцы — Эбер и Шометт считали ненужным даже поддержание внешней торговли и дипломатических отношений с нейтральными странами. Продовольствие, по их мнению, надо было получать путем террора и реквизиции, а не ввоза из-за границы. Крайние якобинцы летом 1793 г. требовали разрыва с Данией и ганзейскими городами. В начале ноября Шометт в принципе высказался за упразднение дипломатического представительства Французской республики за границей. Но уже с середины ноября под нажимом Комитета общественного спасения часть крайних якобинцев и в том числе Шометт постепенно стали отказываться от полного отрицания дипломатии, разрыва со всеми странами и от вооруженной революционной пропаганды. Их успокоили первые победы республики. Однако Эбер и кос-

мополиты-иностранцы и в числе их Клоотц продолжали отрицать все прежние формы дипломатических сношений. Революционная дипломатия для них заключалась в войне республики со всей Европой с целью низвержения во всех странах феодально-абсолютистского строя и создания всемирной федеративной «Республики человеческого рода».

Во всемирной республике, которая должна была увенчать революцию, Клоотц не предвидел для дипломатов никакого применения. Он был убежден, что всеобщее братство, свобода и равенство народов в самом скором времени сделают дипломатию совершенно излишней. Робеспьер считал подобный политический курс опасным, нереальным и не отвечающим национальным интересам французской буржуазии. Возглавляемый Робеспьером Комитет общественного спасения повел решительную борьбу с политической линией Клоотца и Эбера.

После устранения Дантона из Комитета общественного спасения летом 1793 г. якобинская диктатура вступила на путь энергичной и бесстрашной внешней политики, в которой выразились революционная воля к победе, смелость и сила наиболее революционной части французской буржуазии, мелкой буржуазии и плебейства. В основе этой политики лежала суровая и беспощадная революционная диктатура внутри страны и полная ликвидация остатков феодальных отношений в деревне. Такая политика вызвала взрыв энтузиазма среди крестьянства и явилась источником нового и решающего подъема французской революционной армии.

Внешняя политика робеспьеровского Комитета общественного спасения резко отличалась от нерешительности и колебаний жирондистов и крайних планов революционеров-эмигрантов. С суровым революционным реализмом Робеспьер усматривал главный источник мощи Франции прежде всего в ее собственных революционных силах, а не в словесной пропаганде за границей в тех странах, где еще не созрели предпосылки революции. В основу внешней политики якобинцев были положены принципы защиты революции от интервентов и проведения революционно-освободительной войны до полной победы над коалицией.

С провалом политики дантонистов энергичное ведение войны было обеспечено. Ленин писал:

«Война во Франции была продолжением политики того революционного класса, который сделал революцию, завоевал республику, расправился с французскими капиталистами и помещиками с невиданной до тех пор энергией, и во имя этой политики, продолжения ее, повел революционную войну против объединенной монархической Европы» [1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 366.

Робеспьер и дипломатия Комитета общественного спасения с осени 1793 г. до переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.)

Конституция 1793 г. установила принципы революционной дипломатии якобинцев. Согласно конституции, французы признавались естественными союзниками всех свободных народов. Французский народ не вмешивается в формы правления других народов, но не допускает вмешательства и в свои дела. Франция дает убежище борцам за свободу, но отказывает в нем тиранам и не заключает мира с врагом, занимающим ее территорию. Конституция 1793 г. не была осуществлена, так как обстановка требовала режима революционной диктатуры. Тем не менее дипломатия Робеспьера во многом соответствовала ее принципам, которые отрицали как войну за пределами Франции со всей Европой с целью всемирной революции, так и капитулянтский мир, но требовали освобождения страны от интервентов.

Придавая дипломатии большое значение, как средству борьбы с коалицией, Робеспьер одновременно подавлял два противоположных течения: пропаганду революционной войны для освобождения всей Европы, проводимую Клоотцем и эбертистами, и попытки дантонистов заключить капитулянтский мир. Летом 1793 г. Робеспьер провел против дантонистов декрет о смертной казни всякого, кто предложит заключить мир с неприятелем, занимающим французскую территорию. Робеспьер призывал к бдительности в отношении подозрительных иностранцев, и Комитет общественного спасения провел против них суровые меры. В речах о внешней политике Робеспьер громил макиавеллизм монархической дипломатии. Дипломатия революции, говорил Робеспьер, должна опираться на начала справедливости, прямоты и законности. Робеспьер призывал малые державы Европы к союзу и сплочению с Францией. Однако он считал, что этот союз может быть достигнут только на основе свободного волеизъявления народа, а не путем принуждения и завоеваний. Робеспьер стремился к освобождению Франции, а не к революции за ее пределами. Комитет отозвал агентов, посланных в Швейцарию жирондистами для возбуждения там революции. Иностранные шпионы и эмигранты всячески раздували и преувеличивали революционную пропаганду якобинцев вне Франции, чтобы напугать европейские державы и побудить их решительнее воевать с Францией. Так был сфабрикован и напечатан за границей подложный доклад Сен-Жюста, содержавший фантастические данные о якобинской пропаганде в Европе и произведенных на это дело затратах.

В отличие от Дантона Робеспьер видел главного врага в Англии. Чтобы пресечь дантонистские интриги с Англией и произвести переворот в принципах внешней торговой поли-

тики, Барер 21 сентября выступил от комитета с большой речью против Англии. Конвент принял против нее Навигационный акт, подобный знаменитому акту Кромвеля, запрещавший доступ английским судам во Францию. Этим принципиальным актом, направленным против английской торговли, якобинская диктатура порвала с жирондистской политикой поощрения торговли с Англией, приблизила торговую политику Франции к интересам промышленной буржуазии и нанесла удар планам дантонистов. В дальнейшем, уже после падения якобинцев, принципы Навигационного акта были распространены на все завоеванные Францией области. Наполеон превратил их в план континентальной блокады Англии.

Дипломатия Комитета общественного спасения, возглавляемого Робеспьером, ставила перед собой три главные задачи: 1) вывести Францию из экономической и политической изоляции и расширить импорт продовольствия, 2) создать в противовес контрреволюционной коалиции группировку из других держав, 3) посеять внутри коалиции рознь и ускорить ее распад.

Робеспьер, по соображениям внутренней политики, был противником дальнейшего увеличения реквизиций; он видел важный источник снабжения армии в импорте продовольствия из-за границы. Чтобы ослабить экономическую и политическую изоляцию Франции, он сохранял хорошие отношения с Швейцарией, Соединенными Штатами, Данией и ганзейскими городами. В этих государствах были сделаны крупные закупки продовольствия. Робеспьер решительно отказался от жирондистских поползновений на захват пограничных районов Швейцарии. Комитет также отозвал Женэ, посла в Соединенных Штатах, жирондиста, вызывавшего своей пропагандой недовольство правительства Соединенных Штатов. Робеспьер осудил действия Женэ, который обращался через голову американского правительства к американскому населению с призывами к войне с Англией и выдавал в Америке каперские свидетельства капитанам судов.

Для выполнения второй дипломатической задачи Комитет общественного спасения и министр иностранных дел Дефорг предполагали создать коалицию или лигу из Швеции, Дании, Генуи и Турции. Еще при Дантоне в Константинополь был послан Семонвиль, а в итальянские города другой дипломатический агент — Маре. Но их поездка не была обставлена необходимыми предосторожностями. По дороге через Швейцарию они были разбойническим образом захвачены в плен австрийцами на нейтральной территории. Нападение в дороге на дипломатических агентов и курьеров было обычным приемом держав коалиции для получения сведений о планах революционного правительства. Инструкции, поручавшие Семонвилю толкнуть

Турцию на военную диверсию против России, попали в руки венского двора. Считая Турцию противовесом коалиции и не желая вызвать раздражение и тревогу в турецком правительстве, комитет решил воздержаться от революционной пропаганды на Востоке, во французских торговых колониях. Якобинский клуб в Париже отказался признать своим филиалом «Народное общество», организованное во французской колонии в Константинополе. Агентом Франции в Константинополе был Декорш, богатый аристократ, ловкий карьерист и интриган, отправленный туда еще Лебреном. Его деятельность была парализована тем, что у комитета не было денег для предложения Турции крупной субсидии.

Кроме того, турецкие сановники боялись России. Большое впечатление произвело на них прибытие в Константинополь в июне 1793 г. русского посла — прославленного генерала М. И. Кутузова, самое имя которого внушало страх туркам. Екатерина послала его с целью помешать сближению Турции с Французской республикой и уладить некоторые спорные вопросы, касавшиеся России. Кутузов с успехом выполнил это поручение и обнаружил выдающиеся способности в дипломатии. 12 ноября он был принят султаном Селимом III. Переговоры Кутузов вел с величавым достоинством и вместе с тем с гибкостью и светской обходительностью. Великий визирь и Капудан-паша удивлялись тому, каким образом «человек, столь ужасный в боях, мог быть столь любезен в обществе». Кутузов добился от турецкого правительства гарантии свободного плавания для русских купеческих судов в Архипелаге. Молдавский господарь, который выслал из своих владений митрополита, пользовавшегося русским покровительством, был смещен, а митрополит вернулся обратно в Яссы. По настоянию Кутузова султанское правительство обещало выслать из Константинополя всех французов, признавших республику во Франции. Турецкие сановники боялись не только давления со стороны России, но и английского флота, и еще не верили в победу республики, находившейся до конца 1793 г. в самом тяжелом положении.

Напрасно старался Декорш ублажить турок подарками из прибывшего к нему багажа Семонвиля. Пробовал он также через французского консула в Багдаде восстановить против России и Персию. С одной лишь Швецией комитетом регулярно велись тайные переговоры о вооруженной поддержке и субсидиях; но отсутствие денег у комитета и неясность исхода военных событий мешали их успешному завершению. Вместе с тем якобинцы проявили полное равнодушие к польскому восстанию под предводительством Костюшко в 1794 г. Когда агент Костюшко явился в Париж просить поддержки, то он не полу-

чил здесь даже словесного одобрения. Робеспьер и Сен-Жюст решили уклониться от помощи полякам, считая польское движение недостаточно демократичным и революционным. К тому же они рассчитывали, что подготовляемый раздел Польши отвлечет от Франции внимание и силы коалиции.

Для осуществления своей третьей задачи — ускорения распада коалиции — комитет осенью 1793 г. решил создать целую сеть специальных тайных агентов. Эти агенты должны были способствовать возникновению взаимных подозрений и розни среди держав, входивших в коалицию. Кроме того, им поручено было установить сношения с министрами и другими доверенными лицами при иностранных дворах. Подбирались агенты из иностранцев, преданность которых Французской республике была проверена. Подыскание подходящих лиц, переписку с ними и собирание всей информации комитет возложил на посла Франции в Швейцарии Бартелеми. Базель, где находился Бартелеми, был удобной наблюдательной позицией: там можно было сосредоточить в своих руках все нити информации, получаемой комитетом из-за границы. Уже в ноябре Бартелеми подыскал двух агентов — одного в Голландии, а другого в Берлине.

В период якобинской диктатуры мирные переговоры с державами коалиции еще не были начаты. Однако растущая рознь между ними и победы Франции заставляли их самих зондировать почву. Испанский посол в Дании пытался завязать переговоры о мире с французским агентом в Копенгагене; агенты Пруссии и Австрии не раз сообщали Бартелеми о возможности начать переговоры. Однако комитет выжидал решающих побед.

Организация якобинской дипломатии

При якобинской диктатуре была произведена полная реорганизация дипломатического аппарата. С осени 1793 г. Барер и Робеспьер ведали внешними сношениями республики в Комитете общественного спасения. Эти сношения крайне сократились. Комитет поддерживал полуофициальные дипломатические отношения с Турцией, Швецией, Соединенными Штатами, Данией, Женевой, Швейцарией, Генуей и Алжиром. Политическое значение министра иностранных дел было ничтожно. Конвент принимал декреты и решения по внешней политике, даже не выслушивая его. С лета 1793 г. все важные дипломатические вопросы — переговоры, назначение агентов и наблюдение за ними — были сосредоточены в руках Комитета общественного спасения. В сентябре 1793 г. комитет принял «Временные дипломатические основания», по которым только в Соединенных Штатах и Швейцарии сохранялись

официальные послы республики[1]. В прочих государствах комитет должен был иметь только секретных агентов. Эти «основания» по существу лишь подтверждали фактическое положение вещей.

Дипломатический персонал был очищен от контрреволюционеров. Специальные наблюдатели посылались следить за малонадежными агентами, которых пока некем было заменить. С сентября 1793 г. комитет пресек всякие переговоры с эмиссарами воюющих держав. Наконец, декрет 5 декабря 1793 г. формально передал всю дипломатию в руки комитета. В марте 1794 г. комитет постановил, что он сам подписывает грамоты послам, дает им специальные полномочия и директивы для переговоров; на основе их министр пишет свои инструкции. Частые перехваты депеш агентами коалиции и разбойничье похищение Семонвиля австрийцами заставляли комитет по возможности воздерживаться от письменных инструкций. Чиновникам министерства были даны строгие указания о соблюдении дипломатической тайны. В связи с зародившейся в 1793 г. идеей блокады английской промышленности внешние таможни были переданы в ведение министерства иностранных дел. Тогда же Конвент упразднил министерства и заменил их 12 комиссиями, подчиненными Комитету общественного спасения. Министерство иностранных дел было преобразовано в комиссию по иностранным делам во главе с комиссаром Бюшо, который целиком зависел от Комитета. Окончательная организация комиссии была завершена лишь после 9 термидора, когда практически встал вопрос о мирных переговорах. До этого времени на комиссию мало обращали внимания.

Комитет не располагал подготовленными дипломатами-якобинцами. Посылка специальных лиц для наблюдения за ненадежными агентами иногда приводила к склоке. В Константинополь приехал агент Энен, присланный наблюдать за Декоршем. Между ними началась открытая вражда. Декорша поддерживала местная умеренная буржуазия французской колонии, а Энена — местные якобинцы. Их открытые взаимные обвинения и столкновения дискредитировали республику в глазах турецких властей.

Большую роль в организации дипломатии комитета должна была играть сеть агентов, созданная Бартелеми. В этой сети первоначально числилось до 45 агентов; затем их количество дошло до 120, но со временем деятельность их ослабла. Для широкой организации такой работы не хватало денег. Вообще в условиях революционной войны до полной победы диплома-

[1] Фактически и там они действовали неофициально, так как республика не была формально признана.

тия, естественно, оставалась оттесненной на второй план военными задачами. Большая часть этих агентов осталась внутри Франции; многие из находившихся за границей вовсе не присылали донесений.

Роль завоевательных стремлений французской буржуазии в подготовке переворота 9 термидора

К лету 1794 г. успехи революционных армий свели на нет угрозу иностранного вторжения. Победа под Флерюсом 26 июня 1794 г. вновь отдала Бельгию в руки французов. Якобинская диктатура создала новую могучую массовую революционную армию, обеспечившую Франции военный перевес над коалицией. Военные успехи оживили мечты крупной французской буржуазии о завоевании левого берега Рейна. Но Робеспьер считал, что Франция уже обеспечена против внешнего нападения: настоящей целью его были победоносный мир и расправа с внутренними врагами демократии. Считая необходимой защиту Савойи и Ниццы, Робеспьер был против завоевания всего левого берега Рейна. Робеспьер знал, что против якобинской диктатуры готовится заговор. Заговорщики из агентов крупной буржуазии, а также эбертисты, хотели продолжения войны. Обстановку, созданную победами, они надеялись использовать для контрреволюционного переворота, свержения режима революционной диктатуры, завоевания Бельгии и левого берега Рейна. Барер и другие будущие термидорианцы уже с весны 1794 г. с беспокойством следили за внутренней политикой Робеспьера, всячески противодействуя ей и возбуждая жажду новых побед. Депутаты из «болота» (центра) Конвента, активно участвовавшие в подготовке переворота 9 термидора, были сторонниками завоевательной политики. Хотя основные причины этого переворота имели внутриполитический характер и сводились к желанию крупной буржуазии ликвидировать всякие стеснения для крупной собственности и режим революционной диктатуры, но разногласия по вопросам внешней политики также были одной из важных причин событий 9 термидора (27 июля 1794 г.), которые передали власть в руки крупной буржуазии. Контрреволюционным переворотом буржуазия расчистила себе дорогу для постепенного превращения революционно-освободительной войны в войну завоевательную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ И ДИРЕКТОРИИ (1794—1799 гг.)

1. Годы термидорианской реакции (1794—1795 гг.)

Военное преобладание Франции в Европе и дипломатия термидорианской реакции

Крупная буржуазия, пришедшая к власти 9 термидора, унаследовала от якобинской диктатуры новую, революционную армию. В годы революции французский народ проявил в деле ведения войны «гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны» [1]. Эта армия дала Франции безусловный военный перевес над государствами феодально-монархической Европы. Военное преобладание Франции надолго определило международное положение в Европе. Оно стало основой французских побед в длинном ряде войн между Францией и Европой, тянувшихся до 1815 г. и представлявших собой борьбу французской буржуазии за европейскую и мировую гегемонию.

Победы французов настолько обострили противоречия внутри коалиции, что уже в конце 1794 г. начал намечаться ее распад. Перед французской дипломатией стояла задача — ускорить этот процесс, расчленить коалицию, обеспечить осуществление завоевательных стремлений французской буржуазии. Еще ранее из рядов дипломатического персонала были изгнаны якобинцы, революционеры, противники завоеваний. Критика дипломатических приемов и институтов абсолютной монархии была отброшена в сторону. Готовясь к переговорам, буржуазия намеревалась следовать в дипломатии своим интересам. При комиссии по иностранным делам было учреждено специальное «аналитическое бюро». Задача его состояла в историческом изучении экономических и политических основ внешних сношений Франции. Зимой 1794 г. было в принципе решено восстановить прежнюю организацию дипломатического представительства со всеми рангами послов и посланников. Они должны были, однако, представлять уже не особу монарха, а «нацию» — в лице новой буржуазной республики.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 364.

Термидорианский Конвент сохранил Комитет общественного спасения, но целиком подчинил его себе. Весной 1795 г. Конвент уполномочил комитет вести мирные переговоры и заключать договоры. В договорах допускались секретные статьи, если они не противоречили открытым обязательствам и не наносили ущерба республике. Комитет организовал при себе бюро дешифрирования.

Еще с конца ноября 1794 г. начаты были переговоры о мире с Пруссией. 2 апреля 1795 г. в Базеле был подписан мирный договор, который оставлял левый берег Рейна в руках Франции. Пруссия вышла из войны. Вся Северная Германия была объявлена нейтральной. Так началось полное разрушение Священной Римской империи, завершенное Наполеоном в 1806 г.

22 июля 1795 г. в том же Базеле был заключен мир и с Испанией. Еще раньше, в мае, был подписан мир с Голландией. Голландия была превращена в зависимую от Франции Батавскую республику. Декретом от 1 октября 1795 г. Бельгия и левый берег Рейна были присоединены к Франции. С 1794 г. с этими областями поступали уже не как с освобождаемыми, а как с завоеванными территориями. На них налагались контрибуции и реквизиции, увозились лучшие произведения искусства, которые составляли национальную гордость. Реквизиции и контрибуции раскладывались сначала на богачей и аристократов, потом они стали распространяться и на более широкие круги населения. О согласии самого населения на присоединение к Франции начинали забывать. В переговорах все большее значение придавалось другим мотивам: обеспечению военной безопасности и возмещению военных издержек. Успехи Франции показали, что она была в силах побеждать феодально-монархическую Европу, но вместо сторонников революционной войны у власти уже стояли термидорианцы.

«Трагично то, — писал Энгельс, — что партия войны беспощадной, войны за освобождение народов оказалась права, и республика победила всю Европу, но только уже после того, как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо войны, ведущейся для пропаганды, наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории» [1].

Третий раздел Польши в 1795 г.

Распадение коалиции было тесно связано с событиями в Польше. Весной 1794 г. началось восстание поляков под предводительством Костюшко. Двинутая против поляков царская армия вступила в Польшу и штурмом взяла Варшаву. Прусский король, боясь, как бы Екатерина не завладела одна последними остатками Польши, тоже двинул свои войска к

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Избранные письма, стр. 414.

Варшаве и на Краков, а австрийцы заняли Люблин. Чтобы избежать войны с Пруссией, Екатерина снова вынуждена была согласиться на окончательный раздел Польши. Между Австрией и Пруссией началась дипломатическая борьба из-за Кракова — важной стратегической позиции, на обладание которой претендовали обе стороны. Борьба эта обострила отношения обоих государств и ускорила выход Пруссии из коалиции. Прусский король с весны 1794 г. выехал в Польшу и в дальнейшем почти не принимал участия в войне с Францией. Тогда Питт в 1795 г. решил прекратить выплату Пруссии английских субсидий. Екатерина опасалась захвата Кракова Пруссией и ее чрезмерного усиления. Ввиду этого она теснее сблизилась с Австрией, которая была ей нужнее, во-первых, как союзник против Турции и, во-вторых, как более активный враг буржуазной Франции. После отказа Пруссии уступить Краков австрийцам Екатерина без ведома Пруссии заключила с Австрией тайный договор об окончательном разделе Польши. Изолировав Пруссию и поставив ее перед совершившимся фактом, она заставила ее уступить и принять свои условия. На этот раз Екатерина применила против Пруссии тот же прием, который во время второго раздела Польши 1793 г. был использован самой Пруссией против австрийцев.

В 1795 г. по третьему разделу Польши Россия получила Литву, Курляндию и области до Немана и Буга, не присоединив ни одного клочка земли с преобладанием польского населения. Но царское правительство во время разделов Польши согласилось на захваты польских земель Пруссией и Австрией и наряду с ними и с польской реакционной шляхтой и магнатством несет историческую ответственность за расчленение польского народа. В 1795 г. Пруссии досталась Варшава, а Австрии — Люблин и Краков с их областями.

«Грабеж в Польше, — писал Энгельс о разделах 1793 и 1795 гг., — отвлек силы коалиции 1792—1794 гг. и ослабил силу ее напора против Франции, дав последней время окрепнуть настолько, что она совершенно самостоятельно одержала победу. Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилен и царизм» [1]. Правительство Екатерины II воспользовалось войной Австрии и Пруссии с Францией, чтобы расширить свою империю. «Французская революция была новой удачей для Екатерины» [2], — писал Энгельс. Реакционное сотрудничество России, Австрии и Пруссии в разделах Польши стало одной из основ их сближения и

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 16.
[2] Там же.

их дальнейшей совместной политики против революций и национально-освободительных движений в Европе, в частности в годы Священного союза.

Англо-русско-австрийский союз 1795 г.

По выходе Пруссии, Голландии, Испании и других государств из коалиции только Англия и Австрия продолжали войну с Францией. Екатерина, освободившись от польских дел, стала готовить 60-тысячный корпус войск для отправки против Франции. В 1795 г. она заключила новый союз с Англией и Австрией и намеревалась возродить коалицию. Царица уже мало надеялась на восстановление абсолютизма во Франции. Главной целью контрреволюционной коалиции она стала считать возвращение буржуазной Франции в ее прежние границы, обуздание ее завоевательных стремлений и возрождение в соседних с нею областях дворянско-монархических порядков. Но смерть Екатерины (1796 г.) и враждебная позиция Пруссии снова помешали участию русской армии в контрреволюционной войне. Грабительские планы коалиции стали в это время особенно очевидными. Чтобы не связывать себе рук на случай возможности расчленения и ограбления Франции, Питт и император отказались признать королем Франции брата Людовика XVI — графа Прованского. Одна Екатерина, которая не рассчитывала на территориальные приобретения за счет Франции, настаивала на этом признании. Другой брат Людовика XVI, граф Артуа, упрямый, расточительный и надменный, еще раньше мог убедиться в том, что английская буржуазия ценила выше всего свой карман и гораздо меньше французскую корону и аристократию. Когда граф Артуа в 1793 г. решил приехать в Англию, чтобы найти там активную помощь, то он не посмел даже высадиться на берег: друзья предупредили его, что, сойдя на берег, он, по английским законам, немедленно будет посажен своими кредиторами в долговую тюрьму. Граф уже успел наделать к тому времени долгов на сумму от 10 до 20 миллионов ливров, а шансы на их уплату падали с каждым днем. Однако расточительность роялистов не стала меньше. Усыпанную бриллиантами шпагу, подаренную ему царицей, граф Артуа вскоре заложил для оплаты туалетов своей любовницы.

2. Дипломатия в годы Директории (1795—1799 гг.)

Внешняя политика Директории

В годы Директории новая военная система дала Франции блистательные победы над коалицией. Но Директория, которая опиралась на буржуазию, нажившуюся на спекуляциях, была неспособна создать в стране крепкую администрацию. Ее устойчивость

зависела от успешности военных действий. В 1796—1799 гг. война, контрибуции и грабеж покоренных стран стали основным источником пополнения финансов Директории. Одна парижская газета писала, что генералы сделались «казначеями республики» и стали мало считаться с правительством.

Главная задача французской дипломатии периода Директории заключалась в наиболее выгодном использовании военных побед и в создании вдоль восточной границы республики пояса из зависимых государств, которые обеспечивали бы господство Франции над Центральной Европой и Италией [1]. Французская буржуазная республика в своих интересах возобновила старую многовековую борьбу Франции с Австрией за преобладание в Италии. Италия была для Директории обильным источником продовольствия и денег и удобным путем к рынкам Востока. После потери заатлантических колоний завоевание этих рынков стало основной целью колониальной политики французской буржуазии. Захват Ионических островов в Средиземном море, занятие острова Мальта и экспедиция Бонапарта в Египет были последовательными этапами этой политики. Впрочем, Бонапарт имел и другие планы. Из Египта он хотел угрожать британским владениям в Индии; в связи с этим им было послано письмо с предложением союза султану Майсора Типу-Саибу, сильнейшему индийскому государю, боровшемуся с англичанами за свою независимость. Письмо это было, однако, перехвачено и попало в руки англичан.

Восстановление министерства иностранных дел. Дипломатия генералов

В годы Директории происходило дальнейшее приспособление институтов и методов дипломатии абсолютных монархий к нуждам победившей буржуазии. Конституция 1795 г. передала руководство внешней политикой в руки Директории. Объявление войны могло быть санкционировано только Законодательным корпусом по ее предложению. По конституции Директория вела переговоры, заключала договоры, назначала дипломатических агентов. Секретные договоры не подлежали ратификации и не должны были содержать пункты об отчуждении французской территории. В отношении секретной дипломатии оставались в силе решения термидорианского Конвента. Комиссия по иностранным делам вновь была превращена в министерство. К службе в министерстве было привлечено много прежних чиновников; однако министр по-прежнему не имел политического влияния. Царивший везде в годы Директории дух продажности, спеку-

[1] К 1799 г. было создано шесть республик: Батавская, Гельветическая, Лигурийская, Римская, Партенопейская и Цизальпинская.

ляции и наживы проникал и в среду дипломатического персонала. В министерство пробралось много карьеристов и ловких дельцов. Чиновники получали жалованье быстро падавшими ассигнатами, что усиливало их продажность. Частые циркуляры, требовавшие строгой дисциплины и хранения дипломатической тайны, не помогали. Только с 1797 г. началось постепенное укрепление аппарата министерства.

Фактически при Директории дипломатия Франции находилась в руках не министра и даже не директоров, а в руках генералов республики, которые заключали договоры и подписывали почти все дипломатические акты. Все более выдвигавшийся Наполеон Бонапарт заключил конвенцию с Тосканой, мир с папой, мир с Австрией в 1797 г., подписанный им без предварительного запроса Директории и без учета ее инструкций. Генералы (тот же Бонапарт, Моро) подписывали перемирия и прелиминарные договоры. Только союз с Испанией в 1796 г. был заключен самой Директорией. Сознание своего военного превосходства придавало тону дипломатических переговоров Франции резкость, грубость и оттенок насилия. Бонапарт обнаружил замечательные дарования дипломата. Но для ведения переговоров ему не хватало спокойствия и выдержанности. Иногда им овладевали припадки дикого гнева. Так, в 1797 г. в Кампо-Формио во время переговоров о мире с австрийским уполномоченным Кобенцлем он в ярости кричал ему: «Ваша империя — это старая распутница, которая привыкла, чтобы ее все насиловали... Вы забываете, что тут вы ведете со мной переговоры, будучи окружены моими гренадерами». Схватив драгоценный фарфоровый сервиз, подаренный Кобенцлю Екатериной II, он в бешенстве разбил его об пол. Эти переговоры кончились миром с Австрией, которая отказалась от Бельгии в обмен за Венецию. Венецианскую республику постигла участь Польши: она была разделена между Австрией и Францией. Во время войны в Италии французская армия продолжала уничтожать феодально-абсолютистские порядки, но в то же время шел прямой грабеж и захват подчиняемых областей. От суверенитета нации и плебисцита по вопросу о присоединении осталась только пустая и не всегда соблюдавшаяся формальность. В переговорах речь шла уже не о воле населения, а о военной и экономической ценности присоединяемых земель. Малейшее неповиновение грозило населению кровавой расправой. В Италии Бонапарт велел перебить за неподчинение все население Луго и Бинаско, приказал расстрелять весь муниципалитет в Павии, отдал город своим солдатам на разграбление на 24 часа и сжигал деревни, около которых находили убитых французов.

В 1796 г. утомление от войны неимоверно возросло и в Англии и во Франции. Питту и Директории уже приходилось уверять население своих стран, что правительство желает мира. Наконец, осенью Питт послал в Париж лорда Малмсбери для мирных переговоров. Обе стороны прекрасно понимали, что переговоры не могут привести к соглашению. Они создавали проволочки, надеясь выиграть время для передышки и переложить ответственность за продолжение войны на своего противника. В декабре 1796 г. Малмсбери ни с чем уехал в Лондон.

Талейран и Бонапарт В 1797 г. министром иностранных дел был назначен Талейран. Аристократ по происхождению, бывший епископ, он обладал всеми свойствами карьериста, корыстолюбца, беззастенчивого лжеца и лицемера. В целях карьеры и обогащения он перешел на сторону революции. Еще в 1792 г. Талейран выполнял дипломатические поручения фельянов и жирондистов, но на всякий случай втайне служил и королевскому двору. В 1792 г., чтобы спастись от революционного террора, он уехал в Англию, приняв на себя ряд поручений. Высланный из Англии, он отправился в Америку, а в 1795 г. получил разрешение возвратиться во Францию. У Талейрана уже в 1797 г. была репутация человека, одаренного огромным умом и выдающимся дипломатическим талантом, но и отличающегося величайшим презрением к людям и полным равнодушием к вопросам морали. Но при всем этом он умел держать себя в любых обстоятельствах, как величавый вельможа, с олимпийским спокойствием, с самыми изысканными манерами аристократа. Став министром, Талейран никогда не забывал о своем личном обогащении и о своей карьере. Министерский портфель стал для него источником бесконечных взяток с крупных и малых просителей — германских князей, испанского двора, русского царя, итальянских монархов. Как проницательный политик, Талейран понимал неизбежность падения Директории и установления военной диктатуры. Талейран горячо пропагандировал идею завоевания Францией новых рынков на Востоке и в Северной Африке и поддерживал идею Бонапарта о походе в Египет, связывая ее с торговыми интересами французской буржуазии. Видя в Бонапарте будущего диктатора, он старался сблизиться с ним, писал ему льстивые, почти раболепные письма. В 1799 г., когда падение Директории было уже близко, Талейран ловко добился отставки, чтобы не быть скомпрометированным вместе с директорами. По возвращении Бонапарта из Египта он принял деятельное участие в подготовке переворота 18 брюмера. Не претендуя на самостоятельную политическую роль, Талейран считал наиболее выгодным для себя стать слугой, советником и приказчиком Бонапарта. После переворота 18 брюмера Бона-

парт оценил его способности и вновь назначил министром иностранных дел.

Еще при Директории Талейран внес ряд перемен в организацию министерства иностранных дел. Между прочим, он поставил институт консулов на службу торговым интересам французской буржуазии. До революции консулы французской монархии (чаще всего выходцы из дворян, чуждые интересам торговли) не всегда должным образом защищали интересы французских купцов: так, на Востоке они лишь следили за мелочной регламентацией торговли; поэтому уже в первые годы революции французское купечество добивалось замены их своими выборными уполномоченными. Во время якобинской диктатуры на первом плане стояли политические вопросы. Консульства были подчинены политическим отделам министерства; функции их смешивались с деятельностью политических агентов республики. Талейран восстановил Консульское бюро в министерстве. Главной задачей консулов стали защита торговых интересов французских торговцев и сбор коммерческой информации. После переворота 18 брюмера консулы стали именоваться «комиссарами по коммерческим сношениям», так как название «консул» приобрело другой, политический смысл.

Талейран восстановил и реорганизовал при Консульском бюро школу молодых переводчиков, подготовлявшую драгоманов для посольств и консульств Франции на Востоке. Ученики, которых было около двух десятков, набирались из детей французских семейств, живших на Востоке. Талейран широко использовал в министерстве прежних чиновников. Дипломатическим агентам была запрещена частная переписка по политическим вопросам. Количество политических отделов министерства было сведено к двум, как было в 1789 г., до революции.

2-я коалиция и переворот 18 брюмера

В 1798 г. упрочение французского влияния в Голландии и Швейцарии, захват Бонапартом Мальты и египетская экспедиция привели к образованию 2-й коалиции против Франции. Ее основными участниками были Англия, Австрия, Россия и Турция, а главными организаторами — английская и русская дипломатия. Питт не хотел допустить господства Франции над Голландией, Швейцарией, Италией и Египтом. Что касается Павла I, то он глубоко ненавидел буржуазную Францию. Еще в своем манифесте при восшествии на престол Павел заявлял, что надо всевозможными мерами противиться «неистовой Французской республике», угрожающей всей Европе «совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия». Господство Франции над всей

Центральной Европой было нежелательно и для России. Успех египетской экспедиции Бонапарта мог привести к владычеству Франции над Турцией и созданию там преграды для русского влияния. Стремясь усилить влияние России на Востоке, Павел возымел мысль — создать из острова Мальта форпост русского влияния в Средиземном море. Египетский поход Бонапарта, перепугавший султана, дал России и Англии возможность вовлечь в коалицию и Турцию. Европа увидела новое зрелище: союз Турции с Россией против Французской республики. По условиям этого союза 1799 г. русская эскадра адмирала Ушакова прошла через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, но для военных судов других стран проливы оставались закрытыми. Русские войска под командованием Суворова двинулись в Италию и одержали там ряд блистательных побед над французской армией.

Начало войны второй коалиции с Францией сопровождалось со стороны Австрии разбойничьим нарушением международного права — убийством французских уполномоченных на Раштадтском конгрессе, совершенным с целью запугать Францию и мелкие немецкие государства, которые вступали с ней в переговоры. После мира с Австрией в 1797 г. в Раштадте собрался конгресс дипломатов для урегулирования территориальных вопросов, касавшихся Священной Римской империи. После открытия военных действий австрийский двор потребовал немедленного выезда оставшихся в Раштадте французских уполномоченных. В предместье города на уезжавших французских послов напали австрийские гусары и изрубили их в присутствии сопровождавших их жен. Этот разбойничий налет был объявлен «печальным недоразумением», а затем австрийцы распустили слух, что Директория сама подослала убийц. Престиж Директории пал так низко, что многие поверили и этой выдумке.

После переворота 18 брюмера, устранившего Директорию, Наполеон установил режим военной диктатуры. Все дипломатические дела перешли в руки первого консула и его министра.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

Наполеон Бонапарт — дипломат. Завоевательный характер наполеоновских войн

Вместе с распадом первой антифранцузской коалиции в 1795—1797 гг. заканчивался тот период европейской истории, когда французскому народу приходилось с оружием в руках отстаивать свою территорию и сдерживать натиск многочисленных армий дворянских государств, стремившихся раздавить молодую буржуазную республику и восстановить во Франции власть ненавистных народу Бурбонов. Однако уже к концу этого периода наметились признаки превращения революционной и справедливой войны в захватническую и несправедливую. Признаки эти стали особенно заметными уже вскоре после переворота 9 термидора. В конвенте теперь термидорианцы открыто насмехались над чисто оборонительными целями внешней политики якобинцев и устами Бурдона, одного из наиболее рьяных врагов Робеспьера, заявляли о необходимости завоевания устьев Шельды, Мааса и Рейна и границ, будто бы установленных для Франции «самой природой».

Генерал Бонапарт, разогнавший Директорию и навязавший Франции свою диктаторскую власть, разделял внешнеполитические устремления термидорианцев. Мысли о необходимости сокрушения морского и колониального могущества Англии, этого векового соперника Франции, и завоевания «естественных границ» по Рейну и Альпам воодушевляли молодого артиллерийского капитана, а затем бригадного генерала французской армии.

Резкое нарушение политического равновесия в Европе в пользу Франции в результате обширных территориальных захватов, образование антифранцузских коалиций и борьба против них, жажда новых захватов со стороны диктатора Бонапарта неудержимо гнали французские армии от берегов Рейна к Эльбе и Дунаю, а от них к Одеру и Висле. В то же время стремление до конца сокрушить могущество Англии толкало

к попыткам вытеснить военный флот «коварного Альбиона» из Средиземного моря и установить, наконец, преобладание Франции в странах Ближнего, а затем и Среднего Востока.

Уже со времени своих первых походов ген. Бонапарт, не будучи уполномочен на это Директорией, смело брал на себя решение различных чисто политических задач. Придя после 18 брюмера к власти, он тем более никому не передоверял решения вопросов внешней политики и дипломатии, предоставляя своим министрам иностранных дел Талейрану, а позднее Шампаньи и Маре (впоследствии превратившихся в герцогов де Кадорна и Бассано) лишь исполнение принятых им решений. Действительно, как на это указывал один из ближайших его сотрудников, Редерер, в течение всех 15 лет его власти в вопросах дипломатии только ему одному принадлежала «решающая инициатива».

Окончание войн 2-й коалиции. Амьенский мир

В области внешней политики Директория оставила первому консулу далеко не легкое наследство. Силы 2-й коалиции к концу 1799 г. вовсе не были еще исчерпаны, несмотря на острые противоречия в лагере союзников и уход Суворова из Северной Италии и Швейцарии. Австрийская армия на Верхнем Рейне продолжала еще грозить вторжением во французские пределы, а флот Англии — блокировать французские гавани и препятствовать снабжению увязшей в Египте экспедиционной армии. Успехи Суворова в долине р. По и Ушакова на Адриатике привели в то же время к потере Францией почти всякого влияния на Апеннинском полуострове, а также к потере ею Ионических островов, этого важного опорного пункта на пути к Балканам и Ближнему Востоку.

Необходимость возможно скорее закончить затянувшуюся войну, а также сведения о вражде между союзниками подсказывали первому консулу Наполеону Бонапарту, его первые дипломатические решения: вскоре же после государственного переворота, приведшего его к власти, он обратился к монархам Англии, Австрии и России с предложением возможно скорее прекратить военные действия, разумеется, на условиях сохранения за Францией всех ее завоеваний, т. е. «естественных границ» — Бельгии, Голландии и левого берега Рейна. Бонапарт, понятно, нисколько не надеялся, что его противники пойдут навстречу сделанным им по отдельности мирным предложениям. Но он руководствовался хорошо известным дипломатическим приемом, подсказанным ему, возможно, Талейраном, — готовясь к продолжению войны, как можно больше твердить о своих мирных побуждениях. Ведь именно Талейран говорил: «Если результаты задуманного похода будут удачны, предлагавший мир приобретет право на

суровое обхождение с побежденными, если же, наоборот, последует неудача, предлагавшему мир не придется опасаться упрека в том, что он сам накликал беду».

У. Питт ответил на предложение Бонапарта знаменитой речью в палате общин. Он разгадал скрытое намерение еще больше разделить союзников по коалиции и словами Цицерона категорически отверг сделанные Англии мирные предложения: «Cur igitur pacem nolo? Quia infida est, quia periculosa, quia esse non potest» («Почему я снова отрицаю мир? Потому что он ненадежен и опасен, потому что он не может быть заключен»). Австрия и Россия, со своей стороны, также не пожелали тогда принять протянутую Бонапартом руку.

Теперь габсбургской монархии пришлось принять на себя новый удар со стороны Франции. Весной 1800 г., собрав тайно крупную армию около швейцарской границы, Бонапарт через Сен-Бернар двинул ее в Северную Италию и 14 июня нанес австрийской армии у Маренго решающее поражение. Подписанный 9 февраля 1801 г. в Люневилле мирный договор снова закреплял за Францией Бельгию и левый берег Рейна и, кроме того, лишал Австрию части приобретенных ею в 1797 г. бывших венецианских владений. На Апеннинском полуострове теперь снова безраздельно распоряжались французы. Правительство Бонапарта принудило неаполитанских Бурбонов подписать во Флоренции мирный договор с Францией.

Полный разгром одного из главных противников Франции на континенте совпал с крутой переменой в дипломатических отношениях между Францией и царской Россией. Внимательно следя за усилением расхождений между Россией и Англией, Бонапарт летом 1800 г. предпринял широкий дипломатический маневр, направленный на то, чтобы еще больше отдалить друг от друга своих главных противников. Стремясь завоевать расположение Павла I и склонить его к началу сепаратных мирных переговоров, первый консул распорядился возвратить на родину русских пленных, захваченных в кампании 1799 г.

В сентябре 1800 г. англичанам удалось голодом принудить к сдаче французский гарнизон на Мальте. Захват этого острова Англией, явно стремившейся вытеснить и Францию и Россию из Средиземного моря, заставил Павла I окончательно порвать с Лондоном и немедленно приступить к организации против «владычицы морей» новой Лиги вооруженного нейтралитета, в которую должны были войти и Дания, и Швеция, и Пруссия, также страдавшие от английского хозяйничанья на морях. Разрыв с Англией ускорил посылку в Париж русского генерала Спренгпортена формально для ведения переговоров о возврате пленных, а фактически для восстановления дипломатического контакта между Петербургом и Парижем. Вслед за

ним в начале 1801 г. выехал в Париж в качестве официального представителя царя опытный русский дипломат Колычев. Переговоры только еще начались, когда первый консул почти одновременно получил два потрясших его известия: одно — о дворцовом перевороте 23 марта 1801 г. в Петербурге, стоившем жизни Павлу I и если не организованном непосредственно английским послом Уитвортом, то во всяком случае подготовленном не без его ведома; другое — об уничтожении без всякого объявления войны датского военно-морского флота в Копенгагенской бухте английской эскадрой, что обусловило выход Дании из лиги.

Эти успехи Англии, не останавливавшейся ни перед чем, чтобы нанести удар Франции, не помешали дальнейшим переговорам, которые вел в Париже по поручению нового царя Александра I сменивший Колычева граф Морков. 8—10 октября 1801 г. им были подписаны два важнейших документа: договор о мире между Францией и Россией и секретная конвенция между ними. Бонапарт соглашался в ней на русское посредничество в вопросе о вознаграждении сардинского короля и князей Германской империи за отторгнутые у них Францией владения, а также признавал созданную адмиралом Ушаковым на Ионических островах «Республику семи островов», обещал не покушаться в будущем на целостность владений неаполитанских Бурбонов и совместно с Россией «обеспечить свободу морей». 9 октября Бонапарт подписал и с турками мирный договор, согласно которому Франция обязалась возвратить Турции Египет, которым фактически уже не владела.

Все эти уступки, сделанные России и Турции, помогли Бонапарту заключить давно желанный мир с Англией, лишившейся теперь своих последних союзников на континенте.

Мирные переговоры начались еще в феврале 1801 г., сразу же после ухода в отставку У. Питта — создателя 2-й коалиции. Возглавивший новый британский кабинет Аддингтон понимал необходимость обеспечить для Англии хотя бы временную передышку в затянувшейся борьбе. Соглашение о прекращении военных действий было подписано в Лондоне 1 октября 1801 г., а 25—27 марта 1802 г. в Амьене был заключен мирный договор между Англией, с одной стороны, и Францией и ее союзниками — Испанией и Батавской республикой — с другой.

Направляя в Амьен для ведения переговоров своего брата Жозефа, Бонапарт заранее ограничивал рамки будущего мирного соглашения. «Вы будете держаться, как положительного факта, что правительство не хочет разговаривать ни о сардинском короле, ни о штатгальтере, ни о внутренних делах Бельгии, Германии, Гельвеции и Итальянских республик, — говорилось во врученной Жозефу инструкции. — Все эти предметы

не имеют решительно никакого отношения к нашим спорам с Англией». Представителю британского правительства, старому генералу Корнуэльсу, в результате пришлось уступить и молчаливо (поскольку это не оговорено в тексте договора) признать все сделанные Францией после 1792 г. приобретения: и захват Бельгии и левого берега Рейна, и создание «дочерних» республик — Батавской, Цисальпинской и Лигурийской. Англия, кроме того, возвращала Франции и ее союзникам Испании и Батавской республике все захваченные ею в годы войны колонии, за исключением Тринидада и Цейлона. Она признавала «Республику семи островов», а также обязывалась эвакуировать Мальту, передав ее ордену иоаннитов, и возвратить Турции Египет, очищенный от остатков французских войск. Франция со своей стороны обязывалась вывести войска из Неаполя, Рима и с острова Эльбы.

Новый разрыв между Францией и Англией

Амьенский договор закреплял в интересах Франции нарушенное ею политическое равновесие и по существу отдавал западноевропейский континент в руки Бонапарта, ставшего в 1802 г. пожизненным «первым консулом». Договор этот не только не создавал условий для установления прочного мира в Европе, но, наоборот, делал неизбежной новую войну. «Мы совершенно бессильны сделать в настоящее время что-либо на континенте», — с горечью признавался австрийскому послу лорд Корнуэльс, подписавший договор с Францией, намекая вместе с тем на невозможность для Англии примириться с его условиями. Бонапарт, разумеется, также не верил в долговечность мира, хотя и говорил, что Франции обеспечен мир, пока он сам жив. «Через два года после моей смерти ей придется воевать со всем миром», — прибавлял он.

Наполеон Бонапарт вовсе не собирался честно выполнять взятые на себя обязательства и не помышлял замыкаться в границах, установленных Амьенским договором и русско-французской секретной конвенцией.

Наоборот, он стремился улучшать стратегические позиции Франции и одновременно не забывал также и о коммерческих интересах приведшей его к власти буржуазии: насильственно укрепляя и расширяя пояс связанных с Францией «дочерних» республик, он в то же время расширял рынки сбыта для французских товаров и значительно увеличивал источники необходимого для французской промышленности сырья.

Уже в августе 1802 г. к Франции была присоединена Эльба, а в сентябре — октябре — Пьемонт и Парма. В то же время были увеличены французские гарнизоны в южноитальянских портах. В октябре того же 1802 г. французские войска оккупировали Швейцарию, превращенную в «дочернюю» Гель-

ветическую республику. В Германии влияние Франции распространялось на восток куда далее Рейна, а ряд южногерманских государств (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен) стали ее послушными вассалами.

Но всего тревожнее для Англии были шаги, предпринятые Бонапартом на Ближнем Востоке. Несмотря на обязательство оставить в покое владения Турции в Африке и Малой Азии, Бонапарт в сентябре 1802 г. направил туда миссию полковника Себастиани с задачей восстановить разорванные экономические и политические связи, разведать силы англичан и подготовить почву для нового французского вторжения в страны Ближнего Востока. Опубликованный в январе 1803 г. в официальном «Монитере» отчет полковника Себастиани о его поездке нарочито не оставлял никакого сомнения в истинных целях его «коммерческой» экспедиции. Первый консул полагал, что уже одно сообщение о подготовке Францией новой экспедиции в Египет способно будет так сильно встревожить англичан, что они в страхе перед войной выполнят, наконец, условия Амьенского договора и очистят Мальту.

Разумеется, Англия протестовала против всех этих нарушений условий Амьенского договора. В то же время она и сама не спешила оставлять свой главный опорный пункт в Средиземном море — Мальту. В связи с этим отношения между Парижем и Лондоном быстро обострялись. Еще в середине февраля английский посол в Париже лорд Уитворт сообщал в Лондон о том, что первый консул позволяет себе грубо с ним обращаться, а 13 марта на дипломатическом приеме прямо угрожал Англии войной в случае дальнейших проволочек с эвакуацией Мальты. «Итак, вы хотите войны, — кричал он на Уитворта, — англичане хотят войны, но если они первые обнажат шпагу, пусть знают, что я последний вложу ее в ножны... Мальта или война!»

Дальнейшие переговоры оказались безрезультатными, так же как и предпринятая Россией попытка примирить спорящие стороны. 12 мая 1803 г. Уитворт покинул Париж, а 22 мая между Англией и Францией возобновились военные действия. Снова началась блокада французских портов, и масса французских и голландских торговых судов была захвачена англичанами. В ответ французские войска в том же месяце вступили в принадлежавший Георгу III Ганновер, а на северном побережье Франции началась концентрация войск, предназначенных для вторжения в Англию.

Однако возобновление военных действий не привело к немедленному разрыву переговоров, которые продолжались при посредничестве России, предпринятом с целью прекращения войны, наносившей ущерб русской торговле в Северном и

Балтийском морях. Предложенный Александром I в июле 1803 г. проект соглашения о примирении предусматривал признание Англией французских «дочерних» республик, обязательство Франции уважать нейтралитет и независимость государств Италии и Северной Германии, вознаграждение сардинскому королю за Пьемонт, предоставление Англии острова Лампедузы, вывод английских войск с Мальты и занятие ее русскими войсками. Последний пункт был включен Россией на основании предложений, которые до того неоднократно делались ей Англией и Францией и упорно отклонялись русским правительством, справедливо опасавшимся, что владение Мальтой может втянуть Россию в войну. Оно согласилось на ввод русских войск на Мальту только для охраны ее впредь до окончательного разрешения судьбы этого острова. Но проект в целом был отклонен как Англией, так и Францией.

Бонапарт, который прежде заявлял, что он согласится на любое решение России, даже если бы оно предусматривало передачу Мальты во владение Англии, отклонил проект, предложенный царем. Он выразил русскому посланнику в Париже Моркову резкое несогласие «со столь пристрастным проектом примирения».

Англо-русский союз и создание 3-й коалиции

Нарушения международных соглашений со стороны Франции заставляли русского представителя в Париже графа Моркова, старого екатерининского вельможу, постоянно делать первому консулу решительные представления и, действуя согласно инструкциям из Петербурга, мешать ему «кроить и перековерковать, как похочет», карту Европы. При этом Морков особенно настаивал на скорейшем выводе французских войск из портов Южной Италии, на вознаграждении сардинского короля и уважении нейтралитета Италии и Северной Германии. Бонапарт неоднократно жаловался Александру I на «столь неприятного посланника», а в июле 1803 г. потребовал его отзыва. В ноябре 1803 г. Морков был отозван из Парижа, причем Александр I демонстративно в знак одобрения его деятельности в Париже наградил его высшим русским орденом Андрея Первозванного. Так в золотой цепи этого ордена и явился граф Морков в Тюильрийский дворец для вручения первому консулу своих отзывных грамот. Александр I не счел нужным назначить Моркову преемника, и в Париже вплоть до окончательного разрыва с Францией оставался лишь временный поверенный в делах Убри.

Возобновление англо-французской войны, вторжение французских войск в Ганновер и неудача русского посредничества между Англией и Францией летом 1803 г. окончательно убедили русское правительство в невозможности ограничить

экспансию Франции в Средиземноморье и в Центральной Европе дипломатическими средствами, в необходимости противопоставить этой экспансии систему оборонительных союзов европейских государств. С лета 1803 г. русская дипломатия активно работала над созданием такой системы. В марте — апреле 1804 г. были заключены конвенции о совместных действиях по обороне Северной Германии с Данией и Пруссией, а в конце того же года — аналогичные конвенции с Австрией и Швецией.

Окончательный разрыв между Францией и Россией был ускорен расправой Бонапарта над одним из отпрысков бурбонского дома, герцогом Энгиенским, обвиненным в покушении на жизнь первого консула и расстрелянным 21 марта 1804 г. во рву Венсенского замка, под Парижем. Герцог был незадолго перед тем захвачен в своем замке французскими драгунами, перешедшими для этого в нарушение всех норм международного права границу Бадена.

Александр I протестовал против этого поступка Бонапарта, но в ответ получил из Парижа по существу чрезвычайно оскорбительную, хотя внешне и составленную Талейраном в весьма вежливой форме, ноту. Арест герцога Энгиенского на территории чужого государства оправдывался в ней необходимостью принять действенные меры против подготовлявшегося заговора: разве сама Россия «не поспешила бы, когда Англия подготовляла убийство Павла I, схватить участников заговора, если бы стало известно, что они находятся на расстоянии одного лье от границы?». Поскольку все участники убийства Павла I не понесли никакого наказания, колкий намек на соучастие русского императора в убийстве собственного отца мог, понятно, только ускорить полный разрыв между Францией и Россией.

Разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией ускорил создание 3-й коалиции европейских держав против наполеоновской Франции.

Между Англией и Россией имелось немало серьезных разногласий: русское правительство считало, что Англия должна отказаться от требований производить досмотр нейтральных торговых судов в открытом море в военное время. Разногласия по вопросам морского права не исчерпывали взаимных противоречий. Интересы обеих держав уже тогда сталкивались на Ближнем и Среднем Востоке. Но перед лицом притязаний Франции на господство в Европе и русское и английское правительства сочли необходимым заключить союз для борьбы против наполеоновской империи.

Для согласования с английским правительством основ будущей коалиции в сентябре 1804 г. в Лондон был направлен

личный представитель Александра I Н. Н. Новосильцев. В ходе переговоров между ним и Питтом, состоявшихся в декабре 1804 г. — январе 1805 г., была достигнута договоренность по всем основным вопросам и составлен проект союзного договора, который и был вручен от имени английского правительства русскому послу в Лондоне и английскому в Петербурге в качестве базы для ведения дальнейших переговоров.

11 апреля 1805 г. переговоры завершились подписанием в Петербурге англо-русского союзного договора.

«Поелику бедственное положение, в котором находится Европа, требует быстрого врачевания, — говорилось в нем, — их величества... пришли к соглашению приискать средства к прекращению оного, не выжидая случаев новых захватов со стороны французского правительства» и «согласились употребить самые действенные и самые быстрые средства к образованию всеобщей лиги европейских государств... с тем, чтобы побудить французское правительство добровольно или по принуждению согласиться на восстановление мира и равновесия в Европе». Целями коалиции провозглашались полное очищение от французских войск Италии, Ганновера, Северной Германии, Голландии и Швейцарии, возвращение Франции к границам, определяемым Рейном, Альпами и Пиренеями, восстановление в ней старых, монархических порядков и «установление такого порядка вещей в Европе, который бы в действительности гарантировал безопасность и независимость различных государств и представлял твердую опору против будущих узурпаций».

Неслыханное по своей бесцеремонности хозяйничанье Наполеона в Италии способствовало ускорению формирования коалиции. Не довольствуясь титулом императора Франции, принятым им в мае 1804 г., он 18 марта 1805 г. объявил себя королем Италии, а в июне того же года присоединил к Франции Геную и Лукку. Поскольку захваты Наполеона на Апеннинском полуострове нарушали интересы Австрии, она в августе 1805 г. присоединилась к Англии и России. Швеция, Дания и королевство обеих Сицилий формально не присоединялись к коалиции, но фактически должны были стать ее участниками в силу заключенных между ними и Россией союзных договоров. Новая угроза Египту со стороны Франции склонила и Порту к подписанию с Россией 23 сентября 1805 г. союзного договора, оформлявшего присоединение Турции к коалиции и подтверждавшего обязательства обеих черноморских держав совместно охранять проливы. Договором предусматривался свободный проход военных судов России через Босфор и Дарданеллы (ст. 4) и, наоборот, закрытие их для военных судов других нечерноморских наций (ст. 7 секретная). Привлечение к 3-й коалиции Оттоманской империи было большим

успехом русской дипломатии: наполеоновской Франции приходилось снова считаться с целой цепью враждебных государств — от Скандинавии до самого Леванта.

Разгром 3-й коалиции и его последствия

По своему обыкновению Наполеон не стал дожидаться концентрации сил союзников, и 20 октября 1805 г. его войска вынудили капитулировать австрийскую армию в Ульме, а в ноябре заняли Вену. 2 декабря около селения Аустерлиц в Моравии французские войска нанесли решительное поражение соединенным армиям России и Австрии, заставив императора Франца немедленно просить о мире.

Последствия победы Наполеона под Аустерлицем были огромны. Англия снова теряла своих союзников на континенте. Даже одержанная ранее адмиралом Нельсоном победа над соединенным франко-испанским флотом под Трафальгаром (21 октября 1805 г.), хотя и отводила от Англии угрозу французского десанта, ничего не меняла в общей картине сокрушительного разгрома 3-й коалиции.

Ближайшим последствием аустерлицкой победы Наполеона явилась перемена в позиции Пруссии. Еще 3 ноября 1805 г., несмотря на противодействие со стороны французской дипломатии, Фридрих-Вильгельм III подписал под влиянием Александра I союзную конвенцию в Потсдаме и обязался выступить против Франции в случае ее отказа принять предложенные союзниками условия. Однако представитель Фридриха-Вильгельма III барон Гаугвиц, которому было поручено отвезти Наполеону ультимативное требование Пруссии, умышленно ехал из Берлина в Вену целых две недели, а затем оттягивал свое объяснение с Наполеоном до получения известий об исходе решающего столкновения. После Аустерлица он явился к Наполеону с орденом Почетного легиона на шее и униженно поздравил победителя. «Фортуна переменила направление ваших поздравлений», — насмешливо заметил Гаугвицу Наполеон и потребовал немедленно заключить оборонительно-наступательный союз, который и был подписан 15 декабря 1805 г. В уплату за это предательство Наполеон отдал Пруссии Ганновер — занятое французами владение английского короля.

С Габсбургами после Аустерлица можно было вообще больше не церемониться: 26 декабря 1805 г. в Прессбурге (Братиславе) был подписан новый, третий по счету мирный договор, согласно которому Австрия признала все французские приобретения в Западной Европе и, кроме того, уступала Наполеону, как королю Италии, Венецианскую область, Истрию и Далмацию. Германским союзникам Франции она уступала Тироль и ряд других областей, выплачивала Франции сорока-

миллионную контрибуцию. Император Франц в целом терял не менее $^1/_6$ части своих подданных.

Преобладанию Австрии в Германии пришел конец. 6 августа 1806 г. Франц сложил с себя звание германского императора. «Священная Римская империя германской нации», таким образом, окончила свое существование под ударами французского оружия, и Габсбурги сохраняли за собой лишь титул императоров Австрии. Между Рейном и Эльбой прочно утверждалась власть Наполеона I. Старинная мечта Ришелье и Мазарини, казалось, готова была осуществиться. 12 июля 1806 г. из 16 западных германских государств был создан Рейнский союз, во главе которого стоял сам французский император в качестве «протектора». Согласно союзным договорам, заключенным с Францией, каждый член нового союза обязывался поставлять воинские контингенты в армии французского императора.

Созданием Итальянского королевства и Рейнского союза заложены были основания новой огромной империи, напоминавшей о временах Карла Великого. Только одна Россия на европейском континенте осмеливалась оказывать сопротивление новому владыке, методически стремившемуся превратить всех государей Европы, крупных и мелких, в послушных вассалов буржуазной Франции.

Притязания Наполеона на страны Ближнего и Среднего Востока

Но честолюбивые мечты Наполеона не ограничивались одним только утверждением французского господства в Европе. Он даже уверял своих приближенных, что после побед над Австрией и Россией «ему больше нечего делать в Европе». Действительно, к концу 1805 г. полное сокрушение военной мощи Австрии и оттеснение России создавали предпосылки для попыток распространения французского господства на Ближний и даже Средний Восток. Захват Далматинского побережья Адриатического моря позволял теперь Наполеону оказывать постоянное давление на балканские провинции Турции.

Вместе с тем изгнание из Неаполя Бурбонов (январь 1806 г.) отдавало Франции также и все западное побережье Адриатики, от Венеции до Отранто. Для полного овладения Адриатическим морем оставалось только вытеснить русские гарнизоны с Ионических островов и из бухты Катарро, лишив тем самым Россию ее опорных пунктов для борьбы против Франции в Средиземноморье.

В связи с французскими успехами на подступах к Балканскому полуострову султан Селим III резко переменил фронт. Вскоре после Аустерлица он признал Наполеона «падишахом Франции» и в его лице приветствовал «самого давнего, самого верного и необходимого союзника» Турции. Прибывший

в августе 1806 г. в Константинополь представитель Франции, произведенный к этому времени в генералы Себастиани, согласно полученной им в Париже инструкции, старался всеми силами «испортить отношения между Турцией и Россией», «закрыть для русских Босфор» и восстановить полное господство Порты в дунайских княжествах. Под его влиянием султан заменил дружественных России господарей в Молдавии и Валахии боярами-франкофилами. Ответом явилась оккупация княжеств русскими войсками в конце 1806 г., что в свою очередь вызвало объявление Турцией войны России в декабре того же года. В январе 1807 г. последовал и разрыв Турции с союзницей России — Англией.

Дипломатическое давление со стороны ген. Себастиани в обоих случаях имело для Порты решающее значение. Последний склонял султана Селима III к заключению с Францией военного союза против Англии и России. «Мое назначение — спасти Оттоманскую империю, и мои победы — ваши победы», — писал Наполеон Селиму в конце 1806 г.

В то же время значительно усилилась и активность французской дипломатии в Персии, куда весной 1807 г. была направлена французская военная миссия с целью подготовить плацдарм для дальнейшего наступления Наполеона на Среднем Востоке.

Таким образом, результаты разгрома 3-й коалиции сказывались даже на далеких закавказских границах России и на границах Индии. Само расширение арены борьбы увеличивало упорство, с которым эта борьба велась. Ни правительства, ни народы Европы не хотели добровольно принять власть французского завоевателя.

Создание 4-й коалиции. Разгром Пруссии под Иеной и Ауэрштедтом

На европейском континенте к началу 1806 г. только одна Россия продолжала борьбу с Наполеоном, но и ее силы были надорваны, а надвигавшаяся война с Турцией отвлекала на юг внимание ее правительства.

Русское правительство не слишком доверяло союзной Англии. Нуждаясь в передышке, оно искало путей к соглашению с Наполеоном.

Дипломатия Франции со своей стороны пыталась еще раз сыграть на непрочности русско-английских союзных отношений и различными путями давала понять и Лондону, и Петербургу о готовности Франции начать сепаратные мирные переговоры. Уже в феврале 1806 г., вскоре после смерти Питта, Талейран завязал тайные переговоры с англичанами, предлагая им заключить мир на старых амьенских основаниях.

Переговоры между Францией и Англией, однако, зашли в тупик. Это стало уже достаточно ясным к тому моменту, когда в Париж в начале июля 1806 г. прибыл царский дипломат Убри с поручением позондировать почву для заключения мира. Не желая слишком связывать себе руки, правительство Александра I направило в Париж только второстепенного дипломатического агента, шаги которого в случае изменения международной обстановки можно было бы и дезавуировать.

Стремясь вбить клин в отношения между союзниками, Талейран использовал миссию Убри для попытки восстановления дипломатических отношений с Россией и в конце концов навязал русскому посланцу 20 июля 1806 г. чрезвычайно невыгодный для России договор, отдававший фактически Левант Франции без какой-либо компенсации.

Александр I не хотел ратифицировать подписанный незадачливым Убри документ, так как к осени 1806 г. международная обстановка успела в Европе заметно измениться: захватническая политика Наполеона в Германии, создание им в явное нарушение интересов Пруссии Рейнского союза, сведения о том, что обещанный Пруссии Ганновер становится предметом торга между Францией и Англией, толкнули прусское правительство снова к сближению с Россией и Англией. В подписанной 1 июля 1806 г. в Берлине секретной декларации Фридрих Вильгельм III подтверждал свою верность России и заверял, что никогда «не присоединится к Франции». Александр I, получив берлинскую декларацию, немедленно ответил на нее со своей стороны декларацией в подобном же духе и тем по существу оформил тайный военный союз между двумя странами. Одновременно Пруссии со стороны Англии были обещаны субсидии и в случае присоединения к новой, 4-й антифранцузской коалиции.

1 октября прусский король предъявил Парижу ультимативное требование в 10-дневный срок вывести французские войска за Рейн, ответом на что было вторжение Наполеона из Северной Баварии в Тюрингию, а затем и в Пруссию. 14 октября прусские войска были наголову разбиты в двойном сражении под Иеной и Ауэрштедтом. На плечах совершенно деморализованного и бегущего противника наполеоновская армия, в короткий срок овладев рядом прусских крепостей, 27 октября достигла Берлина.

Провозглашение континентальной блокады Англии (21 ноября 1806 г.)

Разгром Пруссии был для Наполеона новым шагом на пути к достижению его основной цели — сокрушению могущества Англии. Находясь в Берлине, он 21 ноября подписал знаменитый декрет, запрещавший всем зависимым и подвластным странам какие-либо сношения с Британ-

скими островами и колониями Англии. Даже судам нейтральных государств, если они заходили в английские гавани по пути к портам континента, запрещалось входить в эти порты. Все английские подданные, находящиеся в странах континента, должны были немедленно арестовываться, а английские товары — конфисковываться и предаваться сожжению. Не имея возможности сокрушить Англию путем вторжения на Британские острова или же нанести ей удар посредством организации похода в Индию, Наполеон решил теперь покончить с сопротивлением Англии, закрыв для ее товаров европейские рынки. Отныне требование строжайшего соблюдения правил континентальной блокады Англии всеми зависимыми от Франции государствами стало одной из главнейших задач дипломатии Наполеона.

Война с Россией и Пруссией между тем продолжалась. В декабре военные действия были перенесены на территорию отошедших по разделам к Пруссии польских земель, затем в Восточную Пруссию. К весне французская армия оттеснила войска союзников к Неману и 14 июня 1807 г. под Фридландом решила судьбу кампании. Александру I пришлось теперь круто изменить курс своей внешней политики и направить к Наполеону своего представителя кн. Лобанова-Ростовского с просьбой о мире. В специальной инструкции царь писал: «Союз России с Францией всегда был предметом моих желаний... только он может обеспечить счастие и покой мира... Совсем новая политическая система должна заменить ту, которая существовала...»

Тильзитский мир и заключение союза между Францией и Россией

Во время исторического свидания, состоявшегося на плоту, на реке Немане у Тильзита 25 июня 1807 г., Наполеон как победитель предложил Александру I свои условия. Последнему ничего не оставалось, как подписать два важнейших международных документа: мирный договор с отдельными и секретными статьями и договор о союзе между двумя империями, направленный своим острием против Англии. Это произошло 7 июля 1807 г., а 9 июля было подписано дополнительное соглашение о передаче Россией Франции бухты Каттаро и Ионических островов.

В центре внимания при дипломатических переговорах, предшествовавших подписанию мирного договора, стоял вопрос о судьбе Пруссии и ее польских владений. Наполеон стремился вообще уничтожить «подлую династию» Гогенцоллернов и только по настоянию Александра I согласился на возвращение части их бывших владений (ст. 4). Почти все польские земли Пруссии отходили от нее, и из них образовывалось новое «Великое герцогство Варшавское» (ст. 5). Наполеон предлагал произвести полюбовный раздел всех этих земель по Висле, но

Александр, не желая превращать Пруссию и короля Фридриха-Вильгельма III в своих вечных врагов, отказался поживиться землями своего бывшего союзника, согласившись все же округлить собственные владения за счет принадлежавшего Пруссии Белостокского округа (ст. 9). Понятно, что создание герцогства Варшавского противоречило интересам русского царизма, поскольку оно легко могло в будущем привести к восстановлению Польского королевства и к притязаниям на те бывшие польские владения, которые отошли к России по трем разделам Польши. Во-вторых, существование у западных границ России враждебного и целиком зависящего от Франции государства представляло серьезную опасность для империи.

В договоре предусматривалось признание Россией всех изменений, которые произвел или произведет в будущем в Западной Европе Наполеон, а также очищение от русских войск «Республики семи островов» и бухты Каттаро, поступающих отныне «в полную собственность и обладание императора Наполеона» (1 и 2 отдельные и секретные статьи).

Подписанный одновременно союзный договор предусматривал, во-первых, совместные действия обеих держав против всякой враждебной им третьей европейской державы; во-вторых, посредничество России при заключении англо-французского мирного договора и обязательство в случае отказа Англии от заключения мира на предложенных ей условиях порвать с нею к 1 декабря 1807 г., причем предусматривалось присоединение Англии к континентальной блокаде; в-третьих, посредничество Франции в русско-турецком споре и в случае совместной войны против Турции — раздел европейских ее провинций, за исключением провинции Румелии и Константинополя.

Таким образом, в Тильзите по отношению к Турции Наполеон допустил обычное для него вероломство: всячески через ген. Себастиани заверяя Селима III в своей дружбе и обещая охранять неприкосновенность его владений, он одновременно манил Александра I планами возможного раздела европейских владений Турции и на словах в ходе переговоров обещал не настаивать на выводе русских войск из Молдавии и Валахии.

Обманывая Селима III, Наполеон в то же время обманывал и Александра I, так как вовсе не думал допустить усиления России на Балканах и открыть для русского флота Босфор и Дарданеллы. Именно в целях создания формального основания для полного вытеснения России с Балканского полуострова по настоянию французской дипломатии были введены, несмотря на словесные обещания противного, статьи (21—22), обязывающие Александра I вывести свои войска из дунайских княжеств.

Через два дня после подписания основных франко-русских документов, 9 июля, был подписан в Тильзите и франко-прусский мирный договор, лишавший Фридриха-Вильгельма III его заэльбских, западных, а также польских восточных владений. Пруссия уменьшалась и по территории, и по населению, почти что вдвое, обязывалась примкнуть к континентальной блокаде и уплатить огромную контрибуцию. Подписав «несчастный мир» в Тильзите, она, подобно всем другим германским государствам, на ряд лет попадала в вассальную зависимость от Франции.

Тильзитский мир и русское общество. Первые противоречия в франко-русском союзе

В России встретили весть о заключении союза с Францией и о присоединении к континентальной блокаде с явным недовольством. Никто не считал мир сколько-нибудь прочным. «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром», — писал позднее Сперанский, подчеркивая, что «Тильзитский мир для Франции всегда был мир вооруженный». Разрыв с Англией и присоединение к континентальной блокаде отрицательно сказывались на русской экономике. Экспортируя промышленные товары и потребляя русский хлеб, пеньку, лес и пр., Англия занимала важное место в русской торговле. Расширение экономических связей с Францией, традиционными статьями экспорта которой являлись предметы роскоши, не могло, разумеется, компенсировать потерю английского рынка.

Первые трещины в здании франко-русского союза стали обнаруживаться очень скоро. Уже осенью 1807 г. французский посол в Петербурге ген. Савари стал настаивать на быстрейшем выполнении статей 21—22 мирного договора и эвакуации дунайских княжеств. В ответ на напоминание со стороны русского посла в Париже пр. Петра Толстого об «устной договоренности», имевшей место в Тильзите, Наполеон с характерной для него бесцеремонностью заметил, что продолжает придерживаться «Тильзитской песни», но что признает только «песни, положенные на ноты», т. е. текст договора.

Впрочем невозможность найти путь к соглашению с Англией заставляла Наполеона дорожить союзом с Россией и миром на востоке Европы. Нуждаясь в поддержке со стороны России для окончательного сокрушения Англии, он 2 февраля 1808 г. обратился к Александру I с предложением раздела Оттоманской империи. Оставляя Александру I полную свободу рук на севере для завоевания Финляндии, Наполеон предлагал начать совместный поход через Босфор в глубь Азии с целью завоевания Индии. Для согласования вопросов, связанных с осуществлением этого грандиозного плана, он предлагал Александру I

организовать новое личное свидание или же конференцию между Румянцевым и Коленкуром в Петербурге.

Ответные письма Александра I — настоящий шедевр дипломатической изворотливости. Зная Наполеона и, разумеется, ни минуты не веря в возможность выгодного для России мирного раздела Турции, Александр I тем не менее не думал уклоняться от переговоров: он рассчитывал обусловить нужное Наполеону личное свидание предварительным согласием Наполеона на переход Молдавии и Валахии к России, а также его обязательством не расширять пределов герцогства Варшавского. При этом Александр I, льстя Наполеону и внушая ему мысль о прочности франко-русского союза, предлагал пока ограничиться лишь совещанием нового посла Франции в Петербурге Коленкура и министра иностранных дел Н. П. Румянцева относительно судеб Ближнего Востока.

Совещание между ними действительно состоялось 12 марта 1808 г. в Петербурге, но закончилось полнейшей неудачей. Коленкур, скрепя сердце, согласился на переход к России дунайских княжеств и Болгарии, но хотел оставить за Францией львиную долю добычи — всю западную часть Балканского полуострова.

Царское правительство не проявляло интереса к походу на Индию и видело в этом проекте попытку Наполеона облегчить новые французские завоевания в Западной Европе путем отвлечения сил Англии и России на Восток. Желая полнее выяснить намерения Франции, Румянцев поставил вопрос о будущей судьбе Константинополя и проливов. Коленкур готов был уступить России лишь один Босфор, оставляя «кошачий язык» — Галлиполийский полуостров и Дарданеллы за французами. Переговоры остались безрезультатными. Свидание между двумя императорами тогда так и не могло состояться. Однако русская дипломатия зорко следила за растущими затруднениями Наполеона в продолжающейся борьбе с Англией, а также с народами покоренных им стран Западной Европы, рассчитывая рано или поздно добиться удовлетворения интересов России.

Нарастание сопротивления Наполеону в покоренных странах. Эрфуртское свидание и укрепление политических позиций России

К осени 1808 г. ряд признаков указывал на пробуждение духа сопротивления среди покоренных Наполеоном народов. Франция не только беспощадно подавляла нарождающееся у них национальное чувство, но и навязывала покоренным и зависимым от нее народам совершенно невыносимые экономические порядки. «Мой принцип таков — Франция прежде всего», — цинично писал Наполеон своему пасынку, вице-королю Италии Евгению Богарне, предлагая ему не допускать на полуострове никакой

другой торговли, кроме французской. Ни народ, ни буржуазия Италии не могли, понятно, примириться с подобным взглядом, и чем дальше, тем больше давали отпор завоевателю, который, чтобы украсить Парижский Лувр, не постеснялся вывезти из многих итальянских городов лучшие произведения искусства и даже знаменитого венецианского льва св. Марка водрузил на одной из площадей своей столицы.

На примере Италии особенно отчетливо видны применявшиеся Наполеоном методы экономической эксплуатации покоренных народов: насильственное выкачивание местного сырья для нужд французской промышленности; насильственное внедрение французских промышленных изделий; создание помех для развития местной национальной индустрии; конфискация или реквизиция продовольственных ресурсов и т. п. И то, что происходило на Апеннинском полуострове, наблюдалось и за Пиренеями, и в Германии, и в Австрии, и в Голландии. В задачу французского императора входило по возможности закрыть все каналы, по которым текли в Европу английские промышленные и колониальные товары. Поскольку и Россия была ранее одной из основных потребительниц их, ту же самую цель преследовало и насильственное присоединение ее к континентальной блокаде.

Первое опасное для Наполеона народное восстание вспыхнуло весной 1808 г. на Пиренейском полуострове. Еще в конце 1807 г. в Португалию, не желавшую добровольно порывать с Англией, были направлены войска ген. Жюно. Вслед за этим началась и военная оккупация Испании, завершившаяся весной 1808 г. изгнанием царствовавшей королевской семьи из Мадрида и воцарением там брата Наполеона Жозефа Бонапарта. В ответ в Испании вспыхнуло повстанческое движение — «гверилья», — против которой оказались бессильными хваленые наполеоновские гренадеры. Летом 1808 г. целый корпус французских войск вынужден был сдаться, окруженный в горах плохо вооруженными испанскими повстанцами.

Поражение французских войск произвело большое впечатление на все порабощенные Наполеоном народы, особенно в Германии и Австрии. Габсбургская монархия постепенно оправлялась после катастрофы 1805 г. и тайно готовилась к выступлению против французов. В мае 1808 г. здесь была введена всеобщая воинская повинность, отменены телесные наказания в войсках. Завязаны были также тайные переговоры с Англией о создании новой антифранцузской коалиции.

Наполеон через своих агентов был хорошо осведомлен обо всем этом. Отправляясь в сентябре 1808 г. на свидание с Александром I, он откровенно говорил Талейрану, что хочет возвратиться из Эрфурта «с свободными руками», с тем чтобы

иметь возможность «делать в Испании, что захочет». Он был убежден в том, что ему удастся смирить Австрию и без новой войны, если только его отношения с Россией будут более прочными.

Иных взглядов на этот счет придерживался Александр I, писавший своей сестре Екатерине Павловне: «Бонапарте думает, что я больше ничего, как дурак. Хорошо смеется тот, кто смеется последним...» История показала, что на этот раз хитрый «византиец» из Зимнего дворца лучше, чем «повелитель вселенной» из Парижа, разобрался в сложной международной обстановке того времени.

Свидание двух императоров состоялось в конце сентября 1808 г. в Эрфурте в исключительно пышной обстановке. Ничего со стороны Наполеона не было упущено, чтобы заставить Александра I поверить в могущество французского императора. 4 подвластных ему короля и 34 князя, находясь в его свите, униженно гнули спины и выпрашивали подачки.

Наполеону удалось добиться продления франко-русского союза, но только ценой признания прав России на Молдавию и Валахию, а также и на Финляндию, которая тогда еще принадлежала Швеции. Но в важнейшем для Наполеона вопросе об отношении России к Австрии Александр I проявил непоколебимое упорство. Он был хорошо осведомлен о растущих затруднениях Наполеона и совершенно не был расположен помогать ему усмирять Австрию. П. Толстой из Парижа накануне эрфуртского свидания доносил Александру I о том, что предполагаемый новый разгром Габсбургской империи «должен быть рассматриваем, как предвестник нашего разгрома, как средство для него». Вследствие этого русский император сознательно с особенной любезностью принял в Эрфурте представителя Франца I барона Винцента. Во время беседы он недвусмысленно указывал, что «никто не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого государя», что «у Австрии нет лучшего друга, чем он», и что он «считает долгом чести охранять Австрию от нападения с чьей бы то ни было стороны». Русский император к тому же о возраставших затруднениях Наполеона был хорошо осведомлен не кем иным, как Талейраном. Хотя последний и не состоял после Тильзита министром иностранных дел Франции, Наполеон взял его с собой в Эрфурт, и это позволило продажному и мстительному дипломату вступить в тайные сношения с Александром I.

После провозглашения континентальной блокады, Талейран был убежден в неизбежности разрыва между Францией и Россией, и в Эрфурте советовал русскому царю не подписывать договора, который гарантировал бы участие России на стороне Наполеона в предстоящей войне Франции с Австрией. «Вы

должны спасти Европу», — повторял он царю во время секретных бесед. Лишь спустя несколько месяцев, Наполеон, начав подозревать Талейрана в измене, хотя и не покарал, но все же отстранил его.

Таким образом Наполеону так и не удалось вырвать у русского императора ничего, кроме неопределенных обещаний оказать Франции поддержку в случае нового конфликта с Австрией. Хотя эрфуртское свидание и проходило внешне в весьма дружественной атмосфере, и закончилось подписанием 12 октября 1808 г. союзной конвенции, никакого действительного укрепления франко-русского союза не произошло.

5-я коалиция и новый разгром Австрии. Причины военных и дипломатических успехов Наполеона в 1800—1809 гг.

Заключение новой конвенции с Россией все же позволило Наполеону бросить свои силы против непокорной Испании и снова овладеть Мадридом. Борьба за Пиренеями, однако, только еще разгоралась, когда известия о военных приготовлениях Австрии заставили Наполеона спешно возвратиться из Испании во Францию. Действительно, заручившись поддержкой со стороны Англии, образовавшей новую, 5-ю коалицию против Франции, Австрия начала в апреле 1809 г. военные действия на Верхнем Дунае. Но и на этот раз австрийскую армию ожидало тяжелое поражение, и ей не удалось отстоять своей столицы. 6—7 июля неподалеку от Вены, при Ваграме, произошло решающее сражение, после которого Франц I вынужден был начать переговоры о мире.

Короткая война 1809 г. была очень кровопролитной и стоила Франции больших жертв. Не в пример прошлых лет австрийские войска сражались до последней капли крови, отстаивая родную землю против наступавших с запада французов. Царская Россия, связанная союзом с Францией, также приняла участие в войне, но чисто фиктивным образом. Александр I в самый момент разрыва с Австрией просил австрийского посла передать в Вену, что «в пределах человеческой возможности будут приняты меры с целью избегнуть враждебных действий» и что сам он «находится в странном положении, так как не может не желать австрийцам успеха». Русская армия, действительно, вызывая гнев Наполеона, фактически не предпринимала против австрийцев никаких военных действий. В наказание за это Наполеон, согласно подписанному с Австрией 14 октября 1809 г. в Шёнбруннском дворце в Вене мирному договору, присоединил почти всю Западную Галицию к герцогству Варшавскому, предоставив России лишь сравнительно небольшой Тарнопольский округ. Помимо Западной Галиции, Венский договор лишал Австрию ряда ее провинций (Зальцбурга, части Верхней Австрии и Крайны, Каринтии, Хорватии),

а также совершенно отрезал ее от Адриатического моря: из австрийских земель на побережье (Триест, Фиуме и др.) были теперь образованы так называемые Иллирийские департаменты Французской империи.

Накануне подписания Шёнбруннского договора министром иностранных дел Австрийской империи был назначен граф Клемент Меттерних (1773—1859), ранее занимавший пост посла Австрии в Париже. При ограниченном императоре Франце I он скоро занял руководящее положение. Как государственного деятеля и дипломата Меттерниха отличали огромное самообладание, скрытность, хитрость и особое умение лгать. Став канцлером поверженной в прах Австрийской империи, он поставил своей целью любыми средствами спасти династию Габсбургов от участи Бурбонов. Он, действительно, вплоть до 1813 г. делал все, чтобы задобрить и обмануть неумолимого повелителя и заставить его поверить в искреннее желание Австрии служить интересам Франции. Он сам сопровождал в Париж в 1810 г. отданную Наполеону в жены молодую австрийскую принцессу Марию-Луизу, дочь Франца I, рассчитывая путем этого брака добиться отмены той статьи Шёнбруннского договора, которая ставила предел численности австрийской армии.

Победа под Ваграмом — кульминационный пункт военных успехов Наполеона, так же как Шёнбруннский мир 1809 г. — самый крупный и вместе с тем последний успех его внешней политики и дипломатии. К 1810 г. Французская империя, включившая в свой состав Голландию и многие провинции Австрии, успела широко расплыться на карте Европы, подчинив ряд чужих государств и народов. Свое внешнее выражение все эти поразительные успехи получили не только в женитьбе сына скромного корсиканского адвоката на габсбургской принцессе, но и в превращении во владетельных особ его братьев и сестер, породнившихся со многими европейскими царствующими домами. Так, братья Наполеона Жозеф, Луи и Жером превратились в королей Испании, Голландии и Вестфалии, его пасынок Евгений Богарне стал супругом баварской принцессы, а брат Жером — вюртембергской. Многие соратники Наполеона тоже получили высокие титулы и звания. Так, его шурин Мюрат получил сперва титул герцога бергского, а затем короля неаполитанского; маршал Бертье — титул князя невшательского. Даже Талейран, передавший в 1807 г. свой пост дипломату Шампаньи, и тот стал князем беневентским.

Блистательные успехи Наполеона на полях сражений объяснялись прежде всего тем, что он сумел заставить служить завоевательным целям новой французской буржуазии массовые армии, созданные якобинцами и во всех отношениях

превосходящие войска старой феодально-монархической Европы. Обладая незаурядным военным гением, Наполеон сумел полностью использовать боевой материал, предоставленный ему буржуазной революцией, положив в основу своего военного искусства новую, тоже унаследованную им от буржуазно-демократической революции тактику ударных колонн, а также умение сосредоточивать свои силы и создавать перевес на решающем направлении с целью закончить кампанию полным уничтожением противника.

Однако Наполеон много лучше разбирался в обстановке на полях сражений, чем в международных отношениях, хотя и в них разбирался лучше многих современных ему политических деятелей, если не большинства из них. И все же в области дипломатии он зачастую допускал грубые просчеты и ошибки, переоценивал собственные возможности и силы, носился с явно несбыточными планами и т. п. Наличие серьезных противоречий между отдельными враждебными Франции государствами, правда, приходило на помощь Французской империи. Так, еще во времена 2-й коалиции противоречия между Россией и Австрией, с одной стороны, и между Россией и Англией — с другой, позволили первому консулу быстро изолировать Англию и добиться заключения выгодного для Франции Амьенского мира. Так, позднее, во времена 3-й и 4-й коалиций, французский император не менее ловко пользовался недоверием Австрии к намерениям России, России и Англии друг к другу, для того чтобы вбить клин в отношения между союзниками, разъединить, а затем разгромить их.

Постоянные поражения в борьбе с Наполеоном заставляли все же феодально-монархические правительства постепенно перенимать французский военный опыт и вводить ряд преобразований в своих армиях, которые вели к повышению их боеспособности. Но одновременно с тем, как приходил конец монополии Франции на новую стратегию и тактику, созданную революцией, против Наполеона стала подниматься огромная сила народного сопротивления угнетению со стороны буржуазной Франции. А в связи с этим и те войны, которые вела Франция, приобретали иной характер: раньше, в годы революции, это были войны национальные и справедливые, «а когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 295.

Причины войны 1812 г.

После заключения Шёнбруннского договора и значительного расширения герцогства Варшавского за счет Западной Галиции русско-французские отношения стали быстро ухудшаться, что нашло свое внешнее выражение в почти невежливом отказе Александра I Наполеону в руке его младшей сестры Анны Павловны. Полнейшей неудачей закончились и переговоры по вопросу о будущем герцогства Варшавского между Румянцевым и Коленкуром. Подписанная ими после долгих проволочек конвенция, говорившая о том, что «Польское королевство никогда не будет восстановлено», не была ратифицирована Наполеоном. Он, наоборот, в 1810—1811 гг., стремясь привлечь на свою сторону польскую шляхту, сулил ей восстановление Польши в границах 1772 г. Наполеон явно намеревался в недалеком будущем создать в восточной части Европы новое крупное и целиком зависимое от Франции королевство.

Вторым вопросом, вызывавшим обострение в отношениях между Россией и Францией, был восточный. Переговоры между Румянцевым и Коленкуром о разделе Турции, зашедшие в тупик в марте 1808 г., больше не возобновлялись. Становилось ясным, что Наполеон не только не собирается разграничивать сферы влияния на Ближнем Востоке, но, наоборот, всеми силами стремится, опираясь на сосредоточенную в Иллирии армию маршала Мармона, подчинить своему влиянию Балканский полуостров, разжечь через своих дипломатических агентов в Турции ненависть к России и, несмотря на данное в Эрфурте обещание, помешать переходу дунайских княжеств к России.

К двум указанным причинам острых разногласий к 1810—1811 гг. давно уже прибавилась и третья — экономическая, связанная с невозможностью для России выносить наложенное на нее в Тильзите ярмо континентальной блокады.

Разрыв с Англией сразу же сказался на оборотах русской внешней торговли, упавших со 100 миллионов рублей в 1807 г. до 83 миллионов в следующем. Вывоз сельскохозяйственных продуктов резко сократился, что немедленно сказалось на состоянии платежного баланса и привело к падению курса бумажного рубля (ассигнаций). Цены на все товары, особенно колониальные, поднялись, и это больно ударило по потребителю.

К 1810 г. в связи со всем этим петербургское правительство постепенно перестало соблюдать тягостные для большинства помещиков и купцов условия континентальной блокады. Оно стало допускать в русские гавани торговые суда нейтральных стран, везущие в своих трюмах товары явно английского происхождения. В декабре 1810 г. Александр I к тому же принял новый таможенный тариф, крайне неблагоприятный

для французского ввоза. Беседуя в начале 1811 г. с посланцем Александра I полковником Чернышевым, Наполеон дал волю своему негодованию. Указав на то, что, по его сведениям, русские таможенные власти жгут французские товары, он грозил в ответ приказать также «жечь... все то, что приходит из России». «Вот каков наш союз с вами!» — кричал он.

Беспредельное расширение наполеоновской империи вызывало все бóльшую тревогу в Петербурге. В июле 1810 г. к Франции было присоединено Голландское королевство, в декабре — швейцарская территория Валлис, а в феврале 1811 г. — герцогство Ольденбургское, части герцогства Берг и королевства Ганноверского. Почти одновременно лишились своей независимости и три ганзейских города — Гамбург, Бремен и Любек. Франция становилась балтийской державой!

Все эти захваты создавали непосредственную угрозу России. Становилось ясным, что Наполеон не хочет мириться с существованием на востоке Европы такой мощной военной силы, как Россия, и готовится напасть на нее. Уже вскоре после присоединения к Франции Ольденбурга он в ответ на протестующие представления Александра I позволил себе впервые прямые угрозы по адресу России. «Я заставлю Россию раскаиваться, и тогда, быть может, ей придется потерять не только польские области, но и Крым», — гневно кричал он. 15 августа 1811 г. на официальном приеме он в еще более резкой и вызывающей форме повторил эти угрозы Куракину: «Вы рассчитываете на союзников. Где же они? — говорил Наполеон, стараясь запугать русского дипломата. — Не Австрия ли, у которой вы отняли триста тысяч душ в Галиции? Не Пруссия ли? Она вспомнит, что в Тильзите ее добрый союзник император Александр отнял у нее Белостокский округ. Не Швеция ли? — Она вспомнит, что, отняв у нее Финляндию, вы наполовину разрушили ее. Такие обиды не забываются. Весь континент будет против вас!»

Дипломатическая подготовка войны между Россией и Францией

Эти злые слова свидетельствовали, однако, только о том, что сам французский император в данном случае плохо разобрался в международной обстановке, сложившейся в результате его завоевательной политики. Много позднее, уже на острове Св. Елены, сам он с горечью признавался, что наполовину проиграл войну 1812 г. еще до ее начала.

Действительно, предпринятая им дипломатическая подготовка войны с Россией не увенчалась успехом, в то время как мероприятия русской дипломатии оказались весьма эффективными.

Готовясь к войне с Россией, Наполеон стремился прежде всего покрепче привязать к Франции Пруссию и Австрию.

Формально он достиг многого: ему удалось заставить Фридриха-Вильгельма III заключить с Францией 24 февраля 1812 г. секретную конвенцию. Пруссия обязывалась согласно ей выставить для участия в войне против России 20-тысячный корпус. Австрия также 14 марта 1812 г. обязалась принять участие в войне против России, выставив 30-тысячный корпус для действий на Украине. Но оба указанных соглашения были подписаны под грубым давлением со стороны французских дипломатов, а сделанные в неопределенной форме обещания после победоносной войны передать Пруссии Прибалтику, а Австрии — Волынь — были не слишком соблазнительны.

И прусское, и австрийское правительства, подписывая соглашения с Францией, одновременно вели за спиной у Наполеона тайные переговоры с Александром I. Прусский король писал весной 1812 г., что в случае войны будет причинять ему зло «только в силу крайней необходимости», а Меттерних в Вене конфиденциально осведомлял русского посла Штакельберга о ведущихся с Францией переговорах и заверял его в том, что в случае войны австрийские войска будут действовать только на Буковине и не будут усилены.

Еще бóльшая неудача постигла французскую дипломатию в Швеции, во главе которой с конца 1810 г. стоял бывший французский маршал Бернадотт, избранный риксдагом наследником шведского престола. В то время как французский посланник Алкье разговаривал со шведами, постоянно нарушавшими тягостную и для них континентальную блокаду, в повелительном и грубом тоне, русские дипломаты, наоборот, всеми силами стремились заставить их скорее позабыть о результатах недавней русско-шведской войны. «Забудем прошлое. Я находился тогда в ужасных обстоятельствах и, клянусь честью, никогда не желал зла Швеции», — говорил русский император в связи с присоединением Финляндии к России шведскому посланнику в Петербурге, выражая готовность признать права шведов на более богатую Норвегию, еще принадлежавшую тогда порабощенной Наполеоном Дании.

В результате подобной дальновидной политики Наполеону вовсе не удалось восстановить шведов против «русского колосса»: Бернадотт, чутко прислушивавшийся к голосу господствовавших в Швеции классов, перешел в лагерь противников своего недавнего повелителя. Оккупация шведской Померании французскими войсками в январе 1812 г. в виде репрессии за нарушение Швецией континентальной блокады ускорила этот переход. Уже в феврале этого же года в Петербурге было подписано тайное соглашение, согласно которому в обмен за признание прав Швеции на Норвегию сами шведы подтверждали права России на Финляндию и Аландские острова.

За спиной у Наполеона были восстановлены дипломатические отношения между Россией и Англией, переговоры с которой начались еще до вторжения «великой армии» в Россию. При посредничестве Бернадотта мирный договор с ней был подписан 18 июля 1812 г.

Не менее успешно действовала русская дипломатия и на юге, где после короткого перерыва были снова возобновлены военные действия между русскими и турецкими войсками. В 1811 г. М. И. Кутузов, назначенный главнокомандующим, добился серьезных успехов на Дунае и подготовил тем самым почву для начала переговоров о мире. В мае 1812 г. в Бухаресте был подписан русско-турецкий мирный договор, положивший конец войне, затянувшейся с 1806 г.

Стремясь развязать себе руки для предстоящей борьбы с Наполеоном, русское правительство, проявляя разумную уступчивость, согласилось очистить Молдавию и Валахию, уже несколько лет занятые русскими войсками. Оно ограничилось лишь приобретением Бессарабии. Возвращены были Турции частично и области, завоеванные в Закавказье, а также г. Анапа на Черном море.

«Величайшую услугу окажете России поспешным заключением мира с Портой», — писал Кутузову Александр I. «Слава вам будет вечная». Настойчивость и большой дипломатический талант Кутузова содействовали победе России в поединке с французскими дипломатами, стремившимися убедить турок продолжать войну с Россией и не подписывать мирного договора.

Объективной основой всех этих успехов русской дипломатии было повсеместно нараставшее недовольство против французского владычества и страх перед захватнической политикой Наполеона.

Начало Отечественной войны 1812 г.

С началом 1812 г. вся порабощенная Наполеоном Европа, затаив дыхание, ожидала неизбежного разрыва между Францией и Россией. Политическая атмосфера все более накалялась. Захватническая политика Наполеона создавала исключительно опасное положение для России. «От Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива все сплошь — Франция», — с тревогой доносил царю из Парижа посол князь Куракин. Нарушения континентальной блокады в то же время заставляли Наполеона постоянно обрушивать на головы русских дипломатов жалобы, перемешанные с угрозами и оскорблениями. Он требовал от Александра I точного и одностороннего выполнения взятых на себя в Тильзите обязательств, а также укрепления и даже расширения союзных отношений с Францией.

27 апреля Куракин от имени царя сообщил Наполеону, что предварительным условием для этого могут явиться лишь отход французских войск из Пруссии за Эльбу, очищение шведской Померании и Данцига, согласие на торговлю России с нейтральными странами. «Как смеете вы делать мне подобные предложения! Вы поступаете, как Пруссия перед Иеной», — кричал в ответ французский император, быстро сосредоточивавший в это время свои вооруженные силы в Пруссии и в герцогстве Варшавском, у самых границ России.

Со своей стороны и Александр I, выехавший в конце апреля в Вильно, готовился к отпору завоевателю. «Я скорее готов вести войну в течение 10 лет... удалиться в Сибирь... чем принять для России те условия, в которых находятся сейчас Австрия и Пруссия», — говорил он новому французскому послу в Петербурге Лористону перед своим отъездом из Петербурга.

Вторжение «великой армии», как известно, началось 24 июня. Через четыре дня Наполеон был в древней литовской столице. Сюда прибыл к нему представитель Александра I Балашов, пытаясь, без всякой, впрочем, надежды на успех, убедить Наполеона прекратить вторжение. Последний ответил царскому посланцу грубым и высокомерным отказом. Сумел ли Балашов в действительности ответить Наполеону так находчиво и остроумно, как сам он позднее рассказывал, сказать трудно. Тем не менее вскоре всю Россию облетели слова, сказанные или не сказанные им в ответ на вопрос французского императора «По какой дороге идти на Москву?»: «Русские, подобно французам, говорят, что всякая дорога ведет в Рим. Дорогу в Москву можно избрать по желанию. Карл XII взял ее на Полтаву».

Дипломатическая деятельность Франции и России во время войны 1812 г.

После отъезда Балашова из Вильно всякие сношения между русскими и французскими правительствами прекратились. Однако уже первые неудачи Наполеона, не сумевшего разгромить войска ген. Барклая де Толли в пограничных сражениях, заставили его искать возможности заключения почетного мира. После Смоленска им была сделана первая попытка завязать переговоры с русским правительством. Отпуская пленного русского генерала Тучкова, Наполеон просил его передать царю, что «пороха сожжено достаточно» и что он готов пойти на некоторые уступки: «Вы хотите иметь кофе и сахар — вы их будете иметь». Этот зондаж французского императора не имел успеха.

Русская армия и народ ответили на вторжение захватчиков сперва Бородинским сражением, а затем массовой борьбой поднявшихся против чужеземного завоевателя партизан.

Призрак военной катастрофы, вставший перед Наполеоном после Бородина и занятия Москвы, заставил его из захваченной и разрушенной им древней русской столицы сделать еще три столь же неудачные попытки завязать переговоры. Начавшаяся народная война против завоевателя не позволяла Александру I, даже если бы он сам этого и пожелал, вступить в сношения с французами.

Ставший после начавшегося бесславного отступления из Москвы несомненным полный разгром наполеоновских полчищ способствовал возникновению серьезных разногласий в русских правительственных сферах по вопросу о конечных целях войны. Уже со времен царствования Павла I в России имелась группа влиятельных сановников, считавших главным и наиболее опасным соперником России Англию и в связи с этим стремившихся по возможности поддерживать дружественные отношения с Францией, тогда еще не распространившей свои захваты далее Рейна и долины р. По. Министр иностранных дел Павла I Ф. Растопчин идейно возглавлял эту группу русских англофобов. На поиски сближения с буржуазной Францией их толкали, с одной стороны, неуклонное нарастание с конца XVIII в. русско-английских противоречий на Ближнем Востоке, а, с другой, интересы русской внешней торговли и торгового мореплавания, тяжело страдавших от бесцеремонного хозяйничанья англичан на морях.

Впрочем, Наполеон, провозгласив континентальную блокаду, нанес экономическим интересам русского господствующего класса столь значительный урон, что заставил их на время позабыть об этих ссорах с Англией.

При дворе Александра I вместе с тем не было недостатка и в таких сторонниках сближения с аристократической Англией, как Н. Панин и братья А. и С. Воронцовы. Их внешнеполитическую ориентацию определяли не столько общая ненависть к французской революции, сколько давняя зависимость русского помещика, и как поставщика сельскохозяйственных продуктов, и как потребителя промышленных товаров, от лондонского рынка. Сам Александр I, вынужденный вскоре после Тильзитского мира передать руководство внешней политикой России такому открытому противнику английской ориентации, как Н. П. Румянцев, всегда оставался в душе приверженцем более тесного сближения с Англией.

После бегства Наполеона из Москвы столкновения сторонников различных ориентаций значительно обострились. Сторонники более тесной связи между Россией и Англией, находившие поддержку у самого царя, выдвинули теперь в качестве цели войны не только изгнание французов из России, а также

из восточной, заэльбской части Германии, но еще и окончательное сокрушение наполеоновской империи.

Опираясь на группу влиятельных русских англофилов, а также на многочисленных немцев, нашедших в Петербурге приют от преследований со стороны Наполеона (принцы Ольденбургские, барон Штейн и др.), английский посол Каткарт после своего приезда в Петербург сразу же предпринял целую кампанию с целью дискредитации в глазах Александра I Н. П. Румянцева и скоро достиг успеха: царь постепенно стал все меньше считаться с советами Румянцева и в конце концов летом 1813 г. согласился принять его отставку.

В действующей под водительством Кутузова русской армии именно офицеры-иностранцы особенно настаивали на проведении более решительных операций против отступающей армии Наполеона. Английского военного агента полковника Вильсона, например, возмущала мудрая выжидательная тактика Кутузова после оставления Москвы французами, и он позволял себе неоднократно вмешиваться в дела русского командования. В конце концов возмущенный Кутузов со всей решительностью высказал англичанину, что вовсе не считает в интересах России необходимым полнейшее сокрушение наполеоновской империи. «Я нисколько не уверен, что полное уничтожение империи Наполеона и его армии было бы уже таким благодеянием для света», — по словам самого Вильсона, — заявил русский фельдмаршал. — «Его наследство досталось бы не России и не какой-либо иной континентальной державе, но той державе, которая уже и теперь владычествует на морях и чье господство сделалось бы тогда невыносимым».

Разногласия в правящих кругах стали особенно заметными ко времени изгнания французов из пределов России. После вступления русских войск в пределы Пруссии Александр I стал явно стремиться к тому, чтобы освободиться от героя Отечественной войны. Неожиданная смерть Кутузова в немецком городе Бунцлау в апреле 1813 г. опередила намерение царя отстранить Кутузова от командования армией.

Создание 6-й коалиции. Превращение освободительной войны против французского завоевателя в несправедливую, грабительскую

Отступление в сторону Березины и Вильно, как известно, привело армию Наполеона к почти полной гибели. И без того катастрофическое положение французских войск было еще более ухудшено переходом прусских войск, сражавшихся в составе «великой армии» Наполеона, на сторону России. Командовавший ими ген. Иорк по собственной инициативе вступил в переговоры с представителями русского командования и 30 декабря 1812 г. около местечка Тавроген подписал конвенцию о прекращении воен-

ных действий против России и отходе прусских войск за Неман. Этот смелый поступок Иорка ускорил начало национально-освободительного движения в Восточной Пруссии.

Хотя трусливый Фридрих-Вильгельм III, привыкший постоянно повиноваться указаниям из Парижа, отказался признать подписанную Иорком конвенцию и даже отстранил его от командования, но вскоре под давлением общественного мнения сам должен был вступить в прямые сношения с Александром I. 28 февраля 1813 г. в г. Калише был подписан союзный договор между Россией и Пруссией, согласно которому после совместной победы над Наполеоном и изгнания его из Германии Пруссия должна была получить свои прежние «географические, финансовые и статистические границы».

Тем самым создавалась новая, 6-я коалиция против Франции. Помимо Англии и России, против Наполеона выступали теперь Пруссия, а затем и Швеция. В этих условиях от политической позиции Австрии в значительной степени зависело быстрейшее разрешение судьбы наполеоновской империи. Заключая весной предшествующего года соглашение с Наполеоном, направленное против России, руководитель внешней политики Габсбургской империи К. Меттерних, разумеется, имел в виду лишь выиграть время, сохранить нетронутыми силы австрийской армии, с тем чтобы позднее или получить от Наполеона компенсацию за счет побежденной им России, или, наоборот, выступить в качестве посредника и навязать обеим враждующим сторонам мир на выгодных для Австрии условиях.

Меттерних, однако, не спешил прийти на помощь Пруссии и России. Его колебания объяснялись тем, что он страшился слишком крупной победы России — соперника Австрийской империи на юго-востоке Европы, а также боялся в случае нового разгрома французских войск и переноса войны на французскую территорию вызвать революционный подъем и мощное национальное сопротивление французского народа и создание нового Комитета общественного спасения. Меттерних, кроме того, не забывал, что Наполеон был женат на австрийской принцессе и что «король римский» — малолетний наследник Французской империи — приходился внуком австрийскому императору.

Только в конце июня после предварительных переговоров с представителями России и Пруссии Меттерних, наконец, выступил в качестве посредника, предложив французскому императору фактически в ультимативной форме принять следующие условия мира: 1) Уничтожение великого герцогства Варшавского и раздел его территории между Россией, Австрией и Пруссией; 2) Возвращение Австрии ее иллирийских провинций; 3) Присоединение Данцига к Пруссии и очищение всех

ее крепостей; 4) Восстановление независимости ганзейских городов. В случае отказа Наполеона Австрия обязывалась не позднее 20 июля вступить в войну и выставить против французов 150-тысячную армию.

28 июня состоялось личное свидание Меттерниха с Наполеоном в одном из дворцов Дрездена. Но последний не желал ничего слышать даже о сравнительно незначительных уступках: он по-прежнему верил в свою звезду, а с принятием предложений союзников рушилась для него вся хитроумная система континентальной блокады и исчезала последняя надежда рассчитаться с Англией. Кроме того, и нарастание недовольства длительной войной внутри самой Франции заставляло Наполеона стремиться к новым внешнеполитическим успехам. Взбешенный вероломством Австрии, он, топая ногами на Меттерниха, кричал, что не может «показаться униженным перед своим народом»: «Вы хотите все-таки диктовать мне законы! Хорошо, пусть будет война. Но до свидания — увидимся в Вене!»

10 августа Австрия вступила в 6-ю коалицию в момент, когда в Германии против Наполеона концентрировалась огромная армия, состоявшая из русских, прусских, шведских и английских контингентов.

Вступление союзных войск во Францию. Шомонский трактат

«Битва народов» — решающее сражение — произошла 16—19 октября 1813 г. под Лейпцигом. Разбитые армии Наполеона вынуждены были отступить за Рейн, и вскоре борьба была перенесена на территорию самой Франции. Вступление союзных войск на территорию Франции существенным образом влияло на характер войны и отчетливо выявило реакционные и корыстные цели монархических правительств европейских стран, прикрывавшихся громкими фразами об освобождении Европы от тиранин.

Никакого подлинного освобождения Европы, конечно, не было. «Будь война против Наполеона в самом деле войной за свободу против деспотизма, она привела бы к тому, что все покоренные Наполеоном нации после его падения провозгласили бы принцип равенства и наслаждались бы его благами. Но в действительности было как раз обратное» [1], — такими словами характеризовал Ф. Энгельс войну, которую с осени 1813 г. вели против Наполеона Александр I, Фридрих-Вильгельм III, Франц I и другие европейские монархи. В. И. Ленин позднее, говоря об освободительном порыве, охватившем народ Пруссии после изгнания французов из России, указывал, что освобождение Германии произошло «не без

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, изд. 2, стр. 566.

помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистскую войну»[1].

Отсутствие согласованности в конечных целях войны препятствовало успешным действиям союзников. Русский император и прусский король стремились к полному ниспровержению во Франции династии Бонапартов. С другой стороны, австрийское правительство Франца I вначале вовсе не помышляло об этом, предполагая учредить в Париже регентство с Марией-Луизой во главе. Это, понятно, вполне обеспечило бы в будущем тесный союз Габсбургов с Бонапартами в качестве противовеса усилившимся России и Пруссии.

В январе 1814 г., когда войска союзников успели уже далеко продвинуться в глубь Франции, в Базель из Лондона прибыл английский министр иностранных дел лорд Кэстльри. Он быстро нашел общий язык с Меттернихом и, используя английские субсидии в качестве средства давления на союзников, добился, чтобы ряд вопросов послевоенного устройства Европы (например, вопросы о будущих восточных границах Франции, о Голландии и Бельгии и т. д.) был решен в соответствии с интересами Англии. Острый вопрос о присвоенных Англией «морских правах» не должен был в будущем подвергаться обсуждению. В этом духе и был подписан в маленьком французском городке Лангр 29 января новый, направленный против Наполеона и его власти протокол.

Споры между союзниками по вопросу о будущем устройстве самой Франции тем временем не прекращались. Кэстльри, настойчиво требуя низложения «корсиканского чудовища» и его династии, выдвигал в качестве кандидата на французский престол брата казненного французского короля, в то время как Александр I, враждебно относившийся вообще к эмигрантам-Бурбонам главным образом из-за их давних и тесных связей с английским правительством, выдвигал в качестве возможных кандидатов то принца Евгения Богарне, то Бернадотта, и одно время готов был обсуждать вопрос о регентстве или даже о буржуазно-аристократической республике во Франции.

Споры эти к тому же осложнялись невозможностью договориться по вопросу о судьбе польских и саксонских земель, на которые претендовали Россия и Пруссия, а также крупными разногласиями среди союзных генералов. В создавшихся условиях ни английское, ни австрийское правительства не торопились с занятием Парижа. Обоих страшило неизбежное в этом случае усиление политического влияния России. Уже и без того Александр I в связи с победами русских войск превратился в

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 31.

«главу царей» на континенте Европы. «Продвигайтесь к Парижу умно, что означает медленно», — многозначительно писал Меттерних австрийскому фельдмаршалу Шварценбергу.

Стремление укрепить коалицию и связать союзников ввиду приближающихся мирных переговоров общими обязательствами побудило Кэстльри предложить заключение общего союзного договора. Такой договор и был подписан 1 марта 1814 г. в Шомоне представителями четырех держав — Англии, Австрии, России и Пруссии. Он во многом предопределял условия будущего, окончательно подписанного в Вене «Заключительного акта».

Шомонский трактат прежде всего обязывал союзников не заключать сепаратных мирных договоров с Францией и продолжать борьбу с ней вплоть до полной победы. Все они обязывались выставлять против Франции по 150 тысяч войска, кроме Англии, которая вместо войск обязывалась выплачивать ежегодную субсидию в 5 миллионов фунтов стерлингов. Отдельные и секретные статьи трактата в общих чертах заранее намечали послевоенное устройство Европы, а также судьбы попавших в английские руки колоний: Франция ограничивалась прежней своей территорией; в Германии создавалась конфедерация независимых государств, в Швейцарии — кантонов; Италия снова расчленялась на отдельные независимые государства, а Австрия получала обратно все свои бывшие итальянские владения; Голландия соединялась с Бельгией; в Испании восстанавливались изгнанные оттуда Наполеоном Бурбоны; Англия сохраняла за собой многие из числа захваченных ею ранее колоний: Мальту, остров св. Маврикия, Табаго и др.

Крушение наполеоновской империи. Первый Парижский мир и реставрация Бурбонов

В середине марта бои шли уже на дальних подступах к Парижу. В армии Наполеона росли пораженческие настроения, особенно среди высшего командного состава, давно уже превратившегося в толпу породнившихся со старой аристократией царедворцев, готовых продать и предать своего повелителя. Последний тщетно предлагал своим маршалам снова «надеть сапоги 1793 г.», но сам был совершенно неспособен разжечь народную, революционную войну. Удушив в свое время демократическую революцию, Наполеон боялся народного восстания больше, чем союзных армий.

К утру 30 марта союзные армии вышли к укреплениям Парижа, а на следующий день, 31 марта, Александр I и Фридрих-Вильгельм III во главе своих войск торжественно вступили на улицы французской столицы.

Если до занятия Парижа страх перед возможным народным восстанием до известной степени связывал европейских

монархов и мешал им открыто заявлять о предстоящей реставрации Бурбонов, то теперь ввиду пассивности уставшего от длительных войн французского народа они могли перестать скрывать свои намерения.

Находившийся в Фонтенбло, в 90 километрах от Парижа, Наполеон вынужден был отказаться от продолжения борьбы и 6 апреля отрекся от престола в пользу своего сына; несколько позднее он покорно направился на юг Франции, чтобы следовать дальше морем на о. Эльбу, предоставленный ему союзниками в пожизненное владение. Союзники, однако, ничего не хотели теперь слышать об учреждении регентства и 12 апреля приветствовали возвращение в Париж графа Артуа, младшего брата казненного Людовика XVI. Последний в качестве «наместника королевства» и подписал 23 апреля конвенцию о перемирии. Возвратившийся из эмиграции новый король, Людовик XVIII, 3 мая 1814 г. торжественно въехал в Париж и 4 июня «даровал» французскому народу так называемую «конституционную хартию». За несколько дней до этого, 30 мая 1814 г., в Париже подписан был бывшим министром Наполеона Талейраном, ставшим теперь министром иностранных дел у Людовика XVIII, мирный договор союзных держав с побежденной Францией. Условия этого договора были предопределены Шомонским союзным трактатом, подписанным за три месяца до этого. Одна из статей его определяла, что 1 августа того же 1814 г. в Вене будет собран международный конгресс для окончательного разрешения всех политических и территориальных вопросов, касающихся отдельных стран Европы. Представителям Франции разрешалось принять участие в его работах.

Так закончился 15-летний период почти непрерывных кровопролитных войн, навязанных Европе военным деспотизмом Наполеона, вышедшего из недр демократической революции, но потом удушившего ее. Поражение Наполеона в борьбе с Россией нанесло смертельный удар его империи и привело к созданию коалиции, значительно более прочной, несмотря на внутренние противоречия, чем все предыдущие. Коалиция эта являлась объединением реакционных монархий, стремившихся к закреплению феодально-абсолютистских порядков. Тем не менее коалиция была поддержана европейскими народами, порабощенными Наполеоном и охваченными невиданным ранее национально-патриотическим подъемом. Эта поддержка была обусловлена ненавистью народов к иноземному владычеству, установленному «императором французов».

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС
(октябрь 1814 г.—июнь 1815 г.)

Отношение Александра I к основным участникам конгресса

В апреле — мае 1814 г. Россия по своим военным силам, которые в тот момент имелись в распоряжении русского правительства, была бесспорно сильнее всех других государств разоренной и обескровленной континентальной Европы. Именно поэтому Меттерних и сделал все возможное, чтобы отложить конгресс на осень и дать Австрии несколько оправиться. Александр согласился на такую отсрочку, несмотря на то что терпеть не мог Меттерниха и хорошо понимал его интриги и игру политиков, враждебных России, хотя и умильно льстивших царю в глаза — лорда Кэстльри и короля французского Людовика XVIII. Все они с беспокойством присматривались, не пожелает ли Александр играть роль нового повелителя Европы. Заранее, хотя еще очень недружно, они готовились к отпору. Секретарь и доверенное лицо при Меттернихе публицист Генц писал потом в качестве очевидца: «Приехав в Вену, император Александр уже был более или менее в ссоре с Австрией, Англией и Францией». Лорд Кэстльри лично был менее неприятен Александру, чем Меттерних. Негибкий, боящийся революции в самой Англии, не доверяющий русской дипломатии, английский министр иностранных дел получил от Александра характеристику «холодного педанта»; но по крайней мере Кэстльри не лгал так непрерывно и так беззастенчиво, как Меттерних.

Александр не очень хотел сажать Людовика XVIII на освободившийся французский престол. Когда все-таки он воцарился, Александр решительно настаивал на необходимости даровать Франции конституционную хартию. Не потому, конечно, что ему нравились конституционные учреждения. Но как царь, так и умный, ловкий корсиканец Поццо-ди-Борго, советник царя по французским делам, были убеждены, что Бурбоны будут сметены новой революцией, если в качестве громоотвода не установить во Франции конституции. Александр

презирал и короля Людовика XVIII и брата его Карла Артуа, а они его боялись и готовы были на всякие махинации, чтобы избавиться от его опеки.

Выступление Талейрана

23 сентября, за неделю до назначенного на 1 октября 1814 г. открытия конгресса, в Вену прибыл вместе с другими французскими дипломатами министр иностранных дел Людовика XVIII князь Талейран-Перигор. Александр хорошо знал Талейрана. Недаром тот столько раз просил и получал от царя деньги, не очень обижаясь, если ему отказывали. Но блистательный ум Талейрана, неподражаемая ловкость, находчивость, знание людей — все это делало его противником весьма опасным. Слабая сторона позиции Талейрана заключалась в том, что на Венском конгрессе он был представителем побежденной страны. Талейрану нужно было поэтому проявить максимум сообразительности и умения лавировать. Когда Талейран прибыл в Вену, он уже знал, какая проблема займет внимание конгресса. То был сложный польско-саксонский вопрос. Александр, войска которого после отступления Наполеона заняли герцогство Варшавское, заявлял открыто, что герцогства он не уступит никому. А так как оно состояло главным образом из земель, захваченных Пруссией еще по трем разделам Польши и лишь в 1807 г. отнятых у нее Наполеоном, то прусский король Фридрих-Вильгельм III претендовал на компенсацию в виде присоединения к Пруссии королевства Саксонии. Александр соглашался на это, причем проектировал отнять у саксонского короля его владения под предлогом кары за то, что тот так долго был верным союзником Наполеона. Талейран сразу же усмотрел, что выгоднее всего дать бой именно на этой почве. А бой был необходим для достижения основной цели Талейрана: разбить шомонский союз, т. е., другими словами, вбить клинья между Австрией, Англией, Россией и Пруссией, победившими Францию в 1814 г.

Принцип легитимизма

Талейран еще до приезда в Вену хорошо понял, что с точки зрения интересов Франции рациональнее всего выдвинуть так называемый «принцип легитимизма». Этот принцип заключался в следующем: Европа, собравшаяся в лице своих государей и дипломатов на Венский конгресс, должна при перераспределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что законно существовало до начала революционных войн, т. е. до 1792 г. Если бы этот принцип был принят и осуществлен, то не только Франция получила бы уверенность в целостности своей территории, защищать которую военной силой она в тот момент не была

в состоянии, но и Пруссия и Россия были бы обузданы в своих стремлениях к территориальному расширению. Талейрану, конечно, выгодно было бы предварительно сговориться и с Меттернихом, который тоже не желал отдавать Польшу России, а Саксонию Пруссии, и с лордом Кэстльри, который держался по этому вопросу того же мнения, что и Меттерних. Но такого общего сговора еще пока не было, и он налаживался довольно туго. И Меттерних и Кэстльри относились к Талейрану с подозрением, допуская возможность новой измены с его стороны.

Польско-саксонский вопрос

Прибыв в Вену, Талейран был приглашен принять участие в заседании представителей четырех «великих» держав. Он явился туда отнюдь не как представитель побежденной нации. В надменном и весьма самоуверенном тоне он сейчас же запросил собравшихся, почему другие члены французской делегации не получили приглашения на это заседание, в то время как Пруссия, например, представлена была на нем не только Гарденбергом, но и В. Гумбольдтом. Затем он обрушился на слово «союзники», которое он усмотрел в подготовленном ранее протоколе. «Если существуют еще союзные державы, то я здесь лишний», — заявил он, требуя, чтобы Франция была допущена в руководящий конгрессом комитет. Ссылаясь на то, что Парижский трактат был подписан представителями не четырех, а восьми держав, он требовал привлечения к предварительным совещаниям, кроме представителей Франции, еще и представителей Испании, Португалии и Швеции. В конце концов он добился, что был допущен в состав руководящего комитета и тем самым получил возможность интриговать с целью столкнуть и перессорить недавних «союзников» друг с другом.

В начале октября 1814 г. Талейран явился к Александру, и между ними произошло неприятное объяснение. Талейран выдвинул свой пресловутый «принцип легитимизма». Александр должен отказаться от частей Польши, которые не принадлежали России до революционных войн, а Пруссия не должна претендовать на Саксонию. «Я ставлю право выше выгод!» — сказал Талейран в ответ на замечание царя, что Россия должна получить от своей победы выгоду, которую она заслужила. По-видимому, это взорвало Александра, который, вообще говоря, умел владеть собой. Проповедь о святости права читал ему в глаза тот самый Талейран, который в Эрфурте продал ему же, Александру, Наполеона и получил за это денежную оплату из сумм российского казначейства. «Лучше война!» — заявил Александр.

Затем последовали беседы с лордом Кэстльри. Александр заявил ему, что решил «исправить моральное прегрешение,

допущенное при разделе Польши». Царь не ставит своей задачей немедленно, тут же, на Венском конгрессе, воссоединить все части былой Польши. Он может говорить пока лишь о той польской территории, которая теперь, в 1814 г., занята его войсками. Он создаст из этой части Польши королевство Польское, где сам будет конституционным монархом. Он не только восстановит королевство Польское из областей, которые по праву завоевания мог бы просто присоединить к России; он даже пожертвует этому конституционному королевству и Белостокский округ, полученный Россией в 1807 г., а также и Тарнопольский округ, приобретенный ею в 1809 г.

Кэстльри признал предполагаемую конституцию, которую царь желает дать Польше, слишком «либеральной» и поэтому опасной для Австрии и Пруссии. Он выразил опасение, что австрийские и прусские поляки взволнуются, завидуя своим собратьям, пользующимся конституцией. Царь так упорно доказывал, будто он печется о независимости и свободе Польши, что министр буржуазной Англии убеждал его не быть столь либеральным. Австрийское правительство еще больше чем английское опасалось создания либерального режима в Польше и непомерного, как ему представлялось, усиления мощи России путем присоединения к ней большей части польских земель. Австрийский канцлер тогда же предложил Кэстльри такой выход: дать знать прусскому уполномоченному Гарденбергу, что Австрия и Англия соглашаются на отдачу всей Саксонии прусскому королю. Но зато Пруссия должна немедленно изменить Александру, примкнуть к Австрии и Англии и вместе с ним не допустить царя до овладения Польшей (герцогством Варшавским). Таким образом, Саксония должна была служить уплатой королю за измену Александру.

Король Фридрих-Вильгельм III все же решил отказаться от этого плана. Было ясно, что неспроста Меттерних и Кэстльри не привлекли Талейрана к намеченной сделке. Для короля прусского внезапно раскрылась вся опасность его положения: что будет, если Талейран расскажет обо всем Александру I, а главное предложит сам совместные дипломатические, а может быть, и не только дипломатические действия Франции и России против Пруссии? Кошмар франко-русского союза, горечь тильзитских и послетильзитских времен были слишком живы. В конце концов король Фридрих-Вильгельм III признал за благо сообщать обо всем Александру, чтобы доказать все благородство своих собственных намерений. Царь призвал Меттерниха и объяснился с ним начистоту. По этому поводу Талейран злорадно доносил Людовику XVIII, что даже с провинившимся лакеем так не говорят, как Александр беседовал с Меттернихом.

Тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии (3 января 1815 г.)

Работа конгресса из-за упорной внутренней борьбы не двигалась вперед. Тогда Талейран переменил тактику, сохраняя прежнюю цель: углублять раскол в рядах победителей. Франция была заинтересована не столько в том, чтобы воспрепятствовать усилению России, сколько в том, чтобы не усилилась Пруссия, непосредственный сосед и враг Франции. И вот Талейран дает понять Александру, что Франция не поддержит Англии и Австрии в их оппозиции против создания в пределах империи Александра королевства Польского; однако Франция ни в коем случае не согласится и на передачу Саксонии прусскому королю. Сам Фридрих-Вильгельм III, как и его дипломатические представители Гарденберг и Гумбольдт, играл на конгрессе очень незначительную роль. Ему была обещана Саксония. Александр называл саксонского короля изменником, говорил, что отправит его в Россию, уверял, что Пруссия получит Саксонию в обмен на потерянную ею часть Польши, — и король был некоторое время спокоен. Деятельность Талейрана облегчалась острыми противоречиями недавних союзников и прежде всего активным противодействием планам России и Пруссии со стороны английской и австрийской дипломатии. Стремясь любыми средствами воспрепятствовать усилению России и ограничить ее влияние, достигнутое в результате победы над Наполеоном, Кэстльри и Меттерних пошли даже на заключение тайного союза с Францией. Талейран, разумеется, не упустил возможности разъединить недавних победителей Франции. 3 января 1815 г. тайное соглашение было подписано представителями трех держав. Оно было направлено против России и Пруссии и обязывало Австрию, Францию и Англию в случае, «если... одна из высоких договаривающихся сторон подверглась бы опасности со стороны одной или нескольких держав», прийти на помощь друг другу, выставив для этого армии по 150 тысяч солдат каждая. Все три участника при этом обязывались не заключать с противниками сепаратных мирных договоров.

Разумеется, соглашение должно было держаться в строжайшей тайне от Александра и от кого бы то ни было вообще. Один экземпляр его остался в Вене у Меттерниха; другой был передан Талейрану и немедленно отослан в Париж королю Людовику XVIII; третий получил на руки Кэстльри и отвез английскому принцу-регенту Георгу.

Этот тайный договор так усилил энергию сопротивления саксонскому проекту, что Александру оставалось либо решиться на разрыв и, быть может, на войну, либо уступить. Получив все, что он хотел в Польше, Александр из-за Пруссии

не захотел ссориться, а тем более воевать с тремя великими державами. Он уступил: Пруссии отдали лишь часть Саксонии. Саксонский король водворился окончательно в своих владениях, которые, правда, были значительно урезаны.

Организация Германского союза (1815 г.)

Далее конгресс занялся устройством германских дел. Тут особых споров не было. Александр, как и Меттерних, считал целесообразным закрепить феодальную раздробленность Германии. Англия была совершенно равнодушна к этому вопросу, а Пруссия — бессильна, даже если бы и хотела бороться. Все умонастроение деятелей Венского конгресса свидетельствовало о их нежелании, хотя бы в чем-нибудь, идти навстречу чаяниям поднимающейся буржуазии; провал надежд немецкого народа на объединение Германии был еще одним характерным штрихом в картине полного торжества реакции.

Согласно плану Меттерниха конгресс наметил создание организации, получившей название «Германского союза». Для ведения дел этого союза был создан так называемый «германский сейм». В союз были включены Австрия, Пруссия и все другие германские государства (общим числом 38). В задачу Германского союза, по замыслам Меттерниха, входило создание барьера против возможного в будущем нового продвижения Франции в сторону Рейна и в то же время обеспечение Австрии руководящего положения в Германии. Председательствование на сейме, местом пребывания которого стал город Франкфурт-на-Майне, было поручено австрийскому представителю, а голоса на сейме были распределены таким образом, чтобы именно Австрии было обеспечено решающее слово. Разумеется, это уродливое создание было рассчитано отнюдь не на объединение германского народа, а напротив, — на увековечение его раздробленности и сохранение мелких феодальных монархий. Германия тем самым снова оказывалась, согласно образному выражению Ф. Энгельса, у того «верноподданнического корыта» [1], которое, казалось, было уже, по крайней мере в ее западной половине, уничтожено французской революцией и Наполеоном.

«Сто дней» (20 марта — 28 июня 1815 г.)

Конгресс уже приступал к подведению итогов своей работы; как вдруг участники его были потрясены неожиданной вестью: 1 марта Наполеон высадился во Франции. А еще через три недели, 20 марта 1815 г., Наполеон уже вступил в Париж. Империя была восстановлена. Бесспорно, слухи о разногласиях, раздиравших Венский конгресс, сыграли немалую роль в решении Наполеона покинуть Эльбу. Удиви-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. II, изд. 1, стр. 70.

тельный сюрприз ждал его в Париже. В кабинете короля, бежавшего из Парижа лишь за сутки до въезда Наполеона, Наполеон нашел тот самый секретный договор 3 января 1815 г., одна из трех копий которого, как сказано, была переслана Людовику XVIII из Вены Талейраном. Король бежал так внезапно, что впопыхах забыл у себя в столе этот документ. Наполеон немедленно приказал снарядить курьера, и тот помчался с этим пакетом в Вену. Наполеон приказал вручить документ императору Александру.

По показанию Бутякина, в присутствии которого Александр впервые прочел направленный против него секретный договор, царь покраснел от гнева, но сдержался. Когда к нему пришел Меттерних, который с момента возвращения Наполеона главным образом от царя ждал спасения Европы, Александр молча протянул ему тайный плод дипломатического творчества австрийского канцлера. Меттерних так растерялся, что, по-видимому, в первый и последний раз в жизни даже не нашелся, что солгать. Очень уж велика была неожиданность.

Впрочем, страх перед Наполеоном взял верх, и Александр тут же счел себя вынужденным заявить Меттерниху, что, не взирая на все, враг у них общий — именно Наполеон.

После поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 г. произошла вторая реставрация Бурбонов во Франции.

Решения Венского конгресса

За несколько дней до Ватерлоо, 9 июня 1815 г., имело место последнее заседание Венского конгресса, а также подписание его «Заключительного акта», состоявшего из 121 статьи и 17 отдельных приложений. Участникам конгресса казалось, что они создали нечто весьма прочное.

На самом деле они соорудили здание, которое довольно скоро начало рассыпаться. Реакционная утопия конгресса состояла в том, чтобы, не считаясь ни с новыми производственными отношениями, ни с двадцатипятилетней бурей, разрушившей в Европе старые устои феодализма и абсолютизма, удержать эту часть света в рамках отжившего строя. Эта утопия лежала в основе всей деятельности конгресса.

Бельгию подарили новому голландскому королю; за Данией утвердили, помимо Шлезвига, и немецкую Голштинию; Австрии отдали чисто итальянское население Ломбардии и Венеции; Германия оставалась раздробленной на 38 самостоятельных государств. Польша снова была поделена на три части, причем из земель бывшего герцогства Варшавского создавалось новое «королевство Польское», которое должно было, по решению конгресса, находиться «в неразрывной связи с Россией». Оно управлялось на основании дарованной ему царем конституции. Познань, Гданьск (Данциг) и Торунь остав-

лялись за Пруссией, а Западная Украина (Галиция) — за Австрией. Город Краков «с принадлежащею к оному областью» объявлялся «на вечные времена вольным, независимым и совершенно нейтральным городом» под покровительством России, Австрии и Пруссии.

Пруссия в компенсацию за утраченные ею польские территории получала кроме северной части Саксонии, также о. Рюген и шведскую Померанию, а на западе — Рейнско-Вестфальскую область. В результате королевство Гогенцоллернов, несмотря на сопротивление со стороны Талейрана и Меттерниха, усилилось в значительной мере в результате поддержки со стороны царя, а также позиции, занятой на конгрессе английскими дипломатами. Несмотря на то что Пруссия оставалась разорванной на две части — старую, восточную, и новую, западную, — она уже вскоре после 1815 г. начала набирать силы и становиться опасной для соседей.

Австрия также значительно усилилась, получив Тироль, Вальтелину, Триест, Далмацию и Иллирию. В Модене, Тоскане и Парме были посажены на престол ближайшие родственники императора Франца I, связавшие себя тесными союзными договорами с Австрией. Такие же договоры связывали с Австрией Королевство обеих Сицилий, где была восстановлена власть Бурбонов, и с Папской областью. Таким образом, фактически власть Габсбургов распространялась почти на всю территорию Италии, оставшейся в состоянии политической раздробленности.

Две наиболее могущественные европейские державы — Англия и Россия выходили из длительных войн с Францией значительно окрепшими и усилившимися. Первая из них расширила свои и без того огромные колониальные владения. Она в полной мере осталась «владычицей морей», добившись устранения своей главной соперницы — Франции и заставив другие страны признать установленное ею же самой грабительское по существу «морское право», т. е. «право» останавливать в открытом море и осматривать торговые корабли нейтральных стран с целью конфискации направляемых в неприятельские гавани товаров. Особенно большое значение имело утверждение британского господства на о. Мальта и Ионических островах, превращенных в военно-морские базы, в форпосты английской буржуазии на подступах к странам Ближнего и Среднего Востока.

Царская Россия выходила из войн с наполеоновской Францией значительно расширившейся за счет земель бывшего герцогства Варшавского, Финляндии и Бессарабии. «Венский конгресс принес России Царство Польское», — справедливо писал позднее Ф. Энгельс, подчеркивая, что «важнее всего

было то положение, которое царь занял теперь в Европе»[1]. На европейском континенте у России не было больше вполне равносильных ей соперников.

Помимо разрешения основных политических и территориальных вопросов, Венский конгресс принял ряд специальных дополнительных постановлений в виде актов, приложенных к Главному трактату. Среди них особое место занимают «Декларация держав об уничтожении торга неграми», подписанная 8 февраля 1815 г., а также «Положение о рангах дипломатических представителей», принятое конгрессом 19 марта 1815 г. Последнее впервые устанавливало единообразие в рангах различных дипломатических представителей, вошедшее затем на долгие годы в дипломатический обиход в качестве нормы международного права и остающееся в силе вплоть до настоящего времени. Это постановление положило конец бесконечным ссорам и конфликтам по вопросам о старшинстве, обычным в дипломатической практике XVIII в. Ранги были установлены следующие: 1. Посол, папский легат и нунций; 2. Посланник; 3. Поверенный в делах. Позднее, в 1818 г., к этим трем рангам был добавлен ранг министра-резидента, поставленный между посланниками и поверенными в делах.

Непрочность результатов Венского конгресса

Государи-победители, съехавшиеся в сентябре 1814 г. в Вену, ставили перед собой три основные цели: 1) создать гарантии против возможного повторения агрессии со стороны Франции; 2) удовлетворить собственные территориальные притязания; 3) уничтожить все последствия французской буржуазной революции XVIII в. и повсеместно восстановить старые феодально-абсолютистские порядки.

Но только первая из этих целей действительно была полностью достигнута. Что же касается второй — удовлетворения территориальных притязаний, — то лишь немногие страны-победительницы вышли из длительных и кровопролитных войн с Францией действительно расширившимися за счет других, более слабых государств Европы. Третья же цель Венского конгресса — искоренение революционных начал и полное утверждение принципов легитимизма — так и не смогла быть достигнута его участниками. Несмотря на насильственное восстановление старых «законных» династий, мракобесам Венского конгресса не удалось задержать на сколько-нибудь длительный срок поступательный ход истории. Своими постановлениями они нагло попирали национальные чувства народов. «Самая маленькая династия имела для них большее значение,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 21.

чем великий народ»[1]. Но именно это-то и делало результаты работы Венского конгресса столь непрочными; не прошло и пяти лет, как ненавистное всем им революционное движение снова вспыхнуло в разных концах Европы, поставив под вопрос самое существование установленной Венским конгрессом системы международных отношений.

Таким образом, Венский конгресс привел лишь к установлению некоторого временного политического равновесия в Европе. Оно было весьма непрочным, и это хорошо понимали уже и сами участники конгресса, покидавшие австрийскую столицу с чувством недоброжелательства друг к другу и хорошо сознававшие, что, хотя формально в Европе и числится пять «великих держав», на самом деле направление международной политики сосредоточивается в руках России, Австрии и Англии. Что касается Пруссии и Франции, то они должны были приложить еще немало усилий, чтобы занять вполне самостоятельное положение. Меттерних принадлежал к числу тех участников конгресса, которые, особенно на первых порах, остались довольны результатами работ конгресса и были убеждены в прочности своих достижений. Александр в этой прочности вовсе не был уверен. Немедленно же после конгресса он стал искать форму постоянного общения и сотрудничества монархов с целью организованной защиты старого строя.

Некоторое время не только царю, но и всей Европе казалось, что такая форма найдена в Священном союзе. Но в конце жизни Александру пришлось убедиться в его непрочности. Да и лорд Кэстльри вскоре после своего возвращения в Лондон говорил, что будет рад, если мир в Европе сохранится хотя бы на ближайшие семь лет.

Заключительный акт Венского конгресса, действительно, не устранял, да и не мог устранить, всех основных международных противоречий того времени и, главное, оставлял в стороне острейший восточный вопрос, который уже с конца XVIII в. превратился в один из главных узлов международных противоречий. Именно это и позволило позднее К. Марксу весьма тонко заметить, что Венский конгресс представлял собой лишь одну из самых чудовищных фикций международного права, когда-либо известных в летописях истории человечества[2].

На самом конгрессе государи и дипломаты сознательно отвлекались от всех вопросов, связанных с судьбами разваливающейся Оттоманской империи. Они отказались допустить в свою среду представителя султана Махмуда II и одновременно не обращали никакого внимания на крики о помощи, которые

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, изд. 1, стр. 453.
[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. II, изд. 1, стр. 54.

неслись к ним с Балканского полуострова со стороны христианских подданных султана — сербов, болгар и греков. Только русское правительство было заинтересовано в их поддержке, и Александр I в феврале 1815 г. откликнулся на их мольбы особой циркулярной нотой. Он предложил обсудить на конгрессе вопрос о зверском обращении турок с южными славянами и указать не только на обязанность, но и на «право» государей Европы на вмешательство в дела Турции. Александр полагал, что такое решение содействовало бы росту русского влияния на Балканах. Прочие державы, однако, отклонили предложение царя.

Разногласия эти, разумеется, не исчезли вместе с официальным закрытием Венского конгресса, последовавшим вслед за подписанием 9 июня 1815 г. «Заключительного акта». Новые острейшие столкновения возникли сразу же после вторичного отречения Наполеона и не прекращались. 20 ноября 1815 г. в Париже был подписан окончательный мирный договор с побежденной Францией.

Только общий страх перед новой демократической революцией заставил представителей держав-победительниц подписать в Париже одновременно с мирным трактатом с Францией новый, возобновляющий Шомонский, союзный договор. Англия, Россия, Пруссия и Австрия подтверждали в нем свое стремление не допускать возобновления во Франции революционного движения и торжественно обязывались «при столь бедственном случае... условиться немедленно между собой и с его христианнейшим величеством» о мерах, необходимых для безопасности их взаимных владений и общего спокойствия Европы.

Той же самой цели поддержания установленных границ и удушения демократической революции призван был служить и другой важнейший международный акт — о создании Священного союза, подписанный в Париже 26 сентября того же года Александром I, Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III.

Реальная сущность этого акта сводилась к тому, что подписавшие его монархи обязывались «во всяком случае и во всяком месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Другими словами, Священный союз являлся своеобразным договором о взаимопомощи между монархами России, Австрии и Пруссии, направленным против новой возможной антифеодальной революции. К договору этому приглашались присоединиться и другие государства, действительно позднее одно за другим присоединившиеся к нему. Только принц-регент Англии, связанный конституционным порядком, формально не вступил в Священный союз, хотя и поспешил

личным письмом заверить Александра I о полном своем согласии с его основными принципами.

Однако и этот договор о создании Священного союза, разумеется, не снимал глубоких противоречий между его участниками. Он так же мало способен был остановить поступательный ход истории, как и предшествовавший ему трактат, подписанный в Вене: «Империалистские войны Наполеона продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями, — писал много позднее Ленин. — И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму»[1].

Тем не менее, и Венский трактат, и подписанный в Париже акт о создании Священного союза на целый ряд лет укрепили глубоко реакционные порядки меттерниховщины в Западной Европе и аракчеевщины в России.

Особенно сильным было в годы «Священного союза» реакционное влияние Александра I на общеевропейские дела, утвердившее за ним наименование «жандарма Европы». Это наименование вполне им заслужено, как оно заслужено было позднее и его братом Николаем I. Следует, конечно, при этом не забывать и того, что ни Александр I, ни Николай I, к несчастью для прогрессивных сил тогдашней Европы, не были единственными ее «жандармами». Рядом с ними обоими действовал Меттерних, рядом с Александром действовали люди «белого террора» во Франции, действовали неаполитанские Бурбоны, рядом с Николаем выступала удушающая католическая реакция в Германии, в Италии, в Испании. Все они отличались от царя, однако, тем, что были слабее его. Но зато вполне мог потягаться с царем британский министр герцог Веллингтон, полагавший, что дисциплина в британской армии погибнет, если максимум ударов плетью-девятихвосткой будет определен всего только в семьдесят пять.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 31—32.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ США С КОНЦА XVIII в. ДО ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ «ДОКТРИНЫ МОНРО» В 1823 г.

Американская дипломатия и Франция в 90-х годах XVIII в.

Соединенные Штаты Америки в некоторой степени оказались вовлеченными в те бурные события, которые потрясли Европу в конце XVIII и в начале XIX в. Договор, который США заключили с Англией, вызвал большое недовольство во Франции. Была и другая причина напряженных отношений между Францией и США в начале 90-х годов XVIII в. Американские купцы, воспользовавшись войной, начавшейся в 1793 г. между Англией и Францией, стали быстро захватывать в свои руки торговлю Франции с ее вест-индскими колониями и торговлю Англии и Франции с другими странами. Американские корабли из Нью-Йорка, а затем из Бостона и других портов стали появляться в Китае. Насколько большие масштабы приобрела внешняя торговля США, видно из того, что еще в 1790 г. в один только Кронштадтский порт пришло из Америки 22 корабля. В тот же период завязывались и торговые связи России с Америкой через Тихий океан.

После того как во Франции узнали о содержании договора Джея (в январе 1795 г.), французское правительство, недовольное англофильской политикой США, отозвало своего посла из США. В ответ на это и США отозвали своего посла Джемса Монро из Франции (ноябрь 1795 г.). Назначенный во Францию новый посол США — федералист, известный своими симпатиями к Англии, Чарлз К. Пинкни не был принят, и ему пришлось покинуть Париж. В это же время правительство Директории издало ряд указов, направленных против американской торговли. В 1797 г. конгресс, желая усилить шансы Пинкни на признание его во Франции, назначил в помощь ему еще двух членов дипломатической миссии — республиканца Элбриджа Джерри и федералиста Джона Маршала. В октябре того же года все трое встретились в Париже. 18 октября к Пинкни явился некто, назвавшийся господином X. Не вдаваясь в дальнейшие подробности о самом себе, он сообщил, что действует

от имени министра иностранных дел Талейрана-Перигора и что тот выдвигает следующие три условия признания американских послов. Во-первых, некоторые резкие выпады против Франции в президентском послании Джона Адамса конгрессу должны быть дезавуированы. Во-вторых, США должны предоставить Франции заем, размер которого пока не определялся. В-третьих, и это, по-видимому, в данной ситуации было главным, Талейран требовал лично для себя «douceur», т. е. «для приятности», 250 тысяч долларов. В ходе дальнейших переговоров господина X поддержали еще два агента Талейрана, отрекомендовавшиеся как господа Y и Z. Конгресс отверг притязания таинственных посредников, действовавших по поручению Талейрана, и опубликовал подробное донесение Чарлза Пинкни об этом случае[1]. После этого посольская комиссия была отозвана из Франции. Отношения между США и Францией обострялись все более, главным образом из-за многочисленных случаев захвата американских торговых судов французскими под предлогом наличия «военной контрабанды». В 1798—1801 гг. между США и Францией без объявления войны происходили военные действия на море. Конгресс приказал военным судам и вооруженным купеческим кораблям атаковывать и захватывать вооруженные французские суда в западной части Атлантики и в Карибском море.

Договор 1778 г. с Францией фактически не соблюдался с 1793 г., когда Франция объявила войну Англии, а США не выполнили своих обязательств союзника в мире и войне. США заложили новые военные корабли, учредили морское министерство, создали «временную» армию в 10 тысяч человек в дополнение к регулярной. Ушедшего в отставку Вашингтона вызвали, чтобы возложить на него командование военными силами.

В войне на море с 1798 по 1801 г. приняло участие со стороны США более 50 военных кораблей и около тысячи «прайватиров», вооруженных коммерческих судов, которые захватывали французские торговые корабли.

Однако морская война между США и Францией не развернулась в полной мере: Англия достаточно связывала руки Франции, и США могли вести широкие торговые операции в Европе и на Востоке. Когда же в Европе появились русские войска во главе с Суворовым, то для Франции исчезла всякая возможность войны против США.

30 сентября 1800 г. было восстановлено дипломатическое представительство США во Франции.

---

[1] «Annals of the Congress of the United States Fifth Congress», Washington, 1851, p. 3337—3345.

Во время неофициальной морской войны против Франции сухопутная армия США, значительно усиленная в это время, вовсе не была введена в действие. Однако заместитель главнокомандующего Гамильтон, находившийся в контакте с южноамериканским революционным деятелем Миландой (связанным с Лондоном и с Филадельфией), составил грандиозный план военных действий для захвата принадлежавших тогда Испании Луизианы и обеих Флорид, Западной и Восточной. Таким образом, еще в последние годы XVIII в. существовал план нападения США на Испанию для захвата Луизианы и Флорид. Это обстоятельство важно для понимания того, как произошло «присоединение» этих обширных областей к США.

«Добывание» Луизианы Соединенными Штатами

В исторической литературе давно господствует представление, что Луизиана была куплена Соединенными Штатами благодаря стечению счастливых обстоятельств. США, гласит эта концепция, хотели приобрести маленькую территорию, занимаемую в устье Миссисипи городом Новый Орлеан. А Наполеон I, испытывавший в это время денежные затруднения, потерпевший поражение на Сан-Доминго от гаитян, возглавлявшихся Туссеном Лувертюром, и решивший сосредоточить все силы на борьбе против Англии, неожиданно предложил американцам купить не только район Нового Орлеана, но и всю громадную территорию так называемой Большой Луизианы (не смешивать с небольшим современным штатом Луизиана в устье Миссисипи, на левом ее берегу). В результате *мирным* путем, без каких-либо усилий со стороны Соединенных Штатов, их территория увеличилась вдвое.

Однако за последние десятилетия подняты не изученные ранее архивные материалы, исследован ряд сложных вопросов, связанных с переходом Большой Луизианы от Испании к Франции, а затем немедленно от Франции к Соединенным Штатам, и в последних работах американских историков уже не говорится о покупке (purchase) Луизианы Соединенными Штатами или о приобретении (acquisition) ее. Известный американский историк С. Ф. Бемис, например, воскрешает термин «добывание» (procurement) Луизианы [1], которым оперировал Эдуард Чаннинг в IV томе своей работы «A History of the United States».

27 октября 1795 г. в результате специальной миссии в Мадрид Томаса Пинкни им и Мигуэлем Годоем был подписан в королевском дворце Сан-Лоренцо, близ Мадрида, договор. По

[1] *S. F. Bemis*, A Diplomatic History of the United States, N. Y., 1955, p. 127.

этому договору США несколько отодвинули к югу свою границу с Западной и Восточной Флоридами (с 32° 28′ сев. широты до 31°), а главное подтвердили свое право свободной навигации и торговли по Миссисипи и в то же время на три года обеспечили себе право беспошлинной перегрузки и хранения товаров на складах в Новом Орлеане. При этом испанское правительство обязывалось в случае, если не будет продлено право перегрузки товаров в Новом Орлеане, предоставить американцам для этой цели на берегу Миссисипи другое место.

Ввиду того что обладание устьем Миссисипи имело важное значение, стремление к захвату его проявилось у экспансионистских кругов не только США, но и Франции. Еще в 1793 г. посол революционной Франции Женэ пытался сформировать легион из американских западных поселенцев для захвата Нового Орлеана у Испании. Несколько позже, в 1795 г., французский посол в Филадельфии Фоше ставил перед Директорией вопрос о возврате Франции испанской провинции Луизианы, но переговоры с Испанией об этом в Базеле в 1795 г. не привели к какому-либо результату. В 1796 г. французский генерал Колло был послан в Луизиану с разведывательными целями — для картографической съемки районов, важных в стратегическом отношении.

Переговоры о возвращении Луизианы Франции велись и в 1797 г. Талейран, а затем и первый консул Бонапарт строили планы восстановления французской колониальной империи в Америке. Луизиана, по их мысли, должна была снабжать по Миссисипи продовольствием сахарные плантации на Сан-Доминго (часть которого Испания уступила Франции по договору в Базеле в 1795 г.) и другие вест-индские островные владения Франции.

К этому времени испанское правительство уже не прилагало особых усилий, чтобы удержать за собой Луизиану. Так, в письме испанского министра иностранных дел Луиса де Уркихо, адресованном испанскому послу в Париже, говорилось: «Между нами говоря, это (провинция) обходится нам больше, чем стоит...» [1]. Далее Уркихо высказывался за то, чтобы Франция превратила Луизиану в барьер между испанскими владениями в Америке и Соединенными Штатами, где составлялись планы завоевания испанских колоний.

Интересно, что в этот период экспансионизм американцев представлялся испанскому правительству более реальной угрозой, чем планы Бонапарта. Торговля в Новом Орлеане все

---

[1] *L. Ethan Ellis,* A Short History of American Diplomacy, N. Y., 1951, p. 107.

больше переходила к США. К тому же испанский королевский дом соглашался отдать Луизиану Франции в обмен на королевство в Италии для зятя испанского короля Карла IV. В результате переговоров 1 октября 1800 г. Испания секретным договором в Сан-Ильдефонсо передала Франции Луизиану. Наполеон же со своей стороны обязывался создать в Италии для зятя испанского короля королевство Этрурию.

План создания французской колониальной империи в Луизиане был тесно связан с обладанием Сан-Доминго. Между тем мулаты и негры на этом острове совершили «замечательную буржуазно-демократическую революцию» [1], которая, по оценке У. З. Фостера, составила «один из наиболее важных эпизодов освободительной борьбы нового времени» [2].

К осени 1802 г. 50 тысяч французских солдат и офицеров из числа посланных на усмирение восставших, во главе с генералом Леклерком погибли в боях и от тропических болезней. Однако вождь восставших Туссен Лувертюр, которого иногда называли «черным Бонапартом», был завлечен обманом якобы для переговоров в расположение французских колониальных войск, предательски захвачен и увезен во Францию, где погиб в крепости.

Известно, что осенью и зимой 1802/03 г. Наполеон собрал флот в Голландии, чтобы доставить войска в Луизиану и подкрепить французские силы на Сан-Доминго. Историки говорят, будто экспедиция не состоялась из-за того, что ранняя и суровая зима сковала льдом голландские гавани. Однако Наполеон имел достаточную возможность собрать флот в другом месте и осуществить свой план — не лед, очевидно, сковал инициативу французской буржуазной республики, а другие обстоятельства: прежде всего крушение французского владычества на Сан-Доминго и возобновление в 1803 г. войны с Англией.

Содержание тайного договора в Сан-Ильдефонсо, подписанного 1 октября 1800 г., первое время оставалось неизвестным в США. Только в марте 1801 г. посол США в Лондоне Руфус Кинг узнал о договоре и информировал о нем свое правительство. Получив эту информацию, президент Томас Джефферсон 18 апреля 1802 г. написал письмо послу США в Париже Роберту Ливингстону. Это письмо является одним из важнейших документов американской дипломатии, так как оно свидетельствует о том, что США от сравнительно пассивной политики первого десятилетия своего существования начали переход к активной экспансионистской политике.

---

[1] *Уильям З. Фостер*, Очерк политической истории Америки, М., 1953, стр. 178.

[2] *Уильям З. Фостер*, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955, стр. 89.

В этом письме Джефферсон заявил, что известие о переходе Луизианы, а может быть и Флорид, к Франции открывает новую эпоху в политическом курсе страны. «На земле есть одно место, обладатель которого является нашим естественным и привычным врагом. Это — Новый Орлеан... С этого момента мы должны соединиться с британским флотом и государством». Джефферсон считал нужным усилить флот США и в союзе с Англией взять под контроль Центральную и Южную Америку, не допуская в этой сфере влияния других государств [1].

Таким образом, всегда бывший франкофилом Джефферсон высказывался за войну вместе с Англией против Франции. Напряженность положения была усилена тем, что 18 октября 1802 г. испанские власти, фактически продолжавшие распоряжаться во всей Луизиане, запретили перегрузку и хранение американских товаров в Новом Орлеане.

Джефферсон стал настаивать, чтобы Испания восстановила право американцев перегружать товары в Новом Орлеане (это право было восстановлено 19 апреля 1803 г.), и послал Джемса Монро в Париж, в помощь послу Ливингстону, для переговоров о покупке Соединенными Штатами у Франции территории Нового Орлеана. Монро умышленно оттягивал свой отъезд в Европу, надеясь, что возобновление войны между Францией и Англией облегчит выполнение данного ему поручения склонить Францию к продаже Соединенным Штатам Нового Орлеана и обеих Флорид за 50 миллионов ливров.

8 марта 1803 г. Монро отбыл из США, а 11 апреля, во время переговоров с Талейраном, Ливингстон получил предложение, которому не сразу мог поверить. Талейран предложил продать США не только Новый Орлеан, но и всю громадную территорию Луизианы. 30 апреля 1803 г. Ливингстон и Монро на свою ответственность приобрели у Франции всю Луизиану за 60 миллионов ливров и, кроме того, с уплатой Соединенными Штатами 20 миллионов ливров в виде возмещения гражданам США за их претензии к Франции.

Франция продала область, которая фактически еще не была даже занята. Была проделана такая процедура. На 20 дней Франция присоединила к себе Луизиану, путем официальной процедуры, основанной на договоре 1800 г., а затем французские власти передали ее властям США (хотя в 1802 г. первый консул Бонапарт торжественно заявил, что никакой третьей державе Луизиана не будет отдана).

Несомненно, что намерение США вступить в войну против Франции на стороне Англии стало известно французскому

[1] *R. Bartlett* (ed), The Record of American Diplomacy, N. Y., 1954, p. 104—106.

правительству, и этот момент сыграл свою немалую роль в «добывании» Луизианы Соединенными Штатами. Значение «добывания» Луизианы в американской истории С. Ф. Бемис оценил так: «...Луизиана стала преддверием американской экспансии во Флориду, Техас, Новую Мексику, Калифорнию, Орегон, Аляску» [1]. Интересен такой факт: всего через несколько лет после присоединения Луизианы, в 1805—1806 гг., бывший вице-президент США Аарон Берр и генерал Уилкинсон подготовляли на территории Луизианы вторжение в Мексику. «Добывание» Луизианы, несомненно, явилось переломной вехой в истории американской внешней политики и дипломатии, открыло новый период внешнеполитической истории США.

В 1805—1815 гг. США вели первую войну в Африке — на ее средиземноморском побережье. К этому времени купцы Американской республики развили значительную торговлю с Турцией. Они покупали там опиум по цене 3 доллара за фунт и продавали его в Китае (в Кантоне) по 7—10 долларов. Много опиума сбывалось американцами также в Индонезии и Индии. На рубеже XVIII—XIX вв. США добились торговых льгот от Османской империи, а это облегчило им взятие под свой контроль опиумных рынков Леванта [2].

В результате двадцатилетней войны Англии против Франции, начавшейся в 1793 г., контроль над прибыльной средиземноморской торговлей, в частности над торговлей опиумом со странами Востока, перешел в руки правителей Марокко, Алжира и Туниса. США, не желая лишаться выгодной торговли и не имея до конца 90-х годов XVIII в. военно-морского флота, в период с 1787 по 1797 г. заключили с правителями Марокко, Алжира, Триполи и Туниса договоры, по которым обязались ежегодно уплачивать этим арабским государствам определенные суммы за право беспрепятственной торговли американских купцов в Средиземноморье. Однако по мере того, как росла американская торговля, увеличивались аппетиты и претензии североафриканских деев. Договоры иной раз нарушались, американские суда подвергались захвату и разграблению, за пленных требовали выкуп. С 1805 г. США начали войну в основном за беспрепятственную баснословно прибыльную торговлю наркотиками со странами Востока. В качестве подготовки к этой войне американские представители в Тунисе и Алжире занялись организацией внутреннего переворота в соседней Триполитании с целью сделать там правителем ставленника США. Первому министру Туниса было обещано 10 тысяч долларов за содействие этому перевороту. Лишь заключение

[1] *S. F. Bemis*, op. cit., p. 137.

[2] См. *И. А. Халфин*, Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана, М., 1958, стр. 40 и сл.

мирного договора США с Триполи остановило уже начатый американцами переворот, во главе военных сил которого стоял дипломат Итон [1].

В результате ряда войн к 1815 г. США навязали кабальные договоры североафриканским государствам и обеспечили огромнейшие барыши американским купцам — Жирару, который стал богатейшим человеком в Америке, Астору и другим.

Позже, в 30-х годах XIX в., США пытались добиться от Королевства Обеих Сицилий (Неаполитанского королевства) передачи им в собственность в качестве опорной базы Сиракуз. Однако эти домогательства не увенчались успехом [2].

Характерные черты американской дипломатии первых десятилетий XIX в.

Характеризуя дипломатию американской демократии капиталистов и рабовладельцев в первой половине XIX в., необходимо иметь в виду экспансионистский, захватнический характер внешней политики США в этот период, а также демократические прикрытия этой политики, вроде «доктрины Монро», и парламентскую форму решения важнейших вопросов внешней политики США, впрочем, часто нарушавшуюся в угоду правящим классам — крупной буржуазии и рабовладельцам.

Как уже говорилось выше, и рабовладельцы Юга и буржуазия Севера жадно стремились к территориальным захватам и взаимно поддерживали в этом друг друга. И те и другие бесчеловечно обращались с коренным — индейским — населением Америки. В 1786 г. Томас Джефферсон заявил, что ни одна пядь земли не должна быть когда-либо отнята у индейцев без их согласия. Однако на протяжении всего XIX в. продолжались беспощадные, кровавые захваты американцами индейских земель. Видный представитель американской демократии сенатор Бентон, принадлежавший к буржуазно-рабовладельческой партии вигов, полагал, что захват земли у индейцев находится в полном соответствии с намерениями «создателя», так как индейцы — это «низшая раса».

Расширение государственной территории США происходило за счет владений в Америке европейских государств, причем, как общее правило, не путем покупок или «добываний», как в случае с приобретением Большой Луизианы у Франции в 1803 г., а непосредственно путем захватов. Как правило, «покупки» новых земель Соединенными Штатами, утверждавшиеся конгрессом, совершались после того, как эти земли были уже аннексированы насильственным путем. Необходимо решительно возразить против некоторых утверждений, которые ча-

[1] См. *Н. А. Халфин*, Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана, стр. 48 и сл.

[2] Там же.

сто высказываются американскими государственными деятелями, будто бы Соединенные Штаты не вели захватнических войн.

Н. С. Хрущев весьма убедительно опровергает попытки американских империалистов извратить историю, исказить сущность внешней политики и войн Соединенных Штатов. «Вспомним хотя бы грязную войну США против Мексики... Разве Мексика напала тогда на Соединенные Штаты? Нет, то была самая откровенная агрессия США против своего более слабого соседа» [1]. Далее Н. С. Хрущев привел и другие примеры агрессии США. Можно отметить еще немало фактов, характеризующих захватническую, насильственную внешнюю политику США в XIX в. и грабительские войны, которые Американская республика начала вести еще в период домонополистического капитализма.

Специфичным для некоторых методов американской дипломатии явилось то, что рабовладельцы США, захватив испанское владение — Западную Флориду в 1810—1813 гг., когда в испанских колониях в Америке начиналось широкое национально-освободительное движение, изображали этот грубый захват как якобы народное движение за освобождение от испанского колониального гнета. На самом деле подготовку к захвату Западной Флориды США начали еще с 1806 г., когда там была создана широко разветвленная агентура. В 1810 г. американские рабовладельцы, переселившиеся в испанскую Западную Флориду, организовали переворот в области между реками Миссисипи и Жемчужной и захватили область вокруг Батон Руж. На отложившейся от Испании территории было инсценировано народное волеизъявление — однако не в пользу самостоятельного существования этой территории или присоединения ее к какой-либо из отделившихся от Испании ее бывших колоний, превратившихся теперь в самостоятельные государства, а в пользу присоединения к рабовладельческому государству, к Соединенным Штатам Америки. При этом Западная Флорида была присоединена к той части Соединенных Штатов, где полностью господствовало плантационное рабство, где путем жесточайшего террора осуществлялась диктатура рабовладельцев. Провозгласив часть Западной Флориды независимой от Испании, американские поселенцы тотчас же после этого обратились к правительству Соединенных Штатов с просьбой о допущении новой «независимой» области в Союз. По распоряжению президента Мэдисона войска США заняли эту область, и она в 1812 г. была присоединена к штату Луизиана. Одновременно значительная территория к востоку от реки

[1] *Н. С. Хрущев*, К победе в мирном соревновании с капитализмом, Госполитиздат, 1959, стр. 94.

Жемчужной вплоть до округа Мобил была присоединена к территории Миссисипи. В 1813 г. и округ Мобил был занят американскими войсками. При этом дипломатией США была пущена версия о том, что Западная Флорида якобы составляет часть Большой Луизианы и на этом основании захватывается США. Насколько неосновательным являлось это дипломатическое прикрытие захвата Западной Флориды, явствует из того, что прежде само правительство США не стояло на этой точке зрения. Так, например, в 1803 г. Т. Джефферсон, посылая Монро в Париж и предлагая французам продать США область Нового Орлеана и обе Флориды, отнюдь не рассматривал Западную и Восточную Флориды как часть Луизианы.

Война США против Англии в 1812—1814 гг.

Вскоре правящие круги США сделали попытку захватить Канаду. В 1812 г., не объявляя войны, вооруженные силы США вторглись в Канаду с целью ее захвата. Война США с Англией в 1812—1814 гг. была вызвана агрессивными действиями обеих сторон. Англия захватывала американские суда (причем англичане задержали до 6 тысяч американских моряков и заставили их служить на английских судах), а буржуазия США стремилась воспользоваться затруднительным положением Англии в связи с успехами французских войск в Европе для аннексии Канады. «Я горю нетерпением не только присоединить Флориду к Югу, но и Канады [1] к Северу нашей державы», — заявил Феликс Гранди, один из членов палаты представителей. Член палаты представителей Гарпер накануне англо-американской войны 1812—1814 гг. заявил: «Создатель мира определил нашей границей на юге — Мексиканский залив, а на севере — область вечного холода».

Обоснования для захватов выдвигались разные, иногда взаимно исключающие. Если одним американским экспансионистам было «совершенно необходимо» присоединить земли соседних государств якобы для распространения на них действия «американской свободы», то другие (рабовладельцы) главной задачей считали введение на новых территориях рабства.

Однако некоторые видные американские деятели вскрывали подлинные, захватнические цели внешней политики США.

Председатель палаты представителей США Генри Клэй отзывался о стремлениях к захвату Канады следующим образом:

«Мы замышляем вторжение на иностранную территорию, на которую, ни по чьему мнению, не имеем никакого права, кроме того, которое предстоит приобрести завоеванием. Это

[1] Верхнюю и Нижнюю Канады.

должна быть война на суше, предпринятая с целью получить возмещение за убытки, понесенные на море... Мы воюем с Канадой, потому что она считается беззащитной, по крайней мере настолько, что ее легко завоевать» [1]. Какова цель войны? — ставил вопрос Клэй. «Да, завоевание Канады, — а иногда, хотя и реже, издали и искоса поглядывают и на Новую Шотландию». Канадцев представляют «готовыми к восстанию, мечтающими освободиться от тиранического правительства и стремящимися насладиться благами свободы под заботливой рукой Соединенных Штатов» [2]. Ничуть не бывало! Канадцам живется не хуже, а то и лучше, чем жителям США, и они вовсе не заинтересованы в присоединении к ним. Завоевать Канаду нелегко, утверждал Клэй. «Подождем возвращения мира в Европу, и тогда, если нам понадобится Канада, ее можно будет, не сомневаюсь, купить менее чем за четверть той суммы, которой будет теперь стоить ее завоевание» [3], — говорил Клэй.

Ко времени начала войны между США и Англией международная обстановка складывалась благоприятно для Англии. Наполеон в 1812 г. потерпел поражение в России; могущество французской буржуазной империи было сломлено, и Англия смогла теперь направить в Северную Америку значительные силы.

Военные действия американцев против англичан в 1812—1814 гг. были крайне неуспешными. Американские войска терпели одно за другим поражения. В 1814 г. трехтысячный английский отряд высадился на побережье США и после небольшой стычки взял Вашингтон. На море война тоже была весьма неудачной для США. Американцам удалось одержать только одну большую победу над англичанами — под Новым Орлеаном, где генерал Джексон собрал сильную милицию, при поддержке которой 8 января 1815 г. регулярные американские войска разбили англичан; эта единственная большая победа досталась американцам уже после подписания мира, известие о котором еще не дошло до Джексона.

Вскоре после начала войны Россия, занимавшая дружественную в отношении США позицию, предложила воюющим сторонам свое посредничество. Мэдисон, президент США, согласился его принять, но Англия отклонила русское предложение. Летом 1813 г. Кэстльри, английский министр иностранных дел, предложил начать непосредственные переговоры представителей воюющих сторон. Переговоры состоялись в Генте, где 24 декабря 1814 г. и был подписан мирный договор.

---

[1] Annals of the Congress of the United States. 12-th Congress 1-st session, p. 1639—1640.
[2] Ibid., p. 1663.
[3] Ibid., p. 1666.

Англия не дала формального обязательства прекратить захват американских моряков и судов. Однако на деле она отказалась от применения насильственных мер для подавления американской торговли. Соединенные Штаты не получили ни одного метра новой территории, но независимость их была подтверждена.

Воюя против Англии, американские рабовладельцы и буржуазия в то же время строили планы захватов в Латинской Америке. Так, в 1812 г., когда началась война между США и Англией и когда представитель мексиканских революционеров Гутьеррес де Лара обратился к государственному секретарю Джеймсу Монро с просьбой о помощи против Испании, тот ответил согласием, но при условии, что Мексика, отделившись от своей старой метрополии, войдет в состав Соединенных Штатов.

Политика США в отношении соседних государств. Захват Восточной Флориды

В 1818 г. между Англией и США была достигнута договоренность по основным спорным вопросам. Со стороны Канады США не обнаруживали никаких агрессивных поползновений, и после войны 1812—1814 гг. американо-канадская граница была демилитаризована, а на Великих озерах в пограничной зоне имелись лишь таможенные суда водоизмещением не свыше 100 тонн, вооружение которых ограничивалось одним малокалиберным орудием. Что касается южного соседа Соединенных Штатов — Мексики (окончательно образовавшейся в качестве самостоятельного государства к 1821 г.) — и Техаса (отделившегося от Мексики в 1836 г.), то никакой опасности от них Соединенным Штатам не угрожало и угрожать не могло.

В отношении отсталой и ослабевшей Испании, которая имела смежные с Соединенными Штатами владения на юге и теряла их в результате национально-освободительных движений, США вели открыто агрессивную политику. «Немедленно после войны, — пишет американский буржуазный историк Баснел Харт, — ...Соединенные Штаты начали во всю свою силу натиск на Юго-Запад и на Дальний Запад».

В 1817—1819 гг. США вели переговоры с Испанией о покупке Восточной Флориды. Но еще до окончания этих переговоров, не получив согласия Испании, США в 1818 г. ввели туда свои войска. Предлогом для вторжения американских войск в Восточную Флориду явилось преследование индейского племени семинолов. «Вина» семинолов заключалась в том, что они давали приют бежавшим с плантаций рабам. Истинной же причиной вторжения было стремление плантаторов США захватить плодородную Восточную Флориду. Ярый экспансионист плантатор-рабовладелец генерал Эндру Джексон 6 января 1818 г. в письме к президенту Монро предложил проект за-

хвата Флориды, обещая осуществить его в течение 60 дней. Проект был принят, и захват — именно захват, а не покупка Флориды — был поручен Джексону.

Подлинные цели вторжения Джексона во Флориду раскрывают прения в палате представителей, которые происходили 19 января 1819 г. При обсуждении доклада представителя военной комиссии Джонсона из Кентукки выступил конгрессмен, по фамилии тоже Джонсон, из Виргинии, который без труда доказал, оперируя письмами Джексона в военное министерство, что, занимая Пенсаколу и Баранкас в Западной Флориде, американский генерал стремился к территориальным захватам [1]. Председатель палаты Клэй прямо заявил в прениях, что в возникновении войны виноваты не индейцы, а американцы, и обвинил Джексона в убийстве захваченных обманом индейских вождей, указав, что он казнил из возмездия пленных индейцев. Войну во Флориде Клэй назвал «бесславной» [2].

По словам Толлмеджа (Нью-Йорк), оба казненных Джексоном индейских вождя были обманом завлечены на американскую канонерку, которая вывесила английский флаг [3], чтобы таким образом ввести индейцев в заблуждение.

Конгрессмен Сторз высмеивал восхваление Джексона за оккупацию им Восточной Флориды. Сторз не считал подвигом разгром семинолов. «Герой! Если зарево горящих поселений, истребление их несчастных обитателей, смерть пленников и уничтожение рода человеческого могут даровать славу и возвысить нашу природу, то эти подвиги поистине славны и благородны!.. Мы считаем себя единственным свободным государством на земле, — продолжал Сторз. — Прежде всего, мы считаем себя христианами. Пройдите же Флориды по следам этой христианской армии. Следы эти найти легко. Каждый этот след в крови. Путь усеян непобелевшими костями и багровыми трупами обитателей Флориды. Посмотрите на это ужасное расточение человеческой жизни, на страшные бедствия, принесенные человеческому роду, к которому мы принадлежим, и скажите, не будут ли наши потомки краснеть за своих предков» [4].

25 января 1819 г. конгрессмен Мерсер (Виргиния) внес в палату представителей резолюцию: потребовать у секретаря военного и морского департаментов документы о разрушении Negro Fort (на реке Аппалачикола) в Восточной Флориде, оплота бежавших из США в испанскую Флориду негров —

---

[1] Annals of the Congress of the United States. 15-th Congress, 2-nd session, p. 622—624.
[2] Ibid., p. 637—638, 650.
[3] Ibid., p. 728.
[4] Ibid., p. 751, 753.

рабов, объединившихся с индейцами семинолами и криками. Мерсер доказывал, что в войне с семинолами агрессором были США. Этот акт захвата негритянской крепости явился, по мнению Мерсера, началом войны с семинолами. Индейцы семинолы и крики, бежавшие во Флориду после того, как американцы отняли у них землю, подверглись в 1816 г. нападению американских войск, разрушивших их единственную крепость, причем было убито 270 «безобидных негров и индейцев». Вступление США в войну с семинолами, утверждал Мерсер, без согласия конгресса является нарушением конституции [1]. «Разве не очевидно, — заявил конгрессмен Фуллер, — что в этой войне мы — агрессоры, в очень большой степени агрессоры? Что индейцы подверглись нападению и что, даже подвергшись нападению, они не сравнялись со своими захватчиками в актах дикой жестокости?» Наконец, член палаты представителей Хопкинсон (Пенсильвания) констатировал: «...происхождение нынешней войны таково же, как происхождение всех наших индейских войн. Искоренить его невозможно, оно заложено в том огромном зле, которое мы обрушили на несчастные народы этих краев. Я не могу отказать им в сердечном сочувствии. Подумайте, чем они были; и посмотрите, каковы они сейчас» [2].

Однако, несмотря на резко критические, разоблачительные выступления многих своих депутатов, палата отвергла все резолюции, предложенные в осуждение генерала Джексона [3].

Индейцы семинолы в течение ряда десятилетий, укрывшись во флоридских болотах, мужественно сопротивлялись американским войскам. Часть семинолов была насильственно переселена на Запад, на так называемую Индейскую территорию, причем во время этого переселения многие погибли. Оставшиеся во Флориде семинолы только в 1926 г. признали Соединенные Штаты (заметим, что не Соединенные Штаты признали семинолов, а это индейское племя признало Американскую республику). Но к 1944 г. мужественное племя флоридских семинолов насчитывало всего лишь 586 человек.

Захват Флориды после длительных переговоров с Испанией был «узаконен» выплатой Соединенными Штатами Испании ничтожной компенсации, которая, к тому же, пошла не испанскому правительству, а американским гражданам, жившим в Восточной Флориде, в погашение их претензий к бывшим испанским властям. Таким образом, отпадает версия даже о фиктивной покупке Флориды.

---

[1] Annals of the Congress of the United States. 15-th Congress, 2-nd session, p. 786, 797, 800—802, 805—806.

[2] Ibid., p. 877.

[3] Ibid., p. 1132—1138.

Хотя в 1819 г. испанское правительство дало согласие на уступку США Флориды, но только в 1821 г. кортесы ратифицировали ее отторжение от Испании. В эти годы происходило общее восстание испанских колоний в Америке. Не имея возможности подавить восстание в своих колониях, Испания тем более не могла начать войну против Соединенных Штатов из-за Флориды.

Заключив в 1819 г. договор с Испанией о переходе Восточной Флориды к Соединенным Штатам, США добились одновременно отказа Испании от всяких территориальных претензий на территории, расположенные к северу от 42-й параллели.

Реакционные историки используют версию о «покупке» Флориды для антинаучных конструкций. Американские буржуазные историки доказывают, что в отличие от стран Европы, где государства *захватывали* территории, США только *«приобретали», «покупали»* их. Между тем Западная и Восточная Флорида, Техас, огромные территории Новой Мексики и Калифорнии и другие земли были не куплены, а захвачены США, причем эти захваты задним числом прикрывались актами «покупки» по весьма сходной цене. Та же практика применялась и позже, при «покупке» Соединенными Штатами Филиппин, Пуэрто-Рико и других островных владений. От неправильного освещения истории отдельных захватов некоторые американские историки идут к ложной общей концепции внешней политики США, изображая ее как мирную, незахватническую.

Представляя все захваты США как «покупки», эти историки стараются внушить читателю, что в Северной Америке капитализм якобы в отличие от отсталой Европы не знал и не знает непримиримых, антагонистических противоречий и что США не производили захватов, избегали столкновений с другими государствами, не совершали агрессий.

Позиция Соединенных Штатов в южноамериканском вопросе и «доктрина Монро»

Ослабление Испании и провозглашение «доктрины Монро» дали новый толчок к усилению экспансионизма в США. В августе 1823 г. английский министр иностранных дел Каннинг пригласил посланника Соединенных Штатов Раша, которому заявил о важности единомыслия и совместных действий Соединенных Штатов и Англии в вопросе о независимости бывших испанских колоний в Америке.

В неофициальном письме к послу Рашу Каннинг изложил позицию английского правительства по этому вопросу. Министр иностранных дел констатировал, что американские колонии утеряны Испанией безвозвратно и что Соединенным Штатам и Англии следует признать их независимость. При этом он заверил Раша, что Англия сама не имеет территориальных

притязаний на эти колонии, но и не допустит, чтобы какая-либо их часть была захвачена другой державой. В письме говорилось: «Если Соединенные Штаты примут эту точку зрения, то наиболее действительным и наименее оскорбительным (для других) способом действий было бы выступление обеих стран с неодобрением проектов противоположного свойства».

Сущность предложений Каннинга заключалась в том, что Англия, которая так долго была врагом Соединенных Штатов, предлагала им теперь совместные действия.

Получив депешу Раша о предложении совместного выступления с Англией, президент Соединенных Штатов Монро ввиду важности вопроса, прежде чем поставить его на заседании правительства, послал копию этой депеши Джефферсону и Мэдисону — двум своим предшественникам, занимавшим ранее пост президента Соединенных Штатов, — с просьбой сообщить их мнение по данному вопросу.

В ответе Джефферсона говорилось:

«Наша первая и основная задача — никогда не вмешиваться в европейские ссоры. Вторая — не допускать никакого вмешательства Европы в заатлантические дела. Америка, Северная и Южная, имеет свой особый круг интересов, отличный от европейских». Имея Великобританию на своей стороне, писал Джефферсон, мы можем никого не бояться во всем мире. Джефферсон высказывался поэтому за самую тесную дружбу с Англией и даже готов был воевать совместно с ней. При этом он полагал, что если Англия будет сотрудничать с государствами двух американских континентов, то даже вся Европа не решится начать войну против них, ибо превосходство на море будет на стороне Англии и Америки. Джефферсон предложил также заявить протест против действий «беззаконного» союза, который себя именует «Священным».

Другой советник президента, Мэдисон, тоже приветствовал союз с Англией и предлагал заявить протест против интервенции Священного союза в Испании. Кроме того, он считал нужным протестовать против попытки европейских держав помешать борьбе греческого народа за независимость.

С заключением Джефферсона и Мэдисона не согласился руководитель внешней политики США, государственный секретарь Джон Куинси Адамс (сын Джона Адамса), поддержанный некоторыми другими членами правительства. Адамс понял, что предложенный Каннингом союз дал бы Англии возможность вмешиваться в американские дела. Не желая предоставлять Англии такую возможность, государственный секретарь США считал нужным отклонить предложение Каннинга о совместном выступлении.

Джон Куинси Адамс считал, что собственные интересы Англии заставляют ее занять по отношению к Соединенным Штатам дружественную позицию. Принимая во внимание, что Англия будет вынуждена проводить дружественную политику в отношении Соединенных Штатов, Джон Куинси Адамс предложил, чтобы Соединенные Штаты выступили по вопросу о южноамериканских государствах в соответствии с пожеланиями Англии, но только не вместе с ней, а самостоятельно.

2 декабря 1823 г. Монро обратился к конгрессу с посланием. Основные идеи послания президента были сформулированы Джоном Куинси Адамсом, который и является на самом деле автором доктрины, обычно называющейся «доктриной Монро». Послание начиналось с заявления о том, что политические системы Европы и Америки не только различны, но и противоположны друг другу. Соединенные Штаты заявляют, продолжал Монро, что они не претендуют на вмешательство во внутренние дела европейских государств, но категорически возражают против распространения политической системы этих государств, т. е. монархической системы, на какую-либо часть американских континентов. Монро заявлял далее, что США не допустят дальнейшего расширения колониальных владений европейских держав в Америке. «Американские континенты, — говорилось в послании, — пользуясь всеми условиями свободы и независимости, которыми они обладают и которые они поддерживают, впредь не могут рассматриваться как объекты для будущей колонизации какой-либо европейской державы».

Монро имел в виду Англию, Францию, а также и Россию, в связи с тем что в сентябре 1821 г. Александр I издал указ, которым запрещал иностранным кораблям подходить ближе чем на 100 миль к Тихоокеанскому побережью Америки севернее 51° северной широты. Однако Александр I вскоре отменил свой указ и, таким образом, этот момент не играл существенной роли. Разговоры об интервенции Англии и Франции в Америке также, как показал ход событий, не имели реального значения, что полностью установлено новейшими исследованиями.

Монро обещал не покушаться на уже существующие владения европейских держав в Америке: «Мы не вмешиваемся и никогда не будем вмешиваться в дела существующих колоний», — гласило послание Монро.

В последующей части своего послания Монро присваивал Соединенным Штатам «право» на вмешательство в дела всех других американских государств, причем эти притязания США в послании Монро искусно маскировались борьбой против возможного вмешательства в дела Америки со стороны европейских держав: «В случае какого-либо вмешательства любой европейской державы в дела тех правительств (американских

государств), которые провозгласили свою независимость, США, — заявлял Монро, — будут рассматривать это не иначе, как недружелюбный акт» по отношению к ним самим. Легко видеть, что под видом защиты государств Америки от европейского вмешательства США присваивали себе своего рода контроль над взаимоотношениями всех других американских государств с государствами Европы. При этом послание Монро не содержало каких-либо заявлений об отказе самих США от захватнической политики в Америке.

«Доктрина Монро» не только отвергала английские притязания на влияние в Южной Америке, но и заявляла об экспансионистских устремлениях самих США в отношении обоих американских континентов. Таким образом, в «доктрине Монро» было заложено и экспансионистское, агрессивное начало. Эта доктрина легко могла привести США к столкновению с Англией в борьбе за Центральную и Южную Америку.

В «доктрине Монро» было заложено два начала: наступательное и оборонительное. Основное ее содержание — наступательное: Соединенные Штаты не отказались, как этого требовал Каннинг в своем письме к Рашу, от притязаний на территории и от особых прав в Латинской Америке. Соединенные Штаты, надевая на себя личину защитника других американских государств, претендовали на господство над обоими континентами, за исключением лишь тех частей, которые уже являлись колониями других государств. И это экспансионистское начало было доминирующим, хотя в тексте послания Монро на первый план выдвигалась идея о противодействии новым попыткам европейских держав колонизовать какую-либо часть Америки. На деле существовало разительное противоречие между якобы оборонительными, демократическими формулировками послания от 2 декабря 1823 г. (борьба против колониализма и монархической системы) и объективно захватническим, колониалистским, в корне антидемократическим реальным содержанием доктрины Монро.

Если в послании Монро провозглашалось понятие о двух политических системах: одной — монархической в Европе, другой — республиканской в Америке, то это не основное и не главное в его доктрине. В Америке была расположена часть Британской империи — Канада, имелась Бразильская империя (с 1822 г.), возникли весьма далекие от буржуазной демократии военные диктатуры в Мексике и других странах. Да и «демократические» порядки США на Юге, где свистел бич рабовладельца, были более жестокими, чем даже те, которые царили в странах самого тяжкого крепостничества в Европе.

Говоря о сущности «доктрины Монро», надо иметь в виду не только формулировки ее положений, но и применение этой

доктрины на практике. «Доктрина Монро», хотя и в самой общей форме, подразумевала одобрение республиканского строя и осуждение колонизации. Однако ее демократическая фразеология в зависимости от обстановки могла быть использована не только правящими классами США для маскировки политики захватов, но и прогрессивными кругами в целях борьбы против экспансии. В 1861—65 гг., когда Испания, Франция и Англия начали интервенцию в Мексике, когда Испания вторглась в Доминиканскую республику и захватила ее, и когда возникла угроза англо-французской интервенции для помощи рабовладельческой конфедерации, «доктрина Монро» использовалась для борьбы против уже начатой или угрожавшей интервенции европейских держав. Но такие случаи использования «доктрины Монро» оказались в ее истории исключением. В дальнейшем основным содержанием внешней политики США стали захваты чужих территорий.

Весьма интересные признания о перспективе применения доктрины сделал сам Джон Куинси Адамс, фактический автор ее. Он определенно заявлял, что континент Северной Америки должен быть владением США. С того времени, как мы сделались независимым народом, говорил Адамс, стало прямым законом природы, что континент Северной Америки должен стать нашим достоянием, подобно тому как Миссисипи должна течь к морю.[1]

Захватив Флориды, американские рабовладельцы и буржуазия устремили свои вожделения на Кубу.

Имея в виду прежде всего Кубу, Адамс в 1823 г. в письме американскому послу в Испании писал о вест-индских островах: «Эти острова по своему местоположению являются естественным придатком к североамериканскому континенту»[2].

В том же 1823 г. Адамс произнес известные слова о том, что «яблоко, оторванное бурей от родного дерева, не имеет выбора, оно может упасть только на землю», и что если Куба перестанет быть испанской, то «она может тяготеть только к материнскому лону, к Североамериканскому союзу»[3].

Своим заявлением Адамс хотел сказать, что он не допускает и мысли о независимом существовании Кубы. Если Куба перестанет быть испанской, ее захватят и превратят в свою колонию США. Американские плантаторы и буржуазия заявляли, таким образом, что Куба может принадлежать Испании, пока она не захвачена США, но она никогда не должна принадлежать самим кубинцам. Именно в таком понимании слова Адамса —

[1] «Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary... et by C. F. Adams», Philadelphia, 1874—1877, vol. IV, p. 438—439.
[2] *A. K. Weinberg*, Manifest Destiny, Baltimore, 1935, p. 65.
[3] Ibid., p. 229.

раннего идеолога американского экспансионизма — стали руководящим началом американской политики по отношению к Кубе.

Джон Куинси Адамс сравнивал Кубу с яблоком, а государственный секретарь Мэдисон в 1805 г. сказал, что Канада — это груша, которая упадет в лоно США, когда она созреет. Лидер республиканцев Сюард в 1869 г. сказал, что Антильские острова — слива, которая готова упасть в руки США, — и т. д.

Несмотря на свою демократическую фразеологию, «доктрина Монро» использовалась в дальнейшем в целях агрессивной, захватнической политики США, она явилась знаменем и в то же время прикрытием агрессии американского капитализма. «Доктрина Монро» появилась на свет в результате нарушения тогдашней системы государств и возникшего вследствие этого нового соотношения сил. Американская революция XVIII в. — она же во внешнем аспекте война за независимость — и, как ее результат, появление на карте мира новой республики повлекли за собой первый этап нарушения ранее сложившейся международной системы, исходившего из западного полушария.

Разгром Испании войсками буржуазной Франции ускорил начало серии революций в Латинской Америке, где возникли два десятка новых государств. Эти молодые державы сделались объектом захватнических вожделений буржуазии и плантаторов США, а равно и правящих кругов Англии и Франции.

После превращения Центральной и Южной Америки в совокупность независимых государств соотношение сил в мировой системе государств вновь изменилось. Эти изменения, связанные с процессом капиталистического развития Америки, и были основной причиной появления «доктрины Монро».

Указ Александра I в сентябре 1821 г. о режиме мореплавания в Беринговом море или лишенные какого-либо реального содержания разговоры о вмешательстве государств Священного союза в революции в испанских колониях в Америке явились для правительства США лишь непосредственными поводами или, скорее, предлогами для формулирования «доктрины Монро», но сами по себе не объясняют ее возникновения. «Америка для американцев» — так кратко передают содержание «доктрины Монро». Этот лозунг фактически означал претензию США на главенство в системе капиталистически развивавшихся двух с лишним десятков американских государств.

Провозглашением «доктрины Монро» Соединенные Штаты заявили претензию на распоряжение судьбами народов обоих американских континентов под предлогом «защиты» их от превращения в колонии европейских государств.

В 1825 г., когда Адамс вступил в должность президента, возникла идея созыва конгресса всех американских самостоятельных государств. В связи с этим английское правительство уста-

ми Каннинга заявило, что попытка образования лиги государств Центральной и Южной Америки сама по себе не встретит возражений со стороны Англии. Однако Каннинг отметил в то же время, что если США захотят встать во главе такой лиги, то это будет неодобрительно встречено британским правительством. Каннинг определенно рассчитывал, что со временем испанская Америка может стать сферой господства Англии; поэтому он отрицательно отнесся к притязаниям Соединенных Штатов на панамериканский мессианизм.

Дальнейшая экспансия США

В ближайшее время после опубликования «доктрины Монро» Англия, пользуясь своим промышленным превосходством над США, завязала с бывшими испанскими колониями более обширные торговые связи и заключила торговые договоры с бо́льшим количеством государств Латинской Америки, чем США. Таким образом, у США возникло новое обострение отношений с Англией, столь поздно и с таким трудом налаженных.

В первые десятилетия XIX в. экспансия США направлялась интересами плантаторов-рабовладельцев, стоявших у власти и поддерживаемых влиятельными кругами буржуазии. Эта экспансия обращалась в ту пору по преимуществу на южную часть североамериканского континента (захват у Испании Западной Флориды в 1810—1813 гг. и Восточной в 1818 г.) и на о. Куба. Однако в связи с противодействием Англии захват Кубы пришлось на долгий срок снять с повестки дня.

В то же время возросшая торговля США со странами Востока сопровождалась активностью американского военно-морского флота далеко за пределами их территориальных вод. И в 1799 г., во время войны против Франции, и в 1816 г. — через год после окончания неудачной войны против Англии — конгресс США ассигновал средства на постройку боевых кораблей. После войны 1812 г. были сформированы постоянные заграничные эскадры (например, в 1815 г. — средиземноморская). В 1822 г. военный корабль США высадил десант на Кубе, и тогда же была учреждена постоянная вестиндская эскадра в качестве полицейской силы в Карибском море и Мексиканском заливе. В 1824 г. военные силы США напали на испанскую колонию Пуэрто-Рико. В начале 30-х годов вооруженные силы США захватили было Фальклендские острова, бывшие владением Аргентины, и вторглись в Перу. В 1817 г. был послан стационар США в Тихий океан, в 1822 г. — сформирована тихоокеанская эскадра, первоначальным назначением которой было «опекать» все западное побережье обоих американских континентов.

Постепенно США уже начинали подготовку и к захватам на Дальнем Востоке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТ СОЗДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1815—1830 гг.)

Священный союз

Священный союз не был в точном смысле слова оформленным соглашением держав, которое возлагало бы на них определенные обязательства. «Пустой и звонкий документ», — так определял Меттерних то туманное и широковещательное заявление о взаимопомощи всех христианских государей, которое в сентябре 1815 г. было подписано Александром I, Францем I Австрийским и Фридрихом-Вильгельмом III Прусским и к которому постепенно присоединились все континентальные монархи, кроме папы римского и турецкого султана. Но в историю европейской дипломатии Священный союз вошел как организация с резко очерченной монархическо-клерикальной идеологией, созданная на основе идеи подавления революций и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись.

В политической жизни Священного союза следует различать три периода. Первый период — фактического всемогущества на континенте Западной Европы — длился семь лет: от сентября 1815 г., когда союз был создан, до конца 1822 г. Второй период начинается в том самом 1823 г., когда Священный союз одерживает последнюю свою победу, организовав французскую интервенцию в Испании. Но тогда же начинают резко проявляться последствия разногласий между Священным союзом и Англией. Этот второй период длится до Июльской революции 1830 г. во Франции. После революции 1830 г. Священный союз в сущности уже лежит в развалинах.

Распад Священного союза объясняется обострением противоречий между его участниками и успехами буржуазных революций и национально-освободительных движений. Даже в период процветания союза, т. е. в первые семь лет, в нем проявлялись симптомы внутренней слабости.

Дипломаты держав, вошедших в Священный союз, не переставали с жаром утверждать, что на всех трех международных дипломатических конгрессах, в которых участвовали члены Священного союза — Аахенском 1818 г., Троппау-Лайбахском

(Люблянском) 1820—1821 гг. и Веронском 1822 г., — основная цель всех участников была будто бы единой: борьба с революцией и организация необходимых вооруженных интервенций по мере проявления где-либо не только в Европе, но и вообще на земном шаре мятежного революционного духа. На самом деле рядом с этой целью существовали и другие.

Внутренние противоречия в Священном союзе

Австрийский канцлер Меттерних боялся революции, но боялся и царя Александра; он даже приходил к убеждению, что габсбургской державе грозит распадение скорее от соседства русского колосса, чем от внутреннего революционного взрыва. Фридрих-Вильгельм III боялся революции, но также боялся и царя. Кроме того, он боялся христианнейшего короля Франции и Наварры — Людовика XVIII — и возможного его союза с Александром. Он совсем уже приуныл, когда этот союз стал близок к осуществлению при Карле X и Николае I, накануне Июльской революции. Наконец, сам Александр ненавидел «безверие» и революцию, но совсем не верил своим друзьям по Священному союзу. Он подозревал ложь и подвох в каждом их слове, потому что никогда не забывал, как Меттерних в 1814—1815 гг. у него за спиной изготовил враждебную коалицию трех великих держав. Словом, противоречивые экономические и политические интересы и порождаемые ими взаимные боязнь, зависть и подсиживание уже в первые годы после создания Священного союза отвлекали внимание его участников от идеологической общности целей, которые были начертаны на фасаде этого произведения феодально-монархической дипломатии.

Прежде всего участники союза непреодолимо боялись России; многие соглашались с мыслью Наполеона, высказанной им на острове Св. Елены, что Россия при известной предприимчивости может повторить и завершить то дело, которое проводил он сам, — покорение Европы. Другие, более трезвые, хотя и не верили этому, но все же беспокоились.

Разъедающие Священный союз противоречия, однако, не успели еще вполне обнаружиться в первые годы. В 1818 г. на Аахенском конгрессе французскому первому министру Ришелье удалось добиться освобождения французской территории от постоя союзных войск, находившихся там в продолжение трех лет после Ватерлоо. Последствием этого акта было то, что к четырем державам-«победительницам» — России, Австрии, Пруссии и Англии — прибавилась пятая — Франция. Так «четырехвластие» (тетрархия), управлявшее делами Европы, превратилось в «пятивластие» (пентархию).

Получалось так, что Священному союзу трех самодержцев фактически помогала и конституционная Франция. Что

касается парламентарной Англии, то она помогала Священному союзу с первого момента его существования, хотя английской подписи и не было на самом акте о Священном союзе.

Но уже в первые семь лет обнаружилось, что Англия не во всем и не до конца может и хочет идти за Священным союзом. В эти годы в Англии резко усилилось демократическое движение за политические реформы. Рабочий класс, переживавший время лютой нужды, жесточайшей эксплуатации и часто безработицы, обнаруживал время от времени свое недовольство бурными выступлениями. Буржуазия громко и решительно требовала избирательной реформы. Руководители правящей олигархии — лорд Кэстльри, герцог Веллингтон, лорд Ливерпуль, сам принц-регент Георг, конечно, всецело разделяли непримиримую позицию Священного союза в отношении к «революционной гидре». Однако, когда в Аахене, на конгрессе 1818 г., Александр I выдвинул идею создания чего-то вроде всеевропейского монархического ареопага с правильными периодическими съездами для рассмотрения текущих дел, английские делегаты Кэстльри и Веллингтон решительно этому воспротивились.

Позиция Англии вызвала недовольство Александра. Он даже собирался ехать в Лондон, надеясь там повлиять на принца-регента. Царю хотелось, чтобы вся «пентархия» осуществляла цели, выдвинутые Священным союзом. Но лорд Ливерпуль, глава кабинета, ни за что не хотел этого царского визита; он поспешил написать Кэстльри в Аахен, чтобы тот как-нибудь уговорил царя посидеть дома.

Александр в Лондон не поехал. Политика царя между концом Аахенского конгресса 1818 г. и 20 октября 1820 г., когда собрался новый конгресс в городе Троппау, была двойственной, и даже организация русской дипломатической службы отражала эту двойственность политической линии царя. Во главе министерства иностранных дел стояли, как это ни странно, два человека, — оба с правом доклада царю, с одинаковыми во всех отношениях правами и полномочиями. То были: граф Нессельроде и грек граф Каподистрия. Первый являлся носителем консервативных чувств и настроений; с начала и до конца своей чиновничьей карьеры он был представителем идей Священного союза. Именно через его посредство Меттерниху, перед которым всю жизнь преклонялся Нессельроде, удалось сделать Священный союз верным орудием австрийской политики. Каподистрия, патриот освобождающейся Греции, был исполнителем тех предначертаний царя, которые клонились к усилению русского влияния на Балканах, но вместе с тем напоминали о былом неопределенном «либерализме» Александра. Каподистрия настраивал Александра в пользу греческого восстания.

Каподистрия при этом играл на двух струнках царя: во-первых, освобождение Греции при русской помощи могло укрепить русское влияние на Балканском полуострове; во-вторых, защита православного креста против магометанского полумесяца идеологически покрывала собой смущавшее Александра обстоятельство: покровительство греческим «революционерам» против «законного» их монарха — султана.

Конгрессы в Троппау (Тропаве) и Лайбахе (Любляне) (1820—21 гг.)

На конгрессе, который начался 20 октября 1820 г. в Троппау и закончился в Лайбахе (Любляне) 12 мая 1821 г., Меттерниху удалось побороть влияние Каподистрия. Меттерниху помогли два обстоятельства. Во-первых, самый конгресс в Троппау (Тропава) собрался вследствие ряда восстаний, происшедших в 1820 г. в Испании, в Неаполе, в Пьемонте. «Если бы русский император иначе держал себя с 1814—1815 гг., то не было бы тысяча восемьсот двадцатого года», — упорно повторял Меттерних, приписывая «либерализму» царя возросшую смелость революционеров. Во-вторых, к счастью Меттерниха, едва государи и дипломаты съехались в Троппау, как туда пришли известия о происшедшей в октябре (1820 г.) так называемой «семеновской истории», т. е. о демонстративных выступлениях солдат Семеновского гвардейского полка в Петербурге против гнусного палача и мучителя полковника Шварца, истязавшего солдат. Меттерниху удалось получить сведения об этом происшествии раньше, чем доехал до Александра посланный к нему курьером Чаадаев. Меттерних представил Александру дело так, что и в России уже начинается нечто вроде испанских и неаполитанских событий. Все это побудило Александра присоединиться к предложению Меттерниха об осуждении восставших греков.

Вскоре выяснилось, однако, что такая политическая линия противоречила интересам русского правительства. Она подрывала престиж России на Балканах. Кроме того, репрессивные мероприятия султана против греческого судоходства, обслуживавшего торговлю южной России, наносили большой ущерб русской торговле на Черном море. Турецкое правительство ввело свои войска на территорию Дунайских княжеств, что означало нарушение обязательств Турции по прежним русско-турецким договорам. Русский посол в Константинополе делал соответствующие предложения Порте, но они оставались без последствия. Тогда русское правительство разорвало дипломатические отношения с Турцией.

Меттерних предпринял все возможное, чтобы удержать царя от объявления войны. Ему помогали в этом другие участники Священного союза. Они убеждали Александра, что война

против султана будет содействовать революционному движению в других странах Европы. Кэстльри не меньше Меттерниха боялся возможного выступления России. 21 июля 1821 г. он писал в Петербург своему представителю (Бэготу) для сообщения Александру: «Греки образуют разветвление того организованного духа возмущения, который систематически пропагандируется в Европе и который проявляется взрывом всюду, где ослабевает по какой-либо причине рука правящей власти».

Царь не решился на войну. Он решил отойти от греков. Меттерних торжествовал.

Австрийская интервенция погасила революцию в Неаполе и в Пьемонте; греки были брошены на произвол турецкого султана. Еще не был восстановлен абсолютизм в Испании. Для организации интервенции в Испании постановлено было собраться осенью 1822 г. в Вероне, в Северной Италии, принадлежавшей тогда Австрии.

Но еще раньше, чем собрался Веронский конгресс, в Англии произошло событие, оказавшееся чрезвычайно важным для всего дальнейшего развития дипломатических отношений в Европе.

1. Начало разложения Священного союза

Весной 1822 г. Меттерних постарался лично увидеться с лордом Кэстльри в Германии, куда тот приехал лечиться. Там они пришли к соглашению: если царь на предстоящем в Вероне конгрессе вздумает вновь заговорить о вмешательстве в греческий вопрос, категорически этому воспротивиться. Кроме того, Кэстльри согласился с Меттернихом, что интервенцию в Испании нужно осуществить. Конституцию же, которую в 1820 г. испуганный революцией король Фердинанд VII согласился восстановить, следует уничтожить вооруженной рукой. Но Кэстльри предупреждал, что Англия не примет непосредственного вооруженного участия в этой интервенции и не хотел активно содействовать восстановлению испанского владычества в Латинской Америке.

Уже в последний год деятельности Кэстльри Англия стала отходить от сотрудничества со Священным союзом в делах Испании. Этот поворот стал особенно крутым, когда Кэстльри сошел с политической сцены. В середине августа в результате помешательства он перерезал себе перочинным ножом сонную артерию. Британский кабинет решил назначить Джорджа Каннинга на освободившийся пост. В сентябре 1822 г. Каннинг стал статс-секретарем по иностранным делам.

Каннинг

Каннинг был по партийной принадлежности консерватором, но по происхождению не вполне подходил к своим аристократическим коллегам: отец

его был из среднего дворянства, а мать — актриса. Джордж Каннинг тем не менее уже успел побывать министром в грозные наполеоновские времена, когда приходилось при выборе министров считаться и с их талантами. Полная беззастенчивость и решительность были свойственны Каннингу всегда, когда того требовала поставленная им цель. Сильная воля и холодный, ясный, быстро взвешивающий и решающий ум всегда отличали его.

Поворот во внешней политике Англии в 1822 г.

Поворот в английской дипломатии, связанный с именем Джорджа Каннинга, диктовался всей совокупностью внутренних обстоятельств тогдашней Англии. Обладая ясным умом, Каннинг видел, что рано или поздно аристократия должна будет пойти на уступки и дать буржуазии избирательную реформу, если не хочет революции, в которой пролетариат будет поддерживать буржуазию против аристократии. Он сознавал ясно и то, что ни его коллеги по министерству, ни король Георг, ни тогдашняя палата лордов, ни даже палата общин еще не готовы к принятию такого решения. Каннинг не мог или не хотел форсировать это решение; но он пришел к власти с особой программой действий, удачное выполнение которой могло, по его убеждению, предоставить промышленной, торговой, банковской буржуазии такие возможности, открыть перед этими кругами такие перспективы экономического подъема и развития, что угрожающая революционная опасность не могла не ослабеть, а борьба за избирательную реформу не могла не утратить своей остроты. В связи с такой установкой следовало не бороться с национально-освободительными движениями в Европе, в Латинской Америке, а, напротив, всячески использовать эти движения. Освобождающиеся народы, образуя новые государства, нуждаются и в промышленности, и в торговом флоте, и в финансах, — ничего этого у них на первых порах не будет, и за всем этим они будут обращаться прежде всего к Англии. Что же касается Пиренейского полуострова, то там Каннинг и британская буржуазия стремились прежде всего подорвать французское влияние.

Веронский конгресс (1822 г.)

Веронский конгресс собрался в середине октября 1822 г. Британское правительство послало туда Веллингтона, дав ему твердые инструкции: не впутывать Англию ни в какие решения и постановления, которые могли бы заставить ее прямо или косвенно помогать готовящейся интервенции великих держав в Испании; препятствовать единоличному выступлению России против Турции; ни в коем случае не присоединяться ни к какому заявлению держав, где будет говориться об Испании как о державе, имеющей права на обладание южноамериканскими

колониями; не соглашаться признавать южноамериканских революционеров бунтовщиками против короля испанского Фердинанда VII.

Уже на первых заседаниях выяснилось, что Меттерних и Александр I стоят за французскую интервенцию в Испании. Тогда французский уполномоченный Монморанси 20 октября задал вопрос, намерены ли эти державы помочь Франции, в случае если это понадобится по ходу дел во время войны против испанских революционеров, и в чем именно выразится эта помощь. Через десять дней, 30 октября, конгресс собрался снова. Александр, Меттерних и прусский представитель Бернсторф вполне одобрили интервенцию Франции в Испании. Но Веллингтон решительно высказался против интервенции, так как Англия была весьма заинтересована в сохранении своего экономического и политического влияния на Испанию.

Александр и Меттерних попытались прийти к соглашению с французскими уполномоченными относительно общих дипломатических шагов в Мадриде. 20 ноября они устроили совещание, на которое был приглашен и Веллингтон. Английский уполномоченный возражал против затеваемой интервенции. Монморанси несколько смутился и экстренно отбыл в Париж для совещаний с королем Людовиком XVIII и председателем совета министров Виллелем. Остался другой французский уполномоченный — Шатобриан. Этот поэт и религиозный фантазер, человек огромного тщеславия и самолюбия, всегда жаждавший играть политическую роль, произносил на Веронском конгрессе крикливые реакционные речи и в соответствии со своими выступлениями настаивал на том, чтобы Франция единолично повела войну в Испании. Чтобы особенно подчеркнуть важность своих выступлений, Шатобриан впоследствии уверял, будто Веронский конгресс не хотел интервенции, а только он, французский Демосфен, решил дело.

14 декабря 1822 г. Веронский конгресс закончил свою работу, а 22 декабря Шатобриан был назначен французским министром иностранных дел вместо Монморанси. Это было прямым шагом к войне с Испанией. В феврале 1823 г. началась вооруженная французская интервенция, а уже 24 мая 1823 г. герцог Ангулемский, французский главнокомандующий, вошел в Мадрид. В сентябре все было кончено. Жестокий и тупой тиран Фердинанд VII был восстановлен во всей полноте самодержавной власти.

Но это было последним триумфом Священного союза. В том же 1823 г. последовало первое решительное выступление Каннинга, первая его лобовая атака против дипломатии остальных четырех держав.

Каннинг решил не только не избегать столкновений с дипломатией держав Священного союза, но и принять открытый бой и помериться с ними силами. Самой серьезной величиной, с которой придется считаться, он признавал императора Александра, а вовсе не Меттерниха. Лично царь был опасен тем, что никак нельзя было предвидеть, в какой момент он покажет когти; по существу же дела он был опасен тем, что Россия была несравненно могущественнее Австрии и даже сильнее соединенных Австрии и Пруссии, если бы подобная комбинация состоялась.

Европейские державы и Латинская Америка

Когда возникли, хотя и не имевшие реальной основы, разговоры об интервенции членов Священного союза в Южную Америку, Каннинг поспешил высказаться против такой интервенции. Экспедиция французских войск в Латинскую Америку без согласия Англии была абсолютно немыслимой. Тогда Меттерних завел за спиной Каннинга сложную интригу в самой Англии. Через австрийского посла в Лондоне графа Эстергази он сговорился с королем Георгом IV, который тоже терпеть не мог Каннинга. Король повел уже от себя интригу против своего министра. Но бестактность короля преждевременно раскрыла карты: Георг IV послал Эстергази в Париж, где находился в тот момент австрийский канцлер, с приглашением Меттерниху пожаловать в Лондон. Меттерних уже хвалился перед своим императором Францем I, что ему удалось обойти Каннинга. Но Каннинг решил не отступать перед скандалом и, если понадобится, апеллировать к общественному мнению. Он намерен был не только заявить, что уходит в отставку по требованию Священного союза, но и публично разоблачить короля Георга IV, который пытался завести непосредственные сношения с иностранными министрами через голову своего министра. По мнению Каннинга, ни один английский министр не согласится с такими порядками. Каннинг написал британскому послу в Париже графу Гренвилю, чтобы тот всеми мерами воспрепятствовал намерению Меттерниха приехать в Лондон. Меттерниху очень не хотелось отказаться от этого визита. Но Гренвиль так настойчиво просил его не ездить в Англию, что Меттерниху пришлось уступить.

Когда Меттерних стал в 1824 г. пропагандировать мысль о всеевропейском конгрессе по вопросу о Южной Америке, Каннинг заявил, что Англия участия в этом конгрессе не примет и считает его совершенно бесполезным. Тут же Каннинг дал знать, что намерен заключить торговый договор с республикой Буэнос-Айрес (так называлась в ту пору Аргентина). На раздраженную оппозицию короля Георга IV Каннинг

не обращал никакого внимания; с лордом Ливерпулем и Веллингтоном он справился, указав им на то, что нужно скорее войти в сношения с южноамериканскими республиками, потому что иначе их рынки попадут в руки Соединенных Штатов. Лондонское Сити и все промышленные центры были в восторге от действий Каннинга.

В январе 1825 г. Англия официально признала самостоятельными республиками Аргентину, Колумбию и Мексику. Король Георг IV был этим разъярен не меньше, чем Меттерних. Александр I и здесь отошел в сторону, признавая положение безнадежным и не желая нарываться на унижение. Но Меттерних и побуждаемый им король Фридрих-Вильгельм III попробовали было вербальными нотами и устными заявлениями своих представителей в Лондоне выразить порицание Каннингу по поводу признания им победы революции в Новом Свете. «Я прошу вас не читать мне лекций», — оборвал Каннинг прусского посла. «Что таким языком с нами разговаривать нельзя, я, полагаю, достаточно вразумительно объяснил всем членам континентальной троицы», — писал он впоследствии.

Король Георг IV остался единственной опорой для Меттерниха в Англии. Георг изготовил меморандум, разослал его всем членам кабинета и раздраженно требовал от них ответа на вопрос: окончательно ли они забыли «великие принципы 1814, 1815 и 1818 гг.» (т. е. принципы Венского конгресса, Священного союза и Аахенского конгресса), почему они приняли «существенную часть революционного кредо» и как могут его министры предполагать, что он позволит каким бы то ни было индивидуумам навязывать ему, королю, принципы, противоположные тем, которые он всегда исповедовал. Под «индивидуумом» понимался Каннинг, который, однако, и ухом не повел на этот гневный королевский выпад. Каннинг чувствовал свою силу, так как промышленные, торговые, банкирские круги поддерживали его политику. В самом парламенте и в прессе его дипломатия встречала горячую поддержку именно со стороны оппозиции, и правительство Ливерпуля отдохнуло от забот об избирательной реформе.

Греческая проблема

Еще более сокрушающий удар был нанесен «принципам 1814, 1815 и 1818 гг.» в другом, несравненно более важном для тогдашней Европы деле — в вопросе о греческом восстании.

В 1821—1822 гг. греческое восстание против турок переживало время тяжких поражений. Решения конгрессов Священного союза, колебания Александра, отставка Каподистрия лишали, казалось, греков всякой надежды на помощь извне.

Страшная резня, учиненная турками среди хиосских греков, зверские избиения в Константинополе и провинции, публичное повешение патриарха константинопольского — все это прошло султану Махмуду II даром. Правда, Александра давно раздражало вызывающее поведение турецкой дипломатии относительно России. Но зато в Вене были довольны позицией Турции. Знаменитый ответ турецкого министра иностранных дел (рейс эфенди) по поводу хиосской кровавой бани: «Мы знаем лучше, как нам обращаться с нашими подданными» — возмутил Александра, но зато привел в полный восторг Меттерниха. Махмуд II не пожелал даже прислать своего представителя на Веронский конгресс, хотя ему и был там обещан любезный прием.

Но греки продолжали борьбу. В кругах английской буржуазии складывалось мнение о необходимости обеспечить британское влияние в Греции на случай, если она добьется независимости. Каннинг круто повернул руль британской политики в греческом вопросе. Он перехватил у русских инициативу в деле покровительства грекам, проявленную, но потом упущенную было царем в 1821 г. Каннинг начал с того, что, даже не уведомив никого из дипломатического корпуса в Лондоне, 25 марта 1823 г. торжественно заявил, что Англия отныне будет признавать греков и турок двумя воюющими сторонами. Это как громом поразило Меттерниха. Каннинг правильно рассчитал удар, нанеся его Священному союзу в самом слабом его месте: там, где тайная, но острая вражда разъединяла Меттерниха и Александра, — в вопросе об отношении к Турции. Из факта признания воюющей стороной «бунтовщиков», революционеров, «бандитов» греков вытекало, что само восстание греков Англия считала законным и что первая территория, где повстанцам удастся укрепиться, будет признана той же Англией самостоятельным государством.

Мужественная борьба греческого народа дала могучий толчок общественному и литературному движению в Европе в пользу греков. Байрон в Англии и Пушкин в России были далеко не одиноки в своих прогреческих настроениях. Отношение Александра к политике Каннинга в греческом вопросе также свидетельствовало о наступающем повороте в судьбах Греции.

И в самом деле, ход событий побудил Александра в конце 1823 г. снова обратиться к греческим делам. Он не собирался предоставлять англичанам монопольное влияние в Греции. Александр выработал вместе с Нессельроде очень запутанный план: разделить греческую провинцию Турции на три части и даровать им автономию с тем, что султан будет считаться их

верховным государем, а контроль будет принадлежать европейским державам. На такой основе царь был склонен договориться с англичанами, лишь бы они не добились в Греции монопольного положения. И Каннинг, со своей стороны, в известной мере тоже шел на соглашение с Петербургом. Между царем и Каннингом установился дружественный контакт. Когда жена русского посла в Лондоне княгиня Ливен, в салоне которой стал бывать Каннинг, в частных беседах с ним летом и осенью 1825 г. говорила, что, по мнению Александра, Россия и Англия должны между собой сговориться касательно греко-турецких дел, то она уже встречала полное понимание и принципиальное сочувствие со стороны своего собеседника. Так обстояло дело, когда в конце 1825 г. Европу облетела нежданная весть о смерти царя в глухом далеком южнорусском городке.

2. Сближение России с Англией и Францией и дальнейший развал Священного союза

Николай I как дипломат

На престол Российского государства вступил человек, которому суждено было в течение своего долгого царствования сделаться суперарбитром и грозой для правительств Средней Европы, страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества, а затем, утратив дипломатическую ориентацию, шагнуть в неожиданно разверзшуюся пропасть, чтобы насмерть разбиться при падении.

В первые годы своего правления Николай проявлял в своих дипломатических выступлениях большую осторожность. Лишенный опыта, ничего не знавший «дивизионный генерал, внезапно ставший императором», как он сам о себе выражался, Николай первое время чувствовал себя, как в лесу, среди послов и во время докладов Нессельроде. Но Николай был умнее Нессельроде. Он быстро разглядел в нем канцеляриста, который, пожалуй, недурно напишет по-французски бумагу, если ему точно приказать, о чем именно нужно писать, но который ни в коем случае не способен подать самостоятельный совет. Впоследствии Николай иной раз передавал распоряжения своему канцлеру Нессельроде через посредство иностранных послов. Нессельроде на это не обижался. Ему даже и в голову не приходило, что на императора вообще можно обидеться. Николай вскоре освоился с внешней политикой, и она стала даже одним из любимейших его занятий.

Осторожность была не единственным положительным качеством Николая как дипломата в первые времена его царствования. Царь вначале довольно хорошо разбирался в людях, с

которыми ему приходилось иметь дело. Меттерниха, например, он понял уже с первых шагов. Когда однажды при личном свидании Меттерних, желая попасть в тон Николаю с его военными замашками и вкусами, с аффектацией мнимой прямоты и непосредственности сказал царю: «Ведь вы меня знаете, ваше величество!», то Николай ответил так выразительно и таким загадочным тоном: «Да, князь, я вас знаю!», что даже Меттерних смутился. Эта способность стала Николаю изменять впоследствии, когда постоянные удачи и безмерная лесть ослабили и притупили его умственную зоркость.

Одной из слабых сторон Николая было его глубокое невежество. Он, например, пресерьезно думал, будто королева Виктория может действительно влиять на английскую политику. Он ненавидел конституционные принципы, но никогда не мог понять, в чем они заключаются, и гордился тем, что ничего в конституциях не понимает. Одной из центральных проблем его дипломатии был Восточный вопрос, т. е. вопрос о судьбах Оттоманской империи. Но Николай так мало знал о Турции и так слабо представлял себе ее строй, что допускал нелепые выходки, ставившие его иногда в смешное положение. Так, в 1830 г., на торжественном приеме принца Халила, присланного Махмудом II для обмена ратификационными грамотами о мире, к изумлению Халила, его свиты и всех присутствующих, царь просил передать от своего имени дружеский совет султану покинуть мусульманские заблуждения и воспринять свет истинной православной веры.

Другой господствующей мыслью дипломатической деятельности Николая I было убеждение в необходимости неустанной борьбы с революцией, где бы и в чем бы она ни проявлялась. И тут тоже, кроме слепого, непоколебимо упрямого следования принципам Священного союза, т. е. началам абсолютистской реакции во имя восстановления и охранения всех обломков феодального общественного строя, Николай решительно ничего не придумал. Он не удостоивал разбираться в партиях, не представлял себе отличия французских республиканцев от социалистов. И те и другие были для него, выражаясь его слогом, одинаково «канальи». Но когда республиканец генерал Кавеньяк перестрелял в июне 1848 г. около десяти тысяч рабочих, Николай простил ему его республиканизм, сердечно поздравил с победой и был очень доволен его жестокостью. А до тех пор Кавеньяк в глазах царя был такой же «канальей», как и другие республиканцы или социалисты.

Не менее, а может быть и более, вредной чертой Николая как дипломата была его самоуверенность, тоже проистекавшая от слепой веры в принципы самодержавия. Николай не знал России, истинных пределов ее силы и подлинных причин

ее слабости. С годами туман непрерывной лести совсем почти скрыл от него реальные факты, гораздо менее утешительные, чем ему казалось. Самоуверенность стала покидать Николая слишком поздно, лишь после Альмы и Инкермана, т. е. у порога могилы.

Все эти слабые стороны Николая как дипломата давали себя чувствовать и в самые первые годы царствования, но все же меньше, чем впоследствии.

Сближение царской России с правительствами Англии и Франции

На первом же приеме дипломатического корпуса в Зимнем дворце в конце декабря 1825 г. Николай обнаружил особую любезность к французскому послу Ла Ферронэ. Он увел его с собой после приема в кабинет и долго с большим волнением говорил с ним о 14 декабря и отчасти о своей будущей внешней политике. Уже тогда наметилось желание царя, ставшее особенно настойчивым с 1828—1829 гг., тесно сблизиться с Францией. Одновременно через супругов Ливен Николай вошел в контакт и с Каннингом. То и другое ему казалось, по-видимому, необходимым, чтобы избавиться от слишком назойливых стремлений Меттерниха демонстрировать перед всей Европой, что перемена, происшедшая на русском престоле, будто бы всецело выгодна для Австрии и особенно радостна лично для Меттерниха. Николай, несомненно, знал о начавшемся сближении его покойного брата с Каннингом и о резком охлаждении Александра к Меттерниху, и если была какая-нибудь идея, унаследованная Николаем от его брата и прочно, до самой Крымской войны, засевшая в его голове, то это была именно мысль, переданная Каннингу от Александра через посредство княгини Ливен: Англия и Россия должны вдвоем сговориться относительно турецких дел. Александр имел в виду прежде всего греческое восстание; Николай ставил вопрос шире и откровеннее, чем Александр, который, впрочем, тоже, говоря о греках, явно думал не только о греках, но и о проливах. Каннинг сейчас же пошел навстречу намечающемуся стремлению царя сблизиться с Англией.

Миссия Веллингтона в Петербурге

В Петербург со специальной миссией был отправлен из Лондона человек, к которому Николай питал чувство исключительного уважения. То был герцог Веллингтон, герой Ватерлоо, ярый представитель британского консерватизма и монархизма. У Николая уже был заранее подготовлен примерный проект очень важной беседы с герцогом. Веллингтон получил от Каннинга перед своим петербургским путешествием довольно сложную инструкцию. Каннинг долго втолковывал ее своему маститому коллеге, голова которого не очень была приспособлена для восприятия дипломатических тонкостей. Тре-

бовалось: 1) По возможности достигнуть совместного решительного давления на Турцию и заставить ее отказаться от мысли вырезать греческое население Мореи. С этой идеей носился еще с 1824 г. не только султан Махмуд II, но и его непокорный вассал, паша Египта Мехмед-Али. 2) Если англо-русское давление не поможет, что делать тогда? Удерживать ли царя от объявления войны Турции или не удерживать? Веллингтон долго не понимал, что ему толкует Каннинг, и все жаловался лондонским друзьям, что едет к царю со связанными руками. А Каннинг хотел, чтобы царь выступил против Турции, но чтобы Россия при этом предприятии не разрушила Турецкой империи и прежде всего не установила бы своего исключительного влияния в освобожденной Греции. Значит, нужно было одновременно и толкать царя на конфликт с Турцией, и иметь потом возможность и парламенту, и Европе, и самому царю доказывать, что никто его на войну с Турцией не толкал, а совсем напротив. Конечно, нельзя было все это писать черным по белому, но старый солдат Веллингтон туго понимал то, чего нельзя изобразить на бумаге в отчетливых фразах точного английского языка. Впрочем, уже первые беседы Веллингтона с новым царем обнаружили, что инструкция Каннинга не может быть выполнена в точности.

Образование коалиции трех держав против Турции

У Николая уже созрела мысль не только не выступать единолично против Турции, но, напротив, втянуть Англию в совместное выступление. Каннинг, инструктируя Веллингтона, предлагал ему выяснить, будет ли царь так же усердно, как его покойный брат, поддерживать принципы Священного союза. Герцог узнал, что Николай считает греков бунтовщиками и что император всероссийский не может объявить себя покровителем бунтовщиков; но, оставляя греческий вопрос в стороне, он, царь, имеет будто бы с турками свои счеты. Фраза эта возбуждала беспокойство. Когда Веллингтон передал царю предложение о совместном выступлении Англии и России, Николай отделался ничего не значащими словами, ответил герцогу, что это для него ново, что он подумает и пр.

Николай решился на очень смелый шаг. Не говоря ни слова Веллингтону и обдумав свою беседу с ним, царь внезапно послал Турции нечто очень похожее на ультиматум, правда, с довольно большим (шестинедельным) сроком. Царь требовал восстановления автономных учреждений, которые существовали в дунайских княжествах до 1821 г., но были уничтожены Махмудом II, и возвращения Сербии тех привилегий, которые она должна была иметь по Бухарестскому миру 1812 г., заключенному между Россией и Турцией. Отослав этот ультиматум,

Николай заявил Веллингтону, что теперь готов подписать соглашение с Англией. После некоторых колебаний Веллингтон подписал 4 апреля 1826 г. Петербургский протокол, который представлял собой соглашение Англии и России по греческому вопросу. Греция, согласно этому «дипломатическому инструменту», образует особое государство; султан считается его верховным сюзереном; однако Греция должна иметь свое собственное правительство, свои законы и т. д. Чисто внешний вассалитет должен был свестись к ежегодным платежам известной суммы. Россия и Англия обязуются «поддерживать» друг друга при проведении этого плана, в случае если со стороны Турции встретятся препятствия. Каннинг, получив Петербургский протокол, увидел, что Николай обошел Веллингтона: не Англия втравила Россию в конфликт, а Россия втянула в него Англию; если война будет — а она будет непременно, потому что Махмуд ни за что не согласится без войны потерять такую территорию, — то в этой войне Англия, по всей вероятности, должна будет принять активное участие.

26 мая Меттерних с большим раздражением и беспокойством узнал о протоколе. Не только греческий вопрос неожиданно стал на очередь прознее, чем когда-либо; случилось и другое: Россия, по инициативе которой был заключен Священный союз, сама его топчет, идет рука об руку с покровителем «бунтовщиков» Каннингом. К этому присоединились еще два очень беспокойных для Австрии обстоятельства: во-первых, турки, напуганные слухами о соглашении России с Англией, поспешили принять царский ультиматум касательно дунайских княжеств и Сербии и подписали Аккерманскую конвенцию, подтверждавшую постановления всех прежних русско-турецких договоров; во-вторых, Махмуд II как раз летом 1826 г. приступил к жесточайшему усмирению бунта янычар и истреблению этого мятежного войска. Это ослабляло турецкие силы и еще уменьшало шансы успешного сопротивления домогательствам России и Англии.

Хотя Англия была связана теперь с Россией по греческим делам договором, тем не менее, английское правительство стремилось затруднить России выступление в пользу греков. Желая отвлечь внимание русского правительства, английские резиденты в Иране способствовали тому, что шах начал войну с Россией. Иранские войска вторглись в 1826 г. в Закавказье, однако были разбиты.

Каннинг учитывал, что согласно Петербургскому протоколу ни Россия, ни Англия не должны делать в случае войны с Турцией никаких территориальных приобретений в свою пользу. Поэтому он не очень противился, когда с французской стороны последовали жалобы на то, что Францию не привлекают к

участию в разрешении греческого вопроса. Каннинг заявил французскому послу в Лондоне Полиньяку, что сам он рад был от души, но Николай не желает третьего участника. Тогда Ла Ферронэ, посол Франции в Петербурге, обратился к Николаю. Царь ему ответил, что лично приветствовал бы участие Франции, но препятствует Каннинг. Участия французов Николай желал еще меньше, чем Каннинг; но когда Каннинг уступил, то сейчас же уступил и царь. Против Турции стали сотрудничать три великие державы: Россия, Англия и Франция. Меттерних должен был окончательно признать свое поражение. Не только австрийский канцлер негодовал по поводу тяжкого удара, нанесенного Священному союзу. Не очень обрадованы были и крайние реакционеры во всех монархиях Европы, в том числе и герцог Веллингтон.

Но турецкое правительство не соглашалось на предоставление грекам автономии и на посредничество великих держав между Турцией и повстанцами. Султан и его министры надеялись на то, что противоречия между участниками протокола 1826 г. помешают им пойти на принудительные меры. Каннинг предполагал ограничиться разрывом дипломатических отношений с Турцией, да и то при условии, что к этому шагу примкнут все великие державы. Тем временем, в результате состоявшейся в 1824 г. высадки в Греции по призыву султана войск египетского паши, положение повстанцев ухудшилось. Грекам грозила новая резня, поголовное истребление. Решающее значение для предотвращения этой катастрофы имела твердая позиция России. В январе 1827 г. Нессельроде писал послу в Лондон Ливену, что единственный аргумент, способный вынудить другие кабинеты на решительные меры против Турции, — «это боязнь того, что в конечном счете умиротворение Греции совершится посредством выступления одной России. Поставить их перед альтернативой, позволяющей нам стать абсолютными господами положения или присоединиться к нам, чтобы совместно направлять это дело мира, это значит использовать наилучшее средство, обеспечивающее их содействие осуществлению протокола от 4 апреля 1826 г.» [1]

Опасаясь выступления одной России, французское и британское правительства настаивали на превращении протокола 1826 г. в формальный договор о совместных действиях. И в 1827 г. между тремя державами была подписана Лондонская конвенция о сотрудничестве в защиту греческого восстания. По настоянию русского правительства к этой конвенции были приложены секретные статьи. Они предусматривали посылку в дальнейшем эскадр трех держав с тем, чтобы пресечь возмож-

[1] АВПР, канц. 1826, № 12960, л. 414.

ность доставки в Морею новых турецко-египетских войск и для установления контакта с повстанцами путем посылки в Грецию консульских агентов. Русское правительство подчеркивало, что уничтожение греческих повстанцев и греческого флота, выполнявшего важные посреднические функции в торговле юга России через проливы, нанесло бы ущерб всей европейской торговле.

Вскоре три державы — Россия, Франция и Англия послали свои эскадры в турецкие воды. 20 октября 1827 г. в бухте Наварино турецко-египетский флот был уничтожен. Однако и после Наваринского сражения Англия и Франция не желали пойти на войну с Турцией, а турецкое правительство, учитывая эти разногласия между тремя державами, упорно отказывало дать Греции автономию и соблюдать договоры с Россией о свободе торговли через черноморские проливы и о праве заступничества России в делах дунайских княжеств Молдавии и Валахии.

3. Русско-турецкая война

Из двух основных целей, которые ставила перед собой дипломатия Николая I, одна, а именно борьба с революционными движениями в Европе, казалась в конце 20-х годов более или менее достигнутой. Поэтому стало возможным выдвинуть и другую капитальную задачу русской дипломатии: борьбу за контроль над проливами — «ключами от своего собственного дома», как тогда говорили. Согласованность дипломатических действий Англии и России давала уверенность, что если Англия и не выступит на стороне России, то она не будет и противиться русскому продвижению. Довершить дело освобождения Греции царское правительство решило путем войны против Турции. Эта война имела целью обеспечение для России свободы торговли через проливы и укрепление ее влияния на Балканах и в Закавказье.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

7 мая 1828 г. началась война. Технически убого оснащенная, плохо обученная настоящему, а не плац-парадному военному делу, бездарно управляемая, особенно при личном вмешательстве царя, русская армия, несмотря на храбрость солдат, долго не могла одолеть сопротивления турок. Дела шли хорошо лишь в Закавказье, но в Европе положение было такое, что иногда казалось, что русские уйдут ни с чем и все предприятие кончится провалом. Ликование австрийских дипломатов не знало границ, и Меттерних не переставал писать в столицы всех великих держав о безнадежном будто бы по-

ложении русских на Балканском полуострове. Однако в противоречии с этим своим утверждением он не переставал доказывать и в Лондоне, и в Париже, и в Берлине, что Пруссии, Англии и Франции необходимо вступить в соглашение с Австрией и потребовать немедленного прекращения войны. Но ни Пруссия, ни Франция, ни Англия не считали нужным вмешиваться в русско-турецкие отношения. Между прочим, во всех трех странах либеральная часть буржуазного общества определенно желала в 1828—1829 гг. разгрома Турции. Николая I еще не раскусили, а Махмуда II хорошо знали как представителя кровавого деспотизма, виновника неслыханных зверств над греками.

Из стараний австрийского канцлера создать четверной антирусский союз (а эти усилия длились с ноября 1828 г. по июнь 1829 г.) ничего не вышло. Первым из царских дипломатов, который внимательно проследил за деятельностью Меттерниха и его агентов, был русский посол в Париже Поццо-ди-Борго. Он тотчас же дал знать обо всем в Петербург, а сам постарался очернить Меттерниха перед французским королем Карлом X. Сделал он это, сообщив королю одну истину и прибавив к ней одну ложь: истина заключалась в том, что Меттерних желает шантажировать короля, тайно сносясь с бонапартистами и держа про запас кандидатуру на французский престол сына Наполеона, герцога Рейхштадтского; ложью было то, будто Меттерних даже предлагал России посодействовать воцарению герцога Рейхштадтского. Неизвестно, поверил ли Карл X сообщениям хитрого корсиканца. Так или иначе отношения между Францией и Россией стали в 1829 г. еще теснее, чем были раньше. Сообщения Поццо-ди-Борго произвели на царя большое впечатление, тем более, что они подтвердились со всех сторон: ведь все три правительства, к которым Меттерних тайно обращался с предложением о четверном союзе, уже решив отказаться от этого союза, спешили в той или иной форме выдать Меттерниха Николаю. Царь был в высшей степени раздражен. Он сказал австрийскому послу, что считает политику Меттерниха жалкой, и объявил, что знает о всех подвохах и ловушках, которые Меттерних ставит России на каждом шагу.

Меттерних испугался. Он бросился писать письма в Париж, в Берлин, в Лондон, доказывая, что его не так поняли, что он вовсе ничего враждебного России не замышлял. А тут еще подоспели наконец русские победы. Русская армия перешла через Балканы и заняла Адрианополь. Ее авангарды находились в двух шагах от Константинополя. Махмуд II решил просить мира. Начались переговоры. Опасаясь международных осложнений, царь спешил закончить войну и выдвинул свои требования.

Русскому главнокомандующему стоило невероятных усилий скрыть, что у него уже около четырех тысяч солдат лежит по лазаретам. Тем не менее герцог Веллингтон считал, что «русским войскам нетрудно было бы взять Константинополь».

В действительности царское правительство не намеревалось предъявлять притязания на Константинополь. Особое совещание или комитет высших сановников, созванный царем для выработки политической линии в Восточном вопросе, надеялось, что поражение Турции приведет к усилению русского влияния на султанское правительство, и рекомендовало в сложившихся условиях следовать политике сохранения Турецкой империи, за исключением некоторых территориальных присоединений к России.

Адрианопольский мир 14(2) сентября 1829 г.

14 сентября 1829 г. в Адрианополе турки согласились на предъявленные им условия. Турция потеряла черноморский берег от устьев Кубани до пристани Св. Николая и часть Ахалцыхского пашалыка. На Дунае к России отходили острова в дельте Дуная, южный рукав устья реки становился русской границей. Русские получили подтверждение права прохода их торговых судов через Дарданеллы и через Босфор. Дунайские княжества и Силистрия оставались в русских руках впредь до выполнения всех условий Адрианопольского договора. Что касается Греции, то она объявлялась самостоятельным государством, связанным с султаном лишь обязательством платежа $1^1/_2$ миллионов пиастров в год (причем эти платежи начинались лишь на пятый год после принятия Турцией условий договора), а населению Греции предоставлялось избрать государем какого-либо принца из царствующих в Европе христианских династий, но не англичанина, не русского и не француза. Таким образом, победа России над Турцией обеспечила Греции государственную самостоятельность и упрочила автономию Сербии, Валахии, Молдавии. Адрианопольский мир явился важной вехой в освобождении балканских народов от турецкого ига.

Таков был Адрианопольский трактат, который дал России большие выгоды и победоносно завершил войну. Николай знал, что при его дворе не все довольны условиями мирного договора и прежде всего тем, что не был занят Константинополь. Но он лучше Ливена и других критиков Адрианопольского трактата был осведомлен о том, в какой обстановке Дибичу приходилось склонять турок к подписанию условий мира.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В ЕВРОПЕ (1830—1848 гг.)

1. Отношение царского правительства к Июльской революции

Международное значение Июльской революции было огромно. Оно сказалось и на дипломатической деятельности великих держав.

Николай I давно с беспокойством следил за внутренними делами Франции. Полиньяку, который стал в августе 1829 г. первым министром, Николай вообще не очень доверял. Царь считал, что Полиньяк склонен к сближению с Меттернихом и с Веллингтоном и что его назначение не благоприятствует русско-французскому сближению, а будет тормозить его. Но прежде всего царь тревожился, как бы Полиньяк и Карл X не довели дело до новой революции. Слухи о реакционном перевороте, который они подготовляют в Париже, были, конечно, известны русскому правительству. Но Николай не верил в способность французских правителей успешно его осуществить. Он, конечно, с радостью приветствовал бы такой переворот, если бы он только мог быть уверен в конечной его удаче.

За несколько месяцев до Июльской революции Николай поделился своей тревогой с герцогом Мортемаром, представителем Франции в Петербурге, и выразил в нарочно завуалированных выражениях такую мысль: монархи Европы еще могли бы помочь французскому королю, если бы вдруг началась революция против него без всякого с его стороны вызова; но если сам король нарушит конституцию и этим по своей инициативе вызовет революцию, то «мы тогда ничем не будем в состоянии ему помочь».

Случилось именно то, чего боялся и что предвидел Николай. 25 июля 1830 г. Карлом X были подписаны в Сен-Клу ордонансы, фактически отменявшие французскую конституцию, а затем последовательные извещения сигнального телеграфа сообщили в Петербург о трехдневной июльской битве в Париже, о победе революции, о бегстве короля, о воцарении согласно воле победившей буржуазии герцога Орлеанского под именем Луи-Филиппа I.

17 августа к французскому поверенному в делах барону Бургоэну явился граф Чернышев с уведомлением, что царь прерывает дипломатические отношения с Францией, и при-

казал послать французскому посольству паспорта. Бургоэн заявил, что желал бы лично повидаться с царем. В тот же день он получил приглашение в Елагинский дворец.

Царь встретил посла с мрачным видом. С первых же слов он заявил, что не признает Луи-Филиппа законным королем Франции. «С силой ударив по столу, император воскликнул: «Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франции»». В дальнейшем разговоре Бургоэн высказал мысль, что царь вступает на опасный путь, что коалиция против Франции не будет единой и что Франция 1830 г. не та, чем была в 1814 г., после двадцатипятилетних войн. Николай переменил тон: «Любезный друг, я обещаю вам не принимать торопливого решения... мы не объявим вам войны, примите в этом уверение, но мы условимся сообща, какого образа действий нам следует держаться в отношении Франции». Под «мы» царь понимал прежде всего монархическую Европу: Россию, Австрию, Пруссию, Англию. Но и французский дипломат и царь уже отлично знали, что Англия официальная, безусловно, признает Луи-Филиппа, а Англия оппозиционная уже с восторгом приняла известие о июльской победе буржуазии во Франции. Поэтому Николай поспешил сделать оговорки. Он стал убеждать Бургоэна, что не следует доверять Англии и что истинный друг Франции только он один, Николай: «Несмотря на все то, что мне у вас не нравится и волнует меня, я никогда не переставал интересоваться участью Франции. И в течение всех этих дней [революции] меня тревожила мысль, что Англия, которая завидует завоеванию вами Алжира, воспользуется вашими волнениями, чтобы лишить вас этого прекрасного приобретения». Да и Австрии не стоит верить, продолжал царь, забыв, очевидно, что ничего почти не останется от той коалиции, которой он явно хотел в начале разговора напугать Бургоэна; Австрия боится за прочность своего владычества в Италии и искреннего сочувствия к Франции не питает. Царь даже выразил сожаление, что в дни Июльской революции народ в Париже не разграбил русского посольства и не захватил там секретной переписки. Тогда «все были бы очень удивлены, увидев, что русский самодержец поручает своему представителю настаивать перед конституционным королем на соблюдении конституционных законов, установленных и освященных присягой». Это было правдой: Поццо-ди-Борго по указанию Николая предостерегал Карла от опасного и гибельного шага.

Отношения с Францией после этого знаменательного объяснения не были прерваны, хотя Николай и носился некоторое время с проектом вооруженной интервенции держав Священного союза с целью восстановления династии Бурбонов

во Франции. Граф Орлов был послан в Вену, а генерал Дибич — в Берлин, чтобы сговориться об интервенции. Но из этих двух миссий ровно ничего не вышло.

А. Ф. Орлов не верил в возможность интервенции. Он очень легко принял свою неудачу, в которой нисколько не сомневался, пожуировал в веселой Вене и вернулся домой. Генерал Дибич в противоположность Орлову отнесся к своей миссии очень горячо и серьезно. Прибыв в Берлин, он немедленно сообщил королю Фридриху-Вильгельму III проект Николая. Русская армия вступает в пределы Пруссии, соединяется с прусской и вторгается во Францию. Австрийская армия идет через Баварию к юго-восточной французской границе и т. д. Старый Фридрих-Вильгельм даже и слушать до конца не захотел. Ввязываться в опасную авантюру, где больше всего рискует пострадать не Россия, а Пруссия, король не желал. Ничуть не поверил он также Дибичу, будто Австрия готова выступить против Франции. Напротив, Меттерних поспешил дать знать в Берлин, что ничего подобного не будет. Дибич довольно долго просидел в Берлине и уехал ни с чем.

Этот провал всех расчетов на интервенцию заставил Николая, скрепя сердце, признать Луи-Филиппа. Но отношения с Францией были отныне безнадежно испорчены. Царь оказался уже в 1830 г. изолированным: Англия, куда Луи-Филипп отправил послом старого Талейрана, казалось, сблизилась с Францией; Меттерних сохранял с Луи-Филиппом вполне корректные отношения; прусский король даже проявлял предупредительность к новому французскому монарху. Так Николай совершил первую из своих капитальных дипломатических ошибок.

Две могущественные силы — Англия и Франция — явно отходили от России и вскоре неминуемо должны были занять позиции враждебно настроенных наблюдателей.

Впрочем, вместо оставшейся в проекте войны на Рейне царя ждала война на Висле.

2. Позиция великих держав в вопросе о польском восстании

Польское восстание 1830—1831 гг.

История польского восстания с точки зрения внешней политики может быть разделена на два периода. Первый период восстания — от начала его, т. е. от 29 ноября 1830 г., до 25 января 1831 г., когда постановлением Варшавского сейма император Николай был объявлен низложенным с престола Царства (королевства) Польского.

В этот период европейские дипломаты осведомлялись у Николая, намерен ли он, несмотря на факт восстания, признавать то государственное устройство Царства Польского, которое

было даровано Александром I на Венском конгрессе и которое поклялся охранять в манифесте к полякам сам Николай при вступлении на престол 13 (25) декабря 1825 г.

Во второй период восстания иностранные представители могли только частным порядком заговаривать с царем о польских делах: низложив Николая с престола, поляки, по мнению европейской дипломатии, сами уничтожили конституцию 1815 г.: отныне, т. е. после 25 января 1831 г., шла война между Российской империей и Польским правительством, возникшим революционным путем и не признанным ни одной из держав Европы. Вмешаться в эту войну дипломатически или с оружием в руках ни одна из европейских держав не считала для себя возможным, и все они вплоть до конца восстания, т. е. до взятия Варшавы, оставались лишь в положении зрителей.

Следует сказать, что восставшие польские дворяне совершили с самого начала много непоправимых ошибок. Они не собирались освобождать крестьян от феодального гнета и не желали поднять на восстание народные массы. Не довольствуясь требованием восстановления независимости Польши, они хотели границ 1772 г., т. е. включения в состав Польши украинских, белорусских и литовских земель, население которых вовсе не желало находиться под властью польских помещиков. В Варшаве открыто говорили и писали, что Балтийское море на севере, Черное море и Карпаты на юге, Днепр на востоке должны быть границами будущей «воскресшей» Польши.

Отправляя (еще в первый период восстания, при диктатуре Хлопицкого) делегатов для переговоров с Николаем, Варшава дала им императивный мандат: требовать от царя «возвращения» восьми воеводств, т. е. Литвы, Белоруссии и Украины.

Завоевательные устремления польской шляхты в отношении Литвы, Белоруссии, Украины уже до 25 января 1831 г. облегчали Николаю переговоры с западноевропейскими дипломатами. Царское правительство заявляло, что повстанцы подняли оружие вовсе не во имя сохранения хартии 1815 г., а ради захвата русских губерний. Меттерних и Фридрих-Вильгельм III поспешили тотчас же заключить конвенцию с Николаем, прямо направленную против повстанцев.

Отношение английского и французского правительств к польскому восстанию

Ухудшение международной позиции восставшей Польши и решительное укрепление позиции Николая испытал на себе раньше всех молодой маркиз Велепольский, который прибыл с дипломатической миссией во второй половине декабря 1830 г. в Лондон. Только к концу января 1831 г. он был допущен к новому руководителю британской внешней политики — лорду Пальмерстону.

Прием был очень сдержанный. Пальмерстон больше всего в это время был занят не Россией, а Францией. Он решительно не желал поглощения Бельгии Францией, но не хотел и возвращения Бельгии голландскому королевству. Польша его нисколько не интересовала; он холодно заметил Велепольскому, что Англия только в том случае могла бы высказать свое мнение, если бы Николай вздумал совсем уничтожить государственное устройство Польши, данное Александром и утвержденное Венским конгрессом.

Когда в Лондон пришло известие, что в Варшаве низложили Николая с польского престола, Пальмерстон тотчас использовал это обстоятельство как предлог для того, чтобы отделаться от поляков. Он дал знать Велепольскому, что отныне им разговаривать не о чем. На том миссия Велепольского и окончилась.

Оставалась надежда на поддержку со стороны еще одной великой державы — Франции. Ввиду явно враждебной позиции, занятой с начала восстания Австрией и Пруссией, после провала миссии Велепольского в Лондоне, восставшая Польша видела последнюю свою надежду в Париже.

Плохим предзнаменованием было то, что, как доносил Велепольский в Варшаву, Пальмерстон определенно был недоволен общественными манифестациями в пользу Польши в течение декабря 1830 г. и января 1831 г. в Париже.

Такое отношение Пальмерстона предвещало, что и правительство Луи-Филиппа не выступит в пользу Польши против России.

Луи-Филипп с самого начала своего воцарения не желал и не мог даже намекнуть на помощь полякам вооруженными силами Франции. Поляки обращались, впрочем, не к самому Луи-Филиппу, настроение которого они угадали, а к первому министру Лафитту, который им сочувствовал. Но, во-первых, и Лафитт больше всего выражал свои симпатии словами и денежными взносами в кассу польского комитета в Париже. Во-вторых, министерство этого либерального банкира было уже в январе — феврале 1831 г. при последнем издыхании и готовилось уступить место кабинету консервативно настроенного промышленника Казимира Перье. Этот министр, в полном согласии с королем Луи-Филиппом, категорически отказывался даже говорить о военной помощи полякам.

В середине января польским делегатам в Париже было сообщено, что король отправляет в Петербург герцога Мортемара в качестве чрезвычайного посла. Поляки ликовали. Они не знали, что Мортемар едет к царю вовсе не из-за польского вопроса, а с поручением расположить царя к Луи-Филиппу, на которого Николай продолжал гневаться, как на «короля

баррикад», «принявшего престол от революции». Второй целью поездки Мортемара было зондирование вопроса, нельзя ли добиться от царя согласия на включение Бельгии в состав Франции. Лишь третьей (третьестепенной) задачей Мортемара была попытка настроить царя примирительно по отношению к «восставшим подданным», посоветовать ему обещать амнистию, утверждение конституционных прав Польши и их распространение на Литву.

Мортемар, совершая долгое и трудное в те времена путешествие, заночевал в одну январскую ночь в лесу, на перегоне из Берлина в Кенигсберг. Тут он неожиданно встретился с курьером, спешившим из Варшавы на запад с известием, что сейм низложил Николая с польского престола. Курьер и его спутники тут же услышали от Мортемара, что восставшие совершили роковой шаг, что Франция, на которую они надеются, никак им помочь не может. Мортемар тогда же принял решение: его миссия в той части, в которой она имела отношение к полякам, теряла всякий смысл. Отныне, с его точки зрения, происходила война между двумя славянскими государствами — Польшей и Россией — и вопрос шел не об амнистии или конституции, но о том, чья возьмет. А когда 13 марта 1831 г. первым министром во Франции стал Казимир Перье, то полякам стало ясно, что Польша предоставлена исключительно своим собственным силам.

Попытка дипломатического вмешательства Англии и Франции в польский вопрос

Летом 1831 г., когда для Польши уже приближался час развязки, король Луи-Филипп и Казимир Перье сделали слабую попытку побудить Пальмерстона сообща дипломатическим путем посодействовать «прекращению кровопролития». Ни король Луи-Филипп, ни Казимир Перье, ни Талейран, французский посол в Лондоне, через которого велись переговоры с Пальмерстоном, ни сам Пальмерстон не верили, что эти разговоры ведутся всерьез. Конечно, из этого ничего не вышло. К Николаю западные державы решили не обращаться. Но зато Англия и Франция обратились с протестом к Меттерниху по поводу того, что польский корпус, перешедший на австрийскую территорию, спасаясь от русских, не только был разоружен, но и его оружие было выдано русским. Меттерних ясно понимал, что подобным протестом обе западные державы просто хотят, ничем не жертвуя, кому-то показать свое «сочувствие» Польше. Он тотчас ответил, что, во-первых, польское оружие принадлежит королю польскому, которым является Николай, а не мятежным его подданным; во-вторых, пусть поляки будут благодарны, что он, Меттерних, выдал Николаю только оружие, а не польских солдат и офицеров вместе с оружием. На этом и

окончилось «дипломатическое вмешательство» двух западных держав. Когда Луи-Филипп, открывая 23 июля 1831 г. заседания палат, возвестил в тронной речи, что он сделал попытку организовать посредничество держав для прекращения кровопролития в Польше и защиты польской нации, то вся Европа поняла, что целью обращения Луи-Филиппа к Австрии было именно получение возможности вставить эту фразу в свою тронную речь.

После повторных штурмов 6 и 7 сентября Варшава капитулировала, и 8 сентября 1831 г. состоялся въезд Паскевича в польскую столицу. Все было кончено.

«Порядок царствует в Варшаве», — заявил французский министр иностранных дел Себастиани. Эта фраза возбудила среди революционно настроенных республиканцев яростное возмущение. Дело дошло до продолжавшихся три дня (16, 17, 18 сентября) бурных уличных манифестаций в Париже. Но они уже ни к чему повести не могли.

Европа стояла перед новой ситуацией.

3. Бельгийская революция и великие державы

Одновременно с Польшей решались в 1830—1831 гг. и судьбы Бельгии.

Для дипломатов монархической Европы как французская Июльская революция, так и Августовская бельгийская были насильственным ниспровержением актов Венского конгресса 1815 г., которые признали единственно законной французской династией династию Бурбонов и единственно законным для Бельгии правительством — правительство голландское, возглавляемое голландским королем.

Бельгийская революция была новым вызовом Священному союзу. В течение всего сентября, октября, ноября 1830 г. Николай I, еще не знавший, что его ждет в Варшаве, проявлял кипучую энергию, призывая Австрию и Пруссию к своего рода крестовому походу против мятежных бельгийцев. Но и здесь царю ровно ничего не удалось достигнуть.

Меттерних был согласен поддержать царя в его резких протестах против совершившегося. Но о военном выступлении Австрии против бельгийских революционеров и речи быть не могло. С Фридрихом-Вильгельмом III Николай даже и не пытался серьезно беседовать о Бельгии.

В Англии сам старый Веллингтон считал дело нидерландского короля в Бельгии безнадежно проигранным. Когда Веллингтон обратился к великим державам, приглашая их прислать представителей в Лондон для обсуждения «бельгийского вопроса», то он имел в виду главное: не дать французам в той

или иной форме захватить Бельгию. Во Франции левая оппозиция против Луи-Филиппа во главе с республиканцами требовала присоединения Бельгии; в самой Бельгии имелось течение в пользу такого решения вопроса.

Луи-Филипп сделал робкую попытку выдвинуть кандидатом на новый бельгийский престол своего сына, герцога Немурского. Но Пальмерстон, ловко сманеврировав, устроил так, будто он лично ничего бы против этого не имел, а вот император Николай, ненавидящий Луи-Филиппа, будет протестовать. Талейрану, в то время французскому послу в Лондоне, было ясно, что Пальмерстон ни за что не допустит воцарения сына французского короля. Если так, то и самому Талейрану лучше прикинуться, будто он верит, что все дело в нежелании царя. Талейран пробовал, при определении Лондонской конференцией окончательных границ Бельгии, выгадать что-нибудь для Франции; но и это натолкнулось на упорное сопротивление Пальмерстона. В начале июня 1831 г. на бельгийский престол был избран национальным конгрессом принц Леопольд Саксен-Кобургский, на кандидатуре которого сошлись все державы. Талейран потребовал, чтобы на французско-бельгийской границе были срыты все крепости, сооруженные для защиты от Франции. Это ему удалось провести. При определении границы между Бельгией и Голландией Талейран оказался, к удивлению, довольно благожелательным к Голландии, и Бельгия получила там несколько меньше, чем ожидала. Эта «мягкость» объяснилась лишь 100 лет спустя, в 1934 г., когда голландский государственный архив опубликовал документы, уличающие Талейрана в том, что он получил от голландского короля Вильгельма I взятку в 15 тысяч фунтов стерлингов золотом.

В 1831 г. великие державы подписали Лондонский протокол о вечной гарантии нейтралитета Бельгии и тем самым признали невозможность ликвидировать последствия бельгийской революции.

4. Ункиар-Искелесский договор России с Турцией и противоречия великих держав в восточном вопросе

Турецко-египетский конфликт и позиция великих держав (1832—1833 гг.)

В 1832 г. снова и почти катастрофически обострился восточный вопрос. Произошло это обострение на этот раз вовсе не по инициативе Николая. После Адрианопольского мира Николай взял курс на сохранение Турции, рассчитывая, что он сумеет помешать утверждению в Константинополе иностранного влияния, враждебного России. И обострение положения в Турции возникло из обстоятельств внутренней жизни Турецкой империи.

Могущественный вассал султана, паша Египта Мехмед-Али, восстал против своего сюзерена и пошел на него войной. Заняв Сирию, египетское войско, обученное и вооруженное лучше, чем армия султана, двинулось к северу, и 21 декабря 1832 г. в битве при Конии сын Мехмеда-Али Ибрагим совершенно разгромил турецкую армию. Султан Махмуд II очутился в отчаянном положении: у него не было ни денег, ни времени, чтобы хотя бы наскоро собрать новые силы.

Махмуд обратился за помощью к державам. Но французская дипломатия, давно облюбовавшая Египет и Сирию как будущую сферу своего влияния, отказалась ему помочь. Пальмерстон предложил султану подождать, пока поможет Австрия: он рассчитывал не доводить султана до необходимости обратиться к Николаю.

Пальмерстон надеялся, что нужное Англии дело будет, таким образом, выполнено австрийскими руками.

Но вышло совсем по-другому. Во-первых, австрийская армия вовсе не была готова к сопротивлению победоносному египетскому войску в далеких пустынях Малой Азии; во-вторых, Меттерних, скрепя сердце, должен был мириться с русской опасностью на Востоке, чтобы сохранить могущественного союзника в борьбе с революционной опасностью в самой Европе.

А Николай сейчас же, еще до битвы при Конии, предложил султану вооруженную помощь против Ибрагима; еще раньше русский генерал Муравьев внезапно высадился на берегу Босфора. Впоследствии на вопрос английского посла, как султан вообще мог согласиться принять «помощь» от Николая, один из членов Дивана повторил слова, сказанные Махмудом: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее ухватится, лишь бы не утонуть». Муравьев, устроив свой лагерь на Босфоре, явился к султану в качестве специального посланца от царя с таким предложением: если султан желает, Николай потребует от мятежного египетского паши Мехмеда-Али, чтобы он немедленно отвел свои войска и велел Ибрагиму возвратиться в Египет. В случае отказа царь начинает против Мехмеда-Али военные действия.

Но Мехмед-Али не покорился, да и султан медлил дать Николаю свое согласие. Мало того, Ибрагим двинулся еще несколько дальше к северу. Английское правительство не собиралось поддерживать султана вооруженными силами, а Франция была на стороне Мехмеда-Али, и султан был в полной панике. 3 февраля 1833 г. русский представитель в Константинополе Бутенев получил, наконец, долгожданный дипломатический документ: Махмуд формально просил царя оказать ему

помощь против мятежного вассала. Русский флот, давно уже стоявший наготове в Севастополе, снялся с якоря и отплыл в Константинополь. 20 февраля 1833 г. этот флот появился в Босфоре. Тогда французский посол адмирал Руссэн бросился к султану, решительно убеждая его просить русский флот удалиться. Английский посол поддержал Руссэна. Они оба заявили, что немедленно отбудут из Константинополя, если русские займут город. Это значило, что, в случае отказа султана, Англия и Франция поддержат Мехмеда-Али. Султан потребовал от Руссэна обязательства поддержать его против Мехмеда-Али, и Руссэн подписал с рейс-эфенди это обязательство.

Мехмед-Али ясно видел, что французы хотели лишь отсылки обратно русского флота, а теперь, добившись этого, не приложат никаких усилий к тому, чтобы преградить Ибрагиму путь. Султан Махмуд убедился, что Руссэн и англичане его обманули. Между тем пришли новые грозные известия: агенты Ибрагима, пробравшись в Смирну, подняли там восстание против султана. Султан прямо объявил, что снова обратится к Бутеневу, и турецкие министры сообщили последнему о согласии султана, чтобы русский флот не уходил из Босфора. Бутенев на это мог только любезно ответить, что русский флот и не думал трогаться с места, так как у него, Бутенева, было только устное, а не письменное предложение увести флот. 2 апреля к берегу Черного моря, у самого Босфора, явилась новая русская эскадра, а спустя несколько дней — и третья. Немногим меньше 14 тысяч русских солдат было высажено на берег.

Французская дипломатия и Пальмерстон были в большой тревоге. Было ясно, что одними словами отделаться нельзя. Приходилось либо решительными мерами спасать султана Махмуда от египетского паши, либо отдать Константинополь русским войскам, да еще с разрешения самого султана. В конце концов французское и английское правительства вызвали свои эскадры к берегам Египта и добились заключения мира между султаном и Мехмедом-Али. Мир был очень выгоден для египетского паши и значительно расширял его владения. Но Константинополь был спасен. Однако и для султана и для Европы было ясно, что Ибрагим со своим войском убоялся не маневрирующих где-то английских и французских судов, а русской армии, уже стоявшей на малоазиатском берегу Босфора. Султан Махмуд был в восторге от оказанной ему помощи и еще больше от переданного ему через царского генерал-адъютанта графа Орлова заявления, что спасители Турецкой империи 11 июля намерены отчалить от дружественных турецких берегов и возвратиться в Севастополь.

Ункиар-Искелесский договор (8 июля 1833 г.)

Граф Орлов недаром почти два месяца просидел перед этим в Константинополе. Блистательный дипломатический успех выпал на его долю ровно за три дня до отхода русского флота из Босфора. Султанское правительство нуждалось в поддержке царской России. 8 июля 1833 г. в местечке Ункиар-Искелесси между русскими и турецкими уполномоченными был заключен знаменитый в летописях дипломатической истории договор. В Ункиар-Искелесси Николай одержал новую дипломатическую победу — более замечательную, чем Адрианопольский мир, ибо победа эта была достигнута без войны.

Россия и Турция отныне обязывались консультироваться «касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности», и помогать друг другу в случае нападения третьей державы. Император всероссийский обязывался по просьбе султана помочь ему военными и военно-морскими силами. В особой секретной статье было условлено, что в обмен за это Турция должна закрывать Дарданеллы для иностранных военных кораблей по требованию русского правительства. Это обеспечивало безопасность России в Черном море.

Договор в Ункиар-Искелесси стал одной из причин обострения англо-русских противоречий.

Пальмерстон

С середины ноября 1830 г. во главе английского кабинета стоял Грей, а министерством иностранных дел управлял лорд Пальмерстон. С тех пор, вплоть до своей смерти в 1865 г., этот человек то в качестве «статс-секретаря» по иностранным делам, то как премьер, то на посту статс-секретаря по внутренним делам, то в роли представителя оппозиции не переставал оказывать на внешнюю политику Англии самое могущественное влияние.

Блестящую характеристику Пальмерстону дал Карл Маркс. «Несмотря на то, что он первоначально был тори, — писал Маркс, — он сумел внести в управление иностранными делами все то притворство и противоречивость, которые составляют сущность вигизма. Он умеет сочетать демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, прикрывать политику спекулирующей на мире буржуазии кичливыми тирадами старой аристократической Англии; он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и защитником, когда на самом деле предает; он умеет ублажать показного врага и доводить до отчаяния мнимого союзника; он умеет в надлежащий момент спора оказаться на стороне сильного против слабого и обладает искусством произносить смелые слова, обращаясь в бегство.

Одни обвиняют его в том, что он состоит на жаловании у России, другие подозревают его в карбонарстве»[1].

Маркс не верил искренности вражды Пальмерстона к николаевской России и некоторое время серьезно относился к печатным уверениям экзальтированного публициста Уркварта, будто Пальмерстон подкуплен Россией.

Совершенно бесспорно, что возгласы Пальмерстона против царизма как душителя свободной мысли были лживы и лицемерны. Именно этой своей стороной царизм и был по душе Пальмерстону. Если что и не нравилось в России этому слуге английского капитала, так это ее колоссальные размеры, ее огромная сила, ее географическое положение. Все это давало ей возможность угрожать английским интересам в Турции, Персии и в конечном счете в Индии, препятствовать британским захватническим планам на Востоке. Именно поэтому для Пальмерстона борьба с Россией всегда была одной из самых важных, основных, всеопределяющих задач внешней политики Великобритании.

Обострение англо-русских противоречий после Ункиар-Искелесского договора

Договор в Ункиар-Искелесси вывел из себя Пальмерстона. Это была уже вторая его неудача в борьбе против Николая за сравнительно еще короткое время руководства английской дипломатией. Первое столкновение с Николаем произошло еще в 1832 г. Оно тоже было косвенно связано с восточным вопросом. Пальмерстон очень дорожил одним молодым дипломатом — Чарльзом Стрэтфордом Каннингом, двоюродным братом скончавшегося в 1827 г. знаменитого премьера Джорджа Каннинга. Пальмерстон послал Стрэтфорда Каннинга в Константинополь и Грецию в 1831 г.; по возвращении в Лондон, в 1832 г., Стрэтфорд представил очень обстоятельный доклад о положении восточных дел после Адрианопольского мира, больше всего останавливаясь на отношениях Турции и России. Пальмерстон после этого решил назначить Стрэтфорда послом в Петербург. Но, очевидно, Николай что-то проведал об антирусских тенденциях Стрэтфорда. Во всяком случае, Нессельроде, узнав о предполагаемом назначении, написал частным образом в Лондон княгине Ливен, чтобы она дала как-нибудь знать Грею и Пальмерстону о нежелательности посылки Стрэтфорда в Россию. Грей (премьер) считал, что дело на этом и окончено.

Но Пальмерстон решил опубликовать в газетах, что назначение Стрэтфорда уже состоялось; предварительно он дал на подпись королю Вильгельму IV указ о назначении Стрэтфорда

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 361.

послом. Когда сообщение появилось в газетах, Пальмерстон (дело было в октябре 1832 г.) послал обычный запрос об «агремане» русскому правительству, рассчитывая, что Николай не решится отказать. Но Николай решился. Он приказал Нессельроде объявить Пальмерстону, что не примет Стрэтфорда. Пальмерстон настаивал, Николай оставался непоколебим. Пальмерстону пришлось признать, что коса нашла на камень, и подчиниться.

Вслед за этой неприятностью, спустя несколько месяцев, в июле 1833 г., последовала уже настоящая крупная неудача английской дипломатии — русско-турецкий договор в Ункиар-Искелесси. А затем Пальмерстон увидел, что Николай стремится использовать Австрию для своих целей на Востоке. Это его особенно встревожило. Дело в том, что Меттерних, обеспокоенный некоторыми проявлениями революционного духа в Германии и Северной Италии в 30—40-х годах, возникновением организации Маццини «Молодая Италия», глухим брожением в Венгрии, неотступно настаивал перед Николаем и Фридрихом-Вильгельмом III на необходимости подкрепить Священный союз и продемонстрировать перед революционерами всех стран тесную дружбу «трех восточных монархов».

Съезд монархов в Мюнхенгреце (1833 г.)

Николай вполне сочувствовал такой идее, но до сих пор уклонялся от организации встречи трех монархов. Теперь, в 1833 г., после Ункиар-Искелесси, можно было меньше опасаться интриг Меттерниха. Поэтому Николай согласился на созыв их съезда. Мало того, он решил использовать намеченный съезд австрийского, прусского и русского монархов и их министров не только для того, чтобы условиться относительно общей борьбы с революцией, но и для того, чтобы позондировать позицию Австрии в турецком вопросе. Умысел Николая был ясен: Меттерних в нем нуждался, как в опоре против революционных потрясений, грозящих гибелью габсбургской монархии, а также против французской политики, враждебной австрийскому владычеству в Ломбардии и Венеции. В Мюнхенгреце, где в сентябре 1833 г. состоялся съезд, Николай в самом деле с полной готовностью обещал поддержку Меттерниху. Но зато он рассчитывал, что отныне Австрия не будет противиться русскому влиянию в Константинополе. Однако тут царь ошибся. Из переговоров с Меттернихом ему стало ясно, что Австрия крайне ревниво относится к влиянию России на Ближнем Востоке. Все же в результате мюнхенгрецского свидания между Россией и Австрией была подписана конвенция, по которой обе стороны обязывались поддерживать status quo в Турции и противодействовать новым возможным покушениям на нее со стороны Мехмеда-Али. В случае же,

если бы вопреки усилиям России и Австрии Оттоманская империя все-таки потерпела крах, оба правительства обязывались действовать «в духе полной солидарности» при определении судеб турецкого наследства. Николай очень боялся, что в случае развала Оттоманской империи, ее наследство попадет в чужие руки.

Сам собой возникал вопрос и о другом партнере. Этим другим партнером, несравненно более сильным, могла быть только Англия. Но прошло 11 лет после Мюнхенгреца, пока Николаю показалось возможным попытаться снова заговорить о Турции, на этот раз уже как о «больном человеке», — и на этот раз именно с Англией. До тех пор, при Пальмерстоне, это было абсолютно немыслимо — даже до того конфликта, который возник из-за отказа в агремане для Стрэтфорда Каннинга.

Два течения в Англии в отношении восточного вопроса

Уже с начала 30-х годов — а особенно после Ункиар-Искелесси и проникших в Англию смутных слухов о сговоре царя с Меттернихом в Мюнхенгреце — в английской правящей верхушке, как и в широких кругах крупной буржуазии, наметилось два течения по вопросу о Турции и России. Представителями одного были известный публицист, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов», приверженец свободы торговли Ричард Кобден и Джон Брайт; представителем другого — лорд Пальмерстон, за которым шло подавляющее большинство в парламенте и вне его.

Кобден неоднократно излагал свои воззрения в речах, статьях и в специальной брошюре «Россия» («Russia»), выпущенной в 1836 г. Эти воззрения сводились к тому, что в русско-турецкие отношения не следует вмешиваться ни дипломатически, ни в особенности вооруженной рукой.

Если даже предположить, что Россия утвердится в Константинополе, от этого ни английская промышленность, ни торговля, ни судоходство ничего не потеряют. Русские не могут экономически конкурировать с англичанами, и Англия будет по-прежнему главенствовать во всех странах Леванта. А что в Константинополе будет русская полиция, то это скорее благоприятное обстоятельство. Порядка и безопасности будет больше, чем при полиции турецкой. Не ведя с Россией дипломатической борьбы, можно заключить с ней выгоднейшие торговые договоры. А больше ничего для Англии и не требуется.

Пальмерстон и его пресса не переставали резко нападать на взгляды Кобдена и его друзей. Для Пальмерстона и большинства не только консерваторов, но и вигов (в рядах которых числился и он сам) британская экспансия на Востоке и противодействие росту русского влияния в Турции признавались

прямым долгом и основной задачей английской политики. Для Англии потерять Индию, по словам Пальмерстона, значило бы уподобиться Голландии или Бельгии. Выступая под маской борцов против царских происков и завоевательных стремлений в Турции, Пальмерстон и его единомышленники в сущности стремились к подчинению Турции влиянию Англии.

У английского министра явилась мысль: «расширить» Ункиар-Искелесский договор путем «включения» в него всех великих европейских держав. Другими словами, если отбросить намеренно запутанный дипломатический стиль, Пальмерстон желал уничтожить Ункиар-Искелесский договор и гарантировать неприкосновенность турецких владений подписями не только России, но и Англии, Франции и Пруссии. Пальмерстон даже затевал с этой целью конференцию в Лондоне. Николаю удалось сорвать конференцию, но маневр Пальмерстона ставил царя в затруднительное положение. Однако царю опять повезло; французская дипломатия начала явно и даже демонстративно поддерживать египетского пашу. Со времени вступления Тьера в кабинет стало ясно, что французская дипломатия стремится в той или иной мере наложить руку на Сирию, а если дело пойдет на лад, то и на Египет. Пальмерстон был этим недоволен. Во-первых, он ни за что не хотел упрочения французского влияния в Египте и Сирии; во-вторых, новое выступление Мехмеда-Али давало Николаю право, на основании Ункиар-Искелесского договора, вмешаться в турецко-египетский конфликт и даже занять Константинополь. Пальмерстон немедленно принял меры. Через австрийского представителя в Лондоне барона Неймана он уведомил Меттерниха, что решил бороться против намерения французов, уже завоевавших Алжир, забрать еще и Египет и «изгнать Англию» из Средиземного моря. Тотчас же заработала австрийская дипломатия, которая дала знать в Петербург о заявлении Пальмерстона. Николай I увидел благоприятный случай войти в контакт с англичанами по турецко-египетскому вопросу, изолировать ненавистную «революционную» июльскую монархию с «королем баррикад» Луи-Филиппом и разбить то соглашение между Англией и Францией по всем основным дипломатическим вопросам, которое так искусно установил Талейран во время своего четырехлетнего пребывания в Лондоне (1830—1834 гг.) в качестве посла. Николай думал использовать англо-французские разногласия, чтобы добиться соглашения с Англией. Он готов был заплатить за него даже отказом от Ункиар-Искелесского договора. За спиной Тьера начались секретные переговоры между «восточными монархиями» — как тогда принято было обозначать Россию, Австрию и Пруссию — и Пальмерстоном. Ничего об этом не зная, Тьер

постарался в июне 1840 г. при посредстве французского посла в Константинополе настоять на удалении великого визиря Хозрева-паши, считавшегося ставленником Николая и ярым врагом Мехмеда-Али.

Восточный вопрос в 1840—1847 гг.

В ответ на это 15 июля 1840 г. в Лондоне было подписано соглашение между четырьмя державами — Англией, Австрией, Пруссией и Россией.

Руководящие министры Луи-Филиппа Тьер и Гизо были возмущены не только содержанием этого соглашения, всецело направленного против египетского паши и в пользу султана, но и тем, что оно заключено было втайне от французов. «Я всегда был сторонником союза Франции с Англией,— зачем вы разбили этот союз?» — сказал Тьер английскому послу Бульвер-Литтону, узнав о соглашении 15 июля.

Николай I ликовал. Русский посол в Лондоне Бруннов, дипломат умный и наблюдательный, имел, однако, вреднейшую, чисто царедворческую манеру доносить в Петербург не то, что в самом деле происходило, а то, что было желательно и приятно царю прочесть в его донесениях. Так, он безмерно преувеличил в своих докладах значение дипломатической победы, одержанной Россией над Францией 15 июля 1840 г. И Николай, сбиваемый с толку Брунновым, стал с тех пор воображать, что отношения между Францией и Англией безнадежно испорчены и что теперь можно подумать и о том, чтобы в удобный момент столковаться с Англией один на один. Николай пробовал осуществить эту мысль. Он велел передать Пальмерстону, что, если Франция объявит Англии войну, он станет на сторону Англии. Яростная кампания французской печати против Англии, внезапно развившаяся по явному наущению со стороны Тьера, казалось, вполне подтверждала уверения Бруннова, что отныне можно ждать возобновления хороших отношений с Англией и рассчитывать на них. Пальмерстон, казалось, направил весь свой боевой темперамент против Тьера и против Гизо, сменившего Тьера на посту министра иностранных дел (в том же 1840 г.). Но одновременно он ловко использовал заблуждение царя, для того чтобы воспрепятствовать возобновлению в 1841 г. Ункиар-Искелесского договора, восьмилетний срок которого как раз пришел к концу.

13 июля 1841 г. с согласия царя был заключен между Турцией, с одной стороны, и Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией — с другой, договор о Босфоре и Дарданеллах: было постановлено, что проливы будут закрыты для военных судов всех держав, пока Турция не находится в войне; на время же войны договор не содержал никаких ограничений

для султана в пропуске через проливы судов той державы, с какой ему будет выгодно сговориться. Николай согласился. Не протестовал он и против участия в договоре Франции. Да без нее на этот раз и невозможно было обойтись даже с точки зрения самого Пальмерстона. Франция перестала поддерживать Мехмеда-Али, видя, что четыре державы выступают против нее, а египетский паша удовольствовался серьезными территориальными приобретениями и примирился с новым султаном Абдул-Меджидом, который сменил Махмуда II, умершего в 1839 г. Начиная с конвенции 1841 г. режим проливов стал регулироваться многосторонними актами, а не соглашением наиболее заинтересованных держав — России и Турции, — как это до тех пор всегда имело место. Конвенция 1841 г. совершенно недостаточно обеспечивала безопасность России в Черном море.

Но главное достижение, в глазах Николая, оставалось в силе: Франция была сброшена со счетов в восточном вопросе; путь к откровенному объяснению с Англией был открыт. А тут еще сентябрь 1841 г. принес отставку Пальмерстона. Пал вигистский кабинет лорда Мельбурна, а с ним ушел и статс-секретарь по иностранным делам Пальмерстон. Новый консервативный премьер Роберт Пиль слыл русофилом; в еще большей степени другом России, а главное врагом Турции считался назначенный Робертом Пилем новый статс-секретарь по иностранным делам лорд Эбердин. Эбердин полагал, что по подавляющему большинству вопросов Англия вполне может сговориться с Россией. И Николай вообразил, что к числу этих вопросов относится и вопрос о Турции.

Одна из основных ошибок Николая I во внешней политике состояла в том, что он крайне преувеличивал степень внутреннего разложения и близость полного распада Турецкой империи. Английский историк Болсовер на основе русских документов излагает намерения царя следующим образом: «В различное время своего правления русский царь Николай I в порядке зондажа обращался к другим правительствам с предложениями о новом положении вещей, которое заменило бы Турецкую империю в Европе. Эти обращения вовсе не означали, что царь обдуманно стремится к уничтожению Турции. Напротив, он выразил согласие с мнением, высказанным в 1829 году специально созданным комитетом по турецким делам, который докладывал, что положительные результаты сохранения Турции в Европе превышают отрицательные и что ее распад не будет соответствовать реальным интересам России. Но русское правительство никогда не было уверено в том, что ему удастся и в будущем сохранить Турцию. «По-видимому, царь никогда не стремился к разрешению проблемы одной Россией и был

готов вести переговоры с другими державами согласно рекомендации комитета 1829 года».[1]

В начале 1844 г. Николай дал понять, что он хотел бы сделать визит королеве Виктории. Соответствующее приглашение было тотчас получено. 31 мая 1844 г. царь со свитой высадился в Вульвиче.

Николай был принят двором и аристократией со всеми знаками того особого почтения, даже почти низкопоклонства, с какими его принимала тогда повсюду монархическая Европа, видевшая в нем могущественнейшего в мире государя, удачливого во всех своих предприятиях политика, надежный оплот против революции.

В этой атмосфере Николай, конечно, мог почувствовать особое расположение к тем «откровенным» беседам о Турции, для которых он и предпринял свое путешествие.

Почти тотчас после переезда своего по приглашению Виктории из Лондона в Виндзор Николай виделся и говорил с Эбердином. Вот наиболее ранняя запись самых существенных слов царя, сделанная бароном Штокмаром, со слов самого Эбердина, тотчас после разговора с Николаем:

«Турция — умирающий человек. Мы можем стремиться сохранить ей жизнь, но это нам не удастся. Она должна умереть, и она умрет. Это будет моментом критическим. Я предвижу, что мне придется заставить маршировать мои армии. Тогда и Австрия должна будет это сделать. Я никого при этом не боюсь, кроме Франции. Чего она захочет? Боюсь, что многого в Африке, на Средиземном море и на самом Востоке». Пугая Эбердина возможностью французских притязаний в Египте, Сирии и на Средиземном море, т. е. именно там, где англичане ни за что не хотели допускать французское владычество, царь продолжал: «Не должна ли в подобных случаях Англия быть на месте действия со всеми своими силами? Итак, русская армия, австрийская армия, большой английский флот в тех странах! Так много бочек с порохом поблизости от огня! Кто убережет, чтобы искры его не зажгли?»

Вывод был ясен, и царь его сделал весьма определенно в разговорах с Эбердином и с главой правительства Робертом Пилем: чтобы успешно побороть французские вожделения, чтобы не дать и Австрии воспользоваться наследством «больного человека», Россия и Англия должны заблаговременно сговориться о дележе добычи. Таким образом, царь возвращался к мысли о неизбежности распада Турции.

Для себя царь на этот случай еще ранее выработал такой план: сделать Константинополь вольным городом, России обес-

[1] *G. H. Bolsover*, «Nicolas I and the Partition of Turkey». The Slavonia and East European Reviev, vol. XXVII, № 68, decembre 1948.

печить военный контроль над выходом из Босфора в Черное море, а выход в Эгейское море из Дарданелл поставить под контроль Австрии или даже Англии. Однако полностью эти намерения царь не раскрыл.

Царские слова об «умирающем человеке» были очень хорошо услышаны в Виндзоре и Эбердином и Пилем. «Турция должна пасть, — сказал царь Роберту Пилю. — Я не хочу и вершка Турции, но и не позволю, чтобы другой получил хоть ее вершок». Роберт Пиль очень хорошо понял, чего желает царь, и не только не обнаружил добродетельного негодования, но сейчас же поведал царю, что Англии приятно было бы при будущем разделе Турецкой империи получить именно Египет. Эту мысль Роберт Пиль выразил такими словами:

«Англия относительно Востока находится в таком же положении. В одном лишь пункте в отношении Египта английская политика несколько изменилась. Существование там могущественного правительства, такого правительства, которое могло бы закрыть перед Англией торговые пути, отказать в пропуске английским транспортам, Англия не могла бы допустить».

Роберт Пиль полагал, что царь претендует на Константинополь и проливы, а также на Молдавию и Валахию; на Египет же претендуют французы, против которых царь и предлагает Англии блокироваться с Россией. Николай, конечно, мог принять слова Роберта Пиля за согласие насчет дележа турецкого наследства. Поэтому царь продолжал:

«Теперь нельзя решать, что следует сделать с Турцией, когда она умрет. Такие решения ускорят ее смерть. Поэтому я все пущу в ход, чтобы сохранить статус-кво. Но нужно честно и разумно обсудить все возможные случаи, нужно прийти к разумным соображениям, к правильному, честному соглашению».

Царь уехал из Англии в высшей степени довольный тем, что на этот раз его собеседники не остались глухи к его словам. Он сгоряча даже приказал Нессельроде отправить в Англию мемуар с изложением всех своих мыслей о необходимости заблаговременного соглашения на случай распада Турции; ему очень хотелось иметь у себя нечто вроде подписанного Пилем или Эбердином подтверждения их согласия с изложенными царем мыслями. Но этого он не дождался. Английские министры, по-видимому, спохватились: связывать себя документом они не пожелали.

В июле 1846 г. кабинет Роберта Пиля ушел в отставку. Виги во главе с лордом Джоном Расселом и Пальмерстоном в качестве статс-секретаря по иностранным делам вновь овладели властью. Николай знал давно, что Пальмерстон с

беспокойством следит за ростом влияния России в Европе, да Пальмерстон никогда этого и не скрывал. «Европа слишком долго спала, она теперь пробуждается, чтобы положить конец системе нападений, которые царь хочет подготовить на разных концах своего обширного государства», — говорил Пальмерстон еще в 1837 г. прямо в лицо русскому послу Поццо ди Борго. Пытаться возобновить теперь, в 1846 г., с Пальмерстоном те разговоры, которые так легко и удобно было вести с Пилем и Эбердином, представлялось царю совершенно невозможным.

В Вене, проездом, в декабре 1845 г. царь заговорил с Меттернихом о Турции и счел необходимым заявить, что, если Турция распадется, то Константинополя он никому не отдаст. Если же кто попробует послать туда войско, то он, царь, явится в Константинополь раньше. А если он уже войдет туда, то там и останется. Это были скорее угрозы, чем предложение дележа. Да и слишком слабой считал царь в тот момент Австрию.

Любопытно отметить, что Николай, при своей безграничной самоуверенности и абсолютном нежелании учитывать стремления широких слоев населения в тогдашней Европе и, в частности, в германских странах и во владениях Габсбургов, с раздражением и упрямством закрывавший глаза на очевидные факты, все-таки чуял в эти годы приближение революции. Он уже предвидел, что его «союзники» могут и не выдержать ожидаемого страшного толчка. Приписывал он это прежде всего слабости и растерянности австрийского и прусского правительств. «Прежде нас было трое, а теперь осталось только полтора, потому что Пруссии я не считаю совсем, а Австрию считаю за половину», — так говорил Николай в 1846 г. одному датскому дипломату.

Так дожила Европа до февраля 1848 г. В истории европейской дипломатии наступили крутые, внезапные, огромные сдвиги.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 гг.

Влияние революций 1848—1849 гг. на европейскую дипломатию

Революции 1848—1849 гг. были направлены не только против реакции внутри отдельных стран, но и против всей системы международных отношений монархической Европы, установившейся со времени Венского конгресса 1815 г. Отдельные бреши в этой системе были проделаны уже в 1830 г., когда рухнула «легитимная» монархия Бурбонов во Франции и возникло самостоятельное Бельгийское государство. В 1848 г. «венская система» получила новый удар.

Во Франции февральская буржуазно-демократическая революция 1848 г. низвергла короля Луи-Филиппа и поставила перед европейскими правительствами вопрос об отношении к республике во Франции. В Германии и в Италии главным вопросом революций 1848 г. была борьба за ликвидацию феодальной раздробленности этих стран и превращение их в единые буржуазные национальные государства. Венгерская революция 1848—1849 гг. могла повести к развалу лоскутной Габсбургской империи и к освобождению Венгрии от австрийского ига. Польское революционное движение в 1848 г. вновь выдвинуло проблему восстановления Польши. Очевидно, что успех всех этих движений полностью подорвал бы «венские договоры» 1815 г.

Потрясение «венской системы» в 1848 г. было следствием капиталистического развития Европы и обострения классовой борьбы. Главной движущей силой революций 1848 г. были народные массы — рабочий класс, ремесленники, крестьяне, хотя руководящая роль в революционных событиях оставалась за различными слоями буржуазии, боявшейся рабочего класса и не желавшей доведения революции до конца. Опрокидывая престолы европейских монархов, революционная волна «снизу» выдвигала перед европейской дипломатией новые вопросы. В международные отношения и дипломатию снова вторгалось влияние революционных восстаний, баррикадных боев, национально-освободительных движений. Кабинетам монархиче-

ской Европы опять пришлось иметь дело с политикой и дипломатией новых, созданных революцией буржуазных правительств.

Против буржуазно-демократических революций 1848 г. выступили реакционные классы и их правительства. Военное и политическое давление на государства, охваченные революционным движением, контрреволюционная интервенция наряду с компромиссами и сделками с либеральной буржуазией — таковы были методы дипломатии старого мира. Все еще мощные силы феодально-абсолютистской реакции различных стран поднялись на борьбу с революцией, и дипломатия играла не последнюю роль в этой схватке старого и нового. В Западной Европе одним из наиболее консервативных и закостенелых оплотов крайней реакции была монархия Габсбургов, но она оказалась не в состоянии самостоятельно подавить венгерскую революцию. Опорами реакции в Германии были прусское юнкерство и абсолютизм. Наиболее крупной реакционной силой было, однако, царское самодержавие в России.

На европейскую дипломатию большое влияние оказало то обстоятельство, что революции 1848—1849 гг. совершались при наличии гораздо более развитого рабочего класса, чем в 1789 г., а перед лицом растущего рабочего движения буржуазия быстро утрачивала свою революционность. Отсюда вытекал переход либеральной буржуазии на позиции компромисса с дворянством и абсолютизмом и активное участие либеральной буржуазии в подавлении выступлений рабочего класса и мелкобуржуазного, демократического движения. Британская буржуазия задолго до 1848 г. отреклась от всяких революционных традиций и более всего страшилась рабочего класса. Буржуазно-аристократическая плутократия Англии была одним из важнейших оплотов реакции.

Британский либерализм покоился не только на эксплуатации английских рабочих, но и на угнетении трехсот миллионов населения Индии и других колоний и на порабощении Ирландии. В Азии британское правительство во главе с Пальмерстоном и другими лидерами британской буржуазии проводило политику агрессии, а в Европе поддерживало гнет султанской Турции над народами Балканского полуострова. В Западной Европе оно стояло за целостность Австрийской империи и за сохранение ее гнета над итальянцами, венграми и славянами. Британское правительство стояло за сохранение «системы 1815 г.», исключавшей господство на материке какого-либо одного государства и позволявшей Англии оказывать большое влияние на европейские дела путем использования противоречий между другими великими державами. В 1848—1849 гг. Англия использовала свои деньги, флот и дипломатию, чтобы помешать

успеху революционно-демократических движений, свести к минимуму перемены в европейском международном положении и сохранить свободу рук для колониальной экспансии. В этом смысле Англия оказалась одним из сильнейших столпов европейской контрреволюции.

Характерной чертой международных отношений 1848—1849 гг. стало сотрудничество дворянско-помещичьей и буржуазной контрреволюции против рабочего класса и демократических требований широких народных масс. Незрелость рабочего класса и предательство либеральной буржуазии определили половинчатость революций 1848—1849 гг. В результате этого государственная власть, а следовательно, и дипломатия либо остались в руках дворянско-монархических правительств, либо оказались в руках буржуазии и обуржуазившихся помещиков, охваченных страхом перед подъемом пролетарского и революционно-демократического движения.

Но содержание международных отношений в 1848—1849 гг. не исчерпывалось борьбой между силами революции и контрреволюции. Большое влияние на дипломатические переговоры оказывали англо-русские и англо-французские противоречия, враждебность французской буржуазии, царского правительства и Австрии к великодержавным замыслам Пруссии, австро-французское соперничество в борьбе за влияние в Италии и другие старые антагонизмы между европейскими государствами, порожденные борьбою за территории, стратегические рубежи, торговые пути, рынки сбыта и политическое преобладание в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Важное значение имели противоречия между националистическими и нередко агрессивными стремлениями буржуазии и помещиков различных европейских наций.

Дипломатия Временного правительства после Февральской революции во Франции

После свержения Луи-Филиппа во Франции пришло к власти Временное правительство, во главе которого стояли так называемые «трехцветные» республиканцы. Они составляли умеренное течение среди республиканской оппозиции при июльской монархии, высказывались против всеобщего избирательного права и тем более против социализма, а в большинстве случаев против любых преобразований в пользу народных масс. Видные посты во Временном правительстве занимали также мелкобуржуазные «социальные республиканцы», выдвигавшие идею установления буржуазно-демократической республики со всеобщим избирательным правом, обеспечением «права на труд», введением прогрессивного налогового обложения и т. д. Представитель рабочих Альбер и мелкобуржуазный

социалист Луи Блан тоже были членами этого правительства, но не имели серьезного влияния и плелись в хвосте у буржуазии.

До Февральской революции умеренные («трехцветные») республиканцы резко осуждали внешнюю политику и дипломатию июльской монархии за ее сотрудничество с британским правительством, Меттернихом и царем против революционных и национально-освободительных движений. Трехцветные буржуазные республиканцы высказывались против венских договоров 1815 г., объявляя их препятствием для укрепления позиций Франции и расширения ее границ в Европе. Широко используя французский буржуазный национализм, газета «трехцветных республиканцев» «Насиональ» накануне революции заслужила симпатии французской промышленной буржуазии своей энергичной внешнеполитической программой, направленной против Австрии и против венских договоров. Сторонники «социальной республики» — мелкобуржуазные революционные демократы и часть социалистов на первое место во внешней политике выдвигали идею помощи освободительным движениям в Польше, Италии и Германии.

Эти выступления французских республиканцев и преклонение значительной части французской буржуазии перед завоевательной политикой империи Наполеона I были известны европейским правительствам и вначале вызывали у них боязнь, что свержение июльской монархии вызовет активное выступление Франции против венских договоров 1815 г. и приведет к вооруженной поддержке с ее стороны революционных движений в других странах. Страхи эти были напрасными: на деле бескорыстная помощь революционерам отнюдь не входила в расчеты французских буржуазных республиканцев.

Выступления рабочего класса, сыгравшего решающую роль в провозглашении республики в февральские дни 1848 г., напугали Временное правительство. Министром иностранных дел в этом правительстве стал Ламартин — «трехцветный» республиканец. Ламартин был известным поэтом, публицистом и историком, превозносившим в своих произведениях жирондистов. Это был политический фразер, провозглашавший в туманных и сентиментальных выражениях идеи свободы и равенства. Он как нельзя более подходил для того, чтобы звонкими тирадами прикрыть полный отказ Временного правительства от поддержки революционного движения в других странах и избежать каких бы то ни было внешних столкновений. В период с февраля до мая 1848 г., когда буржуазия еще вынуждена была идти на уступки рабочему классу и мелкобуржуазным демократам, вся дипломатия Временного правительства была направлена на сохранение любой ценой внешнего мира, чтобы

избежать дальнейшего революционного подъема в стране. По словам самого Ламартина, он боялся, как бы открытое выступление Франции против трактатов 1815 г. или на помощь революционным движениям других народов не вызвало образования контрреволюционной коалиции и войну с монархической Европой. Ламартин был уверен, что такая война потребовала бы крайних революционных мер или же привела бы к военной диктатуре, подобно тому как случилось в 1799 г.

Буржуазные республиканцы, опасаясь, что в случае войны власть их может рухнуть, заявили о своем невмешательстве в дела других стран. Став министром иностранных дел, Ламартин немедленно заверил британского посла в Париже лорда Норменби и представителей других государств, что республиканское правление не меняет намерения Франции поддерживать отношения доброго согласия с другими государствами. Ламартин даже выразил желание заключить союз с Англией, рассчитывая на то, что без английских субсидий дворянские монархии континента не в силах будут начать интервенцию против Французской республики.

4 мая Ламартин разослал представителям Франции за границей циркуляр, уверявший иностранные правительства, что Франция не начнет войны. «Договоры 1815 г., — говорилось в этом циркуляре, — не существуют более в глазах Французской республики как право; однако территориальные постановления этих договоров есть факт, который она допускает как основу и как исходный пункт в своих отношениях с другими нациями»[1]. Следовавшие затем фразы о том, что Франция оставляет за собой возможность «вооружаться» для защиты революционных движений в других странах, предназначались для парижских клубов и не помешали европейским правительствам понять, что истинный смысл циркуляра состоял в отказе от войны за упразднение трактатов 1815 г. Пальмерстон иронически писал о звонких фразах циркуляра: Если бы пришлось «положить все это в плавильник, выпарить газообразные части и удалить шлак, то вы нашли бы главное, а именно то, что должны быть мир и доброе согласие между правительствами».

Революционные эмигранты — поляки, ирландцы, немцы, бельгийцы, итальянцы, которых в одном только Париже было до 15 тысяч человек, устраивали шествия с национальными флагами, посылали делегации и адреса Временному правительству, прося о помощи. Ламартин не скупился на громкие изъявления сочувствия, но воздерживался от всяких действий,

---

[1] *A. Lamartine,* Histoire de la Révolution de 1848, Paris, 1849, t. II, p. 69—78.

Полякам он заявил, что им следует «ждать будущего». Немецкий, бельгийский и савойский легионы, организованные во Франции, не получили от Временного правительства никакой поддержки. Ламартин заверил бельгийского короля Леопольда в намерении Франции строго соблюдать договоры о нейтралитете и неприкосновенности Бельгии, а вооруженный отряд бельгийских революционеров, перешедший границу, без труда был рассеян и взят в плен бельгийскими королевскими войсками. Когда Сардинское королевство начало войну с Австрией, Ламартин приложил все усилия к тому, чтобы пьемонтский посланник маркиз Бриньоли так и не смог понять, одобряет французское правительство или нет объявление войны Австрии.

По поводу циркуляров и речей Ламартина Маркс писал: «Подобно Эолу, освободившему из своих мехов все ветры, Ламартин выпустил и одним дуновением погнал на восток и на запад всех воздушных призраков, все фразы буржуазной республики — ветреные слова о братстве всех народов, об освобождении, которое Франция понесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А что он сделал? — *ничего*!» [1]

На случай внешних осложнений на Рейне, на Пиренеях, в Альпах и на севере Франции приводились в готовность четыре французские армии. Часть обученных солдат была возвращена во Францию из Алжира. По словам Ламартина, военные приготовления в районе Альп велись для того, чтобы не допустить революционных выступлений лионских рабочих. В действительности целью дипломатии Временного правительства было сохранение статус-кво в отношениях Франции с другими государствами, чтобы развязать французской буржуазии руки для перехода в наступление против рабочего класса.

Во французское дипломатическое ведомство революция внесла некоторые перемены. Прежние послы при иностранных правительствах были заменены другими лицами, которые до признания этими правительствами Французской республики считались ее неофициальными агентами. Однако старые чиновники центрального аппарата министерства иностранных дел почти все остались на своих местах. По предложению Ламартина Временное правительство ограничило оклады дипломатических представителей Франции за границей и упразднило ранг посла, заявляя, что республика «не нуждается в престиже рангов и в роскоши для своих агентов». Этими внешними изменениями, отмененными впоследствии, при Второй империи, и ограничилась реорганизация дипломатической службы.

Для успокоения монархических правительств тщательно

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 5, изд. 2, стр. 469.

соблюдались общепринятые формы дипломатической переписки. На дипломатические посты намеренно назначались люди консервативного или умеренного направления: в Лондон был послан генерал Опик, в Рим — герцог д'Аркур, в Вену — профессиональный дипломат Лакур, а в Берлин — легитимист граф Сиркур, отказавшийся от всяких сношений с прусскими либералами и революционерами. После берлинского восстания 18 марта Сиркур сказал прусским министрам, что Франция желает сохранения в Пруссии монархического строя, хотя и выразил при этом сочувствие парламентской форме правления.

Дипломатия европейских правительств и Февральская революция

Когда революции охватили Западную Европу, почти все правительства были встревожены волнениями в своих странах, и это отвлекло их внимание от Французской республики. Противоречия интересов европейских монархий также исключали возможность их интервенции против Франции и разрыва с ней дипломатических отношений. Пальмерстон ненавидел революционные движения и называл министров Временного правительства ставленниками парижской «черни», но отверг совет царского посла в Лондоне Бруннова не признавать Французскую республику. Он сразу разглядел, что Временное правительство будет нуждаться в укреплении отношений с Англией и поведет более удобную для нее политику, чем июльская монархия. Тревогу Пальмерстона вызывало только формирование во Франции бельгийского легиона. Когда же подлинная позиция Ламартина в бельгийских делах достаточно выяснилась, британский кабинет официально признал республику во Франции. Английской буржуазии нужен был мир с Францией еще и потому, что в это время она была встревожена новым подъемом революционного движения и восстанием в Ирландии. Позиция Англии исключала всякую надежду на ее участие в интервенции.

Когда известие о падении Луи-Филиппа прибыло в Петербург, Николай I сначала испытал прилив злорадства — в душе он никогда не считал Луи-Филиппа «законным» монархом и часто повторял, что рано или поздно «провидение» накажет его за принятие короны. Но провозглашение республики во Франции казалось царю еще более опасным, чем июльская монархия. Первой мыслью царя был поход против Франции с целью раздавить революцию, но пустота казны, невозможность рассчитывать на английские субсидии и на поддержку со стороны Австрии и Пруссии отрезвили Николая I и заставили его воздержаться от «крестового похода» против Французской республики. Немалое значение имела и тревога царя за положение в Польше.

Николай I ограничился тем, что предписал своему посланнику Н. Д. Киселеву немедленно покинуть Париж. Но эти меры не означали намерение воевать с Францией, если последняя сама не начнет военных действий с целью подрыва «системы 1815 г.». Нессельроде предписал Киселеву заявить французскому правительству, что Россия «не намерена вмешиваться во внутренние дела Франции», но придет на помощь Австрии и Пруссии «всеми своими силами», если Франция выступит за пределы своих границ с целью их расширения или ради поддержки революции в других странах[1]. В отличие от 1830 г. французам не был запрещен въезд в Россию. Царь отказался от мысли о военном походе и в Италию, так как опасался послать свои войска в «столь отдаленные страны», уже охваченные революцией. Чтобы облегчить Австрии борьбу с итальянской революцией, Николай предложил венскому двору свои услуги для подавления революционного движения в Галиции. Он советовал прусскому королю не соглашаться ни на какие конституционные уступки. После мартовских революций в Вене и Берлине царское правительство оказалось в полной изоляции и даже стало рассматривать Французскую республику как возможный противовес притязаниям Пруссии на господство над Германией.

Влияние мартовских революций в Австрии и Пруссии на русско-французские дипломатические отношения

Царское правительство боялось дальнейшего развития революции. Методы лавирования и компромиссов, применявшиеся прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV, были для царя совершенно неприемлемы. Еще с начала 40-х годов, когда Пруссия стала центром германской либеральной оппозиции, прежние тесные дружественные связи между Николаем I и берлинским двором ослабли и отношения изменились к худшему. Царя пугало то, что устои абсолютной монархии в Пруссии пошатнулись. Особенно боялись царь и Нессельроде революционного объединения Германии «снизу», путем свержения монархии, но они не желали допустить и объединения Германии сверху под главенством конституционной Пруссии. В создании такой Германии они видели угрозу самодержавно-крепостническому строю, а также опасались, что новая Германия будет охвачена «духом расширения и завоеваний»[2]. Призывы либеральных и революционно-демократических немецких газет к войне с Россией были, конечно, известны царскому правительству.

---

[1] *Ф. Ф. Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными государствами, т. XV, СПБ, 1907, стр. 228—229.

[2] *Nesselrode*, Compte-rendu pour l'année 1848, л. 4—8. (АВПР. МИД. Канцелярия. 1848.)

Н. Д. Киселев понял перемену обстановки еще до получения новых инструкций. На свой страх и риск он решил не исполнять данного ему повеления покинуть Париж. В беседе с Ламартином он умолчал об угрозах Николая I оказать помощь Австрии и Пруссии против Франции и последовал примеру других иностранных дипломатов, не собиравшихся оставлять французскую столицу. Вначале он задерживался там под предлогом остановки движения по железным дорогам, а узнав о революциях в Вене и Берлине, окончательно решил не идти на разрыв отношений с Временным правительством. Ламартин со своей стороны заверил Киселева, что республика не намерена материально поддерживать поляков против России и даже заговорил с ним о возможности франко-русского союза: «Самый естественный союз для Франции, — сказал он, — был бы союз с Россией».

Царь вполне одобрил смелое поведение Киселева, хотя и предписал ему пока воздерживаться от официального признания Временного правительства. Более всего опасаясь революции в Германии и возможности нового польского восстания, царь надеялся, что Франция будет для России полезным противовесом против Германии. «Вся наша система, — писал Нессельроде, — должна измениться». Киселеву дано было знать, что «императорское правительство признает благоразумным напрасно не раздражать Францию». По словам Нессельроде, революция надвигалась на царскую Россию уже не из Парижа, а вспыхнула в Вене и Берлине — «у наших дверей». Для того чтобы «на севере оборонять против объединенной Германии, — писал Нессельроде, — нам нужен на юге противовес, и этот противовес мы находим только во Франции. Будет Франция республиканская или монархическая, она силою вещей будет иметь свою роль в европейском равновесии» [1].

Возможность восстания в Польше более всего связывала руки царизму. Царь писал наместнику Царства Польского кн. Паскевичу, что он считает необходимым «оставаться в оборонительном, почти кордонном расположении, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале». Но в случае войны с Германией Николай рассчитывал без промедления занять Восточную Пруссию до Вислы и надеялся на сотрудничество с Францией.

Французская республика оказалась совсем не такой революционной, как вначале думали царь и его министры. Свирепая расправа над парижскими рабочими в июне 1848 г. показала подлинное лицо умеренных республиканцев. Известия об

---

[1] *Nesselrode.* Compte-rendu pour l'année 1848, л. 222. (АВПР. МИД. Канцелярия. 1848.)

июньских днях в Париже дали сильнейший толчок для перехода контрреволюции в наступление во всех странах Европы. Николай I восторженно поздравил Кавеньяка с успехом парижской бойни. Внутренние события и финансовые затруднения республики позволяли думать, что она не нарушит «трактата 1815 г.» и не окажет никакой помощи революции в других странах. Французское правительство настолько нуждалось в деньгах, что через Ротшильда предлагало Киселеву продать русскому казначейству за 80 миллионов франков французские коронные бриллианты, от чего Киселев отказался. Новый министр иностранных дел Бастид и генерал Кавеньяк заискивали перед царем. Они со своей стороны искали в царской России противовеса притязаниям Пруссии на гегемонию в Германии и проектам ее объединения, выдвигавшимся франкфуртским парламентом.

Но основным направлением внешней политики Французской республики был курс на сотрудничество не с царизмом, а с Англией, направленное против революционно-демократических движений и рабочего класса. «...При Кавеньяке, — писал Маркс, — та же политика, что и при Луи-Филиппе, — в международных распрях прибегают к старому и вечно новому средству, к entente cordiale [1] с Англией, с Англией Пальмерстона, с Англией контрреволюционной буржуазии» [2]. Следует вспомнить, что первый удар рабочему движению в Европе в 1848 г. был нанесен именно в Англии военными приготовлениями против чартистов и подавлением чартистской демонстрации 10 апреля. Поддерживая в некоторых странах умеренно либеральные реформы с целью не допустить там до революции, британское правительство было ярым врагом пролетариата и революционно-демократических движений. Экономическое могущество английской буржуазии, ее торгово-промышленная и колониальная монополия обусловливали прочность ее позиций. Англия, писал Маркс в конце 1848 г., «кажется скалой, о которую разбиваются революционные волны» [3].

В 1848 г. курс Французской республики на сотрудничество с Англией и царской Россией оказывал успокоительное влияние на реакционные правительства. Британское и французское правительства воздержались от какой-либо реальной поддержки польского движения и противодействовали развитию революций в Австрии и Германии.

---

[1] сердечному согласию.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 5, изд. 2, стр. 469.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 6, изд. 2, стр. 159.

Европейская дипломатия и польское освободительное движение в 1848 г.

Когда весной 1848 г. в Познани готовилось польское восстание, прусский министр иностранных дел в мартовском правительстве барон Генрих Арним [1] и часть прусских либералов рассчитывали, что им удастся направить силы поляков против России. Они надеялись, что восстание перебросится в польские губернии России, после чего поляки получат поддержку Франции и с ее помощью лишат царское правительство всякой возможности противодействовать установлению прусской гегемонии в Германии. Арним и часть прусских либералов мечтали воссоздать польское королевство в виде зависимого от Пруссии государства и барьера против России. Начать осуществление этого плана Арним мечтал с Познани и надеялся, что польский престол в Познани займет прусский принц Вольдемар, хотя последний отнюдь не был склонен к этому.

Арним сделал попытку начать с французским посланником переговоры о союзе между Пруссией и Францией против России и добиться поддержки Францией прусской политики в Германии, но Временное правительство ответило отказом. Сиркур и сам лично был противником союза с Пруссией. Он считал нежелательным столкновение Франции с Россией из-за польского вопроса. Опасаясь, что Арним хочет вовлечь Францию в осложнения из-за польского вопроса, чтобы отвлечь ее внимание и силы от германских дел, чтобы развязать Пруссии руки для объединения Германии под своей гегемонией, Сиркур подозревал, что Арним хочет втянуть Францию в войну с Россией, в которой «мы потопим в море крови наше богатство, а затем, по всей вероятности, и нашу свободу [2], чтобы воссоздать на двух берегах Рейна самую грозную в Европе военную державу. Мы объявим войну ради Познани и купим мир, уступив Страсбург». В этих словах Сиркура отразилась вся глубина противоречий между интересами германской и французской буржуазии по вопросу об объединении Германии под прусским владычеством.

Прусский король не разделял планов Арнима и не хотел ни союза с Францией, ни конфликта с Россией. Полностью игнорируя Арнима, он вел личную переписку с царем, уверяя его, что никогда не обнажит шпаги против России. Король умолял Николая I придвинуть свои войска к границам Прусской Познани для совместного подавления польского движения. Расчеты Арнима строились на песке.

[1] Не следует смешивать барона Арнима с графом Арнимом, который до 29 марта возглавлял прусский кабинет и был ближе к сторонникам «старопрусских» юнкерских взглядов. Барон Арним занимал пост министра иностранных дел с 21 марта по 20 июля 1848 г.

[2] По-видимому, Сиркур имел в виду возможность установления во Франции военной диктатуры.

В польских губерниях России царь сосредоточил армию в 420 тысяч человек, и всякая попытка восстания стала там невозможной. Восстание охватило только Познань, входящую в состав Пруссии, и было потоплено в крови прусскими войсками, а лицемерные изъявления симпатии к полякам со стороны немецких либералов почти мгновенно сменились потоком откровенной ненависти и вражды.

Николай I требовал от прусского короля решительных мер против восстания, но прусское правительство и само поторопилось раздавить его со всей жестокостью, на какую оно было способно. Прусское юнкерство и большая часть германской буржуазии достаточно ясно показали свою враждебность к польскому движению.

Правительства западных держав уклонились от оказания полякам помощи. О заступничестве Англии нечего было и думать. Пальмерстон не желал ввязываться ни в какие конфликты из-за поляков. Французское Учредительное собрание отвергло всякую мысль о поддержке повстанцев. У Николая I кровавое подавление познанского восстания вызвало живейшую радость и содействовало улучшению отношений между царской Россией и Пруссией. Но тревогу царя вызывал еще один очаг польского движения — в Галиции. Николай требовал от австрийского правительства скорейшей расправы с поляками, а в противном случае грозил занять Галицию своими войсками.

Как известно, в 1848 г. польское освободительное движение не оправдало надежд, которые возлагали на него основоположники марксизма и революционные демократы. Одна из причин неудачи этого движения заключалась в пренебрежении со стороны многих его руководителей к интересам крестьянства. Националистические притязания польских помещиков и буржуазии на литовские, белорусские и украинские земли также ослабляли польское движение. Польские повстанцы питали необоснованные надежды на получение поддержки со стороны западноевропейских правительств, всегда рассматривавших народ как разменную монету в своей политике. Польше могли бы помочь революционные силы русского народа, но они были в ту пору еще слабыми.

Отношение европейских правительств к политике Пруссии в шлезвиг-голштинском вопросе и к проблеме объединения Германии в 1848 г.

В 1848—1850 гг. все великие державы — Англия, царская Россия, Франция, Австрия и Пруссия сходились между собою во враждебности ко всем попыткам революционного объединения Германии. Этот путь решения германской проблемы был наиболее нежелателен для европейской и в том числе германской реакции. Но сопротивление европейских правительств вызывала и попытка

положить начало объединению Германии «сверху» под властью Пруссии. В соперничестве Австрии и Пруссии и в сохранении феодальной раздробленности Германии правительства Англии, царской России и Франции усматривали важное условие своего политического преобладания в делах Европы.

Колебания короля Фридриха-Вильгельма IV и его заигрывания с немецким национально-объединительным движением пугали Николая I. Царь настойчиво советовал королю не делать никаких конституционных уступок. Не полагаясь полностью на Фридриха-Вильгельма, царь главное внимание стал уделять сближению с Австрией, как более, по его мнению, надежным оплотом феодализма и абсолютизма в Западной Европе. Царь учитывал, что венский двор твердо поддерживал существование Германского союза, занимая преобладающее положение в Союзном сейме.

Одна из главных причин ухудшения русско-прусских отношений заключалась в боязни царя за прочность самодержавно-помещичьего строя. Но этим не исчерпывались его мотивы для противодействия буржуазным реформам в Пруссии и установлению ею своего господства в Германии. Если бы это случилось, у западных границ России возникла бы сильная и агрессивная держава. Объединение Германии под властью Пруссии грозило России опасностью тяжелых войн, как уже и было однажды в дни Фридриха II. К тому же, между Россией и Пруссией обострились торговые отношения: германская буржуазия была недовольна отменой таможенных льгот для ее товаров в западных губерниях России. Прусская буржуазия была вне себя от неистовства и злобы по поводу таможенной политики царского правительства и его политики в германском вопросе.

После мартовского восстания в Берлине царь предлагал прусскому королю вооруженную помощь, чтобы король мог взять назад обещание дать конституцию, но прусское правительство опасалось принять это предложение, отлично понимая, что иностранная интервенция могла бы лишь вызвать в Германии новый, еще более сильный взрыв революционного движения. Прусский двор маневрировал и надеялся справиться с революцией собственными силами, отделавшись самыми незначительными либеральными уступками.

Положение осложнилось, когда в 1848 г. обострился так называемый шлезвиг-голштинский вопрос. Герцогства Шлезвиг и Голштиния входили в состав Датского королевства на основе личной унии. Одновременно Голштиния являлась членом Германского союза. Ее население, как и население Южного Шлезвига, было немецким. В 1848 г. в этих герцогствах поднялось национальное движение за отделение от Дании. Прусский двор

решил воспользоваться этим, объявить Дании войну, отторгнуть от нее оба герцогства, включая и Северный Шлезвиг, населенный датчанами, и подчинить их своему господству. Этой войной прусское правительство рассчитывало отвлечь народ от революции внутри своей страны и поднять свой престиж в Германии. Успех Пруссии означал бы первый шаг к объединению Германии под прусским владычеством. Переход герцогств в руки Пруссии дал бы ей выход к Северному морю и чрезвычайно укрепил бы ее позиции на берегах Балтики, что затрагивало интересы других балтийских государств. Войну с Данией поддерживал и франкфуртский парламент, разрабатывавший планы объединения Германии и включения в нее ряда соседних (в том числе итальянских и славянских) земель.

6 апреля 1848 г. без объявления войны Дании прусские войска вступили в Шлезвиг и Голштинию, 23 апреля разбили датские войска в Ютландии, но датский двор обратился за помощью к России, Англии и Швеции. Царь потребовал отвода прусских войск из Ютландии и грозил занять линию Вислы, если датский король не получит обратно оба герцогства. Фридрих-Вильгельм IV дал обещание вывести свои войска из Ютландии и послал к царю генерала Пфуля с успокоительными заверениями. Попытки Пруссии после этого возобновить военные действия вызвали еще более энергичный отпор. Царь грозил войною: «Ежели с Данией не кончат, — писал он Паскевичу, — войдем в Пруссию». Пальмерстон со своей стороны еще весной протестовал против прусской оккупации герцогств и угрожал, что направит английский флот на помощь Дании. Швеция собиралась послать корпус своих войск для участия в войне против Пруссии. Министр иностранных дел Французской республики Бастид направил прусскому правительству резкий протест против вторжения прусских войск в Ютландию. Опасаясь нового взрыва революции в Германии в случае войны с великими державами, прусское правительство 26 августа заключило перемирие с Данией, и франкфуртский парламент после некоторых колебаний подтвердил его. Прусское юнкерство, буржуазия и депутаты франкфуртского парламента опасались, что война с великими державами приведет германские монархические правительства к поражению и вызовет новый подъем революционно-демократического движения в Германии.

К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали эту классовую обусловленность внешней политики Пруссии и франкфуртского парламента. Энгельс писал: «Но разве представители буржуазии во Франкфурте не согласятся скорее проглотить любое оскорбление, разве они не предпочтут отдаться в рабство Пруссии, чем решиться на европейскую революционную войну и

подвергнуть себя новым бурям, которые будут угрожать их собственному классовому господству в Германии?» [1]

Позиция основоположников марксизма по вопросу о революционной войне в Германии в 1848—1849 гг.

В дни революции 1848 г. впервые была последовательно сформулирована внешнеполитическая платформа международного рабочего движения. Эта задача была выполнена основоположниками марксизма. Как известно, Маркс и Энгельс и возглавлявшаяся Марксом «Новая рейнская газета» в соответствии с тактикой и стратегией Союза коммунистов и наиболее последовательных революционных демократов выдвигали в 1848 г. в качестве политической программы ликвидацию прусской и австрийской монархий и объединение Германии революционным путем снизу в единую демократическую республику. Они призывали народы Европы как к революционной войне против царизма — главной опоры реакции, так и против других контрреволюционных сил — Англии, Пруссии.

Маркс и Энгельс писали, что такая революционная война, обострив политическое положение в Германии, способствовала бы доведению до конца буржуазно-демократической революции и переходу к осуществлению пролетарских требований; при условии проведения последовательно революционной политики они считали успех такой войны вполне возможным. Они учитывали опыт 1793 г., когда якобинцы успешно отразили нашествие контрреволюционной коалиции и разгромили ее. Основоположники марксизма подчеркивали, что «если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии» [2].

Революционную войну Маркс и Энгельс рассматривали как средство нанести решающий удар силам реакции в Германии. Именно потому, что основоположники марксизма стремились к превращению войны из-за Шлезвига и Голштинии в революционную войну, они заклеймили позором, как предательство интересов революции, отказ франкфуртского парламента от ее продолжения.

При этом Маркс и Энгельс вовсе не сочувствовали желанию националистической немецкой буржуазии и франкфуртского парламента включить в будущую Германию Северный Шлезвиг, населенный датчанами. «Новая рейнская газета» осуждала агрессивные и националистические устремления немецкой буржуазии, отвлекавшие германский народ от борьбы с реакцией

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 5, изд. 2, стр. 414—415.

[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 318.

в своей стране, и предлагала дать полную свободу полякам, чехам, венграм, итальянцам и вообще всем угнетенным Австрией и Пруссией народам, в то время как франкфуртский парламент занимал в этом вопросе реакционную позицию, желая сохранить национальный гнет германской буржуазии над рядом других народов.

Считая успех революционной войны вполне возможным, Маркс и Энгельс никогда не признавали внешнее противодействие царской России, Англии и других держав главной причиной поражения борьбы за революционное объединение Германии в 1848—1849 гг. Главными причинами этого поражения были относительная слабость революционных сил в самой Германии, незрелость германского пролетариата, трусость и предательство германской буржуазии.

Вместе с тем события 1848 г. показали, что не только царизм, но и правительства буржуазных государств — Англии и Франции сообща старались помешать дальнейшему развитию революции в Германии и ее национальному объединению. Факт этот важно отметить: в то время как царизм уже выброшен в мусорный ящик истории, буржуазия западных держав все еще продолжает свою реакционную политику в отношении германского народа.

Англо-французское посредничество между Австрией и Сардинией. Проект европейского дипломатического конгресса по итальянским делам

Вмешательство великих держав касалось не только событий в Германии. Оно оказало большое влияние и на ход борьбы за объединение Италии во время австро-итальянской войны.

Подъем революционного и национально-освободительного движения в Италии вынудил сардинского короля Карла-Альберта объявить Австрии войну. Несмотря на этот шаг, вся политика короля была построена на страхе перед революцией и на поисках компромисса между силами реакции и революции.

Карл-Альберт надеялся, что война против Австрии даст выход народному недовольству, и хотел использовать национально-освободительное движение для расширения своих владений путем присоединения Ломбардии и Венеции. Ряд других итальянских монархов под напором народных масс примкнул к Сардинии. В этих условиях Пальмерстон советовал Австрии пойти на уступки, чтобы избежать перерастания войны в революционный подъем. Перепуганный австрийский двор даже соглашался вначале уступить Сардинии Ломбардию, но, когда австрийские войска в Италии получили подкрепления, положение изменилось. Австрийцы наголову разбили сардинскую армию и грозили вторгнуться в Пьемонт.

Царь оказывал Австрии моральную поддержку; он разорвал дипломатические отношения с Сардинией и давал австрийскому посланнику советы поскорее разгромить итальянцев. Карл-Альберт обратился за посредничеством к Франции и Англии. Позиция французского правительства и лично Кавеньяка, который имел в это время решающее влияние, вытекала, во-первых, из борьбы, которую французская буржуазия вела против своего рабочего класса, а во-вторых, из нежелания «создавать у своих дверей мощное королевство» в виде объединенной Италии. Бастид считал, что совершенно излишне проливать французскую кровь за присоединение к Пьемонту Ломбардии и Венеции.

Несмотря на «сердечное согласие» с Францией, Пальмерстон опасался усиления французского влияния в Италии. В результате, не встречая противодействия со стороны западных держав, австрийцы заняли Милан, а 9 августа при посредничестве Англии и Франции было подписано перемирие на условиях сохранения status quo ante bellum, т. е. оставления Ломбардии и Венеции за Австрией. Венский двор просил и царя об оказании поддержки, но Николай I отклонил предложение об участии в посредничестве, так как ясно видел, что его вмешательство в пользу Австрии и не потребуется.

Французское правительство предложило созвать европейский дипломатический конгресс или конференцию для обсуждения итальянских дел. Правительства Англии и Австрии не возражали против этого проекта, но царь отклонил его. Николай боялся, как бы не возник вопрос о предоставлении Австрии компенсации на Балканах за отказ от части ее итальянских владений. Николай опасался развивавшегося у него на глазах сотрудничества между Англией и Францией. Нессельроде подозревал, что на конгрессе западные державы совместно поднимут восточный вопрос в невыгодном для России смысле. Проект конгресса провалился.

Николай I и контрреволюция в Австрии и Пруссии в 1848 г.

Военные приготовления и дипломатическое вмешательство держав в польский и шлезвиг-голштинский вопросы не затронули непосредственным образом внутреннего положения Пруссии и Австрии. Контрреволюция в этих странах победила в 1848 г. самостоятельно, хотя моральную поддержку она черпала извне — более всего от русского царизма и от буржуазно-аристократической Англии.

Николай I неизменно посылал поздравления и ордена генералам, расправлявшимся с революционными восстаниями. После Кавеньяка такие поздравления получили Виндишгрец и Елачич. Царь был не одинок в этом благоволении к успехам контрреволюции. В конце 1848 г. английский посланник по

предписанию Пальмерстона поздравил прусского короля с разгоном берлинского Учредительного собрания.

Царь желал полного восстановления абсолютизма в Пруссии. В сентябре 1848 г. Фридрих-Вильгельм IV в личном письме спрашивал Николая I, окажет ли он ему помощь, если королю придется покинуть Берлин и послать войска против новых восстаний или же воевать с Францией. На эти вопросы царь ответил, что его армия вступит в Германию лишь в том случае, если в Берлине дело дойдет до провозглашения республики, и что русские войска войдут в Пруссию только для полного восстановления неограниченной монархии. Пока же царь советовал Фридриху-Вильгельму IV двинуть против революции все войска с восточных границ королевства. Уверенность в том, что, в случае крайности, Николай I подаст ему помощь, придала трусливому королю смелости. Как бы то ни было, в ноябре 1848 г. прусское правительство разогнало берлинское Учредительное собрание собственными силами, не прибегая к военной помощи царизма.

Николай I с тревогой следил за революционными событиями в Австрии. В сентябре 1848 г. Нессельроде снова обратил внимание австрийского правительства на скопление польских эмигрантов в Галиции. Но в 1848 г. царь еще не считал нужным предпринимать вооруженное вмешательство в австрийские дела. Австрийская контрреволюция самостоятельно одержала победу над чешским восстанием в Праге, над революцией в Ломбардии и Венеции и над венским восстанием в октябре 1848 г., которое было самым крупным революционным выступлением народных масс в Австрии. Разгром этого восстания способствовал укреплению отношений между царизмом и монархией Габсбургов. Царское правительство желало сохранения этой монархии, как оплота против революций в Германии и Польше, и совершенно не собиралось подчинять своему господству славянские народы Австрийской империи. Наоборот, оно стояло за сохранение над ними власти Габсбургов. Домыслы немецких газет относительно тайных эмиссаров царя, будто бы инспирировавших славянское движение в Австрийской империи, были совершенно необоснованными.

Европейские державы и Пруссия во время революционного подъема в Южной Германии весной 1849 г.

Весной 1849 г. Германия пережила новый революционный подъем. 28 марта Франкфуртский парламент решил предложить прусскому королю стать во главе объединенной Германии. В Бадене, Пфальце и Дрездене вспыхнули революционные восстания. В этих условиях прусская монархия сыграла роль жандарма Германии. Король Фридрих-Вильгельм IV отклонил проект общегерманской конституции, а

прусские войска осуществили контрреволюционную интервенцию и беспощадно подавили восстания в Южной Германии и Саксонии. В мае 1849 г. для поддержания устоев реакции и установления Пруссией гегемонии в Германии прусский король создал под своим главенством союз (унию) немецких государей[1], имея в виду заменить ею прежний Германский союз, находившийся под главенством Австрии. Еще в марте возобновилась война с Данией и прусские войска вновь заняли Ютландию.

Николай I, Пальмерстон и правительство Французской республики благожелательно отнеслись к разгрому Пруссией новых революционных восстаний в Германии, но прусские великодержавные замыслы снова вызвали их беспокойство и протесты. Царь опять пригрозил войной и приказал эскадре своих военных кораблей двинуться к о. Альзен на защиту Дании. Он предупреждал, что уже принял решение об интервенции в Венгрию и 10 мая писал королю, что «полный разрыв с Франкфуртом, мир с Данией — в моих глазах, необходимые условия укрепления правительства вашего величества». Пальмерстон и французское правительство также заняли по отношению к Пруссии угрожающую позицию. Фридрих-Вильгельм IV вынужден был вторично пойти на уступки. Он подписал перемирие с Данией и согласился на вывод своих войск из Шлезвига и Ютландии. Но это не означало, что прусский двор отказался от своих планов. Он лишь выжидал удобного момента, чтобы опять возобновить войну.

Европейская дипломатия и французская интервенция в Риме. Миссия Лессепса

На дальнейший ход дипломатических отношений в Европе большое влияние оказало развитие революций в Венгрии и в Италии. Новый революционный подъем в Италии ознаменовался в 1849 г. двумя важнейшими событиями — возобновлением войны Сардинии с Австрией и образованием Римской республики.

Подлинное отношение Второй Французской республики к революции в других странах и в том числе в Италии раскрывалось постепенно. До июньских дней 1848 г. делались неясные заявления о желании французского правительства содействовать освобождению других народов, хотя на деле оно и пальцем не пошевелило для этой цели. При Кавеньяке официально провозглашалась политика невмешательства, но на деле в это время Франция уже вмешивалась дипломатическим путем в итальянские дела и в шлезвиг-голштинский вопрос. В обоих слу-

[1] В эту «унию» вступили, кроме Пруссии, Ганновер, Саксония, Брауншвейг и еще 25 малых государств Северной и Центральной Германии.

чаях французская дипломатия отстаивала сохранение статус-кво, т. е. той самой «системы 1815 г.», которую на словах французские республиканцы решительно отвергали. После избрания президентом республики Луи Бонапарта, когда в 1849 г. вспыхнула вторая австро-сардинская война, повторилось то же самое — австрийские войска разбили пьемонтскую армию, после чего Франция и английское правительство предупредили австрийский двор, чтобы его армия не занимала Пьемонт. Финансовые затруднения, война с Венгрией и давление Франции вынудили австрийское правительство снова согласиться на перемирие, а затем на заключение мира на условиях сохранения прежних границ. Французское правительство руководствовалось при этом только желанием не допустить расширения австрийского владычества в Италии в ущерб своему влиянию и нимало не заботилось о поддержке итальянской революции.

Весной 1849 г. Французская республика предприняла контрреволюционную интервенцию в Риме. Восстановлением светской власти папы Луи-Наполеон хотел привлечь на свою сторону клерикалов, поднять в Италии французское влияние в противовес австрийскому и приобрести в глазах европейских кабинетов репутацию блюстителя «законного порядка». Но для посылки войск в Рим надо было обойти статью 5 французской конституции 1848 г., запрещавшую применение вооруженной силы для подавления свободы других народов. Поэтому кредиты на экспедицию были потребованы у Учредительного собрания под лицемерным предлогом обеспечения свободы Римской республики на случай австрийской интервенции.

Директория Римской республики возлагала надежды на поддержку Англии и направила в Лондон своего министра иностранных дел Рускони. Пальмерстон принял его, но отделался заверением, что кабинет обсудит положение в Риме. Воспоминания Рускони отражают трагическое крушение тех иллюзий относительно политики британской и французской буржуазии, которые питали римские республиканцы.

Войска генерала Удино отплыли в Италию. Но там они натолкнулись на упорное сопротивление со стороны революционных сил и были отброшены от Рима добровольцами под начальством Гарибальди. Желая выиграть время и дождаться роспуска Учредительного собрания, министр иностранных дел Друэн де Люис послал в Рим с особой миссией виконта Лессепса — дипломата либерального образа мыслей, поручив ему внушать римскому правительству, что Франция не имеет в виду контрреволюционных целей. Лессепс даже не подозревал, что является орудием обмана, и самым серьезным образом вел переговоры. Одновременно генерал Удино три недели вырабаты-

вал с римским правительством проект перемирия, а тем временем подтягивал к Риму артиллерию.

Австрийцы успели за это время занять Болонью и в свою очередь двинуться к Риму, а в Террачине высадились испанские войска. Однако Луи-Наполеон не сбрасывал маску до тех пор, пока Учредительное собрание не было распущено. В новом Законодательном собрании подавляющее большинство составляли сторонники интервенции, что полностью развязывало руки Луи-Наполеону. Немедленно комедия с миссией Лессепса была прервана, а сам он к своему величайшему возмущению был отозван и обвинен в превышении своих полномочий. Попытка мелкобуржуазных демократов и социалистов устроить 13 июня демонстрацию в защиту статьи 5 конституции кончилась провалом. Французская артиллерия беспощадно обстреливала римские предместья, и гарибальдийцы после упорного и кровопролитного боя покинули город.

Для удовлетворения «либерального» общественного мнения французский представитель при папском дворе настаивал на введении в Риме некоторого подобия конституции, но папа Пий IX не обратил на эти советы ни малейшего внимания, прекрасно понимая, что они давались только для виду. В Риме воцарилась свирепая реакция. Вернувшись туда, папа удерживал в своих руках власть только опираясь на штыки французских войск. Они оставались там до 1870 г.

Австрийское правительство было слишком занято войной с Венгрией и не могло опередить французские войска. Пальмерстон был недоволен чрезмерным, по его мнению, усилением французского влияния в Италии, но по-прежнему не собирался мешать интервенции. Что же касается Николая I, то он встретил подавление римской свободы французскими войсками с нескрываемым удовлетворением.

Внешняя политика революционной Венгрии и дипломатия западных держав

В 1848 г. венгерское правительство, представлявшее обуржуазившуюся часть венгерского дворянства, добивалось автономии в рамках Габсбургской империи. Особенно стремилась к соглашению с Габсбургами обуржуазившаяся группа высшей венгерской аристократии. Но упорство австрийского двора и его попытки лишить Венгрию всякого самоуправления и отрезать от нее все невенгерские области содействовали весной 1849 г. победе Кошута и других сторонников провозглашения независимости. Они опирались на средних и мелких обуржуазившихся дворян, но пользовались пламенным сочувствием всего народа. Обеспечение независимости Венгрии имело бы огромное прогрессивное значение — оно означало бы развал реакционной Австрийской империи. Венгерскую революцию поддерживали

польские и итальянские революционеры-эмигранты. Многие из них сражались в рядах венгерской армии.

Венгерские революционеры показали замечательные примеры героической борьбы за независимость и приложили немало усилий для того, чтобы привлечь на свою сторону европейские правительства. Еще в 1848 г. венгерское правительство посылало своих уполномоченных в германские государства, но эти миссии не имели успеха. Франкфуртский парламент благожелательно относился к требованию венгерской автономии, но ничем не помог Венгрии. Позиции венгерской дипломатии в борьбе с контрреволюцией подорвало и то обстоятельство, что в решающий момент Венгрия не оказала своей армией действенной поддержки октябрьскому восстанию в Вене.

Из славянских народов в конечном итоге венгерское правительство могло рассчитывать только на помощь поляков, на земли которых оно не претендовало. Одна из причин слабости венгерской революции заключалась в том, что, ведя борьбу за национальное освобождение своей страны, венгерское обуржуазившееся дворянство и его вожди стремились сохранить национальное угнетение сербов, словен, хорватов, словаков и трансильванских румын, составлявших вместе более половины населения так называемых «земель короны св. Стефана», в пределах которых венгерские революционеры стремились создать Венгерское государство. Такая националистическая позиция способствовала переходу славянских национальных движений на сторону габсбургской контрреволюции. Только незадолго до полного поражения Венгрии национальный герой венгерского народа Лайош Кошут решил пообещать равноправие славянским народам. Но было уже поздно.

Достигнув замечательных успехов в создании национальной армии, венгерское правительство не было последовательно революционным и в аграрном вопросе, что расхолаживало значительную часть крестьян, ослабляло поддержку революции со стороны крестьянства. Не мало было в дворянских кругах прямых капитулянтов. Даже главнокомандующий Гергей был сторонником компромисса с Габсбургами и оказался предателем.

Многие деятели революционной Венгрии питали несбыточные надежды на помощь Англии и Франции. Сейм послал в Париж своего представителя Телеки, а в Лондон прибыл друг Кошута Пульски. Но ни Пальмерстон, ни французское правительство не приняли венгерских представителей. Английские министры и другие видные лица считали нужным сохранить Австрийскую империю как мощный оплот реакции и потенциального противника России на Балканах. Они беспокоились только о том, достаточно ли войск пошлет царь для подавле-

ния венгерской революции. Герцог Веллингтон сказал царскому послу Бруннову: «Постарайтесь действовать большими массами — силами, достаточными для сокрушения смуты одним ударом». Пальмерстон держался того же мнения и такою же была позиция французского правительства. Его министр иностранных дел Друэн де Люис перед Учредительным собранием лицемерно порицал вмешательство Николая I, но одновременно по секрету предупредил русского посланника, что этим словам не надо придавать никакого значения. Новый министр иностранных дел Франции Токвиль уже открыто одобрял царскую интервенцию, за что и удостоился похвалы Николая I.

Царская дипломатия в связи с интервенцией и подавлением революции в Венгрии

Разгром австрийских войск венгерской армией весной 1849 г. поставил Габсбургскую империю на грань распада, что могло послужить толчком для нового революционного подъема во всей Европе. Царь боялся, что крушение Австрийской империи приведет к закреплению прусской гегемонии в Германии и вызовет новое польское восстание. Революция по соседству с царской Россией означала угрозу для самодержавно-крепостнического строя. По поводу решения царя двинуть свою армию в Венгрию Нессельроде писал: «Только отстаивая собственный дом и утушая пожар у соседей действовали мы таким образом».

Перед тем, как двинуть свои войска в Венгрию, царь добился от венского двора согласия на то, чтобы русская армия не была подчинена австрийскому командованию. Австрийское правительство долго не давало на это согласия, но Николай дождался момента, когда Габсбургская монархия оказалась на краю гибели и доверенное лицо австрийского императора генерал-лейтенант граф Кабога в Варшаве на приеме публично бросился на колени перед царским наместником Польши князем Паскевичем и, целуя ему руки, умолял спасти Австрийскую империю. В ходе интервенции царская дипломатия зорко следила за позицией правительств Англии и Франции, но при этом она могла лишь убедиться в их полной политической поддержке.

Численный перевес русских и австрийских войск был подавляющим, а в верхах венгерского командования зрела измена. После первых же сражений венгерская армия была дезориентирована. Гергей вступил в тайные переговоры с Паскевичем и приказал армии капитулировать, сдав знамена [1] и оружие русским войскам, взамен за обещание, что русское коман-

[1] В 1941 г. Советское правительство возвратило эти знамена правительству Венгрии.

дование не будет казнить венгерских генералов и офицеров. Царь и Паскевич действительно не велели казнить их, но предоставили полную свободу австрийской контрреволюции учинить кровавую расправу над венгерскими патриотами.

Интервенция царизма, как указывал Энгельс, закрепила «поражение европейской революции» [1]. Роль царизма как жандарма Европы достигла своего апогея.

Передовые силы России осуждали царскую интервенцию. Великий русский революционный демократ А. И. Герцен клеймил ее позором и считал действия царизма преступными. Юный Чернышевский пламенно желал победы венгров. Но в это время русский народ сам еще стонал под игом царизма, его революционные силы были еще слабыми, а западная буржуазия поддерживала удушение венгерской революции.

Восточный вопрос в 1848—1849 гг. и Балта-Лиманская конвенция

Революционные события 1848—1849 гг. оказали большое влияние на международное положение на Ближнем Востоке. В 1848 г., когда в Молдавии вспыхнуло восстание, это княжество по согласованию с султаном было занято царскими войсками, а вскоре затем турецкие войска зверски подавили революционное движение в Валахии. В августе в Валахию вступили и царские войска, соединившиеся в Бухаресте с турецкими. Чтобы успокоить турецкое правительство, посол в Константинополе Титов воспользовался передачей письма Николая I с поздравлением по случаю рождения у султана сына, чтобы заверить султана в «бескорыстии» намерений царского правительства. В сентябре 1848 г. царь предложил султану заключить союз. Австрийское министерство не решилось протестовать против вступления царских войск в княжества, послужившие затем плацдармом для наступления нескольких отрядов русских войск против венгерской армии.

Вступление царских войск в дунайские княжества вызывало недовольство западных держав. Пальмерстон пытался разыгрывать роль сторонника либеральных реформ в княжествах и настаивал на уходе русских войск, но действительная цель его заключалась в том, чтобы подорвать господствующее влияние России в княжествах и заменить его английским. Русский посол Бруннов в ответ сослался на необходимость восстановления в княжествах «законного порядка» и язвительно указал на пример самого английского правительства, которое послало «50-тысячное войско для подавления народного движения в Ирландии и в апреле 1848 г. увеличило число констэблей

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, изд. 1, стр. 27.

в Лондоне до 100 тысяч вместо того, чтобы дать требуемые чартистами реформы» [1]. Французское правительство также было недовольно пребыванием русских войск в княжествах.

Но Николай I упорно стремился решать все вопросы, касающиеся княжеств, лишь с одним султанским правительством. В апреле 1849 г. в Балта-Лимане была подписана русско-турецкая конвенция, упразднявшая выборность правителей княжеств помещиками (боярами) и предоставившая султану право назначать их собственной властью по согласованию с царем. Укрепление преобладающего влияния России в дунайских княжествах содействовало обострению противоречий между Россией и западными державами на Ближнем Востоке.

Конфликт по поводу венгерских и польских эмигрантов в Турции в 1849 г.

Поводом для дальнейших осложнений послужило надменное и неправомерное требование австрийского и русского дворов и Николая I о выдаче венгерских и польских эмигрантов, укрывшихся в Турции после капитуляции венгерской армии. Хотя требование о выдаче политических эмигрантов не отвечало общей международной практике, царь и австрийский двор упорно настаивали на своем.

Султан получил от английского и французского правительства совет не уступать этому требованию. Пальмерстон и французское министерство менее всего заботились об участи польских и венгерских эмигрантов и о международном праве, но они заявляли, что выдача султаном политических эмигрантов по требованию Николая I будет означать подчинение Турции влиянию царского правительства и под этим предлогом решили произвести военно-морскую демонстрацию с целью подорвать престиж царской России в Константинополе. Французская эскадра крейсировала вблизи архипелага, а британский флот вошел в Дарданелльский пролив, что было грубым нарушением Лондонской конвенции 1841 г. о закрытии черноморских проливов для военных кораблей в мирное время.

Только после того русский посол Бруннов пригрозил, что русская эскадра адмирала Лазарева займет Босфор, если английский флот не оставит проливы. Пальмерстон приказал английскому адмиралу Паркеру покинуть проливы и обещал царскому правительству, «что этого более не случится». Но царю и австрийскому правительству пришлось отказаться от требования о выдаче венгерских и польских эмигрантов и удовлетвориться высылкой части их из Турции. Конфликт временно был ликвидирован. В то время восточный вопрос стоял еще на втором плане в европейской политике. Главное внимание

[1] *Ф. Мартенс,* цит. соч., т. XII, СПБ, 1898, стр. 252.

великих держав в 1850 г. было привлечено к австро-прусской борьбе за гегемонию в Германии.

Дипломатическое вмешательство держав в австро-прусский конфликт и восстановление Германского союза

После подавления венгерской революции австрийское правительство во главе с князем Шварценбергом потребовало от Пруссии согласия на ликвидацию прусской унии и восстановление Германского союза. Обе стороны вооружались и готовились к войне. Прусское правительство держалось вызывающе и даже в третий раз возобновило войну с Данией с целью отторжения от нее герцогств.

Но вскоре положение Пруссии осложнилось. Германские государи, участвовавшие в создании прусской унии, стали сами опасаться того, что Пруссия в конце концов полностью подчинит их своей власти и лишит всякой самостоятельности. После подавления революции союз с Пруссией стал им уже не нужен. Поэтому прусская уния начала распадаться. Правительства входивших в нее государств одно за другим заявляли о нежелании сохранять ее. Вюртемберг, Бавария и Саксония даже заключили военный союз с Австрией.

Николай I опять послал свой флот для оказания помощи Дании и в октябре 1850 г. пригласил прусского короля и австрийского императора на свидание в Варшаву. Царь твердо решил не допустить войны между Австрией и Пруссией, опасаясь, что такая война снова развяжет революцию. Он еще в декабре 1848 г. писал Паскевичу, что если возникнет угроза подобной войны, то «наша роль тогда будет сказать им: «Эй, ребята, не дурачься, а не то, я вас!»»[1]

В Варшаве Николай I собирался припугнуть прусского короля вооруженным вмешательством России. Но король уклонился от этого визита и послал вместо себя своего министра престарелого графа Бранденбурга с поручением умилостивить царя и Австрию. Бранденбург получил предписание не требовать признания прусской гегемонии в Германии, а претендовать только на равное с Австрией положение Пруссии в сейме Германского союза. Но царь пренебрежительно отнесся к прусским претензиям, а Шварценберг во что бы то ни стало хотел унизить Пруссию.

В полном отчаянии Бранденбург ни с чем вернулся в Берлин. Король больше всего боялся войны. Опасаясь нового взрыва революции в случае военного поражения Пруссии, и король и большинство министров заранее решили уступить, но

---

[1] Кн. *Щербатов,* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, СПБ, 1899, стр. 350.

им хотелось свалить ответственность на Бранденбурга и на вмешательство царя. Король принял Бранденбурга с крайним раздражением и постарался превратить его в козла отпущения. Внезапно заболев, ослабленный нервным потрясением, Бранденбург через несколько дней скончался.

Между австрийскими и прусскими воинскими частями, стоявшими в Гессене, уже начались стычки, но до войны дело не дошло. Для урегулирования австро-прусского конфликта новый прусский министр-президент Мантейфель, Шварценберг и русский посол в Вене Мейендорф собрались на дипломатическую конференцию в Оломоуце. 29 ноября 1850 г. были подписаны так называемые «Оломоуцкие пункты», по которым Пруссия соглашалась на восстановление Германского союза и на прекращение войны с Данией.

Капитуляция Пруссии вызвала еще большее озлобление прусского юнкерства и германской либеральной буржуазии, объявившей царизм единственным оплотом реакции в Германии и виновником «оломоуцкого унижения». Цель лживых попыток убедить немецкое общественное мнение, будто Россия является единственным оплотом реакции в Германии и во всей Европе заключалась в том, чтобы отвлечь внимание германского народа от борьбы с господством прусского юнкерства и монархии Гогенцоллернов в самой Германии и замаскировать трусость немецких буржуазных либералов.

Оломоуцкая сделка прежде всего вытекала из реакционной классовой сущности всей политики прусской монархии, превыше всего ставившей сохранение в стране власти юнкеров и династии Гогенцоллернов и не желавшей подвергать эту власть риску военных столкновений, которые, как казалось, могли вызвать новый подъем революционно-демократического движения. Громадное влияние на исход оломоуцких переговоров кроме давления со стороны царя оказала как непримиримая позиция Австрии, так и воздействие Англии и Франции. Пальмерстон советовал Пруссии отказаться от притязаний на Шлезвиг и Голштинию и требовал гарантии целостности Дании. В австро-прусском споре он также был целиком на стороне Австрии. Французское правительство выступало за сохранение независимости малых немецких государств от Пруссии и за прекращение войны с Данией. В случае австро-прусской войны французская армия могла появиться на левом берегу Рейна. Распространенное мнение, что «оломоуцкое унижение» Пруссии было делом рук одного только царизма, является, таким образом, необоснованным.

Чтобы закрепить отказ Пруссии от войны с Данией из-за Шлезвига и Голштинии, великие державы дважды — в 1850 и 1852 гг. — заключали с участием Пруссии и Швеции договоры

о сохранении целостности датской монархии. Германский союз был восстановлен в 1851 г. в том виде, в каком он был создан на Венском конгрессе. Однако Пруссии удалось под своим руководством расширить Таможенный союз германских государств. Это имело огромное значение, так как Таможенный союз экономически объединял бо́льшую часть Германии вокруг Пруссии.

Итоги развития международных отношений и дипломатии в 1848—1850 гг.

Контрреволюция сорвала в 1849—1850 гг. дело объединения Германии и Италии. Польша осталась под властью участников ее разделов. Сохранилась и реакционная многонациональная «лоскутная» Австрийская империя. Но все это не значит, что события 1848 г. прошли бесследно и не повлияли на дальнейший ход развития международных отношений и дипломатии. Прежние границы между государствами сохранились, но их отношения изменились.

После 1849—1850 гг. царизм казался вершителем судеб Европы. Царское правительство намеревалось воспользоваться ростом своего влияния в Европе для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, но в действительности силы царизма были уже подорваны отсталостью самодержавно-крепостнической системы и назревавшим кризисом ее. После подавления венгерской революции царь уже стал не нужен правящим классам Австрии, и венский двор смог повести резко враждебную России политику в восточном вопросе. Русско-прусские отношения после Оломоуца также ухудшились. Основы монархической солидарности венского, петербургского и берлинского дворов были расшатаны.

Что касается положения Англии, то она еще более укрепила свою торгово-промышленную и колониальную монополию. Подавление революции 1848 г. и сохранение в Европе «венской системы 1815 г.» британская буржуазия использовала для того, чтобы усилить свою колониальную экспансию в Азии. Совместно с Францией она стремилась подорвать влияние царской России в Турции и добиться господства на Ближнем Востоке.

Большое влияние на развитие европейской дипломатии имело установление бонапартистской диктатуры во Франции. События 2 декабря 1851 г. вначале вызвали у царя удовлетворение — Николай I был рад подавлению республиканских вольностей во Франции. Но он опасался, что за этим последует возвращение к империи и к возрождению притязаний наполеоновской Франции на преобладание в Европе. «Оставайтесь при сильной и консервативной республике и берегитесь импе-

рии», — советовал царь французскому представителю в Петербурге Кастельбажаку [1]. Провозглашение Луи Бонапарта императором Наполеоном III через год после переворота 1851 г. Николай считал дерзким вызовом договорам 1815 г. Царь не без оснований опасался, что французский император будет вести завоевательную политику в Европе и на Востоке и постарается низвергнуть «венскую систему 1815 г.». В принятии Бонапартом императорского титула он усматривал оскорбление для «легитимных» монархов и для себя лично и долго откладывал признание нового режима во Франции. Русско-французские отношения снова обострились.

[1] *E. Bapst.* Les origines de la guerre de Crimée, Paris 1912, p 244.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ИНДИИ, НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В КИТАЕ В КОНЦЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В дипломатических отношениях на Среднем Востоке, в Китае и Индии в конце XVIII и первой половине XIX в. сталкивались две основные силы, частично определившиеся еще в предшествующий период.

Одной из этих сил была дипломатия государств Востока, служившая интересам местных господствующих классов, отдельных феодальных клик и династий больших и малых восточных монархий в их борьбе за овладение территориями, стратегическими пунктами, торговыми путями и за политическое преобладание над соседними государствами и племенами.

Дипломатия восточных государств дала многие образцы искусного и настойчивого ведения переговоров и не раз служила орудием защиты независимости этих государств от внешних агрессоров. В задачи дипломатии монархий Востока входили в известных рамках сопротивление притязаниям европейских и американских колонизаторов. Но нередко дипломатия восточных монархий избирала и другой путь — сделок с колонизаторами и шла на заключение с ними соглашений за счет своего народа.

Экономическая и техническая отсталость обусловливали военную слабость государств Востока. Их взаимная разобщенность, а в некоторых случаях и политика самоизоляции от внешнего мира, наличие, как правило, вассальной зависимости малых государств по отношению к более крупным — накладывали свой отпечаток на приемы и методы их дипломатии, международно-правовые нормы и обычаи сношений между ними.

Характерной чертой дипломатии государств Востока в рассматриваемый период было относительно малое развитие регламентированных дипломатических отношений между независимыми суверенными государствами. Формы этих отношений возникли на Западе в более устойчивом виде и раньше, чем на Востоке, потому что в Европе в XV—XVIII вв. впервые сложилась система вполне самостоятельных, суверенных держав, связанных между собой постоянными экономическими и политическими отношениями.

В отличие от западных стран на Востоке иногда применялось взаимное предоставление государствами своим подданным права судиться по законам своей страны за преступления, совершенные на территории другого государства. Восточные мусульманские государства в средние века охотно предоставляли экстерриториальность подданным западных держав, как это было в Турции в XVI в., но только позднее, в XIX—XX столетиях, эти «капитуляции» стали выражать неравноправное положение Турции и ее полуколониальную зависимость от западных государств. Чаще всего экстерриториальность иностранцев, как это было в Китае, с самого начала являлась привилегией, исторгнутой силой.

Если в Европе в XVIII в. существовала уже вполне сложившаяся система постоянного дипломатического представительства, то на Востоке, за исключением Турции, часто до 60—70-х годов XIX в. практиковалась посылка специальных посольств от случая к случаю, по мере надобности. Принципы неприкосновенности личности посла и взгляд на посла не как на простого чиновника, а как на представителя личности направившего его монарха, в дипломатической практике на Востоке были менее четко выражены, чем на Западе. Не было на Востоке и единообразной системы рангов дипломатических представителей, установленной в Европе после Венского конгресса, и общепринятого этикета для приема послов суверенных государств.

Второй силой, все шире распространявшей свою наступательную деятельность на Средний Восток, Индию и Китай, была дипломатия могущественных европейских держав, а затем и США — более развитых экономически и более централизованных в политическом отношении. Эти государства вступили уже в той или иной мере на путь капитализма. Они обладали передовой военной техникой и организацией и со второй половины XVIII в. резко усилили свою политику колониальной агрессии. Главным средством их колониальной экспансии было открытое насилие — завоевание, но дипломатия, и особенно заключение неравноправных договоров, неизменно служила ее дополнительным орудием. Цели колониальной политики капиталистических государств вытекали из захватнических стремлений их господствующих классов и их взаимных противоречий. Особенно большое влияние на дипломатическую борьбу в Индии и на Среднем Востоке оказали англо-французские и англо-русские противоречия.

В XVIII и в начале XIX века англо-французский антагонизм стоял в центре дипломатической борьбы и на Среднем и Ближнем Востоке, но после наполеоновских войн в этих районах на первое место выдвинулись англо-русские противоречия.

В роли дипломатов капиталистических держав на Востоке нередко выступали военные, чиновники, купцы. Католические миссионеры, со второй половины XVII в. усилившие свою деятельность в Азии, имели к началу XIX столетия свои миссии в Китае, Вьетнаме и в других странах Южной и Восточной Азии. Туда же проникали английские и американские протестантские миссионеры. Многие из них играли роль разведчиков, торговых и дипломатических агентов.

1. Роль дипломатии в британском завоевании и колониальном угнетении Индии

Дипломатия Ост-Индской компании при Клайве

Колониальное завоевание Индии Англия совершила руками Ост-Индской компании, стоявшей под покровительством британского правительства.

Деятельность британской Ост-Индской компании содействовала первоначальному накоплению капитала и подготовке промышленной революции в Англии, начавшейся в 60-х годах XVIII в. Опираясь на свое торгово-промышленное и военно-морское первенство, Англия уже в ходе Семилетней войны (1756—1763) нанесла решающее поражение Франции в Индии и Канаде и заложила фундамент своей огромной империи.

Оплотом колониальной монополии Англии стало ее господство в Индии, население которой по численности в десятки раз превосходило население колоний других государств. Завоевание Индии потребовало долгих и кровавых войн и сложных дипломатических переговоров.

Артиллерия, усовершенствованное стрелковое оружие и более эффективные боевые порядки давали небольшим отрядам европейских войск перевес над массами индийской пехоты и кавалерии, а многопушечные военные корабли европейцев легко разрушали индийские прибрежные укрепления. Но подчинить Индию и удерживать ее в своей власти одной только военной силой английские колонизаторы были не в состоянии. Против многомиллионных масс они нуждались в союзе с индийскими феодалами и стремились использовать их раздоры. Достижению этой цели и служила дипломатия колонизаторов.

После распада империи Великого Могола могольские императоры в Дели сохранили только номинальный сюзеренитет над большинством индийских князей. Индия стала страной бесчисленных больших и малых феодальных княжеств, враждовавших между собою. Именно в этих условиях в Индии выработалась классическая система британской колониальной политики и дипломатии, построенная на принципе древних рим-

лян — divide et impera: вмешательство в распри индийских князей и борьбу феодальной знати за престолы, игра на классовой, национальной и религиозной розни, заключение лицемерных союзов, обманные посулы, вероломство, угрозы и вымогательства, провокации и подкуп, оформление результатов открытого грабежа и насилия бесчисленными договорами с князьями, дабы придать видимость «законности» совершенным преступлениям, — все это было возведено британскими колонизаторами в принцип и доведено до степени высшего искусства. Творцами и носителями этой дипломатии были губернаторы и генерал-губернаторы Ост-Индской компании, ее офицеры, выступавшие в роли резидентов и других официальных или частных агентов. Их дипломатия, вполне отвечавшая методам эпохи первоначального накопления, дополняла военное насилие подрывной деятельностью в стане противника.

Губернатор Ост-Индской компании Клайв показал образец использования такой тактики в войне против бенгальского наваба. Бенгальский властитель Сирадж-уд-доула находился в союзе с Францией. В 1756 г. его войска напали на английский форт в Калькутте и посадили в крохотную темницу 146 англичан, из которых большинство задохнулось к утру от нестерпимой жары и недостатка воздуха. Известия об этой калькуттской «черной яме» были широко использованы для возбуждения общественного мнения Англии и подготовки решительных мер для завоеваний в Индии. Клайв действовал как беззастенчивый кондотьер британской буржуазии; он изгнал бенгальские войска из Калькутты, но его отряд, состоявший из 900 английских и 2000 индийских солдат (сипаев) с 10 орудиями оказался бессилен против 60-тысячной армии наваба, располагавшей 50 орудиями. Тогда Клайв использовал секретные переговоры. Он узнал, что бездарного и трусливого наваба хочет свергнуть с престола его энергичный военачальник Мир Джафар и вступил с ним в тайные переговоры через богатого бенгальского купца Амичанда, посулив последнему за услуги 200 тысяч рупий.

Мир Джафар хотел получить поддержку англичан и обещал уплатить Клайву огромную сумму денег в случае удачи. 23 июня 1757 г. у Пласси почти вся армия наваба под начальством Мир Джафара уклонилась от сражения с отрядом Клайва, а Сирадж-уд-доула бежал с поля боя и был убит своими же солдатами. Престол перешел к Мир Джафару. Достигнув цели, Клайв коварно обманул Амичанда, не уплатив ему обещанных денег. Вскоре Клайв уехал в Англию. От Мир Джафара Ост-Индская компания получила огромные денежные подарки и земельные владения. После этого она

отстранила его от власти, передав престол его зятю. Последний поднял восстание, но был разбит и бежал в Дели.

Во второй раз вернувшись в Индию, Клайв путем угроз и переговоров убедил делийского императора уступить компании свой номинальный сюзеренитет над Бенгалом за предоставление императору крупного ежегодного дохода. Сын и наследник Мир Джафара вынужден был за большую денежную пенсию отказаться от всех своих прав на Бенгал. В результате Ост-Индская компания к концу 60-х годов завладела огромной территорией Бенгалии с 30 миллионами жителей.

Дипломатия Ост-Индской компании при Гастингсе

Еще более широко прибегал к дипломатическим методам закабаления индийских княжеств генерал-губернатор Ост-Индской компании Уоррен Гастингс (1773—1785). На своем посту Гастингс показал себя властолюбивым, хитрым и вероломным колонизатором. Он направо и налево раздавал враждующим князьям обещания помощи и пенсии, подписывал договоры и не выполнял их, натравливал мусульман на индусов, предоставлял войска компании князьям для подавления народных восстаний. Путем подачек и угроз Гастингс принудил княжество Ауд признать себя вассалом компании и уступить ей Бенаресскую провинцию (1775 г.). Когда ему нужно было, он вел себя угодливо и льстиво, он мог с непокрытой головой держать стремя ничтожного могольского «императора» Шах Алама, пользовавшегося авторитетом среди мусульман, но не имевшего никакой реальной власти. Там же, где Гастингс чувствовал свою силу, он неизменно оказывался надменным, жестоким и ненасытным вымогателем. Он без стеснения нарушил прежние договоры Ауда с Бенаресом и вопреки им обложил Бенарес новой разорительной данью.

Непроизводительное накопление сокровищ было характерной чертой финансовой политики феодальных монархий Индии и других стран Востока с натуральным хозяйством основной массы народа и придворной роскошью. Английские завоеватели знали, что индийские князья имели обыкновение собирать как можно больше золота, серебра и драгоценных камней и пользовались любым случаем для вымогательств и конфискации этих богатств. Жен умершего правителя Ауда Гастингс приказал заточить во дворце и под угрозой голодной смерти принудил их выдать ему несметные сокровища из драгоценных камней, золота и серебра.

Гастингс широко ввел в практику компании заключение так называемых «субсидиарных договоров» с индийскими князьями и посылку к ним комиссаров или дипломатических агентов из лиц не особенно высоких чинов — поручиков, капи-

танов или полковников, для того чтобы они играли роль верховных советников князя и осведомителей компании. Многие агенты компании долгие годы находились у нее на службе. Чтобы лучше освоиться с положением в Индии, они изучали персидский язык, служивший дипломатическим языком в индийских княжествах: на нем составлялись дипломатические акты и другие документы.

Субсидиарные договоры обычно предусматривали ограничение самостоятельности князей и особенно отречение их от права вести войны и заключать договоры без согласия компании, роспуск военных отрядов, состоявших под начальством французских офицеров, и удаление последних со службы, посылку в княжества английских войск или отрядов сипаев, на содержание которых правитель княжества должен был давать необходимые субсидии, взимаемые и расходуемые под наблюдением английских офицеров. Князья обязывались в случае нужды выставлять к услугам компании войско и платить дань, размеры которой часто умышленно назначались непосильно большими, чтобы затем использовать рост недоимок в качестве предлога для вымогательства новых территориальных уступок и выдачи громадных количеств драгоценных металлов и камней или полной аннексии княжеств. Английские резиденты часто поощряли расточительность и продажность князей и знати, чтобы поставить их в полную зависимость от компании. В то же время компания широко использовала князей и духовенство для удержания в подчинении народных масс.

Хищническая деятельность компании при Гастингсе вызвала недовольство тех кругов английской буржуазии, которые не участвовали в получении доходов из Индии. Но тянувшийся с 1788 по 1795 г. судебный процесс по обвинению Гастингса в хищениях, взяточничестве, вымогательствах и необоснованных насилиях в конце концов окончился его оправданием. По закону 1784 г. был усилен правительственный контроль над Ост-Индской компанией, еще более укрепившийся впоследствии. Дипломатические методы закабаления индийского народа и индийских государств, сложившиеся при Клайве и Гастингсе, получили в дальнейшей деятельности английских колониальных властей еще большее развитие.

Дипломатия государства Майсор во время войн его с Англией (1767—1789 гг.)

Ост-Индская компания заключала с индийскими князьями выгодные сделки, используя алчность, продажность и антинародную политику индийских феодалов. Случалось, однако, что компания наталкивалась и на стойкое сопротивление отдельных крупных княжеств, дипломатия которых в этих случаях получала широкий размах и стремилась содействовать

борьбе за независимость против иноземных завоевателей. Наиболее яркий пример этого рода представляет внешняя политика и дипломатия государства Майсор во время войн его с Англией в последней трети XVIII столетия.

Майсор был относительно единым и централизованным крупным королевством, стремившимся к укреплению своей мощи и независимости, к новым завоеваниям и установлению своего господства на юге Индии. Развитое сельское хозяйство и железоделательное производство позволяли Майсору содержать сравнительно сильное войско. Видя главную угрозу своей самостоятельности со стороны Англии, правители Майсора искали поддержки Франции, использовали на своей службе французских офицеров и оружие и старались приобрести союзников среди индийских князей. Ост-Индская компания со своей стороны заключала союзы с правителем Хайдерабада, еще в 1768 г. подписавшим с Компанией субсидиарный договор, и с маратхскими княжествами, опасавшимися притязаний Майсора на их владения и желавшими овладеть частью его территории. Военные столкновения компании с Майсором в 1767—1784 гг. не дали решающих результатов и закончились компромиссным мирным договором. Обе стороны обязывались соблюдать его «пока существуют солнце и луна». Однако английские колонизаторы, дав такое обязательство, намеревались при первом удобном случае покончить с могуществом Майсора.

Новый правитель Майсора Типу-султан (1782—1799) обнаружил незаурядную энергию, смелость, военные и административные дарования. Занявшись упорядочением сбора налогов и усилением войска с помощью французов, он развернул лихорадочную дипломатическую подготовку к новой войне с Англией, посылая своих эмиссаров в другие страны в поисках союзников. Главные надежды он возлагал на Францию и Турцию. Его посланцы, отправленные туда в 1785 г., прибыли в Стамбул, а в июле 1788 г. майсорская миссия была торжественно принята в Версале. Однако турецкое правительство готовилось тогда к войне с Россией и не откликнулось на просьбу Типу-султана о поддержке. Французский двор, находившийся в тисках финансового и политического кризиса, ограничился словесными заверениями в дружбе и отправкой в Майсор нескольких врачей и ремесленников. Попытки Типу-султана сблизиться с правителем Хайдерабада и маратхскими княжествами тоже не удались: генерал-губернатор компании Корнуоллис добился заключения союза с ними, обещав им совместный раздел майсорских владений и богатую добычу. В новой войне — 1790—1792 гг. Майсор потерпел поражение,

уплатил 33 миллиона рупий контрибуции и уступил победителям часть своей территории.

В 1793 г. французские опорные пункты в Индии были захвачены английскими войсками, но победы Франции в Европе в 1794—1795 гг. тем не менее давали Майсору надежду на ее помощь против Англии. Типу-султан стал готовиться к новой войне и снова принялся искать союзников. В 1796 г. его агенты Мир Хабибулла и Мир Мохаммед-Риза были посланы в Афганистан для переговоров с правителем Кабула Заман-шахом, но попытка последнего двинуть свои войска на юг была отбита сикхами. Когда вождь племени рохиллов Гулям Мохаммед проезжал из Мекки через столицу Майсора, Типу-султан и с ним вел переговоры о помощи. Тем временем произошла перемена в ориентации Хайдерабада и маратхских княжеств: они стали ориентироваться на Францию и в связи с этим сблизились с Типу-султаном.

Агенты Типу-султана направились на о. Иль-де-Франс просить поддержки у французского губернатора. Губернатор прислал небольшое число солдат и офицеров, но отказался подписать какие-либо обязательства. К правительству директории Типу-султан отправил с просьбой о помощи французского офицера Дюбюка. Французский отряд в Майсоре составлял всего 550 человек, но Ост-Индская компания боялась присылки новых французских подкреплений и сближения Франции с Персией, Афганистаном и Майсором. Наполеон Бонапарт во время своей экспедиции в Египет послал из Каира письмо Типу-султану о своем намерении освободить его от «тягостного ига» англичан[1]. Письмо это было перехвачено англичанами, а после уничтожения французского флота у Абукира британское правительство могло совсем не опасаться посылки крупных отрядов французских войск в Майсор. Однако Ост-Индская компания умышленно преувеличивала возможность французского вмешательства в Индии, желая немедленного открытия военных действий против Майсора. Предлогом для их начала послужила прокламация губернатора о. Иль-де-Франс о посылке французской помощи Типу-султану против Англии. Новый генерал-губернатор компании Уэлсли изгнал французов из Хайдерабада и вторгся со своими войсками в Майсор, предъявив Типу-султану требование уступить половину территории, уплатить контрибуцию, изгнать французов, принять британского резидента и дать заложников. После отказа столица Майсора город Серингапатам был взят приступом и разграблен, Типу-султан — убит, а на его престол возведен малолетний марионеточный правитель, согласный на

[1] «Correspondence de Napoleon», t. V, Paris, 1860, № 3901.

все требования завоевателей. Неудача дипломатии Типу-султана и поражение Майсора вытекали из экономического, технического и военно-морского превосходства Англии, поражения египетской экспедиции Бонапарта, распрей и алчности индийских феодальных князей.

Субсидиарные договоры с Аудом и маратхскими княжествами

В 1798 г. уполномоченный Ост-Индской компании Д. Шор заключил с королем Ауда субсидиарный договор на условиях уплаты компании 7,6 миллиона рупий и уменьшения налогов в королевстве. Последнее условие было явно несовместимо с первым, и нарушение его должно было дать предлог для новых вымогательств. Уже в 1801 г. Уэлсли потребовал от Ауда территориальных уступок в виде «компенсации» за нарушение договора 1798 г. и дал аудскому королевству гарантию на вечное владение оставшейся у него территорией. Но гарантия была обусловлена обязательством короля обеспечить такое управление, которое привело бы к обеспечению жизни, собственности и «благоденствия» его подданных. Эти лицемерные общие формулы могли в любое время дать повод обвинить Ауд в новом нарушении договоров и произвести аннексию его владений, но, пока вся территория Индии не была завоевана, британские колониальные власти воздерживались от этого шага.

В 1803—1805 гг. Ост-Индская компания приступила к завоеванию конфедерации маратхских княжеств, стараясь воспользоваться вспыхнувшими среди них междоусобицами. Глава маратхской конфедерации (пешва) Баджи Рао вел борьбу с непокорным князем Индора и, боясь поражения, бежал к англичанам. В местечке Бассейн в 1802 г. он подписал субсидиарный договор, по которому маратхские княжества объявлялись вассалами Ост-Индской компании. Пешва обязывался принять резидента компании и содержать ее войска на своей территории. Многие маратхские князья отказались признать этот договор. Тогда Уэлсли разбил их войска и урезал их владения.

В 1803 г. Уэлсли двинул свои силы на владения Великого Могола и захватил Дели. Занятие этого пункта привело к превращению потомков могольских императоров в пенсионеров и заложников в руках Ост-Индской компании.

Наполеоновские войны временно отвлекли силы Англии от дальнейших завоеваний в Индии, но результаты их и без того были огромными, а поражение и крах наполеоновской империи избавили Англию от всякой возможности французского вмешательства в дела Индии. Французские опорные пункты у берегов Индии были возвращены Франции в 1814—1815 гг. без права возводить в них укрепления.

Методы британской дипломатии при дальнейших завоеваниях Ост-Индской компании в Индии и Бирме в 1815—1848 гг.

После разгрома наполеоновской империи Англия упрочила свою торгово-промышленную монополию и господство на море, что облегчило ей переход к новым завоеваниям в Индии и сопредельных странах. Методы британской дипломатии в Индии мало изменились, но там, где компания чувствовала свою силу или не могла опереться на местных феодалов, она все чаще применяла аннексии, не прибегая к субсидиарным договорам.

После войны с Непалом в 1816 г. Ост-Индская компания ограничилась тем, что навязала этому королевству договор о протекторате и добилась уступки части территорий Непала вождям племени рохиллов, воевавших в союзе с англичанами. В столицу Непала г. Катманду прибыл британский резидент. Натравливая индийских князей друг на друга, Компания в 1817—1818 гг. окончательно разбила войска тех маратхских княжеств, которые еще проявляли непокорность. Затем компания использовала пограничные стычки на бирманской границе и в 1824 г. начала войну с Бирмой, окончившуюся аннексией Ассама и полосы земли вдоль восточной части Бенгальского залива. Договор в Яндабо, подписанный 24 февраля 1826 г., отторгал от Бирмы эти территории, а осенью того же года был заключен неравноправный торговый договор с Бирмой. В бирманской столице появился британский резидент. Потеряв часть территории и заключив неравноправный торговый договор, Бирма все же сохранила тогда свою самостоятельность в результате героического сопротивления бирманских войск и самоотверженной борьбы партизан против английских захватчиков[1].

Стремление распространить свое владычество на северо-запад Индии и проложить себе надежный путь к подчинению Афганистана привело английских колонизаторов к захвату Синда. Эмиры Синда готовы были подчиниться Ост-Индской компании, но часть их войск оказала сопротивление колонизаторам. После кровопролитного сражения Компания аннексировала Синд (1843 г.).

Однако в Пенджабе продолжало существовать самостоятельное и сильное государство сикхов. С 1799 до 1839 г. им правил «Лев Пенджаба» — смелый, энергичный и дальновидный махараджа Ранджит Синг, постепенно объединивший сикхские земли под своей властью. Он избегал войн с Ост-Индской компанией и заключал дипломатические соглашения с нею против Афганистана, желая упрочить и расширить свои владения

[1] В том же 1826 г. британская миссия во главе с Г. Бернп заключила первый договор Англии с Таи (Сиамом).

на северо-западе страны, где они соприкасались с афганскими. Компания разжигала раздоры между сикхами и афганцами с целью их взаимного ослабления, но до 40-х гг. не решалась напасть на государство сикхов, располагавшее 60-тысячной армией. Чтобы сломить его, она прибегла к обычной подрывной тактике — подготовке заговора реакционной знати против народа и лучшей части армии, стоявших за независимость страны. Два предателя — визирь Лал Синг и военачальник Теджи Синг вступили в тайные переговоры с агентами компании. В ходе войны, продолжавшейся с 1845 по 1846 г., изменники открывали английским офицерам военные планы сикхов и задерживали прибытие подкреплений.

После поражения сикхских войск Пенджаб вначале был превращен в вассальное государство с регентским советом из феодалов-изменников. Но попытка завоевателей опереться на предателей из числа местной знати здесь не удалась. В 1848 г. в Пенджабе вспыхнуло восстание, и после новой войны Ост-Индская компания аннексировала эту область, ограбив огромную добычу. Знаменитый драгоценный камень прежних правителей Лахора — «Кох-и-нур» («Гора света») стал самым крупным бриллиантом в короне королевы Виктории.

К середине XIX в. меч и дипломатия отдали в руки англичан огромные пространства Индии с 170—190 миллионами жителей. Большая часть страны была аннексирована и управлялась чиновниками компании. В 1849 г. под непосредственной властью Ост-Индской компании оказалось $^2/_3$ территории и $^3/_4$ населения Индии. Остальная часть страны была подчинена британскому игу в виде более чем пятисот малых и больших зависимых княжеств, подписавших субсидиарные договоры. По словам К. Маркса, эти наследственные князья представляли собою «самые раболепные орудия английского деспотизма» [1] и феодального угнетения. Система субсидиарных договоров и союз британских колонизаторов с местными феодалами против народа оберегали от народного восстания как индийский феодализм, так и английское владычество. Генерал-губернатор компании олицетворял в Индии высшую исполнительную власть. Но он зависел в своих действиях от Лондонского контрольного совета, передававшего в Индию свои распоряжения через секретную комиссию из директоров компании и комиссию по военным и политическим вопросам. Огромное число колониальных чиновников и офицеров получали в Индии доходные должности. Эксплуатация Индии осуществлялась путем налогового гнета, контрибуций и конфискаций, военного грабежа и неэквивалентной торговли, значение которой для Англии стало в XIX в. быстро возрастать.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, изд. 2, стр. 206.

С 1813 г. торговая монополия Ост-Индской компании была отменена, а с 1833 г. ее непосредственная торговая деятельность вообще прекратилась. Торговые операции в Индии стали делом, доступным для всех английских капиталистов, а компания стала в основном военно-административной организацией. Опираясь на свои огромные владения в Индии, Ост-Индская компания, действуя обычно в тесном контакте с лондонским правительством и по указке финансовой плутократии Англии, оказывала огромное влияние на всю британскую дипломатию в странах Азии.

Опираясь на военное насилие, союз с князьями и систему субсидиарных договоров, британские колонизаторы консервировали в стране феодальную эксплуатацию, кастовые предрассудки, национальную и религиозную рознь, чтобы облегчить себе порабощение индийского народа. Сказочная роскошь генерал-губернаторов, даже мелких дипломатических агентов и чиновников компании должна была поражать воображение населения и вассальных князей во время дипломатических переговоров и поездок по стране. Генерал-губернатор компании лорд Бентинк объезжал в 1831 г. северные провинции Индии со свитой из 4000 человек, следовавшей на 30 слонах, 700 верблюдах и 1000 лошадей. Даже незначительные агенты Ост-Индской компании при мелких владетельных князьях жили с королевской роскошью, содержали множество секретарей и слуг, англичан и индийцев, огромное число слонов, лошадей и верблюдов, почетную стражу, пышные шатры.

Завершив завоевание страны, Ост-Индская компания беспощадно усилила налоговый гнет, принялась сокращать пенсии некоторым князьям, сгонять их с престолов и присоединять их владения к своей территории. Особенно настойчиво проводил эту политику генерал-губернатор Дальхузи (1848—1856). Заведомо невыполнимые условия субсидиарных договоров превратились в способ умышленного доведения многих князей до неизбежного нарушения договорных обязательств, лишения престолов и насильственного превращения в пенсионеров компании. Для выполнения принятых обязательств князья вынуждены были занимать деньги у компании под огромные проценты. Рано или поздно они попадали в тиски долгов и должны были выбирать между судьбой пенсионера или восстанием.

Огромные владения Англии в Индии и англо-индийские войска колонизаторов стали опорой для проведения широких завоевательных и дипломатических планов Англии в соседних с Индией государствах — Иране, Афганистане, странах Индо-Китая и Дальнего Востока. Британская дипломатия в качестве обоснования новых захватов Англии на Среднем и Ближнем Востоке широко использовала версию о необходимости

завоевания новых рубежей и позиций в целях обороны Индии и прилегавших к ней стран от угрозы нападения со стороны Франции или России. Слухи о мнимых завоевательных замыслах России в отношении Индии были пущены в ход в английском парламенте еще в 1791 г., а затем систематически распространялись британскими посланниками, консулами и другими агентами в Турции, Иране и Афганистане.

2. Дипломатическая борьба в Иране, Афганистане и Средней Азии в первой половине XIX в.

Миссия Малькольма и англо-иранские договоры 1801 г. Начало русско-иранской войны 1804—1813 гг.

Английские и французские дипломатические агенты в конце XVIII в. не раз проникали в Иран, стараясь втянуть его в политику своих правительств. Иранский рынок манил к себе английскую и французскую буржуазию, а кроме того, Иран занимал важное стратегическое положение у границ России, Турции и на подступах к Индии и Средней Азии.

К 1794 г. почти весь Иран был объединен под властью Каджарской династии, опиравшейся по преимуществу на астрабадских и мазандеранских феодалов. Жестокий и коварный шах Ага Мохаммед ставил своей главной целью подавление непокорной феодальной знати, восстановление кровавого владычества Ирана в Закавказье и захват земель, граничивших с Афганистаном. Вторжение его армии в Тбилиси в 1795 г. ознаменовалось чудовищной резней и угоном в рабство 12 тысяч человек. В последний год правления Екатерины II русское правительство начало войну с Ираном. Русские войска заняли Дербент и Баку, имея в виду двинуться дальше и возвести на тегеранский престол брата Ага Мохаммеда. Но после смерти царицы Павел I прекратил военные действия.

Шах Ага Мохаммед в 1797 г. был убит, но его преемник Фатх Али-шах продолжал ту же политику и пытался получить поддержку Англии или Франции.

В 1796 г. агенты Директории ученые-натуралисты Оливье и Брюгьер внушали визирю шаха Хаджи Ибрагиму, что Ирану надо овладеть Грузией и изгнать Россию из Закавказья. По поводу этого русский посланник в Стамбуле писал, что Директория «ту мысль имела, что не бесполезно быть может России, приобретшую столь явную в Европе поверхность, озабочивать со стороны Персии». Однако провал египетской экспедиции Бонапарта ослабил престиж Франции в Иране.

Сближение с Турцией тоже оказалось для Ирана затруднительным. В 1797 г. иранское посольство вело переговоры в Стамбуле о совместных действиях против России, но Порта

нуждалась тогда в союзе с Россией против Франции. Турецкие министры спрашивали: «если персы хотят, чтобы турки оказали им помощь в войне с Россией, почему они сами не помогали туркам, когда те всего несколько лет назад воевали с русскими и австрийцами?» Иран и Турцию разделяли также споры из-за Багдадского пашалыка и других приграничных областей, взаимные подозрения и недоверие.

Шахское правительство стремилось захватить прилегавшие к Ирану афганские земли. Этим воспользовалась британская Ост-Индская компания. Ее резидент в Бушире еще в 1798 г. склонял шаха к нападению на Афганистан, чтобы отвлечь кабульского эмира от союза с Типу-султаном. Поход шаха на Кабул окончился неудачей. Но он ослабил силы афганского эмира — что и требовалось английским колонизаторам.

Планы Наполеона Бонапарта и Павла I относительно похода в Индию послужили удобным предлогом для усиления английской колониальной экспансии в Иране. В 1800 г. Ост-Индская компания послала в Тегеран капитана Малькольма, заключившего в январе 1801 г. политический и торговый договоры с Ираном. Договоры эти предусматривали союз Ирана с Англией против Афганистана в случае нападения афганцев на Индию и обязательство шаха не пропускать через свою территорию к границам Индии войска какой-либо европейской державы. Взамен была обещана помощь оружием и деньгами со стороны Ост-Индской компании. Английским купцам разрешался свободный ввоз в Иран сукон, металлических изделий и предоставлялось право на поселение в иранских портах. Стремясь превратить Иран в орудие своей политики, Ост-Индская компания умышленно преувеличивала реальную возможность французского или русского вторжения в Индию и запугивала шаха такой перспективой.

Когда Малькольм возвращался обратно, с ним вместе в Индию отправился посланец шаха Хаджи Калил-хан, но в июле 1802 г. он был убит в Бомбее во время стычки между солдатами его конвоя и стражей Ост-Индской компании. Ущерб этот был возмещен компанией богатыми денежными подарками. Шах сказал, что англичане могли бы убить сколько угодно его послов, если бы заплатили за них с той же щедростью [1].

Фатх Али-шах решил использовать сближение с Англией для осуществления своих завоевательных планов. После присоединения к России Грузии и ряда азербайджанских ханств он в 1804 г. напал на Закавказье и начал войну с Россией. Новый шахский посланец был отправлен к Ост-Индской компании с просьбой о присылке оружия. Война затянулась почти на девять лет.

[1] *P. Sykes*, A History of Persia, London, 1951, vol. II, p. 302.

Миссия Жобера. Финкенштейнский договор 1807 г.

Война началась неудачно для Ирана, а Ост-Индская компания не торопилась выполнять свои обещания. Разрыв между Англией и Россией при Павле I оказался недолгим. Новый царь Александр I сразу же по вступлении на престол восстановил дипломатические отношения с Англией, а в 1805 г. заключил союз с нею и с Австрией против наполеоновской империи. Одновременно царское правительство продолжало политику присоединения к России азербайджанских ханств.

Борясь против новой коалиции, Наполеон всеми силами старался использовать в своих целях Турцию и Иран. Для этого французские эмиссары старались подорвать русско-турецкий союз, а в Иран через Стамбул в 1805 г. был послан с особым поручением французский офицер Жобер. В турецкой столице во время загородной прогулки султана Селима III Жобер ухитрился вручить ему письмо Наполеона I, призывавшее султана к выступлению против России совместно с иранским шахом. После этого были распущены слухи о возвращении Жобера во Францию, но на самом деле он под видом купца и под чужим именем отправился к иранской границе.

Опасаясь, что Жобер будет по дороге убит, Наполеон одновременно отправил в Тегеран и другого своего агента — Ромье. Английские консулы в Алеппо и в других местах тайно следили за каждым шагом французских эмиссаров. Через две с половиной недели после приезда в Тегеран Ромье и его драгоман скоропостижно скончались, и подозрение пало на англичан, обвинявших, впрочем, французов в применении таких же методов.

Жобер по пути в Иран был схвачен в Баязете и посажен в подземелье по приказу местного паши. Отпущен он был лишь после того, как стало известно о победе Наполеона под Аустерлицем. В июне 1806 г. Жобер наконец добрался до Тегерана. Видимо, шаха тревожили какие-то сведения о французской революции, так как он задал Жоберу неожиданный вопрос: «Что заставило вас убить вашего короля?» Шах выразил словесное согласие заключить с Наполеоном союз и обещал пропустить его войска в Индию. Однако подписать какой-либо договор шах отказался.

Только после побед Наполеона над Пруссией и над русскими войсками в 1806 г. и после начала войны России с Турцией шах отправил к Наполеону своего посланца Мирзу Риза. В его инструкциях говорилось, что «уничтожение России является долгом обоих государей» — шаха и французского императора. Мирза Риза хвастал вымышленными победами иранских войск в Закавказье и даже вероломное убийство русского главнокомандующего Цицианова во время встречи его

с бакинским Хусейн-кули-ханом выдавал за гибель всей русской армии [1].

4 мая 1807 г. в замке Финкенштейн в Восточной Пруссии Мирза Риза и министр Наполеона I Маре подписали франко-персидский союзный договор, по условиям которого Наполеон обязывался принудить Россию очистить Грузию, а шах должен был пропустить французские войска к индийской границе и в свою очередь напасть на владения Ост-Индской компании через Афганистан. Одновременно французский посланник в Стамбуле Себастиани подготовлял союз Турции с Ираном, заключение которого предотвратила только победа русских войск над турецкой армией в Арапчайском сражении 18 июня 1807 г.

Для обучения иранских войск и заключения торгового договора с Ираном Наполеон отправил в Тегеран миссию генерала Гардана с 70 офицерами, но, когда Гардан уже был в дороге, Тильзитский мир, подписанный летом 1807 г., коренным образом изменил положение дел в Европе.

Англо-французская дипломатическая борьба в Иране в 1807—1811 гг. Миссии Гардана и Джонса

В декабре 1807 г. миссия Гардана прибыла в Тегеран и развернула свою деятельность по обучению иранских войск и по организации производства оружия с целью оказания Ирану помощи против Англии и России. В конце декабря 1807 г. Гардан подписал с иранским правительством неравноправный торговый договор, освобождавший французских купцов от пошлин на три года, а в дальнейшем устанавливавший пошлины всего в 3% от стоимости товаров. Договор предоставлял французским купцам широкие привилегии, в том числе режим капитуляций, и предусматривал передачу Франции одного из островов в Персидском заливе, при условии, что Грузия с помощью французов будет присоединена к Ирану. Договор этот ясно говорит о захватнических целях наполеоновской империи в Иране. Из него видно и то, что, несмотря на Тильзитский мир и русско-французский союз, Гардан подстрекал шаха к продолжению войны с Россией. Иранские войска, оборонявшие Ереванскую крепость, были обучены французскими офицерами.

Как известно, в 1808 г. Наполеон предложил Александру I новый проект совместной экспедиции в Индию и раздела Турции. Он стремился таким способом отвлечь силы России и Англии от западноевропейских дел и без помех заняться завоеванием Пиренейского полуострова. Царь недоверчиво отнесся к этому плану. Он был также крайне недоволен попытками

---

[1] См. *А. Р. Иоаннисян.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения, Ереван, 1958, стр. 134—135.

Наполеона навязать России свое посредничество в русско-иранских переговорах и содействовать переходу Грузии, Дагестана и азербайджанских ханств под власть Ирана. 12 августа 1808 г. Александр заявил Коленкуру, что с таким же основанием он сам мог бы предложить Франции свое посредничество в испанском вопросе, и многозначительно добавил: «Мои дела с Перспей не могут интересовать императора»[1]. В Эрфурте Наполеону пришлось воздержаться от настояний по этому вопросу, и шах в конце концов понял, что надежды на захват Грузии при поддержке императора французов совершенно нереальны.

Договор с Гарданом остался клочком бумаги, а сам Гардан в 1809 г. вынужден был покинуть Тегеран. На другой день после этого в иранскую столицу торжественно въехал посланник английского правительства Джонс, поднесший шаху дорогие бриллианты. Подкупом и угрозами Джонс старался побудить шаха выпроваживать французских эмиссаров, одному из которых, Жуанену, неизвестно кем была послана в подарок книга, все страницы которой оказались пропитанными ядом.

В 1810 г. в Иран от Ост-Индской компании прибыла новая миссия Малькольма с военными инструкторами, оружием и богатыми подарками. Иранское правительство боялось английского вторжения из Индии и старалось всячески угодить Англии. Для награждения Малькольма шах даже учредил орден «Льва и солнца».

Джонс давал советы шаху и командовавшему армией наследнику престола Аббасу Мирзе, как лучше вести войну с Россией, старался не допустить заключения с ней мира и подстрекал грузинских царевичей к восстанию против России. К 1812 г. из Индии в Иран англичане доставили 50 орудий и 12 тысяч ружей.

14 марта 1812 г. при новом английском посланнике Оузли был подписан англо-иранский союзный договор, по которому Англия обязывалась выплачивать Ирану ежегодную субсидию в 200 тысяч томанов, посредничать в случае войны Ирана с другой державой и обучить иранскую армию, а шах обещал не пропускать войска европейских государств на свою территорию.

Гулистанский мир 1813 г. и британская дипломатия

Заключение в мае 1812 г. Бухарестского мира с Турцией и подписание англо-русского союзного договора 18 июля 1812 г. значительно упрочило положение России. Невзирая на это, шах и Аббас Мирза упорно не желали заключения мира; они надеялись на под-

[1] «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона I. 1808—1912», т. II, СПБ, 1905—1914, стр. 280.

держку Англии и на ослабление России в результате войны с наполеоновской империей. Британская дипломатия вела в Иране двойную игру: Англия стала союзником России против наполеоновской империи, но сохраняла в силе и договор с Ираном об оказании ему поддержки против России путем посредничества и помощи деньгами, инструкторами и оружием. Английский посланник Оузли и британские офицеры действовали в Иране против России даже во время нашествия наполеоновской армии на Москву. Оузли подстрекал Аббаса Мирзу делать России как можно меньше уступок. Однако уже в октябре 1812 г. иранская армия была разбита русскими войсками у Асландуза, и обстановка круто изменилась.

Оузли стал опасаться полного разгрома Россией иранских войск. Переменив свою тактику, он принялся торопить иранское правительство с заключением мира, одновременно уговаривая русского уполномоченного генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева умерить свои требования. Оузли добивался того, чтобы мирный договор считался прелиминарным и был бы поставлен под гарантию Англии, но эти домогательства русской стороною были отвергнуты. Мирные переговоры велись в карабахском местечке Гулистан между Ртищевым и иранским уполномоченным Мирзой Абдул-хасаном и закончились подписанием 24 октября 1813 г. мирного договора, по которому Иран отказывался от притязаний на Грузию, Дагестан и ряд азербайджанских ханств. За Россией закреплялось исключительное право иметь военный флот на Каспийском море и различные торговые льготы.

После Гулистанского мира англо-русские торговые и политические противоречия в Иране еще более обострились. Вывоз из Ирана в Индию намного превышал иранский вывоз в Россию. В 1814 г. английское правительство заключило новый союзный договор с Ираном против России и Афганистана с условием выплаты ежегодной английской субсидии, обучения иранской армии английскими офицерами и снабжения ее английскими пушками и сукном для обмундирования. Англия обязывалась помочь Ирану добиться пересмотра Гулистанского мира, обещала не вмешиваться в ирано-афганские конфликты и во внутренние дела Ирана.

Англия и новая русско-иранская война. Туркманчайский мир 1828 г.

Правящая феодальная верхушка Ирана не желала отказываться от своих завоевательных замыслов в отношении Закавказья и в 20-х годах стала готовиться к новой войне с Россией. Немалое значение при этом имели английские подстрекательства и обманные обещания «помощи» со стороны Англии. Война началась

неожиданным нападением иранских войск на Закавказье, но затем армия Аббаса Мирзы потерпела полное поражение, и уже в 1827 г. при поддержке местного населения русские войска овладели Ереванской крепостью.

Английский министр иностранных дел Каннинг предложил Николаю I посредничество Англии, но царь через своего посла в Лондоне кн. Ливена ответил, что «дела персидские касаются исключительно интересов России» [1]. Английская миссия в Иране давала шаху советы не идти на уступки России и обращалась с предложением о посредничестве к русскому главнокомандующему князю Паскевичу.

Чтобы обеспечить успешное ведение переговоров, Паскевич занял Тавриз, где находились арсеналы, артиллерия иранской армии и семьи многих высших сановников. Однако война России с Турцией, начавшаяся в 1828 г., и вмешательство английского посланника Макдональда осложняли положение. Переговоры велись в Туркманчае при деятельном участии знаменитого русского писателя А. С. Грибоедова, занимавшего пост дипломатического чиновника при канцелярии кавказского наместника, и завершились подписанием Паскевичем и Аббас Мирзою мирного договора на условиях перехода к России Еревана и Нахичевани, уплаты Ираном 20 миллионов рублей контрибуции, половина которой была внесена до подписания договора [2]. По тому же договору русским подданным предоставлялась привилегия консульской юрисдикции, размер иранских пошлин устанавливался в 5% стоимости товара и подтверждалось запрещение Ирану иметь военные корабли на Каспийском море. Царское правительство обещало признать Аббаса Мирзу наследником престола. Важное значение имела статья о возвращении в Россию угнанных ранее в Иран пленников — армян, грузин, азербайджанцев.

Несмотря на реакционную и захватническую сущность политики царизма, присоединение обширных областей Закавказья в результате войн с Ираном и Турцией имело объективно прогрессивные последствия. В результате этого присоединения народы Закавказья были спасены от физического истребления со стороны Турции и Ирана, а также их агентуры на Кавказе. Вопреки гнету царизма они испытали на себе освободительное воздействие русского революционного движения.

Англия подстрекала Иран к войне, но не оказала ему реальной поддержки, так как действительная цель британского правительства заключалась лишь в том, чтобы ослабить Иран,

[1] *Ф. Ф. Мартенс*, цит. соч., т. XI, стр. 351.

[2] См. *А. П. Щербатов*, Князь Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. 3, СПБ, 1891, стр. 95.

испортив его отношения с Россией. После Туркманчайского договора британский посланник уговорил иранское правительство согласиться за 250 тысяч томанов на отмену тех статей англо-иранского договора, которые обязывали Англию посредничать в пограничных спорах между Ираном и Россией и оказывать ему помощь в войне с Россией. Для методов дипломатии колонизаторов весьма характерно, что из этой суммы 50 тысяч туманов остались невыплаченными.

Туркманчайский договор был отвезен в Петербург А. С. Грибоедовым, после чего он был назначен посланником в Тегеран. Нессельроде отклонил совет Грибоедова отсрочить уплату контрибуции и более гибко вести борьбу с влиянием Англии в Иране. Данные Грибоедову инструкции предписывали жесткую позицию в вопросе о сроках выплаты контрибуции и при осуществлении покровительства бывшим пленникам, желавшим вернуться на родину. В условиях войны России с Турцией такая инструкция ставила Грибоедова в затруднительное положение.

Иранское правительство надеялось, что Россия надолго увязнет в войне с Турцией. Оно нарушало сроки выплаты контрибуции и препятствовало выдаче пленных. Шах и враждебные России высшие придворные сановники облагали население новыми поборами и с помощью духовенства подстрекали народ против России и русского посланника, стараясь отвлечь народное недовольство от реакционной политики правящих верхов Ирана. В этих подстрекательствах была замешана и английская миссия.

Когда в русском посольстве в соответствии с договором укрылся угнанный ранее в плен евнух Мирза-Якуб, армянин родом, служивший раньше главным хранителем шахских бриллиантов и знавший все тайны шахской казны, духовенство и придворная знать, ориентировавшиеся на Англию, призвали население к разгрому русской миссии. Грибоедов и персонал миссии с находившейся при ней небольшой охраной из казаков защищались до последней капли крови, но были убиты 11 февраля (30 января) 1829 г. разъяренной толпой при полном попустительстве со стороны шахских властей. Эта провокация имела целью вызвать новую войну с Россией. Но возобновление войны с Ираном было сочтено в Петербурге невозможным, так как Россия была занята войной с Турцией. К тому же опасались восстаний на Кавказе. Царь и Нессельроде удовлетворились формальными извинениями и подарками, с которыми приехал в Петербург иранский принц Хозров Мирза, и высказывали недовольство Грибоедовым.

В Иране продолжалась борьба за влияние между Россией и Англией.

Гератский вопрос в 1838 г. Потерпев поражение в войне с Россией, правящая верхушка Ирана решила возобновить свои попытки овладеть Гератом. В то время Герат представлял собой небольшое афганское ханство, важное по своему стратегическому положению на путях, проходивших к западу от Гиндукуша из Индии в прикаспийские области Ирана и в среднеазиатские ханства — Хиву и Бухару. Европейская печать называла Герат «воротами» или «ключом» к Индии. Овладение Гератом дало бы Ирану компенсацию за утрату Закавказья, помешало бы политическому объединению Афганистана, еще не вышедшего из стадии феодальной раздробленности, и лишило бы мятежных хорасанских ханов возможности получить поддержку от гератских властителей.

Царское правительство считало выгодным отвлечь внимание и силы Ирана от Закавказья и поддерживало иранские притязания на Герат. Эта политика способствовала усилению русского влияния на шахское правительство. Новый шах Мохаммед-хан ориентировался на поддержку России и прислушивался к советам русского агента в Иране полковника Симонича.

Другим претендентом на Герат был афганский эмир в Кабуле Дост Мохаммед. Однако своей главной задачей Дост Мохаммед считал овладение не Гератом, а Пешаваром, отнятым у афганцев сикхами. За Пешавар он предлагал Ост-Индской компании союз, но в 1836 г., во время посещения Кабула агентом компании Бернсом, эмир убедился, что от Англии он ничего не получит. Ост-Индская компания с большим недовольством взирала на политическое объединение Афганистана под властью Дост Мохаммеда и считала нежелательным усиление независимого афганского государства. Компания держала на пенсии соперника Дост Мохаммеда — претендента на кабульский престол шаха Шуджу. Она намеревалась навязать свой протекторат как гератскому хану, так и самому кабульскому эмиру.

Ввиду этого Дост Мохаммед направил к царским властям в Оренбург своих посланцев с просьбой о помощи против Англии и против сикхов. Послание Дост Мохаммеда выражало желание «утвердить мощь содружества» между Афганистаном и Россией.

Оренбургский губернатор Перовский отправил афганских посланцев в Петербург со своим адъютантом Виткевичем и написал царю донесение о том, что утверждение господства сикхов и англичан в Афганистане со временем лишит Россию возможности завязать торговлю с этой страной и откроет Англии путь к подчинению Средней Азии. Затем Виткевич с аф-

ганскими посланцами поехал в Кабул. Данные ему инструкции предписывали объяснить эмиру необходимость «пользоваться покровительством Персии» и не мешать иранской экспедиции против Герата. Виткевич обещал Дост Мохаммеду помощь в 2 миллиона рублей и на такую же сумму товаров.

Поддержка Россией иранских притязаний на Герат и миссия Виткевича дали английским газетам предлог для заявлений о том, что «мохнатые шапки казаков» уже готовы показаться из-за Гиндукуша, но в действительности царское правительство не имело планов вторжения ни в Афганистан, ни в Индию, и никакого поручения в этих целях у Виткевича не было.

В 1838 г. иранские войска осадили Герат. В лагере шаха находился русский агент Симонич, а обороной Гератской крепости руководил пробравшийся туда переодетым английский офицер Поттингер. Английский посланник Макнил заявил, что будет рассматривать занятие Герата Ираном как враждебный акт, и британская миссия выехала из Ирана. На юге Ирана войска Ост-Индской компании напали на Бендер-Бушир и заняли иранский остров Харг в Персидском заливе. После этого шахские войска сняли осаду Герата.

В связи с гератскими событиями английские газеты и правительство снова пустили в ход версию о русских планах завоевания Индии и Афганистана. Русскому послу в Лондоне Поццо ди Борго предписано было опровергнуть эти заявления. Посол должен был указать, что Симонич и Виткевич действовали в пользу независимости Афганистана и свободы торговли с ним, и что Россия «не хочет ни соприкосновения, ни столкновения» с Англией в Центральной Азии[1]. Царское правительство отозвало Симонича, заявив, что он превысил свои полномочия.

Дипломатические отношения Англии с Ираном были восстановлены. Но остров Харг англичане вернули Ирану только после решительных настояний со стороны России.

Британская дипломатия во время англо-афганской войны 1839—1842 гг.

Ост-Индская компания и британское правительство были недовольны позицией Дост Мохаммеда во время гератских событий. Под предлогом защиты Герата Англия объявила Афганистану войну. Английские колонизаторы выдвигали тезис о защите Герата, как и о мнимых русских планах завоевания Индии, исключительно лишь для прикрытия собственных завоевательных замыслов. Генерал-губернатор Ост-Индской

[1] См. *Ф. Ф. Мартенс*, цит. соч., т. XII, стр. 77. В 1839 г., по возвращении в Петербург, Виткевич при неизвестных обстоятельствах был найден в гостинице убитым или покончившим с собою, а его бумаги оказались сожженными.

компании Окленд издал прокламацию о вторжении в Афганистан много времени спустя после снятия осады Герата и отлично знал, что эта осада давно прекращена. Действительные цели Англии заключались в установлении своего военного и политического господства над Афганистаном путем свержения Дост Мохаммеда и возведения на его престол английского ставленника шаха Шуджи с условием подписания им субсидиарного договора, подобного тем, какие Ост-Индская компания привыкла навязывать индийским князьям. Чтобы замаскировать свои захватнические цели, английское правительство издало «Синюю книгу», в которой вся дипломатическая переписка по афганским делам «посредством искажений и подделок, получила смысл, совершенно противоположный первоначальному»[1].

В феврале 1839 г. 12-тысячное англо-индийское войско с 40 тысячами носильщиков и погонщиков двинулось на Кабул, заняло его и объявило эмиром шаха Шуджу, который принял все условия завоевателей и согласился на пребывание в стране английских войск. Английский майор д'Арси Тодд был послан в Герат: он пытался навязать протекторат Англии также и гератскому хану. Однако хан обратился за помощью к Ирану. Тодд уехал, ничего не добившись.

Но и в Афганистане торжество захватчиков оказалось недолгим. В различных пунктах страны подымались восстания против оккупантов. В ноябре 1840 г. повстанцы разбили английскую бригаду, что окончательно деморализовало остальные английские войска. Сам Дост Мохаммед, опасаясь вероломства некоторых вождей и подъема народного движения, добровольно сдался в плен англичанам и был отправлен в Индию, но борьба с оккупантами продолжалась. Одним из предводителей войны афганцев за независимость стал сын Дост Мохаммеда Акбар-хан.

Оккупация страны обходилась Ост-Индской компании в крупную сумму, и британский резидент Макнатен и генерал Эльфинстон получили приказ сократить субсидии вождям афганских племен. Притеснения со стороны английских офицеров и чиновников и поборы на содержание английских войск вызвали народное возмущение. 2 ноября 1841 г. в Кабуле вспыхнуло всеобщее восстание, и английский гарнизон вынужден был капитулировать. Макнатен подписал с вождями восстания договор о выводе английских войск из Афганистана и об отказе от поддержки шаха Шуджи. В действительности Макнатен хотел лишь выиграть время и дождаться прибытия подкреплений. Он организовал убийство нескольких афганских вождей и надеялся перессорить между собой остальных, чтобы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XI, ч. II, изд. I, стр. 268.

они сами истребляли друг друга. Макнатен сделал Акбар-хану письменное предложение стать визирем Афганистана и согласиться на замену подписанного с англичанами договора другим. Во время переговоров с вождями, происходивших вблизи от английского лагеря под открытым небом, на разостланных на земле коврах, Акбар-хан уличил Макнатена во лжи и вероломстве и убил его выстрелом из пистолета. Английским оккупантам было предъявлено требование немедленно покинуть страну.

Бросив почти всю артиллерию, наличные деньги и подписав на 140 тысяч фунтов стерлингов векселей, английский отряд из 4500 солдат и офицеров с 12 тысячами носильщиков и погонщиков стал отступать, но был полностью истреблен афганцами в Хурд-Кабульском горном проходе. Из всего английского войска только один человек, в висевшем клочьями мундире, верхом на заморенной лошади, еле добрался до Индии и рассказал там о происшедшей катастрофе.

Опасаясь полного падения своего военного престижа среди народов Индии, британские колонизаторы в 1842 г. предприняли новый поход на Кабул и разграбили город. Но они и на этот раз не смогли навязать Афганистану субсидиарный договор и лишить его самостоятельности.

Попытка снова выдвинуть на престол шаха Шуджу не удалась. Шуджа был убит одним из представителей его же рода, желавшим смыть с себя и своих родственников пятно предательства. Учитывая влияние Дост Мохаммеда, английские власти в Индии вступили с ним в соглашение и признали его эмиром Кабула, но Кандагар и Герат остались под властью отдельных правителей. Дост Мохаммед примирился с этим и возвратился на престол.

Русские и английские миссии в среднеазиатских ханствах в первой половине XIX в.

Экспансионистские стремления английских колонизаторов простирались не только на Афганистан, но и на среднеазиатские ханства. Английские агенты проникали в Среднюю Азию с целью разведки и подстрекательств против России еще в 1820-х годах. Английскими агентами были некоторые местные купцы в Бухаре и Хиве. В 1825 г. Бухару посетили английские агенты Муркрофт и Требек, в 1833 г. — Бернс. В 1824 г. несколько англичан под видом купцов проникли в Бухару и тайно снимали план города. Английские агенты Аббот и Шекспир в 1840 г. были в Хиве. Они уговаривали хана не пускать в Хиву русских и предупреждали его о возможности русской военной экспедиции. Не доверяя Абботу, хан прогнал его от себя пинками и посадил в яму. В Англию Абботу и Шекспиру пришлось возвращаться через Россию.

В 1842 г. в Бухаре находились английские агенты Конноли и Стоддарт, не имевшие официальных полномочий. Зная о поражении Англии в войне с Афганистаном, эмир приказал публично казнить их на площади.

В Средней Азии английская экспансия сталкивалась с русской. Позиции России в Средней Азии, особенно после поражения английских войск в Афганистане, были сильнее английских. Большинство казахов добровольно перешли в русское подданство в XVIII и первой половине XIX в. Другая часть казахских земель была завоевана Хивой, Кокандским ханством и Бухарой и оставалась под их владычеством. Дипломатические сношения России со среднеазиатскими ханствами в те времена были эпизодическими. Они чаще всего сводились к требованиям о возмещении убытков от разграбления торговых караванов, возвращении угнанных в рабство пленных, об облегчении условий торговли. В 1825 г. полковник Берг вел по этим вопросам переговоры с выехавшим к нему навстречу хивинским посланцем, но не достиг успеха.

В 1835 г. прапорщик Виткевич был послан в Бухару с целью привлечь на сторону России Бухарское эмирство в случае русского похода на Хиву. В 1839 г. в Петербург приехал бухарский посланец, и с ним обратно в Бухару выехали два русских офицера — было объявлено, что они едут для поисков рудных месторождений. В 1841 г. в Бухару был послан инженер майор Бутенев, но он был выслан оттуда по приказанию эмира.

После неудачи военной экспедиции Перовского, в Хиву в 1841 г. был направлен капитан генерального штаба Никифоров, требовавший прекращения захвата русских подданных в рабство, снижения торговых пошлин и признания сюзеренитета России над казахскими землями и Каспийским побережьем. Миссия эта не имела успеха. В 1842 г. подполковник Данилевский привез хивинскому хану подарки и 8 января 1843 г. подписал договор, по которому хан обязался воздержаться в отношении России от враждебных действий, освободить взятых в плен русских подданных и снизить пошлины до 5% от стоимости ввозимых в Хиву товаров. Русское правительство отказывалось от возмещения за понесенный ущерб от угона в плен людей и разграбления купеческих караванов. Договор этот остался на бумаге. Но торговые и политические интересы русских капиталистов и помещиков побуждали царское правительство не прекращать попыток вовлечь среднеазиатские ханства в орбиту своего влияния. Несколько позже, в 50—60-х годах XIX в. царская Россия приступила к завоеванию этих ханств.

3. Капиталистические державы и Китай

Политика самоизоляции Китая и дипломатия Цинской династии

Капиталистическое развитие стран Европы и США привело в первой половине XIX в. к усилению их колониальной экспансии в Восточной и Юго-Восточной Азии. Англия, Франция, США и другие капиталистические государства старались превратить Китай в объект колониальной эксплуатации. Однако колониальное закабаление страны капиталистическими государствами началось в Китае позднее и оказалось делом гораздо более трудным, чем в Индии. В отличие от последней Китай, несмотря на значительную самостоятельность провинциальной администрации, все же обладал определенным политическим единством и централизацией. Сопротивление народа колониальной агрессии было в Китае более сильным, чем в Индии. Имело значение и то обстоятельство, что Китай дальше отстоял от западных стран, чем Индия.

В XVII—XVIII вв. Китай был могущественной феодальной империей, совершившей обширные завоевания и поставившей в вассальную зависимость от себя ряд соседних государств-данников — Корею, Монголию, Восточный Туркестан, Бирму, Вьетнам. В пределах империи находился Тибет.

Маньчжурская династия Цин и чиновники, в руках которых непосредственно находилась политическая и административная власть, вели реакционную политику в интересах феодального класса, угнетали народ. Со второй половины XVIII в. они стремились по возможности изолировать страну от внешнего мира. В 1757 г. по императорскому повелению были закрыты для внешней торговли все порты, за единственным исключением Гуанчжоу (Кантона). В Кантоне с 1715 г. существовала фактория Ост-Индской компании, а затем появились и другие иностранные фактории. Торговля с иностранцами находилась под надзором китайского суперинтенданта и велась замкнутой гильдией из 12—13 привилегированных купцов (Кохонг). Эта гильдия назначала цены, гарантировала операции с иностранцами и доходы от них для китайских властей. Правила этой торговли были установлены в 60—80-х годах XVIII в.

Реакционная политика изоляции страны лишь отчасти имела целью затруднить внешнюю агрессию против Китая. Цинское правительство стало проводить ее главным образом из опасения, как бы иностранцы не слишком усилили свое влияние в стране и не смогли бы в своих целях использовать недовольство китайского народа гнетом Цинской династии. В дальнейшем к этим мотивам присоединилась боязнь утечки за границу монеты и разложения феодальных порядков

и устоев жизни в результате развития торговых связей с другими странами. Проведение политики изоляции долгое время облегчалось по преимуществу натуральным характером хозяйства основной массы населения, относительной экономической независимостью Китая, имевшего высокоразвитую домашнюю промышленность и не особенно нуждавшегося во ввозе иностранных товаров. Однако изоляция способствовала еще большему экономическому отставанию Китая от капиталистических государств. В результате политики изоляции Китай до первой опиумной войны не имел договорных отношений с западноевропейскими государствами, США и Японией.

Управление внешними делами Цинской империи находилось в руках императора и верховного т. н. «Военного совета» (Цзюньцзичу), состоявшего из высших сановников. Раньше этот совет занимался военными делами, но затем в его функции стало входить составление эдиктов и заключений по внешним делам. Сношениями с вассальными государствами-данниками ведал Приказ по делам о церемониях (Либу). Существовала еще Палата по делам зависимых областей (Лифаньюань).

В Китае издавна сложился свой дипломатический церемониал, отличный от принятого в Европе. Послы вассальных государств Цинской империи должны были исполнять унизительный обряд «кэ-тоу» — становиться девять раз на колени и девять раз простираться ниц перед императором. До аудиенции послы должны были предварительно проделать этот обряд перед табличкой с именем богдыхана или перед пустым троном. Исполнение этого обряда требовалось также от всех иноземных послов, хотя он сложился в отношениях Китая с его вассалами и отражал превосходство Китая над соседними небольшими государствами. Весь этикет при отношениях с иностранными послами со стороны цинского двора соответствовал обряду «кэ-тоу» и сложился еще в VII—VIII вв. Послы считались простыми чиновниками, а не представителями личности независимых государей. Подарки, приносимые иностранными послами, расценивались как дань. Цинский двор требовал, чтобы иноземные послы вручали свои грамоты не самому императору, а только кому-либо из сановников. В дипломатической переписке цинского двора было принято обращаться к иноземным государям как к вассалам, ждущим милостей и назиданий богдыхана и обязанным повиноваться его велениям. Постоянное пребывание иноземных послов в столице и в стране не допускалось. Соответствующей была и фразеология документов цинского правительства. Иностранцы обозначались в них как «варвары». Англичане и другие заморские иноземцы, особенно вследствие раздражения, вызванного опиумной торговлей и назойливой деятельностью миссионеров-разведчиков, именовались «замор-

скими чертями», «иностранными собаками», «рыжими дьяволами» и т. д.

Цинская династия рассматривала свою империю как центр вселенной. В этом заключался смысл таких терминов, как «Срединное» или «Поднебесное» царство. Все остальные государи и народы теоретически считались данниками и вассалами императора. Эта официальная доктрина и отвечавший ей церемониал были рассчитаны на то, чтобы внушить китайскому народу и соседним странам преувеличенное понятие о могуществе Цинской монархии и содействовать политике изоляции от западных держав.

В 1793 г. в Пекин был допущен английский королевский посол Макартней, имевший поручение урегулировать претензии Ост-Индской компании к Китаю и добиться открытия для торговли других портов кроме Кантона. Когда Макартнея со свитой и подарками богдыхану везли на джонках по реке Байхэ, то на его судне был вывешен флаг с китайской надписью: «Посол, везущий дань из Англии». Цинские сановники потребовали от Макартнея, чтобы он согласился стать положенное число раз на колени и простереться ниц перед императором. На это Макартней будто бы сказал, что сделает это, но лишь в том случае, если цинский сановник соответствующего ранга выполнит то же самое перед портретом английского короля. Макартней получил аудиенцию и, согласно китайским источникам, выполнил то, что от него требовали, хотя сам посол утверждал, что будто бы он только стал на одно колено. Во всяком случае миссия Макартнея осталась совершенно безрезультатной, а в 1816 г. другой английский посол, Амхерст, покинул Пекин, совсем не получив императорской аудиенции.

Вообще послы европейских государств при приезде в Китай принимались очень редко, весьма неохотно и лишь после долгих проволочек. Отказ послов от выполнения церемониала аудиенции по обряду «кэ-тоу» и от вручения грамот не лично императору, а кому-либо из сановников служил удобным предлогом для недопущения иноземных послов в столицу и ко двору.

Цинское правительство предпочитало, чтобы иностранные послы обращались по своим делам не в Пекин, а к властям окраинных и приморских областей — начальникам округов, губернаторам провинций, наместникам или генерал-губернаторам, ведавшим нередко сразу несколькими провинциями, или же к специальным императорским комиссарам по делам тех или иных окраин или приморских провинций и по сношениям с «варварами». Местные власти и императорские комиссары посылали в Пекин доклады по внешним делам.

Добиться допуска в Пекин и аудиенции иностранным послам было очень трудно. Цинские власти выдвигали обычно множество препятствий и придумывали разнообразные поводы для затягивания дела. Сановники цинского правительства нередко обращались с иноземными послами крайне грубо и высокомерно, чтобы подчеркнуть свое превосходство, применяли угрозы и запугивания. Часто это делалось умышленно, для того чтобы иностранные послы, не желая ронять достоинства своего государства, отказались от своих домогательств и уехали, не посетив Пекина.

Изоляция страны способствовала тому, что правящая верхушка Цинской империи не имела ясного понятия о силе, местоположении и жизни других государств. Цинское правительство совсем не посылало своих послов к западным государствам и было плохо ориентировано в международной обстановке.

Политика изоляции страны некоторое время помогала укреплению власти реакционной Цинской династии и консервации феодально-абсолютистского режима, но постепенно Китай все более отставал в экономическом и военном отношениях от Англии и других капиталистических держав, стремившихся любыми средствами открыть доступ к его рынку и подвергнуть его закабалению. Политика изоляции в конце концов потерпела крах под ударами иностранных агрессоров. Первый такой удар был нанесен Китаю Англией.

Причины и развязывание первой опиумной войны 1838—1842 гг.

В качестве основной базы для своего вторжения в Китай Англия использовала свои колониальные владения в Индии. Ост-Индская компания до 1833 г. пользовалась монополией на английскую торговлю с Китаем. В начале XIX в. английские купцы ввозили в Кантон шерсть, олово, свинец, железо и хлопчатобумажную пряжу, а покупали у китайцев чай и шелк-сырец. С 20-х годов XIX в. стал быстро возрастать контрабандный ввоз в Китай индийского опиума. Торговля опиумом находилась в руках Ост-Индской компании, которая видела в этой торговле важный источник дохода и выдавала лицензии отдельным купцам на вывоз опиума в Китай. Налоги на посевы опиумного мака и торговлю опиумом составляли крупные статьи дохода Ост-Индской компании, и опиум надолго сделался главным предметом британского ввоза в Китай. Ввоз опиума значительно превысил по своей денежной стоимости вывоз из Китая, так что отравлявшая китайский народ опиумная контрабанда привела к тому, что уже около 1825 г. началась утечка серебра из Китая, достигшая перед отменой монополии Ост-Индской компании громадных размеров.

Превращение Великобритании в первую в мире промышленную державу с крупной машинной индустрией, экономический кризис 1836 г. и подъем чартистского движения обострили потребность Англии во внешних рынках. Манчестерские капиталисты в неоднократных обращениях к правительству требовали насильственного открытия китайского рынка для ввоза английских тканей, а Ост-Индская компания хотела узаконить сбыт в Китай опиума. Английские капиталисты требовали захвата у берегов Китая военно-морской базы, отмены монополии привилегированной компании китайских купцов на торговлю с иностранцами, снижения пошлин и установления привилегий экстерриториальности для английских подданных в Китае. Британские суперинтенданты, ведавшие английской торговлей в Кантоне, не раз затевали конфликты с китайскими властями, когда последние намеревались судить и наказывать английских матросов и купцов за совершенные ими на берегу преступления. Англичане требовали, чтобы английские подданные судились в Китае английским судом и по английским законам, что поставило бы Китай в явно неравноправное положение.

Британское правительство и капиталисты требовали также, чтобы цинский двор перестал обращаться с английскими послами, как с посланцами данников или вассалов. Пальмерстон и английская печать оправдывали захватнические притязания Англии ссылками на «высокомерие» цинского правительства и его претензиями на «превосходство», сваливая всю вину за преступную опиумную контрабанду на продажных цинских чиновников, получавших взятки от английских купцов и т. д. Открытие Китая для иностранной торговли английские колонизаторы изображали как вовлечение его в сферу «цивилизации» и мирного торгового обмена. Такими же доводами пытаются оправдывать английскую агрессию и многие буржуазные историки [1], утверждающие, что опиумные войны возникли вследствие того, что «Восток» и «Запад» «плохо понимали» друг друга и имели различные понятия о международном праве и дипломатии. В действительности такие рассуждения лишь маскируют подлинные причины опиумных войн. Требование «равенства» в дипломатических отношениях, рассуждения о «цивилизации» и мирной торговле лишь маскировали истинные замыслы английских колонизаторов, желавших навязать Китаю кабальный неравноправный договор, захватить часть его территории и подчинить его своему экономическому и политическому господству в целях колониальной эксплуатации. Вовлечение Китая и других стран Восточной Азии в мировой товарооборот

[1] Д. К. Файрбанк, Е. Свишер и др.

осуществлялось не путем самостоятельного мирного развития этих стран, а посредством насильственного закабаления их западноевропейскими и американскими капиталистами. Цель проникновения империалистических держав в Китай, писал Мао Цзэ-дун, заключалась в том, чтобы «превратить Китай в свою полуколонию и колонию» [1].

Цинское правительство и его чиновники хорошо знали о гибельных последствиях ввоза и курения опиума, приводивших к подрыву здоровья населения, разложению нравов, разорению ремесленников, упадку дисциплины в армии и среди чиновников, наконец, к утечке серебра за границу, что их беспокоило более всего другого. Наиболее влиятельные губернаторы и генерал-губернаторы провинций и другие сановники посылали в Пекин доклады с советом запретить ввоз и курение опиума. Для принятия мер против курения опиума императорским комиссаром в Кантон был назначен сановник Линь Цзэсюй — ярый сторонник запрещения опиумной торговли и отпора иностранным колонизаторам. В 1839 г. он приказал конфисковать у английских купцов и уничтожить свыше 20 тысяч ящиков опиума. Эти законные действия китайских властей послужили поводом для первой опиумной войны.

Главный суперинтендант британской торговли в Кантоне Ч. Эллиот протестовал против уничтожения опиума. Положение осложнилось еще больше, когда английскими матросами во время драки на побережье был убит китаец и цинские власти потребовали выдачи виновных для предания китайскому суду. 3 ноября 1839 г. множество военных джонок попытались окружить 2 британских военных судна. Англичане открыли огонь: 4 джонки были потоплены, остальные скрылись.

Дипломатия Англии и цинского правительства от начала войны до перемирия в Кантоне (31 мая 1841 г.)

Английское правительство решило начать войну с Китаем и послало к его берегам эскадру. На борту кораблей имелись десантные войска. Инструкция Пальмерстона Ч. Эллиоту от 20 февраля 1840 г. предписывала перенести военные действия на север, занять острова Чжусан, блокировать устья реки Янцзы и Желтой реки и передать правителям прибрежных провинций копии письма Пальмерстона к «министру китайского императора». В этом письме Пальмерстон прикрывал агрессивные цели Англии жалобами на «неистовства» цинских властей, «оскорбление» ими британской короны в Кантоне, ссылался на участие китайских чиновников в контрабандной торговле опиумом. Он высокомерно требовал возмещения убытков, гарантий «безопасности» торговли и пребыва-

[1] *Мао Цзэ-дун,* Избранные произведения, т. 3, стр. 145.

ния англичан в Китае, уступки Англии острова у побережья, уплаты долгов китайскими купцами и заключения договора — после переговоров на борту английского военного корабля.

Для английских уполномоченных Пальмерстон послал проект неравноправного договора с Китаем с предписанием добиваться от Китая на выбор: уступки Гонконга (Сянган) или открытия для иностранной торговли всей страны, включая ее внутренние районы.

Летом 1840 г., когда начались военные действия, цинские власти назначили денежные награды за головы английских солдат и офицеров. Факт этот был использован для крикливой лицемерной кампании в английской печати относительно китайского «варварства» с целью отвлечь общественное мнение от агрессивных целей Англии и от жестокостей и насилий ее войск над мирным населением Китая.

Летом 1840 г. Англия располагала в китайских водах 16 военными кораблями с 540 орудиями и 4000 солдат. Англичане захватили г. Динхай на островах Чжусан и блокировали с моря путь к Кантону.

Цинское правительство боялось дальнейшего развития военных действий. Линь Цзэ-сюй был отрешен от должности, разжалован и отправлен в ссылку, а на его место в Кантон прибыл капитулянт Ци Шань. Запрет курения опиума был отменен.

В начале 1841 г. после обстрела английскими кораблями фортов на путях к Кантону Ци Шань заключил с Эллиотом перемирие и 20 января подписал конвенцию о передаче Англии Гонконга с условием сохранения над этим островом сюзеренитета Китая и права цинских властей взимать пошлины. Конвенция обязывала также Китай уплатить 6 миллионов юаней контрибуции и признать «равенство» обеих стран в дипломатическом протоколе. Гонконг был тотчас же оккупирован англичанами. В то же время английские войска получили приказ эвакуироваться с островов Чжусан.

Цинский двор был недоволен тем, что Ци Шань пошел на столь значительные уступки. Конвенция от 20 января была отвергнута в Пекине, и 11 февраля в Кантон пришел императорский указ о дальнейшем «искоренении варваров».

Заняв Гонконг, Эллиот со своей стороны тоже решил возобновить военные действия. 25—26 февраля англичане захватили форты Хумыня. Ци Шань был смещен и сослан, но назначенный вместо него императорский комиссар Ян Фан тоже боялся поражения и не решался на энергичные действия. К этому времени в район Кантона прибыли английские торговые корабли с товарами. Чтобы дать возможность сбыть эти товары, Ч. Эллиот 20 марта 1841 г. заключил с Ян Фаном

перемирие, но лишь только торговые сделки были окончены, 21 мая английские военные суда напали на китайский флот, потопили 71 военную джонку и разрушили укрепления на подступах к Кантону.

Английский отряд численностью около 2400 человек изготовился к штурму Кантона, но в действительности ни одна из сторон не хотела доводить дело до решительной схватки. Цинские власти и английские захватчики одинаково боялись китайского народа в Кантоне и его окрестностях. Там уже возникли партизанские дружины, насчитывавшие до 15 тысяч человек. Партизаны повели против захватчиков народную освободительную войну и наносили им сильные удары. Народ в Кантоне горел желанием сразиться с оккупантами. Эллиот опасался того, что, взяв Кантон, английские солдаты перепьются, займутся грабежом и, утратив дисциплину, будут уничтожены партизанами и населением города. 31 мая 1841 г. новый императорский комиссар капитулянт И Шань и Ч. Эллиот заключили соглашение о перемирии и уплате англичанам 6 миллионов юаней контрибуции. Дополнительно обещано было и вознаграждение за разрушение английских торговых факторий. Военные действия в районе Кантона были прекращены, и торговля возобновилась.

Поражение цинского правительства и Нанкинский договор (29 августа 1842 г.)

Но до конца войны было далеко. Пальмерстон еще в депеше от 9 января 1841 г. осуждал Эллиота за то, что тот принимал от цинских сановников депеши, в которых в соответствии с обычной фразеологией цинского двора говорилось об англичанах как взбунтовавшихся вассалах и давались им советы вести себя «послушно» и «почтительно». Конвенция от 20 января 1841 г. была отвергнута британским правительством как неприемлемая. В депеше от 21 апреля Пальмерстон учинил Эллиоту разнос, обвинив его в пренебрежении к данным ему инструкциям, и сообщил ему об его отозвании.

Новым британским уполномоченным и одновременно главным суперинтендантом английской торговли был назначен полковник Г. Поттингер. 31 мая ему была дана инструкция с предписанием добиться перехода Гонконга в полное владение Англии, увеличения контрибуции, а если возможно, то и формальной легализации опиумной торговли. В августе 1841 г. Поттингер и новый командующий английской эскадрой вице-адмирал У. Паркер прибыли в Гонконг. В Кантоне военные действия не возобновлялись, чтобы не мешать торговле английских купцов. Английский флот с десантными войсками двинулся на север, и 1 октября снова был взят Динхай, беспощадно разграбленный завоевателями. Осенью 1841 г. из

Индии прибыли подкрепления, и силы Англии в китайских водах были доведены до 39 военных кораблей с 724 орудиями и 10 тысячами сухопутных войск, не считая артиллерии.

Цинское правительство назначило для «усмирения варваров» новых императорских комиссаров Ци Ина и И Ли-бу, прибывших летом 1842 г. в Ханчжоу. Поттингер требовал от них формальных полномочий, но их не было. Ци Ин имел только императорскую печать, но в случае подписания ими договора, последний мог быть изменен в Пекине, и Поттингер отказался вести переговоры. Он решил затянуть их, чтобы сначала захватить Чжэнцзян, расположенный на скрещении реки Янцзы и Большого канала, по которому на север из южных провинций доставлялся рис. Владея этим важным пунктом, он мог вернуться к методам дипломатии, уже располагая сильным рычагом давления на китайскую сторону. 20 июля 1842 г. Чжэнцзян был взят штурмом.

Многие китайские солдаты и офицеры героически сражались до последней капли крови. И все же Цинская империя потерпела поражение. Это было результатом экономической и технической отсталости Китая и многолетней реакционной политики цинского правительства, лучшие войска которого были вооружены мечами, копьями, луками и стрелами. Деревянные и медные пушки китайских фортов и джонки не могли отразить многопушечные корабли и войска Англии с их новейшим оружием.

Шансы на победу цинскому правительству могло дать лишь продолжение войны с развязыванием всенародных партизанских действий против иноземных захватчиков. Партизаны вокруг Кантона, в Гонконге и других местах затрудняли положение оккупантов. Грабежи и насилия завоевателей над мирными жителями еще больше возбуждали ненависть народа к завоевателям. У англичан не хватало войск для похода на Пекин, но цинский двор и сановники боялись продолжения войны и собственного народа гораздо больше, чем кабалы у английских колонизаторов. При дворе императора Мин Нина окончательно победили капитулянты во главе с самым влиятельным из высших сановников — Му Чжан-а. Местом переговоров цинское правительство избрало Нанкин, сравнительно удаленный от столицы. Туда прибыли Поттингер и цинские уполномоченные.

Чтобы оказать военное давление на ход переговоров, Поттингер приказал флоту и войскам навести орудия на город и готовиться к штурму. Только тогда Ци Ин и И Ли-бу сообщили Поттингеру через своего посланца о наличии у них полномочий на заключение договора. После обмена визитами и переговоров, на палубе английского военного судна

«Корнуэлс» 29 августа был подписан Нанкинский договор. По условиям этого договора Китай полностью уступал Англии Гонконг, обязывался уплатить 21 миллион юаней контрибуции и открыть для английской торговли пять прибрежных портов, где впоследствии были созданы иностранные концессии или сеттльменты. «Кохонг» был распущен. Но добиться формальной легализации ввоза опиума англичанам все-таки не удалось, хотя, с другой стороны, Нанкинский договор не содержал также никакого обязательства английского правительства запретить своим подданным опиумную торговлю и фактически давал английским купцам возможность расширять контрабандный ввоз опиума в Китай.

В 1843 г. в Хумыне на реке Чжуцзян было подписано дополнительное англо-китайское соглашение о предоставлении Англии права наиболее благоприятствуемой нации и привилегии экстерриториальности (т. е. права консульской юрисдикции). Это же соглашение обязывало английских консулов требовать от своих купцов, чтобы они не уклонялись от уплаты пошлин цинским чиновникам. В 1843 г. был введен таможенный тариф, устанавливавший в Китае пошлины от 4 до 13% от стоимости на ввозимые в Китай товары и от 1,5 до 10,75% на экспортные. Под предлогом обеспечения выплаты контрибуции британское правительство еще некоторое время задерживало вывод своих войск из Динхая. Привилегия экстерриториальности для англичан и односторонний характер обязательств со стороны Китая ясно показывают неравноправность Нанкинского договора и последующих соглашений, навязанных Китаю Англией и другими капиталистическими государствами.

Экспансия США на Тихом океане и неравноправный договор США с Китаем в 1844 г.

Первая опиумная война положила начало закабалению Китая неравноправными договорами. Вслед за Англией в 1844 г. такие договоры навязали Китаю США и Франция.

США уже в первой половине XIX в. принимали активное участие в колониальной экспансии западных держав на Тихом океане. Распространение американской экспансии на Дальний Восток было обусловлено бурным экономическим развитием США и быстрым превращением их в крупное капиталистическое государство. Купцы и судовладельцы северо-восточных штатов еще с 80-х годов XVIII в. стали проявлять интерес к проникновению в Китай и другие страны Азии. В то же время они расширяли китобойный и рыболовный промысла и пушную торговлю в северной части Тихого океана. В Китай сбывались меха и звонкая монета, а оттуда американские купцы вывозили чай, шелк и другие товары. Эта торговля и китобойный промысел на Тихом океане до середины XIX в.

велись из портов атлантического побережья. В Орегоне действовали крупные фирмы, сбывавшие в Кантон меха.

На Тихом океане США выступали в качестве конкурента Англии. По размерам своей морской торговли с Китаем США значительно отставали от Англии, но они опережали в этом отношении все остальные западные страны. Американские купцы состязались с английскими в контрабандном ввозе в Китай опиума. В первой трети XIX в. в руках американских капиталистов был сосредоточен весь контрабандный ввоз в Кантон опиума из Турции.

В то же время купеческие корабли США стали проникать в Сиам и в Индонезию. Американский фрегат «Потомак» был послан в карательную экспедицию на остров Суматра. Замаскировав фрегат под торговое судно с голландским флагом, американцы в феврале 1832 г. подошли к берегу, обстреляли и сожгли селение Куале Бату в отместку за нападение местных жителей на судно непрошенных американских гостей, недавно побывавших у берегов острова.

В 1833 г. агент правительства США купец Робертс прибыл на судне «Пикок» в Сиам и заключил договор с сиамским правительством о беспошлинной торговле. Американские миссионеры и купцы проникли на Гавайские острова, где торговые и китобойные суда США пользовались стоянкой. Миссионеры занимали на островах земли, а купцы и китобои спаивали население ромом и скупали сандаловое дерево. Американские корабли посещали и острова Самоа на пути в южную часть Тихого океана. На севере Тихого океана американские купцы и зверопромышленники проникали в русские владения на Аляске, на Алеутских островах и к берегам Восточной Сибири.

Но главное направление экспансии США в странах Азии вело в Китай и в Японию. В 1830-е годы, с развитием текстильной промышленности северо-восточных штатов, усилилась заинтересованность американских предпринимателей в сбыте на китайском рынке бумажных тканей. Несмотря на англо-американскую конкуренцию, США поддерживали насильственные действия Англии в Китае и надеялись воспользоваться их результатами в собственных целях.

В 1839 г., во время первой опиумной войны, в китайские воды была послана американская эскадра, чтобы посредством морской демонстрации вынудить Китай к уступкам. Командующий эскадрой Кэрни принудил кантонские власти уплатить американским контрабандистам за конфискованный у них опиум более 100 тысяч ланов серебра. Бывший американский президент Д. К. Адамс в своей речи в Научном историческом обществе в декабре 1841 г. заявил, что, начав опиумную

войну, Англия действовала «совершенно справедливо» и что причина войны будто бы заключается не в опиуме, а в претензиях цинского правительства на «верховенство».

После первой опиумной войны правительство США послало в Китай своего уполномоченного Кушинга с письмом от президента Д. Тайлора к китайскому императору об установлении торговых и дипломатических отношений. Явившись в Макао на фрегате «Брэндивайн», Кушинг заявил, что имеет предписание следовать на север, в Пекин, для вручения этого письма. Без разрешения китайских властей «Брэндивайн» вошел в р. Чжуцзян и поднялся мимо Хумыня к Хуанпу (Вампу), что вызвало протесты цинских чиновников.

Через 10 дней Ци Ин сообщил Кушингу о получении полномочий на заключение договора. Во время переговоров возник спор о том, писать ли имя президента на одном уровне с именем императора или ниже. Велись также споры об экстерриториальном режиме для американских граждан. Американские матросы на берегу в драке убили китайца, и это вызвало ожесточенные споры о юрисдикции.

Ци Ин и И Ли-бу опасались, что США вступят в союз с Англией, и хотели задобрить их предоставлением прав наиболее благоприятствуемой нации и других льгот, чтобы использовать американцев против англичан. Императорский эдикт от 23 сентября 1843 г. указывал, что искусство «обуздания» одних иностранных «варваров» другими состоит в «поддержании полного равенства» между ними. Эдикт от 22 июля 1844 г. отмечал, что «Поднебесный двор, примиряя и обуздывая внешних варваров, взирает на них одинаково милостиво». Позиция цинского правительства сводилась к тому, чтобы за счет своего народа делать уступки всем иностранным державам в надежде столкнуть их друг с другом и взаимно ослабить их. На деле такая политика лишь способствовала дальнейшему закабалению Китая неравноправными договорами.

Угрожая заставить китайский народ «еще раз испытать все тяготы войны», Кушинг навязал Китаю неравноправный договор с США. Этот договор был подписан в Ванся 3 июля 1844 г. Договор предоставлял США право наиболее благоприятствуемой нации и на основе этого распространял на американцев все преимущества, уже предоставленные Англии. Сверх того, договор давал гораздо более широкое определение привилегий экстерриториальности, чем Хумыньское англо-китайское соглашение 1843 г., и обеспечивал за иностранными судовладельцами право беспошлинной перевозки грузов из одного открытого китайского порта в другой. Договор 1844 г. лишал американских купцов, ввозивших в Китай опиум, покровительства американского флага и защиты их американскими кон-

сулами, но надежды цинского правительства на то, что правительство США запретит своим подданным эту торговлю, не оправдались. Американская фирма «Рассел и К°», участники которой выступали в Кантоне, а потом и в Шанхае в качестве консулов США, в широких размерах занималась контрабандным ввозом в Китай опиума.

Еще в 30—40-х годах XIX в. США намеревались навязать неравноправные договоры также Японии и Корее, но были отвлечены от исполнения этих замыслов войною с Мексикой. Дальнейшая активизация политики США на Дальнем Востоке началась в конце 1840-х годов, после захвата Соединенными Штатами Калифорнии и Орегона и превращения США в тихоокеанскую державу. Перспективы роста торговли с Китаем, установления торговых сношений с Японией, развития китобойного и пушного промысла в огромной степени усилили заинтересованность капиталистических кругов США в рынках Восточной Азии и в захвате морских баз на путях туда. В 1851 г. уже был подготовлен проект аннексии Соединенными Штатами Гавайских островов, не приведенный в исполнение только вследствие обострения борьбы между Севером и Югом и боязни вызвать конфликт с Англией и Францией.

Экспансия Франции в Юго-Восточной Азии. Миссия Лагрене и договор 1844 г. между Францией и Китаем

Французские колонизаторы стали проникать далеко на Восток еще в XVII—XVIII вв., преследуя в то время главным образом разведывательные, политические и церковно-религиозные цели. При Людовике XIV притязания Франции на главенство в международной политике способствовали посылке французских католических миссий в самые отдаленные страны, в том числе в Китай и Вьетнам. Французские миссионеры во второй половине XVII в. играли заметную роль при пекинском дворе. В XVIII столетии поражение Франции в борьбе с Англией за колониальное первенство ослабило влияние французских католических миссий на Востоке. Но все же в 1787 г. при содействии миссионеров министр Людовика XVI Верженн заключил в Версале договор с епископом Адранским, действовавшим от имени претендента на вьетнамский престол Нгуэн Ана. За помощь Нгуэн Ану оружием и офицерами Франция должна была получить по этому договору монополию на торговлю с Южным Вьетнамом, участок территории в бухте Туран и остров Пуло Кондор. Католическим миссионерам обещана была свобода деятельности. Французская революция помешала осуществить этот договор.

Во времена Реставрации и Июльской монархии французское правительство не раз посылало своих дипломатических

агентов во Вьетнам, но Франция была слишком занята своей колониальной политикой на Ближнем Востоке и в Алжире, чтобы предпринять какие-либо крупные самостоятельные завоевательные действия на юге и востоке Азии.

В Китае и Вьетнаме находилось немало французских миссионеров, а французские капиталисты желали расширить свою торговлю с Китаем. Поэтому французское правительство, подобно США, намеревалось извлечь для себя выгоды из войны Англии с Китаем. Весной 1841 г. оно послало в Китай своих наблюдателей — капитана Сесиля и чиновника Дюбуа де Жансиньи, прибывших в Кантон на фрегате «Эригон». Цинское правительство понимало намерения французских агентов, но встретило их благожелательно, чтобы не толкнуть их на сторону Англии. Сесиль в свою очередь делал туманные намеки на возможность поддержки Китая Францией с целью расположить к себе цинских сановников.

В 1843 г. правительство Гизо направило в Китай из Франции дипломатическую и торговую миссию во главе с Лагренэ. Он должен был заключить с Китаем неравноправный договор и наметить для захвата остров в целях создания на нем французской военно-морской базы, опираясь на которую французский флот мог бы облегчить Франции соперничество с Англией на подступах к Китаю [1]. Такую морскую базу правительство Гизо предполагало захватить у китайских берегов или же у берегов Индо-Китая. Французским военным судам было предписано обследовать бухту Туран во Вьетнаме и особенно остров Басилан, вблизи Филиппинского архипелага.

Лагренэ должен был добиваться от Китая предоставления Франции прав наиболее благоприятствуемой нации в расчете на будущее развитие французской торговли с Китаем, оборот которой в то время, впрочем, был еще очень невелик. Но департамент земледелия и торговли специальной инструкцией поручил миссии Лагренэ изучить условия торговли в открытых портах Китая. Особый интерес французские фирмы проявляли к возможности ввоза китайского шелка-сырца, фарфора, чая и красок и вывоза в Китай вин, парижских ювелирных и галантерейных изделий.

Ци Ин считал возможным, что Франция в будущем поможет Китаю против Англии. Цинское правительство и в этом случае следовало своему правилу противопоставления одних «варваров» другим. Лагренэ пользовался этим и убеждал Ци Ина, что Китаю следует пойти Франции на уступки и обеспечить себе ее «дружбу».

---

[1] В 1842 г. французский протекторат был установлен над островами Таити, что обострило англо-французские противоречия на Тихом океане.

24 октября 1844 г. Ци Ин и Лагренэ подписали в Хуанпу франко-китайский договор. Этот договор давал Франции права наиболее благоприятствуемой нации. Договор предусматривал для китайцев свободу исповедания христианства, а французским миссионерам предоставлял право строить храмы и проповедовать в открытых портах Китая. «Защита христианства» была излюбленным девизом французских колонизаторов.

Посягательства Франции на остров Басилан вызвали беспокойство Испании, владевшей Филиппинским архипелагом. Опасения были напрасными: занятость войной в Алжире и отсутствие финансовых ресурсов для захвата и содержания морской базы в водах Тихого океана в конце концов побудило кабинет Гизо отказаться от мысли овладеть этим островом.

Последствия неравноправных договоров капиталистических держав с Китаем в 40-х годах XIX в.

Первая опиумная война и неравноправные договоры 40-х годов положили начало закабалению Китая капиталистическими государствами и превращению его в их полуколонию. Торгово-промышленное и военно-морское преобладание Англии позволяло ей извлекать из неравноправных договоров наибольшие выгоды, а принцип наиболее благоприятствуемой нации позволял автоматически распространять привилегии, исторгнутые у Китая другими капиталистическими государствами, на Англию и обратно. Неравноправные договоры означали для иностранных капиталистов свободу эксплуатации и закабаления китайского народа и отравления его опиумом. Английским колонизаторам в XIX в. в этом деле принадлежала ведущая роль. США и Франция шли следом за Англией, но в то же время были ее соперниками. Политика других западноевропейских стран — Испании, Португалии и Голландии — уже утратила самостоятельное значение. Главная забота правительств этих государств состояла в том, чтобы воспользоваться результатами действий более крупных хищников.

Дипломатия всех капиталистических государств сыграла немалую роль в колониальном закабалении великого китайского народа.

4. Русско-китайские дипломатические отношения до середины XIX в.

Русско-китайские дипломатические отношения в XVIII в.

Если западные государства до 1842 г. не имели договоров с Китаем, то русско-китайские отношения еще с конца XVII в. строились на договорных началах, как об этом свидетельствует заключение Нерчинского договора 1689 г. Нерчинский договор ликвидировал русские поселения в Приамурье, и

закрыл для России водный путь из Забайкалья на Охотское побережье. Китайское население и цинские власти на северный берег Амура тоже почти не проникали, и фактически области к северу от Амура не перешли во владение Китая.

Нерчинский договор имел большое положительное значение для обоих его участников, так как он на долгие времена закреплял между ними мирные отношения. Особенностью русско-китайских отношений XVIII и начала XIX в. была военная слабость обеих сторон в районе их общей границы. Для России эта слабость проистекала из крайней удаленности русско-китайской границы от жизненных центров страны и невозможности сосредоточить и содержать в этих удаленных и бездорожных районах сколько-нибудь значительные военные силы. У Китая военная слабость на русской границе была связана с аналогичными причинами и общей технической и экономической отсталостью страны и слабостью ее вооруженных сил. Россия и Китай обычно стремились к мирному урегулированию возникавших между ними вопросов. Мирные и добрососедские отношения в течение веков облегчали обеим сторонам борьбу с агрессорами, нападавшими на Россию преимущественно с запада, а на Китай — с востока, со стороны моря.

Однако в соответствии со своей политикой изоляции страны цинское правительство препятствовало развитию русско-китайской торговли. Много недоразумений вызывало условие договора о взаимной выдаче перебежчиков и преступников. Несколько русских посольств было направлено в Китай для разрешения этих споров. Петр I издал указ о посылке в Пекин русской духовной миссии под предлогом обеспечить православное богослужение для переселенных в Пекин жителей уничтоженного русского города Албазин и для приезжавших в Китай русских купцов. Главная цель указа состояла в создании лучших условий для развития торговых и политических сношений с Китаем. В 1715 г. духовная миссия выехала в Китай. В 1719—1722 гг. состоялась поездка в Пекин чрезвычайного посланника Петра I — Измайлова, получившего от цинских властей охранные грамоты для русских торговых караванов и разрешение на открытие в Пекине церкви для приезжающих туда русских купцов.

В 1724 г. в Китай было направлено посольство графа Саввы Владиславича Рагузинского формально для уведомления цинского двора о вступлении на престол Екатерины I, а фактически для переговоров о торговле и границах. После долгого пути посольство прибыло в Пекин, где оно пробыло 6 месяцев. После переговоров уполномоченные цинского правительства и

русский посол 21 октября 1727 г. в Кяхте подписали договор. Граница между обеими империями в районе Монголии устанавливалась на основе принципа uti possidetis. Договор предусматривал регулярные торговые отношения и право посылки русских казенных караванов в Пекин; 200 русских купцов могли раз в 3 года приезжать в Пекин и торговать там беспошлинно, строить лавки, дома, склады и т. д.

Кяхтинский договор подтверждал постановление Нерчинского договора о том, что русские подданные, совершившие преступление на китайской территории, а равно и китайские подданные, совершившие преступление на русской земле, подлежали выдаче пограничным властям своего государства для суда и наказания.

Рагузинский искусно обошел трудности, которые возникали при дипломатической переписке от имени царя с цинским двором вследствие претензий последнего на верховенство. Кяхтинский договор определял, что русско-китайские дела и переписка по ним должны вестись с китайской стороны «китайским трибуналом», т. е. палатой по сношениям с внешними областями Цинской империи (Лифаньюань), а с русской стороны — сенатом, или «трибуналом российским».

Кяхтинский договор узаконил постоянное пребывание в Пекине русской духовной миссии из нескольких духовных лиц во главе с архимандритом и с шестью светскими учениками для обучения китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. Возможность поддерживать сношения с цинским правительством через эту миссию имела важное значение для России в то время, когда в Пекине не было постоянного дипломатического представительства. В церковно-религиозном отношении миссия подчинялась синоду русской православной церкви, а в политических вопросах получала указания от российского ведомства иностранных дел. Члены миссии внесли немалый вклад в изучение Китая своими научными исследованиями. В то же время они выступали в качестве разведчиков и осведомляли Петербург о политическом положении в стране.

Кяхтинский договор подтверждал и уточнял прежние условия торговли с Китаем, в том числе устройство беспошлинного торга в Кяхте, Нерчинске и Селенгинске. В основном русская торговля велась с Китаем через Кяхту, где русские купцы обменивали пушнину и железные изделия на китайский чай, ткани, посуду и другие товары.

Цинское правительство готовилось к завоеванию Джунгарии и Кашгарии. Обычно цинский двор не посылал за границу своих послов, но в 1730 г. его посольство прибыло в Москву, чтобы заручиться союзом с Россией против джунгаров.

Правительство царицы Анны Иоанновны выразило желание поддерживать дружественные отношения с Китаем, но не пошло на посылку русских войск в далекие края против джунгаров.

Во второй половине XVIII в., после завоевания Цинской династией Джунгарии и Кашгарии, русско-китайские отношения не раз осложнялись главным образом из-за конфликтов по поводу выдачи перебежчиков, длительных перерывов в торговле между обеими сторонами, вызывавшихся нарушениями договоров, а также неприемлемыми для России требованиями китайского дипломатического церемониала.

Русско-китайские дипломатические отношения в начале XIX в. Миссия Головкина

После заключения в 1802 г. мира с Францией царское правительство усилило свое внимание к странам Востока и в 1804 г. направило в Китай посольство во главе с графом Ю. А. Головкиным. Под предлогом уведомления о вступлении на престол Александра I Головкин должен был прибыть в Пекин и добиваться доступа русских торговых судов в Кантон, открытия торговли по сухопутной границе с Северо-Западным Китаем, права судоходства по Амуру, необходимого для снабжения русских владений на Камчатке и Аляске провиантом и оружием, допуска русского посланника в Пекин и т. д.

В 1805 г. Головкин прибыл в Ургу, но не мог проследовать далее, так как заранее отказался становиться на колени и простираться ниц перед богдыханом, а ургинские начальники амбань и ван отклонили требования Головкина относительно церемонии его приема как представителя российского государя. После долгих препирательств относительно этикета и численности своей вооруженной охраны Головкин вынужден был вернуться обратно. Китайские купцы, заключавшие торговые сделки в Кяхте, мешали открытию торговли на других участках границы. Сенат послал в Пекин протест против действий цинского правительства в отношении миссии Головкина.

Отъезд Головкина обеспокоил цинский двор. В 1810 г. китайские посланцы прибыли для свидания с иркутским губернатором Трескиным в Маймачене, близ Кяхты, чтобы загладить случившееся, и говорили о желании Китая поддерживать с Россией дружественные отношения и принять новое русское посольство. Развитию сношений с Китаем содействовала русская духовная миссия в Пекине. С 1818 г. она усилила свою деятельность по доставлению в Петербург сведений о Китае. В 1833 г. миссии было предписано не увлекаться обращением в православие китайцев, чтобы не осложнять отношения России с Китаем.

Общее направление политики России в отношении Китая в 30—40-х годах XIX в.

До конца 50-х годов XIX в. Россия совсем не вела морской торговли с Китаем. Обороты же русско-китайской торговли через Кяхту с конца 40-х годов стали уменьшаться под влиянием развития морской торговли западных держав с Китаем после первой опиумной войны.

В отличие от Англии и США, поощрявших контрабандный ввоз в Китай опиума, из России опиум в Китай почти не поступал, и торговля им с Китаем была воспрещена русским подданным еще в 1841 г., о чем тогда же было уведомлено китайское правительство [1].

Огромные расстояния, малонаселенность и трудности передвижения через Сибирь в первой половине XIX в. по-прежнему делали царскую Россию на Дальнем Востоке неизмеримо более слабой, чем на материке Европы, где она до Крымской войны считалась сильнейшей военной державой. Восточная Сибирь оставалась малозаселенной и отдаленной колонией, в значительной мере служившей местом каторги и ссылки. На Тихом океане военный флот царской России был намного слабее не только английского, но и флотов Франции и США. Сухопутные войска на дальневосточных окраинах России оставались очень малочисленными. Царское правительство, занятое подавлением революционного движения в Европе и своей политикой на Ближнем Востоке, было заинтересовано в том, чтобы возможно дольше сохранить на востоке Азии то положение, которое существовало там до опиумных войн. Независимый Китай при условии, что он останется слабой страной, был для царской России более удобным соседом, чем Китай, сделавшийся орудием Англии.

В противоположность государствам, отделенным от Китая огромными водными пространствами, Россия была соседом Китая и имела общую с ним самую длинную в мире и слабо обороняемую сухопутную границу протяженностью в несколько тысяч верст. В силу этого Россия более всего была заинтересована в том, чтобы в Китае, и в особенности в ближайших к России владениях Китайской империи, а также в неразграниченных областях Приамурья и Приморья не установилось влияние каких-либо враждебных России государств.

Открытие китайских портов и развитие морской внешней торговли Китая грозило подорвать русско-китайскую сухопут-

---

[1] История этого вопроса изложена в донесении русского поверенного в делах в Пекине Кояндера от 26(14) июня 1881 г. Архив внешней политики России, фонд, Гл. арх., 1881, № 28, лл. 140—146.

ную торговлю, усиливая в то же время влияние в Китае противников России — Англии и Франции. Царская Россия вследствие отдаленности, слабости своего торгового флота и отсталости своей промышленности не могла вывозить в морские порты Китая свои товары с таким же успехом, как Англия и Франция, и не могла воспользоваться для этого неравноправными договорами с Китаем в той же мере, как буржуазия Западной Европы и США. Русские ткани не могли конкурировать с западноевропейскими в морских портах Китая. В силу всех этих причин царское правительство, несмотря на захватнический характер политики царизма, не проявляло инициативы в навязывании Китаю неравноправных договоров об открытии портов для иностранной морской торговли и даже иногда не торопилось обеспечить себе в открытых портах Китая права наиболее благоприятствуемой нации [1].

Кульджинский торговый договор 1851 г. между Китаем и Россией

Зато к середине XIX в. усилился интерес русской буржуазии к вывозу русских товаров в северо-западные окраины Китая, особенно в Джунгарию, где в силу географических условий западная конкуренция не была опасной. В Россию из этих районов привозился кирпичный чай и грубые ткани (даба). Министерство иностранных дел и министерство финансов разрабатывали меры по развитию этой торговли. В Кульджу и Чугучак под именем купца Хорошева в 1845 г. ездил русский чиновник Любимов. В 1851 г. в Кульджу для переговоров об условиях торговли прибыл полковник Е. Ковалевский. Летом 1851 г. Ковалевский и генерал-губернатор Илийского края И Шань со своим помощником Буянтаем подписали Кульджинский торговый договор. По этому договору Россия получила право на устройство в Кульдже и Чугучаке торговых факторий и назначала туда консулов. Договор подтверждал прежний принцип взаимной выдачи подданных обеих сторон властям своего государства для суда и наказания, но только в случае совершения ими важных уголовных преступлений. В случае же мелких конфликтов между китайскими и русскими подданными разрешение их на месте возлагалось на русского консула и китайских чиновников. Это условие вносило в Кульджинский договор элемент неравноправности.

---

[1] В 1843 г. контр-адмирал Е. В. Путятин предлагал снарядить экспедицию в Китай, чтобы завязать с ним (и с Японией) морскую торговлю, но министр финансов граф Канкрин боялся повредить кяхтинской торговле, и проект был оставлен (см. статью «Е. В. Путятин» в «Русском биографическом словаре», СПБ, 1910, стр. 162—164).

5. Изоляция Японии и Кореи

Безрезультатность попыток западных держав и царской России установить торговые и дипломатические отношения с Японией в первой половине XIX в.

Японское феодальное правительство вплоть до середины XIX в. проводило политику изоляции страны. Оно не желало дипломатических и торговых сношений с западными государствами, и допускало только существование голландской торговой факторпи на крохотном островке Десима возле Нагасаки. Между тем развитие торговли с Китаем и китобойного промысла в северо-западной части Тихого океана усиливали заинтересованность Англии и США в открытии японских портов для военных и торговых судов. В случае кораблекрушений у берегов Японии иностранцы не имели обеспеченного договорами права на покровительство и помощь со стороны японских властей и подвергались суровому обращению, что давало удобный предлог завязать переговоры. В 1808 г. английский фрегат посетил селение Иокогама, а в следующие годы происходили столкновения английских китобоев с японцами у японского побережья. Но ни в это время, ни позднее попытки завязать переговоры не имели успеха.

Ближайшим соседом Японии на северо-западе была Россия. На Камчатке, Курильских и Алеутских островах и на североамериканском побережье, в Аляске, в XVIII в. развернулась экспансия царской России, искавшей новых источников пушнины, торговых путей и земель для заселения. Эта экспансия сопровождалась крупными географическими открытиями и освоением новых областей русскими землепроходцами, мореплавателями и зверопромышленниками, положившими начало историческим правам России на Курильские острова и Сахалин и открывшими новый путь в Японию с севера. Как известно, открытие и освоение Курильских островов русскими мореплавателями и поселенцами началось еще в середине XVII в. В 1766 г. русские распространили свой контроль и на о. Итуруп.

Россия нуждалась в торговле с Японией главным образом для снабжения продовольствием своих поселений на Аляске, Алеутских и Курильских островах и на Охотском побережье. Однако попытки России завязать торговлю с Японией отвергались правительством сёгуна. В последней трети XVIII в. русские на Курильских островах вели торговлю с японцами на острове Эдзо, но японское правительство стремилось пресечь ее. Русская экспедиция капитана Лаксмана (1792—1793 гг.) добилась от правительства сёгуна разрешения на отправку в Нагасаки одного русского торгового судна в год, но это разрешение осталось неиспользованным и впоследствии было

отменено[1]. Посетившая Японию экспедиция Резанова и Крузенштерна (1804—1805 гг.) тоже не добилась установления торговых и дипломатических отношений с Японией. Однако Резанов, как глава отправленного в Японию посольства, воспользовался случаем, чтобы подтвердить фактически давно установленную принадлежность России островов, расположенных к северу от Японии, и заявил японским сановникам, что «на север от Матсмая (о-в Эдзо) все земли и воды принадлежат русскому императору»[2].

Рыбаки из княжества Мацумаэ на о-ве Эдзо еще с конца XVIII в. стали проникать на южную часть Сахалина, но ни Сахалин, ни даже Эдзо не принадлежали Японии[3]. В 1806 г. русский морской офицер Хвостов на шлюпе «Юнона» прибыл к Сахалину, основал в Томари-Анива колонию, где поселил несколько матросов, и объявил[4] местным жителям о принадлежности острова России. «Юнона» и тендер «Авось» под командованием Хвостова и Давыдова появились в 1807 г. у Итурупа и уничтожили на нем незадолго до этого самовольно основанное японское поселение. Экспедиция эта вызвала тревогу в Японии. Царское правительство, занятое европейскими делами и избегавшее в то время каких бы то ни было осложнений на Дальнем Востоке, вынуждено было объявить самовольными насильственные действия Хвостова и Давыдова против японских селений.

Расширение русских владений на Тихом океане вызвало среди правящих кругов Японии враждебность и беспокойство. Русский морской офицер В. М. Головнин и несколько его спутников в 1811 г. были задержаны японцами и больше года находились у них в плену. Японская экспансия распространялась на север, и некоторые японские публицисты, как, например, Тосиаки (Римэй) и Хонда, в конце XVIII в. даже выдвигали планы захвата Сахалина и Камчатки.

Изолированность Кореи

В первой половине XIX в. Корея представляла собой изолированное феодальное королевство, находившееся в вассальной зависимости от Китая, не имевшее сношений с западными госу-

---

[1] См. *Э. Я. Файнберг,* Экспедиция Лаксмана в Японии (1792—1793). Труды Московского ин-та востоковедения, М., 1947.

[2] Архив внешней политики России (АВПР), Гл. арх., 1—9, 1867, № 1, лл. 96—98.

[3] Даже в первой четверти XIX в. о-в Эдзо, по признанию некоторых японских историков, не входил в состав Японской империи.

[4] См. *В. Н. Берх,* Сношения русских с Японией или образцы японской дипломатики («Северный архив», 1826, ч. 22, стр. 212—223). Колония эта, по свидетельству Невельского, просуществовала до 1847 г.

А. Сгибнев. Попытки русских к заведению морских сношений с Японией («Морской сборник», 1869, № 1, стр. 63).

дарствами и Японией. Некоторые английские суда пытались проникнуть к берегам Кореи. Еще в 1831 г. у корейского побережья появилось вооруженное английское судно и его команда пыталась завязать переговоры с корейскими властями. В Корею через Китай проникали миссионеры и были известны там уже с конца XVIII в. С 30-х годов XIX столетия французские католические миссионеры широко развернули в Корее свою деятельность. Они использовали недовольство населения феодальным гнетом для привлечения на свою сторону крестьян и ремесленников и обращения их в католичество. Феодальное правительство Кореи усматривало в распространении католичества угрозу для своей власти.

В первой половине XIX в. Корея и Япония сохранили свою изолированность, но первая опиумная война и последовавшие за нею неравноправные договоры с Китаем подготовили почву для распространения колониальной экспансии капиталистических держав и на эти страны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ПАРИЖСКИЙ МИР

1. Международная ситуация накануне Крымской войны

Обострение восточного вопроса после революций 1848—1849 гг.

После подавления революции 1848 г. в международных делах Европы на первое место снова выдвинулся восточный вопрос. В основе назревавшего конфликта лежала борьба за господство на Ближнем Востоке между крупнейшими державами. С одной стороны, на это господство претендовала царская Россия, а с другой — Англия и Франция. Уже в 1849 г. споры о выдаче венгерских эмигрантов, укрывшихся в Турции, предвещали дальнейшее развитие конфликта из-за восточного вопроса.

Обе стороны выдвигали перед собой захватнические, несправедливые цели. Царское правительство стремилось упрочить внешними успехами режим самодержавно-крепостнической реакции и утвердить влияние России в Турции. Английская и французская буржуазия в свою очередь стремилась к подчинению Турции и всего Ближнего Востока своему политическому и экономическому преобладанию. Каждый участник этой борьбы опасался, что противник его опередит. В начале 50-х гг. соперники, боясь упустить время, стали стремиться ускорить развязку.

Соперники взаимно боялись друг друга. Правящие круги Англии и Франции опасались, что Россия овладеет турецкой столицей. Над царем же тяготел страх, что Турецкая империя вот-вот развалится, и при этом Англия сумеет сделаться хозяином положения на Ближнем Востоке. Каждое новое проявление слабости Турецкой империи усиливало опасения обеих сторон. В 1853 г. царь попытался выяснить, как посмотрят в Лондоне на возможность англо-русского соглашения о судьбах Турецкой империи.

Переговоры о разделе Турции

9 января 1853 г. на вечере у великой княгини Елены Павловны, на котором присутствовал дипломатический корпус, царь подошел к английскому послу Сеймуру и повел с ним тот разговор, с которого начинается дипломатическая история 1853 г.,

первого из трех кровавых лет, закончивших царствование Николая и открывших новую страницу в истории Европы. Царь заговорил с Сеймуром так, как будто не прошло почти девяти лет с тех пор, как он беседовал в июне 1844 г. в Виндзоре с Пилем и лордом Эбердином. Сразу же царь перешел к теме о том, что Турция — «больной человек». Николай не менял всю жизнь своей терминологии, когда говорил о Турецкой империи. «Теперь я хочу говорить с вами как друг и джентльмен, — продолжал Николай. — Если нам удастся прийти к соглашению — мне и Англии, — остальное мне неважно, мне безразлично, что делают или сделают другие. Итак, говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю. Я не приписываю вам этих намерений, но в подобных случаях предпочтительнее говорить ясно. С своей стороны, я равным образом расположен принять обязательство не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя — дело другое. Может случиться, что обстоятельства принудят меня занять Константинополь, если ничего не окажется предусмотренным, если нужно будет все предоставить случаю. Ни русские, ни англичане, ни французы не завладеют Константинополем. Точно так же не получит его и Греция. Я никогда не допущу до этого». Царь продолжал: «Пусть Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария поступят под протекторат России. Что касается Египта, то я вполне понимаю важное значение этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что, если при распределении оттоманского наследства после падения империи, вы овладеете Египтом, то у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии [острове Крите]. Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением». При прощании с Сеймуром Николай сказал: «Хорошо. Так побудите же ваше правительство снова написать об этом предмете, написать более полно, и пусть оно сделает это без колебаний. Я доверяю английскому правительству. Я прошу у него не обязательства, не соглашения: это свободный обмен мнений и, в случае необходимости, слово джентльмена. Для нас это достаточно».

Сеймур был приглашен к Николаю уже через пять дней. Второй разговор состоялся 14 января, третий — 20 февраля, четвертый и последний — 21 февраля 1853 г. Смысл этих разговоров был ясен: царь предлагал Англии разделить вдвоем с Россией части Турецкой империи, причем не предрешал участи Аравии, Месопотамии, Малой Азии.

Начиная эти разговоры в январе — феврале 1853 г., царь допустил три капитальные ошибки: во-первых, он очень легко

сбросил со счетов Францию, убедив себя, что эта держава еще слишком слаба после пережитых в 1848—1851 гг. волнений и переворотов и что новый французский император не станет рисковать, ввязываясь в ненужную ему далекую войну; во-вторых, Николай, на вопрос Сеймура об Австрии, ответил, что Австрия — это то же, что он, Николай, т. е., что со стороны Австрии ни малейшего противодействия оказано не будет; в-третьих, он совсем неправильно представил себе, как будет принято его предложение английским правительством. Николая сбивало с толку всегда дружественное к нему отношение Виктории; он до конца дней своих не знал и не понимал английской конституционной теории и практики. Его успокаивало, что во главе кабинета в Англии в этот момент, в 1853 г., стоял тот самый лорд Эбердин, который так любезно его выслушивал в Виндзоре еще в 1844 г. Все это, казалось, позволяло Николаю надеяться, что его предложение встретит благоприятный прием.

9 февраля из Лондона пришел ответ, данный от имени кабинета статс-секретарем по иностранным делам лордом Джоном Росселем. Ответ был резко отрицательный. Лорд Россель не менее подозрительно относился к русской политике на Востоке, чем сам Пальмерстон. Лорд Россель заявлял, что он не видит вовсе, почему можно думать, будто Турция близка к падению. Вообще он не находит возможным заключать какие бы то ни было соглашения касательно Турции. Далее, даже временный переход Константинополя в руки царя он считает недопустимым. Наконец, Россель подчеркнул, что и Франция и Австрия отнесутся подозрительно к подобному англо-русскому соглашению.

После получения этого отказа Нессельроде старался в беседе с Сеймуром смягчить смысл первоначальных заявлений царя, заверяя, что царь не хотел угрожать Турции, а лишь желал бы вместе с Англией гарантировать ее от возможных покушений со стороны Франции.

Перед Николаем после этого отказа открывалось два пути: или просто отложить затеваемое предприятие, или идти напролом. Если бы царь думал, что на сторону Джона Росселя станут Австрия и Франция, тогда нужно было бы выбирать первый путь. Если же признать, что Австрия и Франция не присоединятся к Англии, тогда можно было идти напролом, так как царь хорошо понимал, что Англия без союзников воевать с ним не решится.

Николай избрал второй путь. «Что касается Австрии, то я в ней уверен, так как наши договоры определяют наши отношения», — такую пометку сделал царь собственноручно на полях представленной ему копии письма лорда Росселя к Гамильтону Сеймуру. Таким образом, он сбрасывал Австрию со счетов.

Русско-французские трения в Турции

Столь же легко Николай сбросил со счетов и Францию. Это была самая важная его ошибка. Царь не понимал ни положения Франции после переворота 2 декабря, ни стремлений ее нового властелина. В этом полнейшем непонимании были виноваты также русские послы — Киселев в Париже, Бруннов в Лондоне, Мейендорф в Вене, Будберг в Берлине, а больше всех канцлер Нессельроде: все они в своих докладах извращали перед царем положение дел. Они писали почти всегда не о том, что видели, а о том, что царю было бы желательно от них узнать. Когда однажды Андрей Розен убеждал князя Ливена, чтобы тот, наконец, открыл царю глаза, то Ливен отвечал буквально: «Чтобы я сказал это императору?! Но ведь я не дурак! Если бы я захотел говорить ему правду, он бы меня вышвырнул за дверь, а больше ничего бы из этого не вышло».

Начало просветления последовало в связи с дипломатической распрей между Луи-Наполеоном и Николаем, возникшей по поводу так называемых «святых мест». Началась она еще в 1850 г., продолжалась и усиливалась в 1851 г., ослабла в начале и середине 1852 г. и вновь необычайно обострилась как раз в самом конце 1852 г. и начале 1853 г. Луи-Наполеон, еще будучи президентом, заявил турецкому правительству, что желает сохранить и возобновить все подтвержденные Турцией еще в 1740 г. права и преимущества католической церкви в так называемых «святых местах», т. е. в храмах Иерусалима и Вифлеема. Султан согласился. Но со стороны русской дипломатии в Константинополе последовал резкий протест с указанием на преимущества православной церкви перед католической на основании условий Кучук-Кайнарджийского мира. По существу эти пререкания, конечно, нисколько не интересовали ни Луи-Наполеона, ни Николая; для обоих дело шло о гораздо более серьезном вопросе. Впоследствии министр иностранных дел Наполеона III Друэн де Люис весьма откровенно заявил: «Вопрос о «святых местах» и все, что к нему относится, не имеет никакого действительного значения для Франции. Весь этот восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому [французскому] правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение почти полувека парализовал Францию. Наконец, представилась возможность посеять раздор в могущественной коалиции, и император Наполеон ухватился за это обеими руками». Для Наполеона III осложнения на Востоке, хотя бы под предлогом какой-то ссоры из-за «святых мест», были нужны, чтобы оторвать Англию и Австрию от России: именно на Востоке их

интересы расходились с интересами царя; для Николая же вопрос о «святых местах» тоже был удобным и популярным предлогом для обеспечения и расширения влияния в Турции. Незаметно дело о «святых местах» переплелось с выдвинутым Николаем притязанием на то, чтобы не только защищать права православной церкви в Иерусалиме и Вифлееме, но и стать признанным самой Турцией защитником всех православных подданных султана, т. е. получить право постоянного дипломатического вмешательства во внутренние турецкие дела.

В начале 1853 г. спор очень обострился. Абдул-Меджид и его министры под прямым давлением французской дипломатии стали особенно упорствовать в переговорах с Россией и в то же время удовлетворили большинство французских требований относительно «святых мест».

И все-таки Николай продолжал держаться за свою иллюзию: воевать Наполеон III из-за Турции не пойдет ни за что, Австрия также не осмелится, Англия не двинется без Австрии и Франции. Получив отказ Англии, царь решил идти напролом, но совершить прежде всего не военное, а пока только дипломатическое нападение на Турцию. Он приказал морскому министру Меншикову снарядить большую свиту и на военном линейном корабле плыть в сопровождении этой свиты в Константинополь с решительными требованиями к султану. В случае неполного их удовлетворения Меншикову разрешалось предъявить ультиматум.

2. Русско-турецкий конфликт 1853 г. и позиция великих держав

Миссия князя А. С. Меншикова в Турции

Меншиков был назначен в Турцию царем в качестве чрезвычайного посла и полномочного представителя. Нессельроде велено было изготовить для отъезжающего Меншикова инструкцию, основное положение которой было таково: «Распадение Оттоманской империи стало бы неизбежным при первом же серьезном столкновении с нашим оружием».

Меншикову официально поручалось резко и решительно покончить спор о «святых местах», добившись от султана специального договора с русским императором, причем в этот договор требовалось включить и признание права царя покровительствовать всем православным подданным султана. Николай ожидал успеха от миссии Меншикова ввиду того, что незадолго до прибытия русского посла султан согласился на

категорическое требование представителя Австрии Лейнингена удалить турецкую армию из пределов Черногории. Но разница была в том, что Черногория и ранее фактически не подчинялась Турции, а миссия Меншикова состояла в предъявлении к Турции требований, которые клонились к подрыву суверенной власти султана во всех тех его владениях, где имелось православное население. При этом Меншикову было дано понять, что на него в Зимнем дворце не рассердятся, если даже последствием его дипломатических действий явится война России с Турцией.

Прибывшего в Константинополь Меншикова встретили с необычайным почетом. Турецкая полиция не посмела даже разогнать толпу греков, которые устроили послу восторженную встречу. Меншиков повел себя с вызывающей надменностью. Он сразу же заявил, что не желает иметь дела с министром иностранных дел Фуад-эфенди, который стоял на стороне французов по вопросу о «святых местах», — и султан, перепуганный известием о сосредоточении двух русских корпусов в Бессарабии, уволил Фуада и назначил угодного Меншикову Рифаат-пашу. В Европе обратили большое внимание даже на чисто внешние провокационные выходки Меншикова: писали о том, как он сделал визит великому визирю, не снимая пальто, как резко говорил он с султаном Абдул-Меджидом. С первых же шагов Меншикова стало ясно, что в двух центральных пунктах он ни за что не уступит: во-первых, он желает добиться признания за Россией права на покровительство не только православной церкви, но и православным подданным султана; во-вторых, он требует, чтобы согласие Турции было утверждено султанским сенедом, а не фирманом, т. е. чтобы оно носило характер международно-правового обязательства по *договору* с царем, а не являлось бы простым указом султана, обращенным к его подданным и извещающим их о новом покровителе и о правах православной церкви. Что касается вопроса о Иерусалимском и Вифлеемском храмах, то по этим претензиям Абдул-Меджид был готов пойти на все уступки. Но теперь это царя уже не интересовало. 22 (10) марта 1853 г. Меншиков прочел вслух Рифаат-паше такую вербальную ноту: «Требования императорского [русского] правительства категоричны». А через два дня он прочел ему новую ноту, которая требовала прекращения «систематической и злостной оппозиции». Тут же он представил проект «конвенции», которая делала Николая, как сразу же заявили дипломаты других держав, «вторым турецким султаном».

Контрманевры английского посла в Константинополе

Султан переходил от паники к возмущению, после раздражения опять впадал в панику, когда 5 апреля 1853 г. в Константинополь прибыл в качестве британского посла Стрэтфорд-Каннинг, старый враг русского влияния в Турции и личный недруг Николая, оскорбившего его еще в 1832 г. Стрэтфорд был убежденнейшим сторонником устранения русских притязаний хотя бы вооруженной рукой, с тем чтобы, парализовав влияние России, полностью подчинить Турцию влиянию Англии. Почти одновременно в Лондоне произошла перемена: статс-секретарем по иностранным делам вместо ушедшего старого лорда Росселя в кабинет Эбердина вступил лорд Кларендон, подголосок Пальмерстона. В Петербурге думали, что это признак благорасположения Эбердина к России. Кларендон дал Стрэтфорду очень широкие полномочия в Константинополе. Стрэтфорд, который с 1853 г. назывался лордом Стрэтфордом-Редклифом, быстро повел дело к войне. Сделал он это очень умно и тонко. Небрежный, высокомерный, великосветский барин, дилетант в дипломатии, Меншиков не мог равняться с осторожным и опытным английским дипломатом-интриганом. Стрэтфорд сразу же понял по поведению Меншикова, какие ему даны инструкции, в чем истинные цели царя, и посоветовал султану и его министрам уступать до последней возможности по существу требований, по которым шел спор России и Франции о «святых местах». Стрэтфорду было ясно, что Меншиков этим не удовлетворится, потому что он не для этого приехал. Меншиков начнет настаивать на таких требованиях, которые уже будут носить явно агрессивный характер, и тогда Англия и Франция поддержат Турцию. Стрэтфорд-Редклиф знал, что в Лондоне глава кабинета, Эбердин, не очень желает обострения дела: поэтому британский посол счел, на всякий случай, целесообразным прибегнуть к подлогу. От него требовали в Лондоне, чтобы он прислал точный текст того проекта конвенции между Россией и Турцией, который, как сказано, Меншиков предъявил Рифаат-паше. В статье первой этого проекта говорилось о том, что русское правительство получает право, как в прошлом, *делать представления* (турецкому правительству) в пользу церкви и духовенства. Стрэтфорд-Редклиф, переписывая текст ноты для отсылки лорду Кларендону, в Лондон, уже от себя вместо *«делать представления»* написал *«давать приказы»*.

Этот подлог резко менял весь характер ноты, и по очевидным расчетам Стрэтфорда-Редклифа должен был вызвать раздражение в кабинете и дать Пальмерстону и его послушному ученику Кларендону перевес над колебавшимся лордом Эбердином. Расчет оправдался вполне. Впрочем, Меншиков и без

того очертя голову шел прямо в западню, расставленную ему английским послом. Стрэтфорд ухитрился как-то внушить Меншикову, что Рифаат-паша не друг, а враг России. Тогда сам же Меншиков, который посадил Рифаата вместо Фуад-эфенди, стал домогаться отставки Рифаата и назначения вместо него предложенного тем же Стрэтфордом настоящего врага России — Решид-паши. А главное, всеми своими действиями Стрэтфорду удалось внушить князю Меншикову убеждение, что Англия, в случае войны, ни за что не выступит на стороне султана.

События развернулись именно так, как и хотел Стрэтфорд: 5 мая Порта уступила во всем, что касалось «святых мест»; тотчас же после этого Меншиков, видя, что желанный предлог к занятию дунайских княжеств исчезает, предъявил прежнее требование о договоре султана с русским императором. Султан просил отсрочки. После совета со Стрэтфордом султан и министры в тот же день отклонили требования Меншикова. Тотчас же вместо Рифаата был назначен Решид-паша, агент Стрэтфорда.

Занятие русскими войсками дунайских княжеств

Меншиков объявил, что порывает отношения с Портой, и вместе со своей свитой 21 мая 1853 г. выехал из Константинополя в Одессу. По совету Стрэтфорда султан уже 4 июня издал фирман, т. е. указ, торжественно гарантирующий права и привилегии христианских церквей, но в особенности права и преимущества православной церкви. В ответ Николай издал манифест о том, что он, как и его предки, должен защищать православную церковь в Турции, и что для обеспечения исполнения турками прежних договоров с Россией, нарушаемых султаном, царь принужден занять дунайские княжества (Молдавию и Валахию). 21 июня 1853 г. русские войска перешли через реку Прут и вступили в Молдавию. Но война Турции не была объявлена. Не объявляла войны и Турция.

Позиция Франции в русско-турецком конфликте

Уже в марте, прослышав о первых шагах Меншикова в Константинополе, Наполеон III приказал своему военному флоту, стоявшему в Тулоне, немедленно отплыть в Эгейское море, к Саламину, и быть наготове. Наполеон решил воевать с Россией. Защита Турции от возможного русского завоевания представлялась императору французов решительно необходимой. Сравнительная сдержанность лорда Эбердина вызывала у французской дипломатии подозрение, не желает ли Англия одурачить французов и в конце концов договориться с Россией вдвоем насчет раздела турецких владений, как это и предлагал царь Гамильтону Сеймуру в начале

1853 г. Уже после отплытия французского флота в восточную часть Средиземного моря последовал приказ и британской эскадре идти туда же. Положение обострялось. Ненависть к Николаю, столпу всемирной реакции, была так сильна, что во Франции и Англии не могло быть в тот момент более популярной войны, чем война против царского правительства. И это подталкивало Наполеона III, который видел в войне против Николая возможность не только покрыть славой свой трон, но и несколько умиротворить оппозицию, загнанную в подполье, в эмиграцию и в ссылку.

Позиция Австрии в русско-турецком конфликте

Осенью 1853 г. европейская дипломатия была в большом волнении. Буоль, министр иностранных дел Австрийской империи, вел оживленные переговоры на два фронта: он старался, с одной стороны, убедить царя в необходимости поскорее прийти к соглашению с Турцией и очистить дунайские княжества, а с другой — интриговал в Париже и Лондоне, желая узнать, что можно получить от западных держав за политику, враждебную России.

Буолю удавалось с большим успехом шпионить вокруг русского посольства в Вене. Франц-Иосиф уже с 1853 г. стал занимать антирусскую позицию. С другой стороны, он испытывал страх и перед Наполеоном III, который делал довольно прозрачные намеки на возможность без особых затруднений выгнать Австрию из Ломбардии и Венеции. Император французский не скрывал от барона Гюбнера, австрийского посла в Париже, что не очень расположен дозволять Австрии остаться в положении нейтральной страны. Следовательно, Францу-Иосифу предстояло либо выступить заодно с Наполеоном III и Англией и добиваться удаления русских войск из Молдавии и Валахии, либо действовать совместно с Николаем и, в случае его победы над Турцией, утратить положение самостоятельного монарха первоклассной державы и уж во всяком случае потерять Ломбардию и Венецию.

Но Австрия была также членом Германского союза, где главным после Австрии государством являлась Пруссия.

Позиция Пруссии в русско-турецком конфликте

В Пруссии положение было иное. Возможное крушение Турции не затрагивало жизненных интересов Пруссии. Кроме того, в тот момент уже начала выявляться линия, которую потом так энергично повел Бисмарк: линия расширения и углубления антагонизма между Пруссией и Австрией. Бисмарк в годы Крымской войны еще не играл руководящей роли в прусской политике; он был всего лишь представителем Пруссии в сейме Германского союза. Но его точка зрения, именно в силу своей определенности, в конце концов

возобладала: во имя чего Пруссии занимать антирусскую позицию в разгорающемся на Востоке конфликте? Чем более будет ослаблена Австрия, тем это будет выгоднее для Пруссии. При прусском дворе и в прусском правительстве образовались две партии — «английская» и «русская». Во главе «английской» стоял прусский посол в Лондоне Бунзен; ей сочувствовала почти вся либеральная буржуазия; с 1854 г. с этой партией стал сближаться и консервативнейший брат и наследник короля принц Прусский Вильгельм. «Русская» партия возглавлялась другом короля генералом Леопольдом фон Герлахом; за ней шла вся аристократия, большинство дворянства. Очень многие в этой «русской» партии руководствовались не столь сложными дипломатическими расчетами и выкладками, как Бисмарк, а просто видели в Николае наиболее прочную и надежную опору абсолютизма и дворянской реакции против поднимающейся буржуазии. Таким образом, царя противопоставляли не Австрии, как это делал Бисмарк, а либеральной Англии.

Сам король Фридрих-Вильгельм IV не знал, на что решиться. Он опасался Наполеона III, боялся Николая и метался из стороны в сторону. Бисмарк, с раздражением следивший из Франкфурта за этими зигзагами, говорил, что прусская королевская политика напоминает пуделя, который потерял своего хозяина и в растерянности подбегает то к одному прохожему, то к другому.

«Венская нота»

В конце концов выяснилось, что Пруссия не примкнет к Англии и Франции, а Австрия без Пруссии не решится это сделать. Буоль составил проект ноты, который вручил приглашенным им на совещание послам Англии и Франции в Вене. В этой ноте предлагалось, чтобы Турция приняла на себя обязательство соблюдать все условия Адрианопольского и Кучук-Кайнарджийского мирных договоров; снова подчеркивалось положение об особых правах и преимуществах православной церкви. Решено было послать эту ноту 31 июля 1853 г. царю, а в случае согласия царя — султану. Николай согласился.

Прослышав о том, что в Вене намечается какой-то компромисс, Стрэтфорд-Редклиф сейчас же начал подводить дипломатическую мину для срыва затеянного соглашения. Он заставил султана Абдул-Меджида отклонить «Венскую ноту», а сам еще до того поспешил составить, якобы от имени Турции, другую ноту, с некоторыми оговорками против «Венской ноты». Царь ее в свою очередь отверг. По существу «Венская нота» совпадала с собственным проектом турок, но, для того чтобы оправдать отказ турок от принятия этой ноты, Стрэтфорд-Редклиф постарался изо всех сил раздуть «негодование» турок на

толкование «Венской ноты», данное канцлером Нессельроде. Царь в это время получал от Киселева из Парижа самые утешительные известия о невозможности совместного военного выступления Англии и Франции.

Объявление Турцией войны России

Наступил октябрь. Побуждаемый заверениями Стрэтфорда и французского посла Лакура, султан объявил России войну. А вскоре после этого английской и французской дипломатией получено было точное подтверждение известия, которое уже раньше пронеслось по Европе: 18 (30) ноября 1853 г. адмирал Нахимов атаковал турецкий флот в Синопской бухте, истребил его и разрушил береговые укрепления.

3. Вступление Англии и Франции в войну против России

Синопское сражение явилось тем толчком, который разрядил давно скоплявшееся электричество. В середине декабря Наполеон III объявил британскому послу в Париже лорду Каули, что намерен приказать своему флоту войти в Черное море. Это предрешило и действия британского кабинета. Еще в феврале 1853 г., как только пришли первые донесения Сеймура из Петербурга о доверительных беседах с ним царя, статс-секретарь Кларендон и французский посол в Лондоне граф Валевский подписали соглашение, по которому Англия и Франция обязывались ничего не предпринимать в области восточного вопроса без предварительной договоренности. Теперь настал момент для выполнения этого обязательства. Эбердин согласился дать английскому флоту соответствующие распоряжения. Колебания английской дипломатии длились недолго. После Синопа в английских общественных кругах возбуждение против России росло в неимоверной степени. В прессе громко обвиняли даже королеву Викторию и ее мужа в подозрительных, чуть ли не изменнических замыслах. Когда внезапно 15 декабря 1853 г. Пальмерстон подал в отставку, настоящая буря негодования обрушилась на кабинет, откуда «выжили честного патриота» и т. д. Спустя неделю Эбердин упросил Пальмерстона вернуться в министерство. Это возвращение отдавало кабинет Эбердина полностью в руки Пальмерстона. Война против России была этим предрешена.

4 января 1854 г. соединенный англо-французский флот вошел в Черное море, и два адмирала, начальствовавшие над флотом, известили русские власти, что имеют задание ограждать турецкие суда и порты от нападений с русской стороны.

Немедленно Нессельроде по приказу Николая обратился к русскому послу в Париже — Киселеву и лондонскому — Бруннову, предлагая им запросить оба правительства, при которых эти послы аккредитованы, как понимать сообщение адмиралов. Относится ли фактическое запрещение плавать по Черному морю только к русским судам или также к турецким? В случае если окажется, что запрет распространяется только на русские суда, Бруннову и Киселеву предписывалось тотчас прервать дипломатические сношения и покинуть Лондон и Париж.

Английская пресса писала о необходимости бороться за независимость Турции. На самом же деле в самой Турции фактическими хозяевами положения были Стрэтфорд-Редклиф и французский посол Барагэ д'Илье. Единственным утешением для султана являлось то, что Стрэтфорд и Барагэ д'Илье яростно и непрерывно ссорились между собой.

29 января 1854 г. в официальном органе французского правительства «Монитер» появилось письмо французского императора Наполеона III к всероссийскому императору Николаю Павловичу. Наполеон писал, что гром синопских пушек оскорбил французскую и английскую национальную честь; он предлагает царю последний выход: увести войска из Молдавии и Валахии; тогда Франция и Англия прикажут своим флотам покинуть Черное море. А затем пусть Россия и Турция назначат уполномоченных для мирных переговоров. Этот необычный в дипломатическом обиходе прием — публичное обращение одного царствующего монарха к другому — был правильно понят всей Европой, как попытка перед самым взрывом войны свалить всю ответственность на противника, выставив напоказ свое миролюбие. Николай ответил 9 февраля. Одновременно с отсылкой подлинника в Париж он также приказал напечатать копию своего письма в «Журналь де Сен-Петерсбург», официальном органе русского министерства иностранных дел. Царь отвечал, что ему русская честь так же дорога, как Наполеону III французская; Синопский бой был вполне правомерным действием; нельзя приравнивать занятие дунайских княжеств к фактическому овладению Черным морем посредством посылки туда французского и английского флотов и т. д. Оба императора подписались памятной им обоим формулой: «Вашего величества *добрый друг*».

А уже на третий день после отправления письма Наполеона III в Петербург Киселев получил в Париже и официальную ноту Друэн де Люиса. Нота носила нарочито вызывающий характер; она разъясняла, что запрет плавания по Черному морю касается лишь русского флота, а не турецкого.

Немедленно, в силу уже ранее полученных инструкций, Киселев заявил о разрыве дипломатических сношений между Россией и Францией.

Выступление Франции против России в данном случае было настолько слабо мотивировано, что и Николай в Петербурге и Киселев в Париже постарались подчеркнуть, что на разрыв с Францией они смотрят иначе, чем на одновременно последовавший разрыв с Англией. Николай велел немедленно прислать на дом Гамильтону Сеймуру паспорта на выезд посольства. А генералу Кастельбажаку, французскому послу, предоставили, когда ему заблагорассудится, заявить о желании уехать и получить паспорта; при очень милостивом прощании с генералом Николай дал послу один из самых высоких орденов — звезду Александра Невского. Этим необычайным жестом как бы подчеркивалось, что царь считает разрыв с Францией дипломатическим недоразумением, которое может так же скоро уладиться, как внезапно оно и возникло. Еще больше это было подчеркнуто при отъезде Киселева из Парижа. Киселев, уведомив уже 4 февраля 1854 г. министра Друэн де Люиса о своем отъезде с посольством из Парижа, тотчас после этого заявил, что желал бы лично откланяться императору Наполеону. Вот как объяснял Киселев в письме к Нессельроде свой поступок, который, кстати говоря, не вызвал ни со стороны канцлера, ни со стороны Николая ни малейших возражений. «Если вопреки обычаю я пожелал проститься с Луи-Наполеоном в частном свидании перед тем, как потребовать мой паспорт, это потому, что я знал, как он чувствителен к такого рода манифестациям и проявлениям личного почтения, и насколько воспоминание о подобном поступке могло бы, при случае, помочь завязать вновь сношения». Наполеон принял Киселева в утренней аудиенции, наедине, и они говорили долго. Император утверждал, будто его поведение во всем этом конфликте было самым примирительным. Слегка, намеком, Наполеон III коснулся и злосчастной истории с его титулованием, и Киселеву стало ясно, что его собеседник ее не забыл и не простил. Киселев даже сказал: «Государь, позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь... Франция бросается в войну, которая ей не нужна, в которой она ничего не может выиграть, и она будет воевать только, чтобы служить целям и интересам Англии. Ни для кого тут не секрет, что Англия с одинаковым удовольствием увидела бы уничтожение любого флота, вашего флота или нашего, и, чего здесь не понимают, это то, что Франция в настоящее время помогает разрушению [русского] флота, который в случае нужды был бы наилучшим для вас помощником против того флота, который когда-нибудь повернет свои пушки

против вашего». Французский император выслушал эти многозначительные заявления молча, и — что крайне показательно — ни одним словом Киселеву на них не возразил. Любопытно, что собственно о Турции оба собеседника как-то совершенно забыли. Наполеон III даже не сообразил, что для приличия следовало хотя бы упомянуть о «независимости» страны, якобы для «защиты» которой он обнажает меч и начинает кровавую войну.

4. Дипломатическая деятельность великих держав во время Крымской войны

Проект ослабления и расчленения России, выдвинутый Пальмерстоном

От формального объявления войны России Англией и Францией 27 и 28 марта 1854 г. и до ноября и декабря 1855 г., когда возобновились негласные сношения между русскими и французскими дипломатами, дипломатическая деятельность великих держав сосредоточивала свой интерес главным образом на Вене. Усилия Англии и Франции были направлены на то, чтобы заставить Австрию во что бы то ни стало выступить против России. Действия австрийской дипломатии имели в виду разрешение очень трудной задачи: не объявляя формально войны России, заставить Николая убрать войска из Молдавии и Валахии и устроить это так, чтобы не рассердить Наполеона, но и не рассориться с царем. Что касается дипломатических отношений между самими союзниками, то сначала еще не выявлялось коренное расхождение между целями Англии и Франции. Однако сейчас же после падения Севастополя оно обнаружилось с совершенной ясностью. Пальмерстон, душа кабинета лорда Эбердина, считал, что война может основательно ослабить Россию. У Англии есть такой союзник, как Французская империя; в перспективе можно, обещая компенсации за счет России, заполучить еще трех союзников: Австрию, Пруссию и Швецию. Никогда уже не повторится более благоприятная комбинация. Нет страны на свете, которая так мало проигрывала бы от войн, как Англия! — восхищался Пальмерстон, настойчиво повторяя эту фразу.

Собственные цели британской политики неоднократно выяснялись в английской прессе, но точка зрения самого Пальмерстона, наиболее полно изложенная им лорду Джону Росселю, сводилась к следующему: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; Королевство Польское должно быть восстановлено как барьер

между Россией и Германией (не Пруссией, а *Германией*); Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходят к Австрии, а Ломбардия и Венеция — от Австрии к Сардинскому королевству (Пьемонту); Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причем часть Кавказа, именуемая у Пальмерстона «Черкессией», образует отдельное государство, находящееся в вассальных отношениях к турецкому султану. Подголосок Пальмерстона, статс-секретарь по иностранным делам лорд Кларендон, ничуть не возражая против этой программы, постарался в своей большой парламентской речи 31 марта 1854 г. подчеркнуть «умеренность» и «бескорыстие» Англии, которая будто бы вовсе не боится за Индию, не нуждается ни в чем для своей торговли, а лишь благородно и высокопринципиально ведет «битву цивилизации против варварства».

До поры до времени Наполеон III, с самого начала не сочувствовавший пальмерстоновской фантастической идее раздела России, по понятной причине воздерживался от возражений: программа Пальмерстона была составлена так, чтобы приобрести новых союзников. Привлекались таким путем и Швеция, и Австрия, и Пруссия, поощрялась к восстанию русская Польша, поддерживалась война Шамиля на Кавказе, обеспечивалось также выступление против России Сардинского королевства. А новые союзники были Франции и Англии очень нужны; чем более отчаянной делалась героическая оборона Севастополя, тем они становились необходимее. Но на самом деле Наполеону III отнюдь не хотелось ни слишком усиливать Англию, ни сверх меры ослаблять Россию. Поэтому, как только победа была союзниками одержана, сейчас же Наполеон III начал подкапываться под программу Пальмерстона и быстро свел ее к нулю.

Но на первых порах между Англией и Францией не было ни малейших разногласий. В Вене союзниками был дан дипломатический бой Николаю, и этот бой был царем проигран.

Миссия А. Ф. Орлова в Вене

Николай понял это не сразу. Правда, уже после Синопа, когда западные державы открыто готовились объявить России войну, позиция Австрии показалась Николаю подозрительной. Тогда царь решил повести переговоры с Францем-Иосифом через посредство доверенного человека.

Николай послал в Вену графа Орлова, очень ловкого царедворца, умевшего искусно вести переговоры, что тот доказал еще в 1833 г. при заключении договора с Турцией в Ункпар-Искелесси.

31 января 1854 г. Орлов передал австрийскому императору такие предложения: Австрия объявляет дружественный России

нейтралитет в начинающейся войне России с западными державами. За это царь берет на себя ручательство за полную неприкосновенность австрийских владений и обязывается побудить Пруссию и с ней весь Германский союз присоединиться к этой гарантии. Затем, в случае победы России и распада Турции, Россия и Австрия на равных правах объявляют свой протекторат над Сербией, Болгарией, Молдавией и Валахией.

В ответ на это Франц-Иосиф в свою очередь спросил Орлова: «Уполномочены ли вы подтвердить предшествующие заявления вашего императора: во-первых, что он будет уважать независимость и целостность Турции; во-вторых, что он не перейдет через Дунай; в-третьих, что он не слишком надолго продлит оккупацию княжеств [Молдавии и Валахии]; в-четвертых, что он не будет стараться изменить отношения, существующие между султаном и его подданными». На эти вопросы Орлов не ответил. Ему трудно было что-либо сказать, когда царь на все четыре вопроса уже давал определенно отрицательный ответ своими действиями.

Орлова в Вене чествовали. Вся реакционная австрийская аристократия ухаживала за ним, как за представителем царя, «спасшего» Австрию и чуть ли не всю Европу от революции. Но Франц-Иосиф не пожелал принять предложения Николая, и Орлов уехал из Вены ни с чем. Перед отъездом он написал царю интереснейшее письмо, в котором в сущности советовал перевернуть вверх дном всю систему политики Николая, отвернуться от тени Священного союза и сблизиться с Францией. «Видя это бессилие и это малодушие Германии и в то же время узнав про предложение о посредничестве, исходящее в этот момент от Луи-Наполеона, я спрашиваю себя, не было ли бы лучше принять это посредничество в случае, если оно содержит почетные условия, за основу для прямого соглашения, оставив в стороне тех друзей, добрые намерения которых проваливаются из-за овладевшего ими страха?» Но войти в тот момент в соглашение с Наполеоном III значило бы совсем отказаться от войны с Турцией и от всей политики царя на Востоке. Да и слишком еще не хотелось Николаю поверить, что он не понял самых основ австрийской политики, спасая Австрию 1849 г. и считая так долго Франца-Иосифа своим лучшим и преданнейшим другом. Из усилий Орлова победить рутинную дипломатию Николая ничего не вышло.

Сейчас же после отъезда Орлова из Вены Франц-Иосиф приказал направить в Трансильванию 13-тысячный отряд. Это было уже некоторой угрозой русским оккупационным войскам на Дунае.

Позиция Пруссии во время Крымской войны

С тех пор Николай удвоил свою любезность по отношению к Пруссии. Но и тут его ждали разочарования. Король продолжал колебаться из стороны в сторону.

В конце февраля 1854 г., возвращаясь из Петербурга в Лондон после разрыва дипломатических отношений, английский посол Сеймур сделал неудачную попытку втравить Пруссию в войну с Россией. Но Фридрих-Вильгельм IV отвечал: «Я не хочу, чтобы вместо сражений на Дунае происходили сражения в Восточной Пруссии». Король добавил, что на границе Пруссии уже стоит 200-тысячная армия. Для Англии было важно уже то, что часть русских сил была оттянута от Юга. Затем к королю упорно приставал с теми же домогательствами французский посол в Берлине маркиз де Мустье. Но и тут ничего не вышло. Тогда английская пресса пустилась на прямые угрозы. Бисмарк во Франкфурте жаловался английскому представителю Александру Мэлету на эти неприличные застращивания. «Ни в коем случае мы не станем союзниками России, — сказал при этом Бисмарк, — но брать на себя риск и издержки по войне с Российской империей — совсем иное дело, особенно, если правильно взвесить возможные выгоды для Пруссии даже в случае успешного исхода подобной войны».

В апреле 1854 г., после отправления французской и английской десантной армии к Варне, австрийский министр Буоль окончательно осмелел: с согласия Франца-Иосифа он предложил Пруссии присоединиться к австрийскому представлению: просить Николая убрать свои войска из Молдавии и Валахии.

И тут король Фридрих-Вильгельм IV, теснимый в это самое время как англичанами, так и французами, не посмел отказаться и 20 апреля (1854 г.) согласился примкнуть к Австрии. «Английская» партия при прусском дворе взяла верх. Фридрих-Вильгельм еще в марте жаловался Сеймуру, что Николай, говоря о нем, употребляет «такие сильные выражения», которые даже и повторить не совсем удобно. Новый поступок короля (договор с Австрией 20 апреля) окончательно преисполнил царя негодованием. А об Австрии он писал в середине мая 1854 г. Паскевичу: «Итак, настало время бороться не с турками и их союзниками, но обратить все наши усилия против вероломной Австрии и горько наказать ее за бесстыдную неблагодарность». Но силы союзников уже сосредоточились в Варне. Выступления Австрии ждали 13 июля; царь получил об этом достоверные сведения ровно за месяц, 13 июня. Тогда он дал приказ об отступлении русских войск из дунайских княжеств.

«Четыре пункта» Наполеона III (18 июля 1854 г.)

Отныне война была, по сути дела, проиграна. С высадкой союзных войск в Крыму военные действия принимали для России чисто оборонительный характер. Еще до тех пор, как высадка была фактически совершена, Наполеон III приказал сформулировать «четыре пункта», сообщить их Австрии, Пруссии и, конечно, Англии и затем от имени четырех держав предъявить их Николаю. Пункты были приняты Англией и Австрией. Но король прусский боялся принимать участие в этом новом враждебном выступлении всех великих держав против царя и не желал помогать усилению Австрии. Узнав, что Австрия начала постепенно занимать своими войсками те части Молдавии и Валахии, которые очищались уходящей русской армией, Фридрих-Вильгельм IV внезапно ощутил раскаяние и переметнулся на сторону царя, объявив, что разрывает подписанное с Австрией 20 апреля соглашение. Тогда на него опять нажали из Парижа и Лондона, и король, хотя и не подписал «четырех пунктов», согласился не протестовать против того, что говорилось в них о Пруссии. Нота была отправлена в Петербург.

Вот эти пункты, сформулированные окончательно 18 июля 1854 г.: 1) дунайские княжества поступают под общий протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии, причем временно оккупируются австрийскими войсками; 2) все эти пять держав объявляются коллективно покровительницами всех христианских подданных султана; 3) эти же пять держав получают коллективно верховный надзор и контроль над устьями Дуная; 4) договор держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы, заключенный в 1841 г., должен быть коренным образом пересмотрен.

Царь получил «четыре пункта», но ответа не давал. Срок ему не был поставлен. Наполеон III и английское правительство решили перевести армию из Варны в Крым и с этого времени до известной степени ослабили свое влияние на Австрию. В Вене жаловались, что, переводя свои силы в Крым, союзники оставляют Австрию лицом к лицу с грозным русским соседом. В Австрии продолжали бояться России, несмотря ни на что. Считали, что Россию можно разбить, но нельзя ее ослабить на длительное время: горе тем соседям, которые соблазнятся ее временной слабостью.

Наступила страшная осень 1854 г. с кровопролитными сражениями под Альмой, Балаклавой, Инкерманом, с первыми бомбардировками Севастополя. Дипломатия бездействовала. Союзники с беспокойством следили за неожиданно затянувшейся осадой Севастополя, сдачи которого ожидали через несколько дней после высадки.

Пришла зима с ужасающим ноябрьским штормом, с болезнями, колоссальной смертностью в лагере союзников. В Вене русским послом был уже не Мейендорф, а Александр Михайлович Горчаков, и Буоль по мере роста бедствий, которые французам и англичанам приходилось зимой испытывать под Севастополем, становился все дружественнее и сердечнее к Горчакову. Внезапная весть о смерти Николая (в феврале 1855 г.) не надолго оживила надежды на мир. Франц-Иосиф и Буоль получили очень смутившее их странное и неприятное известие из Парижа. Оказалось, что, как только Наполеон III получил известие о смерти Николая, он тотчас же пригласил во дворец саксонского посланника фон Зеебаха, женатого на дочери русского канцлера Нессельроде, и выразил (для передачи новому царю Александру II) свое соболезнование. В Петербурге, конечно, ухватились за это. Через посредство того же Зеебаха тотчас было доведено до сведения Наполеона III письмо Нессельроде к Зеебаху, в котором Нессельроде передавал благодарность Александра II Наполеону и тут же распространялся о том, что России и Франции решительно не из-за чего воевать и что мир наступит в тот же день, когда этого пожелает Наполеон III. Все эти неожиданные и не принятые в дипломатическом обиходе воюющих стран любезности, казалось, открывали пропасть перед Австрией, да и перед Пруссией; там уже давно с беспокойством говорили, что страшнее всего для государств Центральной Европы возможный в будущем союз между Французской и Российской империями. Что если оба императора, как давно советовал А. Ф. Орлов, в самом деле примирятся и затем вдвоем раздерут Австрию на части? А тут подоспело и другое сообщение: будто Наполеон III, смущенный героической обороной Севастополя, подумывает снять осаду города. В самом деле, как потом выяснилось, у французского императора был момент колебаний, когда он, действительно, начинал сомневаться в конечном успехе осады. Но тут помогло ему неожиданное сообщение, разом вдохнувшее в него новую бодрость. Дело в том, что не только при петербургском дворе и в великосветских салонах столицы с преступным легкомыслием болтали при ком угодно об отчаянном положении Севастополя, об ужасающих донесениях главнокомандующих, сначала Меншикова, потом Михаила Горчакова. Даже сам Николай был крайне неосторожен и перед своей загадочной кончиной часто падал духом и склонен был откровенно делиться своими горестями и тревогами и с прусским послом фон Роховым и с военным прусским атташе графом Мюнстером, которых продолжал считать лучшими друзьями. Граф Мюнстер писал обо всем, что слышал в Зимнем дворце и других дворцах Петербурга, своему другу генералу Леопольду

фон Герлаху, любимцу короля Фридриха-Вильгельма IV. Но за Герлахом шпионил другой любимец короля, новый министр Пруссии Мантейфель, и его секретный агент Техен аккуратно выкрадывал из письменного стола Герлаха эти письма. Однако Техен, недовольный слишком скромным вознаграждением, получаемым от Мантейфеля, решил подыскать еще и другого покупателя: такового, и притом несравненно более щедрого, он нашел в лице маркиза де Мустье, французского посла в Берлине. Все это выяснилось лишь много времени спустя. Таким-то образом французский император, к своей радости, узнал, как безнадежно смотрит главнокомандующий Михаил Горчаков на перспективы обороны, насколько новый царь мало надеется отстоять крепость, как плохо обстоит дело со снабжением русских войск боеприпасами и т. д. Эти сведения способствовали тому, что мысль о мирных переговорах до падения Севастополя была оставлена: решено было с удвоенной энергией добиваться сдачи Севастополя.

27 августа (ст. ст.) 1855 г. Севастополь пал, и опять возобновилась большая дипломатическая игра. Россия не заключала мира — переговоры в Вене велись на конференции послов, в которой принимал участие и Александр Горчаков, русский посол в Австрии. Но дело не сдвигалось с мертвой точки. Пальмерстон, сделавшийся в начале февраля 1855 г. уже первым министром Англии, вовсе не был заинтересован в том, чтобы война окончилась тотчас после взятия Севастополя. В Англии и во всем мире Пальмерстона вообще считали одним из главных виновников долгой, кровопролитной, разорительной войны. Запросы в парламенте и материалы расследования, произведенного парламентской комиссией, выяснили немало упущений в материальной части английской армии под Севастополем; особых лавров во время осады англичане себе не снискали; взяли Севастополь не они, а французы. Словом, Пальмерстон полагал, что только после падения Севастополя и нужно развернуть большую войну. Это для Пальмерстона означало, во-первых, что необходимо привлечь новых союзников; во-вторых, что следует поощрить французского императора к усилению своей армии путем новых и новых наборов. Только тогда можно будет «поставить Россию на колени» и добыть для Англии плоды этих новых французских побед. А что в Вене заседает конференция послов, которая никак не может договориться насчет «четырех пунктов», это, с точки зрения Пальмерстона, даже хорошо: упорство русской дипломатии ведет к продолжению войны на неопределенный срок, что даст возможность британскому премьеру осуществить свою программу отторжения от России ряда территорий. В первое время после падения Севастополя Пальмерстону казалось, что

все идет великолепно. И Наполеон III также думал не о мире и вел переговоры с шведским королем Оскаром I о вступлении Швеции в войну против России.

Позиция Швеции

Эти переговоры оказались безрезультатными. Оскар I требовал, как необходимого условия, посылки в Финляндию 50 тысяч солдат из Франции и Англии, обеспечения завоевания Швецией Финляндии и, главное, гарантии со стороны Англии и Франции вечного владения Финляндией после ее включения в состав Шведского королевства. Пока русские в Петербурге, ни одна страна не может спокойно владеть Финляндией, так категорически заявил король Оскар I маршалу Канроберу, чрезвычайному посланцу Наполеона III, осенью 1855 г. Сообразно с этим Оскар и хотел иметь гарантию двух западных держав против России.

Пальмерстон не видел никаких препятствий к тому, чтобы Наполеон III послал в Финляндию вспомогательную армию в 50 тысяч человек и дал требуемую Оскаром гарантию. Но от обещаний помощи со стороны самой Англии Пальмерстон воздержался. Переговоры остались безрезультатными. Оскар отказался примкнуть к союзникам. Наполеон III очень равнодушно принял эту неудачу.

Еще безразличнее отнесся Наполеон III после падения Севастополя к проектам Пальмерстона насчет Польши, прибалтийских стран, Крыма, Кавказа. Мало того, уже в октябре распространились слухи, что французский император не желает больше воевать и что если Александр II согласится начать переговоры о мире на основе «четырех пунктов», то мирный конгресс может открыться хоть сейчас.

Выступление австрийской дипломатии

Тут союзники опять вернулись к мысли об использовании Австрии. В распоряжении союзников было одно сильное средство воздействия на эту державу. Еще 2 декабря 1854 г. Австрия подписала союзный договор с Англией и Францией, согласно которому должна была охранять от нового наступления русских занятые ее войсками Молдавию и Валахию. Кроме того, Австрия обязывалась оказывать содействие западным державам «решительными мерами». Этот договор оставался мертвой буквой, и никаких «решительных мер» Австрия не предпринимала.

Тогда 26 января 1855 г. Наполеон III решился на давно подготовленный шаг, очень всполошивший Австрию: он заключил договор с королем сардинским Виктором-Эммануилом II, и 15 тысяч пьемонтских солдат отправились под Севастополь. Открыто Сардинское королевство ровно ничего за это от Наполеона III не получало. Это заставляло предполагать, что есть какое-то тайное обязательство, данное французским императором

Виктору-Эммануилу II и его министру, искусному дипломату графу Камилло Кавуру. Не подлежало сомнению, что это обязательство заключалось в изгнании Австрии из Ломбардии и Венеции французскими силами и в присоединении этих двух австрийских провинций к Пьемонту. Несмотря на успокоительные заверения Наполеона III, австрийцы окончательно впали в панику. Тогда Наполеон III, желавший скорее кончить войну, категорически потребовал от Австрии выступления, которое должно было заставить Александра пойти на мир. И Франц-Иосиф решился.

По настоянию Буоля, который очень боялся ослушаться французского императора, Александр II был уведомлен, что Австрия заключила военный союз с западными державами и если Россия откажется начать переговоры на основании «четырех пунктов», то Австрия принуждена будет объявить войну.

Тут, помимо всего, подействовали и сведения, полученные Буолем, что между Тюильрийским и Зимним дворцами налаживаются какие-то непосредственные сношения. Предчувствие Киселева, которое заставило его просить в феврале 1854 г. прощальной аудиенции у Наполеона III, оказалось верным: сношения с Францией возобновились без особых усилий.

Военные действия прекратились. Началась подготовка к дипломатической ликвидации долгого, кровавого побоища.

5. Парижский конгресс 1856 г.

Тайные переговоры Наполеона III с Александром II о мире

В середине октября 1855 г. Александр II впервые получил известие, что Наполеон III желал бы начать с ним «непосредственные» сношения. Другими словами, император французов, с одной стороны, давал понять, что он нисколько не стеснен союзом с Англией, а с другой, — что и он тоже (подобно Александру) не очень доволен венскими конференциями.

Уже очень скоро после отказа Швеции примкнуть к коалиции Наполеон III пришел к заключению, что воевать дальше ему незачем, да и шансов на успех имеется немного. Англичане хотели бы продолжать войну. *«Нам грозит мир»*, — откровенно писал Пальмерстон своему брату. Английская дипломатия не прочь была, во-первых, отхватить весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию, отобрать весь юго-восток Кавказа, создать для Шамиля «Черкессию», а самого Шамиля обратить в покровительствуемого Турцией и Англией вассала, призванного

преграждать дорогу русскому продвижению на юг. Но Наполеон III совсем не желал такого усиления Англии; напротив, в России он уже как будто начинал усматривать полезный в некоторых случаях противовес англичанам. Проливать французскую кровь на Кавказе с целью укрепления английского влияния в Персии, Афганистане и в Индии казалось Наполеону III совершенно излишним. И он дал разрешение графу Морни завязать «частным порядком» сношения с Россией. К Александру Михайловичу Горчакову, русскому послу в Вене, явился в один прекрасный день глава большого банкирского дома Сину и сообщил ему, что получил от своего парижского друга и тоже банкира — Эрлангера — письмо, в котором Эрлангер сообщает об интересном разговоре, бывшем у него с графом Морни. Граф находит, что пора бы французам и русским прекратить бесполезную бойню. Горчаков немедленно уведомил об этом царя и, даже не дожидаясь ответа, заявил банкиру Сину, что тот может от его имени написать своему другу Эрлангеру в Париж нижеследующее. Он, Горчаков, считает, что не только мир, но и прямое сближение между Францией и Россией уже после заключения мира может быть в высшей степени полезно для этих держав. Но условия мира не должны затрагивать чувства национального достоинства России. Морни понял, что это прямой намек на грозящее России требование об обязательном ограничении военного флота на Черном море. Он ответил Горчакову мягким отказом: нельзя требовать от Наполеона III и от Англии, после всех жертв, понесенных ими под Севастополем, чтобы они отказались от этого требования. За этим первым обоюдным зондированием последовали уже официальные, хотя и тайные, переговоры в самом Париже. Но тут русский канцлер Нессельроде совершил с самого начала бестактность, которая очень повредила делу. Он сообщил венскому двору о начавшихся сношениях России с Парижем. Зачем он это сделал, понять трудно. По-видимому, Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной «дружественной» Австрии. Конечно, Франц-Иосиф и граф Буоль сильно всполошились, узнав о внезапной перемене настроений Наполеона III и о том, что он может договориться с Александром без участия Австрии. Такой оборот дела грозил Австрии опаснейшей изоляцией. Немедленно Буоль сообщил Наполеону III о полной готовности Австрии окончательно примкнуть к западным державам и предъявить России нечто вроде ультиматума. Наполеон III был удивлен и раздосадован странной откровенностью русской дипломатии и прервал начавшиеся было переговоры.

Все это значительно ухудшило дипломатическое положение России. Наполеону III отныне становилось еще труднее, чем прежде, препятствовать захватническим стремлениям Англии. Буоль торопился, и уже в середине декабря австрийские предложения были вручены Нессельроде.

Австрийский ультиматум России

В этих предложениях России предъявлялись следующие требования: 1) замена русского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией протекторатом всех великих держав; 2) установление свободы плавания в устьях Дуная; 3) недопущение прохода чьих-либо эскадр через Дарданеллы и Босфор в Черное море, воспрещение России и Турции держать на Черном море военный флот и иметь на берегах этого моря арсеналы и военные укрепления; 4) отказ России от покровительства православным подданным султана; 5) уступка Россией в пользу Молдавии участка Бессарабии, прилегающего к Дунаю. Эти условия были гораздо тяжелее и унизительнее для России, чем прежние «четыре пункта», на которые ни Николай I, ни Александр II не соглашались в свое время. Австрийские «предложения» были предъявлены ультимативно, хотя и без обозначения точного срока. Но категорически было дано понять, что непринятие условий повлечет за собой объявление Австрией войны России.

Спустя несколько дней после предъявления австрийской ноты Александр II получил письмо Фридриха-Вильгельма IV. Прусский король написал его по явному наущению со стороны Буоля и Франца-Иосифа. Письмо, написанное в любезных тонах, содержало прямую угрозу: король приглашал царя взвесить «последствия, которые могут произойти для истинных интересов России и самой Пруссии» в том случае, если Александр отвергнет австрийские предложения. Итак, предвиделось присоединение к Франции и Англии уже не только Австрии, но и Пруссии.

Что было делать?

Вечером 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.) в кабинете царя состоялось созванное им совещание. Присутствовало девять человек: Александр II, великий князь Константин, Нессельроде, Василий Долгоруков, П. Д. Киселев, М. С. Воронцов, Алексей Орлов, Блудов и Мейендорф.

Прения были не очень продолжительны. Все, кроме Блудова, высказывались за решительную необходимость поскорее заключить мир. Царь своего мнения ясно не высказал. Остановились на том, чтобы согласиться на предъявленные условия, кроме уступки Бессарабии. Не соглашались также принять неопределенную, но чреватую последствиями статью австрийской ноты, в которой говорилось о праве союзников

предъявлять России, сверх «четырех пунктов», еще «особые условия», если этого потребует «интерес Европы». 11 января Буоль получил в Вене русский ответ, и так как пункт о Бессарабии был включен именно им, то он прибег на этот раз уже к формальному ультиматуму: он заявил, что если по истечении шести дней (после 11 января) Россия не примет всех предъявленных ей условий, то австрийский император порвет с ней дипломатические отношения. Александр II созвал 15 января вторичное совещание. На этом совещании Нессельроде прочел записку, в которой на сей раз возлагал все упования на расположение Наполеона III; на Австрию он махнул рукой, догадавшись, наконец, с большим опозданием, что она не меньший враг России, чем Англия. Собрание единогласно решило принять ультиматум в качестве предварительных условий мира.

Позиция Франции на Парижском конгрессе

Александр II отправил в Париж на мирный конгресс графа Орлова, дав ему в помощники барона Бруннова. Орлов с первого до последнего момента своего пребывания в Париже всю свою дипломатическую деятельность основал на сближении с императором французов и на поддержке, которую с самого начала переговоров Наполеон III стал оказывать русскому уполномоченному.

Парижский конгресс начался 25 февраля и окончился подписанием мирного трактата 30 марта 1856 г. Председательствовал граф Валевский, министр иностранных дел Франции, сын Наполеона I от графини Валевской. Уже с первых заседаний конгресса всем его участникам стало ясно, что Валевский будет поддерживать англичан только формально. А вскоре в дипломатических кругах узнали и об интимных беседах, которые вел император Наполеон III с графом Орловым тотчас после прибытия Орлова в Париж.

Орлов принадлежал к числу сановников, пользовавшихся наибольшим доверием при дворе Николая, а потом Александра II. Орлов любил дипломатию. В свое время он без колебаний, из соображений карьеры, принял после смерти Бенкендорфа должность шефа жандармов. Но шпионскими делами лично он не занимался. Из брезгливости и по лени он все предоставил Дубельту.

Прибыв в Париж, Орлов сумел с первой же беседы договориться с Наполеоном III о том, что отныне возможно тесное сближение России с Францией, между которыми нет в сущности никаких коренных противоречий. Собеседник Орлова склонен был всецело пойти ему навстречу. Наполеон III достиг многого: в Турции утвердилось преобладание Англии и Франции, оружие Франции было покрыто новой славой; взят «ре-

ванш» за 1814 г.; французский император укрепил свой трон внутри страны и занял первое место в Европе. Наполеону III от России ничего больше не требовалось.

Позиция Англии на конгрессе

Но совсем не так обстояло дело с Англией. Еще до открытия конгресса Пальмерстон, к великому своему огорчению, убедился, во-первых, в том, что Наполеон III не намерен продолжать войну и, во-вторых, что на конгрессе он будет вести себя уклончиво и двусмысленно в отношении своей союзницы — Англии. Пальмерстон понял это, когда в январе и феврале 1856 г. шел спор, допускать ли Пруссию на конгресс или не допускать. Ее присутствия желал Александр II, потому что рассчитывал на ее дружественную поддержку. Но именно поэтому Пальмерстон и отказывался допустить прусских уполномоченных. Он мотивировал это тем, что Пруссия не принимала никакого участия в войне и не пожелала даже выступить так, как выступила Австрия. В этом очень щекотливом вопросе Наполеон III крайне вяло поддерживал Пальмерстона. Пруссию, правда, не допустили, но Пальмерстон уже до начала заседаний понял, что в Париже предстоит нелегкая игра. Наихудшие его опасения оправдались.

Наполеон III ни одним словом не скомпрометировал перед Орловым своей «дружбы» с «союзниками» и не сказал ничего, что̀ Орлов мог бы потом, со ссылкой на него, пустить в ход перед англичанами. Но Орлову это вовсе и не требовалось: ему важно было не то, что говорит Наполеон, а то, как он слушает русского уполномоченного, почему он не прерывает его, в какие минуты он молчит, а когда улыбается. В сущности в две-три послеобеденные беседы в императорском кабинете с глазу на глаз с Наполеоном III, за чашкой кофе, Орлов и выполнил всю работу, и торжественные заседания пленума конгресса уже ничего существенного не изменили и не могли изменить. Сила Орлова заключалась именно в том, в чем Пальмерстон с раздражением усматривал свою слабость: Орлов знал, что Англия один на один продолжать войну не станет. Следовательно, по всем тем пунктам, по которым существует единство взглядов между Англией и Наполеоном III, России приходится уступать; зато по всем вопросам, по которым между ними чувствуется расхождение, русским уполномоченным нужно упорствовать и отказывать в своей подписи, и англичане ровно ничего с ними не поделают. Очень удачно выбрал себе Орлов помощника: то был барон Бруннов, долго служивший русским послом в Лондоне. Роли распределялись так: там, где требовалась решающая работа дипломатической мысли, выступал Орлов; там, где необходимо было терпеливо выслушивать и оспаривать противника, шаг за шагом отстаи-

вая интересы России, главная роль выпадала на долю Бруннова, очень неглупого, хотя и слишком самоуверенного, но опытного, трудолюбивого сановника, поседевшего на дипломатических постах. Все капитально важное, чего Орлов достигал в секретных беседах с императором Наполеоном III, передавалось Орловым барону Бруннову, а тот, уже стоя на твердой почве, знал, как ему разговаривать на официальных заседаниях конгресса с англичанами.

Так, например, лорд Кларендон и лорд Каули, английские представители, требуют срытия русских укреплений по Черноморскому побережью. Орлов отказывает наотрез. Англичане грозят. Орлов снова отказывает. Австрийский делегат Буоль всецело присоединяется к англичанам. Орлов в третий раз отказывает. Председатель граф Валевский говорит, что поддерживает англичан и австрийцев. Но не только Валевский знал, какова позиция Наполеона III в этом вопросе, — это знал и Орлов. Поэтому Орлов снова отказывает, а Валевский беспомощно разводит руками. В конце концов Орлов побеждает. Далее, возникает вопрос о нейтрализации Черного моря. Тут Орлов, зная мнение Наполеона, уступает; но, когда англичане ставят вопрос о нейтрализации также и Азовского моря, Орлов отказывает. Повторяется та же комедия с Валевским, и снова Орлов одерживает победу. Ставится вопрос о Молдавии и Валахии. Русские уже ушли оттуда, но Орлов не желает, чтобы эти провинции оставались оккупированными Австрией. И русские интересы и нежелание, чтобы Австрия получила такую награду за свое поведение во время Крымской войны, — все это заставляло Александра II и Орлова противиться требованию австрийского уполномоченного Буоля. Орлов, зная, что Наполеон III не желает отдавать Австрии Молдавию и Валахию, противился этому требованию Буоля на конгрессе. Если России и пришлось уступить часть Бессарабии, то зато и Австрия должна была навсегда проститься с мечтой о бескровном приобретении Молдавии и Валахии. К величайшему своему огорчению, ровно за три дня до окончания конгресса, Буоль убедился, что Орлов и Бруннов достигли своей цели. Буоль нарочно оттягивал вопрос о дунайских княжествах; он рассчитывал как-нибудь между делом, уже при разъезде, вырвать у конгресса желанное разрешение — оставить без изменений оккупацию Молдавии и Валахии австрийскими войсками. И вдруг, председатель конгресса Валевский 27 марта холодным, строго официальным тоном предложил Буолю осведомить конгресс: когда именно австрийцы освободят Молдавию и Валахию от своих войск? Делать было нечего. Австрия ушла с конгресса, не получив от союзников уплаты за свой ультиматум России от 2 декабря 1855 г. Орлов лучше Буоля понял,

каково истинное значение участия на конгрессе министра Сардинского королевства Кавура.

Условия мира

Возвращение Карса, взятого русскими в конце 1855 г., нейтрализация Черного моря, уступка части Бессарабии — таковы были главные потери России. На отмену исключительного русского протектората над Валахией, Молдавией и Сербией Орлов согласился без возражений. Условия мира были для России весьма тяжелыми, но можно было ожидать и худшего. Что худшего не случилось, это современники обоснованно приписывали не только повороту политики Наполеона III, не желавшего дальше ослаблять Россию и этим помогать Англии, но и тому впечатлению, которое произвела на весь мир длившаяся почти год героическая оборона Севастополя. Это сказалось и в том, что могущественнейший в тот момент монарх в Европе Наполеон III немедленно после подписания 30 марта 1856 г. Парижского мира стал сближаться с Россией.

Турция мало что выиграла от победы западных держав. После Крымской войны она совсем не походила на «победителя». Маркс в следующих словах характеризовал ее положение в эту пору: «Турецкая территория занята союзниками, которые располагаются на ней, как дома... Турция лежит измученная, обессиленная, охваченная глубоким процессом социального и политического разложения...»[1] Военные расходы потребовали от Турции заключения займов в Англии и во Франции. С этих пор началось усиленное закабаление Турции английским и французским капиталом.

Николай I, проводя наступательную политику, которая столкнула его в Турции со столь же агрессивной политикой Англии и Франции, думал укрепить помещичье-самодержавный режим посредством внешних успехов. Но вместо успеха его ожидало поражение: Николай не соразмерил сил, не учел того, что западные державы окажутся сильнее его, не понял, насколько отстала Россия в технико-экономическом отношении.

Поражение в Крымской войне является поворотным моментом в международном положении царской России. «...Со времени крымского поражения России... самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать...»[2] Царская Россия постепенно теряет то положение главы европейской реакции, которое она занимала при Николае I.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. X, изд. 1, стр. 600.

[2] *И. Сталин*, О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Большевик № 9, 1941 г., стр. 4.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ США В 40—60-х ГОДАХ XIX в. И В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Дипломатия США в 40—50-х годах XIX в.

Аннексия Техаса

Если в развитии американской экспансии на Тихом океане и в странах Восточной Азии, а также в вытеснении англичан из Орегона были особенно заинтересованы капиталисты северных штатов, то южные плантаторы-рабовладельцы были главными сторонниками агрессии США против соседней Мексики.

Плантаторы-рабовладельцы настаивали на захвате ряда плодородных южных территорий (Техас, Новая Мексика, Калифорния). Буржуазия северо-восточных штатов была особенно заинтересована в изгнании англичан из Орегона и в развитии уже начавшейся ранее колониальной политики в Восточной Азии.

К подготовке агрессии как на северо-американском континенте, так и за его пределами правительство США и его дипломатия широко привлекали печать. Американская печать в 30—40-х годах вела усиленную пропаганду против Мексики, настраивая против нее общественное мнение и подготовляя его к войне против этой страны. Печать разжигала шовинистические настроения и пропагандировала захватнические планы. В 1838 г. газета «Демократическое обозрение» писала, что все Западное полушарие будет принадлежать Соединенным Штатам. Эта же газета в 1845 г. заявляла, что мексиканцы якобы неспособны к самостоятельному существованию. Газета «Иллинойс Стейтс реджистер» с расистским азартом настаивала на том, что мексиканцы вообще «не на много выше негров». Газета «Нью-Йорк ивнинг пост» безапелляционно утверждала: «Мексиканцы по своему происхождению являются индейцами, и они должны разделять судьбу всей их расы», иными словами, должны быть истреблены «высшей» англосаксонской расой или подчинены ей.

Идя навстречу требованиям рабовладельцев, США захватили у Мексики Техас. В 1821 г. в результате одиннадцатилетней войны против Испании Мексика (включая и Техас) стала самостоятельным государством. С этого времени началось быстрое заселение Техаса выходцами из США, скупавшими

земли в этой северо-восточной окраине Мексики. Плантаторы южных штатов были весьма заинтересованы в этой плодородной области. Планы ее захвата в форме «покупки» неоднократно муссировались в США, начиная с 20-х годов XIX в.

В апреле 1830 г. мексиканский конгресс, стремясь оградить страну от опасного проникновения американцев, запретил дальнейшую иммиграцию американских граждан в Техас. Однако закон этот почти не соблюдался. Страна продолжала наводняться американцами. В 1835 г. нелегально проникшие в Техас американские иммигранты подняли мятеж, изгнали из Техаса мексиканские войска и провозгласили (в начале 1836 г.) образование «самостоятельной» республики Техас, причем конституция нового государства разрешала рабство. Президент Мексики Санта-Ана повел войска против Техаса. Однако колонизаторы разбили мексиканские войска в битве при Сан-Джасинто 21 апреля 1836 г. Так произошло насильственное отторжение Техаса от Мексики. Теперь подготовлялось прямое присоединение Техаса к США, для чего в Техас тайно переправлялись из США вооруженные отряды.

Мексиканский министр иностранных дел Боканегра обратился 31 мая 1842 г. к дипломатическому корпусу в Мексике с жалобой на терпимость властей Соединенных Штатов к подготовке захвата Техаса. Боканегра отмечал, что в Соединенных Штатах происходят публичные митинги, на которых вербуются волонтеры для отправки в Техас, собирается оружие и военное снаряжение. Мексиканский министр с полным основанием указывал на то, что эти и другие подобные им действия Соединенных Штатов противоречат международному праву и договорам и происходят вопреки протестам мексиканского правительства.

Правительство Соединенных Штатов со своей стороны заявляло, что подобные митинги находят свое оправдание в существующей в США «свободе слова», что из США в Техас переправляются якобы не вооруженные отряды, а отдельные колонисты, которые не представляют организованной военной силы и т. д.

Однако иногда американская дипломатия приподнимала маску. Так, например, 8 августа 1843 г. государственный секретарь США Апшер заявил, что «Соединенные Штаты весьма заинтересованы в противодействии всякой попытке Великобритании содействовать уничтожению рабства в Техасе».

Вопрос об аннексии Техаса вызвал в США ожесточенную внутреннюю борьбу. Плантаторы южных штатов были заинтересованы в расширении территории рабовладения. Наоборот, аболиционисты выступали против аннексии Техаса. Войну 1836 г. они характеризовали как «крестовый поход, организо-

ванный и поддержанный рабовладельцами, земельными спекулянтами и т. п. элементами в целях распространения и увековечения системы рабства и работорговли». Вследствие противодействия аболиционистов США первоначально ограничились признанием независимости Техаса.

Однако после того, как в 1844 г. на президентских выборах одержали победу сторонники аннексий, был произведен захват Техаса и его включили в состав США (1845 г.). 2 декабря 1845 г. в ежегодном послании конгрессу президент Полк, ярый аннексионист, выдвинул новый вариант «доктрины Монро». Полк выступил против теории равновесия сил, которая, по его мнению, создана для того, чтобы воспрепятствовать успешному расширению территории Соединенных Штатов Америки. Клянясь в верности «доктрине Монро» и хвалясь тем, что Соединенные Штаты не вмешиваются в европейские дела, он требовал для Америки подобного же исключения европейского вмешательства. «Мы всегда должны поддерживать тот принцип, — говорилось далее в послании Полка, — что народ этого континента один имеет право решать свою собственную судьбу. И если какая-либо часть его, образующая независимое государство, предложит присоединиться к нашей федерации, то этот вопрос будем решать мы и они, без какого-либо иностранного посредничества». При этом политические деятели США не забывали позаботиться о том, чтобы присоединение той или иной территории приобрело такой вид, будто оно является следствием народного волеизъявления.

При захвате Соединенными Штатами Техаса было совершено грубое нарушение федеральной конституции. Для присоединения новых территорий конституция США требует согласия не только палаты представителей, но и сената. Присоединение Техаса должно было усилить рабовладельцев и поэтому встречало сопротивление многих сенаторов, и в июне 1844 г. законопроект о присоединении Техаса был сенатом отвергнут. Выяснилось, что резолюция об аннексии Техаса не соберет в сенате требуемых двух третей голосов ни при каких обстоятельствах. Поэтому была принята так называемая «объединенная резолюция» обеих палат, которая хотя и принималась раздельно сенатом и палатой представителей, но требовала лишь простого большинства голосов. Объединенная резолюция была предложена президентом Тайлером в декабре 1844 г., после того как уже состоялось избрание нового президента Полка. В январе 1845 г. палата представителей утвердила резолюцию, а затем ее принял сенат. Присоединение официально состоялось в декабре.

Одновременно в Техасе тоже происходила подготовка его аннексии США. Техасский конвент, составленный из иммигран-

тов из США и американских агентов, 4 июля 1845 г. при одном голосе против согласился с аннексией Техаса США. Так была придана видимость законности захвату, достигнутому США в результате длительной подрывной работы против Мексики.

Дипломатические отношения США с Мексикой и война 1846—1848 гг.

Поскольку мексиканское правительство еще раньше заявило о том, что включение Техаса в территорию Соединенных Штатов будет рассматриваться Мексикой как объявление войны, после прокламации об аннексии создалось весьма напряженное положение. Вскоре после принятия конгрессом «объединенной резолюции» об аннексии Техаса, которую мексиканский посланник в Вашингтоне охарактеризовал как «самый несправедливый акт агрессии», дипломатические отношения между Мексикой и США были порваны. Президент Полк решил воевать с Мексикой, но по тактическим соображениям лицемерно заявлял о своем желании восстановить дипломатические отношения. В сентябре 1845 г. государственный секретарь Бьюкенен запросил мексиканское правительство, примет ли оно посланника Соединенных Штатов, облеченного всеми полномочиями, для рассмотрения возникшего спорного вопроса. Мексиканское правительство согласилось. США направили в Мексику ярого приверженца рабовладения Джона Слайделя. На самом деле Слайдель поехал в Мексику отнюдь не с целью урегулировать конфликт из-за Техаса. Действительной целью его миссии было предъявление мексиканскому правительству требования о новых и притом огромных территориальных уступках. Слайдель имел поручение потребовать от правительства Мексики удовлетворения давних имущественных претензий американских граждан, примерно в сумме 3 миллионов долларов, а кроме того, установления границы Техаса по верхнему течению Рио-Гранде, что значительно расширяло его территорию. Главное же, он должен был добиться согласия на продажу Соединенным Штатам так называемой Новой Мексики и Старой Калифорнии. За эти области правительство США готово было уплатить от 15 миллионов до 40 миллионов долларов.

Правительство США уже с 30-х годов стремилось к захвату Калифорнии. Американский посланник в Мексике в донесении государственному секретарю Вебстеру в 1842 г. называл Калифорнию «прекрасной, наиболее богатой и здоровой страной во всем мире». В том же году американский коммодор Джонс, якобы поверив ложному известию о начале войны между США и Мексикой, внезапно захватил Монтерей, главный город мексиканской Калифорнии, и поднял над ним американский флаг.

Правительство Мексики заявило, что оно согласилось на переговоры лишь с временным уполномоченным и отказалось принять Слайделя в качестве полномочного посланника. Не дожидаясь исхода миссии Слайделя, президент Полк приказал генералу Захарии Тейлору занять мексиканскую территорию от Нуэчес до Рио-Гранде. Тогда мексиканцы послали войска, чтобы очистить эту территорию от американцев. Мексика надеялась на помощь Англии и Франции и на внутреннюю оппозицию против рабства в США.

В конце апреля 1846 г. на Рио-Гранде начались военные действия. В послании конгрессу президент Полк утверждал: «Мексика нарушила границы США, вторглась на нашу территорию и пролила американскую кровь на американской земле». На этом основании Полк требовал, чтобы конгресс объявил состояние войны с Мексикой.

Некоторые политические деятели высказывали сомнение в правдивости послания Полка. Депутат от Иллинойса Авраам Линкольн еще в период войны доказал, что Полк обманул американский народ, что в действительности война началась не на американской, а на мексиканской земле. Линкольн утверждал, что война вовсе не была необходимой и что президент начал ее в нарушение конституции.

8 августа 1846 г. палата представителей обсуждала послание президента о войне с Мексикой и билль о предоставлении в распоряжение президента 2 миллионов долларов «для внешнеполитических целей».

В прениях по поводу ассигнования президенту средств на завершение войны с Мексикой 10 февраля 1847 г. сенатор Пирс, как и некоторые другие ораторы, довольно недвусмысленно дал понять, что требуемые деньги предназначаются для подкупа мексиканских властей: нужно «ассигновать деньги, которые должны быть выплачены мексиканским руководителям, чтобы обеспечить подчинение мексиканских солдат» [1], — говорил этот государственный деятель.

Член палаты представителей Фут разоблачил истинную природу войны. Он сказал, что, по его мнению, войны, в которую вовлечена страна, можно было бы избежать. Он полагал, что все разногласия с Мексикой, по вопросу ли о границе, по вопросу ли о возмещении за захват имущества, можно было удовлетворительным и почетным образом уладить, не прибегая к оружию. Он настаивал на том, что война явилась результатом не действий Мексики, а недозволенных и неконституционных действий правительства США. Мало кто станет сегодня отрицать, — продолжал сенатор, — что теперь это — война

[1] The Congressional Globe, vol. XV, 29-th Congress, 1-st session, p. 375.

захватническая и завоевательная[1]. Фут энергично возражал против приобретения какой бы то ни было территории, будь то посредством завоевания или посредством договора, как меры не только несправедливой по отношению к Мексике, но и чреватой злом, борьбой и раздорами для США.

Оценка характера американо-мексиканской войны Футом перекликается с той характеристикой этой войны, которую через сто лет после нее дал видный мексиканский историк В. Фуэнтес Диас. В своей работе «Североамериканская интервенция в Мексике, 1847», вышедшей в 1947 г., он в следующих словах заклеймил провоцирование Соединенными Штатами войны против Мексики: «Это поведение правительства янки... нарушало все основные нормы международного права, самые элементарные принципы сосуществования между народами, справедливость, достоинство и цивилизацию, мораль и приличия и, что наиболее важно, демократические и мирные стремления миллионов североамериканских граждан...»[2]

В сентябре 1847 г. американцы оккупировали город Мехико, а затем и многие другие пункты Мексики. В США в это время все громче раздавались голоса экспансионистов, требовавших захвата всей страны. В этих условиях мексиканское правительство было вынуждено согласиться на тяжелый мир. Договором, заключенным 2 февраля 1848 г. в Гвадалупе-Гидальго (город неподалеку от Мехико), США оформили захват огромных областей — Новой Мексики и северной части Калифорнии, так называемой «Старой Калифорнии». Вновь присоединенная область включала в себя территории современных штатов Аризона, Новая Мексика, Невада и Калифорния, а также часть штатов Колорадо и Уайоминг.

За всю эту обширную территорию, превышающую Францию и Германию, вместе взятые, США в виде некоторой компенсации уплатили Мексике ничтожную сумму — 15 миллионов долларов, а также приняли на себя удовлетворение различных претензий американских граждан к мексиканскому правительству в сумме 3,5 миллионов долларов.

В этой войне правительство США ставило своей целью аннексию всей Мексики. Начиная с 1845 г. США отторгли у Мексики 55% ее территории. Только революция, начавшаяся в Мексике в 1854 г., мощное народное сопротивление иностранной интервенции в Мексику, а также гражданская война в самих США сорвали планы полного поглощения Мексики США.

---

[1] The Congressional Globe, vol. XV, 29-th Congress, 1-st session, p. 377.

[2] *V. Fuentes Diaz*, La intervención norteamericana en Mexico, 1847, Mexico, 1947, p. 38—39.

Уничтожение кондоминиума в Орегоне. Попытки экспансии США в Вест-Индии и Центральной Америке

Одновременно США развивали экспансию также и в северо-западном направлении. По соглашению 1818 г. Англия и США совместно владели Орегоном. В мае 1846 г. правительство США уведомило английское правительство о том, что Орегон перешел в исключительное владение Соединенных Штатов. В июне 1846 г. между США и Англией было заключено соглашение о том, что северной границей американского Орегона является 49-я параллель. Так продолжалось вытеснение европейских держав из Америки и расширение территории США.

Следующий удар американские экспансионисты предполагали нанести по Кубе. В 30—40-х годах XIX в., ссылаясь на «доктрину Монро», Вебстер и другие политические деятели США неоднократно делали публичные заявления о том, что Соединенные Штаты настоятельно заинтересованы в судьбе Кубы и что они не допустят передачи Испанией Кубы какой-либо европейской державе. При этом «доктрина Монро» получала еще более расширенное толкование. Если первоначально согласно этой доктрине США заявляли о том, что они отнюдь не вмешиваются в вопросы, касающиеся европейских колоний в Америке, то теперь Соединенные Штаты претендовали уже на захват этих колоний.

В 1848 г. президент Полк предложил Испании за Кубу 100 миллионов долларов, но получил отказ. Тогда американские плантаторы начали организовывать вооруженные набеги на Кубу из южных штатов. Во время одного из набегов испанские власти на Кубе расстреляли 50 участников такой экспедиции и гарротировали (казнили путем удушения) ее главаря Лопеса. В 1852 г. Великобритания и Франция по настоянию Испании предложили Соединенным Штатам заключить соглашение о том, что ни одна из этих держав не будет претендовать на захват Кубы. Государственный секретарь Эдвард Эверет, заявив от имени своего правительства, что оно не имеет намерений захватить Кубу, тем не менее отказался подписать такое соглашение.

В 1854 г., в период Крымской войны, главы дипломатических миссий США в Англии, Франции и Испании, встретившись на бельгийском курорте Остенде в целях зондажа того, как отнесутся европейские державы к захвату Кубы США, опубликовали декларацию, в которой потребовали, чтобы испанское правительство согласилось продать Кубу Соединенным Штатам. При этом американские дипломаты утверждали, что, пока Куба остается испанской, США не будут иметь «надежной безопасности». Ввиду этого, если не удастся купить остров у

Испании, США надо будет отторгнуть его от Испании силой. Ближайшим результатом этого манифеста явилось только то, что один из его авторов, посланник США в Англии Бьюкенен, стал в США столь популярен, что на ближайших президентских выборах (в 1856 г.) был избран президентом.

В том же 1854 г. США сделали попытку захватить Гавайские острова. Однако из-за противодействия Англии попытка эта не удалась. Правительство США не оставило без внимания и такую зону огромной стратегической и экономической важности, как Панамский перешеек. США захватили лежащий близ этого перешейка Тигровый остров. Со второй половины 40-х годов они постоянно вмешивались в дела республики Новая Гренада (позже Колумбия), которой принадлежал Панамский перешеек.

В 1849 г. правительство США потребовало у мексиканского правительства согласия на организацию военно-морской базы на Техуантепекском перешейке, но мексиканский сенат отверг это требование. Однако 14 декабря 1859 г., воспользовавшись тяжелым положением революционного правительства Хуареса, США вынудили Мексику подписать договор (так называемый договор Мак Лейна-Окампо), в силу которого США получали право ввода войск в Мексику в любой момент для обеспечения безопасности американских граждан [1].

В Центральной Америке США столкнулись с Англией, захватившей здесь так называемый Москитовый берег, важный для постройки канала через перешеек. Отношения между США и Англией обострились, но в 1850 г. государственный секретарь США Клейтон и посланник Великобритании в Вашингтоне Бульвер заключили договор о нейтрализации будущего канала и совместном над ним контроле Англии и Соединенных Штатов. В 1850—1855 гг. железнодорожная Панамская компания, в которую был вложен американский капитал, построила железную дорогу через Панамский перешеек, вдоль трассы будущего канала.

При сооружении железной дороги через североамериканский континент к Тихому океану заинтересованным американским капиталистам потребовалась для части трассы этой дороги мексиканская территория в районе долины реки Джила. В связи с подобными проектами в 1853 г. вооруженная банда авантюриста Уокера захватила эту территорию. Банда немедля провозгласила там «независимую республику», а затем самозванное правительство этой «республики» — так же как в свое время в Техасе — заявило о своем желании присоединиться к США.

---

[1] Договор не был утвержден сенатом США.

Однако местное население с позором изгнало Уокера. В США Уокера для виду вынуждены были даже отдать под суд, но, разумеется, оправдали. После провала авантюры Уокера для захвата интересовавшей американских капиталистов территории были использованы иные, дипломатические средства. В 1853 г. посланник США в Мексике Джеймс Гадсден, рабовладелец из штата Южная Каролина, по поручению президента США Пирса начал переговоры с президентом Мексики Санта-Ана, подкупленным правительством США еще во время американо-мексиканской войны 1846—1848 гг. Гадсден поставил вопрос об отторжении от Мексики территории долины р. Джила. Он добился от Санта-Ана уступки этой территории Мексикой за 10 миллионов долларов. В следующем, 1854 г. мексиканский народ прогнал предателя Санта-Ана, и в Мексике (как уже говорилось выше) началась народная революция. Однако территория, привлекшая аппетиты американских капиталистов, к этому моменту уже находилась в руках США.

В середине 50-х годов американские экспансионисты требовали захвата Гавайских островов, учреждения морской базы на островах Рю-Кю в Восточной Азии, в Карибском море — аннексии Кубы и Сан-Доминго и даже захвата всей Мексики. При этом экспансионисты весьма одобряли действия флибустьера Вильяма Уокера, который ранее подвизался в Нижней Калифорнии, а в 1856 г. провозгласил себя президентом республики Никарагуа и пытался восстановить там рабство.

Таким образом, как показывают факты, история внешней политики США в первой половине XIX в. — это прежде всего история захватов новых территорий.

Уже тогда выработались некоторые методы, характерные для внешней политики США, особенно в Латинской Америке: организация мятежей в других государствах с помощью своих резидентов и агентов, использование вооруженных банд, маскировка захватов под «покупку» тех или иных территорий и т. д.

2. Дипломатия периода гражданской войны

Надежды рабовладельцев на интервенцию Англии и Франции.

До поры до времени капиталистическое производство и рабство существовали в США рядом. Но наступил момент неизбежного столкновения этих двух социальных систем. В 1860 г. Соединенные Штаты раскололись. Их стали даже называть «разъединенными штатами». Южные штаты отложились от Союза и образовали так называемую «Конфедерацию».

В этом социальном конфликте дипломатии как южан, так и северян предстояло сыграть исключительно важную роль.

Соотношение сил между Севером и Югом было явно не в пользу последнего. На Севере в 1860 г. было 23 штата с населением в 22 миллиона человек. Юг имел 11 штатов с населением в 9 миллионов. Юг собирался воевать за сохранение рабства, а в числе этих 9 миллионов было свыше 3 миллионов рабов — негров. Север имел развитую промышленность, которой на Юге почти не было, неизмеримо более широкую сеть железных дорог и судоходных каналов. В случае длительной войны у южан не было никаких шансов на победу.

Однако южане, начиная войну, все же надеялись победить. Расчет их был таков: ввиду того, что весь кадровый состав небольшой федеральной армии находился в руках плантаторов-рабовладельцев, они предполагали, введя в дело регулярные части и присоединив к ним милицию (ополчение) южных штатов с наспех сформированной кавалерией, быстрым ударом захватить столицу Союза — Вашингтон. Затем, опираясь на первые успехи, они надеялись добиться вооруженной интервенции Англии и Франции в свою пользу.

Возможность такой интервенции казалась южанам несомненной. Английская буржуазия стремилась к уничтожению опасного соперника — промышленности северо-восточных штатов Америки. В случае победы Юга над Севером Соединенные Штаты в экономическом смысле опять превратились бы в колонию Англии; южные штаты были тогда почти монопольным поставщиком хлопка, без которого остановилась бы гигантская хлопчатобумажная промышленность Англии, тесно связанная, таким образом, с рабовладельцами южных штатов. Что же касается Франции, то Наполеон III лелеял мысль о захватах в Америке, которых он надеялся добиться, если только его вооруженные силы вступят на американскую почву.

Таким образом, решающую роль в планах южан играла дипломатия. Весь их расчет был построен не на возможности победы своими силами, а на помощи английских и французских интервентов. 4 марта 1858 г. один из политических лидеров Юга, сенатор Джон Хаммонд из Южной Каролины, сказал: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир, если они посмеют начать с нами войну... Что произойдет, если в течение трех лет не будет поставки хлопка? Я не буду подробно останавливаться на том, что каждый из вас может себе представить, но одно не подлежит сомнению: Англия сделает все возможное и мобилизует весь цивилизованный мир, чтобы спасти Юг. Нет, вы не

посмеете воевать с хлопком. Нет такой власти на земле, которая посмела бы воевать с ним. Хлопок правит миром»[1].

Исходя из этих соображений, южане были крайне озабочены вопросом о признании Конфедерации Англией и Францией, а главное тем, чтобы склонить правительства этих стран к военной помощи Югу.

Начало войны

Гражданская война в США была войной между двумя частями одного государства. Военные действия открыла Конфедерация. На другой день после взятия южанами форта Самтер (апрель 1861 г.) президент США Линкольн, по конституции являвшийся главнокомандующим армией и флотом США, призвал 75 тысяч волонтеров в милицию всех штатов Союза для подавления заговора в южных штатах. Лицам, организовавшим заговор против Союза, Линкольн давал 20 дней, чтобы вернуться к мирным занятиям.

17 апреля 1861 г. президент Конфедерации крупный рабовладелец Джефферсон Дэвис издал прокламацию о выдаче документов на каперство для борьбы против торгового и военного флотов Соединенных Штатов. Через два дня Линкольн ответил на это объявлением блокады Юга, квалифицируя южное каперство как пиратство.

Прошло две недели после открытия военных действий, как были получены вести о начале вмешательства европейских держав в дела Америки.

Первой выступила Испания. Испанцы, имея своей базой Кубу, попытались захватить Доминиканскую республику, занимающую восточную часть острова Гаити, ту часть, которая была прежде испанской колонией. 2 апреля 1861 г., несмотря на то что Соединенные Штаты не имели официальных отношений с этой мулатской республикой, государственный секретарь Соединенных Штатов Сюард обратился с письмом к испанскому послу в Вашингтоне и протестовал против испанского вторжения. Как показало будущее, США сами имели виды на Гаити.

Как бы то ни было, американский протест не возымел действия. 1 июля 1861 г. испанский посол известил Сюарда об аннексии Доминиканской республики. Положение США в тот момент было настолько трудным, что они предпочли придерживаться в этом вопросе выжидательной тактики.

Следующим этапом интервенции европейских государств в американские дела было признание Англией южных штатов воюющей стороной. 3 мая 1861 г. эмиссары мятежников Юга

---

[1] *Фолькнер*, История народного хозяйства САСШ, М. — Л., 1932, стр. 279.

Янси и Рост были впервые приняты Росселем — английским министром иностранных дел в кабинете Пальмерстона. По настоянию посла Соединенных Штатов в Лондоне Далласа, они были приняты неофициально. Даллас получил заверение Росселя в том, что решения по вопросам, связанным с гражданской войной, будут приняты правительством только после прибытия нового посла, назначенного Союзом, Чарльза-Френсиса Адамса. Однако еще до приезда Адамса в Лондон, 6 мая, Россель направил английскому послу в Вашингтоне Лайонсу инструкцию, уведомляя о решении правительства признать Конфедерацию воюющей стороной. Адамс прибыл в Лондон 13 мая, но в тот же день, еще до того как он был принят кем-либо из руководящих деятелей Англии, английское правительство уже утвердило декларацию о нейтралитете. Этой декларацией южане признавались не мятежниками, а воюющим государством. Декларация 13 мая явилась шагом к признанию Конфедерации и была направлена против Севера, который с полным основанием рассматривал конфедератов как заговорщиков и мятежников. Показателен тот факт, что сейчас же вслед за опубликованием декларации английское правительство послало в американские воды свой военный флот.

Интервенция Англии, Франции и Испании в Мексике

Новым этапом агрессии европейских держав в Америке было заключение англо-франко-испанского соглашения об интервенции в Мексике. Оно было подписано в Лондоне 31 октября 1861 г.

В декабре испанские войска уже высадились в гавани Вера-Крус. В январе 1862 г. к ним присоединились войска Англии и Франции. Правительство США (иначе говоря, Севера) резко протестовало против интервенции Франции и других государств в Мексике. Оно квалифицировало действия иностранных войск в Мексике как нарушение «неотъемлемых прав народа Мексики» и как «насильственную интервенцию».

Не менее решительно США отклонили предложение Наполеона III о посредничестве для заключения мира с мятежниками-южанами. В специальной резолюции конгресса против иностранного посредничества, принятой в 1863 г. совместно обеими палатами, предложение о посредничестве отвергалось, так как оно в данном случае относилось не к «международным вопросам», а к «внутренним волнениям». В резолюции указывалось, что «конгресс не колеблясь рассматривает всякое предложение об иностранном вмешательстве в настоящий спор как в полной мере неосновательное и недопустимое...» [1]

---

[1] *H. S. Commager,* Documents of American History, N. Y., 1938, vol. I, p. 423.

Только после окончания гражданской войны США смогли добиться вывода французских войск из Мексики (английские и испанские войска были отозваны несколько ранее).

Инцидент с «Трентом» (1861 г.)

Вскоре после начала интервенции трех держав в Мексике угроза английского вмешательства нависла над самими Соединенными Штатами — в момент, когда северяне терпели тяжкие поражения на фронте. Объявленная Союзом блокада Конфедерации, почти исключавшая возможность вывоза американского хлопка, вызвала сильнейшее раздражение в Европе. Этот акт северян осложнял их собственное положение также и в том смысле, что, объявляя официально блокаду, они тем самым признали южан не мятежниками, а воюющей стороной. Это могло быть использовано правительствами Англии и Франции как предлог для того, чтобы признать Конфедерацию и оказать ей помощь.

26 марта 1861 г. английский посол в США лорд Лайонс при свидании с Сюардом заявил: «Если Соединенные Штаты решаются приостановить силой столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, я не отвечаю за то, что может произойти».

8 ноября 1861 г. с английского купеческого судна «Трент» капитаном военного корабля Соединенных Штатов «Сан-Джасинто» были сняты эмиссары Конфедерации Мэзон и Слайдель. Этот шаг был очень неосторожным и ошибочным с точки зрения международного права, так как нарушал право английского судна, шедшего под нейтральным флагом. Даже если бы судно было задержано, США легче было бы защищать свою позицию.

Пленники были доставлены в Бостон. Шовинистическая печать Англии и Франции воспользовалась этим случаем, чтобы поднять невероятный шум, настаивая на войне против Союза. Лорд Россель потребовал выдачи Мэзона и Слайделя в семидневный срок. Английские войска уже были направлены в Канаду; на верфях Англии работы по постройке военных кораблей шли и днем и ночью.

Выступления английских рабочих против поддержки южан

«Пальмерстон хочет войны, — писал Маркс 25 декабря 1861 г., — английский народ ее не хочет. Ближайшие события покажут, кто одержит верх в этом поединке — Пальмерстон или народ»[1]. События показали, что, кроме официальной дипломатии буржуазии, к 1861 г. в международной политике уже зародилась новая, пусть

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. II, изд. 1, стр. 297.

неофициальная и не признанная, но уже значительная сила — международная солидарность пролетариата. По всем крупным промышленным центрам Англии прокатилась волна рабочих митингов. Несмотря на хлопковый голод, который оставил без работы и без хлеба массу людей, рабочие протестовали против позорной интервенции в гражданскую войну на стороне рабовладельцев.

В то же время правительство Севера заняло уступчивую позицию: оно освободило эмиссаров южан. Тем самым оно отняло у Пальмерстона предлог для интервенции и создало, таким образом, еще одно препятствие для ее организации.

Подлинные мысли и чувства английских рабочих и рабочих других стран Европы в связи с гражданской войной в Америке выразил I Интернационал в своем обращении к Линкольну по поводу победы, одержанной им на президентских выборах 1864 г.

«Рабочие Европы выражают уверенность, — гласило обращение, — что, подобно тому как американская война за независимость открыла буржуазии новую эру подъема, так и американская война против рабства принесет то же рабочему классу» [1].

Итак, расчет рабовладельцев, что английская буржуазия будет в силах организовать интервенцию, оказался ошибочным.

Другой ошибкой южан была их надежда на магический эффект запрещения вывоза хлопка. Нуждаясь в деньгах, они сами стали вывозить хлопок, пытаясь прорвать блокаду. Кроме того, неурожай 1861 г. сделал в Европе вопрос о пшенице еще более важным, чем вопрос о хлопке, а Союз, несмотря на гражданскую войну, вывозил в Европу значительное количество пшеницы.

Однако ни южане, ни руководители английского и французского правительств еще не теряли надежды на совместное участие в войне. Пальмерстон и Наполеон III решили выждать хода внешних событий и вмешаться, как только южане нанесут северянам решительный удар. В кампанию следующего, 1862 г. Север продолжал терпеть одно поражение за другим. Сторонники интервенции опять подняли голову.

Позиция Франции

В апреле 1862 г. во время одной из бесед с Наполеоном III эмиссар южан Слайдель настаивал на признании Францией Конфедерации. Наполеон III в принципе высказался за признание, но отметил, что «ни одна держава, кроме Англии, не располагает достаточным флотом для того, чтобы оказать Франции действенную помощь в войне на океане...» Этим император дал понять, что, если бы Англия согласилась признать Конфедерацию, он

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, изд. 1, стр. 22.

также сделал бы это. Слайдель предлагал Наполеону III организовать выступление против Соединенных Штатов вместе с Испанией, Австрией, Пруссией, Бельгией, Голландией, Швецией и Данией. Он заверял Наполеона III, что Соединенные Штаты, в случае признания Францией Конфедерации, не объявят ей войну, «так как у них уже достаточно заняты руки домашними делами». Однако император отклонил просьбу о немедленном признании Конфедерации и лишь обещал помочь ей постройкой во Франции военных судов для нее. На этом беседа закончилась.

Но в середине июля 1862 г., в период новых тяжелых поражений северян на фронте, Наполеон III послал французскому послу в Лондоне Тувенелю телеграмму следующего содержания: «Запросите у английского правительства, не считает ли оно, что настал момент для признания Юга». Однако палата общин по инициативе Пальмерстона отклонила французское предложение. Английское правительство выжидало окончательного исхода военных действий, оказывая в то же время помощь конфедератам.

Эта помощь выразилась, между прочим, в постройке кораблей для южан. 29 июля 1862 г. крейсер «Алабама», построенный для Конфедерации на верфи Лейярда в Ливерпуле, несмотря на протесты посла Соединенных Штатов Адамса, был с ведома английского правительства передан южанам и выпущен из Англии. Этот крейсер каперствовал на морях и в океанах до июня 1864 г.; он потопил 65 кораблей Соединенных Штатов и уничтожил имущества на 5 миллионов долларов. 19 июня 1864 г. «Алабама» встретилась с крейсером Соединенных Штатов «Кирсадж», который ее потопил в упорном бою. После «Алабамы» подобным же образом были построены в Англии каперы конфедератов «Флорида», «Джорджия», «Шенандоа» и др.[1]

14 сентября 1862 г. премьер-министр Пальмерстон принял окончательное решение и написал министру иностранных дел Росселу, предлагая признать Конфедерацию. Россел ответил, что заседание кабинета для разрешения этого вопроса может быть назначено на 23 или 30 сентября.

Отмена рабства (1863 г.)

Но в течение нескольких дней положение резко изменилось. За время между письмом Пальмерстона и предполагавшимся заседанием английского кабинета в Соединенных Штатах была издана предварительная прокламация об освобождении рабов.

[1] По Вашингтонскому договору 1871 г. на основе арбитража, состоявшегося в Женеве, Англия была принуждена уплатить Соединенным Штатам в возмещение убытков, причиненных «Алабамой» и другими каперами, 15,5 миллиона долларов.

Союз стал на путь войны «по-революционному». Отмена рабства вызвала не только подъем внутри страны, но и симпатии к Союзу со стороны всей демократической общественности Европы. Перед сторонниками Юга и интервенции в американскую войну встали еще новые, дополнительные трудности. Когда в Англии было получено известие о решении Союза уничтожить рабство в Соединенных Штатах, вопрос о признании Юга опять был снят с повестки заседания кабинета.

Но что касается французского правительства, то оно сделало новую попытку выступления в пользу Юга. 31 октября дипломатические представители Англии и России в Париже были извещены французским правительством о предлагаемом Францией проекте совместного выступления трех держав. Было намечено предложить: перемирие на 6 месяцев, снятие блокады и открытие американских портов для европейской торговли — все эти мероприятия были на руку южанам.

Россия отклонила французское предложение. Английское правительство, ссылаясь на позицию России, также ответило несогласием. Огромную роль и на этот раз сыграло активное сопротивление этому проекту со стороны английских рабочих, снова организовавших ряд массовых митингов протеста против поддержки американских рабовладельцев английской буржуазией.

После отмены рабства внутренние и внешние дела Конфедерации настолько ухудшились, что ее вице-президент Александр Стефенс, один из самых ярых идеологов рабовладения, предложил ради победы над Севером последовать его примеру: отменить рабство также и на Юге. Однако конгресс Конфедерации в Ричмонде не решился и не мог решиться на такой шаг.

Победы северян под Геттисбергом и Виксбергом в июле 1863 г. и наступивший общий перелом в ходе военных действий в Северной Америке, а в известной мере и поддержка, оказанная северянам Россией, сделали интервенцию Англии и Франции окончательно невозможной.

Позиция России

В 1863 г. произошло сближение Соединенных Штатов и России. Этому сближению способствовали напряженные отношения России с Англией и Францией, особенно обострившиеся в 1863 г. в связи с польским восстанием[1]. В настоящее время точно известно, что Пальмерстон и Наполеон III не думали всерьез о войне с Россией из-за польского вопроса. Но тогда в русских правя-

[1] В начале 1863 г. Франция, Великобритания и Австрия вручили русскому правительству ноты, в которых претендовали на вмешательство в польские дела. В апреле того же года было приступлено к переводу русской армии на военное положение и к работам по усилению укреплений Кронштадта.

щих кругах исходили из представления о возможности вооруженного вмешательства в русско-польские отношения.

В связи с создавшейся обстановкой было решено послать две русские эскадры к берегам Америки. План отправки эскадр за океан был утвержден Александром II, и в июле 1863 г. управляющий морским министерством вручил контр-адмиралу Лесовскому секретную инструкцию.

Посылка эскадр в Атлантический и Тихий океаны была произведена на основе смело задуманного плана наступательных операций в случае ожидавшейся войны с Англией и Францией. Как показал опыт конфедератского крейсера «Алабама», крейсеры-каперы могли нанести огромный вред торговле и военному флоту неприятеля.

В сентябре 1863 г. две русские эскадры — одна под командой адмирала Лесовского, другая — адмирала Попова — прибыли: первая в Нью-Йорк, вторая в Сан-Франциско. Главной задачей этих эскадр было создать угрозу для английской торговли, дабы повлиять этим на позицию Англии в польском вопросе.

В докладной записке управляющего морским министерством Краббе на имя Александра II намечались определенные американские порты для базирования обеих эскадр. При этом Краббе упоминал о том, что каперский флот Союза представляет собой серьезную силу.

В противоречии с планами морского ведомства в министерстве иностранных дел опасались политических следствий посылки эскадр в Америку. Министр иностранных дел князь Горчаков и посланник в Соединенных Штатах барон Стекль лишь задним числом выразили удовольствие по поводу блестящего эффекта, достигнутого выходом флота на мировые торговые пути и его пребыванием в Америке. Царский посол в Лондоне, «Нестор российской дипломатии» престарелый барон Бруннов, первоначально был в отчаянии от этого шага.

Распространившиеся слухи о формальном союзе между Россией и Соединенными Штатами не имели оснований. Но посылка эскадр в порты воюющего государства неизбежно вела к положению, близкому к фактическому союзу. За время пребывания в Америке русские корабли в одном случае даже оказали давление на военные суда южан прямой угрозой открыть военные действия. Однажды к Сан-Франциско, во время пребывания там русской эскадры, подошли два капера рабовладельцев-южан — «Самтер» и «Алабама». Город был совершенно беззащитен: хотя Калифорния примкнула к северянам, но в ней не было ни войск Союза, ни его военных кораблей. Тогда флагман русской эскадры контр-адмирал Попов опубликовал в газетах Сан-Франциско письмо, в котором говорилось, что

русские корабли прибыли не для участия в междоусобной войне американцев. Однако, учитывая, что мирное население города не защищено военными силами, в случае нападения каперов Конфедерации, русская эскадра «единственно из человеколюбия» защитит мирных жителей города. По-видимому, это письмо было сообщено командирам каперов южан, так как они ушли от Сан-Франциско.

Американский историк Джэй Монехэн [1] пишет, что прибытие русской эскадры в Нью-Йорк произвело большое впечатление. Морской министр Уэллес записал по этому случаю в своем дневнике: «Боже, благослови русских». Некоторые газеты предлагали союз с Россией. «Harper's Weekly», например, находила, что у России и Америки много общего и «по меньшей мере они могли бы добиться сохранения мира во всем мире».

Когда в конце ноября некоторые русские суда поднялись по Потомаку до Вашингтона, их встретили торжественно. «Русские пушки заставили самых упорствующих дипломатов понять геттисбергскую речь» [2], — пишет Монехэн.

Как указывает в специальной монографии американский историк Каллахэн [3], посылка русского флота явилась для Союза значительной военной и моральной поддержкой. «В тягчайший час американской истории, — пишет Каллахэн, — когда целость Союза, а следовательно, вопрос мира во всем мире был в опасности и державы Западной Европы, казалось, взирали на эту опасность с холодным безразличием, если не с живейшим одобрением, когда наш британский родственник называл нас «разъединенные штаты» (Disunited States), когда наш старый союзник — Франция — стал нашим злейшим врагом, только одна рука в Европе протянулась к нам с горячей симпатией и доброй волей — из русских степей. Русский посол в Вашингтоне приложил все усилия к тому, чтобы предотвратить сецессию. Когда французский император предложил конфедератам помощь и когда Великобритания не захотела предупредить постройку в ее водах кораблей, предназначенных для разрушения американской торговли, Россия горячо аплодировала американским усилиям сохранить Союз. Россия отказалась присоединиться к европейскому предложению об участии в посредничестве или интервенции и послала свои флоты в

[1] *Jay Monaghan,* Diplomat in Carpet Slippers, Indianapolis, N. Y., 1945.

[2] Геттисбергская речь — знаменитая речь Линкольна, произнесенная им 19 ноября 1863 г. при открытии национального кладбища в Геттисберге, где в начале июля северяне одержали одну из решающих побед гражданской войны. Эта краткая речь была посвящена подвигу павших бойцов и провозглашала решимость добиться победы.

[3] *J. M. Callahan,* Russo-American Relations during the American Civil War, Morgantown, W. Va, 1908.

американские воды как доказательство всему миру ее симпатии к делу Союза»[1]. Каллахэн называет русско-американские отношения того времени сердечным согласием (entente cordiale).

Как известно, в силу ряда исторических условий русско-американские отношения в XVIII—XIX вв. складывались благоприятно. Игнорируя этот бесспорный факт, Джон Фостер Даллес, выступая в ноябре 1953 г. в Кливленде на съезде Конгресса производственных профсоюзов[2], заявил, что отношения между Россией и США были традиционно враждебными. Между тем, факты периода гражданской войны в США, как, впрочем, и других этапов развития русско-американских отношений, дают убедительный материал, доказывающий обратное.

Интересны выводы, к которым пришли американские историки, изучавшие эту проблему. Профессор колледжа Бириа (Кентукки) Джемс Р. Робертсон, автор ценной монографии о русско-американских отношениях, пишет: «Ко времени гражданской войны образовалось то, что может быть названо традицией дружбы Соединенных Штатов и России»[3]. Другой американский историк, Джон Хилдт, в своей работе «Первоначальные дипломатические отношения между Соединенными Штатами Америки и Россией»[4], замечает: «Россия с самого установления дипломатических отношений заняла устойчивую позицию дружбы с Соединенными Штатами». Уже упомянутый выше Дж. М. Каллахэн заявляет: «Говоря г. что Россия была единственным стойким другом со времени родовых мук нации в революции и до 1871 г. и доказала свою дружбу вновь во время последней войны с Испанией... Но наиболее полезной оказалась для нас дружба с Россией в течение американской гражданской войны»[5]. Историк Альберт Уолдмен, выпустивший в 1952 г. книгу «Линкольн и русские»[6], обращает внимание на то обстоятельство, что Россия оказала большое влияние на ход войны и помогла Северу выиграть ее. В значительной степени из-за ее отказа участвовать в замышлявшейся Наполеоном III и Пальмерстоном интервенции в пользу южан эта интервенция так и не осуществилась.

Благожелательная к Северу позиция, занятая Россией в период гражданской войны в Америке, сыграла немалую роль

---

[1] *J. M. Callahan,* op. cit., pp. 1—2.

[2] См. «Новое время» № 48, 1953 г., стр. 15 и *A. Jefimov.* A. Chapter in Russian-American Relations (в журн. «News», февраль 1954 г.).

[3] *James Rood Robertson,* A Kentuckian at the court of the Tsars. Berea College, Kentucky, 1935, p. 15.

[4] *J. C. Hildt,* Early Diplomatic Negotiations of the U. S. with Russia, Baltimore, 1906.

[5] *J. M. Callahan,* op. cit., p. 1.

[6] *Albert A. Woldman,* Lincoln and the Russians, Cleveland and N. Y., 1952.

в общей международной ситуации и оказала несомненную помощь Соединенным Штатам.

Об отношениях нашей страны и США в прошлом Н. С. Хрущев сказал: «Между нашими странами никогда не было и нет взаимных территориальных претензий. Нет причин для столкновений между нашими народами...» [1]

Захватническая политика республиканской партии после гражданской войны

Гражданская война 1861—1865 гг. в Северной Америке, как и война за независимость, составляет, как указывал Ленин, революционную традицию американского народа [2]. В период огромного подъема активности народа — рабочих, фермеров, негритянских масс, в период острейшей классовой борьбы, когда вся республика оказалась территориально разделенной, расколовшейся на два государства, на Севере было велико давление народных масс на правительство Линкольна. Это сказывалось не только в сфере внутренней, но и в сфере внешней политики. Интересны оценки американской дипломатии, которые давались радикальными республиканскими деятелями в конгрессе. В связи с интервенцией Франции, Англии и Испании (а затем одной Франции) в Мексике, в палате представителей 4 апреля 1864 г. происходили весьма показательные прения. Республиканцы, отражая мнение народных масс, подвергли внешнюю политику своих предшественников, демократов, чрезвычайно резкой критике.

Председатель комитета по иностранным делам республиканец Дэйвис (из Мэриленда) заявил: «Политика демократов по отношению к нашим братьям — республиканцам в Южной Америке и в Мексике — была политикой волка по отношению к ягненку. Они рычали, чтобы отпугнуть иноземных волков от добычи, которую наметили для себя; они задирали, запугивали и грабили» (народы)...

Но вот гражданская война закончилась. К 1870 г. отгремели на Юге последние крупные классовые бои, негритянское движение было подавлено, к власти пришли «бурбоны» — крупнокапиталистические круги республиканской партии в блоке с аграриями Юга. Наметился и начал реализоваться новый политический союз крупной буржуазии и бывших плантаторов, аграриев Юга — но теперь уже с преобладанием в этом союзе крупной буржуазии. Со времени окончания гражданской войны прошло всего несколько лет, но как изменились лозунги внешней политики в дипломатии правившей в США республиканской партии!

[1] *Н. С. Хрущев,* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, М. 1959, стр. 94.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 28, стр. 51.

После гражданской войны правительство США приобрело еще больший интерес к островам Вест-Индии как базам для военно-морского флота. Президенты Джонсон и Грант принимали меры к покупке двух главных островов датской Вест-Индии — Сент-Томас и Сент-Джон, а также восточной части территории весьма важного в стратегическом и экономическом отношении острова Гаити — Доминиканской республики, откуда в 1865 г. испанские колонизаторы вновь были изгнаны. Президент Джонсон заявил в своем послании, что не только Сент-Томас и Сент-Джон «в силу политического тяготения» должны отойти к Соединенным Штатам, но что к Соединенным Штатам «тяготеет» и вся Вест-Индия.

Председатель сенатского комитета по внешней политике лидер радикальных республиканцев Самнер считал, что следует немедленно захватить Канаду — в счет погашения претензий к Англии на возмещение по делу «Алабамы». Член палаты представителей Робинсон, явно потеряв чувство реального, договорился до того, что в силу «предопределения всемогущего бога» не только Канада, но и Ирландия ввиду «сродства» их населения с населением США, должны якобы войти в состав Соединенных Штатов.

Если поставить вопрос, внесла ли американская дипломатия что-либо принципиально новое в историю этого института, то нужно ответить следующее: за исключением 70—80-х годов XVIII в. и периода 1863—1865 гг., когда США, связанные гражданской войной, не имели возможности осуществлять экспансию и агрессию в сколько-нибудь значительных размерах, американская дипломатия, обладая рядом специфических особенностей, принципиально, однако, не отличалась от захватнической дипломатии капиталистических государств Старого Света. История внешней политики США — это история захвата чужих территорий — у индейцев, у Мексики и т. д. — сначала на континенте Северной Америки, а затем и вне его. В течение XIX в. США распространили свою территорию с атлантического побережья на весь североамериканский континент, за исключением территорий Канады и Мексики в их современных границах. Соединенным Штатам при этом самим не приходилось опасаться какой-либо агрессии. Тем легче было агрессивным силам в США развивать собственную экспансию.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОТ ПАРИЖСКОГО МИРА ДО ВОЙНЫ ПРУССИИ И АВСТРИИ С ДАНИЕЙ (1856—1863 гг.)

1. Русская дипломатия после Парижского мира. Дипломатия второй империи во Франции

А. М. Горчаков как дипломат

После Парижского мира Наполеон III казался некоторое время суперарбитром Европы. Так его называли тогда не только придворные льстецы, но и многие авторитетные буржуазные публицисты за границей Франции.

В первые два-три года казалось, что и Пальмерстон в Англии счел за благо забыть о коварном поведении Наполеона на Парижском конгрессе и старался лишь, чтобы император не вздумал идти дальше по опаснейшему для Англии пути сближения с Россией. А это сближение быстро прогрессировало.

В России тотчас после Парижского конгресса министерство иностранных дел перешло из рук Нессельроде в руки князя Александра Михайловича Горчакова. Это был человек умный, проницательный, с широким кругозором. Горчаков не блистал глубиной образования, но ближайшую к современности дипломатическую историю Европы знал хорошо. Характера он был довольно независимого, за что его не терпел и долго не давал ему ходу канцлер Нессельроде. Представитель аристократического барства, Горчаков, хотя и тронутый слегка «либеральными» веяниями александровского времени, обладал многими характерными для своего класса особенностями. Гибкий царедворец, он не решался обострять своих несогласий с царем, даже если сознавал ошибочность «высочайших» планов и суждений. Все же Горчаков держался с Александром II несравненно независимее, чем Нессельроде с Николаем I.

Он изложил основы своей политики и в докладе Александру II тотчас после своего назначения, и в циркулярных нотах, которыми оповестил Европу о предстоящей дипломатической роли России. «La Russie se recueille» («Россия сосредоточивается»); Россия воздерживается от активного вмешательства в европейские дела; Россия оправляется от потерь и понесенных жертв. Это — одна основа будущей политики. Другая состоит в том, что Россия отныне не намерена жертвовать своими

интересами для поддержания принципов Священного союза и считает себя совершенно свободной в выборе своих будущих друзей.

Эти основы политики Горчакова как нельзя более соответствовали тенденциям дипломатической деятельности Наполеона III после Парижского конгресса.

С одной стороны, Россия предоставляла французскому императору полную свободу действий; с другой — Горчаков явно и с ударением намекал на Австрию, когда говорил о разочаровании России в своих былых союзниках по Священному союзу. А между тем перед Наполеоном III постепенно вырисовывалась новая задача, разрешение которой должно было принести ему не только новые военные лавры, но, в противоположность Крымской войне, также и большую территориальную добычу. Речь шла об изгнании Австрии из Италии.

Сближение Франции и России

Обстоятельства складывались очень благоприятно для замыслов французского императора. Отношения с Россией после Парижского мира улучшались чуть ли не с каждым месяцем. В 1856 г. на торжества коронования Александра II в Москве Наполеон III послал одного из самых доверенных своих лиц, графа де Морни, который еще во время Крымской войны говорил о необходимости поскорее мириться. Окружавшим в день обряда коронования Успенский собор и весь Кремль бросилось в глаза, что Морни остановил свои кареты очень далеко от собора, и все французское посольство с непокрытыми головами прошло пешком довольно длинный путь. Другие посольства так не поступали. В дальнейшем Морни не переставал выказывать исключительное почтение к царю. Всюду, по любому поводу и без всякого повода, Морни не переставал говорить о пользе франко-русского сближения и даже союза для обеих империй и о том, что этот союз может дипломатически господствовать в Европе и во всем мире. Русская аристократия приняла графа Морни очень хорошо. Женившись на русской (княжне Трубецкой), французский посол стал и в Москве и в Петербурге совсем своим человеком. Царь явно к нему благоволил и принимал его запросто. Морни удалось без труда добиться нескольких ценных экономических льгот для французских капиталистов в России, и он, торжествуя, доносил Наполеону в Париж: «Я вижу в России рудник для французской эксплуатации».

Сближение с Россией нужно было Наполеону III для того, чтобы ослабить перевес Англии, которая выиграла от Крымской войны гораздо больше, чем Франция. Но в то же время Наполеон III не хотел рвать с Англией. Для создания франко-русского союза требовалось расторгнуть союзные отношения, продолжавшие соединять Францию с Англией и после Крым-

ской войны. Ведь враждебные происки Пальмерстона против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в других местах. Во-вторых, и сам Наполеон III не соглашался на пересмотр Парижского трактата. Наконец, Наполеон III сильно повредил делу, проводимому графом Морни, обнаружив при личном свидании с Александром II, что он заинтересован вопросом о Царстве Польском. «Со мной осмелились заговорить о Польше», — с раздражением заявил царь своим приближенным об этом инциденте.

Но если дело и не дошло до франко-русского союза, то тем не менее Наполеон III мог быть вполне уверен, что и Александр II и Горчаков крепко держатся за идею дипломатического сотрудничества России с Францией и что во всяком случае, если Франция нападет на Австрию, Россия не только не поможет австрийцам, но займет по отношению к Франции позицию дружественного нейтралитета. На Ближнем Востоке, в Сербии, Черногории и в дунайских княжествах в 1857—1862 гг. царское правительство и Наполеон III совместно стремились ослабить влияние Турции, Англии и Австрии.

Ухудшение англо-французских отношений

Более сложно обстояло дело с Англией. Пальмерстон с большим беспокойством присматривался и к успехам Морни в Москве и Петербурге, и к свиданию обоих императоров, и к согласованным действиям Франции и России в 1857—1858 гг. в вопросе создания из Молдавии и Валахии нового государства — Румынии. Пальмерстон раздражался всем этим и сначала пробовал было прибегнуть к методу угроз и застращиваний. Но это нисколько не помогло. Наполеон III, встретив мужа королевы Виктории, принца Альберта, сообщил ему, что он, император, раз навсегда приказал своим дипломатам не показывать ему никаких нот или меморандумов, исходящих от Пальмерстона, потому что Пальмерстон не умеет прилично их писать. Впрочем, и без этого оскорбительного выпада со стороны императора английский премьер очень сильно сбавил тон со второй половины 1857 г.: в игру британской дипломатии неожиданно для нее ворвались народные массы английских колоний. Мощное народное восстание, начатое сипаями, поставило под угрозу английское владычество во всей Индии. В такой тяжелой для нее обстановке английская дипломатия опасалась раздражать могущественного соседа на континенте. В 1858 г., когда уже довольно конкретно наметилось нападение на Австрию, Наполеон III имел основания не ожидать большого противодействия со стороны Англии.

14 января 1858 г. произошло покушение итальянского революционера Феличе Орсини и его товарищей на Наполеона III. Заговорщики хотели убить Наполеона, в котором видели главное

препятствие к объединению Италии: император поддерживал своим римским гарнизоном светскую власть папы Пия IX. Кроме того, в Италии в это время широко распространилось мнение, что Наполеон III коварно обманул Кавура и, несмотря на участие в Крымской кампании 15 тысяч итальянских солдат, решительно ничего не предпринимает, чтобы помочь делу итальянского народа. Орсини и один из его товарищей были гильотинированы.

Во время следствия было выяснено, что Орсини и его сообщники подготовили заговор и запаслись оружием в Англии. Во французской наполеоновской прессе поднялась яростная кампания против Англии, якобы «дающей убежище убийцам». Наконец, даже в официальном органе Французской империи «Монитер» была напечатана резкая и угрожающая резолюция полковников французской императорской гвардии, направленная против Англии. В Англии аристократия и буржуазия были обеспокоены.

Пальмерстон был встревожен деятельностью революционных эмигрантов в Англии и внес в парламент законопроект, направленный против них, — другими словами, уничтожавший право убежища. Обсуждался этот законопроект, когда впечатление первых дней после покушения Орсини уже начало проходить. Законопроект Пальмерстона провалился 19 февраля 1858 г., и Пальмерстон подал в отставку. Его заменил на посту премьера консерватор лорд Дерби, а министром иностранных дел стал лорд Малмсбери. Наблюдая английскую политику, император удостоверился, что независимо от того, стоят ли там у власти виги или тори, со стороны Англии опасность не угрожает и что путь здесь так же свободен, как и со стороны России.

Отношение государств Германского союза к Австрии

Но прежде чем сделать первые решительные шаги в намеченном направлении, император поручил своему министерству иностранных дел выяснить настроения в государствах Германского союза. С этой потенциальной, хотя и не очень вероятной, а главное не очень близкой, опасностью тоже приходилось считаться. Здесь, бесспорно, существовало довольно значительное течение в пользу Австрии: оно было сильно в тех государствах союза, где преобладал так называемый «великогерманский» план объединения Германии вокруг Австрии. Но явно сильнее было течение, возглавляемое Пруссией и поддерживавшее «малогерманскую» программу объединения германских государств вокруг Пруссии, с исключением Австрии. За эту «малогерманскую» программу стоял и быстро выдвигавшийся на первое место в Пруссии прусский посол в Париже, а потом и в Петербурге граф Отто фон Бисмарк. Бисмарк уже давно видел в лице Австрии

главного врага Пруссии, и его мнение, по слухам, разделял и сам принц-регент Вильгельм, к которому перешло управление государством в связи с умопомешательством короля Фридриха-Вильгельма IV. Было маловероятно, чтобы Пруссия вдруг пожелала спасти Австрию от грозящего ей удара. Значит, и с этой стороны путь к нападению на габсбургскую державу оказывался свободным. Итак, Россия, Англия, Пруссия не вмешаются и не спасут Австрию от поражения.

Пломбьерское свидание (20 июля 1858 г.) и франко-русское соглашение (1859 г.)

К 20 июля 1858 г. Наполеон III пригласил первого министра Сардинского королевства Кавура прибыть на курорт Пломбьер. Здесь император и Кавур определили основу своего договора и условились о ближайшем распределении дипломатических ролей. Нечего и говорить, что переговоры велись под покровом глубочайшей тайны. Наполеон потребовал, чтобы Сардинское королевство уступило ему две области: Савойю и Ниццу. За это Наполеон III соглашался вступить в союз с Виктором-Эммануилом II, королем Сардинским, и вместе с ним объявить войну Австрии, причем обязывался не складывать оружия, пока австрийцы не будут изгнаны из Ломбардии и Венеции. Обе эти итальянские области, принадлежавшие пока Австрии, должны были поступить в державное обладание сардинского короля.

Таковы были основы соглашения, которое оставалось секретным приблизительно полгода. В начале 1859 г. оно стало достоянием гласности.

Несмотря на всю тайну пломбьерских переговоров, в Австрии уже осенью 1858 г. почувствовали опасность и начали усиленно готовиться к войне. Очень большие приготовления развернулись и во Франции и в Сардинском королевстве. 1 января 1859 г. в Тюильрийском дворце, в Париже, происходил обычный новогодний прием дипломатического корпуса. Неожиданно Наполеон III, остановившись перед австрийским послом графом Гюбнером, произнес следующие слова: «Я сожалею, что наши отношения с вашим правительством стали менее дружественными, чем были прежде».

После этой демонстрации никто в Европе уже не сомневался, что война неизбежна. Но оставался один очень важный вопрос: нужно было добиться, чтобы Австрия объявила войну Сардинскому королевству по собственной инициативе. Дело в том, что конституция Германского союза давала право Австрии требовать от Германского союза военной помощи в случае оборонительной войны. Следовательно, нужно было устроить так, чтобы эта война оказалась с дипломатической точки зрения наступательной с австрийской стороны.

Но австрийский император вел себя самым осторожным образом в этом опаснейшем положении, не отвечая на провокации и как будто не замечая оскорблений. Тогда его враги изменили тактику.

Кавур стал очень искусно распространять и раздувать слухи о полнейшей дезорганизации и слабости сардинской армии, о растерянности при дворе Виктора-Эммануила II, о том, что воинственный министр Кавур будет отдан не сегодня-завтра под суд, как государственный изменник, продавший в Пломбьере Наполеону III Савойю и Ниццу, и т. д. Со своей стороны французские послы в Вене и в мелких итальянских государствах, связанных с Австрией, через многочисленных своих агентов и через газеты распространяли слух, будто Наполеон III боится войны с Австрией и, наверное, не выступит с армией, а ограничится лишь дипломатической помощью. Эта новая тактика увенчалась полным успехом. В Австрии созрела решимость объявить войну Сардинскому королевству и быстро покончить с этой постоянной угрозой.

Вскоре после свидания в Пломбьере Наполеон III послал своего двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта в Варшаву, куда прибыл Александр II; тут русский царь выразил полную готовность дипломатически помогать Наполеону III в подготовке разгрома Австрии. 3 марта 1859 г. было заключено тайное соглашение между Францией и Россией. В случае войны Франции и Сардинского королевства с Австрией царь обязывался не препятствовать расширению Сардинского королевства, если другие итальянские государи останутся на своих престолах. Александр II устно пообещал также придвинуть к границам Австрии несколько русских корпусов, чтобы сковать часть австрийской армии на востоке.

Сближение России с Францией объясняет, почему Наполеон III и Александр II одновременно категорически отклонили предложение Малмсбери о посредничестве и предложили созвать «конгресс держав». В то же время, сбивая Франца-Иосифа и его министра Буоля с толку, французские агенты и их сотрудники внушали австрийским дипломатам, аккредитованным при европейских дворах, что не следует на этот «конгресс» допускать Виктора-Эммануила. Австрия последовала этим советам и столь нелепым требованием сама провалила конгресс. Между тем Кавур и Наполеон III придвинули армию к самой границе. Тогда Буоль, кругом обманутый ложными сведениями, предъявил 23 апреля 1859 г. Сардинии ультиматум. Только это и требовалось: Австрия лишилась права на поддержку со стороны Германского союза, и военные действия начались при самой выгодной для французов и сардинцев дипломатической обстановке. Ф. Энгельс пи-

сал, что Наполеон III благодаря своей бо́льшей хитрости и ловкости заставил Австрию взять на себя тяжелую ответственность объявления войны.

Война Франции и Италии с Австрией; Виллафранкское перемирие (1859 г.)

Соединенная франко-сардинская армия одержала победу над Австрией при Монтебелло и Мадженте. Затем австрийцам был нанесен сокрушительный удар при Сольферино, после чего можно было ожидать полного очищения Ломбардии от австрийских войск. И вдруг вся Европа была поражена непредвиденным событием: через несколько дней после Сольферино, когда дезорганизованная австрийская армия отступила, в ставку императора Франца-Иосифа явился флигель-адъютант Наполеона III герцог де Кадор с предложением заключить перемирие. Франц-Иосиф тотчас же ответил согласием. Не успели Виктор-Эммануил II и Кавур опомниться, как перемирие было подписано 8 июля в городе Виллафранке обоими императорами — Наполеоном III и Францем-Иосифом. Виктора-Эммануила Наполеон III даже не удостоил уведомить о своем внезапном решении и не пригласил его в Виллафранку. Патриотическая итальянская пресса была возмущена до последней степени этим предательством. Война окончилась, и Наполеон III вернулся в Париж. На продолжение войны против Австрии в одиночку, без французов, сардинское правительство не решилось.

Мотивы Наполеона III были вполне ясны. Во-первых, Наполеон III опасался, что в случае затяжной войны ему придется одновременно воевать не только на реке По, но и на реке Рейне. Во-вторых, он вовсе не желал объединения Италии, тем более революционным путем, хотя и разглагольствовал о своем сочувствии «принципу национальности». Его раздражало, что государства Средней Италии — Тоскана, Парма, Модена — явно стремятся к объединению с Сардинским королевством, тогда как он уже приготовился посадить на трон Тосканы своего двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта. В-третьих, превращение Сардинского королевства в Итальянское предполагало уход французского гарнизона из Рима и уничтожение светской власти папы. Это уже заранее приводило в ярость французских клерикалов, расположением которых император очень дорожил. В-четвертых, вообще создавать рядом с Францией новую довольно большую державу Наполеону казалось сейчас излишним, а в будущем — опасным. В-пятых, продолжать войну значило быть готовым к новым тяжким жертвам со стороны французской армии, потому что за этот месяц войны с австрийцами император Наполеон III и его генералы пришли к выводу, что главную тяжесть войны придется выносить французам.

Наполеон знал, конечно, что своим неожиданным поступком ставит Кавура в невозможное положение. Кавур в знак негодования и протеста подал в отставку. Ни малейшего впечатления на Наполеона III это не произвело. Впрочем, вскоре был заключен мир, и Кавур снова стал министром Сардинского королевства.

Несмотря на то что Наполеон III так бесцеремонно нарушил Пломбьерское соглашение, он в 1860 г. добился от короля Виктора-Эммануила согласия на передачу ему Савойи и Ниццы, которые и были присоединены к Франции.

Двойственная роль России в деле итальянского объединения

В Европе обратили большое внимание на двойственную роль Александра II в деле итальянского объединения. Пока речь шла лишь о том, чтобы разгромить австрийскую армию и унизить Франца-Иосифа, Александр II всецело сочувствовал и Наполеону III и Кавуру. Но когда в том же 1859 г. и в 1860 г., отдельные «местные» революции покончили с владетельными князьями в Тоскане, Парме, Модене, а Гарибальди в 1860 г. разделался с неаполитанскими Бурбонами, царь стал крайне неудачно, во имя все тех же обветшалых «принципов» 1815 г., выражать враждебность делу объединения. Тем не менее, когда во второй половине 1860 г. Франц-Иосиф стал продвигать свои войска к ломбардо-венецианской границе, Горчаков организовал 22 октября 1860 г. свидание в Варшаве трех монархов: русского, австрийского и прусского. Здесь царь решительно отсоветовал Францу-Иосифу что-либо предпринимать против Италии.

Что касается Наполеона III, то в 1860—1862 гг. он вел политику, решительно враждебную всяким попыткам сардинского правительства, превратившегося уже официально в 1861 г. в правительство «королевства Италии», закончить объединение страны.

Французский император прямыми угрозами заставил короля Виктора-Эммануила вооруженной рукой отразить попытку Гарибальди захватить Рим в 1862 г. Впрочем, откровенно своекорыстные мотивы, которые заставили Наполеона в 1859 г. выступить в пользу Сардинского королевства, были полностью разоблачены уже обстоятельствами и условиями внезапного Виллафранкского перемирия.

Влияние завоеваний Франции в Индо-Китае на англо-французские отношения

С 1856 г. начинается ряд колониальных войн Франции. Этими войнами Наполеон III старался упрочить свою популярность в среде крупной буржуазии. Франция совместно с Англией вела вторую и третью опиумные войны в Китае. С 1858 г. по 1862 г. Францией велась

кровопролитная война в Индо-Китае, закончившаяся захватом Кохинхины и установлением протектората над Камбоджей.

В Англии долго не отдавали себе ясного отчета, что, собственно, нужно французам в Индо-Китае. Французская дипломатия с необычайной ловкостью целыми годами беззастенчиво лгала в глаза Пальмерстону, будто речь идет лишь о приобретении небольшой «угольной станции», а вовсе не о завоевании громадного и богатейшего края. Когда все кончилось, французским газетам позволено было предаться шовинистическому самовосхвалению. Тогда только Пальмерстон увидел, что «союзник» снова его обманул. Вскоре после завоевания Кохинхины французы заставили короля обширной и богатой соседней Камбоджи формально признать протекторат Франции над этой страной, после чего французские колониальные власти начали уже подбираться к Таи (Сиаму). В юго-восточной Азии французская дипломатия ставила англичан, единственно возможных тогда конкурентов, лицом к лицу с «совершившимися фактами».

Неудачная попытка Наполеона III утвердиться в Сирии

В 1860 г. Наполеон III затеял новое колониальное предприятие. В турецкой Сирии в мае 1860 г. между мусульманами-друзами и маронитами (христианами, примыкавшими с XIII века к католической церкви) произошла кровавая борьба. Англиканские и отчасти пресвитерианские миссионеры тайно подстрекали друзов, среди которых вели свою пропаганду, против маронитов; тех в свою очередь настраивали соответственным образом католические миссионеры. Хуже всего для друзов и маронитов было то, что за англиканскими и пресвитерианскими миссионерами стояла английская дипломатия, а за католическими — французская. Больше 5 тысяч маронитов было вырезано в 1860 г. в Дамаске при деятельнейшем участии турецких солдат и полицейских чинов. Была резня и в Бейруте, и в других местах. Министр иностранных дел Франции Тувенель, пригласив английского посла в Париже лорда Каули, предложил ему немедленно созвать комиссию из представителей великих держав и прежде всего послать вооруженный отряд для прекращения зверств и убийств, учиняемых друзами. Будучи в курсе дела, лорд Каули прикинулся было, что не верит в размеры резни, шедшей уже два месяца с перерывами, и пытался отделаться юмористическими и скептическими замечаниями. Но Тувенель обнаружил большую настойчивость, а Наполеон III велел ему снестись, кроме того, с Горчаковым. Пальмерстону было дано знать, что дело так оставлено не будет и что если Англия будет медлить, то французы и русские выступят совместно. Пальмерстон на эту удочку и попался.

Лорду Каули было велено немедленно проявить самое живое и теплое участие к маронитам.

После всех этих проволочек Пальмерстон подписал в Лондоне 3 августа соглашение с французским правительством. Он боялся, что французам удастся захватить Сирию, куда Наполеон III направил отряд своей армии. Наполеон III задерживал в Сирии свои войска под предлогом, что не может быть спокоен за маронитов. Дело дошло до неприятных объяснений. Лорд Россель, министр иностранных дел в кабинете Пальмерстона, объявил в парламенте, что Англия не позволит создавать в Сирии такое положение, которое существует с 1849 г. в городе Риме, где французские войска стоят уже одиннадцать лет. Это заявление, сделанное 21 февраля 1861 г., после семимесячных тщетных попыток англичан заставить французские войска уйти из Сирии, произвело большое впечатление. Наполеон III вовсе не собирался воевать с Англией из-за Сирии, и в июне 1861 г. французские войска были оттуда выведены. На этот раз попытка захватить Сирию окончилась неудачей.

Начало мексиканской авантюры Наполеона III

В 1862 г. Наполеон III затеял новое, гораздо более крупное и сложное колониальное предприятие: завоевание Мексиканской республики и превращение Мексики в вассальную империю, зависимую от Франции. Эта авантюра, которую льстецы, приспешники и царедворцы называли «великой мыслью царствования» Наполеона III, не должна была ограничиться одной только Мексикой. В случае прочного обоснования французов в Мексике предполагалось поставить на очередь вопрос о захвате в той или иной форме всей Южной Америки или хотя бы некоторых из южноамериканских государств и о создании вассальной «Латинской империи». Бесцеремонное колониальное грабительство под маской туманных фантазий о будущем романских народов, о латинской цивилизации, о ведущей роли «кельтско-латинской» расы составляло существенный элемент политики Наполеона III. Захват Мексики заранее похваливали и фабриканты и банкиры, надеясь на большие барыши. Бранить эту авантюру крупная буржуазия начала лишь тогда, когда она не удалась.

Но в начале предприятия все, казалось, шло как по маслу. Основным условием, сделавшим вообще возможной эту авантюру, была упорная и все разраставшаяся гражданская война в Соединенных Штатах. Президент США Авраам Линкольн, начиная с 1862 г. и до самой своей смерти, лишен был возможности противодействовать такому вопиющему нарушению «доктрины Монро», каким являлась мексиканская авантюра Наполеона III. Вторым условием, облегчившим вначале Наполеону осуществление его затеи, была та позиция, которую за-

няло английское правительство. Пальмерстон считал для Англии и в политическом и в экономическом отношении крайне желательной победу южан-рабовладельцев над северянами и как прямое следствие победы — распадение Соединенных Штатов на две независимые федерации. Наполеон III вел точь-в-точь такую же политику в отношении междоусобной войны, раздиравшей Соединенные Штаты. При таком совпадении позиций Англии и Франции в отношении Соединенных Штатов вести в мексиканском вопросе линию, враждебную Наполеону III, Пальмерстон явно не хотел.

Итак, дипломатических препятствий не предвиделось, и нападение на Мексику могло осуществиться. Предлог был найден до курьеза ничтожный. Еще в 1860 г., во время смут, происходивших в Мексике (и к концу того же года прекращенных мексиканским президентом Бенито Хуаресом), вождь повстанцев консерватор и ярый клерикал Мирамон получил заем от парижского банкира Жеккера, в делах и прибылях которого принимал деятельнейшее участие всемогущий любимец Наполеона Морни. Участвовали в этом займе также английские и испанские банкиры. Когда Бенито Хуарес подавил восстание, он сначала вовсе отказался уплатить долг, а потом пошел на компромисс и внес ничтожную часть суммы. По предложению Наполеона III три державы — Франция, Англия и Испания — организовали морскую демонстрацию у берегов Мексики. Но недолго продолжались совместные действия трех держав. Пальмерстон, бывший одним из главных инициаторов мексиканской экспедиции, узнал уже в конце 1861 г., что Наполеон III, заручившись поддержкой могущественных в Мексике клерикалов, ведет переговоры с братом австрийского императора Франца-Иосифа эрцгерцогом Максимилианом, которого хочет посадить на мексиканский престол. Тогда Пальмерстон решил отступиться от всего этого мексиканского предприятия. Такую же позицию заняло и испанское правительство. Но Наполеону III их дальнейшее участие и не требовалось: оно могло ему только помешать. В 1862 г. началась война в Мексике.

Война оказалась затяжной. Людей и денег она поглощала очень много, и уже с 1863 г. Наполеон III стал явно охладевать к своей фантастической авантюре. У него были очень существенные причины уже тогда раскаиваться в своей затее, которая отвлекала отборные войска Франции из Европы, где они как раз могли бы пригодиться для существенной поддержки французской дипломатии.

Именно в том году, когда началась многолетняя мексиканская война, на арене европейской политики стало усиливаться влияние Пруссии. Председателем совета министров Пруссии в сентябре 1862 г. стал граф Бисмарк.

2. Дипломатическая деятельность великих держав в связи с польским восстанием 1863 г.

Бисмарк как дипломат

«Самим провидением мне суждено было быть дипломатом: ведь я даже родился в день первого апреля», — шутил сам Бисмарк, когда бывал в хорошем настроении духа. Бисмарк всей своей деятельностью показал, что в самом деле он был великим мастером обмана и притворства. Но его острый ум подсказывал ему нужные, наиболее целесообразные решения, а конечные его цели были очень точны и вполне реальны. От природы темперамент был у него неукротимый; порывы его страстей в молодости были таковы, что соседи по имению называли его «бешеным Бисмарком»; но железной силой воли он умел их смирять. Даже в том перевороте — иначе нельзя это назвать, — который произошел в его основных воззрениях на задачи прусской политики в 50-х годах, сказалось это умение подчинять свои бурные страсти холодному, проницательному разуму. Монархист, феодал, типичный юнкер, реакционный, озлобленный революцией прусский помещик, Бисмарк кричал в 1848—1849 гг., что виселица должна быть «в порядке дня»; он яростно ненавидел франкфуртский парламент, самочинно собравшийся в 1848 г.; он бурно одобрял разгон этого парламента прусскими штыками. И, однако, тот же Бисмарк начинает понемногу понимать, что объединение Германии, которое неудачно пытался провести этот самый франкфуртский парламент, все равно произойдет и что бороться против этого безнадежно. Лишь став во главе объединительного течения, можно было спасти прусскую монархию и привилегированное положение ее дворянства. Бисмарк отлично сознавал, что этому неизбежно будут мешать все великие державы континента, для которых невыгодно возникновение нового могущественного государства в центре Европы. Сообща они могут раздавить Пруссию. Значит, политика Пруссии должна быть направлена к нейтрализации по крайней мере Франции и России. Что с Австрией придется воевать, как с врагом объединения Германии под эгидой Пруссии, это Бисмарк предвидел еще в середине 50-х годов, считая, что никакими дипломатическими хитростями нельзя будет заставить габсбургскую державу выйти добровольно из Германского союза. Что вообще без войны дело объединения Германии не обойдется, это ему тоже казалось бесспорным. «Не словами, но кровью и железом будет объединена Германия», — говорил он.

Еще до того, как в сентябре 1862 г. Бисмарк стал почти неограниченным хозяином прусской внешней политики, он успел побывать последовательно на трех важных постах. Сна-

чала он был уполномоченным прусского правительства при франкфуртском сейме; здесь он пережил Крымскую войну и очень пристально изучал людей и положение отдельных германских государств, а особенно Австрии. Затем Бисмарк был послом Пруссии в Петербурге; тут он изучил Александра II и впервые почувствовал умного и опасного противника в Горчакове, звезда которого тогда только восходила. Наконец, после Петербурга Бисмарк побывал короткое время прусским послом в Париже. Здесь он приглядывался к Наполеону III и правильно оценил сильные и слабые стороны бонапартизма. Глубже, чем кто-либо из писавших о Бисмарке, его изучил Энгельс, и он как-то назвал Бисмарка немецким Наполеоном III.

Таким образом, сделавшись первым министром Пруссии в расцвете сил (ему было в 1862 г. сорок семь лет), Бисмарк пришел на этот пост во всеоружии большой и разносторонней осведомленности и богатого дипломатического опыта.

Предстоявшая Бисмарку труднейшая историческая задача осложнялась тем внутренним кризисом, который переживала Пруссия вследствие выхода страны из периода революционной ситуации. Юнкерское правительство замышляло осуществить объединение Германии «сверху», «железом и кровью», т. е. путем войн и под властью монархии Гогенцоллернов, тогда как интересам рабочего класса и всего германского народа отвечало революционное объединение «снизу». Свою деятельность в Берлине Бисмарк начал с того, что изо всех сил воспротивился намерению короля Вильгельма I отречься от престола из-за обострения конституционного конфликта между прусским ландтагом и правительством. Король Вильгельм, вступивший на престол в 1861 г. шестидесяти четырех лет, растерялся и не видел выхода. Это был недалекий человек, реакционер самого старого, затхлого типа; но так как, вступая на престол, он присягнул конституции, то он побаивался ее нарушить и тратить на армию средства, которые отказался отпустить ландтаг. Бисмарк убедил Вильгельма, что можно сколько угодно нарушать конституцию, потому что если прусская армия поможет объединить Германию вокруг Пруссии, то не только классы, представленные в ландтаге, но и сам ландтаг забудут о своей оппозиции. Король покорился Бисмарку, и с тех пор, вплоть до смерти Вильгельма I в 1888 г., Бисмарк пользовался королем, как пользуются государственной печатью, прикладываемой к важным бумагам. В частности, Вильгельм I всецело предоставил Бисмарку дела дипломатические, к которым сам король органически был неспособен. «Я не могу, как вы, имея всего две руки, разом подкидывать и ловить пять шаров», — выразился он однажды по поводу ловкости своего министра в слож-

ной игре дипломатических интриг. Симуляция грубоватой откровенности, которой Бисмарк так долго и с таким успехом дурачил многих дипломатов, пускалась им в ход и в отношении короля Вильгельма. Король был убежден, что Бисмарк обманывает всех на свете, но только не своего монарха. В этом старый король заблуждался: его-то самого Бисмарк обманывал чаще, чем кого-либо, и легче, чем кого бы то ни было. Правда, от предоставления Бисмарку всей полноты фактической власти и от самоустранения от дипломатических дел король Вильгельм в конечном счете только выиграл. Но до триумфов, которыми судьба оварила последние годы Вильгельма, в тот момент, когда Бисмарк взял в свои руки руль государства, было еще далеко. Предстояла тяжелая борьба.

Позиция Пруссии в отношении польского восстания (1863 г.)

Бисмарк часто говорил, что у всякого человека, следовательно и у всякого дипломата, бывает так, что ему везет и счастье пролетает совсем близко от него; разница между дипломатом искусным и бездарным заключается в том, что первый успевает вовремя ухватиться за край одежды пролетающей мимо него фортуны, а бездарный непременно прозевает и упустит этот момент. Для самого Бисмарка таким нежданным счастьем явилось восстание 1863 г. в русской Польше. В самом начале восстания Бисмарк думал некоторое время, что в конце концов Россия должна будет отказаться от Польши. «Тогда мы начнем действовать,— говорил он, — займем Польшу, и через три года там все будет германизировано». Когда слушавший эти предположения вице-президент прусской палаты депутатов Беренд выразил сомнение в том, серьезно ли говорит Бисмарк или шутит, то его собеседник возразил: «Ничуть не шучу, а говорю серьезно о серьезном деле». Но слабость повстанцев и безнадежность военной их победы с каждым месяцем становились все более очевидными. Тогда Бисмарк решил, что пользу из польского дела можно извлечь иным способом. Бисмарк и король прусский Вильгельм I взяли решительный курс на «великодушную» помощь царскому правительству.

Великодушие заключалось в том, что 8 февраля (27 января) 1863 г. Горчаков и присланный из Берлина генерал фон Альфенслебен подписали в Петербурге конвенцию, по которой русским войскам позволялось преследовать польских повстанцев даже на прусской территории. Далеко не все даже среди правящих кругов России были довольны этой добрососедской предупредительностью. Например, наместник Царства Польского брат царя Александра Константин не скрывал, что ему все это не очень нравится. Чувствовалось, что Бисмарк преследует

какие-то свои цели. И действительно: с большой торжественностью, с нарочитыми таинственными умолчаниями и намеками Бисмарк, к неприятному удивлению Горчакова, обнародовал основное содержание конвенции. При этом он изобразил дело так, будто за конвенцией скрываются какие-то секретные пункты уже не частного, но общего значения. Наполеон III, а за ним Англия, сейчас же ухватились за то, что Польша стала в силу самого факта Петербургской конвенции предметом международно-правовых соглашений и дипломатических переговоров двух держав: России и Пруссии. На этом основании и ссылаясь на венские договоры 1815 г., Наполеон III и Пальмерстон заявили, что и они желают вступить с Александром II в переговоры по поводу Польши. Французское правительство под предлогом заступничества за Польшу желало развязать войну, чтобы совершить территориальные захваты на левом берегу Рейна и упрочить гегемонию Франции в Европе.

Выступление Франции, Австрии и Англии по вопросу о польском восстании 1863 г.

Наполеон III тотчас же завязал оживленные переговоры с Австрией по польскому вопросу. Хотя, выступая с какими бы то ни было протестами по этому вопросу, Австрия, участвовавшая во всех трех разделах Польши, ставила себя в весьма неестественное положение, Франц-Иосиф в конце концов уступил Наполеону III. Австрийское министерство иностранных дел только выговорило себе право выступить не одновременно с двумя западными державами и составить свою ноту в более сдержанных выражениях.

17 апреля английский и французский послы представили Горчакову свои ноты; два дня спустя, 19 апреля, Горчакову была вручена и австрийская нота.

Резче всех выступила Англия. С 1 июля 1859 г. пост английского министра иностранных дел занимал лорд Джон Россель. Он принадлежал к тому поколению английских государственных людей, которое, уже начиная с русско-турецкой войны 1828—1829 гг., догадывалось о внутренней слабости русского государственного организма. Лорд Россель, уверенный в том, что Россия в 1863 г. не в состоянии вести новую войну против Англии и Франции, решил действовать на нее прямым устрашением. Исходя из ложного тезиса, будто Александр I в 1815 г. обязался перед Венским конгрессом дать Польше конституцию, Россель развил в своей ноте ту мысль, что Россия, не давая Польше политической самостоятельности, исключает себя из общения с цивилизованным миром. Французская нота в более вежливых тонах, чем английская, указывала на всеевропейское значение польского вопроса и предлагала перенести

его на новый европейский конгресс. Австрийская нота ограничивалась вялыми рассуждениями о беспокойстве, которое вносит неразрешенный польский вопрос в жизнь Габсбургской монархии, а также самой России и Пруссии.

Начались совещания у царя. С одной стороны, возникали опасения, не подготовляется ли вновь против России «крымская комбинация», т. е. не грозит ли России война с Англией, Францией и, может быть, с Австрией; к такой войне Россия была решительно не готова ни в военном, ни в финансовом отношениях. С другой стороны, уступить требованиям трех держав, да еще при почти нескрываемой угрозе со стороны двух из них, значило подвергать риску целостность Российской империи. Согласиться на конгресс было равносильно тому, чтобы заранее примириться не только с отделением Царства Польского, но и с неизбежной постановкой вопроса о Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Александр II, нередко терявшийся в трудных условиях, в данном случае решил не сдаваться. Ноты были вежливо отклонены, но по совету Горчакова была торжественно обещана амнистия польским инсургентам, если они в условленный срок сложат оружие.

Однако восстание в Польше и Литве все более разрасталось. В России нарастало большое возбуждение. В Петербург летели адресы, заявления, резолюции, которые требовали отклонения вмешательства иностранных держав. В среде дворянства и купечества разгорались шовинистические страсти.

Но и в белорусском и украинском крестьянстве притязания польского дворянства на украинские и белорусские земли вызывали лишь ожесточение.

Французский посол в Петербурге герцог Монтебелло и английский посол лорд Нэпир внимательно наблюдали за всем, что происходит в России. Они настойчиво доносили в Париж и Лондон о том, что Россия ни в каком случае не уступит без вооруженной борьбы. Если Англия и Франция, писали они, не собираются воевать, тогда лучше всего бросить опасную затею. Оба посла прибавляли от себя совет: прекратить игру с огнем.

Хотя Наполеон III и не желал воевать в тот момент (он достаточно занят был только что начатой войной в Мексике), он тем не менее не внял предостережениям своего посла. На энергичное противодействие России его подбивали из Англии как Пальмерстон, так и Россель. Оба лорда еще меньше, чем Наполеон III, были расположены в тот момент воевать с Россией. В первую очередь их в это время заботил ход войны в Америке. Но, натравливая французского императора на Александра II, они на время выводили из строя двух своих опасных соперников и окончательно разрушали франко-русское

согласие, установившееся в конце 50-х гг. Решено было направить русскому правительству новые ноты. Эти новые ноты были еще более угрожающими, чем апрельские. От России не только требовали согласия на созыв конгресса великих держав для решения польского вопроса; в виде предварительных мер царю рекомендовалось: во-первых, провозгласить в Польше общую амнистию, не ставя ее в зависимость от окончания вооруженного восстания; во-вторых, созвать там представительное собрание; в-третьих, даровать Польше местную автономию; в-четвертых, обеспечить права католической церкви; в-пятых, ввести польский язык в правительственные учреждения и учебные заведения в Царстве Польском; в-шестых, издать удовлетворяющие поляков новые правила о рекрутских наборах. На этот раз колебаний ни у Горчакова, ни у Александра II не было. Согласиться на все это, да еще вдобавок на конгресс означало, по мнению царя и его советников, признать полное политическое поражение Российской империи. Горчаков принял ноты и объявил, что державы получат от него письменный ответ. В июле 1863 г., т. е. примерно через месяц после вручения нот, последовали три ответные депеши Горчакова русским представителям: барону Бруннову в Лондон для передачи английскому правительству, барону Будбергу в Париж для передачи французскому императорскому правительству и Балабину в Вену для передачи Францу-Иосифу. Ответ был резко отрицательный. Польский вопрос объявлялся делом, касающимся исключительно России, но не Европы. Все требования отклонялись решительно и безусловно.

Английское правительство и Наполеон III попали в трудное положение. Сначала лорду Росселю и французскому императору показалось целесообразным, чтобы их представители попробовали еще устно припугнуть Горчакова. Дело в том, что английское и французское правительства своими выступлениями толкнули поляков на отказ от амнистии и на продолжение восстания, после чего жестокие репрессии царского правительства усилились: муравьевская кровавая расправа была летом 1863 г. в полном ходу. Принять поэтому дипломатическую пощечину от Горчакова и никак на нее не реагировать казалось невозможным.

И вот лорду Нэпиру и герцогу Монтебелло, которые с самого начала считали польское дело безнадежным, а вмешательство западных держав бесцельным и рискованным, пришлось направлять по адресу Горчакова угрозы, в которые они сами не верили, и проявлять возмущение, которого не ощущали. Горчаков, на этот раз уже окончательно удостоверившись, что никакой военной интервенции в пользу поляков не будет, снова

отвечал послам самым категорическим отказом. Смысл его элегантных французских фраз сводился к одному: никакого вмешательства Россия не потерпела в апреле, когда еще восстание продолжалось, не потерпит подавно и теперь, в июле, когда оно уже окончательно догорает.

Тогда Англия и Франция решили сделать новую попытку спастись от грозившего им полного дипломатического поражения. В нотах, переданных ими русскому правительству 3 августа, они заявили, что считают русское правительство единственным виновником польского восстания. Напрасно Россия не желает следовать советам западных держав: пусть она винит самое себя за серьезные последствия, которыми грозит в дальнейшем восстание.

Вслед за этой нотой лорд Россель написал еще одну ноту, в которой прямо заявлял, что Россия, нарушившая свои обязательства в отношении Польши, никаких прав на дальнейшее обладание ею не имеет. Другими словами, пребывание русских войск в Царстве Польском является отныне в глазах английского правительства беззаконным актом; он уже сам по себе оправдывал бы вооруженное вмешательство европейских держав в любой момент, который они сочли бы для этого удобным. Такая нота была почти равносильна объявлению войны. Во всяком случае она делала неизбежным разрыв дипломатических сношений между Англией и Россией.

Однако нота Росселя писалась не для того императора, который обитал в Зимнем дворце, в Петербурге, а для другого, который проживал в Тюильри, в Париже. Наполеон III узнал содержание грозной ноты немедленно; но до Александра II ей дойти не пришлось. Она была, правда, отправлена в Петербург британскому послу лорду Нэпиру, но тот, очевидно, сообразив в чем дело, и не подумал передавать ее Горчакову, а возвратил ее лорду Росселю, рекомендуя «пересмотреть» ее содержание. Лорд Россель нисколько не удивился этому поступку своего посла, которого вообще очень ценил за сообразительность. Он стал ждать, что сделает Наполеон III. Однако Наполеон, несмотря на видимую решимость Англии идти на разрыв с Россией, все-таки от войны отказался. Проделка Росселя не удалась.

Отказ Англии от вмешательства в польские дела

Снова лорд Россель и Пальмерстон, стоявший за его спиной, оказались в затруднительном положении. Но они нашли простой выход, ярко характеризующий английскую дипломатию и показавший всему миру, что Польша их вовсе не интересует и что польский вопрос использовался просто как средство давления на Россию. 26 сентября 1863 г. лорд Россель публично заявил: «Ни обязательства, ни честь

Англии, ни ее интересы — ничто не заставляет нас начать из-за Польши войну с Россией».

Спустя месяц и восемь дней после этого заявления Росселя Наполеон III сделал еще одну попытку дипломатического вмешательства в польский вопрос. У него явилась мысль соблазнить Александра II возможностью получить повод для пересмотра и уничтожения той статьи Парижского мира 1856 г., которая воспрещала России держать военный флот на Черном море. Так как это можно было провести только на новом всеевропейском конгрессе, то Александр II мог и согласиться участвовать на таком конгрессе. А уж когда конгресс соберется, на нем можно будет отвергнуть попытки России пересмотреть Парижский договор 1856 г., а вместо этого поставить общий вопрос о пересмотре ненавистных для династии Бонапартов условий Венского трактата 1815 г., потребовать присоединения к Франции левого берега Рейна, а заодно рассмотреть и польский вопрос. Если даже для Польши ничего не выйдет хорошего, все равно поляки не смогут отныне утверждать, что Франция ничего для них не пыталась сделать. 4 ноября 1863 г. Наполеон III обратился к европейским государям с приглашением созвать конгресс.

Эта игра сразу же натолкнулась на противодействие, потому что была отлично разгадана и Пальмерстоном и Росселем: они сообразили, что конгресс грозит Англии, во-первых, появлением нового русского флота на Черном море и, во-вторых, — что гораздо важнее и опаснее — новым сближением Франции с Россией. Решено было отказаться от участия в затеваемом Наполеоном III конгрессе.

Конгресс, конечно, не состоялся бы и по одному тому, что Горчаков, невзирая ни на какие соблазнительные перспективы насчет отмены оскорбительной статьи Парижского трактата 1856 г., ни в коем случае не желал, чтобы на конгрессе поднимался польский вопрос, да еще тогда, когда восстание было уже совершенно сломлено. Но Горчаков со свойственной ему выдержкой, узнав, как забеспокоился Пальмерстон, предпочел несколько помедлить со своим отказом. Его расчет оказался совершенно правильным: первый по времени отказ на свое предложение Наполеон III получил не из Петербурга, а из Лондона, что и требовалось Горчакову. Расчет Горчакова на несдержанность и нетерпеливость Пальмерстона оправдался блистательно. Англо-французские отношения становились все холоднее. Когда польское восстание было уже окончательно подавлено, Пальмерстон 26 мая 1864 г. громогласно заявил в палате общин, что самая мысль о войне Англии с Россией из-за Польши была бы «сумасшествием», и настойчиво утверждал в той же речи, что только «польская

близорукость» виновата, если кто-либо из поляков поверил в возможность подобной войны.

Так дело окончилось дипломатической победой России. Царизм выполнил в Польше свою роль жандарма. Поражению польского восстания содействовало нежелание его руководителей удовлетворить требования крестьян, националистические притязания польской шляхты и буржуазии на украинские, белорусские и литовские земли. Западноевропейская дипломатия для видимости вела игру в поддержку поляков, а на деле лишь преследовала при этом собственные корыстные цели.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ БИСМАРКА В ГОДЫ ВОЙНЫ С ДАНИЕЙ И АВСТРИЕЙ (1864—1866 гг.)

1. Прусско-датский конфликт из-за Шлезвиг-Голштинии

Во время восстания 1863 г. в Польше Бисмарк сумел извлечь из своей политики крупный дипломатический успех. Конец 1863 г. принес прусскому министру еще одну огромную удачу: произошло охлаждение между Англией и Францией вследствие отказа Англии от участия в предполагавшемся Наполеоном III конгрессе. Три могучие силы — Россия, Англия, Франция, — которые могли бы, действуя вместе, раздавить всякую попытку объединения германских государств вокруг Пруссии, шли врозь. А тут еще подвернулся новый благоприятный случай для начала обширнейшей дипломатической операции, в общих чертах давно уже задуманной Бисмарком.

Вопрос о владении Шлезвиг-Голштинией после смерти Фридриха VII

15 ноября 1863 г. скончался датский король Фридрих VII и на престол Дании вступил его наследник Христиан IX. Немедленно встал вопрос о том, кому владеть соединенными с Данией Голштинией и Шлезвигом.

Наследственные права на Голштинию и Шлезвиг нового датского короля были давным-давно, еще в 1852 г., обсуждены и повсеместно признаны всеми державами, в том числе и Пруссией. Но не в юридических и генеалогических тонкостях, конечно, было дело. В этих хитросплетениях, которых еще с XVIII в. никто не мог распутать, не могли, конечно, разобраться ни Бисмарк, ни Пальмерстон, ни Горчаков, ни Наполеон III. Лорд Пальмерстон заявил однажды, правда, не для огласки, а в интимном кругу, когда пришла весть о первых шагах Бисмарка по шлезвиг-голштинскому вопросу, в самом конце 1863 г.: «Во всей Европе еще недавно шлезвиг-голштинский вопрос понимали три человека — принц Альберт [муж королевы Виктории], один старый датчанин и я. Но принц Альберт, к несчастью, недавно умер; старый датчанин сидит теперь в доме умалишенных, а я совершенно забыл, в чем там дело».

Бисмарк вовсе и не гнался за честью быть четвертым, постигшим вопрос о юридических правах датского короля на обладание Шлезвигом и Голштинией. Он лишь решил сделать из этого вопроса новое средство для выполнения своих планов. Пруссия должна была явиться перед всеми германскими государствами, перед всем германским народом в ореоле освободительницы «германских братьев» и как бы взять в свои руки дело национального объединения Германии.

Позиция России

Обстоятельства в 1864 г. складывались для Пруссии несравненно благоприятнее, чем за четырнадцать лет до того. Николай I давно умер. Его преемник был теперь, после польского восстания, полон самых дружественных чувств по отношению к своему дяде, королю Вильгельму I, и к Бисмарку. Правда, Горчаков не разделял этого энтузиазма своего повелителя и уже давно начал чувствовать в прусском первом министре очень опасного и пронырливого политического деятеля под личиной мнимого прямодушия и грубоватой откровенности. Чем яснее Бисмарк видел, до какой степени Горчаков не верит ни одному его слову, тем более разгоралась в нем ненависть к талантливому русскому дипломату. Все злобные инсинуации, которые расточал в своих письмах, а потом в своих воспоминаниях Бисмарк по адресу Горчакова, прежде всего тем и объясняются, что Горчаков оказался несравненно умнее, чем это было нужно Бисмарку. «Личная его неприязнь ко мне, — пишет Бисмарк, силясь унизить Горчакова, — была сильнее чувства долга перед Россией... Он не хотел услуг от нас, а стремился отдалить Россию от Германии... тщеславие и зависть ко мне были в нем сильнее патриотизма... Горчаков старался доказать царю, что моя преданность ему и мои симпатии к России лицемерны или в лучшем случае только платонического свойства, и стремился поколебать доверие [Александра II] ко мне, что ему впоследствии и удалось». Впрочем, воспоминания о польском деле были еще слишком свежи в памяти царя. Поэтому Бисмарк мог пока и не беспокоиться относительно возможности русского противодействия по шлезвиг-голштинскому вопросу, несмотря на подозрительность, которую обнаруживал Горчаков. Да и сам Горчаков не мог решиться на выступление против Пруссии: ведь его можно было предпринять только в согласии с теми державами, которые выступали против России в Крымской войне и во время восстания в Польше. Более того, выступить против Пруссии значило бы для Горчакова рисковать, что она присоединится к этой антирусской группировке.

Позиция Англии, Франции и Австрии

Но оставались Англия, Франция, Австрия. Эти державы могли помешать выполнению замыслов Бисмарка в шлезвиг-голштинском вопросе. Тут прусский министр и проявил впервые на общеевропейской арене свои дипломатические дарования. Прежде всего ему необходимо было успокоить Англию и Францию и внушить им, что он отнюдь не стремится включить «приэльбские герцогства» (т. е. Шлезвиг и Голштинию) в состав Пруссии. Следовательно, Пальмерстону незачем беспокоиться, что удобнейшие морские берега на Северном и Балтийском морях перейдут во владение более сильной, чем Дания, державы; Наполеону же нет нужды подозревать, что ближайшая соседка, Пруссия, значительно усилится и по размерам территории и по количеству населения. Поэтому, когда германский сейм, заседавший во Франкфурте, потребовал от датского короля уступки Голштинии герцогу Августенбургскому, что влекло за собой включение приэльбских герцогств (прежде всего Голштинии, а потом и Шлезвига) в состав германских государств, то Бисмарк всячески старался показать, что он против обострения спора и не одобряет резких методов разрешения этого вопроса. Он, Бисмарк, стоит будто бы лишь за такое решение, которое обеспечивало бы герцогствам мирное национальное развитие. Эта тактика удалась блистательно. В Англии, правда, раздавались еще некоторые предостерегающие голоса: английская печать и политические деятели подстрекали Данию к сопротивлению всем попыткам отделить от нее Шлезвиг и Голштинию. Британское правительство в 1863 г. еще надеялось на сохранение существующего положения на Балтийском море и полагало, что Пруссия не отважится на войну с Данией, а если и посмеет это сделать, то встретит сопротивление со стороны Франции.

Но уже с конца 1863 г. и в течение всего 1864 г. Бисмарк особенно старался расположить в свою пользу Наполеона III. Этому, впрочем, весьма помог тот оборот, который вдруг приняли отношения между Пруссией и Австрией.

Дело в том, что из всех великих держав, которые могли помешать Бисмарку, он опасался больше всего Австрии. Не потому, конечно, что он считал ее сильнее Франции, Англии, России. Напротив, Австрия была слабее этих держав. Но император Франц-Иосиф понимал, что если шлезвиг-голштинский вопрос будет разрешен Пруссией единолично, это приведет к тому, что Пруссия станет бесспорно гегемоном в предстоящем процессе объединения Германии. Два австрийских министра, которые в эти годы имели большое влияние на Франца-Иосифа, Шмерлинг и Рехберг, еще в 1863 г. сделали попытку воспрепятствовать замыслам Бисмарка. Они убедили импера-

тора созвать торжественное собрание всех германских государей во Франкфурте. Съезд состоялся в августе 1863 г., но Бисмарк решительно воспротивился тому, чтобы король прусский принял какое бы то ни было участие в этом собрании. Съезд отрядил короля саксонского к Вильгельму для передачи приглашения на съезд. Монархические чувства короля Вильгельма были потрясены: «Целый сонм государей меня приглашает, курьером ко мне приезжает король Саксонии, как же я могу отказаться?» Но Бисмарк был непоколебим. Он взялся сам разговаривать с королем саксонским и ответил ему отказом. Король саксонский, уходя, наговорил Бисмарку дерзостей. Бисмарк смолчал, но провожать короля не пошел. Император австрийский торжественно председательствовал на франкфуртском сейме в августе 1863 г., но отсутствие прусского короля ясно говорило, что объединить Германию вокруг Австрии не удастся из-за прусской оппозиции.

Соглашение между Австрией и Пруссией

И вдруг, к приятному удивлению австрийских государственных людей, тот самый Бисмарк, который еще совсем недавно, как выразилась одна южногерманская газета, «бил посуду об пол при одной мысли о влиянии Австрии на Германский союз», не только не отклонил, но и приветствовал участие Австрии в разрешении шлезвиг-голштинского вопроса. Не успел окончиться богатый событиями 1863 год, как в Вене и Берлине уже было секретно решено сообща объявить войну Дании.

Бисмарку участие Австрии было нужно потому, что оно прикрывало перед подозрительно насторожившейся Европой его конечные цели, т. е. захват и присоединение к Пруссии Шлезвига и Голштинии. Далее, военный блок Австрии и Пруссии был настолько внушителен, что мог удержать от выступления как Наполеона III, так и Англию. Правда, в случае совместных действий Наполеона III с Англией австрийская помощь особой пользы Пруссии не принесла бы. Но и здесь польское дело сослужило Бисмарку службу: когда лорд Джон Россель обратился к министру иностранных дел Наполеона III Друэн де Люису с доверительным приглашением совместно вмешаться в шлезвиг-голштинский вопрос, то министр, хотя и в отменно вежливых выражениях, ответил ему категорическим отказом. Друэн де Люис напомнил о неудачном совместном выступлении Франции и Англии против Александра II по польскому вопросу. Пальмерстон твердо решил, что Англия не пойдет в одиночку воевать за Данию против Австрии и Пруссии. Россель вполне был с ним согласен. Это не помешало ни Пальмерстону, главе кабинета, ни Росселю, министру иностранных дел, самым активным образом продолжать свое подстрекатель-

ство нового датского короля к сопротивлению: Пальмерстон не терял некоторой надежды, что сопротивление Дании все-таки в конце концов побудит вмешаться в датско-прусские отношения Россию или Францию и поссорит их с Пруссией.

Надеясь на поддержку Англии, Христиан IX обнародовал новую конституцию, которая окончательно скрепляла политические узы между Данией и Шлезвигом. Это Бисмарку только и нужно было. Он тотчас заявил, что датский король не имел права это делать, и 16 января 1864 г. совместно с Австрией предъявил Христиану IX ультиматум: в сорок восемь часов объявить только что данную конституцию отмененной.

Отношение великих держав к прусско-датской войне

Узнав об этом, Пальмерстон, ссылаясь на несогласие королевы и своего кабинета, как бы с душевным прискорбием уклонился от подачи какой бы то ни было помощи Дании. Дания осталась совершенно одинокой. О ее успешном военном сопротивлении нашествию соединенных армий двух великих военных держав не могло быть и речи, и исход войны определился буквально в первые же дни. И все-таки Дания не заключала мира, все еще надеясь если не на военную помощь, то на дипломатическое вмешательство Англии. На английскую дипломатию посыпались раздраженные обвинения в самом парламенте. В начале февраля 1864 г., при обсуждении ответного адреса на тронную речь, лорд Дерби от имени оппозиции заявил в палате лордов, что он, как англичанин, унижен и чувствует, что лишился самоуважения из-за позорной политики Росселя и Пальмерстона в датском вопросе. Однако еще до наступления зимы большинство английских газет перестало отстаивать претензии Дании на Южный Шлезвиг и Голштинию. Пальмерстон и министр иностранных дел Кларендон фактически согласились на усиление Пруссии — наряду с нежелательными для Англии последствиями, в этом усилении была и положительная сторона — создавался более внушительный противовес притязаниям Наполеона III на левый берег Рейна.

Не желая вмешательства Англии в войну, английское правительство очень хотело, однако, испортить отношения между Францией и Пруссией и решило снова обратиться к лицу, которое могло бы помочь Дании, если бы захотело. Это был Наполеон III, однажды уже наотрез отказавшийся вмешаться в шлезвиг-голштинский вопрос.

Новые попытки натравить Францию на Пруссию тоже не увенчались успехом: по датскому вопросу ничего не было достигнуто. Наполеон III слишком «увяз» в своей мексиканской авантюре и сам надеялся сговориться с Пруссией, чтобы получить ее согласие на расширение границ Франции на левом

берегу Рейна. Датчане на четвертом месяце войны потерпели, наконец, настолько тяжелое поражение (18 апреля 1864 г. при Дюппеле), что Христиан IX, которого англичане успокаивали заверениями, будто успешно ведут переговоры с Францией о помощи Дании, обратился уже непосредственно к французскому правительству с вопросом, может ли он в самом деле рассчитывать на поддержку. Ответ из Парижа последовал категорически отрицательный. Тогда Дания согласилась на все, чего от нее требовали. Собралась, правда, в Лондоне конференция держав, но никакой эффективной помощи оттуда Дания, конечно, не получила. Британское правительство решило не осложнять свои отношения с Пруссией в надежде на то, что она станет противовесом Франции и России. В 1865 г. Пальмерстон в письме к лорду Росселю прямо писал о желательности захвата Шлезвига и Голштинии Пруссией, чтобы «Германия, как целое, сделалась сильной, чтобы она оказалась в состоянии держать в узде обе честолюбивые и воинственные державы, Францию и Россию, которые сжимают ее с Запада и Востока».

Условия мира с Данией

12 мая 1864 г. было заключено перемирие, а 30 октября 1864 г. подписан окончательный мир между Данией, с одной стороны, Пруссией и Австрией — с другой. Герцогства Шлезвиг, Голштиния и Лауенбург остались за победителями в их временном совместном обладании. Первый перегон исторического пути Бисмарка был пройден. Предстоял второй, самый рискованный этап. Надлежало брать такой политический барьер, который никак нельзя было обойти, а именно Австрию. А не взять его значило отказаться от объединения Германии при гегемонии прусской монархии.

2. Австро-прусская война

Конфликт между Пруссией и Австрией из-за Шлезвиг-Голштинии

Наступали самые трудные времена карьеры Бисмарка. Что без войны, и войны победоносной, Пруссии не удастся изгнать Австрию из Германского союза, что без поражения на поле битвы Австрия не позволит прусскому королю стать главой объединенной Германии, это было Бисмарку ясно еще в 1850 г., когда Николай I призвал был Францем-Иосифом и его канцлером князем Шварценбергом на помощь в Ольмюц. Все, что произошло с тех пор, убеждало Бисмарка в том, что австрийская монархия зорко следит за поведением Пруссии. Следовательно, дипломатическими маневрами довести дело до конца никак нельзя было, но начать с дипломатических шагов было не только можно, но и должно.

Это Бисмарк, судя по собственным его позднейшим признаниям, понимал очень хорошо еще до войны против Дании. Что мирно разделить добычу, полученную от Дании, между Пруссией и Австрией не удастся, это Бисмарк тоже знал и не только знал, но и не желал мирного раздела. Мысль о войне с Австрией занимала его еще до подписания мира с Данией. В октябре 1864 г. Бисмарк посетил Наполеона III на французском курорте Биарриц и тогда уже пытался выяснить, какая будет позиция Франции в неизбежном австро-прусском столкновении. Он видел, что момент совершенно неизбежной войны с Австрией наступает и что наиболее выгодно для Пруссии выбрать в качестве повода для этой войны именно спор о дележе добычи. Дело в том, что, в случае выигрыша, оба отвоеванных призльбских герцогства отходили к Пруссии в качестве добавочной премии.

Препятствий, стоявших на пути Бисмарка, было на этот раз очень много. Но у Бисмарка было свойство, присущее всем большим мастерам дипломатического искусства: умение ставить вопросы в последовательном порядке и не браться за второй вопрос, не разрешив первого.

Прежде всего Бисмарку необходимо было из ясного на первый взгляд дипломатического вопроса создать безысходное затруднение, затем обеспечить Пруссии наилучшую дипломатическую обстановку для войны с Австрией, наконец, когда эта обстановка будет создана, довести Австрию до необходимости взяться за оружие. Последовательное разрешение этих трех задач потребовало больше полутора лет, считая от октября 1864 г. до июня 1866 г.

Гаштейнская конвенция (14 августа 1865 г.)

Прежде всего Бисмарк обнаружил готовность идти на следующее решение шлезвиг-голштинской задачи: маленькое герцогство Лауенбург отходит в полную собственность Пруссии (за уплату 2,5 миллиона талеров золотом), Шлезвиг поступает в управление Пруссии, Голштиния — Австрии. Бисмарк постарался закрепить эту комбинацию особой конвенцией, подписанной Австрией и Пруссией 14 августа 1865 г. в Гаштейне.

В чем же заключался расчет Бисмарка? Достаточно взглянуть на карту, чтобы это понять. Голштиния, поступившая «в управление» Австрии, была отделена от Австрийской империи рядом германских государств и прежде всего той же Пруссией. Уже это делало обладание Голштинией для Австрии весьма шатким и рискованным. Но, кроме того, Бисмарк намеренно осложнил дело тем, что в Гаштейне настаивал на следующей головоломной юридической комбинации: право собственности на всю территорию обоих герцогств — Шлезвига и

Голштинии — сообща имеют Австрия и Пруссия, но право управления — раздельно, в том смысле, что в Голштинии должна быть австрийская администрация, а в Шлезвиге — прусская. Сам австрийский император не верил, что Бисмарк искренне считает окончательным решением вопроса созданную им политико-юридическую путаницу («ребус без разгадки», как называли впоследствии Гаштейнскую конвенцию австрийские публицисты). Император австрийский с самого конца датской войны настаивал на том, что Австрия с удовольствием уступит все свои сложные «права» на Голштинию в обмен на самую скромную, немудрящую территорию на прусско-австрийской границе, выкроенную из прусских земель. Когда Бисмарк отказал наотрез, тогда его замысел стал совершенно ясен Францу-Иосифу, и император стал высматривать союзников для предстоящей схватки.

Перед Бисмарком уже с лета 1865 г. стоял второй очередной вопрос: как создать наиболее благоприятную политическую обстановку для предстоящей вооруженной борьбы.

Собственно две главные опасности грозили Бисмарку. Одна могла исходить из Зимнего дворца, другая — из Тюильри. Каждая из них могла подорвать все сооружаемое им здание. Бисмарк всегда опасался России. Он считал, что и в географическом и в некоторых других отношениях Россия поставлена в гораздо более выгодное положение, чем Пруссия, и что «русская политика окажется в результате у длинного плеча рычага». И Бисмарку нужно было непременно договориться с Россией.

Александр II, Горчаков и вопрос объединения Германии

В Петербурге не было полного единства взглядов на дело, затеваемое Бисмарком. Александр II был расположен высоко ценить «услугу», оказанную Пруссией в 1863 г. В том, что Александр ни в коем случае не будет препятствовать Пруссии свести счеты с Австрией, Бисмарк был вполне уверен. На поведение Франца-Иосифа во время Крымской войны царь смотрел, как на предательство, и этого не забывал. Однако царь вовсе не желал, чтобы Пруссия создала под своей эгидой объединенную Германию и уничтожила самостоятельность мелких немецких государств и их династий. С Горчаковым дело обстояло еще сложнее. Горчаков понимал, что речь идет не о том, как размежуются Пруссия и Австрия в Шлезвиг-Голштинии, а о том, объединится ли Германия вокруг Пруссии. У Горчакова была манера в тех случаях, когда его собеседник зависел от России, показать ему, не очень церемонясь, что он, Горчаков, вполне учитывает эту зависимость. «Мне пришлось, — вспоминал впоследствии Бисмарк, — в частной беседе сказать ему [Горчакову]: вы обходитесь с нами не как с дружественной державой, а как со слугой, который

недостаточно быстро является на звонок». Горчакову было ясно, что Германия, объединенная под господством милитаристской Пруссии, в будущем может стать опасной для России. Но политика правительства Наполеона III в вопросе о Парижском мире и в польских делах исключала сближение с Францией. Горчаков, так же как и в дни прусско-датского конфликта, стоял перед выбором: либо предоставить Пруссии свободу действий и использовать ее усиление как противовес участникам Крымской коалиции, либо поддержать Австрию, выступавшую против России в 1854—1856 гг. В результате, несмотря на свои сомнения, Горчаков, как и царское правительство в целом, был против вооруженного вмешательства в войну. Русская опасность представлялась Бисмарку в данном случае отпавшей. Да и внутренние затруднения — недостаток финансовых ресурсов, неспокойное положение в Польше и во внутренних губерниях России — не располагали царское правительство к особой активности во внешней политике.

Оставалась опасность французская. Как известно, Энгельс считал Бисмарка как бы учеником Наполеона III, немецким Наполеоном III во всем, что касается бонапартистской внутренней политики. Совсем иначе обстояло с политикой внешней, ее методами, приемами и, главное, с ее целями. Тут уж Бисмарку нечему было учиться у французского императора.

Свидание Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице (1864 г.)

Во время своего пребывания в качестве посла при парижском дворе Бисмарк убедился, что Наполеон III, охраняя свою власть, созданную насилием, не уступая оппозиции внутри страны, боясь гибели именно от уступок, вынужден прибегать к воинственным выступлениям во внешней политике. В успешной войне Наполеон III видел средство укрепления своей власти.

Когда в 1865 г. Бисмарк раздумывал над тем, как обеспечить Пруссию от вооруженного вмешательства французов в будущую австро-прусскую войну, он отдавал себе ясный отчет, что для Наполеона III предстоящее прусское предприятие явится величайшей угрозой. Помешать усилению Пруссии, разгрому Австрии и объединению Германии вокруг Прусского королевства было для французской буржуазии необходимостью, диктуемой соображениями национальной безопасности. Бисмарк сознавал, что нужно пойти даже на жертвы, лишь бы купить нейтралитет Наполеона III.

Наступила осень 1865 г. Французский двор находился на морском курорте Биарриц на юге Франции. Бисмарк отправился туда во второй раз. Он считал, что наиболее важные дипломатические соглашения достигаются не обменом нотами, а личными свиданиями и устными переговорами. Прибыв 30 сентября

в Биарриц, Бисмарк дал понять Наполеону, что Пруссия в награду за нейтралитет Франции ничего не будет иметь против включения Люксембурга в состав Французской империи. Но император небрежно отклонил Люксембург, дав понять, что такими мелочами Пруссия не отделается. На попытки Бисмарка вытянуть у собеседника признание, что же, собственно, ему угодно, Наполеон III ясно намекнул на Бельгию. Другими словами, за возможность своей победы над Австрией Пруссия должна была обязаться не противиться присоединению Бельгийского королевства к Французской империи. Согласиться на это для Бисмарка означало допустить такое усиление Франции, что вся западнорейнская Пруссия оказалась бы под прямой и постоянной угрозой. Отказать Наполеону значило решиться вести в ближайшем будущем войну на два фронта: с Францией и Австрией. Бисмарк не ответил ни да, ни нет, и это оказалось для него неожиданно очень легко: Наполеон III тоже не настаивал на Бельгии и перестал о ней говорить. Все дальнейшие беседы убедили Бисмарка, что неспроста император вдруг замолчал о Бельгии. Наполеон III хотел выждать, когда начнется война Пруссии с Австрией. Эта война между двумя первоклассными военными державами не может не быть долгой, кровопролитной, разорительной, истощающей силы обеих держав независимо от того, кто останется победителем. А когда прусская армия увязнет в этой войне, тогда Наполеон III придвинет совсем свежую громадную французскую армию к Рейну и получит — может быть, даже без всякого военного столкновения — все, что ему заблагорассудится: и Бельгию, и Люксембург, и рейнские земли.

Бисмарк ясно видел, что соглашения ему не добиться, и откланялся. Наполеон III ласково выпроводил своего гостя.

Подготовка Пруссии к войне

Вернувшись из Биаррица, Бисмарк составил план действий соответственно той цели, которая обозначилась для него с полной ясностью: обезвредить Наполеона III. Французский император рассчитывал на затяжную, изнурительную для Пруссии войну с Австрией, — значит, следует сделать войну короткой, молниеносной, чтобы прусская армия освободилась и была готова к действиям на Рейне раньше, чем опомнится Наполеон III. Но чтобы война с Австрией оказалась короткой, требуются два условия: во-первых, чтобы австрийская армия была разделена и сражалась на два фронта; во-вторых, нужно после первой же победоносной встречи с австрийской армией поставить Австрии минимальные, самые необременительные требования. От Австрии нужно потребовать, чтобы она совершенно отказалась от вмешательства в германские дела и не препят-

ствовала преобразованию бессильного Германского союза в новый союз германских государств под гегемонией Пруссии. Не нужно ничего отнимать у Австрии, не требовать от нее контрибуции, не унижать ее. Если Австрия после поражения пойдет на мир, немедленно его заключить. Но как добиться быстрого поражения австрийской армии? Ответ Бисмарку давала вся европейская ситуация.

Новосозданное Итальянское королевство не переставало жаловаться на то, что Виллафранкское перемирие 1859 г. оставило город Венецию и часть Венецианской области в руках Австрии. Бисмарк решил добиться заключения военного союза между Италией и Пруссией для одновременного нападения обеих держав на Австрию. Австрийская армия тогда должна будет сражаться разом на двух фронтах: на севере — против прусских войск, угрожающих Вене, на юге — против итальянцев, подступающих к Венеции. Король Виктор-Эммануил II колебался. Он сознавал, что войска его молодого королевства не настолько сильны, чтобы можно было иметь безусловную уверенность в их победе над австрийской армией. Король и его ближайшее окружение не прочь были уклониться от заманчивых, но и опасных предложений Бисмарка о вступлении в союз. Но Бисмарк не желал, да и не мог отказаться от своего плана. Как выяснилось много позже, Бисмарк предвидел, что итальянцы непременно будут разбиты, но это его нисколько не интересовало. Бисмарк даже брал на себя ручательство перед Виктором-Эммануилом, что Венеция будет по общему миру отдана Италии, чем бы ни кончились военные действия на южном театре войны. Когда же Виктор-Эммануил продолжал колебаться, Бисмарк пустил в ход совершенно неожиданный прием: он весьма недвусмысленно пригрозил, что через голову короля обратится непосредственно к народу и призовет на помощь итальянских революционеров — Маццини и Гарибальди. Тогда Виктор-Эммануил решился и дал Бисмарку нужные обещания.

Вмешательство Наполеона III в дипломатические переговоры Бисмарка

Наполеон III зорко следил за всеми дипломатическими приготовлениями и происками Бисмарка. Уже через несколько дней после того, как Бисмарк уехал из Биаррица, агенты императора стали доносить ему о происходящем сговоре между Бисмарком и Виктором-Эммануилом. Наполеон III немедленно обратился к Францу-Иосифу. Предупреждая об опасности войны на два фронта, он стал убеждать его добровольно уступить Венецию итальянскому королю до начала военных действий. План был разумен и грозил расстроить все замыслы Бисмарка. Но ни у Франца-Иосифа, ни у его министров не хватило проницательности и силы воли, чтобы понять необходимость

проглотить эту горькую пилюлю. Австрия отказалась сделать требуемый жест. Неожиданно Виктор-Эммануил обратился к Бисмарку с сообщением о возникшем препятствии: Наполеон III решительно объявил Италии, что не желает заключения союза между нею и Пруссией. Ослушаться Наполеона III итальянский король не смел и думать.

Тогда Бисмарк разыграл едва ли не самую замысловатую из своих дипломатических партий. Он принялся убеждать французского императора в том, что Австрия, отвергнув разумное и справедливое предложение Наполеона уступить Венецию Италии, доказала, что ни с чем и ни с кем не желает считаться. Бисмарк старался внушить Наполеону III, что при всех условиях война будет для Пруссии крайне тяжелой: Австрия, по сведениям Бисмарка, намерена выдвинуть на юге против Италии лишь слабый заслон; следовательно, почти вся австрийская армия будет находиться на севере, против Пруссии; очень тепло говорил Бисмарк и о своей мечте крепкими дружественными узами связать Пруссию с Францией.

В конце концов Наполеон III снял свое запрещение. Он позволил итальянцам заключить союз с пруссаками. Бисмарк одержал крупную дипломатическую победу. В данном случае все усилия Бисмарка были направлены на то, чтобы успокоить Наполеона, внушив ему полную уверенность, что выступление Италии нисколько не облегчит войну для Пруссии: австро-прусская война будет затяжной, а значит, изнурительной для Пруссии. Таким образом, Наполеону III будет возможно в благоприятный момент, стоя с армией на Рейне, предъявить Пруссии какие угодно требования.

Путь был свободен. 8 апреля 1866 г. был подписан союзный договор между Пруссией и Италией с обязательством не заключать сепаратного мира. В последний момент итальянцы еще объявили, что им желательно было бы получить от Пруссии денежную субсидию. Бисмарк согласился.

Теперь оставалось изобрести удобный дипломатический предлог для разрыва отношений с Австрией. Тут, однако, Бисмарку не дали достаточно времени для размышления: он узнал из самых достоверных источников, что Наполеон III опять начал уговаривать Франца-Иосифа уступить Венецию мирным путем Виктору-Эммануилу.

Австро-прусская война

Нельзя было терять ни одного дня. 16 июня 1866 г. прусская армия открыла военные действия против Австрии. Бисмарк впоследствии говорил, что никогда ему не приходилось до такой степени все ставить на карту, как в июне и в июле 1866 г. Против него были Австрия, а также Бавария, Саксо-

ния, Ганновер, Вюртемберг, Баден, Гессен, Нассау, Франкфурт. В самой Пруссии конфликт между королем и ландтагом еще не был улажен. Бисмарка громко обвиняли в провоцировании братоубийственной войны.

Война началась для противников Австрии с неудачи. Большая и хорошо вооруженная итальянская армия при первой же встрече с австрийцами, которых было гораздо меньше, бросилась бежать. Это произошло при Кустоцце 24 июня. Поражение итальянцев смутило Бисмарка: он все-таки не ожидал такого отсутствия боеспособности у своих союзников.

Разгром Италии грозил провалом всех надежд Бисмарка на разделение австрийской армии. Командовавший прусской армией талантливый стратег генерал Гельмут фон Мольтке спас положение: быстро и искусно маневрируя, он вызвал решительное сражение уже 3 июля. Близкие люди утверждали потом, что в этот день у Бисмарка был в кармане яд. В случае неудачи ему, вызвавшему непопулярную войну, пришлось бы жестоко расплачиваться.

Но Мольтке удалось одержать блестящую победу над австрийским главнокомандующим Бенедеком. Эта победа (под Садовой) принесла дипломатии Бисмарка полное торжество. Однако для извлечения всех выгод из положения ему пришлось еще выдержать жестокую борьбу в королевской ставке.

Король Вильгельм I и окружавшие его генералы, опьяненные победой, говорили о дальнейшем энергичном ведении войны, о походе на Вену, куда дорога казалась открытой. Бисмарк восстал один против всех. Он говорил, что теперь нужно только потребовать от Австрии, чтобы она бесповоротно вышла из Германского союза, отказалась от Голштинии и согласилась на образование нового Северогерманского союза под верховенством Пруссии. Если Австрия на это согласится, — немедленно «поворачивать налево кругом» и «маршировать домой».

Вильгельм I сначала с негодованием заявил Бисмарку, чтобы тот и не думал лишать армию заслуженных лавров, а Пруссию — плодов победы. Генералы, возмущенные не менее короля, прозрачно намекали на дипломатов, всегда портящих то, что «добыл прусский меч». Бисмарк вне себя заявил, что, углубляясь дальше в Австрию, ставя Австрии условия, которые заставят ее продолжать борьбу, король и генералы сыграют на руку Наполеону III, который не сегодня-завтра появится на Рейне. Когда король продолжал настаивать, Бисмарк заявил, что сейчас же, не теряя минуты, подает в отставку и предоставляет королю искать другого министра, который взял бы на себя ответственность за пагубный путь, куда короля увлекают

генералы. После нескольких бурных сцен король смирился. Он взял лист бумаги и написал, что должен отказаться от продолжения войны, «так как мой министр оставляет меня в трудном положении перед лицом неприятеля». Король заявил, что этот лист он отдает в государственный архив. Бисмарк остался непоколебим: он добился своего.

Впоследствии Гогенлоэ узнал от Бисмарка, что одним из основных мотивов его осторожного отношения к Австрии было опасение, как бы в разгромленной стране не началась революция.

Австрийский император сейчас же после битвы под Садовой телеграфировал Наполеону III, что отдает Венецию ему, императору французов. Этот на первый взгляд странный дипломатический шаг объяснялся, во-первых, тем, что австрийский штаб хотел поскорее окончательно ликвидировать южный фронт, пожертвовав Венецией, и поскорее перебросить свою южную армию на север, против пруссаков, в помощь разбитой армии Бенедека. Во-вторых, Франц-Иосиф хотел подчеркнуть, что разгромленные под Кустоццой итальянцы вовсе не завоевали Венецию, а могут получить ее только в виде «подарка» из рук милостивого их покровителя Наполеона III.

Но тут, к своему несчастью, Виктор-Эммануил II и его министры, между которыми после смерти Кавура не было ни одного талантливого человека, заявили, что Венеции им мало и они хотят еще получить от Австрии Триент и Триест. Бисмарк, уже вступивший в первые же дни после Садовой в переговоры с Австрией, прекрасно знал, что итальянцы и на море не покажут себя героями. Но он не останавливал Виктора-Эммануила II и даже похваливал неожиданную прыть, которую вдруг обнаружило итальянское правительство: ему-то ведь было выгодно, чтобы в горячие дни переговоров с австрийцами о перемирии Франц-Иосиф знал, что на юге еще не все кончено, и испытывал бы некоторое беспокойство. Но случилось нечто еще более поразительное, чем поражение итальянской армии под Кустоццой. 20 июля итальянский флот, состоявший под командой адмирала Персано, подвергся у Лиссы нападению со стороны австрийской эскадры адмирала Тегетгофа и был совершенно уничтожен при минимальных потерях победителей.

Никольсбургское перемирие (26 июля 1866 г.)

Виктор-Эммануил II наивно полагал, что пруссаки будут продолжать борьбу, но вдруг, к своему отчаянию, он узнал, что 26 июля 1866 г. в городе Никольсбурге уже заключено перемирие: Австрия согласилась на те требования, которые предъявил Бисмарк. Когда Италия пробовала протестовать против такого поведения союзника, Бисмарк на-

помнил, что Венецию итальянцы все-таки получили. Если же им угодно домогаться еще Триеста и Триента, то никто им не мешает продолжать воевать с Австрией один на один. Виктор-Эммануил поспешил отклонить этот дружеский совет.

Так кончилась вторая война, подготовленная дипломатией Бисмарка для намеченной им основной цели: объединения германских государств вокруг Пруссии.

Как первая война (1864 г. против Дании) с логической неизбежностью вызвала вторую войну (1866 г. против Австрии), так и эта вторая война естественно повлекла за собой третью — войну против Франции, начавшуюся в 1870 г.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ (1867—1870 гг.)

Роль Пруссии в Северогерманском союзе после Пражского мира

Мир между Австрией и Пруссией, подписанный в Праге 24 августа 1866 г., только подтвердил условия Никольсбургского перемирия. Австрия ушла из Германского союза, предоставив прусскому королю первое место в объединяющейся Германии. Старый Германский союз был ликвидирован. Пруссия аннексировала несколько средней руки немецких государств, воевавших на стороне Австрии. Самым значительным из них был Ганновер. Вместо Германского союза в начале 1867 г. было создано новое государственное образование — Северогерманский союз. По конституции Северогерманского союза прусский король возглавлял все германские государства, расположенные к северу от реки Майна, в качестве «президента» этого союза. В силу конституции прусский король становился верховным военным главой союза и полномочным руководителем его дипломатии. Но и южные государства (Бавария, Вюртемберг, Гессен, Баден) заключили с Северогерманским союзом оборонительные и наступательные соглашения.

Однако Бисмарк считал свое дело еще не завершенным. Северогерманский союз должен был обратиться в Германскую империю, включающую в себя и германские государства к югу от реки Майн. Бисмарк знал, что никогда Франция не допустит присоединения этих государств к единой Германии. Он знал, кроме того, что в этих южных государствах, особенно в Баварии, Вюртемберге и Бадене, имеется довольно сильная оппозиция против прусской гегемонии и притом не только в дворянстве, но и в буржуазии. Южная Германия была гораздо менее индустриальной страной, чем Северная, и ее буржуазия не так интенсивно стремилась к образованию общегерманского рынка, к созданию великодержавного флота, к приобретению колоний и т. д. Довершить дело можно было быстрее всего путем новой

победоносной войны. Эта мысль зрела у Бисмарка постепенно, начиная с 1867 г. Обстановка в Европе сложилась к этому времени следующая.

Отношение Англии к Пруссии

Лорд Пальмерстон умер еще 18 октября 1865 г. Ни лорд Россель, который наследовал ему в качестве первого министра, ни Кларендон, занявший в кабинете Росселя пост министра иностранных дел, не были расположены без крайней необходимости вмешиваться в дела европейского континента. Такой же политики держались после ухода кабинета Росселя и консервативный премьер граф Дерби и сын его, министр иностранных дел лорд Стэнли. В частности, они не усматривали никакой пользы в борьбе против возвышения Пруссии. Напротив, Пруссия в их глазах являлась полезным противовесом могуществу Франции. Усиленные работы по прорытию Суэцкого канала, который Франция пыталась присвоить себе, очень беспокоили и раздражали англичан. И Дерби, и лорд Стэнли, и руководящая буржуазная пресса Англии усматривали в этом французском предприятии некоторую угрозу Индии. Все это охлаждало отношения между Англией и Францией, и Бисмарк видел, что с этой стороны обстоятельства складываются для Пруссии благоприятно.

Отношения между Россией и Пруссией

Гораздо важнее для Бисмарка были отношения с Россией. Горчаков с беспокойством следил за успехами прусской дипломатии. Победа при Садовой несколько смутила и русские военные круги. Военная реформа в России еще не вышла из стадии предварительных проектов и разговоров, а сосед уже блистательно доказал все совершенство своей организации. Александр II разделял это беспокойство. Царь был также неприятно задет ликвидацией суверенных германских монархий «божьей милостью» и захватом их территорий. Русское правительство еще в июле 1866 г. предлагало Англии и Франции протестовать против уже предполагавшегося уничтожения Германского союза и аннексии Ганновера и других немецких государств. Горчаков предлагал поставить вопрос на международном конгрессе. Русского министра ожидал отказ. Наполеон III все еще рассчитывал, что австро-прусская война даст ему вознаграждение в Бельгии или на левом берегу Рейна. Русское предложение не встретило отклика и в Англии. Но Бисмарк был напуган и послал в Петербург со специальной миссией генерала Мантейфеля. Ему было поручено заверить царя и Горчакова в содействии Пруссии в отмене тех статей Парижского трактата, которые запрещали России содержать флот на Черном море. Не имея поддержки ни со стороны Наполеона III, ни со стороны лорда Росселя, Горчакову ничего не оставалось,

как принять к сведению заверение Бисмарка. Но при петербургском дворе стали замечать, что Александр II, продолжая самым сердечным образом относиться к своему дяде Вильгельму I, в то же время начал довольно демонстративно приближать к своей особе генерала Флёри, французского посла в Петербурге.

Отношения между Францией и Пруссией

Наиболее трудным и сложным для Бисмарка делом все-таки оказывалось установление новых отношений с императором французов. Что после битвы при Садовой эти отношения совсем не могли походить на прежние, это не подлежало сомнению ни для прусского министра, ни для Наполеона III.

Часть французских государственных людей, окружавших Наполеона, убеждала его выступить против Пруссии, не теряя ни минуты. Министр иностранных дел Друэн де Люис решительно добивался этого, но любимец императора Руэр и двоюродный брат императора принц Наполеон столь же категорически сопротивлялись. Пока длились эти колебания, война с Австрией благодаря Бисмарку внезапно окончилась. Момент был упущен, и это оказалось несчастьем для Французской империи.

В конце 1866 и начале 1867 г. Наполеон III, якобы «сочувствуя» начавшемуся объединительному процессу в Германии, в то же время настойчиво просил компенсации за это сочувствие и за свой нейтралитет в австро-прусской войне. Однако Бисмарк поспешил позабыть все то, что он готов был обещать Наполеону III в Биаррице. Он решил беззастенчиво обмануть своего партнера и ровно ничего Наполеону III не давать.

Французские требования к Пруссии о компенсации за нейтралитет

Теперь французский нейтралитет не был нужен Бисмарку. Конечно, нельзя было сразу показать Наполеону, что он обманут и обойден. Дело в том, что агенты Бисмарка донесли ему из Петербурга и Лондона, что царь недоволен уничтожением политической самостоятельности ряда мелких германских государств; Александр видел в этом нарушение прав монархов и ниспровержение всего европейского политического уклада, который существовал со времен Венского конгресса 1815 г. Больше всего тревожило Бисмарка то, что Горчаков зондировал почву в Париже и в Лондоне, стремясь совокупным выступлением умерить слишком разыгравшиеся аппетиты Пруссии. Правда, более точные справки убедили Бисмарка, что ни граф Дерби, ни лорд Стэнли не желают вмешиваться и что возникший в Петербурге проект созыва конференции или конгресса европейских держав не встречает в Лондоне сочувствия. Но нужно было действовать

осторожно, чтобы не раздражать Наполеона III. Еще за пять дней до Никольсбургского перемирия граф Бенедетти, французский посол в Берлине, вдруг предложил Пруссии вернуть Франции границы 1814 г. и согласиться на аннексию Люксембурга; Бисмарк не отклонил этого предложения. 27 июля Наполеон III пригласил к себе графа Гольца, прусского представителя в Париже, и прямо заявил о своем желании присоединить к Франции, с согласия Пруссии, область Ландау и герцогство Люксембург. Бисмарк и на это не дал отрицательного ответа: это было как раз тогда, когда еще шли слухи о сношениях между русскими, французскими и британскими дипломатами.

Меморандум Друэн де Люиса

8 августа министр иностранных дел Французской империи Друэн де Люис решил идти уже официальным путем, чтобы прекратить возможность дальнейших увертюр со стороны Бисмарка. Он составил меморандум, в котором развивал мысль об устройстве из рейнских провинций (по левому берегу Рейна) особого государства; оно должно было пользоваться перманентным нейтралитетом и служить «буфером», устраняющим трения и столкновения между Пруссией и Францией. Было неясно, как представляет себе Друэн де Люис отношение этого буферного государства к союзу германских государств, лежавших к северу от реки Майна, который проектировал Бисмарк.

Но нервозность в Тюильрийском дворце возрастала так быстро, что не успели еще в Берлине ознакомиться с меморандумом Друэн де Люиса, как Наполеон III выдвинул уже новый проект. Раньше чем переслать этот проект Бисмарку, Наполеон III, очевидно, сам несколько в нем усомнился. Поэтому он велел Руэру предварительно ознакомить с этим документом трафа Гольца, прусского посла в Париже. В этом проекте Пруссии предлагалось согласиться на аннексию Францией областей Ландау, Саарбрюкена и Люксембурга. Гольц стал доказывать Руэру, что Пруссии политически и морально будет трудно согласиться на уступку чисто немецких областей. Тут же прусский посол заявил, что если бы в будущем Франция захотела присоединить Бельгию, то Пруссия не стала бы ей препятствовать. Возможно, что не Гольц, а Руэр первый заговорил о Бельгии и что бельгийский план давным-давно был выработан самим Наполеоном III. Во всяком случае 16 августа 1866 г. Бенедетти получил официальный приказ из Парижа явиться к Бисмарку и узнать окончательное мнение прусского правительства по такому вопросу: не будет ли оно возражать против присоединения к Франции Ландау, Саарбрюкена и Люксембурга; одновременно сообщалось, что Французская империя согласна заключить с Пруссией секретный наступатель-

ный и оборонительный союз. Одним из непременных последствий этого будущего секретного договора должно было явиться присоединение к Франции всей Бельгии, кроме города Антверпена. Что касается Антверпена, то Наполеон III соглашался признать его вольным городом с самостоятельным управлением. Очевидно, французский император хорошо помнил слова своего дяди, Наполеона I: «Антверпен — это пистолет, направленный в грудь Англии». Заранее считаясь с возможными протестами Англии, Наполеон III отказывался от этого «пистолета».

Переговоры Бенедетти с Бисмарком

Бенедетти явился к Бисмарку с этими предложениями и был принят так, что у него могла появиться надежда на удачную сделку. Сам для себя Бисмарк уже решил, что от него Наполеон III ровно ничего не получит. Но он совершенно не считал нужным торопиться разъяснять партнеру это неприятное для него обстоятельство. Он сообщил, что уступать Франции какие-либо пограничные немецкие территории он не считает возможным, разве что само население этих областей выразит желание перейти во французское подданство. Относительно Люксембурга у Бисмарка также не нашлось ни одного слова, которое можно было бы принять за согласие. Бисмарк настаивал, что препятствия возникнут со стороны Голландии, связанной личной унией с Люксембургом, а так как Голландия пожелает получить для обеспечения своей границы какую-либо территорию из германских земель, то Пруссия на это не пойдет. Из всего этого путаного построения явствовало, что Бисмарк всецело поддержит Голландию, и Люксембург к Франции не отойдет. При разговоре Бисмарк обрадовал Бенедетти тем, что предложил ему письменно сформулировать все пожелания французского правительства; Бисмарку будто бы необходимо иметь такой меморандум, чтобы представить его королю Вильгельму I для окончательного обсуждения. При этом Бисмарк меньше всего возражений выдвигал по поводу самой важной части предложений: относительно инкорпорирования всего Бельгийского королевства в состав Французской империи. Бисмарк выразился лишь в таком смысле, что он боится, как бы не запротестовала Англия, несмотря на отказ французов от Антверпена. Все это давало надежду, что Бисмарк примирился с будущим усилением Франции. Только спустя четыре года Бенедетти понял все коварство своего собеседника и сообразил, зачем Бисмарку понадобилось получить письменное изложение требований Наполеона III относительно Бельгии.

Желательный документ был с полной готовностью доставлен Бисмарку, и это убийственное оружие против Франции было до поры до времени припрятано.

Как только Бисмарк заручился доказательством агрессивных намерений Наполеона III против Бельгии, он прекратил переговоры с Бенедетти, ссылаясь на то, что король все еще не рассмотрел вопроса. А пока он постарался дать знать и в Лондон и в Петербург о покушениях Наполеона на Бельгию.

Недовольство Англии требованиями Франции

Королева Виктория обратилась к первому министру графу Дерби с запросом, что́ намерен он предпринять для противодействия замыслам Наполеона III изменить границы Франции, присоединить новые территории, в том числе и Бельгию. Граф Дерби немедленно дал распоряжение британскому послу в Париже лорду Каули навести справки у самого императора. Каули попросил личной аудиенции. Наполеон III, застигнутый врасплох, объявил лорду Каули, что сведения о его намерении присоединить силой новые территории неверны. Вскоре за тем император приказал Друэн де Люису написать ноту для графа Дерби, в которой прямо заявлялось, что Наполеон III вовсе не желает добиваться уступки какой-либо территории силой или угрозами, но рассчитывает исключительно на добровольное согласие соответствующих держав. Это было уже отступлением по всей линии. Хотя бумага и предназначалась исключительно для графа Дерби, но лорд Каули, получивший ее в Париже для отправки в Лондон, поспешил ее показать прусскому послу в Париже графу Гольцу. Тот сейчас же (15 августа 1866 г.) сообщил ее содержание Бисмарку. Конечно, Бисмарк даже и виду не подал, что ему все это очень хорошо известно. Напротив, он с самым невинным видом отнесся к этому внезапному миролюбию императора французов, прикидываясь, будто верит его отказу от Бельгии и от Люксембурга.

После окончательного провала вопроса о компенсациях и Наполеон III, и новый его министр иностранных дел де Мустье, и старые преданные советники и друзья вроде Руэра, и императрица Евгения — все поняли, что Францию постигла вторая тяжкая дипломатическая неудача.

Перспективы будущей франко-прусской войны

Опасность предстала перед Французской империей в таких размерах, которых до тех пор нельзя было и предвидеть. Создание Северогерманского союза, оформленное в начале 1867 г., делало прусского короля повелителем вооруженных сил всей Германии, кроме четырех южных государств. Но и эта оговорка ничего утешительного для Наполеона III не представляла: во-первых, все эти четыре государства (Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен) в случае войны обязывались присоединить свои армии к войскам Северогерманского союза; во-вторых, все разведки и зон-

дирование, произведенные французскими посланниками и их агентами в этих южногерманских государствах, сходились в том, что в случае войны с Францией большая часть населения этих стран, вопреки влиянию сепаратистских кругов, непременно станет на сторону Северогерманского союза. Это, правда, не мешало Наполеону III и некоторым его слугам, в том числе бездарному военному министру Лебефу, льстить себя надеждой, что во время войны можно будет внести раздор между Южной и Северной Германией. Условия этой вероятной войны явно складывались не в пользу Франции.

О неудачах дипломатии Наполеона III заговорили во Франции прежде всего в широких кругах буржуазии. Между тем этот класс до тех пор беспрекословно следовал за всеми зигзагами императорской политики, одобряя почти без критики все, что исходило из Тюильрийского дворца.

С одной стороны, явно проваливалась поглотившая миллионы франков и много человеческих жертв мексиканская авантюра, с другой — рядом с Францией без малейших компенсаций или гарантий для империи выросло могущественное германское государство. Естественно, что ропот становился все громче.

Наполеон III при таких условиях не желал расстаться с мыслью о Люксембурге. После паузы, продолжавшейся несколько месяцев, он снова поднял вопрос о компенсации.

Люксембургский вопрос

В новый, Северогерманский союз Люксембург войти не пожелал. К началу 1867 г. французской дипломатии удалось добиться принципиального согласия со стороны голландского правительства на аннексию этого герцогства. Оставалась Пруссия. Ее гарнизон стоял в Люксембурге.

В январе 1867 г. французский посол в Берлине Бенедетти явился к Бисмарку с предложением высказаться, наконец, совершенно ясно по люксембургскому вопросу. Бисмарк, по-прежнему твердо решивший не отдавать Люксембург и вместе с тем желая снять с себя ответственность, прибег к обходному маневру. Он не отказал прямо в согласии подписать уже изготовленный в Париже договор, условно пока подписанный голландским королем. Он лишь несколько замедлил дело подписания, а пока постарался воспользоваться этим промедлением в своих целях.

Бисмарк использовал для надобностей своей дипломатии парламент. Он устроил так, что Беннигсен, лучший оратор и вождь национал-либеральной партии, который славился независимостью своих политических суждений и охотно вступал в полемику с правительством, получил информацию, будто Бисмарк готов уже отдать Люксембург и робеет перед Фран-

цией. Беннигсен организовал внушительную демонстрацию, прямо направленную против этой мнимой уступчивости Бисмарка. Он собрал больше семидесяти подписей членов северогерманского рейхстага под петицией, резко протестующей против уступки Люксембурга, и произнес патриотическую речь в соответствующем духе. Бисмарк делал вид, что сильно смущен, оправдывался и извинялся. А затем в дальнейших переговорах с Францией он сослался на то, что оппозиция рейхстага не позволяет ему содействовать аннексии Люксембурга.

Позиция России. Конференция держав в Лондоне в мае 1867 г.

Дипломатическое поражение Наполеона III было полным. Русский канцлер Горчаков был раздражен и успехами Бисмарка, и неудачными действиями Наполеона III. С весны 1867 г., нисколько не желая помогать Наполеону III в безнадежно проигранном люксембургском деле, Горчаков возвратился к мысли о созыве конференции великих держав: ему хотелось выяснить ближайшие намерения не столько Наполеона III с его люксембургским вопросом, сколько Бисмарка. На этот раз Англия откликнулась немедленно: разговоры о покушении Наполеона III на захват Бельгии слишком встревожили лорда Дерби.

Конференция держав собралась в Лондоне и заседала с 7 по 11 мая 1867 г. Ее решения ничего нового не внесли: Люксембург остался в прежнем положении, только Пруссия должна была вывести из герцогства свои войска. Нейтралитет Люксембурга был гарантирован отныне всеми европейскими державами.

Неудача мексиканской авантюры Наполеона III (1867 г.)

Не успела Лондонская конференция закончить свою работу, как из Мексики стали поступать самые тревожные известия. Уход французских войск повлек за собой естественные последствия: державшийся исключительно французскими штыками ставленник Наполеона император Максимилиан стал терпеть поражение за поражением; в июне 1867 г. он был захвачен в плен и расстрелян республиканцами. Такой финал озарил зловещим светом окончательный провал авантюры французского императора: «Уже больше не осталось ошибок, которые вы могли бы наделать, потому что уже все возможные ошибки сделаны вами», — эти слова Тьера по адресу бонапартистской дипломатии особенно часто вспоминались и повторялись после расстрела Максимилиана. Под влиянием дипломатических неудач смелее стала поднимать голову давно безмолвствовавшая, загнанная в подполье оппозиция.

Дипломатическая ситуация накануне франко-прусской войны

Чем больше росло недовольство в широких общественных кругах, тем более нервной становилась французская дипломатия. Она явно искала новой «удачной» войны, которая укрепила бы корону Бонапарта. Но Франция была изолирована. Англия на этот раз не могла и не хотела быть союзницей. Становилось ясно, что англичане ровно ничего не сделают, чтобы предупредить войну Франции с Северогерманским союзом.

В Италии раздражение широких слоев народа против Наполеона III поддерживалось не только воспоминаниями о его коварном поступке в июле 1859 г. в Виллафранке, но и гораздо более свежими, совсем недавними событиями. 3 ноября 1867 г. Гарибальди с отрядом добровольцев сделал новую отчаянную попытку занять Рим, но был разбит при Ментане французским отрядом, охранявшим папскую власть в Папской области. Последствием битвы при Ментане было острое раздражение и чувство обиды в Италии против Франции. Вдобавок Наполеон III как будто нарочно делал все для того, чтобы еще более обострить эти настроения. Он разрешил опубликовать хвастливую телеграмму французского генерала Файльи, учинившего кровавую бойню при Ментане. С этих пор, естественно, все надежды Италии на получение Рима связывались с мечтой о том, что когда-нибудь Наполеон III будет принужден той или иной неудачной войной отозвать из Рима своих солдат. Чем более натянутыми становились отношения между Пруссией и Наполеоном III, тем лучше делались отношения между Бисмарком и итальянским правительством.

Оставалась Австрия. Франц-Иосиф, аристократические круги Вены, высший католический клир, столь влиятельный в монархии Габсбургов, не примирились с поражением 1866 г. и мечтали о реванше. В 1867 г. во время свидания в Зальцбурге между Наполеоном III, с одной стороны, Францем-Иосифом и его министром иностранных дел графом Бёйстом — с другой, было достигнуто взаимопонимание во взглядах: и в восточном вопросе, и в германском. Но военного союза в Зальцбурге заключено не было. Выяснилось, что договориться о нем будет нелегко.

Однако в следующем, 1868 г., по почину Наполеона III между Веной и Парижем все же начались переговоры о заключении союзного договора. Бёйста останавливал страх перед крайней непопулярностью этого союза в Германии и среди австрийских немцев, а также противодействие венгерского премьера графа Андраши. Кроме того, он считал войну с Пруссией невозможной, пока не завершится реорганизация австрийской армии. Все же он не прерывал переговоров, причем во время

них у французов явилась мысль привлечь к союзу и Италию. Невзирая на антифранцузские настроения в стране, не оставшиеся чуждыми и членам его правительства, король Виктор-Эммануил заявил о своей готовности заключить тройственный договор с Австрией и Францией, но требовал вывода французского гарнизона из Рима. Наполеон III на это не соглашался, опасаясь вызвать недовольство французских клерикалов. Переговоры с Италией были прерваны. С Австрией они продолжались, но так и не привели к положительным результатам. В начале 1870 г. в Париж приезжал эрцгерцог Альбрехт, занимавший один из высших постов в австрийской армии. Эрцгерцог представил Наполеону III план совместных военных действий против Пруссии. Эрцгерцог, однако, заявил при этом, что мобилизация и сосредоточение сил к границам займут у Австрии 42 дня. В течение этого времени австрийское правительство, предупреждал Альбрехт, вынуждено будет соблюдать нейтралитет, чтобы под его покровом закончить военные приготовления. В течение шести недель Франции придется, таким образом, воевать одной. Эти оговорки разоблачали сокровенные замыслы руководителей австрийской политики и армии: не оправившись от испуга, перенесенного ими в 1866 г., и опасаясь России, австрийцы хотели выждать, какой оборот примут военные действия, и вступиться за Францию не раньше, чем успехи французского оружия застрахуют их от возможности поражения.

Внешнее и внутреннее положение Франции накануне франко-прусской войны

Вокруг Наполеона III образовалась очень беспокоившая его пустота: ни на одну великую державу он не мог опереться; некоторые из тех, на кого он рассчитывал как на союзников (например, Италия), могли даже выиграть от его военных неудач. Оставалась Россия. Горчаков был очень встревожен быстрыми успехами и усилением Пруссии; Александр II разделял его тревогу и обнаруживал неудовольствие по поводу уничтожения самостоятельности ряда мелких германских государств. Но Наполеон III, так и не понимая всех размеров опасности, выросшей у восточной границы Франции, ничего не предпринял, чтобы сделать хотя бы попытку сблизиться с Петербургом. Когда осенью 1870 г. Тьер помчался в Петербург просить о союзе и помощи, было уже поздно.

Внутреннее положение империи, несмотря на попытки либеральных реформ, продолжало быть неустойчивым. При дворе Наполеона III имелась влиятельная клика, которая полагала, что только успешная война может спасти Вторую империю и династию Бонапартов. «Война необходима, чтобы это дитя царствовало», — говорила весной 1870 г. императрица Евгения, указывая на своего сына, наследника престола. Ее

поддерживал Руэр. Эмиль Оливье, назначенный первым министром в порядке «либеральных уступок» в январе 1870 г., не представлял себе, с каким сильным противником придется бороться Франции, не имеющей ни одного союзника. Наполеон III, мучимый каменной болезнью, утративший былую энергию, колебался. Он сознавал недостатки в организации вооруженных сил Франции.

Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол

И вдруг 1 июля 1870 г. в газетах появилась коротенькая телеграмма из Испании, что на вакантный тогда испанский королевский престол избран принц Леопольд из боковой линии Гогенцоллерн-Зигмаринген. На другой день после появления известия об избрании Леопольда Европа узнала, что Наполеон III решительно протестует. Основания для протеста были тотчас же изложены и развиты во французской официальной прессе: Французская империя не может допустить, чтобы одна и та же династия — Гогенцоллерны — царствовала и в Пруссии и в Испании и чтобы тем самым была создана угроза французской безопасности с двух сторон: с востока и с запада. В газетах поднялась буря. С одной стороны, сама военная придворная партия раздувала начавшееся волнение, усматривая в этом событии удобный предлог для войны с Пруссией; с другой — оппозиционная пресса нападала на французскую дипломатию и в частности на французского посла в Берлине Бенедетти, укоряя министерство Эмиля Оливье в непредусмотрительности, вялости, трусости перед Бисмарком. Газеты сразу же приняли угрожающий тон: «Если г. Бисмарк воображает, что во Франции мы все, тридцать шесть миллионов французов, похожи на Бенедетти, то он очень заблуждается», — писал популярный тогда публицист писатель Эдмон Абу. Но нарекания шли и со стороны более левых кругов. Нападения на императорское правительство с патриотической точки зрения были на руку республиканской оппозиции. Правительство Наполеона III решило восстановить свой престиж, заняв самую решительную, непримиримую позицию в отношении кандидатуры Гогенцоллерна.

6 июля 1870 г. герцог Грамон, французский министр иностранных дел, произнес в Законодательном корпусе провокационную речь по адресу Пруссии. Он сказал, что Французская империя «без малейших колебаний начнет войну против той державы, которая посмеет сделать попытку воскресить империю Карла V». Для всех было понятно, что речь идет об опасном соседе Франции — Пруссии, быстрое усиление которой не могло не внушить тревоги политикам Второй империи.

Вслед за этим правительство Наполеона III совершило ряд крупных дипломатических ошибок.

Переговоры Бенедетти с Вильгельмом I в Эмсе

Вместо того чтобы согласно обычному порядку снестись с Бисмарком, французский посол Бенедетти поехал в Эмс, где в это время лечился Вильгельм I, и заявил там о желании срочно видеть короля. На указание гофмаршальской части, что король болен и лечится, Бенедетти настойчиво повторил свое требование. Король согласился принять Бенедетти.

Вильгельм I оказался, как всегда, лицом к лицу с положением, которое без его ведома и за его спиной подстроил Бисмарк. Бисмарк сознательно стремился к войне. Возможное избрание кого-либо из Гогенцоллернов на испанский престол он рассматривал как очень удобный повод для Франции объявить войну. Тогда Пруссия оказалась бы в позиции страны, защищающейся от несправедливого нападения со стороны агрессивного соседа. Такая комбинация способствовала бы предотвращению того, чего больше всего страшился Бисмарк: дипломатического или даже вооруженного выступления России против Пруссии. Когда вопрос о кандидатуре Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол, выдвинутой кортесами, обсуждался в Берлине 18 марта 1870 г., Бисмарк, Роон, Мольтке настоятельно советовали Леопольду принять испанскую корону. Вопрос был решен положительно. Все это происходило в глубокой тайне. Предвидели противодействие Наполеона III. Король Вильгельм I, нехотя уступивший Бисмарку, был неспокоен.

Таким образом, когда кандидатура Леопольда стала официальной и в Эмс явился Бенедетти, прусский король ограничился указанием, что он не вправе ни запрещать, ни дозволять Леопольду Гогенцоллерну принимать или отвергать испанскую корону; лично он, Вильгельм, никогда не домогался испанского престола ни для кого из своих родственников. Бенедетти понял совершенно правильно, что кандидатура Леопольда будет снята.

Действительно, Вильгельм I тотчас же постарался довести до сведения и самого Леопольда и его отца, принца Антона Гогенцоллерн-Зигмарингенского, что было бы желательно отказаться от испанского престола. Это тотчас же и было исполнено. И не только Леопольд отказался, но король Вильгельм через того же графа Бенедетти дал знать парижскому двору, что он, король Вильгельм, вполне одобряет решение своего родственника. Победа французской дипломатии в эти дни (8—12 июля) была как будто полной: политика Бисмарка в испанском вопросе потерпела, казалось, полное поражение.

Совещание у Наполеона III 12 июля 1870 г.

И тут-то Наполеон III и совершил самую губительную из своих дипломатических ошибок. Сначала он склонен был удовлетвориться достигнутым успехом. Но именно легкость и быстрота, с которыми была им одержана дипломатическая победа, наводили императора на мысль, что Пруссия не готова к войне. Но все же, когда вечером 12 июля 1870 г. в императорском кабинете под председательством Наполеона III собрался совет высших сановников для решения вопроса, считать ли дело с кандидатурой Леопольда оконченным, император вначале колебался. Императрица, военный министр Лебеф, министр иностранных дел Грамон стояли за войну. Первый министр Эмиль Оливье никакого противодействия воинственным своим коллегам не оказал. «Мы готовы, вполне готовы, у нас в армии все в порядке, вплоть до последней пуговицы на гетрах у последнего солдата», — заявил военный министр Лебеф. Еще раньше он высказал и другой афоризм: «Прусская армия? Ее нет, я ее отрицаю». Такое же легкомыслие обнаружил и герцог Грамон, утверждая, что, несмотря на отсутствие формального союзного договора, Австрия непременно выступит против Пруссии, если действительно начнется война.

И Наполеон III решился. Было постановлено, не довольствуясь достигнутым, добиться от прусского короля еще большего удовлетворения, хотя эти новые требования французского правительства и были связаны с риском войны.

Требование Наполеона III к Вильгельму I

По окончании коронного совета в ночь с 12 на 13 июля посла Бенедетти разбудила телеграмма из Парижа. Министр иностранных дел герцог Грамон приказывал ему снова повидать Вильгельма и предъявить королю следующее необычное в истории дипломатии требование: король Вильгельм I должен дать формальное обязательство, что запретит Леопольду принять испанский престол, если ему снова когда-нибудь предложат это. Требование было облечено в провокационную форму и являлось рассчитанной дерзостью, да еще прикрытой самым нелепым предлогом: ведь было ясно, что испанского престола никто Леопольду более не предложит. Бенедетти утром 13 июля, через несколько часов после получения телеграммы от Грамона из Парижа, встретил короля на прогулке в парке. Любезно протягивая газету, в которой сообщалось об отказе Гогенцоллерна от своей кандидатуры, король с видимым удовольствием сказал, что очень рад полному улажению вопроса. Когда же Бенедетти изложил ему новое требование французского правительства, король сказал, что подобные обязательства он не считает возможным давать. Аудиенция кон-

чилась сухим, но вежливым прощанием. Едва Бенедетти ушел, как Вильгельм I получил донесение от Вертера, своего посла в Париже. Идя на прямой разрыв с Пруссией, герцог Грамон, не довольствуясь решением совета и посылкой телеграммы графу Бенедетти, позаботился еще более обострить положение, усилив дерзость своих требований. Он объяснил прусскому послу Вертеру, что от Вильгельма I требуется письменное заявление, что он не имел в виду посягать на интересы и достоинство французской нации, и письменное обещание в будущем не вредить интересам и достоинству Франции.

Вильгельм I был раздражен и оскорблен. Когда вечером того же дня, 13 июля, Бенедетти снова попросил аудиенции, явно затем, чтобы официально потребовать письменных гарантий, о которых король только что узнал из донесения Вертера, Вильгельм отказал Бенедетти в его просьбе. И все-таки они увиделись еще один раз, именно 14 июля, когда король уезжал из Эмса в Кобленц. Бенедетти явился на вокзал. Король не мог сесть в вагон, минуя посла. Вильгельм сказал Бенедетти, что более того, что он уже заявил послу, он сказать сейчас не может, но что переговоры по этому вопросу будут продолжаться в Берлине.

Перед отъездом из Эмса король приказал находившемуся при нем советнику министерства иностранных дел фон Абекену изложить события этого дня в телеграмме и послать ее Бисмарку, дабы информировать его о всем происшедшем. Наступил последний акт дипломатического конфликта, приведшего к кровопролитной войне.

С самого начала переговоров Бенедетти с прусским королем в Эмсе Бисмарк с напряженным вниманием следил за всеми фазисами начавшейся дипломатической кампании. Он видел ясно, что в Париже идут на риск войны, а король Вильгельм I ее не хочет и даже готов на некоторое унижение. Уже отказ Леопольда от испанской короны Бисмарк считал поражением для Пруссии. Но его агенты из Парижа доносили, что дело этим не кончится и что Наполеон III собирается предъявить какие-то новые требования.

«Эмсская депеша» Бисмарка

Вечером 13 июля Бисмарк сидел за обеденным столом с военным министром фон Роном и начальником генерального штаба прусской армии фон Мольтке. Бисмарку подали поступившую из Эмса срочную депешу фон Абекена с изложением всех событий в Эмсе. Бисмарк, Рон и Мольтке впали в глубокое уныние, как признавался потом Бисмарк.

Они просто не могли понять, как старый король решился дать Бенедетти примирительный ответ на столь дерзкое, провоцирующее требование Франции.

Тут-то Бисмарк и совершил тот поступок, о котором впервые стал откровенно и даже хвастливо говорить двадцать пять лет спустя, уже будучи в отставке.

Бисмарк обратился к Мольтке с вопросом, действительно ли вооруженные силы Пруссии находятся в таком состоянии, что можно вполне ручаться за победу в войне с Францией? Мольтке, не колеблясь, отвечал утвердительно. Он добавил, что для Пруссии выгоднее, чтобы война разразилась как можно скорее. Тогда Бисмарк повторил свой вопрос, обратившись к военному министру фон Роону. Роон решительно подтвердил ответ Мольтке. «В таком случае продолжайте спокойно обедать», — сказал Бисмарк своим гостям. Он вышел из-за стола и уже в другой комнате стал перечитывать депешу. Затем он взял карандаш и, вычеркнув из депеши несколько фраз, совершенно перередактировал ее. Телеграмма получила такой смысл, что король через адъютанта указал французскому послу на дверь. «Это будет красный платок для галльского быка», — с удовлетворением заявил Бисмарк, прочитав гостям свое фальсифицированное произведение. Гости были в полном восторге. «Вы превратили шамаду в фанфару, сигнал к отступлению в призыв к атаке», — воскликнул Мольтке.

Не теряя времени, Бисмарк сейчас же передал фальсифицированный текст для сообщения прессе. Дело было сделано. Уже 15 июля французское правительство выступило в Законодательном корпусе с требованием военных кредитов и с заявлением о предстоящей войне. Депутаты — и правительственные и оппозиционные — в подавляющем большинстве, без всякой критики, с возмущенными возгласами о кровном оскорблении, нанесенном чести Франции, вотировали кредиты и одобрили объявление войны Пруссии, которое и последовало формально 19 июля 1870 г. Тьер, знавший неподготовленность Франции к войне, слабо пробовал протестовать, но умолк при негодующих возгласах большинства. Опубликовав фальсифицированный документ, Бисмарк нанес французскому правительству и императору публичное оскорбление, а между тем все дело выглядело так, что Наполеон III один провоцирует войну: сначала он предъявил Пруссии неприемлемые требования, а затем, когда их отвергли, объявил ей войну.

Недовольство Александра II поведением Наполеона III

«Вы думаете, что у вас одних есть самолюбие», — с неудовольствием сказал Александр II своему любимцу французскому послу в Петербурге генералу Флёри, когда узнал о требованиях, предъявленных французским правительством королю Вильгельму I. Так судил о дипломатических переговорах, приведших к войне, Але-

ксандр II. Оттого-то Бисмарк и решился на подлог, что понял, как должно было рассердить Александра поведение Наполеона III и как поэтому Пруссии выгодно было использовать такой удобный случай.

Так же, как Александр II, судила об этом в июле 1870 г. и английская дипломатия. Впрочем, ее суждения для Бисмарка не имели того значения, как настроение русского царя.

Война началась при самых благоприятных для Бисмарка условиях дипломатической обстановки. Немедленно он опубликовал припрятанное им письменное изложение тайных требований Наполеона III насчет Бельгии, неосторожно переданное ему в 1867 г. французским послом. Англия была возмущена и взволнована этим доказательством агрессивности и коварства Франции. 20 июля 1870 г. дипломаты замолчали. Решающий голос принадлежал ружьям и пушкам.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА И ФРАНКФУРТСКИЙ МИР (1870—1871 гг.)

Позиции России, Австро-Венгрии и Италии во время франко-прусской войны

С самого начала военные действия развивались крайне неудачно для французской армии. Прусское командование значительно опередило французское в сосредоточении сил и, когда в первые дни августа 1870 г. немецкая армия перешла в решительное наступление, французы еще не успели закончить мобилизацию и сосредоточение войск на границе. Ввиду этого французскому командованию пришлось отказаться от наступательных действий, что означало провал его стратегического плана, предусматривавшего стремительное вторжение в Германию. Французы упустили инициативу — ее перехватил противник. Пруссаки нанесли 4 августа при Вейсенбурге и 6 августа при Вёрте поражения южной группировке французов, которой командовал маршал Мак-Магон, а при Шпихерне (в тот же день 6 августа) — северной, главной их группировке, находившейся под командованием маршала Базена.

Вслед за тем быстрым движением вперед прусское командование помешало соединению обеих французских армий. Этим оно обеспечило себе возможность разбить их порознь. 18 августа немецкие войска нанесли армии Базена тяжелое поражение при Сен-Прива и Гравелоте и вслед за этим заблокировали ее в крепости Мец, под защиту которой она вынуждена была укрыться.

Мак-Магон получил от императора приказ идти на выручку Меца, но немцы воспрепятствовали осуществлению этого плана. Армия Мак-Магона была оттеснена пруссаками к Седану и там окружена вместе с находившимся при ней Наполеоном III. 2 сентября французский император капитулировал со всей армией Мак-Магона.

Успех пруссаками был достигнут в немалой мере благодаря их численному превосходству: все сражения франко-прусской войны (за единственным исключением битвы 16 августа при

Марс-ля-Туре) были ими выиграны при значительном численном перевесе над противником. Главным политическим фактором, без наличия которого никакие военные преимущества Пруссии не позволили бы обеспечить этот перевес, была возможность сосредоточить все силы на одном фронте: против Франции. Если бы пруссакам пришлось дробить силы, отвлекая часть их против Австро-Венгрии, то никакие преимущества перед французами в быстроте военных перевозок и сосредоточении сил или в маневрировании не могли бы дать численного превосходства на полях сражений и на театре войны в целом.

Таким образом, успех Пруссии был в значительной мере обеспечен тем, что война с Францией протекала как локализованная война на одном единственном фронте.

В дни франко-прусской войны основная дипломатическая проблема была одной и той же и для французских и для прусских дипломатов. Останется ли война локализованной или же последует вмешательство других держав? Над этой проблемой трудились дипломаты обеих воюющих сторон. Французское правительство стремилось получить помощь Австро-Венгрии и Италии; прусское — добиться их нейтралитета. Наибольшее значение при решении вопроса о выступлении или нейтралитете Австро-Венгрии имела позиция России. Никто так много не поработал над тем, чтобы обеспечить Пруссии благожелательность России, как император французов. По сравнению с его «трудами» усилия дипломатии Бисмарка покажутся, пожалуй, скромными.

Вторая империя и в 60-х годах не переставала противодействовать царской России на Востоке. Политика крымской коалиции Францией отнюдь не была оставлена. В Петербурге боялись усиления Пруссии, но там не позабыли и о том, что император Наполеон III был одним из творцов унизительного для России Парижского трактата. Свежи были в памяти и попытки Наполеона III вмешаться в русско-польские отношения во время польского восстания 1863 г. Наполеон III проявлял враждебность к России, пренебрежение к интересам царского правительства. Следствием этого было сближение России с Пруссией.

Учитывалось в Петербурге также и то обстоятельство, что поражение Пруссии в войне с Францией неминуемо привело бы к усилению Австро-Венгрии. В случае победы Франции Горчакову рисовалась перспектива вмешательства в войну Австро-Венгрии и «победоносного марша австро-французских армий на Берлин», а в качестве его неизбежного следствия «попытка восстановления Польши, в которой, вероятно, примет участие и

Турция»[1]. Для царского правительства уже в одном этом заключалось достаточное основание, чтобы предпочесть победу Пруссии. Еще в 1868 г. Александр II дал королю Вильгельму обязательство в случае франко-прусской войны сосредоточить крупную армию на галицийской границе и тем принудить Австро-Венгрию воздержаться от поддержки Франции. В первые же дни войны русское правительство подтвердило свое намерение удержать Австрию от вступления в войну, а также от усиления своих вооруженных сил и довело об этом до сведения венского правительства. Царь заверил прусского короля в том, что в случае вмешательства Австрии в войну Россия окажет Пруссии военную помощь[2].

23(11) июля 1870 г. в «Правительственном вестнике» появилась декларация о нейтралитете России. Последняя фраза этой декларации была весьма многозначительной: «Императорское правительство всегда готово оказать самое искреннее содействие всякому стремлению, имеющему целью ограничить размеры военных действий, сократить их продолжительность и возвратить Европе блага мира». Указание на «ограничение размеров военных действий» означало призыв к Австро-Венгрии не вмешиваться в франко-прусскую войну.

Хотя переговоры об австро-французском союзе и не привели к положительному результату, однако выступление Австро-Венгрии на стороне Франции отнюдь нельзя было считать исключенным. Император Франц-Иосиф, эрцгерцог Альбрехт, победитель итальянцев при Кустоцце, военные, феодально-аристократические и клерикальные круги Австрии жаждали реванша. Французское правительство уже в дни переговоров в Эмсе возобновило перед Габсбургской монархией настойчивые просьбы о заключении союза.

Политическая линия антипрусских элементов, сильных при дворе и в церкви, встречала, впрочем, в Австро-Венгрии оппозицию со стороны австрийской буржуазии. Она относилась отрицательно ко всякому антинемецкому выступлению. Еще более активно противодействовало вмешательству в войну венгерское дворянство. Оно усматривало в Пруссии опору против ненавистного ему славянства и опасалось, что успешный реванш позволит Габсбургам отнять у господствующего класса Венгрии те привилегии, которые он получил по австро-венгерскому соглашению 1867 г., превратившему Австрию в дуалистическую Австро-Венгрию. Вот почему венгерский премьер граф Андраши продолжал решительно противиться союзу с Францией и военному выступлению Австро-Венгрии.

[1] Архив Внешней политики России, отчет о деятельности Министерства иностранных дел за 1870 г., подписанный Горчаковым, л. 41.

[2] Там же, л. 40.

Но исход внутренней борьбы в правящих кругах Австро-Венгрии был решен позицией русского правительства. В течение первого месяца войны усилия русской дипломатии были направлены на предотвращение австрийского реванша. Со своей стороны Бисмарк без устали работал над тем, чтобы осложнить австро-русские отношения. Он не останавливался перед клеветой и ложью, сообщая в Петербург об австрийских военных приготовлениях на русской границе и планах отторжения русской Польши. После поражения французской армии при Седане вопрос о вмешательстве Австро-Венгрии окончательно отпал.

Что касается Италии, то, как уже было сказано, король Виктор-Эммануил первоначально склонялся к союзу с Францией. Однако на пути этого союза стояли серьезные препятствия. Соображения внутренней политики не позволяли Наполеону III задевать духовенство, следовательно, он не мог пойти на ликвидацию папского государства. Между тем национальное объединение Италии оставалось незаконченным до тех пор, пока Рим не был включен в состав единого итальянского государства. С другой стороны, Италия находилась в столь сильной финансовой зависимости от Франции, что ссориться с Наполеоном III итальянскому правительству тоже было нелегко. Оживленные переговоры о франко-австро-итальянском союзе, которые велись перед войной, были прерваны началом военных действий между Францией и Пруссией. Бисмарк тем не менее опасался выступления Италии и даже вел переговоры с Маццини и другими представителями итальянских республиканцев: в случае выступления Италии на стороне Франции Бисмарк собирался деньгами и оружием поддержать республиканское восстание в Италии. В конечном итоге внешнеполитическую позицию Италии во время франко-прусской войны определил опять-таки Седан. После катастрофы французской армии были оставлены всякие планы помощи Франции. Вместо этого итальянские войска 20 сентября вступили в Рим. Наступил конец светской власти римского папы. Завершилось объединение Италии.

Иначе, чем на Австрию и Италию, военные успехи Пруссии повлияли на русскую дипломатию. Теперь Горчаков стал думать о средствах скорейшего прекращения войны, дабы ослабление Франции не стало уже чрезмерным. В Петербурге не ожидали, что пруссакам удастся так быстро и так основательно разбить Францию. Там с возрастающей опаской взирали на усиление Пруссии. Уже под влиянием первых успехов прусской армии, за несколько дней до битвы при Седане, царь написал письмо прусскому королю, убеждая его не навязывать Франции унизительного мира. Ответ Вильгельма I был мало утешитель-

ным. Король указывал, что «общественное мнение вряд ли позволит ему отказаться от аннексий». Действительно, Бисмарк, генеральный штаб и сам король при горячем сочувствии юнкерства и большей части буржуазии решили навязать Франции тяжелый, грабительский мир, отобрав у нее Эльзас и Лотарингию.

После Седана французский поверенный в делах де Габриак, стараясь склонить Горчакова к активной дипломатической поддержке Франции, указывал ему на чрезвычайное усиление Германии, опасное для интересов России. Впрочем, такого рода опасения усиливались среди русских господствующих классов и помимо стараний французской дипломатии.

В результате революции 4 сентября во Франции установилась республика. Сформировалось временное правительство из буржуазных республиканцев и орлеанистов, принявшее название «правительства национальной обороны». Горчаков посоветовал новому французскому правительству возможно скорее заключить мир. Он обещал, что царь снова напишет Вильгельму и посоветует ему соблюдать «умеренность» в отношениях с Францией. Горчаков добавил даже, что в случае созыва европейского конгресса Россия достаточно громко возвысит свой голос в пользу Франции. По просьбе Горчакова де Габриак показал ему проект телеграммы, в которой он собирался сообщить своему правительству о беседе с русским министром. В телеграмму де Габриак включил было такую фразу: «Россия не допустит мира, не основанного на нашей территориальной целостности». Горчаков, однако, поспешил пресечь такое истолкование его слов: «*Не допустить* какого-либо положения, — сказал он, — это для великой державы значит обратиться к оружию, чтобы воспрепятствовать этому. Россия не сможет идти так далеко» [1]. Из Петербурга в Берлин действительно вновь были поданы советы, поскорее заключить с Францией мир на умеренных условиях. Однако, дальше таких советов не пошли.

Что касается Англии, то правительство Гладстона отнюдь не собиралось вмешиваться в войну на континенте. Оно удовольствовалось тем, что получило (в августе) от обеих воюющих сторон подтверждение обязательства соблюдать нейтралитет Бельгии. Английские правящие круги были рады ослаблению второй, после Англии, морской и колониальной державы, каковой тогда являлась Франция. И это тем более, что Франция являлась хозяйкой Суэцкого канала, который после открытия по нему навигации (в 1869 г.) сделался кратчайшим путем из Европы в Британскую Индию.

---

[1] *Gabriac*, Souvenirs Diplomatiques de Russie et d'Allemagne, Paris, 1896, p. 9—12.

Между тем, военные действия развивались по-прежнему благоприятно для пруссаков. После Седанского сражения они начали частью сил наступление на Париж, почти не встречая сопротивления. Другая часть сил прусской армии была скована блокадой Меца и засевшей в нем большой армии Базена. 19 сентября немцы закончили окружение Парижа. Но здесь их ожидал многочисленный гарнизон и ожесточенное сопротивление, опиравшееся на патриотический подъем населения великого города и особенно парижских рабочих. Осада французской столицы сковала вторую половину сил немецкой армии.

7 октября 1870 г. один из членов «правительства национальной обороны», Гамбетта, обосновался в г. Туре и развил энергичную деятельность по формированию новых армий. Положение пруссаков стало осложняться. Бисмарк боялся вмешательства иностранных держав. Особенно сильно он опасался России. Он настаивал, чтобы прусское командование скорее кончало с Парижем, требовал беспощадной бомбардировки города и гневался на фельдмаршала Мольтке за то, что у пруссаков не хватало для этого осадной артиллерии.

Как раз в это время (в сентябре и октябре) Тьер по поручению «правительства национальной обороны» объезжал столицы великих держав, хлопоча о их вмешательстве в пользу Франции или хотя бы о посредничестве в целях заключения мира. В Лондоне Тьер был хорошо принят, но не добился ничего существенного, равно как и в Вене. От активного вмешательства правительство Австро-Венгрии наотрез отказалось. Такой же ответ ожидал его в Италии. В Петербурге Тьер был принят любезно, и ему было сказано, что царь желает мира. «Он окажет вам помощь, чтобы завязать переговоры, но не больше», — заявил Тьеру Горчаков. Царь действительно направил новое письмо Вильгельму.

Ответ пруссаков заставил себя довольно долго ждать. Когда он, наконец, поступил, Горчаков вызвал Тьера и сообщил ему, что «мир возможен». Он дал понять, что считает приемлемыми те мирные условия, которые, по его сведениям, будут предложены Пруссией. «Надо иметь мужество заключить мир», — закончил Горчаков.

По возвращении во Францию Тьер 30 октября прибыл в Версаль, где находилась прусская главная квартира. Здесь он встретился с Бисмарком, и между ними начались переговоры о заключении перемирия.

Тьер составил для себя совершенно определенный план действий. Он намеревался торговаться с Бисмарком как можно упорнее и дольше, но, дойдя до того предела, когда станет ясным, что Бисмарк больше не уступит ни на йоту, — капитули-

ровать перед Пруссией. Тьер горел желанием скорее развязать руки для расправы с нараставшим революционным движением рабочего класса. Ради этого он был готов принять выдвинутые Бисмарком тяжелые условия. Короче говоря, Тьер был готов предать национальные интересы Франции для спасения классовых привилегий французской буржуазии. «Правительство национальной обороны», которое на деле являлось правительством национальной измены, собиралось следовать по этому же пути.

Но правительство в тот момент не посмело выполнить свои предательские намерения. Оно испугалось гнева народных масс Парижа, громко требовавших продолжения борьбы с врагом. Весть о предполагаемом сговоре Тьера с Бисмарком была одной из причин парижского восстания 31 октября 1870 г. Под давлением народа правительство сочло себя вынужденным отвергнуть мирные предложения, привезенные Тьером из прусской главной квартиры.

Так называемая «турская делегация» правительства и прежде всего глава этой делегации Гамбетта не разделяли капитулянтских настроений своих коллег. Поскольку осада Меца и Парижа сковывала силы пруссаков, планы Гамбетты по созданию новых вооруженных сил имели шансы на успех.

Правда, 27 октября изменник маршал Базен сдал Мец немцам вместе со всей своей армией. Капитуляция Базена значительно осложнила обстановку для Франции: прусские силы, дотоле скованные осадой Меца, теперь освободились для активных действий. Тем не менее новые армии, организованные турской делегацией, храбро продолжали борьбу, хотя из страха перед народными массами деятели турской делегации не решались полностью использовать подъем народного патриотизма в борьбе против прусских захватчиков.

Однако, 28 января 1871 г. «правительство национальной измены» положило конец всякому сопротивлению: оно заключило перемирие с немцами.

Отмена нейтрализации Черного моря

Царское правительство отказалось от какого-либо коллективного выступления держав перед правительством Пруссии, о чем хлопотали правящие круги в Вене. Одно время Горчакова занимала мысль о вынесении вопроса об условиях мира на международный форум посредством созыва конгресса. Однако и от этого в Петербурге вскоре же сочли за благо отказаться.

Царское правительство решило использовать обстановку, сложившуюся в результате победы Пруссии, чтобы освободиться от стеснительных условий Парижского мира. Еще в сентябре 1870 г. Бисмарк подтвердил обещание: оказать России полную

поддержку в деле отмены постановления Парижского трактата о нейтрализации Черного моря, ограничивавшего ее право содержать там военно-морской флот. Поражение Наполеона III устранило со сцены одного из инициаторов злополучного трактата и создавало благоприятную обстановку для ревизии этого документа.

31 октября 1870 г. русское правительство обратилось к правительствам всех держав — участниц Парижского договора с заявлением, в котором указывалось на неоднократные нарушения его условий другими державами. Нельзя допускать, говорилось далее, чтобы трактат, нарушенный во многих существенных его постановлениях, оставался обязательным «по тем статьям, которые касаются прямых интересов» России. Статью, ограничивавшую количество и размеры военных кораблей, которые прибрежные державы могли содержать в Черном море, русское правительство объявляло утратившей силу.

Наибольшее негодование заявление русского правительства вызвало в Англии и Австро-Венгрии. Прусское правительство по договоренности с английским предложило созвать конференцию по вопросу об односторонней отмене Парижского трактата. Горчаков подчеркнул в своем ответе, что решение русского правительства является твердым и окончательным. Русское правительство, впрочем, не отказывалось от конференции. Но оно дало понять, что согласно на нее лишь при условии, что выполнение пожеланий России будет заранее ей обеспечено и конференция сведется к формальному утверждению нового статута Черного моря.

Конференция собралась в Лондоне в январе 1871 г. Всем было заранее ясно, что в сложившейся обстановке никто не рискнет всерьез противиться русским требованиям. Действительно, конференция, хотя и не без бурных дебатов, приняла отмену постановлений трактата 1856 г. согласно требованиям России. Отменялись три статьи, ограничивавшие количество военных кораблей, которые могли содержать на Черном море прибрежные государства (Россия и Турция), а также их право возводить укрепления на его побережье. Австрийский и английский уполномоченные постарались добиться на конференции невыгодного для России постановления о режиме проливов. Предложенный ими проект соответствующих статей начинался с подтверждения принципа закрытия проливов для военных кораблей иностранных государств. Но дальше, по их мысли, должна была следовать статья, в которой устанавливалось, что султан имеет право в качестве «временной меры» открывать проливы для доступа в Черное море судов неприбрежных держав, когда того потребуют выгоды и безопасность Турции.

Русский уполномоченный Бруннов протестовал. Этот проект позволял иностранным флотам входить в проливы и в Черное море, но преграждал русским кораблям выход в Средиземное море. Бруннов предлагал заменить выражение «неприбрежные державы» выражением «дружественные державы» и соответственно выбросить слова о пропуске судов в Черное море, так как для России дело шло также и о выходе из него, и доступе в Средиземное море. Но, натолкнувшись на сопротивление англичан, Бруннов не настаивал.

В Петербурге его образ действий вызвал удивление и неудовольствие. Однако Бруннов, дав однажды свое согласие англичанам, мешкал взять его назад.

Тут в борьбу вмешался уполномоченный Турции. В Константинополе поняли, что Англия и Австро-Венгрия своей редакцией хотят навязать Порте определенную политическую ориентацию и ограничить независимость ее политики. Порта воспротивилась этому притязанию.

Английское и австро-венгерское правительства добивались также предоставления англичанам военно-морской базы в Синопе на турецкой территории в качестве компенсации за отмену нейтрализации Черного моря. Этот проект также был отклонен Турцией. О его неприемлемости для России нечего и говорить.

Что же касается режима проливов, то в конце концов было достигнуто соглашение о замене слов «неприбрежные державы» словами «дружественные и союзные». В итоге Лондонская конференция подтвердила принцип закрытия проливов для иностранных военных кораблей, но султан получил право открывать проливы для военных кораблей «дружественных и союзных» ему держав в тех случаях, когда он «найдет это необходимым для обеспечения исполнения постановлений Парижского трактата». Даже и в этой окончательной, смягченной редакции конвенция 1871 г. существенно расширяла иностранным флотам доступ в Черное море по сравнению с конвенцией 1841 г. Конечно, это не могло не ослабить безопасности черноморского побережья России. Конвенция была подписана 13 марта 1871 г. Она регулировала режим проливов вплоть до первой мировой войны.

Заключение прелиминарного мирного договора в Версале

Пока в Лондоне заседала эта конференция, на континенте произошли важные события. 18 января 1871 г. было провозглашено образование Германской империи. Завершилось объединение Германии «сверху», с реакционной прусской монархией во главе. 26 февраля 1871 г. в Версале был подписан прелиминарный мирный договор. По условиям этого договора Германия должна была

получить Эльзас, Восточную Лотарингию и 5 млрд. франков контрибуции. Бисмарк сначала хотел взять 7 млрд., но под воздействием русского правительства умерил свои претензии до пяти. Оккупационные войска должны были оставаться в Восточной Франции вплоть до выплаты всей контрибуции.

Аннексия Эльзаса и Лотарингии и 5-миллиардная контрибуция, наложенная на побежденного, окончательно разоблачили перед широкой общественностью разных стран изменение характера войны, совершившееся после Седана и событий 4 сентября. С этого времени война превратилась для Германии из национальной в захватническую и несправедливую. Горчаков в годичном отчете о деятельности министерства иностранных дел следующим образом оценивал условия мира: они таковы, писал он, что было бы затруднительно счесть установленный имп мир длительным. «Немецкие государи, — продолжал он, — настояли на том, чтобы искать обеспечения своей безопасности в ослаблении, разорении и унижении своего противника».

Парижская коммуна и международная дипломатия

Парижская коммуна 1871 г., эта первая в истории человечества попытка установления диктатуры пролетариата, не могла не оказать глубокого влияния на международные отношения.

В первые дни после 18 марта 1871 г. и царь Александр II, и британский кабинет, и Бисмарк полагали, что это восстание является лишь повторением безрезультатных парижских вспышек 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г., подавленных правительством. В германской главной квартире были даже довольны, предполагая, что ввиду парижских событий Тьер, который стал теперь главой правительства, и министр иностранных дел Жюль Фавр станут уступчивее при выработке условий окончательного мирного договора. Переговоры относительно этих условий начались вскоре после подписания Версальского прелиминарного договора. Тьер, не колебавшийся предать родину, чтобы скорее окончить военные действия и развязать французскому правительству руки для подавления рабочих, после того, как военные действия приостановились и войска освободились для расправы с революцией, стал очень упорно торговаться по поводу условий мира. А между тем предстояло еще уточнить порядок и сроки уплаты контрибуции, а также многие другие важные вопросы.

Бисмарк сразу же после событий 18 марта предложил правительству Тьера свою поддержку против Парижа. 21 марта царский посол в Берлине Убри телеграфировал канцлеру Горчакову: «Вчера вечером видел графа Бисмарка. Он признал серьезность положения в Париже, но не слишком этим озабочен. Он сообщил мне под большим секретом, что предложил

Тьеру свое содействие для преодоления кризиса в случае, если тот будет об этом просить. Войск под Парижем достаточно».

После переговоров между уполномоченным версальского правительства и представителем германского командования, в Руане 28 марта была заключена конвенция: версальскому правительству было разрешено увеличить свою армию в Парижском районе до 80 тысяч человек, т. е. удвоить ее по сравнению с условиями прелиминарного мира. Кроме того, должна была начаться репатриация французских военнопленных, часть которых могла поступить в распоряжение версальского командования. Через некоторое время Бисмарк разрешил Тьеру еще больше увеличить армию, предназначенную для действия против революционного Парижа.

Правительство Коммуны в лице Клюзере попыталось вступить в переговоры с германскими оккупационными властями, стремясь обеспечить себе их нейтралитет. Бисмарк, сломив сопротивление Вильгельма I, согласился на эти переговоры. Он телеграфировал германскому представителю при версальском правительстве генералу Фабрице: «Прикажите ответить Клюзере, что вы готовы выслушать предложения, которые он намерен вам сделать, и довести их до моего сведения. Желательно было бы выпытать у него, из каких средств Коммуна рассчитывает уплатить контрибуцию». В апреле состоялись переговоры между Клюзере и представителем германского канцлера. Бисмарк явно хотел использовать эти переговоры для того, чтобы шантажировать версальское правительство, побудить его к скорейшему заключению окончательного мирного договора, подороже продать версальцам свою помощь при подавлении Коммуны.

Фавр попытался было обратиться в Петербург с жалобой и с просьбой к Горчакову переговорить по этому вопросу с Бисмарком: «Производя давление и отказывая нам в моральной поддержке, которую она сначала предоставила, а затем отняла, Пруссия становится пособницей Парижской коммуны, — писал возмущенный Фавр в Петербург Габриаку. — Мы докажем это перед лицом всего мира, если нас к этому принудят».

Русский канцлер заявил французскому послу, что считает упреки Фавра необоснованными. Он предложил версальскому правительству поспешить с окончательным заключением мира и лояльно выполнить вытекающие из него обязательства. То же самое сказал Габриаку и Александр II. Фавр вынужден был смириться.

Тактика Бисмарка по отношению к французскому правительству после революции 18 марта была довольно сложной. Он делал все, что от него зависело, чтобы облегчить Тьеру подавление Коммуны. Но в то же время он не хотел упустить слу-

чай использовать затруднительное положение французской буржуазии. Он намеревался вырвать у нее еще некоторое количество добавочных уступок. В торге насчет этих уступок и заключались переговоры, которые велись относительно текста мирного договора сначала в Брюсселе, а затем во Франкфурте-на-Майне. Во время этих переговоров Бисмарк не прочь был напугать Тьера тем, что, чего доброго, свяжется с правительством Коммуны. Поддерживал же он в 1866 г. связи с венгерскими революционерами! Он старался терроризировать орлеаниста Тьера также и угрозой передать всю плененную французскую армию Наполеону III. «Нельзя острить так кровожадно», — возразил ему Тьер.

Лидер французской реакции на самом деле побаивался, как бы Бисмарк не установил контакта с павшим императором; что Бисмарк свяжется с Коммуной — этого Тьер всерьез, конечно, не опасался. И действительно, Бисмарк до конца всемерно помогал ему раздавить Коммуну.

По мере того, как для правящих кругов всех стран выяснились характер и масштабы парижских событий, буржуазная дипломатия оказывалась перед совершенно новой задачей: борьбой против первого в мире опыта диктатуры пролетариата. Не удивительно, что вместе с армией, печатью, церковью и другими средствами борьбы, которыми располагают буржуазное общество и государство, на борьбу против Коммуны была мобилизована и дипломатия.

Диктатура пролетариата в Париже, горячее сочувствие Коммуне со стороны Генерального совета I Интернационала, радостное возбуждение среди революционной общественности — все это внушало глубокую тревогу монархам и руководящим буржуазным деятелям Европы. Росло убеждение, что существующему социальному и политическому строю грозит серьезная опасность. Бисмарк рассказывал, что весть о провозглашении Коммуны заставила его провести первую бессонную ночь за все время войны. Волновалось и царское правительство. «Можно быть уверенным, — писал Габриак 7 мая Фавру, — что Россия сделала и сделает все от нее зависящее, чтобы добиться от Пруссии предоставления вам необходимых облегчений для подавления восстания. Горчаков только что объявил это мне официально и с гораздо большей ясностью, чем при нашей последней беседе... Он сказал мне, что император, так же как и он сам, понимает необходимость прийти нам на помощь для подавления мятежа, который своими разветвлениями угрожает всему европейскому обществу». Первая пролетарская революция вызвала к жизни союз всех буржуазных и дворянских правительств, независимо от разделявших их противоречий и вражды.

6 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне начались переговоры между Фавром и Бисмарком относительно заключения окончательного мирного договора. Эти переговоры оказались непосредственно связанными с вопросом о подавлении парижского восстания. 9 мая 1871 г., т. е. накануне заключения мира, Бисмарк из Франкфурта-на-Майне сообщил Мольтке: «В силу тайного устного дополнительного соглашения мы допустим прохождение [версальских войск] через наши линии и заблокируем Париж с нашей стороны». И действительно, в решающие дни борьбы между Коммуной и версальцами германское командование не пропускало в осажденный Париж продовольствия. Оно после захвата города никому не позволяло бежать оттуда от расправы версальских палачей. Зато версальские войска оно пропустило через оккупированную немцами зону к северным предместьям столицы. Вопреки предостережению Маркса, Коммуна не подготовилась к обороне против нападения с этой стороны. Она легкомысленно понадеялась на «нейтралитет» пруссаков.

Бисмарк настойчиво требовал от Тьера скорейшей ликвидации Парижской коммуны. Но не только Бисмарк боялся соседства революционной Коммуны для новосозданной Германской империи. Орган секций Интернационала в Париже писал в апреле, что все европейские правительства принимают меры к тому, чтобы революция не перекинулась в другие страны. Вся надежда международной дипломатии, продолжала газета, возлагается на Германскую империю, которая должна выступить в качестве защитника «порядка» во всем мире. Россия, Австрия и Италия заявили германскому правительству, что интервенция немецких войск против Парижа будет одобрена всеми великими державами.

Разгром Коммуны, подавление величайшего рабочего восстания XIX столетия вызвало торжество всей международной реакции. «Мне не нужно вам говорить, — писал 24 мая из Петербурга Габриак Фавру, — с каким облегчением общественное мнение встретило здесь новость о вступлении наших войск в Париж. Европейское общество чувствует себя освобожденным от ужасного кошмара, который давил его в течение двух месяцев».

Франкфуртский мир

10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне был заключен мир между Францией и Германией. Франкфуртский мирный договор подтверждал те основные условия, которые были установлены еще в версальских прелиминариях от 26 февраля. Франция уступила Германии Эльзас и часть Лотарингии и обязывалась уплатить 5 миллиардов контрибуции. Помощь пруссаков против Коммуны была куплена Тьером ценой ухудшения усло-

вий договора как в отношении способа уплаты контрибуции, так и сроков вывода германских войск с французской территории.

То был грабительский мир. На только что созданную Германскую империю он наложил моральное и политическое клеймо в глазах демократических кругов во всех странах. Да и у правительств других государств, и в правящих сферах различных стран ограбление Франции породило страх и подозрительность в отношении нового германского государства. Какие же причины побудили Бисмарка совершить захват французской территории?

Правители новосозданного германского государства были убеждены, что война 1870—1871 гг. не ликвидирует векового антагонизма между Германией и Францией. Будучи уверенными в неизбежности новой войны с Францией, они стремились использовать свою победу для обеспечения Германии наиболее выгодной стратегической границы. «Я не строю никаких иллюзий», — откровенно объяснял Бисмарк через три месяца после подписания Франкфуртского мира Габриаку, переведенному из Петербурга в Берлин. — «С нашей стороны было бы абсурдом брать у вас Мец, который является французским. Я не хотел оставлять его за Германией. Но генеральный штаб запросил меня, могу ли я гарантировать, что Франция не станет брать реванш. Я ответил, что, напротив, я вполне убежден, что эта война является лишь первой из тех, которые разразятся между Германией и Францией, и что за ней последует целый ряд других. Мне ответили, что в таком случае Мец явится гласисом, за которым Франция может разместить сто тысяч человек. Мы должны были его сохранить. То же самое я скажу и об Эльзасе с Лотарингией: брать их у вас было бы ошибкой, если бы миру суждено было быть прочным, так как эти провинции являются для нас обузой». «Они станут как бы новой Польшей, — ответил французский дипломат, — Польшей, с Францией, стоящей за нею». «Да, — согласился германский канцлер, — Польшей, с Францией позади нее» [1].

Захват Эльзаса и Лотарингии по условиям того времени действительно давал Германии стратегические выгоды. Пока французы владели Эльзасом, они располагали удобным плацдармом вторжения в Южную Германию. Католический Юг, где имелись сильные антипрусские настроения, был самым уязвимым местом только что созданного единого германского государства. Его верность имперскому единству представлялась тогда довольно сомнительной. После перехода Эльзаса к Германии французы оказывались отброшенными за Вогезы.

[1] «Documents Diplomatiques Français», serie 1-ere, vol. I, № 42.

Теперь между Францией и Германией, кроме рубежа по р. Рейну, высилась еще цепь Вогезских гор, трудно проходимых для большой армии. Таким образом, Эльзас имел важное оборонительное значение.

Наоборот, стратегическое значение Лотарингии было наступательным. В Лотарингии немцы приобретали плацдарм, который приближал их к Парижу как раз на кратчайшем операционном направлении и значительно облегчал повторение «опыта» 1870 г. — удара на Париж через так называемую «вогезскую дыру», т. е. равнинное пространство между Вогезами на юге и Арденнами на севере. Стратегическим ключом к нему являлась крепость Мец, которая теперь перешла в руки Германии.

По условиям прелиминарного договора от 26 февраля 1871 г. богатый рудою район Лотарингии, расположенный к западу от Тионвиля, остался за Францией. Во время переговоров об окончательном мирном договоре Бисмарк, учитывая значение рудных богатств, предложил французскому правительству следующий обмен: Германия согласится на исправление границы у Бельфора, которого, по стратегическим соображениям, чрезвычайно добивались французы, а за это они уступят Германии рудный бассейн к западу от Тионвиля. Сначала Бисмарк встретил отказ. Интересно, что Бисмарк, беспощадно торговавшийся о сроках уплаты каждого миллиарда контрибуции, отнесся к данному отказу спокойно. «В случае надобности, — писал он, — я лучше откажусь от расширения нашей границы, нежели сорву из-за этого все соглашение»[1]. Вскоре, впрочем, французы передумали, и обмен состоялся. Франция получила исправление границы у Бельфора и отдала Германии железорудный район. Весь этот эпизод показывает, что рудные богатства Лотарингии учитывались при заключении мира. Но вместе с тем он же свидетельствует, что решающую роль при аннексии играла не железная руда, а соображения стратегического порядка. Это и неудивительно: нужно лишь вспомнить, что в 1871 г. лотарингская руда еще не имела своего нынешнего экономического значения. Она получила его только в конце 70-х годов, после открытия рентабельного способа переработки руд, богатых фосфором.

Бисмарку было совершенно ясно, что аннексия французской территории еще больше осложнит франко-германские отношения. Создавшаяся объективная обстановка заставила Бисмарка решать следующую политическую задачу: стоит ли пытаться разрядить напряженность франко-германских отношений? Или же целесообразнее позаботиться о создании максимально вы-

[1] «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette», Bd. I, № 15.

годного театра для будущей войны? Бисмарк решил вопрос именно в последнем смысле.

Такое решение в значительной мере подсказали соображения внутренней политики. Если стратегические интересы Германской империи имели определяющее значение для условий Франкфуртского мира, то они в свою очередь были связаны в политике Бисмарка с внутриполитическими интересами господствующих классов новосозданной империи — юнкерства и крупного капитала. Интересы германской реакции, усиленные страхом господствующих классов перед рабочим движением, поднимавшимся также и в Германии, были направлены на всемерное укрепление милитаризма. Осуществление этой важнейшей внутренней задачи германско-прусских реакционеров облегчалось напряженностью во внешних отношениях германского государства и осложнялось в случае их разрядки. Агрессивная политика вовне и реакционная внутри Германии были связаны друг с другом самым тесным образом.

Конечно, не аннексия двух провинций породила франко-германский антагонизм. И до этой аннексии самые различные французские правительства веками вели борьбу за то, чтобы не допустить образования единого германского государства. После того как в 1871 г. единство Германии было достигнуто, буржуазная Франция мечтала бы об ослаблении Германии даже и в том случае, если бы Эльзас и Лотарингия остались французскими. Но аннексия придала движению за реванш в некотором роде оборонительный и популярный характер. Вместе с тем она придала ему такую силу внутри Франции, какой без этого реваншизм никогда бы не приобрел. Именно так смотрел на дело Маркс. «Если французский шовинизм, — писал он, — пока держался *старый государственный порядок*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую богатую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Метца?» [1] Франкфуртский мир был актом большого исторического значения — в нем были заложены первые семена войны 1914—1918 гг.

В начале франко-прусской войны Маркс дал глубочайший анализ ее последствий. В письме Комитету германской социал-демократии 1 сентября 1870 г. Маркс писал:

«Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVI, изд. 1, стр. 69.

с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить эту войну в *европейскую институцию*. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *западной Польшей* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно...

...Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 г.» [1]

Франко-прусская война завершила целый ряд глубоких перемен в политическом положении Европы. Осуществилось национальное объединение Германии. Этот акт, прогрессивный сам по себе, был совершен «сверху», под эгидой прусской монархии. Создалась новая великая держава, находившаяся под руководством агрессивных, милитаристских сил. В трех войнах — с Данией, Австрией и Францией — держава эта продемонстрировала и свою военную мощь и свои захватнические аппетиты. В то же время закончилось национальное объединение другой страны — Италии. Оно тоже завершилось не путем народной революции, а победой савойского дома. Раньше восточными соседями Франции были бессильные мелкие государства, а западным соседом России — сравнительно небольшая Пруссия, к тому же поглощенная непрерывным соперничеством с Австрией. Теперь у границ России и Франции возникла мощная военная держава — Германская империя.

Для Франции обстановка изменилась не только на восточной, но и на юго-восточной ее границе. И здесь после войн 1859—1871 гг. вместо восьми мелких итальянских государств Франция очутилась в соседстве с объединенным Итальянским королевством. Сходные перемены претерпело и положение Австро-Венгрии. Словом, раньше между великими державами континента имелась рыхлая прослойка из слабых, мелких государств. То был своего рода буфер, несколько смягчавший толчки при соприкосновении великих держав. Теперь вместо этого буфера явились две новых милитаристских монархии. С их появлением территории великих держав вплотную примкнули друг к другу. Международное положение стало более напряженным. Притом такая напряженность не была преходящим явлением: она стала неотъемлемым свойством новой международной обстановки.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVI, изд. 1, стр. 68, 69.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 50—60-х ГОДАХ XIX в.

Расширение функций дипломатии как орудия колониальной политики капиталистических держав в Восточной Азии

50—60-е годы ознаменовались новым усилением колониальной экспансии капиталистических государств на востоке Азии. Войны Англии и Франции в Китае и в Индо-Китае, интервенция западных держав против тайпинского восстания, принудительное «открытие» Японии для внешних сношений вели к тому, что новые сотни миллионов населения Восточной и Юго-Восточной Азии насильственно вовлекались в колониальную систему капиталистического мира.

Для проведения своей колониальной политики капиталистические державы использовали все средства — военные действия, торговое проникновение, финансовую кабалу, деятельность миссионеров, дипломатию. Посылка официальных и неофициальных дипломатических и разведывательных миссий в страны Востока, переговоры и заключение неравноправных договоров, деятельность консульств, нередко выполнявших на Востоке политические и разведывательные функции, соглашения между участниками колониальной агрессии о разделе сфер влияния и о совместных действиях — таково было содержание деятельности дипломатии капиталистических держав на Дальнем Востоке. В области колониальной политики методами буржуазной дипломатии особенно часто служили угрозы и провокации, вмешательство во внутренние дела стран Востока, вероломство, заведомо ложное толкование договоров, маскировка агрессии фразами о защите «равноправия» нации, «чести» своего флага, о распространении христианства и «цивилизации», заявлениями об охране «жизни и имущества» своих подданных и другими лицемерными предлогами. Расширение колониальной экспансии приводило к усилению роли дипломатии как одного из орудий борьбы капиталистических государств за колониальное закабаление стран Восточной Азии, за овладение в них политическими позициями, в том числе и

плацдармами для дальнейшей экспансии. Ведущей силой в этой колониальной экспансии оставалась Англия, достигшая в середине XIX в. высшей ступени своей мировой промышленной и торговой монополии и своего господства на море. За Англией следовали в Восточной и Юго-Восточной Азии Франция и США, а на северо-востоке Азии упрочились позиции царской России.

Основное направление дипломатии феодальных правительств стран Восточной Азии. Влияние народных движений на дипломатию

Наиболее общей и характерной чертой в дипломатии правительств феодальных государств востока или юго-востока Азии в середине XIX в. был вынужденный отказ от политики сохранения замкнутости своей страны. В условиях натиска западного капитализма дипломатия государств Востока пыталась ему противостоять, используя противоречия между колонизаторами. Она старалась ослабить или частично нейтрализовать требования капиталистических держав, противопоставляя их друг другу и пытаясь столкнуть их между собою. В то же время феодальная дипломатия Востока нередко была готова заключить с колонизаторами неравноправные договоры за счет народных масс, с тем чтобы правящие феодальные классы и династии понесли при этом возможно меньший ущерб и чтобы сделки и соглашения с капиталистическими странами облегчали подавление революционного движения и давали опору против собственного народа.

Бесправные народные массы Востока, находившиеся под жестоким феодальным гнетом, теперь вдобавок подвергались колониальному закабалению. Они не могли легально воздействовать на внешнюю и внутреннюю политику своих стран — у них не было для этого даже тех незначительных возможностей, которыми располагал пролетариат на Западе. Но мощные антифеодальные и антиколониальные восстания, подобные тайпинскому движению или народному восстанию 1857—1858 гг. в Индии, оказывали немалое влияние на ход колониальных войн и дипломатических переговоров в Азии. С одной стороны, страх перед возможностью победы этих движений служил стимулом к усилению колониальной агрессии и заключению сделок между капиталистическими государствами и феодальными правительствами стран Востока, как это было во время тайпинского восстания, а с другой стороны, сопротивление народных масс иностранным колонизаторам ограничивало и затрудняло колониальную экспансию капиталистических держав и предъявление ими новых требований к восточным государствам.

1. Принудительное вовлечение Японии в дипломатические и торговые отношения с капиталистическими странами

Переговоры Перри с сёгунским правительством и заключение Канагавского договора 1854 г. между США и Японией

Насильственное открытие портов Китая для иностранной торговли, развитие торгового судоходства и особенно китобойного промысла США и Англии в северо-западной части Тихого океана содействовали дальнейшей колониальной экспансии капиталистических держав на Дальнем Востоке и усиливали их заинтересованность в закабалении неравноправными договорами не только Китая, но и Японии.

Но феодальное правительство Японии продолжало политику изоляции страны. Оно опасалось, что открытие страны для внешней торговли вызовет утечку за границу золота и еще более расшатает феодальный строй, и без того уже вступивший в стадию глубокого внутреннего кризиса. Сёгунское правительство боялось и того, что оппозиционные круги аристократии вступят в сговор с иностранцами, и считало, что уступки иностранным государствам выкажут его слабость перед народными массами. Только голландцы и китайцы пользовались возможностью вести в ограниченных размерах торговлю с Японией. Для сёгунского правительства голландская фактория на крохотном островке Десима в Нагасакской гавани служила также источником сведений о политическом положении в других странах.

Особенно большой интерес к японским портам стали проявлять капиталисты США. Еще в 1845 г. конгресс США дал полномочия президенту на установление торговых отношений с Японией, дабы использовать морские базы Японии в интересах экспансии США на Тихом океане и дальнейшего проникновения в Китай. После захвата Соединенными Штатами Калифорнии и Орегона и превращения США в тихоокеанскую державу их политика на Дальнем Востоке стала еще более активной. Влиятельные купцы, судовладельцы, банкиры и фабриканты требовали расширения возможностей для эксплуатации стран Восточной Азии. В 1851 г. правительство США приняло решение силой принудить Японию вступить с Соединенными Штатами в торговые и дипломатические отношения и навязать ей неравноправный договор.

В Японии американские капиталисты рассчитывали найти новый рынок сырья и сбыта своих товаров и получить стоянки для американских военных, торговых и китобойных судов, где последние могли бы производить ремонт и запасаться углем и провизией. Опираясь на японские порты, правительство США надеялось более успешно соперничать с влиянием Англии

и других европейских держав на Дальнем Востоке. Отправить эскадру военных кораблей к берегам Японии и принудить ее к переговорам решено было под предлогом «необеспеченности» в Японии «жизни и имущества» экипажей судов, потерпевших кораблекрушение у японского побережья. Для разведки и предварительной морской демонстрации в 1852 г. в Японию был направлен небольшой отряд военных кораблей, но он не добился успеха.

После этой неудачи в японские воды была послана более сильная эскадра под начальством коммодора Перри. Действия Перри являются типичным примером «дипломатии морских офицеров» США в странах Востока. Перри советовал правительству США осуществить широкую программу экспансии — захватить острова Рю-Кю, основать американскую колонию на острове Тайвань, распространить влияние США на значительную часть Индо-Китая и Индонезии. По пути в Японию Перри вынудил короля островов Рю-Кю дать согласие на посещение островов судами США и подписать неравноправный договор, не считаясь с тем, что острова находились под двойным сюзеренитетом Китая и Японии. Современные американские реакционные историки восхваляют захватнические проекты Перри, как «предвосхищение» им позднейших агрессивных притязаний американского империализма на господство на Тихом океане и в странах Восточной Азии.

Широкий размах планов Перри превосходил его умение оценить реальное положение. Недостаток сил, обострение англо-американских противоречий и внутренней борьбы в США между сторонниками и противниками рабовладения вынудили правительство США воздержаться от непосредственных захватов в Восточной Азии. Но в Японии Перри имел полную возможность угрожать стране войной и принудить сёгунское правительство к заключению договора с США.

Легенда о миролюбивом характере миссии Перри совершенно несостоятельна. Прибыв летом 1853 г. в Японию, Перри сразу же показал, что намерен применить силу, если переговоры с японским правительством не будут иметь успеха. Суда Перри были изготовлены к бою и стали на якорь в Урага вблизи от Эдо так, чтобы иметь возможность обстреливать японские форты. Инструкции, полученные Перри, уполномочивали его применить любые средства для того, чтобы навязать Японии заключение договора с США. Предъявив свои требования, Перри отбыл из Японии, чтобы дать правительству сёгуна время на размышление. В феврале 1854 г. он со своей эскадрой снова явился к берегам Японии и подошел к Урага. Японское правительство собрало значительное войско, но оно было вооружено примитивным оружием и не могло противостоять

кораблям Перри, располагавшим более чем 250 орудиями. Перри поручил переговоры с местным губернатором своим офицерам и потребовал присылки уполномоченных от японского правительства для принятия письма от президента США. Грозя войной, Перри предупредил японское правительство, что если на письмо не будет дан подобающий ответ, то он сочтет «свою страну оскорбленной и не будет нести ответственности за последствия» [1]. Вручение письма японским уполномоченным принцу Идзо и Ивами состоялось в торжественной обстановке на берегу, куда Перри прибыл с вооруженным эскортом и свитою.

Перри принудил японское правительство согласиться на ведение переговоров не в Нагасаки, а в бухте Эдо, невдалеке от столицы. Японские уполномоченные Хаяси, Идзо и другие прибыли на больших разукрашенных джонках к месту переговоров, избранному возле городка Канагава, где для этой цели было сооружено специальное помещение. Перри высадился на берег с многочисленным эскортом при полном вооружении, со свитой в парадной форме и в сопровождении оркестра.

Переговоры сопровождались обменом подарками и любезностями, но главная цель Перри заключалась в том, чтобы произвести подавляющее впечатление на японских уполномоченных силою своей эскадры и готовностью открыть огонь в случае малейшей неуступчивости. По словам японского уполномоченного Хаяси, Перри заявил, что «готов немедленно начать войну», и стоит ему сказать слово, как в течение двадцати дней он будет иметь под своим командованием сто военных кораблей. «Наша страна, заявил Перри, только что вела войну с соседней страной Мексикой и мы даже заняли ее столицу. Обстоятельства могут привести и вашу страну в подобное положение. Для вас было бы лучше обдумать это» [2]. Японских уполномоченных и японскую нацию вообще Перри считал сборищем лгунов и дикарей, с которыми следует действовать при помощи угроз и насилия.

Японское правительство учитывало свою военно-техническую слабость и боялось, что в случае войны, подобной той, которую в 1839—1842 гг. испытал Китай, ему придется пойти на еще более серьезные уступки. Можно было не сомневаться в том, что Англия поддержит требования США. Требования Перри были приняты, и 31 марта 1854 г. состоялось подписание Канагавского договора, предоставлявшего американским

---

[1] *F. L. Hawks,* Narrative of the expedition of an american squadron to the China seas and Japan performed in the years 1852, 1853 and 1854 under the command of Commodore M. C. Perry, N. Y., 1857, p. 282.

[2] Diary of an official of the Bakufu (The Transactions of the Asiatic Society of Japan. Second series, VII; Tokyo, 1930, p. 104).

судам право снабжаться углем и провиантом в гаванях Симода и Хакодате. Команды этих судов оставались под американской юрисдикцией и в случае совершения на берегу каких-либо преступных действий американцы подлежали ответственности по «справедливым законам», под которыми подразумевались законы США. Договор обеспечивал за Соединенными Штатами права наиболее благоприятствуемой нации. Экспедиция Перри положила начало принудительному вовлечению Японии в мировой товарооборот посредством закабаления ее неравноправными договорами. Перри полагал, что в дальнейшем Япония станет зависимой от США страной, опираясь на которую они смогут действовать против Англии, России и других европейских держав и вести активную политику в Китае.

Заключение англо-японской конвенции 1854 г.

Вслед за США неравноправный договор был навязан Японии Англией. Британские капиталисты были заинтересованы в эксплуатации японского народа, в получении прибылей от открытия японского рынка для своих товаров, а также и морских портов для военных кораблей. К берегам Японии прибыла эскадра английского адмирала Стерлинга с целью распространить на Англию все выгоды японо-американского договора. Имелось также в виду использовать Японию как базу для военных действий против царской России в связи с Крымской войной и в частности для захвата русских военных и торговых судов на Тихом океане. 14 октября Стерлинг заключил конвенцию с Японией, которую он рассматривал прежде всего с военной точки зрения. Оценивая эту конвенцию, Стерлинг писал, что в результате ее подписания «в истекшее лето порты и ресурсы Японии были в распоряжении наших крейсеров для ремонта, снабжения и коммуникаций, и в этом отношении Япония оказалась не менее полезна для нас, чем была бы на ее месте британская колония». Однако Стерлингу не удалось включить в конвенцию условие, разрешавшее британскому флоту нападать на русские корабли непосредственно в японских портах. Это требование было отвергнуто сёгунским правительством.

Миссия Путятина в Японию

Развитие иностранного судоходства и соперничество капиталистических стран в северо-западной части Тихого океана показали царскому правительству, что Япония уже не сможет остаться изолированной страной и вынуждена будет заключить неравноправные договоры. Военно-морские экспедиции Соединенных Штатов и Англии могли привести к установлению в Японии преобладающего влияния США и западноевропейских морских держав. Это обстоятельство требовало срочных мер по урегулированию взаимоотношений с Японией.

Царское правительство решило послать в Японию экспедицию под командованием контр-адмирала Путятина с целью установления торговых и дипломатических отношений с Японией и обеспечения в этой стране прав наиболее благоприятствуемой нации для русских подданных на тот случай, если будет заключен неравноправный договор между Японией и США. Предусматривалось, что открытие торговли с Японией обеспечит снабжение продовольствием русских поселений на Камчатке и в Америке, а появление русского флота на Дальнем Востоке «пришугнет» иностранных китобоев, бесцеремонно хозяйничавших в русских территориальных водах. В задачу Путятина входило также договорное оформление границ между обоими государствами, так как Япония была близким соседом России и развитие судоходства вблизи Сахалина и Курильских островов вызывало потребность в установлении точной границы между русскими и японскими островами. Путятину было указано, что цель его миссии «миролюбная» и чтобы он «воздерживался от всяких неприязненных в отношении к японцам действий, стараясь достигнуть желаемого единственно путем переговоров мирными средствами».

Экспедиция Путятина отправилась на фрегате «Паллада» с сопровождающими его судами и прибыла в Японию летом 1853 г. уже после первого появления Перри. В Нагасаки Путятин вручил губернатору письмо от канцлера Нессельроде в «Японский Верховный Совет». Когда губернатор заявил, что «скорого ответа» получить нельзя, русский адмирал сказал, что в таком случае он пойдет прямо в Эдо. Японские чиновники стояли на своем, Путятину пришлось временно отплыть в Шанхай, чтобы собрать сведения о турецких делах и не оказаться застигнутым врасплох, если бы вспыхнула война Англии и Франции с Россией. Только осенью 1854 г., когда Путятин вернулся в Нагасаки и выдвинул вопрос о границах, японское правительство прислало своих уполномоченных Кавадзи и Цуцуи для переговоров. Взаимные визиты Путятина и уполномоченных сопровождались сложными церемониями. Вопросу о выработке церемониала свиданий и переговоров Путятин уделял большое внимание, и в частности выговорил условие, чтобы русские могли сидеть не на полу, как было в обычае у японцев, а в креслах.

Свой первый визит к японским уполномоченным Путятин описывает следующим образом: «Для отличия визита моего к полномочным от посещения к губернатору, который гораздо ниже их значением, я поехал к первым в сопровождении двойного против прежнего караула, состоявшего из 50 человек, кроме музыкантов, и почти со всеми военными и находящимися при мне гражданскими лицами, исключая оставшихся на

судах по обязанностям службы, всего около 30 человек. Мы ехали на девяти шлюпках, которые растянулись почти на милю. Впереди ехал в гичке офицер, назначенный для размещения караула и музыкантов на берегу, потом баркас с караулом, за ним катер с музыкантами, следующий со служителями, которые несли наши стулья, далее я со свитою, и в остальных шлюпках офицеры с других судов отряда. Едва мы отвалили от борта и флаг перенесен был на катер, как фрегат расцветился флагами, люди стали на реях и проводили нас троекратным ура. С фрегата и корвета сделано было положенное число пушечных выстрелов» [1]. Прибытие на фрегат японских уполномоченных сопровождалось той же церемонией.

Путятин писал, что тактика проволочек без прямого отказа, применявшаяся японцами, «может служить образчиком японской дипломации и вообще выражением хитрого ума и изворотливого характера» [2]. Японские полномочные задерживали переговоры под предлогом бесконечного обмена визитами вежливости, любезностями и подарками. Они ссылались на то, что траур после недавней смерти сёгуна Иеёси не дает возможности вести переговоры и что рассмотрение вопросов о торговле и границах потребует много времени для собирания разных сведений. Японские уполномоченные рассчитывали противопоставить Россию Соединенным Штатам и западноевропейским державам и говорили Путятину, что они будут рассматривать Россию как «защиту против других стран» для Японии. Путятин обещал, что в случае насилий со стороны других стран в отношении Японии он окажет ей поддержку «советом» и «посредничеством». Дипломатическое искусство японских уполномоченных Путятин расценивал в общем высоко и особенно отмечал, что второй из них, Кавадзи, «бойким и здравым умом и искусной диалектикой был бы замечательным лицом во всяком европейском обществе».

Путятин был любезен и терпелив, не прибегал к угрозам, но сумел заранее заручиться обещанием, что Россия получит права наиболее благоприятствуемой нации в Японии. Не имея возможности ускорить переговоры, он решил выжидать исхода экспедиции Перри и прежде всего позаботиться о том, чтобы в связи с началом Крымской войны избежать нападения английского и французского флота на русские суда. Для этого Путятину пришлось на время покинуть японские порты. Фрегат «Паллада» был отведен к русскому побережью и разоружен, а Путятин перешел на более прочный фрегат «Диана»

---

[1] Донесение Путятина от 2 февраля 1854 г. Архив внешней политики России, фонд Гл. арх., 1—9, 1852—1856, дело № 17, ч. 2, л. 98—106.

[2] АВПР фонд Гл. арх., 1—9, 1852—1856, № 17, ч. 2, л. 317—330, 371.

и только в 1854 г. возобновил переговоры с японскими уполномоченными в г. Симода. Но через три дня после этого город Симода внезапно был разрушен и частью смыт морским валом в результате подводного землетрясения, а фрегат «Диана» получил серьезные повреждения и вскоре был выброшен штормом на камни. Команда «Дианы» перебралась на берег в селение Хэда, а Путятин снова прибыл в Симоду для продолжения переговоров. 7 февраля 1855 г. Путятин подписал с японскими уполномоченными первый русско-японский договор, а затем вернулся в селение Хэда, где русские моряки построили шхуну, на которой Путятин и отплыл в Петропавловск-на-Камчатке. 52 орудия фрегата «Диана» были подарены японскому правительству.

Своими переговорами Путятин достиг заключения договора, открывавшего для торговли три японских порта — Хакодате, Симода и Нагасаки и дававшего России права наиболее благоприятствуемой нации. Привилегия экстерриториальности предоставлялась взаимно на началах равноправия подданным обеих стран. Однако стесненное положение России во время Крымской войны и ее военная неподготовленность на Тихом океане были использованы японскими уполномоченными, чтобы добиться в договоре объявления острова Сахалин «неразделенным между Россией и Японией», хотя Япония не имела на него никаких прав, и фактически он в соответствии с исторически сложившимся положением находился под контролем России. Путятин и сам не проявил в этом вопросе достаточной твердости.

Переговоры между японскими уполномоченными с Путятиным велись в общем в благожелательном тоне, а мужественное поведение русских моряков после катастрофы в Симода вызвали к ним большое уважение со стороны японцев, вообще смотревших на иностранцев как на «варваров». В отличие от представителей США и Англии Путятин действовал, не оказывая давления на Японию вооруженной силой.

2. Дипломатия на Дальнем Востоке во время второй опиумной войны 1856—1858 гг.

Вопрос о пересмотре неравноправных договоров с Китаем в 1853—1854 гг.

Иностранные капиталисты не удовлетворились неравноправными договорами, навязанными Китаю в 1842—1844 гг. Они не соблюдали условленный таможенный тариф и расширяли контрабандную торговлю опиумом, используя продажность цинских чиновников. Консулы США поощряли контрабанду под американским флагом, а британские консулы отстранились от надзора за дейст-

вниями английских купцов под предлогом борьбы с американской конкуренцией. Гонконг нередко служил прибежищем и для китайских контрабандистов и пиратских джонок, нападавших на китайские торговые суда. Многие мелкие суда китайских контрабандистов регистрировались в Гонконге и поднимали английский флаг, чтобы облегчить свой промысел.

Британские и другие иностранные купцы добивались снижения таможенного тарифа и свободного доступа не только в пункты, расположенные в непосредственной близости от г. Гуанчжоу (Кантона), но и в самый город, заявляя, что английский текст Нанкинского договора 1842 г. дает им на это право. Но цинское правительство опиралось на китайский текст Нанкинского договора, согласно которому иностранные купцы могли проживать только в гаванях и возле якорных стоянок в пяти открытых портах. Товары под иностранным флагом выгружались в Хуаппу и оттуда на джонках подвозились в г. Гуанчжоу. Цинские власти не допускали иностранных купцов в город. Кроме того, всякие попытки иностранных колонизаторов проникнуть в самый город вызывали сопротивление населения, встречавшего их камнями и требовавшего их изгнания.

Чтобы вырвать у цинских властей новые уступки, буржуазные колонизаторы прибегали к угрозам и насилиям. В апреле 1847 г. команда губернатора Гонконга Дэвиса численностью в 900 человек захватила форты Хумыня, заклепала их медные и деревянные пушки. Новый губернатор Гонконга Бонгем и британский консул Олкок советовали английскому правительству потребовать открытия для иностранных купцов реки Янцзы и Большого канала. Уже в 1850—1854 гг. британское правительство замышляло новую войну на Дальнем Востоке. В сентябре 1850 г. Пальмерстон писал, что скоро Китаю будет нанесен удар посредством оккупации важнейших пунктов по нижнему течению р. Янцзы и захвата коммуникаций по Большому каналу. Китайцы, цинично писал он, «должны не только видеть палку, но и ощутить ее на своей спине, прежде чем они уступят тому единственному аргументу, который способен их убедить, — аргументу дубины (argumentum baculinum)». Грубо нарушая договоры с Китаем, Пальмерстон в 1851 г. предписал британским консулам не мешать контрабандной торговле английских купцов в этой стране.

В 1853 г. британское правительство официально потребовало от Китая пересмотра неравноправного договора 1842 г. Формально предлогом для этого незаконного требования было то, что французские и американские договоры 1844 г. с Китаем допускали возможность пересмотра их через 12 лет. Ссылаясь на права наиболее благоприятствуемой нации, британский кабинет требовал этого пересмотра в 1854 г., в 12-ю годовщину

подписания Нанкинского договора 1842 г. Британское министерство иностранных дел отлично знало, что договоры 1844 г. имели в виду лишь возможность пересмотра их через 12 лет и не делали его обязательным для Китая, но инструкция новому губернатору Гонконга Боурингу указывала, что он имеет право требовать этого пересмотра именно в 1854 г. Французское и американское правительства присоединились к этим домогательствам. Цинское правительство ответило отказом. Тем временем Крымская война отвлекла на время Англию и Францию от нового нападения на Китай.

Британская дипломатия во время второй англо-бирманской войны 1852—1853 гг. Неравноправные договоры с Сиамом (Таи) в 1855—1856 гг.

Западные державы не довольствовались требованием новых уступок от Китая — они стремились закабалить и страны Юго-Восточной Азии. Когда завоевание Индии было закончено, алчные взоры британских колонизаторов вновь обратились к Бирме, правительство которой упорно отстаивало свою самостоятельность и не поощряло торговлю с английскими купцами. Британские резиденты в столице Бирмы не пользовались влиянием и часто сменялись. При дворе от них требовалось выполнение стеснительных правил этикета королевской аудиенции: им приходилось, сняв предварительно башмаки, становиться на колени и сидеть на пятках. На это британские резиденты обычно не соглашались и были недовольны тем, что бирманское правительство рассматривало их не как представителей Англии, а как простых иностранных чиновников.

Штрафы и аресты, наложенные бирманскими властями на капитанов английских торговых судов, послужили предлогом для нападения Ост-Индской компании на богатые рисом области Нижней Бирмы с их удобными гаванями. В 1852 г. войска компании захватили Рангун и Пегу. Занятые области были немедленно аннексированы. 20 декабря 1852 г. генерал-губернатор компании издал прокламацию о новой границе, отрезавшей Бирму от выходов к морю. Мирный договор так и не был подписан. Народ Бирмы не покорился захватчикам, и против англичан поднялось мощное партизанское движение, продолжавшееся десятки лет. Отвага бирманских войск и партизан получила широкую известность. Русский революционный демократ Н. А. Добролюбов высоко ценил воинскую доблесть бирманцев.

Не ограничиваясь Бирмой, британские колонизаторы проникают в Таи (Сиам). В апреле 1855 г. Сиаму был навязан неравноправный договор с Англией. Заключение этого договора подталкивало французское правительство к аналогичным действиям. В то время Наполеон III подготовлял нападение на Южный Вьетнам и с крайней подозрительностью следил за

британской активностью в Бирме и Сиаме. В августе 1855 г. французский офицер Монтиньи заключил неравноправный договор с Сиамом. Попытки посредством угроз склонить к подобному же соглашению вьетнамское правительство окончились провалом.

Богатства Индо-Китайского полуострова рассматривались европейскими колонизаторами как лакомая добыча, но закабаление Китая оставалось их главной целью на востоке Азии.

Дипломатия капиталистических держав и начало крестьянской войны в Китае. Учреждение иностранной инспекции морской таможни в Шанхае (1854 г.)

С начала 50-х годов обстановка в Китае осложнилась развитием грандиозного восстания тайпинов и других крестьянских восстаний. Вторжение иностранного капитала и закабаление Китая содействовали углублению внутреннего кризиса феодального строя и подъему этих восстаний. Ввоз опиума способствовал утечке за границу серебра и повышению его курса, что вело к фактическому увеличению налогового бремени крестьян и ремесленников, подати которых исчислялись в серебре. В 50—60-х годах «непоколебимая Срединная империя пережила социальный кризис» [1].

Стремление к новым захватам и дальнейшему закабалению Китая неравноправными договорами определило отношение иностранных колонизаторов к тайпинам. Вначале часть английских и американских протестантских миссионеров в Китае надеялась использовать влияние христианства на учение тайпинов. Они стремились получить от тайпинов более крупные торговые уступки, чем от цинского правительства. Переводчик британского консульства в Шанхае Мидоуз писал, что если победа тайпинов обеспечит полное открытие страны для иностранных купцов и миссионеров, то с повстанцами можно вступить в соглашение, если же тайпины отвергнут неравноправные договоры, то надо будет прибегнуть к вооруженной интервенции для подавления этого восстания. За интервенцию против повстанцев высказывались британские губернаторы Гонконга Бонгем и Боуринг и американский комиссар в Китае Мак Лэйн, предлагавшие цинским властям помощь против повстанцев взамен новых торговых уступок. Французские католические миссионеры и посланник в Китае Бурбулон с самого начала стояли за участие в подавлении восстания.

Для разведки английские и американские консульские чиновники, а также английский и французский посланники на военных судах поднимались по р. Янцзы к Нанкину и пытались вести переговоры с тайпинами. Но повстанцы показали

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 7, изд. 2, стр. 233.

себя подлинными защитниками независимости своей страны и отнюдь не проявляли желания идти навстречу требованиям иностранных колонизаторов. Уже в 1854 г. отряды французской, английской и американской морской пехоты вступили в столкновение с повстанцами из общества «малых мечей» возле Шанхая и оттеснили их от города. В том же году английский, французский и американский консулы добились от шанхайского даотая подписания соглашения об учреждении в Шанхае иностранной инспекции морской таможни. За это консулы обещали обеспечить уплату недоимок по сбору пошлин с английских и американских купцов и назначили для этой цели трех комиссаров. Однако, как только иностранная инспекция шанхайской морской таможни была создана, британское правительство объявило недействительными обязательства своих консулов об уплате английскими купцами недоимок по пошлинам.

Дипломатическая подготовка второй опиумной войны 1856—1858 гг.

Поражение царской России в Крымской войне развязало Англии и Франции руки для новых колониальных войн против Китая. Английские капиталисты и правительство пытались узаконить ввоз в Китай опиума и получить от Китая новые торговые уступки. Более того — они желали подчинить его политическому контролю Англии.

Французская буржуазия также стремилась к дальнейшему проникновению на китайский рынок, расширению закупок в Китае шелка-сырца и сбыта своих товаров. Правительство Наполеона III строило планы захвата морских баз у берегов Вьетнама и Китая и намеревалось действовать против Китая совместно с Англией. В этом случае Англия не могла бы помешать французским захватам во Вьетнаме, так как британское правительство само нуждалось во французских войсках для войны в Китае. В качестве предлога для вооруженной экспедиции против Китая французское правительство использовало слухи о казни французского миссионера Шапделена в провинции Гуанси. В начале декабря 1856 г. между Англией и Францией было достигнуто соглашение о совместных действиях против Китая с целью обеспечить пересмотр неравноправных договоров, получение «компенсации» за казнь Шапделена, а после этого навязать новые неравноправные договоры также и Японии.

Следствием этого дипломатического соглашения явилась провокация, предпринятая британским губернатором Гонконга Боурингом и консулом в Кантоне Парксом, чтобы развязать войну с Китаем. Под предлогом защиты «чести» и «национального достоинства» Англии Боуринг затеял конфликт с китайскими властями по поводу ареста ими пиратов и контрабан-

дистов на борту судна «Эрроу», имевшего свидетельство на плавание под британским флагом. Свидетельство это оказалось давно просроченным, и судно было задержано в китайских водах на р. Жемчужной (Чжуцзян). Британский флаг не поднимался на судне в течение нескольких дней до этого происшествия, но, несмотря на законность действий китайских властей, Боуринг и Паркс обвинили их в «оскорблении британского флага». Паркс, со слов капитана «Эрроу», уверял, будто китайские солдаты сорвали и разорвали в клочки британский флаг, хотя в действительности никакого флага они не видели [1]. Маркс писал, что шумиха, поднятая британской печатью по поводу этого инцидента, была лицемерной и нелепой: китайские власти поступили так же, как «несомненно поступила бы и наша портовая полиция, узнав, что речных воров и контрабандистов скрывают поблизости на каком-то отечественном или иностранном судне» [2]. Именно европейские колонизаторы, а не китайцы нарушали все нормы международного права незаконной торговлей опиума, подкупом низших чиновников в Китае, похищением и перевозкой кули, которых они обращали в полурабское состояние в странах Латинской Америки. Несмотря на законность действий китайских властей, английская эскадра контр-адмирала Сеймура в октябре 1856 г. бомбардировала Кантон. Целые кварталы города были сожжены. Английский десант разграбил дворец наместника.

После 1848 г. в европейской общественности уже стал громче слышен голос рабочего класса. Маркс и Энгельс в своих статьях с беспощадным сарказмом обличали провокационные действия британской дипломатии и флота в Китае и отмечали, что нападение на Кантон есть по существу морской разбой гигантских размеров.

Захват Кантона в 1857 г. англо-французским флотом сопровождался еще большими разрушениями, грабежами и зверствами в отношении мирных жителей.

Англия была ведущей силой в войне с Китаем. Чрезвычайным и полномочным послом Англии в Китае был назначен граф Элгин — типичный представитель британской дипломатии на Востоке. Высокомерный и надменный, воинственный и тщеславный Элгин, по словам знавшего его русского посланника в Китае графа Н. П. Игнатьева, воплощал в себе «учтивую жестокость» и «самоуверенность», и был полон «холодного презрения ко всему остальному человечеству». Элгин охотно при-

---

[1] Доклад кантонского наместника Е Мин-шеня от 17 января 1858 г., документ 224. *E. Swisher*, China's Management of the American barbarians. A Study of Sino-American relations 1841—1861. With Dokuments; New Haven, 1953.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 12, изд. 2, стр. 168.

слушивался к советам Паркса, который считал, что надо прежде всего запугать китайцев, и невыносимо грубо обращался с ними.

Вначале Элгин рассчитывал на быстрое окончание войны, но мощное народное восстание в Индии вынудило его вернуть туда часть войск, направленных было в Китай. Партизанская война против иностранных захватчиков в окрестностях Кантона также затрудняла их операции. Элгин был недоволен притязаниями французского правительства на морскую базу у берегов Китая и его завоевательными планами в Южном Вьетнаме. Он с недоверием относился к французскому чрезвычайному уполномоченному в Китае барону Гро и к дипломатическим представителям США и России, прибывшим в Китай для заключения новых неравноправных договоров.

Ангунский договор 28 мая 1858 г. между Россией и Китаем

Во время второй опиумной войны посредством дипломатических переговоров был разрешен вопрос о возвращении царской России левого берега р. Амура. Постепенное заселение Восточной Сибири русскими крестьянами, казаками и ремесленниками, рост золотопромышленности и торговли этого края усиливали стремление к обеспечению водного пути по Амуру к океану и присоединению Приамурья к России. Долгое время царское правительство, занятое подавлением революционного движения в Европе и своей политикой на Ближнем Востоке, пренебрегало амурским вопросом. Наиболее реакционные сановники, как, например, канцлер Нессельроде, в 40-х годах считали мысль о занятии Приамурья и об открытии плавания по Амуру чем-то даже не вполне «благонадежным», опасаясь, что это плавание откроет «окно» политическим ссыльным, находившимся в Восточной Сибири, «для бегства по Амуру в Восточный океан» [1].

В 1849 г. экспедиция под начальством Г. Невельского на транспорте «Байкал» доказала доступность входа в Амур для морских кораблей и выяснила, что Сахалин является не полуостровом, как думали ранее, а островом, отделенным от материка судоходным проливом. Вопрос о Приамурье и Сахалине стал особенно важным для царского правительства в осложнившейся международной обстановке во время опиумных войн и обострения противоречий России с Англией и Францией на Ближнем Востоке. Царское правительство было также очень озабочено хозяйничаньем американских китобоев в Охотском море. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев неустанно доносил в Петербург об угрозе проникновения вверх

[1] *И. Барсуков,* Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, М., 1891, кн. 1, стр. 669—670.

по Амуру и на о. Сахалин английских, французских и американских военных и торговых судов.

На левом берегу Амура совсем не было китайцев. Изредка наезжавшие маньчжурские купцы эксплуатировали народы левого берега Амура, не связанные с китайским народом. Нивхи и ольчи в низовьях Амура не платили дань цинскому правительству. В 1850 г. Невельской основал на Амуре пост Николаевск и поднял там русский флаг. В 1853 г. был восстановлен русский военный пост на Сахалине, а во время Крымской войны вниз по Амуру были отправлены три отряда русских войск с оружием и снаряжением. Н. Н. Муравьеву еще в 1854 г. были даны полномочия для переговоров с Китаем о присоединении к России Приамурья. Разработанная при его участии инструкция предусматривала необходимость в случае ожидавшегося в то время на Западе распада Цинской империи не допускать утверждения постороннего и враждебного России влияния в сопредельных с Россией Монголии, Дунбэе (Маньчжурии) и Корее. Муравьев добивался от цинского правительства признания принадлежности левого берега Амура России.

Британские дипломатические и консульские чиновники в Китае еще до второй опиумной войны тщетно пытались сорвать эти переговоры. Чиновник одного из английских консульств в Китае Мидоуз призывал правительства Англии, Франции и США немедленно открыть навигацию по Амуру «независимо от того, будет ли на это предоставлено право или нет» [1]. Эти планы выдвигались под флагом «защиты» Китая от России в то время, когда Англия и Франция готовились ко второй опиумной войне и старались отвлечь внимание Китая на север, обострив его отношения с Россией. Французский представитель в Китае Курси, чтобы уронить престиж России, послал китайскому правительству копию Парижского трактата 1856 г.

Вторая опиумная война и стремление цинского правительства сосредоточить свои силы на подавлении тайпинского восстания ускорили его решение урегулировать дипломатическим путем отношения с Россией. Цинское правительство в известной степени рассматривало Россию как противовес Англии и Франции. 28(16) мая 1858 г. в г. Айгуне Муравьев и цинский уполномоченный князь И Шань подписали договор, по которому Приамурье признавалось принадлежащим России, а земли от р. Уссури до моря считались неразделенными и оставались «как ныне» в общем владении России и Китая. Договор закрывал доступ английским, французским и американским судам в реки Амур, Сунгари и Уссури и устанавливал, что по этим

[1] *T. Meadows*, The Chinese and their rebellion, London, 1856, p. 473—474, 479—481.

рекам могут плавать только русские и китайские суда, «всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно». В преамбуле договора было сказано, что он заключен обоими государствами «по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев» [1].

Дипломатия цинского правительства и тяньцзиньские договоры 1858 г.

После заключения Айгунского договора цинскому правительству предстояло вести мирные переговоры с Англией и Францией. Цинский двор опасался того, что новые уступки западным державам покажут всей стране его полное бессилие. С одной стороны, он хотел скорее закончить войну, чтобы развязать себе руки для действий против тайпинов, а с другой стороны, боялся окончательно подорвать свой престиж в стране согласием на новые требования западных держав.

Главные надежды цинский двор возлагал на свой старый принцип — обуздывать одних «варваров», или иностранцев, с помощью других. Кантонский наместник Е Мин-шень доносил в Пекин, что хотя Англия, Франция и США и держатся вместе, «как стая волков», но между ними есть разногласия, а кроме того, англичане заняты подавлением восстания в Индии, и война в Китае не пользуется популярностью в самой Англии. Для похода на Пекин в 1858 г. у союзников явно недоставало сил. Сторонники войны среди правящей бюрократической верхушки Китая во главе с императором И Чжу надеялись использовать эти обстоятельства и не спешили с уступками. Только весной 1858 г., когда английские и французские корабли с десантными войсками двинулись на север, разрушили ряд фортов у селения Дагу и поднялись к Тяньцзиню, цинский двор стал прислушиваться к мнению нанкинского наместника Ху Гуй-цина и других сановников, не советовавших продолжать войну. Главные аргументы Ху Гуй-цина, как и других сторонников скорейшего мира, сводились к следующему: во-первых, трудно разъединить иностранные державы, так как их связывает между собою принцип наиболее благоприятствуемой нации, и то, что получает одна из них, получают затем и другие; во-вторых, Ху Гуй-цин прямо писал ко двору, что «в случае нового конфликта на побережье внутренние мятежи и внешние бедствия вместе обрушатся на нас, и как мы тогда справимся с ними?» [2].

В Тяньцзинь прибыли не только уполномоченные союзников, но и посланники США и России — У. Рид и Е. Путятин, через

[1] См. сборник «Русско-китайские отношения 1689—1916», М. 1958, стр. 29.

[2] Доклад Ху Гуй цина от 15 апреля 1858 г. *E. Swisher*, op. cit., документы №№ 272, 411.

которых союзники передали цинскому правительству предложения начать мирные переговоры в Тяньцзине с последующим приемом иностранных представителей в Пекине для ратификации богдыханом новых договоров. Цинское правительство соглашалось предоставить Англии и Франции новые торговые привилегии, но надеялось, что в ходе переговоров ему удастся не допустить постоянного пребывания в Пекине их дипломатических представителей. Оно считало, что такая уступка окончательно подорвала бы престиж цинской династии в народе. Пекинский двор рассчитывал воспользоваться тем, что Россия и США не желали постоянного пребывания английского и французского резидентов в Пекине, а французский посланник проявлял в этом вопросе колебания, опасаясь, что Англия одна захватит в свои руки контроль над цинским правительством.

Подготовка к переговорам сопровождалась ожесточенной борьбой за политическое влияние внутри правящей маньчжурской придворной клики. Наиболее видным сторонником широкой программы новых уступок иностранным колонизаторам был Ци Ин, заключивший неравноправные договоры 1842—1844 гг. Но в 50-е годы выросло влияние молочного брата императора, еще совсем молодого, но коварного и жестокого князя Гуна (И Синя), ставшего главой совета сановников, готовившего указы по делам внешней политики. Гун был на деле и сам склонен к широким уступкам союзникам, но, ведя борьбу за власть, делал вид сторонника твердой политики, порицал позицию Ци Ина и старался его скомпрометировать. Император назначил Ци Ина уполномоченным по ведению дел с «варварами» и дал ему широкие полномочия, чтобы свалить на него ответственность за уступки. Но Элгин и Гро не захотели иметь дело с Ци Ином, заявив, что он составлял оскорбительные в отношении иностранцев доклады, захваченные англо-французскими войсками в Кантоне. Тогда полномочия на подписание мирных договоров были даны сторонникам Гуна, — Гуй Ляну и Хуа Шан-а. Растерявшийся Ци Ин без императорского разрешения выехал из Тяньцзиня, чем немедленно воспользовались его противники. За ослушание Ци Ин был приговорен судом под председательством Гуна к смерти. Получив императорское повеление лишить себя жизни, Ци Ин удавился.

Тактика пекинского двора заключалась в том, чтобы вести переговоры с каждым из иностранных посланников отдельно и воспользоваться разногласиями между ними. С этой целью императорский эдикт от 8 апреля 1858 г. предписывал более вежливо обращаться с русскими и американскими представителями, чем с посланниками союзников.

Прежде всего цинское правительство решило завершить переговоры с Путятиным, прибывшим в Китай для того, чтобы

обеспечить распространение на Россию прав наиболее благоприятствуемой нации в отношении торговли в морских портах Китая и для урегулирования вопроса о границах обеих империй. Царское правительство стремилось использовать затруднения цинской династии, вызванные действиями Англии и Франции и внутренним положением в Китае, чтобы дипломатическим путем разрешить вопрос о границе в Приамурье и о морской торговле с Китаем. В то же время противоречия между Россией и западноевропейскими государствами и заинтересованность в мире с Китаем побуждали царскую Россию противодействовать усилению влияния этих государств в Пекине. Царское правительство боялось, что Англия и Франция, в случае, если бы им удалось подчинить себе Китай, стали бы подстрекать его против России и осложнять ее положение на Дальнем Востоке.

В отношении тайпинского восстания Путятину было предписано «не вмешиваться в сии внутренние дела Китая». Русский представитель советовал цинским сановникам не соглашаться на пребывание в Пекине английского посланника. С разрешения петербургского правительства он предложил прислать в Китай русских военных инструкторов и оружие, чтобы Китай мог усилить свои войска и при помощи их «сдерживать стремление к насилиям со стороны других государств» [1]. Путятин держался того мнения, что Элгин хочет сделать из Китая «новую Индию» и что России следует сопротивляться этому «до последней крайности», даже если бы дело дошло до европейской войны. Он советовал цинскому правительству не принимать вооруженной помощи против тайпинов от Англии и Франции, опасаясь, что помощь эта превратит пекинский двор в орудие их политики.

Цинские уполномоченные Гуй Лян и Хуа Шан-а отказались вести с Путятиным переговоры о границах, но поторопились 13(1) июня 1858 г. заключить с ним Тяньцзиньский русско-китайский договор, предусматривавший только возможность временного пребывания русских посланников в китайской столице, равенство в дипломатической переписке и предоставление русским купцам права торговли в открытых портах Китая. За Россией обеспечивались в Китае права наиболее благоприятствуемой нации. Однако фактически русская буржуазия в силу своей экономической слабости могла извлечь из этих усту-

[1] Выписка из депеши Путятина от 6 июля (24 июня) 1858 г. Центр. госуд. военно-исторический архив, фонд 38, опись 31/287, 1858—1860, св. 888, № 4-б, л. 8—21. Царское правительство отправило в Китай 10 000 ружей и по морю 50 орудий. Но инструкторы не были пропущены в Китай, а после тяньцзиньских договоров 1858 г. цинское правительство отказалось от предложенного Россией оружия.

пок Китая гораздо меньше выгод, чем европейские и американские капиталисты.

Чтобы ослабить позиции Элгина, Путятин старался сблизиться с американским и французским посланниками и советовал барону Гро не требовать «слишком больших уступок» от «так сильно потрясенного» пекинского правительства, чтобы избежать его падения и победы повстанцев. Барон Гро заверил Путятина в своей полной солидарности с ним в этом вопросе. Доводить дело до падения Цинской династии не решался впрочем и граф Элгин.

18 июня уполномоченные пекинского двора поспешили заключить неравноправный договор также и с американским посланником Ридом. Во время войны США занимали формально нейтральную, но фактически враждебную Китаю позицию. Дипломатические представители США в Китае и государственный департамент выдвигали разные проекты захвата морской базы в китайских водах. Американская канонерка в 1856 г. обстреляла и разрушила один из фортов на подступах к Кантону. В 1857 г. президент США Бьюкенен объявил агрессивные действия Англии и Франции «справедливыми и благоприятными» [1]. Но соперничество с Англией побуждало США всячески препятствовать установлению ее преобладающего влияния в Китае. Рид высказался против английских проектов перенесения китайской столицы в Нанкин, доступный для английских военных кораблей, и не настаивал на предоставлении иностранным посланникам права постоянного пребывания в Пекине. В остальном Рид, однако, поддерживал требования союзников.

Расчеты цинского правительства на то, что договоры с Россией и США позволят ему отклонить наиболее нежелательные требования Англии, не оправдались. Прибытие военных подкреплений дало возможность Элгину настоять на своем. В ходе переговоров не только Элгин, но даже и английские чиновники низшего ранга бесцеремонно применяли угрозы. Особенно вызывающе держал себя английский инспектор шанхайской таможни Г. Лэй, принимавший участие в переговорах. Являясь чиновником цинского правительства, он тем не менее яростно защищал английские требования. По словам Элгина, китайские уполномоченные уступили «лишь когда пистолет был приставлен к горлу». Перетрусивший цинский двор гораздо больше боялся тайпинов, чем иностранных колонизаторов.

26 июня 1858 г. был подписан Тяньцзиньский англо-китайский договор, дававший английскому посланнику право постоянного пребывания в Пекине. На следующий день был под-

[1] *Лю Да-нянь*, История американской агрессии в Китае, М., 1953, стр. 31.

писан и договор с Францией. В отличие от англо-китайского трактата этот договор давал французским посланникам лишь право временного пребывания в китайской столице, но это была лишь видимость уступки, так как в силу принципа наиболее благоприятствуемой нации права, полученные Англией, распространялись на Францию и другие государства. По договору с Англией цинское правительство обязалось открыть для иностранной торговли ряд портов на р. Янцзы. Новый таможенный тариф устанавливал пошлины на важнейшие товары всего в 5% от их стоимости. Новые торговые правила формально узаконили ввоз опиума под видом иноземного «лекарства». В дипломатической переписке и официальных документах китайским чиновникам запрещалось называть иностранцев «варварами», «заморскими чертями», «собаками» и т. д.

Заключение тяньцзиньских договоров завершилось 28 июня 1858 г. подписанием общего протокола представителями Англии, Франции, США, России и Китая о том, что четыре державы ставят якобы своей целью «гарантировать» Китай «от последствий его собственной слабости» и во избежание волнений решают при посредстве консулов «оградить» его поселения от злоупотреблений отдельных купцов-«авантюристов» и установят для этого соответствующую систему паспортов. Протокол этот примечателен как официальное выражение сговора европейских держав и цинского правительства против народных масс Китая. Посланники России, Франции и США рассматривали протокол также как одно из средств помешать установлению монопольного господства Англии в Китае и воспрепятствовать замыслам Элгина относительно его расчленения.

Дипломатия сёгунского правительства. Заключение неравноправных договоров с Японией в 1857—1858 гг.

Вторая опиумная война навела большой страх на правительство сёгуна, ожидавшее, что капиталистические государства потребуют новых уступок и от Японии. Пользуясь тем, что Англия и Франция были заняты в Китае, США снова взяли в свои руки инициативу в деле дальнейшего давления на Японию. Осенью 1856 г. генеральный консул США Гаррис прибыл в Симода, потребовал расширения привилегий для иностранцев и стал запугивать японских сановников, уверяя их, что если они сами не пойдут на уступки, то Англия силой заставит их принять гораздо более суровые условия.

Сёгунское правительство старалось разъединить капиталистические державы и ограничиться как можно меньшими уступками. Поэтому оно в июне 1857 г. заключило с Гаррисом конвенцию об удовлетворении ряда претензий США и предоставлении им привилегий консульской юрисдикции. В октябре

того же года подписало торговое соглашение с Голландией и Россией, предъявивших относительно умеренные требования. Но Гаррис совершенно не собирался удовлетвориться распространением условий этих соглашений на США. Прежде всего Гаррис дождался прибытия американского военного судна, что давало ему возможность отправиться в Эдо даже без согласия японских властей, а затем в начале декабря добился аудиенции у сёгуна для передачи ему письма от президента США. В длинной беседе с наиболее влиятельным членом японского «Верховного совета» Гаррис уверял Хота Масайоси, что если японское правительство не заключит договора с США, то Японии не миновать войны с Англией и Францией, захвата ими какого-либо из японских портов и предъявления Японии самых суровых требований, в том числе и предоставления права на ввоз опиума. Гаррис не преминул также пустить в ход измышления о том, что Россия будто бы имеет намерение захватить японский остров Эдзо. Стараясь изобразить США «другом» Японии, он советовал сёгунскому правительству поскорее согласиться на подписание новых договоров [1]. Запугивания Гарриса произвели большое впечатление, так как военное поражение Китая было уже совершенно очевидным, и сёгунское правительство назначило для переговоров с Гаррисом в Эдо своих уполномоченных Иноуе Кионао и Ивасе Таданари. Проект трактата во всех важных пунктах, отвечавший требованиям Гарриса, был подготовлен уже в конце февраля, но подписание его затянулось до лета из-за внутренней борьбы в Японии между сторонниками и противниками немедленного заключения новых неравноправных договоров.

В июне фактическим главой японского правительства стал Ии Наоскэ, получивший звание регента при больном сёгуне Иезада. Под его влиянием сёгунское правительство решило пойти на широкие уступки иностранным, прежде всего американским, колонизаторам, чтобы освободить себе руки для подавления оппозиционного движения и крестьянских восстаний внутри страны. 29 июля 1858 г. был подписан неравноправный японо-американский договор, предусматривавший пребывание американского посланника в Эдо, открытие для иностранной торговли пяти портов, низкий таможенный тариф, привилегию экстерриториальности и возможность вывоза иностранцами золота и серебра из Японии. В силу этого договора «была фактически ограничена экономическая власть Японии в отношении ее внешней торговли. Америка же получила все выгоды» [2].

---

[1] Текст пространного заявления и бесед Гарриса опубликован позднее (Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1879, p. 627—631).

[2] *Сен Катаяма,* Япония и Америка, М., 1925, стр 5.

Вслед за США на основе принципа наиболее благоприятствуемой нации аналогичные договоры заключили и другие государства. 19(7) августа 1858 г. Путятин, вновь прибывший в Японию, заключил в Эдо новый русско-японский договор, в основном ограничивавшийся распространением на Россию преимуществ, полученных уже США. Учитывая, что закабаление Японии Соединенными Штатами и особенно Англией и Францией было невыгодно и даже опасно для России, Путятин советовал японским сановникам сопротивляться новым требованиям Англии и показывать «надлежащую твердость», чтобы не дать английским и американским купцам захватить в свои руки всю внешнюю торговлю Японии и «в особенности строго воспретить англичанам ввоз опиума» [1].

Советы Путятина были весьма своевременными. В Японию с крупными военными кораблями прибыли Элгин и Гро и потребовали от сёгунского правительства немедленного заключения неравноправных договоров. С ними обоими договоры были подписаны в Эдо. Они еще более расширяли привилегии иностранных колонизаторов, но все же Элгину не удалось добиться от японского правительства согласия на ввоз опиума, а Гро потерпел неудачу, настаивая на включении в договор пункта о свободе перехода в католичество для японских подданных. Японские министры опасались широкого проникновения в страну католических миссионеров.

3. Дипломатия на Дальнем Востоке во время третьей опиумной войны 1860 г. и интервенция против тайпинского восстания

Роль английской и французской дипломатии в провоцировании новой войны с Китаем в 1859 г.

После заключения неравноправных договоров с Японией Англия и Франция снова усилили свой натиск на Китай. Англо-французские колонизаторы далеко не были удовлетворены результатами второй опиумной войны. После заключения тяньцзиньских договоров, узаконивших ввоз в Китай опиума, Элгин сделал попытку выяснить, нельзя ли получить те же или еще большие уступки от тайпинов. Элгин имел в виду припугнуть цинское правительство переговорами с тайпинами и даже содействовать расчленению Китайской империи, если бы ему удалось навязать тайпинам неравноправные договоры.

---

[1] Донесение Путятина от 16(4) октября 1858 г. АВПР, фонд Гл. арх., т. 9, 1858, № 16, л. 5—7.

В ноябре 1858 г. он с шестью военными судами прибыл в Нанкин и потребовал от тайпинов легализации торговли опиумом. Однако здесь его ждал отказ.

После этого, 21 ноября английские корабли обстреляли позиции тайпинов у Пукоу. 26 ноября британская эскадра участвовала в действиях цинских войск против Аньцина, занятого повстанцами. Провал надежд на то, что тайпины станут на путь соглашения с иностранными колонизаторами, показал Англии и Франции, что им гораздо легче будет добиться новых уступок от цинского правительства.

Последнее еще сохраняло значительную долю самостоятельности. Чтобы сделать его более покорным и навязать ему новые требования, английский и французский посланники Брюс (брат Элгина) и Бурбулон хотели ускорить размен ратификационными грамотами тяньцзиньских договоров и добивались скорейшего въезда в Пекин, требуя, чтобы их пропустили туда по кратчайшему пути по р. Байхэ в сопровождении сильного отряда военных кораблей и многочисленного вооруженного эскорта.

Цинское правительство надеялось оттянуть прибытие в Пекин английского и французского посланников и не желало раскрывать перед ними всю систему китайских укреплений у Дагу и по р. Байхэ. Император И Чжу надеялся, что при размене ратификаций удастся убедить иностранных посланников не задерживаться в Пекине на длительный срок.

Чтобы избежать прибытия английского и французского посланников в столицу с многочисленным отрядом войск, цинское правительство предложило им следовать в Пекин через Бэйтан с небольшим конвоем и готовилось к их встрече. 18 июня 1859 г. цинские сановники отдали распоряжение о приготовлении помещений для иностранных посланников в восточном предместье Пекина; въезд их в столицу предполагалось обставить, как это было принято для данников Цинской империи.

Но британское и французское правительства во что бы то ни стало хотели добиться въезда своего посланника в Пекин с сильным вооруженным отрядом, или же развязать новую войну против Китая, и потребовать от него дальнейших уступок. С эскадрой из 18 судов со 180 орудиями и готовым к высадке отрядом в 1200 человек Брюс и Бурбулон двинулись на север, желая силой проложить себе дорогу к Пекину по р. Байхэ. Несмотря на предупреждение о том, что якорь должен быть брошен не доходя до бара и устья реки, эскадра двинулась вперед. 25 июня китайские форты у Дагу открыли по ней огонь и нанесли ей значительный урон. Англичане потеряли 3 корабля и 464 человека убитыми и ранеными. Попытка Брюса и Бурбулона прорваться к Пекину не удалась. Корабли союзников

бомбардировали Дагу, но победа осталась за китайцами. Вне себя от ярости Брюс и Бурбулон и буржуазная пресса Англии и Франции обвиняли Китай в нарушении тяньцзиньских договоров. «Дейли телеграф» и другие газеты призывали к походу на Пекин.

Несостоятельность утверждения о том, что Китай нарушил тяньцзиньские договоры 1858 г., была совершенно очевидна для британского министра иностранных дел Росселя. В секретной записке он осуждал поведение Брюса, указывая, что тяньцзиньский договор не предусматривал обязательно пути в Пекин для посланников по р. Байхэ и что внутренние воды закрыты для военных судов других государств в мирное время, а поэтому обвинение китайского правительства в нарушении договора неосновательно. Но официально Россель и британское правительство одобрили действия Брюса под тем предлогом, что 26 июня уже истекал срок обмена ратификационными грамотами и для иного пути в Пекин уже не хватало времени.

К. Маркс в статьях по поводу войны в Китае показал лицемерный и лживый характер обвинений против Китая в нарушении договоров. «Если бы китайцы, — писал К. Маркс, — были обязаны даже допустить в Пекин мирного английского посланника, то они несомненно были правы, сопротивляясь вооруженной экспедиции англичан. Действуя таким образом, они не нарушили договор, но парализовали попытку захвата» [1]. Лишены основания были и утверждения британских газет о том, что Брюс и Бурбулон самолично задумали провокацию у Дагу. В действительности инициаторами ее были Пальмерстон и Элгин. Еще 2 марта 1859 г. Элгин писал контр-адмиралу Сеймуру, что британский посланник должен был отправиться для ратификации договоров в сопровождении «внушительной военной силы», а министр иностранных дел Малмсбери 2 мая 1859 г. одобрил эту идею [2].

Поражение союзного флота у Дагу воодушевило сторонников войны при цинском дворе. Пекинское правительство ратифицировало договоры с США и с Россией и решило добиваться приведения в соответствие с этими трактатами договоров, заключенных в Тяньцзине с Англией и Францией. Поражение англо-французского флота у Дагу произвело огромное впечатление в странах Восточной Азии. В открытых портах Китая начались волнения среди городского населения. Во Вьетнаме усилилось сопротивление французским оккупантам, захватившим в 1859 г. бухту Туран и цитадель Сайгона. В Японии росло недовольство неравноправными договорами.

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XI, ч. II, изд. 1, стр. 262.

[2] Correspondence relative to the Earl of Elgin's special mission, London 1859, p. 483—485.

После поражения у Дагу британское правительство и Наполеон III решили на этот раз направить в Китай более крупные силы, чем в 1858 г., так как восстание в Индии было уже почти подавлено, а в Европе Наполеон III летом 1859 г. заключил перемирие с Австрией. Союзники рассчитывали, что новое поражение вынудит цинское правительство принять новые кабальные условия мира и подчиниться иностранным колонизаторам. Они надеялись также, что занятие Пекина англо-французскими войсками подорвет влияние России в Китае, наведет ужас на правительства и народы Восточной Азии и заставит их покориться иностранным колонизаторам.

Наполеон III считал, что после поражения у Дагу новая война с Китаем является необходимым условием завершения французской завоевательной экспедиции во Вьетнаме и поддержания «престижа» Второй империи на Дальнем Востоке. Английское и французское правительства видели в новой войне с Китаем средство закрепления системы неравноправных договоров, навязанных Китаю и Японии. Официальные мотивы новой войны в Китае как ответа на «оскорбление», нанесенное английскому и французскому посланникам, были только маскировкой этой агрессивной политики.

Дипломатия Англии, Франции и позиция цинского правительства во время войны 1860 г. в Китае

Союз и сотрудничество Англии и Франции в Китае осложнялись их взаимными противоречиями. Французскому правительству заранее пришлось согласиться на второстепенную роль в новой войне с Китаем. С сентября 1859 г. по март 1860 г. в Париже велись переговоры относительно уточнения целей и доли участия каждой из сторон в предстоящей войне. Британское правительство намеревалось довести свои войска в Китае до 18—19 тысяч человек. Наполеон III вначале предложил послать в Китай армию в 15—18 тысяч человек, но английское правительство отказалось перевозить французские войска на своих транспортах, а у Франции было мало судов, годных для перевозки войск на Дальний Восток, и ей пришлось снизить свою долю до 7650 человек. Хотя впоследствии эта цифра была превышена, но британское правительство полностью обеспечило за собой решающий перевес в силах в предстоящей кампании. Наполеон III настаивал на том, чтобы потребовать от Китая контрибуцию в 100 миллионов фунтов стерлингов, но британский кабинет опасался, что Франция использует невозможность уплаты такой суммы Китаем, чтобы под видом залога захватить какой-либо порт в китайских водах, и настоял на снижении этой суммы. Заранее было предусмотрено, что к югу от р. Янцзы военные действия вестись не будут, чтобы не мешать торговле английских купцов под нейтральным флагом и

что острова Чжусан будут оккупированы совместно английскими и французскими войсками. Английское правительство намеревалось потребовать от Китая уступки полуострова Цзюлун, расположенного против Гонконга и занятого английскими войсками. Согласие Наполеона III на первенствующую роль Англии в войне с Китаем объяснялось не только превосходством флота и материальных ресурсов Англии, но и тем, что французское правительство намеревалось использовать крупные силы для захвата Южного Вьетнама (Кохинхины).

Союзники решили потребовать от пекинского двора извинения по поводу «оскорбления», будто бы нанесенного их посланникам у Дагу 25 июня 1859 г., контрибуции в 60 миллионов франков, свободного плавания по р. Байхэ, немедленного выполнения тяньцзиньских договоров и размена их ратификаций в Пекине. 8 марта 1860 г. Брюс и Бурбулон предъявили цинскому правительству ультиматум с этими условиями, а Паркс получил предписание потребовать от Китая уступки Англии полуострова Цзюлун, занятого английскими войсками.

Цинский двор ответил отказом на эти требования и сделал попытку разъединить Англию и Францию, подчеркивая, что не считает последнюю ответственной за столкновение у Дагу. Предложения цинского правительства были переданы союзникам через американского посланника Рида и сводились к тому, чтобы провести в Шанхае размен ратификаций тяньцзиньских договоров, исключив из них условие о постоянном пребывании иностранных посланников в Пекине. В апреле, по истечении срока ультиматума, союзники открыли военные действия.

Чрезвычайными уполномоченными Англии и Франции в Китае вновь были назначены Элгин и Гро, но на ход дипломатических переговоров большое влияние оказывали также главнокомандующие войск союзников генералы Грант и Монтобан, по всякому поводу вступавшие между собою в раздоры. Следующая стадия дипломатических переговоров наступила после того, как союзники захватили Динхай и в конце августа 1860 г. заняли Тяньцзинь, сопровождая свое продвижение варварскими грабежами, опустошениями и насилиями над мирными жителями.

После занятия Тяньцзиня цинское правительство дало знать Элгину и Гро, что китайскими уполномоченными для ведения переговоров назначены сановники Гуй Лян и Хэн Фу. Однако они не должны были соглашаться на постоянное пребывание иностранных дипломатов в Пекине и не имели полномочий для подписания договора. Их миссия заключалась лишь в том, чтобы произвести дипломатический зондаж и узнать, не пойдут ли союзники на уступки. Во время этих переговоров еще более усилились разногласия и взаимное недоверие между Гро и Эл-

гином. Повелительный тон Элгина и его отказ поддержать ряд французских требований относительно возврата католическим миссиям их имущества, отправки китайского посольства в Париж и т. д. вызвал крайнее раздражение французского уполномоченного. Тем не менее цинскому правительству не удалось разъединить Англию и Францию. Его предложения были отклонены.

В сентябре, когда английские и французские войска, двигаясь на Пекин, подошли к Тунчжоу, сановники цинского правительства предложили приостановить военные действия и начать переговоры в этом пункте; они дали согласие на размен ратификаций тяньцзиньских договоров в Пекине. 17 сентября Паркс, секретарь французского посланника Бастар и группа английских и французских офицеров и чиновников прибыли в Тунчжоу для предварительных переговоров об условиях приема иностранных посланников в столице. На другой день Паркс потребовал, чтобы для размена ратификаций и вручения верительных грамот иностранных посланников в Пекине им была дана императорская аудиенция. Уполномоченный цинского правительства Цзай Юань отверг это условие, и переговоры сорвались. Когда Паркс, Бастар и сопровождавшие их лица с парламентерскими флагами возвращались обратно, французские войска прервали перемирие и начали военные действия [1], после чего все участники делегации союзников были немедленно взяты в плен войсками цинского правительства. По свидетельству русского посланника Игнатьева, находившегося в то время вблизи расположения союзных войск, в числе спутников Паркса находился полковник Уокер, который вместе с 6 другими всадниками намеренно задерживался перед позициями войск цинского правительства, чтобы лучше высмотреть их [2]. Захватом и удержанием пленников цинское правительство намеревалось навести страх на противника и побудить его к уступкам. Эти расчеты не оправдались. В дальнейшем союзники широко использовали арест парламентеров и жестокое обращение с ними цинских властей для обвинения цинского правительства в «варварстве», нарушении норм международного права, для предъявления новых требований и для раздувания шовинистической кампании в английской и французской буржуазной печати, отвлекавшей внимание общественного мнения от грабежей и других злодеяний европейских «цивилизаторов» в Китае.

22 сентября после полного поражения войск цинского правительства на подступах к Пекину, у моста Балицяо, цинским

[1] См. *Фань Вэнь-лань*, Новая история Китая, т. I, 1840—1901, М. 1955, стр. 281.

[2] См. *Н. П. Игнатьев*, Отчетная записка Азиатскому департаменту. СПБ, 1895, стр. 92—95.

уполномоченным для ведения переговоров был назначен князь Гун (И Синь), но Элгин и Гро поставили условием начала переговоров предварительную выдачу Паркса, Бастара и других пленников, грозили разрушением Пекина и падением Цинской династии. В своем ответе Гун в соответствии с фразеологией пекинского двора писал, что «подданным» не следует употреблять такие выражения, намекал на то, что в случае нападения на Пекин пленники могут «в суматохе» погибнуть, что Цинская империя еще имеет много средств для сопротивления и т. д.

В действительности же цинское правительство боялось тайпинов и собственного народа гораздо больше, чем уступок англо-французским оккупантам, и склонялось к новой сделке с европейскими колонизаторами, чтобы спасти свое положение. Союзники не имели обмундирования для зимней кампании и боялись доводить войну до падения Цинской династии, предпочитая выгодный сговор с нею против китайского народа. Возможность народной освободительной войны против иностранных захватчиков в случае падения Цинской династии пугала английских и французских колонизаторов. Один из английских офицеров, Уэлсли, писал, что если бы китайцы применили способ обороны «русскими Москвы в 1812 г., то в 1860 г. мы не дошли бы до Пекина. Им стоило бы только совершенно опустошить страну, сжечь хлеба на корню, отогнать скот и уничтожить все джонки на Пейхо» [1].

28 сентября Элгин согласился на то, чтобы верительные грамоты посланников не вручались ими лично богдыхану. Но он по-прежнему требовал выдачи пленников одновременно с началом переговоров и согласия цинского правительства на постоянное пребывание иностранных посланников в Пекине. Соглашение не было достигнуто, и англо-французские войска двинулись к Пекину. Вблизи столицы европейские «цивилизаторы», как известно, варварски разграбили и разрушили сокровищницу китайского искусства — летнюю резиденцию цинских императоров Юаньминьюань с его великолепными дворцами и башнями. Французские войска начали грабеж, первыми достигнув дворца, а затем разграбление его было завершено совместно с английскими солдатами и офицерами. Элгин оправдывал это вандальское уничтожение и разграбление замечательных памятников китайской культуры тем, что английские войска так привыкли грабить в Индии, что удержать их было невозможно, а также желанием навести ужас на правительства феодального Китая и других стран Восточной Азии. Во дворцах Юаньминьюаня

[1] *Д. Мертваго*, Очерк морских сношений и войн европейцев с Китаем по 1860 г., СПБ, 1884, стр. 456.

была захвачена и часть дипломатической переписки цинского правительства. Впоследствии русский посланник в Париже П. Д. Киселев купил за 200 франков у французского солдата, вернувшегося из Китая, подлинный экземпляр русско-китайского Тяньцзиньского договора.

Не довольствуясь разграблением Юаньминьюаня, Элгин грозил цинским сановникам разрушением императорского дворца в Пекине и закрытием подвоза риса с юга на север Китая вдоль морского побережья, что могло вызвать зимой серьезные продовольственные затруднения в столице. Англо-французские войска готовились к штурму Пекина. Император бежал в Жехэ, во Внутреннюю Монголию. Русскому посланнику Игнатьеву Элгин заявил, что он якобы не видит никакой выгоды для Англии в сохранении на пекинском престоле Цинской династии и что если князь Гун не примет ультиматума союзников, то пекинский дворец будет разрушен, а союзники «тотчас признали бы китайским императором претендента из числа так называемых китайских инсургентов, обязав его исполнять благоприятные для нас условия Тяньцзиньского договора. Для Англии всего выгоднее, если столица Китайской империи будет перенесена поближе к нашим военным средствам, в Нанкин. Там с четырьмя военными судами можно добиться всего того, для чего нужно предпринимать теперь на Севере огромные, очень дорого стоящие экспедиции. Со столицею Китая в Нанкине Англия будет управлять судьбою громадной империи с помощью четырех военных судов. Пусть Север пропадает или образует отдельное государство; у нас там не может быть важных торговых интересов» [1].

Элгин говорил все это Игнатьеву, очень хорошо зная, что для царской России переход громадной части Китая под полный контроль Англии и перенесение столицы в Нанкин были бы весьма невыгодны, так как совсем подорвали бы в Китае русское влияние. Элгин был уверен, что Игнатьев сообщит сановникам цинского правительства все, что он от него слышал, и будет склонять их к уступкам союзникам. Сам Элгин отлично знал, что от тайпинов невозможно будет добиться признания кабального Тяньцзиньского договора и согласия на ввоз в Китай опиума. Ведь еще в ноябре 1858 г. он поднимался с военными кораблями вверх по Янцзы к Нанкину и получил от тайпинов отказ на свое требование узаконить опиумную торговлю. Английские военные суда и войска не раз обстреливали позиции тайпинов. Элгин на деле предпочитал сговор с цинским правительством против китайского народа попыткам соглашения с тайпинами, но он шантажировал Цинскую династию воз-

[1] *И. П. Игнатьев,* цит. соч., стр. 215—216.

можностью такого соглашения, чтобы еще больше напугать цинский двор и принудить его к дальнейшим уступкам. Заявления Элгина вызвали большое беспокойство Монтобана и Гро. Они, как и Игнатьев, предпочитали, чтобы столицей Китая оставался Пекин, недосягаемый для английского флота, и советовали Элгину не доводить дело до падения Цинской династии. Того же мнения держался и посланник США, но последний на решающем этапе кампании удалился в Шанхай и не оказывал серьезного влияния на ход переговоров.

Игнатьев и Гро всячески склоняли князя Гуна к принятию требований союзников, чтобы предотвратить падение Цинской династии, и подозревали Элгина в намерении исполнить все свои угрозы. После бегства императора в Жехэ Гун сбросил с себя маску решительного сторонника войны с Англией и Францией и возглавил политику сговора с ними против китайского народа.

Уже 13 октября 1860 г. князь Гун приказал сдать союзникам северные ворота Пекина, а 16 октября были выданы пленники, в том числе трое уже мертвыми, в гробах, что было использовано Элгином для новых обвинений против цинского правительства. 17 октября союзники предъявили Гуну ультиматум с требованием денежной компенсации за убийство пленников и другими требованиями и стали готовиться к штурму столицы. 20 октября в 2 часа ночи Игнатьев по просьбе Гуна сообщил Гро о согласии цинского правительства на условия союзников.

22 октября китайские чиновники выплатили союзникам компенсацию в сумме 500 тысяч лянов (около 1 миллиона рублей) серебра — из них 300 тысяч Англии и 200 тысяч Франции. 24 октября в палате церемоний (Либу) назначено было подписание англо-китайского договора. Элгин заставил цинских уполномоченных четыре часа дожидаться своего прибытия. Затем он явился с конвоем из 500 человек пехоты и свитою, а во время церемонии подписания договора держал себя повелительно и надменно. На другой день, 25 октября, был подписан договор с Францией, а 26 октября состоялся размен ратификаций тяньцзиньских договоров.

Пекинские договоры предусматривали уплату Китаем Англии и Франции по 8 миллионов лянов контрибуции, открытия для иностранной торговли г. Тяньцзиня, уступку Англии части полуострова Цзюлун и легализацию вывоза китайских кули. Гро добился включения в договор условия о возврате католическим миссиям их имущества, в том числе церквей, часовен и других зданий. Договоры эти явились новым важным этапом в закабалении Китая капиталистическими державами и превращении его в их полуколонию. Надежды цинского правительства на поддержку США против западноевропейских держав потерпели полный крах.

Миссия Игнатьева и русско-китайский Пекинский договор 1860 г.

Русский посланник в Китае Н. П. Игнатьев оказал большое влияние на дипломатические переговоры Элгина и Гро с князем Гуном. Игнатьев старался по мере возможности смягчить ряд требований союзников. Противоречия между Россией и западноевропейскими державами побуждали царское правительство прилагать все усилия для того, чтобы не допустить установления их господства в Китае. В то же время новые затруднения цинского правительства побуждали его особенно считаться с необходимостью упрочить свои отношения с Россией, и царское правительство не преминуло этим воспользоваться.

Главная задача миссии Игнатьева заключалась в урегулировании дипломатическим путем важнейших территориальных и торговых вопросов между Китаем и Россией, оставшихся неразрешенными после подписания Айгунского договора. По этому договору земли от р. Уссури до моря оставались неразграниченными. Между тем обладание Приамурьем утратило бы существенную часть своего значения для России, если бы Уссурийский край (Китаю фактически тоже не принадлежавший и остававшийся не разграниченным), не был также включен в ее территорию. Русский флот на Дальнем Востоке в течение большей части года оставался бы запертым во льдах Николаевска, и прочность русских владений на Амуре не была бы обеспечена. К тому же пекинское правительство после подписания тяньцзиньских договоров стало отказываться признать Айгунский договор. Для разрешения этих вопросов в Китай и был послан Н. П. Игнатьев, прибывший в Пекин через несколько дней после сражения у Дагу. Цинское правительство в тот момент надеялось на победу над англо-французскими войсками и не торопилось вести переговоры. Поэтому Игнатьев съездил в Шанхай и возвратился в Пекин уже после того, как Гун сдал союзникам северные ворота столицы.

В течение всей своей миссии Игнатьев поддерживал сношения как с сановниками цинского правительства, так и с Элгином и особенно с французским уполномоченным Гро, с которым он старался сблизиться, чтобы использовать в интересах России англо-французские противоречия. Игнатьев советовал союзникам не настаивать на постоянном пребывании иностранных посланников в Пекине, осуждал грабежи и зверства английских и французских войск, чем привлек к себе симпатии населения и китайских властей. Китайским купцам Игнатьев объяснял, что английские купцы хотят установить в Китае свою торговую монополию и подавить местную торговлю.

Игнатьев считал, что для царского правительства было невыгодно как падение Цинской династии в случае неуступчи-

вости ее по отношению к Англии и Франции, так и полное подчинение цинского правительства этим державам, которые могли бы затем вмешаться в русско-китайские отношения и осложнить их. Опасаясь захвата англо-французскими войсками дипломатической переписки России с Китаем, Игнатьев советовал китайским сановникам получше спрятать архивы цинского правительства. В случае штурма Пекина Игнатьев боялся разрушения русской духовной миссии и поэтому старался заранее обусловить ее неприкосновенность. Для этой цели, а также чтобы войти в доверие к союзникам, Игнатьев показал генералу Монтобану, а затем по просьбе Элгина и английским офицерам план Пекина, составленный русскими топографами [1]. Вообще же Игнатьев настойчиво советовал Элгину не доводить дело до штурма Пекина и падения Цинской династии, а ограничиться занятием северных ворот столицы и достичь соглашения с цинским правительством. Игнатьев отговаривал Элгина от намерения взять с собою в Пекин слишком многочисленный конвой и вступил в тесный контакт с Гро, чтобы отклонить Элгина от проектов расчленения Китая и перенесения его столицы в Нанкин. С этой целью Игнатьев обращал внимание Элгина на то, что планы эти вызовут противодействие Франции и США, а также других держав и что остальные части Китая могут в таком случае подпасть под влияние «более сильных соседей». Игнатьев настоял на смягчении некоторых пунктов ультиматума Элгина, а в конце переговоров союзников с Гуном фактически играл роль посредника и склонял обе стороны к скорейшему соглашению. По настоянию Игнатьева союзники пообещали отменить штурм Пекина, если Гун пойдет на уступки. В дальнейшем Игнатьев советовал Гро и Элгину поскорее вывести французские и английские войска из Пекина и отложить на время приезд туда постоянных дипломатических представителей.

Приобретя значительное влияние на ход переговоров Элгина и Гро с цинским правительством, Игнатьев стремился прежде всего к разрешению своей основной задачи — подтверждению пекинским правительством Айгунского договора и признанию им Уссурийского края русским владением.

Переговоры Игнатьева с князем Гуном закончились крупным дипломатическим успехом: 14 ноября 1860 г. в русском подворье в Пекине Игнатьевым и Гуном был подписан русско-китайский договор, подтверждавший условия Айгунского трактата и определявший границы между обоими государствами в соответствии с предложениями Игнатьева (т. е. по рекам Амуру

[1] Факт, часто упоминаемый в западноевропейской и американской литературе.

и Уссури, и по оз. Ханко). Пекинский договор допускал беспошлинную торговлю вдоль границ Приамурья и Южно-Уссурийского края и разрешал русским купцам торговлю с Кашгарией. Генерал-губернатору Восточной Сибири предоставлялось право заключать с китайскими пограничными властями соглашения о правилах русско-китайской сухопутной торговли.

Несмотря на реакционность политики царизма и цинского правительства, заключение Пекинского договора содействовало упрочению русско-китайских отношений, Россия не вела войн с Китаем и не ввозила в Китай опиума. Присоединение к России Приамурья, Уссурийского края шло за счет земель, не заселенных китайцами и фактически не связанных с Китаем, и создавало прочный стратегический оплот для владений России на Тихом океане. Казахские и киргизские земли в Средней Азии, отходившие по Пекинскому договору к России, находились за пределами постоянных китайских караулов. Включение всех этих земель в состав России имело объективно прогрессивные последствия. Население этих областей смогло в дальнейшем соединить свою судьбу с развитием русского революционного движения.

Игнатьев вел переговоры с Гуном, держа их втайне, так как английские и французские дипломаты пытались помешать урегулированию русско-китайских отношений. С этой целью они приписывали России замыслы захватить Маньчжурию, Монголию и Корею и старались запугать цинское правительство этими ложными слухами, чтобы отвлечь его внимание от их собственных целей. В действительности царское правительство не имело таких планов и даже находило нецелесообразным выдвигать их, полагая, что в этом случае Англия и Франция могли бы захватить Корею и другие области и стать опасными соседями России на Дальнем Востоке. В случае распада Китайской империи царское правительство в инструкциях Игнатьеву предусматривало необходимость не допустить в соседних с Россией областях Маньчжурии, Монголии, Кашгарии и Джунгарии господства какой-либо враждебной России державы и желательного в этом случае образования независимых владений в Монголии и Маньчжурии, расположенных к России. Эта политика определялась стремлением упрочить военно-политические и торговые позиции царской России на Дальнем Востоке. Однако утверждения некоторых гоминдановских авторов о том, что царское правительство будто бы предлагало цинскому двору подавить восстание тайпинов за уступку Маньчжурии лишены всякого основания. Царское правительство в силу своей реакционной классовой природы желало подавления тайпинского восстания, но в случае распада Цинской империи и при-

знания тайпинами неравноправных договоров считало возможным вступить в сношения с ними. Оно было заинтересовано в том, чтобы Англия и Франция не подчинили бы себе Китай посредством интервенции против тайпинов и желало, чтобы решающая роль в подавлении восстания принадлежала самому цинскому двору, а участие в этом деле западных держав имело бы как можно меньшее значение.

Дипломатическая подготовка интервенции Англии, Франции и США против тайпинского восстания. Позиция царской России

Пекинские соглашения Англии и Франции с Китаем открыли путь для подготовки интервенции западноевропейских государств и США против тайпинского восстания. Князь Гун старался выяснить, какую помощь цинское правительство может получить от западных держав против повстанцев, и поднял этот вопрос в разговоре с Игнатьевым. 30 ноября 1860 г., перед отъездом Игнатьева из Пекина, Гун нанес ему визит, благодарил за сделанные ему подарки и намекнул, что цинское правительство желало бы для действий против повстанцев получить от России 10 тысяч ружей, 50 пушек и военных инструкторов, ранее предложенных Путятиным. Игнатьев ответил, что, поскольку от этого оружия цинское правительство ранее отказалось, для возобновления переговоров о его присылке необходимо, чтобы пекинский двор обратился об этом с официальной просьбой в Петербург, и Гун с этим согласился. По словам Гуна, Игнатьев будто бы советовал, чтобы наступление против тайпинов вели главным образом правительственные войска Китая, используя русский отряд в 300—400 человек для действий с моря [1].

Князь Гун и нанкинский наместник Цзэн Го-фань, которому специально было поручено обдумать вопрос о помощи иностранцев против тайпинов, считали, что использование этой помощи следует в основном отложить до тех пор, пока войска и флот цинского правительства сами будут готовы к более решительным действиям против повстанцев, и находили целесообразным принять помощь оружием, офицерами и техническими специалистами со стороны США, Франции и России. Цинское правительство рассчитывало использовать противоречия между этими государствами и Англией, которой оно больше всего боялось.

Гун и другие сановники были напуганы переговорами Элгина с тайпинами в 1858 г., а в феврале 1861 г. английский адмирал Гоуп снова попытался достичь с тайпинами соглашения об открытии р. Янцзы для иностранной торговли и о нейтралитете Англии. Эти переговоры в значительной мере

[1] *E. Swisher*, op. cit., документ № 534 (стр. 683—686).

вызваны были сомнениями Элгина в том, насколько устойчива в Пекине власть князя Гуна и других сторонников уступок иностранным колонизаторам, закрепленных пекинскими конвенциями 1860 г. Не достигнув еще окончательного совместного решения о дальнейшей политике в отношении тайпинов, английские и французские власти в то же время не желали, чтобы интервенцию осуществляли одни американцы, и в марте 1861 г. временно арестовали американского авантюриста Уорда, ранее всех поспешившего приступить к собиранию отряда под командованием иностранных офицеров для действий против тайпинов.

Окончательному переходу английского правительства к интервенции против тайпинов содействовало укрепление в Пекине власти сторонников пекинских конвенций. В 1861 г. богдыхан И Чжу (правление Сянь Фын) умер в Жехэ, назначив перед этим регента, не одобрившего пекинские соглашения, но 4 ноября 1861 г. Гун и Цыси — мать четырехлетнего наследника престола при содействии маньчжурских войск совершили государственный переворот и приказали казнить виднейших противников пекинских соглашений. После этого цинское правительство заключило ряд новых неравноправных договоров с Пруссией и другими капиталистическими странами.

Невозможность войти в сделку с тайпинами, не согласившимися на закабаление Китая капиталистическими государствами, и упрочение в Пекине власти сторонников сговора с иностранными колонизаторами привели к тому, что Англия и Франция при поддержке США с 1862 г. принялись совместно осуществлять интервенцию с целью подавить в Китае революционное движение и фактически реализовать открытие для иностранной торговли р. Янцзы, путь по которой был закрыт тайпинами. Для интервенции были использованы военные суда, войска из иностранных сеттльментов в договорных портах Китая и специальные по-европейски обученные отряды из китайских солдат, но под командованием иностранных офицеров. Наиболее крупным из таких отрядов командовал американец Уорд. Когда Уорд был убит, посланник США в Китае Берлингем добился назначения на его место другого американского авантюриста, Бурджевайна, приказывавшего расстреливать пленных повстанцев, привязывая их к стволам орудий и разрывая их на части пушечными выстрелами, подобно тому, как английские колонизаторы расстреливали сипаев. Английское правительство желало использовать интервенцию, чтобы захватить в свои руки решающее влияние в Китае, и в дальнейшем добилось назначения вместо Бурджевайна британского офицера майора Гордона. Правительство Наполеона III активно участвовало в интервен-

ции, но не претендовало на решающую роль в ней, так как силы его были заняты во Вьетнаме [1].

Царская Россия не принимала почти никакого участия в интервенции против тайпинов. Несколько русских военных инструкторов, начавших обучать китайских солдат возле Кяхты, были отстранены в 1862 г. по требованию британского посланника Брюса, опасавшегося того, что деятельность этих инструкторов усилит способность Китая сопротивляться домогательствам Англии. В 1862 г., чтобы ослабить влияние Англии и Франции в Китае, царское правительство намеревалось «показать свой флаг» в Китае и предусматривало участие русских военных судов в действиях против тайпинов на р. Янцзы, но в 1863 г. угроза войны с Англией и Францией в связи с польскими делами побудила его отправить свои военные корабли с Дальнего Востока в Сан-Франциско.

4. Дипломатия на Дальнем Востоке от подавления тайпинского восстания до конца 60-х годов XIX в.

Усиление зависимости Китая от капиталистических государств в результате опиумных войн и подавления тайпинского восстания

Удушение тайпинского восстания силами иностранных интервентов и внутренней реакции еще более усилило отставание Китая и его зависимость от капиталистических стран и в особенности от Англии, Франции и США. Поддержка реакционного цинского правительства за новые уступки, делаемые за счет китайского народа, надолго стала одним из средств закабаления Китая капиталистическими государствами.

Иностранный контроль над китайскими морскими таможнями, введенный сначала в Шанхае, в 60-х годах был распространен и на другие открытые порты. Часть доходов от морских таможен отчислялась на уплату контрибуции, наложенной на Китай в 1860 г. В 1863 г. генеральным инспектором китайских морских таможен был назначен англичанин Р. Гарт, занимавший этот пост в течение нескольких десятилетий. Р. Гарт ловко вошел в доверие к цинскому правительству и оказывал большое содействие деятельности британских посланников и консулов в Китае. В силу своей торгово-промышленной монополии на мировом рынке Англия в 60-х годах держала в своих руках около

[1] В результате военной экспедиции Франция и Испания в 1862 г. навязали Вьетнаму неравноправный договор с предоставлением свободы деятельности католическим миссионерам, потребовав уступки Франции Сайгона с южными провинциями Вьетнама. В 1863 г. французское правительство навязало свой протекторат Камбодже, а в 1867 г. аннексировало еще три провинции Вьетнама.

4/5 всего ввоза в Китай и 3/4 китайского вывоза. Главным центром торговой деятельности английских и других иностранных купцов в Китае стал в 60-х годах уже не Кантон, а Шанхай, где в 1864 г. был основан Гонконг-Шанхайский банк — наиболее влиятельная банковая фирма в Китае, служившая важным орудием британской колониальной экспансии.

После войны 1859—1860 гг. изменилась организация внешних сношений Китая. В Пекине появились постоянные дипломатические представители капиталистических держав, а в открытых портах увеличилось число иностранных консулов. Для ведения переговоров и выработки решений по делам внешней политики в январе 1861 г. цинское правительство создало специальное учреждение, представлявшее собою по сути коллегию иностранных дел, состоявшую из нескольких высших сановников и получившую название Цзунлиямынь. Главой Цзунлиямыня в 60-х годах был князь Гун. Обычно члены Цзунлиямыня занимали одновременно и другие высшие государственные должности. Цинское правительство вынуждено было допустить пребывание в своей столице постоянных дипломатических представителей капиталистических государств, хотя само оно в 60-х годах продолжало воздерживаться от посылки своих постоянных дипломатических миссий в другие страны, и даже не имело подготовленных для этого лиц, ограничиваясь отправкой в Европу и США отдельных посольств с участием иностранных чиновников. При таком положении дел цинское правительство оставалось слабо осведомленным о международной обстановке.

В основном сношения с дипломатическими представителями иностранных государств перешли в ведение Цзунлиямыня. Но иностранные консулы, командиры военных судов и т. д. могли обращаться также к местным властям — даотаям, губернаторам и генерал-губернаторам, применять угрозы и добиваться удовлетворения своих требований.

После Пекинских договоров 1860 г. иностранные посланники представлялись ко двору в Пекине без коленопреклонения, но они по-прежнему не вручали верительные грамоты лично богдыхану. Вопрос о церемониале императорской аудиенции продолжал оставаться нерешенным.

Англия не раз посылала свои военные суда для бомбардировки китайских портов, чтобы вынудить у местных китайских властей, а через них и у пекинского правительства новые уступки. Эта «политика канонерок» широко применялась британскими и американскими дипломатическими представителями во многих портах Китая. Так английский консул Гибсон в 1868 г. вызвал два английских военных судна для обстрела порта Аньпинь на о. Тайвань и добился таким путем отмены монополии местных властей на продажу камфоры.

В дипломатии капиталистических держав в Китае переплетались две тенденции — сотрудничество этих держав между собою с целью вынудить цинское правительство к новым уступкам и взаимные противоречия, которыми цинское правительство пыталось воспользоваться в своих интересах. «Политика сотрудничества» («cooperative policy») капиталистических держав основывалась на использовании ими принципа наиболее благоприятствуемой нации и на общей заинтересованности их в дальнейшем закабалении Китая и в подавлении народных восстаний на его территории.

В конце 60-х годов торговые палаты многих городов Англии требовали от британского правительства, чтобы оно добилось от Китая права поселения для иностранцев в любом пункте страны, отмены внутренних пошлин, расширения иностранного судоходства по рекам, заказов на постройку телеграфных линий, железных дорог и т. д. Аналогичные требования выдвигали американские капиталисты. Однако полному закабалению Китая и лишению его суверенитета помешали два обстоятельства — сопротивление китайского народа и взаимные противоречия капиталистических государств.

Английские и американские посланники ясно видели, что попытка полного закабаления страны неизбежно вызвала бы в Китае новое мощное народное восстание и падение Цинской династии, а для того чтобы превратить Китай во «вторую Индию» у колонизаторов не хватало сил. Британский посланник Олкок писал, что если иностранные правительства не хотят «рисковать войной или анархией», то они должны удовольствоваться «меньшими уступками»[1]. Того же мнения держался и посланник США. Сопротивление китайского народа иностранным колонизаторам содействовало сохранению Китаем положения формально суверенного, но фактически полуколониального государства и помогло ему избежать полного закабаления, расчленения и раздела между капиталистическими странами.

Сопротивление китайского народа заставляло капиталистические державы умерить свои аппетиты и даже ограничить применение «политики канонерок», чтобы не слишком подрывать позиции цинского правительства, в сохранении которого капиталистические государства были заинтересованы, поскольку оно позволяло им подвергать страну колониальной эксплуатации. С конца 1868 г. британский кабинет перешел к урегулированию отдельных конфликтов преимущественно путем нажима на центральное правительство в Пекине, а не через местные власти. Такой образ действий давал к тому же

---

[1] *N. Pelkovits*, Old China Handes and the Foreign Office, p. 45 etc.

большие возможности для подчинения цинского правительства и всего Китая британскому политическому влиянию.

Обострение англо-французских противоречий в борьбе за захват колоний в Африке и Индо-Китае, а также англо-американские и англо-русские противоречия ясно говорили о том, что в случае попыток превратить Китай в свой протекторат Англии пришлось бы столкнуться с сопротивлением других капиталистических держав, не желавших допустить поглощение Китая одной Англией и готовых захватить куски китайской территории, на закабаление которых рассчитывали английские колониальные круги. Во время восстания на окраинах Китая — в Юньнани и в Кашгарии, британское правительство вступало в дипломатические сношения с предводителями этих восстаний, совершавшихся под руководством местных феодалов и духовенства, и поддерживало попытки образования в этих областях зависимых от Англии государств, в то время как Франция в Юньнани, а Россия в Кашгарии всячески противодействовали переходу этих земель под контроль Англии.

Таким образом, угроза народных восстаний в Китае и недостаток сил для дорогостоящей войны с Китаем с целью превращения его в полную колонию и взаимные противоречия между капиталистическими государствами вынуждали их продолжать политику поддержки Цинской династии и правящего класса феодального Китая и ограничиваться вымогательством у них частичных уступок.

Французский, британский и другие иностранные представители в Китае требовали от цинского правительства подавления антимиссионерского движения среди народа. В конце 60-х годов в Китае усилились выступления против миссионеров, которые, как указывал позднее В. И. Ленин, «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства» [1]. Британские консулы вызывали канонерки для подавления антимиссионерских движений в Учане и Фучжоу. Когда в 1870 г. народ разгромил католический собор и французское консульство в Тяньцзине, а консул и ряд других иностранцев были убиты, только франко-прусская война помешала Франции предпринять новое вооруженное нападение на Китай. Посол цинского правительства, направленный во Францию с извинениями, прибыл туда во время Парижской коммуны. Только после подавления Парижской коммуны Франция при поддержке Англии, США и других капиталистических держав добилась уплаты 250 тысяч лянов серебра и казни 16 участников антимиссионерских выступлений в Тяньцзине.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, стр. 348.

Дипломатия США в Китае и так называемый «Берлингемов договор» 1868 г.

Отношения США с Китаем в 60-х годах определялись экспансионистскими целями американской буржуазии и соперничеством между США, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Даже гражданская война в США не помешала американскому посланнику активно поддерживать политику интервенции против тайпинов и добиваться, хотя и неудачно, руководящей роли американских офицеров в этой интервенции. Американская буржуазия опасалась, что европейские державы успеют подчинить Китай своему контролю и разделить его ранее, чем США смогут занять прочные позиции на рынках Восточной Азии. Американская дипломатия в лице государственного секретаря Сьюорда и его преемников поддерживала в Китае «политику сотрудничества», т. е. согласованного давления держав на цинское правительство в делах, касающихся привилегий иностранных капиталистов. В то же время правительство США в своих собственных экспансионистских целях желало затруднить для Англии новые территориальные захваты в Китае. Оно надеялось, что американские капиталисты получат в Китае новые торговые льготы и много выгодных заказов на постройку телеграфных, а затем и железнодорожных линий.

Со своей стороны цинское правительство старалось противопоставить США Англии. Американский посланник Берлингем был принят на китайскую дипломатическую службу и послан в Америку для заключения договора между Китаем и США. Берлингем разрекламировал в США мнимую готовность цинского правительства широко открыть Китай для иностранной торговли и капиталов. После этого в 1868 г. он подписал от имени Китая с правительством США дополнительные статьи к тяньцзиньскому трактату 1858 г., получившие название т. наз. «Берлингемова договора», хотя на деле статьи эти были выработаны Сьюордом. Питая надежду на открытие всего Китая для американского капитала, правительство США на словах признавало в этих статьях принципы суверенности, «территориальной целостности» Китая и «невмешательства» США в его внутренние дела. Включение в договор этих формул имело также в виду маскировку подлинных целей американской политики в отношении Китая и в особенности поддержку реакционного правления Цинской династии и китайских помещиков, заключавших кабальные договоры с капиталистическими странами. Осуществить прямые захваты в Китае США были не в силах, а раздел его другими державами считали для себя невыгодным.

«Берлингемов договор» предусматривал отмену цинским правительством ограничений эмиграции китайцев в США и предоставление им в США прав наиболее благоприятствуемой нации. Американские капиталисты в Калифорнии были весьма заинтересованы во ввозе дешевой рабочей силы китайских кули. Что же касается предоставления им прав наиболее благоприятствуемой нации, то это условие фактически в США никогда не выполнялось. В дальнейшем надежды капиталистов США на то, что вслед за миссией Берлингема цинское правительство пойдет на новые широкие уступки иностранным колонизаторам, не оправдались, однако США опасались в то время оказывать на Китай вооруженное давление, не имея для этого достаточных сил и опасаясь вспышки в Китае новых восстаний.

Дипломатические отношения между Китаем и Россией в 60-х годах

Дипломатические отношения Китая и царской России в 60-х годах касались главным образом территориального разграничения и торговли. В 1861 г. было закончено разграничение Южно-Уссурийского края с Китаем, а в 1862 г. начались переговоры об уточнении существующей пограничной линии с западными окраинами Китая, приведшие к подписанию Чугучакского протокола 1864 г. Во время этих переговоров князь Горчаков рекомендовал пограничным властям строго соблюдать Пекинский договор. Дальнейшее уточнение границ России с Китаем на основе Чугучакского протокола затянулось вследствие восстаний, охвативших Западный Китай, и в 1869 г. завершилось постановкой пограничных знаков. Царское правительство желало скорее завершить дело разграничения. Оно было заинтересовано в подавлении восстаний на западных окраинах Китая и в своих среднеазиатских владениях и в обеспечении дальнейшего проникновения русской торговли в эти области. Азиатский департамент предписал пограничным властям точно соблюдать условия Чугучакского протокола и не выдвигать предложений, нарушающих границу, установленную по обоюдному согласию. Царское правительство было занято подготовкой к отмене статей Парижского мира, запрещавших России иметь военный флот на Черном море. В то же время обострились англо-русские противоречия в Средней Азии. Цинское правительство испытывало новый натиск западных капиталистических держав, требовавших пересмотра неравноправных договоров. Пекинский двор имел общие с царским правительством интересы относительно подавления восстаний в Средней Азии. Взаимная заинтересованность в мирном урегулировании пограничных вопросов содействовала тому, что оно протекало без серьезных осложнений.

Россия учитывала важность добрососедских отношений с Китаем, а главное — не желала упрочения в Китае позиций западных держав. В связи с этим она нередко отступала в китайских делах от политики сотрудничества с другими капиталистическими державами, занимая более умеренную позицию, в частности, в вопросе поддержки в Китае иностранных миссионеров.

В 1862 г. на основе Пекинского договора русскими и китайскими уполномоченными были подписаны правила русско-китайской торговли, позволявшие русским купцам вести «мелкими капиталами» торговлю в Монголии и оставлять в Калгане для продажи 1/3 товаров, идущих в Тяньцзинь. Ввозная пошлина устанавливалась для сухопутной торговли на 1/3 ниже тарифа для морской торговли. Те же «правила» узаконили беспошлинную торговлю в пределах 50 верст по обе стороны от пограничной черты. Русские капиталисты проявляли большой интерес к торговле с Западным Китаем.

Дипломатия Англии и России в связи с восстаниями на западных окраинах Китая в 60-х гг. XIX в.

Со второй половины XIX в. западные окраины Китая — Кашгария и Джунгария стали объектом колониальной экспансии Англии, соперницей которой и в этих областях выступала царская Россия. Царское правительство в интересах буржуазии стремилось обеспечить развитие торговли между Россией и Западным Китаем. Оно имело своих консулов в Кульдже и Чугучаке, где русские подданные вели торговлю, и направляло своих агентов для ознакомления с положением в Кашгарии. В 1857—1859 гг. в Кашгарию под видом купца совершил поездку казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов.

В 60-х годах положение на западных окраинах Китая и в провинциях Шэньси и Ганьсу осложнилось восстаниями, вспыхнувшими там против гнета Цинской империи. Основной движущей силой этих восстаний были крестьяне и ремесленники, выступавшие с антифеодальными требованиями, но руководство движением в большинстве случаев захватывали местные помещики, купцы, мусульманское духовенство или старшины крестьянских селений (кентов). Одним из очагов восстания стал город Урумчи. В 1864 г. началось восстание в г. Кульдже в долине р. Или. Правителем Кульджи с 1866 г. стал Абиль Огля. В Кашгаре власть захватил бывший военачальник кокандского хана Якуб-бек, постепенно овладевший всей Кашгарией. Опорой его власти была землевладельческая аристократия из окружавшей его уйгуро-кокандской клики, войско и высшее мусульманское духовенство.

Якуб-бек установил тесный контакт с британскими властями в Индии, надеясь на их помощь против цинского правительства и против России. Со своей стороны британские власти

в Индии желали отделения Кашгарии от Китая. Они рассчитывали подчинить Якуб-бека и превратить восставшие области Западного Китая в зависимое от Англии мусульманское государство, чтобы использовать его против России, закрыть путь распространению ее торговли и влияния в глубь Азии.

Британские власти посылали к Якуб-беку своих агентов и подстрекали его против России, а затем Якуб-бек стал отправлять в Индию своих посланцев. Влиятельные английские круги в Индии желали овладеть торговлей Западного Китая и видели в Кашгарии «ворота к рынкам Бухары и Кульджи».

В отношении России Якуб-бек действовал враждебно и мешал караванной торговле русских подданных. В 1868 г. во время похода русских войск на Бухару он занял угрожающую позицию и собирал войска. В 1869 г. Якуб-бек перешел к попыткам подчинить себе Илийский край: он предложил кульджинскому правителю принять его под свою власть, но получил отказ. После этого Якуб-бек приказал своему отряду занять Музартский перевал на пути, ведущем через Тянь-Шань в сторону Кульджи.

Царское правительство пристально следило за событиями на западных окраинах Китая. Китайский генерал-губернатор (цзяньцзюнь) Илийского края и пекинское правительство обращались к России с просьбами о помощи против восстаний в Кульдже и Джунгарии. Цзяньцзюнь писал русскому пограничному начальству, что «о приходе вашего войска мы умоляем небо и землю».

Царские власти желали подавления восстания войсками цинского правительства и оказывали илийскому цзяньцзюню некоторое содействие, пересылая в Пекин его почту и переправив в Кобдо по его просьбе на полмиллиона рублей серебра. Сохранение Цинской империи царское правительство считало для себя более выгодным, чем ее распадение. В 1869 г. английское правительство предлагало признать Якуб-бека независимым от Китая, но эта мысль в Петербурге была отвергнута. Осенью 1870 г. особое совещание под председательством военного министра решило, что Китай является «сильным и долговечным соседом» и что не следует содействовать отпадению от него Джунгарии и Кашгарии. Но царское правительство было заинтересовано в подавлении восстаний на западных окраинах Китая, чтобы парализовать происки Якуб-бека и Англии, уничтожить повод для волнений среди казахов и киргизов в пределах России и обеспечить выгодные условия для проникновения русской торговли в Китай через его западные окраины. В 1871 г. царские войска временно оккупировали р. Или с г. Кульджей и подавили восстание.

Дипломатия капиталистических держав и сёгунского правительства в Японии в 60-х годах

Хотя инициатива в деле навязывания Японии неравноправных договоров принадлежала в 50-х годах Соединенным Штатам Америки, английская буржуазия, опираясь на свое торгово-промышленное и морское превосходство, вскоре заняла господствующее положение в японской внешней торговле. В 60-х годах — отчасти в связи с гражданской войной в Америке — ведущая роль в закабалении Японии перешла к Англии.

Основная линия дипломатии феодального сёгунского правительства состояла в заключении новых компромиссных соглашений с иностранными колонизаторами. Однако его положение осложнялось ростом внутренней оппозиции против феодального строя и подъемом в стране крестьянских восстаний. Во главе оппозиции против сёгуната стояли князья и буржуазия Юго-Западной Японии. Они стремились отвлечь народ от революционной борьбы против помещичьего гнета и выдвигали на первое место антииностранные требования под девизом «изгнания варваров». Этим путем враждебные сёгунату князья и буржуазия стремились дискредитировать сёгунат как режим, приведший страну в унизительную зависимость от иностранцев, и подготовить реставрацию императорской власти для проведения умеренных буржуазных преобразований «сверху» и компромисса с иностранными колонизаторами. Лидеры оппозиции против сёгуната на деле не собирались добиваться отмены неравноправных договоров, но в начале 60-х годов систематически подстрекали самураев к выступлениям против иностранцев, используя в борьбе с сёгунатом рост стихийного национального движения против иноземного закабаления страны. Народное недовольство вызывали рост цен на шелк, чай и другие товары, утечка из страны золота, обесценение серебряной монеты, презрительное поведение иностранных колонизаторов, грубо попиравших обычаи страны, оскорблявших религиозные верования народа.

Опасаясь серьезных волнений, сёгунское правительство в начале 1862 г. направило в Париж и Лондон с дипломатической миссией сановников Такеуци Ясунари и Мацудайра Ясунао. Им удалось добиться подписания так называемого Лондонского протокола об отсрочке на 5 лет открытия новых портов для иностранной торговли при условии соблюдения других постановлений неравноправных договоров.

Согласившись на эту отсрочку, Англия намеревалась закрепить режим неравноправных договоров и добиться от князей и от сёгунского правительства новых уступок — если потребуется, то посредством угроз и репрессий. Британский

посланник Олкок в начале 60-х годов призывал к открытому применению силы в отношении Японии. Третируя как дикарей всю японскую нацию с ее высокой и древней культурой, он писал, что «для японцев, как и для всех полуцивилизованных рас Востока, ничто, кроме насилия, не свидетельствует о мощи и не внушает уважения». Того же мнения держались и другие британские дипломаты в Японии.

Под предлогом наказания за убийство английского купца Ричардсона британский поверенный в делах Нил потребовал компенсацию в 100 тысяч фунтов стерлингов и дал предписание британской эскадре бомбардировать столицу княжества Сацума г. Кагосима, чтобы добиться исполнения этого требования. В этих репрессиях против Японии, совершенно аналогичных той «политике канонерок», которая проводилась западными державами в Китае, принимали активное участие Англия, США, Франция и Голландия. В 1863 г. после того, как суда княжества Тесю сделали несколько безрезультатных выстрелов по американскому пароходу «Пемброк», военный корабль США «Уайоминг» обстрелял японское судно, причем было убито и ранено 40 японцев. Требуя свободы плавания для своих судов через Симоносекский пролив, британский посланник Олкок возглавил дипломатическую подготовку вооруженной экспедиции против княжества Тесю. 5 сентября 1864 г. соединенная эскадра из 17 английских, американских, французских и голландских судов бомбардировала порт Симоносеки, разрушила его форты и высадила десант в 2 тысячи человек. Японское правительство и княжество Тесю согласились после этого выплатить 3 миллиона долларов контрибуции и оплатить издержки карательной экспедиции.

Западноевропейские государства и США вмешивались во внутренние дела Японии. Они воспользовались для этого нарастанием в стране оппозиции против сёгунского правительства и событиями революции 1868 г., принявшей форму восстановления императорской власти и перехода к умеренным буржуазным преобразованиям в стране. Лондонский кабинет уже с конца 1864 г. перешел к поддержке оппозиции против сёгуна и предписал своему новому посланнику в Эдо Парксу проводить эту политику. Паркс постарался сблизиться со сторонниками реставрации императорской власти и в 1865 г. добился одобрения императором неравноправных договоров. В 1866 г. он совместно с представителями США и Франции добился и снижения японского таможенного тарифа. Паркс содействовал поставкам оружия князьям Юго-Западной Японии, стоявшим за усиление императорской власти и упразднение сёгуната.

Капиталистические соперники Англии — США и Франция — действовали совместно с нею в вопросах, касавшихся всех

иностранных колонизаторов, но они держали курс на поддержку сёгуната. Французский министр-резидент в Японии Рош был главным организатором помощи сторонникам сёгуната французским оружием, военными инструкторами и инженерами. Поддержку сёгунату оказывали и посланники США.

Дипломатические представители западноевропейских держав и США старались осложнить русско-японские отношения и использовать Японию против России на Тихом океане. Они убеждали японское правительство не отказываться от своих беспочвенных притязаний на Южный Сахалин и запугивали японских министров ложными слухами о том, что Россия будто бы намерена захватить о. Эдзо. Эти подстрекательства имели целью отвлечь внимание от собственных экспансионистских целей Великобритании, Франции и США, ослабить Японию, испортив ее отношения с Россией, и сделать ее тем самым более податливой на требования и домогательства западных держав.

Царское правительство в 50—60-х годах, не надеясь на возможность успешной конкуренции с Англией и США, не было инициатором заключения неравноправных договоров с Японией и в основном ограничивалось обеспечением для русских подданных прав наиболее благоприятствуемой нации, после того как соответствующие договоры были уже навязаны Японии США и западноевропейскими государствами. Зависимость Японии от Соединенных Штатов и особенно от Англии и Франции была во многих отношениях невыгодна и даже опасна для России, а торговые условия русско-японских договоров в силу ничтожности русско-японской торговли не давали серьезных выгод русским капиталистам. Царская Россия не принимала участия в репрессиях против Японии и не вмешивалась в ее внутренние дела, ибо не имела для этого ни возможностей ввиду относительной военной слабости царизма на Тихом океане, ни поводов — ввиду отсутствия значительной торговли с Японией. Кроме того, желая затруднить Англии, Франции и США возможность подстрекать Японию против России, царское правительство особенно подчеркивало свое намерение не затрагивать ее внутренние дела. Русское правительство в 60-х годах воздерживалось от посылки в Японию постоянного дипломатического представителя, так как он неизбежно был бы вовлечен там в совещание других иностранных представителей в целях вмешательства во внутренние дела страны. Царское правительство ограничилось назначением в 1858 г. своего консула в Хакодате и в секретной инструкции ему указало: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая мысль о внутренних делах ее чужда нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязнен-

ные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях» [1].

Однако такой политический курс проводился непоследовательно, и подчас царское правительство сбивалось на военные авантюры. Оно опасалось, что западноевропейские государства используют слабость Японии для захвата о. Цусима и закроют для России выход в океан через Корейский пролив. В 1860 г. японское правительство получило от своих агентов сообщение о том, что английский флот намерен занять Цусиму. Английские военные суда время от времени появлялись у о. Цусима и занимались там гидрографическими работами. Япония опасалась также захвата Цусимы Францией.

Царское морское министерство во главе с вел. кн. Константином решило опередить Англию, и по его предписанию командир отряда военных судов на Тихом океане послал корвет «Посадник» для устройства на о. Цусима стоянки для русских военных кораблей. Британский адмирал Гоуп предъявил протест и возникла угроза конфликта с Англией, грозившей ответными захватами в дальневосточных водах.

Царское правительство решило отозвать свое военное судно с Цусимы, но когда Горчаков попросил английского посла в Петербурге Нэпира заявить, что Англия никогда не завладеет Цусимою, то тот уклонился от такого обещания. Япония заявила свой протест после того, как «Посадник» оставил остров.

В цусимском эпизоде сказались захватнические стремления и царизма и Англии. Авантюра царского правительства потерпела неудачу, но Англии стало ясно, что Россия не останется безучастной, если британский флот овладеет Цусимой. Используя англо-русские противоречия, Япония удержала остров.

Усиление вмешательства Англии, Франции и США в дела Японии способствовало тому, что японское правительство не отказывалось от своих неосновательных притязаний на Южный Сахалин. В 1862 г. в Петербург прибыло японское посольство во главе с Симоцукэ — бывшим губернатором Хакодате. В переговорах с директором Азиатского департамента Стремоуховым японские уполномоченные настаивали на разделе Сахалина между Россией и Японией, но как и прежде, японская сторона показала свое полное незнакомство с положением на острове и не смогла обосновать свои предложения.

Царское правительство начиная с 1865 г. стало систематически увеличивать число своих военных постов на Сахалине, что вызвало в 1867 г. присылку в Петербург нового японского

---

[1] Инструкция Гашкевичу от 20(8) февраля 1858 г. АВПР, фонд Гл. арх., I—1, 1858, № 168.

уполномоченного Коидэ, снова выдвинувшего претензии на раздел Сахалина. Царское правительство считало, что Сахалин необходим России для «обороны от нападения извне» и что в случае войны Японии с какой-либо державой последняя легко сможет занять южную часть Сахалина, если она окажется во владении японцев. Русские уполномоченные обещали даже за отказ Японии от ее домогательств передать ей о. Уруп, но Коидэ на это не согласился.

Переговоры привели к подписанию в Петербурге конвенции от 18 марта 1867 г., по которой Сахалин объявлялся состоящим впредь «в совместном владении» России и Японии. За русскими и японцами признавалось право селиться и возводить постройки в незанятых местах на территории острова. Попытки японского правительства организовать колонизацию Сахалина японцами полностью провалились, тогда как успех русской колонизации острова и многочисленные исследования его естественных богатств русскими научными экспедициями упрочили положение Сахалина как русской земли.

Несмотря на разногласия по поводу Сахалина, отношения между Россией и Японией оставались мирными. Царское правительство не участвовало во вмешательстве Англии, Франции и США в гражданскую войну во время революции 1868 г. в Японии и отклонило просьбу о вмешательстве со стороны сёгуна, хотя сёгунское правительство одно время даже склонялось к мысли об отказе от своих претензий на Южный Сахалин в обмен за вооруженную помощь России против сторонников восстановления императорской власти.

Дипломатические отношения США и России в связи с экспансией США на Тихом океане в 60-х годах XIX в.

США использовали Крымскую войну, чтобы упрочить свое международное положение и усилить свою экспансию в Америке и на Дальнем Востоке. В годы Крымской войны усилилось проникновение американских купцов и зверопромышленников в русские владения на Тихом океане. Расхищение ими естественных богатств русских вод и побережья содействовало банкротству Российско-Американской компании.

В 1856 г. в Николаевск-на-Амуре был послан торговый агент США Коллинз, пропагандировавший торговую экспансию США и проект постройки американских телеграфных линий через Восточную Сибирь. В 1863 г. посланник США в Петербурге Клей передал царскому правительству проект предоставления американским капиталистам концессии на телеграфную линию из Америки через Камчатку к устьям Амура и оттуда до Иркутска и в Китай. Клей поддерживал требования компании о передаче ей в собственность огромной полосы земли с контролем над местными жителями и другими усло-

виями, которые царское правительство отклонило. Контракт относительно концессии на телеграфную линию был подписан в 1865 г., но не предоставлял американским фирмам ни собственности на земли, ни исключительных прав. После успешной прокладки телеграфного кабеля из Европы в Америку через Атлантический океан американские фирмы расторгли этот контракт, хотя подготовка к сооружению линии была уже начата. В 1865 г. крупные нью-йоркские капиталисты направили вел. кн. Константину проект передачи в руки американских капиталистов русской торговли с Китаем, допущения каботажного плавания американских судов на русском Дальнем Востоке и организации заселения Приамурья, но проект этот был оставлен в Петербурге без последствий.

Крупным шагом в развитии экспансии США на севере Тихого океана была покупка в 1867 г. американским правительством Аляски и Алеутских островов, проданных царским правительством за ничтожную сумму в 7,2 миллиона долларов золотом, хотя естественные богатства Аляски и затраты на их открытие и освоение были громадными. Предложение купить Аляску было выдвинуто государственным департаментом еще в 1854 г., но к мысли о продаже Аляски царское правительство пришло только после Крымской войны, которая обнаружила военную слабость царского правительства на Тихом океане и затруднительность обороны русских владений в Америке. Гражданская война в США задержала развитие переговоров по этому вопросу, начатых еще в 1859 г.

Покупки Аляски добивались в США зверопромышленники и рыболовные фирмы, стремившиеся заполучить пушные и рыбные богатства Аляски, ее леса, золото. Покупка Аляски давала США возможность ослабить позиции канадской «Компании Гундзонова залива» и зажать британскую Колумбию как бы в тиски между своими владениями. К. Маркс писал 27 марта 1867 г. Ф. Энгельсу, что продажей Аляски русские «заварят кашу» англичанам в США [1]. Отношения США с Англией были в то время весьма натянутыми ввиду той поддержки, которую британское правительство оказало южным рабовладельцам в годы гражданской войны. Алеутские острова Сьюорд и другие государственные деятели США рассматривали как «каменные ступеньки» к берегам Северо-Восточной Азии.

Царское правительство опасалось захвата Аляски Англией и кроме того было неспособно оградить русские владения в Америке от североамериканских зверопромышленников и контрабандистов. Договор о продаже Аляски был подписан госу-

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XXIII, изд. 1, стр. 399.

дарственным секретарем Сьюордом и русским посланником в Вашингтоне Стеклем.

На Охотском побережье, Курильских и Командорских островах, на островах Прибылова и у берегов Чукотки в русских территориальных водах и на побережье американские зверопромышленники незаконно вели хищнический промысел и контрабандную торговлю, спаивали местных жителей ромом, обирали посредством неэквивалентной торговли, нередко грабили и даже убивали их. После покупки Аляски американские предприниматели еще более расширили промыслы, вызывавшие неоднократные протесты русского правительства.

В 1868 г. Сьюорд обратился к царскому правительству с предложением подписать конвенцию, которая под видом «взаимности» узаконила бы промыслы и контрабанду американских зверопромышленников в русских водах и на побережье тихоокеанских владений России, хотя было очевидно, что русские зверопромышленники не будут плавать к берегам США. Одновременно Сьюорд предлагал, чтобы царское правительство не вмешивалось в конфликты между американскими зверопромышленниками и местными жителями на русских берегах Тихого океана. Чтобы добиться согласия царского правительства, он заявлял, что США не будут возражать против захвата Россией Маньчжурии.

Проект Сьюорда был расценен русским правительством как попытка лишить его суверенных прав во владениях России на Тихом океане и сделаться хозяевами этих обширных областей. Царское министерство иностранных дел оставило это предложение без ответа.

Следует учитывать, что осложнения, вызванные экспансией американских зверопромышленников и купцов в русских владениях на Тихом океане, не оказывали серьезного влияния на благожелательный в целом характер русско-американских отношений того времени. Между США и Россией не было каких-либо коренных противоречий. Основные интересы русских помещиков и буржуазии были связаны с положением в Западной Европе, на Ближнем Востоке и Средней Азии, где Англия и Франция стремилась подорвать позиции России. Основные интересы буржуазии США также были связаны не с северо-западной частью Тихого океана, а с положением в Америке, где не Россия, а Англия и Франция стремились ослабить ее позиции. Эти обстоятельства вели к тому, что в целом политические отношения США и России развивались благоприятно. Царское правительство и правительство США взаимно рассматривали друг друга как полезный противовес политике Англии и Франции в Старом и Новом Свете.

Экспансия США в Китае, Японии и в русских владениях на Тихом океане способствовала повышению интереса американских предпринимателей к проникновению в Корею.

Дипломатия капиталистических держав и Корея в 60-х годах XIX в.

В то время как Китай и Япония подверглись вторжению иностранного капитала и закабалению неравноправными договорами, Корея в 60-х годах еще сохраняла положение изолированного королевства, находившегося в вассальной зависимости от Китая. Регент и правящие круги Кореи противились доступу иностранных товаров и купцов, считая, что последствием этого будет подрыв устоев старины, привилегий феодалов и власти правительства. Опасаясь колонизаторов, феодальное правительство Кореи стремилось пресечь деятельность католических миссионеров, но более всего было занято подавлением крестьянских восстаний.

Японское правительство в 60-х годах желало открыть Корею для своей торговли, но было связано внутренними делами. Силы Англии были отвлечены от Кореи экспансионистской политикой в других странах Азии. Правительство Наполеона III пыталось навязать Корее неравноправный договор. В 1866 г. отряд французских военных кораблей под предлогом репрессии за казни католических миссионеров в Корее бомбардировал корейские форты у о. Канхва и пытался высадить десант, но потерпел поражение. Победа над французскими захватчиками вызвала патриотический подъем среди корейского населения и нанесла урон репутации французского флота. Осложнение в Европе вследствие усиления Пруссии и провал мексиканской авантюры вынудили Наполеона III отказаться от новых попыток вторжения в Корею, хотя США предложили ему организовать совместную экспедицию. Провалом окончились и попытки американских пиратских судов проникнуть в Корею. Царское правительство остерегалось настаивать на установлении с Кореей морской торговли и дипломатических отношений, опасаясь, что европейские государства и США воспользуются выгодами этих сношений в большей мере, чем Россия, и постараются подчинить Корею своему влиянию. В 1866 г. Берлингем предложил русскому посланнику в Китае Влангали, чтобы Россия приняла участие в экспедиции против Кореи, но Влангали по предписанию Горчакова уклонился от этого предложения. Россия ограничивалась в то время попытками начать сухопутную торговлю с Кореей для закупки сырья и продовольствия, необходимого для русских войск на Дальнем Востоке.

В конце 60-х годов США готовились к насильственному закабалению Кореи посредством неравноправных договоров. Буржуазная революция 1868 г. в Японии создала предпосылки для активизации японского проникновения в Корею.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ в 50—60-х ГОДАХ XIX в.

Завершение завоевания Индии дало новый толчок британской колониальной экспансии в Иране и Афганистане. Из Индии, как из центра всей британской колониальной системы, английские колонизаторы проникали также на западные окраины Китая и в среднеазиатские ханства. Главным соперником Англии в странах Средней Азии оставалась царская Россия. В 50—60-х годах дипломатические отношения Ирана, Афганистана и туркестанских ханств развивались под знаком нового обострения англо-русских противоречий, в основе которых лежало усиление борьбы за рынки сбыта, источники сырья, стратегические рубежи и плацдармы для дальнейшей экспансии. Огромное влияние на политическое положение в этой части Азии оказали два события: Крымская война и освободительное восстание 1857—1859 гг. в Индии.

Дипломатическая борьба в Иране во время Крымской войны

В 40-х годах английское правительство усилило свое давление на Иран и добилось от него новых уступок. В 1841 г. оно навязало Ирану торговый договор, закреплявший за английскими подданными привилегию экстерриториальности. Ввозные пошлины по этому договору снижались до 5% стоимости товаров, а от внутренних таможенных сборов английские купцы освобождались полностью. Британская миссия в Тегеране зорко следила за каждым шагом иранского правительства в отношении Герата и поддерживала Турцию в ее спорах с Ираном об уточнении линии границы между их владениями.

Иранский шах Насер эд-Дин снова предъявил притязания на Герат, но в январе 1853 г., перед началом Крымской войны, английский посланник Шейл путем угроз вынудил шахское правительство дать обязательство не делать новых попыток подчинить Гератское ханство.

Царский посланник в Иране князь Долгоруков склонял шаха к войне с Турцией. Шах искал поддержки против Англии и вел переговоры о союзе с Россией, но под нажимом со

стороны английского посланника вынужден был в 1854 г. объявить о своем нейтралитете [1]. Одновременно английское правительство старалось столкнуть Афганистан с Ираном.

Дипломатия Афганистана при эмире Дост Мохаммеде и англо-афганский неравноправный договор 1855 г.

Афганистан в то время переживал период политического объединения страны под властью эмира Дост Мохаммеда, второе правление которого продолжалось с 1842 по 1863 г. Усиление центральной власти было главным успехом этого правителя. Дост Мохаммед был скуп и избегал всякой расточительности при своем дворе, но не жалел средств на войско и обуздывал своеволие местных ханов. Лишая их самостоятельности, он старался подчинять их себе на почетных для них условиях, ловко пользуясь тем обстоятельством, что Ост-Индская компания была долгое время занята войнами в Индии и Бирме и не могла помешать укреплению политического единства Афганистана.

Во внешней политике Дост Мохаммед и его визири ставили своей задачей расширение афганских владений посредством дипломатических сделок и завоеваний. Вначале Дост Мохаммед надеялся, что ему удастся присоединить Пешавар, захваченный Ост-Индской компанией после разгрома государства сикхов. В 1850 г. через русского посланника в Тегеране Дост Мохаммед послал Николаю I письмо с предложением союза для изгнания англичан из Пенджаба, но не получил ответа. Следуя подстрекательствам британских агентов, эмир хотел завоевать ряд независимых узбекских и таджикских ханств к северо-востоку от Афганистана. Но главной целью Дост Мохаммеда было присоединение Кандагара и Герата. Опасаясь осложнений, Дост Мохаммед решил получить предварительное согласие Ост-Индской компании и послал для переговоров с нею принца Гулам Хейдар-хана.

Ост-Индская компания только и ждала этого, чтобы втянуть Афганистан в свои агрессивные планы против Ирана и России и ограничить его самостоятельность. Агент компании Лоуренс потребовал отказа Дост Мохаммеда от всяких притязаний на Пешавар и от независимой внешней политики. 30 марта 1855 г. в Джамруде (возле Пешавара) принц Гулам Хейдар-хан и Лоуренс подписали договор о мире и дружбе, признании Кандагара афганским владением и взаимном уважении существующих границ. Эмир дал обязательство, что он сам и его преемники будут «друзьями друзей» и «врагами врагов» Англии. Эта статья договора имела односторонний харак-

[1] *P. Sykes.* A History of Persia, London 1951, vol. II, p. 346—347.

тер. По сути она лишала Афганистан независимости в делах внешней политики и ставила его в неравноправное положение. Достигнув превращения Афганистана в орудие своих планов, Ост-Индская компания стала подстрекать Дост Мохаммеда к выступлению против Ирана с целью занятия Герата.

Дипломатическая подготовка и ход англо-иранской войны 1856—1857 гг.

Шах первый поспешил двинуть свои войска на Герат, чтобы не допустить перехода его в руки Афганистана и Англии. Иранский отряд осадил и в октябре 1856 г. занял Гератскую крепость. Поход иранских войск на Герат послужил формальным поводом к нападению Англии на Иран.

Под предлогом обороны Герата от России и Ирана британское правительство еще в конце 1855 г. разорвало дипломатические отношения с Ираном и стало готовить вооруженную экспедицию для нападения на иранское побережье Персидского залива. Действительные цели британских колонизаторов вовсе не ограничивались удалением иранских войск из Герата, а заключались прежде всего в том, чтобы ослабить Иран и навязать ему новые неравноправные договоры, хотя английские газеты и парламентские ораторы изображали все дело так, как будто бы речь идет только о защите «ворот в Индию».

1 ноября 1856 г. генерал-губернатор Ост-Индской компании Каннинг объявил о предстоящих военных действиях. 24 ноября, еще до фактического начала войны, иранское правительство дало согласие на вывод своих войск из Герата. Но невзирая на это, английская эскадра с десантными войсками 4 декабря захватила о. Харг, а 10 декабря бомбардировала и заняла Бушир. Англичане грозили иранскому правительству походом в глубь страны и вскоре овладели рядом пунктов на юге Ирана.

Британские газеты распространяли вымышленные сообщения о разгроме семитысячного шахского войска отрядом из 300 английских солдат и всячески прославляли английские «победы», хотя на деле войска и особенно население Ирана оказывали захватчикам серьезное сопротивление, а до основных центров Ирана на севере страны лежал далекий и трудный путь через безводные степи и пустыни.

Английское правительство не оставляло своих попыток втянуть Афганистан в войну с Ираном. В начале января 1857 г. англо-афганский договор 1855 г. был дополнен обязательством Ост-Индской компании выплачивать Дост Мохаммеду 100 тыс. рупий в месяц до окончания войны с Ираном и передать ему 16 тыс. ружей. На тот же срок эмир должен был допустить пребывание английских агентов в Кандагаре, Балхе и Кабуле.

Фактически эмир Дост Мохаммед занялся укреплением своей власти в Кандагаре и уклонился от участия в войне Англии с Ираном.

Парижский мирный договор между Англией и Ираном 4 марта 1857 г.

Завершение войны происходило в условиях, затруднивших дальнейшую агрессию против Ирана. Война была непопулярна в самой Англии. Отправка англо-индийских войск в Иран и новые поборы на оплату военных расходов усилили народное возмущение в Индии.

Грозные признаки надвигающегося восстания в Индии и начало войны с Китаем вынуждали английское правительство к скорейшему замирению с Ираном. Явное недовольство империи Наполеона III и царской России намерением Англии полностью подчинить себе шахское правительство тоже побуждали английский кабинет к осторожности. Не лучше обстояли у Англии дела и в Америке: в Новом Свете крайне обострились ее отношения с США. Все это делает понятным поворот британской дипломатии к миру с Ираном.

В январе 1857 г. английский посол в Париже Каули получил предписание начать переговоры о мире с иранским посланником Феррах-ханом, действовавшим при поддержке Франции. 4 марта 1857 г. они подписали мирный договор, по условиям которого шахское правительство отказывалось от всяких претензий на Герат и от вмешательства в его внутренние дела, обязывалось вывести из Герата свои войска и прибегать к английскому посредничеству в случае конфликтов с Гератом и Афганистаном.

Договор этот и особенно давление со стороны Франции вызвали нападки английских газет, считавших уступки со стороны Ирана совершенно недостаточными.

Но на самом деле английская агрессия все же серьезно ослабила Иран. После войны в дальнейшем шахское правительство согласилось на некоторое расширение привилегий иностранных купцов и на подписание новых неравноправных торговых договоров с Англией, США и другими государствами.

Проникновение английских и турецких агентов в среднеазиатские ханства в 50-х гг.

В 50-х годах усилилось проникновение английских и турецких агентов в феодальные среднеазиатские ханства — Хиву, Бухару и Коканд.

Эти ханства интересовали британскую буржуазию в качестве новых рынков и плацдармов для дальнейшей агрессии и для борьбы против России. Сбыт английских товаров в Индии, Иране и Афганистане был ограничен вследствие натурального хозяйства и

нищеты основной массы населения этих стран. Поэтому английская буржуазия желала непрерывной торговой экспансии все дальше и дальше в глубь Азии. Английские товары распространялись в Хиве и Бухаре и, по сведениям русских агентов, иногда продавались по низким ценам, даже в убыток, лишь бы подорвать русскую торговлю.

Но Англия преследовала в Средней Азии не одни только экономические цели. Политически Англия действовала там в контакте с Турцией. В 1852 г. хивинские посланцы в переговорах с оренбургским генерал-губернатором Перовским сообщили, что хивинский хан, возможно, предоставит Англии и Турции земли для возведения укреплений между Хивой и Сыр-Дарьей и что вопрос этот уже год тому назад обсуждался между хивинским посланцем и агентом султанского правительства в Тегеране.

Английские и турецкие агенты действовали от имени султана как «халифа правоверных» и разжигали религиозный фанатизм. Под знаменем защиты ислама они подстрекали реакционное мусульманское духовенство и придворные круги среднеазиатских ханств против России. Во время Крымской войны число этих агентов возросло. В конце 1853 г. в разных местах Средней Азии появились турецкие эмиссары с воззваниями, в которых Хива, Бухара и Коканд призывались к нападению на Россию. Именно в это время началось наступление двенадцатитысячного кокандского отряда на форт «Перовский» [1], отбитое русскими войсками. В Кокандском ханстве и среди казахов распространялись призывы султана к созданию союза Турции, Бухары и Коканда против России. Бухарские посланцы в свою очередь не раз ездили в Стамбул.

Нередко роль английских агентов выполняли афганские купцы, часто приезжавшие к туркменам в Бухару, Хиву и Кокандское ханство. Афганские войска захватывали прилегавшие к Афганистану малые независимые узбекские и таджикские ханства и были вооружены английским оружием. Английские офицеры, иногда переодетые афганскими купцами, появлялись в Хиве и в Коканде. В августе 1856 г. оренбургский генерал-губернатор Перовский получил сведения, что в Хиву «приехали в последнее время девять гератцев и один англичанин с предложением посредничества в делах ханств с туркменами, каракалпаками и киргизами». Английские агенты явно претендовали на взятие в свои руки сношений Хивы с соседними племенами.

---

[1] Бывшая кокандская крепость Ак Мечеть, незадолго до этих событий взятая русскими войсками.

Влияние противоречий между среднеазиатскими ханствами на их дипломатию

Взаимные противоречия между среднеазиатскими ханствами и борьба их за территориальные владения мешали Англии и Турции использовать их против России. Захватническая политика Англии также вызывала недоверие и страх.

Кокандский хан искал союза с Афганистаном и Хивой против Бухары и посылал своих агентов в Хиву и Кабул. Бухарское ханство враждовало с Хивой и Кокандом. Оно опасалось завоевательной политики Афганистана в отношении земель по верхнему течению Аму-Дарьи и боялось, что Англия окажет Афганистану поддержку. В силу этих причин бухарский эмир был не особенно склонен к сближению с Англией, хотя и уделял большое внимание укреплению политических и религиозных связей Бухары с Турцией.

Миссия Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1857 г.

Царское правительство опасалось проникновения английского и турецкого влияния в Среднюю Азию, но Крымская война, завоевание Кавказа и события на Дальнем Востоке отвлекали силы царской России от среднеазиатских ханств. В 50-х годах царское правительство ограничилось в основном занятием в этом направлении некоторых укрепленных пунктов и отправкой в среднеазиатские ханства своих военно-дипломатических агентов.

В 1857 г. в Петербург прибыли хивинские и бухарские посланцы под предлогом поздравления Александра II со вступлением на престол, а на деле для того, чтобы выведать намерения царского правительства. В том же году в Хиву и Бухару была отправлена миссия полковника Н. П. Игнатьева. Ему было предписано ознакомиться с положением в этих ханствах, прекратить вмешательство в их дела английских агентов и добиться разрешения на плавание русских торговых судов по Аму-Дарье. В Бухаре Игнатьеву удалось получить от эмира обещание, что он не будет вступать в переговоры с англичанами. По мнению Игнатьева, торговля с Россией для бухарских купцов была очень выгодной. В Хиве ему не удалось ни о чем договориться, да и обещания бухарского эмира Игнатьев считал вообще ненадежными и воочию убедился в росте активности английских агентов в Средней Азии.

Английская дипломатия и восстание 1857—1859 гг. в Индии

В 50-х годах британское правительство готово было распространить свою колониальную агрессию еще дальше в глубь Азии и явно переоценивало свои силы. Однако гроза, разразившаяся в Индии, создала для английских колонизаторов серьезные осложнения.

В 1857—1859 гг. в Индии развернулось мощное освободительное восстание. Оно до основания потрясло всю систему британского колониального владычества в Индии и явилось примером борьбы против иноземных колонизаторов для других народов Востока. Наряду с тайпинским движением в Китае восстание 1857—1859 гг. в Индии серьезно затруднило дальнейшую колониальную агрессию Англии, а отчасти и других капиталистических держав на Востоке.

Это восстание вовсе не было простым «бунтом» индийских солдат (сипаев), служивших в войсках Ост-Индской компании, как неправильно пишут реакционные историки. В это восстание в той или иной мере были вовлечены все классы индийского общества. Маркс справедливо называл движение 1857—1859 гг. индийским национальным восстанием. Главной силой восстания были широкие слои крестьян и городской бедноты, хотя во главе движения оказались представители духовенства и княжеских фамилий, недовольные потерей своих владений и лишением пенсий. Некоторые предводители восстания задолго до его начала пытались выяснить, насколько Крымская война и англо-русские противоречия могли отвлечь силы Англии от Индии. Азимулла — ближайший советник одного из виднейших участников восстания Нана-Сагиба, еще в 1854 г. поехал в Лондон, а на обратном пути побывал в Турции и под Севастополем, героическая оборона которого привела его к выводу о слабости вооруженных сил Англии. В поисках союзников Азимулла посетил Египет. Среди индийского народа ходили слухи о возможности получить поддержку со стороны России. Разумеется, царское правительство не собиралось помогать повстанцам. Русские революционные демократы высказывали им самое горячее сочувствие.

В ходе восстания его предводители не смогли развернуть регулярную дипломатическую деятельность и ограничивались отдельными попытками объединить в одно целое разрозненные очаги движения. Серьезным препятствием для этого была религиозная рознь мусульман и индусов. На подавление восстания английское правительство вынуждено было бросить многочисленные войска с артиллерией и вооруженными речными пароходами. Крупные вооруженные силы, предназначенные для действий в Иране и Китае, пришлось вернуть в Индию и надолго оставить там для подавления сопротивления со стороны индийцев и предотвращения новых восстаний.

Во время восстания английское правительство вынуждено было решать новые дипломатические задачи: ему пришлось поспешить с окончанием войны в Иране и постараться отвлечь внимание афганского эмира Дост Мохаммеда от Индии новыми советами — поскорее занять Герат афганскими войсками.

Ост-Индская компания опасалась, как бы Дост Мохаммед не воспользовался удобным моментом для того, чтобы овладеть Пешаваром, но эмир сохранил во время восстания нейтральную позицию и этим оказал огромную услугу английским колонизаторам. Дост Мохаммед и окружавшая его феодальная верхушка Афганистана сами боялись народных восстаний в своей стране и в Индии. Они уже с 1855 г. перешли к политике неравноправных сделок с Англией, приведших Афганистан к утрате независимости.

Ост-Индская компания вступила в соглашение с правителем Непала, частью сикхских вождей, с князьями Центральной и Южной Индии и использовала их помощь против повстанцев.

В целях беспощадного подавления восстания и для устрашения населения Индии и всех народов Азии британские завоеватели применяли чудовищные жестокости — расстрел из пушек сипаев, привязанных к жерлам орудий, виселицы, пытки, сожжение на медленном огне, а во многих случаях и всеобщую резню мирных жителей, не исключая женщин и детей. Колонизаторы разжигали религиозную рознь мусульман и индусов и постарались воспользоваться неустойчивостью и предательством многих князей и духовных лиц, сначала примкнувших к восстанию, а затем искавших соглашения с англичанами.

Восстание вынудило английское правительство в 1858 г. упразднить Ост-Индскую компанию, превратить Индию в колонию британской короны и заняться перестройкой ее военно-административной системы. Подавив восстание, английские колонизаторы продолжали беспощадно эксплуатировать индийский народ, но они чувствовали себя теперь в Индии, как на вулкане.

Затруднения в Индии связывали руки британским колонизаторам. Тем не менее они все же продолжали политику колониальной экспансии в Китае и других сопредельных с Индией странах.

Прежде всего английское правительство позаботилось установить телеграфную связь Индии с Англией, отсутствие которой давало себя знать во время восстания 1857—1859 гг. Для этого оно добилось в 1862 и 1865 гг. от Ирана предоставления английским фирмам концессии на постройку телеграфной линии через Иран от Ханекина на Тегеран и Бушир и дальше к английскому подводному кабелю в сторону Индии. Это были первые концессии капиталистических держав в Иране.

После подавления восстания 1857—1859 гг. английские колониальные власти в Индии, используя Афганистан и Турцию, продолжали подстрекать среднеазиатские ханства к войне с

Россией. В 1862 г. английские агенты в Бухаре вели переговоры о создании пароходства на Аму-Дарье, что вызвало серьезное беспокойство царского правительства.

Роль дипломатии царского правительства в завоевании Средней Азии в 60-х годах

После реформы 1861 г. возрос интерес русской буржуазии к Средней Азии как рынку сбыта и источнику сырья для русской промышленности. Царская Россия сделала в это время шаг к превращению в буржуазную монархию, и влияние интересов буржуазии на ее внешнюю политику увеличилось. Завоевание Средней Азии отвечало потребностям роста русского капитализма «вширь». Царское правительство стремилось установить свое господство в Коканде, Бухаре и Хиве, чтобы расширить пределы своей империи и предотвратить дальнейшее проникновение английского экономического и политического влияния в этих ханствах. Из Средней Азии царское правительство хотело также в случае надобности оказывать давление на Англию военными демонстрациями в сторону Индии, используя страх английских колонизаторов перед возможностью нового восстания в этой стране в случае приближения русских войск. Но при этом царское правительство не имело никаких планов действительного вторжения в Индию или ее завоевания. Утверждения английских газет о том, что Россия будто бы желает завоевать Индию, не имели под собой никаких оснований и лишь маскировали собственные агрессивные цели Англии.

Осенью 1864 г., когда царское правительство перешло к агрессивным действиям в Средней Азии, задача царской дипломатии заключалась в том, чтобы ослабить впечатление от этих действий в Англии. 21 ноября 1864 г. Горчаков разослал русским представителям за границей длинный циркуляр [1], мотивировавший завоевания России в Средней Азии охраной «безопасности границ» и защитой русской торговли от «набегов и грабительств». Горчаков сравнивал экспансию России в Азии с расширением территории США и колониальными завоеваниями Англии, Франции и Голландии, подчеркивая, что Россия не является исключением и следует по пути, уже проложенному этими государствами.

Царское правительство использовало противоречия между среднеазиатскими ханствами и по мере возможности действовало против каждого из них в отдельности. Первый удар был нанесен кокандскому ханству. В сентябре 1864 г. русские войска заняли Чимкент, а 17 июня 1865 г. — Ташкент.

---

[1] См. *Ф. Мартенс*, Россия и Англия в Средней Азии, СПб. 1880.

Завоевание обширных территорий Кокандского ханства дало возможность царскому правительству в 1867 г. создать оплот своей военно-административной власти в Средней Азии в виде Туркестанского генерал-губернаторства. В надежде на сговор с местными феодалами и духовенством царское правительство считало целесообразным не прямое присоединение местных феодальных ханств, а их превращение в вассальные государства. В феврале 1868 г. кокандский хан Худояр согласился на предложенный царским правительством договор. По условиям этого договора занятые русскими войсками города отходили к России, остальная же часть Кокандского ханства превращалась в зависимое от России вассальное государство. Для русских купцов разрешалась свободная торговля с условием уплаты пошлины в 2,5% от стоимости товаров. Посланец Худояр-хана Мирза Хаким отправился в Петербург.

После взятия Ташкента в Средней Азии еще более усилилась деятельность английских и турецких агентов. В Бухару, Хиву и Коканд доставлялось английское оружие. В Бухарское ханство в 1868 г. направился турецкий улем Суави-Эфенди. Впрочем, сведения о тяжелом положении Индии под английским игом, проникавшие в Среднюю Азию, не способствовали деятельности английских и турецких агентов. В Индии возлагались некоторые надежды на соперничество русских и английских колонизаторов. Так, например, в 1865 г. в Оренбург прибыли посланцы из Кашмира и просили царские власти продолжать русское наступление до границ Индии. Среди индийского народа в разных местах ходили слухи, что Нана Сагиб жив и находится в России.

Бухарский эмир Музаффар и окружавшие его светские феодалы и духовные лица поддерживали сношения с турецким правительством и британскими властями в Ост-Индии. В надежде на помощь Турции и Англии Музаффар готовился к войне с Россией и отправил своих эмиссаров в Хиву и Коканд. Стараясь выиграть время, он еще в 1867 г. прислал своего посланца Муссабека в Оренбург для подготовки договора о переходе Бухары под протекторат России, но затем отверг этот договор и объявил «газават» против «неверных». После поражения бухарских войск эмир затягивал присылку русскому генерал-губернатору К. П. Кауфману письменного согласия на предъявленные ему условия. Взятие русскими войсками Самарканда вынудило эмира согласиться на капитуляцию, но Кауфман не принял ее и ограничился тем, что принудил эмира подписать договор о протекторате и границах и об уплате около полумиллиона рублей за военные издержки. По договору от 23 июня 1868 г. эмир лишался права вести самостоятельные внешние сношения, русским судам разрешалось плавание по

Аму-Дарье, русское правительство получало право на устройство в Бухаре почтовой службы и проведение телеграфной линии. Условия торговли для русских купцов устанавливались в общем те же, что и в Коканде.

Для завоеваний в Средней Азии в 60-х годах царское правительство выбрало такой момент, когда Англия не могла помешать ему. Руки английского правительства были связаны подъемом национально-освободительного движения в Ирландии, напряженным положением в Индии и обострением отношений с Францией и США. Сближение с Пруссией обеспечивало западные границы России. Царское правительство учитывало все эти обстоятельства и действовало, не встречая серьезного сопротивления со стороны Англии.

Следующим важным шагом царского правительства в Средней Азии было основание в 1869 г. Красноводска в целях укрепления позиций России на юго-восточном берегу Каспийского моря.

Присоединение Средней Азии к России распространяло на среднеазиатские области колониальный гнет царизма. Но включение этих народов в состав России имело и другую сторону: оно соединило их судьбу с прогрессивными силами России, с русским революционным движением. Вследствие этого присоединение Средней Азии к России имело объективно прогрессивное значение.

Британская дипломатия в Афганистане в 60-х годах

В 60-х годах британская дипломатия стремилась прочнее подчинить Афганистан своему контролю и использовать его как орудие колониальной экспансии Англии. Эмир Дост Мохаммед в последний период своего правления уже связал себя с политикой Англии, и ему была обещана поддержка в гератском вопросе. В 1861 г. афганские войска двинулись на Герат и заняли его в июне 1863 г. Через несколько дней после этого Дост Мохаммед умер, и в Афганистане наступила новая полоса феодальных междоусобиц.

Сын и преемник Дост Мохаммеда Шер Али не склонен был усиливать зависимость Афганистана от Англии. Британское правительство и его власти в Индии затягивали признание Шер Али эмиром, лишили его поддержки деньгами и оружием, стали укрывать в Индии его противников и тем самым бесцеремонно нарушали условие статьи 1 договора 1855 г. о дружбе между обеими странами. Цель этой политики заключалась в том, чтобы вынудить Шер Али стать в полную зависимость от Англии или же обеспечить воцарение в Кабуле более послушного претендента на афганский престол. Разжигание феодальных междоусобиц в Афганистане было для

Англии одним из способов облегчить себе ослабление и подчинение этой страны.

В 1863 г., когда между Ираном и Афганистаном возник конфликт из-за проведения границы в области Сеистан, английское правительство стало провоцировать войну между этими государствами. В ноябре 1863 г. лорд Россел писал, что следует предоставить обеим сторонам «точнее определить свои границы силою оружия»[1]. Эта позиция Англии была явным нарушением ею договора 1857 г. с Ираном, предусматривавшего английское посредничество в случае ирано-афганского конфликта. Однако Иран и Афганистан воздержались от столкновения друг с другом, подозревая, что в случае войны между ними Англия захватила бы их южные области у них обоих.

Шер Али долго боролся за власть со своими соперниками. Видя, что победа Шер Али неизбежна, британское правительство изменило в отношении него свою тактику. В 1868 г. бывший британский агент в Кандагаре, член Индийского совета Генри Роулинсон, представил записку в министерство по делам Индии, в которой рекомендовал признать Шер Али, дать ему субсидию деньгами и оружием за согласие принять английского резидента и затем перейти к захвату Белуджистана. В 1869 г., получив записку, вице-король Индии лорд Майо, пригласил Шер Али встретиться с ним на севере Индии.

Встреча эта состоялась в Амбале 27 марта 1869 г. и сопровождалась торжественными церемониями и военным парадом, имевшим целью произвести подавляющее впечатление на эмира.

Майо устно пообещал эмиру субсидию в 1 млн. 200 рупий в год и помощь оружием. При отъезде англичане передали эмиру 1,5 млн. рупий, 24 тыс. ружей, 12 пушек и оборудование для арсенала. Во время переговоров Майо запугивал эмира, рисуя перед ним опасности, якобы грозящие ему со стороны России, но отказался подписать договор о признании независимости Афганистана и об оказании ему помощи. Английское оружие и деньги эмир использовал затем для завоевания соседних с Афганистаном узбекских и таджикских земель.

Англо-русские переговоры по среднеазиатским делам 1869 г.

В начале 1869 г. британский министр иностранных дел лорд Кларендон начал переговоры с русским послом Брунновым о разграничении сфер влияния России и Англии в Средней Азии и предложил сохранить между ними «пояс, который бы предохранил их от всякого соприкосновения». Британское правительство боялось,

---

[1] *H. Rawlinson,* England and Russia in the East, London, 1875, p. 103.

что это «соприкосновение» возбудит у народов Индии надежду на поддержку России и будет способствовать восстанию на севере страны.

Царское правительство соглашалось считать нейтральной зоной Афганистан, признать его независимость и не вмешиваться в его внутренние дела. Но английское министерство не принимало этих условий. Оно рассматривало Афганистан как государство, зависимое от Англии, и совершенно произвольно определяло северную границу афганских владений. Для переговоров по этому вопросу с царским правительством в Петербург прибыл представитель вице-короля Индии Д. Форсайт, и с ним было достигнуто согласие по трем пунктам: 1) что территорией Афганистана должны считаться земли, которыми Шер Али-хан фактически владеет; 2) что эмир не будет пытаться расширить эти владения за счет Бухары и английское правительство будет отклонять его от подобных попыток; 3) что русское правительство не допустит нарушения неприкосновенности афганских территорий со стороны бухарского эмира [1].

* *
*

Англо-русские противоречия в 50—60-х годах были центральным звеном в дипломатических отношениях в Иране, Афганистане и Средней Азии. Британские колонизаторы стремились в той или иной мере подчинить себе и использовать в своих целях Турцию, Иран, Афганистан, среднеазиатские ханства и Кашгарию. Эти широкие замыслы в целом были не по силам Англии, но британские колонизаторы вовлекли в свои агрессивные планы и поставили в зависимость от себя Афганистан и упрочили свои позиции в Иране. Они старались содействовать созданию зависимого от Англии мусульманского государства на западных окраинах Китая, посылали своих эмиссаров в Хиву и другие ханства Средней Азии. Царская Россия сохраняла сильное влияние в Иране и упрочила свои позиции в Средней Азии присоединением огромных территорий и подчинением Кокандского и Бухарского ханств своему протекторату. Борьба Англии и России за среднеазиатские рынки, плацдармы и за преобладание в Иране продолжала обостряться.

---

[1] См. «Афганское разграничение». Изд. Министерства иностранных дел. СПб. 1887.

БИБЛИОГРАФИЯ[1]

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству М. 1940.
Энгельс Ф. К истории древних германцев. М. 1938.

Источники

«Хрестоматия по истории древнего мира». Под ред. В. В. Струве. Т. 1—3. М. 1950—1953.
«Древний мир в памятниках его письменности». Ч. I. «Восток». Сост. Д. А. Жариков и др. М. 1915.
«Артхашастра, или Наука политики». Пер. с санскрита. М. 1959.
Гомер. Илиада. Пер. Гнедича. М. 1935.
Гомер. Одиссея. Пер. В. А. Жуковского. М. 1935.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, с его предисл. и указаниями. 2-е, испр. и доп., изд. Т. 1—2. М. 1888.
Фукидид. История. Пер. Ф. Мищенко с прим. и вступит. очерком С. Жебелева. Т. 1—2. М. 1915.
Ксенофонт. Греческая история. Пер., вступит. статья и комментарии С. Лурье. Л. 1935.
Ксенофонт. Анабасис. Пер., статья и примеч. М. И. Максимовой. Под ред. И. И. Толстого. М.—Л. 1951.
Демосфен. Речи. Пер. с греч. Статья и примеч. С. И. Радцига. М. 1954.
Эсхин. Речь против Ктесифонта. Пер. с греч. К. Нейлисов, СПб. 1887.
Аппиан. 1. Митридатовы войны. 2. Сирийские дела. Пер. С. П. Кондратьева. «Вестник древней истории» № 4. 1946 г. Прил.
Иосиф Флавий. Древности иудейские. Пер. Г. Генкеля. Т. 2. СПб. 1900.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Пер. с греч. В. Алексеева. Т. 1—9 (26 вып.). СПб. 1893—1895.
Плутарх. Избранные биографии. Пер. с греч. под ред. и с предисл. С. Я. Лурье. М.—Л. 1941.
Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1—3. М. 1890—1899.
Тит Ливий. Римская история от основания города. Пер. с лат. под ред. П. Адрианова. Т. 1—6. М. 1891—1896.
Цицерон Марк Тулий. Полное собрание речей. Пер. В. А. Алексеева и Ф. Ф. Зелинского. Т. I. СПб. 1901.
Юлий Цезарь. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Пер. и коммент. М. М. Покровского. М.—Л. 1948.

---

[1] Библиографию составили научные сотрудники Государственной публичной исторической библиотеки Б. Я. Галина, Е. А. Гутерман, Б. А. Каменецкий и В. И. Мендельсон.

Тацит Корнелий. Сочинения. Пер. В. И. Модестова. Т. 1—2. История. Летопись. СПб. 1886—1887.
Юстин. Эпитомы сочинения Помпея Грота. «Вестник древней истории» № 2, 3, 4, 1954 г.; № 1, 1955 г.
Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Пер. Д. Кончаловского. М. 1933.
Геродиан. История. Пер. В. Оболенского. М. 1829.
Аммиан Марцеллин. История. Пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1—3. Киев. 1906—1908.
Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готами. Пер. с греч. С. Дестуниса. Кн. 1, 2. СПб. 1876—1891.
Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер. с греч. С. П. Кондратьева. Вступит. статья З. В. Удальцовой. М. 1950.
Scala R. Staatsverträge des Altertums. Bd. I (до 338 г.). 1898.
Knudtzon S. A. Die El-Amarna Tafeln. Leipzig. 1915.
Mercer S. The Tellell-Amarna tablets. Vol. 1—2. Toronto. 1939.
Weidner E. F. Politische Documente aus Kleinasien. Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi. Vol. 1—2. Leipzig. 1923.
«Royal Correspondence of the Assyrian Empire». Translated into english with a transliteration of the text and a commentary by L. Waterman, p. I—IV. Michigan. 1930—1936.
Busolt-Swoboda. Griechische Staatskunde. T. 1—2. München. 1920—1926.
Tod M. H. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol. 1—2. Oxford. 1946—1948.

Литература

«Всемирная история». В десяти томах. Под ред. Е. М. Жукова (глав. ред.) и др. Т. 1. М. 1955. Т. 2. М. 1956.
«Всеобщая история государства и права». Ч. I. «Древний мир». Вып. 1—2. М. 1944—1945.
Бокщанин А. Г. История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М. 1948.
Тарков П. И. К истории международных отношений в античном мире. «Вестник древней истории» № 2. 1950 г. Стр. 28—36.
Авдиев В. И. История древнего Востока. Учебник для ист. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов. Изд. 2, переработ. и доп. М. 1953.
Тураев Б. А. История древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. Т. 1—2. Л. 1936. Т. 1. Отд. 1 и 2. Т. 2. Отд. 3, 4, 5, 6.
Авдиев В. И. Военная история древнего Египта. Т. 1—2. М. 1948—1959. Т. 1. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI—XV вв. до н. э. 1948. Т. 2. Период крупных войн в Передней Азии и Нубии в XVI—XV вв. до н. э. 1959.
«Древняя Греция». Под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова. М. 1956.
Дройзен И. Г. История эллинизма. Пер. с франц., дополненного автором издания. Под ред. А. Буше-Леклерка. Т. 1—3. М. 1890—1893.
Сергеев В. С. История древней Греции. Под ред. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина. Изд. 2 (посмертное), испр. и доп. М. 1948.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л. 1949.
Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М. 1952.
Машкин Н. А. История древнего Рима. М. 1950.
Машкин Н. А. Принципат Августа. М. 1949.
Моммзен Т. История Рима. Пер. с нем. Т. 1—3, 5. М. 1936—1949.

Мишулин А. Объявление войны и заключение мира у древних римлян. «Исторический журнал» № 10—11 1944 г. Стр. 103—113.
Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М. 1951.
Златковская Т. Д. Мёзия в I и II веках нашей эры. (К истории Нижнего Дуная в римское время.) М. 1951.
Манандян Я. В. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. (V в. до н. э. — XV в. н. э.) Изд. 2. Ереван. 1954.
Манандян Я. А. Тигран II и Рим. В новом освещении по первоисточникам. (I в. до н. э.) Ереван. 1943.
Тарн В. В. Эллинистическая цивилизация. М.—Л. 1950.
«The Cambridge ancient history». Vol. 1—12. Cambridge. 1928—1939.
Numelin R. The beginning of diplomaty. A sociological study of intertribal and international relations. L. 1950.
Aymard A. et Auboyer J. L'Orient et la Gréce antique. Préf. gén. par M. Cronzet. P. 1953.
Egger E. Etudes historiques sur les traités publiés chez les Grecs et chez les Romains depuis les temps les plus anciens jusqu'aux premiers siècles de l'ère chrétienne. Nouvelle éd. P. 1866.
Scharff A. Moortgate A. Ägypten und Vorderasien im Altertum. München. 1950.
«Staatsverträge des Hatti-reiches in hethitischer Sprache». T. 1—2. Leipzig. 1926—1930.
Weidner E. F. Der Zug Sargons von Akkad nach Kleinasien. Die ältesten geschichtlichen Beziehungen zwischen Babylonien und Hatti. Leipzig. 1922.
Wercoutter J. Essai sur les relations entre Egyptiens et Préhelenes. P. 1954.
Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L. 1941.
Bickel E. Themistokles. Der Kampf um das Mittelmeer zwischen Griechenland und Persien. Bonn. 1943.
Cloché P. La politique étrangère d'Athènes de 404 a 338 avant J.-C. P. 1934.
Cohen R. La Gréce et l'helénisation du monde antique. P. 1948.
Dessi F. La guerra di Troia Storia diplomatica e militare. Corrente. 1942.
Dussaud R. Prélydiens, Hittites et Achées. P. 1953.
Martin V. La vie internationale dans la Grèce des cités (VI-e—IV-es. av. J. C.). P. 1940.
Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. 1—3. Gotha. 1893—1903.
Romilly J. Thucydide et l'impérialisme athénien. P. 1947.
Altheim F. Stiehl R. Asien und Rom. Neue Urkunden aus sasanidischer Frühzeit. Tübingen. 1952.
Bömer F. Rom und Troia. Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms. Baden-Baden. 1951.
Helm R. Untersuchungen über den auswärtigen diplomatischen Verkehr des Römischen Reiches im Zeitalter der Spätantike. «Archiv für Urkundenforschung». Leipzig. 1932. No. 12.
Lepper F. A. Trajan's parthian war. L. 1948.
Oost S. J. Roman policy in Epirus and Acarnania in the age of the Roman conquest of Greece. Dallas. 1954.
Thurm E. A. De Romanorum legatis rei publicae liberae temporibus ad exteras nationes missis. Leipzig. 1883.
Walter G. La destruction de Carthage, 264—148 av. J. C. P. 1947.
Weiske K. A. Considérations historiques et diplomatiques sur les ambassades des Romains, comparées aux modernes. Zwickau. 1834.
Willems P. Le Sénat de la République Romaine. Vol. 2. Les attributions du Sénat. Louvin. 1885.

ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА
(до XV в. включительно)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. 5—6. М. 1938—1939.
Маркс К. Секретная дипломатическая переписка. Соч. Т. 10. Стр. 149—164 *.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения. В двух томах. Т 2. М. 1955. Стр. 160—310.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. (Из рукописного наследства.) Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 440—450.
Энгельс Ф. Франкский период. (Из рукописного наследства.) Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 390—439.
Ленин В. И. Государство и революция. Соч. Т. 25. Изд. 4. Стр. 353—462.

Источники

«Средневековье в его памятниках». Под ред. Д. Н. Егорова. М. 1913.
Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 1—3. СПб. 1913—1915.
«Хрестоматия по истории средних веков». Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. 1—3. Изд. 2. М. 1949—1950.
Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л. 1953.
Али Гийасаддин. Дневник похода Тимура в Индию. Пер. с перс., предисл. и примеч. А. А. Семенова. М. 1958.
Карпини Иоанн де Плано. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Ред., вступит. статья и примеч. Н. П. Шастиной. М. 1957.
Константин Багрянородный. Об управлении государством. М.—Л. 1934.
Низам-ал-мульк. Сиасет—Намэ. Пер., предисл. и примеч. Б. Н. Заходера. М.—Л. 1949.
Прокопий Кесарийский. Тайная история. «Вестник древней истории» № 4. 1938 г. Стр. 271—362.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1—3. М.—Л. 1946—1952.
«Сказания Приска Панийского». Пер. Г. С. Дестуниса. СПб. 1860.
Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Пер. М. А. Сальс. М. 1958.
Фома Мецопский. История Тимур-ланка и его преемников. Баку. 1957.

«Archivum latinitatis medii aevi, consociatarum academiarum auspiciis conditum». Dig. J. H. Baxter e. a. Bruxelles. 1943.
Bischet A. Histoire du dépôt des archives des affaires étrangères à Paris, au Louvre en 1710, à Versailles en 1763, et de nouveau à Paris. P. 1875.
Bergenroth G. Letters, dispatches and State papers relating to the negotiationes between England and Spain. Vol. 1—3. L. 1862.
«Bullarium franciscanum continens constituciones epistolas diplomata romani pontificis Sixti IV ad tres ordines etc.». T. 3. 1471—1484. S. l. 1949.

---

* Все ссылки на Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса даются по второму изданию. В тех случаях, когда указанные произведения еще не появились в вышедших томах второго издания, они даются по первому изданию, что в каждом отдельном случае не оговаривается.

«Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren». Übers., eingel. und erkl. v. E. Doblhofer. Graz. 1955.
Charrière E. Négociations de la France dans le Levant. P. 1860. (Collection des documents inédits sur l'histoire de France. T. 4—6.)
Commines Ph. Memoires. P. 1881.
«Documenti delle relationi tra Carlo I d'Augiò e la Toscana». Ed. S. Terlizzi. Firenze. 1950.
«Documentos sobre relaciones internacionales de los Reyes católicos». Ed. prepar. par A. de la Forre. Vol. 1—3. 1479—1491. Barcelona. 1949—1951.
«Eginhard (Einhardus) Vita Karoli Magni». Ed. 6. Hannoverae et Lipsiae. 1911. (Scriptores rerum germanicarum in usum scolarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi.)
«English historical documents». Vol. 1—2. L. 1953.
Gentilis Albericus. De Legationibus. Vol. 1—2. L. 1583. (N.—Y. 1924).
Hubatsch W. Quellen zur Geschichte des Deutschen Ordens. Göttingen. 1954.
Innocentius III. Selected letters of pope Innocent III concerning England. 1198—1216. Ed. C. R. Cheney. L. 1953.
«Lettres de Louis XI». Publ. par J. Vaesen, E. Charavay et B. Mandrot. T. 1—11. P. 1883—1909.
«Lettres et négociations de Philippe de Commines». Publ. avec un commentaire historique et biographique par J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles. 1867.
«Négociations diplomatiques de la France avec Toscane». Documents recueillis par G. Canestrini et par A. Desjardins. P. 1872.
«Regesta historica diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525». Bearb. v. E. Joachim. Hrsg.: W. Hubatsch pt. 1—2. Göttingen. 1948—1952.
«Textes diplomatiques. VII milieu du XV siécle». Rec. par J. Gessler. Bruxelles. 1948.
«The war of Saint-Sardos. 1323—1325. Gascon correspondence and diplomatic documents». Ed.: P. Chaplais. L. 1954.
Thomas G. M. Die ältesten Verordnungen der Venetianer für auswärtige Angelegenheiten. (Abhandlungen der Münchener Akademie der Wissenschaften. 1873.)
«Treaty rolls preserved in the Public record office». Ed.: F. Chaplais. V. 1. L. 1955.

Литература

Бартольд В. В. Мусульманский мир. П. 1922.
Васильев А. А. Византия и арабы. 1925.
Васильев А. А. История Византии. Вып. 1. Византия и крестоносцы. П. 1923.
Васильев А. А. Латинское владычество на Востоке. П. 1923.
Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403). СПб. 1912.
«Всемирная история». В десяти томах. Под ред. Е. М. Жукова (глав. ред.) и др. Т. 3. М. 1957.
«Всеобщая история с IV столетия до нашего времени». Сост. под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 1—4. М. 1897—1898.
Гордлевский В. А. Государство Сельджуков в Малой Азии. М.—Л. 1941. (Труды Ин-та востоковедения. Т. 39.)
Грабарь В. Э. Вселенские соборы XII—XV веков как орган международного общения. «Вопросы истории» № 3—4. 1945 г. Стр. 86—98.

Грабарь В. Э. Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV века. В кн.: «Средние века». Вып. 2. 1946. Стр. 253—277.

Грабарь В. Э. Римское право в истории международноправовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII—XIV вв. Юрьев. 1901.

Грацианский Н. П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. Пособие для преподавателей. М. 1943.

Грацианский Н. П. Заэльбские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. «Исторический журнал» № 8. 1942 г. Стр. 37—42.

Грацианский Н. П. Карл Великий и славяне. «Исторический журнал» № 3. 1945 г. Стр. 21—27.

Грацианский Н. П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. «Вопросы истории» № 2—3. 1946 г. Стр. 92—105.

Грацианский Н. П. Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века. В кн. «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». Под ред. З. Р. Неедлы. М. 1944. Стр. 48—60.

Грацианский Н. П. Славянское царство Само. К критике известий «Хроники Фредегара». «Исторический журнал» № 5—6. 1943 г. Стр. 41—47.

Диль Ш. История Византийской империи. Пер. с франц. А. Е. Рогинской. Под ред. и с предисл. Б. Т. Горянова. М. 1948.

Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб. 1908.

Заборов М. А. Крестовые походы. М. 1956.

Йончев Л. Българо-византийские отношения около сред. на XIV век (1331—1344). «Историч. преглед» № 3. 1956 г. Стр. 63—73.

«История стран зарубежного Востока в средние века». Под ред. Ацамба Ф. М. и др. М. 1957.

Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб. 1901.

Левченко М. В. История Византии. М. 1940.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л. 1946.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л. 1951.

Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII вв. М. 1938.

Скавкин С. Д. История международных отношений и дипломатии в средние века. М. 1948.

Тарле Е. В. История Италии в средние века. СПб. 1906.

Удальцова З. В. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник Моск. гос. ун-та. Ист.-филол. серия» № 3. 1958 г. Стр. 21—57.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 1—3. М.—Л. 1913—1948. Т. 1. СПб. 1914. Т. 2. Ч. 1. Л. 1927. Т. 3. М.—Л. 1948.

Успенский Ф. И. История крестовых походов. Спб. 1901.

Флоринский Т. Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1—2. СПб. 1882.

Шейнман М. М. Краткие очерки истории папства. М. 1952.

Baschet A. Les Archives de Venise. Histoire de la chancellerie secrète. P. 1870.

Battur G. Traité de droit politique et de diplomatie. T. 1—2. 1822.

Baxmann R. Die Politik der Päpste von Gregor I bis auf Gregor VII. Teil 1—2. Elberfeld. 1868—1869.

Calmette J. Le monde féodal. P. 1946.

Calmette J. La question des Pyrénées et la marche d'Espagne au Moyen-Age. 6 ed. P. 1947.

Deprez L. Les préliminaires de la guerre de cent ans. P. 1902.

Desjardins A. Louis XI, sa politique extérieure, ses rapports avec Italie. P. 1874.
Diehl Ch. Une république patricienne. Venise — P. 1916.
Courtois C. Les Vandales et l'Afrique. P. 1955.
Dölger F. Byzanz und europäische Staatenwelt. Ausgewählte Vorträge und Aufsätze. S. L. 1953.
Fischer S. N. The foreign relations of Turkey (1481—1512). Urbana. 1948.
Flassan G. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française depuis la fondation de la monarchie jusqu'a la fin du règne de Louis XVI. T. 1—7. P. 1811.
Fliche A. La querelle des investitures. P. 1946.
Forstrenter K. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen. 1955.
Francois M. Le cardinal François de Tournon, homme d'état, diplomate, mécène et humaniste. 1489—1526. P. 1951.
Friedbender J. Die papstlichen Legaten im Deutschland und Italien am Ende des XII Jahrhunderts (1181—1198). 1928.
Gachard L. Les monuments de la diplomatie vénetienne, considérés sous le point de vue de l'histoire moderne en général, et de l'histoire de la Belgique. P. 1853.
Ganshof F. L. Le Moyen Age (Histoire des relations internationales). P. 1953.
Genet R. Traité de diplomatie. P. 1930.
Hatschek J. Wörterbuch des Völkerrechts und der Diplomatie. B. 1924—1929.
Hill D. A History of Diplomacy. Vol. 1—2. L. 1905—1915.
Huillard-Bréholles J. Historia diplomatica Frederici II... Vol. 1—12. P. 1852—1861.
Joachim E., Hubatsch W. Regesta historica-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525. P. 1—2. Göttingen. 1948—1950.
Latouche B. Les grandes invasions et la crise de l'Occident an V siècle. 1946.
Levison W. England and the Continent in the VIII century. Oxford. 1949.
Lewis A. R. Naval power and trade in the Mediterranean A. D. 500—1100. Princeton. 1951.
Löhren. Beiträge zur Geschichte des Gesandschaftlichen Verkehrs im Mittelalter. Heidelberg. 1884.
Ljungfors A. Bidrag till svensk diplomatik före 1350. Avhandl. Lund. 1955.
Lucas H. S. The low countries and the hundred years war, 1326—1347. Michigan. 1929.
Marcais G. La Berbérie musulmane et l'Orient au moyen âge. P. 1946.
Menzel V. Deutsches Gesandtschaftswesen im Mittelalter. Hannover. 1892.
Mattingly G. Renaissance diplomacy. L. 1955.
Ohnsorge W. Abendland und Byzanz. Gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzäntinisch-abendländischen Beziehungen und des Keisertums. Weimar. 1958.
Pfeffermann H. Die Zusammenarbeit der Renaissanspäpste mit den Türken. Winterthur. 1946.
Reumont A. Della diplomazia italiana dal secolo XIII al XVI. T. I. Firenze. 1857.
Runciman S. A history of the Crusades. V. 1—3. Cambridge. 1954—1955.
Russell P. E. The English intervention in Spain and Portugal in the time of Edward III and Richard II. Oxford. 1955.
Toussaint J. Les Relations diplomatiques de Philippe le Bon avec le concile de Bâle (1431—1449). Louvain. 1942.
Vaughan D. Europe and the Turk. A pattern of alliances 1350—1700. Liverpool. 1954.

Wang Ji—T'ung. Official relations between China and Japan. 1368—1549. Cambridge. 1953.
Zerbi P. Papato, impero e «Respublica Christiana» del 1187 al 1198. Milano. 1955.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ (X—XV ВЕКА)
ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Источники

«Повесть временных лет». Подгот. текста Д. С. Лихачева. Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1—2. М.—Л. 1950.
«Договоры Руси с Византией». В кн.: «Памятники русского права». Вып. 1. Сост. А. А. Зимин. «Памятники права Киевского государства X—XII вв.» М. 1952. Стр. 1—70.
«Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Вып. 1. Л. 1934. («Известия ГАИМК». Вып. 91.)

Литература

Греков Б. Д. Киевская Русь. М. 1949.
Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956.
Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л. 1945.
Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л. 1946.
«Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.» Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. 1958.

ДИПЛОМАТИЯ НА РУСИ
ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ
(XI—XV века)

Источники

«Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» М.—Л. 1950.
«Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л.1950.
«Полное собрание русских летописей». Изд. Постоянной историко-археографической комиссией АН СССР. Т. 1. «Лаврентиевская летопись». Вып. 1—3. Л. 1926—1928. Т. 2. «Ипатьевская летопись». СПб. 1908.
«Псковские летописи». Вып. 1—2. Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.—Л. 1941—1955. Вып. 1. 1941. Вып. 2. 1955.
«Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.—Л. 1949.
«Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами». —
«Договор («Правда») Смоленска с г. Ригою и Готским берегом... (1229 г.)» В кн.: «Памятники русского права». Вып. 2. «Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв.» Сост. А. А. Зимин. М. 1953. Стр. 54—98, 124—132.
«Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. 1—2. СПб. — М.—Л. 1884—1941.

Литература

Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб. 1855.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. 1952.

Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб. 1879.

Греков Б. Д. и *Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л. 1950.

Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XVI столетия. Киев. 1884.

Лихачев Д. С. Русский посольский обычай XI—XIII вв. «Исторические записки». Кн. 18. 1946. Стр. 42—55.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.—Л. 1940.

«Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». В двух частях. Под ред. Б. Д. Грекова (отв. ред.), Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. М. 1953.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV в. М. 1959.

Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». Кн. 14. 1945. Стр. 38—61.

ДИПЛОМАТИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI — XVIII века)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. Соч. Т. 3. Изд. 2. Стр. 56—61.

Маркс К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 519—523.

Маркс К. Объявление войны. — К истории возникновения восточного вопроса. Соч. Т. 10. Изд. 2. Стр. 165—173.

Маркс К. Божественное право Гогенцоллернов. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 98—104.

Маркс К. Энгельсу. 2 декабря 1856 г. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953. Стр. 89—91.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. Пер. И. И. Степанова-Скворцова, провер. и испр. М. 1955. Стр. 718—767.

Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо первое. Редактору «Northern Star». Соч. Т. 2. Изд. 2. Стр. 559—565.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 453, 457, 459, 463—464, 488—489.

Энгельс Ф. Заметки о Германии. В кн. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М. 1953. Стр. 165—171.

Источники

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1, 2, 5, 6, 9(10), 13. СПб. 1874—1902.

Dumont J. Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traités d'alliance, de paix etc. T. 4—8. Amsterdam et La

Haye. 1726—1731. — Supplément au corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des traités etc. ... Continué jusqu'à présent par Rousset. T. 2. Amsterdam et La Haye. 1739. — Le cérémonial diplomatique des cours de l'Europe etc. Recueilli en partie par Dumont, mis en ordre etc. par Rousset. T. 1—2. Amsterdam et La Haye. 1739.

Martens G. F. Recueil des principaux traités d'alliance, de paix etc., conclus... depuis 1761 jusqu'à présent. T. 1—7. Gottingue. 1791—1801. — Supplément au Recueil des principaux traités d'alliance, de paix etc. T. 1—4. Gottingue. 1802—1808. — Murhard F. W. A. Nouveaux suppléments au Recueil des traités..., fondé par G. F. de Martens. T. 1—3. Gottingue. 1839—1842. — Nouveau recueil général de traités... T. 1—20. Gottingue. 1843—1875.

Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman. T. I. 1300—1789. P. 1897.

«British diplomatic instructions 1689—1789». V 1—7. L. 1922—1934.

«Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française». V. 1—26. P. 1884—1958.

Литература

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1—4. М. 1894—1902.

«Всемирная история». В десяти томах. Под ред. Е. М. Жукова (главн. ред.) и др. Т. 4—5. М. 1958.

Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Т. 1. М. 1896.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 6—12. СПб. 1903.

Поршнев Б. Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. Учен. записки Акад. обществ. наук. Вып. 2. М. 1948. Стр. 5—33.

«Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией». Т. 1—4. СПб. — Л. 1907—1927.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. 3. Кн. 1—6. СПб. Б. г.

Bourgeois É. Manuel historique de politique étrangère. T. 1. 11-me éd. P. 1932.

Fueter E. Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492—1559. München und Berlin. 1919.

Hill D. J. A history of diplomacy in the international development of Europe. V. 2—3. L. 1924—1925.

Mowat R. B. A history of European diplomacy 1451—1789. L. 1928.

Petrie C. Earlier diplomatic history. 1492—1713. L. 1949.

Platzhoff W. Geschichte des europäischen Staatensystems 1559—1660. München u. Berlin. 1928.

Rain P. La diplomatie française d'Henri IV à Vergennes. P. 1945.

Zeller G. Les temps modernes. 1—2. P. 1953—1955. (Histoire des relations internationales. Publ. sous la dir. de P. Renouvin. T. 2—3.)

Доброклонский С. Указатель трактатов и сношений России. С 1462 по 1826. М. 1838.

Myers D. P. Manual of collections of treaties and of collections relating to treaties. Cambridge, Mass. L. 1922.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИПЛОМАТИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ в XVI—XVIII веках

Источники

Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Пер. с лат. А. Л. Саккетти. М. 1956.

Макиавелли Н. Князь. В кн. *Макиавелли Н.* Сочинения. Т. 1. М.—Л. Б. г. Стр. 209—352.

Эразм Роттердамский. Жалоба Мира. «Вопросы философии» № 5. 1955 г. Стр. 124—137.

Callières F. de. De la manière de négocier avec les souverains. P. 1716.

Gentilis A. De legationibus. V. 1—2. L. 1585.

Mably G. de. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités. T. 1—3. Lyon. 1804.

Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions. P. 1—2. La Haye. 1680—1681.

Литература

Александренко В. Н. Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов. «Варшавские университетские известия». 1894. Кн. 8. Стр. 1—29.

Овчинников В. А. К учению о посольской неприкосновенности. Варшава. 1915.

Maulde la Clavière R. La diplomatie aux temps de Machiavel. T. 1—3. P. 1892—1893.

Thiele E.-T. Das Gesandtschaftswesen in Preussen im XVI Jahrhundert. Göttingen. 1954.

ДИПЛОМАТИЯ В XVI—XVII веках

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. 4. Изд. 2. Стр. 425.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж. 1850. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 218—223.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Армада. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 545—546.

Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. К истории немецкой культуры, против Карла Гейнцена. Соч. Т. 4. Изд. 2. Стр. 306—308.

Маркс К. Революционная Испания. Соч. Т. 10. Изд. 2. Стр. 425—433.

Маркс К. Хронологические выписки. 3. Приблизительно от 1470 до 1580. Архив Маркса и Энгельса. Т. 7. М. 1940.

Маркс К. Хронологические выписки. 4. Приблизительно от 1580 до 1648. Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. М. 1946.

Энгельс Ф. [О разложении феодализма и развитии буржуазии]. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 440—450.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения. В двух томах. Т. 2. М, 1955. Стр. 94—97.

Энгельс Ф. Марка. В кн. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М. 1953. Стр. 126—127.
Энгельс Ф. Заметки о Германии. В кн. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М. 1953. Стр. 165—169.

Источники

Charrière E. Négociations de la France dans le Levant. T. 1—4. P. 1848—1860. (Collection de documents inédits sur l'histoire de France.)
Colbert J. B. Lettres, instructions et mémoires. Publ. par P. Clément. T. 1—7. P. 1861—1871.
Cromwell O. The writings and speeches of Oliver Cromwell. With an introd., notes and a sketch of his life. By W. Cortez Abbott. With the assistance of C. D. Crane. V. 1—3. Cambridge (Mass.) 1937—1945.
Henri IV. Correspondance entre Henri IV et Béthune, ambassadeur de France à Rome 1602—1604. Publ. par J. E. M. Lajeunie. Genève. 1952.
Henri IV. Lettres d'Henri IV roi de France et de messieurs de Villeroy et de Puisieux à m. Antoine le Fevre de la Boderie, ambassadeur de France en Angleterre. Depuis 1606 jusqu'en 1611. 1—2. Amsterdam. 1733.
«Instrumenta pacis Westphalicae. Die Westfälischen Friedensverträge 1648». Vollst. lat. Text. Bearb. v. K. Müller. Bern. 1949.
«Istruzioni e relazioni degli ambasciatori genovesi.» A cura di R. Ciasca. V. 1. Spagna. 1494—1617. Roma. 1951.
Machiavelli N. Toutes les lettres officielles et familières. Celles de ses seigneurs, de ses amis et des siens. Prés. et annot. par E. Barincou. T. 1—2. P. 1955.
Mazarini J. Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministère. T. 1—9. P. 1879—1906.
«Négociations secrètes touchant la paix de Munster et d'Osnabrug, ou recueil général des préliminaires, instructions, lettres, mémoires, etc. concernant ces négociations». T. 1—4. La Haye. 1725—1726.
Richelieu A. J. Mémoires. P. 1821—1823.
Richelieu A. J. Testament politique. Éd. critique, publ. avec une introd. et des notes par L. Andreé. 7 éd. P. 1947.
Richelieu A. J. Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du cardinal de Richelieu publ. par Avenel. T. 1—8. P. 1853—1877.

Литература

«Английская буржуазная революция XVII в.» Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. Т. 1—2. М. 1954. (АН СССР. Ин-т истории.)
Архангельский С. И. Из истории внешней политики Англии накануне падения монархии. (1645—1649 гг.) В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 36—51.
Поршнев Б. Ф. Густав Адольф и подготовка Смоленской войны. «Вопросы истории» № 1. 1947 г. Стр. 53—82.
Поршнев Б. Ф. Швеция и Вестфальский мир. В кн. «Скандинавский сборник». 2. Таллин. 1957. Стр. 93—136.
Поршнев Б. Ф. Английская республика, французская Фронда и Вестфальский мир. В кн. «Средние века. Сборник». Вып. 3. М. 1951. Стр. 180—216.

Поршнев Б. Ф. «Вторая Фронда» и Английская республика. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 52—71.
Форстен Г. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Исследование. Т. 1—2. СПб. 1893—1894.
Форстен Г. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб. 1884.
Чистовонов А. Н. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам. (1572—1585 гг.) В кн. «Средние века. Сборник». Вып. 5. М. 1954. Стр. 196—227.
Эйри О. Реставрация Стюартов и Людовик XIV. От Вестфальского до Нимвегенского мира. СПб. 1896.
André L. Louis XIV et l'Europe. P. 1950.
Hauser H. La prépondérance espagnole (1559—1660). 2-e éd. rev. et corr. P. 1940.
Konopczyński W. Kwestia Bałtycka do XX w. Gdańsk. 1947.
Lubimenko I. The correspondence of queen Elizabeth with the Russian czars. N. Y. 1914.
Mignet F. Rivalité de François I et de Charles-Quint. 3-e éd. P. 1886.
Picavet G. G. La diplomatie française au temps de Louis XIV. 1661—1715. P. 1930.
Polišenský J. Anglie a Bílá Hora. 1618—1620. Praha. 1949.
Polišenský J. Nizozemská politika a Bílá Hora. Praha. 1958.
Sagnac F. et Saint-Léger A. La prépondérance française. Louis XIV (1661—1715). P. 1944.
Winter G. Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. B. 1893.
Wyczański A. Francja wobec państw Jagiellońskich w latach 1515—1529. Studium z dziejów francuskiej polityki zagranicznej epoki Odrodzenia. Wroclaw. 1954.
Zeller J. La diplomatie française vers le milieu du XVI siècle. P. 1881.

ДИПЛОМАТИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV и в XVI веке

Источники

Иван IV. Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1951.
«Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы». Т. 1, 2. М. 1957.
«Материалы по истории СССР». Отв. ред. А. А. Новосельский. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М. 1955.
«Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Т. 1—10. СПб. 1851—1871.
«Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». Изд. Русс. ист. об-вом. СПб. — М. 1882—1913. (Сб. Русс. ист. об-ва. Т. 35, 38, 41, 53, 59, 71, 95, 129, 137, 142.)
«Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1—3. СПб. 1890—1898.
«Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг.» «Ист. архив» № 6. 1957. Стр. 131—142.
«Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым». СПб. 1897. («Русская историческая библиотека». Т. 16.)

«Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел». Ч. 2—5. М. 1819—1894.
«Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера». Б. м. Б. г.
Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593 гг. Грамоты, собранные... Ю. Толстым. СПб. 1875.
Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М. 1887.
Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1—2. СПб. 1889—1893.
Щепкин Е. Н. Дневник датского посольства Мальте Юля ко двору царя Михаила Феодоровича в 1631 году. Одесса. 1905.

Литература

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. 1952.
Белокуров С. А. О Посольском приказе. М. 1906.
Виленская Э. С. К истории русско-английских отношений в XVI в. (Неизданная записка Джилса Флетчера королеве Елизавете). «Ист. записки». Т. 29. 1949. Стр. 123—134.
Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.—Л. 1944.
Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. 1—2. СПб. 1865—1869.
Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Ч. 1—2. Тбилиси. 1959.
Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М. 1954.
Лурье Я. С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году. (По материалам Венского архива.) В кн. «Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. М. Н. Тихомирова. М. 1958. Стр. 451—466.
Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией. Вып. 1. XVI век. Юрьев. 1912.
Любименко И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках. М. 1916.
Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков. «Русская мысль». Кн. 1—2. 1891.
Накашидзе Н. Т. Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси. 1955 (на переплете: 1956).
«Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV—XVI вв.) Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в.» Под ред. А. Н. Насонова, А. В. Черепнина, А. А. Зимина. М. АН СССР. 1955.
Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1—2. М. 1946 («Ученые записки Моск. гос. ун-та». Вып. 94).
Уляницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII веках. М. 1889.
Форстен Г. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Исследование. Т. 1. СПб. 1893.
Lubimenko I. Les relations diplomatiques de l'Angleterre avec la Russie au XVI-e siècle. P. 1916.
Willan T. S. The early history of the Russia company. 1553—1603. Manchester. 1956.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА в XVII веке

Источники

«Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы». Т. 1—3. М. 1953. (АН СССР. Ин-т истории. АН УССР. Ин-т истории.)

Александренко В. Н. Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. В кн. «Старина и новизна. Ист. сборник». Кн. 14. М. 1911. Стр. 185—453, 524—545. Кн. 17. М. 1914. Стр. 62—103.

«Армяно-русские отношения. Сборник документов». Т. 1. «Армяно-русские отношения в XVII веке». Подгот. к печати В. А. Парсамян и др. Под ред. В. А. Парсамяна. Ереван. 1953.

«Донесения посланников республики Соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. С приложением очерка сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г.» Под ред. В. А. Кордта. СПб. 1902. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 116).

«Отчет нидерландских посланников Рейноута фан Бредероде, Дидериха Басса и Альберта Иоахими о их посольстве в Швецию и Россию в 1615 и 1616 годах». СПб. 1878. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 24.)

«Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое». Т. 1—3. СПб. 1830.

«Посольство в Испанию стольника П. Ив. Потемкина. [1667]». «Древняя российская вивлиофика». Т. 2. Ч. 3. Гор. Мышкин. 1894.

«Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу». СПб. 1900.

«Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». М.—Л. 1954.

Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль. 1959.

«Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов». М. 1958.

«Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы». М. 1958.

«Русско-монгольские отношения 1607—1636. Сборник документов». Сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М. 1959.

«Статейный список посольства стольника И. И. Чемоданова в Венецию 1656». «Древняя российская вивлиофика». Т. 5. Ч. 7. Гор. Мышкин. 1896.

Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. Пер. с лат. М. 1891.

Толстой Ю. Списки с царских грамот, хранящихся в Лондонском королевском архиве. М. 1862.

Konovalov S. Two documents concerning Anglo-Russian relations in the early seventeenth century. Oxford Slavonic papers, V. 2. Oxford. 1952, P. 128—144.

Литература

«Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)». Одобрены ЦК Коммунистической партии Советского Союза. М. 1954.

Архангельский С. И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой. «Ист. записки». Т. 5. 1939. Стр. 118—140.

Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам. Ч. 1—3. М. 1862.

Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине 17 в. М. 1947.

Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. «Ученые записки Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А. А. Жданова». № 130. Ист. фак-т. «Серия ист. наук». Вып. 18. История. 1951. Стр. 157—184.

Забелин И. Е. Русские посольства в Турции в XVII столетии. «Русская старина». 1877. Сентябрь.

Лурье Я. С. Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства (конец XVI — начало XVII в.) В кн. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма». Т. 1. 1957. М.—Л. 1957. Стр. 350—361.

Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. СПб. 1857.

Любименко И. И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату короля Иакова I. СПб. 1914.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л. 1948.

«Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.» Под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М. АН СССР. 1955.

Попов А. Н. Русское посольство во Францию в 1668 году. М. 1856.

Попов А. Русское посольство в Польше 1673—1677 гг. СПб. 1854.

Поршнев Б. Ф. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Ист. журнал» № 3. 1945 г. Стр. 3—20.

Поршнев Б. Ф. Борьба вокруг шведско-русского союза в 1631—1632 гг. В кн. «Скандинавский сборник». 1. Таллин. 1956. Стр. 11—71.

Поршнев Б. Ф. К истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. В кн. «Французский ежегодник. 1958». М. 1959. Стр. 56—72.

Поршнев Б. Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. «Вопросы истории» № 5. 1954 г. Стр. 44—58.

Смирнов Н. А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII веке. «Вопросы истории» № 3. 1954 г. Стр. 91—105.

Форстен Г. В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века. «Журнал м-ва нар. просвещения». 1904. Сентябрь. Отд. 2. Стр. 110—181. Ноябрь. Стр. 67—101. Декабрь. Стр. 291—374.

Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700). «Журнал м-ва нар. просвещения». 1898. Февраль. Отд. 2. Стр. 210—277. Апрель. Стр. 321—354. Май. Стр. 48—103. Июнь. Стр. 311—350. 1899. Июнь. Стр. 277—339. Сентябрь. Стр. 47—92.

Чарыков Н. В. Посольства в Рим и служба в Москве Павла Манезия (1637—1694). СПб. 1906.

Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М. 1958.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М. 1958

Pierling P. La Russie et le Saint-Siège. 1—5. P. 1896—1912.

ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ в XVIII веке

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 151—160.

Marx K. Secret diplomatic history of the XVIII century. L. 1899.

Энгельс Ф. Заметки о Германии. В кн. *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М. 1953. Стр. 168—171.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 8—17.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса. Соч. Т. 22. Стр. 296—297.

Источники

«Капитуляции или трактаты между Оттоманскою Портою и французским двором, возобновленные и умноженные в 1740 годе по христианскому счислению, а по турецкому в 1153 годе Егиры. Переведены на российский язык по высочайшему ее императорского величества повелению, старанием Комиссии о коммерции в 1780 годе». СПб. 1780.

«Actes, mémoires et autres pièces authentiques, concernant la paix d'Utrecht. Depuis l'année 1706 jusqu'à présent». T. 1—6. Utrecht. 1712—1715.

Bolingbroke H. Letters and correspondence, public and private of... Henry St. John, lord viscount Bolingbroke, during the time he was secretary of State to queen Anne; with State papers... By G. Parke. V. 1—2. L. 1798.

«Correspondance secrète inédite de Louis XV, sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc., et autres documents relatifs au ministère secret, publ. par M. E. Boutaric». T. 1—2. P. 1866.

«The correspondence 1701—1711 of John Churchill, first duke of Marlborough, and Anthonie Heinsius, grand pensionary of Holland». Utrecht. 1951.

Friedrich II. Histoire de mon temps. Histoire de la guerre de Sept ans. Antimachiavel. P. 1846—1857. (Oeuvres... T. 2. 3. 7.)

Friedrich II. Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. Bd. 1—46. Ergänzungsband. B. 1879—1939.

Lamberty G. Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle. T. 1—14. La Haye. Amsterdam. 1724—1740.

La Torre de. Mémoires et négociations secrètes de diverses cours de l'Europe. T. 1—3. La Haye. 1721—1724.

Malmesbury J. Harris. Diaries and correspondence of James Harris, first earl of Malmesbury. 2 nd ed. V. 1—4. L. 1845.

Murray J. (ed.) An honest diplomat at the Hague. The private letters of Horatio Walpole. 1715—1716. Bloomington. Ind. Hague. 1955.

«Le secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques (1752—1774), publ. par A. Broglie». T. 1—2. P. 1879.

Sutton R. The despatches of sir Robert Sutton, ambassador in Constantinople (1710—1714). Ed. A. N. Kurat. L. 1953.

Torcy. Mémoires du marquis de Torcy, pour servir à l'histoire des négociations depuis le traité de Ryswick jusqu'à la paix d'Utrecht.. T. 1—2. В кн.: Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis l'avénement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris conclue en 1763. T. 67. P. 1828. P. 1—428. T. 68. P. 1828. P. 1—227.

Литература

Зутис Я. Балтийский вопрос в политике великих держав. (От Полтавской битвы до Семилетней войны.) «Историк-марксист» № 2. 1941 г. Стр. 66—80.

Королюк В. Д. Вступление Речи Посполитой в Северную войну. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР». Т. 10. 1954. Стр. 239—347.

Соловьев С. М. История падения Польши. В кн. *Соловьев С. М.* Собрание соч. СПб. Б. г., стлб. 1—246.

То же, отд. изд. М. 1863.

Bourgeois É. La diplomatie secrète au XVIII siècle. T. 1—3. P. 1909.

Legrelle A. La diplomatie française et la succession d'Espagne. T. 1—4. Gand. 1888—1893.

Malcolm-Smith E. British diplomacy in the eighteenth century 1700—1789. L. 1937.

Muret P. La prépondérance anglaise (1715—1763). Avec la collab. de F. Sagnac. 3-e éd. rev. et aug. P. 1949.

Petrie C. Diplomatic history. 1713—1933. L. 1946.

Schaefer A. Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Bd. 1—2. Leipzig. 1870—1871.

Valsecchi F. Il problema italiano nella politica europea del secolo XVIII da Utrecht ad Aquisgrana 1713—1748. Milano. 1951.

Vandal A. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. P. 1887.

ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в XVIII веке

Источники

«Бумаги князя Н. В. Репнина». В кн. «Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 5. СПб. 1870. Стр. 128—218. Т. 6. 1871. Стр. 305—371. Т. 15. 1875. Стр. 415—608. Т. 16. 1875.

«Бумаги Я. И. Булгакова. 1779—1798». СПб. 1885. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 47).

[Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе]. Ч. 1—4. СПб. 1876—1906. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 18, 46, 109, 125).

[Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе]. СПб. 1873—1916. «Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 12, 19, 39, 50, 61, 66, 76, 80, 85, 91, 99, 102, 103, 110, 148.

[Дипломатическая переписка прусских посланников при русском дворе]. СПб. 1878—1891. «Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 22, 37, 72.

[Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе]. СПб. 1881—1913. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 34, 40, 49, 52, 58, 64, 75, 81, 86, 92, 96, 100, 105, 140, 141, 143.)

«Дипломатические акты из архива кн. Н. В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 г., изд. Ф. Ф. Мартенсом». СПб. 1888. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 65.)

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1, 2, 5, 6, 9(10), 13. СПб. 1874—1902.

«О вооруженном морском нейтралитете». Составлено... по документам Московского Главного архива министерства иностранных дел. СПб. 1859.

«Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уилльямса 1756 и 1757 гг.». М. 1909.

«Переписка императрицы Екатерины II с королем Фридрихом II». В кн. «Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 20. СПб. 1877. Стр. 149—396.
«Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. 1—10. СПб. Л.—М. 1887—1956.
«Политическая (дипломатическая) переписка императрицы Екатерины II». Ч. 1—9. СПб. 1885—1914. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 48, 51, 57, 67, 87, 97, 118, 135, 145).
«Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое». Т. 4—25. СПб. 1830.
«Протоколы конференции при высочайшем дворе». Т. 1. 14 марта 1756 г. — 13 марта 1757 г. СПб. 1912. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 136.)
«Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 1, 3, 5, 6, 7, 15, 20. СПб. 1867—1877.
Сегюр Л. Ф. Записки гр. Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Пер. с франц. СПб. 1865.
Юль Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М. 1900.
Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVIII века. Сборник материалов. М. 1897.
Catherine II. Mémoires de l'impératrice Catherine II. 2 éd. Londres. 1859.
«La cour de Russie il y a cent ans. 1725—1783». Berlin — Paris — Londres. 1858.

Литература

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. 1—2. Варшава. 1897.
Александров П. А. Северная система. М. 1914.
Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань. 1882.
Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. 1892.
Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Под ред. В. И. Лебедева. Т. 1—5. М. 1940—1948.
Брикнер А. История Екатерины Второй. Ч. 3. Внешняя политика. СПб. 1885.
Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV. М. 1911.
Григорович Н. Канцлер князь А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1—2. СПб. 1879—1881. («Сб. Русс. ист. об-ва». Т. 26, 29).
Грот Я. К. Екатерина II и Густав III. СПб. 1877.
Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. 1955.
Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига. 1946.
Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I. М. 1942.
Королюк В. Д. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. (Восстановление русско-саксонского союза 1702—1703 гг.) «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР». Т. 7. 1953. С. 210—276.
Крылова Т. К. Россия и «Великий союз». «Ист. записки». Т. 13. 1941. Стр. 84—129.
Крылова Т. К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. «Ист. записки». Т. 7. 1940. Стр. 115—148.
Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Ист. записки». Т. 10. 1941. Стр. 250—279.
Мартенс Ф. Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II. «Вестник Европы» № 5, 1882 г.
Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М. 1950.
«Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». Под ред. Б. В. Кафенгауза, Н. И. Павленко. М. АН СССР. 1954.
«Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в.» Под ред. А. И. Барановича и др. М. АН СССР. 1957.
«Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.». Под ред. А. И. Барановича и др. М. АН СССР. 1956.
Полиевктов М. Голштинский вопрос и политика России на Балтийском море в 1-ой половине XVIII века. «Русская старина». 1907. Январь.
Соловьев С. М. Политика России во время войны за австрийское наследство. СПб. 1867.
Станиславская А. М. Англо-русские отношения в конце XVIII в. «Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР». Вып. 12. М. 1957. Стр. 104—120.
Тарле Е. В. Английский посол и Екатерина в 1756—1757 гг. В кн. *Тарле Е. В.* Соч. Т. 4. М. 1958. Стр. 469—480.
Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. 1949.
Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 1958.
Тарле Е. В. Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769—1774 гг. М.—Л. 1945.
Трачевский А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II 1780—1790 гг. Ист. исследование. СПб. 1877.
Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М. 1883. (Очерки дипломатической истории восточного вопроса).
Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Ч. 1. М. 1899.
Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. 1959.
Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762—1774. СПб. 1896.
Щепкин Е. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746—1758. СПб. 1902.
Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. Roma. 1957.
Guichen de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). P. 1908.
Rambaud A. Russes et Prussiens. Guerre de Sept ans. P. 1895.
Sorel A. La question d'Orient au XVIII-e siècle; le partage de la Pologne et le traité de Kaïnardji. 3 éd., revue par l'auteur. P. 1902.

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Общий отдел

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. Соч. Т. 4. Изд. 2. Стр. 419—459.
Маркс К. Господин Фогт. Соч. Т. 12. Ч. 1. Стр. 247—543.
Маркс К. Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих. Соч. Т. 13. Ч. 1. Стр. 5—13.
Маркс К. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 93—100.
Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Ко всем членам Това-

ричества в Европе и Соединенных Штатах. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 293—337.
Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. Пер. И. И. Степанова-Скворцова, провер. и испр. М. 1955.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 452—507.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 3—40.
Ленин В. И. О международной политике и международном праве. М. 1958.
Ленин В. И. «Кому выгодно?» Соч. Т. 19. Стр. 33—34.
Ленин В. И. Вооружения и капитализм. Соч. Т. 19. Стр. 83—84.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч. Т. 20. Стр. 365—424.
Ленин В. И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне). Соч. Т. 21. Стр. 267—307.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Соч. Т. 22. Стр. 173—290.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч. Т. 23. Стр. 16—64.
Ленин В. И. Война и революция. Лекция 14(27) мая 1917 г. Соч. Т. 24. Стр. 362—385.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. 28. Стр. 44—57.
Ленин В. И. Тетради по империализму. М.—Л. 1939.

Источники

Архив князя Воронцова. Т. 1—40. М. 1870—1895.
Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1—15. СПб. 1874—1909.
«Русско-китайские отношения. 1689—1916. Офиц. документы». М. 1958.
«Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами». Т. 1—2. Изд. 2. СПб. 1902—1906.
«Сборник договоров России с Китаем. 1689—1881 гг.». СПб. 1889.
Ювефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб. 1869.
Albin P. Les grands traités politiques. Recueil des principaux textes diplomatiques de 1815 à 1914 avec des notices historiques et des notes. 4 éd. P. 1932.
Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. P. 1862.
Hertslet E. Map of Europe by treaty showing the various political and territorial changes which have taken place since the general peace of 1814. Vol. 1—4. L. 1875—1891.
Martens G. F. Recueil des traités (см. «Hopf. Table générale du recueil des traités de G. F. Martens et de ses continuateurs. T. 1—2. Gottingue. 1875—1876).
Noradounghian G. Recueil d'actes internationaux de l'Empire. Ottoman. T. 1—4. P. 1897—1903.
Oakes A. and *Mowat R.* (ed.) The great European treaties of the nineteenth century. Oxford. 1930.
Доброклонский С. Указатель трактатов и сношений России. С 1462 по 1826. М. 1838.
Myers D. P. Manual of collections of treaties and of collections relating to treaties. Cambridge. Mass. L. 1922.

Литература

Бобинская Ц. К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе. «Вопросы истории» № 10. 1959 г. Стр. 86—106.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). Вступит. статья А. Л. Нарочницкого. Пер. с франц. М. 1947.

Заллет Р. Дипломатическая служба. Ее история и организация во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах. Пер. с нем. В. Бая и Л. Михайловой. Вступит. статья В. Мачавариани и Е. Рубинина. М. 1956.

«История Польши». В трех томах. Под ред. В. Д. Королюка и др. Т. 1—3. М. 1954—1958.

Лависс и Рамбо. История XIX века. Пер. с франц. Изд. 2, доп. и испр. Под ред. Е. В. Тарле. Т. 1—8. М. 1938.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1—2. Изд. 5, доп. и испр. СПб. 1904—1905.

«Очерк истории министерства иностранных дел. 1802—1902». СПб. 1902.

Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» М. Н. Покровского. В кн. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей». Ч. 2. М.—Л. 1940. Стр. 210—390.

Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. Пер. с англ. под ред. и со вступит. статьей А. А. Трояновского. М. 1947.

Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848—1918. Пер. с англ. Вступ. статья и ред. М. Н. Машкина. М. 1958.

Bourgeois E. Manuel historique de politique étrangère. 2 éd. P. 1948.

«The Cambridge history of British foreign policy 1783—1919». Ed. A. W. Ward and G. P. Gooch. V. 1—3. Cambridge. 1922—1923.

Driault E. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à nos jours. Préf. de G. Monod. 4 éd. refondue. P. 1909.

Droz J. Histoire diplomatique de 1648 à 1919. P. 195—. Histoire des relations internationales. Publ. sous la dir. de P. Renouvin. T. 4—6. P. 1953—1954.

Mowat R. B. A history of European diplomacy. 1815—1914. L. 1933.

Pradier — Fodéré P. Traité de droit international public européen et américain. T. 1—8. 1885—1906.

Stern A. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871. Bd. 1—10. Stuttgart — Berlin. 1913—1924.

ДИПЛОМАТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1775—1794 годы)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Предисловие к первому немецкому изданию первого тома «Капитала». *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения. В двух томах. Т. 1. 1955. Стр. 410.

Маркс К. Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну Соч. Т. 13. Ч. 1. Стр. 21—22.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. 28. Стр. 44—57.

Источники

«Annals of the Congress of the United States (1789—1796)».

«The diplomatic correspondence of the United States of America, from the signing of the definitive treaty of peace, 10 th September, 1783, to the adoption of the Constitution, March 4, 1789». V. 1—7. Washington. 1833—1834.

Franklin B. Autobiographical writings. Selected and ed. by C. Van Doren. N. Y. 1945.

Gérard C. A. Despatches and instructions of Conrad Alexandre Gérard. 1778—1780. Correspondence of the first French minister to the United States with the comte de Vergennes. With an hist. introd. and notes by J. J. Meng. Baltimore. 1939.

Jefferson Th. The papers of Thomas Jefferson. J. P. Boyd, ed. V. 1—14. Princeton. 1950—1958.

Lafayette M. J. P. The letters of Lafayette to Washington. 1777—1799. Ed. by L. Gottschalk. N. Y. 1944.

Manning W. R. (ed.) Diplomatic correspondence of the United States. Canadian relations. 1784—1860. Selected and arranged by W. R. Manning. V. I. 1784—1820. Washington. 1940.

«Treaties and other international acts of the United States of America». Ed. by H. Miller. V. 2. Washington. 1931.

Washington G. The writings of George Washington from the original manuscript sources. 1745—1799. J. C. Fitzpatrick, ed. V. 1—39. Washington. 1931—1944.

Wharton F. The revolutionary diplomatic correspondence of the United States. V. 1—6. Washington. 1889.

Литература

Ефимов А. В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. Изд. 2. М. 1958.

Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. Изд. 2. М. 1955.

Bemis S. F. A diplomatic history of the United States. 4th ed. N. Y. 1955.

Bemis S. F. The diplomacy of the American revolution. The foundations of American diplomacy. 1775—1823. N. Y.—L. 1935.

Ellis L. E. A short history of American diplomacy. N. Y. 1951.

Pratt J. W. A history of United States foreign policy. Englewood Cliffs. 1955.

Ritcheson C. R. British politics and the American revolution. Norman. 1954.

Stourzh G. Benjamin Franklin and American foreign policy. Chicago. 1954.

Willson B. America's ambassadors to England (1785—1929). N. Y. 1929.

Willson B. America's ambassadors to France (1777—1927). L. 1928.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ И ДИРЕКТОРИИ (1789—1799 годы)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 519—523.
Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль. Соч. Т. 13. Ч. 1. Стр. 139.
Маркс К. Капитал. Т. 1. Соч. Т. 17. Стр. 821.
Маркс К. Ф. Энгельсу. 2 дек. 1856 г. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953. Стр. 89—91.
Энгельс Ф. Демократический панславизм. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 300.
Энгельс Ф. Познань. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 488—489.
Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 495—524.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 3—40.
Энгельс Ф. К. Каутскому. 20 февраля 1889 г. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953. Стр. 407—411.
Энгельс Ф. В. Адлеру. 4 декабря 1889 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные письма. М. 1953. Стр. 413—414.
Ленин В. И. Социализм и война. (Отношение РСДРП к войне.) Соч. Т. 21. Стр. 271—272.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса. Соч. Т. 22. Стр. 295.
Ленин В. И. Открытое письмо Борису Суварину. Соч. Т. 23. Стр. 187, 189—190.
Ленин В. И. Война и революция. Лекция 14(27) мая 1917 г. Соч. Т. 24. Стр. 363—364.
Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. 25. Стр. 335—336.
Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории. Соч. Т. 29. Стр. 282.

Источники

Идеологи восходящей буржуазии о внешней политике и дипломатии

Вольтер Ф. Разговоры между А. В. и С. В кн. *Вольтер Ф.* Избранные произведения. М. 1947. Стр. 457—499.
Монтескье Ш. О духе законов. В кн. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М. 1955. Стр. 157—733.
Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М. 1938.
Bentham J. Grundsätze für ein künftiges Völkerrecht und einen dauernden Frieden. (Principles of international law.) Halle. 1915.
Kant J. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Leipzig. 1947.
Mably G. de. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités. T. 1—3. Lyon. 1804.
Rousseau J. J. Considérations sur le gouvernement de Pologne; Jugement sur la paix perpétuelle; Projet de paix perpétuelle. (Oeuvres. P. 1790. Vol. 7, 8.)
Voltaire F. Dictionnaire philosophique. В кн. *Voltaire F.* Oeuvres complètes. Vol. 5, 6, 7, 8. P. 1855.

Политическая переписка, договоры, мемуары, речи

«Из международных отношений в первые годы Французской революции (1789—1790)». Вводная статья Р. Авербух. «Красный архив». 1939. Т. 4 (59). Стр. 103—136.

Марат Ж. П. Избранные произведения. Т. 1—3. М. 1956.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2, 6, 9, 13. СПб. 1875—1902.

«Сборник Русского исторического общества». Т. 16, 29, 42, 47. СПб. 1875—1885.

Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. Ред. и статья Е. В. Тарле. М. 1959.

«Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Смолина». «Литературное наследство» № 29—30. 1937 г.

Храповицкий А. В. Дневник. 1782—1793. СПб. 1874.

Arneth A., Hrsg. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien. 1869.

Aulard F. A., éd. La Société des jacobins. Vol. 1—6. P. 1889—1897.

Bailleu P. Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen. Bd. 1—2. Leipzig. 1880—1887.

Barthélemy F. Papiers de Barthélemy, ambassadeur de France en Suisse, 1792—1797, publ. par J. Kaulek. T. 1—4. P. 1886—1889.

Beer A. Hrgs. Leopold II, Franz II und Katharina. Ihre Korrespondenz. Nebst einer Einleitung zur Geschichte der Politik Leopold's II. Leipzig. 1874.

«Congress at Rastadt. Official correspondence...» L. 1800.

Danton G. Discours. Ed. crit. par A. Fribourg. P. 1910.

Herrmann E. Diplomatische Korrespondenz aus der Revolutionszeit 1791—1797. Gotha. 1867.

Kabrda J. Quelques firmans concernant des relations franco-turques lors de l'expédition de Bonaparte en Egypte (1798—1799). P. 1947.

Martens G. Recueil des principaux traités d'alliance etc. T. 1—7. Goetingue. 1791—1801. Supplément au Recueil... T. 1—4. Goetingue. 1801—1808.

Napoléon I. Correspondance, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 1—5. P. 1858—1860.

Pitt W. The Younger. The war speeches of Wiliam Pitt the Younger selected by R. Coupland. 3-d. ed. Oxford. 1940.

Robespierre M. Discours et rapports avec une introduction et des notes par Ch. Vellay. P. 1908.

Talleyrand Ch. M. de La mission de Talleyrand à Londres en 1792. Correspondance inédite... P. 1889.

«Talleyrand in America as a financial promoter, 1794—1796. Unpubl. letters and memoirs». Washington. 1942.

Zeissberg H., Hrsg. Quellen zur Geschichte der Politik Österreichs während der französischen Revolutionskriege. Bd. 1—3. Wien. 1882—1890.

Литература

Костомаров Н. Последние годы Речи Посполитой. (Исторические монографии.) Т. 17—18. СПб. 1905.

Митрофанов П. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. 1. Пгр. 1916. (По архивным материалам.)

Нарочницкий А. Л. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. «Ученые записки Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Т. 58. Кафедра истории нового времени. Вып. 2, 1949. Стр. 63—104.

Нарочницкий А. Л. Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Т. 37. Ист. фак-т. Вып. 3. 1946. Стр. 107—158.

Нарочницкий А. Л. Робеспьеровский комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев. «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. 2. № 6. Стр. 407—424.

Нарочницкий А. Л. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г. «Вопросы истории» № 3—4. 1945 г. Стр. 123—134.

Сорель А. Европа и французская революция. (L'Europe et la Revolution française.) Пер. с франц. Н. И. Кареева. Т. 1—8. СПб. 1892—1908.

Станиславская А. Англия и Россия в годы второй турецкой войны (1787—1791). «Вопросы истории» № 11, 1948 г. Стр. 26—49.

Трачевский А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II, 1780—1790. СПб. 1877.

«Французская буржуазная революция 1789—1794». Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л. 1941.

Aulard F. A. La diplomatie du premier Comité du Salut Public. (Études et leçons. Série 3. 1901.)

Biro S. S. The German policy of révolutionary France. Vol. 1—2. Cambr. 1957.

Gerhard D. England und der Aufstieg Russlands. München u. Berlin. 1933.

Desbrière E. Projets et tentatives de débarquement aus îles Britanniques (1793—1805). T. I. P. 1900.

Droz J. L'Allemagne et la Révolution française. P. 1949.

Fugier A. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris. 1954.

Lord R. The second partition of Poland. Cambridge. 1915.

Marcère E. Une ambassade à Constantinople. La politique orientale de la Révolution française. T. 1—2. P. 1927.

Masson F. Le Département des affaires étrangères pendant la Révolution, 1787—1804. P. 1877.

Mathiez A. Danton et la paix. P. 1919.

Mathiez A. La conspiration de l'étranger. P. 1918.

Mathiez A. La Révolution et les étrangers. P. 1918.

Otto L. G. Considérations sur la conduite du gouvernement americain envers la France, depuis le commencement de la Révolution jusqu'au 1797. Princeton. 1948.

Rain P. La diplomatie française. 2. De Mirabeau à Bonaparte. P. 1950.

Rose J. H. Life of William Pitt. Part. 1—2. L. 1923.

Singen G. Die Bedeutung der Schweiz für England während der ersten Koalitionskriege. Zürich. 1956.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Бернадотт. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 582—590.

Маркс К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 519—523.

Маркс К. Революционная Испания. Соч. Т. 10. Изд. 2. Стр. 423—480.

Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо первое. Соч. Т. 2. Изд. 2. Стр. 559—565.

Энгельс Ф. Аустерлиц. Соч. Т 11. Ч. 2. Стр. 560—565.

Энгельс Ф. Бадахош. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 566—568.
Энгельс Ф. Бородино. Соч. Т 11. Ч. 2. Стр. 631—637.
Энгельс Ф. Сарагосса — Париж. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 151—154.
Ленин В. И. Несчастный мир. Соч. Т. 27. Стр. 31—32.
Ленин В. И. Странное и чудовищное. Соч. Т. 27. Стр. 51.
Ленин В. И. Доклад о войне и мире 7 марта [VII съезд РКП(б) 6—8 марта 1918 г.]. Соч. Т. 27. Стр. 80, 83, 85—86.
Ленин В. И. Главная задача наших дней. Соч. Т. 27. Стр. 136.
Ленин В. И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта. [IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов 14—16 марта 1918 г.]. Соч. Т. 27. Стр. 154, 159—160, 162—163.
Ленин В. И. Заметки из истории войн Наполеона I с Германией. «Ленинский сборник» XI. Стр. 49—51.

Источники

«Англия перед угрозой десанта Наполеона I (1801—1805 гг.)». «Красный архив». Т. 3 (106). 1941. Стр. 120—146.
«Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I». Под ред. А. С. Трачевского. Т. 1—4. СПб. 1890—1893. («Сб. Рус. ист. об-ва». Т. 70, 77, 82, 88.)
«Записки М. М. Сперанского о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира». Сообщ. Н. Ф. Дубровин. «Русская старина» № 1. 1900 г. Стр. 57—65.
«К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808—1809 гг.)». «Новая и новейшая история» № 2. 1959 г. Стр. 151—162.
Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 3, 7, 11, 14. СПб. 1876—1905.
Наполеон I, имп. франц. Избранные произведения. Предисл. П. А. Жилина. М. 1956.
Николай Михайлович, вел. князь. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона, 1808—1812. Т. 1—7. СПб. 1905—1914.
Савари, ген. Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в Санкт-Петербурге в 1807 г. СПб. 1893. («Сб. Рус. ист. об-ва». Т. 83.)
«Сборник русского исторического общества». Т. 21. 1877.
Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. Ред. и статья Е. В. Тарле. М. 1959.
Толстой П. А. Посольство гр. П. А. Толстого в Париже в 1807 и 1808 гг. Под ред. Н. К. Шильдера. СПб. 1893. («Сб. русск. ист. об-ва». Т. 89.)
Czartoryski A. Alexandre I-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations (1801—1823). P. 1865.
Friedrich I, кор. Вюртембергский. Politische und militärische Correspondenz König Friedrichs von Würtemberg mit Kaiser Napoleon I, 1805—1813. Hrsg. von August von Schlossberger. Stuttgart. 1889.
Hardenberg K. A. Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg. Hrsg. von L. von Ranke. Bd. 1—5. Leipzig. 1877.
Napoléon I. Correspondance, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. 16—32. P. 1861—1870.
Napoléon I. Correspondance. Six cents lettres de travail. 1806—1810. Prés. et annot. par M. Vox. 9 éd. P. 1943.
Napoléon I. Textes inédits et variantes. Publ. par N. T. Dagher. Genève. 1955.
«Napoleonische Friedensverträge. Bearb. von H. Wolfensberger». Bern. 1946.

Narbonne B. La diplomatie du Directoire et Bonaparte. D'après les papiers inédits de Reubell. P. 1951.
Ségur de. De 1800 à 1812. Un aide de camp de Napoléon. Mémoires du général c-te de Ségur... P. 1894.
«Select despatches relating to the formation of the Third Coalition against France, 1804—1805». Edited by J. H. Rose. L. 1904.
«Talleyrand intime, d'après sa correspondance inédite avec la duchesse de Courlande. La restauration en 1814». P. 1891.
Talleyrand Ch. M. Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon (1800—1809). Publ. d'après les originaux conservés aux archives des affaires étrangères. P. 1889.
Talleyrand Ch. M. Mémoires du prince de Talleyrand, publ. par le duc de Broglie. T. 1—5. P. 1891—1892.
Tatistcheff S. Alexandre I-er et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801—1812. P. 1891.
Webster C. K. British diplomacy 1813—1815. Select documents dealing with the reconstruction of Europe. L. 1921.
Weil M. H. D'Ulm à Jéna. Correspondance inédite du chevalier de Gentz avec Francis James Jackson, ministre de la Grande Bretagne à Berlin (1804—1806). P. 1921.

Литература

Антюхина В. Англо-французская борьба за Индию в эпоху Наполеона I. «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та» № 36. «Серия историч. наук». Вып. 3, 1939. Стр. 257—277.
Вандаль А. Наполеон и Александр I. Перев. с франц. Т. 1—3. СПб. 1910—1913.
Гонионский С. А. Территориальная экспансия США в начале XIX века. «Новая и новейшая история» № 5. 1958 г. Стр. 33—50.
Зак Л. А. Из истории английской политики в отношении Германии в последний период наполеоновских войн (конец 1812—1813 г.). «Ученые записки по новой и новейшей истории Ин-та истории АН СССР». Вып. 3. 1957. Стр. 467—529.
Зак Л. А. Историография английской внешней политики в конце наполеоновских войн. (Германский вопрос.) В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 333—344.
Зеленин В. В. Первое сербское восстание и Австрия 1804—1807 гг. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 345—358.
Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра Первого до присоединения Финляндии к России. В кн. «Сб. Рус. ист. об-ва». Т. 2. 1868. Стр. 1—95.
Майский И. М. Наполеон и Испания. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 292—313.
Нарочницкий А. Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. Стеногр. лекций. М. 1946. На правах рукописи.
Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. Т. 1. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 г. М. 1905.
Попов В. П. Питт и его время. «Русское слово» № 5. 1863.
Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М. 1948.

Тарле Е. В. Сочинения. В двенадцати томах. Т. 3, 4 Континентальная блокада. М. 1958.
Тарле Е. В. Талейран. М. 1957.
Тарле Е. В. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807). М. 1954.
Шапиро А. Л. Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. «Ист. записки». Т. 55. 1956. Стр. 253—288.
Dard E. Napoléon et Talleyrand. P. 1947.
Driault E. Napoléon et l'Europe. Austerlitz. La fin du Saint-Empire (1804—1806). P. 1912.
Driault E. La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Gardane 1806—1808. P. 1904.
Gandia E. de. Napoléon y la independencia de América. B. Aires. 1955.
Höjer T Karl XIV Johan och Alexander I. Stockh. 1945.
Kaufmann W. W. British policy and the independence of Latin America, 1804—1828. New Haven. — L. 1951.
Lucas-Dubreton J. Napoléon devant l'Espagne. P. 1946.
Mowat R. B. The diplomacy of Napoleon. By R. B. Mowat... 2 impression. L. 1926.
Perkins B. The first rapprochement. England and the United States 1795—1805. Philadelphia. 1955.
Ulmann H. Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich — Wilhelm III, bis 1806. Leipzig. 1899.

ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА (октябрь 1814 года) ДО ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1830 год)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Русская нота. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 310—311.
Маркс К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 519—523.
Маркс К. Лорд Пальмерстон. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 357—425.
Маркс К. Странная политика. Соч. Т. 11. Изд. 2. Стр. 320—323.
Маркс К. Вопрос об Ионических островах. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 54.
Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо второе. Соч. Т 2. Изд. 2. Стр. 566—572.
Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 351.
Энгельс Ф. Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 502.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 452—453.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 5—40.

Источники

«Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 г. до конгресса в Вероне в 1822 г.» Изд. Министерством иностранных дел. Т. 1—2. Ч. 1. СПб. 1823—1825.
«Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1816)». Под ред. А. А. Половцева. Т. 1—3. СПб. 1901—1908 («Сб. Рус. ист. об-ва». Т. 112, 119, 127).

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4, 8, 11, 14. СПб. 1878—1909.

«Николай I, имп. Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем». Т. 1—2. (1825—1831). СПб. 1910—1911 («Сб. Рус. ист. об-ва». Т. 131, 132).

«Николай Михайлович, вел. кн. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг.». СПб. 1913.

«О помощи России в создании независимого греческого государства (1820—1831 гг.)». «Новая и новейшая история» № 3. 1959 г. Стр. 148—157.

«*Acten* des Wiener Congresses» Bd. 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9. Hrsg. von Johann Ludwig Klüber. 2 Aufl. Erlangen. 1815—1839.

«*Aktenstücke* der russischen Diplomatie». Hrsg. und eingeleitet von Friedrich Paalzow. Lief. 1—3. Berlin. 1854.

Bolivar S. Obras completas. Compilatión y notas de Vicente Lecuna, con la colaboración de la señorita Esther Barret de Nazarie. 2-d ed. Vol. 1—3. La Habana, Cuba, 1950.

«*Britain* and the independence of Latin America. 1812—1830; selected documents from the Foreign Office archives». Ed. by C. K. Webster. Vol. 1—2. Oxford. 1938.

Chateaubriand F. R. Congrès de Verone. Guerre d'Espagne. Négociations. Colonies espagnoles. Vol. 1—2. 2-me éd... P. 1838.

«*Correspondance* diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie avec leurs gouvernements de 1814 à 1830». V. 1—2. S. Pétersbourg. 1902.

Driault E. et Lheritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. I. (1821—1830). P. 1925.

«England, Russland und Polen. Diplomatische Korrespondenz aus der Zeit des Wiener Kongresses». Brussel. 1847.

Esterhazy V. Mémoires du c-te Valentin Esterhazy. Avec des introd. et des notes. Par Ernest Daudet. P. 1905.

«Lettres du duc de Richelieu au marquis d'Osmond, 1816—1818». Publ. par S. Charlety. P. 1939.

Lieven D. Ch. The private Letters of Princess Lieven to Prince Metternich. 1820—1826. N. Y. 1938.

Metternich C. Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. Geordnet u. zusammengestellt von A. Klinckowstroem. Bd. 1—8. Wien. 1880—1884.

Metternich C. Lettres du prince de Metternich à la comtesse de Lieven (1818—1819). Publ. par J. Hanoteau. P. 1909.

Pozzo di Borgo, Ch. A. Correspondance diplomatique (1814—1818). T. 1—2. P. 1890—1897.

Vom Stein, H.F. K. Tagebuch während des Wiener Kongresses (17. IX. 1814—8. V. 1815). Historische Zeitschrift. 1880. Bd. 60. S. 385—487.

Strauss H. A. The attitude of congress of Vienna towards nationalism in Germany, Italy and Poland. N. Y. 1949.

Talleyrand Ch. Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congress de Vienne, publ. sur les manuscrits conservés au dépôt des affaires étrangères. P. 1881.

Литература

Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг. «Ученые записки Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова», № 130. Ист. фак-т. «Серия ист. наук». Вып. 18, 1951. Стр. 112—156.

Зак Л. А. Германская проблема в британских дипломатических документах 1813—1814 гг. «Вопросы истории» № 5. 1949. Стр. 90—96.

Киняпина Н. С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. «Ученые записки Моск. гос. ун-та». Вып. 156. Труды кафедры истории СССР. 1952. Стр. 194—224.
Лаврецкий И. Р. Симон Боливар. С предисл. П. Неруды. М. 1958.
Молок А. Французская интервенция в Испании в 1823 г. «Ист. журнал» № 3—4. 1937 г. Стр. 173—186.
Палеолог Г. и *Сивинис М.* Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. Т. 1—2. СПб. 1867.
Соловьев С. М. Император Александр Первый. Политика — дипломатия. СПб. 1877.
Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат. «Вопросы истории» № 3. 1952 г. Стр. 32—82.
Татищев С. Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1877.
Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958.
Bourquin M. Histoire de la Sainte — Alliance. Genève. 1954.
Griewank K. Der Wiener Kongress und die europäische Restauration 1814—1815. 2 neubearb. Aufl. Leipzig. 1954.
Nicolson H. The Congress of Vienna, a study in allied unity, 1812—1822. L. 1947.
Ordioni D. Pozzo di Borgo, diplomate de l'Europe française. P. 1935.
Petrie C. George Canning. Ed. 2. L. 1946.
Pirenne J. H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Vol. I—II. Neuchâtel. 1946.
Robertson W. S. France and Latin-American independence. Baltimore. 1939.
Temperley H. W. V. The foreign policy of Canning (1822—1827). L. 1925.
Trend J. B. Bolivar and the independence of Spanish America. L. 1946.
Webster C. K. The Congress of Vienna. 1814—1815. L. 1945.
Webster C. K. The foreign policy of Castlereagh. 1815—22. Britain and the European alliance. 2-nd edition, with a new Appendix (containing correspondence from the Londonderry archives.). L. 1934.
Weil M. H. Les dessous du congrès de Vienne, d'après les documents originaux des archives du ministère impérial et royal de l'Intérieur à Vienne. T. 1—2. P. 1917.

ОТ ИЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В ЕВРОПЕ (1830—1847 годы)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* О польском вопросе. Речи на торжественном собрании в Брюсселе, посвященном 2-й годовщине Краковского восстания 1846 г., 22 февраля 1848 г. Соч. Т. 4. Изд. 2. Стр. 488—494.
Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 11—12.
Маркс К. Лорд Пальмерстон. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 357—425.
Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Соч. Т. 8. Изд. 2. Стр. 3—113.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. XVI. Ч. 2. Стр. 5—40.

Источники

«Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен»» (1836—1837 гг.). Вводная статья С. К. Бушуева. «Красный архив». 1940. Т. 5 (102). Стр. 189—238.
«К истории революции 1830 г. в Бельгии». Вводная статья А. Молока. «Красный архив». 1941. Т. 1 (104). Стр. 199—248.
Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 1—8. P. 1858—1865.
Talleyrand Ch. M. Ambassade de Talleyrand à Londres 1830—1834. Avec une introd. et notes par G. Pallain. P. 1891.

Литература

Градовский А. Д. Система Меттерниха. Соч. Т. 3. СПб. 1899.
Киняпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. «Научные доклады высшей школы». Ист. науки. 1958. № 2. Стр. 30—49.
Молок А. И. Царская Россия и революция 1830 года во Франции. «Борьба классов» № 7. 1936. Стр. 53—66.
Писарев Д. И. Меттерних. Соч. Т. 1. СПб. 1909.
Пичета В. И. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг. С предисл. В. Королюка. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР». Т. 3. 1951. Стр. 136—175.
Тарле Е. В. Талейран. М. 1957.
Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. Sein geheimer Briefwechsel mit bayerischen Staatsminister Wrede. Nach unveröffentlichen Dokumenten aus den Archiven in Wien und München. Wien. 1928.
Cattaui R., Cattaui G. Mohamed Aly et l'Europe. P. 1950.
Duhamel J. Louis-Philippe et la première Entente cordiale. P. 1950.
Dutkiewicz J. Francja a Polska w 1831 r. Łodź. 1950.
Guichen E. La crise d'Orient de 1839 à 1841. P. 1921.
Guichen E. La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe. P. 1917.
Rosselli N. Inghilterra e regno di Sardegna dal 1815 al 1847. Torino. 1954.
Webster C. The foreign policy of Palmerston, 1830 — 1841. Britain, the liberal movement and the Eastern question. Vol. 1—2. L. 1951.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 годов

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии и последние события в Праге. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 212—215.
Маркс К. и *Энгельс Ф.* Внешняя политика Французской республики. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 424—425.
Маркс К. Англо-французское посредничество в Италии. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 468—470.
Маркс К. Революционное движение в Италии. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 82—86.
Маркс К. Революционное движение. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 158—160.
Маркс К. Подвиги Гогенцоллернов. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 519—523.

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 54—70.
Энгельс Ф. Внешняя политика Германии. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 160—162.
Энгельс Ф. Перемирие с Данией. Соч. Т. 5. Изд. 2. Стр. 411—415.
Энгельс Ф. Германская центральная власть и Швейцария. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 47—56.
Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 413—423.
Энгельс Ф. Русские. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 468—470.
Энгельс Ф. Венгрия. Соч. Т. 6. Изд. 2. Стр. 550—560.
Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Соч. Т. 8. Изд. 2. Стр. 3—113.
Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 гг. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 165—173.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 452—507.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 5—40.
Ленин В. И. Под чужим флагом. Соч. Т. 21. Стр. 127.

Источники

«Австрийская революция 1848 г. и Николай I». Вводная статья Р. А. Авербух. «Красный архив». 1938. Т. 4—5 (89—90). Стр. 155—207.
Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. Ч. 1. Т. 8, 12, 15. СПб. 1878—1906.
«Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг.» Предисл. Р. А. Авербух. «Красный архив». 1931. Т. 4—5 (47—48). Стр. 3—49.
«1848. Il carteggio diplomatico del governo provvisorio della Lombardia». Milano. 1955.
«La diplomazia del regno di Sardegna durante la prima guerra d'indipendenza». Vol. 1—3. Torino. 1949—1952.
«Documents diplomatiques du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir exécutif». T. 1—2. P. 1953—1954.
Kretzschmar H. und *Schlechte H.* Französische und sachsische Gesandtschaftsberichte aus Dresden und Paris 1848—1849. Berlin. 1956.
Lamartine A. Histoire de la révolution de 1848. T. 1—2. P. 1849.
«La republica Veneta nel 1848—1849». Vol. 1—2. Documenti diplomatici. Padova. 1949—1954.

Литература

Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. М. 1935.
Кухарский П. Ф. Дипломатические отношения между Францией и Россией в 1848—1851 гг. «Ученые записки Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А. А. Жданова». № 130. Серия ист. наук № 18. 1951. Стр. 70—111.
Нарочницкий А. Л. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г. В кн. «К столетию революции 1848 года». Под ред. Б. Ф. Поршнева и А. Л. Бендриковой. М. 1948. Стр. 31—95.
Нарочницкий А. Л. Международные отношения в Европе в июне — декабре 1848 г. «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Т. 58. Кафедра истории нового времени. Вып. 2. 1949. Стр. 105—130.
«Революции 1848—1849». Под. ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. Т. 1—2. М. 1952.
Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 годов. «Русская старина». 1877. Т. 20. Стр. 407—426.

Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. 1848—1849 гг. СПб. 1899.
Greer D. M. L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848. Le troisième ministère de lord Palmerston au Foreign Office (1846—1852). P. 1925.
Guichen E. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la seconde République Française. T. 1—2. P. 1925—1929.
Haraszti É. Az angol külpolitika a magyar szabadsághark ellen. Budapest. 1951.
Precht H. Englands Stellung zur deutschen Einheit. 1848—1850. München — Berlin. 1925.
Taylor A. J. P. The Italian problem in European diplomacy 1847—1849. Manchester. 1934.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ПАРИЖСКИЙ МИР

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Лорд Пальмерстон. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 359—362.
Маркс К. Документы о разделе Турции. Соч. Т. 10. Изд. 2. Стр. 137—148.
Маркс К. Секретная дипломатическая переписка. Соч. Т. 10. Изд. 2. Стр. 149—164.
Маркс К. Странная политика. Соч. Т. 11. Изд. 2. Стр. 320—323.
Маркс К. Пальмерстон. — Физиология господствующих классов Великобритании. Соч. Т. 11. Изд. 2. Стр. 397—400.
Маркс К. Австрия и война. Соч. Т. 11. Изд. 2. Стр. 532—537.
Маркс К. Англо-американский конфликт. — Положение во Франции. Соч. Т. 11. Изд. 2. Стр. 621—626.
Маркс К. Сардиния. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 16—20.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т. 16. Ч. 1. Стр. 452—507.
Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. Соч. Т. 16. Ч. 2. Стр. 5—40.

Источники

«К истории Парижского мира. 1856 г. (Документы)». «Красный архив». 1936. Т. 2 (75). Стр. 10—75.
Нессельроде К. В. Всеподданнейший отчет министра иностранных дел графа Нессельроде за 25 лет царствования императора Николая I. В кн. «Сб. Рус. имп. ист. об-ва». Т. 98. СПб. 1896. Стр. 287—298.

Литература

Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик» № 9. 1941. Стр. 1—5.
Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX в.). М. 1955.
Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и Санкт-Петербургском главных архивах. СПб. 1907.
Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Ч. 1. Приложения. Т. 2. Ч. 1—2. СПб. 1908—1913.
Ковьмин Б. П. Николай I и Мадзини в 1854 г. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 437—445.

Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Под ред. и с предисл. Е. В. Тарле. Л. 1941.
Никитин С. А. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. «Вопросы истории» № 4. 1946. Стр. 3—29.
Тарле Е. В. Крымская война. Изд. 2, испр. и доп. Т. 1—2. М. — Л. 1950.
Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб. 1887.
Bell H. C. F. Lord Palmerston. Vol. 1—2. L. — N. Y. — Toronto. 1936.
Eriksson S. Svensk diplomati och tidningspress under Krimkriget. Stockholm. 1939.
Henderson G. B. Crimean war diplomacy and other historical essays. Glasgow. 1947.
Temperley H. W. V. England and the Near East. Vol. 1. The Crimea. L. 1936.
Valsecchi F. L'unificazione italiana e la politica europea dalla guerra di Crimea alla guerra di Lombardia, 1854—1859. Milano. 1939.

ДИПЛОМАТИЯ США в 1794—1865 годах

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Третий международный обзор. С мая по октябрь. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 460—464.
Маркс К. Американский вопрос в Англии. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 174—182.
Маркс К. Британская торговля хлопком. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 183—186.
Маркс К. Лондонский «Times» об Орлеанских принцах в Америке. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 193—196.
Маркс К. Интервенция в Мексике. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 202—208.
Маркс К. Известие о деле «Трента» и впечатление, произведенное им в Лондоне. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 209—213.
Маркс К. Рост симпатий в Англии. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 214—218.
Маркс К. Великобритания. — Общественное мнение Англии. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 219—224.
Маркс К. Гражданская война в Северной Америке. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 233—243.
Маркс К. Гражданская война в Соединенных Штатах. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 244—252.
Маркс К. Инцидент с «Трентом». Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 272—274.
Маркс К. Англо-американский конфликт. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 275—278.
Маркс К. Главные актеры драмы «Трента». Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 279—281.
Маркс К. Споры вокруг дела «Трента». Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 282—286.
Маркс К. Вашингтонский кабинет и западные державы. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 291—293.
Маркс К. Мнение газет и мнение народа. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 294—297.
Маркс К. Американофильский митинг. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 300—302.
Маркс К. К истории сокрытия депеши Сьюарда. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 303—304.
Маркс К. Государственный переворот лорда Дж. Росселя. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 305—307.
Маркс К. Рабочий митинг в Лондоне. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 308—311.
Маркс К. Антиинтервенционистские настроения. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 312—314.
Маркс К. Друзья сецессионистов в нижней палате.—Признание американской блокады. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 327—330.
Маркс К. Договор против работорговли. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 348—349.
Маркс К. Английская гуманность и Америка. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 357—359.
Маркс К. Английский нейтралитет. — К положению в Южных штатах. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 400—402.

Маркс К. Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну. Соч. Т. 13. Ч. 1. Стр. 21—22.
Маркс К. Ф. Энгельсу 24 марта 1863 г. Соч. Т. 23. Стр. 139—141.
Маркс К. Иосифу Вейдемейеру. 29 ноября 1864 г. Соч. Т. 25. Стр. 425—427.
Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. 28. Стр. 51—52.

Источники

Документы АВП о русско-американских отношениях.
«К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США». Вводная статья М. Малкина. «Красный архив». 1939. Т. 3 (94). Стр. 97—153.
«Посылка двух русских эскадр в Северную Америку». Вводная статья А. В. Ефимова. «Историк-марксист». 1936. Кн. 3(55). Стр. 101—115.
«Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия». С предисл. А. Е. Адамова. «Красный архив». 1930. Т. 1(38). Стр. 148—164.
Malloy W. M. Treaties, Conventions... between the U. S. of America and other Powers. 1776—1923. Vol. 1—3. Washington. 1910—1923.
Manning W. R. Diplomatic correspondence of the United States. Inter-american affairs. 1831—1860. Vol. 1—12. Washington. 1932—1939.
Miller H. Treaties and other international acts of the United States of America. Vol. 2—8. Washington. 1931—1948.

Литература

Хрущев Н. С. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М. 1959.
Альперович М. С. История отношений между Мексикой и США в послевоенной мексиканской историографии. «Вопросы истории» № 3. 1958 г. Стр. 171—183.
Астафьев Г. В. Колониальная политика США на Гавайях в доимпериалистический период (1790—1890 гг.). «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР». Т. 7. 1950. Стр. 225—274.
Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро. М. 1959.
Ефимов А. В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны. Изд. 2. М. 1958.
Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. Под ред. и с предисл. Е. В. Тарле. М. — Л. 1939.
Фостер У. З. Очерки политической истории Америки. Пер. с англ. Изд. 2. М. 1955.
Халфин Н. А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М. 1958.
Хиль М. Наши добрые соседи. Пер. с испанск. М. Н. Деева и Г. К. Сергеева. Вступит. статья и ред. А. Ф. Шульговского. М. 1959.
Adams E. D. Great Britain and the American Civil War. Vol. 1—2. L. 1925.
Bemis S. F. A diplomatic history of the United States. 4-ed. N.Y. 1955.
Bemis S. F. ed. The American Secretaries of State and their diplomacy. Vol. 1—7. N. Y. 1927—1928.
Bemis S. F. John Quincy Adams and the foundations of American foreign policy. N. Y. 1949.
Cue Canovas A. El tratado McLane-Ocampo. Juarez, los Estados Unidos y Europa. Mexico. 1956.
Fuentes Diaz V. La intervention norteamericana en Mexico 1847. Mexico. 1947.
Monaghan J. Diplomat in carpet slippers, Abraham Lincoln. Indianopolis—N. Y. 1945.
Owsley F. L. King Cotton diplomacy: foreign relations of the Confederate States of America. Chicago. 1931.

Perkins D. A history of Monroe doctrine. A new ed. Boston — Toronto. 1955.
Randall J. G. Lincoln the president. Vol. 1—4. L. — N. Y. 1945—1955.
Robertson J. A Kentuckian at the court of the tsars. Berea College. Kentucky. 1935.
Tatum Ed. H. The United States and Europe. 1815—1823. A study in the background of the Monroe doctrine. Berkeby. 1936.

ДИПЛОМАТИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В ИНДИИ В КОНЦЕ XVIII и XIX веке

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 151—160.
Маркс К. Русско-турецкие осложнения. — Уловки и увертки британского кабинета.—Последняя нота Нессельроде.—Ост-Индский вопрос. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 199—207.
Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 224—230.
Маркс К. Англо-персидская война. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 73—75.
Маркс К. Война против Персии. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 120—125.
Маркс К. Договор с Персией. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 235—239.
Маркс К. Индийское восстание. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 297.
Маркс К. Аннексия Ауда. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 484—489.
Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858). М. 1947.
Энгельс Ф. Перспективы англо-персидской войны. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 126—131.
Ленин В. И. Тетради по империализму. М. 1939. Стр. 658—665.

Источники

Серебренников А. Г. Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Ташкент. 1908—1912.
«Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях». М. 1946.

Литература

Антонова К. А. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М. 1958.
Антонова К. А. Англо-французская война за Индию и роль государства Майсор. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 116—134.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Изд. 3, испр. и доп. М. 1955.
Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М. 1952.
Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван. 1958.
«История народов Узбекистана». Т 2. (От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции). Под ред. С. В. Бахрушина и др. Ташкент. 1947
Пашуто В. Т. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. «Ист. записки». Т. 24. 1947. Стр. 111—159.

Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. «Ист. записки». Т. 7. 1940. Стр. 182—235.
Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии. «Ист. записки». Т. 9. 1940. Стр. 198—242.
Риштия С. К. Афганистан в XIX веке. Пер. с персид. Л. Н. Дорофеевой и др. Ред. и предисл. Ю. В. Ганковского. М. 1958.
Семенова Н. И. Государство сикхов. Очерк социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в. М. 1958.
Соколов А. Я. Английская колониальная политика в Афганистане в 50—60-х гг. XIX в. «Труды Среднеаз. гос. ун-та им. В. И. Ленина». Новая серия. Вып. 94. Ист. науки. Кн. 14. 1957. Стр. 7—25.
Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1—3. СПб. 1906.
Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958.
Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX века. В кн. «Независимый Афганистан. 40 лет независимости. Сборник статей». М. 1958. Стр. 180—218.
Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент. 1956.
Штейнберг Е. Л. Англо-майсорские войны в 90-х годах XVIII века. «Вопросы истории» № 1. 1948. Стр. 98—109.
Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке (от Французской буржуазной революции до второй мировой войны). М. 1951.
Argyll G. D. C. The Eastern question. From the treaty of Paris 1856 to the treaty of Berlin 1878, and the Second Afghan war. Vol. 1—2. 1879.
Driault E. La question d'Orient depuis ses origines jusqu'à la Grande guerre. 7 ed. P. 1917.
Hayawadana Rao C. History of Mysore (1399—1799 A. D.). Vol. 2—3. Bangalore. 1946—1948.
Menon K. S. The «Russian bogey» and British agression in India and beyond. Calcutta. 1957.
Rawlinson H. England and Russia in the East. L. 1875.
Sen S. P. The French in India. 1763—1816. Calcutta. 1958.
Sykes P. A history of Persia. Vol. 2. 3 ed. with supplementary essays. L. 1951.

ОТ ПАРИЖСКОГО ДО ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1856—1871 годы)

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Вопрос об объединении Италии. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 58—65.
Маркс К. Перспективы войны в Европе. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 66—69.
Маркс К. Перспектива войны во Франции. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 108—112.
Маркс К. Историческая параллель. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 113—115.
Маркс К. Перспективы войны в Пруссии. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 116—119.
Маркс К. Предстоящий мирный конгресс. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 120—129.
Маркс К. Симптомы приближения войны. — Вооружение Германии. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 138—141.
Маркс К. Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 163—167.
Маркс К. Прусская точка зрения на войну. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 174—177.
Маркс К. Британская дипломатия и война. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 202—206.
Маркс К. Что выиграла Италия? Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 217—219.
Маркс К. Мир. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 220—221.

Маркс К. Виллафранкский договор. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 226—230.
Маркс К. Луи-Наполеон и Италия. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 235—239.
Маркс К. Радикальная точка зрения на мир. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 282—285.
Маркс К. Quid pro quo. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 330—348.
Маркс К. Господин Фогт. Соч. Т. 12. Ч. 1. Стр. 354—403.
Маркс К. Новый договор между Францией и Англией. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 17—20.
Маркс К. Приготовление к будущей войне Наполеона на Рейне. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 57—60.
Маркс К. Россия использует Австрию. — Варшавский конгресс. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 152—155.
Маркс К. Положение дел в Пруссии. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 156—159.
Маркс К. Интервенция в Мексике. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 202—208.
Маркс К. Мексиканская неразбериха. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 225—230.
Маркс К. Недопущение прений о Мексике и союз с Францией. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 366—368.
Маркс К. Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих. Соч. Т. 13. Ч. 1. Стр. 1—13.
Маркс К. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих о войне. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 5—10.
Маркс К. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о войне. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 93—100.
Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах. Соч. Т. 13. Ч. 2. Стр. 293—337.
Маркс К. Письмо комитету Германской социал-демократической партии от 1 сентября 1870 г. Соч. Т. 26. Стр. 68—70.
Энгельс Ф. По и Рейн. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 1—50.
Энгельс Ф. Как Австрия держит в своих руках Италию. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 76—82.
Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн. Соч. Т. 12. Ч. 1. Стр. 205—246.
Энгельс Ф. Савойя и Ницца. Соч. Т. 12. Ч. 2. Стр. 26—29.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. Соч. Т 16. Ч. 1. Стр. 452—507.

Источники

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Ред. и вступит. статья А. С. Ерусалимского. Т. 1—3. М. 1940—1941.
«К истории франко-русского соглашения 1859 г.». Вводная статья Ф. Ротштейна. «Красный архив». 1938. Т. 3 (88). Стр. 182—255.
«Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову». Вводная статья А. Ерусалимского. «Красный архив». 1933. Т. 6 (61). Стр. 3—25.
«Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе». Вводная статья С. Лесника. «Красный архив». 1939. Т. 2 (93). Стр. 51—118.
«Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917». Сост. И. В. Козьменко. Под ред. Е. А. Адамова. М. 1952.
«Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года». М. — Л. 1933.
Angeberg. Recueil des traités, conventions, actes, notes, capitulations et pièces diplomatiques concernant la guerre franco-allemande. T. 1—5. P. 1873.
«Die auswärtige Politik Preussens 1858—1871. Diplomatische Aktenstücke. Hrsg. von der Historischen Reichskommission». Abt. 1—3. Oldenburg i. O. 1934—1939.
Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd. 1—11. B. 1924—1929.
«I documenti diplomatici italiani. Ser. I. 1861—1870». Vol. I. 1952.
Fleury M. La France et la Russie en 1870. P. 1902.

«Friedensverträge aus der Zeit der nationalen Einigung Italiens und Deutschlands». Bearb. von H. Wolfensberger. Bern. 1947.
Gabriac. Souvenirs Diplomatiques de Russie et d'Allemagne, 1870—1872. P. 1896.
«Die grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes». Bd. 1—2. B. 1924.
Oncken. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870... Bd. 1—3. Stuttgart — B. 1926.
«Les origines diplomatiques de la guerre de 1870—1871. Recueil des documents officiels publ. par le ministère des affaires étrangères». T. 1—28. P. 1910—1931.
Thiers A. Notes et souvenirs, 1870—1873. P. 1901.

Литература

Альперович М. С. О деятельности американской дипломатии во Франции в 1870—1871 годах. «Вопросы истории» № 7. 1956. Стр. 110—115.
Басилая Ш. И. К вопросу об отношении царского правительства к Парижской Коммуне. Сухуми. 1954.
Беленький А. Б. Английская реакция — организатор интервенции в Мексику. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. 7. № 5. 1950. Стр. 459—471.
Добролюбов Н. А. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. Полн. собр. соч. в шести томах. Т. 5. М. 1941.
Ерофеев Н. А. Англо-французская борьба за Суэцкий канал (1854—1875 гг.). В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 590—614.
Зутис Я. Я. К истории остзейского вопроса в 60-х годах XIX века. В кн. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле». М. 1957. Стр. 475—493.
Молок А. И. Германская интервенция против Парижской коммуны 1871 г. Л. 1939.
Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М. 1959.
Никитин С. А. Дипломатические сношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. В кн. «Славянский сборник». М. 1947. Стр. 262—290.
Нольде Б. Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага. 1925.
Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л. 1957.
Роотс Л. К. Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин. 1957.
Ротштейн Ф. А. Из истории Прусско-Германской империи. М. — Л. 1948.
Рыжова Р. И. Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г. «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина». Т. 78. Кафедра истории СССР. Вып. 4. 1957. Стр. 77—129.
Сказкин С. Д. Кавур и воссоединение Италии. «Историк-марксист». 1935. Т. 5—6 (45—46). Стр. 88—116.
Татищев С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1—2. Изд. 2. СПб. 1911.
Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848—1918. Пер с англ. А. О. Зелениной и Д. Э. Куниной. Вступит. статья и ред. М. Н. Машкина. М. 1958.

Чернышевский Н. Г. Граф Кавур. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. 7. М. 1950.
Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino. 1957.
Clark C. W. Franz Joseph and Bismark. The diplomacy of Austria before the war of 1866. L. 1934.
Friese C. Russland und Preussen vom Krimkrieg bis zum polnischen Aufstand. B. 1931.
Hallberg C. W. Franz Joseph and Napoleon III. 1852—1864. N. Y. 1955.
Lord R. H. The origins of the war of 1870. New documents from the German archives. Cambridge — L. 1924.
Mosse W. E. The European powers and the German question. 1848—1871. With special reference to England and Russia. Cambridge. 1958.
Rheindorf K. Die Schwarze Meer — (Pontus) Frage vom Pariser Frieden vom 1856 bis zum Abschluss der Londoner Konferenz vom 1871. B. 1925.
Sorel A. Histoire diplomatique de la guerre Franco-Allemande. T. 1—2. P. 1875.
Steefel L. D. The Schleswig-Holsteen question. Cambridge. 1932.
Valsecchi F. La politica europea e la preparazione diplomatica della seconda guerra per l'indipendenza italiana 1857—1859. Milano. 1951.

ДИПЛОМАТИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XVIII и XIX веке

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Первый международный обзор. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 232—234.
Маркс К. и *Энгельс Ф.* Третий международный обзор. С мая по октябрь. Соч. Т. 7. Изд. 2. Стр. 460—464.
Маркс К. Революция в Китае и Европе. Соч. Т. 9. Изд. 2. Стр. 98—105.
Маркс К. Англо-китайский конфликт. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 105—110.
Маркс К. Английские жестокости в Китае. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 167—170.
Маркс К. История торговли опиумом. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 564—567.
Маркс К. История торговли опиумом. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 568—571.
Маркс К. Англо-китайский договор. Соч. Т 12. Изд. 2. Стр. 579—584.
Маркс К. Договор между Китаем и Британией. Соч. Т 12. Изд. 2. Стр. 599—604.
Маркс К. Новая китайская война. Соч. Т. 11. Ч. 2. Стр. 260—276.
Энгельс Ф. Персия и Китай. Соч. Т. 12. Изд. 2. Стр. 218—224.
Ленин В. И. Китайская война. Соч. Т. 4. Стр. 347—352.

Источники

Барсуков И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Т. 1—2. М. 1891.
Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Д. Востоке (1842—1925). М. 1927.
«Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859—1860 годах». СПб. 1895.
«Русско-китайские отношения 1689—1916. Офиц. документы». М. 1958.
Beasley W. G. Select documents on Japanese foreign policy 1853—1868. L. 1955.
Bonner-Smith D. Lumby E. W. R. The second China war 1856—1860. L. 1954.
Swisher E. China's management of the American barbarians. A study of Sino-American relations, 1841—1861. With documents. New Haven. 1953.

Литература

Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая. Соч. Т. 3. Стр. 135—150.

Барановский М. И. Американо-английские капиталисты — душители Тайпинского восстания. «Вопросы истории» № 1. 1952. Стр. 106—125.

Ваганова Т. А. Начало английской завоевательной политики в Китае. «Вестник Ленингр. гос. ун-та» № 7. 1949. Стр. 93—103.

Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866—1871). «Вестник Ленингр. ун-та» № 8. 1951. Стр. 81—103.

Дементьев Ю. П. Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае 1844—1862. М. 1958.

Дементьев Ю. П. и *Май Тхук Лоан.* Из истории захвата Францией Южного Вьетнама. «Сов. востоковедение» № 6. 1958. Стр. 33—42.

Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск. 1959.

Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. Краткий очерк. Пер. с китайск. Изд. 2. испр. и доп. М. 1953.

«Международные отношения на Дальнем Востоке. (1840—1949)». Под общ. ред. Е. М. Жукова. Изд. 2, испр. и доп. М. 1956.

Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956.

Окунь С. Б. Российско-Американская компания. Л. 1939.

«Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М. 1958.

Петров Д. В. Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX века. М. 1955.

Полевой Б. П. Первые попытки США захватить острова Рюкю, Бонин и Тайвань (1853—1857). «Вопросы истории» № 12. 1952. Стр. 117—127.

Попов А. Л. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. «Красный архив». 1927. Т. 2 (21). Стр. 182—199.

Файнберг Э. Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М. 1954.

Файнберг Э. Я. Из истории установления официальных отношений между Россией и Японией. «Сов. востоковедение» № 3. 1955. Стр. 56—70.

Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. I. 1840—1901. Пер. с китайск. М. 1955.

Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. Пер. с китайск. М. 1951.

Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. Пер. с китайск. М. 1952.

Banerjee A. C. Annexation of Burma. Calcutta. 1944.

Beasley W. G. Great Britain and the opening of Japan. 1834—1858. L. 1951.

Cady J. T. The roots of French imperialism in Eastern Asia. Ithaca. N. Y. 1954.

Fairbank J. K. Trade and diplomacy on the China coast. The opening of the treaty ports, 1842—1854. Vol. 1—2. Cambridge. 1953.

Greenberg M. British trade and the opening of China, 1800—1842. Cambridge. 1951.

Lensen G. A. Russia's Japan expedition of 1852 to 1855. Gainesville. 1955.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

Аббасиды — 117
Аббас Мирза — 610—612
Аббот — 617
Абиль Огля — 801
Абдул-Меджид, турецкий султан — 561, 646, 647, 651
Абекен — 739
Абрупол — 73
Абу-л-Фазл Бейхаки — 117, 118
Абу-л-Фазл — 228
Абу — 736
Август (Октавиан) — римский император — 28, 78, 80, 81, 91
Август II, польский король, саксонский курфюрст — 324, 337—339, 341, 353
Август III, польский король, саксонский курфюрст — 324, 334, 353, 362
Августенбургский, герцог — 713
Авиллий Флакк — 87
Аврелий Марк — см. *Марк Аврелий*
Аврелий Орест — 74, 75
Ага Мохаммед — 606
Адамс, Джон — 391, 392, 397, 398, 506, 520
Адамс, Джон Куинси — 392, 520, 521, 523, 524, 629
Адамс, Сэмюэль — 399
Адамс, Чарльз-Френсис — 681, 684
Аддингтон — 462
Адранский епископ — 631
Айала — 242
Акбар, Великий Могол — 227, 228
Акбар-хан, афганский эмир — 616, 617
Аларих — 99
Александр Великий Македонский — 28, 56—58
Александр, великий князь литовский — 314
Александр III, папа римский — 157
Александр I Павлович, русский император — 372, 462, 465—468, 471—478, 481—491, 493—499, 502—504, 521, 524, 526—530, 532—536, 538, 548, 549, 608—610, 636, 705
Александр II Николаевич, русский император — 660, 662—668, 686, 691—693, 696, 698, 703—709, 712, 714, 718, 727, 728, 735, 740, 741, 744, 751, 752
Александр Михайлович, князь тверской — 144
Александр Ярославич Невский, князь новгородский — 132, 134, 141, 175, 654
Алексей, митрополит — 144
Алексей I Комнин — 152
Алексей Михайлович, русский царь — 229, 285, 294—296, 301, 302, 304, 308, 312, 315, 316, 361
Алексей Петрович, русский царевич — 348
Алкивиад — 48, 49
Алкье — 483
Ал-Мустасим — 225
Ал-Насир — 150
Альбер — 567
Альберони — 247, 248
Альберт, епископ — 173
Альберт, принц — 693, 711
Альбрехт Австрийский, император Священной Римской империи — 188, 189
Альбрехт, австрийский эрцгерцог — 735, 744

[1] Составила Г. И. Трайнина.

Альбрехт Медведь, маркграф — 168
Альфенслебен — 704
Альфонс II, король Астурии — 116
Аменхотеп III, египетский фараон — 12, 13
Аменхотеп IV, египетский фараон — 12—14, 17
Амичанд — 597
Амхерст — 621
Анастасия Ярославна, жена короля Андрея — 122
Анатолий — 102
Ангальт-Цербстская принцесса — 356
Ангулемский герцог — 532
Андраши — 734, 744
Андрей, венгерский король — 122
Андрей Юрьевич Боголюбский, князь владимиро-суздальский —137
Андриск — 73
Андрих (Удальрих), князь чешский — 122
Анжуйская династия — 198
Анкудинов — 315
Анна, английская королева — 323, 345
Анна Болейн, жена Генриха VIII— 260
Анна Иоанновна, русская императрица — 325, 354, 358, 361, 372, 636
Анна Павловна, сестра Александра I — 481
Анна Ярославна, жена Генриха I — 122
Антиалкид — 50, 51
Антигон Одноглазый — 57
Антигониды — 58
Антиох III, сирийский царь — 60, 65, 69, 70
Антиох IV, сирийский царь — 73, 74
Антоний — 80
Ан-Тун — см. *Марк Аврелий*
Апшер — 671
Арагонская династия — 184
Аргун, монгольский хан — 180, 181
Аржансон — 324
Арибба, эпирский царь — 55
Аристид — 38, 45
Аркадий, византийский император — 91, 318
Аркур,д' — 571
Арним, барон — 575
Арним, граф — 575
Арнульфинги — 114
Арси Тодд, де — 616
Артаксеркс, персидский царь — 50
Артуа, Карл-Филипп—см. *Карл X*
Арфеатавр — 73
Архидам — 44
Асканий — 168
Астор — 512
Атанарих, король готов — 92
Атилий — 73
Аттал I, пергамский царь — 68
Аттила, вождь гуннов — 100—102, 112
Ауранзеб, Великий Могол — 229
Ахемениды — 26, 79, 85
Ахмат, хан — 264
Ахмет-паша (Бонневаль)—см. *Бонневаль*
Ашока — 28
Ашурбанипал, ассирийский царь — 17, 19—23, 26
Аэций — 101

Бабур, Великий Могол — 226—229
Баварский курфюрст — см. *Иосиф-Фердинанд*
Баджи Рао — 602
Бавен — 742, 747, 748
Байрон — 535
Баклановский — 307
Балабин — 707
Балашов — 485
Бальбоа — 252
Банкрофт — 386, 388
Бан Чао — 31
Барагэ д'Илье — 653
Барер — 439, 445, 447, 449
Барклай де Толли — 485
Бартелеми — 447, 448
Бартол — 216, 217
Барятинский — 388, 394
Бассано — см. *Маре*
Бастар — 786, 787
Бастид — 574, 578, 581
Батый, кипчакский хан — 179, 180
Баязид II, турецкий султан — 206
Бевбородко — 360, 361, 417
Бёйст — 734
Бекович-Черкасский — 343
Белибни — 22, 24
Бельевр — 282
Бемис — 507, 511
Бенедек — 723, 724
Бенедетти — 729—732, 736—739
Бенедикт XI, папа римский — 187

Бенкендорф — 666
Беннигсен — 732, 733
Бентам — 408
Бентон — 512
Бентинк — 605
Берг — 618
Беренгарий, король Италии — 108
Беренд — 704
Берлингем — 794, 799, 800, 810
Бернардони — см. *Лангглуа*
Бернадотт (Карл XIV), шведский король — 483, 484, 490
Бернард Клервосский — 169
Берни — 603
Бернс — 614, 617
Бернсторф — 532
Берр — 511
Берта, кентская королева — 113
Бертье — 479
Бестужев-Рюмин, А. П. — 332, 354, 356, 357, 359, 372
Бестужев-Рюмин, М. П. — 348
Бисмарк — 326, 334, 381, 650, 651, 658, 694, 701—705, 711—734, 736, 737, 739—741, 743, 745—748, 751—757
Блан — 568
Блудов — 665
Блэк — 290
Богарне — 475, 479, 490
Боден — 234, 236
Боканегра — 671
Боккаччо — 200
Болейн — см. *Анна Болейн*
Болеслав I Храбрый, князь польский — 122
Болеслав II Смелый, польский король — 131, 132
Болсовер — 561
Бомарше — 385, 386, 389, 390
Бонавентура — 209
Бонапарт — см. *Наполеон I*
Бонапарт, Жозеф — см. *Жозеф Бонапарт*
Бонапарт, Луи — 479
Бонапарт, Наполеон, принц — 696, 697, 728
Бонапарты, династия — 490, 709, 735
Бонгар — 272
Бонгем — 763, 770
Бонифаций VIII, папа римский — 181, 183—187, 199
Бонневаль — 248
Бонумбре — 262
Бордо — 284, 285, 290
Борис Александрович, великий князь тверской — 143
Борис Святославович, князь — 138
Борис Константинович, князь суздальско-нижегородский — 144
Борис Федорович Годунов, русский царь — 267, 314
Ботта-Адорни — 356
Боуринг — 769—772
Брайт — 558
Бранденбург, граф — 590, 591
Бретейль — 325
Брауншвейгский герцог — 433
Бриньоли — 570
Бриссо — 432, 437
Бройль — 325
Брунгильда, франкская королева — 113
Бруннов — 560, 571, 587—589, 645, 653, 666—668, 686, 707, 750, 823
Брюгьер — 606
Брюс — 782, 783, 785, 795
Будберг — 645, 707
Букингем — 370
Бульвер — 677
Бульвер-Литтон — 560
Бунзен — 651
Буоль — 650, 651, 658, 660, 663—666, 668, 696
Бурбоны (франц.) — 319, 321, 323, 331, 405, 459, 479, 490—493, 499, 500, 546, 551, 565
Бурбоны (испан.) — 353, 491
Бурбоны (неапол.) — 461, 462, 469, 504, 698
Бурбулон — 770, 782, 783, 785
Бургоэн — 545, 546
Бурджевайн — 794
Бурдон — 459
Бурнабуриаш, вавилонский царь — 17
Бурхард, епископ трирский — 132
Бутенев — 553, 554, 618
Бутурлин-Кривой — 297
Бутякин — 499
Буянтай — 638
Бьюкенен — 673, 677, 778
Вэгот — 530
Бюшо — 448

Ваза — 304
Валевская — 666
Валевский — 652, 666, 668
Валент, римский император — 92

Валерий Левин, Марк — 68
Валиханов — 801
Вальдемар, принц датский — 315
Вандом — 247
Ван Сюань-цэ — 220
Варда Фока — 121
Василий, византийский император — 121
Василий I Дмитриевич, великий князь московский — 142—144
Василий II Васильевич Темный, великий князь московский — 143, 212
Василий III Иванович, великий князь московский — 262, 263, 299
Василий Иванович Шуйский, русский царь — 291, 292
Василий Ярославич, князь боровский — 143
Василько Романович, князь галицкий — 135
Васильчиков — 306
Вахтанг, карталинский царь — 343
Вашингтон — 387, 397, 399, 401—403, 434, 506
Вебстер — 673, 676
Велепольский — 548, 549
Велизарий — 109
Великие Моголы (также Великий Могол) — 98, 224, 226, 227—230, 327, 596, 602
Веллингтон—504, 528, 531, 532, 534, 538—541, 544, 545, 551, 587
Вельфы (*Гвельфы*) — 151, 159, 168
Верак — 396
Верженн — 324, 325, 385, 388—390, 397, 631
Вертер — 739
Веселовский — 349, 350
Веспасиан Флавий, римский император — 88
Вигила — 101
Вигилий, папа римский — 106
Виклеф — 211
Виктор-Амедей II, герцог савойский — 323
Виктор-Эммануил II, итальянский (до объединения Италии — сардинский) король — 662, 663, 695, 696—698, 721, 722, 724, 725, 735, 745
Виктория, английская королева — 537, 562, 604, 644, 652, 693, 711, 731
Викфор — 244, 245, 246
Виллардуэн — 201
Виллель — 532
Вильгельм Завоеватель — 150
Вильгельм I, голландский король — 552
Вильгельм I, прусский король — 651, 695, 703, 704, 712, 714, 723, 728, 730, 737—740, 744—747, 752
Вильгельм Оккам — см. *Оккам*
Вильгельм III Оранский, английский король, штатгальтер Голландии — 279, 280, 321
Вильгельм IV, английский король— 556
Вильсон — 487
Вильямс, Абраам — 242
Вильямс, Чарльз — 332, 356—358
Виниус — 297
Виндишгрец — 581
Винцент — 477
Висковатый — 299, 300
Виссарион Никейский — 212, 213
Витворт — 345
Виткевич — 614, 615, 618
Витовт, великий князь литовский — 176, 213
Витт, Корнелий — 288
Витт, Ян — 287
Владимир Андреевич, князь серпуховский — 142
Владимир Володаревич, князь галицкий — 130, 137, 138
Владимир Всеволодович Мономах, великий князь киевский — 130, 131, 135, 137, 138
Владимир I Святославич, князь новогородский, затем киевский — 121, 122, 318
Владислав Локоток, польский король — 175
Владислав II (Ягайло), польский король — 176, 213
Владислав IV, польский король (ранее претендент на московский престол) — 292, 293
Влангали — 810
Возницын — 336, 337
Волков — 349
Вологез, парфянский царь — 81—83
Вольдемар, прусский принц — 575
Вольпе — 299
Вольтер — 329, 330, 369, 407
Вольф — 358
Воронцов, А. — 486
Воронцов, М. С. — 665

Воронцов, С. Р. — 425, 426, 486
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, великий князь владимиро-суздальский — 136
Всеволод Ольгович, великий князь киевский — 138
Всеволод Ярославич, великий князь киевский — 132, 135

Габбу-ана-Ашур — 25
Габриак — 746, 753—755
Габсбурги — 173, 189, 236, 239, 248, 254, 257—259, 270—274, 276, 277, 279, 297, 319, 321—325, 328, 330—332, 353, 362, 368, 468, 469, 479, 490, 500, 564, 566, 579, 582, 585, 586, 734, 744
Гадсден — 678
Гамбетта — 747, 748
Гамилькар — 67
Гамильтон — 401, 402, 507
Ганнибал — 66—70, 202
Гаральд, англосаксонский король — 131
Гаральд Гардрада, норвежский король — 122
Гардан — 609, 610
Гарденберг — 495—497
Гарибальди — 584, 698, 721, 734
Гарпер — 514
Гаррис — 392, 393
Гаррис — 779, 780
Гарт — 795
Гастингс — 195
Гастингс — 598, 599
Гаугвиц — 468
Гаукинс — 259
Гвиччардини — 200
Гебдон — 317
Гейзе I, венгерский король — 150
Генриетта-Мария, английская королева — 285
Генрих Лев — 168, 169
Генрих, принц прусский — 335, 369
Генрих I, французский король — 122
Генрих II, французский король — 256, 259
Генрих III, английский король — 178
Генрих IV, английский король — 176
Генрих IV, император Священной Римской империи — 148, 149, 151—154
Генрих IV, французский король — 132, 245, 246, 259, 269, 270—272
Генрих VI, император Священной Римской империи — 156, 158, 159, 161
Генрих VII, английский король — 260
Генрих VII Люксембургский, император Священной Римской империи — 189
Генрих VIII, английский король — 254, 260
Генц — 493
Георг I, английский король — 248, 350
Георг II, английский король — 325
Георг III, английский король — 393, 394, 464
Георг IV, английский король — 497, 528, 531, 533, 534
Герасимов — 299
Герберштейн — 309
Гервард, епископ — 176
Гергей — 586, 587
Герлах — 651, 660, 661
Герман, патриарх — 209
Герон, маркграф — 168
Геростратт — 316
Герцберг — 420—424
Герцен — 588
Гибсон — 796
Гида, жена Владимира Мономаха — 131
Гиз, герцогиня — 260
Гизо — 560, 632, 633
Гизы — 260
Гинкмар, архиепископ Реймсский — 129
Гиппий — 39
Гиэнь — 190
Гладстон — 746
Глеб Святославович, князь — 138
Гоббс — 234, 236
Гогенлоэ — 724
Гогенцоллерн-Зигмарингенский, Антон — 737
Гогенцоллерн-Зигмарингенский, Леопольд — 736—739
Гогенцоллерны — 328, 329, 368, 472, 500, 579, 591, 703, 736, 737
Гогенштауфены — 151, 156, 159, 165, 198, 209
Годой — 507
Голицын, В. В. — 303
Голицын, Д. А. — 394

Голицын, П. А. — 351
Головкин — 346, 348, 357, 636
Головин — 298
Головнин — 640
Гольдбах — 356
Гольц — 729, 731
Гольштинский, герцог — 342
Гонорий, римский император — 91, 318
Гонто-Бирон — 271
Горации (братья) — 62
Гордон — 794
Горн — 357
Горчаков, А. М. — 660, 661, 664, 686, 691—693, 698, 699, 703—709, 711, 712, 718, 719, 727, 728, 733, 735, 743, 745—749, 751—753, 800, 806, 810, 819
Горчаков, М. Д. — 660, 661
Гоуп — 793, 806
Гракх Семпроний, Тиберий — см. *Семпроний*
Гракхи (братья) — 69
Грамон — 736, 738, 739
Гранди — 514
Грант — 690, 785
Грей — 555, 556
Гренвиль — 533
Грибоедов — 612, 613
Григорий, игумен Андреевского монастыря в Киеве — 136
Григорий I, папа римский — 113, 114
Григорий IV, папа римский — 129
Григорий VII Гильдебранд, папа римский — 132, 148—154, 159, 183, 200
Григорий IX, папа римский — 163, 164, 174
Григорий XI, папа римский — 210
Гримм — 369
Гро — 773, 776, 778, 781, 785—787, 789—791
Гроций — 234, 242—244
Грэвен — 242
Гуй Лян — 776, 777, 785
Гулам Хейдар-хан — 812
Гулям Мохаммед — 601
Гумбольдт — 495, 497
Гун (И Синь) — 776, 787—794, 796
Гус — 170, 171, 211
Густав, шведский принц, сын Эрика XIV — 314
Густав II, Адольф, шведский король — 274, 275
Густав III, шведский король — 416, 429
Гуюк, монгольский хан — 180
Гюбнер — 650, 695
Гюискар — см. *Роберт Гюискар*
Гюнтер, епископ Кельнский — 129

Давид Игоревич, князь волынский — 135
Давыдов — 640
Далимил — 170
Даллас — 681
Даллес — 688
Дальхузи — 605
Дандоло, Андреа, дож Венеции — 207
Дандоло, Энрико, дож Венеции — 200, 201
Даниил Романович, князь галицкий — 131—133, 140
Данилевский — 618
Данте — 186, 200
Дантон — 433—437, 439—441, 443—445
Дарий II, персидский царь — 39, 47
Дарий III, персидский царь — 57
Дашков — 350
Деби — 345
Дейна — 392, 393
Декорш — 446, 448
Делагарди — 292
Демад — 51
Деметрий, македонский царь — 67
Демосфен — 52—55, 90, 427, 532
Дерби — 694, 715, 727, 728, 731, 733
Дефорж — 440, 445
Джаханги́р — 228
Джей — 388, 397, 401—403, 505
Джексон — 515—518
Джентили — 242, 243
Джерри — 505
Джефферсон, Томас — 382, 509, 510, 512, 514, 520
Джефферсон, Дэвис — 400, 401
Джисларди — 299
Джиффорд — 260
Джонс (англ.) — 609—610
Джонс (ам.) — 673
Джонсон (Виргиния) — 517
Джонсон (Кентукки) — 517
Джонсон, президент — 690
Дибич — 544, 547
Дидро — 369
Дин — 384, 385, 386, 388, 390, 391
Диоген, византийский император — 131

Диоклетиан, римский император — 87
Дион — 87
Дион Хризостом — 90
Диэй — 75, 76
Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский — 141, 142, 143, 144
Добролюбов — 769
Долгоруков — 811
Долгоруков, В. — 665
Долгоруков, В. Л. — 348
Долгоруков, Я. Ф. — 318
Домиций Корбулон, Гай — 81, 82
Дост Мохаммед, афганский эмир — 614, 615, 616, 617, 812—814, 817, 818, 821
Дрейк — 259
Друэн-де-Люис — 584, 587, 645, 653, 654, 714, 728, 729, 731
Дубельт — 666
Дэне — 192
Дэвис — 680
Дэйвис — 689
Дюбуа — 189
Дюбуа де Жансиньи — 632
Дюбур — 385
Дюбюк — 601
Дюмурье — 432, 435, 436, 439
Дюпле — 324, 327, 331

Е*вгений IV*, папа римский — 212
Евгений Савойский, принц — 248, 321
Евгения, французская императрица — 731, 735
Евпраксия Всеволодовна, жена императора Генриха IV — 132
Езекия, иудейский царь — 19
Екатерина Арагонская, английская королева — 254
Екатерина Владимировна, жена герцога Магнуса — 314
Екатерина Медичи, французская королева — 254
Екатерина Павловна — 477
Екатерина I, русская императрица — 357, 634
Екатерина II, русская императрица — 355, 356, 358—362, 364—372, 392—396, 413, 415, 417—419, 421, 424—426, 429, 430, 435, 438, 446, 451—453, 455, 606
Елачич — 581
Елена Ивановна, жена великого князя литовского Александра — 314
Елена Павловна, великая княгиня — 642
Елизавета, английская королева — 242, 245, 254, 259—261
Елизавета Пармская (Фарнезе), испанская королева — 247
Елизавета Петровна, русская императрица — 334, 335, 355, 356, 358, 361, 370—372
Елизавета Ярославна, жена Гаральда Гардрада — 122
Е Мин-шень — 772, 775

Ж*аннен* — 246
Жеккер — 701
Женэ — 400, 401, 445, 508
Жером Бонапарт, вестфальский король — 479
Жижка — 176
Жирар — 512
Жобер — 608
Жозеф, монах-капуцин — 274
Жозеф Бонапарт, испанский король — 462, 476, 479
Жолкевский — 292
Жуанен — 610
Жюно — 476

З*альца* — 174
Заман-шах — 601
Зауч — 244
Захарий, папа римский — 114
Зеебах — 660
Зенон, византийский император — 102

И*бах*, сибирский хан — 264
Ибрагим, визирь — 257, 258
Ибрагим, сын Мехмеда-Али — 553, 554
Ивами — 763
Иван Алексеевич, русский царь — 229, 230
Иван Антонович, русский император — 356
Иван I Калита, великий князь московский — 141, 144
Иван II Иванович Красный, великий князь московский — 144

Иван III Васильевич, великий князь московский — 141, 261—266, 298, 299, 303, 314
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь — 262, 265—268, 275, 304, 311, 312, 314, 316
Ивасе Таданари — 780
Игнатьев — 772, 786, 788—793, 816
Игорь, князь киевский — 120—123, 125
Идзо — 763
Иеёси — 766
Иезада — 780
Ии Наосуке — 780
Изабелла, английская королева — 188
Изабелла Католическая, испанская королева — 251
Измайлов — 634
Изяслав Мстиславич, великий князь киевский — 131, 137, 138
Изяслав Ярославич, великий князь киевский — 132, 151
И Ли-бу — 627, 630
Илларион, митрополит — 122
Ингеборг, французская королева — 160
Ингигерда, жена Ярослава Мудрого — 122
Индабигас, эламский царь — 23
Иннокентий III, папа римский — 158—163, 173, 174, 183, 200
Иннокентий IV, папа римский — 132, 164, 179, 180
Иноуе Кионао — 780
Иоанн, архиепископ новгородский — 144
Иоанн, принц датский — 314
Иоанн V, византийский император — 210
Иоанн VIII, византийский император — 212
Иоанн XXII, папа римский — 165
Иоанн Безземельный, английский король — 159, 177, 178
Иоанн Цимисхий, византийский император — 121
Иорк — 487, 488
Иосиф, патриарх константинопольский — 212
Иосиф I, император Священной Римской империи — 322
Иосиф II, император Священной Римской империи — 366, 370, 423
Иосиф-Фердинанд, курфюрст баварский — 320
Ирина, византийская императрица — 116
Ирина, жена Филиппа Швабского — 161
Ирина Михайловна, русская царевна — 315
Исаак II Ангел, византийский император — 156, 158, 161
Исидор, митрополит Московский — 212, 213
Исократ — 52, 53
Итларь, половецкий хан — 138, 139
Итон — 512
И Чжу — 775, 782, 794
И Шань — 626, 638, 774

Кабога — 587
Кавадзи — 765, 766
Кавеньяк — 537, 574, 581, 583
Кавур — 663, 669, 694—698, 724
Кадашман-Харбе, вавилонский царь — 13
Каджарская династия — 606
Кадорн — см. *Шампаньи*
Казимир, князь польский — 122
Каллахэн — 687, 688
Калигула, римский император — 86, 87
Камбон — 434
Кампредон — 357
Канкрин — 638
Каннинг — 813
Каннинг, Джордж — 519, 520, 522, 524, 525, 530—536, 538—541, 556, 612
Каннинг, Чарльз — см. *Стрэтфорд-Каннинг*
Канробер — 662
Кант — 408
Капетинги — 151, 159, 177, 188—190, 270
Каподистрия — 528, 529, 534
Капудан-паша — 446
Карденья — 282, 283, 289, 290
Карл-Альберт Баварский, император Священной Римской империи — 330
Карл-Альберт, король сардинский — 580, 581
Карл I Анжуйский, король Неаполя и Сицилии — 165, 209
Карл Великий, франкский король, затем император — 95, 110, 115—117, 126, 127, 129, 166, 270, 277, 278, 469

Карл Лысый, французский король — 126, 127
Карл Мартелл — 114
Карл Смелый, герцог бургундский — 194, 195
Карл I — см. *Карл V*
Карл II, испанский король — 278, 319, 320
Карл IV, император Священной Римской империи и чешский король — 128
Карл IV, испанский король — 509
Карл V, император Священной Римской империи и испанский король — 234, 239, 240, 251—255, 257, 258, 322, 736
Карл VI, император Священной Римской империи — 319, 322, 330
Карл VII, французский король — 191
Карл VIII, французский король — 201—203, 207, 246, 256
Карл X (граф Артуа, затем французский король) — 453, 492, 494, 527, 543, 545, 546
Карл XII, шведский король — 248, 338—342, 359, 485
Карл I Стюарт, английский король — 240, 242, 277, 281, 282, 285, 286, 315
Карл II Стюарт, английский король — 242, 245, 279, 290, 297, 315
Каролинги — 111
Карпини Плано — 179, 180
Касимов — 229
Кассиодор — 103
Кастельбажак — 593, 654
Каткарт — 487
Каули — 652, 668, 699, 700, 731, 814
Кауниц — 333, 423, 428
Кауфман — 820
Керсоблепт, князь фракийский — 55
Кимон — 38
Кинг — 509
Кир, персидский царь — 26
Кирилл (Константин) — 167
Киселев, Н. Д. — 572—574, 645, 652—655, 663
Киселев, П. Д. — 665, 788
Клавдии, династия — 81
Клавдий, римский император — 79
Клайв — 327, 596—599
Кларендон — 648, 652, 656, 668, 715, 822
Кларк — 399
Клей — 807
Клейтон — 677
Кленк — 313
Климент V, папа римский — 187, 189
Климент VI, папа римский — 216
Климент VII, папа римский — 210
Клиффорд — 245
Клоотц — 412, 434, 439, 432, 443, 444
Клэй — 514, 515, 517
Клювере — 752
Ключевский — 302
Кобден — 558
Кобенцль — 430, 455
Ковалевский — 638
Коидэ — 807
Коленкур — 475, 481, 610
Коллинз — 807
Колло — 508
Колонна — 184
Колычев — 462
Кольбер — 277, 278, 280, 283, 284
Коммин — 192—196, 201, 202, 207, 246
Комнины, династия — 131
Конноли — 618
Конрад, князь мазовецкий — 174
Конрад III, германский король — 155, 156
Константин — см. *Кирилл*
Константин I Великий, римский император — 85, 91, 115, 116
Константин VII (по другому счету VIII) *Багрянородный*, византийский император — 120
Константин VIII (по другому счету IX или X), византийский император — 121
Константин IX (по другому счету X или XI) *Мономах*, византийский император — 131
Константин XI (по другому счету XII или XIII) *Палеолог*, византийский император — 213
Константин Николаевич, великий князь — 806, 808
Константин Павлович, великий князь — 665, 704
Констанций — 101
Констанция, жена императора Генриха VI — 158
Контарини — 206, 303

Конти, принц — 325
Коплей — 387
Корнваллис — 396, 397
Корнелий Сципион, Публий Старший (Африканский) — 68, 71
Корнуэльс — 463
Кортес — 252
Корф — 357, 358, 363
Костюшко — 446, 451
Котошихин — 301, 305, 308
Кошут — 585, 586
Кояндер — 637
Краббе — 686
Красс — 80
Кресснн — 392
Кривой Вутурлин — см. *Вутурлин Кривой*
Критолай — 75
Кромвель — 276, 281, 282, 284, 285, 287—291, 445
Крузенштерн — 640
Крулле — 283
Ксения Борисовна Годунова, русская царевна — 314
Ксеркс, персидский царь — 39
Куракин, А. Б. — 482, 484, 485
Куракин, Б. И. — 347, 349
Куриации (братья) — 62
Курицын — 299
Курси — 774
Кутузов — 446, 484, 487
Кушинв — 630
Кытан, половецкий хан — 138
Кэрни — 629
Кэстльри — 490, 491, 493, 495—497, 502, 515, 528, 530

Лабурдонне — 327
Лависс — 174
Лагренэ — 632, 633
Лазарев — 589
Лайонс — 681, 682
Лаксман — 639
Лакур — 571, 652
Лал Синг — 604
Лалльи — 327
Ламартин — 568, 569, 570, 571, 573
Ланге — 244
Ланглуа (Бернардони) — 325
Лара — 516
Лауэл — 399
Лафайет — 385, 386, 431
Ла Ферронэ — 538, 541
Лафитт — 549
Лебеф — 732, 738
Лебрен — 433, 435, 440, 441, 446
Лев I, папа римский — 111, 112
Лев III, византийский император — 114
Лев X, папа римский — 239
Лейярд — 684
Леклерк — 509
Ленин — 381, 398, 443, 489, 504, 689, 798
Леон — 131
Леопольд I, император Священной Римской империи — 295
Леопольд II, император Священной Римской империи — 420, 422, 423, 427—430, 432
Леопольд Саксен-Кобургский, бельгийский король — 552, 570
Лесовский — 686
Лессепс — 583—585
Лжедимитрий I — 268, 291
Лжедимитрий II — 291
Ли, Артур — 388, 392
Ли, Уильям — 392
Ли Ши-минь — 219, 220
Ли Юань — 219
Ливен, Д. Х. — 536, 538, 556
Ливен, Х. А. — 538, 541, 544, 612, 645
Ливерпуль — 528, 533, 534
Ливий, Тит — 62
Ливингстон — 384, 509, 510
Лидский, герцог — 425
Ливимах — 57
Ливол — 246
Линкольн — 674, 680, 683, 687, 689, 700
Линниченко — 131
Линь Цзэ-сюй — 624, 625
Лиутпранд — 108
Лихачев — 318
Лобанов-Ростовский — 472
Лопес — 676
Лоренс — 396
Лористон — 485
Лотарь, франкский император — 126, 127
Лоуренс — 812
Лувертюр — 507, 509
Лувуа — 246, 280
Луи-Наполеон — см. *Наполеон III*
Луи-Филипп, французский король — 545—547, 549, 550—552, 559, 560, 565, 567, 571, 574
Лука, епископ владимирский — 136
Лэй — 778
Любимов (Хорошев) — 638

Людовик (Людвиг) *IV Баварский*, император Священной Римской империи — 165, 190
Людовик I Благочестивый, франкский император — 126, 127
Людовик Бонапарт, голландский король — 479
Людовик I Немецкий, германский король — 126, 167
Людовик II, франкский император — 129
Людовик IX, французский король — 165, 178—180
Людовик X, французский король — 190
Людовик XI, французский король — 191—196, 200, 201, 246, 256
Людовик XII, французский король — 256
Людовик XIII, французский король — 272
Людовик XIV, французский король — 190, 245, 247, 277—280, 296, 297, 319—323, 340, 347, 631
Людовик XV, французский король — 323—327, 332—334, 353, 358, 405
Людовик XVI, французский король — 387, 389—391, 401, 405, 410, 427, 429—431, 436, 453, 492, 497, 631
Людовик XVIII, французский король — 453, 492—494, 496, 497, 499, 527, 532
Люккезини — 421, 422
Люксембурги — 170

М*абли* — 405, 407, 409
Магнус, герцог, брат датского короля Фридриха II, король Ливонии — 267, 314
Мазарини — 233, 259, 276, 277, 283—285, 288, 290, 469
Мавена — 339
Майлз — 440
Майо — 822
Макарий, митрополит — 299
Макартней — 621
Макартни — 370
Макдональд — 612
Макиавелли — 200, 234, 236—238, 253, 257, 284, 329, 385
Мак Лейн — 677, 770
Мак-Магон — 742
Макнатен — 616, 617
Макнил — 615
Максим Грек — 299
Максимилиан, мексиканский император — 701, 733
Максимилиан I Габсбург, император Священной Римской империи — 193, 251
Максимилиан II, император Священной Римской империи — 263, 266, 267
Маленький, Семен — 229, 230
Малета — 192
Малмсбери, Джеймс-Гаррис — 456
Малмсбери, Джеймс-Говард — 694, 783
Мальборо — 321, 322, 351
Малькольм — 606, 607, 610
Мантейфель, Отто-Теодор — 591
Мантейфель, Эдвин-Карл—661, 727
Ману — 27, 28
Мануил Комнин, византийский император — 130, 156
Манштейн — 359
Мао Цзэ-дун — 624
Марат — 431
Маргарита, шотландская королева — 260
Мардук-Белиддин, вавилонский царь — 18, 23
Маре (герцог *Бассано*) — 445, 460, 609
Мария Кровавая, английская королева — 254, 255
Мария, французская королева — 324
Мария-Антуанетта, французская королева — 401, 429
Мария Доброгнева, жена князя Казимира — 122
Мария-Луиза, французская императрица — 479, 490
Мария Стюарт, шотландская королева — 242, 256, 260, 261
Мария-Терезия, императрица Священной Римской империи — 325, 330—334, 365
Марк Аврелий, римский император — 84, 87
Маркс — 7, 158, 161, 164, 171, 173, 174, 186, 187, 194, 195, 200, 201, 210, 231, 236, 238, 252, 258, 261, 281, 342, 376, 379, 387, 502, 555, 556, 570, 574, 578—580, 604, 669, 682, 754, 757, 772, 783, 808, 817
Мармон — 481
Марселис — 317

Марсилий Падуанский — 165
Мартин V, папа римский — 171, 211
Марций Филипп, Квинт — 72, 73
Марчелло, Джероламо — 206
Маршал — 505
Масинисса, нумидийский царь — 68
Масса — 300
Матвеев, А. А. — 339, 344, 345, 348, 349, 351
Матвеев, А. С. — 303
Матьюс — 440
Махмуд II, турецкий султан — 502, 535, 537, 539, 540, 543, 553, 554, 561
Мацудайра Ясунао — 803
Маццини — 557, 721, 745
Машо — 326
Мегасфен — 28
Медичи — 203, 239
Мейендорф — 591, 645, 660, 665
Мейерберг — 295, 308, 318
Мельбурн — 561
Менандр — 85, 90
Менгли-Гирей, крымский хан — 264
Менгу-Темир, хан Золотой Орды — 140
Мендоза — 242
Менезий — 297
Меншиков, А. Д. — 346, 357
Меншиков, А. С. — 646—649, 660
Мерик — 293
Меровинги — 114
Мерсер — 517, 518
Мерси — 370
Меттерних — 479, 483, 488—491, 493, 495—500, 502, 504, 526—530, 532—535, 537, 538, 540—543, 545, 547, 548, 550, 551, 553, 557—559, 564, 568
Мефодий — 167
Мехмед-Али, паша Египта — 539, 553, 554, 557, 559—561
Меценат — 87
Мещанинов — 18
Мидоуз — 770, 774
Минин — 292
Мин Нин, китайский император — 627
Минская династия — 223
Минье — 320
Мир Джафар — 527, 528
Мир Мохаммед-Риза — 601
Мир Хабибулла — 601
Мирабо — 405, 411, 413, 426
Мирамон — 701
Миранда — 507
Мирза Абдул-хасан — 611
Мирза Риза — 608, 609
Мирза Хаким — 820
Мирза Якуб — 613
Михаил III, византийский император — 167
Михаил VII Дука, византийский император — 130, 150
Михаил VIII, византийский император — 209, 210
Михаил Александрович, великий князь тверской — 143
Михаил Федорович, русский царь — 292, 293, 307, 310, 314, 315
Мнишек, Марина — 291
Мнишек, Юрий — 291
Моймир, князь моравский — 167
Молинэ — 192
Мольтке — 723, 737, 739, 740, 747, 754
Монехэн — 687
Монморанси — 532
Монро — 377, 505, 510, 512, 514, 516, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 672, 676, 700
Монтебелло — 706, 707
Монтескье — 407
Монти — 324
Монтиньи — 770
Монтобан — 785, 789, 791
Монферратский, маркиз — 161
Монфор — 178
Морель — 288
Мориц Оранский, штатгальтер Голландии — 246
Мориц Саксонский, курфюрст — 253, 254
Морков — 438, 462, 465
Морни — 664, 692, 693, 701
Моро — 455
Моррис — 401
Мортемар — 545, 549, 550
Мохаммед-хан, персидский шах — 614
Мстивой, князь поморский — 175
Мстислав Владимирович, князь киевский — 136
Мстислав Изяславич, князь киевский — 137
Музаффар — 820
Мунке, монгольский хан — 179, 180
Муравьев — 553, 773, 774
Муркрофт — 617
Муссабек — 820
Мустье — 658, 661, 731

Мухаммед Туглак — 225
Му Чжан-а — 627
Мэдисон — 400, 513, 515, 520, 524
Мэзон — 682
Мэлет — 658
Мюнстер — 660
Мюрат — 479

Н*абонид*, вавилонский царь — 26
Набу-Бел-Шумат, вавилонский царевич — 23, 24
Надир, персидский шах — 354
Нана-Сагиб-Авимулла — 817, 820
Наполеон I Бонапарт, французский император — 281, 375, 376, 445, 451, 454, 465—492, 494, 495, 497—499, 503, 504, 507—510, 515, 527, 543, 568, 601, 602, 606, 607—610, 666, 730
Наполеон II, сын Наполеона I, герцог Рейхштадтский — 543
Наполеон III, французский император — 380, 381, 584, 585, 593, 645, 646, 649—657, 659, 660, 662—669, 679, 681, 683—685, 688, 691—701, 703,705, 709, 711, 713—715, 717, 719—724, 727—738, 740, 743, 745, 749, 753, 769, 771, 784, 785, 794, 810, 814
Нарсес — 109
Насер-эд-Дин — 811
Нахимов — 652
Нгуэн Ан — 631
Невельский — 773, 774
Нейман — 559
Нельсон — 468
Немурский, герцог — 552
Неплюев — 358
Нерон, римский император — 81—84
Нессельроде — 528, 535, 536, 541, 556, 557, 563, 572, 573, 581, 582, 587, 613, 644, 645, 646, 652—654, 660, 664—666, 691, 765, 773
Нефимонов — 336
Нехо, египетский фараон — 20
Низам-ал-Мульк — 118, 119
Никитин — 229
Никифор, византийский император — 116
Никифор Фока, византийский император — 121
Никифоров — 618
Николай I, папа римский — 129
Николай I, русский император — 378, 504, 527, 536—553, 555—564, 571—577, 581—583, 585, 587—590, 592, 593, 612, 643—651, 653—660, 665, 666, 669, 691, 712, 716, 812
Николай II, папа римский — 149
Никольский — 18
Нил — 804
Новиков — 393
Новосильцев — 467
Ногарэ — 184, 186, 187
Ном — 102
Норменби — 569
Нэпир — 706—708, 806

О*доакр* — 102
Оккам — 165
Окленд — 616
Оксеншерна — 279, 280
Окампо — 677
Октавиан — см. *Август (Октавиан)*
Олаф, шведский король — 122
Олеарий — 310
Олег, князь киевский — 122
Олег Иванович, великий князь рязанский — 143, 144
Оливье де Дэне — см. *Дэне*
Оливье — 606, 736, 738
Олкок — 768, 804
Ольга, княгиня киевская — 123
Ольденбургские принцы — 487
Омейяды — 117
Опик — 571
Ордин-Нащокин — 300—303, 315
Орест — 101
Орлеанский (Филипп II, герцог Шартрский), регент — 248
Орлов — 547, 554, 555, 656, 657, 660, 665—669
Орсини — 693, 694
Оскар I, шведский король — 662
Остерман, А. И. — 346, 348, 357, 359
Остерман, И. А. — 361, 417
Оттон I, император Священной Римской империи — 108, 146
Оттон IV, император Священной Римской империи — 173
Оуэли — 610, 611

П*авел I Петрович*, русский император — 363, 457, 458, 461, 462, 466, 486, 606—608
Палеолог, Зоя (*Софья*) — см. *Софья Палеолог*

Пальмерстон — 548—550, 552—561, 563, 564, 566, 569, 571, 574, 576, 578, 580—589, 591, 623—626, 644, 648, 652, 655, 656, 661—663, 667, 681—685, 688, 691, 693, 694, 699—701, 705, 706, 709, 711, 713—716, 727, 768, 783
Панин, Н. И. — 357, 360—364, 366, 371, 393, 394
Панин, Н. П. — 486
Папирий, Гней — 76
Паркер — 589, 626
Паркс — 771—773, 785—787, 804, 805
Пармский герцог — 247
Паскевич — 551, 573, 578, 587, 588, 590, 612, 658
Паскье — 270
Паткуль — 337
Педро, арагонский король — 159
Пенн — 290
Пердикка, полководец — 57
Пердикка, македонский царь — 43
Перикл — 38, 41
Перовский — 614, 618, 815
Перри — 762—764, 766
Персано — 724
Персей, македонский царь — 71—73
Перье — 549, 550
Песталоцци — 434
Пет — 82
Петр Магистр (*Петр Патриций*) — 85
Петр I Алексеевич Великий, русский император — 229, 230, 233, 234, 248, 335—352, 354, 355, 358, 359, 361, 362, 368, 371, 634
Петр II Алексеевич, русский император — 371
Петр III Федорович, русский император — 335, 355, 356, 361
Петрарка — 183, 200
Писистрат — 38
Пий II, папа римский — 214
Пий IX, папа римский — 585, 694
Пиль — 561—564, 643
Пинкни, Чарлз — 505, 506
Пинкни, Томас — 507
Пиотровский — 18
Пипин Короткий, франкский король — 114, 115, 277
Пирс — 674, 678
Писарро — 252
Питт, Уильям младший — 367, 414—418, 422—426, 428, 435—437, 441, 442, 452, 453, 456, 457, 461, 462, 467, 470
Питт, Уильям старший (лорд Чатам) — 326, 327, 414
Плано-Карпини — см. *Карпини*.
Плантагенеты — 151, 155, 156, 159
Плещеев — 306
Плиний — 89
Пожарский — 292
Полибий — 59, 60, 66, 76
Полиньяк — 545
Полк — 672—674, 676
Поммеринг — 317
Помпадур — 333, 334
Помпоний — 79
Помпей — 84
Попилий Ленат — 74
Попов — 686
Поппель — 261, 262, 303
Пор — 57
Порфирий, епископ черниговский — 136
Потемкин, Г. А. — 360, 361, 369, 417
Потемкин, П. И. — 304, 306, 307, 311
Поттингер — 615, 626, 627
Поццо-ди-Борго — 493, 543, 546, 564, 615
Прайар — 322
Предслава, дочь Владимира I — 122
Прео — 246
Пржемысл II, чешский король — 170
Приск — 100, 101
Пристли — 434
Прованский, граф — см. *Людовик XVIII*
Псаметих, египетский фараон — 20
Птолемеи — 58, 65
Птолемей V Епифан, египетский царь — 73, 74
Пугачев — 418
Пульски — 586
Путятин — 638, 764, 767, 775, 776, 777, 778, 781, 793
Пушкин — 535
Пфуль — 578
Пэн — 434, 441

Р*аббан-Саума* — 181
Равальяк — 272
Рагузинский — 634, 635
Радищев — 393, 418

Разин — 316
Ралов — 299
Рамсес II, египетский фараон — 12, 14, 15, 16, 17
Ранджит Синг — 603
Растопчин — 486
Раш — 519, 520, 522
Рафаат-паша — 647—649
Редерер — 460
Резанов — 640
Ренар — 255
Ренодо — 244
Репнин — 364
Рехберг — 713
Решид-паша — 649
Рид — 775, 778, 785
Рифаат-паша — 647—649
Ричард I Львиное Сердце, английский король — 155, 156
Ричард, граф норманский — 149
Ричард, лорд — 242
Ричардсон — 804
Ришелье, Арман-Жан дю Плесси кардинал — 233, 238, 244, 259, 270, 272—276, 303, 469
Ришелье, Арман-Эмануэль дю Плесси — 527
Роберт Гюискар, герцог Апулии — 149, 152, 153
Робертс — 629
Робертсон — 688
Робеспьер — 281, 431, 439, 441—445, 447, 449, 459
Робинсон — 690
Рожер II, сицилийский государь — 155
Розен — 645
Роман Даниилович, князь галицкий — 133
Ромул Августул, римский император — 102
Ромье — 608
Роон — 737, 739, 740
Россель — 563, 644, 648, 655, 681, 682, 684, 700, 705—709, 714—716, 727, 783, 822
Рост — 681
Ростислав, князь моравский — 167
Ростислав Мстиславич, князь киевский — 130
Ротшильд — 574
Роу — 228
Роулинсон — 822
Рохов — 660
Рош — 805
Ртищев — 611
Рубруквис — 179, 180
Рудольф Габсбург, император Священной Римской империи — 170
Румянцев-Задунайский, П. А. — 417
Румянцев, С. П. — 421
Румянцев, Н. П. — 475, 481, 486, 487
Рускони — 584
Руссо — 407—409, 434
Руссэн — 554
Руэр — 728, 729, 731, 736
Рэли — 259
Рюльер — 369

Са, де — 289
Савойский, герцог — см. *Виктор-Амедей II*.
Савари — 474
Саксен-Кобургский, Леопольд — см. *Леопольд Саксен-Кобургский*
Саксонская династия — 146
Саладин, египетский султан — 155, 156, 157
Салютати — 239
Сампер — 690
Санта-Ана — 671, 678
Саргон, ассирийский царь — 17, 18, 19
Саргониды — 17, 19, 20
Сардур, царь Урарту — 18
Сасаниды — 84, 85, 106
Светоний — 80
Святополк, князь поморский — 175
Святополк, князь моравский — 167
Святополк Изяславич, князь киевский — 135
Святослав Владимирович — 138
Святослав Игоревич, князь киевский — 121, 122, 123
Святослав Ярославич, князь киевский — 132
Себастиани — 464, 470, 473, 551, 609
Сегюр — 369, 417
Сеймур — 642, 643, 644, 649, 652, 654, 658, 772, 783
Секст, Юлий Цезарь — см. *Юлий Цезарь, Секст*
Селевк — 28, 57
Селевкиды — 28, 58, 60, 69
Селим III, турецкий султан — 446, 469, 470, 473, 608
Семонвиль — 445, 446, 448
Семпроний Гракх, Тиберий — 69
Сен-Джон — 286

Сен-Жюст — 444, 447
Сен-Люк — 306
Сеньи — 159
Сергий, игумен Троицкого монастыря — 144
Сесиль — 632
Сигизмунд, император Священной Римской империи — 170, 171, 176, 213
Сигизмунд II Август, польский король — 268, 292, 304
Сийес — 407
Сикст IV, папа римский — 262
Симолин — 418, 426, 427
Симонич — 614, 615
Симоцукэ — 806
Синахериб, ассирийский царь — 17, 19
Сину — 664
Сирадж-уд-доула — 597
Сиркур — 571, 575
Сфакс, нумидийский царь — 68
Скала — 203
Слайдель — 673, 674, 682, 683, 684
Собесский, Ян — см. *Ян Собесский*
Солсбери — 283
Софья Алексеевна, русская царевна — 297, 303, 336
Софья Палеолог, жена Ивана III — 262
Сперанский — 474
Спиноза — 236, 329
Спренгпортен — 461
Станислав Лещинский, польский король — 324, 325, 338, 339, 353
Станислав Понятовский, польский король — 358
Стекль — 686, 809
Стенгоп — 349
Степанов — 346
Стерлинг — 764
Стефан, князь венгерский — 122
Стефан II, папа римский—114, 115
Стефенс — 685
Стоддарт — 618
Сторв — 517
Стормонт — 387, 390
Страбон — 28
Стремоухов — 806
Стрикленд — 286
Стрэтфорд-Каннинг, Чарльз (лорд *Редклиф*) — 556, 557, 558, 648, 649, 651—653
Стэнли — 727, 728
Стюарты, династия — 245, 248, 277, 321, 340—342
Суави-Эфенди — 820
Суппилулиума, царь хеттов — 12
Суворов—417, 422, 424, 458, 460, 506
Суй, династия — 218, 219
Сулейман Великолепный, турецкий султан — 257, 258
Сун, династия — 221, 222
Сфенелаид — 44, 45
Сфорца Франческо I — см. *Франческо I Сфорца*
Сципион Африканский — см. *Корнелий Сципион, Публий*
Сьюорд — 799, 808, 809
Сюань Чжун (*Цзан*) — 220
Сюард — 524, 680, 682
Сюлли — 259, 269, 270

Тайдулла, хан Золотой Орды — 144
Тайлер — 672
Такеуци Ясунари — 803
Талейран-Перигор — 432, 436, 456, 457, 460, 466, 470, 471, 476—479, 492, 494—497, 499, 500, 506, 508, 510, 547, 550, 552, 559
Таммарит, эламский царь — 23
Тан, династия — 218, 219
Тахарка, египетский фараон — 20
Тахмасп, иранский шах — 227, 343
Тегетгоф — 724
Теджи Синг — 604
Тейлор — 674
Текели — 297
Телеки — 586
Теодат, остготский король — 111
Теоделинда, лангобардская королева — 113
Теодорих, вождь остготов — 102, 103
Теуеман, аламский царь — 23
Техен — 661
Тиандэ — 324
Тиберий, римский император — 80, 81
Тигран — 82
Типу-Саиб, султан Майсора — 454, 600, 601, 602, 607
Тирибаз — 50
Тиридат, армянский царь — 81—84
Тиридат II, парфянский царь — 80
Тиссаферн — 47—49
Тит Ливий — см. *Ливий Тит.*
Титов — 588

Токвиль — 587
Толлмедж — 517
Толстой, П. А. — 348, 349
Толстой, П. — 474, 477
Траутмансдорф — 275, 276
Траханиот — 299, 303
Траян, римский император — 28, 87, 88
Требек — 617
Трескин — 636
Тромп — 287
Трубецкая — 692
Тувенель — 684, 699
Турн — 303
Тутмос III, египетский фараон — 12
Тучков — 485
Тушратта, царь Митанни — 13, 14
Тьер — 381, 559, 560, 733, 735, 740, 747, 748, 751—754
Тэйлор — 630
Тяпкин — 317

Уайтлок — 282, 289
Убри — 465, 471, 751
У-ди, император китайский — 30
Удино — 584
Уилкинсон — 511
Уитворт — 462, 464
Украинцев — 297, 338
Ульфельд — 312, 313
Уммалхалдаш, эламский царь — 23, 24
Умманшибар — 24
Ундаду — 24
Уокер — 677, 678, 786
Уолдмен — 688
Уолсингем — 259, 260, 261
Уорвик — 176
Уорд — 794
Уоттон — 237
Упаххир-Бел — 25
Урбан II, папа римский — 154
Урбан VI, папа римский — 210
Урквихо — 508
Уркварт — 556
Ушаков, М. — 307
Ушаков, Ф. Ф. — 458, 460, 462
Уэллес — 687
Уэлсли — 601, 602, 787

Фабрице — 752
Фавр — 751, 752—754
Фавье — 405
Файльи — 734
Фанкан — 275
Фанье — 274
Фатх Али-шах — 606, 607
Фауд — 647, 649
Федор Алексеевич, русский царь — 296
Федор Ольгович, князь рязанский — 143
Фемистокл — 38, 40
Феодора, византийская императрица — 104
Феодосий I, римский император — 89, 91, 92, 93
Феодосий II, византийский император — 100, 101
Феофано — 108
Фербер — 358
Фердинанд, герцог флорентийский — 318
Фердинанд I, император Священной Римской империи — 240, 254, 255
Фердинанд II, император Священной Римской империи — 274
Фердинанд III, император Священной Римской империи — 295
Фердинанд V Католик, испанский король — 251
Фердинанд VII, испанский король — 530, 532
Феррах-хан — 814
Филипп, брат Пердикки II — 43
Филипп, герцог Анжуйский — см. *Филипп V*
Филипп I, французский король — 150
Филипп II, испанский король — 234, 254, 255, 256, 260
Филипп II, македонский царь — 36, 51—56, 66, 90
Филипп II Август, французский король — 155, 156, 159, 160, 177
Филипп III, испанский король — 319
Филипп III Смелый, французский король — 182
Филипп IV, испанский король — 278
Филипп IV Красивый, французский король — 180—190, 216
Филипп V, испанский король — 247, 248, 320, 322
Филипп V, македонский царь — 59, 60, 66—71

Филипп V, французский король — 190
Филипп VI Валуа, французский король — 190, 191, 216
Филипп Швабский, германский король — 161
Филиппс — 260
Филократ — 51, 53—55
Филон — 87
Фируз Туглак — 225
Флавий Веспасиан — см. *Веспасиан Флавий*
Флёри — 728, 740
Флот — 185
Фокс — 368, 426, 441
Фома Аквинский—209
Фомин — 306, 307
Фор — 216
Форсайт — 823
Фостер — 509
Фотий, патриарх константинопольский — 129
Фоше — 508
Фраат IV, парфянский царь — 80
Франджипани — 257
Франклин — 385—392, 396—398
Франконская династия — 146
Франц I, австрийский император — 432, 437, 468, 469, 477—479, 489, 490, 500, 503, 526, 533
Франц-Иосиф, австрийский император — 650, 656—658, 660, 663—665, 698, 701, 705, 707, 713, 716, 718, 721, 722, 724, 734, 744
Францбеков — 317
Франциск, дож Венеции — 317
Франциск I, французский король — 256—258, 271
Франческо I Сфорца, герцог миланский — 192, 194, 200
Фридрих Воинственный, австрийский герцог — 133
Фридрих I Гогенштауфен Барбаросса, император Священной Римской империи — 155—158
Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи — 159, 162—164, 168, 174, 179, 208
Фридрих II, прусский король — 325, 327—335, 355, 356, 358, 360—366, 369, 392, 420, 421, 577
Фридрих VII, датский король — 711
Фридрих-Вильгельм I, курфюрст Бранденбургский — 279, 280, 329
Фридрих-Вильгельм II, прусский король — 420, 437, 438
Фридрих-Вильгельм III, прусский король — 468, 471, 473, 474, 483, 488, 489, 491, 494, 496, 497, 503, 526, 527, 534, 547, 548, 551, 557
Фридрих-Вильгельм IV, прусский король — 572, 577, 578, 582, 583, 651, 658, 659, 661, 665, 695
Фуад-эфенди — 647, 649
Фуггер — 253
Фуггеры — 253
Фукидид — 45, 46, 48
Фуллер — 518
Фут — 674, 675
Фуэнтес Диас — 675

Хаджи Ибрагим — 606
Хаджи Калил-хан — 607
Халил, принц — 537
Хаммонд — 679
Хантингтон — 396
Хань, династия — 10, 29
Харт — 399, 516
Харун-ар-Рашид, багдадский халиф — 117
Харши, индийский царь — 220
Хаттушил III, царь хеттов — 12, 14—17
Хаяси — 763
Хилдт — 688
Хилков — 317
Хвостов — 640
Хлопицкий — 548
Хмельницкий — 294, 368
Ховров Мирза — 613
Ховрев-паша — 560
Хопкинсон — 518
Хосров I, персидский царь — 85, 104, 106
Хота Масайоси — 780
Хоукинс — 228
Храповицкий — 429
Христиан IX, датский король — 711, 715, 716
Христина, шведская королева — 282, 289
Хрущев — 513, 689
Хуарес — 677
Хуа Шан-а — 776, 777
Ху Гуй-цин — 775
Худойяр — 820
Хумаюн — 227
Хусейн-кули-хан — 609
Хэн Фу — 785

Цезарь — см. *Юлий Цезарь, Гай*
Целестин V, папа римский — 183, 184
Цвай Юань — 786
Цвен Го-фань — 793
Ци Шань — 625
Ци Ин — 627, 630, 632, 633, 776
Цинская династия — 619, 622, 636, 778, 787—791, 797—799
Цинь-ши Хуан ди (Чжэн) — 29
Цицерон — 63, 427, 461
Цицианов — 608
Цуцуи — 765
Цыси — 794

Чаадаев, *И. И.* — 297
Чаадаев, П. Я. — 529
Чандрагупта, царь Маурья — 28
Чаннинг — 507
Чатам — см. *Питт Старший*
Чемоданов — 317
Чернышев, А. И. — 335
Чернышев, З. Г. — 482, 545
Чернышевский — 588
Чжань Цань — 30
Чжу Юань-чжан — 223
Чжэн (царство Цинь)— см. *Цинь-ши Хуан ди*
Чжэн Хэ — 224
Чингис-хан, монгольский хан — 180, 222

Шамаш-Балат-Суикби — 21
Шамаш-Шумукин, вавилонский царь — 20—23
Шамиль — 656, 663
Шамильяр — 248
Шампаньи (герцог *Кадорн*) — 460, 479, 696
Шантеро-Лефевр — 273
Шапделен — 771
Шапп д'Отерош —369
Шарнасе — 275
Шатобриан — 532
Шафиров, П. П. — 340, 346, 348, 349, 351
Шах Алам — 598
Шах Джахан — 228, 229
Швабская династия — 146
Шварц — 529
Шварценберг — 491, 590, 591, 716
Шейл — 811
Шекспир — 617
Шелберн — 397
Шер-Али Хан — 821—823
Шерли — 245
Шетарди — 356
Шиваджи, вождь махратов — 229
Шмерлинг — 713
Шометт — 442
Шор — 602
Штакельберг — 483
Штейн — 487
Штокмар — 562
Шуазель — 324
Шуджа, афганский эмир — 614, 616, 617
Шуйский, Василий — см. *Василий Шуйский*

Щелкалов, *Андрей* — 300
Щелкалов, Василий — 300

Эбер — 442, 443
Эбердин — 561—564, 643, 644, 648, 649, 652, 655
Эверет — 676
Эвмен, пергамский царь — 71, 72
Эдикон — 101
Эдуард I, английский король — 188
Эдуард II, английский король — 188
Эдуард III, английский король — 190, 191, 215, 216
Эдуард IV, английский король — 192, 195
Эйнгард — 166
Элгин — 772, 773, 776—779, 781—783, 785—791, 793, 794
Эллиот — 624—626
Эль-Камиль, египетский султан — 164
Эльфинстон — 616
Энгельс — 91, 165, 171, 212, 344, 362, 368, 376, 379, 451, 452, 489, 498, 500, 578—580, 588, 696, 703, 719, 772, 783, 808
Энгиенский, герцог — 466
Энен — 448
Эрлангер — 664
Эстергази — 533
Эсхин — 36, 53, 54, 90
Этельберт, кентский король — 113
Эфиопская династия — 19—20

Юлий Цезарь, Гай — 77, 78, 91
Юлий Цезарь, Секст — 75

Юлий Непот, римский император — 102
Юль — 346, 347, 351, 352
Юрий Дмитриевич, князь — 142
Юстиниан I, византийский император — 104—106, 109, 111, 112
Юэ Фэй — 222

Я*гайло* — см. *Владислав II*
Ягеллоны — 263
Ядвига, польская королева — 176
Яков I Стюарт, английский король — 228, 245, 293
Яков II Стюарт, английский король — 280, 285, 321
Яков V Стюарт, шотландский король — 260
Яков Стюарт, сын Якова II — 350
Якуб-бек — 801—802
Ян Гуан, китайский император — 219
Ян-Кавимир, польский король — 295
Ян Собесский, польский король — 297
Ян Фан — 625
Ян Цзянь, китайский император — 219
Янси — 681
Ярослав I Владимирович Мудрый, великий князь киевский — 121, 122, 130, 132, 134, 135
Ярослав Владимирович Осмомысл, князь галицкий — 130
Ярослав Всеволодович, великий князь владимирский — 141, 180
Ярослав Ярославич, великий князь владимирский — 140

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию 5

Раздел первый

ДИПЛОМАТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Введение 7

Глава первая. **Дипломатия древнего Востока** (проф. *Сергеев В. С.*) 11

1. Документы древневосточной дипломатии . . . . . —

Эль-амарнская переписка (XV—XIV вв. до нашей эры) —. Договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хаттушилем III (1296 г. до нашей эры) —. Международная политика Ассирии в период ее преобладания (VIII—VII вв. до нашей эры) —. Дипломатия царя Ашурбанипала (668—626 гг. до нашей эры) —.

2. Дипломатия древней Индии (I тысячелетие до нашей эры) 27

3. Международные отношения и дипломатия в древнем Китае 29

Глава вторая. **Дипломатия древней Греции** (проф. *Сергеев В. С.*) 32

1. Формы международных связей в древней Греции . . . . . —

Проксения —. Амфиктионии —. Договоры и союзы —. Послы и посольства —.

2. Греческая дипломатия в классический период (VIII—IV вв. до нашей эры) 38

Зарождение дипломатии в гомеровской Греции (XII—VIII вв. до нашей эры) —. Дипломатия во время греко-персидских войн —. Конфликт между Спартой и Афинами —. Перикл и проект панэллинского мирного конгресса (448 г. до нашей эры) —. Дипломатическая борьба в эпоху Пелопоннесской войны (431—404 гг. до нашей эры) —. Союзная конференция в Спарте (432 г. до нашей эры) —. Никиев мир (421 г. до нашей эры) —. Дружественный договор Спарты с Персией (412 г. до нашей эры) —. Система политического дуализма Алкивиада —. Антиалкидов мир (387 г. до нашей эры) —.

3. Греческая дипломатия в конце IV в. до нашей эры . . . 51

Филократов мир (346 г. до нашей эры) —. Дебаты в Афинском собрании по вопросу о Филократовом мире —. Дипломатические письма македонского царя Филиппа II к афинскому народу —. Коринфский конгресс (338—337 гг. до нашей эры) —.

4. Дипломатия и международные отношения в эллинистическом мире 57

Глава третья. **Дипломатия древнего Рима** (проф. *Сергеев В. С.*)

1. Основные черты римской дипломатии 61

Формы международных связей в Риме —. Дипломатические органы —.

2. Римская дипломатия в период республики 65

Расширение международных связей Рима в III—II вв. до нашей эры —. Дружественный союз Ганнибала с македонским царем Филиппом V (215 г. до нашей эры) —. Дипломатическая победа римлян в Греции —. Римская дипломатия в Африке (III в. до нашей эры) —. Замысел Ганнибала об окружении Италии —. Дипломатия римлян в борьбе с македонским царем Персеем (II в. до нашей эры) —. Переговоры македонского царя Персея с римским легатом Марцием —. Дипломатическая победа римлян в Египте и в Ахейском союзе (II в. до нашей эры) —. Выступление римских послов на общесоюзном собрании в Коринфе (147 г. до нашей эры) —. Поражение ахеян (146 г. до нашей эры) —. Дипломатия Юлия Цезаря в Галлии (58—51 гг. до нашей эры) —.

3. Организация дипломатического аппарата в эпоху империи 78

Римская политика и дипломатия на Востоке в I в. нашей эры —. Соглашение по армянскому вопросу между Римом и Парфией (66 г. нашей эры) —. Связи Рима с Китаем (I—II вв. нашей эры) —. Договоры Рима с Сасанидами (III—VI вв. нашей эры) —.

4. Внутренняя дипломатия 86

Риторско-дипломатические школы —.

5. Союзные договоры с «варварами» (IV—V вв. нашей эры) . 91

Раздел второй

ДИПЛОМАТИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Введение 94

Глава первая. **«Варварские» государства и Византия** (член-корр. АН СССР *Бахрушин С. В.* и акад. *Косминский Е. А.*) 99

1. Дипломатия времен великого переселения народов . . . . —

Римская империя и варвары —. Константинопольский двор и Аттила —. Одоакр и Теодорих —.

2. Византийская дипломатия 104

Дипломатия Юстиниана I (527—565 гг.) —. Посольское дело в Византии (VI—X вв.) —.

3. Папство и Франкское государство 111

Дипломатия римских пап —. Сношения пап с Франкским государством —. Дипломатия Карла Великого —.

4. Дипломатия арабов 117

5. Дипломатия древней Руси 119

Международные отношения древней Руси IX—X вв. —. Русь и Византия —. Русь и Европа —. Договоры киевских князей с греками —.

Глава вторая. **Дипломатия периода феодальной раздробленности** (член-корр. АН СССР *Бахрушин С. В.* и акад. *Косминский Е. А.*) 126

1. Политическая раздробленность на Западе . . . . . —

Распад империи Карла Великого —. Феодальная раздробленность Европы —. Право частной войны —.

2. Дипломатия на Руси XI—XV вв. 130

Международные отношения древней Руси в XI—XIII вв. —. Договоры русских городов с немецкими городами и Норвегией —. Междукняжеская дипломатия на Руси XII—XIII вв. —. Посольская служба —. Порядок заключения договоров —. Международные отношения Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. —. Русско-татарские отношения в XIII—XV вв. —. Междукняжеские договоры XIV—XV вв. —.

Глава третья. **Дипломатия периода укрепления феодальной монархии** (акад. *Косминский Е. А.*) 146

1. Священная Римская империя и папство в конце XI—начале XII в. . . . . —

Централизующие силы в феодальной Европе. Универсалистские тенденции в политике империи и папства —. Григорий VII и Генрих IV —.

2. Крестовые походы и международные отношения в XII в. 153

3. Империя и папство в XII—XIII вв. 157

Фридрих Барбаросса —. Иннокентий III —. Фридрих II Гогенштауфен —.

4. Агрессия немецких феодалов на Восток (IX—XV вв.) . . . 165

Карл Великий и славяне —. Великоморавская держава —. Наступление немцев на земли полабских и прибалтийских славян —. Немцы и Чехия —. Немецкие феодалы и Польша —. Немецкие феодалы в Восточной Прибалтике —. Немцы в Пруссии —. Неудача немецкой агрессии против России —. Тевтонский орден в Восточном Поморье —. Борьба Тевтонского ордена с Польшей и Литвой —. Разгром Тевтонского ордена —.

5. Дипломатия Франции XII—XV вв. 177

Укрепление феодальной монархии —. Дипломатические сношения с монгольскими ханами —. Филипп IV и Бонифаций VIII —. Столетняя война —. Людовик XI и его дипломатия —.

6. Дипломатия Италии XII—XV вв. 197

Международные связи Италии —. Организация консульской службы —. Флорентийские дипломаты —. Венецианская дипломатия —. Посольское дело в Венеции —.

7. Первые международные конгрессы. Зарождение науки международного права 208

Вселенские соборы XII—XIV вв. —. Вопрос о церковной унии в XI—XIV вв. —. Начало соборного движения. Пизанский собор —. Констанцский собор —. Базельский собор —. Вопрос о церковной унии на Базельском и Флорентийском соборах —. Светские конгрессы в XV в. —. Зарождение науки международного права —.

8. Дипломатия в Китае в средние века (доц. *Симоновская Л. В.*) 217

Китайская дипломатия эпохи южных и северных царств —. Дипломатия империй Суй и Тан —. Дипломатия Сунской династии —. Дипломатия минского времени —.

9. Дипломатия Индии в средние века (докт. ист. наук *Антонова К. А.)* 224

Раздел третий

ДИПЛОМАТИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI—XVIII вв.)

Введение 231

Глава первая. **Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI—XVIII вв.** (акад. *Сказкин С. Д.*) 236

Политическая карта Европы в XVI в. —. «Государственный интерес» как принцип политики —. Органы внешней политики и дипломатии в XVI—XVIII вв. Дипломатическая служба в этот период —. Зарождение науки международного права —. Быт и нравы дипломатов XVI—XVIII вв. —. Периодизация дипломатической истории XVI—XVIII вв. и основные линии внешней политики и дипломатии европейских государств —,

Глава вторая. **Дипломатия в XVI в.** (член-корр. АН СССР *Бахрушин С. В.* и акад. *Сказкин С. Д.*) 251

1. Дипломатия Испании, Франции и Англии в XVI в. . . . . —

Период испанского могущества в Европе. Испания Карла V и Филиппа II —. Франция XVI в. —. Английская дипломатия в XVI в.—.

2. Дипломатия Русского государства в конце XV и в XVI в. 261

Дипломатия Московского великого княжества при Иване III —. Дипломатия Ивана IV —.

Глава третья. **Дипломатия европейских государств в XVII в.** (член-корр. АН СССР *Бахрушин С. В.* и акад. *Сказкин С. Д.*) . . . 269

1. Время французской гегемонии в Европе в XVII в. . . . . —

Дипломатия Генриха IV —. Дипломатия Ришелье —. Тридцатилетняя война и Вестфальский мир —. Дипломатия Людовика XIV —. Войны Людовика XIV —. Нимвегенский мир —. Франко-голландское соперничество. Вильгельм III Оранский. Оксеншерна —.

2. Дипломатия английской буржуазной революции (1640—1660 гг.) 281

Дипломатия «Долгого парламента» —. Дипломатия Кромвеля —.

3. Международное положение Русского государства в XVII в. 291

Международное положение и дипломатия Русского государства в начале XVII в. —. Основные направления внешней политики Русского государства в XVII в. —. Дипломатические учреждения Русского государства —. Русские дипломаты XVII в. —. «Посольский обряд» —. Новые явления в дипломатии Русского государства XVII в. —.

Глава четвертая. **Дипломатия европейских государств в XVIII в.** (член-корр. АН СССР *Бахрушин С. В.* и акад. *Сказкин С. Д.*) 319

1. Война за испанское наследство и начало упадка международного значения Франции . . . . . —

Утрехтский мир —. Французская дипломатия при Людовике XV —. Война за польское наследство —. «Секрет короля» —.

2. Внешняя политика Англии в XVIII в. 326

Питт старший. — Политика Англии в Индии —.

3. Германия XVIII в. Австро-прусское соперничество 328

Война за австрийское наследство. Фридрих II как дипломат —. Семилетняя война и дипломатия Фридриха II —.

4. Дипломатия Российской империи в XVIII в. 335

Внешняя политика Петра I —. Дипломатические учреждения и методы дипломатической работы при Петре I —. Петр I как дипломат —. Внешняя политика России в период 1726—1755 гг. —. Семилетняя война —. Русская дипломатия при преемниках Петра I в борьбе с западноевропейской дипломатией —. Дипломатия Екатерины II —. Дипломатические методы Екатерины II —. Дипломатические учреждения России 1726—1796 гг. —.

Раздел четвертый

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871 гг.)

Введение 373

Глава первая. **Дипломатия американской буржуазной республики (1775—1794 гг.)** (член-корр. АН СССР *Ефимов А. В.*) 382

Отделение 13-ти американских колоний от Англии. Декларация независимости —. Комитет для секретной корреспонденции (1775—1777 гг.) —. Миссия Сайласа Дина —. Вениамин Франклин — амери-

канский посол во Франции —. Помощь французского правительства американским колониям —. Заключение союзного и торгового договора между Францией и Соединенными Штатами (6 февраля 1778 г.) —. Попытки конгресса завязать дипломатические отношения с рядом европейских государств —. Миссия Дейна —. Вступление Франции и Испании в войну против Англии (1778—1779 гг.) —. Вооруженный нейтралитет 1780 г. —. Мирные переговоры —. Деятельность французского посла Женэ в Америке (1793—1794 гг.) —. Взаимоотношения Англии и Соединенных Штатов после войны за независимость. Англо-американский договор 1794 г. —.

Глава вторая. **Европейская дипломатия в годы французской буржуазной революции (1789—1794 гг.)** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 404

1. Буржуазия и дипломатия французской монархии накануне революции . . . . . —

Буржуазия и дипломатия абсолютных монархий XVI—XVIII вв. —. Кризис дипломатии французского абсолютизма к 1789 г. —. Критика дипломатии абсолютных монархий XVIII в. идеологами буржуазии —.

2. Французская революция и европейская дипломатия в период Учредительного и Законодательного собраний 410

Французская дипломатия в период Национального учредительного собрания —. Европейская дипломатия в 1789—1792 гг. Уильям Питт младший —. Дипломатия царского правительства в 1789 г. —. Леопольд II и Бельгия. План Герцберга и союз Пруссии с Польшей в 1790 г. —. Рейхенбахские соглашения 27 июля 1790 г. —. Восточный кризис 1791 г. Неудача Питта и успех Екатерины II —. Неудачная попытка бегства Людовика XVI и образование контрреволюционной коалиции —. Идея европейского конгресса для интервенции во французские дела (1791 г.) —. Русско-шведские планы и французские эмигранты —. Австро-прусский союз против Франции (7 февраля 1792 г.) —. Французская дипломатия при Законодательном собрании (с осени 1791 г. до 10 августа 1792 г.) —.

3. Французская дипломатия и европейские державы от свержения монархии во Франции до установления якобинской диктатуры 433

Дипломатия жирондистов в период Конвента, с сентября 1792 г. до апреля 1793 г. —. Уильям Питт и расширение контрреволюционной коалиции —. Планы расчленения и ограбления Франции —. Второй раздел Польши (1793 г.) —. Поражение Франции и дипломатия Дантона —.

4. Дипломатия якобинской диктатуры 440

Дантонисты и дипломатия во время якобинской диктатуры —. Шпионско-диверсионная агентура коалиции во Франции —. Эбертисты, Клоотц и дипломатия —. Робеспьер и дипломатия Комитета общественного спасения с осени 1793 г. до переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) —. Организация якобинской дипломатии —. Роль завоевательных стремлений французской буржуазии в подготовке переворота 9 термидора —.

Глава третья. **Дипломатия в годы термидорианской реакции и Директории (1794—1799 гг.)** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 450

1. Годы термидорианской реакции (1794—1795 гг.) . . . . . —

Военное преобладание Франции в Европе и дипломатия термидорианской реакции —. Третий раздел Польши в 1795 г. —. Англо-русско-австрийский союз 1795 г. —.

2. Дипломатия в годы Директории (1795—1799 гг.) 453

Внешняя политика Директории —. Восстановление министерства иностранных дел. Дипломатия генералов —. Талейран и Бонапарт —. 2-я коалиция и переворот 18 брюмера —.

Глава четвертая. **Дипломатические отношения в годы консульства и империи** (проф. *Кан С. Б.*) 459

Наполеон Бонапарт — дипломат. Завоевательный характер наполеоновских войн —. Окончание войн 2-й коалиции. Амьенский

мир —. Новый разрыв между Францией и Англией —. Англо-русский союз и создание 3-й коалиции —. Разгром 3-й коалиции и его последствия —. Притязания Наполеона на страны Ближнего и Среднего Востока —. Создание 4-й коалиции. Разгром Пруссии под Иеной и Ауэрштедтом —. Провозглашение континентальной блокады Англии (21 ноября 1806 г.) —. Тильзитский мир и заключение союза между Францией и Россией —. Тильзитский мир и русское общество. Первые противоречия в франко-русском союзе —. Нарастание сопротивления Наполеону в покоренных странах. Эрфуртское свидание и укрепление политических позиций России —. 5-я коалиция и новый разгром Австрии. Причины военных и дипломатических успехов Наполеона в 1800 — 1809 гг. —. Причины войны 1812 г. —. Дипломатическая подготовка войны между Россией и Францией —. Начало Отечественной войны 1812 г. —. Дипломатическая деятельность Франции и России во время войны 1812 г. —. Создание 6-й коалиции. Превращение освободительной войны против французского завоевателя в несправедливую, грабительскую —. Вступление союзных войск во Францию. Шомонский трактат —. Крушение наполеоновской империи. Первый Парижский мир и реставрация Бурбонов —.

Глава пятая. **Венский конгресс (октябрь 1814 г. — июнь 1815 г.)** (акад. *Тарле Е. В.*) 493

Отношение Александра I к основным участникам конгресса —. Выступление Талейрана —. Принцип легитимизма —. Польско-саксонский вопрос —. Тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии (3 января 1815 г.) —. Организация Германского союза (1815 г.) —. «Сто дней» (20 марта — 28 июня 1815 г.) —. Решения Венского конгресса —. Непрочность результатов Венского конгресса —.

Глава шестая. **Дипломатия США с конца XVIII в. до провозглашения «доктрины Монро» в 1823 г.** (член-корр. АН СССР *Ефимов А. В.*) 505

Американская дипломатия и Франция в 90-х годах XVIII в. —. «Добывание» Луизианы Соединенными Штатами —. Характерные черты американской дипломатии первых десятилетий XIX в. —. Война США против Англии в 1812—1814 гг. —. Политика США в отношении соседних государств. Захват Восточной Флориды —. Позиция Соединенных Штатов в южноамериканском вопросе и «доктрина Монро» —. Дальнейшая экспансия США —.

Глава седьмая. **От создания Священного союза до Июльской революции (1815—1830 гг.)** (член-корр. АН СССР *Ефимов А. В.* и акад. *Тарле Е. В.*) 526

Священный союз —. Внутренние противоречия в Священном союзе —. Конгрессы в Троппау (Тропаве) и Лайбахе (Люблянах) (1820—21 гг.) —.

1. Начало разложения Священного союза 530

Каннинг —. Поворот во внешней политике Англии в 1822 г. —. Веронский конгресс (1822 г.) —. Европейские державы и Латинская Америка —. Греческая проблема —.

2. Сближение России с Англией и Францией и дальнейший развал Священного союза 536

Николай I как дипломат —. Сближение царской России с правительствами Англии и Франции —. Миссия Веллингтона в Петербурге —. Образование коалиции трех держав против Турции —.

3. Русско-турецкая война 542

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. —. Адрианопольский мир 14(2) сентября 1829 г. —.

Глава восьмая. **От Июльской революции во Франции до революционных переворотов в Европе (1830—1848 гг.)** (акад. *Тарле Е. В.*) 545

1. Отношение царского правительства к Июльской революции —

2. Позиция великих держав в вопросе о польском восстании 547

Польское восстание 1830—1831 гг. —. Отношение английского и французского правительств к польскому восстанию —. Попытка дипломатического вмешательства Англии и Франции в польский вопрос —.

3. Бельгийская революция и великие державы 551

4. Ункиар-Искелесский договор России с Турцией и противоречия великих держав в восточном вопросе 552

Турецко-египетский конфликт и позиция великих держав (1832—1833 гг.) —. Ункиар-Искелесский договор (8 июля 1833 г.) —. Пальмерстон —. Сбострение англо-русских противоречий после Ункиар-Искелесского договора —. Съезд монархов в Мюнхенгреце (1833 г.) —. Два течения в Англии в отношении восточного вопроса —. Восточный вопрос в 1840—1847 гг. —.

Глава девятая. **Европейская дипломатия во время революций 1848—1849 гг.** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 565

Влияние революций 1848—1849 гг. на европейскую дипломатию —. Дипломатия Временного правительства после Февральской революции во Франции —. Дипломатия европейских правительств и Февральская революция —. Влияние мартовских революций в Австрии и Пруссии на русско-французские дипломатические отношения —. Европейская дипломатия и польское освободительное движение в 1848 г. —. Отношение европейских правительств к политике Пруссии в шлезвиг-голштинском вопросе и к проблеме объединения Германии в 1848 г. —. Позиция основоположников марксизма по вопросу о революционной войне в Германии в 1848—1849 гг. —. Англо-французское посредничество между Австрией и Сардинией. Проект европейского дипломатического конгресса по итальянским делам —. Николай I и контрреволюция в Австрии и Пруссии в 1848 г. —. Европейские державы и Пруссия во время революционного подъема в Южной Германии весной 1849 г. —. Европейская дипломатия и французская интервенция в Риме. Миссия Лессепса —. Внешняя политика революционной Венгрии и дипломатия западных держав —. Царская дипломатия в связи с интервенцией и подавлением революции в Венгрии —. Восточный вопрос в 1848—1849 гг. и Балта-Лиманская конвенция —. Конфликт по поводу венгерских и польских эмигрантов в Турции в 1849 г. —. Дипломатическое вмешательство держав в австро-прусский конфликт и восстановление Германского союза —. Итоги развития международных отношений и дипломатия в 1848—1850 гг. —.

Глава десятая. **Дипломатия в Индии, на Среднем Востоке и в Китае в конце XVIII и в первой половине XIX в.** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 594

1. Роль дипломатии в британском завоевании и колониальном угнетении Индии 596

Дипломатия Ост-Индской компании при Клайве —. Дипломатия Ост-Индской компании при Гастингсе —. Дипломатия государства Майсор во время войн его с Англией (1767—1799 гг.) —. Субсидиарные договоры с Аудом и маратхскими княжествами —. Методы британской дипломатии при дальнейших завоеваниях Ост-Индской компании в Индии и Бирме в 1815—1848 гг. —.

2. Дипломатическая борьба в Иране, Афганистане и Средней Азии в первой половине XIX в. 606

Миссия Малькольма и англо-иранские договоры 1801 г. Начало русско-иранской войны 1804—1813 гг. —, Миссия Жобера. Финкен-

штейнский договор 1807 г. —. Англо-французская дипломатическая борьба в Иране в 1807—1811 гг. Миссии Гардана и Джонса —. Гулистанский мир 1813 г. и британская дипломатия —. Англия и новая русско-иранская война. Туркманчайский мир 1828 г. —. Гератский вопрос в 1838 г. —. Британская дипломатия во время англо-афганской войны 1839—1842 гг. —. Русские и английские миссии в среднеазиатских ханствах в первой половине XIX в. —.

3. Капиталистические державы и Китай 619

Политика самоизоляции Китая и дипломатия Цинской династии —. Причины и развязывание первой опиумной войны 1838—1842 гг. —. Дипломатия Англии и цинского правительства от начала войны до перемирия в Кантоне (31 мая 1841 г.) —.
Поражение цинского правительства и Нанкинский договор (29 августа 1842 г.) —. Экспансия США на Тихом океане и неравноправный договор США с Китаем в 1844 г. —. Экспансия Франции в Юго-Восточной Азии. Миссия Лагрене и договор 1844 г. между Францией и Китаем —. Последствия неравноправных договоров капиталистических держав с Китаем в 40-х годах XIX в. —.

4. Русско-китайские дипломатические отношения до середины XIX в. 633

Русско-китайские дипломатические отношения в XVIII в. —. Русско-китайские дипломатические отношения в начале XIX в. Миссия Головкина —. Общее направление политики России в отношении Китая в 30—40-х годах XIX в. —. Кульджинский торговый договор 1851 г. между Китаем и Россией —.

5. Изоляция Японии и Кореи 639

Безрезультатность попыток западных держав и царской России установить торговые и дипломатические отношения с Японией в первой половине XIX в. —. Изолированность Кореи —.

Глава одиннадцатая. **Европейская дипломатия в годы Крымской войны и Парижский мир** (акад. *Тарле Е. В.*) 642

1. Международная ситуация накануне Крымской войны . . . —

Обострение восточного вопроса после революций 1848—1849 гг. —. Переговоры о разделе Турции —. Русско-французские трения в Турции —.

2. Русско-турецкий конфликт 1853 г. и позиция великих держав 646

Миссия князя А. С. Меншикова в Турции —. Контрманевры английского посла в Константинополе —. Занятие русскими войсками дунайских княжеств —. Позиция Франции в русско-турецком конфликте —. Позиция Австрии в русско-турецком конфликте —. Позиция Пруссии в русско-турецком конфликте —. «Венская нота» —. Объявление Турцией войны России —.

3. Вступление Англии и Франции в войну против России . . 652

4. Дипломатическая деятельность великих держав во время Крымской войны 655

Проект ослабления и расчленения России, выдвинутый Пальмерстоном —. Миссия А. Ф. Орлова в Вене —. Позиция Пруссии во время Крымской войны —. «Четыре пункта» Наполеона III (18 июля 1854 г.) —. Позиция Швеции —. Выступление австрийской дипломатии —.

5. Парижский конгресс 1856 г. 663

Тайные переговоры Наполеона III с Александром II о мире —. Австрийский ультиматум России —. Позиция Франции на Парижском конгрессе —. Позиция Англии на конгрессе —. Условия мира —.

Глава двенадцатая. **Дипломатия США в 40—60-х годах XIX в. и в период гражданской войны** (член-корр. АН СССР *Ефимов А. В.*) 670

1. Дипломатия США в 40—50-х годах XIX в. . . . . —

Аннексия Техаса —. Дипломатические отношения США с Мексикой и война 1846—1848 гг. —. Уничтожение кондоминиума в Орегоне. Попытки экспансии США в Вест-Индии и Центральной Америке —.

2. Дипломатия периода гражданской войны 678

Надежды рабовладельцев на интервенцию Англии и Франции —. Начало войны —. Интервенция Англии, Франции и Испании в Мексике —. Инцидент с «Трентом» (1861 г.) —. Выступления английских рабочих против поддержки южан —. Позиция Франции —. Отмена рабства (1863 г.) —. Позиция России —. Захватническая политика республиканской партии после гражданской войны —.

Глава тринадцатая. **Европейская дипломатия от Парижского мира до войны Пруссии и Австрии с Данией (1856—1863 гг.)** (акад. *Тарле Е. В.*) 691

1. Русская дипломатия после Парижского мира. Дипломатия второй империи во Франции . . . . . —

А. М. Горчаков как дипломат —. Сближение Франции и России —. Ухудшение англо-французских отношений —. Отношение государств Германского союза к Австрии —. Пломбьерское свидание (20 июля 1858 г.) и франко-русское соглашение (1859 г.) —. Война Франции и Италии с Австрией. Виллафранкское перемирие (1859 г.) —. Двойственная роль России в деле итальянского объединения —. Влияние завоеваний Франции в Индо-Китае на англо-французские отношения —. Неудачная попытка Наполеона III утвердиться в Сирии —. Начало мексиканской авантюры Наполеона III —.

2. Дипломатическая деятельность великих держав в связи с польским восстанием 1863 г. 702

Бисмарк как дипломат —. Позиция Пруссии в отношении польского восстания (1863 г.) —. Выступление Франции, Австрии и Англии по вопросу о польском восстании 1863 г. —. Отказ Англии от вмешательства в польские дела —.

Глава четырнадцатая. **Дипломатия Бисмарка в годы войны с Данией и Австрией (1864—1866 гг.)** (акад. *Тарле Е. В.*) . 711

1. Прусско-датский конфликт из-за Шлезвиг-Голштинии . . . —

Вопрос о владении Шлезвиг-Голштинией после смерти Фридриха VII —. Позиция России —. Позиция Англии, Франции и Австрии —. Соглашение между Австрией и Пруссией —. Отношение великих держав к прусско-датской войне —. Условия мира с Данией —.

2. Австро-прусская война 716

Конфликт между Пруссией и Австрией из-за Шлезвиг-Голштинии —. Гаштейнская конвенция (14 августа 1865 г.) —. Александр II, Горчаков и вопрос объединения Германии —. Свидание Бисмарка с Наполеоном III в Биаррице (1864 г.) —. Подготовка Пруссии к войне —. Вмешательство Наполеона III в дипломатические переговоры Бисмарка —. Австро-прусская война —. Никольсбургское перемирие (26 июля 1866 г.) —.

Глава пятнадцатая. **Дипломатическая подготовка франко-прусской войны (1867—1870 гг.)** (акад. *Тарле Е. В.*) 726

Роль Пруссии в Северогерманском союзе после Пражского мира —. Отношение Англии к Пруссии —. Отношения между Россией и Пруссией —. Отношения между Францией и Пруссией —. Французские требования к Пруссии о компенсации за нейтралитет —. Меморандум Друэн де Люиса —. Переговоры Бенедетти с Бисмарком —.

Недовольство Англии требованиями Франции —. Перспективы будущей франко-прусской войны —. Люксембургский вопрос —. Позиция России. Конференция держав в Лондоне в мае 1867 г. —. Неудача мексиканской авантюры Наполеона III (1867 г.) —. Дипломатическая ситуация накануне франко-прусской войны —. Внешнее и внутреннее положение Франции накануне франко-прусской войны —. Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанский престол —. Переговоры Бенедетти с Вильгельмом I в Эмсе —. Совещание у Наполеона III 12 июля 1870 г. —. Требование Наполеона III к Вильгельму I —. «Эмсская депеша» Бисмарка —. Недовольство Александра II поведением Наполеона III —.

Глава шестнадцатая. **Франко-прусская война и Франкфуртский мир (1870—1871 гг.)** (член-корр. АН СССР *Хвостов В. М.*) . . 742

Позиции России, Австро-Венгрии и Италии во время франко-прусской войны —. Отмена нейтрализации Черного моря —. Заключение прелиминарного мирного договора в Версале —. Парижская коммуна и международная дипломатия —. Франкфуртский мир —.

Глава семнадцатая. **Дипломатия на Дальнем Востоке в 50—60-х годах XIX в.** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 759

Расширение функций дипломатии как орудия колониальной политики капиталистических держав в Восточной Азии —. Основное направление дипломатии феодальных правительств стран Восточной Азии. Влияние народных движений на дипломатию —.

1. Принудительное вовлечение Японии в дипломатические и торговые отношения с капиталистическими странами . . . 761

Переговоры Перри с сёгунским правительством и заключение Канагавского договора 1854 г. между США и Японией —. Заключение англо-японской конвенции 1854 г. —. Миссия Путятина в Японию —.

2. Дипломатия на Дальнем Востоке во время второй опиумной войны 1856—1858 гг. 767

Вопрос о пересмотре неравноправных договоров с Китаем в 1853—1854 гг. —. Британская дипломатия во время второй англо-бирманской войны 1852—1853 гг. —. Неравноправные договоры с Сиамом (Таи) в 1855—1856 гг. —. Дипломатия капиталистических держав и начало крестьянской войны в Китае. Учреждение иностранной инспекции морской таможни в Шанхае (1854 г.) —. Дипломатическая подготовка второй опиумной войны 1856—1858 гг. —. Айгунский договор 28 мая 1858 г. между Россией и Китаем —. Дипломатия цинского правительства и тяньцзиньские договоры 1858 г. —. Дипломатия сёгунского правительства. Заключение неравноправных договоров с Японией в 1857—1858 гг. —.

3. Дипломатия на Дальнем Востоке во время третьей опиумной войны 1860 г. и интервенция против тайпинского восстания 781

Роль английской и французской дипломатии в провоцировании новой войны с Китаем в 1859 г. —. Дипломатия Англии, Франции и позиция цинского правительства во время войны 1860 г. в Китае —. Миссия Игнатьева и русско-китайский Пекинский договор 1860 г. —. Дипломатическая подготовка интервенции Англии, Франции и США против тайпинского восстания. Позиция царской России —.

4. Дипломатия на Дальнем Востоке от подавления тайпинского восстания до конца 60-х годов XIX в. 795

Усиление зависимости Китая от капиталистических государств в результате опиумных войн и подавления тайпинского восстания —. Дипломатия США в Китае и так называемый «Берлингемов договор» 1868 г. —. Дипломатические отношения между Китаем и Россией в 60-х годах —. Дипломатия Англии и России в связи с восстаниями на западных окраинах Китая в 60-х годах XIX в. —. Дипломатия капиталистических держав и сёгунского правительства в Японии в 60-х годах —. Дипломатические отношения США и России в связи с экспансией США на Тихом океане в 60-х годах XIX в. —. Дипломатия капиталистических держав и Корея в 60-х годах XIX в. —.

Глава восемнадцатая. **Дипломатия на Среднем Востоке в 50—60-х годах XIX в.** (проф. *Нарочницкий А. Л.*) 811

Дипломатическая борьба в Иране во время Крымской войны —. Дипломатия Афганистана при эмире Дост Мохаммеде и англо-афганский неравноправный договор 1855 г. —. Дипломатическая подготовка и ход англо-иранской войны 1856—1857 гг. —. Парижский мирный договор между Англией и Ираном 4 марта 1857 г. —. Проникновение английских и турецких агентов в среднеазиатские ханства в 50-х годах —. Влияние противоречий между среднеазиатскими ханствами на их дипломатию —. Миссия Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1857 г. —. Английская дипломатия и восстание 1857—1859 гг. в Индии. Роль дипломатии царского правительства в завоевании Средней Азии в 60-х годах —. Британская дипломатия в Афганистане в 60-х годах —. Англо-русские переговоры по среднеазиатским делам в 1869 г. —.

Библиография 824

Указатель имен 866

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ, т. I

Редакторы *И. Динерштейн, Н. Алентьева*

Художник *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

* * *

Сдано в набор 11 ноября 1958 г. Подписано в печать 30 декабря 1959 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Физ. печ. л. 56. Условн. печ. л. 56. Учетно-изд. л. 58,29. Тираж 70 тыс. экз. А 11115. Заказ № 463. Цена 15 руб.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	2 снизу	Т. Т. Пашуто	В. Т. Пашуто
395	5 снизу	послание через	копию послания Парижскому двору через
613	3 сверху	томанов	туманов
773	16 сверху	Ангунский	Айгунский

15 руб.

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1959